
SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650
CHRISTO ET ECCLESIAE
The Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.
6 Oct. 1879.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1877-мъ году.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1877-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

Подписная цѣна—на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе:	15 р. 50 коп. безъ доставки. 16 „ — „ съ доставкою на домъ.
Иногородные:	17 „ — „ съ пересылкою.
Иностранные:	19 р.—вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты. 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

☞ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☜

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

ИНОСТРАННЫЕ ПОЭТЫ

въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Спб. 1876. Цѣна 1 руб. 25 коп.

ПОЖАРНАЯ КНИГА.

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—въ. Спб. 1875. По уменьшенной цѣнѣ 1 руб. 25 коп. вмѣсто 3-хъ рублей.

НАТАНЪ МУДРЫЙ.

Драматическое стихотвореніе Лессинга. Перев. В. Крыловъ. Спб. 1875. Цѣна 2 рубля въ бумажкѣ; 3 руб. въ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ и портретомъ Лессинга.

РУССКАЯ БИБЛІОТЕКА

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

I. А. С. Пушкинъ.—II. М. Ю. Лермонтовъ.—III. Н. В. Гоголь.
IV. В. А. Жуковскій.—V. А. С. Грибоѣдовъ.—VI. И. С. Тургеневъ.

Съ портретами, біографическими очерками и критическимъ отзывомъ Бѣлинскаго объ умершихъ писателяхъ.

75 коп. въ бумажкѣ, и 1 руб. въ англійскомъ переплетѣ—каждая книга.

Всѣ шесть томовъ—4 руб. 60 коп. въ бумагѣ, и 6 руб. въ англійскомъ переплетѣ; съ пересылкою 6 руб. въ бумажкѣ, и 7 руб. 50 коп. въ англійскомъ переплетѣ.

Въ непродолжительномъ времени выйдетъ седьмой томъ:

Н. А. Некрасовъ.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ

М. Стасюлевича. Спб. 1863—65. Первый томъ распроданъ. Послѣдніе два тома: 5 руб.

НИЦЦА

ЕЯ КЛИМАТЪ, МѢСТОПОЛОЖЕНІЕ, ЖИЗНЬ.

Сочиненіе В. Тушева. Спб. 1876. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

У СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.

А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Иногородные прилагаютъ за пересылку по почтѣ 10% со стоимости книги, въ круглыхъ цифрахъ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ I.

ГОДЪ XLI. — ТОМЪ CCXXXVII. — 1/13 ЯНВАРЯ, 1877.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1877

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ I

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Галерная, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Островѣ, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1877

(275)

НОВЬ

РОМАНЪ

„Поднимать слѣдуетъ новь не поверхностно „скользящей сохой, но глубоко забирающимъ „плугомъ".

Изъ записокъ хозяина-агронома.

I.

Весною 1868 года, часу въ первомъ дня, въ Петербургѣ, взбирался по черной лѣстницѣ пятиэтажнаго дома въ Офицерской улицѣ человѣкъ лѣтъ двадцати-семи, небрежно и бѣдно одѣтый. Тяжело шлёпая стоптанными калошами, медленно покачивая грузное, неуклюжее тѣло, человѣкъ этотъ достигнулъ наконецъ самаго верха лѣстницы, остановился передъ оборванной полураскрытой дверью—и, не позвонивъ въ колокольчикъ, а только шумно вздохнувъ, ввалился въ небольшую темную переднюю.

— Неждановъ дома? — крикнулъ онъ густымъ и громкимъ голосомъ.

— Его нѣтъ—я здѣсь, войдите,—раздался въ сосѣдней комнатѣ другой, тоже довольно грубоватый женскій голосъ.

— Машурина? — переспросилъ новоприбывшій.

— Она самая и есть.—А вы—Остродумовъ?

— Пименъ Остродумовъ,—отвѣчалъ тотъ, и старательно снявъ сперва калоши, а потомъ повѣсивъ на гвоздь ветхую шинелишку, вошелъ въ комнату, откуда раздался женскій голосъ.

Низкая, неопрятная, со стѣнами выкрашенными мутно-зеленой

краской, комната эта едва освѣщалась двумя запыленными окошками. Только и было въ ней мебели, что желѣзная кроватка въ углу, да столъ по серединѣ, да нѣсколько стульевъ, да этажерка, заваленная книгами. — Возлѣ стола сидѣла женщина лѣтъ тридцати, простоволосая, въ темной широкой блузѣ, и курила папиросу. Увидѣвъ вошедшаго Остродумова, она молча подала ему свою широкую красную руку. Тотъ такъ же молча пожалъ ее — и, опустившись на стулъ, досталъ изъ бокового кармана полусломанную сигару. Машурина дала ему огня — онъ закурилъ, и оба, не говоря ни слова и даже не мѣняясь взглядами, принялись пускать струйки синеватаго дыма въ тусклый воздухъ комнаты, уже безъ того достаточно пропитанный имъ.

Въ обоихъ курильщикахъ было нѣчто общее, хотя чертами лица они не походили другъ на друга. Въ обѣихъ этихъ неряшливыхъ фигурахъ съ крупными губами, зубами, носами (Остродумовъ къ тому-же еще былъ рябъ), сказывалось что-то честное, и стойкое, и трудолюбивое.

— Видѣли вы Нежданова? — спросилъ наконецъ Остродумовъ.

— Видѣла; онъ сейчасъ придетъ. Книги въ библіотеку понесъ.

Остродумовъ сплюнулъ въ сторону.

— Что это онъ все бѣгать сталъ? Никакъ его не поймаешь.

Машурина достала другую папиросу.

— Скучаетъ, — промолвила она, тщательно ее разжигая.

— Скучаетъ! — повторилъ съ укоризной Остродумовъ. — Вотъ баловство! Подумаешь, занятій у насъ съ нимъ нѣту. Тутъ, дай Богъ всѣ дѣла обломать какъ слѣдуетъ — а онъ скучаетъ!

— Письмо изъ Москвы пришло? — спросила Машурина погодя немного.

— Пришло... третьяго дня.

— Вы читали?

Остродумовъ только головой качнулъ.

— Ну... и что же?

— Что́? — Скоро ѣхать надо будетъ.

Машурина вынула папиросу изо рта. — Это отчего же? Тамъ, слышно, идетъ все хорошо.

— Идетъ, своимъ порядкомъ. Только человѣчекъ одинъ подвернулся ненадежный. Такъ вотъ... смѣстить его надо; а не то и вовсе устранить. Да и другія есть дѣла. — Васъ тоже зовутъ.

— Въ письмѣ?

— Да; въ письмѣ.

Машурина встряхнула своими тяжелыми волосами. Небрежно скрученные сзади въ небольшую косу, они спереди падали ей на лобъ и на брови.

— Ну, что-жъ!—промолвила она:—коли выдетъ распоряженіе—разсуждать тутъ нечего!

— Извѣстно, нечего. Только безъ денегъ никакъ нельзя; а гдѣ ихъ взять, самыя эти деньги?

Машурина задумалась.

— Неждановъ долженъ достать,—проговорила она вполголоса, словно про себя.

— Я за этимъ самымъ и пришелъ, — замѣтилъ Остродумовъ.

— Письмо съ вами?—спросила вдругъ Машурина.

— Со мной. Хотите прочесть?

— Дайте... или нѣтъ, не нужно. Вмѣстѣ прочтемъ... послѣ.

— Вѣрно говорю,—пробурчалъ Остродумовъ: — не сомнѣвайтесь.

— Да я и не сомнѣваюсь.

И оба затихли опять, и только струйки дыма по прежнему бѣжали изъ ихъ безмолвныхъ устъ и поднимались, слабо змѣясь, надъ ихъ волосистыми головами.

Въ передней раздался стукъ калошъ.

— Вотъ онъ!—шепнула Машурина.

Дверь слегка пріотворилась, и въ отверстіе просунулась голова—но только не голова Нежданова.

То была круглая головка съ черными, жосткими волосами, съ широкимъ, морщинистымъ лбомъ, съ карими, очень живыми глазками подъ густыми бровями, съ утинымъ, кверху вздернутымъ носомъ и маленькимъ, розовымъ, забавно-сложеннымъ ртомъ. Головка эта осмотрѣлась, закивала, засмѣялась—причемъ выказала множество крошечныхъ бѣлыхъ зубковъ—и вошла въ комнату вмѣстѣ со своимъ тщедушнымъ туловищемъ, короткими ручками и немного кривыми, немного хромыми ножками. И Машурина, и Остродумовъ,—какъ только увидали эту головку, оба выразили на лицахъ своихъ нѣчто въ родѣ снисходительнаго презрѣнія, точно каждый изъ нихъ внутренно произнесъ: «А! *этотъ*». И не проронили ни единаго слова, даже не пошевельнулись. Впрочемъ, оказанный ему пріемъ не только не смутилъ ново-появившагося гостя, но, кажется, доставилъ ему нѣкоторое удовлетвореніе.

— Что сіе означаетъ?—произнесъ онъ пискливымъ голоскомъ.—Дуэтъ? Отчего же не тріо? И гдѣ же главный теноръ?

— Вы это о Неждановѣ любопытствуете, г-нъ Паклинъ?—проговорилъ съ серьёзнымъ видомъ Остродумовъ.

— Точно такъ, г-нъ Остродумовъ: о немъ.

— Онъ вѣроятно скоро прибудетъ, г-нъ Паклинъ.

— Это очень пріятно слышать, г-нъ Остродумовъ.

Хроменькій человѣкъ обратился къ Машуриной. Она сидѣла, насупившись — и продолжала, не спѣша, попыхивать изъ папироски.

— Какъ вы поживаете, любезнѣйшая... любезнѣйшая... Вѣдь вотъ какъ это досадно! Всегда я забываю, какъ васъ по имени и по отчеству!

Машурина пожала плечами.

— И совсѣмъ это не нужно знать! Вамъ моя фамилія извѣстна. Чего же больше! — И что за вопросъ: какъ вы поживаете?—Развѣ вы не видите, что я живу?

— Совершенно, совершенно справедливо!—воскликнулъ Паклинъ, раздувая ноздри и подергивая бровями: — не были бы вы живы—вашъ покорный слуга не имѣлъ бы удовольствія васъ здѣсь видѣть и бесѣдовать съ вами! — Припишите мой вопросъ застарѣлой дурной привычкѣ. Вотъ и на счетъ имени и отчества... Знаете: какъ-то неловко говорить прямо: Машурина! — Мнѣ, правда, извѣстно, что вы и подъ письмами вашими иначе не подписываетесь какъ: Бонапартъ!—тò-бишь: Машурина!—Но все-таки, въ разговорѣ...

— Да кто васъ проситъ со мной разговаривать?

Паклинъ засмѣялся нервически, какъ-бы захлёбываясь.

— Ну, полноте, милая, голубушка, дайте вашу руку, не сердитесь—вѣдь я знаю: вы предобрая—и я тоже добрый... Ну?..

Паклинъ протянулъ руку... Машурина посмотрѣла на него мрачно—однако подала ему свою.

— Если вамъ непремѣнно нужно знать мое имя,—промолвила она все съ тѣмъ же мрачнымъ видомъ—извольте: меня зовутъ Ѳеклой.

— А меня—Пименомъ, прибавилъ басомъ Остродумовъ.

— Ахъ! это очень-очень поучительно! Но въ такомъ случаѣ скажите мнѣ, о, Ѳекла! и вы, о, Пименъ! скажите мнѣ, отчего вы оба такъ недружелюбно, такъ постоянно-недружелюбно относитесь ко мнѣ, между тѣмъ какъ я...

— Машурина находитъ,—перебилъ Остродумовъ—и не она

одна это находитъ—что, такъ какъ вы на всѣ предметы смотрите съ ихъ смѣшной стороны, то и положиться на васъ нельзя.

Паклинъ круто повернулся на каблукахъ.

— Вотъ она, вотъ постоянная ошибка людей, которые обо мнѣ судятъ, почтеннѣйшій Пименъ! Во-первыхъ: я не всегда смѣюсь; а во-вторыхъ—это ничему не мѣшаетъ и положиться на меня можно, чтó и доказывается лестнымъ довѣріемъ, которымъ я не разъ пользовался въ вашихъ же рядахъ! Я честный человѣкъ, почтеннѣйшій Пименъ!

Остродумовъ промычалъ что-то сквозь зубы, а Паклинъ покачалъ головою и повторилъ, уже безъ всякой улыбки:

— Нѣтъ! я не всегда смѣюсь! Я вовсе не веселый человѣкъ! Вы посмотрите-ка на меня!

Остродумовъ возвелъ на него глаза. — Дѣйствительно, когда Паклинъ не смѣялся, когда онъ молчалъ, лицо его принимало выраженіе почти унылое, почти запуганное: оно становилось забавнымъ и даже злымъ, какъ только онъ раскрывалъ ротъ. Остродумовъ однако ничего не сказалъ.

Паклинъ снова обратился къ Машуриной.

— Ну, а ученіе какъ подвигается? Дѣлаете вы успѣхи въ *вашемъ истинно*-человѣколюбивомъ искусствѣ? Чай, штука трудная—*помогать* неопытному гражданину при его первомъ вступленіи на свѣтъ божій?

— Ничего, труда нѣтъ, коли онъ не много больше васъ ростомъ,—отвѣтила Машурина, только-что сдавшая экзаменъ на повивальную бабушку—и самодовольно ухмыльнулась. Года полтора тому назадъ, она, бросивъ свою родную, дворянскую, небогатую семью въ южной Россіи, прибыла въ Петербургъ съ шестью цѣлковыми въ карманѣ; поступила въ родовспомогательное заведеніе и безустаннымъ трудомъ добилась желаннаго аттестата. Она была дѣвица... и очень цѣломудренная дѣвица. Дѣло не удивительное! скажетъ иной скептикъ, вспомнивъ то, чтó было сказано объ ея наружности. Дѣло удивительное и рѣдкое! позволимъ себѣ сказать мы.

Услышавъ ея отповѣдь, Паклинъ снова разсмѣялся.

— Вы молодецъ, моя милая! — воскликнулъ онъ. — Славно меня отбрили! По-дѣлóмъ мнѣ! Зачѣмъ я такимъ карликомъ остался! Однако, гдѣ же это пропадаетъ нашъ хозяинъ?

Паклинъ не бéзъ умысла перемѣнилъ предметъ разговора. Онъ никакъ не могъ помириться съ крохотнымъ своимъ ростомъ, со всей своей невзрачной фигуркой. Это было ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ страстно любилъ женщинъ. Чего бы онъ

не далъ, чтобъ нравиться имъ! Сознаніе своей мизерной наружности гораздо больнѣе грызло его, чѣмъ его низменное происхожденіе, чѣмъ незавидное положеніе его въ обществѣ. Отецъ Паклина былъ простой мѣщанинъ, дослужившійся всякими неправдами до чина титулярнаго совѣтника, ходокъ по тяжебнымъ дѣламъ, аферистъ. Онъ управлялъ имѣніями, домами, и зашибъ-таки копѣйку; но сильно пилъ подъ конецъ жизни и ничего не оставилъ послѣ своей смерти. Молодой Паклинъ (звали его: Сила, Сила Самсонычъ—что̀ онъ также считалъ насмѣшкой надъ собою) — воспитывался въ коммерческомъ училищѣ, гдѣ отлично выучился нѣмецкому языку. Послѣ различныхъ, довольно тяжелыхъ передрягъ, онъ попалъ, наконецъ, въ частную контору на 1500 р. с. годового содержанія. Этими деньгами онъ кормилъ себя, больную тётку, да горбатую сестру. Во время нашего разсказа ему только-что пошелъ 28-й годъ. Паклинъ знался со множествомъ студентовъ, молодыхъ людей, которымъ онъ нравился своей цинической бойкостью, веселой желчью самоувѣренной рѣчи, односторонней, но несомнѣнной начитанностью, безъ педантизма. Лишь изрѣдка ему доставалось отъ нихъ. Разъ онъ какъ-то опоздалъ на «политическую» сходку... Войдя, онъ тотчасъ началъ торопливо извиняться...—«Трусоватъ былъ Паклинъ, бѣдный»— запѣлъ кто-то въ углу—и всѣ расхохотались. Паклинъ наконецъ засмѣялся самъ, хоть и скребло у него на сердцѣ. «Правду сказалъ, мошенникъ!»,—подумалъ онъ про себя. Съ Неждановымъ онъ познакомился въ греческой кухмистерской, куда ходилъ обѣдать и гдѣ выражалъ подъ-часъ весьма свободныя и рѣзкія мнѣнія. Онъ увѣрялъ, что главной причиной его демократическаго настроенія была скверная греческая кухня, которая раздражала его печень.

— Да... именно... гдѣ пропадаетъ нашъ хозяинъ?—повторилъ Паклинъ.—Я замѣчаю: онъ съ нѣкоторыхъ поръ словно не въ духѣ. Ужъ не влюбленъ ли онъ, Боже сохрани!

Машурина нахмурилась.

— Онъ пошелъ въ библіотеку за книгами — а влюбляться ему некогда и не въ кого.

«А въ васъ?» чуть-было не сорвалось съ губъ у Паклина.

— Я потому желаю его видѣть,—промолвилъ онъ громко,— что мнѣ нужно переговорить съ нимъ по одному важному дѣлу.

— По какому это дѣлу?—вмѣшался Остродумовъ.—По нашему?

— А можетъ быть и по вашему... т.-е. по нашему, общему.

Остродумовъ хмыкнулъ. Въ душѣ онъ усомнился, но тутъ же подумалъ: «А чортъ его знаетъ! Вишь онъ какой пролазъ!»

— Да вотъ онъ идетъ наконецъ,—проговорила вдругъ Машурина—и въ ея маленькихъ некрасивыхъ глазахъ, устремленныхъ на дверь передней, промелькнуло что-то теплое и нѣжное, какое-то свѣтлое, глубокое, внутреннее пятнышко...

Дверь отворилась—и на этотъ разъ, съ картузомъ на головѣ, со связкой книгъ подъ мышкой, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-трехъ, самъ Неждановъ.

II.

При видѣ гостей, находившихся въ его комнатѣ, онъ остановился на порогѣ двери, обвелъ ихъ всѣхъ глазами, сбросилъ картузъ, уронилъ книги прямо на полъ — и молча, добравшись до кровати, прикорнулъ на ея краѣ. Его красивое, бѣлое лицо, казавшееся еще бѣлѣе отъ темнокраснаго цвѣта волнистыхъ рыжихъ волосъ, выражало неудовольствіе и досаду.

Машурина слегка отвернулась и закусила губу; Остродумовъ проворчалъ:

— Наконецъ-то!

Паклинъ первый приблизился къ Нежданову.

— Чтó съ тобой, Алексѣй Дмитріевичъ, россійскій Гамлетъ? Огорчилъ кто тебя? Или такъ—безъ причины—взгрустнулось?

— Перестань пожалуйста, россійскій Мефистофель,—отвѣчалъ раздраженно Неждановъ.—Мнѣ не до того, чтобы препираться съ тобою плоскими остротами.

Паклинъ засмѣялся.

— Ты неточно выражаешься: коли остро, такъ не плоско—коли плоско, такъ не остро.

— Ну, хорошо, хорошо... Ты, извѣстно, умница.

— А ты въ нервозномъ состояньи,—произнесъ съ разстановкою Паклинъ.—Али въ самомъ дѣлѣ чтó случилось?

— Ничего не случилось особеннаго;—а случилось то, что нельзя носу на улицу высунуть, въ этомъ гадкомъ городѣ, въ Петербургѣ, чтобъ не наткнуться на какую-нибудь пошлость, глупость, на безобразную несправедливость, на чепуху! Жить здѣсь больше невозможно.

— То-то ты въ газетахъ публиковалъ, что ищешь кондиціи и согласенъ на отъѣздъ,—проворчалъ опять Остродумовъ.

— И конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ уѣду отсюда! Лишь бы нашелся дуракъ—мѣсто предложилъ!

— Сперва надо *здѣсь* свою обязанность исполнить,—значи-

тельно проговорила Машурина, не переставая глядѣть въ сторону.

— То-есть? — спросилъ Неждановъ, круто обернувшись къ ней. Машурина стиснула губы.

— Вамъ Остродумовъ скажетъ.

Неждановъ обернулся къ Остродумову. Но тотъ только крякнулъ и откашлялся: — «погоди-молъ».

— Нѣтъ, не шутя, въ самомъ дѣлѣ, —вмѣшался Паклинъ: —ты узналъ что-нибудь, непріятность какую?

Неждановъ подскочилъ на постели, словно его что̀ подбросило.

— Какая тебѣ еще непріятность нужна?—закричалъ онъ внезапно зазвенѣвшимъ голосомъ.—Полъ-Россіи съ голода помираетъ, «Московскія Вѣдомости» торжествуютъ, классицизмъ хотятъ ввести, студенческія кассы запрещаются, вездѣ шпіонство, притѣсненія, доносы, ложь и фальшь—шагу намъ ступить некуда... а ему все мало, онъ ждетъ еще новой непріятности, онъ думаетъ, что я шучу... Басанова арестовали,—прибавилъ онъ, нѣсколько понизивъ тонъ:—мнѣ въ библіотекѣ сказывали.

Остродумовъ и Машурина оба разомъ приподняли головы.

— Любезный другъ, Алексѣй Дмитріевичъ,—началъ Паклинъ, — ты взволнованъ—дѣло понятное... Да развѣ ты забылъ, въ какое время и въ какой странѣ мы живемъ?—Вѣдь у насъ утопающій самъ долженъ сочинить ту соломинку, за которую ему приходится ухватиться!— Гдѣ ужъ тутъ миндальничать?! Надо, братъ, чорту въ глаза умѣть смотрѣть, а не раздражаться по-ребячьи...

— Ахъ, пожалуйста, пожалуйста! —перебилъ тоскливо Неждановъ, и даже сморщился, словно отъ боли.—Ты, извѣстное дѣло, энергическій мужчина—ты ничего и никого не боишься...

— Я-то никого не боюсь?!—началъ-было Паклинъ...

— Кто только могъ выдать Басанова?—продолжалъ Неждановъ,—не понимаю!

— А извѣстное дѣло—пріятель.—Они на это молодцы—пріятели-то. Съ ними держи ухо востро! Былъ у меня, напримѣръ, пріятель—и, казалось, хорошій человѣкъ: та̀къ обо мнѣ заботился, о моей репутаціи! Бывало, смотришь: идетъ ко мнѣ...—«Представьте», кричитъ: «какую объ васъ глупую клевету распустили: увѣряютъ, что вы вашего родного дядюшку отравили — что васъ ввели въ одинъ домъ, а вы сей часъ къ хозяйкѣ сѣли спиной—и такъ весь вечеръ и просидѣли! И ужъ плакала она, плакала отъ обиды!—Вѣдь этакая чепуха! этакая нелѣпица! Какіе дураки могутъ этому повѣрить!»—И что же? Годъ спустя, разсорился я

съ этимъ самымъ пріятелемъ... И пишетъ онъ мнѣ въ своемъ прощальномъ письмѣ: «Вы, который уморили своего дядю!—Вы, который не устыдились оскорбить почтенную даму, сѣвши къ ней спиной»!.. и т. д. и т. д.—Вотъ каковы пріятели!

Остродумовъ переглянулся съ Машуриной.

— Алексѣй Дмитріевичъ! — брякнулъ онъ своимъ тяжелымъ басомъ — онъ явно желалъ прекратить возникавшее безполезное словоизверженіе — отъ Василія Николаевича письмо изъ Москвы пришло.

Неждановъ слегка дрогнулъ и потупился.

— Чтó онъ пишетъ?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да вотъ... намъ вотъ съ ней... — Остродумовъ указалъ бровями на Машурину—ѣхать надо.

— Какъ? и ее зовутъ?

— Зовутъ и ее.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Да извѣстно зачѣмъ... за деньгами.

Неждановъ поднялся съ кровати и подошелъ къ окну.

— Много нужно?

— Пятьдесятъ рублей... Меньше нельзя.

Неждановъ помолчалъ.

— У меня теперь ихъ нѣтъ, — прошепталъ онъ наконецъ, постукивая пальцами по стеклу—но... я могу достать. Я достану. Письмо у тебя?

— Письмо-то? Оно...то-есть... конечно...

— Да что вы все отъ меня хоронитесь?—воскликнулъ Паклинъ.—Неужто я не заслужилъ вашего довѣрія?—Если бы я даже не вполнѣ сочувствовалъ... тому, чтó вы предпринимаете—неужто же вы полагаете, что я въ состояніи измѣнить или разболтать?

— Безъ умысла... пожалуй!—пробасилъ Остродумовъ.

— Ни съ умысломъ, ни безъ умысла!—Вотъ г-жа Машурина глядитъ на меня и улыбается... а я скажу...

— Я нисколько не улыбаюсь,—окрысилась Машурина.

— А я скажу,—продолжалъ Паклинъ,—что у васъ, господа, чутья нѣтъ; что вы не умѣете различить, кто ваши настоящіе друзья! Человѣкъ смѣется, вы и думаете: онъ несерьёзный...

— А то небось нѣтъ?—вторично окрысилась Машурина.

— Вы, вотъ, напримѣръ,—подхватилъ съ новой силой Паклинъ, на этотъ разъ даже не возражая Машуриной—вы нуждаетесь въ деньгахъ... а у Нежданова ихъ теперь нѣтъ... Такъ я могу дать.

Неждановъ быстро отвернулся отъ окна.

— Нѣтъ... нѣтъ... это къ чему же? Я достану... Я возьму часть пенсіи впередъ... Помнится, *они* остались мнѣ должны. А вотъ чтò, Остродумовъ: покажи-ка письмо.

Остродумовъ остался сперва нѣкоторое время неподвижнымъ; потомъ осмотрѣлся кругомъ; потомъ всталъ, нагнулся всѣмъ тѣломъ, и, засучивъ панталоны, вытащилъ изъ-за голенища сапога тщательно сложенный клочокъ синей бумаги; вытащивъ этотъ клочокъ, неизвѣстно зачѣмъ подулъ на него и подалъ Нежданову.

Тотъ взялъ бумажку, развернулъ ее, прочелъ внимательно и передалъ Машуриной... Та сперва встала со стула, потомъ тоже прочла и возвратила бумажку Нежданову, хотя Паклинъ протягивалъ за нею руку. Неждановъ пожалъ плечомъ и передалъ таинственное письмо Паклину. Паклинъ въ свою очередь пробѣжалъ глазами бумажку и, многозначительно сжавъ губы, торжественно и тихо положилъ ее на столъ. Тогда Остродумовъ взялъ ее, зажегъ большую спичку, распространившую сильный запахъ сѣры, и сперва высоко поднялъ бумажку надъ головою, какъ-бы показывая ее всѣмъ присутствовавшимъ, сжегъ ее до тла на спичкѣ, не щадя своихъ пальцевъ, и бросилъ пепелъ въ печку. Никто не произнесъ слова, никто даже не пошевелился въ теченіи этой операціи. Глаза у всѣхъ были опущены. Остродумовъ имѣлъ видъ сосредоточенный и дѣльный, лицо Нежданова казалось злымъ; въ Паклинѣ проявлялось напряженіе; Машурина— священнодѣйствовала.

Такъ прошло минуты двѣ... Потомъ всѣмъ стало немного неловко. Паклинъ первый почувствовалъ необходимость нарушить безмолвіе.

— Такъ чтó же?—началъ онъ.—Принимается моя жертва на алтарь отечества или нѣтъ? Позволяется мнѣ поднести, если не всѣ пятьдесятъ, то хоть двадцать-пять или тридцать рублей на общее дѣло?

Неждановъ вдругъ вспыхнулъ весь. Казалось, въ немъ накипѣла досада... Торжественное сжиганіе письма ея не уменьшило,— она ждала только предлога, чтобы вырваться наружу.

— Я уже сказалъ тебѣ, что это не нужно, не нужно... не нужно! Я этого не допущу и не приму. Я достану деньги, я сейчасъ же ихъ достану. Я не нуждаюсь ни въ чьей помощи!

— Ну, братъ, — промолвилъ Паклинъ — я вижу: ты хоть и революціонеръ—а не демократъ!

— Скажи прямо, что я аристократъ!

— Да ты и точно аристократъ... до нѣкоторой степени.

Неждановъ принужденно засмѣялся.

— То-есть, ты хочешь намекнуть на то, что я незаконный сынъ. Напрасно трудишься, любезный... Я и безъ тебя этого не забываю.

Паклинъ всплеснулъ руками.

— Алёша, помилуй, что съ тобою! Какъ можно такъ понимать мои слова! Я не узнаю тебя сегодня. — Неждановъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе головой и плечами. — Арестъ Басанова тебя разстроилъ — но вѣдь онъ самъ такъ неосторожно велъ себя...

— Онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій, — сумрачно вмѣшалась Машурина: — не намъ его осуждать!

— Да; только ему слѣдовало бы тоже подумать о другихъ, которыхъ онъ теперь скомпрометтировать можетъ.

— Почему вы такъ о немъ полагаете?.. — загудѣлъ въ свою очередь Остродумовъ: — Басановъ человѣкъ съ характеромъ твердымъ; онъ никого не выдастъ. А что до осторожности... знаете что? Не всякому дано быть осторожнымъ, г-нъ Паклинъ!

Паклинъ обидѣлся и хотѣлъ-было возразить, но Неждановъ остановилъ его.

— Господа! — воскликнулъ онъ, — сдѣлайте одолженіе, бросьте, на время, политику!

Наступило молчаніе.

— *Я* сегодня встрѣтилъ Скоропихина, — заговорилъ наконецъ Паклинъ, — нашего всероссійскаго критика и эстетика, и энтузіаста. Что за несносное созданіе! Вѣчно закипаетъ и шипитъ, ни дать ни взять бутылка дрянныхъ кислыхъ щей... Половой на бѣгу заткнулъ ее пальцемъ вмѣсто пробки, въ горлышкѣ застрялъ пухлый изюмъ — она вся брызжетъ и свиститъ — а какъ вылетитъ изъ нея вся пѣна — на днѣ остается всего нѣсколько капель прескверной жидкости, которая не только не утоляетъ ничьей жажды — но причиняетъ одну лишь рѣзь... Превредный для молодыхъ людей индивидуй!

Сравненіе, употребленное Паклинымъ, хотя вѣрное и мѣткое, не вызвало улыбки ни на чьемъ лицѣ. Одинъ Остродумовъ замѣтилъ, что о молодыхъ людяхъ, которые способны интересоваться эстетикой, жалѣть нечего, даже если Скоропихинъ и собьетъ ихъ съ толку.

— Но помилуйте, постойте, — воскликнулъ съ жаромъ Паклинъ — онъ тѣмъ болѣе горячился, чѣмъ менѣе встрѣчалъ себѣ сочувствія: — тутъ вопросъ, положимъ, не политическій, но все-таки важный. Послушать Скоропихина, всякое старое художественное произведеніе уже по тому самому не годится никуда,

что оно старо... Да, въ такомъ случаѣ, художество, искусство вообще—не что иное какъ мода—и говорить серьёзно о немъ не стóитъ! Если въ немъ нѣтъ ничего незыблемаго, вѣчнаго—такъ чортъ съ нимъ! Въ наукѣ, въ математикѣ, напримѣръ: не считаете же вы Эйлера, Лапласа, Гаусса за отжившихъ пошляковъ? Вы готовы признать ихъ авторитетъ—а Рафаэль или Моцартъ—дураки? и ваша гордость возмущается противъ ихъ авторитета? Законы искусства труднѣе уловить, чѣмъ законы науки... согласенъ; но они существуютъ—и кто ихъ не видитъ, тотъ слѣпецъ; добровольный или недобровольный—все равно!

Паклинъ умолкъ... и никто ничего не промолвилъ, точно всѣ въ ротъ воды набрали—точно всѣмъ было немножко совѣстно за него. Одинъ Остродумовъ проворчалъ:

— И все-таки я тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ сбиваетъ Скоропихинъ—нисколько не жалѣю.

«А ну васъ съ Богомъ!» подумалъ Паклинъ. «Уйду!»

Онъ пришелъ-было къ Нежданову съ тѣмъ, чтобы сообщить ему свои соображенія на-счетъ доставки «Полярной Звѣзды» изъ заграницы («Колоколъ» уже не существовалъ)—но разговоръ принялъ такой оборотъ, что лучше было и не поднимать этого вопроса. Паклинъ уже взялся за шапку, какъ вдругъ, безъ всякаго предварительнаго шума и стука, въ передней раздался удивительно-пріятный, мужественный и сочный баритонъ, отъ самаго звука котораго вѣяло чѣмъ-то необыкновенно-благороднымъ, благовоспитаннымъ и даже благоуханнымъ.

— Господинъ Неждановъ дома?

Всѣ переглянулись въ изумленіи.

— Дома господинъ Неждановъ?—повторилъ баритонъ.

— Дома,—отвѣчалъ наконецъ Неждановъ.

Дверь отворилась скромно и плавно, и, медленно снимая вылощенную шляпу съ благообразной, коротко остриженной головы, въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ подъ-сорокъ, высокаго росту, стройный и величавый. Одѣтый въ прекраснѣйшее драповое пальто, съ превосходнѣйшимъ бобровымъ воротникомъ, хотя апрѣль мѣсяцъ уже близился къ концу—онъ поразилъ всѣхъ, Нежданова, Паклина, даже Машурину... даже Остродумова!—изящной самоувѣренностью осанки и ласковымъ спокойствіемъ привѣта. Всѣ невольно поднялись при его появленіи.

III.

Изящный мужчина подошелъ къ Нежданову и, благосклонно осклабясь, проговорилъ: «Я уже имѣлъ удовольствіе встрѣтиться и даже бесѣдовать съ вами, г-нъ Неждановъ, третьяго дня, если изволите припомнить—въ театрѣ. (Посѣтитель остановился, какъ-бы выжидая; Неждановъ слегка кивнулъ головою и покраснѣлъ.) —Да!.. а сегодня я явился къ вамъ вслѣдствіе объявленія, помѣщеннаго вами въ газетахъ. Я бы желалъ переговорить съ вами, если только не стѣсню г-дъ присутствующихъ... (Посѣтитель поклонился Машуриной и повелъ рукой, облеченной въ сѣроватую шведскую перчатку, въ направленіи Паклина и Остродумова)—и не помѣшаю имъ...

— Нѣтъ... отчего же...—отвѣчалъ не безъ нѣкотораго труда Неждановъ.—Эти господа позволятъ... Не угодно-ли вамъ присѣсть?

Посѣтитель пріятно перегнулъ станъ, и, любезно взявшись за спинку стула, приблизилъ его къ себѣ, но не сѣлъ—такъ какъ всѣ въ комнатѣ стояли,—а только повелъ кругомъ своими свѣтлыми, хоть и полузакрытыми глазами.

— Прощайте, Алексѣй Дмитричъ,—проговорила вдругъ Машурина:—я зайду послѣ.

— И я,—прибавилъ Остродумовъ.—Я тоже... послѣ.

Минуя посѣтителя, и какъ-бы въ пику ему, Машурина взяла руку Нежданова, сильно тряхнула ее и пошла вонъ, никому не поклонившись. Остродумовъ отправился вслѣдъ за нею, безъ нужды стуча сапогами и даже фыркнувъ раза два: «вотъ-молъ тебѣ, бобровый воротникъ!» Посѣтитель проводилъ ихъ обоихъ учтивымъ, слегка любопытнымъ взоромъ. Онъ устремилъ его потомъ на Паклина, какъ-бы ожидая, что и тотъ послѣдуетъ примѣру двухъ удалившихся гостей; но Паклинъ, на лицѣ котораго, съ самаго появленія незнакомца, засвѣтилась особенная сдержанная улыбка, отошелъ въ сторону и пріютился въ уголку. Тогда посѣтитель опустился на стулъ. Неждановъ сѣлъ тоже.

— Моя фамилія — Сипягинъ, можетъ быть, слыхали, — съ горделивой скромностью началъ посѣтитель.

Но прежде слѣдуетъ разсказать, какимъ образомъ Неждановъ встрѣтился съ нимъ въ театрѣ.

Давали пьесу Островскаго: «Не въ свои сани не садись». Передъ обѣдомъ Неждановъ зашелъ въ кассу, гдѣ засталъ довольно много народу. Онъ собирался взять билетъ въ партеръ;—

но въ ту минуту, какъ онъ подходилъ къ отверзтію кассы, стоявшій за нимъ офицеръ закричалъ кассиру, протягивая черезъ голову Нежданова трехрублевую ассигнацію: «Имъ (т.-е. Нежданову) вѣроятно придется получать сдачу—а мнѣ не надо;—такъ вы дайте мнѣ, пожалуйста, поскорѣй билетъ во второмъ ряду... мнѣ къ спѣху!»—«Извините, г-нъ офицеръ,—промолвилъ рѣзкимъ голосомъ Неждановъ, — я самъ желаю взять билетъ во второмъ ряду», — и тутъ же бросилъ въ окошко трехрублевую бумажку, весь свой наличный капиталъ. Кассиръ выдалъ ему билетъ—и вечеромъ Неждановъ очутился въ аристократическомъ отдѣленіи Александринскаго театра.

Онъ былъ плохо одѣтъ, безъ перчатокъ, въ нечищенныхъ сапогахъ—чувствовалъ себя смущеннымъ и досадовалъ на себя за самое это чувство. Возлѣ него, съ правой стороны, сидѣлъ усѣянный звѣздами генералъ; — съ лѣвой—тотъ самый изящный мужчина, тайный совѣтникъ Сипягинъ, появленіе котораго, два дня спустя, такъ взволновало Машурину и Остродумова. Генералъ изрѣдка взглядывалъ на Нежданова, какъ на нѣчто неприличное, неожиданное и даже оскорбительное; Сипягинъ, напротивъ, бросалъ на него хотя косвенные, но не враждебные взоры.— Всѣ лица, окружавшія Нежданова, казались, во-первыхъ, болѣе особами, нежели лицами; во-вторыхъ, они всѣ очень хорошо знали другъ друга и мѣнялись короткими разговорами, словами или даже простыми восклицаніями и привѣтами — иные опять-таки черезъ голову Нежданова; а онъ сидѣлъ неподвижно и неловко въ своемъ широкомъ, покойномъ креслѣ, — точно парія какой. Горько и стыдно и скверно было у него на душѣ; мало наслаждался онъ комедіей Островскаго и игрою актеровъ. И вдругъ—о, чудо!—во время одного антракта, сосѣдъ его съ лѣвой стороны—не звѣздоносный генералъ, а другой, безъ всякаго знака отличія на груди,—заговорилъ съ нимъ учтиво и мягко, съ какой-то заискивавшей снисходительностью. Онъ заговорилъ о пьесѣ Островскаго, желая узнать отъ Нежданова, какъ отъ «одного изъ представителей молодого поколѣнія»,—какое было его мнѣніе о ней? Изумленный, чуть не испуганный, Неждановъ отвѣчалъ сперва отрывисто и односложно... даже сердце у него застучало; но потомъ ему стало досадно на себя: съ чего это онъ волнуется? Не такой же ли онъ человѣкъ, какъ всѣ? И онъ пустился излагать свое мнѣніе, не стѣсняясь, безъ утайки, подъ конецъ даже такъ громко и съ такимъ увлеченіемъ, что явно обезпокоивалъ сосѣда-звѣздоносца. Неждановъ былъ горячимъ поклонникомъ Островскаго;—но при всемъ уваженіи къ таланту,

высказанному авторомъ въ комедіи: «Не въ свои сани не садись», не могъ одобрить въ ней явное желаніе унизить цивилизацію въ каррикатурномъ лицѣ Вихорева.—Учтивый сосѣдъ слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, съ участіемъ—и въ слѣдующій антрактъ заговорилъ съ нимъ опять, но уже не о комедіи Островскаго, а вообще о разныхъ житейскихъ, научныхъ и даже политическихъ предметахъ. Онъ, очевидно, интересовался своимъ молодымъ и краснорѣчивымъ собесѣдникомъ. Неждановъ, по прежнему, не только не стѣснялся, но даже нѣсколько наддавалъ, какъ говорится, пáру. «Коли, молъ, любопытствуешь,—такъ нá же вотъ!» Въ сосѣдѣ-генералѣ онъ возбуждалъ уже не простое безпокойство, а негодованіе и подозрительность. По окончаніи пьесы, Сипягинъ весьма благосклонно распростился съ Неждановымъ—но не пожелалъ узнать его фамилію и самъ не назвалъ себя. Дожидаясь кареты на лѣстницѣ, онъ столкнулся съ хорошимъ своимъ пріятелемъ, флигель-адъютантомъ княземъ Г. — Я смотрѣлъ на тебя изъ ложи,—сказалъ ему князь, посмѣиваясь сквозь раздушенные усы:—знаешь ли ты, съ кѣмъ ты это бесѣдовалъ?—Нѣтъ, не знаю; а ты?—Не глупый, небось, малый, а?—Очень неглупый; кто онъ такой?—Тутъ князь наклонился ему на ухо и шепнулъ по-французски:—мой братъ. Да; онъ мой братъ. Побочный сынъ моего отца... зовутъ его Неждановымъ. Я тебѣ когда-нибудь разскажу... Отецъ никакъ этого не ожидалъ, оттого онъ и Неждановымъ его прозвалъ. Однако устроилъ его судьбу... il lui a fait un sort... Мы выдаемъ ему пенсію. Малый съ головой... получилъ, опять-таки по милости отца, хорошее воспитаніе. Только совсѣмъ съ толку сбился, республиканецъ какой-то... Мы его не принимаемъ... Il est impossible! Однако прощай; мою карету кричать. — Князь удалился, а на слѣдующій день Сипягинъ прочелъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» объявленіе, помѣщенное Неждановымъ—и поѣхалъ къ нему...

— Моя фамилія — Сипягинъ, — говорилъ онъ Нежданову, сидя передъ нимъ на соломенномъ стулѣ и озаряя его своимъ внушительнымъ взглядомъ:—я узналъ изъ газетъ, что вы желаете ѣхать на кондицію — и я пришелъ къ вамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ. Я женатъ; у меня одинъ сынъ — девяти лѣтъ; мальчикъ, скажу прямо, очень даровитый. Бóльшую часть лѣта и осени мы проводимъ въ деревнѣ, въ С....ой губерніи, въ пяти верстахъ отъ губернскаго города. Такъ вотъ: не угодно ли вамъ будетъ ѣхать туда съ нами на время вакаціи учить моего сына россійскому языку и исторіи—тѣмъ предметамъ, о которыхъ вы упоминаете въ вашемъ объявленіи? Смѣю думать, что вы оста-

нетесь довольны мною, моимъ семействомъ и самымъ мѣстоположеніемъ усадьбы. Прекрасный садъ, рѣка, воздухъ хорошій, помѣстительный домъ... Согласны вы? Въ такомъ случаѣ остается только узнать ваши условія, хотя я не полагаю, — прибавилъ Сипягинъ съ легкой ужимкой, — чтобы на этотъ счетъ могли возникнуть у насъ съ вами какія-либо затрудненія.

Во все время, пока Сипягинъ говорилъ, Неждановъ неотступно глядѣлъ на него, на его небольшую, нѣсколько назадъ закинутую головку, на его узкій и низкій, но умный лобъ, тонкій римскій носъ, пріятные глаза, правильныя губы, съ которыхъ такъ и лилась умильная рѣчь, на его длинные, на англійскій манеръ висячіе бакены — глядѣлъ и недоумѣвалъ. — «Что это такое? думалъ онъ. Зачѣмъ этотъ человѣкъ словно заискиваетъ во мнѣ? Этотъ аристократъ — и я?! — Какъ мы сошлись? И что́ его привело ко мнѣ»?

Онъ до того погрузился въ свои думы, что не разинулъ рта даже тогда, когда Сипягинъ, окончивъ свою рѣчь, умолкъ, ожидая отвѣта. Сипягинъ скользнулъ взглядомъ въ уголъ, гдѣ, пожирая его глазами не хуже Нежданова, пріютился Паклинъ. — Ужъ не присутствіе ли этого третьяго лица мѣшало Нежданову высказаться? — Сипягинъ возвелъ брови горѣ, какъ-бы подчиняясь странности той обстановки, въ которую попалъ, по собственной впрочемъ волѣ — и, вслѣдъ за бровями возвысивъ голосъ, повторилъ свой вопросъ.

Неждановъ встрепенулся.

— Конечно, — заговорилъ онъ нѣсколько торопленнымъ образомъ; — я... согласенъ... съ охотой... хотя я долженъ признаться... что не могу не чувствовать нѣкотораго удивленія... такъ какъ у меня нѣтъ никакой рекомендаціи... да и самыя мнѣнія, которыя я высказалъ третьяго дня въ театрѣ, должны были скорѣй отклонить васъ...

— Въ этомъ вы совершенно ошибаетесь, любезный Алексѣй... Алексѣй Дмитричъ? такъ, кажется? — промолвилъ, осклабясь, Сипягинъ. — Я, смѣю сказать, извѣстенъ какъ человѣкъ убѣжденій либеральныхъ, прогрессивныхъ; и напротивъ, ваши мнѣнія, за устраненіемъ всего того, что́ въ нихъ свойственно молодости, склонной — не взыщите! — къ нѣкоторому преувеличенію — эти ваши мнѣнія нисколько не противорѣчатъ моимъ — и даже нравятся мнѣ своимъ юношескимъ жаромъ!

Сипягинъ говорилъ безъ малѣйшей запинки: какъ мёдъ по маслу катилась его круглая, плавная рѣчь.

— Жена моя раздѣляетъ мой образъ мыслей, — продолжалъ

онъ:—ея воззрѣнія, быть можетъ, даже ближе подходятъ къ вашимъ, чѣмъ къ моимъ; понятное дѣло: она моложе!—Когда, на другой день послѣ нашего свиданія, я прочёлъ въ газетахъ ваше имя, которое вы, замѣчу кстати, противъ общаго обыкновенія опубликовали вмѣстѣ съ вашимъ адресомъ—(а узналъ я ваше имя уже въ театрѣ)—то... это... этотъ фактъ меня поразилъ. Я увидалъ въ немъ—въ этомъ сопоставленіи—нѣкій... извините суевѣрность выраженія... нѣкій, такъ сказать, перстъ рока!—Вы упомянули о рекомендаціи; но мнѣ никакой рекомендаціи не нужно.—Ваша наружность, ваша личность возбуждаютъ мою симпатію. Сего мнѣ довольно. Я привыкъ вѣрить своему глазу. Итакъ—я могу надѣяться? Вы согласны?

— Согласенъ... конечно...—отвѣчалъ Неждановъ—и постараюсь оправдать ваше довѣріе.—Только объ одномъ позвольте мнѣ теперь же васъ предувѣдомить: быть учителемъ вашего сына я готовъ, но не гувернёромъ. Я на это неспособенъ—да и не хочу закабалиться, не хочу лишиться моей свободы.

Сипягинъ легонько повёлъ по воздуху рукою, какъ-бы отгоняя муху.

— Будьте спокойны, мой любезнѣйшій... Вы не изъ той муки, изъ которой пекутся гувернёры;—да мнѣ гувернёра и не нужно. Я ищу учителя—и нашёлъ его. Ну, а какъ же условія? Денежныя условія? презрѣнный металлъ?

Неждановъ затруднялся, что̀ сказать...

— Послушайте,—промолвилъ Сипягинъ, нагнувшись впередъ всѣмъ корпусомъ и ласково тронувъ концами пальцевъ колѣно Нежданова:—между порядочными людьми подобные вопросы разрѣшаются двумя словами. Предлагаю вамъ сто рублей въ мѣсяцъ; путевыя издержки туда и назадъ, конечно, на мой счётъ.—Вы согласны?

Неждановъ опять покраснѣлъ.

— Это гораздо больше, чѣмъ я намѣренъ былъ запросить... потому что... я...

— Прекрасно, прекрасно...—перебилъ Сипягинъ...—Я смотрю на это дѣло, какъ на рѣшённое... а на васъ—какъ на домочадца.—Онъ приподнялся со стула—и вдругъ весь повеселѣлъ и распустился, словно подарокъ получилъ. Во всѣхъ его движеніяхъ проявилась нѣкоторая пріятная фамильярность и даже шутливость.—Мы уѣзжаемъ на-дняхъ,—заговорилъ онъ развязнымъ тономъ:—я люблю встрѣчать весну въ деревнѣ, хотя я, по роду своихъ занятій, прозаическій человѣкъ и прикованъ къ городу... А потому позвольте считать первый вашъ мѣсяцъ, начиная съ

нынѣшняго же дня. Жена моя съ сыномъ теперь уже въ Москвѣ. Она отправилась впередъ. Мы ихъ найдемъ въ деревнѣ... на лонѣ природы. Мы съ вами поѣдемъ вмѣстѣ... холостяками... Хе, хе! — Сипягинъ кокетливо и коротко посмѣялся въ носъ. — А теперь...

Онъ досталъ изъ кармана пальто́ серебряный съ чернью портфёльчикъ и вынулъ оттуда карточку.

— Вотъ мой здѣшній адресъ. Зайдите — хоть завтра. Такъ... часовъ въ двѣнадцать. Мы еще потолкуемъ. Я разовью вамъ кое-какія свои мысли на счётъ воспитанія... Ну — и день отъѣзда мы рѣшимъ. — Сипягинъ взялъ руку Нежданова. — И знаете что? — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ и искоса поставивъ голову: — если вы нуждаетесь въ задаткѣ... Пожалуйста, не церемоньтесь! хоть мѣсяцъ впередъ!

Неждановъ просто не зналъ, что́ отвѣчать — и съ тѣмъ же недоумѣньемъ глядѣлъ на это свѣтлое, привѣтное — и въ то же время сто́ль чуждое лицо, которое такъ близко на него надвинулось и такъ снисходительно улыбалось ему.

— Не нуждаетесь? а? — шепнулъ Сипягинъ.

— Я, если позволите, вамъ это завтра скажу, — произнесъ наконецъ Неждановъ.

— Отлично! Итакъ — до свиданья! До завтра! — Сипягинъ выпустилъ руку Нежданова — и хотѣлъ-было удалиться...

— Позвольте васъ спросить, — промолвилъ вдругъ Неждановъ. — Вы, вотъ, сейчасъ сказали мнѣ, что уже въ театрѣ узнали, ка̀къ меня зовутъ? — Отъ кого вы это узнали?

— Отъ кого? — Да отъ одного вашего хорошаго знакомаго — и, кажется, родственника, князя... князя Г.

— Флигель-адъютанта?

— Да; отъ него.

Неждановъ покраснѣлъ — сильнѣе прежняго — и раскрылъ ротъ... Но ничего не сказалъ. Сипягинъ снова пожалъ ему руку — только молча на этотъ разъ — и, поклонившись сперва ему — а потомъ Паклину — надѣлъ шляпу передъ самой дверью, и вышелъ вонъ, унося на лицѣ своемъ самодовольную улыбку; въ ней выражалось сознаніе глубокаго впечатлѣнія, которое не могъ не произвести его визитъ.

IV.

Не успѣлъ Сипягинъ перешагнуть порогъ двери, какъ Паклинъ соскочилъ со стула и, бросившись къ Нежданову, принялся его поздравлять.

— Вотъ какого ты осетра залучилъ!—твердилъ онъ, хихикая и топоча ногами.—Вѣдь это, ты знаешь ли, ктó?—Извѣстный Сипягинъ, каммергеръ, въ нѣкоторомъ родѣ общественный столпъ, будущій министръ!

— Мнѣ онъ совершенно неизвѣстенъ,—угрюмо промолвилъ Неждановъ.

Паклинъ отчаянно взмахнулъ руками.

— Въ томъ-то и наша бѣда, Алексѣй Дмитричъ, что мы никого не знаемъ! Хотимъ дѣйствовать, хотимъ цѣлый міръ къ верху дномъ перевернуть — а живёмъ въ сторонѣ отъ самаго этого міра, водимся только съ двумя-тремя пріятелями, толчёмся на мѣстѣ, въ узенькомъ кружкѣ...

— Извини,—перебилъ Неждановъ:—это—неправда. Мы только съ врагами нашими знаться не хотимъ — а съ людьми нашего пошиба, съ народомъ, мы вступаемъ въ постоянныя сношенія.

— Стой, стой, стой, стой!—въ свою очередь перебилъ Паклинъ.—Во-первыхъ: что касается враговъ — то позволь тебѣ припомнить стихъ Гёте:

Wer den Dichter will versteh'n
Muss im Dichter's Lande geh'n...

—а я говорю:

Wer die *Feinde* will versteh'n
Muss im *Feindes* Lande geh'n...

Чуждаться враговъ своихъ, не знать ихъ обычая и быта — нелѣпо!—Не...лѣ...по... Да! Да! Коли я хочу подстрѣлить волка въ лѣсу—я долженъ знать всѣ его лазы... Во-вторыхъ, ты вотъ сейчасъ сказалъ: сближаться съ народомъ... Душа моя!—Въ 1862 году поляки уходили «до лясу»—въ лѣсъ;—и мы уходимъ теперь въ тотъ же лѣсъ, сирѣчь въ народъ, который для насъ глухъ и тёменъ не хуже любого лѣса!

— Такъ что-жъ, по-твоему, дѣлать?

— Индійцы бросаются подъ колесницу Джаггернаута,—продолжалъ Паклинъ мрачно:—она ихъ давитъ, и они умираютъ — въ блаженствѣ.—У насъ есть тоже свой Джаггернаутъ... Давить-то онъ насъ давитъ; но блаженства не доставляетъ.

— Такъ что-жъ, по-твоему, дѣлать?—повторилъ чуть не съ крикомъ Неждановъ. Повѣсти съ «направленіемъ» писать, что-ли?

Паклинъ разставилъ руки и наклонилъ головку къ лѣвому плечу.

— Повѣсти—во всякомъ случаѣ—писать ты бы могъ, такъ какъ въ тебѣ есть литературная жилка... Ну, не сердись, не буду! Я знаю, ты не любишь, чтобы на это намекали; но я съ тобою согласенъ: сочинять этакія штучки съ «начинкой»—да еще съ новомодными оборотами: — «Ахъ! я васъ люблю! *подскочила* она»... «Мнѣ все равно! *почесался* онъ»—дѣло куда не веселое!— Оттого-то я и повторяю: сближайтесь со всѣми сословіями, начиная съ высшаго! Не все же полагаться на однихъ Остродумовыхъ! Честные они, хорошіе люди—за то глупы! глупы!! Ты посмотри на нашего пріятеля. Самыя подошвы его сапоговъ—и тѣ не такія, какія бываютъ у умныхъ людей! Вѣдь отчего онъ сейчасъ ушелъ отсюда?—Онъ не хотѣлъ остаться въ одной комнатѣ, дышать однимъ воздухомъ съ аристократомъ!

— Прошу тебя не отзываться такъ объ Остродумовѣ при мнѣ,—съ запальчивостью подхватилъ Неждановъ.—Сапоги онъ носитъ толстые, потому что они дешевле.

— Я не въ томъ смыслѣ,—началъ-было Паклинъ.

— Если онъ не хочетъ остаться въ одной комнатѣ съ аристократомъ,—продолжалъ, возвысивъ тонъ, Неждановъ,—то я его хвалю за это;—а главное: онъ собой пожертвовать съумѣетъ—и, если нужно, на смерть пойдетъ, чего мы съ тобой никогда не сдѣлаемъ!

Паклинъ скорчилъ жалкую рожицу и указалъ на хроменькія, тоненькія свои ножки.

— Гдѣ же мнѣ сражаться, другъ мой, Алексѣй Дмитричъ! — Помилуй! Но въ сторону все это... Повторяю: я душевно радъ твоему сближенію съ г-мъ Сипягинымъ — и даже предвижу большую пользу отъ этого сближенія — для нашего дѣла. Ты попадешь въ высшій кругъ; увидишь этихъ львицъ, этихъ женщинъ съ бархатнымъ тѣломъ на стальныхъ пружинахъ, какъ сказано въ «Письмахъ объ Испаніи»; изучай ихъ, братъ, изучай! Еслибъ ты былъ эпикурейцемъ, я бы даже боялся за тебя... право!—Но вѣдь ты не съ этой цѣлью ѣдешь на кондицію?

— Я ѣду на кондицію,—подхватилъ Неждановъ,—чтобы зубовъ не положить на полку... «и чтобъ отъ васъ всѣхъ на время удалиться»—прибавилъ онъ про себя.

— Ну, конечно! конечно!—Потому я и говорю тебѣ: изучай! Какой однако запахъ за собою этотъ баринъ оставилъ!—Паклинъ

потянулъ воздухъ носомъ. — Вотъ оно настоящее-то «амбрэ», о которомъ мечтала городничиха въ «Ревизорѣ»!

— Онъ обо мнѣ князя Г. разспрашивалъ, глухо заговорилъ Неждановъ, снова уткнувшись въ окно:—ему, должно быть, теперь вся моя исторія извѣстна.

— Не: должно-быть—а: навѣрное! — Что-жъ такое? — Парй держу, что ему именно отъ этого и пришла въ голову мысль, взять тебя въ учители. Что тамъ ни толкуй, а вѣдь ты самъ аристократъ—по крови.—Ну, и значитъ: свой человѣкъ! Однако я у тебя засидѣлся; мнѣ пора въ мою контору, къ эксплуататорамъ!—До свиданія, братъ!

Паклинъ подошелъ-было къ двери, но остановился и вернулся.

— Послушай, Алёша,—сказалъ онъ вкрадчивымъ тономъ:— ты мнѣ вотъ сейчасъ отказалъ—у тебя теперь деньги будутъ, я знаю — но все-таки позволь мнѣ пожертвовать хотя малость на общее дѣло!—Ничѣмъ другимъ не могу — такъ хоть карманомъ! Смотри: я кладу на столъ десятирублевую бумажку! Принимается?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ и не пошевельнулся.

— Молчаніе—знакъ согласія! Спасибо!—весело воскликнулъ Паклинъ и исчезъ.

Неждановъ остался одинъ... Онъ продолжалъ глядѣть черезъ *стекло окна* на сумрачный узкій дворъ, куда не западали лучи даже лѣтняго солнца—и сумрачно было и его лицо.

Неждановъ родился, какъ мы уже знаемъ, отъ князя Г., богача, генералъ-адъютанта—и отъ гувернантки его дочерей, хорошенькой институтки, умершей въ самый день родовъ. Первоначальное воспитаніе Неждановъ получилъ въ пансіонѣ одного швейцарца, дѣльнаго и строгаго педагога—а потомъ поступилъ въ университетъ. Самъ онъ желалъ сдѣлаться юристомъ;—но генералъ, отецъ его, ненавидѣвшій нигилистовъ, пустилъ его «по эстетикѣ», какъ съ горькой усмѣшкой выражался Неждановъ, т.-е. по историко-филологическому факультету. Отецъ Нежданова видѣлся съ нимъ всего три-четыре раза въ годъ—но интересовался его судьбою — и, умирая, завѣщалъ ему — «въ память Настеньки» (его матери)—капиталъ въ 6,000 р. сер., проценты съ котораго, подъ именемъ «пенсіи», выдавались ему его братьями, князьями Г.— Паклинъ не даромъ обзывалъ его аристократомъ; все въ немъ изобличало породу: маленькія уши, руки, ноги, нѣсколько мелкія, но тонкія черты лица, нѣжная кожа, пушистые волосы, самый голосъ, слегка картавый, но пріятный. Онъ былъ ужасно нервенъ, ужасно самолюбивъ, впечатлителенъ, и даже капризенъ; фальшивое положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ съ самаго

дѣтства, развило въ немъ обидчивость и раздражительность; но прирожденное великодушіе не давало ему сдѣлаться подозрительнымъ и недовѣрчивымъ.—Тѣмъ же самымъ фальшивымъ положеніемъ Нежданова объяснялись и противорѣчія, которыя сталкивались въ его существѣ. Опрятный до щепетильности, брезгливый до гадливости, онъ силился быть циничнымъ и грубымъ на словахъ; идеалистъ по натурѣ, страстный и цѣломудренный, смѣлый и робкій въ одно и то же время, онъ, какъ позорнаго порока, стыдился и этой робости своей, и своего цѣломудрія, и считалъ долгомъ смѣяться надъ идеалами. Сердце онъ имѣлъ нѣжное и чуждался людей; легко озлоблялся—и никогда не помнилъ зла. Онъ негодовалъ на своего отца за то, что тотъ пустилъ его «по эстетикѣ»; онъ явно, на виду у всѣхъ, занимался одними политическими и соціальными вопросами, исповѣдывалъ самыя крайнія мнѣнія — (въ немъ онѣ не были фразой!) — и втайнѣ наслаждался художествомъ, поэзіей, красотой во всѣхъ ея проявленіяхъ... даже самъ писалъ стихи... Онъ тщательно пряталъ тетрадку, въ которую онъ заносилъ ихъ — и изъ петербургскихъ друзей только Паклинъ—и то, по свойственному ему чутью, подозрѣвалъ ея существованіе. Ничто такъ не обижало, не оскорбляло Нежданова, какъ малѣйшій намёкъ на его стихотворство, на эту его, какъ онъ полагалъ, непростительную слабость. По милости воспитателя швейцарца, онъ зналъ довольно много фактовъ и не боялся труда; онъ даже охотно работалъ—нѣсколько, правда, лихорадочно и непослѣдовательно. Товарищи его любили... ихъ привлекала его внутренняя правдивость и доброта и чистота; но не подъ счастливой звѣздою родился Неждановъ; не легко ему жилось. — Онъ самъ глубоко это чувствовалъ — и сознавалъ себя одинокимъ, несмотря на привязанность друзей.

Онъ продолжалъ стоять передъ окномъ — и думалъ, грустно и тяжко думалъ о предстоявшей ему поѣздкѣ, объ этомъ новомъ, неожиданномъ поворотѣ его судьбы... Онъ не жалѣлъ о Петербургѣ; онъ не оставлялъ въ немъ ничего особенно ему дорогого; притомъ же онъ зналъ, что вернется къ осени. А все-таки раздумье его брало: онъ ощущалъ невольную унылость.

«Какой я учитель!» приходило ему въ голову; — «какой педагогъ?!» — Онъ готовъ былъ упрекнуть себя въ томъ, что принялъ обязанность преподавателя. А между тѣмъ—подобный упрёкъ былъ бы несправедливъ.—Неждановъ обладалъ достаточными свѣдѣніями — и, несмотря на его неровный нравъ, дѣти шли къ нему безъ принужденья — и онъ самъ легко привязывался къ нимъ. Грусть, овладѣвшая Неждановымъ, была то чувство, при-

сущее всякой перемѣнѣ мѣстопребыванія, чувство, которое испытываютъ всѣ меланхолики, всѣ задумчивые люди; людямъ характера бойкаго, сангвиническаго, оно незнакомо: они скорѣй готовы радоваться, когда нарушается повседневный ходъ жизни, когда мѣняется ея обычная обстановка. Неждановъ до того углубился въ свои думы, что понемногу, почти безсознательно, началъ ихъ передавать словами; бродившія въ немъ ощущенія уже складывались въ мѣрныя созвучія...

— Фу, ты, чортъ!—воскликнулъ онъ громко,—я, кажется, собираюсь стихи сочинять!—Онъ встрепенулся, отошелъ отъ окна; увидалъ лежавшую на столѣ десятирублевую бумажку Паклина, сунулъ ее въ карманъ и принялся расхаживать по комнатѣ.

— Надо будетъ взять задатокъ, размышлялъ онъ самъ съ собою... благо этотъ баринъ предлагаетъ.—Сто рублей... да у братьевъ—у ихъ сіятельствъ—сто рублей... Пятьдесятъ на долги, пятьдесятъ или семьдесятъ на дорогу... а остальныя Остродумову. Да вотъ, что̀ Паклинъ далъ—тоже ему... Да еще съ Меркулова надо будетъ что-нибудь получить...

Пока онъ велъ въ головѣ эти разсчеты — прежнія созвучія опять зашевелились въ немъ. Онъ остановился, задумался... и, устремивъ глаза въ сторону, замеръ на мѣстѣ... Потомъ руки его, какъ-бы ощупью, отыскали и открыли ящикъ стола, достали изъ самой его глубины исписанную тетрадку...

Онъ опустился на стулъ, все не мѣняя направленія взгляда, взялъ перо и, мурлыча себѣ подъ носъ, изрѣдка взмахивая волосами, перечеркивая, марая, принялся выводить строку за строкою...

Дверь въ переднюю отворилась на половину—и показалась голова Машуриной. Неждановъ не замѣтилъ ея и продолжалъ свою работу. Машурина долго, пристально посмотрѣла на него—и, направо и налѣво покачавъ головою, подалась назадъ... Но Неждановъ вдругъ выпрямился, оглянулся и, промолвивъ съ досадой:

— А! Вы!—швырнулъ тетрадку въ ящикъ стола.

Тогда Машурина твердой поступью вошла въ комнату.

— Остродумовъ прислалъ меня къ вамъ,—проговорила она съ разстановкой, — затѣмъ, чтобы узнать, когда можно будетъ получить деньги.—Если вы сегодня достанете, такъ мы сегодня же вечеромъ уѣдемъ.

— Сегодня нельзя, — возразилъ Неждановъ и нахмурилъ брови:—приходите завтра.

— Въ которомъ часу?

— Въ два часа.

— Хорошо.

Машурина помолчала немного и вдругъ протянула руку Нежданову..

— Я, кажется, вамъ помѣшала; извините меня. Да притомъ... я вотъ уѣзжаю. Кто знаетъ, увидимся ли мы? Я хотѣла проститься съ вами.

Неждановъ пожалъ ея красные, холодные пальцы.

— Вы видѣли у меня этого господина?—началъ онъ.—Мы съ нимъ условились. Я ѣду къ нему на кондицію. Его имѣніе въ С....ой губерніи, возлѣ самаго С*.

По лицу Машуриной мелькнула радостная улыбка.

— Возлѣ С*!—Такъ мы, можетъ быть, еще увидимся. Можетъ быть, насъ туда пошлютъ.—Машурина вздохнула.—Ахъ, Алексѣй Дмитричъ...

— Что̀?—спросилъ Неждановъ.

Машурина приняла сосредоточенный видъ.

— Ничего.—Прощайте! Ничего.

Она еще разъ стиснула Нежданову руку и удалилась.

«А во всемъ Петербургѣ никто ко мнѣ такъ не привязанъ, какъ эта... чудачка!» подумалось Нежданову. «Но нужно-жъ ей было мнѣ помѣшать... Впрочемъ, все къ лучшему!»

Утромъ слѣдующаго дня Неждановъ отправился на городскую квартиру Сипягина и тамъ, въ великолѣпномъ кабинетѣ, наполненномъ мебелью строгаго стиля, вполнѣ сообразной съ достоинствомъ либеральнаго государственнаго мужа и джентльмена, сидя передъ громаднымъ бюро, на которомъ въ стройномъ порядкѣ лежали никому и ни на что̀ ненужныя бумаги, рядомъ съ исполинскими ножами изъ слоновой кости, никогда ничего неразрѣзывавшими—онъ, въ теченіи цѣлаго часа, выслушивалъ свободомыслящаго хозяина, обдавался елеемъ его мудрыхъ, благосклонныхъ, снисходительныхъ рѣчей, получилъ, наконецъ, сто рублей задатка—а десять дней спустя, тотъ же Неждановъ, полулежа на бархатномъ диванѣ въ особомъ отдѣленіи перво-класснаго вагона, бокъ-о-бокъ съ тѣмъ же мудрымъ, либеральнымъ государственнымъ мужемъ и джентльменомъ, мчался въ Москву по тряскимъ рельсамъ Николаевской дороги.

V.

Въ гостиной большого каменнаго дома съ колоннами и греческимъ фронтономъ, построеннаго въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, извѣстнымъ агрономомъ и «дантистомъ»—отцомъ Сипягина, жена его, Валентина Михайловна, очень красивая дама, ждала съ часу на часъ прибытія мужа, возвѣщеннаго телеграммой.—Убранство гостиной носило отпечатокъ новѣйшаго, деликатнаго вкуса: все въ ней было мило и привѣтно—все, отъ пріятной пестроты кретонныхъ обоевъ и драпери до разнообразныхъ очертаній фарфоровыхъ, бронзовыхъ, хрустальныхъ бездѣлушекъ, разсыпанныхъ по этажеркамъ и столамъ; все мягко и стройно выдавалось—и сливалось—въ веселыхъ лучахъ майскаго дня, свободно струившихся сквозь высокія, настежь раскрытыя окна. Воздухъ гостиной, напоенный запахомъ ландышей (большіе букеты этихъ чудесныхъ весеннихъ цвѣтовъ бѣлѣли тамъ и сямъ)—по временамъ едва колыхался, возмущенный приливомъ легкаго вѣтра, тихо кружившаго надъ пышно-раскинутымъ садомъ.

Прелестная картина! И сама хозяйка дома, Валентина Михайловна Сипягина, довершала эту картину, придавала ей смыслъ и жизнь. Это была высокаго росту женщина лѣтъ тридцати, съ темно-русыми волосами, смуглымъ, но свѣжимъ, одноцвѣтнымъ лицомъ, напоминавшимъ обликъ Сикстинской Мадонны, съ удивительными, глубокими, бархатными глазами. — Ея губы были немножко широки и блѣдны, плеча немного высоки, руки немного велики... Но за всѣмъ тѣмъ, всякій, кто бы увидалъ, какъ она свободно и легко двигалась по гостиной, то наклоняя къ цвѣтамъ свой тонкій, слегка перетянутый станъ и съ улыбкой нюхая ихъ—то переставляя какую-нибудь китайскую вазочку—то быстро поправляя передъ зеркаломъ свои лоснистые волосы и чуть-чуть прищуривая свои дивные глаза—всякій, говоримъ мы, навѣрное воскликнулъ бы,—про себя или даже громко,—что онъ не встрѣчалъ болѣе плѣнительнаго созданія!

Хорошенькій, кудрявый мальчикъ лѣтъ девяти, въ шотландскомъ костюмѣ, съ голыми ножками, сильно напомаженный и завитой, вбѣжалъ стремительно въ гостиную и внезапно остановился при видѣ Валентины Михайловны.

— Чтó тебѣ, Коля?—спросила она.—Голосъ у ней былъ такой же мягкій и бархатный, какъ и глаза.

— Вотъ чтó, мáма,—началъ съ замѣшательствомъ мальчикъ,—

меня тётушка прислала сюда... велѣла принести ландышей... для ея комнаты... у нея нѣту...

Валентина Михайловна взяла своего сынишку за подбородокъ и приподняла его напомаженную головку.

— Скажи тётушкѣ, чтобы она послала за ландышами къ садовнику;—а эти ландыши—мои... Я не хочу, чтобы ихъ трогали. Скажи ей, что я не люблю, чтобы нарушались мои порядки. Съумѣешь ли ты повторить мои слова?

— Съумѣю...—прошепталъ мальчикъ.

— Ну-ка—скажи.

— Я скажу... я скажу... что ты не хочешь.

Валентина Михайловна засмѣялась. — И смѣхъ у нея былъ мягкій.

— Я вижу, тебѣ еще нельзя давать никакихъ порученій. Ну, все равно, скажи, что̀ вздумается.

Мальчикъ быстро поцѣловалъ руку матери, всю украшенную кольцами, и стремглавъ бросился вонъ.

Валентина Михайловна проводила его глазами, вздохнула, подошла къ золоченой проволочной клѣткѣ, по стѣнкамъ которой, осторожно цѣпляясь клювомъ и лапками, пробирался зеленый попугайчикъ, подразнила его концомъ пальца; потомъ опустилась на низкій диванчикъ и, взявши съ круглаго рѣзного столика послѣдній № «Revue des Deux Mondes»,— принялась его перелистывать.

Почтительный кашель заставилъ ее оглянуться. На порогѣ двери стоялъ благообразный слуга въ ливрейномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ.

— Чего тебѣ,—Агаѳонъ? спросила Валентина Михайловна все тѣмъ же мягкимъ голосомъ.

— Семенъ Петровичъ Коломейцевъ пріѣхали-съ. Прикажете принять?

— Проси, разумѣется, проси. — Да вели сказать Маріаннѣ Викентьевнѣ, чтобы она пожаловала въ гостиную.

Валентина Михайловна бросила на столикъ № «Revue des Deux Mondes» — и, прислонившись къ спинкѣ дивана, подняла глаза кверху и задумалась—что̀ очень къ ней шло.

Уже по тому, ка̀къ Семенъ Петровичъ Калломѣйцевъ, молодой мужчина лѣтъ 32-хъ, вошелъ въ комнату — развязно, небрежно и томно; — ка̀къ онъ вдругъ пріятно просвѣтлѣлъ, ка̀къ поклонился немного въ бокъ — и ка̀къ эластически выпрямился потомъ;—ка̀къ заговорилъ не то въ носъ, не то слащаво;—ка̀къ почтительно взялъ, ка̀къ внушительно поцѣловалъ руку Вален-

тины Михайловны—уже по всему этому можно было догадаться, что новоприбывшій гость не былъ житель провинціи, не деревенскій, случайный, хоть и богатый сосѣдъ, а настоящій петербургскій «гранжанръ» высшаго полета.—Къ тому же и одѣтъ онъ былъ на самый лучшій англійскій манеръ: цвѣтной кончикъ бѣлаго батистоваго новаго платка торчалъ маленькимъ трехъугольникомъ изъ плоскаго бокового кармана пёстренькой жакетки; на довольно широкой черной ленточкѣ болталась одноглазая лорнетка; блѣдно-матовый тонъ шведскихъ перчатокъ соотвѣтствовалъ блѣдно-сѣрому колеру клѣтчатыхъ панталонъ. Остриженъ былъ г-нъ Калломѣйцевъ коротко, выбритъ гладко; лицо его, нѣсколько женоподобное, съ небольшими близко другъ къ другу поставленными глазками, съ тонкимъ вогнутымъ носомъ, съ пухлыми красными губками, выражало пріятную вольность высокообразованнаго дворянина. Оно дышало привѣтомъ... и весьма легко становилось злымъ, даже грубымъ: стоило кому-нибудь чѣмъ-нибудь задѣть Семена Петровича, задѣть его консерваторскіе, патріотическіе и религіозные принципы, — о! тогда онъ дѣлался безжалостнымъ! Все его изящество испарялось мгновенно; — нѣжные глазки зажигались недобрымъ огонькомъ;—красивый ротикъ выпускалъ некрасивыя слова—и взывалъ—съ пискомъ взывалъ къ начальству!

Фамилія Семена Петровича происходила отъ простыхъ огородниковъ. — Прадѣдъ его назывался, по мѣсту происхожденія: Колбменцовъ... Но уже дѣдъ его переименовалъ себя въ Коломѣйцева; отецъ писалъ: Калломейцевъ,—наконецъ Семенъ Петровичъ поставилъ букву: *ѣ* на мѣсто: *е*—и, не шутя, считалъ себя чистокровнымъ аристократомъ; даже намекалъ на то, что ихъ фамилія происходитъ собственно отъ бароновъ фонъ-Галленмейеръ, изъ коихъ одинъ былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ въ Тридцатилѣтнюю войну. Семенъ Петровичъ служилъ въ министерствѣ двора, имѣлъ званіе каммеръ-юнкера; патріотизмъ помѣшалъ ему пойти по дипломатической части, куда, казалось, все его призывало: и воспитаніе, и привычка къ свѣту, и успѣхи у женщинъ, и самая наружность... mais quitter la Russie?—jamais!—У Калломѣйцева было хорошее состояніе, были связи; онъ слылъ за человѣка надежнаго и преданнаго — «un peu trop... féodal dans ses opinions», какъ выражался о немъ извѣстный князь Б., одно изъ свѣтилъ петербургскаго чиновничьяго міра. Въ С...ую губернію Калломѣйцевъ пріѣхалъ на двухмѣсячный отпускъ, чтобы хозяйствомъ позаняться, т.-е. «кого пугнуть, кого поприжать».— Вѣдь безъ этого—невозможно!

— Я полагалъ, что найду уже здѣсь Бориса Андреича,—началъ онъ, любезно покачиваясь съ ноги на ногу — и внезапно глядя въ бокъ, въ подражаніе одному очень важному лицу.

Валентина Михайловна слегка прищурилась.

— А то вы бы не пріѣхали?

Калломѣйцевъ даже назадъ запрокинулся, до того вопросъ г-жи Сипягиной показался ему несправедливымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ!

— Валентина Михайловна!—воскликнулъ онъ, — помилуйте, возможно ли предполагать...

— Ну, хорошо, хорошо, садитесь. Борисъ Андреичъ сейчасъ здѣсь будетъ. Я за нимъ послала коляску на станцію. Подождите немного... Вы увидите его. Который теперь часъ?

— Половина третьяго,—промолвилъ Калломѣйцевъ, вынувъ изъ кармана жилета большіе золотые часы, украшенные эмалью. Онъ показалъ ихъ Сипягиной.—Вы видѣли мои часы? Мнѣ ихъ подарилъ Михаилъ, знаете... сербскій князь... Обреновичъ. Вотъ его шифръ,—посмотрите. Мы съ нимъ большіе пріятели. Вмѣстѣ охотились. Прекрасный малый! И рука желѣзная, какъ слѣдуетъ правителю. О, онъ шутить не любитъ! Нѣ-хѣ-хѣтъ!

Калломѣйцевъ опустился на кресло, скрестилъ ноги и началъ медленно стаскивать свою лѣвую перчатку.

— Вотъ намъ бы здѣсь, въ нашей губерніи, такого Михаила!

— А что? Вы развѣ чѣмъ недовольны?

Калломѣйцевъ наморщилъ носъ.

— Да все это земство! Это земство! Къ чему оно? Только ослабляетъ администрацію и возбуждаетъ... лишнія мысли... (Калломѣйцевъ поболталъ въ воздухѣ обнаженной лѣвой рукой, освобожденной отъ давленія перчатки)... и несбыточныя надежды (Калломѣйцевъ подулъ себѣ на руку). Я говорилъ объ этомъ въ Петербургѣ... mais, bah! Вѣтеръ не туда тянетъ. Даже супругъ вашъ... представьте! Впрочемъ, онъ извѣстный либералъ!

Сипягина выпрямилась на диванчикѣ.

— Какъ? И вы, мсьё Калломѣйцевъ, вы дѣлаете оппозицію правительству?

— Я? Оппозицію? Никогда! Ни за что! Mais j'ai mon franc parler. Я иногда критикую, но покоряюсь всегда!

— А я такъ напротивъ: не критикую, и не покоряюсь.

— Ah! mais c'est un mot! Я, если позволите, сообщу ваше замѣчаніе моему другу—Ladislas, vous savez, онъ собирается написать романъ изъ большого свѣта, и уже прочелъ мнѣ нѣ-

сколько главъ. Это будетъ прелесть! Nous aurons enfin le grand monde russe, peint par lui-même.

— Гдѣ это появится?

— Конечно, въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Это наша «Revue des Deux Mondes». Я, вотъ вижу, вы ее читаете.

— Да; но, знаете ли, она очень скучна становится.

— Можетъ быть... можетъ быть... И «Русскій Вѣстникъ», пожалуй, тоже съ нѣкоторыхъ поръ, — говоря современнымъ языкомъ, — крошечку подгулялъ.

Калломѣйцевъ засмѣялся во весь ротъ; ему показалось, что это очень забавно сказать: «подгулялъ» да еще «крошечку». —Mais c'est un journal, qui se respecte, — продолжалъ онъ. — А это главное. Я, доложу вамъ, я... русской литературой интересуюсь мало; въ ней теперь все какіе-то разночинцы фигурируютъ. Дошли, наконецъ, до того, что героиня романа — кухарка, простая кухарка, parole d'honneur! Но романъ Ладисласа я прочту непремѣнно. Il y aura le petit mot pour rire... и направленіе! направленіе! Нигилисты будутъ посрамлены — въ этомъ мнѣ порукой образъ мыслей Ладисласа, — qui est très correct.

— Но не его прошедшее, — замѣтила Сипягина.

— Ah! jetons un voile sur les erreurs de sa jeunesse! — воскликнулъ Калломѣйцевъ и стащилъ правую перчатку.

Г-жа Сипягина опять слегка прищурилась. Она немного кокетничала своими удивительными глазами.

— Семенъ Петровичъ, — промолвила она, — позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы это, говоря по-русски, употребляете такъ много французскихъ словъ? Мнѣ кажется, что... извините меня, это устарѣлая манера.

— Зачѣмъ? зачѣмъ? Не всѣмъ же такъ отлично владѣть роднымъ нарѣчіемъ, какъ, напримѣръ, вы. Что касается до меня, то я признаю языкъ россійскій, языкъ указовъ и постановленій правительственныхъ; я дорожу его чистотою! Передъ Карамзинымъ я склоняюсь!.. Но русскій, такъ сказать, ежедневный языкъ... развѣ онъ существуетъ? Ну, напримѣръ, какъ бы вы перевели мое восклицаніе — de tout à l'heure: «C'est un mot!?» Это — слово!?... Помилуйте!

— Я бы сказала: это — удачное слово.

Калломѣйцевъ засмѣялся.

— «Удачное слово!» Валентина Михайловна! Да развѣ вы не чувствуете, что тутъ... семинаріей сейчасъ запахло... Всякая соль исчезла...

— Ну, вы меня не переубѣдите. — Да что же это Маріанна?

Она позвонила въ колокольчикъ; вошёлъ казачокъ.

— Я велѣла попросить Маріанну Викентьевну сойти въ гостиную. Развѣ ей не доложили?

Казачокъ не успѣлъ отвѣтить, какъ за его спиной, на порогѣ двери, появилась молодая дѣвушка, въ шировой темной блузѣ, остриженная въ кружокъ, Маріанна Викентьевна Синецкая, племянница Сипягина по матери.

VI.

— Извините меня, Валентина Михайловна, — сказала она, приблизившись къ Сипягиной,—я была занята и замѣшкалась.

Потомъ она поклонилась Калломѣйцеву, и, отойдя немного въ сторону, сѣла на маленькое патэ, въ сосѣдствѣ попугайчика, который, какъ только увидѣлъ ее, захлопалъ крыльями и потянулся къ ней.

— Зачѣмъ же это ты такъ далеко сѣла, Маріанна,—замѣтила Сипягина, проводивъ ее глазами до самаго патэ.—Тебѣ хочется быть поближе къ твоему маленькому другу? Представьте, Семенъ Петровичъ,—обратилась она къ Калломѣйцеву,—попугайчикъ этотъ просто влюбленъ въ нашу Маріанну...

— Это меня не удивляетъ!

— А меня терпѣть не можетъ.

— Вотъ это удивительно! Вы его, должно быть, дразните?

— Никогда; напротивъ. Я его сахаромъ кормлю. Только онъ изъ рукъ моихъ ничего не беретъ. Нѣтъ... это симпатія... и антипатія...

Маріанна исподлобья глянула на Сипягину... и Сипягина глянула на нее.

Эти двѣ женщины не любили другъ друга.

Въ сравненіи съ тёткой, Маріанна могла казаться почти «дурнушкой». Лицо она имѣла круглое, носъ большой, орлиный,—сѣрые, тоже большіе и очень свѣтлые глаза,—тонкія брови, тонкія губы. Она стригла свои русые, густые волосы и смотрѣла букой. Но отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то сильнымъ и смѣлымъ, чѣмъ-то стремительнымъ и страстнымъ. Ноги и руки у ней были крошечныя; ея крѣпко и гибко сложенное, маленькое тѣло напоминало флорентійскія статуетки XVI вѣка; двигалась она стройно и легко.

Положеніе Синецкой въ домѣ Сипягиныхъ было довольно тяжелое. Ея отецъ, очень умный и бойкій человѣкъ полупольскаго

происхожденія, дослужился генеральскаго чина — но сорвался вдругъ, уличенный въ громадной, казенной кражѣ; его судили... осудили, лишивъ чиновъ, дворянства, сослали въ Сибирь. Потомъ простили... вернули; но онъ не успѣлъ выкарабкаться вновь и умеръ въ крайней бѣдности. Его жена, родная сестра Сипягина, мать Маріанны (кромѣ ея у нея не было дѣтей)—не перенесла удара, разгромившаго все ея благосостояніе и умерла вскорѣ послѣ мужа. Дядя Сипягинъ пріютилъ Маріанну у себя въ домѣ.— Но жить въ зависимости было ей тошно; она рвалась на волю, всѣми силами неподатливой души—и между ея тёткою и ею кипѣла постоянная, хотя скрытная борьба. Сипягина считала ее нигилисткой и безбожницей; съ своей стороны, Маріанна ненавидѣла въ Сипягиной свою невольную притѣснительницу. Дяди она чуждалась, какъ и всѣхъ другихъ людей.—Она именно чуждалась ихъ, а не боялась; нравъ у нея былъ не робкій.

— Антипатія,—повторилъ Калломѣйцевъ,—да, это странная вещь. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что я глубоко-религіозный человѣкъ, православный въ полномъ смыслѣ слова; а поповскую косичку, пучóкъ—видѣть не могу равнодушно: такъ и закипаетъ во мнѣ что-то, такъ и закипаетъ!

Калломѣйцевъ при этомъ даже представилъ, поднявши раза два сжатую руку, какъ у него въ груди закипаетъ.

— Васъ вообще волосы безпокоятъ, Семенъ Петровичъ,—замѣтила Маріанна:—я увѣрена, что вы тоже не можете видѣть равнодушно, если у кого они острижены, какъ у меня.

Сипягина медленно приподняла брови и преклонила голову—какъ-бы удивляясь той развязности, съ которой нынѣшнія молодыя дѣвушки вступаютъ въ разговоръ,—а Калломѣйцевъ снисходительно осклабился.

— Конечно,—промолвилъ онъ,—я не могу не сожалѣть о тѣхъ прекрасныхъ кудряхъ, подобныхъ вашимъ, Маріанна Викентьевна, которыя падаютъ подъ безжалостнымъ лезвіемъ ножницъ; но антипатіи во мнѣ нѣтъ; и во всякомъ случаѣ... вашъ примѣръ могъ бы меня... меня... конвертировать!

Калломѣйцевъ не нашелъ русскаго слова;—а по-французски не хотѣлъ говорить, послѣ замѣчанія хозяйки.

— Слава Богу, Маріанна у меня еще очковъ не носитъ, вмѣшалась Сипягина, — и съ воротничками, и съ рукавчиками пока еще не разсталась:—за тó естественными науками, къ искреннему моему сожалѣнію, занимается; и женскимъ вопросомъ интересуется тоже... Не правда ли, Маріанна?

Все это было сказано съ цѣлью смутить Маріанну; но она не смутилась.

— Да, тетушка,—отвѣчала она,—я читаю все, что объ этомъ написано; я стараюсь понять, въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ.

— Что значитъ молодость!—обратилась Сипягина къ Калломѣйцеву:—вотъ мы съ вами уже этимъ не занимаемся—а?

Калломѣйцевъ сочувственно улыбнулся: надо-жъ было поддержать веселую шутку любезной дамы.

— Маріанна Викентьевна,—началъ онъ—исполнена еще тѣмъ идеализмомъ... тѣмъ романтизмомъ юности,.. который... со временемъ...

— Впрочемъ, я клевещу на себя,—перебила его Сипягина:—вопросы эти меня интересуютъ тоже. Я вѣдь не совсѣмъ еще состарѣлась.

— И я всѣмъ этимъ интересуюсь,—поспѣшно воскликнулъ Калломѣйцевъ;—только я запретилъ бы объ этомъ говорить!

— Запретили бы объ этомъ говорить?—переспросила Маріанна.

— Да!—Я бы сказалъ публикѣ: интересоваться не мѣшаю... но говорить... тссссъ!—Онъ поднесъ палецъ къ губамъ.—Во всякомъ случаѣ, *печатно* говорить—запретилъ бы!—Безусловно!

Сипягина засмѣялась.

— Что-жъ? По вашему, не коммиссію ли назначить при министерствѣ для разрѣшенія этого вопроса?

— А хоть бы и коммиссію!—Вы думаете, мы бы разрѣшили этотъ вопросъ хуже, чѣмъ всѣ эти голодные щелкопёры, которые дальше своего носа ничего не видятъ и воображаютъ, что они... первые геніи? — Мы бы назначили Бориса Андреича предсѣдателемъ...

Сипягина еще пуще засмѣялась.

— Смотрите, берегитесь; Борисъ Андреичъ иногда такимъ бываетъ якобинцемъ...

— Жакó, жакó, жакó,—затрещалъ попугай.

Валентина Михайловна махнула на него платкомъ.

— Не мѣшай умнымъ людямъ разговаривать!.. Маріанна, уйми его.

Маріанна обернулась къ клѣткѣ и принялась чесать ногтемъ попугайчика по шеѣ, которую тотъ ей тотчасъ подставилъ.

— Да,—продолжала Сипягина,—Борисъ Андреичъ иногда меня самоё удивляетъ. Въ немъ есть жилка... жилка трибуна.

— C'est parcequ'il est orateur!—сгоряча подхватилъ по-французски Калломѣйцевъ. — Вашъ мужъ обладаетъ даромъ слова, какъ никто, ну, и блестѣть привыкъ... ses propres paroles le grisent...

а къ тому же и желаніе популярности... Впрочемъ, онъ теперь нѣсколько разсерженъ, не правда ли? Il boude? Eh?

Сипягина повела глазами на Маріанну.

— Я ничего не замѣтила, — промолвила она послѣ небольшого молчанія.

— Да, — продолжалъ задумчивымъ тономъ Калломѣйцевъ, — его немножко обошли на Святой...

Сипягина опять указала ему глазами на Маріанну.

Калломѣйцевъ улыбнулся и прищурился: — «я, молъ, понялъ».

— Маріанна Викентьевна! — воскликнулъ онъ вдругъ, безъ нужды громко: — вы въ нынѣшнемъ году опять намѣрены давать уроки въ школѣ?

Маріанна отвернулась отъ клѣтки.

— И *это* васъ интересуетъ, Семенъ Петровичъ?

— Конечно; очень даже интересуетъ.

— Вы бы *этого* не запретили?

— Нигилистамъ запретилъ бы даже думать о школахъ; а подъ руководствомъ духовенства — и съ надзоромъ за духовенствомъ — самъ бы заводилъ!

— Вотъ какъ! А я не знаю, что̀ буду дѣлать въ нынѣшнемъ году. — Въ прошломъ все такъ дурно шло. — Да и какая школа лѣтомъ!

Когда Маріанна говорила, она постепенно краснѣла, какъ будто ея рѣчь ей стоила усилія, какъ будто она заставляла себя ее продолжать. Много еще въ ней было самолюбія.

— Ты не довольно подготовлена? — спросила Сипягина съ ироническимъ трепетаніемъ въ голосѣ.

— Можетъ быть.

— Какъ! — снова воскликнулъ Калломѣйцевъ. — Что я слышу!! О, боги! Для того, чтобъ учить крестьянскихъ дѣвочекъ азбукѣ — нужна подготовка?

Но въ эту минуту въ гостиную съ крикомъ: «Ма́ма! ма́ма! папа̀ ѣдетъ!» — вбѣжалъ Коля — а, вслѣдъ за нимъ, переваливаясь на толстыхъ ножкахъ, появилась сѣдовласая дама въ чепцѣ и желтой шали — и тоже объявила, что Боринька сейчасъ будетъ!

Эта дама была тётка Сипягина, Анна Захаровна по имени. — Всѣ находившіяся въ гостиной лица повскакали съ своихъ мѣстъ и устремились въ переднюю — а оттуда спустились по лѣстницѣ на главное крыльцо. Длинная аллея стриженыхъ ёлокъ вела отъ большой дороги прямо къ этому крыльцу; по ней уже скакала коляска, запряженная четверней. — Валентина Михайловна, стоявшая впереди всѣхъ, замахала платкомъ, Коля запищалъ прон-

зительно; кучеръ лихо осадилъ разгоряченныхъ лошадей, лакей слетѣлъ кубаремъ съ козелъ да чуть не вырвалъ дверецъ коляски вмѣстѣ съ петлями и замкомъ—и вотъ, съ снисходительной улыбкой на устахъ, въ глазахъ, на всемъ лицѣ, однимъ ловкимъ движеніемъ плечъ сбросивъ съ себя шинель, Борисъ Андреевичъ спустился на землю. Валентина Михайловна красиво и быстро вскинула ему обѣ руки вокругъ шеи — и трижды съ нимъ поцѣловалась. Коля топоталъ ногами и дергалъ отца сзади за полы сюртука... но тотъ сперва облобызался съ Анной Захаровной, предварительно снявъ съ головы пренеудобный и безобразный шотландскій дорожный картузъ, потомъ поздоровался съ Маріанной и Калломѣйцевымъ, которые тоже вышли на крыльцо — (Калломѣйцеву онъ далъ сильный англійскій shakehands, въ «раскачку» — словно въ колоколъ позвонилъ) — и только тогда обратился къ сыну; взялъ его подъ-мышки, поднялъ и приблизилъ къ своему лицу.

Пока все это происходило, изъ коляски, тихохонько, словно виноватый, вылѣзъ Неждановъ и остановился близъ передняго колеса, не снимая шапки и посматривая исподлобья... Валентина Михайловна, обнимаясь съ мужемъ, зорко глянула черезъ его плечо на эту новую фигуру; — Сипягинъ предупредилъ ее, что привезетъ съ собою учителя.

Все общество, продолжая мѣняться привѣтами и рукопожатіями съ прибывшимъ хозяиномъ, двинулось вверхъ по лѣстницѣ, уставленной съ обѣихъ сторонъ главными слугами и служанками. — Къ ручкѣ они не подходили—эта «азіатщина» была давно отмѣнена—и только кланялись почтительно; и Сипягинъ отвѣчалъ ихъ поклонамъ—больше бровями и носомъ, чѣмъ головою.

Неждановъ тоже поплелся вверхъ по широкимъ ступенямъ. Какъ только онъ вошелъ въ переднюю, Сипягинъ, который уже искалъ его глазами, представилъ его женѣ, Аннѣ Захаровнѣ, Маріаннѣ; а Колѣ сказалъ: «Это твой учитель, прошу его слушаться! Подай ему руку»!—Коля робко протянулъ руку Нежданову—а потомъ уставился на него; но, видно, не найдя въ немъ ничего особеннаго или пріятнаго, снова ухватился за своего «папу». — Неждановъ чувствовалъ себя неловко, такъ же, какъ тогда въ театрѣ. На немъ было старое, довольно невзрачное пальто; дорожная пыль насѣла ему на все лицо и на руки. — Валентина Михайловна сказала ему что-то любезное; но онъ хорошенько не разслышалъ ея словъ и не отвѣчалъ, а только замѣтилъ, что она особенно свѣтло и ласково взирала на своего мужа и жалась къ нему.—Въ Колѣ ему не понравился его завитой, напомаженный

юколъ; при видѣ Калломѣйцева онъ подумалъ: «экая облизанная мордочка!»—а на другія лица онъ вовсе не обратилъ вниманія. Сипягинъ раза два съ достоинствомъ повертѣлъ головою, какъ-бы осматривая свои пенаты, причемъ удивительно отчеканивались его длинныя висячія бакенбарды и нѣсколько крутой, маленькій затылокъ.—Потомъ онъ сильнымъ, вкуснымъ, отъ дороги нисколько не охрипшимъ голосомъ крикнулъ одному изъ лакеевъ: «Иванъ! проводи г-на учителя въ зеленую комнату, да чемоданъ ихъ туда снеси»—и объявилъ Нежданову, что онъ можетъ теперь отдохнуть и разобраться и почиститься — а обѣдъ у нихъ въ домѣ подаютъ ровно въ пять часовъ. Неждановъ поклонился и отправился вслѣдъ за Иваномъ въ «зеленую» комнату, находившуюся во второмъ этажѣ.

Все общество перешло въ гостиную. Тамъ еще разъ повторились привѣтствія; — полуслѣпая старушка-нянька явилась съ поклономъ. — Этой, изъ уваженія къ ея лѣтамъ, Сипягинъ далъ поцѣловать свою руку, и, извинившись передъ Калломѣйцевымъ, удалился въ спальню, сопровождаемый своей супругой.

VII.

Обширная и опрятная комната, въ которую слуга ввелъ Нежданова, выходила окнами въ садъ. Они были раскрыты, и легкій вѣтеръ слабо надувалъ бѣлыя шторы: онѣ округлялись какъ паруса, приподнимались и падали снова. По потолку тихо скользили золотистые отблески; во всей комнатѣ стоялъ весенній, свѣжій, немного сырой запахъ.—Неждановъ началъ съ того, что услалъ слугу, выложилъ вещи изъ чемодана, умылся и переодѣлся. Путешествіе его уморило; двухдневное постоянное присутствіе человѣка незнакомаго,—съ которымъ онъ говорилъ много, разнообразно—и безплодно, раздражило его нервы: что-то горькое, не то скука, не то злость, тайно забралось въ самую глубь его существа; онъ негодовалъ на свое малодушіе — а сердце все ныло!

Онъ подошелъ къ окну—и сталъ глядѣть на садъ. То былъ прадѣдовскій, черноземный садъ, какого не увидишь по-сю сторону Москвы.—Расположенный по длинному скату пологаго холма, онъ состоялъ изъ четырехъ, ясно обозначенныхъ отдѣленій. Передъ домомъ, шаговъ на двѣсти, разстилался цвѣтникъ, съ песчаными прямыми дорожками, группами акацій и сиреней и круглыми «клумбами»; налѣво, минуя конный дворъ, до самаго гумна

за единственные принципы, которые признаю», — воскликнулъ этотъ разгоряченный помѣщикъ — «за кнутъ и за Рёдереръ!»

Валентина Михайловна наморщила брови и замѣтила что эта цитата—de très mauvais goût.—Сипягинъ выражалъ, напротивъ, мнѣнія весьма либеральныя; вѣжливо и нѣсколько небрежно опровергалъ Калломѣйцева; даже подтрунивалъ надъ нимъ.

— Ваши страхи на счетъ эмансипаціи, любезный Семенъ Петровичъ,—сказалъ онъ ему между прочимъ,—напоминаютъ мнѣ записку, которую нашъ почтеннѣйшій и добрѣйшій Алексѣй Иванычъ Тверитиновъ подалъ въ 1860 году, и которую онъ всюду читалъ по петербургскимъ салонамъ. Особенно хороша была тамъ одна фраза о томъ, какъ нашъ освобожденный мужикъ непремѣнно пойдетъ съ факеломъ въ рукѣ, по лицу всего отечества. Надо было видѣть, какъ нашъ милый Алексѣй Ивановичъ, надувая щёчки и тараща глазёнки, произносилъ своимъ младенческимъ ротикомъ: «факелъ! ффакелъ! пойдетъ съ ффакеломъ!» Ну, вотъ совершилась эмансипація... Гдѣ же мужикъ съ факеломъ?

— Тверитиновъ,—возразилъ сумрачнымъ тономъ Калломѣйцевъ,—ошибся только въ томъ, что не мужики пойдутъ съ факелами, а другіе.

При этихъ словахъ Неждановъ, который до того мгновенія почти не замѣчалъ Маріанны—она сидѣла отъ него наискось—вдругъ переглянулся съ нею, и тотчасъ почувствовалъ, что они оба, эта угрюмая дѣвушка и онъ—одних убѣжденій, и одного пошиба. Она не произвела никакого впечатлѣнія на него, когда Сипягинъ представилъ его ей; почему же онъ теперь переглянулся именно съ нею? Онъ тутъ же поставилъ себѣ вопросъ: не стыдно ли, не позорно ли, сидѣть и слушать подобныя мнѣнія, и не протестовать, и давать своимъ молчаньемъ поводъ думать, что самъ ихъ раздѣляешь? Неждановъ вторично глянулъ на Маріанну, и ему показалось, что онъ въ ея глазахъ прочелъ отвѣтъ на свой вопросъ: «погоди-молъ; теперь еще не время... не стóитъ... послѣ; всегда успѣешь...»

Ему пріятно было думать, что она его понимаетъ. Онъ опять прислушался къ разговору... Валентина Михайловна смѣнила своего мужа, и высказывалась еще свободнѣе, еще радикальнѣе, нежели онъ. Она не постигала, «рѣшительно не пос...ти...га...ла», какъ человѣкъ, образованный и молодой, можетъ придерживаться такой застарѣлой рутины!

—Впрочемъ, прибавила она,—я увѣрена, что вы это говорите только такъ, для краснаго словца! Что же касается до

васъ, Алексѣй Дмитричъ, — обратилась она съ любезной улыбкой къ Нежданову (онъ внутренно изумился тому, что его имя и отчество были ей извѣстны),—я знаю, вы не раздѣляете опасеній Семена Петровича: мнѣ Борисъ передалъ ваши бесѣды съ нимъ, во время дороги.

Неждановъ покраснѣлъ, склонился надъ тарелкой и пробормоталъ что-то невнятное: онъ не то́, чтобы оробѣлъ, а не привыкъ онъ перекидываться рѣчами съ такими блестящими особами. Сипягина продолжала улыбаться ему; мужъ покровительственно поддакивалъ ей... За то Калломѣйцевъ воткнулъ, не спѣша, свое круглое стеклышко между бровью и носомъ, и уставился на студентика, который осмѣливается не раздѣлять его «опасеній». Ну—*этимъ* смутить Нежданова было трудно; напротивъ: онъ тотчасъ выпрямился и уставился въ свою очередь на великосвѣтскаго чиновника:—и такъ же внезапно, какъ почувствовалъ въ Маріаннѣ товарища, онъ въ Калломѣйцевѣ почувствовалъ врага! И Калломѣйцевъ это почувствовалъ; выронилъ стеклышко, отвернулся и попытался усмѣхнуться... но ничего не вышло; одна Анна Захаровна, тайно благоговѣвшая передъ нимъ, мысленно стала на его сторону, и еще болѣе вознегодовала на непрошеннаго сосѣда, отдѣлявшаго ее отъ Коли.

Вскорѣ затѣмъ обѣдъ кончился. Общество перешло на террассу пить кофе; Сипягинъ и Калломѣйцевъ закурили сигары. Сипягинъ предложилъ-было одну настоящую регалію Нежданову; но тотъ отказался.

— Ахъ, да!—воскликнулъ Сипягинъ; я и забылъ:—вы курите только свои папиросы!

— Странный вкусъ, — замѣтилъ сквозь зубы Калломѣйцевъ.

Неждановъ чуть не вспылилъ.—«Разницу между регаліей и папиросой я очень хорошо знаю, но я одолжаться не хочу»—чуть не сорвалось у него съ языка... Однако онъ удержался; но тутъ же занесъ эту вторую дерзость своему врагу въ «дебетъ».

— Маріанна! — вдругъ громкимъ голосомъ промолвила Сипягина:—ты не церемонься передъ новымъ лицомъ... кури съ Богомъ свою пахитоску. Тѣмъ болѣе, — прибавила она, обращаясь къ Нежданову,—что, я слышала, въ вашемъ обществѣ всѣ барышни курятъ?

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ сухо Неждановъ.—То было первое слово, сказанное имъ Сипягиной.

— А я вотъ не курю, — продолжала она, ласково прищуривъ свои бархатные глаза...—Отстала отъ вѣка.

Маріанна медлительно и обстоятельно, словно на зло тёткѣ,

достала пахитоску, коробочку со спичками, и начала курить. Неждановъ тоже закурилъ папиросу, позаимствовавъ огня у Маріанны.

Вечеръ стоялъ чудесный. Коля съ Анной Захаровной отправились въ садъ; остальное общество оставалось еще около часу на террасѣ, наслаждаясь воздухомъ. Бесѣда шла довольно оживленная... Калломѣйцевъ нападалъ на литературу; Сипягинъ и тутъ явился либераломъ, отстаивалъ ея независимость, доказывалъ ея пользу, упомянулъ даже о Шатобріанѣ и о томъ, что императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго! Неждановъ не вмѣшивался въ это словопреніе; Сипягина посматривала на него съ такимъ выраженіемъ, какъ будто, съ одной стороны, она одобряла его скромную воздержность, а съ другой—немного удивлялась ей.

Къ чаю всѣ перешли въ гостиную.

— У насъ, Алексѣй Дмитричъ,—сказалъ Сипягинъ Нежданову, такая скверная привычка: по вечерамъ мы играемъ въ карты, да еще въ запрещенную игру — въ стуколку... Представьте! — Я васъ не приглашаю... но, впрочемъ, Маріанна будетъ такъ добра, сыграетъ намъ что-нибудь на фортепьяно. Вы, вѣдь, надѣюсь, любите музыку — а? И не дожидаясь отвѣта, Сипягинъ взялъ въ руку колоду картъ. Маріанна сѣла за фортепьяно и сыграла ни хорошо, ни худо нѣсколько «Пѣсенъ безъ словъ» Мендельсона. — Charmant! Charmant! quel touché! — закричалъ издали, словно ошпаренный, Калломѣйцевъ; но восклицаніе это было имъ пущено болѣе изъ вѣжливости; да и Неждановъ, несмотря на надежду, выраженную Сипягинымъ, никакого пристрастія къ музыкѣ не имѣлъ.

Между тѣмъ Сипягинъ съ женой, Калломѣйцевъ, Анна Захаровна усѣлись за карты... Коля пришелъ проститься и, получивъ благословеніе отъ родителей да большой стаканъ молока вмѣсто чаю, отправился спать: отецъ крикнулъ ему вслѣдъ, что завтра же онъ начнетъ свои уроки съ Алексѣемъ Дмитричемъ. Немного спустя, увидавъ, что Неждановъ торчитъ безъ дѣла посреди комнаты и напряженно переворачиваетъ листы фотографическаго альбома, Сипягинъ сказалъ ему, чтобъ онъ не стѣснялся и шелъ бы къ себѣ отдохнуть, такъ какъ онъ вѣроятно усталъ послѣ дороги; что у нихъ въ домѣ главный девизъ: свобода!

Неждановъ воспользовался даннымъ позволеніемъ и, раскланявшись со всѣми, пошелъ вонъ; въ дверяхъ онъ столкнулся съ Маріанной и, снова заглянувъ ей въ глаза, снова убѣдился, что

будетъ съ ней какъ товарищъ, хотя она не только не улыбнулась ему, но даже нахмурила брови.

Онъ нашелъ комнату свою всю наполненною душистой свѣжестью: окна оставались открытыми цѣлый день. Въ саду, прямо противъ его окна, коротко и звучно щелкалъ соловей; ночное небо тускло и тепло краснѣло надъ округленными верхушками липъ: то готовилась выплыть луна. Неждановъ зажегъ свѣчку; ночныя сѣрыя бабочки такъ и посыпались изъ темнаго сада и пошли на огонь, кружась и толкаясь, а вѣтеръ ихъ отдувалъ и колебалъ сине-желтое пламя свѣчи.

«Странное дѣло!» думалъ Неждановъ, уже лежа въ постелѣ... «Хозяева, люди, кажется, хорошіе, либеральные, даже гуманные... а томно что-то на душѣ. Каммергеръ... каммеръ-юнкеръ... Ну, утро вечера мудренѣе... Сантиментальничать нечего».

Но въ это мгновенье въ саду сторожъ настойчиво и громко застучалъ въ доску—и раздался протяжный крикъ: «Слуша...а...ай!»

— Примѣча...а...й!—отозвался другой заунывный голосъ.

— Фу ты, Боже мой!—точно въ крѣпости!

VIII.

Неждановъ проснулся рано, и, не дожидаясь появленія слуги, одѣлся и сошелъ въ садъ. Очень онъ былъ великъ и красивъ, этотъ садъ, и содержался въ отличномъ порядкѣ: нанятые работники скребли лопатами дорожки; въ яркой зелени кустовъ мелькали красные платки на головахъ крестьянскихъ дѣвушекъ, вооруженныхъ граблями. Неждановъ добрался до пруда: утренній туманъ съ него слетѣлъ—но онъ еще дымился мѣстами, въ тѣнистыхъ излучинахъ береговъ. Невысокое солнце било розовымъ свѣтомъ по шелковистому свинцу его широкой глади. Человѣкъ пять плотниковъ возилось около плота: тутъ же колыхалась, слабо переваливаясь съ боку на бокъ и пуская отъ себя легкую рябь по водѣ — новая, раскрашенная лодка. Людскіе голоса звучали рѣдко и сдержанно: ото всего вѣяло утромъ, тишиной и спорostью утренней работы, вѣяло порядкомъ и правильностью установленной жизни. И вотъ, на поворотѣ аллеи, Нежданову предстало само олицетвореніе порядка и правильности — предсталъ Сипягинъ.

На немъ былъ сюртукъ гороховаго цвѣта, въ родѣ шлафрока, и пестрый картузъ; онъ опирался на англійскую, бамбуковую трость, и только-что выбритое лицо его дышало доволь-

ствомъ; онъ шелъ осматривать свое хозяйство. Сипягинъ привѣтливо поздоровался съ Неждановымъ.

— Ага!—воскликнулъ онъ;—я вижу: вы изъ молодыхъ, да ранній! (Онъ, вѣроятно, хотѣлъ этой не совсѣмъ умѣстной поговоркой выразить свое одобреніе Нежданову за то, что тотъ такъ же, какъ и онъ самъ, недолго оставался въ постели).—Мы въ восемь часовъ пьемъ общій чай въ столовой, а въ двѣнадцать завтракаемъ; въ десять часовъ вы дадите Колѣ вашъ первый урокъ въ русскомъ языкѣ, а въ два—въ исторіи. Завтра, 9-го мая, онъ именинникъ, и уроковъ не будетъ; но сегодня прошу начать!

Неждановъ наклонилъ голову — а Сипягинъ простился съ нимъ на французскій манеръ, нѣсколько разъ съ-ряду быстро поднеся руку къ собственнымъ губамъ и носу — и пошелъ далѣе, бойко размахивая тростью и посвистывая — вовсе не какъ важный чиновникъ или сановникъ—а какъ добрый русскій country-gentleman.

До 8-ми часовъ Неждановъ оставался въ саду, наслаждаясь тѣнью старыхъ деревьевъ, свѣжестью воздуха, пѣньемъ птицъ; завыванія гонга призвали его въ домъ — и онъ нашелъ все общество въ столовой. Валентина Михайловна очень ласково обошлась съ нимъ; въ утреннемъ туалетѣ она показалась ему совершенной красавицей. Лицо Маріанны выражало обычную сосредоточенность и суровость.—Ровно въ десять часовъ произошелъ первый урокъ въ присутствіи Валентины Михайловны: она сперва освѣдомилась у Нежданова, не будетъ ли она мѣшать? и все время очень скромно держала себя. Коля оказался мальчикомъ понятливымъ; послѣ неизбѣжныхъ первыхъ колебаній и неловкостей, урокъ сошелъ благополучно. Валентина Михайловна осталась, повидимому, весьма довольна Неждановымъ, и нѣсколько разъ привѣтливо заговаривала съ нимъ. — Онъ упирался.... но не слишкомъ. Валентина Михайловна присутствовала также на второмъ урокѣ—изъ русской исторіи. Она съ улыбкой объявила, что по этому предмету нуждается въ наставникѣ не хуже самого Коли—и также чинно и тихо держала себя, какъ и въ теченіи перваго урока. Отъ 9-ти до 5-ти Неждановъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, писалъ письма въ Петербургъ—и чувствовалъ себя.... такъ себѣ: скуки не было, не было и тоски; натянутые нервы по немножку смягчались. Они напряглись снова во время обѣда, хотя Калломѣйцевъ отсутствовалъ и ласковая предупредительность хозяйки не измѣнялась; но самая эта предупредительность нѣсколько сердила Нежданова. — Къ тому же, его сосѣдка, старая дѣвица Анна Захаровна явно враждовала и дулась, а Маріанна про-

должала серьёзничать, и самый Коля уже слишкомъ безцеремонно толкалъ его ногами. Сипягинъ также казался не въ духѣ. Онъ былъ очень недоволенъ управляющимъ своей писчебумажной фабрики, нѣмцемъ, котораго нанялъ за большія деньги. Сипягинъ принялся бранить вообще всѣхъ нѣмцевъ, причемъ объявилъ, что онъ до нѣкоторой степени славянофилъ, хоть и не фанатикъ—и упомянулъ объ одномъ молодомъ русскомъ, нѣкоемъ Соломинѣ, который, по слухамъ, на отличную ногу поставилъ фабрику сосѣда-купца; очень ему хотѣлось познакомиться съ этимъ Соломинымъ. Къ вечеру пріѣхалъ Калломѣйцевъ, имѣніе котораго находилось всего въ десяти верстахъ отъ «Аржаного»; такъ называлась деревня Сипягина. Пріѣхалъ также мировой посредникъ, помѣщикъ изъ числа тѣхъ, которыхъ столь мѣтко охарактеризовалъ Лермонтовъ двумя извѣстными стихами:

Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до пять...
Усы, дискантъ — и мутный взглядъ.

Пріѣхалъ другой сосѣдъ съ унылымъ, беззубымъ лицомъ, но чрезвычайно чисто одѣтый; пріѣхалъ уѣздный докторъ, весьма плохой врачъ, любившій щеголять учеными терминами: онъ увѣрялъ, напримѣръ, что предпочитаетъ Кукольника Пушкину, потому что въ Кукольникѣ много «протоплазмы». Сѣли играть въ стуколку.—Неждановъ удалился къ себѣ въ комнату—и за полночь читалъ и писалъ.

На слѣдующій день, 9-го мая, были Колины имянины. Цѣлымъ домомъ, въ трехъ открытыхъ колясках, съ лакеями на запяткахъ, отправились «господа» къ обѣднѣ — а до нея и четверти версты не было. Все произошло очень парадно и пышно. Сипягинъ возложилъ на себя ленту; Валентина Михайловна одѣлась въ прелестное парижское платье блѣдно-сиреневаго цвѣта—и въ церкви, во время обѣдни, молилась по крошечной книжечкѣ, переплетенной въ малиновый бархатъ; книжечка эта смущала иныхъ стариковъ; одинъ изъ нихъ не воздержался и спросилъ у своего сосѣда: «Чтó это она, прости Господи, колдуетъ, что ли»? — Благовоніе цвѣтовъ, наполнявшихъ церковь, сливалось съ сильнымъ запахомъ новыхъ насѣренныхъ армяковъ, дегтярныхъ сапоговъ и котовъ—и надъ тѣми и другими испареніями удушливо-пріятно царилъ ладанъ. Дьячки и пономари на клиросахъ пѣли удивительно-старательно. Съ помощью присоединившихся къ нимъ фабричныхъ, они покусились даже на концертъ! Была минута, когда всѣмъ присутствовавшимъ стало нѣсколько... жутко. Теноровый голосъ (онъ принадлежалъ фабрич-

ному Климу, человѣку въ злѣйшей чахоткѣ) выводилъ одинъ, безъ всякой поддержки, хроматическіе, минорные и бемольные тоны;—они были ужасны, эти тоны!—но оборвись они — и весь концертъ немедленно бы провалился... Однако дѣло.... ничего.... обошлось. Отецъ Кипріанъ, священникъ самой почтенной наружности, съ набедренникомъ и камилавкой, произнесъ проповѣдь весьма поучительную, по тетрадкѣ; къ сожалѣнію, старательный батюшка счелъ за нужное привести имена какихъ-то премудрёныхъ ассирійскихъ царей, чѣмъ весьма себя затруднилъ въ прононсѣ—и хотя выказалъ нѣкоторую ученость — однако вспотѣлъ же сильно! Неждановъ, давно не бывавшій въ церкви, забился въ уголокъ между бабами: онѣ только изрѣдка косились на него, истово крестясь, низко кланяясь и степенно утирая носы своихъ малютокъ; за то крестьянскія дѣвочки въ новыхъ армячёнкахъ, съ поднизями на лбахъ, и мальчики въ подпоясанныхъ рубашёнкахъ, съ расшитыми оплечьями и красными ластовицами, внимательно оглядывали новаго богомольца, повернувшись прямо къ нему лицомъ... И Неждановъ смотрѣлъ на нихъ и думалъ — разныя думы.

Послѣ обѣдни, длившейся весьма долго—молебенъ Николаю Чудотворцу, какъ извѣстно, едва ли не самый продолжительный изо всѣхъ молебновъ православной церкви—все духовенство, по приглашенію Сипягина, двинулось къ господскому дому и, совершивъ еще нѣсколько приличныхъ случаю обрядовъ, окропивъ даже комнаты святой водою, — получило обильный завтракъ, въ теченіи котораго велись обычные, благонадежные, но нѣсколько утомительные разговоры. И хозяинъ, и хозяйка — хотя въ этотъ часъ дня никогда не завтракали — однако тутъ и прикусили, и пригубили. Сипягинъ даже разсказалъ анекдотъ, вполнѣ пристойный, но смѣхотворный — что́, при его красной лентѣ и сановитости, произвело впечатлѣніе, можно сказать, отрадное, — а въ отцѣ Кипріанѣ возбудило чувство и благодарности, и удивленія. Въ «отместку»—а также для того, чтобъ показать, что и онъ при случаѣ можетъ сообщить нѣчто любознательное, — отецъ Кипріанъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ «архіереомъ», когда тотъ, объѣзжая епархію, вызвалъ всѣхъ священниковъ уѣзда къ себѣ въ городъ, въ монастырь.—Онъ у насъ строгій, престрогій,— увѣрялъ отецъ Кипріанъ; — сперва разспроситъ о приходѣ, о порядкахъ — а потомъ экзаменъ дѣлаетъ... Обратился онъ тоже ко мнѣ.—Твой какой храмовой праздникъ?—Спаса Преображенія, говорю.—А тропарь на этотъ день знаешь?—Еще бы не знать!— Пой!—Ну, я сейчасъ: «Преобразился еси на горѣ, Христе Боже

вашъ...» —Стой! Чтó есть преображеніе и кáкъ надо его понимать?— Одно слово, говорю: хотѣлъ Христосъ ученикамъ славу свою показать!—Хорошо, говоритъ; вотъ тебѣ отъ меня образокъ на память.—Я ему въ ноги.—Благодарю-молъ, Владыко!... Такъ я отъ него не тощъ вышелъ.

— Я имѣю честь лично знать преосвященнаго,—съ важностью замѣтилъ Сипягинъ.—Достойнѣйшій пастырь!

— Достойнѣйшій!—подтвердилъ и отецъ Кипріанъ.—Благочиннымъ напрасно только слишкомъ довѣряется...

Валентина Михайловна упомянула о крестьянской школѣ и указала при этомъ на Маріанну, какъ на будущую учительницу; діаконъ — (ему былъ порученъ надзоръ надъ школой) — человѣкъ атлетическаго сложенія и съ длинной волнистой косою, смутно напоминавшей расчесанный хвостъ орловскаго рысака, хотѣлъ-было выразить свое одобреніе, но не сообразивъ силы своей гортани, такъ густо крякнулъ, что и самъ оробѣлъ, и другихъ испугалъ.— Послѣ этого духовенство скоро удалилось.

Коля, въ своей новой курточкѣ съ золотыми пуговками, былъ героемъ дня: ему дѣлали подарки, его поздравляли, цѣловали ему руки и съ передняго крыльца, и съ задняго: фабричные, дворовые, старухи и дѣвки; мужики, тѣ больше по старой крѣпостной памяти гудѣли передъ домомъ вокругъ столовъ, уставленныхъ пирогами и штофами съ водкой.—Коля и стыдился, и радовался, и гордился, и робѣлъ, и ластился къ родителямъ, и выбѣгалъ изъ комнаты; а за обѣдомъ Сипягинъ велѣлъ подать шампанскаго,— и прежде чѣмъ выпить за здоровье сына, произнесъ спичъ. Онъ говорилъ о томъ, чтó значитъ: «служить землѣ», — и по какой дорогѣ онъ желалъ бы, чтобы пошелъ его Николай!... (онъ именно такъ его назвалъ),—и чего въ правѣ ожидать отъ него: во-первыхъ, семья,—во-вторыхъ, сословіе, общество; въ-третьихъ, народъ— да, милостивые государи, народъ,—и въ четвертыхъ—правительство! Постепенно возвышаясь, Сипягинъ достигъ наконецъ истиннаго краснорѣчія, причемъ, на подобіе Роберта Пиля, закладывалъ руку за фалду фрака; пришелъ въ умиленіе отъ слова «наука», и кончилъ свой спичъ латинскимъ восклицаніемъ: Laboremus!, которое тутъ же перевелъ на русскій языкъ. Коля съ бокаломъ въ рукѣ отправился вдоль стола благодарить отца и цѣловаться со всѣми.

Нежданову опять пришлось помѣняться взглядами съ Маріанной... Оба они, вѣроятно, ощущали одно и то же... Но другъ съ другомъ они не говорили.

Впрочемъ, Нежданову все, чтó онъ видѣлъ, казалось болѣе смѣшнымъ и даже занимательнымъ, нежели досаднымъ или про-

тивнымъ; а любезная хозяйка, Валентина Михайловна, являлась ему умной женщиной, которая знаетъ, что разыгрываетъ роль, и въ то же время тайно радуется, что есть другое лицо, тоже умное и догадливое, которое ее постигаетъ... Неждановъ, вѣроятно, самъ не подозрѣвалъ, до какой степени его самолюбіе было польщено ея обхожденіемъ съ нимъ.

На слѣдующій день уроки возобновились, и жизнь побѣжала обычной колеей.

Недѣля прошла незамѣтно... О томъ, чтó испыталъ, чтó передумалъ Неждановъ, лучше всего можетъ дать понятіе отрывокъ изъ его письма къ нѣкоему Силину, бывшему его товарищу по гимназіи и лучшему его другу. Силинъ этотъ жилъ не въ Петербургѣ, а въ отдаленномъ губернскомъ городѣ у зажиточнаго родственника, отъ котораго зависѣлъ вполнѣ. Положеніе его опредѣлилось такъ, что ему нечего было и думать когда-нибудь вырваться оттуда; человѣкъ онъ былъ немощный, робкій и недальній, но замѣчательно чистой души. Политикой онъ не занимался, почитывалъ кое-какія книжки, игралъ отъ скуки на флейтѣ и боялся барышень. Силинъ страстно любилъ Нежданова—сердце у него было вообще привязчивое. Ни передъ кѣмъ Неждановъ такъ беззавѣтно не высказывался, какъ передъ Владиміромъ Силинымъ; когда онъ писалъ къ нему, ему всегда казалось, что онъ бесѣдуетъ съ существомъ близкимъ и знакомымъ—но жильцомъ другого міра, или съ собственной совѣстью. Неждановъ не могъ даже представить себѣ, какъ бы онъ снова зажилъ съ Силинымъ по-товарищески, въ одномъ городѣ... Онъ, вѣроятно, тотчасъ охладѣлъ бы къ нему: очень мало было у нихъ общаго; но писалъ онъ къ нему охотно и много—и вполнѣ откровенно. Съ другими онъ—на бумагѣ, по крайней мѣрѣ,—все какъ будто фальшилъ или рисовался; съ Силинымъ—никогда! Плохо владѣя перомъ, Силинъ отвѣчалъ мало, короткими неловкими фразами; но Неждановъ и не нуждался въ пространныхъ отвѣтахъ: онъ зналъ и безъ того, что другъ его поглощаетъ каждое его слово, какъ дорожная пыль брызги дождя, хранитъ его тайны, какъ святыню—и, затерянный въ глухомъ и безвыходномъ уединеніи, только и живетъ что его жизнью. Никому въ свѣтѣ Неждановъ не говорилъ о своихъ сношеніяхъ съ нимъ и дорожилъ ими чрезвычайно.

«Ну, дружище,—чистый Владиміръ!»—такъ писалъ онъ ему, онъ всегда называлъ его чистымъ, и недаромъ!—«поздравь меня: попалъ я на подножный кормъ и могу теперь отдохнуть и со-

браться съ силами. Я живу на кондиціи у богатаго сановника Сипягина, учу его сынишку, ѣмъ чудесно (я въ жизни такъ не ѣдалъ!), сплю крѣпко, гуляю всласть по прекраснымъ окрестностямъ—а главное: вышелъ на время изъ-подъ опеки петербургскихъ друзей; и хоть сначала скука грызла лихо, но теперь какъ будто легче стало. Въ скорости придется надѣть извѣстную тебѣ лямку, т.-е. полѣзть въ кузовъ, такъ какъ я назвался груздемъ (меня собственно затѣмъ и отпустили сюда); но, пока, я могу жить драгоцѣнной животной жизнью, рости въ брюхо— и, пожалуй, стихи сочинять, коли приспичитъ охота. Такъ называемыя наблюденія отлагаются до другого времени: имѣніе мнѣ кажется благоустроеннымъ, вотъ только развѣ фабрика подгуляла; отдѣленные по выкупу мужики какіе-то недоступные; нанятые дворовые—ужъ очень все пристойныя физіономіи. Но мы это разберемъ впослѣдствіи. Хозяева—учтивые, либеральные; баринъ все снисходитъ, все снисходитъ—а то вдругъ возьметъ и воспаритъ: преобразованный мужчина! Барыня — писаная красавица и очень должна быть себѣ на умѣ; такъ и караулитъ тебя,—а ужъ какъ мягка!—Совсѣмъ безкостная! Я ея побаиваюсь; ты вѣдь знаешь, какой я дамскій кавалеръ!—Сосѣди есть—скверные; старуха одна меня притѣсняетъ... Но больше всѣхъ меня занимаетъ одна дѣвушка, родственница-ли, компаньонка-ли,—Господь ее знаетъ!—съ которой я почти двухъ словъ не сказалъ, но въ которой я чувствую своего поля ягоду»...

Тутъ слѣдовало описаніе наружности Маріанны—всей ея повадки; а потомъ онъ продолжалъ:

«Что она несчастна, горда, самолюбива, скрытна, а главное, несчастна,—это для меня не подлежитъ сомнѣнію. Почему она несчастна, — этого я до сихъ поръ еще не знаю. Что она натура честная,—это мнѣ ясно; добра ли она, — это еще вопросъ. Да и существуютъ ли вполнѣ добрыя женщины—если онѣ не глупы? И нужно ли это? Впрочемъ, я женщинъ вообще мало знаю. Хозяйка ее не любитъ... И она ей платитъ тѣмъ же... Но кто изъ нихъ правъ,—неизвѣстно. Я полагаю, что скорѣй хозяйка не права.... такъ какъ ужъ очень она вѣжлива съ нею; а у *той* даже брови нервически подергиваются, когда она говоритъ съ своей патроншей. Да; очень она нервическое существо; это тоже по моей части. И *вывихнута* она также, какъ я,—хотя вѣроятно не однимъ и тѣмъ же манеромъ.

«Когда все это немножко распутается,—напишу тебѣ....

«Она со мной почти никогда не бесѣдуетъ, какъ я уже сказалъ тебѣ; но въ немногихъ ея словахъ, ко мнѣ обращенныхъ—

(всегда внезапно и неожиданно)—звучитъ какая-то жесткая откровенность.... Мнѣ это пріятно.

«Кстати, что родственникъ твой все еще держитъ тебя на сухояденіи—и не собирается умирать?

«Читалъ ли ты въ «Вѣстникѣ Европы» статью о послѣднихъ самозванцахъ въ Оренбургской губерніи? Въ 34-мъ году это происходило, братъ! Журналъ я этотъ не люблю—и авторъ—консерваторъ; но вещь интересная, и можетъ навести на мысли»....

IX.

Май уже перевалился за вторую половину; стояли первые жаркіе лѣтніе дни.—Окончивъ урокъ исторіи, Неждановъ отправился въ садъ, а изъ сада перешелъ въ березовую рощу, которая примыкала къ нему съ одной стороны.—Часть этой рощи свели купцы лѣтъ пятнадцать тому назадъ; по всѣмъ вырубленнымъ мѣстамъ засѣялъ сплошной березнякъ. Нѣжно-матовыми серебряными столбиками, съ сѣроватыми поперечными кольцами, стояли частые стволы деревьевъ; мелкіе листья ярко и дружно зеленѣли, словно кто ихъ вымылъ и лакъ на нихъ навелъ; весенняя травка пробивалась острыми язычками сквозь ровный слой прошлогодней темно-палевой листвы. Всю рощу прорѣзали узкія дорожки; желтоносые черные дрозды съ внезапнымъ крикомъ, словно испуганные, перелётывали черезъ эти дорожки, низко, надъ самой землей,—и бросались въ чащу, сломя голову. Погулявши съ полчаса, Неждановъ присѣлъ наконецъ на срубленный пень, окруженный сѣрыми, старыми щепками: онѣ лежали кучкой такъ, какъ упали, отбитыя когда-то топоромъ. Много разъ ихъ покрывалъ зимній снѣгъ—и сходилъ съ нихъ весною,—и никто ихъ не трогалъ. Неждановъ сидѣлъ спиною къ сплошной стѣнѣ молодыхъ березъ, въ густой, но короткой тѣни; онъ не думалъ ни о чемъ, онъ отдавался весь тому особенному весеннему ощущенію, къ которому—и въ молодомъ, и въ старомъ сердцѣ всегда примѣшивается грусть.... взволнованная грусть ожиданія—въ молодомъ, неподвижная грусть сожалѣнія—въ старомъ...

Нежданову вдругъ послышался шумъ приближавшихся шаговъ.

То шелъ не одинъ человѣкъ—и не мужикъ въ лаптяхъ или тяжелыхъ сапогахъ—и не босоногая баба. Казалось, двое шли не спѣша, мѣрно.... Женское платье прошуршало слегка....

Вдругъ раздался глухой голосъ, голосъ мужчины:

— Итакъ, это ваше послѣднее слово? Никогда?

— Никогда!—повторилъ другой, женскій голосъ, показавшійся Нежданову знакомымъ—и мгновеніе спустя, изъ-за угла дорожки, огибавшей въ этомъ мѣстѣ молодой березнякъ—выступила Маріанна въ сопровожденіи человѣка смуглаго, черноглазаго, котораго Неждановъ до того мгновенія не видалъ.

Оба остановились, какъ вкопанные, при видѣ Нежданова;— а онъ до того удивился, что даже не поднялся съ пня, на которомъ сидѣлъ... Маріанна покраснѣла до корней волосъ — но тотчасъ же презрительно усмѣхнулась... Къ кому относилась эта усмѣшка — къ ней самой за то, что она покраснѣла — или къ Нежданову?... А спутникъ ея нахмурилъ свои густыя брови— и сверкнулъ желтоватыми бѣлками безпокойныхъ глазъ. Потомъ онъ переглянулся съ Маріанной — и оба, повернувшись спиною къ Нежданову, пошли прочь, молча, не прибавляя шагу, между тѣмъ какъ онъ провожалъ ихъ изумленнымъ взоромъ.

Полчаса спустя, онъ вернулся домой, въ свою комнату — и когда, призванный завываньями гонга, вошелъ въ гостиную, онъ увидалъ въ ней того самаго черномазаго незнакомца, который наткнулся на него въ рощѣ. Сипягинъ подвелъ къ нему Нежданова и представилъ его, какъ своего beau-frère'а, брата Валентины Михайловны—Сергѣя Михайловича Маркелова.

— Прошу васъ, господа, любить другъ друга и жаловать!— воскликнулъ Сипягинъ съ столь свойственной ему величественно-привѣтной и въ то же время разсѣянной улыбкой.

Маркеловъ отвѣсилъ безмолвный поклонъ; Неждановъ отвѣчалъ таковымъ же... а Сипягинъ, слегка закидывая назадъ свою небольшую головку и подергивая плечами, отошелъ въ сторону:—«Я, молъ, васъ свелъ, а будете ли вы точно любить и жаловать другъ друга—это для меня довольно индифферентно!»

Тогда Валентина Михайловна приблизилась къ неподвижно-стоявшей четѣ, снова представила ихъ другъ другу—и съ особенной, ласковой свѣтлостью взгляда, которая, словно по командѣ, приливала къ ея чудеснымъ глазамъ, заговорила съ братомъ.

— Чтó это, cher Serge, ты насъ совсѣмъ забываешь! Даже на имянины Коли не пріѣхалъ. Или занятій у тебя такъ много накопилось?—Онъ со своими крестьянами какіе-то новые порядки заводитъ,—обратилась она къ Нежданову—преоригинальные: имъ три четверти всего—а себѣ одну четверть; и то онъ еще находитъ, что много ему достается.

— Сестра любитъ шутить,—обратился въ свою очередь Маркеловъ къ Нежданову:—но я готовъ съ ней согласиться, что

одному человѣку взять четверть того, чтó принадлежитъ цѣлой *сотнѣ*,—дѣйствительно много.

— А вы, Алексѣй Дмитричъ, замѣтили, что я люблю шутить?—спросила Сипягина все съ тою же ласковой мягкостью и взора, и голоса.

Неждановъ не нашелся, чтó отвѣтить; — а тутъ доложили о пріѣздѣ Калломѣйцева. Хозяйка пошла къ нему на встрѣчу,—и нѣсколько минутъ спустя, дворецкій появился и пѣвучимъ голосомъ провозгласилъ, что—кушанье готово.

За обѣдомъ Неждановъ невольно все посматривалъ на Маріанну и на Маркелова.—Они сидѣли рядомъ, оба съ опущенными глазами, со стиснутыми губами, съ сумрачнымъ и строгимъ, почти озлобленнымъ выраженіемъ лица. Неждановъ особенно дивился тому: какимъ образомъ могъ Маркеловъ быть братомъ Сипягиной? Такъ мало сходства замѣчалось между ними. — Одно развѣ: у обоихъ кожа была смуглая; но у Валѣнтины Михайловны матовый цвѣтъ лица, рукъ и плечей составлялъ одну изъ ея прелестей... у ея брата онъ переходилъ въ ту черноту, которую вѣжливые люди величаютъ бронзой, но которая русскому глазу напоминаетъ—голенище. Волосы Маркеловъ имѣлъ курчавые, носъ нѣсколько крючковатый, губы крупныя, впалыя щеки, втянутый животъ и жилистыя руки. Весь онъ былъ жилистый, сухой, — и говорилъ мѣднымъ, рѣзкимъ, отрывочнымъ голосомъ. Сонный взглядъ—угрюмый видъ,—какъ есть желчевикъ! Онъ ѣлъ мало, больше каталъ шарики изъ хлѣба—и лишь изрѣдка вскидывалъ глазами на Калломѣйцева, который только-что вернулся изъ города, гдѣ видѣлъ губернатора—по не совсѣмъ пріятному для него, Калломѣйцева, дѣлу, о которомъ онъ впрочемъ тщательно умалчивалъ,—и заливался соловьемъ.

Сипягинъ, по прежнему, осаживалъ его, когда онъ черезъчуръ заносился, но много смѣялся его анекдотамъ и бон-мó, хотя и находилъ—«qu'il est un affreux réactionnaire». Калломѣйцевъ увѣрялъ, между прочимъ, что пришелъ въ совершенный восторгъ отъ названія, которое мужики—oui, oui! les simples mougiks—даютъ адвокатамъ. «Брехунцы! брехунцы»!—повторялъ онъ съ восхищеніемъ:—ce peuple russe est délicieux!—Потомъ онъ разсказалъ, какъ, посѣтивъ однажды народную школу, онъ поставилъ ученикамъ вопросъ: Чтó есть строфокамилъ?—И такъ какъ никто не умѣлъ отвѣтить, ни даже самъ учитель, то онъ, Калломѣйцевъ, поставилъ другой вопросъ: Чтó есть пиѳикъ? — причемъ привелъ стихъ Хемницера: «И Пиѳикъ слабоумъ списатель звѣрскихъ лицъ»!—И на это ему никто не отвѣтилъ. — Вотъ вамъ и народныя школы!

— Но позвольте,—замѣтила Валентина Михайловна,—я сама не знаю, что это за звѣри такіе?

—Сударыня!—воскликнулъ Калломѣйцевъ,—вамъ этого и не нужно знать!

— А для чего же это пароду нужно?

— А для того, что лучше ему знать пиѳика и строфокамила,—чѣмъ какого-нибудь Прудона—или даже Адама Смита!

Но тутъ Сипягинъ снова осадилъ Калломѣйцева, объявивъ, что Адамъ Смитъ—одно изъ свѣтилъ человѣческой мысли, и что было бы полезно всасывать его принципы... (онъ налилъ себѣ рюмку шато д'икему)... вмѣстѣ съ молокомъ... (онъ провелъ у себя подъ носомъ и понюхалъ вино)... матери! — Онъ проглотилъ рюмку. Калломѣйцевъ тоже выпилъ и похвалилъ вино.

Маркеловъ не обращалъ особеннаго вниманія на разглагольствованія петербургскаго каммеръ-юнкера, но раза два вопросительно посмотрѣлъ на Нежданова и, подбросивъ хлѣбный шарикъ, чуть-было не попалъ имъ прямо въ носъ краснорѣчивому гостю...

Сипягинъ оставлялъ своего зятя въ покоѣ; Валентина Михайловна также не заговаривала съ нимъ;—видно было, что *они оба*, и мужъ и жена, привыкли считать Маркелова за чудака, котораго лучше не задирать.

После обѣда Маркеловъ отправился въ билліардную курить трубку—а Неждановъ пошелъ въ свою комнату.—Въ корридорѣ онъ наткнулся на Маріанну. Онъ хотѣлъ-было пройти мимо... она остановила его рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Г-нъ Неждановъ,—заговорила она не совсѣмъ твердымъ голосомъ,—мнѣ, по настоящему, должно быть все равно, чтó вы обо мнѣ ни думаете; но я все-таки полагаю... я полагаю... (она не находила слова)... Я полагаю умѣстнымъ сказать вамъ, что когда вы встрѣтили сегодня въ рощѣ меня съ г-мъ Маркеловымъ... Скажите, вы, вѣроятно, подумали, отчего это они оба смутились и зачѣмъ это они пришли сюда,— словно на свиданіе?

— Мнѣ дѣйствительно показалось немного страннымъ... началъ-было Неждановъ.

— Г-нъ Маркеловъ,—подхватила Маріанна,—сдѣлалъ мнѣ предложеніе;—и я ему отказала. Вотъ все, чтó я имѣла сказать вамъ; за симъ—прощайте. И думайте обо мнѣ, чтó хотите.

Она быстро отвернулась и пошла скорыми шагами по корридору.

Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату—и присѣвъ передъ

окномъ, задумался.—Чтб за странная дѣвушка—и къ чему эта дикая выходка, эта непрошенная откровенность? Чтб это такое—желаніе пооригинальничать—или просто фразерство—или гордость? Вѣрнѣе всего, что гордость. Ей не въ терпежъ малѣйшее подозрѣніе... Она не выноситъ мысли, что другой ложно судитъ о ней.—Странная дѣвушка!

Такъ размышлялъ Неждановъ; а внизу на террассѣ шелъ разговоръ о немъ;—и онъ очень хорошо все слышалъ.

— Чуетъ мой носъ,—увѣрялъ Калломѣйцевъ — чуетъ, что это—красный. Я, еще въ бытность мою чиновникомъ по особымъ порученіямъ у московскаго генералъ-губернатора—avec Ladislas—навострился на этихъ господъ—на красныхъ, да вотъ еще на раскольниковъ. Чутьемъ, бывало, беру, верхнимъ.—Тутъ Калломѣйцевъ «кстати» разсказалъ, какъ онъ однажды, въ окрестностяхъ Москвы, поймалъ *за каблукъ* старика-раскольника, на котораго нагрянулъ съ полиціей и «который едва было не выскочилъ изъ окна избы... И такъ до той минуты смирно сидѣлъ на лавкѣ, бездѣльникъ!»

Калломѣйцевъ забылъ прибавить, что этотъ самый старикъ, посаженный въ тюрьму, отказался ото всякой пищи—и уморилъ себя голодомъ.

— А вашъ новый учитель,—продолжалъ ретивый каммеръюнкеръ—красный, непремѣнно! Обратили-ли вы вниманіе на то, что онъ никогда первый не кланяется?

— Да зачѣмъ же онъ станетъ первый кланяться?—замѣтила Сипягина;—мнѣ это, напротивъ, въ немъ нравится.

— Я гость въ домѣ, гдѣ онъ служитъ,—воскликнулъ Калломѣйцевъ — да, да, служитъ, за деньги, comme un salarié... Стало быть, я ему старшбй.—И онъ *долженъ* мнѣ кланяться первый.

— Вы очень взыскательны, мой любезнѣйшій, — вмѣшался Сипягинъ, съ удареніемъ: на *нѣй*;—все это пахнетъ, извините, чѣмъ-то весьма отсталымъ. Я купилъ его услуги, его работу, но онъ остался человѣкомъ свободнымъ.

— Узды онъ не чувствуетъ,—продолжалъ Калломѣйцевъ — узды: le frein! Всѣ эти красные—таковы. Говорю вамъ: у меня на нихъ носъ чудный!—Вотъ развѣ Ladislas со мной—въ этомъ отношеніи—потягаться можетъ!—Попадись онъ мнѣ, этотъ учитель, въ руки,—я бы его подтянулъ! Я бы его вотъ какъ подтянулъ! Онъ бы у меня запѣлъ другимъ голосомъ;—и кàкъ бы шапку ломать передо мной сталъ... прелесть!

— Дрянь, хвастунишка!—чуть-было не закричалъ сверху

Неждановъ... Но въ это мгновеніе дверь его комнаты растворилась—и въ нее, къ немалому изумленію Нежданова,—вошелъ Маркеловъ.

X.

Неждановъ приподнялся съ своего мѣста ему навстрѣчу—а Маркеловъ прямо подошелъ къ нему и, безъ поклона и безъ улыбки, спросилъ его: точно ли онъ Алексѣй Дмитріевъ Неждановъ, студентъ с.-петербургскаго университета?

— Да... точно;—отвѣчалъ Неждановъ.

Маркеловъ досталъ изъ бокового кармана распечатанное письмо.—Въ такомъ случаѣ—прочтите это. Отъ Василія Николаевича,—прибавилъ онъ, значительно понизивъ голосъ.

Неждановъ развернулъ и прочелъ письмо. Это было нѣчто въ родѣ полу-оффиціальнаго циркуляра, въ которомъ податель, Сергѣй Маркеловъ, рекомендовался, какъ одинъ изъ «нашихъ», вполнѣ заслуживавшихъ довѣрія; далѣе слѣдовало наставленіе о безотлагательной необходимости взаимнодѣйствія, о распространеніи извѣстныхъ правилъ. Циркуляръ былъ между прочимъ адрессованъ и Нежданову, тоже какъ вѣрному человѣку.

Неждановъ протянулъ руку Маркелову, попросилъ его сѣсть и самъ опустился на стулъ. Маркеловъ началъ съ того, что, ни слова не говоря, закурилъ папиросу. Неждановъ послѣдовалъ его примѣру.

— Вы съ здѣшними крестьянами уже успѣли сблизиться?—спросилъ наконецъ Маркеловъ.

— Нѣтъ; пока еще не успѣлъ.

— Да вы давно ли сюда прибыли?

— Скоро двѣ недѣли будетъ.

— Занятій много?

— Не слишкомъ.

Маркеловъ угрюмо кашлянулъ.

— Гмъ! Народъ здѣсь довольно пустой,—продолжалъ онъ;—темный народъ. Поучать надо. Бѣдность большая—а растолковать некому, отчего эта самая бѣдность происходитъ.

— Бывшіе мужики вашего зятя, сколько можно судить, не бѣдствуютъ—замѣтилъ Неждановъ.

— Зять мой—хитрецъ; глаза отводитъ—мастеръ. Крестьяне здѣшніе—точно ничего; но у него есть фабрика. Вотъ гдѣ нужно стараніе приложить. Тутъ только копни: чтó въ муравьиной кучкѣ, сейчасъ заворошатся.—Книжки у васъ съ собою есть?

— Есть... да немного.

— Я вамъ доставлю. Какъ же это вы такъ!

Неждановъ ничего не отвѣчалъ.—Маркеловъ тоже умолкъ и только дымъ пускалъ ноздрями.

— Какой однако мерзавецъ этотъ Калломѣйцевъ,—промолвилъ онъ вдругъ.—Я за обѣдомъ думалъ: встать, подойти къ этому барину—и расшибить въ прахъ всю его нахальную физіономію, чтобы другимъ повадно не было. Да нѣтъ! Теперь есть дѣла поважнѣе, чѣмъ бить каммеръ-юнкеровъ.—Теперь не время сердиться на дураковъ за то́, что они говорятъ глупыя слова; теперь время мѣшать имъ глупыя дѣла дѣлать.

Неждановъ качнулъ головой утвердительно — а Маркеловъ опять принялся за папироску.

— Тутъ между всей этой дворовой челядью есть одинъ малый дѣльный—началъ онъ снова;—не слуга вашъ Иванъ... это—рыба какая-то; а другой... ему имя Кириллъ, онъ при буфетѣ (Кириллъ этотъ былъ извѣстенъ, какъ горькій пьяница).—Вы обратите на него вниманіе. Забубенная голова... да вѣдь намъ деликатничать не приходится. А что́ вы объ моей сестрѣ скажете?—прибавилъ онъ, внезапно поднявъ голову и уставивъ свои желтые глаза на Нежданова. — Эта еще похитрѣе будетъ, чѣмъ мой зятёкъ. Какъ вы объ ней полагаете?

— Я полагаю, что она очень пріятная и любезная дама... И къ тому же она очень красива.

— Гмъ! Какъ это вы, господа, въ Петербургѣ тонко выражаетесь... Удивляюсь!—Ну... а на счетъ...—началъ-было онъ, но вдругъ насупился, потемнѣлъ въ лицѣ и не докончилъ начатой фразы.—Намъ, я вижу, надо съ вами хорошенько потолковать,—заговорилъ онъ опять. — Здѣсь невозможно. Чортъ ихъ знаетъ! Подъ дверьми, пожалуй, подслушиваютъ. Знаете ли, что́ я вамъ предлагаю? Сегодня суббота, завтра вы, чай, моему племяннику уроковъ не даете?.. Не правда ли?

— У меня завтра съ нимъ репетиція въ три часа.

— Репетиція? Точно въ театрѣ. Это, должно быть, моя сестрица такія слова выдумываетъ. Ну, все равно. Хотите? Поѣдемте сейчасъ ко мнѣ. Моя деревня отсюда въ десяти верстахъ. Лошади у меня хорошія: сомчатъ духомъ—вы у меня переночуете, проведете утро—а завтра къ тремъ часамъ я васъ обратно доставлю. Согласны?

— Извольте,—промолвилъ Неждановъ.—Съ самаго прихода Маркелова онъ находился въ возбужденномъ и стѣсненномъ состояніи.—Внезапное сближеніе съ нимъ его смущало; и въ то же

время его влекло къ нему.—Онъ чувствовалъ, онъ понималъ, что передъ нимъ существо, вѣроятно тупое, но несомнѣнно честное—и сильное.—Къ тому же эта странная встрѣча въ рощѣ, это неожиданное объясненіе Маріанны...

— Ну, и прекрасно!—воскликнулъ Маркеловъ.—Вы, пока, приготовьтесь; а я пойду, велю заложить тарантасъ. Вѣдь вамъ, я надѣюсь, нечего спрашиваться у здѣшнихъ хозяевъ?

— Я ихъ предувѣдомлю. Безъ этого, я полагаю, мнѣ отлучиться нельзя.

— Я имъ скажу,—подхватилъ Маркеловъ.—Вы не безпокойтесь.—Они теперь дуются въ карты—и не замѣтятъ вашего отсутствія. Мой зять все въ государственные люди метитъ, — а только за нимъ и есть, что въ карты отлично играетъ. Ну, и то сказать: черезъ этотъ фортель многіе выходятъ!..—Такъ будьте готовы. Я сейчасъ распоряжусь.

Маркеловъ удалился; а часъ спустя Неждановъ сидѣлъ рядомъ съ нимъ на большой кожаной подушкѣ, въ широкомъ, развалистомъ, очень старомъ и очень покойномъ тарантасѣ; приземистый кучерокъ на облучкѣ непрестанно свисталъ какимъ-то удивительно-пріятнымъ, птичьимъ свистомъ; тройка пѣгихъ лошадокъ съ заплетенными черными гривами и хвостами быстро неслась по ровной дорогѣ; и уже застланные первою ночною тѣнью (въ минуту отъѣзда пробило десять часовъ) плавно проносились—иные взадъ, другіе впередъ, смотря по отдаленію — отдѣльныя деревья, кусты, поля, луга и овраги.

Небольшая деревенька Маркелова (въ ней было всего двѣсти десятинъ и приносила она около 700 р. дохода—звали ее Борзёнково) находилась въ трехъ верстахъ отъ губернскаго города, отъ котораго имѣніе Сипягина отстояло въ семи верстахъ.—Чтобы попасть въ Борзёнково, надо было проѣхать черезъ городъ.—Не успѣли новые знакомцы обмѣняться и полусотней словъ,— какъ уже замелькали передъ ними дрянные подгородные мѣщанскіе домишки съ продавленными тесовыми крышами, съ тусклыми пятнами свѣта въ перекривленныхъ окошкахъ; а тамъ загремѣли подъ колесами камни губернской мостовой, тарантасъ запрыгалъ, заметался изъ стороны въ сторону... и, подпрыгивая при каждомъ толчкѣ, поплыли мимо глупые каменные двухъ-этажные купеческіе дома съ фронтонами, церкви съ колоннами, трактирныя заведенія... Дѣло было подъ воскресенье;—на улицахъ уже не было прохожихъ — но въ кабакахъ еще толпился народъ. Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяныя пѣсни, гнусливые звуки гармоникъ; изъ внезапно раскрытыхъ дверей било грязнымъ тепломъ, ѣдкимъ

запахомъ спирта, краснымъ отблескомъ ночниковъ. Почти передъ каждымъ кабакомъ стояли крестьянскія телѣжчёнки, запряженныя мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понуривъ кудластыя головы, онѣ, казалось, спали; растерзанный, распоясанный мужикъ въ пухлой зимней шапкѣ, свѣсившейся мѣшкомъ на затылокъ, выходилъ изъ кабака—и, прислонившись грудью къ оглоблямъ, пребывалъ недвижимъ, что-то слабо ощупывая и разводя и шаря руками; или худощавый фабричный въ картузѣ на бекрень, съ выпущенной китайчатой рубахой и босой—сапоги-то остались въ заведеніи — дѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, останавливался, чесалъ спину—и, внезапно ахнувъ, возвращался вспять...

— Одолѣваетъ вино русскаго человѣка!—сумрачно замѣтилъ Маркеловъ.

— Съ горя, батюшка Сергѣй Михайловичъ! — промолвилъ, не оборачиваясь, кучеръ, который передъ каждымъ кабакомъ переставалъ свистать и словно въ себя углублялся.

— Пошелъ! пошелъ!—отвѣтилъ Маркеловъ, съ сердцемъ потрясая воротникомъ шинели. Тарантасъ перебрался черезъ обширную базарную площадь, всю провонявшую капустой и рогожей, миновалъ губернаторскій домъ съ пестрыми будками у воротъ, частный домъ съ башней, бульваръ съ только-что посаженными и уже умиравшими деревцами, гостиный дворъ, наполненный собачьимъ лаемъ и лязгомъ цѣпей — и, понемногу выбравшись за заставу, обогнавъ длинный, длинный обозъ, выступившій въ путь по холодку — снова очутился въ вольномъ загородномъ воздухѣ, на большой, вербами обсаженной дорогѣ — и снова покатилъ шибче и ровнѣй.

Маркеловъ — надо же сказать о немъ нѣсколько словъ— былъ шестью годами старше своей сестры, Сипягиной. Воспитывался онъ въ артиллерійскомъ училищѣ, откуда вышелъ офицеромъ; но уже въ чинѣ поручика онъ подалъ въ отставку, по непріятности съ командиромъ — нѣмцемъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ нѣмцевъ, особенно русскихъ нѣмцевъ. Отставка разсорила его съ отцомъ, съ которымъ онъ такъ и не видѣлся до самой его смерти; а унаслѣдовавъ отъ него деревеньку, поселился въ ней. Въ Петербургѣ онъ часто сходился съ разными умными, передовыми людьми, передъ которыми благоговѣлъ; они окончательно опредѣлили его образъ мыслей. Читалъ Маркеловъ немного—и больше все книги, идущія къ дѣлу:— Герцена въ особенности. Онъ сохранилъ военную выправку, жилъ спартанцемъ и монахомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ страстно влюбился въ одну дѣвушку; но та измѣнила ему самымъ

безцеремоннымъ манеромъ и вышла за адъютанта—тоже изъ нѣмцевъ. Маркеловъ возненавидѣлъ также и адъютантовъ. Онъ пробовалъ писать спеціальныя статьи о недостаткахъ нашей артиллеріи—но у него не было никакого таланта изложенія:—ни одной статьи онъ не могъ даже довести до конца—и все-таки продолжалъ исписывать большіе листы сѣрой бумаги, своимъ крупнымъ, неуклюжимъ, истинно-дѣтскимъ почеркомъ. Маркеловъ былъ человѣкъ упрямый, неустрашимый до отчаянности, не умѣвшій ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всѣхъ угнетенныхъ—и на все готовый. Его ограниченный умъ билъ въ одну и ту же точку: чего онъ не понималъ—то для него не существовало; но презиралъ онъ и ненавидѣлъ фальшь и ложь. Съ людьми высшаго полёта, съ «реàками», какъ онъ выражался, онъ былъ крутъ и даже грубъ; съ народомъ—простъ; съ мужикомъ обходителенъ, какъ съ своимъ братомъ. Хозяинъ онъ былъ посредственный: у него въ головѣ вертѣлись разные соціалистическіе планы, которые онъ такъ же не могъ осуществить, какъ не умѣлъ закончить начатыхъ статей о недостаткахъ артиллеріи. Ему вообще не везло—никогда и ни въ чемъ: въ корпусѣ онъ носилъ названіе «неудачника». Человѣкъ искренній, прямой, натура страстная и несчастная, онъ могъ, въ данномъ случаѣ, оказаться безжалостнымъ, кровожаднымъ, заслужить названіе изверга—и могъ такъ же пожертвовать собою, безъ колебанія и безъ возврата.

Тарантасъ, на третьей верстѣ отъ города, внезапно въѣхалъ въ мягкій мракъ осиновой рощи, съ шорохомъ и трепетаніемъ незримыхъ листьевъ, съ свѣжей горечью лѣсного запаха, съ неясными прòсвѣтами вверху—съ перепутанными тѣнями внизу. Луна уже встала на небосклонѣ, красная и широкая, какъ мѣдный щитъ. Вынырнувъ изъ-подъ деревьевъ, тарантасъ очутился передъ небольшой, помѣщичьей усадьбой. Три освѣщенныхъ окна яркими четырех-угольниками выступали на переднемъ фасѣ низенькаго дома, заслонившаго собою дискъ луны; настежь раскрытыя ворота, казалось, не запирались никогда. На дворѣ, въ полумракѣ, виднѣлась высокая кибитка, съ привязанными сзади къ балчуку двуми бѣлыми ямскими лошадьми; два щенка, тоже бѣлыхъ, выскочили откуда-то и залились пронзительнымъ, но незлобнымъ лаемъ. Въ домѣ зашевелились люди—тарантасъ подкатилъ къ крыльцу—и съ трудомъ вылѣзая и отыскивая ногою желѣзную подножку, придѣланную, какъ водится, доморощеннымъ кузнецомъ на самомъ неудобномъ мѣстѣ,— Маркеловъ сказалъ Нежданову:

— Вотъ мы и дома—и вы найдете здѣсь гостей, которыхъ знаете хорошо—но никакъ не ожидаете встрѣтить.—Пожалуйте!

XI.

Этими гостями оказались наши старинные знакомые, Остродумовъ и Машурина. Оба сидѣли въ небольшой, крайне-плохо убранной гостиной Маркеловскаго дома—и при свѣтѣ керосиновой лампы пилѝ пиво и курили табакъ. Они не удивились прибытію Нежданова; они знали, что Маркеловъ намѣревался привезти его съ собою—но Неждановъ очень удивился имъ. Когда онъ вошелъ, Остродумовъ промолвилъ: «здравствуй, братъ!»—и только; Машурина сперва побагровѣла вся—потомъ протянула руку. Маркеловъ объяснилъ Нежданову, что Остродумовъ и Машурина присланы по «общему дѣлу», которое теперь скоро должно осуществиться; что они съ недѣлю тому назадъ выѣхали изъ Петербурга; что Остродумовъ остается въ С—й губерніи для пропаганды—а Машурина ѣдетъ въ К. для свиданія съ однимъ человѣкомъ.

Маркеловъ внезапно раздражился, хотя никто ему не противорѣчилъ;—сверкая глазами, кусая усы, онъ началъ говорить взволнованнымъ, глухимъ, но отчетливымъ голосомъ о совершаемыхъ безобразіяхъ, о необходимости безотлагательнаго дѣйствія, о томъ, что въ сущности все готово—и мѣшкать могутъ одни трусы; что нѣкоторая насильственность необходима, какъ ударъ ланцета по нарыву, какъ бы зрѣлъ этотъ нарывъ ни былъ! Онъ нѣсколько разъ повторилъ это сравненіе съ ланцетомъ: оно ему очевидно нравилось—онъ его не придумалъ, а вычиталъ гдѣ-то.—Казалось, что, потерявъ всякую надежду на взаимность со стороны Маріанны—онъ уже ничего не жалѣлъ, а только думалъ о томъ, какъ бы приняться поскорѣй «за дѣло». Онъ говорилъ, точно топоромъ рубилъ, безо всякой хитрости, рѣзко, просто и злобно: слова однообразно и вѣско выскакивали одно за другимъ изъ поблѣднѣвшихъ его губъ, напоминая отрывистый лай строгой и старой дворовой собаки. Онъ говорилъ о томъ, что хорошо знаетъ окрестныхъ мужиковъ, фабричныхъ—и что есть между ними дѣльные люди,—какъ, напр.: голоплёцкій Еремѣй—которые сію минуту пойдутъ на что́ угодно. Этотъ голоплёцкій Еремѣй, Еремѣй изъ деревни Голоплёкъ, безпрестанно приходилъ ему на языкъ. Черезъ каждыя десять словъ онъ ударялъ правой рукою—не ладонью, а ребромъ руки—по столу; а лѣ-

вой тыкалъ въ воздухъ, отдѣливъ указательный палецъ. — Эти волосатыя, сухія руки, этотъ палецъ, этотъ гудѣвшій голосъ, эти пылавшіе глаза производили впечатлѣніе сильное. Въ теченіи дороги Маркеловъ съ Неждановымъ говорилъ мало; въ немъ желчь накоплялась... но тутъ его прорвало. — Машурина и Остродумовъ одобряли его улыбкой, взоромъ, иногда короткимъ восклицаніемъ; а съ Неждановымъ произошло нѣчто странное. Сперва онъ пытался возражать; упомянулъ о вредѣ поспѣшности, преждевременныхъ, необдуманныхъ поступковъ; главное — онъ дивился тому, что какъ это ужъ такъ все рѣшено—и сомнѣній нѣтъ—и нé для чего ни справляться съ обстоятельствами, ни даже стараться узнать, чего собственно хочетъ народъ?.. Но потомъ всѣ нервы его натянулись какъ струны—затрепетали—и онъ съ какимъ-то отчаяніемъ, чуть не со слезами ярости на глазахъ, съ прорывавшимся крикомъ въ голосѣ, принялся говорить въ томъ же духѣ, какъ и Маркеловъ, пошелъ даже дальше, чѣмъ тотъ.— Чтó побудило его къ этому — сказать трудно: раскаяніе ли въ томъ, что онъ какъ будто ослабѣлъ въ послѣднее время, досада ли на себя и на другихъ, потребность ли заглушить какой-то внутренній червь, желаніе ли, наконецъ, показать себя передъ новоприбывшими эмиссарами....—или слова Маркелова точно подѣйствовали на него, зажгли въ немъ кровь? До самой зари продолжалась бесѣда; Остродумовъ и Машурина не вставали съ своихъ стульевъ—а Маркеловъ и Неждановъ не садились. Маркеловъ стоялъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, ни дать, ни взять часовой; а Неждановъ все расхаживалъ по комнатѣ—неровными шагами, то медленно, то торопливо. Говорили о предстоявшихъ мѣрахъ и средствахъ, о роли, которую каждый долженъ былъ взять на себя—разбирали и связывали въ пачки разныя книжонки и отдѣльные листы; упомянули о купцѣ изъ раскольниковъ, нѣкоемъ Голушкинѣ, весьма надежномъ, хотя и необразованномъ человѣкѣ, о молодомъ пропагандистѣ Кисляковѣ, который очень-молъ знающъ, но уже черезъ-чуръ юрокъ и слишкомъ высокаго мнѣнія о собственныхъ талантахъ; произнесли такъ же имя Соломина...

— Это тотъ, чтó бумагопрядильной фабрикой завѣдываетъ? спросилъ Неждановъ—вспомнивъ сказанное о немъ за столомъ у Сипягиныхъ.

— Онъ самый и есть,—промолвилъ Маркеловъ;—надо вамъ съ нимъ познакомиться; мы его еще не раскусили—но дѣльный, дѣльный человѣкъ.

Еремѣй изъ Голоплёкъ опять явился на сцену. Къ нему присо-

единился Сипягинскій Кирилло—и еще какой-то Менделѣй, по прозвищу Дутикъ; только на этого Дутика положиться было трудно: въ трезвомъ видѣ храбръ—а въ пьяномъ трусливъ; и почти всегда пьянъ бываетъ.

— Ну, а собственно изъ вашихъ людей?—спросилъ Неждановъ Маркелова:—есть на кого положиться?

Маркеловъ отвѣчалъ, что есть; однако ни одного изъ нихъ не назвалъ по имени—и пустился толковать о городскихъ мѣщанахъ и семинаристахъ, которые были, впрочемъ, болѣе полезны тѣмъ, что очень крѣпки тѣлесной силой—и ужъ какъ примутся дѣйствовать кулаками—такъ ужъ ну!—Неждановъ полюбопытствовалъ на счетъ дворянъ. Маркеловъ отвѣчалъ ему, что есть человѣкъ пять-шесть изъ молодыхъ — одинъ изъ нихъ даже нѣмецъ— и самый радикальный; только извѣстное дѣло: на нѣмца разсчитывать нечего... какъ разъ надуетъ или продастъ!—Да вотъ надо подождать, какія свѣдѣнія доставитъ Кисляковъ.—Неждановъ полюбопытствовалъ также на счетъ военныхъ. Тутъ Маркеловъ запнулся, подергалъ свои длинныя бакенбарды и объявилъ наконецъ, что ничего—пока—рѣшительнаго нѣтъ... вотъ развѣ чтó Кисляковъ откроетъ.

— Да кто такое этотъ Кисляковъ?—нетерпѣливо воскликнулъ Неждановъ.

Маркеловъ значительно усмѣхнулся и сказалъ, что это человѣкъ... такой человѣкъ...

— Я его, впрочемъ, знаю мало,—прибавилъ онъ:—всего два раза съ нимъ видѣлся; но какія письма этотъ человѣкъ пишетъ, какія письма!! Я вамъ покажу... Вы удивитесь! просто — огонь! И какая дѣятельность! Разъ пять или шесть всю Россію вдоль и поперегъ проскакалъ.... и съ каждой станціи письмо въ десять— двѣнадцать страницъ!!

Неждановъ вопросительно посмотрѣлъ на Остродумова; но тотъ сидѣлъ какъ истуканъ и даже бровью не шевельнулъ; а Машурина сложила губы въ горькую усмѣшку—и тоже—хоть бы чукнула! Неждановъ вздумалъ-было поразспросить Маркелова на счетъ его преобразованій въ соціальномъ духѣ,—по хозяйству... но тутъ Остродумовъ вмѣшался.

— Къ чему объ этомъ толковать теперь?—замѣтилъ онъ:—все равно—надо будетъ все потомъ передѣлать.

Разговоръ возвратился опять на политическую почву. Тайный внутренній червь продолжалъ точить и грызть Нежданова; но чѣмъ эта грызь была сильнѣй, тѣмъ громче и безповоротнѣе говорилъ онъ.—Онъ выпилъ всего одинъ стаканъ пива; но ему отъ

времени до времени казалось, что онъ совсѣмъ опьянѣлъ—и голова его кружилась, и сердце стучало съ болѣзненной потяготой. Когда же, наконецъ, въ четвертомъ часу ночи пренія превратились и собесѣдники, минуя спавшаго въ передней казачка, разбрелись по своимъ угламъ, Неждановъ, прежде чѣмъ лёгъ въ постель, долго стоялъ неподвижно, вперивъ глаза передъ собою въ полъ. Ему чудился постоянный, горестный, душу щемившій звукъ во всемъ, что̀ произносилъ Маркеловъ: самолюбіе этого человѣка не могло не быть оскорбленнымъ, онъ *долженъ* былъ страдать, его надежды на личное счастіе рушились,—и однако ка̀къ онъ себя забывалъ, какъ отдавался тому, что̀ признавалъ за истину! Ограниченный субъектъ, думалось Нежданову.... Но не во сто ли разъ лучше быть такимъ ограниченнымъ субъектомъ, чѣмъ такимъ... такимъ, какимъ *я*, напримѣръ, чувствую себя?!

Но тутъ онъ возмутился противъ собственнаго уничиженія.

«Почему же такъ? Развѣ я тоже не съумѣю собой пожертвовать? Погодите, господа... И ты, Паклинъ, убѣдишься со временемъ, что я, хоть и эстетикъ, хоть и пишу стихи»...

Онъ сердито вскинулъ волосы рукою, скрипнулъ зубами и, торопливо сдернувъ съ себя одежду, бросился въ холодную и сырую постель.

— Спокойной ночи!—раздался за дверью голосъ Машуриной:—я ваша сосѣдка.

— Прощайте,—отвѣчалъ Неждановъ и тутъ же вспомнилъ, что она въ теченіи вечера не спускала съ него глазъ.

— Чего ей нужно?—шепнулъ онъ про себя—и стыдно ему стало. «Ахъ, хоть бы поскорѣе заснуть!»

Но съ нервами сладить трудно... и солнце стояло уже довольно высоко на небѣ, когда онъ, наконецъ, заснулъ тяжелымъ и безотрадным сномъ.

На другое утро онъ всталъ поздно, съ головною болью. Онъ одѣлся, подошелъ къ окну мезонина, въ которомъ находилась его комната—и увидалъ, что у Маркелова собственно и усадьбы не было никакой: флигелекъ его стоялъ на юру̀, недалеко отъ рощи. Амбарчикъ, конюшня, погребокъ, избушка съ полуобвалившейся соломенной крышей—съ одной стороны; съ другой—крохотный прудъ, огородецъ, конопляникъ и другая избушка съ такою же крышей; вдали рига, молотильный сарайчикъ и пустое гумно—вотъ и вся «благодать», представлявшаяся взорамъ. Все казалось бѣднымъ, утлымъ—и не то, чтобы заброшеннымъ или одичалымъ — а такъ-таки никогда не расцвѣтшимъ, какъ плохо принявшееся деревцо. Неждановъ сошелъ внизъ. Машурина

сидѣла въ столовой за самоваромъ — и, повидимому, его дожидалась. Онъ узналъ отъ нея, что Остродумовъ уѣхалъ по дѣлу — и раньше двухъ недѣль не вернется; а хозяинъ пошелъ возиться съ батраками. Такъ какъ май уже близился къ концу, и спѣшныхъ работъ никакихъ не было—то Маркеловъ вздумалъ собственными средствами свести небольшую березовую рощу—и отправился туда съ утра.

Неждановъ чувствовалъ странную усталость на душѣ. Наканунѣ такъ много было говорено о невозможности долѣе медлить, о томъ, что оставалось только «приступить». Но кáкъ приступить, къ чему—да еще безотлагательно?—У Машуриной нечего было спрашивать: она не вѣдала колебаній; она не сомнѣвалась въ томъ, чтó ей нужно было дѣлать — а именно: ѣхать въ К. Дальше она не заглядывала. Неждановъ не зналъ, чтó сказать ей—и, напившись чаю, надѣлъ шапку и пошелъ по направленію березовой рощи. На дорогѣ ему попались мужики, ѣхавшіе съ навозницы, бывшіе крестьяне Маркелова. Онъ заговорилъ съ ними... толку большого отъ нихъ онъ не добился. Они тоже казались усталыми—но физической, обыкновенной усталостью, нисколько не похожею на то чувство, которое испытывалъ онъ.— Прежній ихъ помѣщикъ, по ихъ словамъ, былъ баринъ простой, только чудаковатый: они пророчили ему разореніе—потому: порядковъ не знаетъ и все на свой салтыкъ норовитъ, не такъ какъ отцы. И мудренъ тоже бываетъ—не поймешь его, хоть ты что!—а добрѣ добръ!—Неждановъ отправился дальше и наткнулся на самого Маркелова.

Онъ шелъ, окруженный цѣлой толпою работниковъ; издали можно было видѣть, какъ онъ имъ что-то пояснялъ, толковалъ— а потомъ махнулъ рукой... значитъ: бросилъ! Рядомъ съ нимъ выступалъ его приказчикъ, малый молодой и подслѣповатый, безо всякой представительности въ осанкѣ. Приказчикъ этотъ безпрестанно повторялъ: «Это какъ будетъ вамъ угодно-съ»—къ великой досадѣ его начальника, который ожидалъ отъ него больше самостоятельности. Неждановъ подошелъ къ Маркелову—и увидалъ на лицѣ его выраженіе такой же душевной усталости, какую ощущалъ онъ самъ. — Они поздоровались; Маркеловъ тотчасъ заговорилъ—правда вкратцѣ—о вчерашнихъ «вопросахъ», о близости переворота; но выраженіе усталости не покидало его лица. Онъ былъ весь въ пыли, въ поту; древесныя стружки, зеленыя нити моху прицѣпились къ его платью — голосъ его охрипъ... Окружавшіе его люди помалчивали: они не тó трусили, не тó посмѣивались... Неждановъ глядѣлъ на Маркелова — и слова

Остродумова снова зазвучали въ его головѣ: «Къ чему это? Все равно—надо будетъ потомъ все передѣлать!» Одинъ провинившійся работникъ началъ упрашивать Маркелова, чтобы тотъ снялъ съ него штрафъ... Маркеловъ сначала разсердился — и закричалъ неистово—а потомъ простилъ... «Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать»... Неждановъ попросилъ у него лошадей и экипажа, чтобы вернуться домой; Маркеловъ словно удивился его желанію, однако отвѣчалъ, что все тотчасъ будетъ готово.

Онъ вернулся домой вмѣстѣ съ Неждановымъ... Онъ на ходу шатался отъ изнеможенія.

— Что съ вами?—спросилъ Неждановъ.

— Измучился!!—свирѣпо проговорилъ Маркеловъ.—Какъ ты съ этими людьми ни толкуй, сообразить они ничего не могутъ— и приказаній не исполняютъ... Даже по-русски не понимаютъ.— Слово: «участокъ» имъ хорошо извѣстно.., а «участіе»... Чтó такое: участіе? Не понимаютъ! А вѣдь тоже русское слово, чортъ возьми.—Воображаютъ, что я хочу имъ участокъ дать! (Маркеловъ вздумалъ разъяснить крестьянамъ принципъ ассоціаціи и ввести ее у себя — а они упирались. — Одинъ изъ нихъ даже сказалъ по этому поводу: «Была яма глубока... а теперь и дна не видать»... чтó совсѣмъ уничтожило Маркелова).

Вошедши въ домъ, онъ отпустилъ свою свиту—и сталъ распоряжаться на счетъ экипажа и лошадей—и на счетъ завтрака.— Прислуга его состояла изъ казачка, кухарки, кучера и какого-то очень древняго старика съ заросшими ушами, въ длиннополомъ мухояровомъ кафтанѣ, бывшаго каммердинера его дѣда. — Этотъ старикъ постоянно, съ глубокой унылостью глядѣлъ на своего барина — а впрочемъ ничего не дѣлалъ — и врядъ ли былъ въ состояніи сдѣлать что-нибудь; но присутствовалъ неотлучно, прикорнувъ на рундучкѣ.

Позавтракавши яйцами въ крутую, кильками и окрошкой (горчицу подалъ казачокъ въ старой помадной банкѣ, уксусъ въ одеколонной стклянкѣ)—Неждановъ сѣлъ въ тотъ же самый тарантасъ, въ которомъ пріѣхалъ наканунѣ; но вмѣсто трехъ лошадей ему заложили только двухъ: третью заковали—и она охромѣла. Въ теченіи завтрака Маркеловъ говорилъ мало, ничего не ѣлъ и дышалъ усиленно... Произнесъ два-три горькихъ слова о своемъ хозяйствѣ — и опять махнулъ рукой... «Все равно, надо будетъ потомъ все передѣлать». Машурина попросила Нежданова довезти ее до города: ей понадобилось съѣздить туда для нѣкоторыхъ покупокъ;—«а вернуться изъ города я могу пѣшкомъ—а не то къ обратному мужичку на телѣгу подсяду». — Провожая ихъ

обоихъ до крыльца, Маркеловъ упомянулъ о томъ, что въ скорости опять пришлетъ за Неждановымъ—и тогда... тогда—(онъ встрепенулся и опять пріободрился) — надо будетъ окончательно условиться; что Соломинъ тоже тогда пріѣдетъ; что онъ, Маркеловъ, ждетъ только извѣстія отъ Василія Николаевича—и тогда останется одно: немедленно «приступить» — такъ какъ народъ— (тотъ самый народъ, который не понимаетъ слова: «участіе») дольше ждать не согласенъ!

— А что же, вы хотѣли показать мнѣ письма этого... какъ бишь его?—Кислякова?—спросилъ Неждановъ.

— Послѣ... послѣ,—поспѣшно проговорилъ Маркеловъ. — Тогда ужъ все—разомъ.

Тарантасъ тронулся.

— Будьте готовы!—раздался въ послѣдній разъ голосъ Маркелова. Онъ стоялъ на крыльцѣ,—а рядомъ съ нимъ, съ тою же неизмѣнной унылостью во взглядѣ, вытянувъ сгорбленный станъ, заложивъ обѣ руки за спину, распространяя запахъ ржаного хлѣба и мухояра — и ничего не слыша, — стоялъ «изъ слугъ слуга», дряхлый дѣдовскій каммердинеръ.

До самаго города Машурина молчала, только покуривала папиросу. Приближаясь къ заставѣ, она вдругъ громко вздохнула.

— Жаль мнѣ Сергѣя Михайловича,—промолвила она—и лицо ея омрачилось.

— Захлопотался онъ совсѣмъ,—замѣтилъ Неждановъ:—мнѣ кажется, хозяйство его идетъ плохо.

— Мнѣ не оттого его жаль.

— Отчего же?

— Несчастный онъ человѣкъ, неудачливый!.. Ужъ на чтó лучше его... анъ нѣтъ! Не годится!

Неждановъ посмотрѣлъ на свою спутницу.

— Да вамъ развѣ что-нибудь извѣстно?

— Ничего мнѣ не извѣстно... а всякій это чувствуетъ по себѣ. Прощайте, Алексѣй Дмитричъ.

Машурина вылѣзла изъ тарантаса—а часъ спустя, Неждановъ уже въѣзжалъ на дворъ Сипягинскаго дома.—Не очень хорошо онъ себя чувствовалъ... Ночь онъ провелъ безъ сна... и потомъ—всѣ эти словопренія... эти толки...

Красивое лицо выглянуло изъ окна и дружелюбно ему улыбнулось... Это Сипягина привѣтствовала его возвращеніе.

«Какіе у ней глаза!» подумалось ему.

XII.

Къ обѣду наѣхало много народу—а, послѣ обѣда, Неждановъ, воспользовавшись общей суетой, ускользнулъ къ себѣ въ комнату. Ему хотѣлось остаться наединѣ съ самимъ собою, хотя бы для того только, чтобы привести въ порядокъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ его поѣздки.—За столомъ Валентина Михайловна нѣсколько разъ внимательно посмотрѣла на него—но, повидимому, не имѣла возможности заговорить съ нимъ; а Маріанна, послѣ той неожиданной выходки, столь его удивившей, какъ будто совѣстилась. и избѣгала его.—Неждановъ взялъ-было перо въ руки; ему захотѣлось побесѣдовать на бумагѣ съ своимъ другомъ Силинымъ;—но онъ не нашелъ, чтó сказать даже другу; или, быть можетъ, такъ много противоположныхъ мыслей и ощущеній столпилось у него въ головѣ, что онъ не попытался ихъ распутать—и отложилъ все до другого дня.—Въ числѣ обѣдавшихъ былъ также г. Калломѣйцевъ; никогда онъ не выказывалъ болѣе высокомѣрія и джентльменской презрительности; но его развязныя рѣчи нисколько не дѣйствовали на Нежданова: онъ не замѣчалъ ихъ. Его окружало какое-то облако; полутусклой завѣсой стояло оно между нимъ и остальнымъ міромъ — и, странное дѣло!—сквозь эту завѣсу виднѣлись ему только три лица—и всѣ три женскихъ—и всѣ три упорно устремляли на него свои глаза. Это были: Сипягина, Машурина и Маріанна. Что это значило? И почему именно эти три лица? Чтó между ними общаго? И чтó хотятъ они отъ него?

Онъ легъ спать рано—но заснуть не могъ. Его посѣтили—не то, что печальныя—а темныя мысли... мысли о неизбѣжномъ концѣ, о смерти.—Онѣ были ему знакомы. Долго онъ переворачивалъ ихъ и такъ и сякъ, то содрогаясь передъ вѣроятностью ничтожества, то привѣтствуя ее, почти радуясь ей.—Онъ почувствовалъ наконецъ особенное, ему знакомое волненіе... Онъ всталъ; сѣлъ за письменный столъ и, немного подумавъ, почти безъ поправки, вписалъ слѣдующее стихотвореніе въ свою завѣтную тетрадку:

Милый другъ, когда я буду
Умирать—вотъ мой приказъ:
Всѣхъ моихъ писаній груду
Истреби ты въ тотъ же часъ!
Окружи меня цвѣтами,
Солнце въ комнату впусти—

За раскрытыми дверями
Музыкантовъ помѣсти.
Запрети имъ плачъ печальный!
Пусть, какъ будто въ часъ пировъ,
Рѣзко взвизгнетъ вальсъ нахальный
Подъ ударами смычковъ!
Слухомъ гаснущимъ внимая
Замираніямъ струны,
Самъ замру я, засыпая...
И предсмертной тишины
Не смутивъ напраснымъ стономъ,
Перейду я въ міръ иной,
Убаюканъ легкимъ звономъ
Легкой радости земной!

Когда онъ написалъ слово: «другъ» —онъ думалъ о томъ же Силинѣ. Онъ продекламировалъ въ полголоса свое стихотвореніе—и самъ удивился тому, чтó у него вышло изъ-подъ пера. Этотъ скептицизмъ, это равнодушіе, это легкомысленное безвѣріе—какъ согласовалось все это съ его принципами? съ тѣмъ, чтó онъ говорилъ у Маркелова?—Онъ бросилъ тетрадку въ ящикъ стола—и вернулся къ своей постели.—Но заснулъ онъ передъ самымъ утромъ, когда уже первые жаворонки зазвенѣли въ побѣлѣвшемъ небѣ.

На другой день — онъ только-что кончилъ урокъ и сидѣлъ въ билліардной — Сипягина вошла, оглянулась, и, съ улыбкой подойдя къ нему, позвала его къ себѣ въ кабинетъ.—На ней было легкое, барежевое платье, очень простенькое и очень миленькое: обшитые рюшами рукава доходили только до локтей, широкая лента охватывала ея станъ, волосы падали густыми космами на шею. Все въ ней дышало привѣтомъ и лаской, бережной, ободряющей лаской—все: и укрощенный блескъ полузакрытыхъ глазъ, и мягкая лѣность голоса, движеній, самой походки. Сипягина привела Нежданова въ свой кабинетъ, уютный, пріятный, весь пропитанный запахомъ цвѣтовъ и духовъ, чистой свѣжестью женскихъ одеждъ, постояннаго женскаго пребыванія; посадила его на кресло, сѣла сама возлѣ него и начала его разспрашивать объ его поѣздкѣ, о житьѣ-бытьѣ Маркелова — и такъ осторожно, кротко, хорошо! Она выказала искреннее участіе въ судьбѣ брата, о которомъ до тѣхъ поръ—при Неждановѣ— не упоминала ни разу; изъ иныхъ ея словъ можно было понять что отъ ея вниманія не ускользнуло чувство, внушенное ему Маріанной; она слегка погрустила... о томъ ли, что со стороны Маріанны не проявилось взаимности—о томъ ли, что выборъ брата палъ на дѣвушку, въ сущности ему чуждую—это осталось

неразъясненнымъ. Но главное: она явно старалась приручить Нежданова, возбудить въ немъ довѣріе къ ней, заставить его перестать дичиться.—Валентина Михайловна даже немножко попеняла на него за то, что онъ имѣетъ о ней ложное понятіе.

Неждановъ слушалъ ее, глядѣлъ ей на руки, на плечи, изрѣдка бросалъ взоръ на ея розовыя губы, на чуть-чуть колебавшіяся пряди волосъ.—Сперва онъ отвѣчалъ очень кратко; онъ ощущалъ нѣкоторое стѣсненіе въ горлѣ и въ груди... но мало-помалу ощущеніе это смѣнилось другимъ, все еще неспокойнымъ, но не лишеннымъ нѣкоторой сладости: онъ никакъ не ожидалъ, что такая важная и красивая барыня, такая аристократка, въ состояніи заинтересоваться имъ, простымъ студентомъ; а она не только имъ интересовалась—она какъ будто немножко кокетничала съ нимъ. Неждановъ спрашивалъ себя, для чего она это все дѣлаетъ?—и не находилъ отвѣта; да, правду сказать, онъ и не нуждался въ немъ. Г-жа Сипягина заговорила о Колѣ; она даже начала увѣрять Нежданова, что собственно для того только и пожелала съ нимъ сблизиться, чтобы серьёзно побесѣдовать о своемъ сынѣ—вообще чтобы узнать его мысли насчетъ воспитанія русскихъ дѣтей. Нѣсколько странною могла показаться внезапность, съ которою возникло въ ней это желаніе. Но дѣло было вовсе не въ томъ, чтó именно говорила Валентина Михайловна, а въ томъ, что на нее набѣжало нѣчто въ родѣ чувственной струи; явилась потребность покорить, нагнуть къ ногамъ своимъ эту непокорную голову...

Но здѣсь приходится вернуться нѣсколько назадъ.

Валентина Михайловна была дочь очень ограниченнаго и не бойкаго генерала съ одной звѣздой и пряжкой за пятидесятилѣтнюю службу,—и очень пронырливой и хитрой малоросски, одаренной, какъ многія ея соотечественницы, крайне простодушной и даже глуповатой наружностью, изъ которой она умѣла извлечь всю возможную пользу. Родители Валентины Михайловны были люди небогатые: однако она попала въ Смольный монастырь, гдѣ хотя и считалась республиканкой, но была на виду и на хорошемъ счету, потому что прилежно училась и примѣрно вела себя. По выходѣ изъ Смольнаго, она поселилась вмѣстѣ съ матерью—(братъ уѣхалъ въ деревню, отецъ, генералъ со звѣздою и пряжкою, уже умеръ)—въ опрятной, но очень холодной квартирѣ: когда въ этой квартирѣ говорили, можно было видѣть паръ, выходившій изъ устъ; Валентина Михайловна смѣялась и увѣряла, что это—«какъ въ церкви». Она храбро переносила всѣ неудобства бѣднаго, стѣсненнаго житья:—у ней былъ удивительно

ровный нравъ. Съ помощью матери ей удалось поддержать и пріобрѣсти знакомства и связи: о ней говорили всѣ, даже въ высшихъ сферахъ, какъ о дѣвушкѣ очень милой, очень образованной—и очень приличной. У Валентины Михайловны было нѣсколько жениховъ; изъ всѣхъ изъ нихъ она выбрала Сипягина—и влюбила его въ себя очень просто, быстро и ловко... Впрочемъ, онъ и самъ скоро понялъ, что ему лучше жены не найти. Она была умна, не зла... скорѣй добра, въ сущности холодна и равнодушна... и не допускала мысли, чтобы кто-нибудь могъ остаться равнодушнымъ къ ней. Валентина Михайловна была проникнута той особенной граціей, которая свойственна «милымъ» эгоистамъ;—въ этой граціи нѣтъ ни поэзіи, ни истинной чувствительности: но есть мягкость, есть симпатія, есть даже нѣжность. Только перечить этимъ прелестнымъ эгоистамъ не слѣдуетъ: они властолюбивы—и не выносятъ чужой самостоятельности. Женщины, подобныя Сипягиной, возбуждаютъ и волнуютъ людей неопытныхъ и страстныхъ; сами онѣ любятъ правильность и тишину жизни. Добродѣтель имъ легко дается—онѣ невозмутимы; но постоянное желаніе повелѣвать, привлекать и нравиться придаетъ имъ подвижность и блескъ: воля у нихъ крѣпкая—и самое ихъ обаяніе частью зависитъ отъ этой крѣпкой воли. Трудно устоять человѣку, когда по такому ясному, нетронутому существу забѣгаютъ огоньки какъ-бы невольной, тайной нѣги; онъ такъ и ждетъ, что вотъ-вотъ наступитъ часъ—и ледъ растаетъ; но свѣтлый ледъ только играетъ лучами—и не растаятъ, и не помутиться ему никогда!

Кокетничать немногаго стоило Сипягиной: она очень хорошо знала, что опасности для нея нѣтъ и не можетъ быть. А между тѣмъ—заставить чужіе глаза то померкнуть, то заблистать, чужія щеки разгорѣться желаніемъ и страхомъ, чужой голосъ задрожать и оборваться, смутить чужую душу—о, какъ это было сладко *ея* душѣ! Какъ весело было вспоминать поздно вечеромъ, ложась въ свое чистое ложе на безмятежный сонъ—вспоминать всѣ эти взволнованныя слова и взгляды и вздохи! Съ какой довольной улыбкой уходила она тогда вся въ себя, въ сознательное ощущеніе своей неприступности, своей недосягаемости—или снисходительно отдавалась законнымъ ласкамъ благовоспитаннаго супруга! Это было такъ пріятно, что она даже умилялась подъ-часъ и готова была сдѣлать доброе дѣло, помочь ближнему... Она однажды основала маленькую богадѣльню послѣ того, какъ одинъ до безумія въ нее влюбленный секретарь посольства попытался зарѣзаться!

Она искренно молилась за него, хотя религіозное чувство съ самыхъ раннихъ лѣтъ въ ней было слабо.

Итакъ, она бесѣдовала съ Неждановымъ и всячески старалась покорить его себѣ «подъ нози». Она допускала его до себя, она какъ-бы раскрывалась передъ нимъ, и съ милымъ любопытствомъ, съ полу-материнской нѣжностью смотрѣла, какъ этотъ очень недурной и интересный и суровый радикалъ тихонько и неловко шелъ ей на встрѣчу. День, часъ, минуту спустя все это исчезнетъ безъ слѣда—но, пока, ей весело, ей немножко смѣшно, немножко жутко—и немножко даже грустно. Позабывъ его происхожденіе, и зная, какъ подобное вниманіе цѣнится одинокими, отчужденными людьми, Валентина Михайловна начала-было расспрашивать Нежданова объ его молодости, объ его семьѣ... Но мгновенно догадавшись по его смущеннымъ и рѣзкимъ отзывамъ, что попала въ просакъ, Валентина Михайловна постаралась загладить свою ошибку и распустилась еще немножко больше передъ нимъ... Такъ въ томный жаръ лѣтняго полудня расцвѣтшая роза распускаетъ свои душистые лепестки, которые вскорѣ снова сожметъ и свернетъ крѣпительная прохлада ночи.

Вполнѣ загладить свою ошибку ей однако не удалось.—Затронутый за больное мѣсто, Неждановъ уже не могъ довѣриться попрежнему. То горькое, что онъ всегда носилъ, всегда ощущалъ на днѣ души,—шевельнулось опять; проснулись демократическія подозрѣнія и укоризны.—«Не для этого пріѣхалъ я сюда»,—подумалось ему; вспомнились ему насмѣшливыя наставленія Паклина... и онъ воспользовался первой минутой молчанія, всталъ, поклонился короткимъ поклономъ—и вышелъ «очень глупо», какъ онъ невольно шепнулъ самому себѣ.

Его смущеніе не ускользнуло отъ Валентины Михайловны... но, судя по улыбочкѣ, съ которой она проводила его взоромъ—она растолковала это смущеніе выгоднымъ для себя образомъ.

Въ билліардной Нежданову попалась Маріанна. Она стояла спиной къ окну недалеко отъ двери кабинета, тѣсно скрестивъ руки. Лицо ея находилось въ почти черной тѣни;—но такъ вопросительно, такъ настойчиво глядѣли на Нежданова ея смѣлые глаза, такое презрѣніе, такую обидную жалость выражали ея сжатыя губы, что онъ остановился въ недоумѣніи...

— Вы хотите мнѣ что-то сказать?—невольно проговорилъ онъ.

Маріанна не тотчасъ отвѣтила.

— Нѣтъ... или да; хочу. Только не теперь.

— Когда же?

— А вотъ погодите. Можетъ быть—завтра; можетъ быть—никогда. Я вѣдь очень мало знаю—кто вы собственно такой?

— Однако,—началъ Неждановъ,—мнѣ иногда казалось... что между нами...

— А вы меня совсѣмъ не знаете,—перебила Маріанна.— Да вотъ погодите. Завтра, можетъ быть. Теперь мнѣ надо идти къ моей... госпожѣ. До завтра.

Неждановъ ступилъ раза два—но вдругъ вернулся.

— Ахъ, да! Маріанна Викентьевна... я все хотѣлъ васъ спросить: не позволите ли вы мнѣ пойти съ вами въ школу,—посмотрѣть, какъ вы тамъ занимаетесь—пока ея не закрыли.

— Извольте... Только я не о школѣ хотѣла съ вами говорить.

— А о чемъ же?

— До завтра,—повторила Маріанна.

Но она не дождалась завтрашняго дня—и разговоръ между ею и Неждановымъ произошелъ въ тотъ же вечеръ—въ одной изъ липовыхъ аллей, начинавшихся недалеко отъ террасы.

XIII.

Она сама первая приблизилась къ нему.

— Г-нъ Неждановъ,—начала она торопливымъ голосомъ,— вы, кажется, совершенно очарованы Валентиной Михайловной?

Она повернулась, недождавшись отвѣта—и пошла вдоль аллеи; и онъ пошелъ съ ней рядомъ.

— Почему вы это думаете?—спросилъ онъ, погодя немного.

— А развѣ нѣтъ? Въ такомъ случаѣ она дурно распорядилась сегодня. Воображаю, какъ она хлопотала, какъ разставляла свои маленькія сѣти!

Неждановъ ни слова не промолвилъ и только съ боку посмотрѣлъ на свою странную собесѣдницу.

— Послушайте,—продолжала она:—я не стану притворяться: я не люблю Валентины Михайловны—и вы это очень хорошо знаете. Я могу вамъ показаться несправедливой... но вы сперва подумайте...

Голосъ пресѣкся у Маріанны. Она краснѣла, она волновалась... Волненіе у ней всегда принимало такой видъ, какъ-будто она злится.

— Вы, вѣроятно, спрашиваете себя,—начала она снова,— зачѣмъ эта барышня мнѣ все это разсказываетъ? Вы, должно

быть, то же самое подумали, когда я вамъ сообщила извѣстіе... на счетъ г-на Маркелова.

Она вдругъ нагнулась, сорвала небольшой грибокъ, переломила его пополамъ и отбросила въ сторону.

— Вы ошибаетесь, Маріанна Викентьевна,—промолвилъ Неждановъ:—я, напротивъ, подумалъ, что я внушаю вамъ довѣріе— и эта мысль мнѣ была очень пріятна.

Неждановъ сказалъ неполную правду: эта мысль только теперь пришла ему въ голову.

Маріанна мгновенно глянула на него. До тѣхъ поръ она все отворачивалась.

— Вы не тó, чтобы внушали мнѣ довѣріе,—проговорила она, какъ-бы размышляя:—вы вѣдь мнѣ совсѣмъ чужой.—Но ваше положеніе—и мое—очень схожи. Мы оба одинаково несчастливы; вотъ чтó насъ связываетъ.

— Вы несчастливы?—спросилъ Неждановъ.

— А вы—нѣтъ?—отвѣчала Маріанна.

Онъ ничего не сказалъ.

— Вамъ извѣстна моя исторія?—заговорила она съ живостью:—исторія моего отца? Его ссылка?—нѣтъ? Ну, такъ знайте же, что онъ былъ взятъ подъ-судъ, найденъ виноватымъ, лишенъ чиновъ... и всего—и сосланъ въ Сибирь. Потомъ онъ умеръ... мать моя тоже умерла. Дядя мой, г-нъ Сипягинъ, братъ моей матери, призрѣлъ меня—я у него на хлѣбахъ—онъ мой благодѣтель—и Валентина Михайловна моя благодѣтельница—а я имъ плачý черной неблагодарностью,—потому что у меня, должно быть, сердце чёрствое—и чужой хлѣбъ горекъ—и я не умѣю переносить снисходительныхъ оскорбленій—и покровительства не терплю... и не умѣю скрывать—и когда меня безпрестанно колютъ булавками—я только оттого не кричу, что я очень горда.

Произнося эти отрывочныя рѣчи, Маріанна шла все быстрѣй и быстрѣй.

Она вдругъ остановилась.

— Знаете ли, что моя тётка, чтобы только сбыть меня съ рукъ, прочитъ меня... за этого гадкаго Калломѣйцева?—Вѣдь ей извѣстны мои убѣжденья—вѣдь я въ глазахъ ея нигилистка—а онъ! — Я, конечно, ему не нравлюсь, я вѣдь не красива — но продать меня можно. Вѣдь это тоже благодѣяніе!

— Зачѣмъ же вы...—началъ-было Неждановъ—и запнулся.

Маріанна опять мгновенно глянула на него.

— Зачѣмъ я не приняла предложеніе г-на Маркелова—хо-

тите вы сказать? Не такъ ли? Да; но что же дѣлать? Онъ хорошій человѣкъ... Но я не виновата, я не люблю его.

Маріанна снова пошла впередъ, какъ-бы желая избавить своего собесѣдника отъ обязанности чѣмъ-нибудь отозваться на это нежданное признаніе.

Они оба достигли конца аллеи. Маріанна проворно свернула на узкую дорожку, проложенную сквозь сплошной ельникъ — и пошла по ней. — Неждановъ отправился за Маріанной. — Онъ ощущалъ двойное недоумѣніе: чудно ему казалось, какимъ образомъ эта дикая дѣвушка вдругъ такъ откровенничаетъ съ нимъ — и еще больше дивился онъ тому, что откровенность эта нисколько его не поражаетъ, что онъ находитъ ее естественной.

Маріанна вдругъ обернулась — и стала посреди дорожки, такъ что ея лицо пришлось на разстояніи аршина отъ лица Нежданова — и глаза ея вонзились прямо въ его глаза.

— Алексѣй Дмитричъ, — заговорила она — не думайте, что моя тётка зла... Нѣтъ! но она вся — ложь, она комедіантка, она позёрка — она хочетъ, чтобы всѣ ее обожали — какъ красавицу — и благоговѣли передъ нею, какъ передъ святою! Она придумаетъ задушевное слово, скажетъ его одному — а потомъ повторяетъ это же слово другому и третьему — и все съ такимъ видомъ, какъ-будто она сейчасъ это слово придумала — и тутъ же кстати играетъ своими чудесными глазами! — Она самоё себя очень хорошо знаетъ — она знаетъ, что похожа на Мадонну — и никого не любитъ! Притворяется, что все возится съ Колей — а только всего и дѣлаетъ, что говоритъ о немъ съ умными людьми. Сама она никому зла не желаетъ... Она вся — благоволеніе! — Но пускай вамъ въ ея присутствіи всѣ кости въ тѣлѣ переломаютъ... ей ничего! — Она пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы васъ избавить; — а если ей это нужно или выгодно... тогда... о, тогда!

Маріанна умолкла. Желчь душила ее, она рѣшилась дать ей волю, она не могла удержаться — но рѣчь ея невольно обрывалась. Маріанна принадлежала къ особенному разряду несчастныхъ существъ (въ Россіи они стали попадаться довольно часто)... Справедливость удовлетворяетъ, но не радуетъ ихъ — а несправедливость, на которую они страшно чутки, возмущаетъ ихъ до дна души. — Пока она говорила, Неждановъ глядѣлъ на нее внимательно: ея покраснѣвшее лицо, съ слегка разбросанными короткими волосами, съ трепетнымъ подергиваньемъ тонкихъ губъ, показалось ему и угрожающимъ, и значительнымъ — и красивымъ. Солнечный свѣтъ, перехваченный частой сѣтвою вѣтвей, лежалъ у ней на лбу золотымъ косымъ пятномъ — и этотъ огненный языкъ

шелъ къ возбужденному выраженію всего ея лица, къ широко-раскрытымъ, недвижнымъ и блестящимъ глазамъ, къ горячему звуку ея голоса.

— Скажите,—спросилъ ее наконецъ Неждановъ:—отчего вы меня назвали несчастливымъ? Развѣ вамъ извѣстно мое прошедшее?

Маріанна кивнула головою.

— Да.

— То-есть... какъ же такъ извѣстно? Вамъ кто-нибудь говорилъ обо мнѣ?

— Мнѣ извѣстно... ваше происхожденіе.

— Вамъ извѣстно... Кто же вамъ сказалъ?

— Да все та же—та же Валентина Михайловна, которою вы такъ очарованы. Она не преминула замѣтить при мнѣ — по обыкновенью вскользь, но внятно — не съ сожалѣньемъ, а какъ либералка, которая выше всякихъ предразсудковъ—что вотъ молъ-какая существуетъ случайность въ жизни нашего новаго учителя! Не удивляйтесь, пожалуйста: Валентина Михайловна точно также вскользь и съ сожалѣньемъ, чуть не всякому посѣтителю сообщаетъ что вотъ-молъ въ жизни моей племянницы какая существуетъ... случайность: ея отца за взятки сослали въ Сибирь! Какою аристократкой она себя ни воображай—она просто сплетница и позёрка—эта ваша Рафаэлевская Мадонна!

— Позвольте,—замѣтилъ Неждановъ:—почему же она: «моя»?

Маріанна отвернулась и пошла опять по дорожкѣ.

— У васъ съ нею былъ такой большой разговоръ,—произнесла она глухо.

— Я почти ни одного слова не вымолвилъ,—отвѣтилъ Неждановъ:—она одна все время говорила.

Маріанна шла впередъ молча. Но вотъ дорожка повернула въ сторону,—ельникъ словно разступился и открылась впереди небольшая поляна съ дуплистой плакучей березой посрединѣ и круглой скамьей, охватывавшей стволъ стараго дерева. Маріанна сѣла на эту скамью; Неждановъ помѣстился рядомъ. Надъ головами обоихъ тихонько покачивались длинныя пачки висячихъ вѣтокъ, покрытыхъ мелкими зелеными листочками. Кругомъ въ жидкой травѣ бѣлѣли ландыши—и ото всей поляны поднимался свѣжій запахъ молодой травы, пріятно облегчавшій грудь, все еще стѣсненную смолистыми испареніями елей.

— Вы хотите пойти со мной посмотрѣть здѣшнюю школу,—начала Маріанна;—что-жъ? пойдемте.—Только... я не знаю. Удовольствія вамъ будетъ мало. Вы слышали, нашъ главный учитель—діаконъ. Онъ человѣкъ добрый, — но вы не можете себѣ

представить, о чемъ онъ бесѣдуетъ съ учениками! Межъ ними есть мальчикъ... его зовутъ Гарасей—онъ сирота, девяти лѣтъ,—и, представьте! онъ учится лучше всѣхъ!

Перемѣнивъ внезапно предметъ разговора, Маріанна сама какъ-будто измѣнилась: она поблѣднѣла, утихла—и лицо ея выразило смущеніе, словно ей совѣстно стало всего, что́ она наговорила. Ей видимо хотѣлось навести Нежданова на какой-нибудь «вопросъ»—школьный, крестьянскій — лишь бы только не продолжать въ прежнемъ тонѣ. Но ему въ эту минуту было не до «вопросовъ».

— Маріанна Викентьевна,—началъ онъ;—скажу вамъ откровенно: я никакъ не ожидалъ всего того... что́ теперь произошло между нами. — (При словѣ: «произошло», она слегка насторожилась.) Мнѣ кажется, мы вдругъ — очень... очень сблизились. Да оно такъ и слѣдовало. Мы давно подходимъ другъ къ другу; только голосу не подавали. — А потому я буду съ вами говорить безъ утайки. — Вамъ тяжело и тошно въ здѣшнемъ домѣ; но дядя вашъ—онъ хотя ограниченный, однако, насколько я могу судить, гуманный человѣкъ;—развѣ онъ не понимаетъ вашего положенія, не становится на вашу сторону?

— Мой дядя? Во-первыхъ—онъ вовсе не человѣкъ; онъ чиновникъ — сенаторъ или министръ... я ужъ не знаю. А во-вторыхъ... я не хочу напрасно жаловаться и клеветать: мнѣ вовсе не тошно и не тяжело здѣсь, то-есть, меня здѣсь не притѣсняютъ; маленькія шпильки моей тётки въ сущности для меня ничто... Я совершенно свободна.

Неждановъ съ изумленіемъ глянулъ на Маріанну.

— Въ такомъ случаѣ... все, что́ вы мнѣ сейчасъ говорили...

— Вы вольны смѣяться надо мною,—подхватила она;—но если я несчастна—то не своимъ несчастьемъ.—Мнѣ кажется иногда, что я страдаю за всѣхъ притѣсненныхъ бѣдныхъ, жалкихъ на Руси... нѣтъ, не страдаю—а негодую за нихъ, возмущаюсь;.. что я за нихъ готова... голову сложить. Я несчастна тѣмъ, что я барышня, приживалка, что я ничего, ничего не могу и не умѣю! Когда мой отецъ былъ въ Сибири—а я съ матушкой оставалась въ Москвѣ — ахъ, какъ я рвалась къ нему!—и не то, чтобы я очень его любила или уважала—но мнѣ такъ хотѣлось извѣдать самой, посмотрѣть собственными глазами, какъ живутъ ссыльные, загнанные... И какъ мнѣ было досадно на себя и на всѣхъ этихъ спокойныхъ, зажиточныхъ, сытыхъ!.. А потомъ, когда онъ вернулся, надломанный, разбитый—и началъ унижаться, хлопотать и заискивать... ахъ... какъ это было тяжело! Какъ хорошо онъ

сдѣлалъ, что умеръ... и матушка тоже! Но вотъ я осталась въ живыхъ... Къ чему?—Чтобы чувствовать, что у меня дурной нравъ, что я неблагодарна, что со мной ладу нѣтъ — и что я ничего, ничего не могу ни для чего, ни для кого!

Маріанна отклонилась въ сторону — рука ея скользнула на скамью. Нежданову стало очень жаль ея; онъ прикоснулся къ этой повисшей рукѣ... но Маріанна тотчасъ ее отдернула, не потому, чтобы движеніе Нежданова показалось ей неумѣстнымъ— а чтобы онъ—сохрани Богъ—не подумалъ, что она напрашивается на участіе.

Сквозь вѣтви ельника мелькнуло вдали женское платье.

Маріанна выпрямилась.—Посмотрите, ваша Мадонна выслала свою шпіонку. Эта горничная должна наблюдать за мною — и доносить своей барынѣ, гдѣ я бываю и съ кѣмъ!—Тётка вѣроятно сообразила, что я съ вами—и находитъ, что это неприлично— особенно, послѣ сантиментальной сцены, которую она передъ вами разыграла. Да и въ самомъ дѣлѣ—пора вернуться. Пойдемте.

Маріанна встала; Неждановъ тоже поднялся съ своего мѣста. Она глянула на него черезъ плечо и вдругъ по ея лицу мелькнуло выраженіе почти дѣтское, миловидное, немного смущенное.

— Вы вѣдь не сердитесь на меня? Вы не думаете, что я тоже порисовалась передъ вами?—Нѣтъ, вы этого не подумаете,— продолжала она, прежде чѣмъ Неждановъ ей что-нибудь отвѣтилъ.— Вы вѣдь такой же, какъ я—несчастный — и нравъ у васъ тоже... дурной, какъ у меня.—А завтра мы пойдемъ вмѣстѣ въ школу, потому что мы вѣдь теперь хорошіе пріятели.

Когда Маріанна и Неждановъ приблизились къ дому, Валентина Михайловна посмотрѣла на нихъ въ лорнетку съ высоты балкона—и съ своей обычной, кроткой улыбкой тихонько покачала головою; а возвращаясь черезъ раскрытую стеклянную дверь въ гостиную, въ которой Сипягинъ уже сидѣлъ за преферансомъ съ завернувшимъ на чаекъ беззубымъ сосѣдомъ, промолвила громко и протяжно, отставляя слогъ отъ слога:

— Какъ сыро на воздухѣ! Это нездорово!

Маріанна переглянулась съ Неждановымъ; а Сипягинъ, который только-что обремизилъ своего партнера, бросилъ на жену истинно-министерскій взоръ въ бокъ и вверхъ черезъ щеку—и потомъ перевелъ тотъ же сонливо-холодный, но проницательный взоръ на входившую изъ темнаго сада молодую чету.

XIV.

Минуло еще двѣ недѣли.—Все шло своимъ порядкомъ. Сипягинъ распредѣлялъ ежедневныя занятія — если не какъ министръ, то уже навѣрное, какъ директоръ департамента—и держался по прежнему — высоко, гуманно и нѣсколько брезгливо; Коля бралъ уроки, Анна Захаровна терзалась постоянной, угнетенной злобой, гости наѣзжали, разговаривали, сражались въ карты—и, повидимому, не скучали; Валентина Михайловна продолжала заигрывать съ Неждановымъ—хотя къ ея любезности стало примѣшиваться нѣчто въ родѣ добродушной ироніи. Съ Маріанной Неждановъ окончательно сблизился—и къ удивленію своему, нашелъ, что у ней характеръ довольно ровный и что съ ней можно говорить обо всемъ, не натыкаясь на слишкомъ рѣзкія противорѣчія.—Вмѣстѣ съ нею онъ раза два посѣтилъ школу—но съ перваго же посѣщенія убѣдился, что ему тутъ дѣлать нечего. Отецъ діаконъ завладѣлъ ею вдоль и поперегъ, съ разрѣшенія Сипягина и по его волѣ. Отецъ діаконъ училъ грамотѣ недурно, хотя по старинному способу—но на экзаменахъ предлагалъ вопросы — довольно несообразные; напр.: онъ спросилъ однажды Гарасю: «какъ-молъ онъ объясняетъ выраженіе «темна вода въ облацѣхъ»?—на что́ Гарася долженъ былъ, по указанію самого отца діакона, отвѣтствовать: «Сіе есть необъяснимо». Впрочемъ, школа скоро и такъ закрылась,—по случаю лѣтняго времени—до осени.—Памятуя наставленія Паклина и другихъ, Неждановъ старался также сближаться съ крестьянами; но въ скорости замѣтилъ, что онъ просто изучаетъ ихъ, насколько хватало наблюдательности—а вовсе не пропагандируетъ! Онъ почти всю свою жизнь провелъ въ городѣ—и между имъ и деревенскимъ людомъ существовалъ оврагъ или ровъ, черезъ который онъ никакъ не могъ перескочить. Нежданову пришлось обмѣняться нѣсколькими словами съ пьяницей Кириллой и даже съ Менделѣемъ Дутикомъ—но, странное дѣло!—онъ словно робѣлъ передъ ними—и кромѣ очень общей и очень короткой ругани, онъ отъ нихъ ничего не услышалъ. Другой мужикъ — звали его Ѳитюевымъ — просто въ тупикъ его поставилъ. Лицо у этого мужика было необычайно энергическое, чуть не разбойничье... «Ну, этотъ навѣрное, надежный!»—думалось Нежданову... И что же? Ѳитюевъ оказался бобылемъ; у него міръ отобралъ землю, потому что онъ—человѣкъ здоровый и даже сильный—*не могъ* работать.— «Не могу!» —всхлипывалъ Ѳитюевъ самъ, съ глубокимъ, внутреннимъ стономъ—и

протяжно вздыхалъ: — «не могу я работать! убейте меня!—А то я на себя руки наложу!»—И кончалъ тѣмъ, что просилъ милостыньки—грошика на хлѣбушко... А лицо какъ у Ринальдо Ринальдини!—Фабричный народъ—такъ тотъ совсѣмъ не дался Нежданову; всѣ эти ребята были либо ужасно-бойкіе, либо ужасно-мрачные... и у Нежданова съ ними тоже не вышло ничего. Онъ по этому поводу написалъ другу своему, Силину, большое письмо, въ которомъ горько жаловался на свою неумѣлость и приписывалъ ее своему скверному воспитанію и пакостной эстетической натурѣ! Онъ вдругъ вообразилъ, что его призваніе—въ дѣлѣ пропаганды—дѣйствовать не живымъ, устнымъ словомъ,—а письменнымъ; но задуманныя имъ брошюры не клеились. Все, чтò онъ пытался выводить на бумагѣ, производило на него самого впечатлѣніе чего-то фальшиваго, натянутаго, невѣрнаго въ тонѣ, въ языкѣ,—и онъ раза два—о, ужасъ!—невольно сворачивалъ на стихи или на скептическія, личныя изліянія. Онъ даже рѣшился (важный признакъ довѣрія и сближенія!)—говорить объ этой своей неудачѣ съ Маріанной... и, опять-таки къ удивленію своему—нашелъ въ ней сочувствіе—разумѣется, не къ своей беллетристикѣ—а къ той нравственной болѣзни, которой онъ страдалъ и которая не была ей чужда. Маріанна не хуже его возставала на эстетику;—а собственно потому и не полюбила Маркелова и не пошла за него, что въ немъ не существовало и слѣда той самой эстетики! — Маріанна, конечно, въ этомъ даже себѣ самой не смѣла сознаться; но вѣдь только то и сильно въ насъ, чтò остается для насъ самихъ полуподозрѣнной тайной.

Такъ шли дни—туго, неровно—но не скучно.

Нѣчто странное происходило съ Неждановымъ. Онъ былъ недоволенъ собою, своей дѣятельностью—то-есть, своимъ бездѣйствіемъ; рѣчи его почти постоянно отзывались желчью и ѣдкостью самобичеванія: а на душѣ у него, гдѣ-то тамъ очень далеко внутри — было недурно; онъ испытывалъ даже нѣкоторое успокоеніе. Было ли то слѣдствіемъ деревенскаго затишья, воздуха, лѣта, вкусной пищи, удобнаго житья,—происходило ли оно отъ того, что ему въ первый разъ отъ роду случилось извѣдать сладость соприкосновенія съ женскою душою?—сказать трудно; но ему въ сущности было даже легко, хотя онъ и жаловался—искренно жаловался—другу своему, Силину.

Впрочемъ, это настроеніе Нежданова было внезапно и насильственно прервано—въ одинъ день.

Утромъ того дня онъ получилъ записку отъ Василія Николаевича, въ которой предписывалось ему вмѣстѣ съ Маркело-

вымъ—въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій—немедленно познакомиться и сговориться съ уже поименованнымъ Соломинымъ и нѣкоторымъ купцомъ Голушкинымъ, старообрядцемъ, проживавшемъ въ С*. Записка эта перетревожила Нежданова; упрекъ его бездѣйствію послышался ему въ ней. Горечь, которая все это время кипѣла у него на однихъ словахъ, теперь снова поднялась со дна его души.

Къ обѣду пріѣхалъ Калломѣйцевъ, разстроенный и раздраженный.—Представьте,—закричалъ онъ почти слезливымъ голосомъ,—какой ужасъ я сейчасъ вычиталъ въ газетѣ:—моего друга, моего милаго Михаила, сербскаго князя, какіе-то злодѣи убили въ Бѣлградѣ!—До чего наконецъ дойдутъ эти якобинцы и революціонеры, если имъ не положатъ твердый предѣлъ!—Сипягинъ «позволилъ себѣ замѣтить», что это гнусное убійство, вѣроятно, совершено не якобинцами—«коихъ въ Сербіи не предполагается»—а людьми партіи Карагеоргіевичей, врагами Обреновичей... Но Калломѣйцевъ ничего слышать не хотѣлъ и тѣмъ же слезливымъ голосомъ началъ снова разсказывать, какъ покойный князь его любилъ, и какое ему подарилъ ружье!... Понемногу расходившись и придя въ азартъ, Калломѣйцевъ отъ заграничныхъ якобинцевъ обратился къ доморощеннымъ нигилистамъ и соціалистамъ — и разразился наконецъ цѣлой филиппикой. Обхвативъ, по модному, большой бѣлый хлѣбъ обѣими руками и переламывая его пополамъ надъ тарелкой супа, какъ это дѣлаютъ завзятые парижане въ «Café-Riche»—онъ изъявлялъ желаніе раздробить, превратить въ прахъ всѣхъ тѣхъ, которые сопротивляются—чему бы и кому бы то ни было!!. Онъ именно такъ выразился.—«Пора! пора!—твердилъ онъ, занося себѣ ложку въ ротъ;—«пора! пора!»—повторялъ онъ, подставляя рюмку слугѣ, разливавшему херэсъ. Съ благоговѣньемъ упомянулъ онъ о великихъ московскихъ публицистахъ—и Ladislas, notre bon et cher Ladislas, не сходилъ у него съ языка.—И при этомъ онъ то-и-дѣло устремлялъ взоръ на Нежданова, словно тыкалъ его имъ.—«Вотъ, молъ, тебѣ! Получай загвоздку! это я на твой счетъ! А вотъ еще!»—Тотъ не вытерпѣлъ наконецъ—и началъ возражать — немного, правда, трепетнымъ (конечно, не отъ робости) и хриповатымъ голосомъ; началъ защищать надежды, принципы, идеалы молодёжи. Калломѣйцевъ немедленно запищалъ—негодованіе въ немъ всегда выражалось фальцетомъ—и сталъ грубить. Сипягинъ величественно принялъ сторону Нежданова; Валентина Михайловна тоже соглашалась съ мужемъ; Анна Захаровна старалась отвлечь вниманіе Коли—и бросала, куда ни попало, яростные взгляды изъ-подъ нависшаго чепца; Маріанна не шевелилась, словно окаменѣла.

Но вдругъ, услышавъ въ двадцатый разъ произнесенное имя Ladislas'а,—Неждановъ вспыхнулъ весь и, ударивъ ладонью по столу, воскликнулъ:

— Вотъ нашли авторитетъ! Какъ-будто мы не знаемъ, что̀ такое этотъ Ladislas? Онъ — прирожденный клевретъ и больше ничего!

— А... а... а... во... вотъ какъ... вотъ ку... куда!—простоналъ Калломѣйцевъ, заикаясь отъ бѣшенства...—Вы вотъ какъ позволяете себѣ отзываться о человѣкѣ, котораго уважаютъ такія особы, какъ графъ Блазенкрампфъ и князь Коврижкинъ!

Неждановъ пожалъ плечами. — Хороша рекомендація: князь Коврижкинъ, этотъ лакей-энтузіастъ...

— Ladislas — мой другъ!—закричалъ Калломѣйцевъ.—Онъ мой товарищъ — и я...

— Тѣмъ хуже для васъ,—перебилъ Неждановъ;—значитъ, вы раздѣляете его образъ мыслей, и мои слова относятся такъ же къ вамъ.

Калломѣйцевъ помертвѣлъ отъ злости.—Ка... какъ? Что? Какъ вы смѣете? На... надобно васъ... сейчасъ...

— Что̀ вамъ угодно сдѣлать со мною *сейчасъ?*—вторично, съ иронической вѣжливостью перебилъ Неждановъ.

Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы разрѣшилась эта схватка между двумя врагами, если бы Сипягинъ не прекратилъ ея въ самомъ началѣ. Возвысивъ голосъ и принявъ осанку, въ которой неизвѣстно что̀ преобладало: важность ли государственнаго человѣка или же достоинство хозяина дома—онъ съ спокойной твердостью объявилъ, что не желаетъ слышать болѣе у себя за столомъ подобныя неумѣренныя выраженія; что онъ давно поставилъ себѣ правиломъ (онъ поправился: священнымъ правиломъ) уважать всякаго рода убѣжденія, но только съ тѣмъ—(тутъ онъ поднялъ указательный палецъ, украшенный гербовымъ кольцомъ), чтобы онѣ удерживались въ извѣстныхъ границахъ благопристойности и благоприличія; что если онъ, съ одной стороны, не можетъ не осудить въ г. Неждановѣ нѣкоторую невоздержность языка, извиняемую, впрочемъ, молодостью его лѣтъ, то, съ другой стороны, не можетъ также одобрить въ г-нѣ Калломѣйцевѣ ожесточеніе его нападокъ на людей противнаго лагеря — ожесточеніе, объясняемое, впрочемъ, его рвеніемъ къ общему благу.

— Подъ моимъ кровомъ,—такъ кончилъ онъ, подъ кровомъ Сипягиныхъ, нѣтъ ни якобинцевъ, ни клевретовъ, а есть только добросовѣстные люди, которые, однажды понявъ другъ друга, непремѣнно кончатъ тѣмъ, что подадутъ другъ другу руки!

Неждановъ и Калломѣйцевъ умолкли оба—однако руки другъ другу не подали; видно, часъ взаимнаго пониманія не наступилъ для нихъ. Напротивъ: они никогда еще не чувствовали такой сильной взаимной ненависти. Обѣдъ кончился въ непріятномъ и неловкомъ молчаніи; Сипягинъ попытался разсказать какой-то дипломатическій анекдотъ—но такъ и бросилъ его на полъ-пути. Маріанна упорно глядѣла въ свою тарелку. Ей не хотѣлось выказать сочувствія, возбужденнаго въ ней рѣчами Нежданова, не изъ трусости—о, нѣтъ! но надо было прежде всего не выдать себя Сипягиной. Она чувствовала на себѣ ея проницательный, пристальный взоръ. И дѣйствительно, Сипягина не спускала съ нея глазъ—съ нея и съ Нежданова. Его неожиданная вспышка сперва поразила умную барыню;—а потомъ её какъ-будто чтó озарило—да такъ, что она невольно шепнула: А!... Она вдругъ догадалась, что Неждановъ отвернулся отъ нея, тотъ самый Неждановъ, который еще недавио шелъ къ ней въ руки.—Тутъ чтó-то произошло... Ужъ не Маріанна ли? Да, навѣрное Маріанна.... Онъ ей нравится... да и онъ...

«Надо принять мѣры», такъ заключила она свои разсужденія, а между тѣмъ Калломѣйцевъ—задыхался отъ негодованія. Даже играя въ преферансъ, часа два спустя, онъ произносилъ слова: пасъ! или: покупаю! съ наболѣвшимъ сердцемъ—и въ голосѣ его слышалось глухое трéмоло обиды, хотя онъ и показывалъ видъ, что «презираетъ»!—Одинъ Сипягинъ былъ собственно даже очень доволенъ всей этой сценой. Ему пришлось выказать силу своего краснорѣчія, усмирить начинавшуюся бурю... Онъ зналъ латинскій языкъ, и Виргиліевское: Quos ego! (я васъ!) не было ему чуждымъ. Сознательно онъ не сравнивалъ себя съ Нептуномъ; но какъ-то сочувственно вспомнилъ о немъ.

XV.

Какъ только оказалось возможнымъ, Неждановъ отправился къ себѣ въ комнату и заперся.—Ему не хотѣлось ни съ кѣмъ видѣться—ни съ кѣмъ, кромѣ Маріанны. Ея комната находилась на самомъ концѣ длиннаго корридора, пересѣкавшаго весь верхній этажъ. Неждановъ только разъ—и то на нѣсколько минутъ—заходилъ туда;—но ему казалось, что она не разсердится, если онъ къ ней постучится, что она даже желаетъ переговорить съ нимъ. Было уже довольно поздно, часовъ около десяти; хозяева, послѣ сцены за обѣдомъ, не считали нужнымъ его тревожить и продолжали

играть въ карты съ Калломѣйцевымъ. Валентина Михайловна раза два навѣдалась о Маріаннѣ, такъ какъ она тоже исчезла скоро послѣ стола.—Гдѣ же Маріанна Викентьевна?—спросила она сперва по-русски, потомъ по-французски, не обращаясь ни къ кому въ особенности, а болѣе къ стѣнамъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ очень удивленные люди; впрочемъ, она вскорѣ сама занялась игрой.

Неждановъ прошелся нѣсколько разъ по своей комнатѣ, потомъ отправился по корридору до Маріанниной двери—и тихонько постучался. Отвѣта не было. Онъ постучался еще разъ—попытался отворить дверь... Она оказалась запертою. Но не успѣлъ онъ вернуться къ себѣ, сѣсть на стулъ, какъ его собственная дверь слабо скрыпнула и послышался голосъ Маріанны:

— Алексѣй Дмитричъ, это *вы* приходили ко мнѣ?

Онъ тотчасъ вскочилъ и бросился въ корридоръ. Маріанна стояла передъ дверью, со свѣчёй въ рукѣ, блѣдная и неподвижная.

— Да;.. я...—шепнулъ онъ.

— Пойдемте,—отвѣчала она и пошла по корридору; но, не дойдя до конца, остановилась и толкнула рукою низкую дверь. Неждановъ увидалъ небольшую, почти пустую комнату. — Войдемте лучше сюда, Алексѣй Дмитричъ, здѣсь намъ никто не помѣшаетъ.—Неждановъ повиновался. Маріанна поставила свѣчку на подоконникъ и обернулась къ Нежданову.

— Я понимаю, почему вамъ именно меня хотѣлось видѣть—начала она;—вамъ очень тяжело жить въ этомъ домѣ—и мнѣ тоже.

— Да; я хотѣлъ васъ видѣть, Маріанна Викентьевна,—отвѣчалъ Неждановъ;—но мнѣ не тяжело здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ я сблизился съ вами.

Маріанна улыбнулась задумчиво.

— Спасибо, Алексѣй Дмитричъ—но, скажите, неужели вы намѣрены остаться здѣсь послѣ всѣхъ этихъ безобразій?

— Я думаю, меня здѣсь не оставятъ—мнѣ откажутъ!—отвѣчалъ Неждановъ.

— А сами вы не откажетесь?

— Самъ... Нѣтъ.

— Почему?

— Вы хотите знать правду? Потому что *вы* здѣсь.

Маріанна наклонила голову и отошла немного въ глубь комнаты.

— И къ тому же,—продолжалъ Неждановъ,—я *обязанъ*

остаться здѣсь. Вы ничего не знаете — но я хочу, я чувствую, что долженъ вамъ все сказать. — Онъ подступилъ къ Маріаннѣ и схватилъ ее за руку.—Она ея не приняла—и только посмотрѣла ему въ лицо.— Послушайте!—воскликнулъ онъ съ внезапнымъ, сильнымъ порывомъ.—Послушайте меня!—И тотчасъ же, не садясь ни на одно изъ двухъ-трехъ стульевъ, находившихся въ комнатѣ, продолжая стоять передъ Маріанной и держать ея руку, Неждановъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ, съ неожиданнымъ для него самого краснорѣчіемъ, сообщилъ Маріаннѣ свои планы, намѣренія, причину, заставившую его принять предложеніе Сипягина — всѣ свои связи, знакомства, свое прошедшее, все что́ онъ скрывалъ, что́ никому не высказывалъ! Онъ упомянулъ о полученныхъ письмахъ, о Василіѣ Николаевичѣ, обо всемъ — даже о Силинѣ! — Онъ говорилъ торопливо, безъ запинки, безъ малѣйшаго колебанья — словно онъ упрекалъ себя въ томъ, что до сихъ поръ не посвятилъ Маріанны во всѣ свои тайны—словно извинялся передъ нею. — Она его слушала внимательно, жадно; на первыхъ порахъ она изумилась... Но это чувство тотчасъ исчезло. Благодарность, гордость, преданность, рѣшимость—вотъ чѣмъ переполнялась ея душа. Ея лицо, ея глаза засіяли; она положила другую свою руку на руку Нежданова—ея губы раскрылись восторженно... Она вдругъ страшно похорошѣла!

Онъ остановился наконецъ—глянулъ на нее, и какъ будто впервые увидалъ *это* лицо, которое въ то же время такъ было и дорого ему и такъ знакомо.

Онъ вздохнулъ сильно, глубоко...

— Ахъ, какъ я хорошо сдѣлалъ, что вамъ все сказалъ! — едва могли шепнуть его губы.

— Да, хорошо.... хорошо!—повторила она тоже шепотомъ. Она невольно подражала ему—да и голосъ ея угасъ. — И значитъ, вы знаете—продолжала она, что я въ вашемъ распоряженіи, что я хочу быть тоже полезной вашему дѣлу, что я готова сдѣлать все, что́ будетъ нужно, пойти куда прикажутъ, что я всегда, всею душою, желала того же, что́ и вы...

Она тоже умолкла. Еще одно слово—и у ней брызнули бы слёзы умиленія. Все ея крѣпкое существо стало внезапно мягко какъ воскъ. Жажда дѣятельности, жертвы, жертвы немедленной—вотъ чѣмъ она томилась.

Чьи-то шаги послышались за дверью—осторожные, быстрые, легкіе шаги.

Маріанна вдругъ выпрямилась, освободила свои руки—и вся тотчасъ перемѣнилась и повеселѣла. Что-то презрительное, что-то удалое мелькнуло по ея лицу.

— Я знаю, кто насъ подслушиваетъ въ эту минуту,—проговорила она такъ громко, что въ корридорѣ явственнымъ отзвучіемъ раздавалось каждое ея слово — г-жа Сипягина подслушиваетъ насъ.... но мнѣ это совершенно все равно.

Шорохъ шаговъ превратился.

— Такъ какъ же?—обратилась Маріанна къ Нежданову;—что же мнѣ дѣлать? какъ помочь вамъ? Говорите.... говорите скорѣй! Что дѣлать?

— Что?—промолвилъ Нежданов.—Я еще не знаю... Я получилъ отъ Маркелова записку...

— Когда? Когда?

— Сегодня вечеромъ. Надо мнѣ ѣхать завтра съ нимъ къ Соломину на заводъ.

— Да.... да... Вотъ еще славный человѣкъ — Маркеловъ! Вотъ настоящій другъ!

— Такой же какъ я?

Маріанна глянула прямо въ лицо Нежданову.

— Нѣтъ — не такой же.

— Какъ?..

Она вдругъ отвернулась.

— Ахъ! да развѣ вы не знаете, чѣмъ вы для меня стали и что̀ я чувствую въ эту минуту...

Сердце Нежданова сильно забилось, и взоръ опустился невольно. Эта дѣвушка, которая полюбила его — его, бездомнаго горемыку—которая ему довѣряется, которая готова идти за нимъ, вмѣстѣ съ нимъ, къ одной и той же цѣли — эта чудесная дѣвушка—Маріанна — въ это мгновенье стала для Нежданова воплощеніемъ всего хорошаго, правдиваго на землѣ—воплощеніемъ неиспытанной имъ семейной, сестриной, женской любви,—воплощеніемъ родины, счастья, борьбы, свободы!

Онъ поднялъ голову — и увидалъ ея глаза, снова на него обращенные...

О, какъ проникалъ ихъ свѣтлый, славный взглядъ, въ самую глубь его души!

— Итакъ,—началъ онъ невѣрнымъ голосомъ—я ѣду завтра... И когда я вернусь оттуда я скажу.... вамъ.... (ему вдругъ стало неловко говорить Маріаннѣ: вы) — скажу вамъ, что̀ узнаю, что̀ будетъ рѣшено. Отнынѣ, все, что̀ я буду дѣлать, все, что̀ я буду думать — все, все сперва узнаешь.... ты.

— О, мой другъ!—воскликнула Маріанна—и опять схватила его руку. Я то же самое обѣщаю тебѣ!

Это «тебѣ» вышло у ней такъ легко и просто, какъ будто иначе и нельзя было—какъ будто это было товарищеское: «ты».

— А письмо можно видѣть?

— Вотъ оно, вотъ.

Маріанна пробѣжала письмо и чуть не съ благоговѣніемъ подняла на него взоръ.

— На тебя возлагаютъ такія важныя порученія?

Онъ улыбнулся ей въ отвѣтъ и спряталъ письмо въ карманъ.

— Странно,—промолвилъ онъ:—вѣдь мы объяснились другъ другу въ любви—мы любимъ другъ друга—а ни слова объ этомъ между нами не было.

— Къ чему?—шепнула Маріанна и вдругъ бросилась къ нему на шею, притиснула свою голову къ его плечу... Но они даже не поцѣловались—это было бы пошло и почему-то жутко—такъ, по крайней мѣрѣ, чувствовали они оба—и тотчасъ же разошлись, крѣпко-крѣпко стиснувъ другъ другу руку.

Маріанна вернулась за свѣчой, которую оставила на подоконникѣ пустой комнаты — и только тутъ нашло на нее нѣчто въ родѣ недоумѣнія. Она погасила ее и, въ глубокой темнотѣ, быстро скользнувъ по корридору, вернулась въ свою комнату—раздѣлась, и легла въ той же для нея почему-то отрадной темнотѣ.

XVI.

На другое утро, когда Неждановъ проснулся, онъ не только не почувствовалъ никакого смущенія при воспоминаніи о томъ, что̀ произошло наканунѣ—но, напротивъ: онъ исполнился какой-то хорошей и трезвой радостью, точно онъ совершилъ дѣло, которое, по настоящему, давно слѣдовало совершить. Отпросившись на два дня у Сипягина, который согласился на его отлучку немедленно, но строго,—Неждановъ уѣхалъ къ Маркелову. Передъ отъѣздомъ онъ успѣлъ свидѣться съ Маріанной.—Она тоже нисколько не стыдилась и не смущалась, глядѣла спокойно и рѣшительно, и спокойно говорила ему: ты. Волновалась она только о томъ, что̀ онъ узнаетъ у Маркелова, и просила сообщить ей все.

— Это само-собою разумѣется,—отвѣчалъ Неждановъ.

«И въ самомъ-дѣлѣ,—думалось ему:—чего намъ тревожиться? Въ нашемъ сближеніи личное чувство играло роль... второстепенную—а соединились мы безвозвратно. Во имя дѣла? Да, во имя дѣла!»

Такъ думалось Нежданову,—и онъ самъ не подозрѣвалъ, сколько было правды—и неправды—въ его думахъ.

Онъ засталъ Маркелова въ томъ же усталомъ и суровомъ настроеніи духа. Пообѣдавши кое-какъ и кое-чѣмъ, они отправились въ извѣстномъ уже намъ тарантасѣ—(вторую пристяжную, очень молодую и небывавшую еще въ упряжѣ лошадь, взяли на-прокатъ у мужика—Маркеловская еще хромала)—на большую бумаго-прядильную фабрику купца Фалѣева, гдѣ жилъ Соломинъ. Любопытство Нежданова было возбуждено: ему очень хотѣлось поближе познакомиться съ человѣкомъ, о которомъ въ послѣднее время онъ слышалъ такъ много. Соломинъ былъ предупрежденъ; какъ только оба путешественника остановились у воротъ фабрики и назвались—ихъ немедленно провели въ невзрачный флигелёкъ, занимаемый «механикомъ-управляющимъ». Самъ онъ находился въ главномъ фабричномъ корпусѣ; пока одинъ изъ рабочихъ бѣгалъ за нимъ, Неждановъ и Маркеловъ успѣли подойти къ окну и осмотрѣться. Фабрика, очевидно, была въ полномъ расцвѣтаніи и завалена работой: отовсюду несся бойкій гамъ и гулъ непрестанной дѣятельности: машины пыхтѣли и стучали, скрыпѣли станки, колеса жужжали, хлюпали ремни, катились и исчезали тачки, бочки, нагруженныя тележки; раздавались повелительные крики, звонки, свистки, торопливо пробѣгали мастеровые въ подпоясанныхъ рубахахъ, съ волосами прихваченными ремешкомъ, рабочія дѣвки въ ситцахъ; двигались запряженныя лошади... Людская тысячеголовая сила гудѣла вокругъ, натянутая какъ струна. Все шло правильно, разумно, полнымъ махомъ; но не только щегольства или аккуратности, даже опрятности не было замѣтно нигдѣ и ни въ чемъ; напротивъ—всюду поражала небрежность, грязь, копоть; тамъ стекло въ окнѣ разбито, тамъ облупилась штукатурка, доски вывалились, зѣваетъ настежь растворенная дверь; большая лужа, черная, съ радужнымъ отливомъ гнили, стоитъ посреди главнаго двора; дальше торчатъ груды разбросанныхъ кирпичей; валяются остатки рогожъ, циновокъ, ящиковъ, обрывки веревокъ; шершавыя собаки ходятъ съ подтянутыми животами и даже не лаютъ; въ уголку подъ заборомъ сидитъ мальчикъ лѣтъ четырехъ, съ огромнымъ животомъ и взъерошенной головой, весь выпачканный въ сажѣ—сидитъ и безнадежно плачетъ, словно оставленный цѣлымъ міромъ; рядомъ съ нимъ, замаранная той же сажей, свинья, окруженная пестрыми поросятами, пожираетъ капустныя кочерыжки; дырявое бѣлье болтается на протянутой веревкѣ—а какой смрадъ, какая духота всюду!—Русская фабрика—какъ есть; не нѣмецкая и не французская мануфактура.

Неждановъ глянулъ на Маркелова.

— Мнѣ столько натолковали объ отмѣнныхъ способностяхъ Соломина,—началъ онъ,—что, признаюсь, меня весь этотъ безпорядокъ удивляетъ; я этого не ожидалъ.

— Безпорядка тутъ нѣтъ, — отвѣчалъ угрюмо Маркеловъ,— а неряшливость русская. Все-таки—милліонное дѣло! А ему приспособляться приходится: и къ старымъ обычаямъ,—и къ дѣламъ,— и къ самому хозяину. Вы имѣете ли понятіе о Фалѣевѣ?

— Никакого.

— Первый по Москвѣ алтынникъ. Буржуй—одно слово!

Въ эту минуту Соломинъ вошелъ въ комнату. Нежданову пришлось разочароваться въ немъ, такъ же какъ и въ фабрикѣ. На первый взглядъ Соломинъ производилъ впечатлѣніе чухонца или скорѣе шведа. Онъ былъ высокаго роста, бѣлобрысъ, сухопаръ, плечистъ; лицо имѣлъ длинное, желтое, носъ короткій и широкій, глаза очень небольшіе, зеленоватые, взглядъ спокойный, губы крупныя и выдвинутыя впередъ; зубы бѣлые, тоже крупные и раздвоенный подбородокъ, чуть-чуть обросшій пухомъ. Одѣтъ онъ былъ ремесленникомъ, кочегаромъ: на туловищѣ старый пиджакъ съ отвислыми карманами, на головѣ клеенчатый помятый картузъ, на шеѣ шерстяной шарфъ, на ногахъ дегтярные сапоги. Его сопровождалъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ простой чуйкѣ, съ чрезвычайно-подвижнымъ, цыганскимъ лицомъ и черными какъ смоль, пронзительными глазами, которыми онъ, какъ только вошелъ, такъ разомъ и окинулъ Нежданова... Маркелова онъ уже зналъ. Звали его Павломъ; онъ слылъ фактотумомъ Соломина.

Соломинъ подошелъ, не спѣша, къ обоимъ посѣтителямъ, даванулъ, молча, руку каждаго изъ нихъ своей мозолистой, костлявой рукой, вынулъ изъ стола запечатанный пакетъ и передалъ его, тоже молча, Павлу, который тотчасъ и вышелъ вонъ изъ комнаты. Потомъ онъ потянулся, крякнулъ; сбросивъ картузъ съ затылка долой однимъ взмахомъ руки,—присѣлъ на деревянный крашеный стульчикъ,—и, указавъ Маркелову и Нежданову на такой же диванъ, промолвилъ:—Прошу!

Маркеловъ сперва познакомилъ Соломина съ Неждановымъ; тотъ ему снова даванулъ руку.—Потомъ Маркеловъ началъ говорить о «дѣлѣ», упомянулъ о письмѣ Василія Николаевича. Неждановъ подалъ это письмо Соломину. Пока онъ читалъ, внимательно и не торопясь переводя глаза со строки на строку—Неждановъ глядѣлъ на него. Соломинъ сидѣлъ близъ окна; уже низкое солнце ярко освѣщало его загорѣлое, слегка вспотѣвшее лицо, его бѣлокурые, запыленные волосы, зажигая въ нихъ мно-

жество золотистыхъ точекъ. Его ноздри подрыгивали и раздувались во время чтенія и губы шевелились, какъ бы произнося каждое слово; онъ держалъ письмо крѣпко и высоко обѣими руками. Все это, Богъ вѣдаетъ почему, нравилось Нежданову. Соломинъ возвратилъ письмо Нежданову, улыбнулся ему, и опять принялся слушать Маркелова. Тотъ говорилъ, говорилъ—и умолкъ наконецъ.

— Знаете ли чтó,—началъ Соломинъ, и голосъ его, немного сиплый, но молодой и сильный, тоже понравился Нежданову,—у меня здѣсь несовсѣмъ удобно; поѣдемте-ка къ вамъ—до васъ всего семь верстъ. Вѣдь вы въ тарантасѣ пріѣхали?

— Да.

— Ну... мѣсто мнѣ будетъ. Черезъ часъ у меня работы кончаются, и я свободенъ. Мы и потолкуемъ. Вы тоже свободны?—обратился онъ къ Нежданову.

— До послѣ-завтра.

— И прекрасно. Мы вотъ заночуемъ у нихъ.—Можно будетъ, Сергѣй Михайлычъ?

— Чтó за вопросъ! Конечно, можно.

— Ну—я сейчасъ. Дайте только пообчиститься немного.

— А какъ у васъ по фабрикѣ?—значительно спросилъ Маркеловъ.

Соломинъ глянулъ въ сторону.

— Мы потолкуемъ,—промолвилъ онъ вторично.—Погодите-ка... Я сейчасъ... Я кое-что забылъ.

Онъ вышелъ. Если бы не хорошее впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на Нежданова—тотъ бы, пожалуй, подумалъ, и даже, быть можетъ, спросилъ бы у Маркелова: «Ужъ не отлыниваетъ ли онъ?» Но ему ничего подобнаго въ голову не пришло.

Часъ спустя, въ то время, когда изо всѣхъ этажей громаднаго зданія по всѣмъ лѣстницамъ спускалась и во всѣ двери выливалась шумная фабричная толпа,—тарантасъ, въ которомъ сидѣли Маркеловъ, Неждановъ и Соломинъ, выѣзжалъ изъ воротъ на дорогу.

— Василій Өедотычъ! Дѣйствовать?—закричалъ Соломину напослѣдяхъ Павелъ, проводившій его до воротъ.

— Попридержи...—отвѣчалъ Соломинъ.—Это насчетъ одной ночной операціи,—пояснилъ онъ своимъ товарищамъ.

Пріѣхали они въ Борзёнково; поужинали—больше приличія ради,—а тамъ запылали сигары и начались разговоры, тѣ ночные, неутомимые русскіе разговоры, которые въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ видѣ едва ли свойственны другому какому народу. Впрочемъ, и тутъ Соломинъ не оправдалъ ожиданій Нежданова. Онъ

говорилъ замѣчательно мало... такъ мало, что почти, можно сказать, постоянно молчалъ; но слушалъ пристально, и если произносилъ какое-либо сужденіе или замѣчаніе, то оно было и дѣльно, и вѣско, и очень коротко. Оказалось, что Соломинъ не вѣрилъ въ близость революціи въ Россіи; но, не желая навязывать свое мнѣніе другимъ, не мѣшалъ имъ попытаться, и посматривалъ на нихъ—не издали, а сбоку. Онъ хорошо зналъ петербургскихъ революціонеровъ—и до нѣкоторой степени сочувствовалъ имъ—ибо самъ былъ изъ народа; но онъ понималъ невольное отсутствіе этого самаго народа, безъ котораго «ничего ты не подѣлаешь», и котораго долго готовить надо—да и не такъ и не тому, какъ *тѣ*. Вотъ онъ и держался въ сторонѣ, не какъ хитрецъ и виляка, а какъ малый со смысломъ, который не хочетъ даромъ губить ни себя, ни другихъ.—А послушать... отчего не послушать—и даже поучиться, если такъ придется. Соломинъ былъ единственный сынъ дьячка; у него было пять сестеръ—всѣ замужемъ за попами и дьяконами; но онъ, съ согласія отца, степеннаго и трезваго человѣка, бросилъ семинарію, сталъ заниматься математикой и особенно пристрастился къ механикѣ; попалъ на заводъ къ англичанину, который полюбилъ его какъ сына—и далъ ему средства съѣздить въ Манчестеръ, гдѣ онъ пробылъ два года и выучился англійскому языку. На фабрику московскаго купца онъ попалъ недавно, и хотя съ подчиненныхъ взыскивалъ—потому что въ Англіи на эти порядки насмотрѣлся,—но пользовался ихъ расположеніемъ: свой, дескать, человѣкъ! Отецъ былъ имъ очень доволенъ, называлъ его «обстоятельнымъ» и только жалѣлъ о томъ, что сынъ жениться не желаетъ.

Въ теченіи ночного разговора у Маркелова, Соломинъ, какъ мы уже сказали, почти все молчалъ; но когда Маркеловъ принялся толковать о надеждахъ, возлагаемыхъ имъ на фабричныхъ, Соломинъ, по своему обыкновенію, лаконически замѣтилъ, что у насъ на Руси фабричные не то, что за границей—самый тихóня народъ.

— А мужики?—спросилъ Маркеловъ.

— Мужики? Кулаковъ межъ ними ужъ теперь завелось довольно, и съ каждымъ годомъ больше будетъ—а кулаки только свою выгоду знаютъ; остальные—овцы, темнота.

— Такъ гдѣ же искать?

Соломинъ улыбнулся.

— Ищите и обрящете.

Онъ почти постоянно улыбался—и улыбка его была тоже какая-то безхитростная—но не безотчетная, какъ и весь онъ. —

Съ Неждановымъ онъ обходился особеннымъ образомъ: молодой студентъ возбуждалъ въ немъ участіе, почти нѣжность.

Въ теченіи того же ночного разговора, Неждановъ вдругъ разгорячился и пришелъ въ азартъ; Соломинъ тихонько всталъ и, перейдя своей развалистой походкой черезъ всю комнату, заперъ открывшееся за головой Нежданова окошко...

— Какъ бы вы не простудились,—добродушно промолвилъ онъ въ отвѣтъ на изумленный взглядъ оратора.

Неждановъ сталъ разспрашивать его о томъ, какія соціальныя идеи онъ пытается провести во ввѣренной ему фабрикѣ, и намѣренъ ли онъ устроить дѣло такъ, чтобы работники участвовали въ барышѣ?

— Душа моя! — отвѣчалъ Соломинъ—мы школу завели и больницу маленькую—да и то патронъ упирался какъ медвѣдь!

Разъ только Соломинъ разсердился не на шутку и такъ ударилъ своимъ могучимъ кулакомъ по столу, что все на немъ подпрыгнуло, не исключая пудовой гирки, пріютившейся возлѣ чернильницы. Ему разсказали о какой-то несправедливости на судѣ, о притѣсненіи рабочей артели...

Когда же Неждановъ и Маркеловъ принимались говорить, какъ «приступить», какъ привести планъ въ дѣйствіе, Соломинъ продолжалъ слушать съ любопытствомъ, даже съ уваженіемъ — но самъ уже не произносилъ ни слова. До четырехъ часовъ длилась эта ихъ бесѣда.—И о чемъ, о чемъ они не перетолковали! Маркеловъ между прочимъ таинственно намекнулъ на неутомимаго путешественника Кислякова, на его письма, которыя становятся все интереснѣе да интереснѣе; онъ обѣщалъ показать Нежданову нѣкоторыя изъ нихъ и даже дать ихъ ему на домъ, такъ какъ онѣ очень пространны и писаны не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ; да и сверхъ того въ нихъ много учености и даже стихи попадаются—но не какіе-нибудь легкомысленные—а съ соціалистическимъ направленіемъ!—Отъ Кислякова Маркеловъ перешелъ къ солдатамъ, къ адъютантамъ, къ нѣмцамъ—договорился наконецъ до своихъ артиллерійскихъ статей; Неждановъ упомянулъ объ антагонизмѣ Гейне и Бёрне, о Прудонѣ, о реализмѣ въ искусствѣ; а Соломинъ слушалъ, слушалъ, вникалъ, покуривалъ—и не переставая улыбаться, не сказавъ ни одного остроумнаго слова, казалось, лучше всѣхъ понималъ, въ чемъ состояла собственно вся суть.

Пробило четыре часа.... Неждановъ и Маркеловъ едва держались на ногахъ отъ усталости—а Соломинъ хоть бы въ одномъ глазѣ!—Пріятели разошлись; но прежде было сообща по-

ложено: на слѣдующій день отправиться въ городъ къ староверу купцу Голушкину, для пропаганды: самъ Голушкинъ былъ очень ретивъ—да и обѣщалъ прозелитовъ! Соломинъ высказалъ-было сомнѣніе: стóитъ ли посѣщать Голушкина? Однако потомъ согласился, что стóитъ.

XVII.

Гости Маркелова еще спали, когда къ нему явился посланецъ съ письмомъ отъ его сестры, г-жи Сипягиной.—Въ этомъ письмѣ Валентина Михайловна говорила ему о какихъ-то хозяйственныхъ пустячкахъ, просила его прислать ей взятую имъ книгу—да кстати въ постъ-скриптумѣ сообщала ему «забавную» новость: его бывшая пассія, Маріанна, влюбилась въ учителя Нежданова—а учитель въ нее; и это она, Валентина Михайловна, не сплетни передаетъ—а видѣла все собственными глазами и слышала собственными ушами. Лицо Маркелова стало темнѣе ночи... но онъ ни слова не промолвилъ;—велѣлъ отдать посланцу книгу — и, увидѣвши сошедшаго сверху Нежданова, обычнымъ образомъ съ нимъ поздоровался—даже передалъ ему обѣщанную пачку Кисляковскихъ посланій;—но не остался съ нимъ, а ушелъ «по хозяйству».—Неждановъ вернулся къ себѣ въ комнату и пробѣжалъ отданныя ему письма: молодой пропагандистъ въ нихъ толковалъ постоянно о себѣ, о своей судорожной дѣятельности: по его словамъ, онъ въ послѣдній мѣсяцъ обскакалъ одиннадцать уѣздовъ, былъ въ девяти городахъ, двадцати девяти селахъ, пятидесяти-трехъ деревняхъ, одномъ хуторѣ и восьми заводахъ; шестнадцать ночей провелъ въ сѣнныхъ сараяхъ, одну въ конюшнѣ, одну даже въ коровьемъ хлѣвѣ (тутъ онъ замѣтилъ въ скобкахъ съ *нотабене,* что блоха его не беретъ); лазилъ по землянкамъ, по казармамъ рабочихъ, вездѣ поучалъ, наставлялъ, книжки раздавалъ и на лету собиралъ свѣдѣнія; иныя записывалъ на мѣстѣ, другія заносилъ себѣ въ память, по новѣйшимъ пріемамъ мемноники; написалъ четырнадцать большихъ писемъ, двадцать-восемь малыхъ и восемнадцать записокъ (изъ коихъ четыре карандашомъ, одну кровью, одну сажей, разведенной на водѣ); и все это онъ успѣвалъ сдѣлать, потому что научился систематически распредѣлять время, принимая въ руководство Квинтина Джонсона, Сверлицкаго и Карреліуса и другихъ публицистовъ и статистиковъ.—Потомъ онъ говорилъ опять-таки о себѣ, о своей звѣздѣ, о томъ, какъ и въ

чѣмъ именно онъ дополнилъ теорію страстей Фуріэ; увѣрялъ, что онъ первый отыскалъ наконецъ «почву», что онъ «не пройдетъ надъ міромъ безо всякаго слѣда»—что онъ самъ удивляется тому, какъ это онъ, двадцати-двухълѣтній юноша, уже рѣшилъ *всѣ* вопросы жизни и науки—и что онъ перевернетъ Россію, даже «встряхнетъ» ее!—Dixi!!—приписывалъ онъ въ строку.—Это слово: Dixi—попадалось часто у Кислякова и всегда съ двумя восклицательными знаками. Въ одномъ изъ писемъ находилось и соціалистическое стихотвореніе, обращенное къ одной дѣвушкѣ и начинавшееся словами:

Люби не меня—но идею!

Неждановъ внутренно подивился не столько самохвальству г-на Кислякова—сколько честному добродушію Маркелова... но тутъ же подумалъ: «По боку эстетику! и г-нъ Кисляковъ можетъ быть полезенъ».—Къ чаю всѣ три пріятеля сошлись въ столовой; но вчерашнее словопреніе между ними не возобновилось. — Никому изъ нихъ не хотѣлось говорить—но одинъ Соломинъ молчалъ спокойно; и Неждановъ, и Маркеловъ казались внутренно взволнованными.

Послѣ чаю они отправились въ городъ; старый слуга Маркелова, сидя на рундучкѣ, сопровождалъ своего бывшаго барина обычнымъ унылымъ взоромъ.

Купецъ Голушкинъ, съ которымъ предстояло познакомиться Нежданову—былъ сынъ разбогатѣвшаго торговца москательнымъ товаромъ—изъ старовѣровъ-ѳедосѣевцевъ. Самъ онъ не увеличилъ отцовскаго состоянія, ибо былъ, какъ говорится, жуиръ, эпикуреецъ на русскій ладъ — и никакой въ торговыхъ дѣлахъ сообразительности не имѣлъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, довольно тучный и некрасивый, рябой, съ небольшими свиными глазками; говорилъ онъ очень поспѣшно и какъ-бы путаясь въ словахъ; размахивалъ руками, ногами сѣменилъ, похохатывалъ... вообще производилъ впечатлѣніе парня дурковатаго, избалованнаго и крайне самолюбиваго. Самъ онъ почиталъ себя человѣкомъ образованнымъ, потому что одѣвался по-нѣмецки и жилъ хотя грязненько да открыто, знался съ людьми богатыми—и въ театръ ѣздилъ, и протежировалъ каскадныхъ актрисъ, съ которыми изъяснялся на какомъ-то необычайномъ, яко-бы французскомъ языкѣ. Жажда популярности была его главною страстью: греми, молъ, Голушкинъ, по всему свѣту!—Тó Суворовъ или Потемкинъ—а тò Капитонъ Голушкинъ! — Эта же самая страсть, побѣдившая въ немъ прирожденную скупость, бросила его, какъ онъ не безъ

самодовольства выражался—въ оппозицію (прежде онъ говорилъ просто: «въ позицію»—но потомъ его научили)— свела его съ нигилистами: онъ высказывалъ самыя крайнія мнѣнія, трунилъ надъ собственнымъ старовѣрствомъ, ѣлъ въ постъ скоромное, игралъ въ карты—а шампанское пилъ какъ воду. И все сходило ему съ рукъ;—потому, говорилъ онъ—у меня всякое, гдѣ слѣдуетъ, начальство закуплено, всякая прорѣха зашита, всѣ рты заткнуты, всѣ уши завѣшены.—Онъ былъ вдовъ, бездѣтенъ; сыновья его сестры съ подобострастнымъ трепетомъ вились около него... но онъ обзывалъ ихъ непросвѣщенными олухами, варварами, и едва пускалъ ихъ къ себѣ на глаза. — Жилъ онъ въ большомъ, каменномъ, довольно неряшливо содержанномъ домѣ; въ иныхъ комнатахъ мебель была заграничная—а въ иныхъ ничего не было кромѣ крашеныхъ стульевъ да клеенчатаго дивана. Картины висѣли вездѣ—и вездѣ прескверныя: рыжіе ландшафты, лиловые морскіе виды —«Поцѣлуй» Моллера, толстыя голыя женщины съ красными колѣнками и локтями. Хоть у Голушкина и не было семьи—но много разной челяди и приживальщиковъ ютилось подъ его кровлей: не изъ щедрости принималъ онъ ихъ, а опять-таки изъ популярничанья—да чтобъ было надъ кѣмъ командовать и ломаться. «Мои кліенты», говорилъ онъ, когда желалъ пыль пустить въ глаза; книгъ онъ не читалъ,—а ученыя выраженія запоминалъ отлично.

Молодые люди застали Голушкина въ его кабинетѣ. Облеченный въ долгополое пальто, съ сигарой во рту, онъ притворялся, что читаетъ газету. При видѣ ихъ онъ тотчасъ вскочилъ, заметался, покраснѣлъ, закричалъ, чтобы скорѣй подавали закуску, что-то спросилъ, чему-то засмѣялся—и все это разомъ. Маркелова и Соломина онъ зналъ; Неждановъ былъ для него новое лицо. Услышавъ, что онъ студентъ, Голушкинъ опять засмѣялся, пожалъ ему вторично руку, и промолвилъ:

— Славно! славно! нашего полку прибыло... Ученіе свѣтъ, неученіе тьма—я самъ на мѣдные гроши ученъ, но понимаю, потому достигъ!

Нежданову показалось, что г-нъ Голушкинъ робѣетъ и конфузится... да оно дѣйствительно и было такъ.—«Смотри, братъ Капитонъ! не ударь лицомъ въ грязь!»—было его первой мыслью, при видѣ каждаго новаго лица. Онъ однако скоро оправился и тѣмъ же торопливо-шепелявымъ, спутаннымъ языкомъ началъ говорить о Василіѣ Николаевичѣ, объ его характерѣ, о необходимости про...па...ганды—(онъ это слово тоже хорошо зналъ, но выговаривалъ медленно);—о томъ, что у него, Голушкина, открылся

новый молодецъ, пренадежный; что, кажется, время теперь уже близко, назрѣло для... для ланцета (при этомъ онъ глянулъ на Маркелова, который однако даже бровью не повелъ);—потомъ, обратясь къ Нежданову, онъ принялся расписывать самого себя, не хуже чѣмъ самъ великій корреспондентъ, Кисляковъ. Что онъ, молъ, изъ самодуровъ вышелъ давно, что онъ хорошо знаетъ права пролетаріевъ (и это слово онъ помнилъ твердо), что хотя онъ собственно торговлю бросилъ и занимается банковыми операціями—для нарощенія капитала—но это только для того, чтобы капиталъ сей въ данную минуту могъ послужить—въ пользу... въ пользу общему движенію, въ пользу—такъ сказать — народу; а что онъ, Голушкинъ, въ сущности презираетъ капиталъ! Тутъ вошелъ человѣкъ съ закуской, и Голушкинъ значительно крякнулъ и попросилъ, не угодно ли пройтись по рюмочкѣ?—и самъ первый «хлопнулъ» внушительную чарочку перцовки.

Гости принялись за закуску.—Голушкинъ запихивалъ себѣ въ ротъ громадные куски паюсной икры и пилъ исправно, приговаривая:—Пожалуйте, господа, пожалуйте, хорошій маконичкъ. Снова обратившись къ Нежданову, онъ спросилъ его, откуда онъ прибылъ, надолго ли и гдѣ обрѣтается; а узнавъ, что онъ живетъ у Сипягина, воскликнулъ:

— Знаю я этого барина! Пустой!—И тутъ же началъ бранить всѣхъ землевладѣльцевъ С...ой губерніи,—за то, что въ нихъ не только нѣтъ ничего гражданственнаго, но даже собственныхъ интересовъ они не чувствуютъ...—Только—чудное дѣло!—самъ бранится,—а глаза бѣгаютъ и видно въ нихъ безпокойство.—Неждановъ не могъ себѣ хорошенько отдать отчета, чтó это за человѣкъ—и зачѣмъ онъ имъ нуженъ? Соломинъ, по обыкновенію, помалчивалъ; а Маркеловъ принялъ такой сумрачный видъ, что Неждановъ спросилъ его наконецъ: чтó съ нимъ?—На чтó Маркеловъ отвѣчалъ, что съ нимъ—ничего; но такимъ тономъ, какимъ обыкновенно отвѣчаютъ люди, когда хотятъ дать понять, что, есть-молъ что-то,—да не про тебя.—Голушкинъ опять принялся сперва бранить кого-то, а потомъ хвалить молодежь: какіе, дескать, теперь умницы пошли! У-умницы! У!—Соломинъ перебилъ его вопросомъ: ктó, молъ, тотъ молодецъ надежный, о которомъ онъ говорилъ—и гдѣ онъ его отыскалъ? Голушкинъ расхохотался, повторилъ раза два: а вотъ увидите, увидите,—и началъ разспрашивать его объ его фабрикѣ, и объ ея «плутѣ» владѣльцѣ, на чтó Соломинъ отвѣчалъ весьма односложно. Тогда Голушкинъ налилъ всѣмъ шампанскаго—и наклонясь къ уху Нежданова, шепнулъ:—За республику! и выпилъ бокалъ залпомъ.

Неждановъ пригубилъ, Соломинъ замѣтилъ, что онъ вина утромъ не пьетъ; Маркеловъ злобно и рѣшительно выпилъ свой бокалъ до дна. Казалось, нетерпѣнье грызло его: вотъ, молъ, мы все прохлаждаемся—а къ настоящему разговору не приступаемъ... Онъ ударилъ по столу, сурово промолвилъ:—Господа!—и собрался-было говорить...

Но въ это мгновенье вошелъ въ комнату прилизанный человѣчекъ съ кувшиннымъ рыльцемъ и чахоточный на видъ, въ купеческомъ нанковомъ кафтанчикѣ, обѣ руки на отлётъ. Поклонившись всей компаніи, человѣкъ доложилъ что-то вполголоса Голушкину.

— Сейчасъ, сейчасъ,—отвѣчалъ тотъ торопливо.—Господа,—прибавилъ онъ,—я долженъ просить извиненія... Мнѣ Вася вотъ, мой приказчикъ, одну таку «вещію» сказалъ (Голушкинъ выразился такъ нарочно, шутки-ради), что мнѣ безпремѣнно предстоитъ на время отлучиться; но надѣюсь, господа, что вы согласитесь у меня сегодня откушать—въ три часа; и гораздо тогда намъ будетъ свободнѣе!

Ни Соломинъ, ни Неждановъ не знали, что́ отвѣтить; но Маркеловъ тотчасъ промолвилъ, съ той же суровостью на лицѣ и въ голосѣ:

— Конечно, будемъ; а то—что же это за комедія?

— Благодаримъ покорно,—подхватилъ Голушкинъ—и, нагнувшись къ Маркелову, присовокупилъ:— «Тыщу» рублевъ во всякомъ случаѣ на дѣло жертвую... въ этомъ не сомнѣвайся!

И при этомъ онъ раза три двинулъ правой рукой съ оттопыренными мизинцемъ и большимъ пальцемъ: «вѣрно, значитъ!»

Онъ проводилъ гостей до двери,—и, стоя на порогѣ, крикнулъ:

— Буду ждать въ три часа!

— Жди! — отвѣчалъ одинъ Маркеловъ.

— Господа!—промолвилъ Соломинъ,—какъ только всѣ трое очутились на улицѣ.—Я возьму извощика—и поѣду на фабрику. Что мы будемъ дѣлать до обѣда?—Бить баклуши? Да и купецъ нашъ... мнѣ кажется — отъ него, какъ отъ козла — ни шерсти, ни молока.

— Ну, шерсть-то будетъ,—замѣтилъ угрюмо Маркеловъ.—Онъ вотъ деньги обѣщаетъ. Или вы имъ брезгаете! Намъ во все входить нельзя.—Мы—не разборчивыя невѣсты.

— Стану я брезгать! — спокойно проговорилъ Соломинъ. Я только себя спрашиваю, какую пользу мое присутствіе можетъ принести. А впрочемъ,—прибавилъ онъ, глянувъ на Нежданова и улыбнувшись:—Извольте; останусь. На людяхъ и смерть красна.

Маркеловъ поднялъ голову.

— Пойдемъ, пока, въ городской садъ;—погода хорошая. На людей посмотримъ.

— Пойдемъ.

Они пошли — Маркеловъ и Соломинъ впереди, Неждановъ за ними.

XVIII.

Странное было состояніе его души. Въ послѣдніе два дня сколько новыхъ ощущеній, новыхъ лицъ... Онъ въ первый разъ въ жизни сошелся съ дѣвушкой, которую—по всей вѣроятности— полюбилъ; онъ присутствовалъ при начинаніяхъ дѣла, которому— по всей вѣроятности — посвятилъ всѣ свои силы... И что́ же?— Радовался онъ?—Нѣтъ.—Колебался онъ? Трусилъ? Смущался?—О, конечно, нѣтъ. Такъ чувствовалъ ли онъ по крайней мѣрѣ то напряженіе всего существа, то стремленіе впередъ, въ первые ряды бойцовъ, которое вызывается близостью борьбы? — Тоже нѣтъ. Да вѣритъ ли онъ, наконецъ, въ это дѣло? Вѣритъ ли онъ въ свою любовь? — О, эстетикъ проклятый! Скептикъ! беззвучно шептали его губы.—Отчего эта усталость, это нежеланіе даже говорить, какъ только онъ не кричитъ и не бѣснуется?— Какой внутренній голосъ желаетъ онъ заглушить въ себѣ этимъ крикомъ? Но Маріанна, этотъ славный, вѣрный товарищъ, эта чистая, страстная душа, эта чудесная дѣвушка, развѣ она его не любитъ? Не великое развѣ это счастье, что онъ встрѣтился съ нею, что онъ заслужилъ ея дружбу, ея любовь? И эти два существа, которыя теперь идутъ передъ нимъ, этотъ Маркеловъ, этотъ Соломинъ, котораго онъ знаетъ еще мало, но къ которому чувствуетъ такое влеченіе — развѣ они не отличные образцики русской сути, русской жизни — и знакомство, близость съ ними не есть ли также счастье?—Такъ отчего же это неопредѣленное, смутное, ноющее чувство? Къ чему, зачѣмъ эта грусть? — Коли ты рефлектёръ и меланхоликъ,—снова шептали его губы—какой же ты къ чорту революціонеръ? Ты пиши стишки, да кисни, да возись съ собственными мыслишками и ощущеньицами — да копайся въ разныхъ психологическихъ соображеньицахъ и тонкостяхъ—а, главное, не принимай твоихъ болѣзненныхъ, нервическихъ раздраженій и капризовъ за мужественное негодованіе, за честную злобу убѣжденнаго человѣка! — О, Гамлетъ, Гамлетъ, датскій принцъ, какъ выдти изъ твоей тѣни? Какъ перестать

подражать тебѣ во всемъ, даже въ позорномъ наслажденіи самобичеванія?

— Алексисъ! Другъ! Россійскій Гамлетъ!—раздался вдругъ, какъ-бы въ отзвучіе всѣмъ этимъ размышленіямъ знакомый, пискливый голосъ.—Тебя ли я вижу?!

Неждановъ поднялъ глаза — и съ изумленіемъ увидѣлъ передъ собою Паклина—Паклина въ образѣ пастушка, облеченнаго въ лѣтнюю одежду бланжеваго цвѣту, безъ галстуха на шеѣ, въ большой соломенной шляпѣ, обвязанной голубой лентой и надвинутой на самый затылокъ—и въ лаковыхъ башмачкахъ!

Онъ тотчасъ подковылялъ къ Нежданову и ухватился за его руки.

— Во-первыхъ, — началъ онъ, — хотя мы въ публичномъ саду, надо, по старинному обычаю, обняться.... и поцѣловаться... Разъ! два! три! — Во-вторыхъ, ты знай, что если бы я тебя не встрѣтилъ сегодня, ты бы навѣрное завтра улицезрѣлъ меня, — ибо мнѣ извѣстно твое мѣстопребываніе, и я даже нарочно прибылъ въ сей городъ.... какимъ манеромъ — объ этомъ послѣ; въ-третьихъ, познакомь меня съ твоими товарищами. Скажи мнѣ вкратцѣ, кто они — а имъ—кто я—и будемъ наслаждаться жизнью!

Неждановъ исполнилъ желаніе своего друга, назвалъ его, Маркелова, Соломина—и сказалъ о каждомъ изъ нихъ, кто онъ такой, гдѣ живетъ, что́ дѣлаетъ и т. п.

— Прекрасно!—воскликнулъ Паклинъ;—а теперь позвольте мнѣ отвести васъ всѣхъ вдаль отъ толпы, которой, впрочемъ, нѣтъ — на уединенную скамейку, сидя на которой я, въ часы мечтаній, наслаждаюсь природой.—Удивительный тамъ видъ: губернаторскій домъ, двѣ полосатыхъ будки, три жандарма и ни одной собаки!—Не удивляйтесь, однако, слишкомъ моимъ рѣчамъ, которыми я столь тщетно стараюсь разсмѣшить васъ! — Я, по мнѣнію моихъ друзей, представляю русское остроуміе.... оттого-то, вѣроятно, я и хромаю.

Паклинъ повелъ пріятелей къ «уединенной скамейкѣ», и усадилъ ихъ на ней, предварительно согнавъ съ нея двухъ салопницъ. Молодые люди «обмѣнялись мыслями».... занятіе бо́льшей частью довольно скучное—особенно, на первыхъ порахъ — и необыкновенно безплодное.

— Стой! — воскликнулъ вдругъ Паклинъ, обернувшись къ Нежданову — надо тебѣ объяснить, почему я здѣсь. Ты знаешь, я свою сестру каждое лѣто увожу куда-нибудь; когда я узналъ, что ты отправляешься въ сосѣдство здѣшняго города—я и вспом-

нилъ, что въ самомъ этомъ городѣ живутъ два удивительнѣйшихъ субъекта: мужъ и жена, которые намъ доводятся съ родни.... по матери. Мой отецъ былъ мѣщанинъ — (Неждановъ это зналъ, но Паклинъ сказалъ это—для *тѣхъ двухъ*)—а она дворянка. И давнымъ-давно они насъ къ себѣ зазываютъ! — Стой! думаю я... Это мнѣ на-руку. Люди они добрѣйшіе, сестрѣ у нихъ будетъ—лафа;—чего же больше? Вотъ мы и прикатили. И ужъ точно: такъ намъ здѣсь хорошо.... сказать нельзя!—Но что́ за субъекты! Что́ за субъекты!—Вамъ непремѣнно надо съ ними познакомиться!—Что́ вы здѣсь дѣлаете? Гдѣ вы обѣдаете? И зачѣмъ вы собственно сюда пріѣхали?

— Мы обѣдаемъ сегодня у одного Голушкина... Здѣсь есть такой купецъ,—отвѣчалъ Неждановъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ три часа.

— И вы видитесь съ нимъ на счетъ... на счетъ...—Паклинъ обвелъ взоромъ Соломина, который улыбался, и Маркелова, который все темнѣлъ да темнѣлъ...

— Да ты имъ, Алёша, скажи... сдѣлай какой-нибудь фармазонскій знакъ, право... скажи, что со мной вѣдь чиниться нечего... Вѣдь я вашъ... вашего общества...

— Голушкинъ тоже нашъ,—замѣтилъ Неждановъ.

— Ну, вотъ и чудесно!—До трехъ часовъ еще времени много.—Послушайтесь меня—пойдемте къ моимъ родственникамъ!

— Да ты съ ума сошелъ! Какъ же можно такъ...

— Объ этомъ ты не безпокойся! ужъ это я на себя беру.—Представь: оазисъ!—Ни политика, ни литература, ни что́ современное туда и не заглядываетъ. — Домикъ какой-то пузатенькій, какихъ теперь и не видать нигдѣ; запахъ въ немъ—антикъ; люди—антикъ; воздухъ—антикъ... за что́ ни возьмись — антикъ, Екатерина вторая, пудра, фижмы, XVIII-й вѣкъ! — Хозяева... представь: мужъ и жена, оба старенькіе, престаренькіе, однолѣтки—и безъ морщинъ; кругленькіе, пухленькіе, опрятненькіе, настоящіе попугайчики-периклитки; а добры до глупости, до святости, безконечно! Мнѣ скажутъ, что «безконечная» доброта часто бываетъ сопряжена съ отсутствіемъ нравственнаго чувства... Но я въ эти тонкости не вхожу и знаю только, что мои старички—добрячки! И дѣтей никогда не имѣли. Блаженные! Ихъ такъ въ городѣ блаженными и зовутъ. Одѣты оба одинаково, въ какіе-то полосатые капоты — и матерія такая добротная: такой тоже теперь нигдѣ не сыщешь.—Похожи другъ на друга ужасно—только вотъ что у одной на головѣ чепецъ — а у другого

колпакъ—и съ такими же рюшами какъ на чепцѣ; только безъ банта. Не будь этого банта — такъ и не узнаешь: кто—ктó; къ тому-жъ и мужъ-то безбородый. И зовутъ ихъ: одного—Ѳомушка—а другую: Ѳимушка.—Я тебѣ говорю—деньги слѣдовало бы платить, чтобъ только посмотрѣть на нихъ. Любятъ другъ друга—до невозможности; а посѣтитъ ихъ кто — милости просимъ!—И такіе податливые: сейчасъ всѣ свои штучки покажутъ. Только одно: курить у нихъ нельзя: не тó, чтобы они были раскольники—но ужъ очень имъ табакъ мерзитъ... Да вѣдь въ ихъ времена кто же и курилъ?—за то и канареекъ они не держатъ—потому что птица эта тоже мало была тогда распространена... И это великое счастье—согласитесь!—Ну, что-жъ? идете вы?

— Я, право же, не знаю,—началъ Неждановъ.

— Стой! я еще не все сообщилъ.—Голоса у нихъ одинаковые: закрой глаза, такъ и не знаешь, ктó говоритъ. Только у Ѳомушки рѣчь какъ будто почувствительнѣй.—Вотъ вы, господа, собираетесь теперь на великое дѣло, — быть можетъ, на страшную борьбу... Что бы вамъ, прежде чѣмъ броситься въ эти бурныя волны—окунуться...

— Въ стоячую воду?—перебилъ Маркеловъ.

— А хоть бы и такъ?—Стоячая она, точно; только не гнилая.—Такіе есть степные прудки; они хоть и не проточные, а никогда не зацвѣтаютъ, потому что на днѣ у нихъ есть ключи.—И у моихъ старичковъ есть ключи—тамъ, на днѣ сердца, чистые, пречистые.—Ужъ одно то: хотите вы узнать, какъ жили сто, полтораста лѣтъ тому назадъ?—такъ спѣшите, идите за мною. А то придетъ вдругъ день и часъ—одинъ и тотъ же часъ непремѣнно для обоихъ—и свалятся мои периклитки со своихъ жердочекъ—и всякій антикъ тотчасъ съ ними прекратится—и пузатенькій домъ пропадетъ—и выростетъ на его мѣстѣ то, чтó, по словамъ моей бабушки, всегда выростаетъ на мѣстѣ, гдѣ была «человѣчина»—а именно: крапива, репейникъ, осотъ, полынь и конскій щавель; самой улицы не будетъ—и придутъ люди и ничего уже больше такого не найдутъ во вѣки вѣковъ!..

— А чтó?—воскликнулъ Неждановъ:—и впрямь пойти?

— Я съ великимъ даже удовольствіемъ готовъ,—промолвилъ Соломинъ;—не по моей это части — а все-таки любопытно;—и коли г. Паклинъ точно можетъ поручиться, что мы своимъ приходомъ никого не обезпокоимъ, то... почему же...

— Да ужъ не сомнѣвайтесь!—воскликнулъ въ свою очередь Паклинъ:—восторгъ произведете—и больше ничего. Какія тутъ церемоніи! Говорятъ вамъ: они—блаженные; мы ихъ пѣть заставимъ.—А вы, г. Маркеловъ, согласны?

Маркеловъ сердито повелъ плечами.

— Не оставаться же мнѣ тутъ одному!—Извольте вести.

Молодые люди поднялись со скамейки.

— Какой это у тебя баринъ грозный,—шепнулъ Паклинъ Нежданову, указывая на Маркелова:—ни дать ни взять Іоаннъ Предтеча, наѣвшійся акридъ... однѣхъ акридъ, безъ меда! — А тотъ,—прибавилъ онъ, кивнувъ головой на Соломина—чудесный! Какъ это онъ славно улыбается!—Я замѣтилъ, такъ улыбаются только такіе люди, которые выше другихъ — а сами этого не знаютъ.

— Развѣ бываютъ такіе люди?—спросилъ Неждановъ.

— Рѣдко; но бываютъ,—отвѣчалъ Паклинъ.

XIX.

Ѳомушка и Ѳимушка,—Ѳома Лаврентьевичъ и Евѳимія Павловна Субочевы—принадлежали оба къ одному и тому же коренному русскому дворянскому роду—и считались чуть ли не самыми старинными обитателями города С*.—Они вступили въ бракъ очень рано—и очень давно тому назадъ, поселились въ дѣдовскомъ деревянномъ домѣ на краю города—никогда оттуда не выѣзжали—и ни въ чемъ никогда не измѣнили ни своего образа жизни, ни своихъ привычекъ. Время, казалось, остановилось для нихъ; никакое «новшество» не проникало за границу ихъ «оазиса». Состояніе у нихъ было небольшое; но мужички ихъ по-прежнему привозили имъ по нѣскольку разъ въ годъ домашнюю живность и провизію; староста въ указанный срокъ являлся съ оброчными деньгами и парой рябчиковъ, будто бы застрѣленныхъ въ господскихъ лѣсныхъ, въ дѣйствительности давно исчезнувшихъ, дачахъ; его поили чаемъ на порогѣ гостиной, дарили ему баранью шапку, пару зеленыхъ замшевыхъ рукавицъ—и отпускали съ Богомъ.—Дворовые люди по-прежнему наполняли Субочевскій домъ. Старый слуга Калліопычъ, облеченный въ камзолъ изъ необычайно-толстаго сукна съ стоячимъ воротникомъ и маленькими стальными пуговицами, по-прежнему докладывалъ на-распѣвъ, что «кушанье на столѣ», и засыпáлъ, стоя за кресломъ барыни. Буфетъ былъ у него на рукахъ;—онъ завѣдывалъ «разной бакалеей, кардамонами и лимонами»,—а на вопросъ: не слыхалъ ли онъ, что для всѣхъ крѣпостныхъ вышла воля—всякій разъ отвѣчалъ, что мало ли кто какія мелетъ враки; это, молъ, у турковъ бываетъ воля—а его, слава Богу, она миновала. Дѣвка Пуфка,

изъ карлицъ, держалась для развлеченія, а старая няня Васильевна во время обѣда входила съ большимъ темнымъ платкомъ на головѣ—и разсказывала шамкавшимъ голосомъ про всякія новости:—про Наполеона, двѣнадцатый годъ, про антихриста и бѣлыхъ араповъ;—а не то, подперши рукою подбородокъ, словно горюя, сообщала, какой она видѣла сонъ и что̀ онъ означалъ,—и что у ней на картахъ вышло. Самый домъ Субочевыхъ отличался ото всѣхъ другихъ домовъ въ городѣ: онъ былъ весь построенъ изъ дуба, и окна имѣлъ въ видѣ равносторонних четырехугольниковъ; двойныя рамы никогда не вынимались! И были въ немъ всевозможныя сѣнцы и го̀ренки, и свѣтлицы и хоро̀минки, и рундучки съ перильцами, и голубцы на точёныхъ столбикахъ, и всякіе задніе переходцы и камо̀рки. Спереди находился полисадникъ—а сзади садъ; а въ саду—что̀ клѣтушекъ, пу̀некъ, амбарчиковъ, погребковъ, ледничковъ...—какъ есть гнѣздо! И не то̀, чтобы во всѣхъ этихъ помѣщеніяхъ сохранялось много добра—иныя уже и завалились;—да заведено все это было изстари—ну, и держалось. Лошадей у Субочевыхъ было только двѣ, древнія, сѣдлистыя, косматыя; по одной отъ старости даже бѣлыя пятна выступили: звали ее Недвигой. Закладывались онѣ—много-много разъ въ мѣсяцъ—въ необычайный, всему городу извѣстный экипажъ, представлявшій подобіе земного глобуса, съ вырѣзанной спереди четвертою частью и обитый снутри заграничной желтой матеріей, сплошь усѣянной крупными пупырушками въ видѣ бородавокъ. Послѣдній аршинъ этой матеріи былъ вытканъ въ Утрехтѣ или Ліонѣ еще во времена императрицы Елисаветы! И кучеръ у Субочевыхъ былъ чрезвычайно древній, пропитанный запахомъ во̀рвани и дегтя старикъ; борода начиналась у него близъ самыхъ глазъ—а брови падали маленькимъ каскадомъ на бороду. Онъ до того былъ медлителенъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ, что употреблялъ цѣлыхъ пять минутъ на понюшку табаку, двѣ минуты на то̀, чтобы заткнуть кнутъ за поясъ, и два часа слишкомъ на то̀, чтобы заложить одну Недвигу. А звали его Перфишкой! Если Субочевымъ случалось выѣхать и экипажу приходилось хоть чуточку подниматься въ-гору—то они непремѣнно пугались—(спускаясь съ-горы, они, впрочемъ, тоже пугались)—цѣплялись за каретные ремни и твердили оба вслухъ: «Конямъ—конямъ... сила Самуила;—а мы—а мы, легче пуха, легче духа!!..» Субочевыхъ всѣ въ городѣ С* считали за чудаковъ, чуть не за сумасшедшихъ;—да они сами сознавали, что не подходятъ къ настоящимъ порядкамъ... но не больно объ этомъ печалились: въ какомъ быту родились они, выросли и сочетались

бракомъ—въ томъ и остались. Одна только особенность того быта къ нимъ не пристала: отъ-роду они никогда никого не наказали, не взыскали ни съ кого. Коли слуга у нихъ оказывался отъявленнымъ пьяницей или воромъ—они сперва долго терпѣли и переносили—вотъ какъ переносятъ дурную погоду; а наконецъ старались отдѣлаться отъ него, спустить его другимъ господамъ: пускай же, дескать, и тѣ помаются маленько! Только эта бѣда случалась съ ними рѣдко,—до того рѣдко, что становилась въ ихъ жизни эпохой—и они говаривали, напримѣръ: «Этому очень давно; это приключилось тогда, когда у насъ проживалъ Алдошка озорникъ;» или: «когда у насъ украли мѣховую дѣдушкину шапку съ лисьимъ хвостомъ...»—У Субочевыхъ еще водились такія шапки. Другая, впрочемъ, отличительная черта стариннаго быта въ нихъ также не замѣчалась: ни Ѳимушка, ни Ѳомушка не были слишкомъ религіозными людьми. Ѳомушка такъ даже придерживался Вольтеріанскихъ правилъ; а Ѳимушка смертельно боялась духовныхъ лицъ: у нихъ, по ея примѣтамъ, глазъ былъ дурной. «Попъ у меня посидитъ,—говаривала она:—глядь! анъ, сливки-то и скислись». Въ церковь они выѣзжали рѣдко—и постились по-католически, т.-е. употребляли яйца, масло и молоко. Въ городѣ это знали—и, конечно, это не поправляло ихъ репутаціи. Но доброта ихъ все побѣждала; и надъ чудачками Субочевыми хоть и смѣялись, хоть и считали ихъ юродивыми и блаженными—а все-таки, въ сущности, уважали ихъ.

Да; ихъ уважали... но ѣздить къ нимъ никто не ѣздилъ. Впрочемъ, они объ этомъ также не тужили. Вмѣстѣ они никогда не скучали—а потому не разлучались никогда, и никакого другого общества не желали. Ни Ѳомушка, ни Ѳимушка ни-разу не болѣли; а если съ однимъ изъ нихъ и приключалась какая легкая немощь—то они *оба* пили настой липоваго цвѣту, натирались теплымъ масломъ по поясницѣ—или капали горячимъ саломъ на подошвы—и въ скорости все проходило.—День они проводили всегда одинаково. Вставали поздно, кушали утромъ шоколадъ изъ крошечныхъ чашекъ въ видѣ ступокъ; «чай—увѣряли они—ужъ послѣ насъ въ моду-то вошелъ»;—садились другъ передъ другомъ—и либо бесѣдовали—(и всегда находили о чемъ!)—либо читали изъ «*Пріятнаго препровожденія времени*», «*Зеркала Свѣта*» или «*Аонидъ*»; либо просматривали старенькій альбомъ, переплетенный въ красный сафьянъ съ золотою каёмкой, принадлежавшій нѣкогда, какъ гласила надпись, одной M-me Barbe de Kabyline.—Ка́къ и когда попалъ этотъ альбомъ къ нимъ въ руки—они сами не знали. Въ немъ нахо-

дилось нѣсколько французскихъ и много русскихъ стихотвореній и прозаическихъ статей, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго «краткаго» размышленія о «Цецеронѣ»:

«Въ каковомъ расположеніи Цецеронъ вступилъ въ чинъ квестора, объявляетъ онъ слѣдующее: Засвидѣтельствовавши богами чистосердіе своихъ чувственностей во всѣхъ чинахъ, коими дотолѣ почтенъ былъ, мнилъ себя обязанна самыми священными узами къ достойному оныхъ исполненію и въ семъ намѣреніи не попускался онъ, Цецеронъ, не токмо въ сладости законопреступныя,—но и убѣгалъ отъ таковыхъ увеселеній, кои кажутся быть всеконечно необходимы».—Внизу стояло: «Записано въ Сибири, въ гладѣ и хладѣ».—Хорошо было также стихотвореніе, озаглавленное: «Тирсисъ», гдѣ встрѣчались такія строфы:

Покой вселенной управляетъ,
Роса съ пріятностью блеститъ,
Природу нѣжитъ, прохлаждаетъ,
Ей нову жизнь собой даритъ!

Одинъ Тирсисъ съ душой унылой
Страдаетъ, мучится, грустить....
Когда съ нимъ нѣтъ Анеты милой—
Его ничто не веселитъ!

—и экспромптъ проѣзжаго капитана въ 1790 году, «Маіія въ шестый день»:

Никогда я не забуду!
Тебя, любезное село!
И вѣчно помнить буду!
Пріятно время какъ текло!
Которое имѣлъ я честь!
У владѣлицы твоей!
Пять лучшихъ въ жизни дней!
Въ почтеннѣйшемъ кругу провесть!
Среди множества дамъ и дѣвицъ,
И прочихъ *ан*тересныхъ лицъ!

На послѣдней страницѣ альбома стояло—вмѣсто стиховъ—рецепты отъ желудка, спазмовъ—и—увы! даже отъ глистовъ. Субочевы обѣдали ровно въ двѣнадцать часовъ, и ѣли всё старинныя кушанья: сырники, пигусы, солянки, разсольники, саламаты, кокурки, кисели, взвары, верченую курятину съ шафраномъ, оладьи съ мёдомъ; послѣ обѣда отдыхали—часикъ, не больше;—просыпались, опять садились другъ передъ другомъ и пили брусничную водицу, а иногда и шипучку, прозванную «сорокоумомъ»,

которая, однако, почти всякій разъ вылетала вся вонъ изъ бутылки и причиняла много смѣху господамъ—а Калліопычу много досады: надо было подтирать «всюду» — и онъ долго ворчалъ на ключницу и на повара, которые будто бы выдумали этотъ напитокъ.... «И какое въ немъ удовольствіе? Только *небель* портитъ!»—Потомъ супруги Сyбочевы опять что-нибудь читали или пересмѣивались съ карлицей Пуфкой или пѣли вдвоемъ старинные романсы (голоса у нихъ были совершенно одинакіе, высокіе, слабые, нѣсколько дрожащіе и хриплые—особенно послѣ сна; но не лишенные пріятности)—или наконецъ играли въ карты, но тоже всё въ старинныя игры: въ кребсъ, въ ламушъ или даже въ бостонъ сампрàндеръ!—Потомъ появлялся самоваръ; по вечерамъ они пили чай.... *эту* уступку духу времени они сдѣлали; однако всякій разъ находили, что это баловство—и что народъ отъ «оной китайской травки» становится нарочито слабѣе.—Вообще же они удерживались отъ порицаній новаго времени и отъ восхваленій стараго: иначе они отроду не живали; но что другіе люди могли жить другимъ манеромъ — и даже лучше — это они допускали; лишь бы ихъ не заставляли мѣняться!—Часамъ къ восьми Калліопычъ подавалъ ужинъ съ неизбѣжной окрошкой; а въ девять часовъ полосатые высокіе пуховики уже принимали въ свои рыхлыя объятія утучненныя тѣла Ѳомушки и Ѳимушки, и безмятежный сонъ не медлилъ спуститься на ихъ вѣжды.—И все утихало въ стареңькомъ домѣ: лампадка теплилась, пахло выхухолью, мелиссой, сверчокъ трюкалъ—и спала добрая, смѣшная, невинная чета.

Вотъ къ этимъ-то юродивымъ или, какъ онъ выражался, периклиткамъ, пріютившимъ его сестру, — и привелъ Паклинъ своихъ знакомыхъ.

Сестра его была дѣвушка умная и недурная лицомъ—глаза у ней были удивительные; но несчастный ея горбъ сокрушалъ ее, отнималъ всякую самонадѣянность и веселость, сдѣлалъ ее недовѣрчивой, и чуть не злою. И имя ей попалось премудреное: Снандулія!—Паклинъ хотѣлъ-было перекрестить ее въ Софію; но она упорно держалась своего страннаго имени, говоря, что горбатой такъ и слѣдуетъ называться Снандуліей. Она была хорошая музыкантша и порядочно играла на фортепьяно—«по милости моихъ длинныхъ пальцевъ»,—замѣчала она, не безъ горечи: «у горбатыхъ они всегда такіе бываютъ».

Гости застали Ѳомушку и Ѳимушку въ самую ту минуту, когда они просыпались отъ послѣ-обѣденнаго сна и пили водицу.

— Вступаемъ въ XVIII-й вѣкъ!—воскликнулъ Паклинъ, какъ только перешагнулъ порогъ Субочевскаго дома.

И дѣйствительно: XVIII-й вѣкъ встрѣтилъ гостей уже въ передней въ видѣ низенькихъ, синенькихъ ширмочекъ, оклеенныхъ вырѣзанными черными силуэтками напудренныхъ дамъ и кавалеровъ. Съ легкой руки Лафатера силуэтки были въ большой модѣ въ Россіи въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Внезапное появленіе такого большого числа посѣтителей—цѣлыхъ четыре!—произвело волненіе въ рѣдко-посѣщаемомъ домѣ. Послышался топотъ обутыхъ и босыхъ ногъ, нѣсколько женскихъ лицъ мгновенно высунулось и исчезло—кого-то гдѣ-то приперли, кто-то охнулъ, кто-то фыркнулъ, кто-то судорожно прошепталъ:—Ну васъ!

Наконецъ появился Калліопычъ въ своемъ шаршавомъ камзолѣ — и, растворивъ дверь въ «зало», громогласно воскликнулъ:

— Государь, этта будетъ Сила Самсонычъ съ другими господами!

Хозяева гораздо меньше перетревожились, чѣмъ ихъ прислуга. Вторженіе четырехъ взрослыхъ мужчинъ, въ ихъ довольно, впрочемъ, просторную гостиную — нѣсколько, правда, изумило ихъ; — но Паклинъ немедленно ихъ успокоилъ, представивъ имъ поочередно, съ разными прибауточками—Нежданова, Соломина и Маркелова — какъ людей смирныхъ и не «коронныхъ».

Ѳомушка и Ѳимушка особенно не жаловали коронныхъ, т.-е. чиновныхъ людей.

Появившаяся на призывъ брата, Снандулія гораздо больше волновалась и чинилась, чѣмъ старички Субочевы. Они попросили—оба вмѣстѣ—и въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ гостей сѣсть и пожелали узнать, чѣмъ ихъ подчивать: чаемъ, шоколадомъ или шипучей водицей съ вареньемъ? Когда же узнали, что гостямъ ничего не требуется, такъ какъ они незадолго передъ тѣмъ завтракали у купца Голушкина и скоро будутъ тамъ обѣдать—то перестали угощать ихъ — и, сложивъ одинаковымъ образомъ ручки на брюшкѣ, приступили къ бесѣдѣ.

Сперва она шла немного вяло—но скоро оживилась.—Паклинъ чрезвычайно разсмѣшилъ старичковъ извѣстнымъ Гоголевскимъ анекдотомъ о городничемъ, проникнувшемъ въ набитую биткомъ церковь—и о пирогѣ, который оказался тѣмъ же городничимъ; хохотали они до слезъ. Смѣялись они тоже одинаковымъ образомъ: очень визгливо, кончая кашлемъ и краснотой да испариной по всему лицу. Паклинъ вообще замѣтилъ, что на людей въ родѣ Субочевыхъ цитаты изъ Гоголя дѣйствуютъ весьма

сильно и какъ-то порывисто; но такъ какъ ему не столько хотѣлось ихъ потѣшать самихъ, сколько показать ихъ своимъ знакомымъ, то онъ перемѣнилъ баттареи и повелъ дѣло такъ, что старички вскорѣ совсѣмъ раскуражились. Ѳомушка досталъ и показалъ гостямъ свою любимую деревянную рѣзную табатерку, на которой когда-то можно было счесть тридцать-шесть человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ: всѣ онѣ давно стёрлись — но Ѳомушка ихъ видѣлъ, видѣлъ до сихъ поръ и перечесть ихъ могъ и указывалъ на нихъ.—«Смотрите — говорилъ онъ—вонъ одинъ изъ окошка глядитъ — смотрите: онъ голову высунулъ»... А то мѣсто, на которое указывалъ его пухленькій палецъ съ приподнятымъ ноготкомъ—также было гладко, какъ и вся остальная крышка табатерки. Потомъ онъ обратилъ вниманіе посѣтителей на висѣвшую надъ его головой картину, писанную масляными красками: она изображала охотника въ профиль, скачущаго во весь духъ на буланой лошади—тоже въ профиль—по снѣжной равнинѣ. На охотникѣ была высокая бѣлая баранья шапка съ голубымъ языкомъ, черкеска изъ верблюжьей шерсти съ бархатной оторочкой, перетянутая кованымъ золоченымъ поясомъ; расшитая шелкомъ рукавица была заткнута за тотъ поясъ; кинжалъ въ серебряной оправѣ съ чернью висѣлъ на немъ. Въ одной рукѣ охотникъ, на видъ очень моложавый и полный, держалъ огромный рогъ, украшенный красными кистями—а въ другой—поводья и нагайку; всѣ четыре ноги у лошади висѣли на воздухѣ;—и на каждой изъ нихъ живописецъ тщательно изобразилъ подкову, обозначивъ даже гвозди. «И замѣтьте»,—промолвилъ Ѳомушка, указывая тѣмъ же пухленькимъ пальцемъ на четыре полукруглыхъ пятна, выведенныхъ на бѣломъ фонѣ позади лошадиныхъ ногъ—«слѣды на снѣгу—и тѣ представилъ!»—Почему этихъ слѣдовъ было всего четыре—а дальше позади не было видно ни одного — объ этомъ Ѳомушка умалчивалъ.

— А вѣдь это—я!—прибавилъ онъ, погодя немного, съ стыдливой улыбкой.

— Какъ?—воскликнулъ Неждановъ.—Вы были охотникомъ?

— Былъ... да недолго. Разъ, на всемъ скаку, черезъ голову лошади покатился, да курпей себѣ зашибъ. Ну, Ѳимушка испугалась... ну,—и запретила мнѣ. Я съ тѣхъ поръ и бросилъ.

— Что̀ вы зашибли?—спросилъ Неждановъ.

— Курпей,—повторилъ Ѳомушка, понизивъ голосъ.

Гости молча переглянулись. Никто не зналъ, что̀ такое курпей,—то-есть Маркеловъ зналъ, что курпеемъ зовется мохнатая

кисть на казачьей или черкесской шапкѣ; да не могъ же *это* зашибить себѣ Ѳомушка! А спросить его, что именно онъ понималъ подъ словомъ курпей—никто такъ и не рѣшился.

— Ну, ужъ коли ты такъ расхвастался,—заговорила вдругъ Ѳимушка,—такъ похвастаюсь и я.

Изъ крохотнаго «бонёрдюжура»,—такъ называлось старинное бюро на маленькихъ кривыхъ ножкахъ съ подъёмной круглой крышей, которая входила въ спинку бюро,—она достала миніатюрную акварель въ бронзовой овальной рамкѣ, представлявшую совершенно голенькаго, четырехлѣтняго младенца съ колчаномъ за плечами и голубой ленточкой черезъ грудку, пробующаго концомъ пальчика остріе стрѣлы. Младенецъ былъ очень курчавъ, немного косъ и улыбался. Ѳимушка показала акварель гостямъ.

— Это была—я...—промолвила она.

— Вы?

— Да, я. Въ юности. Къ моему батюшкѣ покойному ходилъ живописецъ-французъ, отличный живописецъ!—Такъ вотъ онъ меня написалъ ко дню батюшкиныхъ именинъ. И какой хорошій былъ французъ! Онъ и послѣ къ намъ ѣзжалъ.—Войдетъ бывало—шаркнетъ ножкой, потомъ дрыгнетъ ею, дрыгнетъ, и ручку тебѣ поцѣлуетъ, а уходя—свои собственные пальчики поцѣлуетъ,—ей-ей!—И направо-то онъ поклонится—и налѣво, и назадъ—и впередъ! Очень хорошій былъ французъ!

Гости похвалили его работу; Паклинъ даже нашелъ, что есть еще какое-то сходство.

А тутъ Ѳомушка началъ говорить о теперешнихъ французахъ и выразилъ мнѣніе, что они, должно быть, всѣ презлые стали!—Почему же это такъ, Ѳома Лаврентьевичъ? — Да помилуйте!... Какія у нихъ пошли имена!—Напримѣръ?—Да вотъ, напримѣръ: Ножанъ-Центъ-Лорранъ! — прямо разбойникъ!—Ѳомушка кстати полюбопытствовалъ: кто, молъ, теперь въ Парижѣ царствуетъ?—Ему сказали: что Наполеонъ.—Это его, кажется, и удивило—и опечалило.—Какъ же такъ?... Старика такого...—началъ-было онъ и умолкъ, оглянувшись съ смущеньемъ. Ѳомушка плохо зналъ по-французски и Вольтéра читалъ въ переводѣ (подъ его изголовьемъ, въ завѣтномъ ящичкѣ, сохранялся рукописный Кандидъ)—но у него иногда вырывались выраженія въ родѣ: «это, батюшка, фоссъ паркэ!»—(въ смыслѣ: «это подозрительно», «невѣрно»)—надъ которыми много смѣялись, пока одинъ ученый французъ не объяснилъ, что это есть старое парламентское выраженіе, употреблявшееся въ его родинѣ до 1789 года.

Такъ какъ рѣчь зашла о Франціи да о французахъ, то и

Ѳимушка рѣшилась спросить о нѣкоторой вещи, которая у ней осталась на душѣ.—Сперва она подумала обратиться къ Маркелову, но ужъ очень онъ смотрѣлъ сердито;—Соломина бы она спросила... только нѣтъ!—подумала она,—этотъ простой; должно быть, по-французски не разумѣетъ. Вотъ она и обратилась къ Нежданову.

— Чтò, батюшка, я отъ васъ узнать желаю,—начала она:—извините вы меня! Да вотъ мой родственничекъ, Сила Самсонычъ, знать, трунитъ надо мной старухой, надъ моимъ невѣдѣньемъ бабьимъ.

— А что?

— А вотъ чтó. Если кто на французскомъ діалектѣ хочетъ вопросъ такой поставить: «Чтó, молъ, это такое?»—долждонъ онъ сказать: «Кесе кесе кесе ля?»

— Точно такъ.

— А можетъ онъ тоже сказать такъ: кесе кесе ля?

— Можетъ.

— И просто: кесе ля?

— И такъ можетъ.

— И все это—едино будетъ?

— Да.

Ѳимушка задумалась и руками развела.

— Ну, Силушка,—промолвила она, наконецъ,—виновата я, а ты правъ. Только ужъ французы!.. Бѣдовые!

Паклинъ началъ просить старичковъ спѣть какой-нибудь романсикъ... Они оба посмѣялись и удивились, какая это ему пришла мысль; однако, скоро согласились, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Снандулія сѣла за клавесúнъ и аккомпанировала имъ—она ужъ знаетъ чтó. Въ одномъ углу гостиной оказалось крошечное фортепьяно, котораго никто изъ гостей сначала и не замѣтилъ. Снандулія сѣла за этотъ «клавесúнъ», взяла нѣсколько аккордовъ... Такихъ беззубенькихъ, кисленькихъ, дряхленькихъ, дрябленькихъ звуковъ Неждановъ не слыхивалъ отъ роду; но старички немедленно запѣли:

«На толь, чтобы печали—

началъ Ѳомушка—

«Въ любви намъ находить,
«Намъ боги сердце дали,
«Способное любить?»

«Одно лишь чувство страсти—

отвѣчала Ѳимушка—

«Безъ бѣдъ, безъ злой напасти
«На свѣтѣ есть ли гдѣ?»
«Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ»—

подхватилъ Ѳомушка—

«Нигдѣ, нигдѣ, нигдѣ»—

повторила Ѳимушка—

«Съ нимъ горести жестоки
«Вездѣ, вездѣ, вездѣ»—

пропѣли они вдвоемъ—

«Вездѣ, вездѣ, вездѣ»,—

протянулъ одинъ Ѳомушка.

— Браво! — закричалъ Паклинъ:—это—первый куплетъ; а второй?

— Изволь,—отвѣчалъ Ѳомушка:—только, Снандулія Самсоновна, чтó же трель? Послѣ моего стишка нужна трель.

— Извольте,—отвѣчала Снандулія,—будетъ вамъ трель.

Ѳомушка опять началъ:

«Любилъ ли кто въ вселенной
«И мукъ не испыталъ?
«Какой, какой влюбленный
«Не плакалъ, не вздыхалъ?»

А тутъ Ѳимушка:

«Такъ сердце странно въ горѣ
«Какъ лодка гибнетъ въ морѣ...
«На что-жъ оно дано?»

«На зло, на зло, на зло!» — воскликнулъ Ѳомушка — и подождалъ, чтобы дать время Снандуліи пустить трель.

Снандулія пустила ее.

«На зло, на зло, на зло!» — повторила Ѳимушка.

А тамъ оба вмѣстѣ:

«Возьмите, боги, сердце
«Назадъ, назадъ, назадъ!
«Назадъ, назадъ, назадъ!»

И все опять заключилось трелью.

— Браво! браво!—закричали всѣ, за исключеніемъ Маркелова, и даже въ ладоши забили.

«А чтó — подумалъ Неждановъ, какъ только рукоплесканья унялись — чувствуютъ ли они, что разыгрываютъ роль... какъ-бы

шутовъ? — Быть можетъ, нѣтъ: — а, быть можетъ, и чувствуютъ да думаютъ: «что за бѣда? вѣдь зла мы никому не дѣлаемъ. Даже потѣшаемъ другихъ!» И какъ поразмыслишь хорошенько—правы они, сто разъ правы!»

Подъ вліяніемъ этихъ мыслей, онъ началъ вдругъ говорить имъ любезности, въ отвѣтъ на которыя они только слегка присѣдали, не покидая своихъ креселъ... Но въ это мгновенье, изъ сосѣдней комнаты, вѣроятно спальней или дѣвичьей, гдѣ уже давно слышался шопотъ и шелестъ, внезапно появилась карлица Пуфка, въ сопровожденіи нянюшки Васильевны.—Пуфка принялась пищать и кривляться—а нянюшка—то уговаривала ее, то пуще дразнила.

Маркеловъ, который уже давно подавалъ знаки нетерпѣнія—(Соломинъ—тотъ только улыбался шире обыкновеннаго)—Маркеловъ вдругъ обратился къ Ѳомушкѣ.

— А я отъ васъ не ожидалъ,—началъ онъ съ своей рѣзвой манерой,—что вы съ вашимъ просвѣщеннымъ умомъ—вѣдь вы, я слышалъ, поклонникъ Вольтѐра? — можете забавляться тѣмъ, что̀ должно составлять предметъ жалости — а именно: — увѣчьемъ... Тутъ онъ вспомнилъ сестру Паклина—и прикусилъ языкъ; — а Ѳомушка покраснѣлъ, поправилъ колпакъ на головѣ и пробормоталъ: «Да... да вѣдь не я... она сама»... За то Пуфка такъ и накинулась на Маркелова.

— И съ чего ты это выдумалъ,—затрещала она своимъ картавымъ голосомъ,—нашихъ господъ обижать? Меня убогую призрѣли, приняли, кормятъ, пòютъ — такъ тебѣ завидно! Знать у тебя на чужой хлѣбъ глазъ коробитъ?—И откуда взялся, черномазый, паскудный, нудный, усы какъ у таракана... Тутъ Пуфка показала своими толстыми, короткими пальцами, какіе у него усы.—Васильевна засмѣялась во весь свой беззубый ротъ—и въ сосѣдней комнатѣ послышался отголосокъ.

— Я, конечно, вамъ не судья, — обратился Маркеловъ къ Ѳомушкѣ,—убогихъ да увѣчныхъ призрѣвать—дѣло хорошее.—Но позвольте вамъ замѣтить: жить въ довольствѣ, какъ сыръ въ маслѣ кататься — да не заѣдать чужого вѣка, да палецъ о палецъ не ударить для блага ближняго... это еще не значитъ быть добрымъ; я, по крайней мѣрѣ, такой добротѣ, правду говоря, никакой цѣны не придаю!

Тутъ Пуфка завизжала оглушительно; она ничего не поняла изо всего, что̀ сказалъ Маркеловъ; но «черномазый» бранился... какъ онъ смѣлъ! — Васильевна тоже что-то забормотала — а Ѳомушка сложилъ ручки передъ грудью—и повернувшись лицомъ

къ своей женѣ... «Ѳимушка, голубушка,—сказалъ онъ, чуть не всхлипывая — слышишь, чтò господинъ гость говоритъ? Мы съ тобой грѣшники, злодѣи, фарисеи... какъ сыръ въ маслѣ катаемся, ой! ой! ой!.. На улицу насъ съ тобою надо, изъ дому вонъ—да по метлѣ въ руки дать, чтобы мы жизнь свою заработывали—о, хо-хо!» Услышавъ такія печальныя слова, Пуфка завизжала пуще прежняго, Ѳимушка съёжила глаза, перекосила губы — и уже воздуху въ грудь набрала, чтобы хорошенько пріударить—заголосить...

Богъ знаетъ, чѣмъ бы это все кончилось, еслибъ Паклинъ не вмѣшался.

— Что это! помилуйте,—началъ онъ, махая руками и громко смѣясь—какъ не стыдно? — Господинъ Маркеловъ пошутить хотѣлъ: — но такъ какъ видъ у него очень серьёзный — оно и вышло немного строго... а вы и повѣрили? — Полноте! — Евфимія Павловна, милочка, мы вотъ сейчасъ уйти должны — такъ знаете что? на прощанье—погадайте-ка намъ всѣмъ... вы на это мастерица.—Сестра! достань карты!

Ѳимушка глянула на своего мужа; а ужъ тотъ сидѣлъ совсѣмъ успокоенный; — и она успокоилась.

— Карты, карты...—заговорила она:—да разучилась я, отецъ; забыла — давно въ руки ихъ не брала...

А сама уже принимала изъ рукъ Снандуліи колоду какихъ-то древнихъ, необыкновенныхъ, ломберныхъ картъ.

— Кому погадать-то?

— Да всѣмъ,—подхватилъ Паклинъ—а самъ подумалъ:—«Ну, что-жъ эта за подвижная старушка! куда хочешь поверни... Просто прелесть!»—Всѣмъ, бабушка, всѣмъ,—прибавилъ онъ громко.— Скажите намъ нашу судьбу, характеръ нашъ, будущее... все скажите!

Ѳимушка стала-было раскладывать карты—да вдругъ бросила всю колоду.

— И не нужно мнѣ гадать!—воскликнула она:—я и такъ характеръ каждаго изъ васъ знаю.—А каковъ у кого характеръ, такова и судьба. — Вотъ этотъ — (она указала на Соломина)— прохладный человѣкъ, постоянный;—вотъ этотъ — (она погрозилась Маркелову) — горячій, погубительный человѣкъ... (Пуфка высунула ему языкъ);—тебѣ (она глянула на Паклина) — и говорить нечего: самъ себя ты знаешь: вертопрахъ! А этотъ...

Она указала на Нежданова—и запнулась.

— Чтожъ?—промолвилъ онъ—говорите, сдѣлайте одолженіе: какой я человѣкъ?

— Какой ты человѣкъ...—протянула Ѳимушка:—жалкій ты— вотъ что!

Неждановъ встрепенулся.

— Жалкій! Почему такъ?

— А такъ! Жалокъ ты мнѣ—вотъ что!

— Да почему?

— А потому! Глазъ у меня такой. — Ты думаешь, я дура? Анъ я похитрѣй тебя—даромъ что ты рыжій.—Жалокъ ты мнѣ... вотъ тебѣ и сказъ!

Всѣ помолчали... переглянулись—и опять помолчали.

— Ну, прощайте, други!—брякнулъ Паклинъ.—Засидѣлись мы у васъ—и вамъ, чай, надоѣли.—Этимъ господамъ пора идти... да и я отправлюсь.—Прощайте, спасибо на ласкѣ.

— Прощайте, прощайте, заходите, не брезгуйте,—заговорили въ одинъ голосъ Ѳомушка и Ѳимушка... А Ѳомушка, какъ затянетъ вдругъ:

— Многая, многая, многая лѣта, многая...

— Многая, многая,—совершенно неожиданно забасилъ Каллиопычъ, отворяя дверь молодымъ людямъ...

И всѣ четверо вдругъ очутились на улицѣ, передъ пузатенькимъ домомъ;—а за окнами раздавался писклывый голосъ Пуфки.

— Дураки...—кричала она,—дураки!...

Паклинъ громко засмѣялся; но никто не отвѣчалъ ему.— Маркеловъ даже оглядѣлъ поочередно всѣхъ, какъ-бы ожидая, что услышитъ слово негодованія...

Одинъ Соломинъ улыбался по обыкновенію.

XX.

— Ну, что-жъ! — началъ, первый, Паклинъ. — Были въ XVIII-мъ вѣкѣ—валяй теперь прямо въ XX-ый. — Голушкинъ такой передовой человѣкъ, что его въ XIX-мъ считать неприлично.

— Да онъ развѣ тебѣ извѣстенъ?—спросилъ Неждановъ.

— Слухомъ земля полнится; — а сказалъ я: валяй! потому что намѣренъ отправиться вмѣстѣ съ вами.

— Какъ же такъ? Вѣдь ты съ нимъ незнакомъ?

— Вона! А съ моими периклитками вы развѣ были знакомы?

— Да ты насъ представилъ!

— А ты меня представь!—Тайнъ у васъ отъ меня быть не можетъ—и Голушкинъ человѣкъ широкій.—Онъ, посмотри, еще обрадуется новому лицу.—Да и у насъ, здѣсь въ С*... просто!

— Да,—проворчалъ Маркеловъ,—люди у васъ здѣсь безцеремонные.

Паклинъ покачалъ головою.

— Это вы, можетъ быть, на мой счетъ... Что дѣлать! Я этотъ упрекъ заслужилъ.—Но знаете ли что́, новый мой знакомецъ, отложите-ка на время мрачныя мысли, которыя внушаетъ вамъ вашъ желчный темпераментъ! — А главное...

— Господинъ мой новый знакомецъ,—перебилъ его съ запальчивостью Маркеловъ — скажу вамъ въ свою очередь... въ видѣ предостереженія: я никогда ни малѣйшаго расположенія къ шуткамъ неимѣлъ — а особливо сегодня!—И почему вамъ извѣстенъ мой темпера́ментъ? (онъ ударилъ на послѣдній слогъ).—Кажется, мы не такъ давно—въ первый разъ увидали другъ друга.

— Ну, постойте, постойте, не сердитесь—и не божитесь—я и такъ вамъ вѣрю,—промолвилъ Паклинъ—и, обратившись къ Соломину:—О, вы,—воскликнулъ онъ,—вы, котораго сама прозорливая Ѳимушка назвала прохладнымъ человѣкомъ—и въ которомъ точно есть нѣчто успокоительное—скажите, имѣлъ ли я въ мысляхъ сдѣлать кому-нибудь непріятность — или пошутить некстати?—Я только напросился идти съ вами къ Голушкину—а впрочемъ—я существо безобидное.—Я не виноватъ, что у г. Маркелова желтый цвѣтъ лица.

Соломинъ повелъ сперва однимъ плечомъ—потомъ другимъ;—у него была такая повадка, когда онъ не тотчасъ рѣшался отвѣчать.

— Безъ сомнѣнія,—промолвилъ онъ наконецъ, — вы, г-нъ Паклинъ, обиды никому причинить не можете—и не желаете; и къ г-ну Голушкину почему же вамъ не пойти? Мы, я полагаю, тамъ съ такимъ же удовольствіемъ проведемъ время, какъ и у вашихъ родственниковъ;—да и съ такой же пользой.

Паклинъ погрозилъ ему пальцемъ.

— О! да и вы, я вижу, злой!—Однако же, вѣдь вы тоже пойдете къ Голушкину?

— Конечно, пойду. Сегодняшній день у меня и безъ того пропалъ.

— Ну такъ—«en avant, marchons!» — къ XX-му вѣку! къ XX-му вѣку!—Неждановъ, передовой человѣкъ, веди!

— Хорошо;—ступай;—да не повторяй своихъ остротъ. Какъ бы кто не подумалъ, что онѣ у тебя на исходѣ.

— На вашего брата еще за глаза хватитъ,—весело возразилъ Паклинъ—и пустился впередъ, какъ онъ говорилъ—не въ припрыжку—а «въ прихромку».

— Презанятный господинъ!—замѣтилъ, идя за нимъ, подъ руку съ Неждановымъ, Соломинъ:—коли насъ, сохрани Богъ, сошлютъ всѣхъ въ Сибирь, будетъ кому развлекать насъ!

Маркеловъ шелъ, молча, позади всѣхъ.

А между тѣмъ въ домѣ купца Голушкина были приняты всѣ мѣры, чтобы задать обѣдъ съ «форсомъ»—или съ «шикомъ». Сварена была уха, прежирная—и прескверная; заготовлены были разные «патишб» и «фрыкасѣи» — (Голушкинъ, какъ человѣкъ стоящій на высотѣ европейскаго образованія, хоть и старовѣръ, придерживался французской кухни, и повара взялъ изъ клуба, откуда его выгнали за нечистоплотность)—а главное: было принасено и заморожено нѣсколько бутылокъ шампанскаго.

Хозяинъ встрѣтилъ нашихъ молодыхъ людей съ свойственными ему неуклюжими ужимками, уторопленнымъ видомъ да похохатываньемъ;—очень обрадовался Паклину, какъ тотъ и предсказывалъ; спросилъ про него: вѣдь нашъ?—и не дожидаясь отвѣта, воскликнулъ:—Ну, конечно! Еще бы!—Потомъ разсказалъ, что онъ сейчасъ былъ у этого «чудака» губернатора, который все пристаетъ къ нему изъ-за какихъ-то—чортъ его знаетъ!—благотворительныхъ заведеній... И рѣшительно нельзя было понять, чѣмъ онъ, Голушкинъ, больше доволенъ: тѣмъ ли, что его принимаютъ у губернатора—или же тѣмъ, что ему удалось ругнуть его въ присутствіи молодыхъ передовыхъ людей? Потомъ онъ познакомилъ ихъ съ обѣщаннымъ прозелитомъ. И кто же оказался этимъ прозелитомъ? Тотъ самый прилизанный, чахоточный человѣчекъ съ кувшиннымъ рыльцемъ, который поутру вошелъ съ докладомъ, и котораго Голушкинъ звалъ Васей: — его приказчикъ.—Не краснорѣчивъ, увѣрялъ Голушкинъ, указывая на него всей пятернею—но нашему дѣлу всей душою преданъ.—А Вася только кланялся, да краснѣлъ, да моргалъ, да скалилъ зубы съ такимъ видомъ, что опять-таки нельзя было понять—что̀ онъ такое: пошлый ли дурачокъ—или напротивъ—всесовершеннѣйшій выжига и плутъ?

— Ну, однако, за столъ, господа, за столъ,—залотошилъ Голушкинъ.—Сѣли за столъ, закусивъ сперва вплотную. Тотчасъ послѣ ухи, Голушкинъ велѣлъ подать шампанское. Мерзлыми кусками льдистаго сала вываливалось оно изъ горлышка бутылки въ подставленные бокалы. «За наше.... наше предпріятіе!» воскликнулъ Голушкинъ, мигая при этомъ глазомъ и указывая головою на слугу, какъ-бы давая знать, что въ присутствіи чужого надо быть осторожнымъ! Прозелитъ Вася продолжалъ молчать—и хотя сидѣлъ на краюшкѣ стула и вообще держался съ

подобострастіемъ, уже вовсе несвойственнымъ тѣмъ убѣжденіямъ, которымъ онъ, по словамъ его хозяина, былъ преданъ всей душою — но хлопалъ вино отчаянно!.. За то другіе всѣ говорили; то-есть собственно говорилъ хозяинъ—да Паклинъ; Паклинъ особенно. Неждановъ внутренно досадовалъ, Маркеловъ злился и негодовалъ—иначе, но такъ же сильно, какъ у Субочевыхъ; Соломинъ наблюдалъ.

Паклинъ потѣшался!—Своею бойкой рѣчью онъ чрезвычайно понравился Голушкину, который и не подозрѣвалъ того, что этотъ самый «хромушка» то-и-дѣло шепчетъ на ухо сидѣвшему возлѣ него Нежданову— самыя злостныя замѣчанія на счетъ его, Голушкина! — Онъ даже полагалъ, что это — малый простой, и что его можно «третировать» съ высока.... оттого-то онъ ему и понравился, между прочимъ. Сиди Паклинъ возлѣ него—онъ бы давно ткнулъ его пальцемъ въ ребра или ударилъ по плечу; онъ и то кивалъ ему черезъ столъ и моталъ головою въ его направленіи.... но между Неждановымъ и имъ возсѣдалъ, во-первыхъ, Маркеловъ—эта «мрачная туча»; а тамъ Соломинъ.— За то Голушкинъ закатисто смѣялся каждому слову Паклина, смѣялся на вѣру, напередъ, хлопая себя по животу, выказывая свои синеватыя дёсны. Паклинъ скоро понялъ, чего отъ него требовалось, и началъ все бранить—(оно же для него было дѣломъ подходящимъ)—все и всѣхъ: и консерваторовъ, и либераловъ, и чиновниковъ, и адвокатовъ, и администраторовъ, и помѣщиковъ, и земцевъ, и думцевъ, и Москву, и Петербургъ!

— Да, да, да, да,—подхватывалъ Голушкинъ;—такъ, такъ, такъ, такъ! — Вотъ, напримѣръ, у насъ голова — совершенный оселъ! Тупица непроходимая! — Я ему говорю и то — и то.... а онъ ничего не понимаетъ; не хуже нашего губернатора!

— А вашъ губернаторъ — глупъ? — полюбопытствовалъ Паклинъ.

— Я-жъ вамъ говорю: оселъ!

— Вы не замѣтили: онъ хрипитъ, или гнуситъ?

— Какъ? — спросилъ Голушкинъ не безъ недоумѣнья.

— Да развѣ вы не знаете? У насъ на Руси важные штатскіе хрипятъ; важные военные гнусятъ въ носъ; — и только самые высокіе сановники и хрипятъ и гнусятъ въ одно и то же время.

Голушкинъ захохоталъ съ ревомъ, даже прослезился.

— Да, да,—лепеталъ онъ:—гнуситъ.... гнуситъ... Онъ военный!

«Ахъ, ты, олухъ!»—думалъ про себя Паклинъ.

— У насъ все гнило, гдѣ ни тронь!—кричалъ Голушкинъ, немного спустя.—Все, все гнило!

— Почтеннѣйшій Капитонъ Андреичъ — внушительно замѣчалъ Паклинъ—а самъ тихонько говорилъ Нежданову: «Чтò это онъ все руками разводитъ, точно сюртукъ ему подъ мышками рѣжетъ?» — Почтеннѣйшій Капитонъ Андреичъ, повѣрьте мнѣ: тутъ полумѣры ничего не помогутъ!

— Какія полумѣры!—вскричалъ Голушкинъ, внезапно переставая смѣяться и принимая свирѣпый видъ: — тутъ одно: съ корнемъ вонъ!—Васька, пей, с....ъ с....ъ!

— И тó пью-съ, Капитонъ Андреичъ, — отвѣчалъ приказчикъ, опрокидывая себѣ въ горло стаканъ.

Голушкинъ тоже «ухнулъ».

— И какъ только онъ не лопнетъ!—шепталъ Паклинъ Нежданову.

— Привычка!—отвѣчалъ тотъ.

Но не одинъ приказчикъ пилъ вино. Понемногу оно разобрало всѣхъ.—Неждановъ, Маркеловъ, даже Соломинъ вмѣшались понемногу въ разговоръ.

Сперва, какъ-бы съ пренебреженіемъ, какъ-бы съ досадой противъ самого себя, что вотъ, молъ, и онъ не выдерживаетъ характера и пускается толочь воду, Неждановъ началъ толковать о томъ, что пора перестать забавляться одними словами, пора «дѣйствовать»;—упомянулъ даже объ отысканной почвѣ!!—И тутъ же, не замѣчая, что онъ себѣ противорѣчитъ, началъ требовать, чтобы ему указали тѣ существующіе, реальные элементы, на которые можно опереться, что онъ ихъ не видитъ. — «Въ обществѣ нѣтъ сочувствія, въ народѣ нѣтъ сознанія.... вотъ тутъ и бейся!» Ему, конечно, не возражали; не потому, что возражать было нечего — но каждый уже началъ говорить тоже свое. — Маркеловъ забарабанилъ глухимъ и злобнымъ голосомъ, настойчиво, однообразно—(«ни дать, ни взять—капусту рубитъ»,—замѣтилъ Паклинъ). О чемъ собственно онъ говорилъ, не совсѣмъ было понятно; слово: «артиллерія» послышалось изъ его устъ въ моментъ затишья.... онъ, вѣроятно, вспомнилъ тѣ недостатки, которые открылъ въ ея устройствѣ. Досталось также нѣмцамъ и адъютантамъ.—Соломинъ—и тотъ замѣтилъ, что есть двѣ манеры выжидать: выжидать и ничего не дѣлать—и выжидать—да подвигать дѣло впередъ.

— Намъ не нужно постепеновцевъ,—сумрачно проговорилъ Маркеловъ.

— Постепеновцы до сихъ поръ шли сверху,—замѣтилъ Соломинъ,—а мы попробуемъ снизу.

— Не нужно, къ чорту! не нужно, — рьяно подхватывалъ Голушкинъ: — надо разомъ, разомъ!

— То-есть, вы хотите въ окно прыгнуть?

— И прыгну!—завопилъ Голушкинъ.—Прыгну!—И Васька прыгнетъ!—Прикажу—прыгнетъ! А?—Васька? Вѣдь прыгнешь?

Приказчикъ допилъ стаканъ шампанскаго.

— Куда вы, Капитонъ Андреичъ, туда и мы. — Развѣ мы разсуждать смѣемъ?

— А! то-то!—Въ бар-раній р-рогъ согну!

Въ скорости наступило то, что̀ на языкѣ пьяницъ носитъ названіе столпотворенія вавилонскаго. Поднялся гамъ и шумъ «велій».—Какъ первыя снѣжинки кружатся, быстро смѣняясь и пестрѣя въ еще тепломъ осеннемъ воздухѣ — такъ, въ разгоряченной атмосферѣ Голушкинской столовой завертѣлись, толкая и тѣсня другъ дружку, всяческія слова: прогрессъ, правительство, литература, податной вопросъ, церковный вопросъ, женскій вопросъ, судебный вопросъ; классицизмъ, реализмъ, нигилизмъ, коммунизмъ; интернаціоналъ, клерикалъ, либералъ, капиталъ, администрація, организація, ассоціація и даже кристаллизація!—Голушкинъ, казалось, приходилъ въ восторгъ именно отъ этого гама; въ немъ-то, казалось, и заключалась для него настоящая суть... Онъ торжествовалъ! — «Знай-молъ, нашихъ! Разступись—убью!.. Капитонъ Голушкинъ ѣдетъ!»—Приказчикъ Вася до того, наконецъ, нализался, что началъ фыркать и говорить въ тарелку; — и вдругъ, какъ бѣшеный, закричалъ: — «Что за дьяволъ такой — *про*гимназія?!?»

Голушкинъ внезапно поднялся,—и, закинувъ назадъ свое побагровѣвшее лицо, на которомъ къ выраженію грубаго самовластія и торжества страннымъ образомъ примѣшивалось выраженіе другого чувства, похожаго на тайный ужасъ и даже на трепетаніе—гаркнулъ: «Жертвую еще *тыщу!* — Васька, тащи!» на что̀ Васька вполголоса отвѣтствовалъ: — «Малина!» А Паклинъ, весь блѣдный и въ поту (онъ въ послѣднія четверть часа пилъ не хуже приказчика),—Паклинъ, вскочивъ съ своего мѣста и поднявъ обѣ руки надъ головою, проговорилъ съ разстановкой:—Жертвую! Онъ произнесъ: жертвую! — О! оскверненіе святого слова! — Жертва! Никто не дерзаетъ возвыситься до тебя, никто не имѣетъ силы исполнить тѣ обязанности, которыя ты налагаешь, по крайней мѣрѣ никто изъ насъ, здѣсь предстоящихъ—а этотъ самодуръ, этотъ дрянной мѣшокъ тряхнулъ своей

раздутой утробой, высыпалъ пригоршню рублей и кричитъ: жертвую! И требуетъ благодарности; лавроваго вѣнка ожидаетъ — па-длецъ!!» Голушкинъ либо не разслышалъ, либо не понялъ того, чтó сказалъ Паклинъ, или, быть можетъ, принялъ его слова за шутку, потому что еще разъ провозгласилъ: «Да! *тыщу* рублевъ! Чтó Капитонъ Голушкинъ сказалъ—то свято!» Онъ вдругъ запустилъ руку въ боковой карманъ. — «Вотъ они, денежки-то!— На-те, рвите; да помните Капитона!» — Онъ, какъ только приходилъ въ нѣкоторый азартъ, говорилъ о себѣ, какъ маленькія дѣти, въ третьемъ лицѣ. Маркеловъ молча подобралъ брошенныя на залитую скатерть бумажки. Но послѣ этого уже нечего было оставаться; да и поздно становилось. Всѣ встали, взяли шапки—и убрались.

На вольномъ воздухѣ у всѣхъ закружились головы—особенно у Паклина.

— Ну?—куда-жъ мы теперь?—не безъ труда проговорилъ онъ.

— Не знаю, куда вы, — отвѣчалъ Соломинъ,—а я къ себѣ домой.

— На фабрику?

— На фабрику.

— Теперь, ночью, пѣшкомъ?

— Что-жъ такое?—Здѣсь ни волковъ, ни разбойниковъ нѣтъ— а ходить я здоровъ.—Ночью-то еще свѣжѣе.

— Да тутъ четыре версты?

— А хоть бы и всѣ пять.—До свиданья, господа!

Соломинъ застегнулся, надвинулъ картузъ на лобъ, закурилъ сигару и зашагалъ большими шагами по улицѣ.

— А ты куда?—обратился Паклинъ къ Нежданову.

— Я вотъ къ нему.—Онъ указалъ на Маркелова, который стоялъ неподвижно, скрестивъ руки на груди.—У насъ здѣсь и лошади и экипажъ.

— Ну, прекрасно... а я, братъ, въ оазисъ, къ Ѳомушкѣ да къ Ѳимушкѣ. И знаешь, чтó я тебѣ скажу, братъ? И тамъ чепуха—и здѣсь чепуха... Только та чепуха,—чепуха XVIII-го вѣка, ближе къ русской сути, чѣмъ этотъ XX-й вѣкъ.—Прощайте, господа; я пьянъ... не взыщите.—Послушайте, чтó я вамъ еще скажу! Добрѣй и лучше моей сестры... Снандулія... на свѣтѣ женщины нѣтъ; а вотъ она—и горбатая, и Снандулія. И всегда такъ на свѣтѣ бываетъ!—А впрочемъ, ей и слѣдъ такъ называться.—Вы знаете ли, кто была святая Снандулія?—Добродѣтельная жена, которая ходила по тюрьмамъ и врачевала раны узникамъ и

больнымъ.—Ну, однако, прощайте! Прощай, Неждановъ—жалкій человѣкъ! И ты, офицеръ... у! бука! прощай!

Онъ поплелся, прихрамывая и пошатываясь, въ «оазисъ»—а Маркеловъ, вмѣстѣ съ Неждановымъ, отыскали постоялый дворъ, въ которомъ они оставили свой тарантасъ, велѣли заложить лошадей—и полчаса спустя уже катили по большой дорогѣ.

XXI.

Небо заволокло низкими тучами—и хотя не было совсѣмъ темно и накатанныя колеи на дорогѣ виднѣлись, блѣдно поблескивая, впереди, однако, на-право, на-лѣво, все застилалось и очертанія отдѣльныхъ предметовъ сливались въ смутныя большія пятна. Была тусклая, невѣрная ночь; вѣтеръ набѣгалъ порывистыми сырыми струйками, принося съ собою запахъ дождя и широкихъ, хлѣбныхъ полей. Когда, проѣхавъ дубовый кустъ, служившій примѣтой, пришлось свернуть на просёлокъ, дѣло стало еще неладнѣе; узкая путина по временамъ совсѣмъ пропадала... Кучеръ поѣхалъ тише.

— Какъ бы не сбиться намъ! — замѣтилъ молчаливый до тѣхъ поръ Неждановъ.

— Нѣтъ! не собьемся!—промолвилъ Маркеловъ.—Двухъ бѣдъ въ одинъ день не бываетъ.

— Да какая же была первая бѣда?

— Какая? А что мы день напрасно потеряли — это вы ни за что считаете?

— Да... конечно... Этотъ Голушкинъ!! — Не слѣдовало такъ много вина пить. Голова теперь болитъ... смертельно.

— Я не о Голушкинѣ говорю. Онъ по крайней мѣрѣ денегъ далъ;—стало быть, хоть какая-нибудь отъ нашего посѣщенія польза была!

— Такъ неужели вы сожалѣете о томъ, что Паклинъ свелъ насъ къ своимъ... какъ бишь онъ называлъ ихъ... периклитамъ?

— Жалѣть объ этомъ нечего... да и радоваться нечему. Я вѣдь не изъ тѣхъ, которые интересуются подобными игрушками... Я не на эту бѣду намекалъ.

— Такъ на какую же?

Маркеловъ ничего не отвѣчалъ—и только повозился немного въ своемъ уголку, словно кутаясь. Неждановъ не могъ хорошенько разобрать его лица; одни усы выдавались черной поперечной чертой; но онъ съ самаго утра чувствовалъ въ Марке-

ловѣ присутствіе чего-то такого, до чего было лучше не касаться—какого-то глухого и тайнаго раздраженія.

— Послушайте, Сергѣй Михайловичъ,—началъ онъ, погодя немного,—неужели вы, не шутя, восхищаетесь письмами этого г-на Кислякова, которыя вы мнѣ дали прочесть сегодня? Вѣдь это... извините рѣзкость выраженія,—это—дребедень!

Маркеловъ выпрямился.

— Во-первыхъ,—заговорилъ онъ гнѣвнымъ голосомъ,—я нисколько не раздѣляю вашего мнѣнія насчетъ этихъ писемъ—и нахожу ихъ весьма замѣчательными... и добросовѣстными! А вовторыхъ, Кисляковъ трудится, работаетъ—и главное: онъ *вѣритъ*; вѣритъ въ наше дѣло, вѣритъ въ ре-во-люцію! Я долженъ вамъ сказать одно, Алексѣй Дмитричъ:—я замѣчаю, что *вы*,—вы охладѣваете къ нашему дѣлу; — вы не вѣрите въ него!

— Изъ чего вы это заключаете? — медлительно произнесъ Неждановъ.

— Изъ чего? Да изо-всѣхъ вашихъ словъ, изо-всего вашего поведенія!! — Сегодня у Голушкина, кто говорилъ, что онъ не видитъ, на какіе элементы можно опереться?—Вы!—Кто требовалъ, чтобъ ихъ ему указали?—Опять-таки вы! И когда этотъ вашъ пріятель, этотъ пустой балагуръ и зубоскалъ, г. Паклинъ, сталъ, поднимая глаза къ небу, увѣрять, что никто изъ насъ не въ силахъ принести жертву, кто ему поддакивалъ, кто одобрительно покачивалъ головою? Развѣ не вы? — Говорите о себѣ, какъ хотите, думайте о себѣ, какъ знаете... это ваше дѣло... но мнѣ извѣстны люди, которые съумѣли оттолкнуть отъ себя все, чѣмъ жизнь прекрасна—самое блаженство любви—для того, чтобъ служить своимъ убѣжденіямъ, чтобъ не измѣнить имъ! — Ну, *вамъ* сегодня... конечно, было не до того!

— Сегодня? Почему же именно сегодня?

— Да не притворяйтесь, ради Бога, счастливый Донъ-Жуанъ, увѣнчанный миртами любовникъ!—вскричалъ Маркеловъ, совершенно забывъ о кучерѣ, который хоть и не оборачивался съ козелъ, но могъ однако отлично все слышать. Правда, кучера въ эту минуту гораздо болѣе озабочивала дорога, чѣмъ всѣ пререканья сидѣвшихъ за его спиною господъ — и онъ осторожно и даже нѣсколько робко отпрукивалъ коренника, который моталъ головою и садился на задъ, спуская тарантасъ съ какой-то кручи, которой и не слѣдовало совсѣмъ тутъ быть.

— Позвольте—я васъ что-то не понимаю,—промолвилъ Неждановъ.

Маркеловъ захохоталъ принужденно и злобно.

— Вы меня не понимаете! Ха, ха, ха!—Я все знаю, милостивый государь! Знаю, съ кѣмъ вы объяснялись вчера въ любви; знаю, кого вы плѣнили вашей счастливой наружностью и краснорѣчіемъ; знаю, кто допускаетъ васъ къ себѣ въ комнату... послѣ десяти часовъ вечера!

— Баринъ!—обратился вдругъ кучеръ къ Маркелову.—Подержите-ка возжи... Я слѣзу, посмотрю... Мы, кажись, съ дороги сбились... Водомоина тутъ, что-ль, какая...

Тарантасъ, дѣйствительно, стоялъ совсѣмъ на боку.

Маркеловъ ухватилъ возжи, переданныя ему кучеромъ,—и продолжалъ все также громко:

— Я васъ нисколько не виню, Алексѣй Дмитричъ! Вы воспользовались... Вы были правы. Я говорю только о томъ, что не удивляюсь вашему охлажденію къ общему дѣлу: у васъ, я опять-таки скажу—не то на умѣ. И прибавлю кстати отъ себя: гдѣ тотъ человѣкъ, который можетъ заранѣе предугадать, что именно нравится дѣвическимъ сердцамъ—или постигнуть—чего онѣ желаютъ!!..

— Я теперь понимаю васъ,—началъ-было Неждановъ:—понимаю ваше огорченіе, догадываюсь, кто насъ подкараулилъ и поспѣшилъ сообщить вамъ...

— Тутъ не заслуги—продолжалъ Маркеловъ, притворяясь, что не слышитъ Нежданова, и съ намѣреніемъ растягивая и какъ-бы распѣвая каждое слово—не какія-нибудь необыкновенныя душевныя или физическія качества... Нѣтъ! Тутъ просто... треклятое счастье всѣхъ незаконнорожденныхъ дѣтей... всѣхъ в........ъ!

Послѣднюю фразу Маркеловъ произнесъ отрывисто и быстро—и вдругъ умолкъ, словно замеръ.

А Неждановъ даже въ темнотѣ почувствовалъ, что весь поблѣднѣлъ, и мурашки забѣгали по его щекамъ. Онъ едва удержался, чтобы не броситься на Маркелова, не схватить его за горло... «Кровью надо смыть эту обиду, кровью...»

— Призналъ дорогу!—воскликнулъ кучеръ, появившись у праваго передняго колеса—маленько ошибся, влѣво взялъ... теперь ничего!—духомъ представимъ; и версты до насъ не будетъ. Извольте сидѣть!

Онъ взобрался на облучокъ, взялъ у Маркелова возжи, повернулъ коренника въ сторону... Тарантасъ сильно тряхнуло раза два—потомъ онъ покатился ровнѣе и шибче—мгла какъ-будто разступилась и приподнялась—потянуло дымкомъ—впереди

выросъ какой-то бугоръ. Вотъ мигнулъ огонёкъ... онъ исчезъ... Мигнулъ другой... Собака залаяла...

— Наши выселки,—промолвилъ кучеръ;—эхъ, вы, котята любезные!

Чаще и чаще неслись на встрѣчу огоньки.

— Послѣ такого оскорбленія,—заговорилъ наконецъ Неждановъ:—вы легко поймете, Сергѣй Михайловичъ, что мнѣ невозможно ночевать подъ вашимъ кровомъ; а потому мнѣ остается просить васъ, какъ это мнѣ ни непріятно, чтобы вы, пріѣхавши домой, дали мнѣ вашъ тарантасъ, который довезетъ меня до города; завтра я уже найду способъ, какъ добраться до дому;—а тамъ вы получите отъ меня увѣдомленіе, котораго, вѣроятно, ожидаете.

Маркеловъ не тотчасъ отвѣчалъ.

— Неждановъ,—сказалъ онъ вдругъ негромкимъ, но почти отчаяннымъ голосомъ:—Неждановъ! Ради самого Бога, войдите ко мнѣ въ домъ—хоть бы только для того, чтобы я могъ на колѣняхъ попросить у васъ прощенія!—Неждановъ! Забудьте... забудь, забудь мое безумное слово! Ахъ, еслибъ кто-нибудь могъ почувствовать, до какой степени я несчастливъ!—Маркеловъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь—и въ ней словно что̀ застонало.—Неждановъ! будь великодушенъ! Дай мнѣ руку... Не откажись простить меня!

Неждановъ протянулъ ему руку—нерѣшительно, но протянулъ.—Маркеловъ стиснулъ ее такъ, что тотъ чуть не вскрикнулъ.

Тарантасъ остановился у крыльца Маркеловскаго дома.

— Слушай, Неждановъ,—говорилъ ему Маркеловъ, четверть часа спустя у себя въ кабинетѣ...—Слушай! (Онъ уже не говорилъ ему иначе какъ: «ты», и въ этомъ неожиданномъ: *ты*—обращенномъ къ человѣку, въ которомъ онъ открылъ счастливаго соперника, котораго онъ только-что оскорбилъ кровно, котораго онъ готовъ былъ убить, разорвать на части — въ этомъ «ты» было и безповоротное отреченіе—и моленіе смиренное, горькое—и какое-то право... Неждановъ это право призналъ тѣмъ, что самъ началъ говорить Маркелову: *ты*).

— Слушай! Я тебѣ сейчасъ сказалъ, что я отъ счастья любви отказался, оттолкнулъ его, чтобы только служить своимъ убѣжденіямъ... Это вздоръ, бахвальство! Никогда мнѣ ничего подобнаго не предлагали, нечего мнѣ было отталкивать! Я какъ родился безталаннымъ, такъ и остался имъ... Или, можетъ быть, оно такъ и слѣдовало.—Потому руки у меня не туда поставлены—мнѣ предстоитъ дѣлать иное! Коли ты можешь соединить

и то и другое... любить и быть любимымъ... и въ то же время служить дѣлу... ну, такъ ты молодецъ!—я тебѣ завидую... но самъ я—нѣтъ.—Я не могу. Ты счастливецъ! Ты счастливецъ!—А я не могу.

Маркеловъ говорилъ все это тихимъ голосомъ, сидя на низкомъ стулѣ, понуривъ голову и свѣсивъ обѣ руки какъ плети. Неждановъ стоялъ передъ нимъ, погруженный въ какое-то задумчивое вниманіе; и хотя Маркеловъ и величалъ его счастливцемъ—онъ не смотрѣлъ и не чувствовалъ себя такимъ.

— Меня въ молодости обманула одна...—продолжалъ Маркеловъ:—была она дѣвушка чудесная—и все-таки измѣнила мнѣ... для кого же? Для нѣмца! для адъютанта!!—А Маріанна...

Онъ пріостановился... Онъ въ первый разъ произнесъ ея имя: и оно какъ-будто обожгло его губы.

— Маріанна не обманула меня: она прямо объявила мнѣ, что я не нравлюсь ей... Да и чему тутъ нравиться?—Ну—отдалась она тебѣ... Ну, что-жъ? Развѣ она не была свободна?

— Да постой, постой! — воскликнулъ Неждановъ.—Что ты такое говоришь?!—Какое: отдалась!—Я не знаю, чтó тебѣ написала твоя сестра;—но увѣряю тебя...

— Я не говорю: физически; но нравственно отдалась—сердцемъ, душою,—подхватилъ Маркеловъ, которому почему-то видимо понравилось восклицаніе Нежданова.—И прекрасно сдѣлала. А моя сестра... Конечно, она не имѣла намѣренія меня огорчить... То-есть, въ сущности это ей все равно; но она, должно быть, тебя ненавидитъ—и Маріанну тоже.—Она не солгала... а впрочемъ, Господь съ ней!

«Да»,—подумалъ про себя Неждановъ:—«она насъ ненавидитъ».

— Все къ лучшему,—продолжалъ Маркеловъ, не перемѣняя положенія.—Теперь съ меня послѣднія путы сняты; теперь—уже ничего мнѣ не мѣшаетъ! Ты не смотри на то, что Голушкинъ—самодуръ: это ничего. И письма Кислякова... они, можетъ быть, смѣшны... Точно; но надо обращать вниманіе на главное. По его словамъ... вездѣ все готово.—Ты вотъ, пожалуй, и этому не вѣришь?

Неждановъ ничего не отвѣчалъ.

— Ты, можетъ быть, правъ;—но вѣдь если ждать минуты, когда все, рѣшительно все будетъ готово—никогда не придется начинать.—Вѣдь если взвѣшивать напередъ *всѣ* послѣдствія—навѣрное между ними будутъ какія-либо дурныя. Напримѣръ:

когда наши предшественники устроили освобожденіе крестьянъ—что-жъ? могли они предвидѣть, что однимъ изъ послѣдствій этого освобожденія будетъ появленіе цѣлаго класса помѣщиковъ-ростовщиковъ, которые продаютъ мужику четверть прѣлой ржи за шесть рублей—а получаютъ съ него (тутъ Маркеловъ пригнулъ одинъ палецъ): во-первыхъ, работу на всѣ шесть рублей, да сверхъ того—(Маркеловъ пригнулъ другой палецъ)—цѣлую четверть хорошей ржи—да еще (Маркеловъ пригнулъ третій) съ прибавкомъ! т.-е. высасываютъ послѣднюю кровь изъ мужика! Вѣдь это эманципаторы наши предвидѣть не могли—согласись! И все-таки, если даже они это предвидѣли, хорошо они сдѣлали, что освободили крестьянъ—и не взвѣшивали всѣхъ послѣдствій! А потому я... рѣшился!

Неждановъ вопросительно, съ недоумѣніемъ, посмотрѣлъ на Маркелова; но тотъ отвелъ свой взглядъ въ сторону, въ уголъ. Его брови сдвинулись и закрыли зрачки; онъ кусалъ губы и жевалъ усы.

— Да, я рѣшился!—повторилъ онъ, съ размаху ударивъ по колѣну своимъ волосатымъ, смуглымъ кулакомъ.—Я вѣдь упрямый... Я не даромъ наполовину малороссъ.

Потомъ онъ всталъ и, шаркая ногами, точно онѣ у него ослабѣли, пошелъ въ свою спальню и вынесъ оттуда небольшой портретъ Маріанны подъ стекломъ.

— Возьми,—промолвилъ онъ печальнымъ, но ровнымъ голосомъ;—это я когда-то сдѣлалъ. Рисую я плохо; но ты посмотри, кажется, похожъ—(портретъ, сдѣланный карандашомъ въ профиль, былъ дѣйствительно похожъ).—Возьми, братъ; это мое завѣщаніе. Вмѣстѣ съ этимъ портретомъ я тебѣ передаю—не мои права... у меня ихъ не было... а, знаешь—все! Я тебѣ все передаю—и ее. Она, братъ, хорошая...

Маркеловъ помолчалъ; грудь его замѣтно поднималась.

— Возьми. Вѣдь ты на меня не сердишься? Ну, такъ возьми. А мнѣ теперь ужъ ничего... этакого... не нужно.

Неждановъ взялъ портретъ; но странное чувство стѣснило его грудь. Ему казалось, что онъ не имѣлъ права принять этотъ подарокъ; что если бы Маркеловъ хорошо зналъ, чтó у него, Нежданова, нá-сердцѣ, онъ бы, можетъ быть, ему этого портрета не отдалъ. Неждановъ держалъ въ рукѣ этотъ маленькій круглый кусочекъ картона, тщательно обведенный по черной рамкѣ узкой полоской золотой бумаги—и не зналъ, чтó дѣлать съ нимъ.—Вѣдь это тутъ цѣлая жизнь человѣка въ моей рукѣ,—думалось ему. Онъ понималъ, какую жертву приноситъ Маркеловъ, но зачѣмъ,

зачѣмъ именно ему? — А отдать портретъ? Нѣтъ! Это было бы оскорбленіе еще злѣйшее... И, наконецъ, вѣдь ему дорого это лицо, вѣдь онъ любитъ ее?

Неждановъ не безъ нѣкотораго внутренняго страха возвелъ глаза на Маркелова... не глядитъ ли тотъ на него—не старается ли уловить его мысли?—Но Маркеловъ опять уставился на уголъ и жевалъ усы.

Старикъ слуга вошелъ въ комнату со свѣчкой въ рукѣ.

Маркеловъ встрепенулся.

— Спать пора, братъ Алексѣй! — воскликнулъ онъ.—Утро вечера мудренѣе. Дамъ тебѣ завтра лошадей—ты покатишь домой—и прощай!

— Прощай и ты, старина!—прибавилъ онъ вдругъ, обратившись къ слугѣ и ударивъ его по плечу. — Не поминай лихомъ!

Старикъ до того изумился, что чуть не выронилъ свѣчки, и взглядъ его, устремленный на своего барина, выразилъ нѣчто другое—и бóльшее, чѣмъ обычную его унылость.

Неждановъ ушелъ къ себѣ въ комнату. Ему было нехорошо. Голова его все еще болѣла отъ выпитаго вина, въ ушахъ звенѣло—въ глазахъ мерещилось, хотя онъ и закрывалъ ихъ. Голушкинъ, Васька приказчикъ, Ѳомушка, Ѳимушка—вертѣлись передъ нимъ; вдали образъ Маріанны, какъ-бы не довѣряя, не рѣшался приблизиться. Все, чтó онъ дѣлалъ и говорилъ самъ—казалось ему такою фальшью и ложью, такимъ ненужнымъ и приторнымъ вздоромъ... а то, чтó надо дѣлать, къ чему надо стремиться,—неизвѣстно гдѣ, недоступно, за десятью замками, зарыто въ преисподнюю...

И безпрестанно ему хотѣлось встать, сойти къ Маркелову, сказать ему: возьми свой подарокъ—возьми его назадъ!

— Фу! Какая скверность—жизнь, — воскликнулъ онъ наконецъ.

На другое утро онъ уѣхалъ рано. Маркеловъ уже былъ на крыльцѣ, окруженный крестьянами. Созвалъ ли онъ ихъ, пришли ли они сами собою—Неждановъ такъ и не узналъ; Маркеловъ очень односложно и сухо простился съ нимъ... но, казалось, что онъ собирался сообщить имъ нѣчто важное. Старый слуга тутъ же торчалъ съ своимъ неизмѣннымъ взоромъ.

Тарантасъ скоро проскочилъ городъ—и, выбравшись въ поля, покатилъ лихо. Лошади были тѣ же самыя; но кучеръ—потому ли, что Неждановъ жилъ въ богатомъ домѣ, по другимъ ли соображеніямъ, разсчитывалъ на хорошую «на водку»... а извѣстно: когда кучеръ выпилъ водки или съ увѣренностью ждетъ ея—ло-

шади бѣгутъ отлично. Погода была самая іюньская, хоть и свѣжая: высокія, рѣзвыя облака по синему небу, сильный, ровный вѣтеръ, дорога не пылитъ, убитая вчерашнимъ дождёмъ, ракиты шумятъ, блестятъ и струятся,—все движется, все летитъ,—перепелиный крикъ приносится жидкимъ пóсвистомъ съ отдаленныхъ холмовъ, черезъ зеленые овраги, точно и у этого крика есть крылья, и онъ самъ прилетаетъ на нихъ,—грачи лоснятся на солнцѣ,—какія-то темныя блохи ходятъ по ровной чертѣ обнаженнаго небосклона... это мужички двоятъ поднятый паръ.

Но Неждановъ пропускалъ все это мимо... мимо... онъ и не замѣтилъ, какъ доѣхалъ до Сипягинскаго имѣнья,—до того имъ овладѣли думы...

Однако онъ вздрогнулъ, когда увидѣлъ крышу дома, верхній этажъ, окно Маріанниной комнаты.—«Да,—сказалъ онъ себѣ—и тепло ему стало нà-сердцѣ:—*онъ* правъ—она хорошая—и я люблю ее».

XXII.

Онъ нàскоро переодѣлся и пошелъ давать урокъ Колѣ.—Сипягинъ, котораго онъ встрѣтилъ въ столовой, поклонился ему холодно и учтиво—и, процѣдивъ сквозь зубы: «Хорошо ли съѣздили?»—прослѣдовалъ въ свой кабинетъ.—Государственный человѣкъ уже рѣшилъ въ своемъ министерскомъ умѣ, что, какъ только кончатся вакаціи, онъ немедленно отправитъ въ Петербургъ этого—«положительно слишкомъ краснаго» учителя — а, пока, будетъ наблюдать за нимъ.—«Je n'ai pas eu la main heureuse cette fois-ci», подумалъ онъ про себя; а впрочемъ... «j'aurais pu tomber pire».—Чувства Валентины Михайловны къ Нежданову были гораздо энергичнѣе и опредѣленнѣе. Она его уже совсѣмъ терпѣть не могла... Онъ, этотъ мальчишка!—онъ оскорбилъ ее.—Маріанна не ошиблась: это она, Валентина Михайловна, подслушивала ее и Нежданова въ коридорѣ... Знатная барыня этимъ не побрезгала.—Въ теченіи тѣхъ двухъ дней, въ которые продолжалось его отсутствіе — она, хотя ничего не сказала своей «легкомысленной» родственницѣ—но безпрестанно давала ей понять, что ей все извѣстно; что она негодовала бы, еслибъ не удивлялась—и удивилась бы еще болѣе—еслибъ частью не презирала, частью не сожалѣла.... Сдержанное, внутреннее презрѣніе наполняло ея щеки, что-то насмѣшливое и въ то же время сожалительное приподнимало ея брови, когда она глядѣла на Маріанну, говорила съ нею; ея чудесные глаза съ мягкимъ недо-

умѣньемъ, съ грустной гадливостью останавливались на самонадѣянной дѣвушкѣ, которая, послѣ всѣхъ своихъ «фантазій и эксцентричностей» — кончила тѣмъ, что цѣ...лу...ет...ся въ темныхъ комнатахъ съ какимъ-то недоучившимся студентомъ!

Бѣдная Маріанна! Ея строгія, гордыя губы не вѣдали еще ничьихъ лобзаній.

Впрочемъ, мужу своему Валентина Михайловна не намекнула о сдѣланномъ ею открытіи; она удовольствовалась тѣмъ, что сопровождала немногія слова, обращенныя ею къ Маріаннѣ въ *его* присутствіи — значительной усмѣшкой, которая нисколько не обусловливалась ихъ содержаніемъ.—Валентина Михайловна даже нѣсколько раскаявалась въ томъ, что написала письмо брату... Но въ концѣ-концовъ она предпочла: раскаяваться—и чтобъ это было сдѣлано — чѣмъ не раскаяваться — и чтобъ письмо осталось не написаннымъ.

Съ Маріанной Неждановъ увидѣлся мелькомъ, въ столовой, за завтракомъ. Онъ нашелъ, что она похудѣла и пожелтѣла: она была нехороша собой въ тотъ день; но быстрый взглядъ, который она бросила на него, какъ только онъ вошелъ въ комнату, проникъ въ самое его сердце.—За то Валентина Михайловна посматривала на него такъ, какъ будто постоянно внутренно твердила: «Поздравляю! Прекрасно! Очень ловко!» — и въ то же время ей хотѣлось вычитать на его лицѣ: «показалъ ли ему Маркеловъ ея письмо или нѣтъ?» — Она рѣшила наконецъ, что показалъ.

Сипягинъ, узнавъ, что Неждановъ ѣздилъ на фабрику, которою завѣдывалъ Соломинъ, началъ разспрашивать его объ этомъ «во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ промышленномъ заведеніи»;—но, въ скорости убѣдившись изъ отвѣтовъ молодого человѣка, что онъ собственно тамъ ничего не видѣлъ, умолкъ величественно, какъ-бы упрекая самого себя въ томъ, что могъ ожидать какихъ-либо дѣльныхъ свѣдѣній отъ такого еще незрѣлаго субъекта!—Выходя изъ столовой, Маріанна успѣла шепнуть Нежданову: — «Жди меня въ старой березовой рощѣ, на концѣ сада; — я приду туда — какъ только будетъ возможно».—Неждановъ подумалъ: «и она говоритъ мнѣ: «ты»—такъ же какъ тотъ».—И кáкъ это было ему пріятно, хоть и нѣсколько жутко!.. и кáкъ было бы странно—да и невозможно—еслибъ она вдругъ снова начала говорить ему: «вы»—еслибъ она отодвинулась отъ него...

Онъ почувствовалъ, что это было бы для него несчастьемъ.— Былъ ли онъ влюбленъ въ нее—этого онъ еще не зналъ; но

что она стала ему дорогою — и близкой — и нужной... главное: нужной—это онъ чувствовалъ всѣмъ существомъ своимъ.

Роща, куда послала его Маріанна, состояла изъ сотни высокихъ, старыхъ, бо́льшей частью плакучихъ березъ. Вѣтеръ не переставалъ; длинныя пачки вѣтвей качались, метались какъ распущенныя косы; облака по прежнему неслись быстро и высоко;— и когда одно изъ нихъ налетало на солнце, все кругомъ становилось—не темно, но одноцвѣтно.—Но вотъ оно пролетѣло—и всюду, внезапно, яркія пятна свѣта мятежно колыхались снова: они путались, пестрѣли, мѣшались съ пятнами тѣни... шумъ и движеніе были тѣ же; но какая-то праздничная радость прибавлялась къ нимъ. Съ такимъ же радостнымъ насиліемъ врывается страсть въ потемнѣвшее, взволнованное сердце... И такое именно сердце принесъ въ груди своей Неждановъ.

Онъ прислонился къ стволу березы—и началъ ждать.—Онъ собственно не зналъ, что́ онъ чувствовалъ—да и не желалъ это знать; ему было и страшнѣе—и легче, чѣмъ у Маркелова. Онъ хотѣлъ прежде всего ее видѣть, говорить съ нею; тотъ узелъ, который внезапно связываетъ два живыхъ существа, уже захватилъ его. —Неждановъ вспомнилъ веревку, которая летитъ на набережную съ парохода, когда тотъ собирается причалить... Вотъ ужъ она обвилась около столба—и пароходъ остановился...

Въ пристани! Слава-Богу!

Онъ вдругъ вздрогнулъ. Женское платье замелькало вдали по дорожкѣ. Это она. Но идетъ ли она къ нему, уходитъ ли отъ него—онъ не зналъ, пока не увидѣлъ, что пятна свѣта и тѣни скользили по ея фигурѣ *снизу вверхъ*... значитъ, она приближается. Они бы спускались *сверху внизъ*, еслибъ она удалялась. Еще нѣсколько мгновеній—и она стояла возлѣ него, передъ нимъ, съ привѣтнымъ, оживленнымъ лицомъ, съ ласковымъ блескомъ въ глазахъ, съ слабо, но весело улыбавшимися губами.—Онъ схватилъ ея протянутыя руки—однако тотчасъ не могъ вымолвить ни слова;—и она ничего не сказала. Она очень скоро шла и немного задыхалась; но видно было, что она очень обрадовалась тому, что онъ обрадовался ей.

Она первая заговорила.

— Ну, что́,—начала она—сказывай скорѣй, чѣмъ вы рѣшили?

Неждановъ удивился.

— Рѣшили... да развѣ надо было теперь же рѣшить?

— Ну, ты понимаешь меня.—Разсказывай, о чемъ вы говорили? Кого ты видѣлъ? Познакомился ли ты съ Соломинымъ?—

Разсказывай все... все! Постой, пойдемъ туда, подальше. Я знаю мѣсто... тамъ не такъ видно.

Она повлекла его за собою. Онъ послушно шелъ за ней цѣликомъ по высокой, рѣдкой, сухой травѣ.

Она привела его куда хотѣла. Тамъ лежала, поваленная бурей, большая береза. Они усѣлись на ея стволѣ.

— Разсказывай!—повторила она, но тотчасъ же прибавила:— Ахъ, какъ я рада тебя видѣть! Мнѣ казалось, что эти два дня никогда не кончатся. Ты знаешь, я теперь убѣждена въ томъ, что Валентина Михайловна насъ подслушала.

— Она написала объ этомъ Маркелову,—промолвилъ Неждановъ.

— Ему?!

Маріанна помолчала и понемногу покраснѣла вся,—не отъ стыда, а отъ другого, болѣе сильнаго чувства.

— Злая, дурная женщина!—медленно прошептала она:—она не вправѣ была это сдѣлать... Ну, все равно! Разсказывай, разсказывай!

Неждановъ началъ говорить... Маріанна слушала его съ какимъ-то окаменѣлымъ вниманіемъ—и только тогда прерывала его, когда она замѣчала, что онъ спѣшитъ, не останавливается на подробностяхъ.—Впрочемъ, не всѣ подробности его поѣздки были одинаково интересны для нея: надъ Ѳомушкой и Ѳимушкой она посмѣялась, но они ея не занимали. Ихъ бытъ былъ слишкомъ отъ нея далекъ.

— Ты мнѣ точно о Навуходоносорѣ свѣдѣнія сообщаешь,— замѣтила она.

А вотъ, чтó говорилъ Маркеловъ, чтó думаетъ даже Голушкинъ (хотя она тотчасъ поняла, чтó это за птица)—а главное: какого мнѣнія Соломинъ—и чтó онъ самъ за человѣкъ—вотъ чтó ей нужно было знать, вотъ, о чемъ она сокрушалась. «Когда же? когда?»—этотъ вопросъ постоянно вертѣлся у ней въ головѣ, просился на уста во все время, пока говорилъ Неждановъ. А онъ какъ будто избѣгалъ всего, чтó могло дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Онъ самъ сталъ замѣчать, что налегаетъ именно на тѣ подробности, которыя менѣе интересовали Маріанну... нѣтъ-нѣтъ—да и возвратится къ нимъ. Юмористическія описанія возбуждали въ ней нетерпѣніе; тонъ разочарованный или унылый ее огорчалъ... Надо было постоянно обращаться къ «дѣлу», къ «вопросу». Тутъ никакое многословіе ее не утомляло. Вспомнилось Нежданову время, когда онъ, еще не будучи студентомъ, и живя лѣтомъ на дачѣ у однихъ хорошихъ

знакомыхъ, вздумалъ разсказывать ихъ дѣтямъ сказки:—и они также не цѣнили ни описаній, ни выраженія личныхъ, собственныхъ ощущеній... они также требовали дѣла, фактовъ!—Маріанна не была ребенкомъ, но прямотою и простотою чувства она походила на ребенка.

Неждановъ искренно и горячо похвалилъ Маркелова—и съ особеннымъ сочувствіемъ отозвался о Соломинѣ. Говоря о немъ чуть не въ восторженныхъ выраженіяхъ, онъ спрашивалъ самого себя: чтó собственно заставляло его быть такого высокаго мнѣнія объ этомъ человѣкѣ? Ничего особенно-умнаго онъ не высказалъ; иныя его слова даже какъ-будто шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями его, Нежданова... «Уравновѣшенный характеръ,—думалось ему:—вотъ чтó; обстоятельный, свѣжій, какъ говорила Ѳимушка;—крупный человѣкъ; спокойная, крѣпкая сила; знаетъ, чтó ему нужно, и себѣ довѣряетъ—и возбуждаетъ довѣріе; тревоги нѣтъ... и равновѣсіе! равновѣсіе!.. Вотъ это главное; именно, чего у меня нѣтъ». Неждановъ умолкъ, предавшись размышленію... Вдругъ онъ почувствовалъ прикосновеніе руки на своемъ плечѣ.

Онъ поднялъ голову: Маріанна глядѣла на него заботливымъ и нѣжнымъ взоромъ.

— Другъ! Что съ тобою?—спросила она.

Онъ снялъ ея руку съ плеча и въ первый разъ поцѣловалъ ее. Она слегка засмѣялась, какъ-бы удивившись: съ чего могла ему придти въ голову такая любезность?—Потомъ она въ свою очередь задумалась.

— Маркеловъ показалъ тебѣ письмо Валентины Михайловны?—спросила она наконецъ.

— Да.

— Ну... и что же онъ?

— Онъ?—Онъ благороднѣйшее, самоотверженное существо! Онъ...—Неждановъ хотѣлъ-было сказать Маріаннѣ о портретѣ—да удержался и только повторилъ:—благороднѣйшее существо!

— О, да, да!

Маріанна опять задумалась—и вдругъ, повернувшись къ Нежданову на стволѣ березы, служившей имъ обоимъ сидѣньемъ, съ живостію промолвила:

— Ну, такъ чѣмъ же вы рѣшили?

Неждановъ пожалъ плечами.

— Да я тебѣ сказалъ уже, что—пока—ничѣмъ; надо будетъ еще подождать.

— Подождать еще... Чего же?

— Послѣднихъ инструкцій («А вѣдь я вру» — думалось Нежданову).

— Отъ кого?

— Отъ того... ты знаешь... отъ Василья Николаевича. Да вотъ еще надо подождать, чтобы Остродумовъ вернулся.

Маріанна вопросительно посмотрѣла на Нежданова.

— Скажи, ты когда-нибудь видѣлъ этого Василія Николаевича?

— Видѣлъ раза два... мелькомъ.

— Что̀ онъ... замѣчательный человѣкъ?

— Какъ тебѣ сказать? Теперь онъ голова—ну, и орудуетъ. А безъ дисциплины въ нашемъ дѣлѣ нельзя; повиноваться нужно. («И *это* все вздоръ» — думалось Нежданову).

— Какой онъ изъ себя?

— Какой?—приземистый, грузный, чернявый... Лицо скуластое, калмыцкое... грубое лицо. Только глаза очень живые.

— А говоритъ онъ какъ?

— Онъ не столько говоритъ, сколько командуетъ.

— Отчего же онъ сдѣлался головою?

— А съ характеромъ человѣкъ. Ни предъ чѣмъ не отступитъ. Если нужно—убьетъ. Ну—его и боятся.

— А Соломинъ каковъ изъ-себя?—спросила Маріанна, погодя немного.

— Соломинъ тоже не очень красивъ; только у этого славное лицо, простое, честное. Между семинаристами—хорошими—такія попадаются лица.

Неждановъ подробно описалъ Соломина. Маріанна посмотрѣла на Нежданова долго... долго... потомъ промолвила, словно про себя:

— У тебя тоже хорошее лицо. Съ тобою, думаю, можно жить.

Это слово тронуло Нежданова; онъ снова взялъ ея руку—и поднесъ-было ее къ губамъ...

— Погоди любезничать,—промолвила, смѣясь, Маріанна — она всегда смѣялась, когда у ней цѣловали руку;—ты не знаешь: я передъ тобой виновата.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ какъ.—Я въ твоемъ отсутствіи вошла къ тебѣ въ комнату—и тамъ, на твоемъ столѣ, увидала тетрадку съ стихами... (Неждановъ дрогнулъ: онъ вспомнилъ, что онъ точно забылъ эту тетрадку на столѣ своей комнаты)—и каюсь передъ тобою: не съумѣла побѣдить свое любопытство—и прочла.—Вѣдь это твои стихи?

— Мои; и знаешь ли чтó, Маріанна? Лучшимъ доказательствомъ, до какой степени я къ тебѣ привязанъ и кàкъ я тебѣ довѣряю — можетъ служить то, что я почти не сержусь на тебя.

— Почти? Стало-быть, хоть немного, да сердишься?—Кстати, ты меня зовешь Маріанной; не могу же я тебя звать Неждановымъ! Буду звать тебя Алексѣемъ. А стихотвореніе, которое начинается такъ: «Милый другъ, когда я буду умирать»... тоже твое?

— Мое... мое.—Только, пожалуйста, брось это... Не мучь меня.

Маріанна покачала головою.

— Оно очень печально,—это стихотвореніе... Надѣюсь, что ты его написалъ до сближенія со мною. Но стихи хороши—насколько я могу судить. Мнѣ сдается, что ты могъ бы сдѣлаться литераторомъ; только я *навѣрное* знаю, что у тебя есть призваніе лучше и выше литературы. Этимъ хорошо было заниматься—прежде,—когда другое было невозможно.

Неждановъ кинулъ на нее быстрый взглядъ.

— Ты думаешь? Да, я съ тобой согласенъ. Лучше гибель тамъ—чѣмъ успѣхъ здѣсь.

Маріанна стремительно встала.

— Да, мой милый, ты правъ!—воскликнула она — и все лицо ея просіяло, вспыхнуло огнемъ и блескомъ восторга, умиленіемъ великодушныхъ чувствъ:—ты правъ!—Но, можетъ быть, мы и не погибнемъ тотчасъ; мы успѣемъ, ты увидишь, мы будемъ полезны, наша жизнь не пропадетъ даромъ, мы пойдемъ въ народъ... Ты знаешь какое-нибудь ремесло? Нѣтъ? Ну, все равно—мы будемъ работать, мы принесемъ имъ, нашимъ братьямъ, все, чтó мы знаемъ—я, если нужно, въ кухарки пойду, въ швеи, въ прачки... Ты увидишь, ты увидишь... И никакой тутъ заслуги не будетъ—а счастье, счастье...

Маріанна умолкла; но взоръ ея, устремленный въ даль, не въ ту, которая разстилалась передъ нею—а въ другую, невѣдомую, еще небывалую, но видимую ей,—взоръ ея горѣлъ...

Неждановъ склонился къ ея стану...

— О, Маріанна,—шепнулъ онъ,—я тебя не стóю!

Она вдругъ вся встрепенулась.

— Пора, домой пора!—промолвила она,—а то сейчасъ опять насъ отыскивать станутъ. Впрочемъ, Валентина Михайловна, кажется, махнула на меня рукой. Я въ ея глазахъ—пропащая!

Маріанна произнесла это слово съ такимъ свѣтлымъ, ра-

достнымъ лицомъ, что и Неждановъ, глядя на нее, не могъ не улыбнуться и не повторить: пропащая!

— Только она очень оскорблена тѣмъ,—продолжала Маріанна,—какъ же это ты не у ея ногъ?—Но это все ничего—а вотъ что... Вѣдь здѣсь оставаться мнѣ нельзя будетъ... Надо будетъ бѣжать.

— Бѣжать?—повторилъ Неждановъ.

— Да, бѣжать... Вѣдь и ты не останешься?—Мы уйдемъ вмѣстѣ.—Намъ надо будетъ работать вмѣстѣ... Вѣдь ты пойдешь со мною?

— На край свѣта!—воскликнулъ Неждановъ—и голосъ его внезапно зазвенѣлъ отъ волненія и какой-то порывистой благодарности.—На край свѣта!—Въ эту минуту онъ точно ушелъ бы съ нею, безъ оглядки, куда бы она ни пожелала!

Маріанна поняла его—и коротко и блаженно вздохнула.

— Такъ возьми же мою руку... только не цѣлуй ея—а пожми ее крѣпко, какъ товарищу, какъ другу... вотъ такъ!

Они пошли вмѣстѣ домой, задумчивые, счастливые,—молодая трава ластилась подъ ихъ ногами, молодая листва шумѣла кругомъ; пятна свѣта и тѣни побѣжали проворно, скользя по ихъ одеждѣ—и оба они улыбались и тревожной ихъ игрѣ, и веселымъ ударамъ вѣтра, и свѣжему блистанью листьевъ—и собственной молодости, и другъ другу.

Ив. Тургеневъ.

ДЖОНАТАНЪ СВИФТЪ

ЕГО

ХАРАКТЕРЪ и САТИРА

The life of Jonathan Swift, by John Forster. Lond. 1875.

Въ блестящей сильными дарованіями группѣ передовыхъ представителей европейской мысли за послѣдніе три вѣка совершенно особнякомъ, рѣзко выдѣляясь изъ окружающей среды, рисуется передъ нами нравственный обликъ величайшаго и безпощаднѣйшаго сатирика, когда-либо выставленнаго англо-саксонскимъ племенемъ—Джонатана Свифта. Непонятый ни современниками, ни ближайшимъ потомствомъ, онъ долго остается страннымъ, загадочнымъ, небывалымъ явленіемъ въ лѣтописяхъ литературы новѣйшаго времени. Ни черты его жизни, насколько ихъ удавалось разъяснить и освѣтить прежнимъ біографамъ, ни изученіе собственныхъ произведеній Свифта не давали возможности заглянуть въ сокровенный внутренній міръ его и разгадать существенныя отличія его характера. Удивительная, сплошная ткань самыхъ рѣзкихъ противорѣчій встрѣчаетъ каждаго, кто захотѣлъ бы приступить къ трудному дѣлу разгадки этого страннаго человѣка. Только тонкій психологическій анализъ въ состояніи разобрать едва видимыя нити, которыя связываютъ и уравниваютъ эти противорѣчія, достойныя Протея. Безпощадное презрѣніе къ обществу, ко всѣмъ мелочнымъ людскимъ интересамъ, искательству, борьбѣ изъ-за выгодъ,—и рядомъ съ этимъ жажда власти, вліянія, честолюбивые замыслы; мѣткій, краткій, подчасъ желѣзный и смерто-

носный слогъ, полный сарказмовъ и прозрачныхъ аллегорій,—и рядомъ томныя любовныя поэмы и безконечно нѣжныя письма къ любимымъ женщинамъ; холодное, безсердечное отношеніе къ женщинамъ вообще, едва мирящееся съ этими письмами, — и ратованіе за ихъ права; глубокій скептицизмъ въ дѣлѣ религіи,—и почти вся жизнь, проведенная, подобно Раблэ, въ скромномъ санѣ приходскаго священника, добровольно на себя принятомъ: такова длинная вереница противорѣчій, скрещивающихся въ этомъ характерѣ. Серьёзный ученый, политическій дѣятель, злой памфлетистъ, умѣющій, по выраженію Пушкина, мѣтко свиснуть въ своего врага безъименнымъ уличнымъ листкомъ, электризующимъ массу,—остроумный членъ утонченнаго кружка умниковъ, который составлялъ красу и гордость англійскаго общества въ дни Анны и Георга I, то увлекающій людей до самозабвенія, то отталкивающій ихъ, тѣшащійся ихъ страданіями, то возносящійся до высшихъ ступеней торжества человѣческой мысли, не брезгующій копошиться въ тинѣ мелкихъ происковъ, — онъ неуловимъ и порою даже отпугиваетъ отъ себя. Какъ-бы презрительно надсмѣиваясь, смотрятъ на лучшемъ портретѣ Свифта (работы извѣстнаго въ ту пору художника Джервэза, изданномъ вновь недавно) его очаровывавшіе всѣхъ, по словамъ современника, небесно-голубые глаза; эти глаза умѣли и разить, окаймляясь тогда строго-насупленнымъ челомъ,—какъ на портретѣ,—но они умѣли и ласкать, и манить къ себѣ. Это — взглядъ василиска, и горе тому, кто поддастся его обаянію. Когда одинъ изъ лучшихъ объяснителей Свифта, затрудняясь найти подходящую къ нему характеристику, называетъ его чисто-демоническимъ существомъ и во всемъ его злорадномъ отношеніи къ человѣчеству видитъ что-то словно дьявольское,—это опредѣленіе, хотя оно и возвращаетъ насъ къ старому эстетическому жаргону, даетъ однако приблизительно вѣрное понятіе объ общности характеристическихъ свойствъ Свифта.

Изобразить такой неуловимый и сложный характеръ — дѣло вообще нелегкое; до сихъ поръ оно еще затруднялось тѣмъ, что въ большей части біографій нашего писателя отсутствовала вовсе историческая критика, принимались на вѣру разсказы чисто-легендарнаго свойства и т. д.; къ тому же, сочиненія подобнаго рода нерѣдко выходили или почти сплошь безусловно-сочувственными ко всѣмъ дѣйствіямъ писателя (такова, напримѣръ біографія, написанная Вальтеръ-Скоттомъ [1]) и долго считавшаяся наиболѣе авто-

[1]) Memoirs of Jonathan Swift, by Sir Walter-Scott. P. 1826.

ритетною) или-же дышавшими отъявленнымъ нерасположеніемъ къ Свифту (такова знаменитая статья Джеффри въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи» 1816 года, много разъ потомъ перепечатывавшаяся [1]). Въ послѣднее время задача значительно облегчилась вслѣдствіе появленія новѣйшей книги Джона Форстера, задуманной въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и написанной на основаніи необъятной груды совершенно новаго матеріала, который трудолюбивый біографъ собиралъ съ невѣроятными усиліями, но за то и съ рѣдкой удачей, въ теченіи многихъ лѣтъ. Поставивъ себѣ удѣломъ чисто-біографическій отдѣлъ исторіи Англіи и ея литературы, и пріобрѣтя извѣстность такими трудами, какъ біографіи Гольдсмита, Диккенса, Кромвеля, государственныхъ людей англійской республики и т. д., Форстеръ отнесся къ Свифтовой біографіи съ особымъ рвеніемъ; иной разъ его можно было бы даже упрекнуть въ излишнемъ сочувствіи къ своему герою, въ желаніи все объяснить, всему найти оправданіе; но при всемъ томъ, его книга принесла столько новыхъ данныхъ, разсказала такъ обстоятельно первую часть жизни Свифта, до сихъ поръ остававшуюся наиболѣе темною, что заслуга ея несомнѣнна. Впрочемъ, эту работу Форстера преслѣдовала злая судьба; вскорѣ по выходѣ перваго тома біографіи, не стало ея автора, и повидимому матеріалы, собранные имъ для дальнѣйшаго продолженія труда, останутся въ сыромъ видѣ. Поэтому-то, имѣя въ началѣ предпринятой нами характеристики опору въ книгѣ Форстера, которая однако порою нуждается въ провѣркѣ и еще болѣе въ смягченіи радужныхъ красокъ, намъ пришлось позднѣе имѣть дѣло съ обширной, хотя и не блестящей особыми достоинствами, литературой о Свифтѣ. Многое разсказывали и собственныя его писанія, всѣ чисто субъективныя.

I.

Бываютъ люди, которыхъ съ ранняго дѣтства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками, которымъ словно суждено со временемъ стать рѣшительно въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ жизненнымъ строемъ. Какая-то горечь, скрытое озлобленіе и желаніе отмстить стоящимъ поперегъ дороги, лишь только окрѣпнутъ силы,—сказывается уже чуть не въ отроческіе годы. Для образованія этой характеристической складки не нужно вовсе слишкомъ рѣзкихъ внѣшнихъ причинъ, которыя съ-разу

[1]) По-русски она переведена г. Кеневичемъ въ „Библіот. для Чтен.", 1858, VII, 1—42.

установили бы раздвоенность характера; отталкивающее физическое уродство, сковывающее всѣ стремленія страстной и чудовищно-честолюбивой души, наталкиваетъ впервые Ричарда III на порывы мести всему неповинному человѣчеству, вѣчно напоминаетъ о себѣ, вѣчно раздражаетъ, словно тачка, прикованная къ ногѣ каторжника,—но порою достаточно и болѣе обыденныхъ, незамѣтныхъ причинъ, для того, чтобы бросить человѣка въ открытую борьбу съ жизнью, въ борьбу, въ которой не будетъ недостатка и въ трагическихъ моментахъ. Такія-то причины, въ которыхъ самому человѣку иной разъ невольно почудится злое вмѣшательство судьбы, рано обставили жизнь Свифта. Онъ говорилъ впослѣдствіи, что неудачи и разочарованія стерегли его колыбель, что они сложились до его рожденія; по словамъ знакомыхъ, онъ всегда считалъ день своего рожденія днемъ печали, надѣвая на себя личину радостнаго настроенія лишь для любимой женщины; въ этотъ день онъ всегда читалъ завѣтную главу изъ Іова и будто бы даже къ себѣ примѣнялъ отчаянный вопль Іова, сожалѣвшаго, что не умеръ въ тотъ день, когда увидѣлъ свѣтъ.

Дѣйствительно, нерадостно взглянула жизнь на маленькаго Джонатана, когда 30 ноября 1667 года, въ Дублинѣ, въ бѣдной конуркѣ вдовы мелкаго судейскаго чиновника, раздался первый дѣтскій его крикъ. Матери его было нечѣмъ жить; отецъ, всю жизнь бившійся съ нуждой, едва прибылъ изъ Англіи въ Ирландію попытать счастья, едва успѣлъ пристроиться смотрителемъ судебнаго зданія въ Дублинѣ и жениться на бѣдной дѣвушкѣ, какъ внезапная смерть (за восемь мѣсяцевъ до рожденія второго ребенка) положила предѣлъ всѣмъ скромнымъ мечтамъ о счастіи, начинавшемъ уже улыбаться. Вдовѣ не къ кому было обратиться за помощью; члены суда дали ей отъ себя немного денегъ, но новый смотритель торопилъ переѣздомъ съ казенной квартиры, которую уже считалъ своею собственностью; приходилось выбираться хоть на улицу. И началось тутъ безотрадное мыканье по чужимъ людямъ, житье зависимое, изо-дня въ день. Въ числѣ родныхъ матери Джонатана оказался зажиточный дядя, который любилъ, чтобы его всѣ считали богачомъ и поклонялись ему, но былъ тугъ на помощь, которая добывалась цѣною тяжкихъ униженій. Въ зависимость къ такому-то человѣку попала осиротѣвшая семья, — понятно поэтому, какого рода картины встрѣтили прежде всего маленькаго Джонатана при вступленіи въ жизнь. Бѣдность, приниженность, вѣчныя кочеванья,

отсутствіе тихаго семейнаго угла,—а рядомъ деньги въ рукахъ людей съ темнымъ прошедшимъ, торгашей, аристократовъ—вотъ готовый контрастъ, разгадать смыслъ котораго не трудно будетъ подростающему мальчику, особенно при той быстротѣ развитія, которую приноситъ съ собой нужда. И этотъ контрастъ глубоко заляжетъ потомъ въ его душу, и жестоко отольются врагамъ его слезы.

Странно сказать,—но лучшіе годы его дѣтства прошли не въ семьѣ, а, напротивъ, далеко отъ нея, по ту сторону моря, въ домѣ его кормилицы, которая попросту выкрала его изъ семьи и тайно увезла съ собой на кораблѣ въ Англію къ своимъ роднымъ, гдѣ должна была получить наслѣдство. Кормилица эта сильно привязалась къ ребенку, не могла подумать разстаться съ нимъ и потому увезла его съ собой; но это странное похищеніе имѣло еще болѣе странныя послѣдствія. Мать (такъ разсказываетъ самъ Свифтъ въ краткой автобіографіи), узнавъ о небывалой выходкѣ кормилицы, написала къ ней, прося не подвергать ребенка опасностямъ морского путешествія и выдержать его у себя, пока онъ окрѣпнетъ. Такими-то судьбами Джонатанъ провелъ два года въ простой крестьянской семьѣ, тамъ научился сначала говорить, потомъ читать, и вернулся домой въ значительной степени развитымъ для своихъ лѣтъ. Тутъ-то его и должна была съ-разу охватить та тяжелая атмосфера, въ которой задыхалась его бѣдная мать.

Настала вскорѣ школьная пора; благодаря родственнымъ щедротамъ, Свифта помѣстили въ основанную однимъ мѣстнымъ аристократомъ школу въ Килькенни, а затѣмъ въ раннемъ, четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ въ Дублинскій университетъ. Первые школьные годы не оставили послѣ себя никакихъ осязательныхъ слѣдовъ, кромѣ развѣ товарищества съ нѣсколькими извѣстными впослѣдствіи людьми (наприм., комическимъ писателемъ Конгривомъ), удержавшагося надолго. Но университетская пора, напротивъ, освѣщена чрезмѣрнымъ количествомъ всякаго рода анекдотовъ, воспоминаній и т. д., которые различные современники Свифта наперерывъ другъ передъ другомъ сообщали въ позднѣйшіе годы. Это обиліе анекдотическаго матеріала, по зрѣломъ его разсмотрѣніи, оказывается однако обманчивымъ и лишеннымъ прочной основы,—а между тѣмъ эта-то именно пора, на рубежѣ настоящей, самостоятельной жизни и дѣятельности, представляетъ особый интересъ: въ эту пору впервые складываются опредѣленно взгляды сатирика, даже, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, передъ его фантазіей впервые возникаютъ въ неяс-

ныхъ еще формахъ замыслы его лучшихъ обличительныхъ произведеній.

Изъ наиболѣе достовѣрныхъ данныхъ (сохранились, наприм., отмѣтки за одинъ годъ всего класса, гдѣ былъ Свифтъ) видно, что учился онъ не особенно ретиво, что единственные успѣхи онъ дѣлалъ въ древнихъ языкахъ, которые въ ту пору временнаго возрожденія классическаго вкуса въ Англіи вообще выдвигались на первый планъ; сухое педантическое изложеніе учебниковъ его отталкивало, ко всему умозрительному не чувствовалъ онъ никакой склонности; отмѣтка по философіи гласитъ *male*, за богословіе—*negligenter*. Обратимся ли мы къ прочимъ сторонамъ его студенческой жизни, мы и тутъ встрѣтимся съ подобными же данными. Суровая оффиціальная мораль классныхъ наставниковъ изображаетъ его безпорядочнымъ, шумливымъ, безпокойнымъ; онъ участвуетъ въ студенческихъ исторіяхъ, не является ночевать въ опредѣленное время, не ходитъ въ церковь. За послѣднюю вину у него набирается не мало штрафовъ, всѣхъ возможныхъ видовъ и названій; будущій служитель церкви не только упорно не показывается на обязательной для всѣхъ литургіи, но, какъ мы видѣли, съ особой небрежностью относится къ изученію богословія. Взамѣнъ, такъ сказать, оффиціальнаго усвоенія науки, Джонатанъ страстно отдается келейному чтенію, которое, какъ кажется, въ шесть лѣтъ, проведенныхъ въ университетѣ, достигло колоссальныхъ размѣровъ. Богъ вѣсть, гдѣ и какъ добывалъ онъ себѣ книги, но несомнѣнно, что этимъ путемъ онъ прочелъ массу сочиненій, наиболѣе привлекавшихъ его; на ряду съ исторіей, правомъ, политикой его сильно привлекала поэзія; все, что̀ представляло интереснаго современная англійская поэзія, было тутъ съ жадностью прочтено, и, быть можетъ, къ этому же времени нужно отнести первые стихотворные опыты Свифта, прокладывавшіе дорогу его позднѣйшей разнообразной стихотворной дѣятельности. Но и чтеніе это было келейное, и работы только про себя; въ молодомъ студентѣ уже видна была привычка сосредоточиваться, уходить въ себя, ничѣмъ не намекая на то, что̀ происходитъ въ его душѣ. Есть нѣсколько свидѣтельствъ, которыя упорно утверждаютъ, что его не любили товарищи, что они сторонились отъ него, считая чудакомъ, нелюдимомъ, чуть-ли не человѣкомъ ограниченнымъ. Врядъ ли этому можно вполнѣ вѣрить: прославляемое впослѣдствіи удивительное умѣнье его привлекать къ себѣ людей не разомъ же привилось къ нему, и нельзя не отнести хотя нѣкоторой его доли еще къ юношеской порѣ. Но иногда на него находила тяжелая полоса хандры, не-

довольства жизнью, порывовъ къ бездѣйствію и лѣни. Въ своемъ автобіографическомъ наброскѣ онъ признается, что послѣдніе годы пребыванія въ университетѣ были отравлены заботами вслѣдствіе «дурного обращенія съ нимъ ближайшихъ его родственниковъ»; онъ такъ упалъ духомъ, что слишкомъ пренебрегъ своими занятіями, такъ что, когда наступила пора соисканія степени кандидата (bachelor of arts), онъ не былъ къ тому допущенъ вслѣдствіе недостаточности своихъ знаній, и хотя черезъ нѣсколько времени все-таки пріобрѣлъ эту степень, но съ обидной оговоркой,—употребительной въ Дублинскомъ университетѣ,—«въ видѣ особой милости» (speciali gratia). Дурное обращеніе родныхъ, на которое онъ жалуется, имѣетъ гораздо бóльшее значеніе, чѣмъ можно бы предположить на первый взглядъ. Этими неясными словами пожилой уже Свифтъ хотѣлъ намекнуть на то обидное, заброшенное положеніе, которое для него,—юноши, создали родные, и именно дядя, съ виду принявшій на себя заботы объ его воспитаніи. По всему видно, что уже отдача въ университетъ была равносильна насильственному разлученію съ матерью, которую почему-то родня мужа не взлюбила. Мать вскорѣ должна была искать пріюта у своихъ личныхъ родныхъ въ Англіи, и сынъ остался одинокимъ среди всѣхъ искушеній студенческой жизни, безъ всякой поддержки, безъ средствъ даже для того, чтобы пріобрѣтать любимыя книги. О немъ порою почти совсѣмъ забывали, не высылая вовсе денегъ; всѣ широкіе честолюбивые замыслы, уже въ эту пору начавшіе посѣщать этотъ впечатлительный умъ, должны были каждый разъ разбиваться о горькое сознаніе, что ничему не бывать, что онъ выйдетъ въ свѣтъ ничтожнымъ голякомъ и не долженъ надѣяться ни на какой просвѣтъ въ жизни. Все это такъ грызло его, что онъ подъ конецъ на все махнулъ рукой и съ этой поры фаталистически увѣровалъ въ свою несчастную звѣзду. Всю жизнь потомъ онъ не могъ забыть впечатлѣнія, произведеннаго на него однимъ съ виду маловажнымъ эпизодомъ его школьныхъ лѣтъ. Еще мальчикомъ, онъ однажды ловилъ рыбу и уже совсѣмъ-было вытащилъ на берегъ какую-то тяжеловѣсную добычу, когда точно на зло рыба сорвалась и упала назадъ въ воду,—ему это всегда живо вспоминалось точно первообразъ всѣхъ позднѣйшихъ его неудачъ.

Пріобрѣтя съ трудомъ первую ученую степень (магистромъ онъ сталъ впослѣдствіи въ Оксфордѣ), Джонатанъ не успѣлъ еще оглянуться вокругъ себя и приготовиться къ ожидавшей его, казалось, невзрачной борьбѣ за существованіе, какъ необходи-

мость понудила его все бросить, покинуть Ирландію и отплыть въ Англію искать удачи. Давно готовившееся народное ирландское восстаніе разразилось, наконецъ, въ 1689 году уличными столкновеніями въ Дублинѣ; на время восторжествовала анархія; между ирландцами, предводимыми Тэрконнелемъ, и англичанами все жарче разгоралась вражда; всѣ дѣла остановились, изъ университета все разбѣжалось. Въ эту пору Свифту пришлось стать лицомъ къ лицу съ народнымъ ирландскимъ движеніемъ; онъ не разгадалъ еще тогда его смысла, онъ еще въ ту пору, да и долго послѣ того, любилъ налегать на то, что онъ не ирландецъ родомъ, а сынъ англійскихъ переселенцевъ,—хотя и родился и бо́льшую часть жизни провелъ въ этой странѣ; лишь на склонѣ его дней должна была придти иная пора, когда ему пришлось стать во главѣ того самаго движенія, котораго онъ юношей не могъ понять и отъ котораго спасался бѣгствомъ.

Придумывая, какимъ путемъ доставить сыну возможность выбраться изъ его неопредѣленнаго и ничѣмъ не обезпеченнаго положенія, мать Свифта естественно должна была прежде всего подумать о покровительствѣ, которое могъ оказать ему одинъ изъ наиболѣе выдающихся политическихъ дѣятелей предшествовавшей поры, жившій тогда на покоѣ, но не утратившій сильнаго вліянія на дѣла. Это былъ именно извѣстный сэръ Уильямъ Темпль, соединявшій въ себѣ таланты государственнаго человѣка, обширныя знанія настоящаго ученаго и оживленную дѣятельность по возрожденію классическаго направленія въ современной ему англійской литературѣ. Темпль былъ когда-то очень близокъ къ одному изъ членовъ семьи Свифтовъ; кромѣ того, и жена его была сродни матери Джонатана; вслѣдствіе подобныхъ, во́-время вспомянутыхъ связей, мы вскорѣ увидимъ Свифта приглашеннымъ въ Муръ-Паркъ, резиденцію Темпля, а затѣмъ и занимающимъ опредѣленную должность въ обширномъ домовомъ штатѣ богатаго лорда.

Эта пора перваго искуса, перваго знакомства съ жизнью— одна изъ самыхъ важнѣйшихъ въ жизни Свифта. Здѣсь-то, въ этомъ уютномъ сельскомъ затишьѣ бывшаго министра, добровольно превратившагося въ Цинцинната, онъ впервые былъ направленъ судьбою на тѣ пути, сведенъ съ тѣми людьми и политическими и литературными направленіями, съ которыхъ ему не суждено было никогда сходить. Безвѣстный дублинскій студентъ, выросшій въ чисто-буржуазной средѣ, онъ здѣсь очутился въ утонченномъ кругу высшей аристократіи, мало-по-малу проникъ въ тайны, руководящія политикой, — въ лицѣ Темпля и его друзей

(напримѣръ, Драйдена, пользовавшагося тогда репутаціею первостепеннаго поэта) сошелся лицомъ къ лицу съ передовыми представителями литературы. Новый міръ этотъ порывисто охватывалъ его; ему грезилась самостоятельная жизнь, дающая просторъ дарованіямъ, которыя онъ начиналъ разгадывать въ себѣ; отправляясь къ Темплю, чуть-ли не мечталъ уже онъ, какъ это сильное покровительство быстро создастъ ему и положеніе и будущность. Но во многомъ его ожидало разочарованіе, усиливавшееся соразмѣрно его лихорадочному нетерпѣнію. Съ одной стороны, Темпль вовсе не обладалъ тѣми свойствами, которыя въ данномъ случаѣ необходимы были для дѣятельной поддержки и вѣрнаго направленія силъ молодого человѣка, — съ другой же стороны, вначалѣ онъ расположенъ былъ относиться къ нему довольно поверхностно, едва не пренебрежительно.

Темпль, чья жизнь и дѣятельность очерчена такимъ блестящимъ образомъ Маколеемъ въ одномъ изъ его «Историческихъ и критическихъ опытовъ», со времени реставраціи держался въ сторонѣ отъ дѣлъ, хотя король Вильгельмъ, помня услуги, оказанныя имъ его дому во время дипломатическихъ переговоровъ въ Голландіи, относился къ нему съ особымъ уваженіемъ, совѣщался съ нимъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, лично являясь для этого въ Муръ-Паркъ. Уединясь, Темпль предался своимъ любимымъ занятіямъ, читалъ классиковъ, отдыхалъ среди природы, сажалъ цвѣты въ своемъ паркѣ, который изрѣзалъ каналами не хуже Венеціи или любого голландскаго городка; тутъ-то онъ отдавался спокойному наслажденію, лишь издали прислушиваясь къ шуму столичной жизни, къ парламентскимъ распрямъ, для которыхъ не былъ вовсе созданъ. «При большихъ дарованіяхъ и душевной добротѣ, — говоритъ Лекки въ своемъ «Essays» о Свифтѣ [1]), — Темпль былъ слишкомъ вялъ, непритязателенъ, слишкомъ эпикуреецъ, чтобъ достигнуть высшей роли въ англійской политикѣ; его любезное, обильное всякими милостями обхожденіе съ людьми, его утонченный, нѣсколько изысканный вкусъ и инстинктивное нерасположеніе ко всему безпокойному, — къ шуму и спорамъ, — выказывали въ немъ человѣка, скорѣе способнаго блистать при дворѣ, чѣмъ въ парламентѣ. Въ одномъ изъ своихъ *Essays* онъ называетъ холодность темперамента, крови, а стало быть, и всѣхъ человѣческихъ желаній — высшимъ принципомъ добродѣтели, и его собственный характеръ почти осуществилъ этотъ идеалъ». Скользя по житейскимъ волненіямъ, старикъ Темпль

---

[1]) Four historic. essays.—Нѣмецкій переводъ Іоловича, Posen, 1873, стр. 3—4.

не былъ въ состояніи понять, что волновало совершенно новую для него личность его дальняго родственника; онъ далъ ему работу у себя, употреблялъ въ качествѣ секретаря, иной разъ заводилъ бесѣду о книгахъ, поэзіи, классикахъ. Поддаваясь просьбамъ о болѣе осязательной поддержкѣ, онъ даже написалъ нѣсколько писемъ тому-другому изъ своихъ великосвѣтскихъ друзей, предлагая имъ доставить какое-нибудь мѣсто молодому человѣку, въ крайнемъ же случаѣ пристроить его по возможности прочно при какой-нибудь коллегіи. Разумѣется, подобное ходатайство, сдѣланное точно вскользь, успѣха не имѣло. Нужно было пріобрѣсти Свифту магистерство, для чего онъ на время покидалъ своего покровителя,—чтобъ у Темпля окончательно открылись глаза на то, *кого* собственно ему послала судьба въ лицѣ Свифта. До тѣхъ поръ положеніе послѣдняго было почти служебное, онъ являлся чѣмъ-то лишь немного позначительнѣе остальной челяди, — отнынѣ Темпль приближаетъ его къ себѣ, присматривается къ нему и дѣлаетъ его повѣреннымъ и участникомъ своихъ литературныхъ и ученыхъ предпріятій, редакторомъ предположеннаго собранія его сочиненій. Мнѣніе и голосъ Свифта начинаетъ пріобрѣтать все больше значенія; онъ самъ мало-по-малу живо втягивается въ ту атмосферу, которая была для него всего пригоднѣе. Онъ много перечелъ въ дни житья въ Муръ-Паркѣ, которое вообще далеко не пропало для него даромъ; бесѣды и споры съ тонкимъ знатокомъ литературы и политики принесли также свою долю пользы; въ эту пору онъ принимается за первыя свои писанія, пробуетъ силы надъ стихомъ, пишетъ подражанія Горацію, поэмы на разныя мелкія случайности и, къ великому оскорбленію своего юнаго авторскаго самолюбія, принужденъ выслушать отъ авторитета въ его глазахъ, Драйдена, зловѣщее предвѣщаніе, что ему на роду не написано быть поэтомъ.

Но всѣ эти полезные результаты, весь этотъ приливъ серьёзныхъ цѣлей какъ будто добывались сами собой, незамѣтно; на дѣлѣ же недовольство по прежнему глодало его, что-то его манило впередъ, на невѣдомое еще, но широкое и блестящее поприще. На одну минуту, казалось, случай къ тому представился; король Вильгельмъ спрашивалъ по обыкновенію у Темпля совѣта, какъ поступить въ одномъ смущавшемъ его дѣлѣ: онъ боялся утвердить парламентскій билль, установлявшій трехлѣтній срокъ дѣятельности палатъ. Темпль передалъ ему уже черезъ третье лицо свое успокоивающее мнѣніе, но для усиленія своихъ доводовъ рѣшился послать къ королю, находившемуся въ его сосѣдствѣ,

своего секретаря, замолвивъ кстати слово и о его карьерѣ. Такимъ-то образомъ Свифтъ подходилъ здѣсь уже къ самому рогу изобилія, къ источнику всѣхъ благъ; но удочка и здѣсь оборвалась: король выслушалъ всѣ тщательно обработанные Свифтомъ и подкрѣпленные историческими и юридическими ссылками доводы, и остался при своемъ мнѣніи,—но вообще былъ очень милостивъ: удостоилъ собственноручно показать голландскій способъ рѣзанія и приготовленія спаржи, а насчетъ карьеры, — предложилъ зачислить Свифта капитаномъ въ любой кавалерійскій полкъ... Полнѣе фіаско нельзя было ожидать, и чело нашего недовольнаго честолюбца стало еще пасмурнѣе. Нельзя же ему весь вѣкъ свой провести около дряхлѣющаго старика, исполняя его капризы и тратя силы на работу не по душѣ. Ему становилось тѣсно и душно въ Муръ-Паркѣ; кажется, куда бы ни пришлось, онъ безъ раздумья вырвался бы оттуда.

Но въ этомъ прискучившемъ ему, чуть не ненавистномъ, домѣ было что-то, что̀ порою примиряло его съ жизнью, что́ вызывало нѣжное чувство сначала почти-отеческой заботливости и ласки, а потомъ восторженнаго удивленія и любви. Въ числѣ главнѣйшихъ лицъ домашняго штата Темпля и жившей съ нимъ сестры его, леди Джиффэрдъ, была главная распорядительница хозяйства этой дамы,—мистриссъ Джонсонъ, съ перваго разу ставшая въ дружескія отношенія къ Свифту, любившему заходить къ ней и бесѣдовать. У м-ссъ Джонсонъ выростала всѣмъ на удивленіе красавица-дочка; ей было еще семь лѣтъ, но по всей своей внѣшности, тонкимъ, пластическимъ очертаніямъ художественно-правильнаго лица, роскошнымъ волосамъ и глубокимъ черньмъ глазамъ, она уже въ эту пору обѣщала развиться въ небывало-красивое и привлекательное существо. Несмотря на громадную разницу лѣтъ, Свифтъ привязался къ этому ребенку; она развивалась на его глазахъ; сначала онъ лепеталъ съ ней на томъ смѣшномъ жаргонѣ, который дѣти такъ часто придумываютъ между собой, потомъ онъ, по его же словамъ, первый сталъ учить ее грамотѣ, водилъ ея ручкой по бумагѣ, пріучая писать, первый разъяснялъ всѣ ея дѣтскія недоумѣнія, отвѣчалъ на ея вопросы. Онъ самъ не замѣчалъ, какъ сильно привязывался онъ къ ней; нѣсколько лѣтъ пройдетъ, и она загориться яркой *звѣздой* на его небосклонѣ и станетъ его многолюбимой *Стеллой*.

Когда Темпль впослѣдствіи вспоминалъ о томъ времени житья Свифта у него, о которомъ теперь идетъ рѣчь, онъ придавалъ своему прежнему собесѣднику эпитетъ человѣка тяжелаго, неуживчиваго, непріятнаго. Дѣйствительно, безпокойство, овладѣв-

шее Свифтомъ, не могло быть по сердцу старику, искавшему всюду гармоніи и спокойствія. Между ними устанавливается рѣзкій разладъ, охлажденіе, и Свифтъ довольно неожиданно покидаетъ своего покровителя и уѣзжаетъ въ Ирландію. То, чтó онъ тамъ на первыхъ же порахъ сдѣлаетъ, рѣшитъ навсегда его судьбу, но это будетъ продуктъ горячности, необдуманности. Прибывъ на родину, онъ вскорѣ добивается посвященія въ священническій санъ, а затѣмъ, по рекомендаціи аристократическихъ знакомыхъ, получаетъ и небольшой приходъ въ Кильрутѣ, сѣверномъ ирландскомъ мѣстечкѣ.

Этотъ неожиданный переворотъ не можетъ не поразить насъ; изъ всего видно было до сихъ поръ, что вовсе не къ подвигамъ нравственнаго назиданія влекло молодого человѣка; въ немъ не видно было даже и слѣдовъ особой набожности, — напротивъ, еще въ университетѣ онъ чуть не прослылъ безбожникомъ. Это противорѣчіе вполнѣ вѣрно разъясняетъ намъ Форстеръ [1]); онъ напоминаетъ, что въ ту пору, и въ Англіи, и въ другихъ странахъ, духовный санъ вовсе не обособлялъ человѣка отъ дѣлъ міра сего, но что, напротивъ, часто какъ-бы содѣйствовалъ достиженію чисто-свѣтскихъ цѣлей; въ ту пору онъ давалъ возможность занимать дипломатическіе посты, играть роль въ высшихъ административныхъ мѣстахъ, быть правой рукой министра, губернатора, вице-короля. Въ слѣдующемъ столѣтіи смѣшеніе этихъ сферъ пойдетъ еще дальше, особенно подъ покровомъ католицизма; до-революціонное общество во Франціи будетъ кишить аббатами и аббатиссами, сохраняющими и послѣ постриженія всѣ свои обычныя свѣтскія привычки (сотни примѣровъ собраны въ новѣйшей книгѣ Тэна); въ Италіи духовныя лица будутъ оперными композиторами, поэтами любви и сладострастія, авторами скоромныхъ комедій. Поэтому и къ данному случаю нельзя отнестись съ мѣркой вполнѣ современной; Свифтъ не думалъ, конечно, чтобъ онъ сдѣлалъ съ собой что-нибудь крутое и необыкновенное, когда въ первый разъ облачился въ одежды протестантскаго пастора. Онъ могъ считать это только ступенью къ чему-нибудь лучшему, могъ ждать, что не сегодня, завтра его вызовутъ въ средоточіе цивилизованной жизни для иного дѣла. Но никуда не звали его; приходилось ѣхать въ свой захолустный приходъ, приходилось не на шутку приниматься за роль пастыря душъ. Эта роль не застигла врасплохъ нашего импровизованнаго проповѣдника, хотя, несмотря на всѣ позднѣйшія увѣ-

---

[1]) The life of Jonath. Swift, pp. 70—71.

ренія, въ немъ должна была произойти въ эту пору сильная внутренняя борьба. Онъ далеко не могъ быть названъ вѣрующимъ; масса существенныхъ частностей религіи, все показное, ритуальное, все, чтó отзывалось суевѣріемъ, жречествомъ, всегда возмущало его, и вскорѣ это настроеніе его должно было необыкновенно ярко сказаться. Но онъ былъ изъ числа такихъ людей, которые, коль скоро прихоть судьбы принудитъ ихъ принять на себя роль, всегда бывшую имъ не пó-сердцу, считаютъ своею обязанностью исполнять ее возможно добросовѣстнѣе. Затаивъ про себя свою глубокую думу, Свифтъ серьёзно отправлялъ служеніе и говорилъ проповѣди, какъ въ первыхъ своихъ деревенскихъ приходахъ, гдѣ слушателями его были простоватые провинціальные сквайры, такъ и подъ конецъ жизни, въ Дублинѣ,—проповѣди, которыя многими считаются образцовыми въ своемъ родѣ [1]), конечно, не съ рутинно-богословской точки зрѣнія. Иной разъ они походили по пóшибу своему на обычную сатирическую манеру Свифта,—но то не была гротескная Фонвизинская проповѣдь сельскаго попа, но изящная ткань сплошной и мѣткой ироніи. Ставъ членомъ такъ-называемой High-Church, Свифтъ считалъ также долгомъ стоять, сколько можетъ, за права ея, выхлопатывать ей льготы, усвоить себѣ до нѣкоторой степени корпоративный духъ, — но жестоко ошибся бы тотъ, кто бы на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ захотѣлъ сложить о немъ представленіе, какъ о заурядномъ церковникѣ. Все это—была добросовѣстная внѣшность, но мысли иного рода уже наполняли порывистый умъ молодого пастора, терзали его, не давали покоя,—и вся эта работа, разжигаемая одиночествомъ и неудовлетворенностью, окрѣпла именно въ годы спокойнаго кильрутскаго затишья. Оглядываясь назадъ, раздумывая о будущемъ, онъ нигдѣ не могъ найти успокоенія; схоластика, которою его мучили въ университетѣ; недосягаемое барство и надменность аристократовъ, съ которыми послѣ приходилось сталкиваться; закулисная сторона политической жизни, которую онъ увидалъ во всей ея наготѣ, наконецъ, самыя свѣжія воспоминанія,—соприкосновеніе съ клерикальнымъ міромъ, масса противорѣчій и предразсудковъ, узаконяемыхъ имъ и тяжело налегшихъ на человѣческую совѣсть, невольно вызываемый всѣми этими мыслями обзоръ положенія религіозной мысли въ иныхъ странахъ, у иныхъ исповѣданій, особенно у католическаго, на смерть нетерпимаго Свифтомъ,—обзоръ, приводящій его къ самому безотрадному вы-

[1]) Forsyth. Novels and novelists of the 18 century. 1871, p. 15.

воду о несчастной долѣ разума,—весь этотъ рой безпокойныхъ думъ словно подсказывалъ желанье придать имъ осязательную форму, высказать все, что̀ набралось на душѣ, и бросить въ это гнилое общество, въ это порочное жречество и праздную науку рѣзкое слово обличенія. Такъ сложился первоначальный видъ одного изъ важнѣйшихъ произведеній Свифта, «Сказки про бочку» (Tale of a tub), появившейся въ печати лишь нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1707 году), но задуманной еще въ Кильрутѣ.

Можно было предвидѣть, что Свифтъ долго не выдержитъ одиночества, что онъ воспользуется широко примѣнявшимся тогда правомъ духовныхъ лицъ отлучаться на болѣе или менѣе продолжительные сроки изъ своего прихода и снова очутится въ Англіи. Оставаться долѣе въ Кильрутѣ ему, къ тому же, становилось неудобно и по другимъ причинамъ: одна изъ первыхъ его побѣдъ надъ женскимъ сердцемъ, совершившаяся именно тутъ, въ семьѣ стараго его знакомаго Вэринга, — любовь, вызванная въ немъ сестрою этого послѣдняго, которую онъ уже начиналъ воспѣвать, придавая ей, по обычаю своему, вымышленное поэтическое имя Варины, — эта любовь грозила связать его будущность. Сохранилась переписка ихъ между собой, любопытная, какъ первый образецъ своеобразнаго отношенія Свифта къ женщинамъ и къ любви. Никогда и ни при какомъ случаѣ онъ не высказывалъ и впослѣдствіи, при болѣе серьёзной постановкѣ вопроса, того нравственнаго кодекса, который на этотъ счетъ прочно сложился у него и которому онъ неизмѣнно оставался вѣренъ. Но съ Вариной онъ довольно откровененъ и едва не высказывается весь. Въ первомъ письмѣ у него еще на устахъ слова любви, онъ мечтаетъ о бракѣ, но проситъ только нѣсколько времени (быть можетъ, нѣсколько лѣтъ) терпѣнія, пока обстоятельства его не измѣнятся и положеніе не упрочится; второе письмо, охлажденное нерѣшительностью Варины, полно неясныхъ и обоюдуострыхъ фразъ, которыя какъ-бы берутъ назадъ и то, что̀ было сказано сгоряча. Мысль о бракѣ, о связи на вѣкъ, кажется, никогда серьёзно не приходитъ Свифту; онъ вѣритъ только въ свободное и преходящее чувство, гдѣ обѣ стороны совершенно самостоятельны въ своихъ рѣшеніяхъ; со временемъ онъ научится высоко цѣнить и женскій умъ, и женскія дарованія, станетъ проповѣдывать необходимость поднять весь уровень женскаго образованія,—но никогда мысль о бракѣ не станетъ ему симпатичнѣе. Еще въ дни увлеченья Вариной онъ пишетъ одному знакомому: «Самыя обыденнѣйшія наблюденія, сдѣланныя мною, когда я впервые отдалился отъ университета

хоть на полъ-мили, научили меня не думать о бракѣ, прежде чѣмъ обезпечу свое положеніе въ свѣтѣ, на что, я увѣренъ, потребуется нѣсколько лѣтъ; да если это и будетъ когда-нибудь достигнуто, меня вообще такъ трудно удовлетворить, что я ужъ лучше отложу все это до жизни на томъ свѣтѣ»...

Отношенія къ Варинѣ, раздутыя досужей уѣздной сплетней, желаніе вырваться наконецъ на свѣтъ, наконецъ и письма Темпля, тѣмъ временемъ возстановившаго съ нимъ добрыя отношенія и звавшаго его къ себѣ, привели наконецъ къ тому, что Свифтъ торопливо выхлопоталъ себѣ отпускъ, допустилъ какого-то интригана отбить у него приходъ и, свободный, снова вернулся въ Муръ-Паркъ. Прежняя размолвка повидимому не повліяла на отношенія Темпля къ его своенравному и самолюбивому секретарю; они снова принялись за прежнія занятія, и Свифту пришлось вскорѣ выручить своего патрона изъ затруднительнаго положенія, выступивъ при томъ впервые на широкую литературную арену. Обстоятельства, при которыхъ это совершилось, были не совсѣмъ обыкновенныя. Въ ту пору разгорѣлся съ новой силой старый международный споръ, не разъ уже, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, занимавшій и прежде передовыхъ представителей науки. То былъ именно споръ о томъ, за кѣмъ должно быть закрѣплено превосходство художественной формы и глубины мысли, за древними, или новыми писателями. Въ сущности и этотъ споръ недалеко ушелъ отъ прежнихъ схоластическихъ словопреній, принимавшихъ также иногда яростный характеръ; онъ не имѣлъ непосредственнаго вліянія и на судьбу новыхъ теченій въ современной литературѣ, а скорѣе былъ послѣднимъ залпомъ, для разряда ружей, въ честь отживавшей старины. Подобно французскому литературному міру, раздѣлившемуся (въ особенности послѣ появленія рѣдкой въ настоящее время книги Кутре: «Histoire poétique de la guerre nouvellement déclarée entre les anciens et les modernes») на два враждебныхъ стана, и англійская интеллигенція чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣшительнѣе раздваивалась. На сторонѣ защитниковъ классической старины стоялъ Темпль, новое же время горячо и съ знаніемъ дѣла защищалъ извѣстный Бентлэй. Для насъ очевидно, что и та и другая сторона впадала въ крайности; исключительность и односторонность были девизомъ каждой изъ нихъ,—либо утверждалось, что внѣ старинныхъ авторовъ нѣтъ спасенія, и что писатели новѣйшіе не достойны разрѣшить имъ ремень у сапога, либо, наоборотъ, утверждалось, что тонко развитые мыслители и поэты новаго времени оставили далеко за собою несо-

вершенство пріемовъ и содержанія, столь свойственное отдаленнѣйшей порѣ жизни человѣчества. Въ настоящемъ спорѣ Темпль былъ неукротимъ: онъ какъ-будто счелъ послѣдней задачею своей угасавшей дѣятельности постоять за любезную ему старину. Но въ пылу полемики онъ не уберегся отъ грубой ошибки, которая тотчасъ же была поднята на-смѣхъ его противниками. Онъ слишкомъ легко увѣровалъ въ подлинность одной древней рукописи, вскорѣ оказавшейся дерзкою поддѣлкой, цитировалъ ее, опирался на нее. Ему доказали его промахъ, цѣлымъ хоромъ прокричали объ этомъ, и отнынѣ, словно забывъ о самой сущности первоначальнаго спора, исключительно напирали на это обстоятельство, конфузившее и компрометтировавшее Темпля.

Свифтъ, быть можетъ, по просьбѣ его, вмѣшался въ борьбу, и, позаимствовавъ у Кутре основу сатирической обстановки, назвалъ выпущенную имъ безъименно сатиру «Битвой между книгами» (The battle of the books). Онъ не чувствовалъ расположенія къ вѣскому, чисто-научному вмѣшательству, но хотѣлъ принести на помощь своимъ друзьямъ живое содѣйствіе своевременной и бойкой насмѣшки. Въ ряду прочихъ его произведеній, «Битва книгъ», конечно, не имѣетъ первостепеннаго значенія, но она потому имѣетъ интересъ, что въ ней уже сказывается основная черта всей Свифтовой манеры, — умѣнье вести сплошную аллегорическую картину, преисполнивъ ее тысячами понятныхъ всякому намековъ и не становясь, при всемъ этомъ обиліи иносказаній, утомительнымъ; здѣсь уже можно предвидѣть, до чего это искусство дойдетъ въ дни удивительныхъ «Странствій Гулливера». Въ «Битвѣ книгъ» авторъ увѣряетъ насъ, что его давно безпокоила мысль о томъ, какъ неуютно должно быть книгамъ разнороднаго и часто враждебнаго другъ другу направленія быть принужденными стоять, по прихоти библіотекарей, рядомъ или въ перемежку. Всѣ его совѣты избѣжать несомнѣнныхъ опасностей инымъ размѣщеніемъ книгъ, группировкой ихъ по направленіямъ въ противоположныхъ концахъ библіотеки и т. п., не были, къ несчастью, услышаны,—и вотъ что̀ въ минувшую пятницу произошло въ стѣнахъ Сентъ-Джемскаго книгохранилища: смѣшанныя вмѣстѣ пристрастнымъ и недогадливымъ библіотекаремъ (Бентлэемъ), который старался доставлять новѣйшимъ сочиненіямъ самыя лучшія мѣста, — враждебныя книги задумываютъ ужасное междоусобіе. Новыя книги посылаютъ по всѣмъ комнатамъ эмиссара, чтобъ счесть ихъ силы; оказывается, что ихъ до 50,000, впрочемъ плохо вооруженныхъ; старики тоже собираются съ силами; споръ завязывается, сна-

чала на словахъ, еще довольно умѣренный, и тутъ новички еще согласны допустить, что нѣкоторые изъ нихъ по малодушію заимствовали кое-что у старыхъ писателей; потомъ страсти разгораются все сильнѣе, на полкахъ все зашевелилось, поднимая облака пыли. Наконецъ въ бой вступаютъ двѣ правильныя рати; мужество и стройность на сторонѣ классиковъ, запальчивость и легкомысліе отличаютъ новое поколѣніе; Гомеръ ведетъ конницу, Эвклидъ—главный инженеръ, Гиппократъ начальствуетъ драгунами, Геродотъ и Ливій—пѣхотой и т. д. Въ дѣло вмѣшиваются съ одной стороны боги Олимпа, съ другой—божество, чествуемое новыми писателями — духъ критики со всею его семьею, Мнѣніемъ, Шумомъ, Безстыдствомъ, Педантизмомъ и т. д. Мало-помалу силы молодежи, несмотря на назойливость Буало, Декарта, Гоббса и др., начинаютъ слабѣть; завязывается рядъ единоборствъ, Аристотеля съ Бэкономъ, Виргилія съ Драйденомъ и т. д.; наконецъ, главные виновники всего спора, Бентлэй и Уоттонъ съ одной стороны, Темпль и Бойль—съ другой, выступаютъ на послѣдній поединокъ, и оба врага старины убиты.

Во всемъ этомъ раннемъ памфлетѣ видны еще слѣды неумѣренной горячности; Свифтъ далеко не былъ исключительнымъ поклонникомъ старины, но увлекся желаніемъ унизить дѣйствительно слишкомъ рѣзкихъ противниковъ Темпля; въ своемъ преслѣдованіи ихъ, за крохотными ихъ дарованіями онъ какъ-будто не замѣтилъ, что въ общемъ рѣзкомъ приговорѣ онъ охватывалъ не только ихъ, но и всѣ важнѣйшія завоеванія новѣйшей мысли. Доискиваясь его собственнаго взгляда, сложившагося въ ту пору, мы найдемъ его во вставленномъ въ разсказъ эпизодѣ о паукѣ и пчелѣ, чей неожиданно разгорѣвшійся въ одномъ углу библіотеки споръ невольно заставилъ оба лагеря книгъ на мгновеніе примолкнуть и вслушиваться. Паукъ, какъ бы ни гордился онъ въ своей цитадели, случайно прорванной пчелою, играетъ жалкую роль; онъ искусенъ и, можетъ быть, много знаетъ, но ужъ точно судьбою суждено ему вѣчно копошиться въ своемъ углу, не видѣть ничего далѣе трехъ, четырехъ вершковъ вокругъ себя; у пчелы и полетъ шире, она свободна, но въ то же время привыкла къ долгому исканію и собиранію меда по каплямъ; покинувъ своего злого противника, она привольно и весело понеслась къ клумбѣ, пестрѣвшей розами. Такимъ образомъ, недостатокъ широты полета мысли является въ его глазахъ главнымъ ущербомъ современнаго направленія; еслибъ онъ ограничилъ свой приговоръ одною такъ-называемой изящной литературой, онъ не былъ бы неправъ — но онъ про-

глядѣлъ расцвѣтъ новой философіи, ту плодотворную пору, отъ которой ведетъ свое начало вся позднѣйшая англійская философская школа. Впрочемъ, немного лѣтъ спустя, Свифту придется имѣть личные счеты даже съ Ньютономъ.

Такими-то полемическими выходками начиналъ уже Свифтъ отзываться на отдаленный еще отъ него шумъ интеллигентной жизни; нѣтъ однако сомнѣнія, что онъ въ то же самое время не переставалъ работать надъ своей большой сатирой, въ сравненіи съ которой такія работы, какъ «Битва книгъ», являлись въ глазахъ его бездѣлками. Весело работалось теперь Джонатану въ той самой обстановкѣ, которая еще недавно едва не начинала уже казаться ему ненавистною. Маленькая Звѣздочка успѣла тѣмъ временемъ превратиться въ роскошную красавицу; она только-что выходила изъ отроческаго возраста и была въ полномъ цвѣтѣ красоты. Въ біографической запискѣ, составленной Свифтомъ впослѣдствіи, вслѣдъ за ея смертью [1]), онъ такъ описываетъ свою молодую подругу: «Она была болѣзненна съ ранняго дѣтства до пятнадцатилѣтняго возраста, но потомъ совершенно поздоровѣла, и всѣ ее считали одной изъ красивѣйшихъ, граціознѣйшихъ и обходительнѣйшихъ молодыхъ дѣвушекъ въ Лондонѣ; ее немного портила только нѣкоторая полнота. Волосы ея были чернѣе воронова крыла и каждая черта лица ея была совершенствомъ... Никогда ни одна женщина не была въ такой степени одарена отъ природы въ умственномъ отношеніи и никто не съумѣлъ такъ развить свои природныя дарованія чтеніемъ и бесѣдами, какъ она. Никогда не бывало такого счастливаго соединенія вѣжливости, свободы мнѣній, непринужденности и откровенности. Могло казаться, какъ будто всѣ вокругъ нея сговорились относиться къ ней съ почтеніемъ, превышавшимъ ея скромное положеніе въ свѣтѣ,—а въ то же время всякій находилъ, что ни въ чьемъ обществѣ онъ не чувствовалъ себя въ такой степени привольно». Если изъ этого восторженнаго отзыва исключить то, что̀ относится къ характеристикѣ Эсѳири Джонсонъ въ позднѣйшіе годы, когда всѣ способности ея вполнѣ развились и окрѣпли, то и тогда мы получимъ вѣрное понятіе о томъ обаяніи, которое, по свидѣтельству и другихъ современниковъ, должно было производить на всѣхъ это граціозное созданіе. Раннія отношенія между Свифтомъ и его малюткой-ученицей не могли однако не оставить слѣда на

---

[1]) On the death of Mrs Johnson, въ изданіи сочиненій Свифта, Эдинбургъ, Нимно, 1870, 511—514.

отношенія ихъ въ ту пору, когда дѣвушкѣ было 16—17 лѣтъ; она такъ привыкла видѣть въ немъ своего руководителя, товарища игръ и учителя, что ни она, ни онъ самъ не могли отстать отъ прежнихъ привычекъ: какъ въ былые годы, они смѣшивали въ разговорѣ между собою обычный разговорный языкъ съ тѣмъ дѣтски-наивнымъ нарѣчіемъ, обильнымъ уменьшительными именами, синонимами, наконецъ совершенно вымышленными словами, — которыя они вмѣстѣ когда-то выдумали и на которомъ имъ такъ хорошо говорилось. Они были нѣжны другъ къ другу, но это была не нѣжность отца съ дочерью или ласка влюбленныхъ: долго еще ни одного слова любви не было произнесено между ними. Имъ просто хорошо жилось, они бывали счастливы вмѣстѣ и необъяснимая притягательная сила, всегда отличавшая его въ эти немногіе, совершенно безмятежные годы, все крѣпче привязывала ее къ нему.

Но и этому затишью, начинавшему-было совсѣмъ пригрѣвать и убаюкивать Свифта, насталъ неожиданный конецъ. Давно уже дряхлѣвшій Темпль умеръ, и съ его смертью все вокругъ пошло въ разбродъ: семья Темпля вообще не расположена была къ Свифту, да и дальнѣйшее присутствіе его въ домѣ само собою сдѣлалось ненужнымъ; лэди Джиффордъ уѣхала, увезя съ собой и мать Эсѳири; но сама молодая дѣвушка устроила свою судьбу совершенно иначе. Въ своемъ завѣщаніи Темпль, быть можетъ, къ немалому удивленію его близкихъ, отказалъ миссъ Джонсонъ нѣсколько земель въ Ирландіи (злые языки говорили и прежде, что она незаконная дочь самого Темпля); она предпочла жить независимо на доходъ съ этихъ земель, пригласила жить съ собой свою подругу, миссисъ Динглэй, съ этой поры не разстающуюся съ нею болѣе, и поселилась въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ въ Англіи; самъ же Свифтъ снова возвратился въ Ирландію, гдѣ его ждалъ опять рядъ неудачъ. Гдѣ ни старался онъ пристроиться, вездѣ терпѣлъ пораженіе. Съ трудомъ добылъ онъ себѣ мѣсто каплана въ дублинскомъ за́мкѣ и скоро сталъ оживляющимъ центромъ общества, группировавшагося вокругъ лорда Беркли, вице-короля, идоломъ женщинъ (какъ и вездѣ), писалъ для развлеченія своихъ новыхъ знакомыхъ шуточныя пьесы въ стихахъ (наприм., уморительную петицію служанки въ барскомъ домѣ, м-ссъ Гэррисъ—къ лордамъ-судьямъ по поводу пропажи ея кошелька, гдѣ вывелъ цѣлую массу лицъ вполнѣ реальныхъ),—но, зная, какъ непрочно было бы зависѣть единственно отъ оффиціальнаго лица, могущаго при первомъ политическомъ повѣтріи быть смѣненнымъ, онъ доби-

вался назначенія въ какой-нибудь приходъ, вначалѣ, разумѣется, предполагая только пользоваться титуломъ приходскаго викарія, а въ случаѣ нужды имѣть на что̀ опереться. Друзья умѣли весело смѣяться его импровизаціямъ и остротамъ, но путемъ постоять за него не могли; всѣ представлявшіеся сколько-нибудь подходящіе случаи прошли мимо, и Свифтъ опять сгоряча взялъ себѣ приходъ въ мѣстечкѣ Ларакорѣ, стоившемъ въ своемъ родѣ Кильрута. Онъ не думалъ, что скоро придется ему лицомъ къ лицу встрѣтиться съ своими прихожанами. Нѣсколько времени онъ еще побылъ въ Дублинѣ, въ своей прежней должности, но вслѣдствіе перемѣнъ въ министерствѣ Беркли подалъ въ отставку, и Свифту пришлось войти вполнѣ въ свою болѣе, чѣмъ скромную роль сельскаго священника. Отнынѣ она закрѣпится за нимъ надолго, заслонитъ ему всѣ пути къ повышеніямъ, и величайшихъ сатирическихъ своихъ тріумфовъ и долгаго, почти диктаторскаго, господства надъ политическимъ міромъ онъ достигнетъ, неизмѣнно оставаясь просто смиреннымъ ларакорскимъ викаріемъ.

II.

Только первое время, когда приходилось заботиться объ устройствѣ своей собственной судьбы, Свифтъ могъ прожить врозь отъ своей молодой ученицы; но лишь только онъ нѣсколько сжился съ своимъ новымъ положеніемъ, какъ его неотвязно стала преслѣдовать мысль переселить миссъ Джонсонъ. Онъ нашелъ въ Ларакорѣ все въ полу-развалившемся, запущенномъ видѣ; домикъ покривился, церковь была бѣдна, кругомъ нея былъ пустырь. Благодаря энергіи новаго викарія, все это мало-по-малу преобразилось; пасторатъ обновился, раскинулся красивый садикъ со всевозможными затѣями роскошныхъ парковъ (часть Свифтовыхъ построекъ и сада сохранилась въ неизмѣнномъ видѣ и до сихъ поръ). Принарядилась и церковь. Но и здѣсь бѣдность и малолюдность были такія же, какъ и въ Кильрутѣ; на первой службѣ Свифта присутствовалъ одинъ лишь церковный сторожъ, а въ лучшіе дни набиралось человѣкъ пятнадцать-двадцать. Свифтъ имѣлъ право считать себя точно ссыльнымъ, и, видя, въ какомъ жалкомъ состояніи отупѣнія, невѣжества и бѣдности находился весь народъ вокругъ, порою безотчетно пріучился ненавидѣть необходимость зарыться навѣки въ Ирландіи. Но просвѣта все еще не было видно, нужно было какъ-нибудь мириться съ тѣмъ, что̀ выпадало на долю,—и Свифтъ рѣшается наконецъ осуществить давно ле-

лѣленный имъ планъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Англію, онъ отыскиваетъ миссъ Джонсонъ съ ея подругой въ ихъ безвѣстномъ захолустьѣ, разъясняетъ имъ, въ какой степени имъ выгоднѣе было бы жить въ Ирландіи, гдѣ капиталъ въ ту пору можно было помѣстить несравненно прибыльнѣе, гдѣ, кромѣ того, находились и земли, завѣщанныя Темплемъ, и гдѣ онѣ, наконецъ, будутъ близко отъ ихъ стараго друга. Колебанья, кажется, были непродолжительны, потому что и сердечное влеченіе шептало то же, что внушалъ холодный разсудокъ. Съ 1700 г. обѣ пріятельницы выселились навсегда изъ Англіи.

Съ этой поры соединились въ тѣсномъ союзѣ два существа, казалось, давно уже предназначенныя къ тому; она перестала быть для него посторонней, она его кровное, родное достояніе, которое онъ никому не уступитъ; онъ даетъ ей имя Стеллы, связавъ это имя съ своимъ въ памяти потомства; уѣзжаетъ ли онъ куда-нибудь, въ недолгую отлучку или на продолжительный срокъ, онъ всегда мысленно съ нею, и его письма къ ней дышатъ искренней, неподдѣльной нѣжностью. Когда политическія тревоги вызовутъ его надолго въ Лондонъ и онъ долго не увидитъ своей возлюбленной Стеллы, онъ заводитъ дневникъ, гдѣ описываетъ ей въ немногихъ, но характеристическихъ словахъ все, что̀ онъ видѣлъ и испыталъ въ тотъ день, и тутъ съ разсказомъ о крупныхъ историческихъ событіяхъ смѣшивается шаловливая болтовня, словно съ маленькимъ ребенкомъ, о томъ, что̀-то въ это время подѣлывала Стелла: теперь, вѣроятно, она встала, идетъ въ садъ, своими ручёнками срываетъ розы; вотъ къ ней идутъ гости, сосѣдній викарій съ женой; вотъ они садятся за карточный столикъ, — и Богъ вѣсть чего не пригрезится тутъ одинокому Джонатану, который мысленно переживаетъ всѣ мелкія волненія жизни своего друга, осыпая ее тысячью нѣжныхъ названій, по бо̀льшей части въ условныхъ сокращеніяхъ, которыя лишь недавно были сколько-нибудь сносно поняты, а до настоящей поры тщательно опускались цѣломудренными издателями Свифтовыхъ произведеній [1]). Это именно (такъ названный впослѣдствіи) знаменитый *Journal to Stella*, который навсегда останется не только памятникомъ сердечныхъ отношеній двухъ замѣчательныхъ людей своего времени, но и вообще образцомъ

[1]) Такъ M. D. въ этой перепискѣ означаетъ *my dear* (моя дорогая), Ppt—*poor pretty thing* (бѣдненькая милая крошка), тогда какъ псевдонимъ самого Свифта, очевидно взятый изъ шутливаго прозвища, даннаго ему Стеллой — Pdfr (poor dear foolish rogue), является истинно непереводимымъ смѣшеніемъ ласковыхъ и укоризненныхъ словъ.

мастерски веденнаго дневника, отражающаго какъ въ зеркалѣ жизнь человѣка, изо дня-въ день.

Но у этого страннаго человѣка, сотканнаго изъ противорѣчій, и въ этомъ его задушевномъ отношеніи къ Стеллѣ, «доброму его генію», освѣщающему всю его жизнь, какъ справедливо называетъ ее Теккерей [1]), — у этого человѣка и тутъ есть неизбѣжная двойственность, порой становящаяся загадочной. Съ тѣхъ поръ, какъ Стелла прибыла въ Ирландію, она никогда не жила подъ одной крышей съ Свифтомъ, но всегда гдѣ-нибудь по близости; лишь въ его отсутствіе она имѣла право жить у него, что въ первое время порождало не мало сплетень; она бывала у него хозяйкой на сборищахъ, оживляла ихъ, но передъ свѣтомъ никогда не имѣла никакихъ правъ въ его домѣ; его нѣжность къ ней часто отъ ласковаго отеческаго тона переходитъ почти къ тону любовника, но, сколько извѣстно, между ними никогда никто не могъ прослѣдить дѣйствительно страстныхъ отношеній, такъ что иные біографы прямо говорятъ о платоническомъ характерѣ этихъ безконечно-долгихъ отношеній, тогда какъ другіе, подобно Вальтеръ-Скотту, принуждены предполагать вліяніе физическаго недостатка; онъ съ скрытымъ неудовольствіемъ спѣшитъ разстроить искательство какого-то непрошеннаго жениха, но самъ никогда не хотѣлъ и думать о бракѣ, и (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ) лишь въ послѣднюю болѣзнь Стеллы склонился на просьбу больной тайнымъ бракомъ освятить ихъ отношенія.—И при всемъ томъ, и она, и ея подруга не перестаютъ жить его интересами и заботами, и цѣлыми годами не видятъ его, но вѣрятъ въ его доброту и привязанность; онъ самъ видитъ передъ собой другихъ женщинъ, одерживаетъ надъ ними побѣды, но въ дальнемъ уголкѣ своего страннаго сердца умѣетъ сберечь прежнюю привязанность къ своей Стеллѣ и пишетъ ей такія же ласковыя письма, какъ и въ былые годы.

Частыя поѣздки въ Англію, которыя Свифтъ сталъ предпринимать вскорѣ послѣ водворенія въ Ларакорѣ, сначала вызывались второстепенными нуждами: то онъ провожалъ лорда Беркли, то хлопоталъ по дѣламъ протестантскаго духовенства, но тѣмъ временемъ онъ усиленно присматривался къ тому обороту, который принимали дѣла въ королевствѣ, въ особенности съ той поры, когда на англійскій престолъ вступило олицетвореніе ограниченности, слабохарактерности, ложной набожности и отсутствія какихъ бы то ни было убѣжденій — въ лицѣ королевы Анны,

[1]) The englisch humourists. L. 1853, p. 43.

чье царствованіе вообще страннымъ образомъ связано съ самой цвѣтущей порой дѣятельности Свифта. Еще невѣдомый въ Лондонѣ, не заручившійся никакими связями, незнакомый почти ни съ кѣмъ изъ главныхъ представителей литературнаго міра, пріѣзжій ирландскій викарій зорко разглядывалъ суетню, начавшуюся вокругъ трона, суетню единственныхъ двухъ, огромныхъ и вѣчно враждебныхъ, партій, не пренебрегавшихъ никакими средствами для достиженія власти, агитировавшихъ при помощи приживалокъ и фаворитокъ королевы и ждавшихъ себѣ милостей съ задняго крыльца; онъ по многимъ признакамъ предчувствовалъ уже вѣроятность скорой побѣды партіи сравнительно либеральнѣйшей; ему рисовался уже обширный горизонтъ крупныхъ преобразованій, осуществить которыя долженъ бы помочь ей подходившій переворотъ. Онъ понялъ, что въ этой еще сырой, грубой средѣ мѣткое обличеніе, энергическое слово, кстати сказанное, памфлетъ, пущенный умѣлою рукой, могутъ сдѣлать чудеса,—и рѣшился бросить, хотя на время, свое захолустье и перенестись въ самый центръ безпорядочной столичной толчеи. Онъ сознавалъ, что бояться неудачи нечего; въ одну изъ поѣздокъ въ Лондонъ ему удалось обратить на себя вниманіе небольшимъ политическимъ трактатомъ, въ которомъ борьбу англійскихъ партій онъ освѣщалъ и разъяснялъ, опираясь на примѣры, заимствованные изъ исторіи Аѳинъ и Рима; разсужденіе это было, по обычаю, напечатано безъименно, но какими-то судьбами тайна авторства раскрылась, — и уже Свифтъ видѣлъ на дѣлѣ, какъ за нимъ, какъ за человѣкомъ очевидно способнымъ и полезнымъ, начинали ухаживать различныя торійскія и вигскія знаменитости.

Когда позднѣйшая англійская сатира, и въ особенности Диккенсъ [1]), издѣвается надъ темными сторонами англійскаго парламентаризма и негодуетъ на то, что судьба страны и народа находится въ рукахъ двухъ-трехъ семей, которыя поочередно подходятъ къ кормилу и по своей прихоти даютъ любое направленіе всѣмъ дѣламъ, наводняя всѣ выдающіяся должности своими клевретами, безпощадно ломая все, созданное ихъ предшественниками,—то, при всей желчности сарказма, неказистая эта кар-

[1]) Такъ, въ *Bleak House* и *Крошкѣ Доррить* Диккенсъ провелъ дважды (признакъ, что авторъ хотѣлъ съ особой силой настоять на своемъ обличеніи) сатирическую картину своеобразной политической системы. Вся борьба сосредоточивается тутъ между лордами Будль и Дудль или между баронетами Боффи и Поффи. Со вступленіемъ на политическую арену хотя единаго отрога семьи Поффи внезапно внѣдряется повсюду одна и та-же система *поффизма*, которая столь-же внезапно исчезаетъ, когда какой-нибудь поворотъ дѣлъ передастъ все въ руки Боффистовъ.

тина не можетъ тутъ произвести такого потрясающаго впечатлѣнія, какое произвело бы на всякаго изображеніе политическаго состоянія Англіи въ глухое переходное время (конецъ XVII и начало XVIII вѣка, въ сущности преддверіе новаго времени), еслибъ рука даровитаго и умнаго художника сберегла намъ подобный мрачный этюдъ нравовъ. Старыя традиціи, вѣковое дробленіе на устарѣвшія уже и словно оледенѣвшія въ своихъ допотопныхъ формахъ партіи, всѣ послѣдствія, которыя ведетъ за собой эта странная двухсторонность—все это теперь уже никого не устрашаетъ до утраты надеждъ на лучшее будущее; гласность парламентскихъ преній, зоркій контроль печати, общественнаго мнѣнія, развитіе образованности въ народѣ, десятки одновременныхъ движеній, складывающихъ матеріалъ для новой политической жизни, многочисленные митинги, сходки, демонстраціи умѣряютъ значеніе старыхъ формъ, которымъ лучшіе люди уже читаютъ отходную.—Но не такова была та же среда въ дни Свифта. Какъ два вражескихъ стана, стояли другъ противъ друга виги и торіи; не колкой ироніей, не вразумительными и фактическими доводами боролись они другъ съ другомъ,—ненавистью и мстительностью одушевлены они. Достигнутъ ли они власти—и первой ихъ заботой всегда забота о мщеніи; время еще грубое, старинная свирѣпость еще свѣжа въ памяти; за два царствованія передъ этимъ была въ ходу плаха, еще висѣлица повсюду щедро примѣняется, измѣнниковъ бросаютъ въ Тоуэръ и судятъ инквизиціоннымъ способомъ. Такъ первые же шаги Свифта въ Лондонѣ натолкнули его на начатое только что передъ тѣмъ уголовное дѣло, гдѣ лорды Оксфордъ, Соммерсъ, Портландъ и Гэлифаксъ обвинялись въ тяжкихъ государственныхъ преступленіяхъ, и это-то дѣло и породило упомянутое уже первое политическое сочиненіе Свифта.—А дальше виднѣлся робкій, безправный народъ, мнѣніемъ котораго при случаѣ нахально спекулировали, пуская въ ходъ въ пору выборовъ подкупы, застращиванья и всѣ тѣ обычныя средства, которыми такъ справедливо прославилась старая избирательная практика въ Англіи. Свифтъ слишкомъ долго жилъ жизнью бѣдныхъ людей, въ своемъ служеніи сталкивался вдоволь съ народомъ, небольшія путешествія обыкновенно любилъ дѣлать пѣшкомъ, приставая къ обозникамъ, ночуя въ грошовыхъ тавернахъ, вмѣшиваясь въ самую сѣрую толпу; онъ дѣлалъ это по внутренней симпатіи къ народу, давно его охватившей. Его, правда, нельзя въ эту пору въ строгомъ смыслѣ назвать народнымъ вождемъ, какъ, напр., Коббетта (въ которомъ, мимоходомъ сказать, много сходства съ Свифтомъ), —

онъ вступитъ въ эту роль позже, на склонѣ лѣтъ, но передъ нимъ всегда живы и ясны народныя испытанія, и хотя большую часть жизни ему приходится проводить съ аристократами, онъ въ глубинѣ души заклятой врагъ барства.

И въ виду такого-то порядка вещей нигдѣ нѣтъ ничего освѣжающаго, нѣтъ такого начала, которое могло бы угрожать и держать въ неослабномъ страхѣ партіи, привыкшія къ безотчетному самовластію. Единственная грозная сила такого рода, но сила едва наростающая,—это была сила печатнаго слова, политической литературы, сатирическихъ журналовъ. Уже сходятся съ разныхъ сторонъ члены того талантливаго кружка сатириковъ, которые своими журналами, стихотвореніями, общественными романами не только создадутъ совершенно новый элементъ въ современной англійской литературѣ, но и станутъ руководителями вкуса и для остальной Европы. Аддисонъ, Стиль, Конгривъ были уже за работой; къ нимъ скоро подойдутъ Смоллетъ, Фильдингъ и мелкіе ихъ послѣдователи. Этой группѣ недостаетъ живого, огненнаго руководителя, безстрашно готоваго взобраться на самый гребень непріятельскаго вала и врѣзаться въ ряды враговъ. Она найдетъ его въ лицѣ Свифта.—Въ эту пору появятся журналы «The Tatler», «The Examiner», «The Spectator» и др., которые нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя вызовутъ къ жизни русскаго «Пустомелю», «Живописца», «Зрителя»; но рядомъ съ этимъ все шире развивается подпольная, потаенная литература, произведенія которой распространяются еще шире и быстрѣе, какъ все, чтó скрашивается уже самою заманчивостью запрета. Не было лучше средства провести свою мысль въ толпу, какъ изложивъ ее въ коротенькомъ памфлетѣ, въ летучемъ листкѣ, всегда безъименномъ и продающемся изъ-подъ полы. Въ Лондонѣ цѣлая улица, «Grub-Street», была наполнена мелкими издательскими фирмами, — такими лавчонками и печатнями, которыя исключительно жили этого рода изданіями, то-и-дѣло выпуская съ своихъ Богъ-вѣсть гдѣ запрятанныхъ станковъ листки, волновавшіе все общество; иные издатели даже отваживались открыто выставлять свою фирму, рѣшаясь за то принять на себя всѣ преслѣдованія тогдашней безцеремонной администраціи [1]). Нельзя удивляться процвѣтанію подобной литературы (Свифтъ бóльшую часть своихъ произведеній издавалъ именно такимъ способомъ,

[1]) Цензура печатныхъ произведеній, какъ указываетъ Форстеръ, была отмѣнена въ Англіи въ 1694 г., и впослѣдствіи, „ни одна партія не захотѣла добиваться ея возрожденія, такъ что она умерла навѣки".

забавляясь притомъ мистификаціею ближайшихъ къ нему лицъ); напротивъ, вмѣстѣ съ началомъ сатирической журналистики, она была единственнымъ спасеніемъ при отсутствіи правильныхъ условій политической жизни. Еще Маколей объяснялъ причину этого процвѣтанія тѣмъ, что ежедневная печать, эта руководительница массы, еще не развилась въ ту пору, что дѣянія парламента оставались закрытыми для публики, и рѣчи, въ немъ произнесенныя, нигдѣ не печатались (извѣстно, что по буквѣ закона и теперь еще присутствіе публики въ палатѣ является лишь терпимой контрабандой), но что между тѣмъ массу уже видимо охватывалъ сильный токъ умственной энергіи. Тутъ-то неприглядная сѣро-бумажная литература минуты становилась грозной силой; ея боялись, передъ нею заискивали; она призывала къ своему суду все порочное и преступное, не разбирая общественнаго положенія обличаемаго лица.

Форстеръ совершенно правъ, когда настойчиво оговаривается, что Свифтъ никогда не былъ членомъ какой бы то ни было партіи (принимая это понятіе въ строгомъ смыслѣ слова). Дѣйствительно, онъ стоялъ выше узкаго дѣленія всей правоспособной массы на тори или виговъ; онъ относился къ обѣимъ партіямъ критически, видя слабыя стороны тѣхъ и другихъ. Отъ людей, вывѣшивающихъ либеральное знамя, онъ ждалъ дѣйствительно либеральныхъ мѣръ, и отворачивался, когда видѣлъ только нерѣшительность или равнодушіе; между противной партіей онъ зналъ не мало людей способныхъ, энергическихъ, которые могли и готовы были исполнить то, что̀ не подъ-силу оказывалось благонамѣреннымъ ихъ врагамъ. Различія партій, постоянное разыгрываніе Гвельфовъ и Гиббелиновъ было не по̀-сердцу Свифту, и порою онъ приближался къ современной намъ уравнивающей точкѣ зрѣнія. Поэтому онъ съ самаго начала старался стать въ возможно-независимое положеніе среди обѣихъ партій, что̀ подчасъ немало удивляло пуристовъ. Не служеніе узкимъ интересамъ одной партіи заставляло его браться за перо, но именно, по выраженію его біографа, неотразимо-притягательное обаяніе гигантской власти, которую въ то время печатное слово давало человѣку, присвоивая ему роль повелителя массъ. Къ тому же, такая работа, помимо ея прямо-полезной стороны, до-нельзя льстила тому демоническому самолюбію, разожженому перенесенными уже испытаніями и разочарованіями, которое глубоко залегло въ душѣ Свифта. Ему доставляла несказанное удовольствіе сама возможность ослѣпить жалкое человѣчество яркимъ огнемъ своихъ желчныхъ насмѣшекъ, смѣясь его смущенію и досадѣ,

скрываясь все время словно подъ шапкой-невидимкой и видя потомъ, какъ послушныя его волѣ маріонетки приходили въ движеніе, повинуясь невидимымъ его нитямъ. Это была его месть всему порядку вещей за то, что при немъ ему не было ни уголка на солнцѣ.

Эта сторона характера Свифта никогда такъ разительно не сказалась, какъ въ первые же годы *лондонскаго* періода его жизни (называемъ его такъ, не считая рѣдкихъ его поѣздокъ въ Ирландію). Въ ту пору, когда онъ видимо выдвигался впередъ, когда онъ, казалось, могъ реализировать всѣ выгоды отъ своихъ связей съ вліятельными аристократическими личностями и составить себѣ карьеру хотя бы на поприщѣ церкви, куда его случайно завела судьба,—онъ внезапно рѣшается обнародовать произведеніе, давно уже готовое у него и, если вѣрить предисловію издателя, ждавшее только удобнаго времени для напечатанія. Удобно ли дѣйствительно было избранное время, когда появилась «Сказка про бочку» (Tale of a tub),—объ этомъ, кажется, нечего говорить. Бросить перчатку тому институту, въ которомъ надѣешься достичь блестящей будущности, дать противъ себя оружіе врагамъ, возстановить набожную королеву противъ такого отъявленнаго безбожника, и впередъ сдѣлать безплодными всѣ усилія и хлопоты аристократическихъ друзей,—все это было бы странной непослѣдовательностью, еслибъ Свифтъ былъ дѣйствительно только искателемъ фортуны, какимъ онъ подчасъ можетъ казаться. Но въ напечатаніи «Сказки» мы должны прямо видѣть отраженіе страстнаго порыва всей его натуры, порыва, когда молчитъ мелкое честолюбіе, когда жажда высказаться сполна затмеваетъ все, и когда изъ смиреннаго ларакорскаго викарія внезапно выростаетъ грозный судья всей міровой исторіи.

«Сказка про бочку»—произведеніе безспорно своеобразное и по формѣ, и по слогу, и по приведеннымъ въ ней мыслямъ, и по обстоятельствамъ, при которыхъ она появилась. Разсказать въ формѣ сказки жизнь человѣчества за длинный рядъ вѣковъ и коснуться всѣхъ жгучихъ религіозныхъ вопросовъ, пережитыхъ имъ за это время, скрывъ все подъ наивнымъ покровомъ исторіи какого-то крестьянскаго семейства,—мысль смѣлая и, по правдѣ сказать, трудно выполнимая. Сплошная аллегорія можетъ подъ конецъ утомить читателя, а иносказательный языкъ съ теченіемъ времени можетъ утратить прозрачность намековъ [1]). Языкъ этой

[1]) Это, напримѣръ, находитъ Тэкерманъ (Characteristics of literature, Philadelph. 1849, p. 81); при всемъ удивленіи передъ этимъ произведеніемъ, онъ жалѣетъ, что

сатиры умышленной рѣзкостью также поражалъ строгихъ блюстителей литературныхъ приличій; самый юморъ, порою смѣняющій язвительную насмѣшку, отзывался умышленной безцеремонностью образовъ и сравненій. Это щеголянье нескромностію, угловатостію пріемовъ, впослѣдствіи войдетъ въ моду у передовыхъ французскихъ писателей прошлаго вѣка, особенно у Вольтера, который со времени появленія «Сказки» сталъ однимъ изъ восторженнѣйшихъ поклонниковъ Свифта [1]). Имъ этотъ пріемъ долженъ былъ казаться особенно близкимъ, роднымъ; иные изъ нихъ въ этомъ привольѣ насмѣшливой фантазіи, тѣшащейся созданіемъ гротескныхъ образовъ, видѣли именно возрожденіе ихъ національнаго достоянія, стараго галльскаго остроумія. Быть можетъ, они и не ошибались, и на самого Свифта вліяли старые французскіе писатели, съ Рабле во главѣ. Вліяніе Рабле на «Гулливерово путешествіе» не подлежитъ сомнѣнію; въ библіотекѣ Свифта найденъ экземпляръ Рабле, весь исписанный сбоку замѣтками и, стало быть, составлявшій любимое чтеніе [2]); можно поэтому предполагать, что и «Сказка» не обошлась безъ того же долго длившагося вліянія. Но, кромѣ того, она вызывала нападки и другого рода: она поражала неслыханнымъ, по мнѣнію правовѣрныхъ ханжей, неуваженіемъ къ религіи, ко всѣмъ существующимъ учрежденіямъ. Ничего подобнаго не видано было дотолѣ, и соблазнъ былъ произведенъ необычайный въ клерикальномъ лагерѣ.

Самое заглавіе настоящей сатиры не съ-разу можетъ быть понято. Оно объясняется въ предисловіи самимъ авторомъ. Онъ увѣряетъ насъ, что вліятельныя лица въ церкви и государствѣ, чрезвычайно озабоченныя размноженіемъ умныхъ головъ, которыя того и гляди примутся разоблачать слабыя стороны всѣхъ учрежденій, совѣщались разъ между собой, собравшись въ большомъ числѣ. Въ разговорѣ кто-то изъ собесѣдниковъ разсказалъ, въ видѣ притчи, объ одномъ обычаѣ, существующемъ у моряковъ. Когда они невзначай встрѣтятся съ китомъ, который можетъ нанести страшный вредъ кораблю, они для отвлеченія бросаютъ въ море пустую тонну (бочку); они знаютъ, что киту—это развлеченіе, что онъ займется бочкой и дастъ время кораблю уплыть. Надъ смысломъ этой притчи всѣ призадумались; вскорѣ однако догадались, что корабль означаетъ собою государство, что китъ— это «Левіаѳанъ» Гоббза, нечестивая и безбожная книга, осужден-

---

эта оригинальная сатира становится непонятною безъ объясненій и слишкомъ растянута.

[1]) См. его письма въ собраніи переписки Свифта, изд. 1768 г., II и III.

[2]) Lehrbuch f. Literaturg. 1865, I, 156.

ная за зловредное направленіе самимъ парламентомъ [1]), и тѣмъ не менѣе вдохновляющая всѣхъ современныхъ философовъ. Догадались наконецъ и о томъ, что этой мелкотравчатой семьѣ Левіаѳана необходимо бросить, для ея развлеченія если не тонну, то «сказку объ ней», которою бы они занялись, забывъ о своихъ вѣчныхъ нападкахъ на государство и церковь,—догадались, и поручили выполнить планъ Свифту. Объяснивъ заглавіе, увѣривъ читателя, что будетъ ограничиваться ролью правдиваго разсказчика-юмориста и избѣгать сатирическихъ выходокъ, но въ первой главѣ сдѣлавъ уже бѣглую вылазку противъ обычныхъ пружинъ, двигавшихъ въ то время успѣхомъ на сценѣ, въ парламентѣ, въ судѣ и т. д., авторъ начинаетъ свой разсказъ, часто прерываемый отступленіями, собственно со второй главы. «У одного человѣка,—говоритъ онъ,—было трое сыновей, которые родились одновременно, такъ что даже бабка не могла сказать, какого изъ нихъ нужно считать старшимъ. Эти дѣти были еще очень юны, когда отецъ ихъ, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ ихъ къ себѣ и въ своемъ прощальномъ словѣ сказалъ имъ, что, не имѣя ничего за душой, онъ даетъ имъ на память и въ наслѣдство лишь по новому платью на каждаго; платья эти однако совершенно особыя,—они имѣютъ способность не изнашиваться безконечно и выростать, расширяясь и удлинняясь, по мѣрѣ роста самого человѣка. Завѣщавъ эти чудесныя платья дѣтямъ, указавъ имъ на свое завѣщаніе, гдѣ находятся наставленія, какъ обходиться съ ними, и наконецъ обязавъ дѣтей жить всегда вмѣстѣ, въ согласьи, отецъ умираетъ,—и сила его увѣщаній была такова, что семь лѣтъ съ-ряду трое братьевъ прожили душа въ душу». Прежде чѣмъ продолжать разсказъ объ ихъ судьбѣ, поспѣшимъ раскрыть иносказаніе, которое охватываетъ читателя съ первыхъ же словъ сказки и далѣе все усложняется. Братья, Петръ, Мартинъ и Джэкъ изображаютъ собой католичество, англиканскую церковь и сектаторовъ; ихъ одѣяніе—первоначальное вѣроученіе; семь лѣтъ ихъ дружной жизни—семь первыхъ вѣковъ христіанства, въ теченіи которыхъ основы религіи оставались почти неизмѣнными; наконецъ, завѣщаніе, завѣтъ отца—Новый Завѣтъ.

Подросли братья и отправились на житье въ городъ, себя показать. Скоро сбросили они съ себя грубыя манеры и научились различнымъ свѣтскимъ тонкостямъ, и въ довершеніе всего влюбились въ трехъ знатныхъ дамъ: duchesse d'Argent, madame de Grands titres и comtesse d'Orgueil. Увлекаясь мало-по-малу

[1]) Leviathan, or the matter, form and power of a commonwealth, 1651.

новымъ обществомъ, они начинаютъ стыдиться своей хорошей еще, но уже не модной одежды; всѣ носятъ на плечѣ банты, у нихъ же бантовъ и въ поминѣ нѣтъ. Завести модное хочется имъ, но они боятся нарушить волю родителя. Петръ, самый начитанный изъ всѣхъ и великій казуистъ, научаетъ ихъ, какъ, посредствомъ великихъ натяжекъ и толкованій, подбиранія буквъ и слоговъ и т. п., выйдетъ нужное имъ слово. Но лишь только завели они себѣ банты, мода пошла еще дальше; какой-то лордъ, вернувшись изъ Парижа, удивилъ всѣхъ золотымъ шитьемъ на своемъ кафтанѣ, на которомъ его умѣщалось до пятидесяти ярдовъ. Новое затрудненіе и новый самообманъ, основанный на старой латинской казуистикѣ церковниковъ. Простая, смиренная одежда покрывается золотымъ шитьемъ. Попавъ же разъ на торную дорогу, братья не останавливаются, украшенія за украшеніями появляются безпрерывно; — иными словами, церковь сблизилась съ мірскимъ началомъ, усвоила себѣ блескъ и пышность, налегла на внѣшнія стороны культа, на осязательныя изображенія невидимаго или минувшаго. Наконецъ, Петру удается вкрасться въ довѣренность какого-то знатнаго человѣка, стать воспитателемъ его дѣтей, а послѣ смерти его такъ усилиться въ его домѣ, что наконецъ онъ выгоняетъ его семью и водворяется на ея мѣстѣ самъ съ братьями. Онъ начинаетъ держать себя высокомѣрно, велитъ братьямъ называть его не по имени, а съ подобострастной прибавкой: мистеръ Петръ, отецъ Петръ, подчасъ даже милордъ Петръ. Затѣмъ онъ предается различнымъ затѣямъ, которыя должны обогатить его и поднять его значеніе; здѣсь въ разсказѣ идетъ тонкая филигранная работа ироніи, которую передать трудно, пожалуй даже неудобно. Мы видимъ здѣсь, какъ Петръ, въ которомъ легко разгадать римскаго первосвященника, обзаводится доктриной о пребываніи душъ въ чистилищѣ, спекулируетъ исповѣдью, индульгенціями, крестными ходами, чудесами, святой водой, какъ онъ издаетъ буллы, громящія ослушниковъ и предающія ихъ проклятью (въ сказкѣ рѣчь идетъ о свирѣпыхъ быкахъ, — игра словъ *bull*—быкъ, и *bull* — булла); затѣмъ въ томъ же иносказательномъ, порою самомъ добродушномъ, тонѣ авторъ проводитъ передъ нами другія нововведенія, въ родѣ безбрачія священниковъ, видоизмѣненія обряда причащенія (здѣсь католическое ученіе о пресуществленіи осмѣяно помощью юмористической сцены между братьями за обѣдомъ). Безумія Петра доходятъ наконецъ до крайнихъ предѣловъ, и братья расходятся, — произошелъ реформаціонный переворотъ. Мартинъ (Лютеръ) и Джэкъ (Кальвинъ) предпочи-

таютъ идти разными дорогами и каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самостоятельно, не обращая никакого вниманія на грозныя проклятія Петра, у котораго они отбиваютъ хлѣбъ. Симпатіи автора не на сторонѣ Джэка; ему и въ жизни всегда претилъ фанатизмъ англійскихъ и особенно шотландскихъ диссентеровъ, и свое нерасположеніе онъ перенесъ въ аллегорическій разсказъ. Джэкъ безпорядоченъ, дикъ и неистовъ; онъ всюду умѣетъ пробраться и привить свои убѣжденія, почему ему и придаютъ въ разныхъ странахъ самыя разнообразныя названія, считая его мѣстнымъ уроженцемъ, — и въ самыхъ этихъ названіяхъ читатель легко узнаетъ намеки на Кальвина, Іоанна Лейденскаго, гугенотовъ, шотландскаго проповѣдника реформаціи Нокса и друг. Джэкъ вообще, какъ кажется автору, всего больше напоминаетъ старшаго брата; онъ, правда, принялся передѣлывать отцовское платье на свой ладъ, но въ переправкахъ испортилъ его и на живую нитку потомъ сметалъ; — но самый духъ его исправленій подчасъ также напоминаетъ обрядность, выдуманную Петромъ, какъ вообще многія частности обрядовъ, созданныхъ крайними диссентерами, въ глазахъ Свифта являлись родственными католицизму. Фанатизмомъ вѣетъ отъ всѣхъ его дѣйствій,— такъ, онъ врагъ искусства, врагъ изящнаго и объявляетъ рѣшительную войну ему (какъ секты порвали связь съ музыкой, живописью, скульптурой и находили наибольшее счастіе въ скудной и голой обстановкѣ). Одинъ Мартинъ остался болѣе всѣхъ вѣренъ завѣту отца, хотя и самъ не свободенъ отъ упрека въ неразумныхъ отступленіяхъ. Между нимъ и Джэкомъ возникаютъ постоянныя несогласія и даже открытая борьба, — и передъ читателемъ проходятъ, подъ легкимъ покровомъ аллегоріи, главнѣйшія событія англійской исторіи со времени введенія реформаціи, въ особенности же казнь Карла I, въ которомъ Свифтъ заподозриваетъ двуличность, регентство Кромвеля, который совсѣмъ въ рукахъ Джэка и начинаетъ собою злосчастную эру несогласій и междоусобій; этотъ историческій обзоръ обрывается у преддверія реставраціи, и иностранца (Вильгельма Оранскаго) призываютъ для того, чтобы съ его помощью изгнать прежняго хозяина, который уже готовъ былъ снова водворить ученіе Петра. Сказка обрывается довольно рѣзко на недосказанной фразѣ, въ которой автору хотѣлось разъяснить необходимость оказать поддержку неоднократнымъ попыткамъ примирить Мартина и Джэка, англиканскую церковь и пресвитеріанизмъ, попыткамъ, постоянно разстраиваемымъ тайными друзьями папизма.

Такова въ главныхъ чертахъ сущность этой жестокой сатиры на все развитіе религіозной мысли въ Европѣ, и прежде всего въ Англіи въ средніе вѣка и новѣйшее время. Конечно, многія нападки на обряды и догматы, на обычаи и нравственныя ученія пріурочиваются почти каждый разъ къ какой-нибудь извѣстной сектѣ или религіи, но порою нельзя не замѣтить, что жало критической оцѣнки направлено противъ пороковъ и неустройствъ во всей вѣроисповѣдной сферѣ. Но, какъ уже сказано, этимъ не исчерпывается содержаніе сатиры. Нѣсколько главъ введены въ нее чисто эпизодически, и въ нихъ-то Свифтъ переходитъ отъ главнаго предмета сатиры къ ряду другихъ тэмъ. Тутъ встрѣтимся мы съ желчными насмѣшками надъ современной наукой, педантической и въ то же время совершенно несостоятельной, словно раздутой вѣтромъ до обманчиво-чудовищныхъ размѣровъ,—и авторъ забавляетъ насъ разсказомъ о новой ученой сектѣ эолистовъ, которые учатъ, что началомъ всему служитъ вѣтеръ, что отъ него и свѣтъ пошелъ и что въ него же подъ конецъ онъ долженъ раствориться; рядомъ съ этимъ встрѣтимся съ проектомъ приспособленія Бедлама для общеполезныхъ цѣлей и назначенія особой коммиссіи, которая, изучивъ нравы, склонности и любимыя идеи жителей этого почтеннаго учрежденія, дала бы каждому изъ нихъ соотвѣтствующее дѣло въ общественной жизни,—причемъ зло осмѣяна несостоятельность ходячихъ взглядовъ на назначеніе важнѣйшихъ профессій; послѣдній вопросъ особенно часто возвращается въ «Сказкѣ» и нерѣдко ставится въ необычайно крутой формѣ. Такова, наприм., неожиданная параллель между проповѣднической каѳедрой, лѣстницей, ведущей на висѣлицу [1]), и подмостками бродячаго комедіанта: это, по Свифту, три вида ораторскихъ машинъ, которыя способствуютъ человѣку выдѣлиться изъ толпы, подняться надъ нею и безостановочно говорить съ нею (судейское краснорѣчіе авторъ затрудняется включить въ тотъ же кругъ, такъ какъ скамьи, съ которыхъ льются ораторскіе потоки, не подъ стать тѣмъ тремъ высокимъ подставкамъ). Гоше справедливо удивляется [2]) тому, что эту параллель, весьма пространно развитую, авторъ не исключилъ изъ своего произведенія даже послѣ того, какъ самъ нѣсколько разъ уже говорилъ къ народу съ первой изъ упомянутыхъ машинъ, и, прибавимъ, послѣ того,

---

1) Въ ту пору случалось нерѣдко, что шедшіе на висѣлицу преступники обращались къ толпѣ съ рѣчами, и Свифтъ остритъ надъ однимъ книгопродавцемъ, который постарался достать записанныя эти рѣчи и издалъ ихъ отдѣльно.

2) Jahrb. für Literat. 1865, I, 144.

какъ онъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, добивался устройства своей судьбы именно въ церковной сферѣ.

Появленіе «Сказки» стало вскорѣ настоящимъ событіемъ въ современной литературной и общественной жизни. Если для новѣйшаго читателя формы и пріемы этой сатиры могутъ показаться нѣсколько устарѣвшими, то для того времени и эта оригинальная форма, и безцеремонная рѣзкость и злобность мѣткихъ нападокъ на традиціи, издавна почтенныя, должна была дѣйствовать освѣжающимъ, увлекательнымъ образомъ. Точно новой струей воздуха потянуло нежданно. Всѣ спрашивали другъ у друга, кто такой неизвѣстный авторъ и, теряясь въ догадкахъ, приписывали сатиру четыремъ различнымъ лицамъ. Тѣ, которые, казалось бы, должны были быть довольнѣе всѣхъ, сановники и приверженцы господствующей церкви (High-Church), были чуть-ли не раздосадованы болѣе всѣхъ. Имъ мало было того, что въ оцѣнкѣ различныхъ вѣроученій и обрядности за этой церковью все-таки осталось первенство; они злы были на то, что и въ ней сатирикъ нашелъ темныя пятна, имъ казалось неприличнымъ вообще легкомысленное отношеніе къ такимъ обрядамъ или ученіямъ, которые свойственны не одной только какой-нибудь сектѣ. Безбожіе и демагогія чудились имъ въ этой ужасной «Сказкѣ»; достаточно было уже того, что авторъ съ-разу становится въ ряды почитателей Гоббза и сочувствуетъ его «Левіаѳану»,—чтобъ видѣть, каковы его настоящія разрушительныя убѣжденія.

А Свифтъ, становясь защитникомъ *High-Church*, вовсе не думалъ совершить этимъ публично воздаяніе хвалы чистотѣ ея ученія. Ключъ къ разгадкѣ гораздо проще; его удачно указалъ Мэссонъ въ своей статьѣ о нашемъ сатирикѣ [1]): «На чемъ бы ни была первоначально основана эта церковь,—говоритъ онъ,—она представляетъ собою цѣлую отрасль обще-государственной жизни англійской, она вкоренилась въ обычаи и интересы народа и сплелась со всею системой соціальнаго порядка,—и подобно тому, какъ какой-нибудь браминъ, не заботящійся особенно о философскомъ оправданіи своей религіи, могъ бы тѣмъ не менѣе желать удержать и далѣе браманизмъ, какъ обширное и исконное учрежденіе въ жизни Индустана, точно также Свифтъ, чье сердце и умъ преисполнены были сомнѣній въ отношеніи освященной традиціи, могъ вѣрить въ извѣстную пользу созданной подъ вліяніемъ этой традиціи фабрики, выдѣлывающей епи-

1) Essays, biographical and critical, chiefly on engl. poets, by D. Masson. Cambr. 1856, 149.

скоповъ, приходскихъ священниковъ, викаріевъ, округляющей церковныя имущества и т. д.». Въ этой защитѣ была, стало быть, какая-то точно патріотическая основа, убѣжденіе, что крѣпость церковной организаціи будетъ содѣйствовать скрѣпленію и національнаго и государственнаго единства, въ то время еще далеко не прочнаго. Этой защитѣ посвящено Свифтомъ впослѣдствіи не мало разсужденій, ходившихъ много по рукамъ и заключающихъ въ себѣ нерѣдко, на ряду съ философскими или догматическими доводами, неожиданные брызги самаго увлекательнаго юмора. Во имя той же защиты, въ пору появленія «Сказки про бочку», Свифтъ началъ свою долгую агитацію въ высшихъ лондонскихъ сферахъ.

Въ одной изъ любимѣйшихъ кофейныхъ столицы (Button's coffeahouse), гдѣ собирался по вечерамъ весь цвѣтъ современныхъ литературныхъ силъ, привычные другъ къ другу собесѣдники стали съ нѣкотораго времени замѣчать странную фигуру скромно-одѣтаго пастора, державшагося обыкновенно въ сторонѣ, упорно молчавшаго, машинально расплачивавшагося за обѣдъ и таинственно исчезавшаго. Подслушали разъ его разговоръ съ кѣмъ-то изъ обѣдавшихъ, и какъ разъ попали на одну изъ забавнѣйшихъ, но тѣмъ не менѣе странныхъ выходокъ, которыя не всякій день удастся услышать. Между собой они прозвали незнакомца сумасшедшимъ пасторомъ, не догадываясь, что видятъ передъ собой своего будущаго диктатора. Мало-по-малу таинственность разсѣялась, наступило сближеніе и дружескія связи, изъ которыхъ нѣкоторыя (какъ, напримѣръ, дружба Аддисона) остались неразрывны на всю жизнь. Очутившись въ самомъ центрѣ литературнаго міра, Свифтъ въ то же время сталъ въ непосредственныя отношенія и къ руководящимъ личностямъ міра политическаго. Его уже знали и, какъ мы уже сказали, у него заискивали. Сношенія Свифта съ правительствомъ были вызваны оживлявшимъ тогда всю ирландскую церковь требованіемъ существенной реформы, именно отмѣны взимавшейся въ королевскую казну съ приходскихъ земель и имуществъ десятины и другихъ не менѣе обременительныхъ налоговъ, которые при бѣдной обстановкѣ сельскаго быта въ Ирландіи были подчасъ просто невыносимы. Отмѣна эта была тѣмъ желательнѣе, что незадолго передъ тѣмъ она была проведена самимъ правительствомъ въ Англіи и притомъ въ видѣ милостивой льготы, спеціально оказываемой духовенству. Агитація Свифта, для успѣшнаго хода которой онъ запасся формальными полномочіями отъ высшихъ духовныхъ властей въ Ирландіи, на первыхъ же порахъ встрѣ-

тила препятствія и затягивалась безконечно. Министры и вліятельныя лица много обѣщали, но мало дѣлали; королева не расположена была къ новымъ уступкамъ, такъ какъ оказывалось, что милостью все-таки не закупили расположенія англійскаго священства. Не того ждалъ Свифтъ отъ виговъ, которые тѣмъ временемъ, вслѣдствіе благопріятныхъ имъ общихъ выборовъ, держали власть въ своихъ рукахъ. Въ вопросахъ церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ они вовсе не оказывались такими либералами, какими обыкновенно величали себя, становясь подъ знамя просвѣщеннаго свободомыслія. Свифтъ велъ съ ними дружбу, появлялся въ ихъ салонахъ, являясь всегда центромъ всего общества, предметомъ восторженнаго удивленія женщинъ, — но онъ ясно видѣлъ пустоту и безсодержательность направленія, чье важное историческое призваніе и славное прошлое высоко цѣнилъ. Подъ вліяніемъ досады на очевидное стремленіе держать низшее, сельское духовенство въ загонѣ, онъ создаетъ прелестнѣйшую небольшую поэму, навѣянную на него классическимъ сказаніемъ о Филемонѣ и Бавкидѣ, но аллегорически относящуюся къ занимавшей его злобѣ дня. Эта бездѣлка, особенно въ томъ исправленномъ видѣ, въ которомъ она является у Форстера, пользовавшагося собственной рукописью автора, рисуетъ передъ нами тихую идиллическую картину жизни старой и дружной четы, живущей въ какой-то невѣдомой деревушкѣ и свято хранящей старосвѣтскіе обычаи гостепріимства и сердечности. По деревнѣ идутъ два пустынника, святые люди, нарочно надѣвшіе на себя лохмотья, чтобъ испытать людскую сострадательность. Они обычнымъ тономъ калѣкъ прохожихъ выпрашиваютъ себѣ подъ окнами милостыню, а когда настаетъ дурная погода, просятся на ночлегъ, — но всюду ихъ встрѣчаютъ грубостями или насмѣшками. Только подъ крышей старичковъ находятъ они не только теплый уголъ, но и радушный пріемъ; хозяйка суетится, чтобъ принести имъ все, что́ есть у нихъ съѣстного, добываетъ пива, — но къ немалому удивленію начинаетъ замѣчать, что всѣ эти припасы не убавляются, несмотря на то, что гостямъ, очевидно, пришлись по вкусу. Она догадывается, что передъ нею люди не простые, — и точно, они скоро открываются своимъ хозяевамъ и возвѣщаютъ имъ, что, въ награду за ихъ участіе, ихъ скудный домикъ выростетъ на ихъ глазахъ и станетъ церковью, тогда какъ хаты всѣхъ прочихъ крестьянъ будутъ поглощены наводненіемъ. И вотъ начинается это таинственное превращеніе, описанное съ неподдѣльнымъ юморомъ; всѣ незатѣйливые предметы бѣднаго хозяйства, кухонныя принадлежности, мебель и т. п. мало-по-малу

превращаются въ церковную утварь, старое скрипучее кресло Филемона становится каѳедрой, стѣны выростаютъ, труба становится церковнымъ шпицемъ. Возвеличивъ такъ убогій домикъ, святые спрашиваютъ старика, чтó же онъ пожелаетъ лично для себя. Понятно, что ему хочется стать священникомъ въ этой чудесно созданной церкви; едва сказалъ онъ это, какъ у него вытягивается платье, удлиняются рукава, и онъ уже въ сакраментальной одеждѣ деревенскаго пастора, а вскорѣ начинаетъ уже добросовѣстно справлять и его обязанности. Тутъ-то Свифтъ съ добродушной ироніей рисуетъ намъ заурядный типъ сельскаго пастыря душъ, умѣющаго «и покурить, и выпить, и газеты почитать, и продать въ сосѣднемъ городкѣ гуся, стыдливо спрятавъ его подъ полой своей рясы; знающаго, какъ произносить старыя проповѣди, перемѣнивъ лишь кое-что во вступленіи и въ текстѣ, умѣющаго пожелать прихожанкамъ обильнаго потомства; стоящаго горой за свой титулъ *преподобія* и отмѣнно любезнаго съ сосѣднимъ сквайромъ».

За такихъ-то бѣдняковъ, какіе изображены въ этой поэмѣ (стоющей хорошаго русскаго перевода), заступался Свифтъ въ Лондонѣ, безпокоя всѣхъ вліятельныхъ и сильныхъ людей, но постоянно тщетно. Эти непосредственныя сношенія выдвигали самого просителя,—и нельзя скрыть, что и самъ онъ, въ силу неизмѣнной двойственности его натуры, въ то же время старался удовлетворить своему собственному честолюбію. За него не разъ хлопотали у королевы; самъ онъ заботится о томъ, чтобъ какой-то его трактатъ о поддержаніи христіанства попалъ въ руки Анны, ему хочется произнести проповѣдь при ней. Для устройства его судьбы составляются разные планы: то ему хотятъ доставить видное мѣсто среди духовенства столицы, то прочатъ его въ епископы въ американскія колоніи, то онъ самъ заводитъ рѣчь о посылкѣ его въ Вѣну въ качествѣ секретаря посольства. Но ни одинъ изъ этихъ плановъ не выполняется; королева къ нему не благоволитъ,—одна изъ ея фаворитокъ, разсерженная на Свифта, вслѣдствіе ловкой эпиграммы, сложенной имъ на нее, вмѣстѣ съ нѣсколькими высшими духовными лицами втолковала недальновидной Аннѣ, что человѣкъ, написавшій непозволительную «Tale of Tub»—ярый безбожникъ, незаслуживающій никакихъ милостей. Но настойчивъ и порою легковѣренъ Свифтъ въ своихъ ожиданіяхъ карьеры; говоря словами Теккерея [1]), онъ все ждетъ, что вотъ-вотъ покажется золотая карета, которая при-

[1]) English humourists, p. 10.

везетъ ему съ собой всякія блага, высокія назначенія, епископское облаченіе,—но карета гдѣ-то замѣшкалась на пути отъ сентъ-джемскаго дворца къ нему, и не покажется она во всю его жизнь... И онъ все продолжаетъ по прежнему вращаться въ избранныхъ сферахъ, среди сановитой и умственной аристократіи, появляется то на обѣдахъ у министровъ, то на веселыхъ вечерахъ въ какой-нибудь тавернѣ, излюбленной литераторами. Вся жизнь его за эти долгіе годы ожиданія и работъ—въ его письмахъ и дневникѣ, предназначенномъ для Стеллы. День за день онъ разсказываетъ ей мельчайшія подробности, съ кѣмъ обѣдалъ, чтó слышалъ, кàкъ провелъ вечеръ, кáкъ сострилъ или кáкъ отвѣчалъ какому-нибудь надменному баричу. Въ столичной суматохѣ онъ уже точно въ своей стихіи, хотя порою жестоко бранитъ ее; только поздно ночью, вернувшись изъ гостей, или утромъ, еще въ постелѣ, онъ находитъ минутку, чтобъ побесѣдовать съ любимой женщиной, мысленно осыпая ее поцѣлуями и заканчивая письмо иногда длиннымъ рядомъ строкъ, гдѣ нѣсколько разъ повторяется одно и то же слово («моя крошка, моя милая», и т. п.). Въ эти минуты онъ прежній Джонатанъ, со всѣми хорошими свойствами его натуры, съ презрѣніемъ къ суетѣ и высокомѣрію,—но еще нѣсколько часовъ, и омутъ опять охватываетъ и втягиваетъ его.

Но у него еще есть минуты прежней заразительной шаловливости, и, разжигаемый кружкомъ симпатизирующихъ ему сатирическихъ писателей, онъ еще по временамъ наслаждается какою-нибудь чисто-юмористической выходкой. Такъ, желая поднять на смѣхъ одну изъ своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ, искавшую постоянно душеполезныхъ наставленій въ избитыхъ нравоучительныхъ трактатахъ, обыкновенно носящихъ названіе «Размышленій» о томъ или другомъ предметѣ, вызывающемъ на размышленіе, онъ пишетъ искусную пародію на обычный тонъ этихъ умно-худощавыхъ твореній и придаетъ ей названіе «Размышленій по поводу метлы» (Meditations on a broomstick). Съ напускною серьёзностью онъ задумывается надъ судьбою метлы, сравниваетъ ее съ судьбою человѣка, и сопоставляетъ ихъ между собой во всѣ треволненные періоды ихъ жизни, отъ той поры, когда метла—еще юное деревцо, до того времени, когда она доходитъ до ея прозаическаго назначенія. Такой же характеръ имѣетъ и злая насмѣшка надъ одной современной знаменитостью, предсказателемъ и гадателемъ Партриджемъ, игравшемъ первую роль между модными тогда издателями астрологическихъ альманаховъ, поддерживавшихъ въ то время въ массѣ невѣжество и суе-

вѣріе. Прикрывшись знаменитымъ впослѣдствіи псевдонимомъ Исаака Бикверстаффа, Свифтъ выпустилъ собраніе своихъ предсказаній, пародировавшихъ съ большимъ искусствомъ шарлатанскіе пріемы астрологовъ, и между прочимъ съ шуточною важностью предсказалъ день, часъ, чуть не минуту смерти самого Партриджа. Поднялась самая забавная сумятица; въ новомъ альманахѣ несчастный предсказатель пресерьёзно началъ увѣрять публику, что онъ не умеръ въ означенный срокъ, чтò ясно свидѣтельствуетъ, по его мнѣнію, о нелѣпости предсказаній его противника; онъ дѣйствовалъ противъ него всѣми возможными средствами, не зная въ то же время хорошенько, кто былъ настоящій авторъ пародіи; лондонскіе книгопродавцы однако почему-то увѣровали въ дѣйствительную смерть предсказателя и обратились къ властямъ съ просьбой прекратить самозванное печатаніе подъ именемъ Партриджева альманаха (Merlinus liberatus) чьихъ-то безсовѣстныхъ поддѣлокъ. Словомъ, впечатлѣніе, произведенное Биккерстаффомъ, было громадное и книга достигла цѣли; масса зачитывалась ею, а жалкій альманашникъ погибъ безвозвратно. Но этому курьёзному эпизоду пришлось, кромѣ того, играть не послѣднюю роль и въ развитіи англійской литературы; съ него можно именно вести исторію сатирической журналистики не только въ Англіи, но и въ Европѣ вообще [1]). Одинъ изъ ближайшихъ литературныхъ друзей Свифта, Стиль, подмѣтивъ сильный эффектъ, произведенный на массу вымышленною комическою личностью Биккерстаффа, задумалъ воспользоваться этимъ, взять напрокатъ у Свифта эту удачную личность и, прикрываясь ею, періодически бесѣдовать отъ ея лица съ публикой. Такимъ образомъ возникъ извѣстный сатирическій журналъ Стиля «The Tatler», въ которомъ Свифтъ принималъ весьма дѣятельное участіе, осмѣивая различныя темныя стороны обыденной англійской жизни. Этотъ журналъ ему обязанъ своимъ успѣхомъ, который доходилъ до того, что, послѣ его прекращенія, его нумера собирали за большую цѣну и читали, какъ интересную книгу, — подобно тому, какъ Новиковскій «Живописецъ» перечитывался много разъ послѣ того, какъ лица и происшествія, вызвавшія его сатиру, успѣли давно забыться.

Если Свифтъ чѣмъ дальше, тѣмъ все настойчивѣе заботился о полученіи какого-нибудь болѣе или менѣе независимаго назначенія, то причину этого онъ однажды самъ высказалъ; онъ го-

[1]) Въ нѣкоторой степени провозвѣстникомъ его былъ основанный въ 1704 году Даніиломъ де-Фо журналъ „The Review", отличавшійся, впрочемъ, весьма смѣшаннымъ содержаніемъ.

ворить, что съ охотой поѣхалъ бы хоть въ Вѣну, потому что «это избавило бы его отъ затруднительнаго положенія, которое онъ занимаетъ между двумя партіями». Дѣйствительно, обстоятельства вокругъ него съ теченіемъ времени принимали такой смутный складъ, что онъ могъ порою тяготиться своей лондонской обстановкой. Неограниченное господство его друзей, виговъ, начинало расшатываться. Слишкомъ неумѣренная мстительность ихъ въ отношеніи противной партіи, постоянно возникающіе грандіозные процессы, гдѣ съ легкомысленной щедростью воздвигались обвиненія въ государственной измѣнѣ, начинали тяготить общественное мнѣніе; неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ англійскихъ и австрійскихъ, союзныхъ имъ, войскъ въ Голландіи и Испаніи, въ теченіи безконечной войны за испанское наслѣдство, тактическія ошибки Мэльборо, считавшагося до той поры первоклассньмъ полководцемъ, также заурядъ ставились въ число прегрѣшеній кабинета; наконецъ, обычныя интриги при дворѣ, ведомыя при помощи разныхъ приживалокъ обоего пола, были пущены въ ходъ съ новою силой. Новая любимица королевы, леди Мэшамъ, работала безъ устали для своихъ торійскихъ пріятелей, нашептывая королевѣ все, чтб могло возстановить ее противъ настоящихъ министровъ. Мало-по-малу цѣль эта достигается, и Анна выказываетъ небывалую отвагу и безцеремонность въ цѣломъ рядѣ обдуманныхъ дѣйствій, разсчитанныхъ на то, чтобъ постепенно смѣнить всѣхъ руководящихъ сановниковъ. По временамъ, все чаще начинаютъ внезапно обнаруживаться какъ-бы частныя сотрясенія: то въ томъ, то въ другомъ вѣдомствѣ неожиданно отрѣшаются отъ должностей нѣсколько главныхъ лицъ и замѣняются представителями противоположныхъ убѣжденій. Этотъ образъ дѣйствій, совершенно непривычный и незаконный, не могъ не смущать виговъ, въ томъ числѣ и Свифта; они не могли не чувствовать, что близокъ переворотъ, который насильственно все перевернетъ въ государствѣ и низложитъ ихъ. Свифтъ, никогда не умѣвшій удерживаться въ узкой загородкѣ какой-нибудь одной партіи, попытался еще создать переходное, примиряющее положеніе дѣлъ. Въ безъименномъ памфлетѣ, озаглавленномъ: «Мысли члена англиканской церкви о религіи и правительствѣ», онъ старается сблизить обѣ партіи, растолковавъ имъ крайности ихъ направленій, разжигаемыя личными антипатіями. Обращаясь то къ вигамъ, то къ торіямъ, онъ указываетъ имъ на ту среднюю почву, на которой они могли бы сойтись, — и тѣ мысли, которыя онъ высказываетъ по этому поводу, его взглядъ на преимущества свободныхъ учрежденій, на значеніе принципа народнаго само-

управленія, живо свидѣтельствуютъ о характерѣ настоящихъ политическихъ убѣжденій Свифта, грѣшившаго на практикѣ лишь тѣмъ, что честолюбіе или соблазнъ властвовать надъ умами порою совлекали его съ послѣдовательной дороги. Совѣты примиренія были однако уже несвоевременны; они отразились на время въ установлявшемся-было смѣшанномъ персоналѣ министерства, но на дѣлѣ и эта комбинація оказывалась несостоятельною. Все дѣло распадалось, и Свифтъ, утомленный этой медленной агоніей, наконецъ бросаетъ Лондонъ, заѣзжаетъ къ матери, возвращается въ Ирландію, къ своему приходу, къ Стеллѣ. Онъ хочетъ войти въ прежнюю роль, избѣгаетъ свиданій съ вельможами, разговоровъ о политикѣ, словно хочетъ забыться. Но въ эту-то пору въ его жизни настаетъ новая эра; завѣтныя его мечты начинаютъ сбываться. Онъ, бросившій только-что Лондонъ и всю его суету, скоро вернется туда, и вернется другимъ человѣкомъ.

III.

Вѣсти, которыя быстро приходили одна за другой изъ Лондона, письма отъ близкихъ людей, привыкшихъ видѣть въ Свифтѣ находчиваго совѣтчика во всѣхъ затрудненіяхъ и теперь заклинавшихъ его скорѣе вернуться,—все показывало, что наступила тревога нешуточная. Дни вигскаго министерства Годольфина были сочтены, всею партіею овладѣла паника, ея трепетаніямъ былъ положенъ конецъ однимъ ударомъ. Не дожидаясь предположеннаго распущенія палатъ, которое должно было ускорить переворотъ, королева окончательно устранила прежній кабинетъ и поставила во главѣ новаго двухъ людей, давно добивавшихся этого долгими подкопами, людей даровитыхъ и искушенныхъ въ тогдашней политической мудрости, Гэрлея, будущаго лорда Оксфорда, и молодого государственнаго секретаря Сентъ-Джона, пріобрѣтшаго впослѣдствіи, подъ именемъ лорда Болингброка репутацію государственнаго человѣка и мыслителя. Затѣмъ и палата была распущена, назначены новые выборы, и насталъ новый періодъ торійскаго могущества.

Поведеніе Свифта въ виду катастрофы, постигшей его друзей, не разъ подвергалось справедливымъ нападкамъ, на которыя болѣе всего опиралось валовое обвиненіе его въ неразборчивомъ матеріализмѣ. Дѣйствительно, если имѣть въ виду ту быстроту, съ которою онъ перешелъ въ эту критическую пору въ противоположный лагерь, не найдешь иного вывода. Но для правиль-

наго пониманія этого важнаго шага недостаточно одной поверхностной его оцѣнки; есть не мало данныхъ, которыя могутъ освѣтить его настоящимъ свѣтомъ. Прежде всего, разумѣется, то нежеланіе закабалить себя во что-бы то ни стало въ ту или другую партію, только потому, что изстари такъ ведется, — которое ставило Свифта почти одинокимъ среди его современниковъ; примкнувъ, по сочувствію къ ихъ основнымъ идеямъ, къ вигамъ, Свифтъ, какъ мы видѣли, убѣдился въ мелочности и пустотѣ всей ихъ политики, и поэтому отворачивался отъ нихъ еще прежде, чѣмъ надъ ними стряслась гроза. По той готовности, съ которою новые министры отнеслись къ исполненію его предложеній, онъ могъ предположить, что его теорія на дѣлѣ оправдывается и что консерваторы могутъ скорѣе либераловъ осуществить полезныя преобразованія. Наконецъ, личное охлажденіе ко многимъ изъ вождей вигизма, смѣнившееся страстнымъ раздраженіемъ, когда они повсюду заговорили объ его *измѣнѣ*, могло окрасить инымъ образомъ многія, съ виду непослѣдовательныя, дѣйствія. И въ довершеніе всего заснувшія-было стремленія къ власти, къ удачѣ, пробудились съ новой силой, лишь только передъ ними открылась широкая арена. Едва Свифтъ успѣлъ узнать о назначеніи Гэрлея, какъ у него вырывается восклицаніе: «я обращусь къ нему, — онъ прежде выказывалъ предупредительность ко мнѣ и, если не измѣнился, то, думаю я, найдетъ теперь полезнымъ обойтись со мною хорошо». Въ этихъ словахъ сказалась вся та сладкая душевная тревога, которая должна была охватить эту честолюбивую натуру.

Его положеніе на первыхъ порахъ было двусмысленное и мучительное. Новые люди напрашивались къ нему въ друзья, Гэрлей добивался личнаго знакомства съ этимъ сельскимъ пасторомъ, — а рядомъ были старые друзья, изъ которыхъ одни съ печалью отворачивались отъ него, другіе съ пѣной у рта громили его повсюду. На одномъ банкетѣ его пригласили выпить за возрожденіе партіи виговъ, — онъ наотрѣзъ отказался, добавивъ, что подниметъ бокалъ только за ея перерожденіе; вѣсть о паденіи ихъ, по его словамъ (въ одномъ письмѣ), не произвела на него никакого впечатлѣнія, — «онъ столько же огорчился, какъ если бы узналъ, что ихъ всѣхъ повѣсили». Это настроеніе постепенно въ немъ усиливалось, и наконецъ для него стало великимъ удовольствіемъ мстить павшимъ рыцарямъ печальнаго образа злыми сатирами и эпиграммами, которыя мигомъ разносились по городу и съ восторгомъ читались торіями. Всѣхъ удачнѣе изъ нихъ фантастическая басня «Sid Hamet's Rod», осмѣивающая

бывшаго министра Годольфина. Этотъ избытокъ силъ, это давно невиданное владычество писателя надъ массами окончательно заставили вождей торійской партіи сдѣлать первый шагъ и сблизиться тѣснѣйшимъ образомъ съ этимъ могучимъ союзникомъ, какъ то впослѣдствіи одинъ изъ нихъ откровенно высказалъ Свифту, а въ ту пору они готовы были на всѣ уступки, лишь бы имѣть его на своей сторонѣ: — «мы всѣ боялись васъ», выразился онъ. Дѣйствительно, нечиновный викарій становился громадной общественной силой; скоро министерство должно было живо ощутить все благо ея поддержки.

Прежде всего Свифтъ сблизился съ Гэрлеемъ, сталъ появляться на его обѣдахъ, всегда осыпаемый всевозможными ласками; министръ съ особымъ вниманіемъ выслушивалъ его ходатайство за ирландское духовенство, интимно бесѣдовалъ съ нимъ въ кабинетѣ, сталъ называть его своимъ другомъ и «Джонатаномъ»; за обѣдомъ собесѣдники и самъ хозяинъ декламировали новѣйшіе стихи его, притворяясь, что ломаютъ себѣ голову надъ загадочнымъ анонимомъ. Затѣмъ наступила очередь и Сентъ-Джона. Этотъ молодой еще человѣкъ, выказавшій себя замѣчательнымъ ораторомъ еще въ парламентѣ, былъ самымъ умнымъ, философски-образованнымъ и способнымъ членомъ новаго кабинета; переписка его съ Свифтомъ, не прекращавшаяся потомъ много лѣтъ [1]), выставляетъ его человѣкомъ самостоятельныхъ убѣжденій, который, быть можетъ, одинъ только во всей правительственной сферѣ могъ понять настоящее значеніе Свифта. Благодаря его личнымъ настояніямъ, дѣло объ освобожденіи ирландскаго духовенства отъ десятины, безмѣрно затянувшееся, получаетъ наконецъ исходъ, вполнѣ соотвѣтствующій ожиданіямъ Свифта. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, и видя, какъ внимательно выслушиваютъ его совѣты и какъ нуждаются въ нихъ новые правители, Свифтъ съ гигантской энергіей бросается въ самый разгаръ борьбы и неутомимо работаетъ въ теченіи всѣхъ трехъ лѣтъ этого блестящаго періода его жизни. Основанное торіями для поддержанія полемики съ врагами, періодическое изданіе «Examiner» переходитъ въ неограниченное распоряженіе Свифта, который одинъ, почти безъ сотрудниковъ, вѣчно на своемъ посту, руководитъ общественнымъ мнѣніемъ, разсматриваетъ общественные вопросы, осыпаетъ мѣткими насмѣшками людей противнаго

---

[1]) Изданіе переписки Свифта: „Letters written by J. Swift and several of his friends from the year 1703—1740, publish. by Hawkesworth“, Лондонъ, 1768, 3 тома.

лагеря. Вся страстность современной намъ политической прессы — въ зародышѣ — сказывается въ этомъ своеобразномъ изданіи. Но положеніе самаго министерства было еще далеко не прочно. Затрудненія возникають одно за другимъ съ самаго его вступленія на поприще: то оно съ трудомъ можетъ удержать равновѣсіе въ запутанныхъ финансахъ; то безконечная война, хотя и тѣшащая порою такими побѣдами, какъ битва при Уденардѣ, возбудить тревоги, опасенія или дипломатическое замѣшательство; то, наконецъ, бездна мелкихъ внутреннихъ вопросовъ, оппозиціонное движеніе, ходъ выборовъ въ парламентъ и т. д., принимають вдругъ острый характеръ и нуждаются въ умѣломъ разрѣшеніи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ къ кому же было обратиться, какъ не къ Свифту, который, выказывая удивительное разнообразіе способностей, всегда находилъ остроумный исходъ изъ затрудненія! Но и въ средѣ самаго министерства сталъ вскорѣ обнаруживаться разладъ; Гэрлей и Сентъ-Джонъ отъ частныхъ недоразумѣній постепенно переходили къ явному охлажденію, чуть не разрыву; честолюбіе снѣдало обоихъ этихъ людей, но блестящій и талантливый Сентъ-Джонъ съ трудомъ выносилъ первенствующую роль, предоставленную менѣе даровитому бюрократу-казуисту Гэрлею. Свифтъ одинъ былъ въ состояніи примирять этихъ людей, окончательно не сошедшихся характерами; отчаянныя усилія употреблялъ онъ для этого, понимая, что разрывъ былъ бы прологомъ къ паденію всего дѣла. Не о личностяхъ заботился онъ тутъ, такъ какъ не могъ не сознавать, что душою кабинета былъ все-таки онъ самъ (Форстеръ удачно называетъ его министромъ безъ портфеля въ торійскомъ министерствѣ), — сама власть, опьянявшая, очаровывавшая его, становилась ему слишкомъ дорогою, чтобъ онъ могъ допустить двумъ безумцамъ подорвать плоды стольких усилій изъ-за мелкихъ личныхъ счетовъ. Къ тому же, онъ не переставалъ преслѣдовать опредѣленные, осязательные политическіе принципы, тогда какъ его министерскіе друзья, какъ это видно изъ ихъ интимныхъ изліяній, имѣли прежде всего (какъ истинные торіи) въ виду удовлетвореніе интересовъ партіи, а затѣмъ уже народныя нужды. Свифтъ смотрѣлъ безмѣрно дальше ихъ, и въ крупныхъ вопросахъ заставлялъ ихъ идти за собою, наперекоръ даже ихъ приверженцамъ. Его статьи въ «Examiner'ѣ», его памфлеты, которымъ имя легіонъ, съ безстрашной откровенностью называютъ вещи по именамъ, проповѣдуютъ разумную политику, и прежде всего необходимость покончить съ разорительной войной, тяжкимъ бременемъ налегшей на англійскіе финансы и въ то же время вполнѣ безцѣльной, служащей династическимъ инте-

ресамъ и поддерживаемой главнымъ образомъ ради союзниковъ Англіи, въ особенности же ради Австріи; разъяснить себялюбивый разсчетъ и коварство этихъ союзниковъ, растолковать народу необходимость искать мира и обманчивость всѣхъ военныхъ успѣховъ стало главною цѣлью стараній Свифта, который въ этомъ случаѣ имѣлъ противъ себя чуть не всю народную массу, ослѣпляемую національнымъ тщеславіемъ. Тутъ-то онъ одержалъ одну изъ лучшихъ своихъ побѣдъ, оставившихъ далеко за собой удачныя битвы какого-нибудь Мальборо, умѣвшаго дѣйствовать штыками или картечью, — побѣду духовную, доказывающую могущество слова надъ умами. Четыре изданія сряду выдержалъ его памфлетъ «The conduct of the allies», къ которому онъ подготовилъ общественное мнѣніе своими журнальными статьями, — и подъ конецъ его мнѣніе восторжествовало: масса была на его сторонѣ, парламентъ послужилъ отголоскомъ этого настроенія, начались переговоры о мирѣ посредствомъ уполномоченныхъ, посланныхъ въ Парижъ, и утрехтскій миръ, настоящее созданіе Свифта, былъ рѣшенъ въ принципѣ.

Достигать подобныхъ цѣлей, непосильныхъ съ виду слабымъ способностямъ одиночной личности, борющейся съ тысячеголовой массой, невозможно было безъ труда и препятствій. А они громоздились одно на другое по мѣрѣ усиленія агитаціи: то это былъ вѣчный раздоръ двухъ министровъ, парализовавшій всѣ начинанія; то всплывали интриги виговъ, на чьи плечи памфлетистъ обрушилъ обвиненіе въ умышленномъ продленіи военныхъ дѣйствій; то некстати возвращался изъ Фландріи Мальборо, встрѣчаемый повсюду, какъ тріумфаторъ; то, наконецъ, въ средѣ торіевъ начинала образовываться рѣзкая и непримиримая оппозиція, съ которой никакого сладу не было. Около сотни крайнихъ консервативныхъ членовъ нижней палаты въ ту пору образовали такъ называемый «октябрьскій клубъ», служившій центромъ всѣхъ недовольныхъ слишкомъ мягкою политикой правительства, исповѣдовавшихъ крайнія шовинистскія идеи, желавшихъ примѣрнаго преслѣдованія и наказанія вожаковъ противной партіи. Эти друзья были хуже недруговъ: «они привыкли у себя въ деревенскомъ захолустьѣ тянуть октябрьское пиво, — писалъ Свифтъ, — и неистово разсуждать о политикѣ въ сосѣдней тавернѣ, — они и тутъ хотятъ продолжать то же самое, требуя, чтобъ мы дошли до крайностей». На это рвеніе не по разуму Свифтъ отвѣчалъ мастерскимъ «Совѣтомъ членамъ October club'a», который парализовалъ созрѣвавшій заговоръ и даже повелъ за собой добровольное закрытіе клуба. Вѣчно борясь такимъ образомъ съ безчисленными труд-

ностями; Свифтъ оказывалъ министерству такую поддержку, какой не смогла бы ему доставить цѣлая партія. И его высокіе друзья понимали это, и каждый изъ нихъ старался предупредить малѣйшее его желаніе. Еще въ молодые годы Джонатанъ какъ-то при случаѣ сознался, что если онъ вращается между людьми знатными, то вовсе не потому, что блескъ аристократіи прельщаетъ его, но потому, что онъ хотѣлъ бы добиться того, чтобъ всѣ эти знатные господа принуждены были обращаться съ нимъ, плебеемъ, какъ съ равнымъ себѣ. Это желаніе вполнѣ осуществилось въ описываемую пору. Свифтъ, ведя дружбу съ министрами, держалъ ихъ на почтительномъ разстояніи; ни одинъ изъ нихъ никогда не могъ забыться съ нимъ или напомнить о своемъ превосходствѣ; разъ, еще въ началѣ, Гэрлей вздумалъ-было прислать ему билетъ въ 50 фунтовъ въ подарокъ, но получилъ не только деньги обратно при рѣзкомъ письмѣ взбѣшеннаго Свифта, но, казалось, навсегда лишился поддержки этого необходимаго для него человѣка, который добился отъ него всевозможнаго удовлетворенія, прежде чѣмъ согласился снова повидаться съ нимъ. Очевидцы разсказываютъ, какое странное впечатлѣніе производило всегда появленіе Свифта въ салонахъ министра; онъ выступалъ тутъ спокойнымъ, увѣреннымъ шагомъ, говорилъ съ гостями и просителями, толпившимися вокругъ, какъ человѣкъ, до мелочей знакомый со всѣмъ механизмомъ правленія, давалъ обѣщанія, совѣты, сообщалъ свои предположенія или свѣжія новости, которыя съ интересомъ всѣми подхватывались. И въ то же время этотъ странный человѣкъ, стоявшій на верху величія и значенія, не извлекалъ изъ своего положенія никакой пользы. Онъ дѣлалъ много добра, хлопоталъ до надоѣдливости даже за людей, разставшихся съ нимъ вслѣдствіе его отпаденія отъ виговъ, напр., за Стиля, отплачивавшаго ему злобными выходками. А самъ онъ оставался такимъ же бѣднякомъ, какимъ былъ. «Карета изъ сентъ-джемскаго дворца» все не могла докатиться до него. Новые друзья усерднѣе прежняго хлопотали немъ, проча его то въ епископы, то въ историографы, — но никогда не могли побѣдить предубѣжденія королевы. Денегъ не бралъ этотъ человѣкъ, карьеры ему не могли составить, — а онъ все продолжалъ нести на своихъ плечахъ чудовищное бремя правительственныхъ заботъ. Одно сознаніе фактическаго владычества надъ массами могло придавать ему силы и утѣшать его.

Но, какъ выражается Тэкерманъ, «къ несчастью, Свифтъ не довольствовался одною умственной сферой; онъ искалъ могущества и надъ сердцами, и широко наслаждался имъ». Эта вѣрно

подмѣченная черта никогда въ такой степени не сказывалась, какъ именно въ ту пору, когда Свифтъ былъ въ полномъ разгарѣ своей политической и литературной дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что блестящая роль его, въ связи съ той необъяснимо-притягательной силой, которою, какъ мы уже указывали, отличалась и его внѣшность, и тонъ его голоса, и выраженіе глазъ, и рѣчь, выказывавшая на каждомъ шагу умъ свѣтлый и глубокій,—что всѣ эти свойства должны были съ еще бо́льшею силой привлекать къ нему женскія сердца. Онъ былъ молодъ духомъ, хотя уже старъ годами, — уже давно минуло ему сорокъ лѣтъ,—и эта неувядающая молодость какъ будто заслоняла собой все, что́ напоминало о скоротечности и измѣнчивости жизни. Въ числѣ знакомствъ, завязавшихся у Свифта въ послѣдніе годы, нечувствительно заняло первое мѣсто его сближеніе съ семьей богатаго чиновника, голландца по происхожденію, Ваномрига. Въ дневникѣ, писанномъ для Стеллы, все чаще и чаще начинаетъ появляться отмѣтка, — «обѣдалъ или провелъ вечеръ у *Mrs. Van.*; наконецъ Свифтъ даже перебирается на новую квартиру, дверь объ дверь съ новыми знакомыми. Отмѣтки эти поражаютъ своимъ лаконизмомъ; чудится, что съ этой стороны что-то неладно, что эта краткость умышленна, и что въ дѣйствительности сильный интересъ привлекаетъ его въ этотъ небрежно упоминаемый домъ. Съ тонкимъ предчувствіемъ женщины, и Стелла начинала уже подозрѣвать какую-то опасность съ этой стороны, но скрывала свои подозрѣнія и, по мѣрѣ учащенія упоминаній о *Mrs. Van.*, стала только самымъ спокойнымъ тономъ спрашивать въ своихъ письмахъ, кто такіе эти люди, изъ кого состоитъ семья и т. д. Она не ошибалась; въ этой семьѣ была ея новая соперница, молодая и прелестная собой Эстеръ Ваномригъ, одна изъ искреннѣйшихъ лондонскихъ поклонницъ Свифта. Видя его часто у себя, она заслушивалась его рѣчей, ее увлекала своеобразность его взглядовъ, не походившихъ ничѣмъ на тѣ ходячія, рутинныя мнѣнія, которыя она слышала вокругъ себя; выдаваясь изо всего своего кружка́ не только красотой, но и образованностью, вкусомъ къ литературнымъ занятіямъ, стихотворству, она съ своей стороны также не могла не обратить на себя вниманія Свифта. Онъ сблизился съ нею, любилъ подолгу бесѣдовать съ ней, развивать ее; онъ открывалъ ей новый міръ, говорилъ о высокомъ призваніи женщины, объ ея правахъ на самостоятельность, на развитіе. Драгоцѣннымъ свидѣтельствомъ этого, быть можетъ, единственнымъ отраженіемъ этого новаго для своего времени взгляда Свифта на женскій вопросъ,—служитъ позднѣйшее стихотвореніе востор-

женной ученицы, гдѣ она съ благодарностью вспоминаетъ о тѣхъ чудныхъ откровеніяхъ, которыми была обязана своему любимому руводителю. Эта новая роль, прелесть этого распускающагося подъ его заботливымъ вліяніемъ юнаго существа должны были увлекающимъ образомъ дѣйствовать на Свифта, и, утомленный тревогами дня, онъ приходилъ въ знакомую гостиную набираться новой жизни и молодѣть душой. Онъ, быть можетъ, самъ не сознавалъ, къ чему можетъ привести начинавшееся сближеніе, и необдуманно самъ вызывалъ страсть. Въ любопытномъ памятномъ листкѣ, относящемся еще къ его житью въ Муръ-Паркѣ и заключающемъ «наставленія, какъ жить и поступать, когда старость придетъ», находимъ такую замѣтку: «не привязываться къ дѣтямъ, или же стараться, чтобъ они ко мнѣ не подходили». Это запоздалое правило создалось, очевидно, подъ вліяніемъ того внезапнаго сознанія, что изъ заботъ, игръ и уроковъ съ маленькой Стеллой выросло сильное чувство, въ то время, казалось, не имѣвшее будущаго,—но опасенія Свифта сбылись впослѣдствіи, хотя и не въ той формѣ, какъ прежде: Эстеръ была уже не ребенокъ, но тотъ же путь живой заботливости о духовномъ развитіи, то же нѣжное руководство первыми шагами въ жизни и тутъ привели къ тому же исходу. Рѣшить безошибочно, былъ ли глубоко увлеченъ самъ Свифтъ, разумѣется, трудно; тутъ обширное поле для охотниковъ до утонченнаго психологическаго анализа,—поле, достаточно уже воздѣлывавшееся до насъ. Думается, что Свифтъ, играя съ огнемъ и тѣшась тѣмъ могущественнымъ вліяніемъ на сердца, которое зналъ за собой, не думалъ, что чѣмъ-нибудь нарушаетъ вѣрность своему доброму ангелу, Стеллѣ, которую не переставалъ любить, съ которой по прежнему нѣженъ въ письмахъ. Онъ не подозрѣвалъ, на что̀ способна такая пылкая и восторженная дѣвушка, какъ Эстеръ; не произнеся самъ словъ любви, онъ думалъ остаться и впредь въ границахъ сладостной дружбы, духовнаго сродства. Но страсть слишкомъ охватила всю душу бѣдной дѣвушки; она не могла дольше таить въ себѣ этой любви, и въ минутномъ увлеченіи сама призналась въ ней обожаемому человѣку. Онъ былъ потрясенъ этимъ открытіемъ, на нѣсколько времени поддался увлеченію, такъ неожиданно освѣтившему его бурную жизнь, отозвался на признаніе, воспѣлъ Эстеръ въ аллегорической поэмѣ [1]), придавъ, по своему обычаю, молодой дѣвушкѣ поэтическое имя Ванессы. Такъ начался тотъ трагическій

---

[1]) Cadenus and Vanessa. Поэма эта написана была въ 1713 г., но издана лишь послѣ смерти Ванессы, по желанію, высказанному ею въ завѣщаніи.

эпизодъ въ его жизни, до сихъ поръ еще не вполнѣ высвободившійся изъ-подъ таинственной, загадочной завѣсы, — тотъ знаменитый эпизодъ, который въ лѣтописяхъ извѣстнѣйшихъ сердечныхъ привязанностей прославился подъ именемъ «исторіи о Стеллѣ и Ванессѣ».

Когда прошелъ первый годъ увлеченія, дѣйствительность предстала во всей своей наготѣ, и наслажденіе новой побѣдой, подтверждавшей признанное могущество его надъ женщинами, смѣнилось у Свифта сознаніемъ невыносимаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Совмѣщать двѣ привязанности, быть принужденнымъ безсовѣстно обманывать два честныхъ молодыхъ существа, довѣрившихся его завлекательной тактикѣ, было выше его силъ. Ни однимъ словомъ не рѣшался онъ дать понять Ванессѣ, что у нея есть соперница, чьи права на его привязанность безмѣрно старше и серьёзнѣе; повинуясь ли состраданію и не желая разочаровывать молодую энтузіастку гибельнымъ для нея признаніемъ, испытывая ли потребность обновленія около этой согрѣвавшей, молодившей его энергической натуры, или наконецъ демонически играя въ любовь, забавляясь чужими волненіями и въ то же время твердо рѣшившись не дать имъ никакого удовлетворенія, онъ безжалостно поддерживалъ увлеченіе Ванессы, которое, разгораясь все сильнѣе, становилось день ото дня серьёзнѣе. Письма его къ ней, стихотворенія, написанныя ей въ честь, носятъ порою слѣды прямого, вызывающаго поощренія. Многіе изъ біографовъ находятъ, что во всѣхъ этихъ любовныхъ изліяніяхъ мало истиннаго чувства, что въ нихъ на каждомъ шагу видна какая-то искусственность, что-то головное, — и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ это мнѣніе не лишено справедливости. Въ особенности названная сейчасъ поэма, гдѣ любовь Свифта къ Ванессѣ опоэтизирована и, во вкусѣ вѣка, обрамлена сладострастной миѳологической обстановкой, чувствуется не разъ фальшивая нота. Но ничего не замѣчала довѣрчивая дѣвушка; она все сильнѣе привязывалась къ любимому человѣку, уже мечтала соединиться съ нимъ навѣки, думала о бракѣ; проникнувшись его же теоріей самостоятельности женщинъ, она готова была бросить родныхъ и послѣдовать за нимъ всюду, куда ни приведетъ его судьба, — но она ждала отъ него ободряющаго, рѣшительнаго слова, а онъ не говорилъ его. На взрывы страстной нетерпѣливости, онъ вдругъ отвѣчалъ холодно или уклончиво, изобрѣтая различные предлоги и отговорки. Мало того, съ нимъ иногда происходила пугавшая ее перемѣна; въ одномъ изъ своихъ писемъ, трогающихъ за душу своей искренностью, она даетъ волю своему грустному раздумью:

Джонатанъ то приголубитъ ее, и какъ будто подаетъ надежды, то «въ его глазахъ зажжется вдругъ такой зловѣщій огонь и, взглядъ его становится такъ ужасенъ, такъ пронзаетъ ее, что она вся трепещетъ». Но чародѣйская сила этого искусителя была велика: она заставляла ее забывать и эти странныя неровности въ обращеніи, и настойчивую его замкнутость въ себѣ. Тяжкій крестъ взяла она на себя съ той поры, какъ полюбила этого человѣка,— но и его положеніе стало вскорѣ невыносимымъ. Онъ все чаще и чаще испытывалъ желаніе скрыться изъ этого заколдованнаго круга, изъ котораго, казалось, не было исхода. Смятенное состояніе его души соотвѣтствовало и тѣмъ разочарованіямъ, которыя съ нѣкотораго времени выпали ему на долю и на политическомъ поприщѣ, дотолѣ избаловавшемъ его успѣхами. Послѣ недавняго ослѣпительнаго блеска, все вокругъ снова начинало заволакиваться туманомъ, и на Свифта все чаще находило настроеніе, живо напоминавшее ему ощущенія, выстраданныя наканунѣ предугаданной имъ катастрофы виговъ. Но всѣ эти испытанія, вся эта исполинская работа въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и нелегко дающаяся умственная диктатура тяжело отозвались и на его силахъ. Старое нездоровье, проявившееся еще въ блаженные дни Муръ-Парка и причинявшее ему частыя и невыносимыя боли головы, оглушавшія его и доводившія до сильнаго головокруженія, стало возобновляться съ учащенной правильностью. Эти удивительныя нервныя силы, столько послужившія на своемъ вѣку, начинали слабѣть и распатываться, и Свифтъ, еще страстно жаждавшій дѣла, долженъ былъ порою убѣждаться въ постыдномъ, хотя и временномъ безсиліи. Но это была еще не развязка, какъ иногда казалось ему. Еще многое ожидало его впереди.

Вѣчно усиливавшіяся размолвки между министрами окончательно, казалось Свифту, парализовали дѣйствительность его обычнаго вмѣшательства въ дѣла. Цѣня дарованія обоихъ враждовавшихъ правителей, связанный дружбой съ обоими, но въ особенности съ Оксфордомъ, онъ истощилъ наконецъ всѣ средства примиренія, и снова искалъ во временномъ удаленіи отъ напряженной и отнынѣ, казалось, безплодной работы—освѣженія силъ. Друзья не смогли доставить ему до настоящей минуты никакого прочнаго положенія, но онъ, скрѣпя сердце, удовольствовался и малымъ, согласился даже на добровольное изгнаніе. Для него сдѣлали вакантнымъ мѣсто старшаго священника (Dean) въ соборѣ святого Патрика, въ Дублинѣ, считавшееся, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ наиболѣе видныхъ постовъ ирландской церкви. Въ этомъ назначеніи, какъ ни походило оно на ссылку, были нѣ-

которыя стороны, заставлявшія Свифта примиряться съ нимъ; возвратясь въ Ирландію, онъ будетъ снова ближе къ Стеллѣ, положитъ конецъ мучительной для него связи съ Ванессой,— а министерству онъ можетъ быть полезенъ своимъ перомъ и издали.

Но дни его счастья были уже сочтены, и въ нѣсколько мѣсяцевъ, протекшихъ послѣ его пріѣзда въ Дублинъ, пронеслось съ лихорадочной поспѣшностью столько событій, что это время мелькнуло какъ одинъ бурно пережитый день. Духовенство, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло въ Ирландіи, встрѣтило его холодно, видя въ немъ чуть не еретика и друга вѣчно ненавистнаго ирландцу англійскаго правительства. Онъ свидѣлся снова съ Стеллой, красота которой начинала уже увядать, тогда какъ свѣтлый и широкій ея умъ еще болѣе развился въ долгіе годы размышленій и разнообразнаго чтенія, а самостоятельность придавала ей порою неожиданныя черты смѣлаго присутствія духа и находчивости, которымъ Свифтъ приводитъ множество примѣровъ въ ея біографіи. Отношенія къ Стеллѣ снова возобновились на той же основѣ платонической дружбы и нѣжности, но въ ихъ искренность невольно вкрадывалась дисгармонія: свѣжее еще воспоминаніе о другой, столь же прелестной, но огненной страстной головкѣ невольно возставало въ душѣ и нагоняло тоску безъисходную. Какъ ни холоденъ былъ онъ съ виду къ Ванессѣ, онъ несомнѣнно увлеченъ былъ ею даже въ эту пору; изъ Ирландіи онъ написалъ ей даже, что безъ нея вся жизнь окрасилась для него мрачнымъ свѣтомъ и что глубокое уныніе овладѣло имъ. Но съ этимъ увлекающимся созданіемъ нельзя было безнаказанно поступать такъ: онъ думалъ-было, что его удаленіе порветъ ихъ связи, но не могъ предвидѣть всѣхъ случайностей, на зло сложившихся противъ него. Родственники Ванессы умерли, она была свободна—единственная наслѣдница значительнаго состоянія и земель, находившихся въ Ирландіи, гдѣ отецъ ея когда-то былъ чиновникомъ. «Теперь-то,—думалось Ванессѣ,—нѣтъ болѣе никакихъ препятствій къ соединенію любящихся», и, внезапно собравшись, она сама поспѣшила въ Ирландію къ Свифту, который какъ громомъ пораженъ былъ этимъ неожиданнымъ ея появленіемъ. Онъ ее встрѣтилъ холодно, постарался скорѣе удалить въ ея помѣстье, куда обѣщалъ часто наѣзжать; но лишь только она скрылась изъ глазъ, сталъ снова уклоняться подъ разными предлогами, читать ей будничную мораль на тэму о приличіяхъ и легкости скомпрометтировать свою репутацію; порою письма его принимали суровый, безпощадный тонъ. Этотъ ледя-

ной пріемъ сразилъ Ванессу,—онъ такъ рѣзко противорѣчилъ розовымъ мечтамъ, съ которыми она полетѣла-было изъ Лондона на встрѣчу своему счастью. Тутъ-то она впервые вполнѣ разгадала всю глубину ожидавшихъ ее страданій; сиротливо повела она жизнь въ своемъ помѣстьѣ, гуляя по парку, сажая цвѣты и аллеи деревъ въ честь ожидаемаго пріѣзда Свифта, слагая грустныя стихотворенія. Ревнивыя думы часто посѣщали ее и усиливали ея горе.

Къ этимъ постояннымъ волненіямъ Свифта присоединились и политическія тревоги. Онъ снова понадобился въ Лондонѣ, и второпяхъ былъ вызванъ туда друзьями; снова принялся онъ за работу, написалъ брошюру въ оправданіе утрехтскаго мира, противъ заключенія котораго виги заговорили-было съ удвоенной силой, написалъ нѣсколько рѣзкихъ памфлетовъ. Но въ раздраженномъ его состояніи трудно было сохранить обычную ясность, самообладаніе и тонкую иронію; въ его памфлетахъ, направленныхъ противъ виговъ, въ особенности въ «Public spirit of the whigs», гдѣ онъ взялся характеризовать все направленіе ихъ и нарисовать портреты главныхъ ихъ вождей, онъ наноситъ тяжкіе удары плашмя, не зная мѣры и не стѣсняясь ничѣмъ. Этими нападками онъ вызвалъ цѣлую бурю негодованія; королева и министры были засыпаны жалобами и протестами противъ пасквиля, оскорблявшаго не только честь отдѣльныхъ лицъ, но и честь цѣлыхъ національностей, какъ, напримѣръ, шотландскаго народа, высказывавшаго приверженность къ вигамъ. Отъ этихъ протестовъ никуда уйти нельзя было; сотни голосовъ требовали примѣрнаго наказанія типографа, открытія безъименнаго автора. Свифта едва отстояли, бѣднаго издателя выдали на удовлетвореніе разбушевавшагося недовольства,—но уже весь тягостный эпизодъ этотъ показывалъ, что времена перемѣнились и что для господствующей партіи кризисъ дѣйствительно наступилъ. Еще нѣсколько дней, и подготовлявшаяся катастрофа стала совершившимся фактомъ. Въ новой интригѣ Болингброка (Сентъ-Джона) противъ Оксфорда, первый успѣлъ одержать верхъ, стать первымъ министромъ, приблизить къ себѣ Свифта больше прежняго,—но внезапная смерть королевы Анны мгновенно все измѣнила. Воцарилась въ лицѣ Георга I ганноверская линія, внесшая съ собой новые политическіе взгляды, несовмѣстные съ торизмомъ. Министерство пало, Оксфордъ былъ брошенъ въ Тоуэръ, начато строгое слѣдствіе противъ главныхъ сторонниковъ прежней правительственной системы. Свифту грозила бѣда, и онъ снова возвратился въ Ирландію, на этотъ разъ съ окончательно-разбитыми

надеждами, унося съ собой воспоминаніе о свѣжихъ еще тріумфахъ. «Прекрасные дни въ Аранхуэсѣ» миновали на этотъ разъ навсегда.

IV.

Не разъ приходилось Свифту въ прежніе годы сѣтовать на необходимость быть прикованнымъ къ Ирландіи и считать свое житье тамъ изгнаніемъ. Теперь судьба его складывалась такъ, что всѣ остальные дни свои ему предстояло провести въ этой опальной странѣ. Впереди не видать было никакого просвѣта, и приходилось поневолѣ вживаться въ мѣстныя условія, приглядываться къ дѣйствительному положенію ирландскаго народа, которое, за долгимъ отсутствіемъ съ родины, стало почти чуждо Свифту. Къ этой задачѣ онъ отнесся совѣстливо, съ первой же минуты старался разсѣять предубѣжденія и установить сносныя отношенія ко всѣмъ окружающимъ; мало-по-малу и онъ свыкался съ новой жизнью, и съ нимъ свыклись, а вскорѣ и тутъ онъ занялъ такое же блестящее положеніе, къ какому вообще его умъ и общественные таланты пріучили его. Въ деканскомъ домикѣ, обставленномъ весьма просто, но всегда гостепріимномъ, два раза въ недѣлю сходился оживленный кружокъ; Стелла являлась тутъ хозяйкой, умѣя во всѣхъ спорахъ вставить свое умное слово, Свифтъ увлекалъ собесѣдниковъ фейерверкомъ своихъ остротъ, и всѣмъ привольно было на этихъ занимательныхъ вечерахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ и во взглядахъ Свифта на мѣстные національные вопросы произошла крутая перемѣна; новая жизнь перевоспитала его и открыла передъ нимъ массу народнаго горя, несправедливостей и систематическихъ преслѣдованій, которыхъ онъ и не подозрѣвалъ. Англійское правительство и парламентъ даже въ ту пору, когда въ силѣ были друзья Свифта, уже выказывали не разъ своекорыстное и презрительное отношеніе къ нуждамъ и интересамъ Ирландіи. Съ происшедшей же перемѣны въ правительственномъ составѣ начался уже открытый и цинически-безцеремонный крестовый походъ противъ ирландцевъ. Такимъ образомъ, принимая къ сердцу страданія ихъ, Свифтъ въ то же время могъ удовлетворить и затаенному мстительному чувству, побуждавшему его бороться всѣми средствами съ восторжествовавшими противниками. Пробудившаяся въ немъ несомнѣнная симпатія къ народу, скрѣпленная къ тому же могущественнымъ содѣйствіемъ страстной личной ненависти, могла со-

вершить чудеса,—и Свифтъ совершилъ ихъ. Столкнутый неожиданнымъ переворотомъ съ высоты могущества въ ряды обыкновенныхъ смертныхъ, онъ снова, силой своего ума, завоевалъ себѣ высокое и почетное положеніе, заставилъ всѣхъ говорить о немъ, страшиться его. Замолвивъ впервые горячее слово за оскорбленныхъ, онъ вскорѣ сталъ настоящей грозой для англійскихъ политиковъ, и, поднявъ знамя ирландской самостоятельности, сталъ родоначальникомъ національнаго движенія въ Ирландіи, провозвѣстникомъ Граттановъ, О'Коннелей и Беттовъ. Онъ снова очутился въ своей стихіи; обширное поприще открывалось передъ нимъ, и его слову снова была послушна народная масса.

Образъ дѣйствій, принятый въ то время относительно Ирландіи англійскимъ правительствомъ и парламентомъ, во многомъ былъ однороденъ съ тѣми притѣснительными мѣрами, которыя черезъ полъ-вѣка должны были вызвать открытое возстаніе и отпаденіе американскихъ колоній. Самостоятельность и самоуправленіе мѣстное было сведено къ нулю; ирландскій парламентъ былъ доведенъ до полнѣйшаго безсилія и не имѣлъ возможности возвысить голосъ за народныя права; въ религіозныхъ вопросахъ преслѣдовалась придирчивая и мстительная политика, отъ которой одинаково страдали и католики и диссентеры; но на первомъ планѣ стояла небывалая эксплуатація всей экономической производительности Ирландіи въ духѣ обогащенія англійской торговли и промышленности. Подобно тому, какъ въ Америкѣ стали со временемъ искусственно создавать сбытъ англійскихъ произведеній, выдѣланныхъ изъ мѣстныхъ же продуктовъ и такимъ образомъ возвращавшихся вспять, непомѣрно возраставъ въ цѣнѣ,—подобно тѣмъ пошлинамъ, запретамъ вывоза наиболѣе цѣнныхъ произведеній или ограниченій торговли съ другими странами и другимъ мѣрамъ этого рода, поднявшимъ прежде всего народное недовольство въ американскихъ поселеніяхъ, и въ Ирландіи водворилась со второй половины предшествовавшаго вѣка своекорыстная система выжиманія всѣхъ жизненныхъ соковъ на пользу государственной казны и стак спекулянтовъ-промышленниковъ. Прежде всего запрещенъ былъ вывозъ овецъ въ Англію, составлявшій одну изъ прибыльнѣйшихъ статей отпуска для Ирландіи, и только потому, что конкурренція была опасна для англійскихъ овцеводовъ. Отъ американской торговли Ирландія была совершенно отстранена особымъ добавленіемъ къ такъ-называемому навигаціонному акту, вслѣдствіе чего только одни англійскія суда могли отплывать въ Америку и, стало

быть, одни могли доставлять Ирландіи необходимые ей колоніальные продукты. Затѣмъ зависть сосѣдей возбудила сильное развитіе въ Ирландіи выдѣлки шерсти и суконъ, къ которой мѣстные хозяева естественно должны были прибѣгнуть, когда сбытъ овецъ въ Англію былъ у нихъ отнятъ. Вывозъ шерсти и суконъ изъ Ирландіи былъ запрещенъ; въ видѣ возмездія дано было первоначально нѣсколько льготъ мѣстной полотняной промышленности, но и она подверглась впослѣдствіи сильнымъ стѣсненіямъ; бѣдность возрастала въ ужасающихъ размѣрахъ, контрабанда поневолѣ процвѣтала и вскорѣ оказался недостатокъ въ деньгахъ. Правительство отдало какому-то аферисту подрядъ выдѣлки размѣнной монеты для Ирландіи, принявъ эту мѣру безъ всякаго согласія ирландскихъ властей. Монета была выдѣлана ниже нарицательной стоимости, и эта новая безцеремонность переполнила чашу. Глухому недовольству народа недоставало настоящаго выразителя; единичный примѣръ, поданный еще въ концѣ XVII-го вѣка патріотомъ Молинэ, пострадавшимъ за разоблаченіе бѣдственнаго положенія его отечества, не находилъ подражателей, даже, быть можетъ, дѣйствовалъ устрашающимъ образомъ на оппозиціонныхъ писателей. Тутъ-то выступилъ во всеоружіи своего сарказма и убѣдительности Свифтъ. Лучшія свои силы положилъ онъ на служеніе народному ирландскому дѣлу. Онъ началъ съ памфлета «A proposal for the universal use of irish manufactures», гдѣ подавалъ своимъ соотечественникамъ такой же совѣтъ, какой въ дни американской революціи былъ въ широкихъ размѣрахъ примѣненъ къ практикѣ, именно совѣтъ мстить англичанамъ круговою порукой не употреблять ни одного англійскаго издѣлія и поощрять только родную производительность. Этотъ радикальный отвѣтъ на поползновеніе насильно поработить Ирландію господству англійскихъ капиталовъ вызвалъ страшную тревогу въ высшихъ мѣстныхъ сферахъ, обставленныхъ почти сплошь англичанами; началось инквизиціонное слѣдствіе, 300 фунтовъ было обѣщано за открытіе имени автора, а типографъ преданъ суду — и найденъ присяжными невиннымъ; *девять разъ* отсылали ихъ обдумать рѣшеніе, и каждый разъ они отвѣчали то же самое [1]); видно было, что памфлетъ произвелъ уже свое зажигательное дѣйствіе на массу, которая уже готова выдти изъ своей сдержанности. Не испугавшись преслѣдованій, Свифтъ рѣшился идти

---

[1]) Біограф. Свифта, соч. D. Laying Purves, при эдинбургск. издан. Свифта, 1870, pp. 28—29.

далѣе по тому же пути и установить прямое общеніе съ народомъ посредствомъ періодическихъ бесѣдъ съ нимъ, которыя всегда въ такой степени удавались ему. Такимъ образомъ возникли знаменитыя «Письма суконщика» (Draper's letters), важнѣйшее его произведеніе изъ числа всѣхъ, послужившихъ успѣху ирландскаго дѣла. Принявъ на себя личину мелкаго торговца сукномъ и скрывъ свое имя подъ первыми попавшимися двумя буквами, онъ повелъ къ народу самую безхитростную рѣчь о злобѣ дня, именно о возмущавшей всѣхъ продѣлкѣ съ низкопробной монетой, которую совѣтовалъ на-отрѣзъ отвергнуть. Но такъ какъ этотъ фактъ является въ сущности только внѣшнимъ признакомъ, характеризующимъ вообще все направленіе правительственной политики, то автору было легко, говоря объ «исторіи Вуда» (изготовителя монеты), перейти къ общимъ политическимъ вопросамъ, разъяснять, какія отношенія между Англіей и Ирландіей могутъ быть признаны единственно справедливыми, требовать для своей страны свободы и равноправности. Съ каждымъ новымъ письмомъ успѣхъ агитаціи возрасталъ; все кругомъ заволновалось, забушевало,—когда же появилось четвертое и лучшее письмо, участь злосчастной обманной монеты была рѣшена. Всѣ уцѣлѣвшія еще автономическія учрежденія въ Ирландіи протестовали противъ ея введенія; къ этому протесту примыкали вліятельнѣйшія лица въ дворянскомъ сословіи, церкви, судѣ. Уступка была выхвачена силой у правительства, которое принуждено было отказаться отъ своего необдуманнаго намѣренія.

Взрывъ, возбужденный «Письмами суконщика», соединилъ всѣ мѣстныя партіи, враждовавшія дотолѣ другъ съ другомъ изъ-за религіознаго разномыслія, и поставилъ во главу всѣхъ ихъ Свифта. Снова онъ сталъ диктаторомъ, и на этотъ разъ и прочнѣе и продолжительнѣе прежняго. Въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ онъ никогда не называлъ себя, но весь народъ признавалъ его за своего друга и такъ привязался къ нему, что готовъ былъ грудью отстаивать его отъ всякихъ покушеній со стороны правительства. Постоянно раздражаемое, оно могло бы, конечно, тысячу разъ овладѣть имъ и избавиться отъ злѣйшаго врага; эта мысль порою дѣйствительно приходила въ голову иному государственному человѣку, напр., Уольполю, — но каждый разъ сознаніе опасности такого шага заставляло отказываться отъ него. Когда слухи о подобномъ покушеніи стали все тревожнѣе, около Свифта мигомъ выросла почетная стража изъ людей, которые сами явились къ нему и вызвались защищать

его до послѣдней капли крови. Онъ зналъ ихъ преданность и поэтому смѣло глядѣлъ въ глаза опасности: «Попробуйте только пальцемъ меня коснуться»,—сказалъ онъ разъ главному вдохновителю ирландской администраціи,—«попробуйте только сдѣлать это, и народъ васъ разнесетъ на части» [1]). Вплоть до послѣднихъ лѣтъ своей жизни Свифтъ сохранилъ то же горячее рвеніе въ защитѣ ирландскихъ интересовъ. За «Письмами суконщика» послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ памфлетовъ, изъ которыхъ всего рѣзче выдается по злой ироніи не большой, но образцовый въ своемъ родѣ памфлетъ, озаглавленный такъ: «Скромное предложеніе, дѣлаемое въ видахъ того, чтобъ дѣти бѣдныхъ людей въ Ирландіи не становились бременемъ для своихъ родителей или для своей страны, но чтобъ они, напротивъ того, служили на благо публики». Здѣсь фантазія автора тѣшится созданіемъ самыхъ суровыхъ, отталкивающихъ образовъ; скромное предложеніе оказывается на дѣлѣ свирѣпымъ стономъ отъ невыносимой боли. Вся сущность этого предложенія сводится сначала къ параллели между неисчислимымъ множествомъ нищаго люда въ Ирландіи и бытомъ зажиточнаго класса, и затѣмъ къ подробному проекту, какъ избавиться отъ излишняго потомства, иными словами, будущаго пролетаріата, поставляя новорожденныхъ дѣтей бѣдняковъ на кухни богачей для ихъ богатыхъ пировъ. Серьёзность, съ которой авторъ вдается въ обстоятельное изложеніе и мотивированіе своего проекта, подробныя статистическія выкладки о числѣ дѣтей и размѣрѣ поставокъ, производятъ подъ конецъ мрачное, давящее впечатлѣніе; какъ будто на каждомъ шагу чуешь, что такъ жестоко острить могъ только человѣкъ, которому тяжело было самому на душѣ.

Тяжело было, дѣйствительно, этому ликующему ирландскому диктатору, тяжело какъ человѣку. Въ то время, какъ вокругъ него бушевало народное море, онъ осужденъ былъ испить до дна горькую чашу. Ванесса, ея грустныя, умоляющія письма, ея нѣжныя заклинанія освятить бракомъ ихъ взаимную любовь, постоянно растравляли его душу, и онъ принужденъ бывалъ на мгновеніе показаться къ ней и снова спасаться при помощи цѣлой сѣти хитросплетенной лжи. Тайна существованія соперницы достигла, наконецъ, въ опредѣленной формѣ и до Стеллы, и въ этой ровной, сдержанной, всегда стыдливой женщинѣ заговорила ревность, нежеланье уступить кому бы то ни было.

1) Лекки, Свифтъ, pp. 49—50.

Она склоняетъ Свифта втайнѣ обручиться съ нею, и онъ по прежнему исполненъ такого уваженія къ ней и ея старинной привязанности къ нему, что (какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые современники) соглашается, и другъ его, епископъ Клогерскій, совершаетъ эту церемонію. Если это извѣстіе вполнѣ справедливо, то, какъ вѣрно замѣчаетъ Мэссонъ [1]), дальнѣйшая судьба романа Ванессы станетъ понятна. Есть преданіе, будто Свифтъ во время самаго обряда былъ сильно взволнованъ, самъ не свой, и, выходя, сказалъ двумъ друзьямъ: «вы видите несчастнѣйшаго изъ людей, но не выпытывайте у него никогда причины его горя». Обрученіе отнимало у него послѣднюю надежду когда-нибудь соединиться съ Ванессой, и въ его отчаяніе нетрудно повѣрить. За то съ этой поры онъ становится все суровѣе въ отношеніи своей молодой поклонницы; ихъ переписка принимаетъ съ каждымъ днемъ самый натянутый характеръ, и только порой какая-нибудь фраза («soyez assurée»,—пишетъ онъ въ одномъ письмѣ 1721 г.,—que jamais personne au monde n'a été aimée, honorée, estimée, adorée par votre ami que vous), проскользнувшая въ этой перепискѣ, напомнитъ, что не совсѣмъ еще похоронено прежнее чувство. Наконецъ Ванесса сама ускоряетъ неизбѣжную развязку. Она узнаетъ наконецъ, о роли, которую занимаетъ Стелла въ жизни Свифта, пишетъ къ ней, требуя объясненій. Стелла передаетъ ему это письмо и, взбѣшенный донельзя, забывъ о всемъ прежнемъ, онъ, не помня себя, мчится въ помѣстье Ванессы, вбѣгаетъ къ ней, сверкая глазами, принявшими опять то жуткое выраженіе, котораго она такъ боялась, и, не говоря ни слова, бросаетъ ей ея письмо и удаляется. Бѣдная дѣвушка затрепетала и залилась слезами; въ этой нѣмой сценѣ, въ этомъ возвращенномъ ей письмѣ она увидала смертный приговоръ своей любви и торжество соперницы. Покинутая Свифтомъ, одинокая на всемъ свѣтѣ, она быстро стала гаснуть и, наконецъ, въ сиротливомъ одиночествѣ умерла. Тогда-то наступилъ чередъ отчаянію и угрызеніямъ совѣсти Свифта, который цѣлыми мѣсяцами не могъ найти покоя, считая себя виновникомъ смерти Ванессы. Едва горе начало нѣсколько остывать, какъ онъ съ усиленнымъ жаромъ бросился, очертя голову, снова въ ту напряженную политическую борьбу, которая одна теперь могла поднимать его ослабѣвшія силы.

Весь интересъ жизни сосредоточивался для него отнынѣ только въ этой борьбѣ; все прочее, мелкія страстишки, движущія чело-

---

[1]) Essays biograph. and critical, p. 160.

вѣчествомъ, борьба ради наживы и честолюбія, кодексъ приличій и обязательной морали, все строеніе оффиціальнаго государственнаго организма и поклоненіе людей пустымъ и лживымъ идеаламъ, — все это теперь казалось ему болѣе, чѣмъ когда-либо, безумнымъ и позорнымъ. Личныя разочарованія наложили въ его глазахъ мрачный оттѣнокъ на все окружающее, и онъ давно порывался сказать въ лицо этому жалкому, призрачному свѣту, что всѣ его стремленія, интересы и увлеченія безсмысленны и недостойны малѣйшаго сочувствія. Это послѣднее скорбное слово сатирика, извѣрившагося во все и перегорѣвшаго въ жизненномъ водоворотѣ, сказано имъ въ знаменитыхъ «Странствіяхъ Гулливера», которыя почему-то предпочтительно передъ всѣми прочими произведеніями Свифта поддерживаютъ репутацію его въ потомствѣ. Насколько внѣшняя оболочка, приданная авторомъ его замыслу, обманчива и словно дышетъ тонкимъ юморомъ, настолько затаенный смыслъ всей пестрой смѣси фантастическихъ картинъ, проходящихъ передъ читателемъ, безотраденъ. Какъ незадолго передъ тѣмъ Свифтъ искусно надѣвалъ на себя личину простого суконщика для того, чтобы высказать въ непритязательной формѣ рядъ рѣзкихъ истинъ, такъ и теперь онъ совершенно скрывается за вымышленной личностью Лемьюэля Гулливера, сначала хирурга, потомъ корабельнаго капитана, одержимаго неодолимой страстью къ странствіямъ по неизвѣданнымъ еще странамъ, и въ формѣ добросовѣстно веденнаго дневника этого обыкновеннѣйшаго изъ смертныхъ, знакомящаго насъ съ чудесными странами, которыя пришлось ему видѣть, набрасываетъ передъ нами картину политической и общественной жизни не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ. Пріемъ его не новъ, и не мало можно было бы указать прототиповъ Гулливеровыхъ странствій въ различныхъ литературахъ; помимо сильнаго вліянія Рабле, несомнѣнно подражаніе съ одной стороны французскому сатирику предшествовавшаго столѣтія, Сирано де-Бержераку, съ другой— «Человѣку на лунѣ», весьма популярному въ то время сочиненію доктора Гудвина, епископа Ландафскаго [1]). Но не форма, конечно, имѣетъ здѣсь значеніе, а выполненіе ея и то міровоззрѣніе, которое проходитъ по всей сатирѣ. Тэнъ [2]) ставитъ въ особую заслугу Свифту удивительное искусство, выставивъ сначала

1) Histoire comique des états et empires de la lune et du soleil, лучшее изданіе P. L. Jacob bibl., P. 1858. — The man in the moon, by d-r Goodwin, bishop of Llandaff.

2) Histoire de la litt. angl., ed. 1863, t. III, p. 245.

какое-нибудь очевидно-нелѣпое предположеніе, серьёзно выводить затѣмъ всѣ послѣдствія, вытекающія изъ него. «Это, — говорить онъ,—способность ума логическаго и изучившаго сущность техники, способность строителя, который, предположивъ себѣ уменьшеніе или увеличеніе того или другого механизма, предвидить всѣ послѣдствія этого измѣненія и ведетъ имъ точный списокъ. Все его удовольствіе состоитъ въ томъ, чтобы ясно и путемъ основательнаго умозрѣнія увидать всѣ эти послѣдствія». Такъ и Свифтъ, начертавъ въ рѣзкихъ эскизахъ тѣ фантастическіе міры, которые придется посѣтить Гулливеру и которые населены то карликами, то великанами и другими небывалыми существами, затѣмъ какъ будто самъ вѣритъ въ существованіе ихъ и принимается съ серьёзнѣйшимъ видомъ описывать намъ всѣ подробности быта ихъ, ни на минуту не забывая скрывать за ними черты дѣйствительной жизни. Это еще болѣе утонченная филигранная работа, чѣмъ въ «Сказкѣ о бочкѣ»; чтобъ понять во всей общности значеніе настоящей сатиры, необходимы были бы подробныя подстрочныя примѣчанія и объясненія при появленіи каждаго новаго лица и каждой новой подробности быта Лиллипутовъ, Бробдингнаговъ и т. д.; безъ этого все современное значеніе «Гулливера» неясно, и въ результатѣ остается только внѣшнее впечатлѣніе остроумнаго осмѣянія общечеловѣческихъ пороковъ, и притомъ такого забавнаго осмѣянія, что обыкновенно «Гулливера», за исключеніемъ немногихъ сценъ и подробностей, считаютъ хорошей книгой для дѣтскаго чтенія,—тогда какъ это одно изъ самыхъ безотрадныхъ проявленій пессимизма.

Все, чѣмъ держится и во имя чего волнуется заурядное человѣчество, приковано здѣсь къ позорному столбу и показаны тѣ нити, которыми все приводится въ движеніе. Суета, низкопоклонство и лесть, царящія въ придворной жизни (любимая тэма сатириковъ прошлаго вѣка) осмѣяны здѣсь въ нѣсколько пріемовъ стилемъ, достойнымъ Рабле; политическія интриги, тайны дипломатіи, войны, показаны съ исподней стороны, и обличена вся низость и душевная чернота, которая оживляетъ главнѣйшихъ двигателей; отношенія обыкновенныхъ гражданъ между собою, связанныя предразсудками и нелѣпыми обычаями, выступаютъ во всей своей неприглядности; въ картинѣ нѣтъ ничего смягчающаго, ничего поэтическаго, — такъ, чувство любви и сердечныя увлеченія у жителей лиллипутскаго королевства выставлены безумной блажью, съ тѣмъ, чтобы еще лишнимъ ударомъ окончательно добить людскую вѣру въ лживое и предательское чувство, которое, подъ вліяніемъ собственныхъ испытаній Свифта,

сдѣлалось съ нѣкотораго времени предметомъ горячихъ его нападокъ (такъ, еще въ небольшомъ и весьма любопытномъ отрывкѣ, носящемъ названіе «Письма къ очень молодой дѣвушкѣ по поводу ея замужства» [1]), онъ высказываетъ тѣ же мысли). Вся эта суета суетъ втоптана въ грязь, и страсти, волнующія человѣчество и считаемыя имъ пламенными и титаническими, приписаны микроскопически-крохотному племени лиллипутовъ, что дѣлаетъ и эту суету еще забавнѣе, и эти страсти смѣшными. Рядомъ съ этимъ достигается та же цѣль посредствомъ гиперболическаго усиленія красокъ, и мелкота людскихъ интересовъ оттѣнена еще болѣе контрастомъ съ исполинскими и первобытными силами великановъ Бробдингнаговъ. Гротескная фантазія автора приводитъ, наконецъ, Гулливера въ страну, населенную благородной и умной породой коней (Houynhnhms), у которыхъ онъ, наконецъ, находитъ возможность отвести душу; онъ изучаетъ ихъ несложный языкъ, простые, честные нравы, и потомъ только и мечтаетъ о счастьи жить въ этомъ благодатномъ краю; но и для этихъ разсудительныхъ существъ есть свой бичъ, — это размножившіяся среди нихъ низшія животныя, обезьяны *(the Jahoos)*, до-нельзя напоминающія собой человѣка, порочныя, нечистыя, злыя, вѣчно возмущающія коней своимъ безобразіемъ. Гулливера сначала принимаютъ тамъ недружелюбно, видя въ немъ такое же отталкивающее существо, но потомъ, убѣдившись изъ его привычекъ, питанія и т. д. въ своей ошибкѣ, разсказываютъ ему охотно о своемъ бытѣ и ждутъ взамѣнъ отъ него разсказовъ о жизни на его родинѣ. Тутъ-то онъ принимается за пространное изложеніе англійскихъ порядковъ, англійской конституціи и т. д., перелагая свой разсказъ въ форму, наиболѣе понятную для слушателей и проводя постоянныя сравненія съ ихъ собственными обычаями. Картина англійской жизни прошлаго вѣка, освѣщенная такимъ образомъ, выходитъ возмутительная; всюду умные кони (т.-е. народъ) находятся въ зависимости отъ гадкихъ и безстыдныхъ *Jahoos*.

Но не въ одной этой части сатиры выступаетъ именно *англійская* современность; напротивъ того, малѣйшая подробность въ ней снята съ натуры. Въ лицѣ различныхъ повелителей фантастическихъ государствъ выведены англійскіе короли, Вильгельмъ III, Георгъ I; живая характеристика министра Уольполя цѣликомъ включена въ ту же обстановку; споры между католическою и протестантскою партіями, столкновенія между верховной властью

[1]) Letter to a very young lady on her marriadge. Эдинб. изд., стр. 471.

и народными правами, столь участившіяся въ дни Георговъ, развитіе постоянной арміи, вызывавшее недовольство торіевъ, преслѣдованія, которымъ самъ Свифтъ подвергался въ Ирландіи со стороны суда и администраціи, отношенія между Англіею и Франціею (по Гулливеру—Блефуску), особенно въ пору утрехтскаго мира,—все это въ томъ или другомъ видѣ отразилось въ обстоятельныхъ описаніяхъ нашего мнимаго путешественника. Давъ волю своему раздраженію, онъ не забылъ свести и чисто личные счеты съ людьми, въ которыхъ не могъ видѣть ни политическихъ враговъ, ни утѣснителей массы,—именно съ современными англійскими учеными. Онъ заставилъ своего Гулливера посѣтить и островъ Лапуту, къ удивленію его висѣвшій на воздухѣ надъ моремъ и удерживаемый въ этомъ положеніи особою магнитной силой; этотъ островъ оказывается сборнымъ мѣстомъ непризнанныхъ философовъ, неудачныхъ и несвѣдущихъ математиковъ, которые тѣмъ не менѣе во что бы то ни стало силятся рѣшать міровыя задачи,—и пытливый читатель узнаетъ въ этомъ преувеличенно-каррикатурномъ видѣ центръ тогдашняго ученаго міра, «Royal Society», и во главѣ ея Ньютона, которому Свифтъ не могъ простить его вмѣшательства въ щекотливое дѣло объ ирландской монетѣ, за доброкачественность которой заступился Ньютонъ. Въ главѣ, посвященной Лапутѣ, есть не мало вѣрныхъ и злыхъ намековъ на дѣйствительныя слабости современной Свифту науки, но личное неудовольствіе слишкомъ часто сказывается тутъ. Такія, пока еще эпизодическія, явленія были предвозвѣстниками того повальнаго презрѣнія во всѣмъ житейскимъ дѣламъ, которое вскорѣ станетъ общимъ признакомъ настроенія Свифта.

«Странствія Гулливера» были послѣднимъ словомъ его; позднѣйшія работы выказываютъ слабость и утомленіе духа. На короткое время его какъ будто снова начинаетъ одолѣвать манія стать во главѣ политическаго движенія не въ одной только Ирландіи. Онъ появляется снова, послѣ долгаго отсутствія, въ Лондонѣ, видится съ своими старыми друзьями, становится предметомъ вниманія двора,—но вскорѣ Свифтъ убѣждается, что времена перемѣнились и что съ новыми людьми для него невозможно сблизиться. Тогда онъ окончательно удаляется въ Ирландію, куда его къ тому же призываютъ тревожныя вѣсти объ опасной болѣзни Стеллы. Онъ засталъ ее еще въ живыхъ, видѣлъ ея страданія, терзался и положилъ на это отчаянное душевное напряженіе послѣднія свои силы. Со смертью Стеллы вся жизнь подернулась для него флёромъ. Старый, одинокій, сознающій быстрое ослабленіе всѣхъ способностей, разъѣдаемый застарѣлой

болѣзнью и давно во всемъ разочаровавшійся, онъ предался сплошному унынію, дѣлавшему его иногда на долгое время безчувственнымъ. Въ промежуткахъ между этими томительными періодами онъ снова принимался за работы, снова строилъ планы; но самыя тэмы этихъ работъ живо отражали смятенное и озлобленное состояніе его духа. Это были поэмы цинически-разбитного содержанія: рапсодія, предавшая позору все королевское семейство, наконецъ стихи на свою собственную смерть, рисующіе съ юморомъ, достойнымъ старыхъ лучшихъ дней поэта, то равнодушіе, съ которымъ несомнѣнно отнесутся всѣ къ смерти декана, пустые разговоры, которые пойдутъ о немъ за карточными столами между сдачей картъ и разными ходами. Но болѣзнь брала свое; головныя боли доходили до мучительнѣйшей степени, глухота усиливалась, память мало-по-малу исчезла. Измученный, онъ жаждалъ смерти; его письма дышатъ неподдѣльнымъ отчаяніемъ, вызывающимъ невольное состраданіе. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ онъ пишетъ: «Мнѣ было опять очень тяжело прошлою ночью; сегодня опять я глухъ, и болей у меня много. Я такъ отупѣлъ и убитъ, что не могу выразить, какъ пораженъ и тѣломъ и духомъ. Я еще не въ агоніи, но каждый день жду ея. Скажите мнѣ, какъ ваше здоровье, здорова ли ваша семья? Я почти не понимаю, чтó пишу. Я увѣренъ, что дни мои сочтены; ихъ не много будетъ, и жалкіе же будутъ они». Письмо помѣчено: «если не ошибаюсь, суббота». Наконецъ силы этого мощнаго духа, столько лѣтъ находившагося въ постоянномъ напряженіи, изсякли: Свифтъ впалъ въ состояніе безсознательное, почти въ идіотизмъ, никого не узнавалъ, рѣдко приходилъ въ себя, почти не говорилъ,—и въ этомъ-то состояніи полу-мертвеца онъ провелъ болѣе десяти лѣтъ. Но такова была исконная сила этого духа и такъ глубоко коренилось излюбленное имъ сатирическое отношеніе къ жизни, что даже въ немногіе просвѣты разума онъ всегда разрѣшался внезапно какою-нибудь злою эпиграммой, говорившей, что ничто его не примиритъ ни съ судьбой, ни съ людьми: на могильной плитѣ надпись, имъ самимъ придуманная, говоритъ о духѣ негодованія (saeva indignatio), какъ объ основной чертѣ его характера; кажется, трудно было бы найти опредѣленіе вѣрнѣе этого загробнаго признанія. Наконецъ исполнилось его желаніе, и смерть пришла избавить его именно такъ, какъ онъ хотѣлъ этого; въ одномъ изъ первыхъ писемъ, писанныхъ въ минуту хандры, онъ выражаетъ желаніе быстраго конца, «чтобъ не умирать въ мученіяхъ и отчаяніи, какъ отравленная крыса въ подпольѣ». Смерть по-

дошла тихо и незамѣтно, и тревожный духъ отлетѣлъ среди безмятежнаго сна.

Кончина Свифта была великимъ горемъ для бѣдныхъ, утѣшеніемъ для господствующаго класса. Толпы простого народа наполняли его комнату, желая проститься съ своимъ заступникомъ и благодѣтелемъ (третью часть своего дохода Свифтъ правильно отдавалъ на бѣдныхъ, и, кромѣ того, дѣлалъ много тайныхъ благодѣяній); слуги допустили народъ обрѣзать сѣдые кудри у покойнаго, и крестьяне уносили съ собой эту драгоцѣнность, говоря, что навѣки сберегутъ ее, а умирая, оставятъ въ лучшее наслѣдство дѣтямъ» [1]). Эта благодарная народная память никогда не изсякла у ирландцевъ, любящихъ всецѣло присвоивать себѣ «своего великаго земляка Свифта». Но онъ не принадлежитъ какому-нибудь одному народу или одной эпохѣ; этотъ умъ, «столь великій и въ то же время столь мрачный» (какъ мѣтко опредѣлилъ его Теккерей), сталъ достояніемъ всего человѣчества. Въ ряду замѣчательнѣйшихъ представителей новаго литературнаго и политическаго движенія въ Европѣ онъ занимаетъ непослѣднюю роль; онъ не мало помогъ освобожденію мысли отъ сдерживавшихъ ее оковъ; онъ оживилъ и поднялъ англійскую литературу, создавъ ей новый слогъ, основавъ періодическую прессу и прививъ печатному слову высокое общественное значеніе. Но и независимо отъ этого неоспоримаго права на благодарность послѣдующихъ поколѣній, самъ Свифтъ, какъ человѣкъ, со всѣми своими заблужденіями и несчастіями, съ колоссальной силой духа, повелѣвающей массами, и мелкими страстями, подтачивающими его, со всей злобой и мстительностью, на которую онъ только способенъ, съ загадочными его отношеніями къ двумъ несчастнымъ женщинамъ, связаннымъ съ нимъ судьбой, — этотъ человѣкъ, цѣлой головой стоящій выше толпы, будетъ всегда служить предметомъ заботливаго изученія для изслѣдователя основныхъ и рѣзкихъ чертъ человѣческой природы, а судьба его останется однимъ изъ любопытнѣйшихъ, почти романическихъ эпизодовъ въ исторіи новаго времени.

Алексѣй Веселовскій.

Москва, 1875.

[1]) Біографія Свифта, Лэйнгъ-Пэрвса, стр. 38.

НА РОДИНѢ

I.

Средь горъ, тропинкою лѣсной
Я возвращался въ домъ родной.
Ужъ день погасъ, и саванъ черный
Одѣлъ холмы и небеса.
Какъ звѣрь слѣпой и непроворный,
Ползла тумана полоса
Изъ трещинъ скалъ. Порой блестѣли
Во тьмѣ далекіе огни.
Я зналъ, то турки села жгли,
То города болгаръ горѣли,
И каждый разъ отъ тѣхъ огней
Сжималась грудь моя больнѣй.
И я спѣшилъ тропой знакомой
Туда, въ родимое село.
Сомнѣнье горькое росло
Въ моей душѣ. Чтó съ ними дома?
Избѣгли-ль общаго погрома,
Иль спятъ на вѣкъ?...

II.

И цѣлый рядъ
Въ больномъ мозгу вставалъ видѣній.
Я грезилъ. То родимый садъ
Я видѣлъ ясно въ отдаленьи.

Голубка нѣжная моя
Подъ тѣнью тополей гуляетъ,
И, къ ней ласкаяся, играетъ
Дѣтей безпечная семья.
Но мать грустна и ждетъ кого-то—
И ждетъ меня. На дальній путь
Она взираетъ, и заботой
Томится любящая грудь,
И грустный взоръ слеза туманитъ.
Гдѣ онъ теперь? Что съ нимъ? Но вотъ,
Мелькнулъ во mракѣ пѣшеходъ.
То онъ! О, чувство не обманетъ!
Пришелъ—и къ сердцу своему
Прижалъ онъ сердце дорогое....

III.

То вдругъ мнѣ грезилось другое.
Я вижу мрачную тюрьму,
Болгаръ измученныя лица;
Я слышу ихъ покорный стонъ
И отъ цѣпей тяжелыхъ звонъ.
И тамъ жена моя томится....
Она—краса болгарскихъ женъ,
Она—души моей отрада!
Поблекли милыя черты
Отъ слезъ. Отъ прежняго наряда
Лохмотья жалкой нищеты
Остались ей. Во тьмѣ угрюмой
Она блуждаетъ, словно тѣнь,
Скорбитъ и плачетъ ночь и день
И обо мнѣ томится думой.
И я спѣшилъ....

IV.

Вотъ наконецъ
Ужъ потянулся лѣсъ высокій:
Теперь отъ дома не далеко.
Но, ужасъ! Воздухъ, какъ свинецъ,

Вдругъ сталъ тяжелъ. Дышать нѣтъ силы:
Какъ испаренія могилы,
Меня онъ давитъ. Чей-то вой,
Въ ночной тиши раздавшись глухо,
Мое внимательное ухо
Встревожилъ вѣстью роковой.
Какъ хриплый крикъ вороны черной,
Онъ тайный страхъ во мнѣ будилъ.
И чѣмъ я ближе подходилъ,
Тѣмъ воздухъ дѣлался тлетворнѣй,
И вой сердитѣй и упорнѣй.

V.

На темный сводъ луна взошла,
Когда достигнулъ я села.
Спѣша, съ боязнью сокровенной,
Взобрался я на валъ крутой
И внизъ глянулъ—и крикъ глухой
Изъ сердца вырвался мгновенно....
О, въ эту ночь чтó видѣлъ я,
Вамъ не видать, мои друзья!

VI.

По склону каменнаго вала,
Межъ грудъ обглоданныхъ костей,
Валялись черепы людей.
Меня завидѣвъ, зарычала
Сердито стая хищныхъ псовъ,
Метнулась въ сторону сначала
И принялась за пищу вновь,
Сверкнувъ кровавыми глазами.
На мѣстѣ прежнихъ хатъ вдали
Лишь груды углей и золы
Съ осиротѣвшими трубами
Вездѣ тянулись полосами;
И долеталъ изъ нихъ порой
Голодныхъ псовъ сердитый вой.

VII.

Я не съумѣю тѣхъ мгновеній,
И страхъ, и муки вспомнить вновь.
Отъ вспоминанья стынетъ кровь,
Дрожа, сгибаются колѣни.
Жена и дѣти!... Какъ стрѣла,
Къ избѣ родимой я помчался.
Я попиралъ ногой тѣла,
Порой о трупы спотыкался,
И падалъ къ мертвецамъ на грудь,
И съ воплемъ обнималъ скелеты....
Казалось, страшный этотъ путь
Былъ безъ конца.... Жена и дѣти!
О, какъ ужасенъ былъ мой крикъ!
Жена и дѣти.... Въ этотъ мигъ
Я-бъ отдалъ жизнь, какъ грузъ досадный,
За взоръ единый ихъ очей,
За взоръ голубки ненаглядной...
Но небо глухо для людей,
И Богъ не внялъ мольбѣ моей....

VIII.

Но вотъ, окончена дорога.
Здѣсь былъ мой домъ... О, страшный видъ!
У обгорѣвшаго порога
Трупъ разложившійся лежитъ.
Въ груди пятномъ зіяла рана
Надъ черной крови полосой;
Густые волосы вкругъ стана
Обвились длинною косой.
Языкъ ли пса, иль клювъ вороны
Сожралъ потухшіе глаза.
Клубился воздухъ зараженный
Черезъ гніющія уста;
Отъ платья женскаго вкругъ тѣла
Висѣли грязные клочки,
И кость оторванной ноги
Недалеко отъ трупа тлѣла.

А рядомъ съ нимъ другихъ костей
Вздымалась сумрачная груда:
Скелеты сглоданныхъ дѣтей
Торчали голые оттуда...
Друзья! Друзья! Своихъ родныхъ
Узналъ я въ трупахъ тѣхъ нѣмыхъ!
И не свалился трупомъ хладнымъ
Я подъ ударомъ безпощаднымъ!
О, какъ въ насъ жизнь порой сильна,
Когда она намъ не нужна!

IX.

И долго я сидѣлъ надъ тѣломъ
Безъ слезъ въ глазахъ, безъ всякихъ думъ,
Какъ камень, молча и угрюмъ.
И въ сердцѣ, вдругъ осиротѣломъ,
Разлились мракъ и пустота:
Такъ точно вѣкъ темна, пуста
Зіяетъ бездна межъ скалами.
Казалось, между мертвецами
Я самъ безжизненный скелетъ.
Казалось мнѣ, что цѣлый свѣтъ
Заснулъ глубоко, какъ могила.
Онъ вымеръ. Страшнымъ мертвецомъ
Нависло небо, и на немъ
Зіяли ранами свѣтила.
И ощущалъ я, какъ во снѣ,
Что грудь сжималась, какъ клещами,
Въ вискахъ стучало молотами,
И круги красные, въ огнѣ,
Какъ вихорь, мчались предъ глазами.
И долеталъ ко мнѣ сквозь сонъ
Неясный гулъ, неясный звонъ...

X.

Всю ночь одинъ въ тиши пустынной
Межъ тлѣвшихъ труповъ я бродилъ.

Болгарія! Страна могилъ!
Твоею кровью неповинной
Нашъ вѣкъ жестокій заклейменъ.
Судья исчезнувшихъ временъ,
Потомокъ строгій, безпристрастный,
Изъ-за Болгаріи несчастной
Отцовъ бездушныхъ проклянетъ,
И рокового приговора,
И справедливаго позора
На насъ тяжелый ляжетъ гнетъ.
Болгарія! О, край стенаній,
Край страшныхъ мукъ, смертельныхъ ранъ!
Изнемогла ты отъ страданій
И пала жертвой за славянъ,—
Быть можетъ, жертвой искупленья;
Быть можетъ, изъ твоихъ могилъ
Взойдетъ заря освобожденья,
Высокихъ думъ и свѣжихъ силъ...
Болгарія! Рабовъ гробница!
Спи крѣпко, край мой дорогой!
Ты палачей сраженъ рукой,
Такъ пусть ихъ смѣхъ тебѣ не снится
И не встревожитъ твой покой...

XI.

Такъ я мечталъ—и, полный муки,
Вдругъ чей-то вздохъ ко мнѣ дошелъ.
На эти горестные звуки
Къ знакомой хатѣ я добрелъ.
Въ ней мать сидѣла молодая
Съ младенцемъ соннымъ на рукахъ.
Мученья голода и страхъ,
И злоба дикая, тупая,
Въ безумныхъ искрились глазахъ.
Я зналъ ее. Она сіяла
Когда-то чудной красотой,
И цѣль заботъ семьи родной,
И гордость мужа составляла.

На пеплѣ прежняго жилья
Теперь голодная сидѣла
Больная женщина, и пѣла,
Качая спавшее дитя.

XII.

ПѢСНЯ МАТЕРИ.

«Кто рабомъ на свѣтъ родился,
Тотъ умри рабомъ.
Горе тѣмъ, кто не смирился
Подъ своимъ ярмомъ.
Чужда сильному пощада,
Перебиты всѣ...
Ты одинъ, моя отрада,
Ты остался мнѣ.

«Былъ у насъ и садъ, и нива,
Былъ и домъ родной—
Какъ довольна и счастлива
Я жила съ семьей.
Такъ и прожили-бъ всѣ годы,
Да случился грѣхъ,
Захотѣли вдругъ свободы,—
И избили всѣхъ.

«Собирались здѣсь болгары
Къ твоему отцу.
Онъ сказалъ мнѣ: «Гнетъ нашъ старый
Ужъ пришелъ къ концу.
Къ намъ на помощь другъ далекій,
Сильный другъ придетъ,
И Болгарія жестокій
Сброситъ старый гнетъ».

«Позабылъ насъ другъ нашъ дальній,
Наказалъ насъ Богъ,
И народъ многострадальный
Палъ у вражьихъ ногъ.

Весь свой путь слѣдомъ кровавымъ
Заклеймилъ тиранъ.
О, не вѣрь друзьямъ лукавымъ
Изъ далекихъ странъ!

«Станешь мужемъ—дерзновенной
Не прельстись мечтой,
Преклоняй главу смиренно
Предъ своимъ агой.
Дочь твою ага полюбитъ—
Дочь отдай агѣ,
А не то—тебя онъ сгубитъ,
И сгніешь въ тюрьмѣ.

«Примирись съ судьбой жестокой
И покоренъ будь,
Про безсильные упреки
И про месть забудь.
Все—семья, и домъ, и поле—
Все въ рукахъ аги.
Кто увидѣлъ свѣтъ въ неволѣ,
Тотъ рабомъ умри!»

XIII.

Такъ пѣла мать—и пѣсни звуки
Рыдали въ мертвой тишинѣ,
И месть, и ненависть, и муки
Грозою подняли во мнѣ.
«Оставь, о, мать! Свой голодъ страшный
Скорѣе хлѣбомъ утоли.
Не бойся—я твой другъ домашній,
Скорѣй поѣшь и отдохни.
Дай мнѣ дитя—я пѣснь другую
Спою ребенку твоему—
Про возрожденную страну
И про свободу дорогую.
Ее слѣпецъ родныхъ полей
Мнѣ пѣлъ въ дни юности моей.

XIV.

ПѢСНЯ СЛѢПЦА.

«Разсѣялись тучи и мрачная ночь,
Проснулась страна дорогая,
Стряхнули славяне ярмо свое прочь,
И смолкла вражда вѣковая.

«Славяне! Я слышу свободы приходъ,
Дрожать и блѣднѣють тираны,
Нѣтъ болѣе старой вражды и невзгодъ,
И зажили старыя раны.

«Свобода идетъ, но не солнца лучи —
Пожары ей путь освѣщаютъ,
Не розы, а трупы лежатъ по пути,
И волки о ней возвѣщаютъ.

«Впередъ! Ничего нѣтъ страшнѣе, чѣмъ гнѣвъ
Рабовъ, разбивающихъ цѣпи;
Кто жаждетъ свободы, опаснѣй, чѣмъ левъ,
Чтò рыщетъ голодный по степи.

«Впередъ! Тотъ несчастенъ, кто въ рабствѣ рожденъ,
Презрѣненъ, кто въ немъ умираетъ:
Потомокъ межъ предковъ священныхъ именъ
То имя забвеньемъ караетъ.

«Глядите на сѣверъ: великую рать
Я вижу вдали тамъ, въ туманѣ:
За жизнь, за свободу, за честь умирать
Сбираются братья-славяне.

«Болгаринъ, и сербъ, и Россіи сыны—
Славянскіе братья-народы—
Спѣшатъ на веселое поле войны
Отпраздновать праздникъ свободы.

«На полѣ войны мы союзъ свой скрѣпимъ
Подъ музыкой брани призывной,

И братскою кровью ту связь окропимъ,
Чтобъ вѣчно была неразрывной!»

XV.

Я кончилъ пѣсню—и, казалось,
Кругомъ все поле всколыхалось,
И, мертвецовъ тревожа сонъ,
Пронесся тяжкій, грустный стонъ...

Исполненъ муки и томленья,
Тоской и злобой онъ дышалъ
И воплемъ: мщенья! мщенья! мщенья!
Село нѣмое оглашалъ...

Н. Минскій.

ГОРНОЗАВОДСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ

НА

УРАЛѢ ВЪ 1760—1764 гг.

Въ русской исторической литературѣ есть нѣсколько очень почтенныхъ изслѣдованій по исторіи крѣпостныхъ крестьянъ; это объясняется отчасти тѣмъ, что необходимость обстоятельно и всесторонне разсмотрѣть вопросъ объ ихъ освобожденіи, которую почувствовало двадцать лѣтъ тому назадъ наше общество, заставило нашихъ ученыхъ историковъ и юристовъ обратить вниманіе на изученіе ихъ прошлой жизни. Желая удовлетворить такой потребности, покойный И. Д. Бѣляевъ въ своей извѣстной книгѣ «Крестьяне на Руси» прослѣдилъ преимущественно развитіе крѣпостного права. Гораздо менѣе посчастливилось у насъ крестьянамъ государственнымъ, и мы до сихъ поръ не имѣемъ сочиненія, въ которомъ была бы разсмотрѣна исторія всѣхъ отдѣловъ этихъ крестьянъ, хотя бы начиная съ эпохи Петра В., какъ это сдѣлано относительно дворянства и приходскаго духовенства въ извѣстныхъ трудахъ гг. Романовича-Славатинскаго и Знаменскаго. Исторія крестьянъ, обнимающая всѣ стороны ихъ жизни, само собою разумѣется, еще болѣе необходима; но такой трудъ едвали даже возможенъ въ настоящее время при скудости *изданныхъ* по этому вопросу матеріаловъ. Мы полагаемъ, что полную, удовлетворяющую всѣмъ научнымъ требованіямъ исторію русскихъ крестьянъ мы будемъ имѣть лишь тогда, когда многія лица займутся или изученіемъ какого-нибудь одного отдѣла крестьянъ за обширный періодъ времени, или будутъ изучать

всѣ отдѣлы крестьянъ въ одну опредѣленную эпоху, не ограничиваясь при этомъ одними печатными источниками.

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ обратить вниманіе читателей на весьма любопытный и совершенно неизвѣстный въ историческомъ отношеніи отдѣлъ государственныхъ крестьянъ, именно крестьянъ горнозаводскихъ. Крестьяне эти жили не только въ приуральскомъ краѣ, а также въ Сибири и въ нынѣшней олонецкой губерніи; но на этотъ разъ мы ограничиваемся однимъ эпизодомъ изъ исторіи уральскихъ крестьянъ. Изученіе ихъ жизни и волненій въ началѣ второй половины XVIII в. весьма важно не только само по себѣ, но между прочимъ и для правильнаго объясненія пугачевщины, которая мало понятна для насъ безъ изученія предшествовавшихъ народныхъ волненій. По сю сторону Волги пугачевщина подняла массы крѣпостныхъ крестьянъ, раздраженныхъ тяжелымъ гнетомъ, который съ теченіемъ времени дѣлался все болѣе невыносимымъ. Но на Уралѣ жили почти исключительно крестьяне государственные: почему же волненіе и здѣсь быстро распространилось; почему манифесты Пугачева жадно читались уральскимъ населеніемъ, которое поставило значительный контингентъ для его полчищъ; почему на здѣшнихъ заводахъ отливали для Пугачева пушки, съ распростертыми объятіями принимали его самого и его генераловъ?

Горнозаводскіе крестьяне составляли въ прошломъ столѣтіи часть государственныхъ крестьянъ, но отличались отъ нихъ тѣмъ, что не уплачивали своихъ податей деньгами, а обязаны были отработывать ихъ на казенныхъ и частныхъ горныхъ заводахъ за опредѣленную плату. Вознагражденіе за трудъ не выдавалось имъ на руки, а зачитывалось въ уплату податей. Крестьяне эти были приписаны къ заводамъ и назывались *приписными*. Нѣсколько случаевъ приписки крестьянъ къ различнымъ частнымъ горнымъ заводамъ мы встрѣчаемъ еще въ XVII вѣкѣ. Съ самаго начала XVIII столѣтія они являются готовою рабочею силою и для казенныхъ горныхъ заводовъ. По мѣрѣ развитія горнаго дѣла число приписныхъ крестьянъ все возростало, такъ что въ 1719 г. за всѣми казенными и частными заводами числилось ихъ уже болѣе 30,000 душъ.

Мы сказали, что приписные крестьяне работали за опредѣленное вознагражденіе, которое и зачиталось имъ въ уплату податей. Понятно, что продолжительность этой обязательной работы обусловливалась, съ одной стороны, размѣромъ податей, а съ другой — величиною платы за трудъ. Вотъ какое вознагражденіе крестьянамъ назначило правительство въ 1724 г. за работу на

заводахъ: въ лѣтнее время пѣшему рабочему по 5 коп. въ день, конному по 10 к.; зимою пѣшему по 4 к., конному по 6 к. Податей въ это время сбиралось въ годъ по 70 к. съ души. Этотъ подушный окладъ въ 70 к. пѣшій рабочій могъ бы отработать въ двѣ недѣли, но каждый изъ нихъ работалъ не только за себя, а также и за всѣ ревизскія души, т.-е. за стариковъ, малолѣтнихъ и умершихъ послѣ ревизіи, и потому въ дѣйствительности каждому взрослому крестьянину приходилось работать гораздо болѣе. Однако въ первое время положеніе приписныхъ крестьянъ было все-таки несравненно лучше, чѣмъ впослѣдствіи.

Съ развитіемъ горнаго промысла и увеличеніемъ числа заводовъ количество приписныхъ крестьянъ возростаетъ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшается и ихъ положеніе. Это объясняется тѣмъ, что казенные крестьяне, жившіе вблизи заводовъ, и которымъ, слѣдовательно, было недалеко ходить на работу, скоро были почти всѣ приписаны къ заводамъ и тогда стали привлекать къ горнымъ работамъ крестьянъ, все далѣе живущихъ отъ заводовъ. Дошло до того, что крестьянъ казанскаго уѣзда приписывали къ заводамъ, построеннымъ въ оренбургской губерніи въ глубинѣ Башкиріи, такъ что нѣкоторымъ нужно было проходить на заводъ болѣе 600 верстъ въ одинъ конецъ. Крестьяне стали тратить много времени на проходъ, а между тѣмъ увеличилось и количество работъ на самомъ заводѣ. Это произошло отъ того, что плата за работу, назначенная указомъ 1724 г., не была возвышена до 1769 г., а между тѣмъ подати за это время поднялись съ 70 к. до 1 р. 70 к., и, слѣдовательно, крестьянамъ приходилось работать на заводахъ болѣе, чѣмъ вдвое сравнительно съ прежнимъ.

Очень неблагопріятно также отразилось на ихъ судьбѣ то обстоятельство, что въ царствованіе императрицы Елисаветы, въ 50-тыхъ годахъ, множество казенныхъ заводовъ были проданы за ничтожную цѣну разнымъ вельможамъ: П. И. Шувалову, гр. И. Г. Чернышеву, гр. М. Л. Воронцову, брату его Р. Л. Воронцову, а также секундъ-майору Гурьеву и Турчанинову. Вмѣстѣ съ заводами перешли въ ихъ распоряженіе и приписные къ нимъ крестьяне: они должны были по прежнему отработывать тамъ свой подушный окладъ, а заработанныя ими подати владѣльцы заводовъ вносили за нихъ въ казну. Для новыхъ владѣльцевъ этихъ заводовъ было весьма важно, что эти крестьяне были обязаны работать у нихъ: такимъ образомъ они имѣли въ своемъ

---

[1]) По второй ревизіи (1742 г.) ихъ было уже 102,500 душъ.

распоряженіи дешевыхъ рабочихъ. И во время казеннаго управленія по отношенію къ горнозаводскимъ крестьянамъ было много злоупотребленій, но съ тѣхъ поръ, какъ заводы перешли въ руки частныхъ владѣльцевъ, эти злоупотребленія страшно увеличились.

Крестьяне не остались пассивными зрителями передачи ихъ на произволъ частныхъ заводчиковъ. Немедленно за продажею казенныхъ заводовъ частнымъ владѣльцамъ начались волненія приписныхъ крестьянъ. Два случая волненій въ тогдашнемъ казанскомъ уѣздѣ мы видимъ уже въ 1756 г.; но тогда раздача заводовъ разнымъ лицамъ, приближеннымъ ко двору, еще только начиналась. Чѣмъ болѣе раздавалось заводовъ, тѣмъ сильнѣе дѣлалось недовольство крестьянъ. Съ 1760 года за Ураломъ начинаются постоянныя вспышки, которыя, постепенно разростаясь, охватываютъ наконецъ всю мѣстность, населенную крестьянами, приписанными къ уральскимъ заводамъ. Только черезъ 5 лѣтъ, т.-е. въ 1764 году, крестьяне были окончательно усмирены. Въ этомъ волненіи принимали участіе лишь приписанные къ частнымъ заводамъ. Впрочемъ, въ это время оставалось всего 15,000 крестьянъ, работавшихъ на казенныхъ уральскихъ заводахъ, тогда какъ за частными заводами считалось 100,000 человѣкъ.

Исторія этого волненія и описаніе положенія приписныхъ уральскихъ крестьянъ въ это время и составляетъ ближайшій предметъ настоящей статьи. Однако, прежде чѣмъ перейти къ разсказу о волненіи, мы должны выяснить нѣкоторые вопросы относительно положенія приписныхъ крестьянъ въ 50-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія, насколько это положеніе было опредѣлено закономъ; при этомъ мы будемъ имѣть въ виду исключительно приписныхъ къ частнымъ заводамъ.

Мы уже сказали, что приписные крестьяне должны были отработывать на заводахъ свой подушный окладъ. При ничтожной платѣ за трудъ это отнимало весьма много времени. Но, по крайней мѣрѣ, отработавъ свои подати (въ началѣ 50-тыхъ годовъ — 1 р. 10 к., а съ 1760 г.—1 р. 70 к.), могъ ли крестьянинъ быть вполнѣ увѣренъ, что ему не придется въ томъ же году еще работать на заводѣ, другими словами: *могъ ли владѣлецъ завода заставлять крестьянина работать и сверхъ подушнаго оклада?*

Дозволивъ въ 1702 году приписать крестьянъ къ Невьянскому желѣзному заводу Демидова, Петръ Великій приказалъ, въ томъ случаѣ, если понадобится, чтобы крестьяне работали болѣе, чѣмъ за подушный окладъ, выдавать имъ за лишнюю работу деньги на руки. То же самое было сказано о приписныхъ крестьянахъ во-

обще, и въ именномъ указѣ Петра, 29 мая 1724 года. Но въ обоихъ этихъ указахъ правительство заботилось главнымъ образомъ о томъ, чтобы крестьяне не остались безъ всякаго вознагражденія за работу сверхъ подушнаго оклада, если въ ней окажется надобность. Гораздо яснѣе выражено дозволеніе заставлять крестьянъ работать и сверхъ оклада—въ утвержденномъ императрицею Анною (8 августа 1740 года) докладѣ извѣстнаго бергъ-директора Шемберга. Приписные крестьяне,—сказано было въ немъ,—должны отработывать на заводахъ положенныя на нихъ подати. Но такъ какъ работа на заводѣ продолжается въ теченіе цѣлаго года, то на то время, когда не будутъ работать приписные, заводчики должны нанимать вольнонаемныхъ рабочихъ. Если же, они совсѣмъ не найдутъ «наемщиковъ и подрядчиковъ», или тѣ *будутъ просить за работу очень дорого*, въ такомъ случаѣ владѣлецъ завода могъ заставлять приписныхъ крестьянъ работать и *сверхъ подушнаго оклада*, выплачивая имъ только за это деньги по опредѣленной правительствомъ таксѣ. Такимъ образомъ Шембергъ, этотъ клевретъ Бирона, этотъ проходимецъ, доказывавшій изъ корыстныхъ видовъ, что для государства гораздо выгоднѣе передать всѣ казенные заводы въ частныя руки и при этомъ забравшій себѣ самый лакомый кусокъ (Гороблагодатскіе заводы), убѣдилъ правительство окончательно дозволить заводчикамъ требовать отъ приписныхъ крестьянъ работы и сверхъ подушнаго оклада. Заводчикъ могъ прибѣгать къ этой обязательной работѣ всякій разъ, когда онъ найдетъ, что вольнонаемные рабочіе запрашиваютъ слишкомъ дорого, т.-е. всегда, когда ему вздумается. Такъ какъ Шембергъ скоро лишился Гороблагодатскихъ заводовъ и былъ выгнанъ изъ Россіи, и такъ какъ потомъ до половины 50-тыхъ годовъ казенные заводы не раздавались въ частныя руки, то это постановленіе стали примѣнять только съ 1754 года, но за то потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ роздали частнымъ лицамъ почти всѣ казенные уральскіе заводы и при этой раздачѣ всякій разъ подтверждалось, что владѣльцы заводовъ имѣютъ право требовать отъ приписныхъ крестьянъ работы и сверхъ подушнаго оклада [1]).

Если заводчики могли удерживать приписныхъ крестьянъ на работѣ, сколько имъ вздумается, только уплачивая имъ деньги за лишнюю работу, то естественно является вопросъ, не могли ли они совсѣмъ оставлять ихъ на заводѣ, словомъ: *могли иметь*

[1]) Только на одномъ заводѣ было сдѣлано отступленіе отъ этого правила, о чемъ мы скажемъ ниже.

нымъ заводчики переселять приписныхъ крестьянъ къ себѣ на заводъ и превращать ихъ въ заводскихъ мастеровыхъ, которые должны были постоянно работать на ихъ заводѣ? Въ бергъ-регламентѣ 1739 года, который былъ созданіемъ того же Шемберга, вотъ что было сказано по этому поводу: «если кто заведетъ полезные государству заводы, а вольныхъ работниковъ достать не можетъ, то къ тѣмъ заводамъ приписывать крестьянъ не цѣлыми волостями, а по разсмотрѣнію давать по нѣскольку дворовъ, которые самимъ заводчикамъ переводить и поселять при заводахъ». Къ счастію, это постановленіе бергъ-регламента не получило впослѣдствіи такой силы, какъ правило о работахъ сверхъ подушнаго оклада. Правда, всемогущій при императрицѣ Елисаветѣ П. И. Шуваловъ получилъ разрѣшеніе переселять по своему усмотрѣнію приписныхъ крестьянъ на переданные ему заводы; но это былъ исключительный случай. Взглядъ правительства на этотъ вопросъ въ концѣ 50-тыхъ годовъ прошлаго столѣтія былъ высказанъ очень ясно въ одномъ сенатскомъ указѣ 1760 года. Графъ Чернышевъ подалъ прошеніе, чтобы ему дозволили пополнить число мастеровъ на отданныхъ ему казенныхъ Юговскихъ заводахъ изъ приписанныхъ къ нимъ крестьянъ. Бергъ-коллегія представила этотъ вопросъ на усмотрѣніе сената, и тотъ разрѣшилъ Чернышеву переселить на заводъ болѣе 200 человѣкъ, но съ тѣмъ, «чтобы вѣчно имъ при тѣхъ заводахъ не быть» и чтобы онъ старался обучать и заставлялъ работать на своихъ заводахъ крѣпостныхъ крестьянъ, такъ какъ, говоритъ сенатъ, «къ партикулярнымъ заводамъ деревни приписываются на время, а не вѣчно». Мы видимъ, слѣдовательно, что можно было переселять на заводъ приписныхъ крестьянъ не иначе, какъ по особому разрѣшенію правительства, и при томъ еще заводчики могли ожидать, что у нихъ отнимутъ этихъ рабочихъ.

Не такъ опредѣленно мы можемъ отвѣтить на вопросъ: *могли ли частные заводчики наказывать приписныхъ крестьянъ?* Относительно приписныхъ къ Невьянскому заводу указъ 1702 года разрѣшаетъ этотъ вопросъ положительно: Демидовъ могъ за ослушаніе или лѣность на работѣ наказывать этихъ крестьянъ батогами или плетьми, могъ даже надѣвать на нихъ оковы. Въ указахъ, по которымъ при Елисаветѣ раздавались казенные заводы частнымъ владѣльцамъ, нигдѣ не упоминалось, что они могли наказывать приписныхъ. Но вотъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній по жалобамъ крестьянъ, князь Вяземскій, отправленный императрицею Екатериною для усмиренія волненія, говоритъ, что по указу сената велѣно, чтобы *заводскія конторы нарядами*

крестьянъ на работу и во время работъ вѣдали ихъ судомъ и расправою, т.-е., очевидно, такъ же какъ и Демидовъ, онѣ могли наказывать ихъ за ослушаніе и лѣность на работѣ. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли такого указа, и потому не можемъ сказать положительно, правильно ли понялъ князь Вяземскій указъ, о которомъ онъ упоминаетъ, и дѣйствительно ли было издано такое общее постановленіе по этому вопросу. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что не только въ царствованіе императрицы Елисаветы *не было запрещено* заводчикамъ самимъ наказывать крестьянъ, но и въ первыя 20 лѣтъ царствованія императрицы Екатерины II не было издано такого запрещенія, даже и послѣ того, когда на слѣдствіи, произведенномъ княземъ Вяземскимъ, обнаружилось, какимъ возмутительнымъ насиліямъ подвергались приписные крестьяне на частныхъ заводахъ.

Итакъ, заводчикамъ не было запрещено наказывать государственныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ ихъ заводамъ. Что касается отправленія крестьянъ на работу, то этимъ несомнѣнно завѣдывала заводская контора. Для этого повѣренные заводчика или жили въ приписныхъ селахъ, или наѣзжали туда на время, и, если крестьяне не высылали требуемыхъ рабочихъ, понуждали ихъ къ тому разными жестокими наказаніями, и только въ томъ случаѣ, если это не дѣйствовало, обращались за помощью въ правительственныя учрежденія. Не имѣли ли заводчики и еще бóльшаго вліянія на внутреннее управленіе крестьянъ; такъ, напримѣръ, не могли ли они *неповинующихся имъ крестьянъ отдавать въ солдаты*, словомъ: производили ли крестьяне раскладку натуральной воинской повинности, которую они несли наравнѣ со всѣми другими крестьянами, сами, или и въ этомъ отношеніи заводчики могли распоряжаться ими но своему усмотрѣнію? На это мы можемъ совершенно опредѣленно дать отрицательный отвѣтъ: они не имѣли никакого права вмѣшиваться въ отправленіе крестьянами рекрутской повинности; какъ и всѣ государственные крестьяне, приписные были подвѣдомственны въ этомъ отношеніи исключительно губернскимъ и провинціальнымъ канцеляріямъ. Впрочемъ, заводчики и не посягали на такое вмѣшательство; исключеніе изъ этого мы найдемъ только на заводѣ Евд. Демидова, гдѣ было особенно много и другихъ злоупотребленій.

Вотъ какія работы должны были исполнять приписные крестьяне на заводахъ. Съ 25 марта по 1 мая они должны были рубить дрова; съ 1 іюня по 10 іюля складывали дрова въ кучи, работали въ рудникахъ и обжигали руду. Если они не доработаютъ подушный окладъ въ это время, то ихъ можно было заста-

вить работать еще съ 15 сентября по 1 ноября, а всего 122 дня въ году. Однако на дѣлѣ крестьянамъ приходилось работать гораздо болѣе. Точно также, несмотря на то, что крестьяне должны были исполнять только работы, необходимыя для горнаго дѣла, заводчики нерѣдко заставляли ихъ строить дома, косить сѣно и т. п.

Изъ всего сказаннаго видно, что и *по закону* заводчики пользовались слишкомъ широкими правами относительно приписныхъ крестьянъ, но онѣ казались имъ еще недостаточными, и они позволяли себѣ самыя вопіющія злоупотребленія. Понятно, что терпѣніе крестьянъ наконецъ истощилось, и пятилѣтнее волненіе (1760—1764 гг.), о которомъ мы будемъ говорить въ этой статьѣ, явилось естественнымъ результатомъ безразсудной раздачи казенныхъ заводовъ въ частныя руки и всевозможныхъ насилій, которыя приходилось выносить крестьянамъ отъ заводскихъ управленій.

Это народное движеніе, имѣвшее въ свое время большое значеніе, было до сихъ поръ почти совершенно неизвѣстно. Нѣсколько строкъ, далеко не точныхъ, въ біографіи А. И. Бибикова, два-три намека въ нѣкоторыхъ статьяхъ, касающихся исторіи уральскихъ заводовъ, инструкція имп. Екатерины кн. Вяземскому, посланному, чтобы подавить возмущеніе, да нѣсколько указовъ правительства—вотъ и все, чтó до сихъ поръ было о немъ извѣстно. Въ нашей статьѣ, составленной почти исключительно на основаніи *неизданныхъ источниковъ*, мы предполагаемъ сначала подробно разсказать читателямъ исторію волненія, а затѣмъ разсмотрѣть его причины, какъ онѣ выяснились на слѣдствіи. Почти всѣ крестьяне, приписанные къ частнымъ уральскимъ заводамъ, а ихъ было, какъ мы уже знаемъ, около 100,000 ч., принимали участіе въ этомъ волненіи. Они преимущественно населяли восточную часть нынѣшней пермской губерніи, а также тогдашніе уѣзды: казанскій, соликамскій, чердынскій и кунгурскій; волненія были и на самыхъ заводахъ, словомъ—волновалась бóльшая часть приуральскаго края, какъ по ту, такъ и по сю сторону Урала.

I.

Исторія волненія до назначенія кн. Вяземскаго.

Волненіе начинается въ 1760 году въ юго-восточномъ углу нынѣшней пермской губерніи и именно въ селеніяхъ крестьянъ, приписанныхъ къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ Никиты Демидова. Селенія эти были расположены въ двухъ мѣстахъ: одни за нынѣшнимъ г. Камышловымъ—слободы Юрмыцкая, Буяровская, Угецкая и Чубаровская, другія южнѣе, къ востоку отъ Шадринска — Масленскій острогъ и Барневская слобода [1]). Мы не находимъ нужнымъ описывать ходъ волненія во всѣхъ этихъ селеніяхъ; достаточно будетъ остановиться на Масленскомъ острогѣ и Барневской слободѣ, гдѣ дѣло приняло болѣе серьёзный оборотъ.

Масленскій острогъ, довольно большое селеніе при впаденіи маленькой рѣки Масленки въ Исеть, въ 18-ти верстахъ отъ г. Шадринска, былъ обнесенъ деревяннымъ укрѣпленіемъ. Между нимъ и Шадринскомъ находилась Барневская слобода. Въ этихъ двухъ селеніяхъ и многихъ окрестныхъ деревняхъ жили приписные крестьяне. Весною 1760 г. кыштымская заводская контора Демидова прислала сюда приказъ выслать рабочихъ на вновь основываемый Аваптъ-Уфимскій заводъ. Крестьяне отправились въ путь, но, проѣхавши Шадринскъ, остановились въ полѣ. Тутъ они рѣшили не ѣхать на работу: тѣхъ, которые не соглашались съ ними, они насильно возвращали домой; посланнаго изъ завода сильно избили и прогнали прочь.

«Не ѣзди къ намъ впередъ для высылки на работы», объявили они ему. «Мы были приписаны Демидову только на три года, и ужъ отработали свое. Пусть теперь поработаютъ другія слободы».

Вслѣдъ затѣмъ крестьяне подали прошеніе въ камышловскую земскую контору. Они жаловались, что, вслѣдствіе истязаній приказчиковъ и нарядчиковъ Демидова, у нихъ умерло уже 12 человѣкъ, и просили освободить ихъ отъ заводскихъ работъ. Камышловская контора отвѣчала имъ, что такъ какъ они приписаны къ заводамъ Демидова по сенатскому указу, и притомъ вовсе не на три года, то и нельзя исполнить ихъ просьбу. Съ своей стороны, канцелярія главнаго правленія заводовъ (главное

---

[1]) Всего къ этимъ двумъ заводамъ Демидова было приписано въ 1756 году 5582 души.

мѣстное учрежденіе, завѣдывавшее всѣми уральскими заводами), осаждаемая просьбами изъ заводской конторы Демидова, понуждала крестьянъ немедленно выслать рабочихъ на Азяшъ-Уфимскій заводъ. Она грозила, что, въ случаѣ сопротивленія, десятый по жребію будетъ высѣченъ плетьми, а всѣ остальные батогами. Для успокоенія крестьянъ, она отправила подпрапорщика Завьялова съ нѣсколькими солдатами.

Пріѣхавъ 18 іюня къ Масленскому острогу, Завьяловъ нашелъ тамъ сборище человѣкъ въ 900. Крестьяне сначала не хотѣли пускать его въ крѣпость, но наконецъ согласились. Завьяловъ съ своею ничтожною командою отправился въ мірскую избу; туда же собрались крестьяне, вооруженные ружьями, копьями, луками, бердышами и дубинами. Завьяловъ три раза прочелъ привезенный имъ указъ главнаго правленія заводовъ и уговаривалъ крестьянъ оставить ихъ «злыя и затѣйныя непотребности».

«На работѣ у Демидова быть не хотимъ и указа не слушаемъ», единогласно отвѣчали они: «пусть присылаютъ хоть десять указовъ и какую хотятъ команду; до тѣхъ поръ не пойдемъ на работу къ Демидову, пока не будетъ указа изъ сената за собственной подписью государыни».

Вслѣдъ затѣмъ крестьяне схватили служителя Демидова, пріѣхавшаго съ Завьяловымъ, повели его въ амбаръ и грозили заморить голодною смертью.

«Какъ насъ морили Демидовъ и его приказчики», кричали они, «такъ и мы его заморимъ».

Завьялову, правда, удалось освободить служителя, но за то ему самому не дали квартиры и тотчасъ выгнали изъ крѣпости.

«Коли вамъ надо съ командою тутъ жить, такъ стойте за крѣпостью въ полѣ, а не въ жильѣ. А коли много будете разговаривать, такъ тебя и всю твою команду убьемъ, по крайности скорѣе будетъ на насъ челобитье въ сенатъ».

Такъ же безуспѣшна была поѣздка Завьялова и въ Барневскую слободу. Крестьяне прислали въ канцелярію главнаго правленія заводовъ письменный отвѣтъ, что всѣ они, а не только тѣ, которыхъ считаютъ бунтовщиками и зачинщиками, не пойдутъ на заводскія работы; къ этому они прибавляли, что желаютъ быть по прежнему «во всякихъ казенныхъ податяхъ», какъ были до приписки къ заводамъ. Тогда для усмиренія крестьянъ былъ посланъ капитанъ Метлинъ съ 6 солдатами.

Въ концѣ сентября Метлинъ, съ приказчикомъ Демидова Набатовымъ, отправился въ Масленскій острогъ. Крестьяне приго-

товились его встрѣтить; собрали въ крѣпости много камней «и прочихъ къ супротивленію разныхъ орудій», заперли ворота и заставили ихъ рогатками; Метлина въ крѣпость они не пустили и не дали ему тамъ квартиры. Остановившись, не доѣзжая крѣпости, онъ подошелъ къ ней, и просилъ выслать къ себѣ нѣсколькихъ крестьянъ, объяснивъ при томъ, что имъ нечего его бояться, такъ какъ у него слишкомъ мало солдатъ. Когда «лучшіе» крестьяне вышли къ нему, Метлинъ прочелъ имъ указъ канцеляріи и объявилъ, что вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ приказчикъ Демидова, который готовъ разсчитаться съ ними за то, сколько они работали сверхъ подушнаго оклада. Онъ уговаривалъ ихъ, чтобы, до полученія новаго сенатскаго указа, они отработывали, по крайней мѣрѣ, подати, и обѣщалъ, что на заводахъ приказчики не будутъ ни бить ихъ, ни назначать штрафовъ; по своимъ дѣламъ они могутъ разбираться у своихъ сотскихъ и десятскихъ; если же кто провинится предъ заводскою конторою, то она будетъ отсылать виновныхъ въ общія судебныя мѣста. Но крестьяне продолжали стоять на своемъ.

«Мы готовы всѣ помереть, а на заводы не пойдемъ», говорили они.

Въ поданномъ ими письменномъ отвѣтѣ они выражались такимъ образомъ: «указъ о увѣщаніи въ демидовскія заводскія работы всѣ со истолкованіемъ слышали и въ силу того указа въ слышаніи довольны, токмо въ заводскія демидовскія тягчайшія работы нынѣ уже и впредь ѣхать не желаемъ, за великотягчайшими несноснонестерпимыми работами, въ которыхъ тягчайшихъ, смертельныхъ и тиранскомучительныхъ работахъ многое число крестьянъ смертельно бито, а иныхъ и до смерти много убито». Метлинъ и Набатовъ должны были уѣхать, ничего не добившись отъ крестьянъ.

О всѣхъ этихъ событіяхъ было послано донесеніе въ сенатъ и бергъ-коллегію, которая, по указу сената, предписала (31 октября 1760 г.) канцеляріи главнаго правленія заводовъ какъ можно скорѣе произвести разсчетъ, сколько крестьянами заработано денегъ, а также назначить слѣдствіе по жалобамъ крестьянъ на побои и убійства; но въ то же время она приказывала принудить крестьянъ идти на работу. Въ февралѣ 1761 г. оренбургская губернская канцелярія отправила для изслѣдованія по жалобамъ крестьянъ капитана Ивана Симонова, который прежде всего долженъ былъ ѣхать въ Челябинскъ и выбрать мѣсто на полпути между заводами и жилищами крестьянъ. Затѣмъ отправиться въ Масленскій острогъ, объявить указы сената и бергъ-

коллегіи, не собирая всѣхъ крестьянъ въ одно мѣсто, и требовать, чтобы они шли на работы. Что касается отправленія крестьянъ на Авяшъ-Уфимскій заводъ, изъ-за чего и началось волненіе, то оренбургская губернская канцелярія нашла, что она не можетъ принудить крестьянъ къ этой работѣ, такъ какъ они были приписаны въ 1756 г. только къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ. Въ случаѣ сопротивленія крестьянъ, Симоновъ могъ потребовать для ихъ усмиренія войско. Пріѣхавъ въ Шадринскъ, Симоновъ послалъ приказъ, чтобы масленскіе крестьяне собрались въ свой острогъ, а барневскіе отдѣльно въ свою слободу. Но масленскіе крестьяне отвѣчали:

«Слушать указъ будемъ всѣ вмѣстѣ, въ сборищѣ и съ барневскими: у насъ у всѣхъ душа за едино; и ежели они къ намъ не пойдутъ, такъ мы ихъ и дубьемъ къ себѣ загонимъ».

Тогда Симоновъ съ солдатами отправился въ Масленскій острогъ. Онъ пріѣхалъ въ то время, когда крестьяне всѣмъ міромъ служили молебенъ. По окончаніи его, онъ объявилъ имъ указъ, но они по прежнему наотрѣзъ отказались идти на работы. Симоновъ рѣшилъ, что безъ войска тутъ ничего не подѣлаешь. По его требованію атаманъ челябинскихъ казаковъ прислалъ 60 человѣкъ, которые и были расположены постоемъ по окрестнымъ селеніямъ. Крестьяне съ своей стороны не дремали. До Симонова доходили слухи, что въ Масленскомъ острогѣ собралось множество крестьянъ, изъ которыхъ 100 человѣкъ на коняхъ и съ ружьями приготовились встрѣтить его и не допустить къ острогу. Остальные крестьяне были вооружены копьями, сайдаками и дубинами; у многихъ на кушакахъ висѣли большіе ножи. Они не выходили изъ Масленскаго острога и все время были на сторожѣ; подъ башнями у воротъ стоялъ караулъ. Отъ времени до времени крестьяне собирались всѣ вмѣстѣ и выстраивались фронтомъ; передъ нѣкоторыми были воткнуты копья, другіе держали въ рукахъ дубины. Это былъ своего рода военный смотръ и ученье. Когда однажды ночью туда пріѣхалъ одинъ шадринскій священникъ, караулъ окликнулъ его и пропустилъ въ ворота, но у конторы его остановили и спрашивали, кто онъ такой, не приказчикъ ли Демидова; такъ какъ было темно, то вынесли огонь и осмотрѣли какъ священника, такъ и всѣхъ пріѣхавшихъ съ нимъ «по головамъ». Убѣдившись, что это не ненавистные имъ приказчики, крестьяне отпустили священника. Они безпрестанно били въ набатъ, такъ что, наконецъ, масленскій священникъ снялъ языки со всѣхъ колоколовъ. Такая тревожная жизнь, необходимость быть вѣчно на сторожѣ—чрез-

вычайно мѣшала полевымъ работамъ. Поэтому крестьяне жаловались шадринской канцеляріи, что къ нимъ пріѣзжали «невѣдаемо съ чего» многолюдныя команды (т.-е. Завьяловъ, Метлинъ и Симоновъ), чтобы высылать ихъ на заводы, да, кромѣ того, Демидовъ собираетъ съ тою же цѣлью другіе отряды. Такимъ образомъ, правительственныя войска являлись въ глазахъ крестьянъ только исполнителями желаній Демидова, его вѣрными слугами. Симоновъ, по словамъ крестьянъ, вовсе не заботится о слѣдствіи, а только грозитъ, что если они не пойдутъ теперь на работы, то потомъ за каждаго работника должны будутъ прислать по 10 человѣкъ. Опасаясь, чтобы ихъ не принудили идти на заводы, они оставили свои дома и собрались въ Масленскій острогъ; вслѣдствіе этого они не успѣли донахать и досѣять хлѣбъ, мало наготовили сѣна, не запасли на зиму дровъ. «За гладомъ и скоту за безкормицею и за прочими тому подобными великонестерпимыми нуждами крайне пришли въ вящшее разореніе и нищету», и потому просили защитить ихъ «отъ таковыхъ наглыхъ обидностей и разореній отъ присылаемыхъ отъ предписаннаго Демидова ежечасныхъ многолюдныхъ командъ». Шадринская канцелярія оставила это прошеніе безъ всякихъ послѣдствій, находя, что они сами во всемъ виноваты.

«Капитанъ Симоновъ собираетъ казаковъ», поговаривали крестьяне, «для высылки насъ на заводы, токмо мы живы въ руки не дадимся; ежели станутъ по насъ стрѣлять, то мы, напротивъ того, также будемъ поступать: у насъ у самихъ много есть огненнаго ружья, копьевъ и дубинъ, и ужъ капитану живу отсель не уѣхать».

«Казаки намъ сказываютъ», говорили другіе, «что имъ по насъ стрѣлять не велѣно».

«Оренбургская губернская канцелярія поступила съ нами не по указу ея величества отъ 16 августа 1760 г. о правосудіи», говорилъ крестьянинъ Якимъ Брюховъ, бывшій незадолго передъ тѣмъ въ Оренбургѣ челобитчикомъ отъ крестьянъ. «Мы отъ Демидова и приказчиковъ его крайне были изобижены и разорены, и просили отъ нихъ защиты, а губернская канцелярія, заковавъ насъ въ тяжелыя желѣза и надѣвъ на шею рога, отослала въ казенную работу; злодѣй же нашъ, отъ кого больше всѣхъ обиды и разоренія претерпѣли, приказчикъ Демидова Яковъ Широковъ, былъ тогда въ Оренбургѣ и только гулялъ».

На вопросъ, зачѣмъ они постоянно всѣ находятся въ Масленскомъ острогѣ, крестьяне отвѣчали:

«Слышали мы, что идутъ къ намъ команды для высылки на

заводы, въ Шадринскѣ готовять пушки, а демидовскіе приказчики подъ видомъ денегъ привезли съ собою на насъ семь бочекъ желѣзъ (т.-е. оковъ)».

Крестьяне не только открыто заявляли, что ни за что не пойдутъ на работу, но даже разослали объ этомъ заявленія въ разныя правительственныя учрежденія. Они надѣялись такимъ образомъ снять съ себя отвѣтственность за кровопролитіе.

«Если станутъ насъ ловить и на заводы высылать сильно», говорилъ тотъ же крестьянинъ Брюховъ, «и произойдетъ съ обѣихъ сторонъ смертоубійство, такъ, чтобъ было о томъ напредки вѣдомо и намъ въ вину не причлось, послали мы объявленіе въ сибирскую губернскую, тюменскую и верхотурскую воеводскія канцеляріи, въ азовскій полкъ, въ Троицкую крѣпость и въ прочія судебныя мѣста, и въ Москву,—и не узнать, отколь стрѣла прилетитъ».

«Ежели будутъ по насъ стрѣлять, то капитану отъ насъ живу не уѣхать», говорили другіе, «и до того дойдемъ, что сами себя треть перерѣжемъ или сгоримъ, какъ раскольники Исетскаго дистрикта» [1]).

Въ это время съ сибирскихъ линій шелъ отрядъ донскихъ казаковъ въ 500 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника Дулимова. Онъ вовсе не долженъ былъ останавливаться въ селеніяхъ, гдѣ происходили волненія, но такъ какъ наступила весенняя распутица, и казакамъ нужно было гдѣ-нибудь пережидать это время, то изъ Оренбурга пришелъ приказъ расположить ихъ постоемъ у масленскихъ и барневскихъ крестьянъ. Этимъ надѣялись вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣе усмирить ихъ. Фуражъ на лошадей для этого войска приказано было собирать съ приписныхъ демидовскихъ крестьянъ.

Въ половинѣ марта въ Шадринскъ пріѣхалъ поручикъ Порѣцкій, присланный канцеляріею главнаго правленія заводовъ, чтобы помочь Симонову производить слѣдствіе. Вскорѣ послѣ пріѣзда онъ отправился въ Масленскій острогъ. При его приближеніи большая толпа крестьянъ вышла на городовую стѣну; другіе спѣшили изъ окрестныхъ деревень, вооруженные разнымъ дубьемъ и дреколіемъ. Однако, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, Порѣцкаго впустили въ крѣпость. Онъ проѣхалъ къ мірской избѣ, куда за нимъ вошли выборные съ старостою и человѣкъ 50 мужиковъ, въ томъ числѣ наиболѣе дѣятельные изъ нихъ, Брюховъ и Сѣдишкинъ; остальные подошли къ окнамъ избы.

---

[1]) Всѣ слова крестьянъ взяты изъ подлиннаго дѣла.

Порѣцкій объявилъ, что ему вмѣстѣ съ капитаномъ Симоновымъ велѣно производить слѣдствіе и свести счеты между крестьянами и заводской конторой, но требовалъ, чтобы они прежде начали работать.

«Учините прежде слѣдствіе въ нашихъ обидахъ и разсчетъ въ работахъ, тогда будетъ другое разсужденіе», кричали стоящіе позади крестьяне.

«Что вы вздоръ говорите», крикнули на нихъ Брюховъ и писчикъ Авдюшевъ: «какъ до слѣдствія, такъ и послѣ мы у Демидова работать не хотимъ».

Порѣцкій, видя, по его выраженію, «прежнюю замерзѣлую упорчивость крестьянъ», уѣхалъ.

Въ концѣ марта полковникъ Дулимовъ съ донскими казаками прибылъ въ Масленскій острогъ и занялъ тамъ квартиры.

Вскорѣ послѣ того въ распоряженіе Симонова было прислано еще 45 человѣкъ драгунъ, которые и расположились въ селѣ Полевскомъ, лежащемъ близъ Масленскаго острога. Крестьяне спокойно приняли это извѣстіе, такъ какъ успѣли достать изъ Москвы какой-то указъ.

«Далъ намъ нынѣ Богъ указъ», говорили они, «чтобъ въ заводскія работы не идти; теперь пускай идутъ хоть три полка,—не испугаемся».

Это былъ какой-нибудь указъ, вовсе не имѣвшій того значенія, какое ему придавали крестьяне; такъ, мы увидимъ ниже, что во многихъ мѣстахъ поводомъ къ волненію послужило то, что Петръ III запретилъ заводчикамъ покупать крестьянъ къ заводамъ.

Въ началѣ мая слѣдственная коммиссія получила указъ сената отъ 31-го марта 1761 г., въ которомъ сенатъ предписалъ оставить въ деревняхъ масленскихъ и барневскихъ крестьянъ 500 человѣкъ донскихъ казаковъ до тѣхъ поръ, пока волненіе не прекратится; кромѣ того, отправить туда изъ-подъ Оренбурга 200 солдатъ, а въ случаѣ надобности и болѣе, по усмотрѣнію оренбургскаго губернатора. Для изслѣдованія жалобъ крестьянъ оренбургская губернская канцелярія «должна отправить достойнаго и надежнаго штабъ-офицера, съ которымъ при слѣдствіи быть и капитану Симонову». Кромѣ того, сенатъ приказывалъ разузнать, нѣтъ ли крестьянамъ какихъ-либо обидъ и притѣсненій, и собрать объ этомъ письменныя свѣдѣнія за ихъ подписью. Синодъ разослалъ этотъ указъ по епархіямъ съ тѣмъ, чтобы священники читали его въ церквахъ.

Оренбургская губернская канцелярія поручила теперь производить слѣдствіе секундъ-маіору Сухотину, который немедленно и пріѣхалъ въ Шадринскъ. Такимъ образомъ слѣдственная коммиссія состояла теперь изъ Сухотина, Симонова и Порѣцкаго. Въ распоряженіи ея было всего 600 человѣкъ войска, да, кромѣ того, скоро было прислано 200 драгунъ азовскаго полка. Симоновъ поѣхалъ въ Масленскій острогъ объявить указъ сената. Выслушавъ его, крестьяне сказали:

«Для чего же въ указѣ не упомянуто, сколько Демидовъ нашихъ крестьянъ до смерти побилъ и какія намъ отъ него и отъ приказчиковъ были обиды; онъ объявлялъ только однѣ наши противности»,—и по прежнему отказались идти на работу.

Сухотинъ послѣ того и самъ ѣздилъ вмѣстѣ съ Симоновымъ въ Масленскій острогъ, уговаривалъ крестьянъ всѣхъ вмѣстѣ и поодиночкѣ, читалъ имъ сенатскій указъ, но безъ всякаго успѣха. Тогда Сухотинъ приказалъ обнародовать указъ во всѣхъ масленскихъ и барневскихъ деревняхъ и взять отъ крестьянъ подписки въ томъ, что они его слышали. Но изъ этого ничего не вышло.

«Зачѣмъ вамъ по деревнямъ ѣздить», сказали крестьяне: «развѣ только насъ разорять. Какіе есть указы, отдайте въ конторѣ, а въ деревняхъ вамъ нечего дѣлать, только людей станете пужать. Мы эти указы слышали неоднократно, и все въ нихъ написано одно».

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ совсѣмъ не приняли указа. Однако въ это время уже стали являться поодиночкѣ крестьяне, которые заявляли, что не отказываются повиноваться и готовы идти на работу; иные даже жаловались на насилія со стороны ослушныхъ крестьянъ и просили о защитѣ. Коммиссія приказала крестьянамъ подать заявленіе о томъ, какъ ихъ притѣсняли приказчики; они тотчасъ исполнили это, и въ своемъ мѣстѣ мы познакомимся съ ихъ жалобами, а теперь будемъ продолжать нашъ разсказъ.

Оренбургская губернская канцелярія согласилась, наконецъ, на желаніе крестьянъ, чтобы слѣдствіе по ихъ жалобамъ производилось въ Масленскомъ острогѣ. При этомъ она приказала ввести въ крѣпость 200 солдатъ азовскаго полка, а также и 500 донцовъ, поставить при въѣздѣ и выѣздѣ караулъ, учредить пикеты и т. п. Но ввести все войско въ острогъ, въ которомъ находилось только 23 дома, было совершенно невозможно; поэтому туда ввели 200 донскихъ казаковъ, а остальныхъ расположили по ближайшимъ деревнямъ. Крестьяне все-таки не уни-

мались, и ихъ настроеніе не позволяло ожидать ничего добраго.

«Рѣзать ихъ надо; пусть мы всѣ пропадемъ», кричали однажды крестьяне, завидя донскихъ казаковъ, ѣхавшихъ въ острогъ.

«Ты насъ училъ», сказалъ Симонову староста Бухваловъ въ отвѣтъ на его увѣщанія, «чтобы напередъ слѣдствія въ заводскія къ Демидову работы идти, да по твоему не сдѣлалось».

Скоро у крестьянъ начались столкновенія съ казаками изъ-за доставки имъ сѣна. Оренбургская канцелярія предписала, чтобы сѣно для казачьихъ лошадей покупали приказчики Демидова, а на покупку овса они должны были выдавать казакамъ деньги; если же крестьяне не будутъ продавать сѣна, то брать его насильно, выдавая имъ квитанціи. Однако у приказчиковъ Демидова не оказалось денегъ на покупку фуража, а крестьяне отвѣчали, что они давать его не хотятъ: вѣдь казаки поставлены по просьбѣ Демидова, отъ него они получаютъ провіантъ и жалованье, такъ и овесъ и сѣно должны требовать отъ него. Тогда полковнику Дулимову былъ посланъ приказъ, чтобы крестьяне поставили сѣна хоть на полъ-мѣсяца, въ противномъ случаѣ казаки должны сами брать его съ поля. При этомъ было приказано все взятое сѣно взвѣшивать и записывать въ особыя тетради, обозначая, кому оно принадлежало. Крестьяне на-отрѣзъ отказались и отъ этого. Когда партія донскихъ казаковъ въ 50 человѣкъ въ первый разъ поѣхала добывать себѣ фуражъ, за ними побѣжали и поскакали на лошадяхъ много вооруженныхъ крестьянъ.

«Мы васъ, какъ разбойниковъ и бунтовщиковъ, всѣхъ здѣсь на полѣ побьемъ!» — кричали они.

Когда казаки наложили сѣно на воза, крестьяне начали ихъ опрокидывать; казакъ задѣлъ одного крестьянина дротикомъ, другой грозилъ ему копьемъ; тогда этотъ крестьянинъ, схвативъ заряженную винтовку, два раза спустилъ курокъ, но оба раза выстрѣла не было. Между тѣмъ казакъ сшибъ его съ ногъ; на помощь къ товарищу подоспѣли другіе крестьяне, вооруженные дубинами; но казаки разогнали ихъ, а того, который хотѣлъ стрѣлять, поймали и представили въ коммиссію. Въ другой схваткѣ, крестьяне сильно поколотили двухъ казаковъ.

Видя, что волненіе не прекращается, оренбургская губернская канцелярія приказала отправить въ Масленскій острогъ походную пушку со всѣми нужными снарядами и артиллерійскими служителями, и кромѣ того 24 гренадера; жалованье и провіантъ

они должны были получать отъ Демидова, какъ и остальныя войска. 30 октября, въ Масленскій острогъ собрали все войско. Только небольшая часть крестьянъ подошла слушать указъ; другіе, несмотря на приказаніе, остались около мірской избы на конторскомъ дворѣ. Когда тѣмъ, которые приблизились, былъ вновь прочтенъ сенатскій указъ 31 марта, они закричали: «да это старый указъ! и мы по прежнему въ заводскую работу идти не хотимъ; да и сѣно должно ставить Демидову, а не намъ».

За этимъ, какъ всегда, началось увѣщаніе, во время котораго войско, съ заряженными ружьями, окружило крестьянъ. Для пущаго устрашенія тутъ была и пушка, заряженная, но безъ ядра. Такъ какъ увѣщаніе не подѣйствовало, велѣно было схватить нѣсколькихъ человѣкъ и сѣчь плетьми. Крестьяне стали на колѣни.

«Хоть головы всѣмъ намъ рубите, а къ Демидову на работу не пойдемъ и сѣна на команду не дадимъ», — сказали они.

Затѣмъ они вскочили и хотѣли присоединиться къ остальнымъ своимъ товарищамъ, но солдаты не пропустили ихъ. На помощь къ нимъ бросились всѣ крестьяне съ оглоблями, вилами и насаженными на жерди косами, но и ихъ остановили казаки. Изъ 89 человѣкъ, слушавшихъ увѣщаніе, 25 принесли повинную и дали подписку, что не будутъ впредь ходить въ сборища ослушныхъ крестьянъ, не будутъ съ ними въ согласіи и пойдутъ на заводскую работу. Остальные 64 человѣка отказались послѣдовать ихъ примѣру. Инструкція, данная изъ губернской канцеляріи, предписывала въ этомъ случаѣ сѣчь ослушныхъ плетьми, «покуда совершенную указамъ принесутъ повинность». Коммиссія въ своемъ донесеніи не упоминаетъ, прибѣгала ли она къ этой мѣрѣ, но крестьяне потомъ жаловались, что въ этотъ день многихъ изъ нихъ хватали на дорогахъ, били «оружейными свалинами», *стегали плетьми* и брали подписки, что пойдутъ на работу. Какъ бы то ни было, 64 человѣка, не давшіе такихъ подписокъ, были отправлены подъ конвоемъ въ Шадринскую тюрьму. Всѣ остальные крестьяне засѣли на дворѣ мірской избы, гдѣ находились провіантскіе и соляные магазины. На другой день коммиссія послала священника уговаривать ихъ ставить сѣно.

«Сѣно давать не хотимъ, а пусть берутъ, какъ и прежде, сами собою», былъ отвѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней масленскіе и барневскіе крестьяне подали въ коммиссію донесеніе, въ которомъ жаловались на побои и истязанія, которымъ они подверглись 30 октября; заявляли, что у нихъ уже забрали на фуражъ 15280 копенъ сѣна, увезли саженъ 100 дровъ, порубили капустные огороды, тогда какъ

они не чинятъ никакихъ противностей и желаютъ только слѣдствія по поданной ими челобитной: «видно», писали они, «что приводите (насъ) во всеконечное разореніе и нищету».

Между тѣмъ печальное положеніе крестьянъ должно было еще болѣе ухудшиться: къ нимъ было прислано еще двѣ роты азовскаго драгунскаго полка подъ начальствомъ капитана Воронцова. Для ихъ лошадей на одинъ мѣсяцъ нужно было собрать до 2000 пудовъ сѣна. Крестьяне жаловались, что они не могутъ доставить его: «за разореніемъ у многихъ и копны не имѣется», писали они. Несмотря на то, что было велѣно «разобрать по самой сущей справедливости, они, маіоръ Сухотинъ съ товарищи, Демидова покрываютъ, а о ихъ несносныхъ обидахъ не представляютъ... Непріятелей ихъ смертоубійцевъ на дому у себя держатъ, волю ихъ исполняютъ». Однако же для солдатъ азовскаго полка крестьяне привезли сѣно, а на казачьихъ лошадей по прежнему не хотѣли возить, и казаки добывали его себѣ сами.

Въ началѣ декабря былъ полученъ новый указъ изъ сената, въ которомъ строго предписывалось немедленно усмирить крестьянъ и выслать ихъ на заводы. Теперь все войско было стянуто въ Масленскій острогъ. Крестьяне, вооруженные бердышами, копьями, иногда насаженными на шесты, топорами, пѣшнями и кистенями, собрались въ трехъ мѣстахъ: одни засѣли въ конторскомъ замкѣ (дворъ мірской избы въ Масленскомъ острогѣ, окруженный заборомъ, провіантскими и соляными магазинами), другіе въ Барневской слободѣ, третьи въ селѣ Водениковѣ; сосѣднія деревни совершенно опустѣли. 8 декабря, казаки, пѣшіе и на коняхъ, собранные въ Масленскомъ острогѣ, пошли на приступъ къ замку. Крестьяне стали стрѣлять. У самаго забора произошла жаркая схватка: осажденные, стоя за заборомъ на подмосткахъ, такъ энергично отражали нападеніе, что многіе казаки были ранены и, наконецъ, принуждены были отступить. Тогда осаждающіе выстрѣлили изъ пушки по строенію; въ стѣнѣ образовался проломъ, но крестьяне не испугались и продолжали стрѣлять. Солдаты бросили въ замокъ нѣсколько гранатъ, но и это не подѣйствовало. Наконецъ, прапорщикъ азовскаго полка повелъ на приступъ своихъ драгунъ. Крестьяне храбро встрѣтили ихъ, но дружный залпъ солдатъ заставилъ ихъ очистить проломъ и обратиться въ бѣгство. Многіе изъ крестьянъ успѣли бѣжать, но все-таки около 300 человѣкъ было схвачено и отослано въ тюрьму въ Шадринскъ.

Въ войскѣ правительства во время сраженія было ранено

52 человѣка; потеря же крестьянъ, изъ которыхъ многіе были ранены во время послѣдняго нападенія драгунъ, неизвѣстна. Крестьяне, собравшіеся въ селѣ Воденниковѣ, узнавъ о неудачѣ товарищей, разбѣжались, а тѣ, что были въ Барневской слободѣ, заперлись въ церкви и не пустили къ себѣ присланнаго для ихъ увѣщанія прапорщика. Масленскіе и барневскіе крестьяне думали найти поддержку въ другихъ селеніяхъ, приписанныхъ къ тѣмъ же заводамъ Никиты Демидова. Одинъ масленскій крестьянинъ ѣздилъ въ Куяровскую, Юрмыцкую, Чубаровскую и Угецкую слободы, разсказывалъ, что у нихъ былъ большой бой и просилъ помочь имъ, но жители этихъ слободъ отказали: они сами нуждались въ помощи, такъ какъ ежеминутно ожидали нападенія правительственнаго войска.

Пораженіе крестьянъ въ Масленскомъ острогѣ имѣло важныя послѣдствія: многіе изъ нихъ были захвачены, другіе сами являлись съ повинною. Однако правительство было все-таки недовольно дѣйствіями губернской канцеляріи: сенатъ находилъ, что она слишкомъ затянула дѣло, и что по ея винѣ крестьянамъ придется заплатить большія деньги, истраченныя на содержаніе войска.

Усмиренные крестьяне принуждены были вновь приняться за заводскія работы. Въ началѣ января 1762 г. на Каслинскій и Кыштымскій заводы, по требованію приказчика Демидова, отправлено 300 пѣшихъ и конныхъ рабочихъ подъ конвоемъ 60 казаковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммиссія рѣшила перенести туда же и слѣдствіе; для этого крестьянамъ, оставшимся дома, было велѣно выбрать отъ себя повѣренныхъ. Крестьяне просили вывести отъ нихъ войско, такъ какъ у нихъ совершенно не оставалось сѣна [1]). Чтобы поскорѣе избавиться отъ военнаго постоя, они обязывались сами искать бѣглыхъ съ тѣмъ, что если они кого не найдутъ, за тѣхъ отработаютъ все, что слѣдуетъ. Хотя большинство масленскихъ и барневскихъ крестьянъ (вмѣстѣ съ окрестными деревнями) уже изъявили покорность, но въ бѣгахъ оставалось еще болѣе 300 человѣкъ. Опасаясь, что волненіе вновь вспыхнетъ, и такъ какъ нуженъ былъ присмотръ за 300 колодниками, содержавшимися въ шадринской тюрьмѣ, коммиссія отпустила только 500 донцовъ, а регулярное войско и челябинскихъ казаковъ оставила до тѣхъ поръ, пока не будутъ высланы

¹) Вотъ какое огромное количество сѣна забрали казаки во время своего постоя: съ 16 октября, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, взято насильно 31,171 пудъ, а съ половины декабря по 1 февраля поставлено самими крестьянами 20,095 пудовъ, всего 51,266 пудовъ.

на заводы остальные рабочіе. Однако, крестьяне поработали на заводахъ не больше мѣсяца. Между ними распространился слухъ, будто всѣ они освобождены отъ заводскихъ работъ, что Сухотинъ и другіе слѣдователи, скованные, отосланы въ Москву и вся команда выведена изъ Масленскаго острога. Крестьяне бросили всѣ работы и бѣжали съ завода. Слухъ этотъ былъ, конечно, совершенно не вѣренъ. Коммиссія поспѣшила выслать вмѣсто нихъ другихъ крестьянъ; въ томъ числѣ было отправлено и большинство (275 ч.) арестованныхъ: въ шадринской тюрьмѣ осталось только 20 главныхъ зачинщиковъ. Къ началу марта было уже выслано работать на заводъ всего 981 ч., а приведено въ послушаніе 1,943 ч. Коммиссія отправилась теперь на Кыштымскій заводъ [1]).

Между тѣмъ какъ крестьяне, приписанные къ заводамъ Никиты Демидова, послѣ долгаго сопротивленія, должны были, наконецъ, уступить, челобитчики, неизвѣстно когда отправленные ими въ Петербургъ, успѣли, наконецъ, довести свои жалобы до свѣдѣнія не только сената, но и самого императора Петра III. Масленскіе крестьяне просили защитить ихъ отъ Демидова, Сухотина и Симонова, отъ обидъ, разоренія и тиранскихъ нестерпимыхъ мученій, отъ высылки на заводскія работы; просили изслѣдовать объ убійствахъ и побояхъ и приписать вмѣсто нихъ другія слободы, которыя лежатъ ближе къ заводамъ, а между тѣмъ почему-то освобождены отъ обязательныхъ работъ; они просили также выдать заработанныя ими деньги и освободить ихъ товарищей, содержащихся подъ карауломъ въ Шадринскѣ. Подобную же просьбу представили и повѣренные отъ Куяровской, Юрмыцкой и другихъ слободъ. Одновременно съ ними явились въ Петербургѣ челобитчики отъ крестьянъ соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанныхъ къ заводамъ Чернышева, и крестьянъ казанской губерніи, работавшихъ на заводахъ Евдокима Демидова (о которыхъ мы будемъ говорить ниже). Сенатъ, вѣроятно по повелѣнію императора, разсмотрѣлъ всѣ эти жалобы, и указомъ 9 марта 1762 г. назначилъ слѣдователями по этому дѣлу генералъ-маіора Кокошкина и полковника Данилу Лопатина. Они должны были прежде всего разсмотрѣть, справед-

---

[1]) Въ томъ же юго-восточномъ углу нынѣшней пермской губ. лежали селенія, приписанныя къ заводамъ Турчанинова. Жители ихъ отказались работать на заводахъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ это сдѣлали масленскіе и барневскіе крестьяне. Они прогнали ничтожныя команды, присланныя противъ нихъ, и затѣмъ до самаго пріѣзда кн. Вяземскаго, т.-е. до 1763 г., не ходили на заводскія работы.

ливы ли жалобы масленскихъ крестьянъ на Сухотина и Симонова, а затѣмъ узнать болѣе обстоятельно, что за причина волненія между ними. Въ двухмѣсячный срокъ они должны были не только окончить слѣдствіе, но и собрать свѣдѣнія, въ какомъ состояніи находятся всѣ эти заводы, далеко ли отъ нихъ живутъ крестьяне, какъ ихъ высылаютъ на работы и какую плату они получаютъ, и о всемъ этомъ черезъ бергъ-коллегію сообщить въ сенатъ. «*А доколь всѣ тѣ слѣдствія произведены будутъ, и въ правительствующемъ сенатѣ рѣшеніе воспослѣдуетъ*,—сказано было далѣе въ указѣ,—до того времени вышеупомянутыхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ отъ заводовъ не отписывать и военною рукою ихъ не усмирять и *на работы усильно и съ принужденія не посылать, а буде по начатіи того слѣдствія хоша мало что-либо приличное къ подозрѣнію окажется, въ такомъ случаѣ вышеписанныхъ обидимыхъ крестьянъ тѣмъ слѣдователямъ самимъ отъ тѣхъ заводовъ и отрѣшить*». Все, что будетъ издержано на производство слѣдствія, сенатъ предписалъ по окончаніи его взыскать съ тѣхъ, кто окажется виновнымъ. Чтобы крестьянамъ при слѣдствіи не было сдѣлано какихъ-либо притѣсненій, на немъ долженъ былъ присутствовать депутатомъ членъ бергъ-коллегіи надворный совѣтникъ Шамшевъ. Такимъ образомъ, слѣдователямъ были даны весьма большія полномочія: если они найдутъ, что жалобы крестьянъ справедливы, они могли даже освободить крестьянъ отъ работъ на заводахъ. Кн. Вяземскій, посланный впослѣдствіи Екатериною усмирять крестьянъ, не получилъ права рѣшать этотъ вопросъ по своему усмотрѣнію.

По полученіи этого указа, Сухотинъ, Симоновъ и Порѣцкій, а также и слѣдователи въ Чубаровской, Юрмыцкой и другихъ слободахъ должны были прекратить свою дѣятельность. Въ первыхъ числахъ мая указъ этотъ былъ полученъ въ Оренбургѣ, а въ половинѣ того же мѣсяца уже возвратились изъ Петербурга челобитчики отъ масленскихъ и барневскихъ крестьянъ и привезли копію съ него. Всѣ приписные крестьяне обратили вниманіе на то, что было предписано не высылать ихъ на работу до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончено слѣдствіе. Прочтя указъ, масленскіе и барневскіе крестьяне немедленно подали прошеніе объ освобожденіи изъ шадринской тюрьмы ихъ остальныхъ товарищей; эта просьба была исполнена.

Крестьяне, вѣроятно, начинали питать надежду, что они не подвергнутся наказанію за вооруженное сопротивленіе властямъ,

но со временемъ, уже при кн. Вяземскомъ, они тяжело за это поплатились.

Однако, не забѣгая далеко впередъ, мы должны теперь посмотрѣть, что̀ дѣлалось въ 1760 — 1762 гг. у крестьянъ, приписанныхъ къ другимъ заводамъ.

Изъ юго-восточнаго угла нынѣшней пермской губерніи мы должны теперь перенестись въ нынѣшнюю казанскую губернію. Здѣсь волненія среди приписныхъ крестьянъ были замѣтны гораздо ранѣе, чѣмъ у масленскихъ и барневскихъ: уже въ 1755 году приписные къ Авзяно-Петровскому заводу Евд. Демидова и Вознесенскому заводу Сиверса отказывались работать и принуждены были къ этому только силою.

Авзяно-Петровскій заводъ, выстроенный П. И. Шуваловымъ и Козьмою Матвѣевымъ, лежалъ въ оренбургской губерніи на рѣкѣ Авзянѣ, внутри Башкиріи; крестьяне же, приписанные къ нему въ 1755 г., жили отъ него на разстояніи болѣе 600 верстъ, на границахъ нынѣшнихъ губерній вятской и казанской, а по тогдашнему раздѣленію Россіи—въ казанскомъ уѣздѣ, въ селеніяхъ, расположенныхъ близъ впаденія рѣки Вятки въ Каму, селѣ Котловкѣ, деревнѣ Яжбухтиной, Балтеганъ и др. [1]). Здѣсь и начались волненія, какъ видно, немедленно послѣ приписки крестьянъ.

Къ сожалѣнію, подробности объ этихъ первыхъ волненіяхъ намъ неизвѣстны. Мы знаемъ только, что крестьяне называли фальшивымъ присланный къ нимъ сенатскій указъ. Усмирены они были съ помощью войска. Бергъ-коллегія находила нужнымъ болѣе чѣмъ 30-ти крестьянамъ «учинить жесточайшее наказаніе: высѣчь плетьми и вывесть на вышеупомянутые желѣзные заводы съ ихъ семьями и быть имъ тамо вѣчно и велѣть по состоянію ихъ винъ и чтобъ, на тое смотря, другіе чинить не дерзали до совершеннаго поправленія и порядочнаго въ житіи ихъ установленія употреблять ихъ безъ очереди въ самонужныя и тягчайшія заводскія работы». Изъ всѣхъ крестьянъ, принимавшихъ участіе въ волненіи, бергъ-коллегія предлагала сорокового человѣка по жребію публично высѣчь плетьми въ ихъ селеніяхъ въ присутствіи остальныхъ крестьянъ. Переселеніе въ видѣ наказанія на заводъ было едвали легче ссылки въ каторжную работу. Постоянная, безсмѣнная работа на Авзяно-Петровскомъ заводѣ была ничѣмъ не лучше работы въ крѣпостяхъ или рудникахъ; правда, крестьяне были пе-

---

[1]) Всего было приписано 33 селенія ясашныхъ крестьянъ, въ нихъ 480 дворовъ, а „считая на дворъ по 4 души“, будетъ 1,920 человѣкъ.

реселены на заводъ вмѣстѣ съ семьями и, слѣдовательно, не разлучались съ женами и дѣтьми, но за то положеніе этихъ семей значительно ухудшалось: съ переселеніемъ на заводъ изъ приписныхъ крестьянъ, лишь на время приходящихъ на работы, они превращались въ постоянныхъ заводскихъ мастеровыхъ и служителей. Правда, для гр. П. И. Шувалова, владѣльца Авзяно-Петровскаго завода, переселеніе виновныхъ крестьянъ на заводъ было гораздо выгоднѣе, чѣмъ ссылка ихъ въ Рогервикъ, и мы, дѣйствительно, знаемъ, что онъ желалъ этого переселенія. Очень можетъ быть, что подъ его вліяніемъ и состоялось рѣшеніе сената, который утвердилъ предложеніе бергъ-коллегіи; при этомъ только сенатъ предписалъ еще, чтобы три главные зачинщика работали въ оковахъ.

Для исполненія приговора сената казанская губернская канцелярія послала въ 1756 г. маіора Стригина. Онъ такъ усердно исполнилъ данное ему порученіе, что одинъ изъ наказанныхъ имъ крестьянъ, при переселеніи на заводъ, на дорогѣ умеръ, и именно, по словамъ крестьянъ, отъ суроваго наказанія.

Въ 1758 г. крестьяне вновь волновались, и тогда имъ удалось добиться важной уступки: до этого времени *половина* приписныхъ крестьянъ съ разу высылалась на работу, а съ этихъ поръ стали высылать только третью часть.

Въ августѣ 1760 г. Матвѣевъ продалъ Авзяно-Петровскіе желѣзные заводы Евдокиму Демидову. Приписные крестьяне должны были остаться въ прежнемъ положеніи. Однако переходъ заводовъ къ новому владѣльцу совершился не вполнѣ мирно: началось новое замѣшательство не только среди крестьянъ, но даже у заводскихъ мастеровыхъ. Они перестали жечь угли на куреняхъ, молотовые мастера самовольно оставили работы на фабрикахъ. По словамъ управляющаго заводомъ Кулалеева, крестьяне, «между собою сбираяся партіями, днемъ и по ночамъ ходятъ и чинятъ необыкновенные крики и азарты, (такъ) что и по заводу для смотрѣнія ходить опасно». Нѣкоторые уже и бѣжали съ заводовъ. На этотъ разъ поводъ къ волненію подали сами приказчики Козьмы Матвѣева, которые говорили имъ:

«Проданы Демидову отъ Матвѣева заводы только съ его собственными, а не съ приписными крестьянами. Ясашные крестьяне люди государевы, а приписаны были для одной только выстройки и имѣютъ вольность быть при томъ заводѣ или идти въ домы свои, а коли останутся при заводѣ въ работѣ, то и вѣчно будутъ за Демидовымъ».

Съ завода бѣжали не только приписные крестьяне, на время

пришедшіе на работу, но и переселенные на заводъ, оставивъ пока женъ и дѣтей; заводскіе мастеровые также прекратили работу, и молотовыя, якорная и другія фабрики, кромѣ доменнаго горна, стояли пустыми.

Впрочемъ, всѣ эти подстрекательства приказчиковъ Матвѣева послужили только поводомъ къ началу новаго волненія, которое разыгралось бы и безъ нихъ; очевидно, движеніе, начавшееся среди крестьянъ въ 1755 г. и вновь обнаружившееся въ 1758—59 году, окончательно не замирало: искра постоянно тлѣла подъ пепломъ. Это видно изъ того, что въ то самое время, какъ приказчики Демидова пріѣхали на Авзяно-Петровскій заводъ, т.-е. въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ Петербургѣ уже находился крестьянинъ Антонъ Ажмяковъ, посланный крестьянами, приписанными къ этому заводу, чтобъ просить въ сенатѣ объ увольненіи отъ заводскихъ работъ. Здѣсь онъ купилъ печатный указъ, изданный 12 октября 1760 г., о прибавкѣ на ясашныхъ крестьянъ подушныхъ денегъ по 60 к., въ которомъ было сказано, что болѣе никакихъ безъ указу доходовъ, подводъ и работъ съ нихъ не должно требовать и собирать, и, заручившись имъ, поспѣшилъ въ свое родное село Котловку. Здѣсь при собраніи мѣстныхъ крестьянъ и жителей другихъ селеній указъ былъ прочитанъ. Порѣшили, что если нельзя требовать безъ указа никакихъ доходовъ и работъ, то это значитъ, что не должно имъ ходить на заводы.

Крестьяне, переселенные на заводъ, и бѣжавшіе оттуда, тѣ, которые оставили тамъ своихъ женъ и дѣтей, отправились теперь за ними. Крестьяне толпою болѣе 100 человѣкъ ходили по заводу съ луками, стрѣлами и дубинами, и принуждали уѣзжать и тѣхъ, которые на это не соглашались.

Кончилось тѣмъ, что крестьяне съ женами и дѣтьми уѣхали съ завода.

Усмирять крестьянъ былъ отправленъ подполковникъ Левашевъ. Онъ прочелъ имъ сенатскій указъ, но, несмотря на его увѣщанія, они указа не приняли и на работу не пошли. Замѣтивъ 9 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ, онъ приказалъ сѣчь ихъ кошками, а потомъ, заковавъ въ кандалы и наложивъ цѣпи на шею, отправилъ ихъ въ казанскую губернскую канцелярію. Благодаря такимъ мѣрамъ, Левашевъ быстро усмирилъ волненіе. Арестованные были допрошены въ Казани, а потомъ отосланы назадъ въ село Котловку; тамъ ихъ сдали на руки заводскому управителю Кулалееву съ тѣмъ, чтобы онъ держалъ ихъ подъ карауломъ до пріѣзда туда слѣдователя, а потомъ они были освобождены на поруки, но одинъ изъ нихъ черезъ четыре дня

послѣ того умеръ; по словамъ крестьянъ, онъ заболѣлъ отъ нещаднаго наказанія кошками.

Въ августѣ Левашевъ отправилъ крестьянъ на поселеніе на заводъ съ прапорщикомъ Юшковымъ. По показанію Кулалеева, это были переведенные прежними владѣльцами завода на основаніи 12 пункта бергъ-регламента, а также переведенные Кулалеевымъ, по приказу Козьмы Матвѣева, бѣжавшіе съ завода; всего 245 семей. Отправляемые крестьяне были собраны въ деревню Новую Мазину; тутъ они потребовали, чтобъ Юшковъ показалъ имъ указъ, по которому ихъ переселяютъ; но онъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ ничего, кромѣ данной ему инструкціи. Тогда они отказались идти дальше. Юшковъ немедленно далъ знать Левашеву, и тотъ прислалъ еще солдатъ подъ начальствомъ капитана Нимша. Но такъ какъ у него также не было никакого указа, то крестьяне продолжали сопротивляться.

«Мы взять себя не дадимся безъ имянного Ея Величества указа»,—сказалъ выборный Красновъ.

Тогда Нимшъ съ Юшковымъ принялись за экзекуцію: 60 человѣкъ было высѣчено батогами, одинъ изъ наказанныхъ тотчасъ умеръ и былъ зарытъ тутъ же безъ всякаго отпѣванія. Послѣ того крестьяне безпрекословно двинулись въ путь, «оставивъ», по ихъ словамъ, «дома и скотъ и посѣянный хлѣбъ въ полѣ безъ прибору».

Но крестьяне все-таки не успокоились, и лѣтомъ 1761 года послали въ Петербургъ челобитчиками Аѳанасія Гулящева и еще 6 человѣкъ. Они просили защитить ихъ, не допустить до разоренія, изслѣдовать смертоубійства, притѣсненія и ежегодныя переселенія на заводъ, чинимыя Кулалеевымъ, и освободить ихъ отъ заводскихъ работъ. Эта челобитная была также одною изъ причинъ назначенія коммиссіи Кокошкина и Лопатина.

Челобитчики получали вѣсти съ родины: въ сентябрѣ крестьяне, содержавшіеся подъ карауломъ въ Казани, писали имъ, что «о дѣлѣ ихъ никакого резону нѣтъ, только въ великомъ разсужденіи состоитъ, и ожидаютъ себѣ милостивую резолюцію». Въ свою очередь, челобитчики въ январѣ 1762 г. съ однимъ отставнымъ солдатомъ, возвращавшимся на родину, послали своимъ землякамъ два письма. Въ одномъ изъ нихъ они писали: «въ село Котловку мірскимъ людямъ, старостѣ и выборному, и въ прочія села и деревни. Съ этимъ вамъ пишемъ, что по дѣлу нашему опредѣленіе сдѣлано, что насъ отъ заводу отрѣшили по приказу его императорскаго величества, и вы объ ономъ молитесь всещедрому Богу, а насъ ожидайте быть вскорѣ со всякимъ

благополучіемъ, понеже наше дѣло рѣшено; токмо ожидаемъ милостиваго указу». Извѣстіе объ отрѣшеніи отъ завода было невѣрно; вѣроятно челобитчики сами были введены кѣмъ-нибудь въ заблужденіе.

Пока отставной солдатъ добрался до своего села, пока земляки челобитчиковъ пріѣхали къ нему за письмомъ, — прошло не мало времени. Въ это время челобитчики успѣли написать новое посланіе. Мы останавливаемся на этой перепискѣ, такъ какъ подобные документы у насъ совершенно неизвѣстны, между тѣмъ какъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ крестьяне письменно подавали другъ другу вѣсть. Только съ открытіемъ такихъ документовъ намъ становятся понятными многіе поступки крестьянъ: они ничего не дѣлаютъ зря, стараются всегда дѣйствовать на законномъ основаніи, заручившись необходимыми свѣдѣніями. Виноваты ли они, если умышленно или неумышленно ихъ вводили въ заблужденіе? Вотъ это новое письмо. «Во извѣстіе вамъ я, повѣренный вашъ Аѳанасій Гулящевъ съ товарищи, объявляемъ: по поданному отъ меня прошенію о небытіи подъ заводами намъ, государственнымъ крестьянамъ, въ правительствующемъ сенатѣ учинено, чтобъ насъ всѣхъ приписныхъ отъ заводовъ вовсе велѣно отрѣшить и въ заводскія работы впредь бы не употреблять, объ разореніи нашемъ во всемъ накрѣпко слѣдовать, на что нарочно (вѣроятно: нарочный) присланъ будетъ. И просимъ васъ всѣхъ мірскихъ людей, ежели будетъ до пріѣзду нашего слѣдовальщикъ, то-бъ вамъ разоренія наши и изнеможенія и обиды отъ заводчиковъ, какія учинено прежде сего было, прописавъ порознь, именно показывать безъ опасенія. А которые высланы на заводъ въ работу или со всѣми семьями переселены, и оныхъ бы вамъ, пославъ отъ себя нарочнаго, искуснымъ образомъ, не чиня имъ заводскимъ никакихъ обидъ и шалостей, всѣхъ возвращать въ домы ихъ, а заработанныхъ денегъ за ними не оставлять; а если заводчики не отпустятъ, то на нихъ не смотрѣть... А нынѣ казанская губернская канцелярія въ правительствующій сенатъ рапортомъ объявляетъ, якобъ изъ нашихъ братьевъ изъ приписныхъ нѣкоторые люди нѣсколько дворовъ и подписали волею своею подъ заводъ вѣчно быть въ работѣ, итого 27 человѣкъ, которые, подписавшись, при командѣ и указы приняли. И такихъ людей въ силу указовъ велѣно отсылать въ государственные нерчинскіе заводы въ вѣчное услуженіе. И просимъ васъ оныхъ людей, которые подписались своею волею быть подъ заводами, то-бъ, собравшись вамъ, взять у нихъ письменное обязательство, и послѣ того отослать ихъ для переселенія

въ казанскую губернскую канцелярію, чего ради они сперва обманывали насъ, а нынѣ обманываютъ губернскую канцелярію, отчего намъ приключились отъ нихъ великія разоренія и губительства». Такимъ образомъ, челобитчики извѣщали, что будто бы тѣхъ, которые согласятся работать на заводахъ, велѣно отсылать въ каторжную работу въ Нерчинскъ. Нечего и говорить о томъ, что подобнаго распоряженія никогда не было.

Письма, присланныя изъ Петербурга, подѣйствовали на крестьянъ: въ маѣ мѣсяцѣ должны были отправиться на заводъ 150 конныхъ рабочихъ, но они не поѣхали на томъ основаніи, что по сенатскому указу 9 марта 1762 г. «усильно» на работы посылать не велѣно. Скоро началось волненіе и на самомъ заводѣ. Въ половинѣ іюня, какъ присланные на заводъ вмѣсто ссылки, такъ и переселенные туда, а также и пришедшіе на время приписные превратили почти всѣ работы. Вслѣдъ затѣмъ крестьяне стали и совсѣмъ разъѣзжаться съ завода, такъ что до сентября уѣхало болѣе половины поселенныхъ крестьянъ, а партичные (т.-е. приходившіе отработывать подушный окладъ) рѣшительно всѣ. Заводская контора донесла объ этомъ въ коммиссію Лопатина и Шамшева. Розыскали выборныхъ крестьянъ, которые были поселены на заводѣ; коммиссія уговаривала ихъ не оставлять до новаго указа хоть самыя важныя работы, но они отказались. Получивъ объ этомъ донесеніе, бергъ-коллегія приказала только оканчивать слѣдствіе.

Мы видимъ, что волненія крестьянъ приписныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу продолжались почти безпрерывно съ 1756 по 1763 г. Это объясняется тяжестью заводскихъ работъ, тѣмъ, что эти крестьяне жили далѣе всѣхъ другихъ отъ заводовъ, такъ что имъ нужно было проходить до 700 верстъ въ одинъ конецъ, и, кромѣ того, жестокостью и самоуправствомъ заводскаго начальства, о чемъ мы будемъ подробно говорить ниже.

Постоянныя волненія среди этихъ крестьянъ не могли не отозваться и на ихъ сосѣдяхъ. Начались безпорядки и между крестьянами, приписанными къ Вознесенскому заводу Сиверса и Камскимъ заводамъ Шувалова, которые жили въ этой же мѣстности.

Самое характерное явленіе въ волненіи на Вознесенскомъ заводѣ (въ 100 верстахъ отъ Авзяно-Петровскаго) было то, что когда человѣкъ 200, прикрѣпивъ къ шестамъ ножи и копья, бѣжали съ завода, заводская контора дала знать въ башкирскія деревни. Башкирцы были очень рады случаю пограбить крестьянъ, подъ видомъ ихъ усмиренія; они выѣхали также большою

толпой, человѣкъ въ 200. У всѣхъ, кто имъ попадался изъ бѣглецовъ, они отбирали всю одежду и сбрую. Нѣкоторые изъ крестьянъ жаловались впослѣдствіи, что башкирцы, ихъ «обравши, нагихъ связали и привязали къ оглоблѣ и били до самаго завода верховыми плетьми»... Такимъ образомъ крестьяне были возвращены на заводъ и теперь ни за что не хотѣли тамъ оставаться; чтобы ихъ вновь не задержали, они прибѣгли уже къ другому средству: стали разбѣгаться съ работъ небольшими партіями. Въ то же самое время въ тѣхъ деревняхъ казанскаго уѣзда, гдѣ жили эти крестьяне, также началось волненіе. Поводомъ къ тому послужилъ указъ Петра III, 27 февраля 1762 г., о запрещеніи фабрикантамъ и заводчикамъ покупать къ заводамъ деревни.

Что касается Камскихъ заводовъ (Воткинскій и Ижевскій), то они были основаны Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ. Приписные крестьяне по указу 12 февраля 1761 г. были утверждены за этими заводами «неотъемлемо», и даже Шувалову было разрѣшено *по своему усмотрѣнію переселять ихъ на заводы.* Такихъ привилегій не имѣлъ ни одинъ заводчикъ, получившій возможность пользоваться трудомъ приписныхъ крестьянъ. Самый этотъ указъ если не вызвалъ, то по всей вѣроятности увеличилъ волненіе среди шуваловскихъ крестьянъ, а главнымъ поводомъ къ нимъ послужилъ указъ 1761 г., которымъ къ подушному окладу прибавлялось еще по 60 к. на душу. Въ этомъ указѣ крестьянъ особенно смутили слова: «ясашнымъ крестьянамъ обидъ и налогъ не чинить». Они поняли это такъ, что этимъ самымъ имъ дозволяютъ не ходить на работы. Сенатъ, узнавъ объ этомъ новомъ волненіи, приказалъ отправить къ нимъ изъ ревельскаго драгунскаго полка 300 человѣкъ съ пушкою. Туда же долженъ былъ явиться съ 200 драгунъ полковникъ Левашевъ, который только-что усмирилъ крестьянъ, приписанныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу. Относительно другихъ крестьянъ всегда предписывалось по усмиреніи приступить къ изслѣдованію ихъ жалобъ, но такъ какъ приписные къ Камскимъ заводамъ были отданы на полную волю Шувалова, то разсмотрѣніе ихъ жалобъ не было поручено правительственной коммиссіи. «Буде же, паче чаянія», сказано было въ указѣ 25 августа 1761 г., «тѣ крестьяне будутъ иногда приносить на приказчиковъ его, господина сенатора и кавалера, какія-либо жалобы или неудовольствія, то въ такомъ случаѣ имъ объявить, чтобъ они о причиненной имъ обидѣ съ яснымъ изъясненіемъ, въ чемъ и отъ кого именно та обида и когда имъ учинена, то *все на письмѣ объявили ему, господину сенатору и кавалеру*, *который по разсмотрѣнію*

справедливымъ удовольствіемъ ихъ не оставитъ». Изъ этого видно, въ какое привилегированное положеніе съумѣли поставить себя при Елисаветѣ всемогущіе Шуваловы: не только графу Петру Ивановичу и его наслѣдникамъ дано было право, по своему усмотрѣнію, переселять на заводъ государственныхъ крестьянъ, но даже эти крестьяне не могутъ найти суда на злоупотребленія его приказчиковъ нигдѣ, кромѣ его самого. Такимъ образомъ, сохраняя названіе приписныхъ, т.-е. государственныхъ, они на дѣлѣ становились на одинъ уровень съ крѣпостными.

Получивъ этотъ указъ въ началѣ сентября 1761 г., губернская канцелярія немедленно сообщила его полковнику Левашеву. Вмѣстѣ съ тѣмъ она отправила къ нему военный отрядъ съ пушкою, но въ то же время предписала ему удерживаться отъ всякаго кровопролитія до прибытія одного изъ ея членовъ. Неріятная обязанность усмирять крестьянъ была возложена на губернаторскаго товарища Кудрявцева. Крестьянъ вооруженныхъ, какъ и всегда, ружьями, луками, стрѣлами, копьями, косами и бердышами, собралось около 600 человѣкъ. Кудрявцевъ въ присутствіи духовенства убѣждалъ крестьянъ прекратить непослушаніе, а когда слова не подѣйствовали, онъ приказалъ Левашеву двинуть противъ нихъ войско. Крестьяне защищались и стрѣляли изъ луковъ, но, конечно, съ такимъ первобытнымъ оружіемъ не могли устоять противъ ружей и пушекъ; они были разсѣяны и пустились въ лѣсъ въ разныя стороны. Хотя за ними была тотчасъ послана погоня, однако пойманы были весьма немногіе, такъ какъ рѣчка и топкое мѣсто помѣшали преслѣдованію. Во время этого сраженія было убито 16 человѣкъ крестьянъ, ранено 5, поймано до 40. Въ командѣ Левашева были ранены 1 капитанъ и 3 рядовыхъ. Драгунъ ввели въ село и расположили на постой.

Въ концѣ октября, съ своимъ войскомъ и большою толпою, человѣкъ въ 700, понятыхъ (тутъ были архіерейскіе и монастырскіе крестьяне, татары, вотяки и наконецъ 4 священника и нѣсколько причетниковъ), Левашевъ подошелъ къ деревнѣ Нижней-Тоймѣ. До крестьянъ, конечно, уже дошло извѣстіе о только-что описанномъ побоищѣ, и потому они, не вступая ни въ какіе переговоры, стали стрѣлять изъ ружей и луковъ, прячась сами за оградою и скирдами хлѣба. Но и они также не могли устоять противъ регулярнаго войска и были разогнаны. При этомъ было убито 12 и ранено 4 крестьянина; драгуны поймали въ лѣсу до 50 человѣкъ. Изъ солдатъ ранено шестеро.

Къ марту 1762 г., всѣ крестьяне, приписные къ Камскимъ

заводамъ, были усмирены, приняли сенатскіе указы и уже пошли на работу. Левашеву было приказано отпустить свою команду въ полкъ, а самому явиться въ губернскую канцелярію.

Постой войска въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сопровождался, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, страшными притѣсненіями. Крестьяне, прежде чѣмъ вновь рѣшиться на открытое сопротивленіе, обращались къ разнымъ лицамъ и между прочимъ къ своимъ священникамъ, дьяконамъ и причетникамъ. Духовенство на этотъ разъ, какъ весьма часто и впослѣдствіи, во время пугачевщины, держало руку крестьянъ; его собственное положеніе было слишкомъ незавидно, его умственный уровень, при плохомъ обученіи въ духовныхъ училищахъ, былъ едва ли многимъ выше развитія крестьянъ. Поэтому, если крестьяне чуть не каждый указъ объясняли въ свою пользу, то не лучше толковало ихъ и духовенство, и частью искренно, а иногда и вслѣдствіе экономической зависимости отъ крестьянъ, поддерживало въ нихъ желаніе сопротивляться властямъ. Но въ народныхъ волненіяхъ второй половины XVIII вѣка мы нерѣдко встрѣчаемся съ личностями сознательно эксплуатирующими крестьянъ: они изъ корыстныхъ разсчетовъ обѣщають имъ свою помощь и содѣйствіе, или объясняютъ указы такъ, какъ этого хочется крестьянамъ. И на этотъ разъ крестьяне села Тоймы, прежде чѣмъ рѣшились на вооруженное сопротивленіе, обратились за совѣтомъ къ помѣщику казанскаго уѣзда Озерову, хотя уже и слышали отъ одного священника, что работать на заводахъ не нужно. Прочтя указъ о прибавкѣ подушныхъ денегъ, Озеровъ сказалъ имъ, что они должны сами платить подати, а не заработывать ихъ на заводахъ. Крестьяне собрали и повезли деньги въ городъ, но тамъ денегъ не приняли, такъ какъ онѣ были внесены уже заводскою конторою. Тогда по совѣту Озерова они выбрали двухъ крестьянъ, чтобъ послать ихъ съ челобитною въ Петербургъ, собрали имъ съ міру по 10 к. съ души (всего 178 руб.) и приказали дать Озерову въ подарокъ, если онъ будетъ имъ помогать, 200 руб. Будучи у Озерова, челобитчики въ благодарность «за обнадеживаніе» дали ему 50 руб., да еще въ Казани выдали вексель въ 150 руб. Заполучивъ все, что̀ ему было нужно, Озеровъ сталъ сдерживать рвеніе крестьянъ, совѣтовалъ подождать отправлять въ Петербургъ челобитчиковъ, обѣщалъ ѣхать съ ними самъ.

«Если вы до зимы отправитесь въ Петербургъ», говорилъ онъ, «то безъ меня тамъ къ благополучію слѣду никакого не найдете». Если же его подождутъ, то онъ обѣщалъ отвезти ихъ къ гр. П. И. Шувалову и просить его о прибавкѣ имъ платы,

а если тотъ на это не согласится, то обѣщалъ представить ихъ самому императору Петру III. Однако челобитчики были все-таки отправлены.

Тотчасъ послѣ того, какъ удалено было войско изъ деревень, приписанныхъ къ Камскимъ заводамъ, волненіе вновь начинается. Крестьяне бѣжали съ завода; снова заволновались села: Костенеево, Тавели (нынѣшней казанской губ.), Боровецкое (нынѣшней оренбургской губерніи, близъ границы съ вятскою) и Шильна. Въ началѣ іюля крестьяне села Нижней-Тоймы пришли въ село Суши, принадлежавшее къ той же Тойменской сотнѣ и, согласившись съ жителями этого села, выбрали себѣ сотникомъ крестьянина Портнова, который занималъ эту должность и во время прежняго волненія. Этотъ выборъ вызвалъ протестъ со стороны болѣе мирной партіи; дѣло дошло до того, что одинъ выборный и съ нимъ 5 человѣкъ были убиты, а 4 человѣка ранены, за то, что хотѣли идти на работу. Потомъ и еще одинъ крестьянинъ былъ убитъ по дорогѣ на заводы. Въ то же время волновались Сивинская [1]), а также Верховская, Рожественская и Даниловская волости. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ тутъ явился пономарь дворцоваго села Сарапула, который, разъѣзжая по деревнямъ, разглашалъ, что по вновь вышедшему указу «крестьянамъ нигдѣ и ни у кого подъ заводами не быть», и что будто бы даже запрещено ходить на работу, а кто пойдетъ, тѣхъ велѣно бить кнутомъ и ссылать на каторгу.

И дѣйствительно, въ это время по рукамъ у крестьянъ сталъ ходить манифестъ отъ 7 іюля 1762 г.; въ немъ упоминалось прежде всего о восшествіи на престолъ императрицы, а потомъ сказано: «которые въ прежнихъ годахъ отданы были во владѣніе собственные Е. И. В. крестьяне, архіереямъ и по разнымъ монастырямъ, и которые подписаны подъ заводы къ разнымъ компанѣйщикамъ для заводскихъ работъ, таковымъ отнюдь въ оныхъ заводахъ не работать, и отъ тѣхъ заводовъ отмѣнить, какъ Осокина, такъ Демидова и Петра Шувалова, и быть по прежнему ясачнымъ». Хотя въ концѣ этого рукописнаго манифеста и было означено, что подлинникъ подписанъ самою императрицею, однако этотъ указъ оказался подложнымъ и скоро нашли его составителя: это былъ дьячокъ села Красной-Горки, Свіяжскаго Богородскаго монастыря, Иванъ Козьминъ. Козьминъ сознался, что онъ сочинилъ манифестъ, сидя подъ карауломъ въ казанской духовной консисторіи вмѣстѣ съ приписнымъ къ заводамъ Шува-

[1]) На рѣкѣ Сивѣ, впадающей въ нынѣшней вятской губерніи въ рѣку Каму.

лова крестьяниномъ Куликовымъ. Приписные крестьяне съ этимъ подложнымъ манифестомъ ѣздили по деревнямъ, уговаривали не работать на заводахъ, брали въ этомъ подписки, а несогласныхъ съ ними били «смертными побои», разоряли и выгоняли изъ жилищъ. Дѣло доходило и до убійства. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого междоусобія.

Двое мальчиковъ, одинъ изъ новокрещенныхъ вотяковъ, другой приписной къ заводамъ Сивинской волости (16-ти и 14-ти лѣтъ), ѣздили по деревнямъ, чтобы разглашать только-что приведенный манифестъ. Съ этою цѣлью они пріѣхали въ деревню Ольховку и прочли его при всемъ сходѣ. Одинъ изъ крестьянъ этой деревни, Абакумовъ, не хотѣлъ идти на сходъ и заперся въ своей избѣ. Крестьяне стали ломиться къ нему, наконецъ трое взлѣзли на крышу и разобрали ее до потолка. Одинъ изъ нихъ сталъ уже рубить потолокъ, но въ это время Абакумовъ выстрѣломъ изъ ружья убилъ его на повалъ. Крестьяне зажгли принесенную въ избѣ солому, заставили такимъ образомъ Абакумова выдти, потащили его къ старостѣ и тотчасъ высѣкли плетьми. Въ свою очередь мальчики, развозившіе манифестъ, попались въ руки приказчиковъ Шувалова, были отосланы въ Казань и тамъ нещадно наказаны. Когда посланные отъ губернской канцеляріи убѣждали крестьянъ не вѣрить фальшивому манифесту и выдать его распространителей, они хватали этихъ посланцевъ, держали ихъ подъ карауломъ, называли данную имъ инструкцію воровскою и наконецъ выгоняли изъ своихъ деревень.

Казанская губернская канцелярія была въ крайне затруднительномъ положеніи: въ ея распоряженіи находился одинъ только свіяжскій полкъ, да и тотъ былъ постоянно въ разныхъ командировкахъ.

Между тѣмъ крестьяне, приписанные къ заводамъ Шувалова, продолжали волноваться. У нихъ по прежнему шла борьба между двумя партіями: мирною и стоящею за сопротивленіе. Толпы послѣдней партіи, иногда человѣкъ въ 300, шли къ той деревнѣ, жители которой готовы были отправиться на работу, оцѣпляли кругомъ всю деревню и не выпускали изъ нея никого.

Мы не имѣемъ, конечно, возможности разсказывать здѣсь подробно подобныя же движенія среди крестьянъ, приписанныхъ къ другимъ заводамъ: это было бы слишкомъ утомительно для читателей, тѣмъ болѣе, что во всѣхъ этихъ народныхъ движеніяхъ, при нѣкоторыхъ оригинальныхъ особенностяхъ, есть очень много общаго. Поэтому назовемъ только тѣ заводы, среди крестьянъ которыхъ происходили волненія.

Еще въ 1760 г. не захотѣли работать на заводахъ крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ Анненскому заводу гр. И. Г. Чернышева, а также къ Петропавловскому и Туринскому заводамъ Походяшина. Въ 1762 г. начались безпорядки среди многихъ другихъ приписныхъ крестьянъ, а именно приписанныхъ къ заводамъ канцлера гр. Мих. Илар. Воронцова, Ив. Григ. Чернышева, Александра Демидова съ братьями, Петра Осокина, Ив. Осокина. Всѣ эти крестьяне жили въ кунгурскомъ уѣздѣ пермской губерніи. Поводъ къ волненію подалъ кунгурскій воевода Кушниковъ. Онъ сказалъ одному крестьянину, что у него есть указъ, въ которомъ велѣно приписныхъ крестьянъ отрѣшить отъ заводовъ, но соглашался объявить его лишь въ томъ случаѣ, когда дадутъ ему 500 руб. Услышавъ объ этомъ, крестьяне собрались черезъ недѣлю въ городъ и объявили, что они согласны заплатить ему. Кушниковъ, вѣроятно надѣявшійся въ тихомолку сорвать взятку, испугался произведеннаго имъ волненія и сталъ говорить, что такого указа у него нѣтъ. Крестьяне разъѣхались по домамъ, убѣжденные, что заводчики упросили или подкупили воеводу не объявлять указа, и потому отправили своихъ челобитчиковъ въ Москву, а до возвращенія ихъ перестали ходить на работу.

Лѣтомъ 1762 г. начались волненія среди крестьянъ Невьянской слободы, приписанной къ Алапаевскому заводу отставного маіора гвардіи Гурьева. Отсюда волненіе перешло и на Нижнетагильскіе заводы; мы замѣчаемъ его какъ въ селѣ Покровскомъ (въ нынѣш. пермской губ. ирбитскаго уѣзда), отданномъ къ заводу Демидова еще Петромъ Великимъ, такъ и на самомъ заводѣ среди мастеровыхъ и «работныхъ людей». Въ сентябрѣ 1762 г. бѣжали съ Ревдинскаго завода братьевъ Демидовыхъ приписные крестьяне Аятской слободы (въ нынѣш. екатеринбургскомъ уѣздѣ). Изъ инструкціи Вяземскому мы знаемъ, что были еще волненія на заводахъ гр. Ягужинскаго, по крайней мѣрѣ оттуда была подана жалоба на непослушаніе крестьянъ. Отъ Нижнетагильскихъ заводовъ Демидова рукой подать до Гороблагодатскихъ, принадлежавшихъ тогда Шувалову. Крестьяне, приписанные къ нимъ, жили въ екатеринбургскомъ, верхотурскомъ и туринскомъ вѣдомствахъ и краснослободскомъ дистриктѣ. Среди нихъ волненія были замѣтны еще въ 1761 г. Наконецъ прекратили работы на заводахъ слободы въ нын. екатеринбургскомъ и камышловскомъ уѣздахъ, приписанныя къ Верхъ-Исетскимъ заводамъ Ром. Иллар. Воронцова.

По поводу волненія послѣднихъ крестьянъ канцелярія глав-

наго правленія заводовъ послала донесеніе въ сенатъ и бергъ-коллегію, въ которомъ высказывала мнѣніе, что усмирить ихъ можно только строгостью, съ помощью войска, и что затѣмъ главныхъ возмутителей необходимо публично высѣчь кнутомъ. Въ подтвержденіе своихъ словъ канцелярія ссылалась на то, какъ усмирены были приписные къ казеннымъ заводамъ во время главнаго начальства надъ ними Геннина. Тогда въ селенія заводскаго вѣдомства ввели нѣсколько полковъ, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Катайскомъ острогѣ пересѣкли кнутомъ почти всѣхъ жителей, и только такимъ образомъ усмирили крестьянъ. «Да и нынѣ», продолжаетъ канцелярія, «ежели не такъ съ ними поступать, то опасно того, чтобы по умножительному почти всѣхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ бунту не послѣдовало отъ нихъ башкирцамъ, яко легкомысленному народу, къ бунту возмущенія... Когда по легкомыслію своему башкирцы взбунтуются, то и приписные къ заводамъ крестьяне... помощниками быть могутъ, и тогда ихъ безъ дальняго кровопролитія усмирить уже будетъ не можно». Хотя крестьяне и жалуются на разныя обиды отъ заводскаго начальства, но, говоритъ далѣе канцелярія, по справкѣ оказалось, что большихъ обидъ имъ нѣтъ, кромѣ того, что на нѣкоторыхъ заводахъ, по недостаточному количеству приписныхъ крестьянъ, ихъ заставляютъ работать *сверхъ подушнаго оклада,* и за эти работы платятъ имъ наличныя деньги». По мнѣнію канцеляріи, дѣло вовсе не въ этихъ обидахъ, а въ томъ, что всѣмъ приписнымъ крестьянамъ «не только отъ партикулярныхъ, но и отъ казенныхъ заводовъ отбыть желается и жить по хотѣнію своему, чѣмъ уже и похваляются». Такъ, напр., «Багарякскихъ и другихъ слободъ крестьяне говорили, что *отъ работъ отбились и живутъ-де какъ имянинники.* А ежели ихъ не усмирить строгостью», заключала канцелярія свое мнѣніе, «то опасно, что и всѣ при заводахъ и золотыхъ промыслахъ мастеровые и работные люди, взирая на такое оныхъ крестьянъ самовольство, въ работахъ быть не похотятъ. Наипаче отъ таковыхъ самовольныхъ ослушностей опасности предлежитъ (ибо извѣстно, что всѣ оные бунтующіе крестьяне весьма пьянствуютъ) въ томъ, чтобы (съ) содержащимися здѣсь множественнаго числа колодниками и другими подозрительными людьми не разграбили здѣсь денежную казну и не разорили монетный дворъ (въ Екатеринбургѣ), или другихъ какихъ бы бѣдствій не причинили».

Очевидно, канцелярія главнаго правленія заводовъ понимала всю опасность возстанія, но она не хотѣла понять, что не кро-

вавое усмиреніе крестьянъ, а только улучшеніе ихъ быта можетъ водворить прочный порядокъ.

II.

Дѣятельность кн. Вяземскаго и А. И. Бибикова по усмиренію крестьянъ.

Во время волненій 1760 и 1761 гг. слѣдствія по жалобамъ крестьянъ производились въ нѣсколькихъ мѣстахъ особыми коммиссіями. Наконецъ крестьянскіе челобитчики добрались и до Петербурга, и вотъ, въ мартѣ 1762 г. сенатъ назначилъ слѣдователями генералъ-маіора Кокошкина и находящагося не у дѣлъ полковника Данилу Лопатина; депутатомъ со стороны крестьянъ бергъ-коллегія назначила надворнаго совѣтника Шамшева. Коммиссія открыла свои дѣйствія только 31 мая, но черезъ двѣ недѣли послѣ того сенатъ рѣшилъ отправить Кокошкина къ его прежнему назначенію по совершенно другому дѣлу. Слѣдователями по жалобамъ крестьянъ и заводчиковъ остались Лопатинъ и Шамшевъ. Черезъ полгода новая перемѣна: императрица Екатерина поручила усмиреніе крестьянъ генералъ-квартирмейстеру кн. Вяземскому, которому съ этого времени были подчинены и члены прежней коммиссіи. Въ теченіи полугода Лопатинъ и Шамшевъ не успѣли выполнить громадной задачи, на нихъ возложенной. Такъ какъ заводъ отъ завода находился на разстояніи 500 верстъ и далѣе, то при такихъ громадныхъ разстояніяхъ они не могли требовать къ допросу въ одно мѣсто какъ служащихъ на заводѣ, такъ и приписныхъ крестьянъ, приходилось производить слѣдствіе порознь на каждомъ заводѣ, или въ разныхъ приписныхъ деревняхъ. Лопатинъ и Шамшевъ успѣли произвести слѣдствіе только по челобитнымъ приписныхъ къ Авзяно-Петровскому заводу Евд. Демидова и всѣхъ приписныхъ къ Кыштымскому и Каслинскому заводамъ Н. Демидова. Эти дѣла и заняли у коммиссіи все время до пріѣзда кн. Вяземскаго. Такъ какъ работы этой коммиссіи послужили только матеріаломъ для окончательныхъ рѣшеній кн. Вяземскаго, то, не говоря особо объ ея дѣятельности, мы разсмотримъ теперь, что́ дѣлалось среди крестьянъ со времени пріѣзда кн. Вяземскаго.

Императрица Екатерина отправила на уральскіе заводы кн. Вяземскаго вѣроятно потому, что только-что передъ этимъ онъ усмирилъ волненіе крестьянъ князей Долгоруковыхъ въ вяземскомъ уѣздѣ и при этомъ обнаружилъ немалую рѣшительность: до 20 человѣкъ крестьянъ было тамъ убито выстрѣлами изъ пушки.

При отправленіи Вяземскаго для усмиренія горнозаводскихъ крестьянъ, императрица, 6 декабря 1762 г., дала ему инструкцію, въ которой предписывала прежде всего привести крестьянъ «въ должное рабское послушаніе и усмирить», а потомъ уже изслѣдовать причины ихъ волненій и розыскать зачинщиковъ; при этомъ онъ долженъ былъ не смѣшивать всѣхъ волнующихся крестьянъ въ одну категорію, а отличать тѣхъ, которые были введены въ заблужденіе самими заводчиками или ихъ приказчиками. Мы видѣли выше, что когда Козьма Матвѣевъ продалъ свой Авзяно-Петровскій заводъ Евд. Демидову, то приказчики Матвѣева нѣсколько разъ объявляли, что приписные крестьяне не проданы, а потому они и не хотѣли работать. «Между подлинно бунтующими и сими различіе надлежитъ дѣлать», сказано въ инструкціи, такъ какъ заводчики можетъ быть называютъ бунтовщиками «по однимъ только привязкамъ». Несмотря на то, и тѣхъ и послѣднихъ императрица находила нужнымъ прежде всего заставить работать. Если на какомъ-нибудь изъ заводовъ продолжается сопротивленіе мастеровыхъ и приписныхъ крестьянъ, то, взявъ сколько нужно войска, приказныхъ и людей, знающихъ мѣстныя обстоятельства, Вяземскій долженъ былъ ѣхать туда немедленно, приказать нѣсколько разъ прочесть и объяснить въ церквахъ изданный по этому случаю манифестъ и требовать послушанія, такъ какъ «никто за свою обиду самъ собою управляться не дерзаетъ, но и въ утѣсненіи своемъ долженъ власти повиноваться, которая по волѣ высочайшей поставлена»; «собственное сопротивленіе, хотя бы и правильными причинами понуждаемо было, есть грѣхъ непростительный противу божьей заповѣди»: «противящіеся власти нашей», говорилось въ инструкціи, «противятся Богу». Манифестъ, врученный Вяземскому, былъ сочиненъ Тепловымъ и поправленъ Панинымъ. Къ обычнымъ фразамъ, требующимъ безусловнаго повиновенія, Панинъ прибавилъ слѣдующія слова: «наше правосудное и милосердое намѣреніе есть въ томъ, чтобъ простыхъ и заблужденныхъ исправить, обижаемыхъ защитить и *прямыя нападки и утѣсненія* тѣмъ крестьянамъ отвратить *добрымъ учрежденіемъ ихъ работъ съ выгодною, по мѣрѣ трудовъ, заплатою, или отпискою ихъ отъ тѣхъ заводовъ*, какъ мы найдемъ полезнѣе для ихъ собственнаго благосостоянія и для цѣлости заводовъ». Если манифестъ не подѣйствуетъ и крестьяне не тотчасъ примутся за работу, а будутъ готовиться къ вооруженной оборонѣ, Вяземскій долженъ былъ ихъ стращать не только гнѣвомъ императрицы, но и жестокимъ наказаніемъ, а наконецъ «огнемъ, мечемъ и всѣмъ тѣмъ,

что только отъ вооруженной руки произойти можетъ»; «однакожъ», сказано въ инструкціи, «къ дѣлу не приступать безъ самой крайней нужды. И сіе особливо предается на ваше благоразуміе и умѣренность». По приведеніи крестьянъ къ послушанію, онъ долженъ былъ развѣдывать, кто изъ нихъ и церковниковъ подстрекалъ къ возмущенію, не было ли какихъ-нибудь письменныхъ подложныхъ указовъ, кромѣ того, о которомъ уже было сказано выше, и кто ихъ сочинялъ; виновныхъ публично наказывать безъ всякой пощады и ссылать по своему усмотрѣнію въ вѣчную каторжную работу.

Вяземскій получилъ приказаніе присылать свои донесенія прямо къ императрицѣ. По свидѣтельству Теплова, кромѣ указанной инструкціи, она дала по этому дѣлу многія предписанія, сама внимательно разсматривала подробныя донесенія кн. Вяземскаго и дѣлала по нимъ резолюціи.

На основаніи инструкціи Вяземскій долженъ былъ прежде всего отправиться въ Казань, собрать тамъ необходимыя свѣдѣнія и затѣмъ начать объѣздъ заводовъ. Прежде всего онъ отправился на Камскіе заводы Шувалова: въ началѣ февраля онъ былъ уже на Ижевскомъ заводѣ, а оттуда проѣхалъ па Воткинскій. Мы видѣли, что крестьяне, приписанные къ этимъ заводамъ, волновались еще въ концѣ 1762 г.; но въ февралѣ 1763 г. мы находимъ ихъ уже на работахъ. Вяземскій немедленно приступилъ къ разбору дѣла о крестьянахъ, «виновныхъ въ сопротивленіи», и скоро постановилъ свое первое рѣшеніе.

Несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ были наказаны, приписные къ Камскимъ заводамъ еще не совершенно успокоились. Нѣкоторые изъ нихъ бѣжали съ заводовъ, но были тотчасъ же арестованы и жестоко наказаны плетьми. Мирная партія торжествовала: ея предсказанія, что сопротивленіе добромъ не кончится, вполнѣ оправдались. Но и участвовавшіе въ волненіи не унывали.

«Слѣдствіе на заводѣ не надолго», говорилъ одинъ крестьянинъ другому на Воткинскомъ заводѣ: «а послѣ переберемъ васъ». Объ этомъ тотчасъ донесли Вяземскому, и новая жертва испытала наказаніе плетьми. Въ случаѣ запирательства на слѣдствіи прибѣгали къ пристрастнымъ допросамъ (т.-е. съ батогами или плетьми).

Однако Вяземскій не только подписывалъ карательные приговоры; онъ сталъ внимательно изучать положеніе горнозаводскихъ крестьянъ. Въ своихъ донесеніяхъ онъ не скрылъ отъ им-

ператрицы, какъ тяжелы для нихъ работы на заводахъ, и результатомъ полученныхъ отъ него свѣдѣній былъ замѣчательный именной указъ 9 апрѣля 1763 г. Но объ этомъ указѣ, а также и о правилахъ, установленныхъ кн. Вяземскимъ на Камскихъ заводахъ, мы упомянемъ ниже, окончивъ разсказъ объ усмиреніи крестьянъ.—Императрица была весьма довольна «ревностью и трудами» Вяземскаго и обнадеживала его своимъ «непремѣннымъ благоволеніемъ».

Усмирены были приписные къ Камскимъ заводамъ; одновременно съ этимъ успокоились и жившіе въ той же мѣстности крестьяне, работавшіе на Вознесенскомъ заводѣ Сиверса. Въ ихъ селенія былъ посланъ капитанъ Толстой. Успокоивъ крестьянъ, Толстой отправился на самый Вознесенскій заводъ, къ которому они были приписаны, и до котораго, по ихъ словамъ, было не менѣе 700 верстъ.

Въ половинѣ марта кн. Вяземскій предписалъ сибирской губернской канцеляріи, чтобы она ввела на постой одинъ полкъ солдатъ въ селенія крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ сибирской губерніи, начиная съ Гороблагодатскихъ. Это слѣдовало исполнить не позже первыхъ чиселъ мая. — 17 марта, Вяземскій пріѣхалъ въ Соликамскъ. Мы упоминали выше, что крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ заводамъ Чернышева и Походяшина, не были усмирены до самаго пріѣзда Вяземскаго. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій по прибытіи его на Камскіе заводы было — отправить къ этимъ крестьянамъ подполковника Попова. Крестьяне приняли манифесты, дали подписки и были высланы на работы. Вслѣдъ затѣмъ Поповъ усмирилъ приписныхъ къ Висискому и Пыскарскому заводамъ Демидова.

Между тѣмъ капитанъ Толстой, о которомъ мы только-что упоминали, находился на Вознесенскомъ заводѣ Сиверса. Судя по всему, это былъ довольно гуманный человѣкъ. Въ приписныхъ селахъ, откуда онъ только-что пріѣхалъ, онъ никого не арестовалъ; на заводѣ онъ также не обнаружилъ особой свирѣпости. Когда два крестьянина самовольно уѣхали съ этого завода на Воскресенскій заводъ Твердышева и Мясникова и возмутили тамъ крестьянъ, Толстой не принялъ противъ нихъ никакихъ мѣръ.

Вяземскій нашелъ, что волненіе на Вознесенскомъ заводѣ продолжалось вслѣдствіе излишней снисходительности Толстого. Онъ приказалъ арестовать главныхъ возмутителей и о всемъ подробно

донести ему, а тѣхъ крестьянъ, которые лѣниво работаютъ, наказывать плетьми или батогами, смотря по ихъ винѣ. Въ отвѣтъ на это Толстой донесъ, что по приказу Вяземскаго «находящіеся нынѣ въ заводѣ ослушники наказаны и къ работѣ въ добрый порядокъ приведены». Мы видимъ такимъ образомъ, что наказанія производились не только по рѣшенію кн. Вяземскаго, основанному на судебномъ изслѣдованіи, а также и по усмотрѣнію посланныхъ имъ офицеровъ. Намъ не извѣстно, сколько крестьянъ наказалъ Толстой, но нужно думать, что онъ обошелся съ ними, насколько могъ, снисходительно, такъ какъ даже и послѣ выговора, полученнаго имъ отъ Вяземскаго за недостатокъ строгости, онъ все-таки ходатайствуетъ за нихъ. Вотъ чтό пишетъ онъ далѣе въ своемъ донесеніи, о которомъ мы только-что говорили. Упомянувъ о томъ, что два человѣка, ѣздившіе на Воскресенскій заводъ, имъ арестованы, онъ продолжаетъ: «о прочихъ по представленію Вознесенской конторы винности дальней не предвидится. Я вашему сіятельству осмѣлился всенижайше просить, чтобъ за то ихъ преступленіе, о которыхъ значитъ въ допросѣхъ, *жестокое наказаніе оставлено было*, а впредь, дабы они осторожнѣе поступали и излишнихъ словъ не употребляли, не изволите-ль приказать слегка наказать, ежели разсмотрѣно будетъ вашего сіятельства въ томъ ихъ винность». Во всемъ этомъ ясно видно доброе желаніе по возможности смягчить участь крестьянъ.

Въ половинѣ іюля кн. Вяземскій пріѣхалъ въ Екатеринбургъ; затѣмъ онъ объѣхалъ разные заводы Демидовыхъ, Гороблагодатскіе — Шувалова, заводы Гурьева и Турчанинова, и въ началѣ ноября направился въ оренбургскую губернію: былъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ Евд. Демидова, оттуда проѣхалъ на Воскресенскій заводъ Твердышева. Онъ вездѣ рѣшалъ судьбу крестьянъ, виновныхъ въ волненіяхъ, или разбиралъ жалобы на приказчиковъ и заводчиковъ.

Въ то время, когда Вяземскій объѣзжалъ заводы, расположенные въ сибирской губерніи, крестьяне соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ, приписанные къ заводамъ гр. Чернышева и Походяшина, стали вновь волноваться и бѣжали съ работъ. Получивъ объ этомъ извѣстіе въ началѣ октября, кн. Вяземскій отправилъ для ихъ усмиренія оберъ-гиттенъ-фервальтера Княгинкина, къ которому приказалъ послать изъ Казани по 50 гренадеръ и мушкетеръ, и далъ ему подробную инструкцію. Онъ долженъ былъ пріѣхать въ расплохъ въ станъ, ближайшій къ Соликамску, и, если возможно, захватить главныхъ зачинщиковъ.

Если крестьяне успѣютъ приготовиться къ сопротивленію, то должно было объяснить имъ, что они не слушаются именного указа самой государыни, что они уже прежде дали подписку работать на заводахъ. Хотя въ манифестѣ императрицы и сказано, что, быть можетъ, крестьяне будутъ отписаны отъ заводовъ [1]), но они должны ждать объ этомъ указа государыни, а не самимъ бить челомъ. Впрочемъ, всѣ эти переговоры должны были быть только военною хитростью. «Такимъ образомъ примавя», приказывалъ дальше кн. Вяземскій Князинкину, «и обнадежа, что никакого вреда имъ сдѣлано не будетъ, вдругъ и крестьянамъ непримѣтнымъ образомъ всѣхъ, или сколько можно, главныхъ злодѣевъ и возмутителей захватить и, того же часа набивъ на нихъ колодки, спрашивать и о ихъ сообщникахъ и помощникахъ, которыхъ потому-жъ, немедленно захватя, содержать подъ крѣпкимъ карауломъ, ибо отъ скоро пріятой твердой резолюціи не только крестьяне, *но и регулярный непріятель* легко въ безпорядокъ приведенъ быть можетъ, и всякое такое предпріятіе желаемый конецъ получаетъ, чтó довольными опытами доказывается! Если же этого сдѣлать будетъ нельзя, то стараться, обманувъ крестьянъ военною хитростью, безъ кровопролитія къ нимъ «войтить и начальниками овладѣть, или же чрезъ посланныхъ, сосѣдственныхъ же крестьянъ и священниковъ раздѣлить на разныя партіи и постановить между ними несогласіе, или, сдѣлавъ знакъ, якобы съ командою возвращаетесь, изыскавъ удобный случай ночью врасплохъ вдругъ войдя, главныхъ злодѣевъ переловить и такимъ образомъ истребить сіе непослушаніе». Если вся эта политика не приведетъ ни къ чему, Князинкинъ долженъ былъ поступить съ крестьянами, «какъ съ злодѣями и бунтовщиками». По усмиреніи ихъ нужно было приступить къ слѣдствію и, въ случаѣ запирательства, допрашивать подъ плетьми.

Пріѣхавъ въ Соликамскъ въ концѣ октября, Князинкинъ тотчасъ же увидѣлъ, что безъ войска ему не удастся усмирить всѣхъ крестьянъ. Когда посланные Князинкина привезли въ село Городище требованіе, чтобы крестьяне прислали къ нему своихъ сотниковъ и выборныхъ окладчиковъ, они отвѣчали:

«Раскладъ для платежа подушныхъ денегъ у насъ сдѣланъ и мы и теперь ихъ платимъ, а для работъ раскладки чинить не будемъ. Пускай Князинкинъ пріѣдетъ къ намъ самъ съ командою и объявитъ указъ. У насъ собрано до 500 человѣкъ».

---

[1]) См. выше въ манифестѣ, данномъ Вяземскому, мѣсто, приписанное Н. И. Панинымъ.

Тогда Княгинкинъ послалъ къ городищенскимъ и всѣмъ собравшимся у нихъ крестьянамъ объявленіе, написанное въ нѣсколько ироническомъ тонѣ.

«Что касается до того, чтобъ я къ вамъ пріѣхалъ съ командою», писалъ онъ, «то можетъ учиниться не по вашей волѣ, но по повелѣнію и высочайшему Е. И. В. соизволенію; но точію мой къ вамъ съ командою пріѣздъ», иронизируетъ онъ, «вамъ веселымъ и полезнымъ быть не можетъ, ибо онъ можетъ быть вреднымъ и разорительнымъ». Тутъ онъ мѣняетъ тонъ: «не дѣлайте того, чтобы высочайшей императорской волѣ могли вы противиться, чтó страшно имѣющему разсужденіе человѣку и помыслить, ибо императорское величество противности своей высочайшей волѣ снести не можетъ и противниковъ, яко сущихъ злодѣевъ отечества, щадить жалости имѣть не будетъ». Но и это воззваніе не подѣйствовало на крестьянъ, собравшихся въ селѣ Городищѣ. Крестьяне запрещали сотнику ѣхать къ Княгинкину, а когда онъ не согласился на это, они сказали: «Поди къ нимъ куда хочешь, ты нынѣ намъ не сотникъ, вмѣсто тебя выберемъ другого».

Насталъ декабрь мѣсяцъ 1763 г., а военная команда все не приходила къ Княгинкину, безъ нея же онъ не могъ справиться съ ослушными крестьянами. На требованіе Вяземскаго выслать изъ Казани 100 человѣкъ солдатъ, Кудрявцевъ отвѣчалъ, что у нихъ на лицо только 33 гренадера и мушкетера и предлагалъ, чтобы Вяземскій отправилъ команду изъ находившагося въ его распоряженіи ревельскаго полка. Вяземскій отвѣчалъ, что совершенно не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ бывшіе при немъ три эскадрона ревельскаго полка были цѣлый годъ въ постоянномъ передвиженіи и крайне изнурены. Къ тому же, въ соликамскій и чердынскіе уѣзды нельзя отправить конную команду, такъ какъ придется ѣхать въ такую даль лѣсными ненаселенными мѣстами, гдѣ нельзя будетъ достать фуража. Изъ этого видно, какъ ничтожны въ то время были средства правительства въ этомъ краѣ для борьбы съ народными волненіями, которыя въ это время охватили почти весь приуральскій край. По пріѣздѣ въ Казань, Вяземскій послалъ приказъ Княгинкину, чтобы онъ извѣстилъ его какъ можно скорѣе, если ему не удастся усмирить крестьянъ. Тогда онъ самъ отправится на мѣсто волненія; если же они будутъ усмирены, то распредѣлить крестьянъ, на работу, «чиня, кто бы хотя мало въ ослушности оказался, плетьми или батожьемъ наказаніе». Послѣдняго

можно было и не прибавлять: Княгинкинъ и безъ того усердствовалъ не мало. На требованіе выдать нужныхъ для слѣдствія крестьянъ, жители одной деревни отвѣчали: «Не дадимъ вамъ ни одного, и такъ у насъ воевода и Княгинкинъ многихъ измучили и застегали до смерти; ужъ мы послали въ Петербургъ 5 человѣкъ челобитчиковъ».

Въ самомъ концѣ декабря, наконецъ, явились въ Соликамскъ 100 человѣкъ солдатъ подъ начальствомъ подпоручика свіяжскаго полка, Дурова. Вѣсть о прибытіи войска тотчасъ разнеслась среди крестьянъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣздили по деревнямъ и убѣждали не поддаваться. Крестьянинъ Мельниковъ, руководившій всѣмъ движеніемъ, распускалъ слухъ, что эта команда нанятая, а не присланная по указу. Княгинкинъ съ отрядомъ Дурова выступилъ изъ города. Подъѣзжая къ селу Городищу, они увидѣли человѣкъ четырехъ, убѣгающихъ на лыжахъ, а въ самомъ селѣ нашли только двухъ неослушныхъ крестьянъ, да попа съ дьякономъ. Отправились далѣе въ деревню Харюшину, гдѣ жилъ Мельниковъ. Къ ней подъѣхали уже при захожденіи солнца. Въ деревнѣ бѣгали мужики съ оглоблями и дубьемъ. Дуровъ, который шелъ впереди съ гренадерами, спѣшась, приказалъ барабанщику бить сборъ. Мушкетеры слѣдовали позади съ Княгинкинымъ. Подвигаться впередъ было не особенно легко: снѣгъ былъ очень глубокъ, а дорога узка и потому можно было идти только по 3, по 4 человѣка въ шеренгѣ. Въ деревнѣ собралось до 300 человѣкъ крестьянъ всѣхъ деревень Харюшинской сотни и Городищенскаго стана. Они собрались при входѣ въ деревню съ оглоблями и рогатинами, а у нѣкоторыхъ были винтовки. Впередъ выбѣжалъ крестьянинъ въ кафтанѣ на распашку, въ синей пестрой рубахѣ: это былъ Иванъ Мельниковъ. «Мірянушки, не подайте» (не поддавайтесь), закричалъ онъ: «это все пріѣхали накупные отъ графа, надобно ихъ всѣхъ научить».

Въ это время солдаты уже подошли близко; крестьяне стали бросать въ нихъ полѣньями и колоть дубьемъ, такъ что нѣкоторыхъ ранили. Тогда Дуровъ, не дожидаясь приказанія Княгинкина, который отсталъ, велѣлъ стрѣлять изъ ружей. Послѣ первыхъ выстрѣловъ крестьяне закричали еще громче и съ жаромъ стали нападать на войско. Однимъ полѣномъ они попали въ Княгинкина, подоспѣвшаго въ это время, но не причинили ему вреда. Однако выстрѣлы скоро произвели свое дѣйствіе: нѣсколько крестьянъ пало, другіе обратились въ бѣгство. Пальба утихла, солдаты начали ловить бѣглецовъ, но крестьяне успѣли ускакать,

и было поймано только трое. Во время сраженія было убито 7 крестьянъ, да два тяжело ранены (одинъ умеръ на другой день); изъ солдатъ было ранено шестеро, впрочемъ 4 повредили только пальцы полѣньями и рогатинами. Послѣ того къ Княгинкину стали являться крестьяне съ заявленіемъ покорности. Получивъ донесеніе объ этомъ въ Казани 2 января 1764 г., кн. Вяземскій остался очень доволенъ дѣйствіями Княгинкина: «не могу чтобы не похвалить», написалъ онъ ему, «благоразумнаго вашего поведенія и употребленнаго и отъ военной команды поступка».

Теперь всѣ приписные крестьяне казанской, оренбургской и сибирской губерній были усмирены и принялись за работу.

Вотъ къ какому убѣжденію пришелъ кн. Вяземскій во время исполненія порученія, возложеннаго на него императрицей. «Ежели иногда по легкомыслію крестьянскому», писалъ онъ, «отъ оныхъ въ которой слободѣ окажется вновь прежняя ихъ противность, или же малѣйшее непослушаніе, то въ началѣ самаго того зла спѣшить съ пристойными ко отвращенію того средствами; въ противномъ случаѣ, если хотя малое медленіе во отвращеніи послѣдуетъ, то не иныя, какъ наивреднѣйшія слѣдствія отъ того родиться могутъ, и тогда и полезнѣйшія мѣры того желаемаго успѣха произвесть будутъ не въ состояніи». Подъ «пристойными ко отвращенію зла средствами» Вяземскій очевидно разумѣлъ усмиреніе съ помощію войска. Между тѣмъ, онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія канцеляріи на то, что, несмотря на свое ужасное положеніе, на несправедливости и притѣсненія, какія имъ приходилось выносить, крестьяне обыкновенно рѣшались на открытое сопротивленіе лишь послѣ того, какъ всѣ ихъ жалобы оставались безъ всякихъ послѣдствій. Вяземскому слѣдовало посовѣтовать канцеляріи главнаго управленія относиться повнимательнѣе къ жалобамъ крестьянъ, не защищать во что бы то ни стало интересовъ однихъ заводчиковъ, и тогда, конечно, пришлось бы гораздо рѣже прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ; окончательно же могли бы прекратиться всѣ волненія крестьянъ въ этой мѣстности только въ томъ случаѣ, если бы ихъ освободили отъ обязательныхъ работъ на заводахъ. Но къ такому средству тогда еще не осмѣлились прибѣгнуть.

Какъ разъ въ то самое время, когда крестьяне были усмирены, кн. Вяземскій былъ отозванъ императрицею, чтобы занять мѣсто генералъ-прокурора. Вмѣсто него былъ назначенъ А. И. Бибиковъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность какъ

маршалъ коммиссіи для составленія новаго уложенія и особенно своею энергическою дѣятельностью во время пугачевскаго бунта. На этотъ разъ, впрочемъ, его задача была далеко не такъ трудна, какъ 10 лѣтъ спустя. Волненіе уже было совершенно усмирено его предшественникомъ; большинство жалобъ крестьянъ на заводчиковъ разобраны.

4 января 1764 г. Бибиковъ пріѣхалъ въ Казань; Вяземскій немедленно сдалъ ему дѣла и черезъ нѣсколько дней отправился въ Петербургъ.

Въ февралѣ Бибиковъ получилъ новое донесеніе Княгинкина объ усмиреніи всѣхъ крестьянъ соликамскаго и чердынскаго уѣздовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Бибиковъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ изъ числа приписанныхъ къ заводу Чернышева. Кн. Вяземскій всегда приказывалъ крестьянъ, наказанныхъ плетьми, отправлять въ каторжную работу; Бибиковъ же предписалъ Чернышевскимъ крестьянамъ, присужденнымъ къ этому наказанію, всю жизнь работать на Бабкинскомъ заводѣ. Собственно, это вовсе не было облегченіемъ наказанія: вѣчная работа на заводѣ была ничѣмъ не лучше, а иногда и хуже каторги. Изъ государственныхъ крестьянъ, обвиненные превращались въ вѣчное, безотвѣтное достояніе фабрикантовъ, которые, конечно, не отказывали себѣ въ удовольствіи напомнить имъ, что они возставали противъ ихъ власти. Для заводчиковъ же новая мѣра, принятая Бибиковымъ, была, конечно, очень пріятна: они даромъ получали рабочую силу въ свое вѣчное распоряженіе. При такомъ способѣ наказанія крестьянъ, заводчикамъ было даже выгодно быть какъ можно несправедливѣе къ приписнымъ: доведя ихъ до возстанія, они не только не рисковали лишиться рабочихъ, а, напротивъ, получали самыхъ дѣятельныхъ изъ нихъ въ безсмѣнные мастеровые.

Сынъ Александра Ильича Бибикова говоритъ въ составленной имъ біографіи своего отца, что тотъ «умѣрилъ сколько возможно строгости и наказанія, и при ласковомъ обхожденіи всегда правдивымъ и кроткимъ разбирательствомъ старался войти въ довѣренность у крестьянъ, въ чемъ.... почти всегда успѣвалъ». Крестьяне будто бы вездѣ сами выдавали «злоумышленниковъ», такъ что «изъ многихъ тысячъ мятежническихъ шаекъ» не болѣе 20-ти человѣкъ были наказаны кнутомъ, а около 100 человѣкъ по легкомъ наказаніи распущены по домамъ. Во то время, когда при Вяземскомъ происходили кровопролитныя сраженія, Бибиковъ успокоивалъ волненіе «иногда страхомъ приближенія войскъ, а болѣе увѣреніемъ общаго прощенія, даруемаго монар-

шимъ милосердіемъ». Къ сожалѣнію, подлинное дѣло не подтверждаетъ этихъ показаній. Бибикову дѣйствительно не приходилось вступать въ сраженія съ крестьянами, но это очень просто объясняется тѣмъ, что они были усмирены уже до него. Что же касается произнесенныхъ имъ приговоровъ, то мы вовсе не видимъ въ нихъ особеннаго мягкосердія. По ихъ суровости, съ ними можетъ сравниться только рѣшеніе кн. Вяземскаго о всѣхъ приписныхъ къ Каслинскому и Кыштымскому заводамъ Н. Демидова. Что Бибиковъ поступалъ вовсе не гуманнѣе кн. Вяземскаго, это всего лучше видно при сравненіи всего числа наказанныхъ ими крестьянъ. По рѣшеніямъ Вяземскаго было наказано кнутомъ 38 человѣкъ, высѣчено три раза плетьми 88, по одному разу плетьми 83, наказано батогами 26. При Бибиковѣ бито кнутомъ 18, по три раза плетьми 49, по два раза плетьми также 49, по одному разу 44, батогами 36. Всего наказано было Вяземскимъ 235, Бибиковымъ 196 [1]), но при этомъ должно замѣтить, что Вяземскій произнесъ приговоры о приписныхъ въ 10-ти заводамъ, а Бибиковъ о приписныхъ только къ 5-ти заводамъ, слѣдовательно, относительно онъ наказалъ гораздо болѣе, чѣмъ Вяземскій. Если къ этому прибавить, что Вяземскій не только усмирилъ крестьянъ, но и успѣлъ разобрать большую часть ихъ жалобъ, то очевидно, что нѣтъ никакихъ причинъ возвеличивать въ этомъ случаѣ Бибикова на счетъ Вяземскаго.

Къ октябрю 1764 г. Бибиковъ покончилъ всѣ дѣла, и по возвращеніи въ Петербургъ былъ награжденъ чиномъ секундъ-маіора Измайловскаго полка.

При чтеніи разсказа о всемъ этомъ пятилѣтнемъ волненіи крестьянъ можно сначала подумать, что вспышки во многихъ мѣстахъ возникали по самымъ ничтожнымъ причинамъ: вслѣдствіе какого-нибудь ложнаго слуха, неправильнаго объясненія указа и т. п. Но это были не причины, а только случайные поводы къ волненію; дѣйствительною же причиною было ужасное положеніе этихъ крестьянъ, всевозможныя злоупотребленія и насилія, которыя они испытывали на заводахъ. Скорѣе можно удивляться тому, что всѣ эти волненія не приняли болѣе опаснаго характера. Но въ это время еще не скопилось тѣхъ элементовъ, которые были на лицо во время пугачевщины: страшнаго раздра-

---

[1]) Эти цифры не представляютъ еще общаго числа наказанныхъ; такъ какъ здѣсь не входятъ въ счетъ наказанные не по судебному рѣшенію, а по усмотрѣнію разныхъ посланныхъ для усмиренія крестьянъ офицеровъ.

женія противъ правительства среди яицкихъ казаковъ и участія крѣпостныхъ крестьянъ и башкирцевъ въ общемъ замѣшательствѣ; наконецъ, въ это время не появилось еще такихъ энергическихъ личностей, которыя, воспользовавшись уже не новою формою самозванства и сгруппировавшись вокругъ какого-нибудь Пугачева, придали бы нѣкоторое единство всему движенію. Въ описанныхъ же нами волненіяхъ одни приписные крестьяне, со своими луками и дубинами, не могли конечно устоять даже и противъ тѣхъ ничтожныхъ силъ, какія были въ этой мѣстности въ распоряженіи правительства.

Василій Семевскій.

БАЛЬЗАКЪ

и

ЕГО ПЕРЕПИСКА

I.

Конецъ истекшаго года ознаменовался весьма крупнымъ литературнымъ событіемъ—изданіемъ переписки Бальзака (1819—1830 г.). Никогда еще собраніе писемъ не возбуждало такого сильнаго восторга и такой живѣйшей симпатіи. Несмотря на многочисленныя біографіи и воспоминанія,—Бальзака, можно сказать, не знали до появленія въ свѣтъ его переписки.

Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого громаднаго тома «in-octavo», содержащаго около 700 страницъ, я долженъ указать на то, въ какомъ грандіозномъ видѣ представляется намъ въ настояще время «Comédie humaine». Мы видимъ передъ собой какъ-бы вавилонскій столпъ, котораго архитекторъ не успѣлъ, да и не могъ успѣть достроить. Много стѣнъ обрушилось въ немъ и покрыло обломками землю. Строитель употреблялъ всевозможные матеріалы, какіе только попадались ему подъ руку: известь, цементъ, камень, мраморъ, даже песокъ,—и даже грязь. И своими мощными руками онъ воздвигъ зданіе, гигантскую башню, изъ матеріаловъ, взятыхъ на скорую руку и безъ разбора, и при этомъ не особенно заботился о гармоніи линій, о правильныхъ размѣрахъ своего зданія. Какъ будто видишь собственными глазами, какъ онъ обтесываетъ молотомъ громадныя глыбы, ставя ни во что грацію и изящество линій. Какъ будто

видишь собственными глазами, какъ онъ тяжело взбирается на лѣсà, и порою строитъ длинную стѣну, обнаженную и шероховатую, порою колоннады, отличающіяся яснымъ величіемъ, пробиваетъ портики и окна, гдѣ ему вздумается, бросая иногда недоконченными начатыя лѣстницы, перемѣшивая съ безсознательной мощью генія великое и пошлое, изящное и грубое, прекрасное и дрянное.

Въ настоящую минуту зданіе стоитъ безъ крыши, и его чудовищная масса вырѣзывается на ясномъ небѣ. Эта громада дворцовъ и вертеповъ—одинъ изъ тѣхъ циклопическихъ монументовъ, какіе мерещатся въ грезахъ, гдѣ роскошныя палаты смѣняются грязными лачужками, широкіе корридоры узкими проходами, въ которыхъ можно пробираться лишь ползкомъ. Этажи высятся надъ этажами безъ толку и системы,—самаго разнообразнаго стиля. Нежданно-негаданно попадаешь въ какой-нибудь покой и не понимаешь, какъ въ него попалъ и какъ изъ него выбраться. Идешь далѣе, блуждаешь безъ конца, безпрестанно натыкаешься на новыя безобразія и на новыя великолѣпія. Чтó это: вертепъ, или храмъ?—не знаешь какъ и сказать. Это цѣлый міръ, міръ человѣческаго творчества, міръ дивный, созданный поразительнымъ строителемъ, въ которомъ скрывался художникъ.

Поглядишь снаружи и, какъ я уже сказалъ, найдешь, что это вавилонское столпотвореніе, башня изъ гипса и мрамора, которую одинъ горделивый человѣкъ задумалъ возвести къ самому небу, и обломки которой покрываютъ землю. Въ этой массѣ этажей, нагроможденныхъ одинъ на другой, зіяютъ темныя бездны; тамъ-и-сямъ обвалились углы; нѣсколькихъ дней дождя достаточно было, чтобы разрушить гипсъ, къ которому слишкомъ часто прибѣгалъ работникъ въ-торопяхъ. Но весь мраморъ сохранился, всѣ фризы цѣлы и только побѣлѣли отъ времени. Работникъ выстроилъ свою башню съ такимъ инстинктомъ грандіознаго и вѣчнаго, что остовъ зданія останется, повидимому, навѣки неприкосновеннымъ; пускай стѣны обваливаются, пускай падаютъ потолки, пускай рушатся лѣстницы,—каменный фундаментъ устоитъ передъ дѣйствіемъ времени, и большая башня всегда будетъ выситься на подножіи своихъ гигантскихъ колоннъ. Мало-по-малу песокъ и глина въ ней обсыпятся, и тогда мраморный скелетъ зданія будетъ красоваться на горизонтѣ, какъ громадный и растрепанный профиль цѣлаго города. И даже въ отдаленномъ будущемъ, если какой-нибудь страшный ураганъ сотретъ съ лица земли нашъ языкъ и нашу цивилизацію, и опрокинетъ остовъ зданія, то обломки великой башни образуютъ на землѣ такую

гору, что ни одинъ народъ не пройдетъ мимо нея, не замѣтивъ: «тутъ покоятся развалины цѣлаго міра».

Считаю также нужнымъ, прежде чѣмъ пуститься въ анализъ «Переписки Бальзака», привести здѣсь краткую біографію великаго романиста. Дѣлаю это для того, чтобы читателямъ легче было понимать многочисленныя цитаты, которыя я вынужденъ буду привести. Впрочемъ, я буду держаться лишь главныхъ чертъ и общихъ фактовъ.

Бальзакъ родился въ Турѣ, 16 мая 1799 года. Онъ пробылъ семь лѣтъ въ вандомскомъ коллежѣ, пользовавшемся въ то время большою славою. Онъ не выказывалъ въ дѣтствѣ, какъ Викторъ Гюгó, замѣчательныхъ способностей, напротивъ того, учителя считали его ограниченнымъ и лѣнивымъ. На дѣлѣ колоссальная работа совершалась въ этой головѣ, съ полузакрытыми глазами и разсѣяннымъ выраженіемъ. Когда за лѣность его сажали въ карцеръ, онъ тайкомъ пожиралъ въ немъ всѣ книги, попадавшія ему подъ руку. Страсть къ чтенію не давала ему покоя; онъ вращался въ мірѣ идей, не по лѣтамъ сложныхъ, и даже заболѣлъ отъ того. Никто не угадалъ причину его болѣзни; его отослали домой, и послѣ этого онъ посѣщалъ классы турскаго коллежа. Впрочемъ, семья тоже была невысокаго о немъ мнѣнія. Поэтому, когда въ немъ впервые сказалось честолюбіе, то оно ничего не вызвало кромѣ насмѣшекъ. Въ концѣ 1814 года онъ прибылъ вмѣстѣ съ родителями въ Парижъ, гдѣ окончилъ ученіе; но попрежнему неблистательно. Поочередно занимался онъ сначала въ конторѣ нотаріуса, затѣмъ стряпчаго. Но крючкотворство было ему не по характеру, и онъ выпросилъ, наконецъ, у отца позволеніе попытать счастія въ сферѣ литературной. Семья согласилась на это съ большой неохотой. Она дала ему всего одинъ годъ для испытанія. Содержаніе, отпускаемое ему, было разсчитано на то, чтобы не дать ему умереть съ голоду и внушить отвращеніе къ жизни въ мансардахъ. Затѣмъ, такъ какъ родители желали спасти его отъ позора неудачи, для нихъ несомнѣнной, они потребовали, чтобы попытка его оставалась для всѣхъ тайной и чтобы даже ближайшіе люди думали, что Оноре проживаетъ въ Монтобанѣ, у двоюроднаго брата.

Итакъ, вотъ онъ въ Парижѣ, на чердакѣ улицы Ледигьеръ, и волёнъ мечтать и писать, какъ вздумается. Сначала онъ хотѣлъ попытать счастія на театрѣ, и съ превеликимъ трудомъ сфабриковалъ трагедію въ пять, актовъ: «Кромвель»; когда онъ прочиталъ ее собравшимся роднымъ и друзьямъ, она была найдена крайне плохой. Ему пришлось вернуться въ семью; испытаніе

было признано достаточнымъ и окончательнымъ. Однако онъ продолжалъ писать. Въ это-то время онъ накропалъ пропасть дрянныхъ романовъ, отъ которыхъ впослѣдствіи открещивался. Въ пять лѣтъ онъ напечаталъ подъ разными псевдонимами до сорока томовъ. Это омерзительное занятіе приводило его въ отчаяніе; геній глухо волновался въ немъ и заставлялъ находить отвратительнымъ такую потерю времени. Если бы ему назначили родители въ это время тысячи полторы франковъ содержанія, онъ, быть можетъ, былъ бы спасенъ отъ жестокихъ затрудненій, терзавшихъ его всю жизнь. Чтобы избавиться отъ зависимости, въ которой онъ жилъ у родителей, онъ рѣшился пуститься въ аферы, купилъ типографію и выпустилъ дешевыя изданія Лафонтена и Мольера. Ему было тогда двадцать-пять лѣтъ. Предпріятіе оказалось неудачнымъ. Семья отказалась помочь ему среди коммерческаго кризиса, и ему пришлось ликвидировать дѣло съ значительными потерями; таково было начало долга, который давилъ его всю жизнь. Въ 1827 году онъ снова очутился на мостовой Парижа, безъ гроша денегъ, покинутый всѣми; онъ могъ разсчитывать только на свое перо, чтобъ уплатить долги и жить. Тогда-то началась безпощадная борьба, которую онъ велъ до самой смерти. Ни одинъ герой не можетъ похвалиться, что совершилъ бóльшія чудеса храбрости и настойчивости, чѣмъ онъ.

Бальзаку было двадцать-девять лѣтъ. Онъ поселился сначала въ улицѣ Турнонъ. Всѣ его близкіе соболѣзновали о немъ и горько осуждали каждый его поступокъ. Стóитъ только представить себѣ его въ то время, въ маленькой комнаткѣ, брошеннаго всѣми на произволъ судьбы; ни одинъ человѣкъ не вѣрилъ въ него, и даже родные отецъ и мать считали его безтолковымъ малымъ, неспособнымъ пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Въ это-то время онъ написалъ «les Chouans», первый романъ, подписанный имъ. Какъ это всегда бываетъ, печать оказалась снисходительной къ новичку; онъ еще никому не мѣшалъ и былъ скроменъ, какъ дебютантъ. Но отношеніе быстро измѣнилось; съ слѣдующими романами критика накинулась на него, война закипѣла, и его топтали въ грязь съ каждой книгой, выпускаемой имъ. Позднѣе, картина изъ міра журналистовъ, изображенная имъ въ «Illusions perdues», окончательно поссорила его со всѣми журналами; и, не взирая на мастерскія произведенія, которыми онъ презрительно отвѣчалъ на всѣ нападки, можно сказать, что онъ умеръ непризнанный. Апоѳеозъ его совершился уже надъ его могилой.

Я не стану входить въ подробности жизни крайне простой

и всѣмъ извѣстной. Всѣ знаютъ, что онъ жилъ поочередно въ улицѣ Турнонъ, въ улицѣ Кассини, въ улицѣ Батайль, въ улицѣ Жарди, улицѣ Бассъ, въ Пасси и, наконецъ, въ Божонѣ, въ домѣ, гдѣ и умеръ. Всѣ знаютъ, что жизнь его была поглощена его долгомъ, что онъ бился, какъ въ тенетахъ, въ векселяхъ, эксплуатируемый ростовщиками, съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе запутываясь въ ихъ сѣтяхъ, и совершая чудеса трудолюбія, не успѣвалъ освободить себя. Жизнь его наполнена гигантскимъ трудомъ. Но и въ ней были свои сокровенныя стороны. Порою онъ скрывался отъ самыхъ близкихъ людей и былъ вообще непроницаемой скромности касательно своихъ любовныхъ похожденій. Зачастую также онъ отправлялся путешествовать, никого не предупредивъ. Если онъ переносилъ дѣйствіе какого-нибудь изъ своихъ романовъ въ незнакомый ему городъ, то непремѣнно стремился побывать въ немъ, и такимъ образомъ объѣздилъ почти всю Францію. Затѣмъ пускался въ болѣе дальній путь: ѣздилъ въ Савойю, въ Сардинію, на островъ Корсику, въ Германію, въ Италію, въ Россію. Впрочемъ, путешествія шли не въ ущербъ труду; онъ работалъ вездѣ, для него достаточно было присѣсть къ первому попавшемуся столу. Никакое крупное событіе не отмѣчаетъ существованія этого мощнаго работника. Мы очертимъ Бальзака вполнѣ, если прибавимъ, что дѣлецъ никогда не замиралъ въ немъ окончательно, и что его воображеніе, какъ романиста, зачастую вращалось въ сферѣ изобрѣтеній и предпріятій. Такъ, напримѣръ, онъ мечталъ о фабрикаціи новой бумаги для своихъ книгъ; такъ, онъ предполагалъ извлекать металлъ изъ шлаковъ, оставленныхъ римлянами въ Сардиніи, выходя изъ того предположенія, что металлургическіе процессы были весьма несовершенны въ древности. Изумительные проекты безпрерывно зарождались въ его вѣчно дѣятельномъ мозгу. Онъ стремился также стать политическимъ дѣятелемъ, и потерпѣлъ неудачу. Къ счастію для славы французской литературы, онъ вынужденъ былъ оставаться простымъ романистомъ и расходовать свой геній на произведенія, подгоняемый тяжкой нуждой.

Романомъ его жизни былъ бракъ съ графиней Ганской. Онъ знавалъ эту даму замужней женщиной и любилъ ее съ шестнадцатилѣтняго возраста; наконецъ, женился на ней незадолго до своей смерти. Когда бракосочетаніе было совершено въ Россіи, онъ уже страдалъ отъ болѣзни сердца, которая и унесла его въ могилу; онъ вернулся во Францію только затѣмъ, чтобы умереть. Въ перепискѣ, нынѣ обнародованной, находимъ весьма интересныя подробности объ этомъ бракѣ, задуманномъ и приведенномъ

Бальзакомъ въ исполненіе въ глубочайшей тайнѣ. Мы знакомимся здѣсь съ Бальзакомъ—частнымъ человѣкомъ, удивительно-осторожнымъ и честолюбивымъ.

Теперь полагаю, что всѣ эти біографическія подробности избавятъ меня отъ необходимости входить въ запутанныя объясненія по поводу каждаго приводимаго мною отрывка. Такимъ образомъ, въ анализѣ моемъ не будетъ слишкомъ большихъ пробѣловъ. Къ тому же я вовсе не располагаю дать обзоръ всей переписки. Я прочиталъ съ величайшимъ вниманіемъ громадный томъ, останавливаясь преимущественно на письмахъ, проливающихъ на Бальзака новый свѣтъ или, по крайней мѣрѣ, выставляющихъ великія стороны геройской жизни этого писателя. Теперь моимъ дѣломъ будетъ сгруппировать письма, относящіяся къ однороднымъ фактамъ, и показать, такимъ образомъ, Бальзака — частнаго человѣка, настоящаго Бальзака, — его великое сердце и великій умъ, которые до сегодня никто хорошо не зналъ. Теперь надъ его циклопической башней, надъ тѣмъ памятникомъ, о которомъ я говорилъ и который останется на вѣки-вѣчные, слѣдуетъ воздвигнуть ему статую,—статую его честному, доброму и трудолюбивому генію.

II.

Обыкновенно великимъ людямъ оказываютъ плохую услугу, печатая ихъ переписку. Въ ней они почти всегда являются эгоистами, холодными, разсчетливыми и тщеславными людьми. Въ перепискѣ великій человѣкъ является въ халатѣ, безъ лавроваго вѣнка, безъ оффиціальной позы, и зачастую великій человѣкъ оказывается мелкимъ и даже дурнымъ человѣкомъ. Ничего подобнаго не случилось съ Бальзакомъ. Напротивъ того, переписка возвеличиваетъ его. Перешарили всѣ его ящики и издали разныя его письма, и это ни на одну іоту не унизило его личности. Изъ этого страшнаго испытанія онъ вышелъ болѣе симпатичнымъ и великимъ.

Но всего рельефнѣе выдается его доброта и его веселость. Онъ былъ добръ и веселъ—два качества, весьма рѣдко попадающіяся въ жестокомъ литературномъ ремеслѣ, скоро, очень скоро ожесточающемъ лучшихъ людей. И что̀ всего удивительнѣе, онъ сохранилъ дѣтскую улыбку и нѣжность сердца до могилы, среди самыхъ тяжкихъ заботъ, какія когда-либо выпадали на долю

человѣку. Правда, всѣ предполагали въ немъ ясность души; но никто не зналъ, какой у него былъ широкій и ясный умъ. Точно откровеніемъ какимъ-то было найти въ этомъ гигантѣ, въ этомъ высшемъ умѣ, такую горячую душу, такую ровность характера. Онъ очевидно былъ надѣленъ крѣпкимъ нравственнымъ здоровьемъ, сильнымъ, свѣтлымъ и любящимъ характеромъ. Сердце у него было такое же обширное, какъ и умъ. Для меня это выше всего, и я ставлю его высоко надъ другими людьми.

Первыя письма, писанныя имъ сестрѣ Лорѣ, когда ему было двадцать лѣтъ, изъ мансарды улицы Ледигьеръ, прелестны по своей живости и нѣжности. Въ нихъ уже чувствуется очаровательный грамматикъ изъ «Contes drolatiques», изобрѣтающій слова, пріискивающій оригинальные обороты рѣчи, создающій слогъ живой и богатый. Слышатся взрывы смѣха, смягчаемые слезой нѣжности: «Лора! милая моя Лора! какъ я тебя люблю! Какъ! Неужели тебѣ нельзя стащить папашинаго *Тацита?* Вспомни, что я вполнѣ разсчитываю, что ты, моя тонкая плутовка, съумѣешь стянуть его для брата... (*Парижъ, октябрь, 1819 г.*)».

А дальше:

«Mademoiselle Laure! Сѣдлаю своего боевого коня и облекаюсь въ доспѣхи старшаго брата, чтобы побранить васъ. Какъ! злючка, ты напоминаешь мнѣ, по поводу барышни второго этажа, милую барышню въ «Jardin des Plantes!» Фи! Какъ это гадко, сударыня.— Лора, я не шучу, я говорю серьёзно! Прочитай-ка кто-нибудь невзначай твое письмо, онъ меня приметъ за какого-то Ришельё, любящаго заразъ тридцать-шесть женщинъ. У меня не такое обширное сердце, и за исключеніемъ васъ, кого я люблю до обожанія, я люблю любовью только одну женщину за-разъ. Ужъ эта мнѣ Лора! Хочетъ превратить меня въ Ловеласа, а почему, спрашивается? Добро бы еще я былъ Адонисомъ!.. (*Парижъ, 30 октября, 1819*)».

Затѣмъ звучитъ мечтательная нотка:

«Я испытываю сегодня, что богатство не составляетъ счастія, и время, проведенное мною здѣсь, будетъ для меня связано съ пріятнѣйшими воспоминаніями! Жить, какъ хочется, работать, какъ вздумается, ничего не дѣлать, если заблагоразсудится, убаюкивать себя мыслями о будущемъ, которое я рисую себѣ прекраснымъ, имѣть возлюбленною Юлію Руссо, а друзьями Ла-Фонтена и Мольера, учителемъ Расина, а мѣстомъ для прогулокъ «Père-Lachaise»!.. Разстаюсь съ тобой, чтобы идти на кладбище «Père-Lachaise» изучать горесть, подобно тому, какъ ты занималась этюдами «d'ecorché». Я бросилъ «Jardin des Plantes»,

потому что онъ очень скученъ... Я вернулся въ «Père-Lachaise», гдѣ набрелъ на нѣсколько счастливыхъ мыслей. Рѣшительно прекрасныхъ эпитафій только одна, слѣдующая: *Ла-Фонтенъ*, *Массена*, *Мольеръ:* одно имя все выражаетъ и наводитъ на размышленія! (*Парижъ*, *1820*)». Подпись письма: «ton grigou de frère».

Бальзакъ высказывается весь уже въ юношескихъ своихъ письмахъ, изъ которыхъ я могу привести лишь нѣсколько фразъ. Въ нихъ слышится его мощный смѣхъ, и онъ уже владѣетъ слогомъ, который выработывалъ позднѣе съ такими усиліями, смущаемый великолѣпной романтикой Виктора Гюго, не замѣчая, что у него у самого въ рукахъ орудіе рѣдкой силы. Приведу еще два примѣра его чудной веселости. Онъ говоритъ о лордѣ Рунѣ, одномъ изъ англійскихъ псевдонимовъ, избранныхъ имъ для своихъ первыхъ романовъ: «Милая сестра, я собираюсь работать, какъ лошадь Генриха IV, прежде чѣмъ ее отлили изъ бронзы, и въ этотъ годъ надѣюсь заработать тѣ двадцать тысячъ франковъ, которые должны положить начало моему богатству... Въ непродолжительномъ времени лордъ Рунъ станетъ моднымъ человѣкомъ, самымъ плодовитымъ, самымъ любезнымъ писателемъ, и дамы будутъ лелѣять его, какъ зѣницу своего ока. Тогда бездѣльникъ Оноре явится въ каретѣ, закрывъ носъ, съ гордымъ видомъ и туго набитымъ кошелькомъ; при его появленіи раздастся лестный шопотъ восхищенной толпы и будутъ говорить: «Это братъ m-me de Surville!» Тогда мужчины, женщины, дѣти и эмбріоны запрыгаютъ какъ холмы... И у меня будетъ пропасть любовныхъ похожденій; въ виду этого я сберегаю свои силы, чтобы расходовать ихъ, когда понадобится! Со вчерашняго дня я отказался отъ «douairières» и увлекаюсь тридцатилѣтними вдовами. Присылай всѣхъ, которыхъ встрѣтишь, къ «лорду Руну въ Парижъ». Этого довольно. Его знаютъ у заставы!—«Nota». Присылать съ оплаченными почтовыми издержками, въ цѣлости и сохранности, пусть онѣ будутъ богаты, любезны; за красотой не гонятся... Форма измѣняется, а содержаніе остается (Ville parisis, 1822)».

Позднѣе, въ разгаръ борьбы, какъ бы ни давили его обстоятельства, дѣтская улыбка появлялась на его губахъ при первой удачѣ. «Ты видишь, что я могу сообщить тебѣ хорошія вѣсти, сестрёнка. Ежемѣсячные журналы лижутъ у меня ноги и дороже платятъ мнѣ за листъ въ январѣ. Хе! Хе! Читатели такъ набрасываются на «Médecin de campagne», что Верде надѣется распродать въ одну недѣлю изданіе in-octavo и въ двѣ недѣли изданіе in-douze.—Ха! Ха!

«Наконецъ мнѣ есть чѣмъ уплатить по крупнымъ векселямъ, сроки которымъ истекаютъ въ ноябрѣ и декабрѣ, и которые тебя такъ озабочивали. Хо, хо! (*Парижъ, сентябрь, 1835*)». Какъ будто слышишь, какъ онъ хохочетъ, забывая въ радости о всѣхъ тревогахъ.

И замѣтьте, что съ его стороны веселость была въ самомъ дѣлѣ доблестью. Не говоря уже о каторжной жизни, какую онъ велъ, его весь вѣкъ терзали родные, не понимавшіе его. Мать въ особенности, которую онъ любилъ безграничной любовью, была тяжелаго характера, и онъ страдалъ отъ этого всю свою жизнь. «Скажу тебѣ совсѣмъ на ушко, что бѣдная матушка становится такой же нервной, какъ бабушка, и даже быть можетъ хуже. Вчера еще я слышалъ, какъ она жаловалась, точно бабушка, пилила Лорансъ и Оноре́, какъ бабушка... Надѣюсь, что это перенесетъ тебя къ намъ лучше, чѣмъ всѣ описанія въ мірѣ. Увы! отчего происходитъ, что въ жизни встрѣчаешь такъ мало снисходительности, что люди ищутъ во всемъ то, что́ есть самаго оскорбительнаго. Никто не хочетъ жить припѣваючи, какъ бы жили папаша, ты, да я...» (*Ville parisis, іюнь, 1821 г.*).

Ежеминутно въ перепискѣ натыкаешься на слѣды терзаній, которымъ подвергала его семья. Приведу нѣсколько примѣровъ. Вотъ раздирательное письмо, написанное вслѣдъ за финансовой катастрофой, когда онъ переселился въ улицу Турнонъ. Семья его жила тогда въ Версали: «Меня упрекаютъ за убранство моей комнаты; но мебель, стоящая въ ней, принадлежала мнѣ до катастрофы! я не покупалъ ни одной штуки! Драпировка изъ голубого перкаля, надѣлавшая столько шума, была въ моей комнатѣ въ типографіи. Латушъ и я прибили ее поверхъ отвратительныхъ обой, которыя бы пришлось перемѣнить. Книги — мои инструменты, и я не могу ихъ продать... Заплатить за письмо, прокатиться въ омнибусѣ—расходы, которыхъ я не могу себѣ позволить, и я не выхожу изъ дому, въ видахъ сбереженія платья. Кажется, это ясно?... Не вынуждайте же меня къ поѣздкамъ, къ выходамъ, къ визитамъ, которые для меня невозможны; не забывайте, что время и трудъ—мое единственное богатство, и что я не могу себѣ позволить ничтожнѣйшаго расхода. Не обвиняй меня, милая сестра; если бы я подумалъ это, то потерялъ бы голову. Если отецъ заболѣетъ, ты извѣстишь меня, не правда ли? Ты вѣдь знаешь, что въ этомъ случаѣ никакія соображенія не помѣшаютъ мнѣ отправиться къ нему... Спасибо, дорогой защитникъ, чей великодушный голосъ оправдываетъ мои намѣренія. Проживу ли я настолько, чтобы уплатить и этотъ долгъ сердца?...

(*Парижъ, 1827 г.*)». И постоянно онъ возвращается къ той мысли, что время для него деньги. «Я горько страдаю оттого, что меня вѣчно подозрѣваютъ. Полагаю, что письмо мое разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія. Я, однако, достаточно несчастливъ! Мнѣ нужно, чтобы заработывать деньги, монастырскую тишину и спокойствіе! Когда я буду счастливъ, быть можетъ мнѣ отдадутъ справедливость; но будетъ поздно, потому что я буду счастливъ, только когда умру (*Парижъ, 1829 г.*)». Онъ не подозрѣвалъ, что слова его пророческія, и что ему придется въ теченіи двадцати лѣтъ вести эту каторжную жизнь.

Перескакиваю черезъ эти двадцать лѣтъ, чтобъ не приводить еще цитатъ объ этомъ второстепенномъ пунктѣ, и перехожу къ браку Бальзака съ графиней Ганской. Онъ находился въ южной Россіи и готовился къ свадьбѣ въ величайшемъ секретѣ, когда письмо отъ матери, оставшейся въ Парижѣ, чуть было не испортило всего дѣла. Онъ пишетъ сестрѣ: «Ты, должно быть, не знала объ этомъ, а не то помѣшала бы этому; ты такъ добра и миролюбива. Въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ я нахожусь, это было роковымъ дѣломъ—написать мнѣ письмо, которое для логическихъ людей дѣлаю необходимымъ тотъ выводъ, что или я дурной сынъ, или что мать моя женщина сварливаго, придирчиваго характера и проч. Наконецъ, это было письмомъ матери къ маленькому пятнадцатилѣтнему, напроказившему мальчику... Это письмо, такое несвоевременное, въ которомъ бѣдная матушка не только не говоритъ мнѣ ни одного нѣжнаго слова, но заключаетъ заявленіемъ, что согласуетъ свою любовь съ моимъ поведеніемъ (мать, свободная любить или не любить такого сына, какъ я! семьдесятъ два года съ одной стороны и пятьдесятъ съ другой!)—пришло въ ту минуту, какъ я хвалилъ заслуги матушки, когда я говорилъ, какъ хорошо она ведетъ счеты, какіе труды переноситъ она, несмотря на свои преклонныя лѣта, отправляясь на желѣзную дорогу и пр. и пр. Наконецъ я убѣдилъ графиню, что необходимо нанять для матушки служанку въ Сюренѣ, что необходимо заняться ею, сдѣлать ее счастливой, а тутъ налетѣлъ этотъ шквалъ въ формѣ письма, два мѣсяца спустя послѣ упрека, который я сдѣлалъ матушкѣ, и ты знаешь, былъ ли онъ основателенъ! (*Vierzschovnia, 22 марта, 1849*).

Бракъ съ графиней Ганской былъ вообще для него труднымъ дѣломъ и онъ велъ его, повидимому, съ необыкновенно ловкой тактикой. Онъ былъ сильно влюбленъ, я въ этомъ убѣжденъ. Но подозрѣваю, что его привлекала тутъ также и своего рода борьба, что онъ драматизировалъ свой бракъ, преувеличивъ нѣко-

торыя, встрѣченныя имъ затрудненія. Въ письмѣ, приведенномъ мною, попадаются странныя фразы: «Мало того: матушка ставила мнѣ въ обязанность писать и отвѣчать на письма моихъ племянницъ, а вѣдь это низверженіе элементарныхъ семейныхъ принциповъ; и надо бы тебѣ знать лица, у которыхъ я нахожусь, чтобы понять дурное дѣйствіе этихъ фразъ». И слѣдующее мѣсто, еще болѣе знаменательное: «M-me Ганская здѣсь богата, любима, уважаема; она ничего почти не проживаетъ; она колеблется ѣхать въ мѣсто, гдѣ предвидитъ одни безпокойства, долги, расходы и новыя лица; ея дѣти боятся за нее! Прибавь къ этому *чопорное и холодное письмо* матери, бранящей своего малолѣтка (пятидесяти лѣтъ), и ты скажешь себѣ, что послѣ сомнѣній, высказанныхъ на счетъ счастія и будущности, честный человѣкъ долженъ уѣхать, возвратить собственность улицы Фортюнэ тому, кому она принадлежитъ, снова взяться за перо и зарыться въ трущобѣ, въ родѣ трущобы улицы Пасси. Въ сорокъ-пять лѣтъ денежныя соображенія тяжело вѣсятъ на вѣсахъ судьбы». Наконецъ онъ толкуетъ сестрѣ, что его бракъ — счастіе для всей семьи. «Подумай только, моя добрая и милая Лора, что никто изъ насъ не составилъ, какъ говорится, *карьеры;* что если бы, вмѣсто того, чтобы быть вынужденнымъ трудиться изъ-за куска хлѣба, я сдѣлался мужемъ одной изъ самыхъ остроумныхъ женщинъ, хорошаго происхожденія, со связями, съ солиднымъ, хотя и ограниченнымъ состояніемъ, то, несмотря на желаніе этой женщины вести замкнутую жизнь и не имѣть никакихъ сношеній, даже родственныхъ, мнѣ было бы гораздо легче быть вамъ полезнымъ... Повѣрь, Лора, не бездѣлица имѣть возможность въ Парижѣ открыть, когда хочешь, салонъ и собрать въ немъ сливки общества, которое найдетъ въ немъ женщину вѣжливую, величественную какъ королева, знатнаго рода, въ родствѣ съ знаменитыми фамиліями, остроумную, образованную и прекрасную. Это могучій рычагъ для успѣха».

Стóитъ прочитать все письмо. Я нашелъ въ немъ цѣлый романъ, одинъ изъ тѣхъ глубоко человѣческихъ романовъ, какіе Бальзакъ умѣлъ сочинять. Его можно было бы озаглавить: «Бракъ великаго человѣка съ знатной дамой». Уже неоднократно Бальзакъ мечталъ выпутаться изъ затрудненія посредствомъ выгодной женитьбы; слабые слѣды этого находятся въ перепискѣ. Конечно, повторяю, я вѣрю въ благородство чувствъ Бальзака относительно m-me Ганской. Но какъ печально слышать въ устахъ великаго человѣка, что никто изъ его семьи *не сдѣлалъ карьеры!* Замѣтьте, что онъ написалъ уже всѣ свои

мастерскія произведенія. Понятно, конечно, что графиня ставила условіемъ своего брака, что не будетъ принимать родственниковъ мужа. Въ это время матери Бальзака поручено было смотрѣть за домомъ въ улицѣ Фортюнэ, который онъ отдѣлалъ заново и считалъ приманкой для графини. Это было стратегіей великаго полководца. Читая, напримѣръ, слѣдующія строки, невольно вспоминаешь Наполеона, наканунѣ Аустерлицской битвы: «Такъ какъ я всегда дѣйствую, сообразуясь съ здравымъ смысломъ и съ разсчетомъ на успѣхъ, то скажи матушкѣ—повѣсить двойной пологъ у альькова и пришить имѣющіяся у нея кружева. Скажи ей также, чтобы она провѣтрила драпировки, которыя лежать въ ящикахъ комода королевы». Если присовокупить къ этому, что Бальзакъ, ведя настойчивую кампанію своего брака, уже страдалъ отъ припадковъ болѣзни сердца, отъ которой долженъ былъ умереть, и умеръ, не насладившись своей побѣдой, то мы получимъ одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и самыхъ печальныхъ романовъ, какіе онъ когда-либо написалъ. Онъ отнесся къ браку, какъ и къ своему долгу, какъ великій утопистъ, какъ борецъ, желавшій сначала обойти горы, но потомъ бравшій ихъ на руки и переносившій ихъ.

При всемъ этомъ онъ оставался самымъ нѣжнымъ и самымъ почтительнымъ сыномъ. Немедленно по совершеніи бракосочетанія, онъ пишетъ матери: «Добрая моя и дорогая, любимая матушка... Вчера, въ семь часовъ утра, благодаря Бога, бракосочетаніе мое совершено въ церкви св. Варвары въ Бердичевѣ, священникомъ, присланнымъ житомирскимъ епископомъ... Теперь мы вдвоемъ поблагодаримъ тебя за твои хлопоты о нашемъ домѣ, и вдвоемъ будемъ доказывать тебѣ нашу почтительную любовь. Надѣюсь, что ты пользуешься добрымъ здоровьемъ. Повторяю тебѣ: не скупись на кареты, чтобы облегчить труды, которыя мы причиняемъ тебѣ своими дѣлами... До скораго свиданія... Прими выраженіе моего почтенія и сыновней привязанности... Твой послушный сынъ... (*Vierzschovnia*, *15 марта 1850)*».

III.

Приступаю теперь къ самой крупной и самой героической сторонѣ переписки; я говорю про безустанную войну, какую велъ Бальзакъ съ своими долгами, съ помощью упорнаго труда, наполнявшаго всѣ часы его жизни. Ничего не можетъ быть прекраснѣе зрѣлища этого борца, истощающагося въ усиліяхъ,

никогда не ослабѣвающихъ, совершающаго такой трудъ, какого до него не дѣлалъ ни одинъ человѣкъ. Конечно, мы знаемъ неутомимыхъ производителей, написавшихъ гораздо больше томовъ, чѣмъ Бальзакъ. Но не слѣдуетъ забывать, что его монументъ былъ выстроенъ въ двадцать лѣтъ и что созданія его почти всѣ изъ бронзы и мрамора. Сдѣлать много и сдѣлать прочно—вотъ гдѣ чудо.

Прежде всего въ перепискѣ видѣнъ работникъ. Онъ проглядываетъ во всѣхъ страницахъ, онъ наполняетъ собою всѣ триста-восемьдесять-четыре письма. Съ перваго слова до послѣдняго Бальзакъ трудится и создаетъ. Это какая-то эпопея, какой-то гигантъ, котораго мы видимъ въ его кузницѣ; онъ не знаетъ отдыха, неутомимо бьетъ по желѣзу молотомъ, опьяняемый своимъ усиліемъ. Мы всѣ знали, что великій романистъ былъ трудолюбивъ, но этотъ непрерывный крикъ работника въ борьбѣ съ усталостью дѣлаетъ изъ переписки несравненный сборникъ, исполненный поэзіи дѣйствія. Никогда мы не представляли его себѣ такимъ сильнымъ. Утесъ, который онъ катилъ, былъ такъ тяжелъ, что могъ раздавить всякаго другого человѣка, кромѣ него.

Я постараюсь показать его въ разгарѣ борьбы, потому что никакихъ комментаріевъ недостаточно; надо его видѣть и слышать. Я выхвачу лишь по нѣскольку фразъ изъ каждаго письма, такъ чтобы показать всѣ фазисы этой долгой борьбы.

Она началась въ домѣ его родителей, когда тѣ отказали ему въ небольшомъ содержаніи, позволявшемъ ему писать на волѣ. Онъ кропаетъ плохіе романы и говоритъ сестрѣ: «Будь у меня полторы тысячи франковъ дохода, я могъ бы трудиться для славы; но для такихъ трудовъ нужно время, а я долженъ прежде всего заработывать кусокъ хлѣба! Поэтому мнѣ остается только этотъ гнусный способъ добиться независимости. Ну, такъ заставляй стонать прессу, дрянной сочинитель (и никогда еще эпитетъ не бывалъ правдивѣе). (*Villeparisis, 1821*)». А вотъ эти слова, высказываемыя имъ черезъ годъ: «ахъ! еслибы у меня былъ кусокъ хлѣба, я бы скорехонько устроилъ себѣ уголъ и сталъ писать книги, которыя, быть можетъ, не канули бы въ вѣчность! (*Villeparisis, 1821*)». Но борьба завязывается настоящимъ образомъ только послѣ его финансовой катастрофы. Онъ жилъ только трудомъ, и надѣлалъ при этомъ крупныхъ долговъ. Вотъ одинъ изъ первыхъ криковъ смиренія, съ которымъ онъ обращается къ Даблену, другу, ссудившему его довольно значительной суммой: «Человѣкъ, который съ пятнадцатилѣтняго возраста ежедневно

встаетъ до разсвѣта, которому никогда не хватаетъ сутокъ, который борется противъ всего, не можетъ навѣстить друга, не можетъ навѣстить любовницы; и вотъ, я много потерялъ друзей и любовницъ безъ сожалѣнія, потому что они не понимали моего положенія. Вотъ почему вы видите меня только по дѣламъ. Я жалѣю, что вы не отвѣтили мнѣ на счетъ страхованія, потому что чѣмъ дольше я живу, тѣмъ работы все прибываетъ, и я не увѣренъ, что выдержу такой безустанный трудъ. (*Парижъ, 1830*)». Слѣдующее письмо, адресованное герцогинѣ д'Абрантесъ, еще знаменательнѣе: «Писать! не могу! усталость слишкомъ велика. Вы не знаете, что́ я былъ долженъ, въ 1828 г., сверхъ того, что́ у меня было: у меня было только мое перо, чтобы жить и уплатить сто-двадцать тысячъ франковъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я все уплачу, у меня будутъ доходы, я устрою свое маленькое хозяйство; но въ теченіи шести мѣсяцевъ еще, мнѣ придется нести всю тягость нищеты... (*Парижъ, 1831*)».

Слѣдуетъ замѣтить эту надежду освободиться черезъ шесть мѣсяцевъ. Бальзакъ всю жизнь надѣялся такимъ образомъ выпутаться изъ бѣды въ сравнительно короткій срокъ; и всю жизнь долгъ обрушивался на него съ новой силой. Мы неоднократно увидимъ его постоянно побѣждающимъ и постоянно побѣжденнымъ.

Одинъ изъ величайшихъ кризисовъ переживался имъ, какъ кажется, въ 1832 г., когда онъ удалился въ Туррень, чтобы спастись отъ кредиторовъ и спокойнѣе работать. Онъ писалъ тогда матери, хлопотавшей по его дѣламъ въ Парижѣ: «Мнѣ нужно было бы по крайней мѣрѣ шесть недѣль полнѣйшаго спокойствія, чтобы вручить тебѣ четыре тысячи восемьсотъ франковъ, что́ мнѣ принесутъ два сочиненія, которыя я напишу... Вотъ уже четыре года, какъ мнѣ двадцать разъ приходила въ голову мысль бросить отечество... Ты просишь меня подробно писать тебѣ; но, добрая матушка, ты, значитъ, еще не знаешь, какъ я живу! Когда я могу писать, я занимаюсь своими рукописями; когда я не пишу своихъ рукописей, я о нихъ думаю. Я никогда не отдыхаю... Подумай, что мнѣ нужно сочинить, обдумать, написать триста страницъ для «Bataille»! что мнѣ нужно прибавить сто страницъ къ «Conversations» и, что если писать по десяти страницъ въ день, то понадобится три мѣсяца, а если по двадцати, то сорокъ пять дней, и что *физически* невозможно написать больше двадцати, а я прошу всего сорокъ дней; и что въ продолженіи этихъ сорока дней, мнѣ надо будетъ держать корректуру Росселена. При моемъ желаніи вывести насъ изъ затрудненія, я

сдѣлаю невозможное. Если счастіе поможетъ мнѣ работать такъ, какъ я работалъ два послѣднихъ дня св. Фирмэна, *я насъ спасу*... (*Saché, іюль, 1832*)». Слѣдующее письмо можетъ быть еще раздирательнѣе: «Что ты хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ про торговца сѣномъ? Боже мой! я работаю день и ночь, чтобы сколотить денегъ и уплатить ему... Но такъ какъ я получу деньги только черезъ шесть недѣль, то раньше этого срока ничего не могу сдѣлать; это общій отвѣтъ, потому что если только не продать все за безцѣнокъ и не остаться нагимъ, какъ св. Жанъ, я не вижу другого средства добыть денегъ... Сегодня утромъ я собирался мужественно сѣсть за работу, когда твое письмо совсѣмъ разстроило меня... Я говорилъ тебѣ со слезами на глазахъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ, что рукопись моя не можетъ быть готова раньше 10-го августа, а десятаго августа мы получимъ тысячу восемьсотъ франковъ. Сообрази, не можешь ли ты уладить все въ Парижѣ къ этому сроку. Если у меня не будетъ денегъ, ну, такъ пусть меня преслѣдуютъ судомъ, и я заплачу издержки — вотъ будутъ дорогія денежки! (*Ангулемъ, 19 іюля, 1832*)». И въ томъ же письмѣ прибавляетъ: «Я встаю въ шесть часовъ вечера, выправляю «Les Chouans», затѣмъ работаю надъ «Bataille», отъ восьми часовъ до четырехъ утра, а днемъ выправляю то, что написалъ ночью — вотъ моя жизнь! Знаешь ли другую, болѣе наполненную?.. Прощай, добрая матушка. Сдѣлай невозможное; я это дѣлаю съ своей стороны. Жизнь моя есть непрерывное чудо. Цѣлую тебя отъ всего сердца и съ большимъ огорченіемъ, потому что дѣлаю тебя такою же несчастливою, какъ и я самъ».

Въ другомъ письмѣ, адресованномъ къ сестрѣ, нахожу слѣдующія, глубоко прочувствованныя строки: «Да, ты права, успѣхи мои несомнѣнны, и мое адское мужество будетъ вознаграждено. Убѣди въ этомъ и матушку, милая сестра; скажи ей, что я прошу у ней терпѣнія какъ милостыни; самоотверженіе будетъ ей засчитано! Со временемъ, надѣюсь, немного славы вознаградитъ ее за все!.. Скажи матушкѣ, что я ее люблю такъ же, какъ когда былъ ребенкомъ. Слезы навертываются у меня на глазахъ, когда я пишу тебѣ эти строки, слезы любви и отчаянія, потому что я предчувствую будущее, и мнѣ нужна эта преданная мать въ день торжества! Когда доживу я до него?.. Со временемъ, когда произведенія мои будутъ развиты, вы увидите, что нужно было много часовъ, чтобы передумать и написать столько вещей, тогда вы отпустите мнѣ все то, что вамъ не нравилось, и простите эгоизмъ не человѣка (у человѣка его нѣтъ), но мыслителя и работника (*Ангулемъ, августъ, 1832*)».

И вѣчно слышится припѣвъ объ освобожденіи. Онъ составляетъ разсчеты, приводитъ цифры, находитъ, напримѣръ, что въ непродолжительномъ времени получитъ 9,700 франковъ: «Скоро я справлюсь съ дѣлами» (*Эксъ, 30 сентября, 1832*)».

Но дѣйствительность немедленно предъявляетъ свои права. Онъ пишетъ пріятельницѣ, m-me Зюльмѣ Карро. «У меня еще нѣтъ новаго изданія «Chouans», мнѣ еще остается кончить 12—13 листовъ «Médecin de campagne»; мнѣ предстоитъ еще доставить сто страницъ въ журналъ. Чтобы выполнить все это, я вынужденъ остаться въ Парижѣ! Затѣмъ остаются денежныя дѣла, которыя все запутываются, потому что потребности опредѣленныя, а доходы представляютъ такія же аномаліи, какъ и кометы... Увѣряю васъ, что живу въ атмосферѣ мыслей, идей, плановъ, работъ, соображеній, которыя скрещиваются, кипятъ, трещатъ въ моей головѣ, такъ что я рискую съ ума сойти... (*Парижъ, мартъ, 1833*)». Въ другомъ письмѣ, къ той же особѣ, мнѣ попадаются слѣдующія слова: «Я сплю только пять часовъ; съ полуночи до полудня я работаю надъ своими сочиненіями, а съ полудня до четырехъ часовъ держу корректуру. 25-го у меня будетъ напечатано четыре тома. «Eugénie Grandet» васъ изумитъ... (*Парижъ, декабрь, 1833*)».

Новая надежда на торжество. Онъ думаетъ, что справился съ долгомъ. На этотъ разъ онъ даже мечтаетъ о томъ, что скопитъ небольшое состояніе для своей матери. «Теперь, когда цѣль не такъ уже далека, я могу тебѣ, о ней сказать. Въ этомъ году у тебя будутъ двѣ радости. Въ день моего рожденія, я увѣренъ, я останусь долженъ только тебѣ, и надѣюсь въ остальную часть года достичь еще лучшаго результата; я надѣюсь, что составлю для тебя небольшой капиталъ, который сначала обезпечитъ тебѣ необходимое; а позднѣе.... ты увидишь! Мое богатство, видишь ли, это твое счастіе, твое довольство жизнью. О! добрая матушка! доживи, доживи до того времени, когда положеніе мое станетъ блестящимъ; если ты все еще не поправилась, то пріѣзжай опять въ Парижъ—и сдѣлаемъ снова консиліумъ. Если въ январѣ мѣсяцѣ я поѣду въ Віеннъ, то постараюсь припасти достаточно денегъ, чтобы увезти тебя съ собою; быть можетъ, путешествіе подкрѣпитъ тебя. (*Парижъ, ноябрь, 1834*)».

Въ томъ же мѣсяцѣ, онъ писалъ m-me Зюльмѣ Карро: «Но, *cara*, вы, по желанію, дѣлаете изъ меня негодяя и важнаго барина. Никто изъ моихъ друзей не можетъ и не хочетъ представить себѣ, что работа моя увеличилась, что мнѣ нужно восемнадцать часовъ въ день работать, что я избѣгаю національ-

ной гвардіи, которая бы меня убила, и что я поступаю, какъ живописцы: я изобрѣлъ языкъ, извѣстный только лицамъ, которымъ нужно говорить со мной о дѣлахъ. Я—важный баринъ; вотъ, я опять помѣщенъ въ классъ людей, у которыхъ есть неумолимый, опредѣленный доходъ, и которые не могутъ позволить себѣ ничего такого, что̀ дѣлаютъ бедуины, проживающіе свой капиталъ. Кромѣ обычной работы я еще заваленъ дѣлами, мнѣ надо распутывать путаницу несчастія. Пятьдесятъ тысячъ франковъ исчезли такъ же проворно, какъ и горящая солома, и у меня осталось еще четырнадцать тысячъ франковъ долгу; онъ также значителенъ самъ по себѣ, какъ и уплаченные мною двадцать-четыре тысячи, потому что меня мучитъ самый долгъ, а не болѣе или менѣе крупная его сумма. Мнѣ нужно еще десять мѣсяцевъ, чтобы освободить мое перо̀, какъ я освободилъ свой кошелекъ; и если я еще остаюсь долженъ, то несомнѣнно, что годовой барышъ поможетъ мнѣ расквитаться. Впрочемъ, я все еще въ долгу, эти пятьдесятъ тысячъ франковъ даны мнѣ впередъ подъ работу... (*Парижъ, конецъ ноября, 1834*)». Истина въ этомъ, а не въ предъидущемъ письмѣ къ матери. Этотъ примѣръ ясно показываетъ, какую значительную роль играло воображеніе въ его борьбѣ.

Впрочемъ, кризисы слѣдовали одинъ за другимъ. Въ первомъ письмѣ къ m-me Ганской находимъ слѣдующую столь характеристическую страницу: «Увѣряю васъ, что самое жестокое убѣжденіе овладѣваетъ мною; я не надѣюсь выдержать такихъ тяжкихъ трудовъ. Толкуютъ про жертвы войны и эпидемій; но думалъ ли кто про поле битвы искусствъ, наукъ и литературы, и про то, какія груды мертвецовъ и умирающихъ покрываютъ его, благодаря чрезмѣрнымъ усиліямъ, въ погонѣ за успѣхомъ? При удвоенномъ трудѣ, къ которому я вынужденъ прибѣгнуть, тѣснимый нуждой, я ни въ чемъ не вижу поддержки. Работа, вѣчно только работа! Воспаленная ночь слѣдуетъ за воспаленными ночами, дни размышленій за днями размышленій; отъ выполненія переходишь къ замыслу, отъ замысла къ выполненію! Мало денегъ, сравнительно съ тѣмъ, сколько мнѣ нужно; пропасть денегъ сравнительно съ производствомъ. Если бы каждая моя книга оплачивалась такъ, какъ книги Вальтеръ-Скотта, то я бы выпутался; но хотя мнѣ и хорошо платятъ, а я никакъ не могу выпутаться. Въ августѣ я получу двадцать-пять тысячъ франковъ. За «le Lys» мнѣ уплачено восемь тысячъ франковъ, частью книгопродавцемъ, частью «Revue de Paris». За статью въ «Conservateur» мнѣ заплатятъ три тысячи франковъ. Я кончу «Seraphita», начну «les Mémoires de deux jeunes mariées» и

кончу выпускъ «M-me Béchet». Не знаю, какой мозгъ, какое перо и какая рука прокидывали такіе фокусы при помощи бутылки съ чернилами... (*Парижъ, 11 августа, 1835*)».

Самый раздирательный вопль во всей перепискѣ вырывается у него на слѣдующій годъ въ письмѣ къ m-me Ганской. «Утративъ всѣ свои надежды, по-неволѣ отрекшись отъ всего на свѣтѣ, удалившись сюда, въ мансарду, занимаемую нѣкогда Жюлемъ Сандо, въ Шайльо, 30 сентября, въ ту минуту, какъ вторично въ жизни я увидѣлъ себя разореннымъ, вслѣдствіе неожиданной и непоправимой бѣды, и когда къ тревогѣ о будущемъ присоединялось еще сознаніе глубокаго одиночества,—я думалъ, что по-крайней-мѣрѣ я живу еще въ нѣкоторыхъ избранныхъ сердцахъ... и въ эту минуту приходитъ ваше письмо—такое унылое и печальное!.. Не безъ сожалѣнія покинулъ я улицу Кассини; не знаю еще, удастся ли мнѣ сохранить часть мебели, которою дорожу, равно какъ и библіотеку. Я заранѣе уже рѣшился пожертвовать всѣмъ комфортомъ и всѣми воспоминаніями, чтобы оставить себѣ маленькую радость — знать, что они все еще мои; они не могли бы утолить жажды кредиторовъ, а могутъ утолить мою жажду въ пустынѣ, среди песковъ, куда я нынѣ вступаю. Два года труда могутъ покрыть долгъ, но невозможно, чтобы я не изнемогъ отъ двухъ лѣтъ такой жизни... Чтобы знать, до чего доходитъ мое мужество, должно вамъ сказать, «le Secret des Ruggieri» написано мною въ одну ночь; подумайте объ этомъ, когда будете его читать. «La vieille fille» написана въ три ночи. «La Perle brisée», служащая окончаніемъ «l'Enfant Maudit», была написана въ нѣсколько часовъ нравственной и физической пытки; это мой Бріеннъ, мой Шампоберъ, мой Монмирайль, это моя французская кампанія! Но такъ было и съ «Messe de l'Athée», и «Facino Cane»; я написалъ въ Сашé въ три дня первые пятьдесятъ страницъ «Illusions perdues»... Чтó меня убиваетъ, такъ это корректуры... Надо превзойти самого себя, чтобы побѣдить равнодушіе покупателя, и надо превзойти себя среди долговыхъ взысканій, дѣловыхъ огорченій, денежныхъ затрудненій самыхъ жестокихъ, и въ самомъ полномъ уединеніи, лишеннымъ всякаго утѣшенія (*Парижъ, октябрь, 1836*)».

Я долженъ ограничиться приведеніемъ нѣсколькихъ строкъ изъ каждаго письма, чтобы только показать, какъ борьба длилась до самой смерти. Одно потрясеніе слѣдовало за другимъ. «Я заключилъ сдѣлку съ Леву, которая позволитъ мнѣ уплатить Гюберу, удовлетворить самымъ настоятельнымъ нуждамъ; а такъ какъ мы пустимъ въ продажу «la Femme supérieure», то я думаю

частью уплатить векселя Гужé. Матушка получитъ, чтó ей слѣдуетъ, 10 декабря, самое позднее. Но я не буду дожидаться этого результата, чтобы броситься въ каторжную работу; я хочу, чтобы «César Birotteau» (купленный за двадцать тысячъ франковъ однимъ журналомъ) былъ конченъ къ 10-му декабря; надо провести двадцать-пять ночей, и я началъ сегодня утромъ. Надо написать отъ 35 до 36 листовъ, полтора тома, въ двадцать-пять дней... (*Письмо къ сестрѣ, въ ноябрѣ, 1837 г.*).» — «Успокойся, моя дорогая Лора: весьма вѣроятно, что въ теченіи этой недѣли мнѣ удастся собрать двѣ тысячи франковъ, которые мнѣ необходимы. Я постараюсь тогда отдать тебѣ мой долгъ; бѣдная матушка пострадаетъ отъ того, но я знаю, что съ нею мнѣ вскорѣ можно будетъ покрыть прорѣхи. Въ настоящее время приходится выпутываться (*Письмо къ сестрѣ, Парижъ, 1839 г.*)». — «Въ настоящую минуту, то, чтó вы требуете, совершенно невозможно; но черезъ два или три мѣсяца ничего не будетъ легче. Вамъ, сестра моей души, могу я довѣрить мои послѣдніе секреты; я нахожусь въ самой страшной нищетѣ. Всѣ стѣны Жарди обрушились по волѣ строителя, который не заложилъ фундамента; и все это, хотя виновникъ онъ, падаетъ на меня, такъ какъ онъ безъ гроша, а я выдалъ ему только восемь тысячъ задатку. Не считайте меня неосторожнымъ, *cara;* я долженъ былъ бы быть очень богатъ въ настоящую минуту; я совершилъ чудеса труда; но всѣ мои умственные труды рушились вмѣстѣ съ моими стѣнами... (*Письмо къ m-me Зюльмѣ Карро, Les Jardies, мартъ, 1839*)». — «Пришло горе, горе сердечное, глубокое и котораго нельзя высказать... Что касается матеріальныхъ вещей: шестнадцать написанныхъ томовъ, двадцать сочиненныхъ актовъ въ этотъ годъ оказались недостаточными! Сто пятьдесятъ тысячъ франковъ, заработанныхъ мною, не дали мнѣ спокойствія!.. (*Письмо къ m-me Зюльмѣ Карро, Les Jardies, 1840 г.*)». — «Деньги, необходимыя мнѣ для жизни, вырываются такъ сказать у кредиторовъ, и съ большимъ трудомъ... Я не заблуждаюсь: если до сихъ поръ, работая, какъ я работаю, я не могъ ни уплатить долговъ, ни найти средствъ къ жизни, будущая работа не спасетъ меня: надо приняться за другое, искать себѣ положеніе... (*Письмо къ матери, апрѣль, 1842*)». — «Мнѣ нужно двадцать-пять тысячъ франковъ въ этомъ мѣсяцѣ, и нужно свести счеты съ тремя книгопродавцами «Comédie humaine», которые должны мнѣ отъ пятнадцати до шестнадцати тысячъ франковъ. Болѣе нежели вѣроятно, что если бы я употребилъ все, чтó у меня есть въ портфелѣ на уплату моихъ долговъ, я

бы никому не остался ничего должнымъ до будущаго октября... (*Письмо къ m-me Ганской, Парижъ, 3 апрѣля, 1845*)».—«Самыя ужасныя, самыя невѣроятныя событія разразились надо мной! я очутился безъ денегъ, преслѣдуемый людьми, которые оказывали мнѣ услуги; я едва успѣваю покрывать самыя настоятельныя нужды. Придется работать по восемнадцати часовъ въ сутки... (*Письмо къ сестрѣ, Парижъ, май, 1846 г.*).» — «Эти четыре сочиненія («les Paysans», «les Petits Bourgeois», «le Cousin Pons», «la Cousine Bette») покроютъ всѣ мои долги, и нынѣшнею зимою «L'éducation du prince», и «La dernière incarnation de Vautrin» доставятъ мнѣ первыя деньги, которыя будутъ безспорно принадлежать мнѣ и которыя положатъ основаніе моему состоянію... (*Письмо къ m-me Ганской, іюнь, 1846*)».

Во всей перепискѣ не найти четырехъ строкъ болѣе печальныхъ и болѣе типическихъ. Весь Бальзакъ выразился въ этой послѣдней надеждѣ. Ему сорокъ-восемь лѣтъ, онъ уже написалъ всѣ свои «chefs-d'oeuvres», и все еще мечтаетъ о томъ, чтобы заработать денегъ, которыя бы безспорно принадлежали ему и положили бы начало его состоянію. Это крикъ неисправимаго мечтателя-должника, которому не даютъ покоя двадцать лѣтъ сряду и который отчаянно боролся съ долгами, постоянно разсчитывая не сегодня-завтра нажить милліоны. При этомъ, замѣтьте, что въ этотъ день, такъ же какъ и во всѣ остальные, онъ заблуждался. Жалобы возобновляются, долги удручаютъ его сильнѣе, чѣмъ когда-либо. Они не перестаютъ мучить его даже и тогда, когда онъ уѣзжаетъ въ Россію, къ m-me Ганской, въ 1849 и 1850 г. Наканунѣ брака его мучитъ ликвидація, онъ толкуетъ о томъ, чтобы удалиться въ мансарду, если предполагаемый бракъ не состоится. Сестра его въ свою очередь запуталась въ денежныхъ дѣлахъ. Онъ пишетъ ей, отъ 9-го февраля 1849 года: «Ты знаешь, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ я, чтобы дешево жить; я стряпалъ только два раза въ недѣлю, по понедѣльникамъ и четвергамъ, и питался холодной говядиной съ саладомъ. Довольствуясь крайне необходимымъ въ Пасси, я могъ ограничить издержки однимъ франкомъ на человѣка. Я готовъ снова повторить это, не поморщась». Одно это обстоятельство развѣ не бросаетъ печальнаго свѣта на жизнь великаго романиста? Онъ умеръ бы на чердакѣ, если бы бракъ не освободилъ его отъ денежныхъ затрудненій. А этой, страстно желанной, свободы онъ достигъ только затѣмъ, чтобы умереть. Геній не могъ прокормить его. Надо было, чтобы женщина пришла ему

на помощь для того, чтобы онъ легъ въ могилу не неоплатнымъ должникомъ. Я не знаю жизни писателя болѣе удивительной и болѣе печальной.

IV.

Читая переписку, я съ любопытствомъ отмѣчалъ все то, что относится къ театру. Мнѣ показалось интереснымъ извлечь изъ этой груды документовъ различные взгляды Бальзака на драматическое искусство. Театръ занималъ его всю жизнь. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ удѣлилъ бы ему часть своего гигантскаго труда, если бы недосугъ и необходимость сколачивать деньгу, посредствомъ романа, не заставляли его постоянно откладывать всякія серьёзныя попытки.

Какъ я уже говорилъ: первымъ литературнымъ трудомъ его была трагедія о Кромвелѣ, планъ которой онъ излагаетъ намъ и которая, должно быть, была безусловно плоха. Въ это время, двадцати-одного года отъ роду, онъ признавалъ учителемъ Расина. Корнель, котораго онъ звалъ своимъ «генераломъ», казалось, трогалъ его гораздо менѣе. Со всѣмъ тѣмъ онъ очень горевалъ, что у него нѣтъ денегъ, чтобы взять билетъ въ партеръ на представленіе «Цинны». Всего любопытнѣе при этомъ его презрѣніе къ новѣйшимъ сюжетамъ. Наканунѣ представленія «Маріи Стюартъ», Пьерра Лёбрена, онъ писалъ сестрѣ: «Сюжетъ этой трагедіи настолько далекъ отъ насъ, что его можно взять для сцены; будемъ надѣяться, что авторъ съ успѣхомъ будетъ бороться съ трудностью новѣйшихъ сюжетовъ, которые никогда не бываютъ столь благопріятны для поэзіи, какъ античные сюжеты. Прибавь къ этому трудность сдѣлать современнаго человѣка интереснымъ. Наши государственные люди всѣ на одинъ покрой; дипломатическія преступленія представляютъ мало интереса для театра... (*Парижъ, 30 октября, 1819 года*)».

Не странны ли эти строки подъ перомъ писателя, создавшаго новѣйшій романъ, долженствовавшій показать современную драму во всей ея полнотѣ. Къ тому же, въ этомъ письмѣ уже чувствуется тайная нѣжность къ этой драмѣ. Это, быть можетъ, первый лепетъ, изъ котораго выросъ Бальзакъ.

Онъ заговариваетъ о театрѣ въ своихъ письмахъ только пятнадцать лѣтъ спустя. Долгъ давилъ его; онъ помышлялъ сдѣлаться драматическимъ писателемъ, чтобы поскорѣе расквитаться съ долгами. Пьеса всегда больше приноситъ, нежели романъ; но только надо

сначала убить пропасть времени на театръ, если хочешь быть съиграннымъ, и притомъ съ успѣхомъ; а между тѣмъ Бальзакъ не могъ себѣ позволить такой потери времени. Намеки на это находимъ въ письмѣ къ сестрѣ, изъ Саше́, 1834 года: «Мои театральные опыты не удаются, отъ нихъ надо отказаться въ настоящую минуту. Историческая драма требуетъ большихъ сценическихъ эффектовъ, которые мнѣ незнакомы и которые, быть можетъ, узнаются только на дѣлѣ, съ умными актерами. Что касается комедіи, то Мольеръ, которому я желаю подражать—учитель, могущій привести въ отчаяніе; необходимы долгіе дни, чтобы достичь чего-нибудь порядочнаго въ этомъ родѣ, а мнѣ постоянно недосугъ. Къ тому же, предстоитъ преодолѣть безчисленныя трудности, чтобы попасть на какую бы то ни было сцену, а у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты протискиваться въ толпѣ...» И даже ему приходило въ голову найти подставное лицо, чтобы подъ его отвѣтственностью представить пьесы, сшитыя на живую нитку, не компрометтируя себя. Ясно, что въ эту эпоху театръ былъ для него только способомъ заработать какъ можно болѣе денегъ.

Позднѣе, въ письмѣ къ m-me Ганской, отъ 15 іюня 1838 г., онъ высказываетъ слѣдующее сужденіе о Скрибѣ: «Я ходилъ вчера смотрѣть на «Camaraderie», и нахожу много ловкости въ этой пьесѣ. Скрибъ хорошо знаетъ свое ремесло, но не имѣетъ понятія объ искусствѣ. У него есть талантъ, но нѣтъ драматическаго генія и, кромѣ того, у него полное отсутствіе стиля». Такое же сужденіе произносится и теперь. Я привелъ его, чтобы показать, что Бальзакъ, довольно плохой критикъ, обыкновенно умѣлъ иногда высказывать вѣрное мнѣніе.

Мы находимся въ мартѣ мѣсяцѣ 1840 г., наканунѣ представленія «Vautrin». Нѣкоторыя записки весьма любопытны. Между прочими, вотъ одна къ Даблену: «Если въ вашемъ кружкѣ найдутся лица, которыя пожелаютъ присутствовать на первомъ представленіи «Vautrin» и быть снисходительными, то я вправѣ доставить ложи скорѣе моимъ друзьямъ, чѣмъ незнакомымъ. Я желаю, чтобы на представленіи присутствовали красивыя женщины». Ничего не можетъ быть прелестнѣе и наивнѣе этой послѣдней фразы. Въ ней чувствуется Бальзакъ свѣтскій человѣкъ, чудакъ свѣтскій человѣкъ, мечтавшій о свѣтѣ, какъ объ Олимпѣ, ослѣплявшемъ его. Герцогини и маркизы въ его глазахъ—богини. Эмпирическій умъ его рисовалъ ему залу, гдѣ будутъ давать «Vautrin», биткомъ набитую принцессами, съ обнаженными плечами, въ брилліантахъ, и ему серьёзно казалось, что это должно рѣшить успѣхъ пьесы. Со всѣмъ тѣмъ, онъ страшно трусилъ, по-

тому что писалъ Леону Говлану: «Вы узрите замѣчательное фіаско. Мнѣ кажется, что я ошибся, призывая судъ публики.» Извѣстно, что «Vautrin» былъ запрещенъ при второмъ представленіи, такъ какъ Фридерику Леметру пришла въ голову такая фантазія — придѣлать себѣ голову Луи-Филиппа, играя роль возвышеннаго мошенника. По этому поводу Бальзакъ проявилъ одну изъ благороднѣйшихъ чертъ своей жизни. Ему предложили вознагражденіе, отъ котораго онъ отказался. Какъ разъ письмо къ m-me V.... намекаетъ на этотъ фактъ. «Сегодня утромъ я кончалъ свое письмо къ вамъ, милый другъ, когда директоръ des Beux-arts пріѣхалъ вторично. Онъ предложилъ мнѣ выдать *тотчасъ же* вознагражденіе, которое не равнялось вашей суммѣ.... Я отказался. Я сказалъ ему, что у меня есть права или нѣтъ, и что если да, то слѣдуетъ по крайней мѣрѣ, чтобы мои обязательства относительно постороннихъ лицъ были выполнены; что я никогда ничего не просилъ; что я дорожу этой благородной дѣвственностью, и что я хочу или ничего для себя, или все для другихъ (*Парижъ, 1840*)».

Но самымъ любопытнымъ приключеніемъ Бальзака на театрѣ было представленіе «Ressources de Quinola». Извѣстно, что онъ нанялъ всю залу и самъ принялся продавать билеты по безразсуднымъ цѣнамъ. По этому поводу есть два весьма любопытныхъ письма къ m-me Софи Козловской. Онъ, повидимому, въ восторгѣ отъ своей идеи. «Между нами, — ложи закрытыя перваго яруса идутъ по тридцати франковъ за мѣсто, открытыя ложи перваго яруса по двадцати-пяти франковъ, и мнѣ васъ нужно въ открытыхъ ложахъ перваго яруса, васъ и всѣхъ щеголихъ. Открытыя ложи второго яруса стоютъ только двадцать франковъ за мѣсто.... Ну, Софи, за дѣло! живѣе! (*Парижъ, 6 марта, 1842*)».

Эти цѣны громадны для нашихъ театровъ. А на слѣдующій день онъ пишетъ письмо еще болѣе знаменательное. Онъ, главное, желаетъ, чтобы вся русская колонія была на лицо, и болѣе чѣмъ когда-либо мечтаетъ о присутствіи красивыхъ женщинъ. «Скажите всѣмъ вашимъ русскимъ, что мнѣ нужны имена и адресы *съ ихъ личной и письменной рекомендаціей*, для тѣхъ изъ ихъ друзей (мужчинъ), которые пожелаютъ билеты подлѣ оркестра. Ко мнѣ являются по пятидесяти человѣкъ въ день подъ лживыми именами и отказываютъ сообщить свой адресъ: *это враги, желающіе провалить пьесу*. Мы вынуждены принимать строжайшія предосторожности.... Не знаю, что буду дѣлать черезъ пять дней. Моя пьеса меня опьяняетъ». Всѣ эти прекрасные разсчеты должны были роковымъ образомъ привести къ окончательному фіаско.

Зала, нанятая Бальзакомъ, оставалось пустой уже со второго представленія. «Les Ressources de Quinola», кромѣ того, самое слабое изъ его драматическихъ произведеній. Но въ ней отлично схватываешь силу его воображенія, его потребность изобрѣтать необыкновенные планы для того, чтобы разбогатѣть, грандіознаго банкира, сидѣвшаго въ немъ.

Лучшая пьеса Бальзака, вмѣстѣ съ «Marâtre»—это, конечно, «Mercadet», который теперь стоитъ въ репертуарѣ «Comédie-Française». Эта комедія, озаглавленная сначала: «Le Faiseur», должна была быть передѣлана, чтобы попасть на сцену. Въ письмѣ къ Лорану Яну, одному изъ самыхъ вѣрныхъ друзей Бальзака, писанному изъ Россіи, отъ 9 февраля 1849 г., Бальзакъ говоритъ о дикой идеѣ одного изъ директоровъ бульварныхъ театровъ, желавшаго превратить «Le Faiseur» въ мелодраму. Авторъ, натурально, противится этой фантазіи. Я нахожу въ письмѣ слѣдующую фразу: «Ты въ скоромъ времени получишь «le Roi des mendiants», пьесу, написанную по случаю республики и лестную для народнаго величества. Сценарій великолѣпенъ!» Итакъ, Бальзакъ наканунѣ смерти, болѣе чѣмъ когда-либо, занимался театромъ. Я не знаю, сохранился ли сценарій «le Roi des mendiants», ни даже того, существовалъ ли онъ въ дѣйствительности; во всякомъ случаѣ его нѣтъ въ собраніи сочиненій. Въ письмѣ отъ 10 декабря 1849 г., тоже къ Лорану Яну, Бальзакъ возвращается къ проекту работать для театра. «Болѣзнь сердца, продолжительная и тяжкая, съ различными перипетіями, схватившая меня въ половинѣ прошлой зимы, мѣшала мнѣ писать, исключая того, сколько это требовалось моими запутанными дѣлами и неотложными семейными обязанностями... Итакъ, въ первыхъ числахъ будущаго февраля я буду въ Парижѣ съ твердой и необходимой охотой работать, какъ членъ общества драматическихъ писателей; потому что въ долгіе дни моего леченія я открылъ не одну маленькую театральную Калифорнію для эксплуатаціи»... Этотъ документъ утверждаетъ меня въ мысли, что если бы смерть не похитила у насъ Бальзака, мы бы безъ сомнѣнія насчитывали однимъ великимъ драматическимъ писателемъ больше.

Онъ былъ, наконецъ, спасенъ отъ долговъ и получилъ возможность посвятить все свое время театру; съ давнихъ поръ, зараженный страстью къ подмосткамъ, онъ только ждалъ этого часа. Успѣхъ его для меня не подлежитъ сомнѣнію. Талантъ его былъ въ высшей степени способенъ къ усовершенствованію. Когда изучаешь его романы, то видишь, какъ онъ постоянно развивается, переходитъ отъ худшаго къ лучшему, съ медлительностью

и силой человѣка, солидный умъ котораго нуждается въ возбужденіи. Въ его театрѣ замѣчается тотъ же фактъ. Послѣдняя пьеса его: «Mercadet» лучше остальныхъ. Онъ бы развился, это внѣ всякаго сомнѣнія, въ силу указаннаго мною закона онъ достигъ бы совершенства. Хотя это можетъ показаться парадоксальнымъ, но Бальзакъ умеръ, когда начиналъ ясно понимать себя и готовился написать самыя прекрасныя свои произведенія.

Есть еще другой вопросъ, который я изучалъ въ его переепискѣ: я говорю объ отношеніи французской академіи къ Бальзаку. Всѣмъ извѣстно было только, что онъ два раза стучался въ ея двери, и оба раза былъ отвергнутъ. Въ перепискѣ находимъ нѣкоторыя подробности. Можно возсоздать чувства Бальзака на этотъ счетъ. Я отмѣтилъ малѣйшія фразы, относящіяся къ этому вопросу.

Въ 1844 г., сорока-шести лѣтъ отъ роду, онъ впервые вздумалъ представиться въ академію. Я долженъ привести коротенькое письмо къ Шарлю Нодье, объясняющее, почему академія отвергла его. «Я знаю сегодня совсѣмъ навѣрное, что мои денежныя обстоятельства—одна изъ причинъ, возстановляющихъ противъ меня академію, и потому съ глубокой горестью прошу васъ располагать вашимъ вліяніемъ въ пользу кого другого... Если я не могу попасть въ академію вслѣдствіе самой почтенной бѣдности, я никогда не обращусь къ ней въ то время, когда фортуна осыплетъ меня своими милостями. Я пишу въ этомъ смыслѣ другу нашему, Виктору Гюго, который принимаетъ во мнѣ участіе». Это письмо, исполненное чувства собственнаго достоинства, показываетъ, какое значеніе придавалъ Бальзакъ титулу академика. Академію еще не осмѣяли, и самые революціонные писатели считали за честь въ нее попасть. Несмотря на свою клятву—не подвергаться больше риску новаго отказа, Бальзакъ вторично пытался проникнуть въ академію.

Въ слѣдующемъ году, 3 апрѣля 1845 г., онъ пишетъ m-me Ганской: «Вотъ еще умеръ академикъ, Сумé; и, кромѣ того, пятеро или шестеро близятся къ могилѣ; сила вещей сдѣлаетъ меня быть можетъ академикомъ, несмотря на ваши насмѣшки и отвращеніе». Дѣйствительно, m-me Ганская повидимому постоянно отговаривала его отъ намѣренія проникнуть въ академію, потому что Бальзакъ неоднократно упоминаетъ объ этомъ фактѣ. Конечно, какъ иностранка, она не могла знать, какое громадное значеніе придавали и до сихъ поръ еще придаютъ во Франціи титулу академика. У насъ во Франціи желаютъ, чтобы талантъ былъ патентованный, чтобы его признать; буржуа преклоняется только

передъ писателемъ съ клеймомъ академика. Книги такого писателя расходятся въ гораздо большемъ количествѣ, и особа его становится какъ-бы священной. Очевидно, что Бальзакъ страшно желалъ попасть въ академію, и въ фразѣ, приведенной мною, отражается какъ-бы смутное желаніе, чтобы смерть очистила кресла и раскрыла настежъ двери передъ нимъ.

Во второй разъ, когда онъ выступилъ кандидатомъ въ февралѣ 1849 г., онъ былъ уже въ Россіи, больной и озабоченный приготовленіями къ женитьбѣ. Отсутствіе изъ Парижа спасло его по крайней мѣрѣ отъ утомительной скуки визитовъ. Онъ удовлетворился тѣмъ, что написалъ академикамъ. Но зять его, Сюрвиль, въ Парижѣ несомнѣнно хлопоталъ, какъ это явствуетъ изъ письма Бальзака отъ 9 февраля 1849 г. Онъ писалъ зятю: «Ты хорошо сдѣлалъ, что побывалъ у Виктора Гюго по своему дѣлу, но по-моему было бы безполезно и даже опасно, если бы я не имѣлъ намѣренія больше не хлопотать о принятіи меня въ академію. Онъ отлично угадалъ, что я желалъ *сдѣлать академію неправой*». Это мѣсто немного загадочно. Но можно понять, что Бальзакъ утверждаетъ, что желалъ хлопотать о принятіи его въ академики лишь затѣмъ, чтобы потерпѣть неудачу и выставить такимъ образомъ недоброжелательство академіи. Правда ли это? Не было ли у него тайной надежды быть избраннымъ? Во всякомъ случаѣ ему вполнѣ удалось сдѣлать академію неправой.

Вотъ, кромѣ того, нѣсколько строкъ изъ письма къ Лорану Яну, повѣствующихъ о развязкѣ событія: «Академія предпочла мнѣ г. де-Ноайля. Онъ, конечно, лучшій писатель, чѣмъ я; но я благороднѣе, чѣмъ онъ, потому что удалился передъ кандидатурой Виктора Гюго! Къ тому же, г. де-Ноайль—человѣкъ аккуратный, а у меня есть долги, чортъ возьми!» Нельзя отмстить остроумнѣе.

Я полагаю, что изъ этихъ документовъ явствуетъ несомнѣнно, что Бальзакъ очень желалъ быть академикомъ, и что академія не можетъ сослаться на свой вѣчный доводъ, на знаменитый регламентъ, приказывающій ей дожидаться, чтобы самые знаменитые люди сами стучались въ ея двери. Бальзакъ стучался въ ея двери, а она оттолкнула его подъ самымъ дряннымъ предлогомъ. Если великое имя романиста отсутствуетъ въ ея спискахъ, то это потому, что она сочла, что это имя запятнаетъ ихъ. На нее одну падаетъ отвѣтственность за эту несправедливость, за это преступленіе противъ литературы. Этого достаточно, чтобы осудить это отжившее учрежденіе. Она давно утратила всякое вліяніе на литературу. Она не можетъ даже окончить словаря,

который Литтре кончилъ раньше ея. Ежегодно довольствуется она тѣмъ, что раздаетъ литературныя преміи, подобно тому какъ раздаютъ образки въ монастыряхъ самымъ послушнымъ и набожнымъ. Великое теченіе новаго времени, роковымъ образомъ долженствующее снести ее со временемъ, протекаетъ, не заботясь о томъ, что̀ она дѣлаетъ или что̀ она думаетъ. И въ иные годы можно подумать, что она больше не существуетъ, до того она кажется мертвой. Со всѣмъ тѣмъ суетность толкаетъ еще нашихъ писателей украшаться ею, какъ украшаются орденомъ. Она льститъ только тщеславію, и падетъ въ тотъ день, какъ мужественные умы откажутся вступить въ общество, въ которое не были допущены Мольеръ и Бальзакъ.

V.

Изданная переписка разочаруетъ любопытство тѣхъ, кто ожидалъ найти въ ней литературныя сплетни. Самыя интересныя письма тѣ, которыя Бальзакъ писалъ семьѣ и друзьямъ. Они занимаютъ добрую половину всего тома; особенно многочисленны письма къ сестрѣ и къ матери; затѣмъ слѣдуютъ письма къ m-me Ганской, настоящіе дневники, веденные изо дня въ день, и письма къ m-me Зюльмѣ Карро, старинной пріятельницѣ романиста, съ которой онъ былъ вполнѣ откровененъ. Поэтому переписка наполнена личностью Бальзака. Онъ очень мало занимается другими, высказываетъ развѣ только случайно и въ нѣсколькихъ словахъ сужденіе о дѣятеляхъ и событіяхъ своего времени. Онъ самъ постоянно на сценѣ, постоянно толкуетъ о самомъ себѣ, своихъ трудахъ, проектахъ, долгахъ, о своихъ чувствахъ. Онъ является центромъ всего, что̀ его окружаетъ. Мы видимъ ту «idée fixe» человѣка, чья индивидуальность постоянно вырабатывается. Отсюда глубокая оригинальность сборника.

Не знаю, какимъ образомъ были собраны письма. Знаю только, что издатели очень замѣшкались съ ихъ изданіемъ. Можетъ быть, семья пересматривала ихъ и дѣлала выборки,—что̀ весьма возможно. Мнѣ кажется, что должны существовать еще другія письма Бальзака, потому что мало вѣроятно, чтобы, за исключеніемъ четырехъ названныхъ мною особъ, у Бальзака не было еще другихъ корреспондентовъ. Если присоединить герцогиню д'Абрантесъ, герцогиню де-Кастри, друзей его, Теодора Даблена и Лорана Яна, которымъ онъ писалъ, то въ книгѣ находимъ только случайныхъ корреспондентовъ, доставившихъ каждый по

одному, по два письма, мало интересныхъ. Я исключаю письма къ издателямъ и собратамъ; о нихъ я сейчасъ поговорю. Правда и то, что Бальзакъ неоднократно объясняетъ, какъ дорого для него время; онъ прибавляетъ даже, что пишетъ только роднымъ и дѣловымъ людямъ. Отъ этого, конечно, происходитъ оригинальный характеръ переписки. Но можно опасаться и того, что дружескія руки, считая, что дѣлаютъ доброе дѣло, сильно ампутировали нѣкоторыя письма. Я только высказываю это опасеніе, не настаивая на немъ.

Въ письмахъ къ сестрѣ, къ матери, къ m-me Ганской и m-me Зюльмѣ Карро, Бальзакъ высказывается весь и обнаруживаетъ передъ нами сокровеннѣйшія изъ своихъ мыслей. Какъ я уже замѣтилъ въ началѣ, въ нихъ сказывается большая доброта и ровность характера, рѣдко измѣняющая ему. Въ нихъ же сказывается и романистъ, вѣчно преувеличивавшій людей и вещи. Передъ нами веселый гигантъ, прогуливающійся среди грандіозной природы, созданной ему по плечу. Понимаешь, видя его такимъ образомъ за кулисами, что онъ влагалъ всего себя въ свои произведенія. Старикъ Гранде, накопляющій милліоны — это онъ самъ, постоянно мечтавшій о колоссальномъ богатствѣ. Старикъ Горіо, умирающій ради дочерей — это онъ самъ въ письмахъ къ матери и сестрѣ, въ которыхъ любовь принимаетъ эпическія формы. Сезаръ Биротто, посвящающій всю свою жизнь на уплату долговъ — это опять-таки онъ самъ, работающій по восемнадцати часовъ въ сутки, чтобы расквитаться съ кредиторами. И такимъ образомъ мы вездѣ натыкаемся на него, и онъ представляется намъ великимъ, добрымъ и мужественнымъ человѣкомъ.

Но когда мы перейдемъ къ письмамъ къ его издателямъ, то найдемъ совсѣмъ другого человѣка. Онъ придирчивъ и рѣзокъ. Онъ поочередно перессорился со всѣми почти издателями, печатавшими его произведенія: Мамомъ, Госселеномъ, Верде, Суверенемъ, Леви. Процессъ его съ Мамомъ надѣлалъ шума. И въ письмахъ онъ очень рѣзокъ съ ними, называетъ ихъ, не обинуясь, плутами. Надо сказать, что въ его время отношенія между сочинителями и издателями были отчаянныя. Съ той и съ другой стороны обвиненія въ воровствѣ сыпались съ перваго слова. Это зависѣло отъ самаго способа изданія сочиненій, которыя издатели пріобрѣтали въ собственность по условленной цѣнѣ. Въ настоящее время, когда авторы получаютъ извѣстный процентъ съ числа проданныхъ экземпляровъ, миръ заключенъ и книжная торговля перестала быть азартной игрой, разоряющей или на-

дателя, или автора. Кромѣ того, у Бальзака была очень сложная система корректуръ, истощавшая терпѣніе снисходительнѣйшихъ изъ издателей. Сочиненія его не расходились въ первые годы. Понятно, слѣдовательно, что отношенія его съ издателями были не изъ пріятныхъ. Одинъ только Верде былъ преданнымъ и почтительнымъ, но онъ обанкрутился.

Перехожу къ отношеніямъ Бальзака къ его собратамъ. Повторяю, эта часть переписки готовитъ читателямъ настоящее разочарованіе. Тутъ мы находимъ лишь самыя незначущія записки. Укажу на три записки къ Виктору Гюгó: первая въ церемонномъ тонѣ, двѣ другихъ указываютъ на близкое знакомство, во всѣхъ толкуется о приглашеніяхъ на засѣданія общества литераторовъ. Имѣются еще пять строкъ къ Ламартину, съ предложеніемъ ложи въ день перваго представленія Vautrin; также нѣсколько строкъ къ Шанфлёри, въ которыхъ Бальзакъ благодаритъ за посвященіе книги; нѣсколько строкъ къ Шарлю Нодьé, уже приведенныя мною, по вопросу объ академіи; письмо къ Готьé, послѣднее въ томѣ, продиктованное m-me Бальзакъ и въ которомъ умирающій романистъ начерталъ своей рукой лишь слѣдующія слова: «не могу ни писать, ни читать». Все это такъ мало интересно, что не стоило и печатать. Укажу еще на нѣсколько писемъ къ Мерú съ порученіемъ взять мѣсто въ Марсельскомъ дилижансѣ, и письма къ Эмилю де-Жирардену, съ которымъ Бальзакъ ссорился и мирился, какъ и со своими издателями, по поводу изданія его сочиненій. Надо однако замѣтить, что Бальзакъ высказываетъ въ перепискѣ скорѣе большое равнодушіе, нежели недоброжелательство къ своимъ собратамъ. И это тѣмъ почтеннѣе съ его стороны, что мы знаемъ, какъ жестоко на него нападали и мѣшали съ грязью. Среди несправедливости, отъ которой онъ страдалъ, мы не подмѣчаемъ ни малѣйшаго желанія мести съ его стороны. Въ большинствѣ случаевъ, онъ никого не называетъ и отдѣлывается презрѣніемъ. Если высказываетъ порою критическое замѣчаніе, то оно всегда справедливо и умѣренно. Въ письмахъ его находимъ у него только одного друга и послѣдователя среди литераторовъ. Онъ писалъ довольно часто Шарлю Бернару, талантливому романисту, который подражалъ ему, смягчая его формы и дѣлая ихъ доступными для буржуа. Послѣднія письма къ этому писателю доказываютъ, что между нимъ и Бальзакомъ установилась очень тѣсная дружба.

Я уже приводилъ его мнѣніе о Скрибѣ, по поводу «Camaraderie». Въ другомъ письмѣ, къ m-me Ганской, отъ 21 декабря 1845 г., находимъ слѣдующее мѣсто, касающееся «Трехъ Муш-

кетеровъ» Александра Дюма. «Я понимаю, милая графиня, что васъ шокировали «Три Мушкетера», когда вы такъ образованы и такъ хорошо знаете французскую исторію, не только съ ея оффиціальной стороны, но и что касается мельчайшихъ и интимнѣйшихъ подробностей внутренней жизни королей и королевъ. Право, противно становится, прочитавъ эту книгу, противно за самого себя, что потерялъ даромъ время, эту драгоцѣнную матерію, изъ которой создана наша жизнь. Не то испытываешь, дочитавъ послѣднюю страницу романа Вальтеръ-Скотта и не съ такимъ чувствомъ разстаешься съ нимъ. Поэтому Вальтеръ-Скотта перечитываешь, а не думаю, чтобы можно было перечитывать Дюма. Онъ прекрасный разсказчикъ, но ему слѣдовало бы оставить въ покоѣ исторію или же постараться поближе изучить и узнать ее». Въ сущности, это вполнѣ справедливый отзывъ и въ немъ сказывается искреннее мнѣніе человѣка, оскорбленнаго чтеніемъ въ своихъ литературныхъ убѣжденіяхъ. Онъ высказываетъ такія же идеи въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ про «Парижскія Тайны» Эжена Сю. Понятно, что авторъ «Comédie humaine» долженъ былъ относиться съ большимъ пренебреженіемъ къ этимъ длиннымъ романамъ, въ которыхъ ложь соперничаетъ съ плохимъ языкомъ. Чтó для меня менѣе понятно, такъ это глубокое восхищеніе Бальзака Вальтеръ-Скоттомъ. Онъ неоднократно высказывается о немъ съ чрезмѣрнымъ энтузіазмомъ. Напримѣръ, привожу слѣдующій диѳирамбъ: «Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ я говорю про Вальтеръ-Скотта то, что вы мнѣ о немъ пишете. Рядомъ съ нимъ лордъ Байронъ почти нуль... Всѣ произведенія Вальтеръ-Скотта отличаются особыми достоинствами, но геній сказывается вездѣ. Вы правы: слава Скотта будетъ еще рости тогда, когда Байронъ будетъ позабытъ». Это сужденіе странное, потому что случилось какъ разъ наоборотъ: Байронъ все еще окруженъ яркимъ сіяніемъ, между тѣмъ какъ Вальтеръ-Скотта читаютъ только пансіонерки. Я говорю о Франціи. Весьма любопытно видѣть, какъ основатель натуральнаго романа, авторъ «Cousine Bette» и «Père Goriot» восхищается буржуазнымъ писателемъ, трактовавшимъ исторію, какъ романъ. Вальтеръ-Скоттъ не болѣе какъ ловкій декораторъ, и произведенія его отнюдь не живучи.

Но письмо, дѣлающее всего болѣе чести Бальзаку съ точки зрѣнія литературнаго братства, это письмо, написанное имъ Стендалю по прочтеніи «la Chartreuse de Parme». Изъ него видно, что если Бальзакъ былъ строгъ къ плохимъ произведеніямъ, то умѣлъ преклоняться передъ прекрасными произведе-

ніями. Нужно было бы привести цѣликомъ это письмо, изъ котораго я извлекаю нѣсколько строкъ: «Слѣдуетъ всегда, не мѣшкая, доставлять удовольствіе тѣмъ, кто намъ доставилъ удовольствіе. «La Chartreuse» —великая и прекрасная книга; говорю вамъ это безъ лести, безъ зависти, потому что я къ этому неспособенъ, и нахожу, что можно откровенно хвалить то, чтó не нашего ремесла дѣло. Я создаю фрески, а вы лѣпите итальянскія статуи. Во всемъ, чтò вы намъ дали, замѣтенъ *прогрессъ*. Вы знаете, чтó я вамъ говорилъ по поводу «Rouge et Noir». Ну, вотъ! здѣсь все оригинально и ново... Похвала моя безусловно искренна. Я тѣмъ болѣе радъ, что могу написать вамъ все, чтó сказано на этой страницѣ, что многіе другіе, кого считали остроумными, дошли до полнѣйшаго литературнаго безсилія. Я не много писалъ въ жизни похвальныхъ писемъ; поэтому вы можете вѣрить въ то, чтò я имѣю удовольствіе вамъ высказывать... Вы объяснили душу Италіи (*Ville-d'Avray, 6 апрѣля, 1839 г.*)». Геніальный человѣкъ не можетъ лучше относиться къ умному человѣку. Отъ этой страницы вѣетъ духомъ, которымъ пріятно дышать, потому что въ ней видно, что Бальзакъ стоялъ выше мелкой, ремесленной зависти. Любопытно сопоставить это письмо съ другимъ, написаннымъ 30 января 1846 г., по смерти Стендаля, Коломбу, душеприказчику послѣдняго, желавшему предпослать «Chartreuse de Parme» статью, которую Бальзакъ напечаталъ объ этомъ романѣ въ «Revue parisienne». Одно мѣсто въ немъ особенно интересно: «Стендаль—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ умовъ нашего времени; но онъ недостаточно выработывалъ *форму;* онъ писалъ какъ птицы поютъ, а нашъ языкъ въ родѣ какъ-бы madame Honesta, которая не находитъ ничего хорошимъ, если оно не отличается безукоризненной отдѣлкой... Я очень огорченъ, что смерть такъ внезапно похитила его; мы собирались заняться расчисткой «Chartreuse de Parme», и второе изданіе сдѣлало бы изъ нея совершенное, безукоризненное произведеніе. Она все же остается чудесной книгой, книгой избранныхъ умовъ»... Эта забота о формѣ характерна для Бальзака. Я уже говорилъ, что слогъ долженъ былъ быть вѣчнымъ мученіемъ его жизни. Блескъ романтической группы приводилъ его въ отчаяніе. Отсюда его усилія, его страшная работа надъ нѣкоторыми романами. И хуже всего то, что онъ писалъ тѣмъ хуже, чѣмъ больше гонялся за яркостью красокъ. Этимъ можно объяснить запутанныя фразы, необыкновенные обороты рѣчи, напыщенность, въ которыхъ его упрекаютъ. «Le Lys dans la Vallée» несомнѣнно одно изъ произ-

веденій, гдѣ особенно замѣтны его усилія писать красивымъ слогомъ. Онъ хотѣлъ соперничать съ Викторомъ Гюго. Замѣтьте, что у Бальзака былъ великолѣпный и индивидуальный слогъ, когда онъ соглашался спокойно и мощно писать. Онъ былъ въ особенности грамматикъ изъ ряду вонъ. «Les Contes drolatiques» — мастерскія произведенія по формѣ, драгоцѣнныя вещицы, отдѣланныя великимъ артистомъ.

Я говорилъ про ожесточенныя нападки, среди которыхъ Бальзакъ писалъ свои романы. Ни одного писателя такъ не хулили и не отрицали, какъ его. Во-первыхъ, въ немъ пугалъ новаторъ. Во-вторыхъ, онъ держался въ сторонѣ и не опирался на могущественное кумовство литературнаго міра. Наконецъ, въ «Illusions perdues» онъ далъ описаніе журналистовъ, котораго они никогда не могли ему простить. Такимъ образомъ, онъ выросъ среди свистковъ, не имѣя истинной опоры. Когда читаешь статьи его времени объ его сочиненіяхъ, то поражаешься ихъ безсмысленностью и недобросовѣстностью. Можно подумать, что критика просто-напросто — мегера, ненавидящая все живое. Въ тотъ день, когда талантъ его высказался съ такой силой, что его уже нельзя стало отрицать, ему бросили въ лицо глупый упрекъ въ безнравственности, послѣдній плевокъ растерявшихся критиковъ. Въ перепискѣ находимъ слѣды долгаго мученичества Бальзака. Долго вздыхалъ онъ по славѣ. Онъ уже написалъ многіе изъ своихъ chefs-d'oeuvres, а сознаетъ, что все еще не составилъ себѣ имени и говоритъ о самомъ себѣ, какъ о дебютантѣ, не увѣренномъ въ своихъ силахъ и которому предстоитъ еще все создать. «Можетъ быть» — вотъ его любимое слово. Онъ сознаетъ, что долженъ много работать, если хочетъ пробиться въ первый рядъ. И долго-долго ждалъ онъ своего перваго успѣха. Однако — ему было тогда тридцать-четыре года — онъ пишетъ изъ Экса матери (отъ 27 августа 1832 г.): «Милая матушка, мнѣ приходится утѣшать тебя, какъ и себя, мечтами!.. Одинъ молодой человѣкъ проѣхалъ четыре льё, чтобы поглядѣть на меня, когда узналъ, что я нахожусь въ Пудрери, а члены конституціоннаго клуба сказали, что если бы я захотѣлъ быть депутатомъ, они бы избрали меня, не взирая на мои аристократическія мнѣнія... Правда ли это? Не посмѣялись ли надо мною? Не знаю, но это увеличиваетъ мою надежду; слѣдуетъ только сдѣлать еще нѣсколько усилій, слѣдуетъ не падать духомъ». У него рѣдко проявляется упадокъ мужества; со всѣмъ тѣмъ переписка показываетъ намъ его порою унылымъ. Правда, что онъ тотчасъ же пріободряется и что малѣйшая надежда заставляетъ его разсчитывать на полный успѣхъ. Мало-по-малу онъ

начинаетъ понимать свою силу, онъ уже не рвется къ славѣ, потому что чувствуетъ, что она окружаетъ его своимъ сіяніемъ. Вотъ когда онъ высказываетъ полное презрѣніе къ своимъ противникамъ. Онъ пишетъ, напримѣръ, m-me Ганской: «Я, какъ вы знаете, также равнодушенъ къ порицанію, какъ и къ похвалѣ людей, которые не принадлежатъ къ избранникамъ моего сердца, а въ особенности къ мнѣнію журналистовъ и вообще того, что́ называется *публикой*... (*Парижъ, 20 іюня, 1838 г.*).

Но самымъ знаменательнымъ письмомъ этого рода является письмо къ m-me Ганской, отъ 3 февраля 1844 г. Въ немъ онъ высказываетъ свою мысль вполнѣ. «Ради Бога не огорчайтесь отзывами журналовъ; было бы даже худо, если бы они говорили иное. Во Франціи пропадшій человѣкъ тотъ, который составилъ себѣ имя и увѣнчанъ лаврами при жизни. Брань, клевета, отрицаніе—все это мнѣ по сердцу. Со временемъ узнаютъ, что если я жилъ перомъ, то въ мой кошелекъ никогда не попадало двухъ сантимовъ, которые не были бы заработаны въ потѣ лица; что хвала или порицаніе были для меня безразличны; что я создалъ свои творенія среди криковъ ненависти, литературной перестрѣлки, и что я шелъ своимъ путемъ твердо и неуклонно; месть моя заключается въ томъ, что я пишу «Débuts», «les Petits Bourgeois» — въ томъ, что я заставляю своихъ враговъ восклицать съ бѣшенствомъ: «Въ ту минуту, какъ ты думаешь, что онъ высказался до конца, онъ выпускаетъ мастерское произведеніе!» Это сказала m-me Рейбо, прочитавъ «Honorine» и «David Séchard»... Словомъ, вотъ игра, которую я веду: четыре человѣка будутъ имѣть громадное вліяніе въ этомъ полстолѣтіи: Наполеонъ, Кювье, О'Коннель; я желалъ бы быть четвертымъ. Первый жилъ кровью Европы; онъ привилъ себѣ арміи; второй усвоилъ себѣ земной шаръ; третій воплотился въ цѣломъ народѣ; я же вы́носилъ въ своей головѣ цѣлое общество. Лучше прожить такъ, чѣмъ каждый вечеръ возглашать: «Пики! Козыри! Черви!..» или придумывать, почему г-жа такая-то сказала или сдѣлала то-то или того». Въ тотъ день, когда Бальзакъ написалъ это, онъ предчувствовалъ мѣсто, которое займетъ въ нашей литературѣ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ вы́носилъ въ своей головѣ цѣлое общество и, кромѣ того, создалъ новѣйшій романъ; онъ первый извлекъ изъ нашего общества относительное прекрасное, которое есть не что иное, какъ жизнь.

И послушайте это веселое восклицаніе романиста, нашедшаго себѣ почитателей. Въ отечествѣ не понимаютъ его; успѣхъ увѣнчиваетъ его прежде всего за-границей. Онъ пишетъ сестрѣ:

«Былъ я вчера у барона Жерара; онъ представилъ мнѣ три нѣмецкихъ семьи. Мнѣ кажется, что я это во снѣ видѣлъ,—три семьи!.. шутка ли... Одна изъ Вѣны, другая изъ Франкфурта, третья, прусская, не знаю откуда... Онѣ передаютъ мнѣ, что вотъ уже цѣлый мѣсяцъ аккуратно посѣщаютъ Жерара въ надеждѣ меня видѣть, и сообщаютъ, что слава моя начинается тотчасъ за предѣлами Франціи (милая, неблагодарная отчизна!).—Продолжайте свои труды, прибавляютъ онѣ, и вы вскорѣ очутитесь во главѣ литературной Европы!»—Европы! Сестра, онѣ такъ сказали! Любезныя семьи!.. Вотъ ужъ насмѣшилъ бы я нѣкоторыхъ изъ своихъ друзей, если бы разсказалъ имъ это... Что-жъ! То были добряки-нѣмцы, и я позволилъ себѣ повѣрить, что они думаютъ то, чтб говорятъ, и, говоря откровенно, готовъ былъ бы слушать ихъ всю ночь. Похвала такъ нужна намъ, художникамъ, что похвала этихъ добрыхъ нѣмцевъ пріободрила меня; я ушелъ, какъ встрепанный, отъ Жерара... (*Парижъ, іюль, 1835 г.*).» Не знаю милѣе эпизода, какъ эти три иностранныхъ семейства, ободряющихъ ласковыми словами великаго писателя, гонимаго въ своемъ отечествѣ. Бальзакъ силится говорить шутливымъ тономъ, но подъ фразой, прикидывающейся насмѣшливой, чувствуется глубокое волненіе. Онъ былъ тронутъ до слезъ, и ушелъ облегченный, уже воображающій себя во главѣ литературной Европы, съ тріумфомъ постукивающій каблуками о мостовую. Въ этотъ день онъ навѣрное хорошо поработалъ.

Такъ какъ я стараюсь охарактеризовать со всѣхъ сторонъ Бальзака, на основаніи его переписки, показать его во весь ростъ, опираясь на его собственныя показанія, то моя характеристика была бы не полна, если бы я не упомянулъ о политической дѣятельности, на которую онъ претендовалъ. Онъ былъ, по его собственному мнѣнію, аристократическихъ воззрѣній. Диковинный поистинѣ приверженецъ абсолютной власти, съ талантомъ, демократическимъ по самой сущности своей, и написавшій самыя революціонныя произведенія, какія только можно прочитать. Надо изучить его съ этой стороны, чтобы увидѣть, какіе жестокіе удары нанесъ онъ старому зданію нашего общества, полагая, быть можетъ, что поддерживаетъ его. Поэтому, несмотря на его заявленіе объ уваженіи къ монархическимъ идеямъ, онъ встрѣтилъ поклонниковъ лишь въ новомъ поколѣніи, поклоняющемся свободѣ. Въ этомъ можно было бы найти любопытную задачу для изученія, которую бы я формулировалъ такъ: какимъ образомъ геній человѣка можетъ идти въ разрѣзъ съ его убѣжденіями? Какъ бы то ни было, Бальзакъ долго мечталъ о роли воинствую-

щаго политическаго дѣятеля. Въ его письмахъ часто натыкаешься на доказательства такого честолюбія. Онъ мечталъ о всякаго рода славѣ и, благодаря своему сильному воображенію, уже видѣлъ себя на трибунѣ, побѣждающимъ противниковъ; видѣлъ себя великимъ министромъ великаго короля. Эта мечта преслѣдовала его, и самолюбіе его особенно страдало оттого, что никто не хотѣлъ вѣрить въ его государственныя способности.

Въ письмѣ къ m-me Карро, изъ Экса, отъ 23 октября 1832 г., онъ очень серьёзно толкуетъ о своихъ мнѣніяхъ. «Я васъ очень люблю за то, что вы мнѣ говорите все, что думаете. Со всѣмъ тѣмъ не могу согласиться съ вашими замѣчаніями о моемъ характерѣ, какъ политическаго дѣятеля, какъ человѣка власти. Мои мнѣнія сложились, убѣжденіе явилось у меня въ такіе годы, когда человѣкъ можетъ судить о своей странѣ, своихъ законахъ, своихъ обычаяхъ.... Я полагаю, что вижу все и съумѣю все комбинировать для благоденствующей политической власти... Я хочу, чтобы власть была сильной»... Чувствуешь, что онъ принимаетъ торжественный тонъ, чтобы придать вѣсъ своимъ убѣжденіямъ. Нельзя не улыбнуться, читая это, потому что воображаешь, какой прекрасный романъ построилъ бы онъ на этой идеѣ о благоденствующей политической власти. Онъ ни къ чему не относился просто, и я думаю, что изъ него вышелъ бы политическій фантазёръ, преувеличивающій всѣ системы, изобрѣтающій ежедневно новую методу для счастія народа. Такіе темпераменты, какъ у него, хороши только въ искусствѣ, гдѣ изъ увлеченія производятъ чудеса. Поэтому мое убѣжденіе таково, что ему оказали услугу, не признавъ его серьёзно за политическаго дѣятеля. Онъ выступилъ кандидатомъ на выборахъ, и провалился. Одна изъ самыхъ очаровательныхъ фразъ въ перепискѣ, безъ сомнѣнія, слѣдующая. Я извлекаю ее изъ письма къ издателю Маму, отъ 30 сентября 1832 г.: «Мои выборы—дѣло рѣшенное въ высшихъ сферахъ партіи роялистовъ, въ случаѣ общихъ выборовъ». Ахъ! бѣдный великій человѣкъ! какая чудесная наивность! и какое спокойное довѣріе! Какая-нибудь герцогиня шепнула ему это на ухо, какъ комплиментъ, а его воображеніе разыгралось, и ему кажется, что высшія сферы роялистовъ занимаются имъ. Истина въ томъ, что въ высшихъ сферахъ роялистовъ до сихъ поръ еще не понимаютъ его генія, и что произнести имя его въ какой-нибудь аристократической гостиной почти неприлично. Мы должны радоваться изъ эгоизма, что партія нашихъ роялистовъ такъ же мало, какъ и всякая другая, помышляла серьёзно избрать своимъ депутатомъ Бальзака; потому что мы, конечно, лишились бы значительной

части его «chefs-d'oeuvres». Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ дѣйствіе опьяняетъ, и могъ бы предпочесть трибуну книгѣ.

Впрочемъ, онъ отнюдь не покидалъ надежды играть значительную политическую роль. Въ то время, какъ онъ подготовлялъ свою женитьбу въ Россіи, можно догадываться, что онъ мечталъ по возвращеніи во Францію воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ, съ тѣмъ, чтобы наконецъ забрать въ руки свою эпоху. Онъ видѣлъ себя женатымъ на женщинѣ, знатность и богатство которой онъ преувеличивалъ; онъ мечталъ открыть салонъ, окружить себя избраннымъ русскимъ обществомъ, занять мѣсто въ аристократіи и такимъ образомъ добиться высокаго положенія. Если бы онъ не умеръ, мы, безъ сомнѣнія, познакомились бы съ весьма оригинальнымъ Бальзакомъ. Это было въ его крови, и мы не должны на это жаловаться, потому что этой сильной потребности мечтать о высокомъ положеніи, комбинировать свою и чужую жизни, мы обязаны «Comédie humaine».

Теперь мнѣ пришлось бы пуститься въ очень любопытныя подробности, но второстепенной важности. Я просто укажу на письма, которыя онъ писалъ изъ Сардиніи, въ 1838 году. Онъ ѣздилъ на этотъ островъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что шлаки, оставленные римлянами, содержатъ металлъ; эта идея была похищена у него итальянскими инженерами. Эти письма его очень живописны и представляютъ большой анекдотическій интересъ. Въ другой разъ онъ задумалъ фабриковать бумагу для своихъ книгъ изъ новаго матеріала. Наконецъ, въ то самое время, какъ онъ страдалъ отъ болѣзни сердца, въ Россіи ему пришла мысль спекулировать на лѣсахъ, принадлежавшихъ графинѣ Ганской, и зятю его, Сюрвилю, пришлось объяснять ему, что издержки провоза поглотятъ всѣ барыши. Такимъ образомъ мозгъ его работалъ постоянно. Но онъ разсчитывалъ на случай. Разсказываютъ, что однажды вечеромъ онъ простоялъ два часа на площади «Château-d'Eau», въ убѣжденіи, что какое-то счастливое и рѣшительное событіе ожидаетъ его въ этомъ мѣстѣ. Какъ онъ самъ говоритъ гдѣ-то въ своей перепискѣ, онъ вставалъ въ иные дни съ неописаннымъ волненіемъ, вздрагивая при малѣйшемъ стукѣ въ дверь, ожидая, что счастіе его жизни стоитъ на очереди. Это нервное ожиданіе благодѣяній судьбы естественно должно было развить въ немъ вѣру въ сверхъестественныя проявленія. Онъ былъ въ самомъ дѣлѣ адептомъ сомнамбулизма, и я нахожу слѣдующее изумительное мѣсто въ письмѣ къ матери, изъ Женевы, отъ 16 октября 1832 г. «Теперь, дорогая матушка, ты найдешь прилагаемыя мною два куска фланели, которыя я носилъ на же-

лудкѣ и съ которыми ты отправишься къ Шаплену. Начни съ того, что дай ему изслѣдовать кусокъ № 1. Спроси о средоточіи и причинѣ болѣзни, о леченіи, какому надо слѣдовать; заставь объяснить причину каждой вещи и съ величайшими подробностями. Затѣмъ, относительно № 2 спроси, зачѣмъ на предъидущей консультаціи велѣно было приложить нарывной пластырь, и отвѣчай мнѣ въ тотъ же день, когда посовѣтуешься, и посовѣтуйся немедленно по полученіи моего письма. Не забудь брать фланель черезъ бумагу, чтобы не измѣнить испареній». Мистикъ «Louis Lambert» долженъ былъ естественно придти къ этому. И это не самая удивительная черта этого столь солиднаго темперамента. Въ его обширномъ умѣ была прорѣха, чудачество генія. Въ тѣ дни, когда онъ не натыкался на великое, онъ впадалъ въ чудное.

Мнѣ кажется, что я ничего не упустилъ, что̀ стоило извлечь изъ переписки и выставить на свѣтъ божій. Какъ я уже говорилъ: Бальзакъ высказался въ ней весь. Для того, кто съумѣетъ найти его, романистъ и человѣкъ предстанутъ со всѣми своими внѣшними пріемами, ухватками и съ сокровеннѣйшими мыслями. Это—публичная исповѣдь.

VI.

Прочитавъ книгу до конца, я впалъ въ глубокую задумчивость. Какіе странные пути избираетъ иногда судьба, чтобы создать великаго человѣка! Въ настоящее время Бальзакъ умеръ, и у насъ передъ глазами только его творенія; они изумляютъ своимъ величіемъ, и мы проникаемся уваженіемъ къ такому поразительному труду. Какъ могъ одинъ работникъ создать цѣлый міръ? А когда мы примемся изучать жизнь этого работника, то узнаемъ, что онъ работалъ только затѣмъ, чтобы жить и платить долги. Да! этотъ неутомимый гигантъ былъ просто-на-просто должникъ, преслѣдуемый кредиторами, писавшій романы, чтобы платить по векселямъ, громоздившій страницу на страницѣ, чтобы не описали его имущества и не засадили его самого въ тюрьму; онъ совершалъ чудеса трудолюбія единственно въ виду платежей, предстоявшихъ ему каждый мѣсяцъ. Можно подумать, что подъ вліяніемъ его страшныхъ денежныхъ затрудненій, вѣчно тяготившей его нужды, мозгъ его расширился и разразился мастерскими произведеніями.

Кто знаетъ, каковы были бы произведенія Бальзака, если бы

онъ родился богатымъ человѣкомъ и велъ спокойную и обезпеченную жизнь? Его нельзя представить себѣ счастливымъ. Навѣрное онъ бы меньше писалъ. Не чувствуя за собой погони, онъ, быть можетъ, стремился бы къ совершенству, тщательно бы вырабатывалъ свои сочиненія, писалъ бы не спѣша. Мы выиграли бы въ томъ отношеніи, что имѣли бы болѣе зрѣлыя и выработанныя произведенія; но въ нихъ навѣрное было бы меньше внутренняго огня. На этомъ пути гипотезъ можно предположить, что Бальзакъ предпочелъ бы дѣйствіе, и что у насъ было бы однимъ великимъ писателемъ меньше. Въ немъ жилъ слишкомъ пламенный дѣлецъ, чтобы онъ не устремился въ аферы, путешествія, политику, промышленность. Впрочемъ, я только указываю на возможность такого исхода.

Истина въ томъ, что творенія Бальзака выросли изъ той каторжной жизни, которую онъ велъ. Щепетильные критики могутъ, во имя изящнаго вкуса, впасть въ ошибку и пожелать Бальзака исправленнаго. Но для того, кто любитъ жизнь, истинное человѣческое величіе, Бальзакъ самый удивительный изъ сочинителей— таковъ, какъ онъ есть. И надо брать его такимъ, какъ онъ есть, и восхищаться въ немъ главнымъ образомъ его силой. Когда онъ проводилъ ночи за работой, чтобы не оказаться несостоятельнымъ должникомъ, внутренній огонь, сожигавшій его, сообщался его перу. Отсюда та мощь, какою дышатъ всѣ его произведенія. Онъ напоминаетъ утопающаго, который превращается въ героя, проплываетъ цѣлыя версты, удесятеряетъ свои силы, совершаетъ чудеса и командуетъ разъяренными волнами. Будь у него досугъ на то, чтобы добиваться совершенства, мы бы лишились могучихъ усилій, вдохнувшихъ жизнь въ «Comédie humaine». Его муки, его подвижническая жизнь сказываются на его произведеніяхъ.

Но я иду далѣе. Только такой человѣкъ могъ написать современную эпопею. Надо было ему пройти черезъ банкротство, чтобы сочинить несравненнаго Сезара Бирото, который такъ же великъ въ своей парфюмерской лавкѣ, какъ герои Гомера передъ Троей. Надо было ему ходить въ стоптанныхъ башмакахъ по парижской мостовой, чтобы узнать изнанку жизни и воспроизвести вѣчные типы Горіо, Филиппа Бридо, Морнефъ, барона Гюло, Растиньяка. Счастливый человѣкъ, съ исправнымъ пищевареніемъ, проводящій дни въ довольствѣ, никогда бы не схватилъ лихорадку современной жизни. Бальзакъ, авторъ драмы денегъ, извлекъ изъ денегъ весь страшный паѳосъ, въ нихъ заключающійся; онъ анализировалъ страсти, двигающія участниками современной комедіи; онъ восхитительно описалъ свое время,

потому что выстрадалъ его. Это солдатъ, поставленный въ самый огонь жизни, который все видитъ, самъ воодушевляется и разсказываетъ о сраженіи, весь закопченный пороховымъ дымомъ и задыхавшійся. Никто, повторяю, не могъ бы сказать то, что́ онъ высказалъ — и высказать это съ такой страстью.

Онъ во́-время явился—вотъ еще одна изъ причинъ его геніальности. Нельзя представить себѣ его родившимся въ семнадцатомъ столѣтіи; въ немъ онъ былъ бы плохимъ трагическимъ сочинителемъ. Онъ долженъ былъ явиться какъ разъ въ тотъ моментъ, когда классическая литература умирала отъ истощенія силъ, когда романъ готовился расширить свои рамки и поглотить всѣ роды старинной риторики, чтобы послужить орудіемъ всемірнаго изслѣдованія, предпринятаго современнымъ умомъ надъ людьми и вещами. Ученый методъ начиналъ царить; поблѣднѣвшіе герои стирались передъ реальными явленіями, анализъ замѣнялъ вездѣ условные пріемы. Бальзакъ первый былъ призванъ мощно пустить въ ходъ эти новыя орудія. Онъ создалъ натуральный романъ, точное изученіе общества, и съ-разу, съ смѣлостью генія, изобразилъ въ своей обширной фрескѣ цѣлое общество, списанное съ того, которое было у него передъ глазами. Это было самымъ блистательнымъ признаніемъ новѣйшаго переворота. Онъ убивалъ ложь старинныхъ родовъ искусства и открывалъ собою будущее. Что́ всего изумительнѣе въ данномъ случаѣ, такъ это то, что онъ совершилъ эту революцію въ разгаръ романтическаго движенія. Общее вниманіе сосредоточено было тогда на блистательной группѣ, во главѣ которой царилъ Викторъ Гюго́. Произведенія Бальзака пользовались весьма незначительнымъ успѣхомъ. Никто, повидимому, не подозрѣвалъ, что настоящимъ новаторомъ былъ этотъ романистъ, который производилъ такъ мало эффекта и чьи произведеніи казались такими скучными. Конечно, Викторъ Гюго́ тоже геній, и его творенія также колоссальны. Но школа Виктора Гюго́ уже отжила; поэтъ не имѣетъ больше вліянія на молодыхъ писателей, между тѣмъ какъ Бальзакъ растетъ съ каждымъ днемъ и въ настоящую минуту управляетъ литературнымъ движеніемъ, которое, конечно, будетъ движеніемъ послѣдующаго вѣка. Всѣ идутъ по начертанному имъ пути; каждый вновь прибывающій проводитъ анализъ далѣе и расширяетъ методъ. Онъ стоитъ во главѣ литературной Франціи будущаго времени.

Тэнъ, въ статьѣ, написанной о немъ давно уже, приравниваетъ его къ Шекспиру. И это сравненіе справедливо. Дѣйствительно, одинъ Шекспиръ создавалъ такіе же крупные и та-

кіе же живучіе типы. Они—два творца равной силы, но родились въ двухъ различныхъ мірахъ. И тотъ и другой оставили намъ свои произведенія, какъ обширные архивы человѣческихъ документовъ. Въ этомъ заключается слава Бальзака. Другіе писатели у насъ могли писать съ бóльшей правильностью и съ бóльшимъ блескомъ; у другихъ могло быть болѣе здоровое воображеніе; другіе, наконецъ, могли щеголять логикой чувствъ, но никто не рылся такъ въ человѣкѣ, никто не изобразилъ его правдивѣе, никто не далъ столько документовъ для его изученія. Вообразите химика, который каждое утро приходитъ въ лабораторію и запирается въ ней, чтобы приняться за свои опыты. Этотъ химикъ дѣлаетъ безпрерывно новыя открытія и отмѣчаетъ ихъ въ горячкѣ труда. Быть можетъ, въ его замѣткахъ будетъ замѣчаться недостатокъ порядка; но тотъ, кто станетъ читать его бумаги, найдетъ тѣмъ не менѣе массу неоцѣненнаго матеріала. Позднѣе можно будетъ все это классифицировать. Ученый, который первый разработаетъ матеріалъ, сохранитъ за собой вѣчную славу: онъ положилъ основаніе наукѣ. И Бальзакъ—именно такой химикъ человѣческаго сердца и мозга: онъ основалъ цѣлую литературу.

Эмиль Зола.

Парижъ.

ЗНАЧЕНІЕ ИДЕАЛА

ВЪ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Посвящается памяти Юрія Өедоровича Самарина.

I.

При первомъ взглядѣ на политическія науки, изслѣдованія и теоріи, кажется, что они имѣютъ ту же задачу, тѣ же пріемы, что и науки естественныя. Ознакомить съ принципами и фактами, дать въ руки орудіе изслѣдованія—не исчерпывается ли этимъ задача преподавателя, изслѣдователя?

Повидимому—да, если принять въ разсчетъ задачу физическихъ наукъ: найти *причину* явленія или круга явленій; указать на *связь* между причиной и слѣдствіемъ, стало быть, найти *законъ*, по которому совершаются явленія міра внѣшняго,—такова общая задача наукъ естественныхъ. Слушатель, вынесшій изъ лекціи своего преподавателя ясное представленіе о законахъ химическихъ соединеній или физіологическихъ процессовъ, можетъ считать себя удовлетвореннымъ умственно и, такъ сказать, нравственно. Ему нечего больше требовать отъ лекціи, имъ выслушанной, или книги, имъ прочтенной.

Но представимъ себѣ юношу, слушающаго лекцію о Вареоломеевской ночи, или читающаго книгу о турецкомъ государственномъ устройствѣ, или повѣствованіе объ инквизиціи, или ученое изслѣдованіе объ отжившихъ формахъ процесса съ застѣнками и дыбами. Вообразимъ его сидящимъ надъ повѣстью первыхъ лѣтъ

христіанства съ его подвижниками, надъ изслѣдованіемъ о двигателяхъ реформаціи, надъ біографіями лицъ, улучшившихъ жизненныя условія своими открытіями, обогатившихъ науку своими изслѣдованіями. Предположимъ, что онъ узналъ со всею точностію всѣ причины, вызвавшія Варѳоломеевскую ночь, и можетъ «вывести» эту ночь, какъ неизбѣжное послѣдствіе изъ причины; предположимъ, что онъ тѣмъ же, вполнѣ научнымъ порядкомъ «объяснитъ» инквизицію и деспотизмъ—съ одной, жизнь Лютера, дѣятельность Гусса, или Ньютона, съ другой стороны,—останется ли онъ удовлетвореннымъ? Какъ теоретическій умъ, можетъ быть; какъ умъ практическій, какъ воля, какъ нравственное сознаніе—никогда. Онъ потребуетъ отъ изслѣдователя, отъ преподавателя—не только «причинъ и слѣдствій», но и *сужденія* надъ лицами, учрежденіями и событіями, правдиваго и безпристрастнаго приговора. Онъ захочетъ узнать *отношеніе* изслѣдователя къ изслѣдуемому событію или учрежденію; до извѣстной степени, онъ потребуетъ отъ него отчета въ его личныхъ убѣжденіяхъ. Еще больше: въ такихъ изслѣдованіяхъ онъ будетъ искать началъ воспитательныхъ, истинъ, примѣровъ и фактовъ, укрѣпляющихъ и возвышающихъ наше нравственное сознаніе.

Гдѣ причина этой разницы? Почему задачи химика оканчиваются найденною формулою химическаго соединенія—что̀ бы оно ни дало: ядъ или лекарство,—и почему публицистъ или историкъ не можетъ одинаково относиться къ Нерону и къ Траяну, къ Вашингтону и къ Меттерниху, къ Пилю и къ Полиньяку? Отвѣтъ на это ясенъ.

Всѣ изслѣдованія явленій физическихъ направлены къ объясненію того, что̀ *есть*, въ самомъ обширномъ смыслѣ, что̀ *есть*—да простятъ мнѣ грамматическую вольность—въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ неизбѣжнаго и неизмѣннаго, что̀ не можетъ не быть. При изслѣдованіи же явленій политическихъ, экономическихъ, общественныхъ—къ этому вопросу, что̀ есть, постоянно, независимо даже отъ воли читателя, слушателя или изслѣдователя, примѣшивается роковой вопросъ—что̀ *должно быть?* Взвѣсимъ всю силу этого вопроса: что̀ должно быть?—это «должно быть» не означаетъ простого *послѣдствія* изъ данныхъ причинъ и условій. Медикъ говоритъ, что данная болѣзнь при такихъ-то условіяхъ даннаго организма должна имѣть такой-то исходъ. Онъ *предусматриваетъ* вѣроятные результаты данныхъ условій. Публицистъ не только предусматриваетъ, предсказываетъ: въ дѣлѣ предсказанія будущихъ явленій онъ даже безконечно слабѣе ученыхъ, вращающихся въ кругу знаній точныхъ. Его «должно

быть» имѣетъ иной смыслъ. Оно вытекаетъ изъ цѣлаго нравственнаго міросозерцанія, въ которомъ содержатся чаянія иного порядка, чаянія, которыя онъ хочетъ перевести въ дѣйствительность, сдѣлать практическими правилами жизни.

Вотъ—нѣчто совершенно непонятное для ума послѣдователей наукъ точныхъ; вотъ — съ точки зрѣнія неизбѣжной связи причины и слѣдствія — несообразность, нелѣпость; вотъ—отрицаніе всѣхъ методъ строго-научнаго изслѣдованія! Придетъ ли на мысль геологу переставить слои земного шара, иначе расположить части свѣта, дать иное очертаніе материкамъ, увеличить береговую линію, измѣнить почву? Но не станемъ обманывать себя относительно безусловной точности наукъ точныхъ, безусловно объективныхъ, безстрастныхъ, равнодушно внимающихъ добру и злу. Напротивъ, вспомнимъ съ благодарностію о томъ, что усилія гигіены направлены къ увеличенію средняго уровня человѣческой жизни, что нашими путями сообщенія, усовершенствованными жилищами, ассенизаціею городовъ и многимъ другимъ мы обязаны представителямъ наукъ точныхъ, людямъ, въ которыхъ, кромѣ знанія «причинъ и слѣдствій», жила еще любовь къ добру и къ правдѣ. Не изъ устъ ли Бэкона, великаго организатора метода точныхъ наукъ, услышало человѣчество, что назначеніе наукъ—увеличивать счастье человѣка?

Чѣмъ ближе наука точная соприкасается съ жизнью человѣка и общества, тѣмъ сильнѣе къ ея нормальному вопросу: «что́ есть»,—примѣшивается назойливый вопросъ: «что́ должно быть»? Какому физіологу, какому химику, какому медику чуждъ этотъ вопросъ даже въ сферѣ его ближайшихъ изслѣдованій? Но не станемъ увлекаться и впадать въ заблужденіе. Стремленіе къ идеалу, у лучшихъ представителей наукъ точныхъ, не вытекаетъ, такъ сказать, изъ существа ихъ наукъ. Теорія жизненныхъ процессовъ или химическихъ соединеній остается въ кругу неизмѣнныхъ законовъ, неотвратимой связи причинъ съ послѣдствіями, пока она не соприкасается съ явленіями общественной жизни, лучше сказать съ *приложеніемъ* добытыхъ ею данныхъ къ жизни человѣка отдѣльно и въ обществѣ. Въ области этихъ приложеній проявляется связь между наукою чистою и практическими явленіями; въ кругу этихъ вопросовъ и подъ ихъ вліяніемъ пробуждается общественное, гражданское чувство, стремленіе къ общественному совершенствованію. Здѣсь пробуждается и сознаніе настоящихъ бѣдствій, и стремленіе къ лучшему порядку въ будущемъ.

Науки общественныя, политическія, по существу своему, от-

личаются отъ наукъ естественныхъ. Это зависитъ отъ *природы изслѣдуемыхъ ими явленій*. Явленія міра физическаго суть результатъ причинъ и условій, независящихъ отъ воли человѣка. Законы ихъ вѣчны и неизмѣнны. Камень всегда падалъ, падаетъ и будетъ падать на землю, со скоростью обратно пропорціональною квадратамъ разстоянія; давленіе воздушнаго столба всегда было и будетъ одинаково; уголъ паденія всегда будетъ равенъ углу отраженія; земля всегда будетъ вращаться около своей оси въ 24 часа. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы не участвуемъ и не несемъ за нихъ отвѣтственности.

Напротивъ, въ процессѣ общественнаго развитія, сознаніе и воля человѣка принимаютъ дѣятельное участіе. Формы общественной жизни далеко не неизмѣнны. Общества переходятъ отъ свободы къ рабству, отъ порядка къ анархіи, отъ законности къ деспотизму. Конечно, развитіе общественныхъ установленій зависитъ отъ множества причинъ; конечно, внѣшнія условія — пространство страны, густота народонаселенія, свойства почвы, географическое положеніе и т. д.—имѣютъ на нихъ огромное вліяніе. Политикъ, отвлекшійся отъ этихъ условій, сталъ бы витать въ безвоздушномъ пространствѣ; его планы не имѣли бы практическаго значенія; онъ построилъ бы свое зданіе на пескѣ. Но всѣ внѣшнія условія не создаютъ сами по себѣ общественныхъ формъ. Они нуждаются въ посредствующемъ элементѣ, въ сознательной *волѣ* человѣка, вѣрно понявшаго свое время и облекшаго въ плоть и кровь его требованія. Поэтому, въ жизни общественной мы имѣемъ дѣло не только съ общими *законами* развитія обществъ, но и съ *нормами*, по которымъ должна дѣйствовать воля человѣка, какъ существа разумно-нравственнаго. Изученіе и познаніе законовъ историческаго развитія обществъ безусловно необходимы. Но эти законы являются лишь внѣшними условіями нашей дѣятельности. Познавъ ихъ, мы еще ничего не сдѣлали для общественнаго устройства, или сдѣлали половину дѣла. Общественный прогрессъ зависитъ отъ *употребленія*, которое мы дѣлаемъ изъ данныхъ условій, изъ нашихъ познаній, внѣшнихъ средствъ и т. д. Въ нашемъ *я* должно искать истинныхъ мотивовъ общественнаго движенія. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ можетъ смотрѣть на политическія учрежденія, какъ на *свое* созданіе, гордиться ими, или стыдиться ихъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ нести за нихъ отвѣтственность.

Отвѣтственность?—скажутъ намъ. Но какъ можетъ человѣкъ нести отвѣтственность за то, чтò есть дѣло времени и обстоятельствъ? Каждый политическій строй не соотвѣтствуетъ ли сте-

пени нравственнаго, умственнаго и экономическаго развитія народа? Да, это безусловно вѣрно. Политическій и общественный строй народа есть вѣрное отраженіе его нравственности, его экономическаго быта, его умственнаго уровня. Если онъ живетъ въ дурныхъ условіяхъ, то пусть онъ видитъ въ нихъ плодъ своего невѣжества, своей бѣдности, своихъ дурныхъ инстинктовъ. Пусть онъ видитъ самого себя, какъ въ зеркалѣ. Но развѣ это не подтверждаетъ нашу мысль? Развѣ именно это не возлагаетъ на человѣка отвѣтственности за общественный порядокъ, подъ которымъ онъ живетъ?

Нужны ли доказательства? Разсмотримъ, какъ относится человѣкъ (я разумѣю человѣка, привыкшаго жить сознательно) къ бѣдствіямъ физическимъ — съ одной, и къ бѣдствіямъ общественнымъ, съ другой стороны. Чума, тифы, холера, наводненія, градобитія — что вызываютъ они въ сердцѣ человѣка? Жалость, состраданіе, страхъ. Но хищничество, но насилія, обманы, неправосудіе, кромѣ жалости къ страдающимъ, кромѣ страха за себя и за близкихъ, не вызываютъ ли они чувства негодованія на виновниковъ бѣдствій, чувства стыда за общество, въ которомъ они творятся, стыда и за себя, какъ за члена этого общества? Съ другой стороны, примѣры самоотверженія, патріотизма, беззавѣтной преданности идеѣ — не порождаютъ ли они радости и гордости за страну, выработавшую великаго общественнаго дѣятеля, проповѣдника, художника, ученаго? Скажемъ больше. Здравый смыслъ учитъ насъ относиться къ бѣдствіямъ физическимъ съ возможнымъ спокойствіемъ. Послѣ того, какъ градъ выбилъ твое поле, какъ чума унесла близкихъ тебѣ, какъ наводненіе снесло твой домъ, не предавайся отчаянію. Въ первую минуту дай волю твоей печали, но потомъ покорись неизбѣжной судьбѣ, игрѣ слѣпыхъ силъ, которыхъ отвратить нельзя. Наоборотъ, было бы странно гордиться теплымъ климатомъ страны, ея благорастворенным воздухомъ, естественнымъ плодородіемъ, или ставить обществу въ укоръ плохія физическія условія страны, въ которой оно живетъ. Но что скажемъ мы о человѣкѣ, относящемся къ злу общественному такъ, какъ прилично относиться къ бѣдствіямъ физическимъ, къ тому, кто въ первую минуту ограничился бы страхомъ или сожалѣніемъ, а потомъ предалъ бы все забвенію? Что сказали бы мы о человѣкѣ, въ комъ злѣйшая неправда не возбуждала бы негодованія, въ комъ насиліе не вызывало бы желанія защиты слабаго, въ комъ позоръ родины не порождалъ бы стыда? Франція попробовала потерять политическій стыдъ послѣ 2 декабря 1851 года, заснула, убаюкалась «славой» имперіи — и проснулась подъ Се-

даномъ. Не показалось ли бы намъ страннымъ безучастное отношеніе къ подвижникамъ общественныхъ интересовъ, къ «добрымъ страдальцамъ за землю», какъ говорятъ лѣтописи, къ труженикамъ науки, идеи? Не считаемъ ли мы этого равнодушія причиною подавленія таланта, парализированія всякой энергіи?

Не всегда и къ физическимъ бѣдствіямъ должно относиться спокойно. Пусть человѣкъ покоряется «судьбѣ», пока дѣло можно приписать одной судьбѣ, т.-е. причинамъ невѣдомымъ и неотвратимымъ. Но если человѣкъ, овладѣвъ познаніемъ причинъ и слѣдствій, не противопоставитъ преградъ наводненіямъ, не улучшитъ санитарныхъ условій, не приметъ мѣръ противъ заразительныхъ болѣзней — онъ сознаетъ свою вину, ему станетъ стыдно за толпы, уносимыя холерой, за города, истребленные пожаромъ; а если не станетъ стыдно, то другіе постыдятся за него. Можно гордиться и плодородіемъ почвы, обиліемъ сельскихъ продуктовъ, но тогда, когда почва эта есть, такъ-сказать, наше созданіе, результатъ вѣковыхъ усилій общества. Франція, заставившая свои ланды производить хлѣбъ; Голландія, отвоевавшая у моря свои богатые луга; Пруссія, обратившая въ садъ свои скудныя равнины, могутъ съ гордостію оглянуться на свое прошлое.

Итакъ, будемъ ли мы признавать отвѣтственность или отвергать ее, она есть, она осуществляется помимо нашей воли, какъ неизбѣжный законъ природы. Мы невольно *вмѣняемъ* обществу его порядокъ; невольно сознаемъ свою собственную отвѣтственность за него, какъ бы, положимъ, ни была мала доля его. Эти чувства стыда, негодованія, отвѣтственности — суть, въ свою очередь, результатъ глубокихъ психическихъ причинъ. Даже при полной общественной вялости и при недостаткѣ собственной энергіи, мы не можемъ однако устранить изъ своего сознанія представленія о совершенствованіи всѣхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, къ которому призванъ человѣкъ. Мы не можемъ отвергнуть, что человѣкъ способенъ къ совершенствованію; и не только способенъ, но *призванъ* совершенствоваться. Мы глубоко убѣждены, что поколѣнія людей не только смѣняются, но и улучшаются. Совершенствованіе въ глазахъ нашихъ является не только *возможностью*, но и обязанностью; не только обязанностью, но и правомъ, къ осуществленію котораго должны быть направлены всѣ общественныя учрежденія.

Сознанію нашему присуще представленіе о назначеніи человѣка, объ извѣстной долѣ матеріальнаго благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія, необходимой каждому лицу для удовлетворенія его потребностей. Понятіе объ этой долѣ можетъ

измѣняться по степени развитія цѣлаго общества или отдѣльнаго лица, но оно живетъ въ сознаніи каждаго. Оно есть первое условіе прогресса; оно есть первое условіе правильнаго *отношенія* къ общественному порядку, и обильно благотворными послѣдствіями.

Сопоставляя наше представленіе о назначеніи человѣка съ дѣйствительнымъ его *положеніемъ*, мы постоянно раскрываемъ между ними противорѣчіе, несогласіе;—*постоянно*, потому что представленія наши о назначеніи человѣка возвышаются и очищаются, между тѣмъ какъ общественныя установленія, предназначенныя для осуществленія человѣческихъ цѣлей, не могутъ идти рука объ руку съ непрерывно-возвышающимися требованіями въ жизни. Здѣсь источникъ нашего критическаго, иногда отрицательнаго отношенія къ существующему порядку. Но вмѣстѣ съ отрицаніемъ является и утвержденіе. Мы способны возводить неосуществленныя стремленія и чаянія на степень *практическихъ цѣлей* общества; мы можемъ намѣчать основныя черты того порядка, при которомъ, по убѣжденію нашему, осуществятся эти цѣли; мы указываемъ обществу, чѣмъ оно должно быть, и это «должно быть» противополагаемъ настоящему—«есть». Скажемъ больше: мы обязаны, по мѣрѣ силъ своихъ, указывать на эти положительныя цѣли, на эти основныя черты будущаго. Иначе критическое отношеніе къ общественнымъ явленіямъ, присущее человѣку, по указаннымъ выше причинамъ, выродится въ отношеніе отрицательное, въ большинствѣ случаевъ безплодное. Возвышенное критическое настроеніе исказится и выразится въ формѣ дешеваго порицанія, легкаго глумленія, нисколько не препятствующихъ дальнѣйшему развитію общественнаго зла.

Въ этомъ выражается наша способность къ идеализированію, способность, повторяю, являющаяся необходимымъ условіемъ прогресса. Остановимся на значеніи этой способности; изслѣдуемъ ея значеніе для жизни какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлаго общества. Такое изслѣдованіе, кажется, будетъ вполнѣ своевременно, такъ какъ, по общему мнѣнію, смыслъ идеаловъ утраченъ современнымъ обществомъ, усвоившимъ себѣ громкое названіе общества «практическаго». Мы увидимъ, насколько оно въ правѣ носить этотъ титулъ. Теперь повѣримъ ему на слово. Представимъ себѣ, что способность къ составленію идеаловъ не только безполезна, но вредна; предположимъ, что люди въ самомъ дѣлѣ не думаютъ о томъ, что́ «должно быть», прилѣпились къ тому, что́ есть, и живутъ изо дня въ день, давая уродливое толкованіе евангельскому: «не заботьтесь о зав-

трашнемъ днѣ». Вообразимъ себѣ картину этого общества и живущихъ въ немъ людей. Нарисовать такую картину довольно легко. Сопоставимъ человѣка, способнаго къ идеализированію, живущаго идеалами, съ человѣкомъ, утратившимъ эту способность и отвергнувшимъ всякое значеніе идеаловъ. Результатъ сравненія и будетъ искомая картина.

Не подлежитъ сомнѣнію, что идеализированіе предполагаетъ способность *къ отвлеченію* отъ существующаго. Человѣкъ мысленно создаетъ иной порядокъ, отвлекаясь отъ существующаго, и переносится въ будущее. Мы не говоримъ, что это отвлеченіе состоитъ въ полномъ *отрѣшеніи* отъ условій пространства и времени, въ забвеніи той истины, что настоящее подготовляетъ будущее такъ же, какъ оно, въ свою очередь, подготовлено прошедшимъ. Рѣчь идетъ объ *идеалахъ*, а не объ *утопіи*. Но, во всякомъ случаѣ, идеалъ составляется путемъ абстракціи; въ немъ обществу указывается неосуществленная еще цѣль и несуществующій еще порядокъ вещей, при которомъ эта цѣль можетъ быть осуществлена. Въ сознаніи этой цѣли и этого порядка человѣкъ находитъ *точку опоры* для своего свободнаго и разумно-нравственнаго отношенія къ существующему общественному порядку. Безъ такой точки опоры онъ относился бы къ существующему, какъ къ силѣ физической, т.-е. къ чему-то непреодолимому, неизбѣжному. Онъ подчинялся бы этому внѣшнему авторитету, но не въ сознаніи его пользы или справедливости, а въ силу необходимости, т.-е. пассивно и равнодушно. Такой человѣкъ безразлично относится ко всякому порядку, лишь бы онъ былъ порядкомъ, т.-е. силой. Французскіе публицисты любятъ выставлять на позоръ массу мѣстнаго чиновничества, охотно становящагося на службу всякому правительству—монархіи, республикѣ, имперіи. Эти люди не идеализируютъ. Они служатъ всякой силѣ, но не поддерживаютъ никого; стоитъ сильному сдѣлаться слабымъ, и они устремятся на встрѣчу восходящему свѣтилу, какой бы принципъ оно собою ни представляло. Въ ихъ подчиненіи есть нѣчто предательское, потому что они сами никогда не уясняютъ себѣ его нравственныхъ основаній.

Они незнакомы съ чувствомъ долга, съ высшими требованіями совѣсти, съ тѣми началами, по которымъ сознательная воля человѣка выработываетъ для себя правила дѣятельности. Спокойно и безстрастно плывутъ они по теченію, или бѣгутъ во слѣдъ колесницѣ тріумфатора. Но въ ихъ средѣ не найдется заступника началъ, потерпѣвшихъ крушеніе, или смѣлаго борца новыхъ идей. «Ни впередъ, ни назадъ»,—лучше сказать: «и впередъ, и назадъ»

для мирнаго пользованія благами настоящаго—ихъ неизмѣнный лозунгъ. Они прогрессивны, поскольку служатъ *настоящему* порядку, поскольку они глумятся надъ низвергнутыми богами прошлаго, недавно выслушивавшими ихъ мольбы, ихъ лесть, обонявшими ихъ ѳиміамъ. Они консервативны, поскольку всякая перемѣна тревожитъ ихъ покой; лучше сказать, поскольку властелины настоящаго сильны противъ всякой попытки поколебать ихъ власть. Но при первомъ же колебаніи «покорные слуги» будутъ искать глазами новый предметъ поклоненія.

Если я подчиняюсь существующему, какъ внѣшней и слѣпой необходимости, если условія развитія общества для меня тождественны съ законами естественными, то буду ли я сознавать свою долю отвѣтственности за недостатки и бѣдствія этой страны? Все идетъ, скажу я, своимъ естественнымъ порядкомъ; все совершается по точнымъ и неизбѣжнымъ законамъ. Моя воля можетъ ли измѣнить ихъ? Не долженъ ли я подчинить себя ихъ велѣніямъ? Самая наука, ложно понятая, можетъ послужить на пользу такимъ теоріямъ. Поражается ли общество количествомъ самоубійствъ? Я беру въ руки статистическія данныя и побѣдоносно доказываю, что самоубійцы не суть жертвы ихъ внутренней пустоты, или ихъ ложнаго нравственнаго развитія, или извѣстныхъ общественныхъ условій, но неизбѣжнаго закона, по которому извѣстный процентъ наличныхъ членовъ общества долженъ кончить жизнь самоубійствомъ, подобно тому, какъ иной процентъ кончитъ смертью естественною, какъ другой процентъ народится вновь, какъ третій вступитъ въ бракъ. Съ этой точки зрѣнія все объяснится и оправдается: проституція, пьянство, взяточничество.

Гдѣ же тутъ мѣсто чувству отвѣтственности, а тѣмъ болѣе, гдѣ поводъ и средство противодѣйствовать злу? Но къ чему говорить объ отвѣтственности! Здѣсь мѣсто иному чувству, — чувству самодовольнаго «примиренія съ жизнью». Все естественно и все законно. Конечно, прогрессъ необходимъ. Но онъ совершается мимо насъ—его покорныхъ орудій и безстрастныхъ зрителей! Оглянитесь на времена прошедшія, на сѣдую древность: какъ невѣжественны были наши предки, какъ дики были ихъ нравы, бѣдна жизненная обстановка, грубы вкусы, скудны средства къ ихъ удовлетворенію! Сравните все это съ комфортомъ нашей жизни, съ нашими утонченными вкусами, изящными наслажденіями, роскошною обстановкою! Юноша, утѣшающійся съ парижскою куртизанкою въ раззолоченномъ ресторанѣ, можетъ съ гордостію сравнивать себя съ своими грубыми предками, по свидѣ-

тельству лѣтописца, «умыкивавшихъ дѣвицъ на игрищахъ и у воды».

Къ чему «умыкиваніе», когда деньги и «обоюдное соглашеніе» дѣлаютъ свое дѣло? Иной современный адвокатъ, принимающій своихъ кліентовъ въ роскошномъ кабинетѣ, можетъ съ снисходительной улыбкой вспомнить о площадныхъ подъячихъ временъ московскихъ, писавшихъ свои ябеды въ ближайшемъ кабакѣ. Современный аферистъ съ негодованіемъ вспоминаетъ о временахъ, когда самое слово «спекуляція» было неизвѣстно, и страсть къ легкой наживѣ порождала только грубые типы волжскихъ разбойниковъ и лѣсныхъ искателей приключеній. Какъ не восторгаться временемъ, когда личности и имуществу человѣка только въ рѣдкихъ случаяхъ грозитъ явное насиліе, когда онъ можетъ опасаться только клеветы, интриги, подложныхъ завѣщаній и векселей, фальшивыхъ денегъ, вообще ловкаго перемѣщенія капиталовъ?

Эта блестящая картина имѣетъ, правда, свою оборотную сторону. Не все общество пользуется продуктами цивилизаціи. Есть какія-то темныя массы, живущія не въ XIX, а въ XVII или въ XVI вѣкѣ, безъ знаній, безъ жизненныхъ удобствъ, безъ возвышенныхъ вкусовъ, безъ тонкихъ наслажденій. Но солнце цивилизаціи, подобно солнцу естественному, и также естественно, какъ оно, освѣщаетъ сначала вершины горъ и потомъ уже, постепенно, озаряетъ и долины. Не мы, такъ вѣка отдаленные увидятъ большую массу благополучія и въ низменностяхъ. Не нужно только мѣшать естественному теченію дѣлъ и жить настоящимъ, которое одно въ нашей власти. Мудрая природа дала каждому свою роль. Она поставила насъ въ извѣстную среду, отмѣрила намъ извѣстный срокъ жизни: воспользуемся ими и откинемъ всякую заботу о будущемъ. Мы не будемъ зрителями своихъ похоронъ; тѣмъ меньше увидимъ мы то, что̀ совершится послѣ того, какъ тѣло наше обратится въ землю....

Примиреніе съ жизнью состоялось; человѣкъ слился съ природой, сложилъ съ себя всякую отвѣтственность, любуется торжественнымъ и безостановочнымъ ходомъ жизни, любуется самимъ собою, по сравненію съ своими предками. Но есть одна сила, также естественная, также созданная вмѣстѣ съ міромъ и, по словамъ священнаго писанія, для владычества надъ нимъ; эта сила блекнетъ, исчезаетъ и шестой день творенія вычеркивается изъ книги Бытія. Нужно ли говорить, что рѣчь идетъ о *личности человѣческой*, для которой понадобился особый актъ творенія, чтобы создать ее по образу и подобію Божію? Какъ уцѣ-

дѣеть она въ этомъ добровольномъ отреченіи отъ самой себя? Личность безъ сознанія долга и отвѣтственности, безъ чувства свободы, пассивно равнодушная и самодовольная, это ли личность, это ли образъ Божій, состоящій въ правдѣ и преподобіи истины, какъ говоритъ апостолъ? У нея нѣтъ точки опоры внѣ данныхъ явленій; она ничего не можетъ противопоставить теченію вещей, куда бы ни шло это теченіе; она падаетъ съ своей духовной высоты, становится песчинкой въ общей массѣ песку и носится изъ стороны въ сторону безъ сознанія цѣли и основаній. Личности современнаго человѣка, говоритъ одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ мыслителей, не хватаетъ на трагедію, даже на комедію; кажется, ея скоро не хватитъ и на водевиль....

Но эта картина вышла слишкомъ лестной. Песчинка—созданіе мирное, спокойно лежащая подлѣ своихъ собратій, не причиняя имъ никакого зла. Личность не такая вещь, которую можно стереть безъ слѣда, причислить къ матеріи. Сознаніе своего «я» не исчезнетъ въ самой мелкой личности. Но, отвернувшись отъ своего настоящаго назначенія, утративъ свое нравственное достоинство, она извратится, исказитъ свои стремленія и свойства. Человѣческое *я* будетъ слишкомъ мелко, чтобы воспринять въ себя радости и горести своей страны, усвоить общія стремленія своего времени и народа, уяснить себѣ цѣли общественной жизни, посвятить себя на служеніе имъ, сдѣлаться нравственнымъ средоточіемъ цѣлаго круга лицъ, идущихъ къ одной общей цѣли. Ей будутъ непонятны идеи долга, акты самоотверженія, патріотизма. Но тѣмъ сильнѣе, упорнѣе поставитъ *она себя* цѣлью не только своей дѣятельности, но и общественной работы. Она потребуетъ отъ общества быстрыхъ отличій, скорой наживы, легкихъ наслажденій, удобной морали. Соревнованіе на поприщѣ служенія общественнаго замѣнится соперничествомъ изъ-за личнаго благополучія. Въ неугомонной погонѣ за общественнымъ положеніемъ и богатствомъ, человѣкъ перешагнетъ чрезъ всѣ привязанности, чрезъ всѣ принципы; онъ пройдетъ мимо толпы голодныхъ несчастливцевъ, измученныхъ тяжелымъ и неблагодарнымъ трудомъ; онъ не задумается нанести имъ послѣдній ударъ, если это окажется выгоднымъ. А это бываетъ выгодно весьма часто. Въ каждой личности готовъ возродиться миѳологическій Молохъ, требующій человѣческихъ жертвъ. Не вырубливаютъ ли, въ самомъ дѣлѣ, мелкій лѣсъ, чтобы крупному было больше простора? А въ данномъ случаѣ, каждый радъ причислить себя къ избранникамъ нашего рода. Война всѣхъ противъ всѣхъ, поставленная Гоббесомъ за предѣ-

лами человѣческихъ обществъ, продолжается и въ обществѣ, но съ слѣдующею капитальною разницею.

Въ состояніи первобытномъ насиліе было откровенно; оно считалось даже правомъ. Въ честь ему пѣлись гимны. Боецъ, украшенный кожами, содранными съ головы противниковъ, дѣлался героемъ своего племени. Въ Валгаллу можно было пройти только по трупамъ убитыхъ враговъ. Въ обществѣ, прослушавшемъ десять заповѣдей и разныя другія правила нравственности, въ обществѣ, оффиціально признавшемъ убійство, грабежъ, воровство, обманъ дѣйствіями непохвальными и даже наказуемыми,— положеніе личности, обратившейся къ «естественному» состоянію, дѣлается трагическимъ. Она ведетъ свою «борьбу» безъ особеннаго выбора средствъ; въ то же время ей необходимо сохранить хотя бы видъ согласія съ правилами общественной нравственности. Умъ человѣческій изобрѣтателенъ, и извращенная личность завоюетъ себѣ не только безнаказанность, но и почетное общественное положеніе. Во-первыхъ, явится убѣжденіе, что есть область дѣйствій и отношеній, гдѣ личность должна оставаться *безконтрольною*, куда пытливый глазъ общества не смѣетъ проникать. Проводится различіе между жизнью частною и жизнью общественною. Предполагается, что человѣкъ въ одной сферѣ будетъ однимъ, а въ другой—совершенно инымъ. Предполагается, что нравственность, пораженная въ области частныхъ отношеній, изгнанная эгоизмомъ и развратомъ изъ семьи, изъ области всѣхъ гражданскихъ сдѣлокъ, что нравственность эта останется твердымъ основаніемъ отношеній общественныхъ. И вы думаете, что съ перемѣною *мѣста* дѣятельности эгоистъ сдѣлается самоотверженнымъ гражданиномъ? Fit magna mutatio loci, non ingenii, какъ говорилъ Цицеронъ.

Такъ или иначе, частная жизнь обнесена стѣной; домашній тиранъ, расточитель, игрокъ, гуляка можетъ безпрепятственно взять въ свои руки высшіе интересы страны. Расточитель будетъ превосходно вести общественное хозяйство; игрокъ сбережетъ общественное достояніе; развратный гуляка будетъ охранять общественную нравственность. Но если ожиданія не оправдаются? Если расточитель доведетъ общество до банкротства и станетъ расхищать казну; если гуляка, вмѣсто охраненія общественной нравственности, увеличитъ скандалъ разврата? Человѣческая изобрѣтательность придетъ къ нимъ на помощь. Явится разсужденіе о томъ, что всѣ понятія о нравственности относительны; что каждое время имѣетъ свой нравственный кодексъ и каждый человѣкъ—дитя своего времени; каждый даетъ обществу то, что

ему самому дала общественная среда. Пусть и судятъ его въ условіяхъ нашего времени. Притомъ—все ли такъ дурно въ этихъ «дѣтяхъ вѣка»? Не отдаютъ ли и они дани добрымъ принципамъ и хорошимъ чувствамъ? Они расточаютъ казну, но покровительствуютъ искусствамъ; они хищничаютъ, но отдаютъ часть своего достоянія на общеполезныя предпріятія. Они развлекались филантропіей и учреждали благотворительныя общества. Дѣлая зло одной рукой, они другой дѣлали добро. Въ этой смѣси дурного и хорошаго, гдѣ возможность найти основаніе для рѣшительнаго осужденія человѣка? Еще нѣсколько шаговъ на этомъ пути—и мы дойдемъ до утвержденія, что въ хищникѣ есть нѣкоторая доза добродѣтели. Мало того: хищники, достигшіе высокаго общественнаго положенія, потребуютъ для себя титулъ мужей добродѣтельныхъ.

Есть ли, наконецъ, надобность прибѣгать къ искусственному смѣшенію добра со зломъ? При условности всѣхъ нравственныхъ понятій, нельзя ли злу придать видъ добра? Общественные дѣятели изобрѣли способъ совершать преступленія съ видомъ добродѣтели, и требуютъ признанія за ними этого качества. Хищникъ распространяется о своемъ безкорыстіи; грубый эгоистъ твердитъ о своемъ самоотверженіи; свирѣпый олигархъ прикидывается другомъ народа; явный ретроградъ во что бы то ни стало добивается титула друга свободы. Горе тѣмъ, кто откажетъ имъ въ этомъ удовольствіи! Да почему бы и отказать? Понятія о добрѣ и злѣ такъ условны и неопредѣленны, слова: добродѣтель, самоотверженіе, долгъ, нравственность, свобода — до такой степени сдѣлались словами, звукомъ, лишеннымъ всякаго смысла, что ихъ можно приложить къ какому угодно дѣйствію, къ какой угодно личности. И общество не останется въ долгу. Оно украситъ счастливца всѣми названіями, которыми преданіе или мода любятъ обозначать лучшія качества человѣческой души. Оно дастъ ему право любоваться самимъ собой въ портретѣ, нарисованномъ лестью и угодливостію. Оно заботливо отгонитъ отъ него всякое сомнѣніе, всякое чувство вины, и дастъ душѣ его миръ, не миръ Божій, конечно, но миръ пресыщенія, нравственнаго отупѣнія и безвастѣнчиваго самодовольства.

Въ итогѣ—*ложь* есть послѣднее слово такого общественнаго развитія. Въ этой лжи исчезаетъ, глохнетъ все, изъ чего слагается нравственная личность человѣка. Нѣтъ недостатка въ громкихъ и парадныхъ фразахъ; но ими прикрываются вопіющія злоупотребленія. Самая добродѣтесь теряетъ смыслъ и цѣну. Среди всеобщей лжи, всеобщаго лицемѣрія, въ силу привычки

видѣть разладъ между словомъ и дѣломъ, каждый актъ самоотверженія является подозрительнымъ, каждый геройскій поступокъ объясняется низкими побужденіями. Остатки мужества и энергіи пропадаютъ у тѣхъ, въ комъ они уцѣлѣли по непонятнымъ причинамъ. Есть души, не утратившія еще нравственныхъ силъ; чаянія лучшихъ временъ носятся предъ ними, какъ блѣдный и неуловимый призракъ. Но эти свѣтлыя пятна не разгоняютъ всеобщаго мрака. Ихъ настроеніе вѣрно угадано поэтомъ:

Далекая звѣзда мелькаетъ точкой бѣлой—
И въ небѣ нѣтъ другихъ свѣтилъ,
Громадный городъ спитъ, въ безпутствѣ закоснѣлый,
И бредитъ, какъ лишенный силъ...
Мысль ищетъ выхода—ее пугаетъ холодъ,
Она мнѣ кажется мечтой;
Найдутъ ее, когда проснется городъ
Съ его бездушной суетой.

II.

Что такое *идеалъ*? Въ чемъ состоитъ это загадочное благо, въ утратѣ котораго многіе обвиняютъ современное общество? Этотъ вопросъ настоятельно требуетъ разрѣшенія. Справедливы или несправедливы упреки, посылаемые намъ лучшими умами нашего вѣка? Въ самомъ ли дѣлѣ наше время такъ бѣдно нравственнымъ содержаніемъ, какъ думаютъ многіе?

На первый взглядъ можетъ показаться, что это «недовольство своимъ временемъ» есть нѣчто напускное, модное, и потому фальшивое. Не въ наше ли время возбуждено множество великихъ и практическихъ вопросовъ всеобщаго благосостоянія? Усилія науки и прикладныхъ знаній не направлены ли къ тому, чтобы увеличить общую сумму средствъ къ удовлетворенію всѣхъ потребностей человѣка? Культура не замыкается уже въ кругу классовъ избранныхъ; съ каждымъ поколѣніемъ она все больше и больше проникаетъ въ массы. Самыя массы эти сдѣлались, повидимому, предметомъ бо́льшаго попеченія, чѣмъ когда бы то ни было. Коротко говоря, если судить о наличности идеаловъ по количеству и широтѣ практическихъ цѣлей, по возвышенности и красотѣ принциповъ, то наше время можетъ гордиться своими идеалами.

Но для всякаго, кто съумѣетъ провѣрить отношеніе этихъ практическихъ цѣлей и высокихъ приципов къ *внутренней жизни* человѣка, станетъ ясно, что подъ этимъ шумомъ обще-

ственной жизни, подъ этими громкими фразами скрывается нѣкоторая пустота нашего *я*, слѣдовательно, того творческаго начала, которое одно можетъ создать дѣйствительный идеалъ. «Ничто, говорилъ Паскаль, не можетъ привести насъ къ познанію (внутренней) нищеты людей, какъ разсмотрѣніе истинной причины той суеты, въ которой они проводятъ свою жизнь.... *Человѣкъ страдаетъ невыносимо, если онъ принужденъ жить съ собой и думать о себѣ*. Вся его забота состоитъ въ самозабвеніи. Вотъ источникъ всѣхъ шумныхъ человѣческихъ занятій, всего, что̀ называется развлеченіемъ или времяпрепровожденіемъ, цѣль которыхъ убить время незамѣтно или, вѣрнѣе, не думая о себѣ, избѣжать, потерявъ эту часть жизни, внутреннюю горечь и отвращеніе, необходимо сопровождающія вниманіе къ самому себѣ.— Радость человѣческой души состоитъ въ этомъ забвеніи: для того, чтобы сдѣлать ее несчастной, достаточно заставить ее увидѣть себя и быть съ собой. Съ дѣтства на людей взваливаютъ заботы—объ ихъ чести, ихъ имуществѣ, даже о благѣ и общественномъ положеніи ихъ родныхъ и друзей. Ихъ обременяютъ изученіемъ языковъ, наукъ, тѣлесныхъ упражненій и искусствъ. Ихъ заваливаютъ дѣлами; имъ внушаютъ, что они не будутъ счастливы, если своими заботами и трудами они не приведутъ въ добрый порядокъ свое состояніе и свое положеніе и даже положеніе и имущество своихъ друзей, и что малѣйшій недостатокъ въ этихъ вещахъ сдѣлаетъ ихъ несчастными. Такъ, имъ даютъ должности и дѣла, заставляющія ихъ метаться съ самой зари. Вотъ, скажете вы, странный способъ дѣлать ихъ счастливыми. Что же сдѣлать лучшаго для ихъ несчастія? Что̀ сдѣлать?—спросите вы. Нужно только отнять у нихъ всѣ эти заботы: тогда они увидѣли бы себя, подумали бы о себѣ. А это для нихъ невыносимо» [1]).

Мизантропъ, аскетъ! Да, — но мизантропъ и аскетъ въ выводахъ, а не въ указаніи факта. Религіозный экстазъ, къ которому приходитъ Паскаль, другая крайность, своего рода самозабвеніе. Но вотъ въ чемъ онъ правъ. Всѣ эти шумныя предпріятія, рискованныя спекуляціи, пышныя фразы никакъ не свидѣтельствуютъ о развитіи нашего внутренняго содержанія. Формы нашей общественной жизни сдѣлались разнообразнѣе, предпріятія многочисленнѣе, практическія цѣли шире, принципы формулируются лучше, но это потому, что самыя *условія* жизни сдѣлались сложнѣе, запросы разнообразнѣе, орудія мысли, экономическаго производства, сообщенія и т. д. лучше. Мы ѣздимъ по желѣзнымъ до-

---

[1]) **Pascal**: **Pensées**. 1-re P., Art. VII, I.

рогамъ, пользуемся телеграфомъ, производимъ страшно много на фабрикахъ и заводахъ, устраиваемъ школы, банки, разныя ассоціаціи и.... врядъ-ли можемъ отдать себѣ отчетъ въ нашемъ душевномъ настроеніи. Попробуемъ добраться чрезъ весь этотъ «строй экономическихъ предпріятій» до внутренняго существа человѣка; допросимъ это прогрессирующее общество, какіе мотивы, какое міросозерцаніе, какой «нравственный строй» лежитъ въ основаніи всей этой видимой горячки? Молчаніе. Только отъ времени до времени выдаетъ это общество свой грустный секретъ. То лопнувшій банкъ открываетъ картину невообразимаго хищничества; то страшный застой по желѣзнымъ дорогамъ и «несчастные случаи» вскрываютъ секретъ изворовавшейся желѣзнодорожной администраціи; то печати удается поймать за руку нечестивые продѣлки тѣхъ, кому законъ ввѣрилъ защиту чести, имущества и свободы ближнихъ. Наилучшія общественныя формы дѣлаются орудіемъ своекорыстія; высокіе принципы вырождаются во фразы, лишенныя смысла; ими прикрываются возмутительнѣйшіе инстинкты, гнуснѣйшія цѣли. И все это безъ всякаго отпора со стороны общества.

Среди этого хаоса, человѣкъ не находитъ точки опоры для разумнаго и здороваго протеста. Онъ не видитъ даже ближайшаго будущаго своей страны; онъ не знаетъ, куда уноситъ его теченіе. Жизнь дѣлается непріятною и тяжкою обязанностію. Она похожа на длинную, скучную и безсвязную лѣтопись, чтеніе которой можно прервать на любой страницѣ. Оборвалась страница — и человѣкъ сходитъ съ своего поприща безъ сожалѣнія. Онъ не оставляетъ за собою никакихъ плановъ и надеждъ, достойныхъ того, чтобы оплакивать ихъ утрату. Нарушилось призрачное равновѣсіе жизни — и онъ готовъ покончить съ собою такъ, какъ лучшіе люди нѣкогда кончали съ собою изъ-за бѣдствій родины, изъ-за крушенія политическихъ идеаловъ.

Чего недостаетъ этимъ людямъ? Общественныхъ и политическихъ партій, формулъ, принциповъ? Но и того, и другого и третьяго они вездѣ могутъ найти въ изобиліи. Любая книга дастъ вамъ десять формулъ, любой разговоръ подскажетъ вамъ нѣсколько принциповъ. Каждый, по выбору своему, можетъ объявить себя другомъ регламентаціи или защитникомъ свободы, протекціонистомъ или фритредеромъ, защитникомъ крупной или мелкой собственности, общины или участковаго владѣнія, артельнаго начала или частной предпріимчивости, брака церковнаго или брака гражданскаго, единоженства или многоженства, абсолютистомъ или конституціоналистомъ, метафизикомъ или позитивистомъ — языкъ от-

казывается исчислить всѣ эти заглавія разныхъ принциповъ, умъ не можетъ уловить всѣхъ оттѣнковъ партій. Чего же вамъ нужно, чего нѣтъ, чего мы ищемъ? Почему жизнь наша не является столь же разнообразною, содержательною, заманчивою, какъ содержательны, заманчивы и разнообразны всѣ эти принципы, всѣ эти красивыя формулы?

Потому, что всякій принципъ становится дѣйствительно практическимъ мотивомъ жизни только тогда, *когда онъ соотвѣтствуетъ внутреннему настроенію человѣка*, когда онъ *выражаетъ* собою опредѣленную долю нашего дѣйствительнаго міросозерцанія, составляетъ часть нашего *я*. Безъ этой подкладки, принципъ — пустая формула, неспособная двинуть людей на подвигъ. При соотвѣтствіи принципа съ внутреннимъ содержаніемъ человѣка, послѣдній способенъ на геройскую смерть, какъ бы ни была бѣдна его жизненная обстановка, какъ бы ни былъ низокъ уровень его умственнаго развитія, какъ бы ни были странны его принципы.

Прослушайте старинную повѣсть о «морскомъ королѣ» IX вѣка—Рагнарѣ Ладброгѣ. Онъ выросъ въ неприглядной и дикой скандинавской природѣ. Жизнь его ушла на буйные набѣги, сопровождавшіеся грабежами, пожарами и убійствами. Наконецъ онъ попался въ плѣнъ англійскому королю. Король бросилъ его въ темницу, наполненную ядовитыми змѣями. Онъ умеръ въ страшныхъ страданіяхъ. Но преданіе приписываетъ ему знаменитую смертную пѣснь, въ которой такъ полно выразилось міросозерцаніе норманскихъ викинговъ. Вся она — грозная симфонія на ту тэму, что человѣкъ призванъ къ войнѣ и что въ чертогъ Одина проникаютъ только по трупамъ враговъ.

«Мы рубились мечами, — пѣлъ морской король, терзаемый змѣями,—теперь я испытываю, что люди —рабы судьбы: они повинуются приговору фей, властвовавшихъ ихъ рожденіемъ. Когда я пустилъ въ море мои корабли, я думалъ насыщать волковъ, а не встрѣтиться съ концомъ моей жизни. Но радуюсь, вспоминая, что мнѣ приготовлено мѣсто въ чертогахъ Одина. Тамъ, за великимъ пиромъ, будемъ пить пиво полными черепами...

«Мы рубились мечами въ сто-пятидесяти-одной битвѣ. Есть ли въ людяхъ король славнѣе меня? Смолоду я учился обагрять желѣзо кровью. Нѣчего плакать о моей смерти: пора мнѣ кончить. Посланныя ко мнѣ Одиномъ богини зовутъ меня и приглашаютъ. Иду. Сяду въ первыхъ рядахъ пить пиво съ богами. Жизнь моя прошла. Умираю смѣясь».

Попробуйте остановить натискъ людей, предводимыхъ такими

викингами! Англія нѣсколько разъ дѣлалась добычей этихъ удальцовъ, франкская монархія зашаталась подъ ихъ ударами и едва отдѣлалась уступкою богатѣйшей провинціи. Что составляло ихъ силу, гдѣ источникъ этой дикой отваги? Врядъ ли они съумѣли бы формулировать свои принципы, еще меньше подчинили бы они этимъ принципамъ свои страсти. Но мощный идеалъ владѣлъ всѣмъ внутреннимъ ихъ существомъ, и они шли на смерть, какъ на пиръ.

Возможность идеала опредѣляется именно извѣстнымъ внутреннимъ настроеніемъ; скажемъ больше: *идеалъ есть опредѣленное настроеніе нашихъ нравственныхъ силъ.* Ошибочно смѣшивать его съ опредѣленною теоріею, даннымъ принципомъ, законченною формулою. Весьма часто подъ именемъ идеала разумѣется отвлеченное представленіе о совершеннѣйшемъ общественномъ, экономическомъ, семейномъ и т. д. устройствѣ. Такъ говорятъ объ общественномъ идеалѣ Т. Мора, Кампанеллы, Фурье, Кабе и другихъ. Такъ говорятъ объ идеальномъ государствѣ Платона, хотя этотъ мыслитель самъ заявилъ, что оно не можетъ получить практическаго осуществленія. Но эти идеалы были только внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго философскаго, нравственнаго, экономическаго и т. д. міросозерцанія, и притомъ выраженія, далеко не исчерпывавшія ихъ. Объ идеалѣ Платона нельзя судить по одному его трактату «О государствѣ». Необходимо принять въ разсчетъ его разговоры о политикѣ и о законахъ, обратиться къ другимъ философскимъ его сочиненіямъ. И здѣсь мы не найдемъ полнаго, исчерпывающаго опредѣленія. Книга не выражаетъ всего человѣка, и выражаетъ его не всегда вѣрно—не даромъ Сократъ такъ не любилъ книгъ. Нужно принять въ разсчетъ школу Сократа, изъ которой вышелъ Платонъ, послушать его бесѣды съ учениками и друзьями, присмотрѣться къ его жизненной обстановкѣ, тогда бы поняли мы творческую силу, создавшую эти дивные разговоры, на которыхъ воспиталось столько поколѣній.

Идеалъ, понимаемый въ такомъ смыслѣ, есть неистощимый источникъ всякихъ представленій, всякихъ принциповъ, выражающихъ душевное настроеніе человѣка, воспріявшаго идеалъ. Задача преобразователей человѣческой нравственности заключалась вовсе не въ томъ, чтобы представить людямъ проектъ всесовершеннѣйшаго устройства и планъ наилучшаго образа жизни. Сократъ произвелъ свою философскую революцію, не написавъ ни одной строки и не нарисовавъ ни одного плана человѣческаго

общества. Еще больше: все христіанское ученіе не содержитъ въ себѣ проекта наилучшаго общественнаго устройства.

Христіанская проповѣдь вся разсчитана на внутреннее перерожденіе человѣка; вся она имѣетъ цѣлію вызвать въ человѣкѣ опредѣленное душевное настроеніе. Христосъ рѣшительно отказывался дать видимые знаки приближенія царствія Божія, которое Онъ возвѣщалъ. Не говорите, проповѣдывалъ онъ, что царствіе Божіе здѣсь или тамъ: *оно внутри васъ.*

Во всемъ его ученіи не видно ни малѣйшей попытки создать что-нибудь похожее на кодексъ нравственности, на совокупность внѣшнихъ правилъ, которымъ достаточно слѣдовать, чтобы достигнуть полнѣйшаго совершенства. Развѣ его нагорная проповѣдь есть «совокупность правилъ» человѣческаго поведенія? Развѣ она призываетъ людей къ какому-нибудь внѣшнему дѣйствію? Нисколько. Она говоритъ о жаждѣ правды, о милосердіи, о готовности претерпѣть гоненіе за истину, о тѣхъ чувствахъ человѣка, при которыхъ онъ можетъ найти внутренній миръ и будетъ готовъ на все. Развѣ онъ сказалъ людямъ—дѣлайте добро другъ другу? Онъ сказалъ—*люби* ближняго, и зналъ, что за любовью послѣдуютъ добрыя дѣла. Онъ осудилъ фарисея не за что иное, какъ за то, что фарисейство довольствовалось исполненіемъ внѣшнихъ правилъ и въ этомъ полагало всю добродѣтель. Въ глазахъ Христа мытарь былъ выше фарисея потому, что хотя онъ и не исполнилъ ни одного изъ внѣшнихъ правилъ, но внутреннее настроеніе его, въ минуту покаянія, было чище и выше фарисейской гордости. «Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что очищаете внѣшность чаши и блюда, между тѣмъ какъ внутри они полны хищенія и неправды!»

Вотъ гдѣ сила христіанства. Овладѣйте внутреннимъ человѣкомъ, и вы овладѣете всѣмъ остальнымъ. Христіанство шло именно къ этой цѣли и меньшимъ не довольствовалось. Поэтому оно могло произвести величайшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ нравственныхъ переворотовъ; поэтому *христіанскій идеалъ* сдѣлался основаніемъ новой культуры. Не выступая впередъ съ законченнымъ и замкнутымъ кодексомъ человѣческой нравственности, оно сдѣлалось обильнымъ источникомъ разнообразныхъ принциповъ, основаніемъ различныхъ культурныхъ типовъ. Христіанская идея выразилась въ православіи, въ католицизмѣ и въ протестантизмѣ. Отъ этого общаго корня пошли разнообразнѣйшія секты въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Общее нравственное основаніе выразилось и въ сонмѣ мучениковъ, отдававшихъ себя на растерзаніе звѣрямъ во имя Христово, и въ аскетѣ Ѳиваид-

ской пустыни, и въ воинѣ-крестоносцѣ, и въ Орлеанской дѣвѣ, поднявшей свое знамя на защиту родины, и въ суровомъ пуританинѣ, укрѣпившемъ свободу Англіи и основавшемъ новый политическій міръ въ Америкѣ. Какое различіе временъ, обстоятельствъ, уровня образованія, принциповъ, формулъ! И все это проникнуто, въ существѣ, одною мыслью, одухотворявшею цѣлые народы!

Но, скажутъ намъ, примѣръ христіанства можетъ ли быть примѣромъ рѣшающимъ данный вопросъ? Ученіе христіанское, какъ ученіе религіозное, не могло быть обращено ни къ чему иному, какъ къ человѣку внутреннему. Философія политическая, имѣющая дѣло съ «царствомъ отъ міра сего», не должна ли обращать преимущественное вниманіе на предметы видимые, на вопросы осязаемые, на дѣйствія внѣшнія? Конечно. Но если ея системы, теоріи и принципы не будутъ имѣть никакого воздѣйствія на внутреннее настроеніе человѣка, если они не будутъ разсчитаны на нравственное возрожденіе людей, они останутся безплодною игрою ума, бездушною комбинаціею законовъ и учрежденій.

Одинъ изъ величайшихъ политическихъ мыслителей прошлаго вѣка, умъ геніальный, хотя и парадоксальный, Ж. Ж. Руссо началъ свое обличеніе современнаго ему общества именно съ нападенія на его нравственную дряблость. Общество, гордившееся великими научными открытіями, изяществомъ своихъ нравовъ, изысканностію обращенія, бесѣдовавшее за веселыми ужинами о системѣ Ньютона и теоріи Кондильяка, о духѣ законовъ Монтескьё и послѣднемъ сочиненіи Вольтера, общество это жило блестящею внѣшнею жизнью. Нужно прочесть современные мемуары, вдуматься въ блестящую характеристику Тэна, чтобы понять жизнь этого «культурнаго слоя», полагавшаго, что онъ довелъ цивилизацію до послѣдней степени совершенства. Часть и органъ этого общества, Дижонская академія, задаетъ на конкурсъ тэму слѣдующаго содержанія: «содѣйствовало ли возрожденіе наукъ очищенію нравовъ?» Опасный вопросъ! Можно было подумать, что при одномъ взглядѣ на тотъ просвѣщенный, изящный и учтивый культурный слой каждый сочинитель падетъ ницъ и пропоетъ гимнъ наукамъ? Но въ правленіи академіи полученъ загадочный пакетъ. Въ немъ содержалась слава неизвѣстнаго еще писателя, но слава эта будетъ пріобрѣтена не на счетъ восхваленія наукъ.

«Какъ пріятно,—писалъ онъ,—было бы жить среди насъ, если бы внѣшнее приличіе было всегда выраженіемъ сердечнаго

настроенія, если бы благопристойность была добродѣтелью, если бы наши принципы служили для насъ правиломъ, если бы истинная философія была нераздѣльна съ названіемъ философа!»

Но, увы! страстная и сильная діалектика женевскаго философа разоблачила, что скрывалось подъ этою блестящею внѣшностью. Если принять въ разсчетъ, что знаменитая «рѣчь» обращалась къ обществу, унесенному революціею менѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ она была написана; если принять это въ разсчетъ, говорю я, то нельзя читать ее безъ особеннаго ощущенія. Она—точно отходная, написанная заживо и для здороваго, повидимому, человѣка. Гдѣ и въ чемъ искалъ Руссо этихъ симптомовъ смерти? Именно въ этомъ страшномъ несоотвѣтствіи внѣшняго и внутренняго, въ отсутствіи *человѣка*, съ здоровыми и неизвращенными инстинктами, человѣка, возвращеннаго къ природѣ, къ естественному чувству изъ того міра призраковъ, въ которомъ жилъ и глохъ современный ему человѣкъ. Вотъ почему онъ противопоставилъ этому человѣку другого, въ своемъ Эмилѣ. Вотъ почему онъ такъ много писалъ о воспитаніи — гораздо больше, чѣмъ о политикѣ.

Можетъ быть,—старая исторія? Есть примѣры изъ исторіи новой, почти современной. 27 января 1848 года, французская палата депутатовъ была занята бурными преніями по поводу отвѣтнаго адресса на тронную рѣчь. Политика правительства, особенно внутренняя, подверглась строгому разбору. Никто изъ членовъ палаты не полагалъ однако, что дѣло кончится низверженіемъ іюльской монархіи. Оппозиція мечтала о перемѣнѣ министерства, крайніе изъ крайнихъ не шли дальше «реформы избирательнаго права». Большинство спокойно и самодовольно держалось за status quo. Пренія благополучно вращались около частныхъ политическихъ вопросовъ. Вдругъ одинъ изъ членовъ палаты, извѣстный Токвиль, перенесъ дѣло на совсѣмъ иную почву. Вмѣсто того, чтобы говорить о финансахъ, объ администраціи и тому подобномъ, онъ повернулъ свою аргументацію противъ палаты, противъ той, въ цензѣ состоявшей Франціи, которая давала странѣ ея представителей.

«Господа,—говорилъ онъ,—быть можетъ, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что нынѣшнее положеніе вещей, нынѣшнее состояніе мнѣнія и умовъ во Франціи способно безпокоить и огорчать. Что касается меня, то я заявляю палатѣ откровенно, что въ первый разъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ я ощущаю нѣкоторый страхъ за будущее. Справедливость моихъ словъ доказывается тѣмъ, что они присущи не одному мнѣ.—Если я вѣрно понялъ

сказанное недавно г. министромъ финансовъ,— кабинетъ самъ допускаетъ дѣйствительность впечатлѣнія, о которомъ я говорю. Но онъ приписываетъ его разнымъ частнымъ причинамъ, недавнимъ случаямъ изъ нашей политической жизни, сборищамъ, взволновавшимъ умы, словамъ, возбудившимъ страсти.

«Господа, я боюсь, что, приписывая признанное зло такимъ причинамъ, хватаются не за болѣзнь, а за симптомы. Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что болѣзнь не здѣсь; она глубже и имѣетъ болѣе общій характеръ. Эта болѣзнь, которую нужно излечить во что бы то ни стало, иначе она унесетъ всѣхъ насъ, всѣхъ, слышите ли вы; болѣзнь эта—состояніе, въ которомъ находится духъ общественный, общественные нравы.»

Здѣсь развертываетъ Токвиль картину этого нравственнаго паденія буржуазіи наканунѣ той революціи, которая дѣйствительно унесла палату, нетерпѣливо слушавшую оратора. Буржуазія, палата и правительство одинаково были привлечены имъ къ отвѣтственности.

«Я убѣжденъ, говорилъ онъ, что духъ общественный и нравы общества находятся въ опасномъ состояніи и думаю, что правительство содѣйствовало и содѣйствуетъ къ увеличенію этой опасности. Вотъ что̀ заставило меня взойти на трибуну».

Обращаясь прежде всего къ палатѣ, ораторъ пригласилъ депутатовъ министерскаго большинства сдѣлать небольшой статистическій обзоръ избирательныхъ собраній, пославшихъ ихъ въ палату. «Пусть отнесутъ они къ первой категоріи тѣхъ, кто подаетъ за нихъ голосъ не въ силу политическихъ убѣжденій, но по дружбѣ и сосѣдству; во второй разрядъ пусть поставятъ они тѣхъ, кто вотируетъ за нихъ не во имя интересовъ общихъ, а ради интересовъ чисто мѣстныхъ. Къ этой второй категоріи пусть они прибавятъ лицъ, голосующихъ изъ личныхъ разсчетовъ, и я спрошу ихъ, много ли останется отъ этихъ «категорій»; я спрашиваю ихъ, составляютъ ли лица, вотирующія по безкорыстному общественному чувству, въ силу убѣжденій и политическихъ страстей, большинство избирателей, давшихъ имъ депутатскія полномочія? Я убѣжденъ, что они легко откроютъ противное. Позволю себѣ спросить еще, не возростаетъ ли число лицъ, голосующихъ изъ-за личныхъ и частныхъ интересовъ въ теченіи послѣднихъ пяти, десяти, пятнадцати лѣтъ? Не уменьшается ли число тѣхъ, кто вотируетъ по убѣжденіямъ политическимъ? Пусть скажутъ они, наконецъ, не устанавливается ли вокругъ нихъ, на ихъ глазахъ, въ общественномъ мнѣніи странная терпимость фактовъ, о которыхъ я говорю? Не образуется

ли мало-по-малу вульгарной и низкой морали, по ученію которой человѣкъ, обладающій политическими правами, *долженъ* пользоваться ими въ своихъ личныхъ интересахъ, въ интересахъ своихъ дѣтей, жены, родныхъ; не возводится ли это понемногу на степень обязанности отца семейства? Не распространяется ли, не овладѣваетъ ли умами эта новая мораль, неизвѣстная въ великія времена нашей исторіи, неизвѣстная въ началѣ нашей революціи? Спрашиваю ихъ объ этомъ?

«Что же это, какъ не глубокое и послѣдовательное паденіе, полное развращеніе общественныхъ нравовъ?»

Дошла очередь и до министерской скамьи. Токвиль согласился, что правительство Людовика-Филиппа, въ теченіи 18 лѣтъ своего существованія, расширило свою власть больше, чѣмъ этого можно было ожидать. Но какими средствами достигнутъ подобный результатъ? Какъ отразился онъ на общественной нравственности?

«Способъ, которымъ достигнутъ этотъ результатъ,—говорилъ Токвиль,—способъ окольный, до извѣстной степени подложный, нанесъ общественной нравственности гибельный ударъ. Присвоеніемъ старыхъ прерогативъ, которыя считались уничтоженными въ 1830 году; оживленіемъ старыхъ правъ, считавшихся отмѣненными; возстановленіемъ старыхъ законовъ; примѣненіемъ законовъ новыхъ, не въ томъ смыслѣ, въ какомъ они были составлены—этими окольными путями, этимъ ученымъ и выдержаннымъ мастерствомъ (industrie), правительство расширило свое дѣйствіе и вліяніе болѣе, чѣмъ какое бы то ни было французское правительство.

«Вотъ, господа, что́ сдѣлало правительство и особенно нынѣшнее министерство. Думаете ли вы, что этотъ путь, который я только-что назвалъ окольнымъ и подложнымъ, этотъ путь — пріобрѣтать власть по-немногу, захватывать ее неожиданно, пользуясь не-конституціонными средствами; думаете ли вы, что это странное зрѣлище ловкости и умѣнья обдѣлывать дѣла, представляемое публично въ теченіи многихъ лѣтъ, на обширномъ театрѣ цѣлой націи, смотрящей на васъ; думаете ли вы, что это зрѣлище способно улучшить нравы?»

Мы знаемъ, чѣмъ кончилось это великое «мастерство». Мы знаемъ даже больше. Намъ извѣстно, что февральская революція унесла актеровъ этой позорной драмы. Она выдвинула впередъ множество великихъ вопросовъ и принциповъ. Кому неизвѣстно, какимъ кукольнымъ и, въ то же время, кровавымъ образомъ разрѣшились эти вопросы. Какъ, пользуясь тою же дряб-

лостью общества, украдкою и насиліемъ утвердилось во Франціи позорнѣйшее изъ правительствъ, подъ которымъ глохла всякая мысль, всякое живое чувство.

«Франція 2 декабря,—писалъ Прудонъ,—не слѣдуетъ ни Евангелію, ни деклараціи правъ; это — ни монархія божественнаго права, ни демократія по революціи, ни правительство среднихъ классовъ съ равновѣсіемъ властей, какъ того желали хартіи 1814 и 1830 годовъ».

И въ этой странной Франціи человѣкъ палъ еще ниже. «Франція,—восклицаетъ тотъ же публицистъ,—утратила свои нравы... Скептицизмъ, опустошивъ религію и политику, опрокинулся на нравственность—въ этомъ состоитъ современное разложеніе. Подъ изсушающимъ дѣйствіемъ сомнѣнія, французская нравственность, въ ея внутреннемъ существѣ, разрушена. Ничто не устояло — разгромъ полный. Никакого понятія о справедливости, никакого уваженія къ свободѣ, никакой солидарности между гражданами. Нѣтъ учрежденія уважаемаго, нѣтъ принципа, который бы не былъ отрицаемъ и осмѣянъ. Намъ нечѣмъ и не о чемъ клясться. Наша клятва не имѣетъ смысла. Подозрѣніе, поражающее принципы, обращается и на людей: не вѣрятъ больше ни въ неподкупность правосудія, ни въ честность власти.... Всеобщее направленіе, преданное эмпиризму; аристократія биржи, съ злобою «раздѣльщиковъ» кидающаяся на общественное достояніе; средній классъ, умирающій отъ трусости и глупости; plebs, погрязшій въ нищетѣ и дурныхъ внушеніяхъ; женщина, воспламененная роскошью и мотовствомъ, безстыдное юношество, старческое дѣтство, духовенство, наконецъ, опозоренное скандаломъ и мщеніемъ, не вѣрящее само въ себя и чрезъ силу нарушающее общественное молчаніе мертво-рожденными догматами—таковъ профиль нашего вѣка». И Седанъ доказалъ, насколько былъ правъ Прудонъ.

Въ другое время, столь же печальное, Ройе-Колларъ говаривалъ: «Общество обратилось въ прахъ; намъ остаются воспоминанія, сожалѣнія, утопіи, безумство и отчаяніе».

Не свидѣтельствуетъ ли все это, что во всѣ времена возрожденія или упадка человѣческихъ обществъ, его преобразователи и даже просто изслѣдователи, обращали свое вниманіе на то, чѣмъ держатся всѣ учрежденія, безъ чего безсильны всѣ внѣшнія правила, самыя точныя и строгія—на складъ нравственныхъ убѣжденій человѣка?

Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы убѣжденія не должны были выражаться въ опредѣленныхъ системахъ и принципахъ; чтобы эти системы и принципы не слѣдовало воплотить въ строѣ общественныхъ учрежденій. Хорошія учрежденія—великое воспитательное

средство для общества. Во многихъ отношеніяхъ остаются справедливыми слова пиѳагорейца, цитированнаго Гегелемъ: «Хочешь ли сдѣлать своего сына хорошимъ человѣкомъ? Сдѣлай его гражданиномъ хорошаго государства». Но весь вопросъ въ томъ, въ какомъ духѣ задуманы учрежденія, для какой цѣли совершенствуются внѣшнія условія. Если экономическія реформы задумываются съ тою только цѣлью, чтобы внѣшними способами увеличить матеріальное благосостояніе общества, если они разсчитаны только на стремленіе къ обогащенію, они никогда не будутъ полны и никогда не достигнутъ цѣли. Они не будутъ полны потому, что творческою экономическою силою остается та же человѣческая личность, ея *трудъ;* а трудъ есть не только механическое дѣйствіе, но и нравственный актъ, нуждающійся въ нравственныхъ стимулахъ. Голая страсть къ *наживѣ* и къ матеріальнымъ наслажденіямъ способна породить *спекуляцію,* но не дастъ странѣ правильнаго и дѣйствительно производительнаго труда. Поэтому такія реформы не достигнутъ и своей цѣли. Цѣль дѣйствительной экономической реформы—увеличеніе суммы производства и правильное распредѣленіе богатствъ. Но безъ поднятія нравственнаго уровня общества трудъ всегда будетъ обращаться не на тяжкія, хотя и производительныя его отрасли, а на занятія легкія и въ данную минуту наиболѣе прибыльныя съ личной точки зрѣнія. Земледѣліе придетъ въ упадокъ, экстрактивная промышленность будетъ въ застоѣ, мануфактуры заглохнутъ, но процвѣтутъ мелкое торгашество, тёмныя банковыя операціи, синекуры въ желѣзно-дорожныхъ администраціяхъ и кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ результатѣ, вмѣсто типа трудовой личности, общество выработаетъ типъ хищника, обращающаго всѣ усилія общества въ свою пользу.

Для того, чтобы совершилось дѣйствительное экономическое обновленіе, необходимо, чтобы въ сознаніи каждаго вкоренилось убѣжденіе, что общество составляетъ одно цѣлое, солидарное въ своихъ интересахъ; что, поэтому, каждая отрасль труда, каждое частное занятіе имѣютъ не только индивидуальное, но и *общественное* значеніе. Когда каждый придетъ къ сознанію того, въ какой мѣрѣ интересы страны зависятъ оттого, *какъ* онъ будетъ дѣлать *свое* дѣло; когда онъ пойметъ, что его личный трудъ есть часть труда общественнаго, что его занятіе есть частица общей функціи цѣлаго общества,—тогда, говорю я, трудъ получитъ иное значеніе, иное направленіе и другую силу.

Подобное сознаніе, выработанное въ личности, отразится и на общественныхъ воззрѣніяхъ. То же сознаніе солидарности приведетъ общество къ тому, что каждый видъ и отрасль труда нуж-

даются въ одинаковомъ общественномъ попеченіи; что, слѣдовательно, и каждый классъ, каждая личность, посвятившая свои усилія опредѣленному занятію, имѣютъ право на общественную заботу. Установится твердое убѣжденіе, что образованіе, хорошія санитарныя условія, медицинская помощь и многое другое должны быть распространены на все общество, на всѣ его разряды и уголки. Въ такомъ смыслѣ можетъ установиться общественное равенство, но равенство прочное и дѣйствительное, а не навязанное силой, вслѣдствіе неожиданной катастрофы и потому неустойчивое и оскорбительное въ самомъ своемъ источникѣ.

Я остановился на одномъ примѣрѣ, показывающемъ въ какомъ смыслѣ то, чтó я назвалъ идеаломъ, можетъ вліять на общественное развитіе. Эти примѣры можно бы увеличить до безконечности. Но это увеличило бы размѣры предположенной статьи. Не останавливаюсь на другихъ примѣрахъ еще потому, что мнѣ нужно, въ заключеніе, остановиться на одномъ возраженіи, повидимому, весьма сильномъ.

Наше время принято называть *переходнымъ*. Это слово для значительной части русскаго общества является источникомъ всяческихъ утѣшеній и, чтó самое главное, средствомъ объясненія многихъ современныхъ явленій. Нужно ли объяснить путаницу понятій, отсутствіе строго-опредѣленной системы, упадокъ литературы, апатію, страсть къ матеріальнымъ утѣхамъ—объясненіе готово: мы живемъ въ переходное время. Старое, говорятъ намъ, отживаетъ свой вѣкъ, новое еще не окрѣпло и едва нарождается, и умъ колеблется между тѣмъ, чтó проходитъ, и другимъ, чтó еще виднѣется вдали. Нéгдѣ образоваться твердому убѣжденію, нéгдѣ сложиться непреклонному характеру.

Таково общее мнѣніе, скажемъ больше,—общій *предразсудокъ*. Возгласы о переходномъ времени уже столько лѣтъ въ ходу, что успѣли стать предразсудкомъ, общимъ мѣстомъ, принимаемымъ всѣми *на вѣру*, безъ размышленія и сомнѣнія. «Переходному времени» приписывается все, на него сваливается все, такъ же, какъ недавно еще все приписывалось вліянію «среды», якобы «заѣдающей» чадъ своихъ на подобіе Сатурна. Этотъ предразсудокъ необходимо изгнать. Это повелѣваетъ намъ долгъ совѣсти.

И вотъ почему на насъ лежитъ этотъ долгъ. Предразсудокъ, о которомъ мы говоримъ, не принадлежитъ къ числу невинныхъ повѣрій, въ родѣ «трехъ свѣчей» или «тринадцати за столомъ». Онъ гибельно дѣйствуетъ на весь ходъ нашей общественной жизни. Онъ парализуетъ умъ и волю нашего поколѣнія. Вѣрованіе во всемогущество переходнаго времени снимаетъ съ насъ

отвѣтственность за все, что̀ дѣлается вокругъ, какъ бы оно ни было странно и постыдно.

Но, успокоившись на этой формулѣ, мы готовы забыть, *что наше время, какъ и всякое другое, имѣетъ свои опредѣленныя и неотложныя задачи, которыхъ некому выполнить, кромѣ насъ.* Мы говоримъ: старое отживаетъ свой вѣкъ, а новое еще не окрѣпло и едва нарождается. Но на комъ же, спрашиваю я, лежитъ обязанность думать и заботиться о томъ, чтобы старое въ самомъ дѣлѣ отжило и больше не возвращалось, а новое дѣйствительно взросло и окрѣпло? Что̀, если, благодаря намъ, старое вновь пуститъ ростки, а новое сдѣлается старымъ и отойдетъ въ вѣчность? Мы способны забыть, что нѣкоторыя задачи должны и могутъ быть разрѣшены именно теперь, что для будущаго онѣ могутъ сдѣлаться тяжкимъ бременемъ и источникомъ великихъ бѣдствій. Будемъ помнить еще, что каждое поколѣніе, независимо отъ своихъ обязанностей предъ потомствомъ, живетъ еще и для себя. Или мы собрались умирать завтра? Или въ нашихъ рукахъ готовъ уже ядъ или револьверъ для прекращенія нашего бѣдственнаго существованія въ «переходное время»? Мы сходимъ съ ума, мы топимся и стрѣляемся, мы по-просту складываемъ руки, превращаясь въ живыхъ мертвецовъ. Не настало ли время оглянуться на себя и провѣрить хоть часть своихъ предразсудковъ?... Оно настало!

Можно обсуждать послѣднее современное оживленіе нашего общества съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но вотъ что кажется [1]) мнѣ несомнѣннымъ. Общество наше поняло, что восточный вопросъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ, къ которымъ можно относиться равнодушно, ссылаясь на «переходное время». Такія тяжбы, какъ тяжба славянскаго міра съ міромъ мусульманскимъ, нельзя внести въ «очередной списокъ». Они слушаются и рѣшаются безъ очереди. Исторія идетъ своимъ порядкомъ и мы не можемъ остановить ее, какъ когда-то Іисусъ Навинъ остановилъ

---

[1]) Осторожность, съ которою почтенный авторъ высказываетъ свои надежды, желанія, осуществленіе которыхъ ему только *кажется* несомнѣннымъ, — освобождаетъ насъ отъ необходимости дѣлать какія-либо возраженія, по поводу его заключительныхъ словъ; это тѣмъ болѣе излишне, что мы не разъ высказывали возраженія на подобные взгляды. Мы лучше возвратимся къ этой тэмѣ по какому-нибудь другому случаю, а пока укажемъ на то, что есть уже факты, оправдывающіе ту нашу осторожность, съ которой мы отнеслись къ нашему „оживленію". Наступающее охлажденіе по своей быстротѣ ни въ чемъ не уступаетъ тому „оживленію". Впрочемъ, нельзя и теперь не раздѣлять добрыхъ желаній автора, нельзя отказываться питать его надеждъ, — мы только не чувствуемъ себя въ силахъ гарантировать исполненія этихъ желаній и осуществленія добрыхъ надеждъ.—*Ред.*

теченіе солнца. Вотъ первый симптомъ здраваго отношенія къ дѣлу. Стану ли я прибавлять къ этому изслѣдованіе мотивовъ, вызвавшихъ движеніе? Стану ли говорить объ этомъ взрывѣ всѣхъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ, о негодованіи на вѣковую неправду, о самоотверженіи, о крови нашихъ соотечественниковъ, пролитой въ защиту праваго дѣла, о добровольномъ налогѣ въ пользу славянъ, принятомъ на себя нашимъ обществомъ, о пожертвованіяхъ, гдѣ сотенныя бумажки богатыхъ сходились съ грошами крестьянскими, объ этомъ единодушіи, обратившемъ дѣло славянское въ русское, земское дѣло? Хвалить народовъ нельзя — они сами знаютъ себѣ цѣну. Но нельзя не придти къ убѣжденію, что въ этомъ движеніи — залогъ нашего внутренняго развитія. Кто разъ принималъ участіе въ великихъ національныхъ движеніяхъ, кто переживалъ великія минуты, тотъ возвратится къ своей «злобѣ дня» не прежнимъ человѣкомъ, а человѣкомъ просвѣтленнымъ и нравственно-обновленнымъ.

Александръ Градовскій.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

ВЪ

ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

Восточная война 1853 — 1856 гг. Соч. г.-л. М. И. Богдановича. Четыре тома.

Новый трудъ М. И. Богдановича возвращаетъ насъ весьма кстати къ изученію эпохи, особенно интересной въ данную минуту. Хотя авторъ главнымъ образомъ заботится объ обстоятельномъ изложеніи военныхъ дѣйствій въ восточную войну пятидесятыхъ годовъ, но тѣмъ не менѣе его трудъ наводитъ читателя на многія соображенія—о недавнихъ еще отношеніяхъ западной Европы къ Россіи въ восточномъ вопросѣ, о сравнительномъ размѣрѣ силъ той и другой стороны въ этомъ сложномъ до чрезвычайности дѣлѣ, въ которомъ многіе у насъ и теперь, какъ и тогда, мало склонны руководствоваться знаніемъ дѣла, анализомъ всѣхъ его подробностей и внимательнымъ изученіемъ дѣйствительныхъ условій, при которыхъ приходится рѣшаться на тотъ или другой шагъ. Подъ исключительнымъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія могутъ, конечно, совершаться великія дѣла; но предоставленное самому себѣ, лишенное «руля и вѣтрилъ» критики и фактическихъ свѣдѣній, это воодушевленіе можетъ доводить всякое дѣло до послѣдней крайности, до международнаго кризиса, послѣдствія котораго даютъ себя чувствовать долгое время, даже и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о судьбахъ обширной страны и крупной національности, какова, напримѣръ, Рос-

сія, въ связи съ судьбами другихъ славянскихъ народностей. Не одна только Турція, но и отношенія къ восточному вопросу Англіи и Австріи, наиболѣе изумившей насъ двадцать лѣтъ тому назадъ своимъ образомъ дѣйствій въ тогдашнюю турецкую войну, должны быть у насъ постоянно въ виду при обсужденіи этого запутаннаго и труднаго вопроса, въ которомъ не малую роль призваны бываютъ играть и внутреннія дѣла государствъ.

По своему оффиціальному положенію военнаго исторіографа, а также и по близости той эпохи къ намъ, почтенный авторъ «Восточной войны» не могъ опуститься въ глубь восточнаго вопроса и дать полную характеристику лицъ, которыхъ дѣятельность имѣла вліяніе на тогдашнія событія. Внутренняя и дипломатическая сторона войны пятидесятыхъ годовъ занимаетъ въ его сочиненіи второстепенное мѣсто, и въ этомъ отношеніи нельзя предъявлять къ нему тѣхъ требованій, которымъ могъ болѣе или менѣе удовлетворить западно-европейскій историкъ, и которымъ отчасти удовлетворилъ талантливый Кинглэкъ. Г-нъ Богдановичъ пользовался за то болѣе богатымъ матеріаломъ, относящимся до нашихъ военныхъ дѣйствій. Эти военныя дѣйствія по необходимости остаются главнымъ предметомъ его изслѣдованій. Для выясненія ихъ онъ пользовался лучшими, и русскими, и иностранными сочиненіями, относящимися къ восточной войнѣ, изданными и рукописными записками, и даже словесными показаніями многихъ лицъ, принимавшихъ въ ней дѣятельное участіе. Онъ относится къ войнѣ, какъ къ совершившемуся и неотразимому факту, и старается изложить ея подробности. Въ глазахъ автора, причинами невыгоднаго для насъ парижскаго договора были: «недостаточное вооруженіе войскъ и плохое устройство хозяйственнаго управленія нашей арміи, въ особенности по части призрѣнія больныхъ и раненыхъ», а главною причиной «было то, что мы не успѣвали пользоваться благопріятными случаями для пораженія непріятеля, неоднократно встрѣчавшимися въ продолженіе войны». Авторъ совсѣмъ не касается вопроса о томъ, возможно ли было государству сравнительно бѣдному, съ крѣпостнымъ населеніемъ и строемъ, бороться противъ всей почти западной Европы, обогащенной свободнымъ умственнымъ и хозяйственнымъ трудомъ и сильно развитою промышленностью. Точно такъ же относится онъ и къ причинамъ восточной войны пятидесятыхъ годовъ. Не углубляясь въ нихъ политически, онъ останавливается лишь на ближайшей изъ нихъ— на сочувствіи Людовика-Наполеона къ Англіи, гдѣ онъ нашелъ убѣжище во время гоненій, испытанныхъ Наполеонидами въ

остальной Европѣ, и на ненависти его къ Россіи, такъ много способствовавшей паденію его дяди, а потомъ признавшей его самого императоромъ позже, чѣмъ другія европейскія государства, и въ такой формѣ, которая возбудила его неудовольствіе и злобу. Вѣрный своей главной задачѣ—критическому изложенію военныхъ дѣйствій и ошибокъ, авторъ не упоминаетъ объ ошибкахъ тогдашней нашей дипломатіи. Только двѣ первыя главы его сочиненія посвящены отношеніямъ Россіи къ Турціи, дѣлу о святыхъ мѣстахъ, въ которомъ мы разошлись съ Франціей, и переговорамъ князя Меншикова въ Константинополѣ по этому собственно дѣлу.

Православные и католики издавна соперничали между собою относительно льготъ и преимуществъ, принадлежавшихъ обоимъ исповѣданіямъ въ святыхъ мѣстахъ. Еще въ 1740 году Франція исходатайствовала у султана новыя привилегіи для католической церкви, въ ущербъ православнымъ. Впослѣдствіи, при общемъ равнодушіи французовъ къ религіознымъ дѣламъ, православные добились нѣсколькихъ фирмановъ, возстановившихъ древнія ихъ права, и въ такомъ положеніи оставалось это дѣло до половины текущаго столѣтія, когда Наполеонъ III рѣшился возобновить забытыя права католиковъ. Таковъ былъ ближайшій поводъ къ разладу между Россіей и Турціей, который не замедлилъ поссорить Россію и съ западными державами. Для поддержанія правъ, принадлежавшихъ православнымъ, императоръ Николай Павловичъ, въ февралѣ 1853 года, отправилъ въ Константинополь князя Меншикова въ качествѣ чрезвычайнаго посла. Послу было поручено требовать, чтобы православное духовенство было удовлетворено, и чтобы турецкое правительство заключило съ Россіей конвенцію, текстъ которой былъ составленъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и врученъ послу при отъѣздѣ его изъ Петербурга. Конвенція эта формально подтверждала прежнее право русскихъ посланниковъ ходатайствовать въ пользу церквей константинопольскихъ и другихъ, а также въ пользу духовенства; обязывала Порту уважать эти ходатайства, формально установляла права восточныхъ патріарховъ и другихъ духовныхъ лицъ, пожизненную ихъ несмѣняемость, за исключеніемъ нѣкоторыхъ законныхъ случаевъ, права греческаго исповѣданія въ Іерусалимѣ, и требовала новаго укрѣпленія фирманомъ и гатти-гумаюномъ постановленій, изданныхъ предшественниками султана въ пользу іерусалимской церкви; конвенція обя-

зывала также Порту, въ случаѣ желанія русскаго двора, назначить въ Іерусалимѣ или его окрестностяхъ удобное мѣсто для построенія русской церкви и страннопріимнаго дома, подъ особымъ надзоромъ русскаго генеральнаго консула въ Сиріи. Къ конвенціи былъ приложенъ проектъ секретныхъ условій, на основаніи которыхъ Россія обязывалась съ своей стороны помогать султану сухопутными и морскими силами для защиты его владѣній, въ случаѣ разрыва Порты съ какою-либо изъ европейскихъ державъ. Князю Меншикову даны были, сверхъ того, инструкціи для сношеній съ представителями великихъ державъ въ Константинополѣ. Вотъ что̀ было, между прочимъ, сказано въ этихъ инструкціяхъ относительно Франціи: «Новая имперія и новый императоръ признаны нашимъ августѣйшимъ монархомъ съ такими ограниченіями и на такихъ условіяхъ, которыя наиболѣе удобны для выказанія въ глазахъ свѣта видовъ и намѣреній русскаго правительства. Поступать дружественно, мирно, привѣтливо, но— въ то же время—осторожно и твердо; никакихъ напрасныхъ вызововъ, но—вмѣстѣ съ тѣмъ—и никакихъ уступокъ. Не оскорблять Людовика-Наполеона въ его основательныхъ щекотливостяхъ (dans ses susceptibilités raisonnables), но не спускать ему ни въ чемъ, не уступать ему въ притязаніяхъ политики и законной наслѣдственности Наполеонидовъ: такова система, которой слѣдовалъ и которой предполагаетъ и впредь слѣдовать императоръ. Самая форма признанія французской имперіи нами принята въ этомъ духѣ. Она была послѣдствіемъ вызова, брошеннаго Наполеономъ съ перваго его шага державамъ, низложившимъ первую имперію, и его притязанія поставить свой демократическій принципъ выше принципа древнихъ монархій (d'élever son principe démocratique au dessus de celui des vieilles monarchies). Нашъ августѣйшій монархъ, принявъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Франціей такую форму и заставя новаго императора удовольствоваться ею, не только поступилъ согласно съ своимъ искреннимъ убѣжденіемъ, но имѣлъ въ виду политическую цѣль— ослабить то обаяніе страха и силы, которое оказываетъ новое французское правительство на слабыя государства, и въ числѣ ихъ на Турцію».

Правительство не сомнѣвалось тогда въ благорасположеніи Англіи, которой, по словамъ тѣхъ же инструкцій, были сообщены «съ полной откровенностью наши виды и цѣль посольства кн. Меншикова»; въ инструкціяхъ нашему чрезвычайному послу было высказано, что англійское министерство, въ лицѣ лорда Эбердина, «питаетъ совершенное довѣріе къ умѣреннымъ и консер-

хищнымъ намѣреніямъ Россіи». «Что же касается до прочихъ двухъ великихъ европейскихъ державъ» (т.-е. Австріи и Пруссіи), сказано было въ тѣхъ же инструкціяхъ, «то вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуютъ совершенное тожество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится наипаче къ Австріи, которая, по своему географическому положенію, преимущественно передъ Пруссіей, можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла Востока. Конечно, въ спорѣ, возникшемъ по поводу св. мѣстъ, Австрія, какъ держава католическая, не можетъ слишкомъ явно поддерживать права грекороссійскаго исповѣданія противъ притязаній католиковъ. Но вѣнскій кабинетъ, руководясь свойственною ему проницательностью, легко могъ усмотрѣть, что въ этомъ вопросѣ для Франціи шло дѣло не столько о религіозномъ соимѣніи, сколько о политической цѣли, и мы должны были заключить, что Австрія, именно какъ держава католическая, никогда не признаетъ исключительнаго покровительства, котораго домогается Франція надъ всѣми христіанами одного съ нею исповѣданія. А потому, нисколько не колеблясь, мы обратились къ Австріи съ такими же объясненіями, какія сообщены нами Англіи, и съ просьбою дѣйствовать такимъ же образомъ въ Константинополѣ и Парижѣ. Мы должны отдать справедливость австрійскому правительству въ томъ, что оно предупредило наши желанія ихъ исполненіемъ. На-дняхъ полученные нами отзывы, совершенно самопроизвольные (entièrement spontanés) съ его стороны, убѣждаютъ насъ, что вѣнскій кабинетъ совершенно понялъ тайные виды французскаго правительства... Итакъ, мы имѣемъ вполнѣ право надѣяться, что В. С. найдете въ уполномоченномъ вѣнскаго двора, искренно намъ союзнаго (dans le mandataire d'une cour notre Alliée la plus intime), совершенную взаимность содѣйствія, которая происходитъ отъ стремленія къ одной цѣли и желанія достигнуть однихъ и тѣхъ же результатовъ»...

Князь Меншиковъ прибылъ въ Константинополь 16/28 февраля на военномъ пароходѣ «Громоносецъ», съ большою свитой. «Обычный церемоніалъ требовалъ», говоритъ г. Богдановичъ, «чтобы, прежде всего, онъ сдѣлалъ визитъ министру иностранныхъ дѣлъ Порты, но какъ занимавшій тогда сію должность Фуадъ-эфенди явно выказалъ, по дѣлу о св. мѣстахъ, недоброжелательство къ Россіи, то кн. Меншиковъ далъ знать верховному визирю, что желаетъ имѣть съ нимъ *частное*, дружеское

свиданіе и проситъ назначить для того день. Визирь, вѣроятно не понявъ намѣренія посла—видѣть его за-просто, принялъ кн. Меншикова со всѣми почестями, обычными при церемоніальныхъ посѣщеніяхъ. Посолъ, не предвидя такого недоразумѣнія, поѣхалъ къ визирю во фракѣ, сверхъ котораго на немъ было необходимое по тогдашнему времени года верхнее платье (пальто), и не снималъ его въ длинномъ нетопленномъ корридорѣ, полагая, что передъ пріемною залой есть передняя, либо какая-нибудь другая комната, гдѣ можно будетъ снять верхнюю одежду. Но когда онъ дошелъ до конца корридора и приподнялась завѣса изъ чернаго сукна, за которою на порогѣ стоялъ верховный визирь въ парадномъ мундирѣ, Меншиковъ, прежде нежели подойти къ нему, снялъ пальто и перекинулъ его черезъ лѣвую руку, а потомъ, сѣвъ на предложенное мѣсто въ углу софы, положилъ пальто возлѣ себя. Бесѣда съ визиремъ, незнавшимъ никакого изъ европейскихъ языковъ, продолжалась не болѣе четверти часа; однако же посолъ успѣлъ сообщить ему, что, желая исполнить успѣшно данное императоромъ порученіе, не можетъ вести переговоровъ съ Фуадомъ, котораго недобросовѣстность и двуличіе обнаружились въ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Когда же визирь, по выходѣ Меншикова провожавшій его по корридору, поровнявшись съ комнатой министра иностранныхъ дѣлъ, указалъ черезъ драгомана на Фуада-эфенди, стоявшаго въ мундирѣ, посолъ прошелъ мимо, какъ бы не замѣчая турецкаго министра. Такой рѣшительный поступокъ князя Меншикова заставилъ Фуада-эфенди подать въ отставку, на что немедленно послѣдовало соизволеніе султана: случай до того времени безпримѣрный въ Турціи. На мѣсто Фуада, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Рифаатъ-паша, уже исправлявшій эту должность, а также бывшій прежде посланникомъ въ Вѣнѣ».

Черезъ нѣсколько дней русскій посолъ имѣлъ аудіенцію у султана и вручилъ ему письмо императора Николая Павловича,—письмо, которое напечатано вполнѣ въ сочиненіи г. Богдановича и въ которомъ русскій императоръ, напоминая о добросовѣстномъ соблюденіи имъ самимъ всѣхъ обязательствъ и договоровъ съ Портой, писалъ что желаетъ того же со стороны Турціи, и между прочимъ высказалъ слѣдующія мысли:

«Весьма далекъ я, высокій и державный другъ, отъ намѣренія подвергнуть ваше правительство распрямъ съ другими державами, либо предложить вамъ нарушеніе какого-либо условія, основаннаго на трактатѣ, состоящемъ донынѣ въ силѣ и обязательномъ для Турціи.

«Но, съ другой стороны, въ нынѣшнемъ вопросѣ, я долженъ совѣтовать вамъ сохраненіе правъ, освященныхъ вѣками, признанныхъ всѣми вашими славными предшественниками и подтвержденныхъ вами самими, въ пользу православной церкви, которой догматы исповѣдуютъ многіе изъ состоящихъ подъ вашимъ владычествомъ христіанъ, а равно и наибольшая часть моихъ подданныхъ.

«Ежели сохраненіе сихъ правъ и документовъ, дарованныхъ вашею волею и верховною властью, повело бы къ какому-либо замѣшательству, или если бы вслѣдствіе того ваши владѣнія были угрожаемы опасностью, то подобныя событія укрѣпили бы еще болѣе вашъ союзъ съ нами и повели бы къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью вашего правительства и со внутреннимъ спокойствіемъ вашей имперіи.

«Позволяю себѣ надѣяться, что ваше величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устраните съ твердостью коварные и недоброжелательные извѣты, клонящіеся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, кои столь благополучно доселѣ существовали между нами».

Съ первыхъ же шаговъ кн. Меншикова въ Константинополѣ обнаружилось, какъ сильно мы ошиблись тогда въ разсчетахъ на Англію, на ея готовность дѣйствовать съ нами за-одно въ случаѣ смерти «больного человѣка», какъ называлъ Турцію покойный государь въ своихъ бесѣдахъ съ англійскимъ посланникомъ Сеймуромъ, о которыхъ не упоминаетъ г. Богдановичъ, но содержаніе которыхъ было, безъ сомнѣнія, сообщено изъ Англіи турецкимъ министрамъ. Англія не желала уступить Россіи не только ни одного клочка турецкой земли, но и простого дипломатическаго вліянія въ Константинополѣ. Дѣйствительное настроеніе Англіи выразилось сначала въ столкновеніяхъ англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, полковника Роза, съ русскимъ повѣреннымъ, г. Озеровымъ, а потомъ въ слѣдующихъ словахъ англійскаго посланника, лорда Редклифа, обращенныхъ къ г. Озерову во время переговоровъ кн. Меншикова съ Портой: «Положеніе ваше по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякій одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ неудовольствіе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей Запада. Если вы желаете исправить какое-либо нарушеніе заключенныхъ съ вами трактатовъ, требуйте, и, безъ сомнѣнія, вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе

и вооружите противъ себя коалицію. Скажу вамъ прямо: слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціею возбудитъ столько же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который поведетъ за собою войну».

Незадолго передъ тѣмъ австрійскій повѣренный въ дѣлахъ, Клецль, уже сообщилъ г. Озерову, что лордъ Редклифъ въ откровенной бесѣдѣ заявилъ намѣреніе западныхъ державъ поддерживать Турцію. По многимъ подобнымъ причинамъ, кн. Меншиковъ имѣлъ полное основаніе писать гр. Нессельроду, что «Порта болѣе чѣмъ когда-либо предана слѣпо внушеніямъ лорда Стратфорда, что турецкіе министры сообщаютъ ему въ подробности все, что касается до нашихъ переговоровъ, и что великобританскій посолъ, принимая на себя явно роль миротворца, побуждаетъ въ тайнѣ Диванъ противиться намъ въ самомъ важномъ изъ нашихъ требованій», т.-е. относительно заключенія конвенціи. Русскому послу стало ясно, что турки рѣшительно не хотятъ подписать конвенцію въ томъ видѣ, въ какомъ она была составлена нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Поэтому онъ измѣнилъ нѣсколько ея форму и предложилъ вновь составленный имъ проектъ въ формѣ *сенеда* (указа), въ которомъ были исключены нѣкоторыя мѣста, возбуждавшія наиболѣе сомнѣній въ совѣтникахъ Порты. Кн. Меншиковъ, говоритъ г. Богдановичъ, не рѣшился сдѣлать болѣе существенныя измѣненія въ петербургскомъ проектѣ конвенціи, тѣмъ болѣе, что, состоя въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ съ канцлеромъ, онъ опасался, чтобы уклоненіе отъ составленныхъ послѣднимъ инструкцій не было выставлено передъ государемъ въ видѣ произвольнаго толкованія высочайшей воли. Въ измѣненномъ слегка видѣ сенедъ былъ сообщенъ турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, который отвѣчалъ нашему послу въ назначенный имъ пятидневный срокъ, что султанъ готовъ удовлетворить требованія Россіи и обезпечить права и преимущества греческой церкви, но что ручательства, въ видѣ присланнаго къ нему проекта сенеда, несовмѣстимы съ верховными правами султана. Не принимая этого отзыва Рифаатъ-паши за отвѣтъ на свою ноту, кн. Меншиковъ назначилъ Портѣ новый трехдневный срокъ для болѣе удовлетворительнаго отвѣта, угрожая прервать дипломатическія сношенія, а между тѣмъ рѣшился обратиться прямо къ султану. На данной ему аудіенціи посолъ старался убѣдить султана въ необходимости дать русскому императору вѣрныя ручательства въ соблюденіи преимуществъ православнаго исповѣданія турецкимъ правительствомъ:

«Воля моего государя непоколебима—сказалъ онъ.—Его расположеніе къ Оттоманской Портѣ, недопускающее и тѣни помышленія о преобладаніи, требуетъ формальнаго опроверженія злорадливыхъ толковъ объ его намѣреніяхъ. Онъ домогается явнаго доказательства вашей довѣренности. Никогда мой августѣйшій государь не думалъ, какъ доносили вашему величеству, мѣшаться въ ваши дѣла между вами и вашими подданными. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время, онъ воздерживался отъ призыва къ столь естественному сочувствію своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Агенты его величества всегда склоняли къ слѣпому повиновенію верховной власти, и въ настоящихъ обстоятельствахъ, мой августѣйшій государь, желая согласить свою высокую набожность и свои религіозныя убѣжденія съ поддержаніемъ и утвержденіемъ вашей монархіи, обращается единственно къ могуществу и справедливости вашего величества, чтобы обезпечить и охранить подъ вашею защитою вѣковыя льготы и преимущества православнаго исповѣданія».

Султанъ обѣщалъ дать отвѣтъ нашему послу на другой или на третій день; но посолъ, прождавъ двое сутокъ на пароходѣ «Громоносецъ», получилъ, вмѣсто обѣщаннаго отвѣта, ноту съ просьбой о новой отсрочкѣ. Несмотря на происшедшую перемѣну въ личномъ составѣ турецкаго министерства, несмотря на готовность новаго великаго визиря и новаго министра иностранныхъ дѣлъ (Решидъ-паши) къ нѣкоторымъ уступкамъ, лордъ Редклифъ склонилъ большинство членовъ верховнаго совѣта дать русскому послу отвѣтъ, составленный въ англійскомъ посольствѣ 6-го (18) мая.

Решидъ-паша посѣтилъ кн. Меншикова и передалъ ему словесно постановленія верховнаго совѣта: «провозгласить верховное рѣшеніе, коимъ обезпечивалось statu quo (настоящее положеніе) іерусалимскихъ святынь, не допускавшее никакихъ измѣненій безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ и французскимъ дворами; даровать патріарху константинопольскому фирманъ, съ обозначеніемъ правъ греческаго исповѣданія; сообщить кн. Меншикову, въ заключеніе переговоровъ, объяснительную ноту (une note explicative) и предложить ему сенедъ, въ силѣ формальнаго трактата, объ уступкѣ мѣста на сооруженіе церкви и страннопріимнаго дома для русскихъ въ Іерусалимѣ».

Уступая настояніямъ Решидъ-паши и представителей державъ въ Константинополѣ, кн. Меншиковъ согласился однакоже возобновить переговоры и сообщить Решиду-пашѣ проектъ новой ноты, въ которой была исключена статья, относившаяся

къ соблюденію всѣхъ прежнихъ договоровъ, подтвержденныхъ адріанопольскимъ трактатомъ. Но и этотъ проектъ былъ отвергнутъ Турціей. Кн. Меншиковъ уѣхалъ тогда въ Одессу, откуда легко могъ возвратиться въ Константинополь, если бы представилась возможность возобновить переговоры; но этой возможности не представилось. Россія заявила о своемъ намѣреніи занять дунайскія княжества безъ объявленія войны, въ видѣ залога, а Франція и Англія направили свои флоты къ Дарданелламъ еще прежде, чѣмъ было заявлено намѣреніе Россіи занять княжества.

Г-нъ Богдановичъ, очевидно, даетъ лишь сжатый очеркъ переговоровъ, веденныхъ кн. Меншиковымъ въ Константинополѣ. Его интересное сочиненіе не опровергаетъ и не подтверждаетъ нѣкоторыхъ показаній обнародованной въ Англіи дипломатической переписки, напр. свѣдѣнія о томъ, что кн. Меншиковъ непремѣнно желалъ вести переговоры съ Портой о конвенціи секретно отъ Франціи и Англіи, и даже угрожалъ немедленнымъ отъѣздомъ изъ Константинополя, если Порта сообщитъ Англіи о главной цѣли его прибытія въ Константинополь. Если это свѣдѣніе, основанное на оффиціальномъ заявленіи тогдашняго великаго визиря, вѣрно, то оно въ значительной мѣрѣ объясняетъ тогдашнее глубокое недовѣріе и раздраженіе Англіи противъ русской политики, которыя повели къ восточной войнѣ.

Какъ бы то ни было, разрывъ совершился, и покойный императоръ самъ начерталъ, на случай войны, подробный планъ военныхъ дѣйствій, остававшійся доселѣ неизвѣстнымъ публикѣ.

Покойный государь справедливо полагалъ, что «чѣмъ разительнѣе, неожиданнѣе и рѣшительнѣе нанесенъ ударъ, тѣмъ скорѣе положимъ конецъ борьбѣ», и «что сильная экспедиція съ помощью флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ, можетъ все рѣшить очень скоро». По плану покойнаго государя, «ежели флотъ въ состояніи поднять 16 тысячъ человѣкъ, съ 32-мя полевыми орудіями, съ необходимымъ числомъ лошадей при двухъ сотняхъ казаковъ, то сего достаточно, чтобъ при неожиданномъ появленіи не только овладѣть Босфоромъ, но и самымъ Царьградомъ; буде же число войскъ можетъ быть и еще усилено, тѣмъ болѣе условій къ удачѣ». Указавъ подробности исполненія этого плана, покойный государь не оставилъ безъ отвѣта и другой вопросъ: «можемъ ли мы оставаться въ Царьградѣ при появленіи европейскаго враждебнаго флота у Дарданеллъ, и въ особенности ежели на флотѣ семъ прибудутъ и дессантныя войска?» — «Конечно,—было начертано въ планѣ—предупредить это появленіе можно и должно быстрымъ занятіемъ Дарданеллъ». Но князь

Меншиковъ, которому, въ качествѣ ближайшаго исполнителя предположеній государя, былъ сообщенъ этотъ планъ, донесъ, что морское предпріятіе на Царьградъ весьма трудно и даже невозможно.

Г-нъ Богдановичъ не приводитъ соображеній, побудившихъ князя Меншикова сдѣлать такое донесеніе. Князь Меншиковъ едва-ли могъ сказать что-нибудь противъ счастливой и вполнѣ вѣрной мысли покойнаго государя о необходимости дѣйствовать рѣшительно и быстро. Его донесеніе по поводу сообщеннаго ему плана, вѣроятно, относилось главнымъ образомъ къ предположенію о возможности овладѣть Константинополемъ при помощи черноморскаго флота и двухъ дивизій сухопутнаго войска. Константинополь представляетъ одну изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ не только въ торговомъ, но и въ стратегическомъ отношеніи. Самое требовательное искусство не могло бы устроить эту гавань лучше, чѣмъ это сдѣлала природа. Гавань такъ глубока, что доступна самымъ большимъ коммерческимъ и военнымъ судамъ. Длина и ширина ея даютъ возможность этимъ судамъ свободно двигаться и строиться въ гавани. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ она съуживается, она легко можетъ быть обороняема, даже просто запираема цѣпями для защиты всего въ ней находящагося отъ непріятельскаго нападенія. Высокія и холмистыя окрестности отлично защищаютъ ее отъ сильныхъ вѣтровъ, и когда на Черномъ морѣ свирѣпствуютъ жесточайшія бури, воды ея бассейна остаются совершенно спокойными. Отлогость ея береговыхъ возвышеній значительно облегчаетъ сообщенія между водою и сушей. Константинопольская гавань и ея водныя окрестности очень рѣдко замерзаютъ. Она чрезвычайно богата рыбой. При осадахъ, которымъ не разъ подвергался Константинополь, рыболовство давало сильную поддержку городу, какъ средство пропитанія, которое не можетъ быть отрѣзано непріятелемъ. Не менѣе благопріятно и сухопутное положеніе Константинополя. Городъ стоитъ на небольшомъ холмистомъ и продолговатомъ полуостровѣ, имѣющемъ форму рога, между Мраморнымъ моремъ и Босфоромъ. Отъ нападенія сухопутной арміи этотъ полуостровъ защищенъ съ трехъ сторонъ водою, а съ четвертой — со стороны суши — не нуждается въ растянутой оборонительной линіи: онъ легко можетъ быть отдѣленъ отъ материка небольшою стѣной. Морскія и сухопутныя силы, сосредоточенныя въ городѣ и около него, могутъ успѣшно содѣйствовать другъ другу въ дѣлѣ обороны. Вотъ почему всегда требовались большія морскія и сухопутныя средства, чтобъ овладѣть этою позиціей. Вотъ почему Константино-

поль чаще осаждали безуспѣшно, чѣмъ брали силой. Со временъ Константина Великаго до начала тринадцатаго вѣка, разные народы четырнадцать разъ тщетно осаждали столицу Восточной имперіи. Завоеваніе Константинополя крестоносцами и венеціанцами, въ 1203 году, стóило большихъ жертвъ и усилій съ моря и съ сухого пути. Впослѣдствіи, въ эпоху продолжительной борьбы съ турками, Византійская имперія утратила сначала всѣ свои окраины и провинціи, но столица продолжала жить и держаться еще цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ за стѣнами и водами, окружавшими полуостровъ, на которомъ она расположена. Въ наше время, когда паровые флоты западныхъ державъ могутъ быстро явиться на помощь Константинополю, и безъ того хорошо огражденному со всѣхъ сторонъ природой и искусствомъ отъ нападеній, попытка овладѣть имъ, при помощи такихъ скудныхъ военныхъ силъ, какія предполагалось употребить въ дѣло въ 1853 году, могла быть гибельна и для флота, и для дессантныхъ войскъ. Понятно, что князь Меншиковъ высказался противъ этого проекта. Самъ покойный императоръ призналъ его мнѣніе основательнымъ, и пожелалъ замѣнить первоначальный планъ другимъ— проектомъ овладѣть сперва Варной и укрѣпленіями залива Бургасъ. Но эта морская экспедиція съ дессантнымъ войскомъ была совершенно исполнима въ томъ только предположеніи, что мы имѣемъ дѣло съ одною Турціей; въ дѣйствительности же оказывалось, что западныя державы рѣшительно принимаютъ сторону Порты, и намъ оставалось только, по мнѣнію князя Варшавскаго, отказаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій и ограничиться занятіемъ дунайскихъ княжествъ, которыя въ то время еще не составляли одного цѣльнаго государства. Фельдмаршалъ полагалъ, что занявъ княжества, «мы не начинаемъ войны, а между тѣмъ можемъ выиграть время, чтó для насъ полезно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, нынѣ державы Европы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многія, противъ насъ, а другія не за насъ. Невѣроятно, однако же, чтобы хотя къ будущему году не встрѣтилось какихъ-либо поводовъ къ несогласію между европейскими державами, чтó должно обратиться въ нашу пользу; во-вторыхъ, мы можемъ приготовиться къ войнѣ и избѣгнуть тѣхъ непредвидѣнныхъ препятствій, которыя, какъ показываетъ исторія всѣхъ нашихъ войнъ въ Турціи, всегда замедляли наши успѣхи, или были причиною огромныхъ потерь, такъ что когда даже мы брали верхъ, то бóльшею частью были обязаны тѣмъ оплошности самихъ турокъ».

Надежды кн. Варшавскаго на несогласія между державами, какъ и слѣдовало ожидать, оказались очень шаткими. Но фельдмаршалъ не ограничился ими. Въ проектахъ, представленныхъ имъ на высочайшее имя, въ сентябрѣ 1853 года, во время пребыванія государя въ Варшавѣ, онъ изложилъ свои соображенія относительно предстоящаго намъ образа дѣйствій противъ Турціи со стороны границъ европейской и азіатской, а также и на морѣ. «Самый опытъ убѣждаетъ насъ», писалъ между прочимъ фельдмаршалъ, «что какъ бы мы ни зашли далеко, хотя бы взяли Варну, перешли Балканы и дошли до Адріанополя, во всякомъ случаѣ Европа не допуститъ насъ воспользоваться нашими завоеваніями. Мы будемъ терять людей, понесемъ большіе расходы и можемъ подвергнуться пораженію, а пользы и пріобрѣтеній съ сей стороны, даже въ случаѣ успѣха, ожидать не можемъ». Поэтому князь Варшавскій совѣтовалъ, занявъ дунайскія княжества, защищать линію Дуная отъ вторженій турокъ на лѣвый берегъ рѣки, и въ этомъ оборонительномъ положеніи выжидать событій. Въ то же время онъ настаивалъ на необходимости поднять христіанское населеніе Турціи, считая такое возстаніе страшнымъ для Турціи оружіемъ въ нашихъ рукахъ, оружіемъ, «успѣху котораго не можетъ препятствовать ни одна изъ европейскихъ державъ». Зная отвращеніе покойнаго государя къ возбужденію народовъ противъ правительствъ, фельдмаршалъ объяснялъ слѣдующимъ образомъ законность такого средства противъ Турціи:

«Мѣру сію нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ ихъ государя; но если христіане, подданные султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, ведущихъ съ нами войну, то нельзя безъ несправедливости отказать въ помощи нашимъ единовѣрцамъ, ибо христіанинъ въ Турціи есть, по тамошнимъ законамъ, жертва фанатизма или прихоти каждаго визиря, паши и даже какого-нибудь аяна».—«И если», писалъ далѣе фельдмаршалъ, «козни и происки Запада успѣли, можетъ быть, нѣсколько ослабить влеченіе христіанъ къ православному, единовѣрному имъ государю, то съ войной влеченіе сіе должно пробудиться». Припоминая примѣры христіанскихъ ополченій во время прежнихъ нашихъ войнъ съ Турціей, князь Варшавскій находилъ, что основаніе дѣла было вѣрно, «но недоставало зерна, изъ котораго могли бы разростаться христіанскія ополченія; не было ни инструкторовъ, ни кадровъ, и недоставало умѣнья употребить въ дѣло храбрыя, но нестройныя полчища. Нынѣ же эти неудобства могутъ быть устранены. Войска Молдавіи и Валахіи, въ числѣ до 10 тысячъ человѣкъ,

могутъ служить зерномъ христіанскихъ ополченій въ Турціи». По мнѣнію фельдмаршала, надо было сформировать постепенно отъ 40 до 50 т. человѣкъ войска изъ туземныхъ христіанъ, и такимъ образомъ не только сберечь наши собственныя войска, но и сократить расходы, такъ какъ содержаніе туземныхъ ополченій должно было стоить дешевле, чѣмъ передвиженіе въ Турцію и пребываніе тамъ нашихъ войскъ.

Высказывая эти соображенія, кн. Варшавскій упускалъ изъ виду одно весьма существенное въ такомъ дѣлѣ обстоятельство: отсутствіе въ данную минуту той совокупности нравственныхъ условій, безъ которыхъ немыслимъ успѣхъ подобнаго движенія, да и немыслимо самое движеніе въ сколько-нибудь значительныхъ, а тѣмъ менѣе народныхъ размѣрахъ. Прямой связи между русскимъ обществомъ и народомъ съ одной стороны, и христіанскимъ населеніемъ Турціи съ другой, въ то время не существовало; передъ началомъ войны, вліяніе западныхъ державъ и Австріи съ успѣхомъ противодѣйствовало русскому вліянію, обѣщая угнетеннымъ христіанамъ вѣрное освобожденіе; наконецъ, самый духъ той системы, которая господствовала у насъ въ пятидесятыхъ годахъ, исключалъ возможность свободнаго, а не формальнаго и казеннаго только движенія въ смыслѣ, указанномъ кн. Варшавскимъ. Къ намъ могли пристать тогда отдѣльные люди изъ болгаръ, грековъ, сербовъ и валаховъ, но отнюдь не массы. Въ то время даже бѣглые изъ Россіи раскольники служили казаками въ Турціи. И дѣйствительно, какъ справедливо замѣчаетъ г. Богдановичъ, жители дунайскихъ княжествъ не высказали въ пятидесятыхъ годахъ сочувствія къ Россіи, болгары недовѣрчиво выжидали послѣдствій войны, а сербы были удержаны уже одними вооруженіями Австріи.

Не болѣе благопріятно было сначала и наше положеніе на азіатской границѣ. Изъ записки кн. Варшавскаго мы узнаемъ, что, по донесеніямъ тогдашняго кавказскаго намѣстника, князя Воронцова, онъ, въ случаѣ войны съ Турціей, не можетъ выставить въ поле болѣе четырехъ батальоновъ, и проситъ прислать ему шестнадцать батальоновъ. При такихъ условіяхъ оставалось только, по совѣту кн. Варшавскаго, покинуть наши небольшія прибрежныя укрѣпленія по берегу Чернаго моря, такъ какъ они не могли быть защищаемы, и вывести изъ нихъ обреченные гибели гарнизоны. «Скажутъ», писалъ фельдмаршалъ, «что эта мѣра произведетъ дурное вліяніе, но еще хуже будетъ, когда непріятель возьметъ укрѣпленія съ плѣнными и орудіями». Онъ совѣтовалъ также уменьшить отряды въ мусульманскихъ провинціяхъ

Кавказа, и такимъ образомъ собрать восемь батальоновъ, которые съ четырьмя свободными батальонами кн. Воронцова составятъ уже двѣнадцать батальоновъ. Мысль Паскевича, что турки не могутъ нанести намъ большого вреда съ азіатской стороны, что даже мы сами можемъ съ небольшими сравнительно силами угрожать Карсу и Ардагану, вполнѣ подтвердилась дальнѣйшимъ ходомъ войны. Его совѣтъ—оставаться на морѣ въ оборонительномъ положеніи, за полною невозможностью бороться противъ соединенныхъ флотовъ Англіи, Франціи и Турціи, былъ также принятъ и приведенъ въ исполненіе. Но всѣ эти совѣты были только внушеніями самаго простого, такъ сказать, обыденнаго благоразумія. Ничего выдающагося, никакихъ основательныхъ надеждъ на что-нибудь лучшее въ будущемъ они не представляли. Фельдмаршалъ былъ уже старъ; та школа, въ которой онъ провелъ свои боевые годы, также отжила свое время, и дѣйствія его въ дунайскихъ княжествахъ вскорѣ показали, какъ сильно онъ былъ подавленъ тяжестью представившихся военныхъ обстоятельствъ, и какъ мало могъ онъ помочь Россіи въ то мрачное и трудное время.

Въ 1853 году Россія начинала войну, совсѣмъ неготовая къ ней, несмотря на громадныя цифры военныхъ чиновъ, числившихся по спискамъ нашей арміи. Подробности этого исчисленія приведены въ приложеніяхъ къ сочиненію г. Богдановича. На военномъ положеніи, численность нашей арміи, по штатному комплекту, простиралась до пятисотъ тысячъ человѣкъ дѣйствующихъ войскъ, считая пѣхоту, кавалерію, артиллерію и саперъ, при такомъ же числѣ войскъ резервныхъ и 40 тысячахъ донскихъ и новороссійскихъ казаковъ. На провіантскомъ довольствіи, говоритъ г. Богдановичъ, состояло болѣе милліона нижнихъ чиновъ и на фуражномъ—болѣе двухсотъ тысячъ лошадей; но разница между списочною и боевою силой была огромна. Система резервовъ была крайне неудовлетворительна. Вооруженіе арміи оставляло желать очень многаго. Въ иностранныхъ арміяхъ значительная часть пѣхоты уже имѣла нарѣзныя ружья, а вся пѣхота—ружья ударныя; у насъ же въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи все еще держались кремневыя. «Обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ пріемовъ, точностью пальбы залпами; кавалерія была парализована столь же красивою, сколько и неловкою посадкой; артиллерія отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣловъ. Манёвры, производимые въ мирное время, были эффектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ

бо́льшаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха, селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ. Не было и военныхъ людей, способныхъ до нѣкоторой степени замѣнить своими талантами недостававшія намъ условія успѣшной борьбы. Воронцовъ, Паскевичъ и Ермоловъ были уже стары; послѣдній, къ тому же, находился въ то время вдали отъ всякой военной дѣятельности.

Война началась для насъ, такимъ образомъ, при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и условіяхъ. Наша дипломатія потерпѣла серьёзную неудачу въ Константинополѣ; спокойный, методическій, настойчивый и весьма искусный въ дипломатическихъ дѣлахъ, лордъ Редклифъ склонилъ Францію и Порту сдѣлать намъ всевозможныя уступки въ вопросѣ о св. мѣстахъ, но въ то же время ободрилъ султана и его министровъ не соглашаться на заключеніе съ нами конвенціи, привезенной кн. Меншиковымъ изъ Петербурга, и предоставлявшей намъ разъ навсегда покровительство надъ православнымъ духовенствомъ и населеніемъ Турціи. Въ военномъ отношеніи, какъ мы видѣли, шансы успѣха также были не на нашей сторонѣ. Страна бѣдная, съ слабой промышленностью, огромными разстояніями и безъ дорогъ, страна, въ которой все войско, кромѣ офицеровъ, поставлялось крѣпостнымъ населеніемъ, а положеніе солдата считалось юдолью плача и стоновъ,—эта страна должна была оказать чудеса стойкости, самопожертвованія и отчаяннаго мужества, даже полнаго равнодушія къ жизни и смерти, чтобы остаться на высотѣ своего историческаго положенія. Не искусственныя средства нападенія и обороны, и не таланты вождей служили намъ защитой въ эту скорбную войну, а живыя стѣны, сложенныя и пополняемыя изъ русскаго народа. Гдѣ нельзя было брать усовершенствованнымъ вооруженіемъ, хорошею тактикой и искусными военными соображеніями, тамъ приходилось брать грудью. Покойный государь, какъ видно изъ его писемъ, приводимыхъ г. Богдановичемъ, часто бывалъ раздраженъ и опечаленъ большими, нерѣдко безплодными, потерями нашей арміи.

Въ циркулярѣ ко всѣмъ дворамъ, наше министерство иностранныхъ дѣлъ объявило, что занятіе дунайскихъ княжествъ будетъ прекращено, какъ только Порта удовлетворитъ наши требованія; что русское правительство не желаетъ ни разрушенія турецкой имперіи, ни какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеній; что оно не откроетъ военныхъ дѣйствій, пока его къ тому

не принудятъ, и что, будучи далекъ отъ мысли возбуждать христіанское населеніе Турціи къ возстанію, русскій императоръ будетъ содержать ихъ въ повиновеніи султану. Для занятія княжествъ и южныхъ границъ Бессарабіи, по Нижнему-Дунаю, мы могли выставить въ іюнѣ 1853 года, на первый разъ, не болѣе 80 т. человѣкъ, при 196-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ кн. М. Д. Горчакова, которому уже исполнилось тогда шестьдесятъ-четыре года. «Долговременное пребываніе при фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ — начальникѣ, нетерпѣвшемъ самостоятельности въ своихъ подчиненныхъ, оказало невыгодное вліяніе на характеръ кн. Горчакова», говоритъ г. Богдановичъ. «Потерявъ совершенно самоувѣренность, онъ, не смотря на присущую ему личную храбрость, не оставлявшую его до конца жизни, сталъ бояться всякой отвѣтственности не только передъ государемъ, но и въ отношеніи къ общественному мнѣнію. Чтó скажутъ при дворѣ? — Чтò будутъ толковать въ Петербургѣ? — Эти вопросы стѣсняли его дѣятельность, не допуская его слѣдовать внушеніямъ своего разума и подчиняя его рѣшимость постороннимъ внушеніямъ. Горя любовью къ Россіи и военной славѣ, прямой во всѣхъ своихъ дѣлахъ и помыслахъ, онъ заискивалъ въ случайныхъ людяхъ, и нерѣдко выказывалъ неумѣстную въ его положеніи уступчивость, чтò много вредило ему, заставляя нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его дарованіяхъ. Кн. Михаилъ Дмитріевичъ постоянно обнаруживалъ въ военныхъ совѣтахъ и въ кабинетныхъ занятіяхъ здравый, просвѣщенный умъ, но лишь только садился на коня и долженъ былъ распоряжаться войсками въ полѣ, всѣ его способности исчезали въ туманѣ сомнѣній и нерѣшимости. Благородный, прямодушный, онъ бывалъ довѣрчивъ къ людямъ, не всегда того достойнымъ. Такъ, напримѣръ, онъ, по занятіи дунайскихъ княжествъ нашими войсками, допустилъ пребываніе въ своей главной квартирѣ австрійскаго военнаго агента, маіора Тома, который, получивъ образованіе въ Ришельевскомъ лицеѣ и изучивъ русскій языкъ, сообщалъ въ Вѣну подробныя свѣдѣнія обо всемъ, чтó происходило въ русской арміи, и даже вошелъ съ валахскими и молдавскими боярами въ сношенія, имѣвшія цѣлью подчиненіе княжествъ австрійскому правительству. Заботливый о нуждахъ солдатъ, прозванный въ рядахъ ихъ почетнымъ именемъ *честнаго князя*, Горчаковъ любилъ ихъ, но не умѣлъ говорить съ ними. Да и вообще, образованный, богатый свѣдѣніями и опытностью, поэтъ въ душѣ, князь Горчаковъ терялся на всякомъ шагу; разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ, при всѣхъ своихъ высокихъ душевныхъ

качествахъ, былъ обреченъ безсилію». Ходъ восточной войны, поскольку въ ней участвовалъ кн. М. Д. Горчаковъ, во многихъ отношеніяхъ подтверждаетъ эту характеристику.

Въ краткомъ обзорѣ любопытнаго сочиненія г. Богдановича мы не можемъ, конечно, прослѣдить всѣ военныя событія пятидесятыхъ годовъ, описываемыя авторомъ обстоятельно и подробно. Читатель найдетъ въ его сочиненіи разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ княжествахъ, на Черномъ морѣ (Синопское дѣло, бомбардированіе Одессы, осада Севастополя, взятіе Керчи и Кинбурна и пр.), на азіатской границѣ Турціи, на Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ и на Тихомъ океанѣ. Мы можемъ только остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ, наиболѣе характеристичныхъ и наименѣе извѣстныхъ читателямъ.

Наши дѣйствія на Дунаѣ, по занятіи княжествъ русскими войсками, не были удачны. Дунай представляетъ для турокъ превосходную оборонительную линію, усѣянную болѣе или менѣе сильно укрѣпленными пунктами. Превосходство турокъ въ числѣ войскъ давало имъ возможность появляться неожиданно на лѣвой сторонѣ Дуная въ различныхъ пунктахъ; съ нашей стороны нельзя было непосредственно прикрывать княжества отъ ихъ вторженія, а было бы выгоднѣе, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Богдановичъ, «расположить главныя силы въ одной или въ двухъ центральныхъ позиціяхъ, ограничиться наблюденіемъ линіи Дуная и дѣйствовать рѣшительно противъ непріятеля не прежде, какъ допустивъ его на значительное разстояніе отъ рѣки, что́ способствовало бы, при успѣхѣ, воспользоваться побѣдой: такимъ образомъ дѣйствовали, на томъ же театрѣ войны, Суворовъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, и Милорадовичъ у Обилешти. Въ случаѣ же набѣговъ непріятеля небольшими партіями, можно было противодѣйствовать имъ летучими отрядами. Вмѣсто того, князь Горчаковъ, желая преградить туркамъ доступъ на лѣвую сторону Дуная, раздробилъ свои силы на нѣсколько отрядовъ, которые должны были встрѣчать непріятеля, какъ только онъ появится гдѣ-либо на лѣвомъ берегу рѣки». Начальникамъ отрядовъ вмѣнено было въ обязанность стараться нападать на непріятеля во время самой его переправы. «Такимъ образомъ, начальники нашихъ отрядовъ, которымъ запрещено было переходить на правую сторону Дуная, ограничивались пассивною обороной лѣваго берега и лишены были вполнѣ иниціативы дѣйствій».

Къ ошибкѣ главнокомандующаго присоединялись очень часто серьёзныя ошибки отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ. Од-

вою изъ такихъ ошибокъ было дѣло подъ Ольтеницей, 23 октября, подробно описанное г. Богдановичемъ. Непріятель переправился въ этомъ пунктѣ на лѣвый берегъ Дуная, построилъ ретраншементъ впереди карантина и поставилъ свои батареи съ амбразурами. Обозрѣніе непріятельской позиціи при помощи усиленной рекогносцировки показало, что турки, 21 и 22 октября, успѣли укрѣпиться кругомъ карантина и вооружить нѣсколько батарей; въ самыхъ укрѣпленіяхъ замѣчены три баталіона, а впереди небольшое число иррегулярной конницы; нѣсколько орудій большого калибра было усмотрѣно на эполементахъ, возведенныхъ на покатости праваго берега Дуная. Тогда же открыты пѣхота и иррегулярная конница, продолжавшая переправляться черезъ Дунай къ Ольтеницѣ. Вся эта мѣстность представляла особенныя выгоды для турокъ. «Отъ селенія Новой-Ольтеницы до самаго Дуная пролегаетъ равнина, примыкающая правою стороной къ рѣкѣ Аржису, вдоль которой, на пространствѣ въ ширину около ста саженъ, тянется густой кустарникъ, затрудняющій движеніе войскъ. Далѣе мѣстность въ сосѣдствѣ карантина, и вообще между карантиномъ и Дунаемъ, перерѣзана въ различныхъ направленіяхъ низменными лощинами, въ видѣ широкихъ рвовъ, наполненныхъ топкою, весьма вязкою грязью; лѣвѣе же, къ такъ-называемой Граничарской башнѣ, простираются кустарники и камышъ на болотистой почвѣ. На высотахъ противолежащаго (праваго) берега Дуная, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ 212 саж. ширины, были устроены турецкія батареи, вооруженныя орудіями большого калибра, которыя вмѣстѣ съ батареей, сооруженной на островѣ (одномъ изъ дунайскихъ острововъ), могли перекрестно обстрѣливать пространство впереди карантина. Ниже карантина, у пристани лѣваго берега Дуная, стояли пять лодокъ, вооруженныхъ орудіями, которыя, въ совокупности съ артиллеріей ретраншемента впереди карантина, обстрѣливали настильно мѣстность между карантиномъ и Новою-Ольтеницей. На самомъ же ретраншементѣ (какъ оказалось впослѣдствіи), находилось въ амбразурахъ, выложенныхъ изъ туровъ и фашинъ, 20 орудій». Высота брустверовъ простиралась до четырехъ футъ, толщина насыпей,—отъ десяти до двѣнадцати футъ, а глубина топкихъ рвовъ, окружавшихъ турецкія укрѣпленія, до семи футъ. На такой-то мѣстности и противъ такихъ укрѣпленій было направлено всего шесть тысячъ человѣкъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала Данненберга. Послѣ нѣкоторой бомбардировки, войска были двинуты на штурмъ.

«Войска смѣло шли на приступъ, но третій и четвертый ба-

тальоны Селенгинскаго полка, за каждымъ изъ коихъ слѣдовали уступами по два батальона Якутскаго полка, были задержаны въ ста саженяхъ отъ укрѣпленія переходомъ черезъ топкій ровъ. Тогда же непріятель сдѣлалъ по нимъ залпъ картечью, изъ всѣхъ орудій укрѣпленія, и вслѣдъ затѣмъ открылъ по всей линіи ретраншемента батальный огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ; первый и второй батальоны Селенгинскаго полка, по выходѣ изъ кустовъ, также были встрѣчены картечью и ружейнымъ огнемъ. Колонны наши пріостановились, но только на одно мгновенье, послѣ чего снова устремились на штурмъ. Въ шестидесяти шагахъ отъ непріятеля наши войска встрѣтили новую преграду,—широкую топкую канаву; но она не остановила наступавшія колонны. Подъ сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, батальоны устремились впередъ, перегоняя другъ друга; первый и третій батальоны Якутскаго полка, обойдя съ фланговъ третій Селенгинскій батальонъ, опередили его. Уже въ этихъ войскахъ большинство штабъ-офицеровъ и офицеры знаменныхъ ротъ выбыли изъ строя, но, несмотря на убійственный огонь, наши колонны подошли къ укрѣпленіямъ. Охотники, въ головѣ которыхъ шли поручикъ Селенгинскаго полка Зиненко и прапорщикъ Якутскаго Раздеришинъ, достигли рва. Устрашенный смѣлымъ наступленіемъ нашихъ войскъ, непріятель сталъ свозить артиллерію съ ретраншемента; часть пѣхоты и кавалеріи поспѣшно уходила къ берегу Дуная. Огонь турокъ сдѣлался замѣтно слабѣе. Уже наши охотники стали спускаться въ ровъ. Но этотъ первоначальный успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣной, и много храбрыхъ выбыло изъ рядовъ нашей пѣхоты. Генералъ Данненбергъ, сообразивъ, что еслибъ даже и удалось намъ овладѣть укрѣпленіями карантина, мы не могли бы удержаться въ нихъ подъ огнемъ сильныхъ турецкихъ батарей, расположенныхъ на правомъ берегу Дуная, приказалъ прервать штурмъ и отвести назадъ сражавшіеся батальоны. Войска наши отошли неохотно, но въ порядкѣ, за топкія канавы, гдѣ получили приказаніе остановиться, чтобы подобрать раненыхъ и убитыхъ, подъ покровительствомъ артиллеріи». Въ этомъ дѣлѣ у насъ безплодно выбыло изъ строя 970 человѣкъ. «Общій голосъ утверждалъ,—говоритъ г. Богдановичъ,—что войска наши непремѣнно овладѣли бы укрѣпленіями ольтеницкаго карантина, еслибъ не получили приказанія отступить. И дѣйствительно—что̀ заставило отказаться отъ довершенія успѣха? Опасались ли, какъ говорили одни, что турки очищаютъ укрѣпленія съ тѣмъ, чтобъ дать свободу дѣйствовать по нимъ съ тыла всѣмъ батареямъ, сооружен-

нымъ на дунайскомъ острову, и на правомъ берегу Дуная? Но это было возможно предвидѣть заранѣе, и въ такомъ случаѣ не слѣдовало предпринимать штурма. Или—какъ полагали другіе,—не надѣялись на успѣхъ, найдя укрѣпленія сильнѣе, чѣмъ заключали изъ сдѣланной рекогносцировки? Слѣдовательно, самая рекогносцировка была недостаточна къ тому, чтобы, основываясь на ней, рѣшиться на такое отважное предпріятіе. Обвиняли въ неудачѣ генерала Данненберга, но и со стороны князя Горчакова были сдѣланы важныя упущенія. Ему слѣдовало послать къ Ольтеницѣ не одну бригаду, а цѣлую дивизію, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе было первое, и потому послѣдствія его могли оказать вліяніе на всю кампанію вообще; непростительно было дѣйствовать на-авось, особенно когда другія войска стояли, такъ-сказать, подъ рукою. Къ тому же, ему слѣдовало предварительно дать надлежащія наставленія генералу Данненбергу, который, при всей своей учености и совершенномъ знаніи теоріи военнаго искусства, не имѣлъ большой боевой опытности и, достигнувъ званія корпуснаго командира, не одержалъ ни одного успѣха. Но кто бы ни былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, несомнѣнно то, что наши войска честно исполнили свой долгъ и что турки не могли похвалиться побѣдой; мы отступили, а не были отбиты. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ ноября, телеграфическія депеши возвѣстили Европѣ, что Омеръ-паша, переправясь у Ольтеницы черезъ Дунай, разбилъ сильный русскій отрядъ и обратилъ русскихъ въ бѣгство на всѣхъ пунктахъ, что онъ уже достигъ Бухареста». Причиною неожиданнаго перехода турокъ на правый берегъ Дуная, послѣ ольтеницкаго дѣла было, по всей вѣроятности, сосредоточеніе русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Ольтеницы, не позволившее Омеръ-пашѣ помышлять о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ на лѣвой сторонѣ Дуная, и напрасно приписывали этотъ переходъ давленію Австріи, которая вовсе не мѣшала туркамъ сосредоточить значительныя силы на другомъ пунктѣ лѣваго берега, у Калафата, противъ Виддина, и перенести главныя дѣйствія въ Малую Валахію.

Мы остановились подробнѣе на Ольтеницкомъ дѣлѣ, потому что оно болѣе или менѣе даетъ понятіе и о другихъ тогдашнихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ дунайскихъ княжествахъ. Чтобы дополнить эту характеристику, мы должны прибавить, что жители «княжествъ, позабывъ,—какъ говоритъ г. Богдановичъ,—всѣ прежнія благодѣянія нашего правительства, увлекались увѣреніями валахскихъ выходцевъ, участвовавшихъ въ смутахъ 1848 года и которые, обольщая своихъ земляковъ несбыточными надеждами,

побуждали ихъ покровительствовать турецкимъ агентамъ и извѣщать ихъ о движеніяхъ русскихъ отрядовъ». Такимъ образомъ турки, укрѣпившись въ Калафатѣ, на лѣвомъ берегу Дуная, противъ Виддина, узнали отъ жителей подробности расположенія нашихъ войскъ въ Малой Валахіи. Имъ было извѣстно, что отрядъ полковника Баумгартена, въ числѣ около 2,500 человѣкъ, былъ слишкомъ выдвинутъ впередъ при Четати, что ближайшіе къ нему войска генерала Бельгарда стояли въ разстояніи 12-ти верстъ, въ с. Моцецея, а войска подъ личнымъ начальствомъ командующаго мало-валахскимъ отрядомъ, графа Анрепа,—въ 24-хъ верстахъ отъ Четати, въ Быйлешти,—и они бросились изъ Калафата на Баумгартена. Въ извѣстномъ дѣлѣ 25 декабря 1853 года при Четати, наши войска оказали чудеса мужества, отражая нападенія превосходившаго ихъ численно непріятеля. Но оплошность главнаго начальства дорого стоила намъ и въ этомъ дѣлѣ. Четыре съ небольшимъ тысячи человѣкъ нашего войска, при двѣнадцати орудіяхъ, дрались противъ восемнадцати тысячъ турокъ при 24—30 орудіяхъ. Потери отряда Баумгартена были тѣмъ значительнѣе, что тремъ его батальонамъ, при шести орудіяхъ, пришлось три часа обороняться противъ непріятеля, почти въ десять разъ сильнѣйшаго, а пришедшій къ нему на помощь отрядъ генерала Бельгарда долженъ былъ атаковать крѣпкую позицію, сильно занятую турецкими войсками. Въ одномъ отрядѣ Баумгартена у насъ убито и ранено 1347 человѣкъ, т.-е. большая часть людей, состоявшихъ на лицо; въ отрядѣ Бельгарда—675 человѣкъ. Положеніе этихъ войскъ было до того опасно, что, встрѣтившись съ одессцами Бельгарда, тобольцы Баумгартена обнимали ихъ, называя своими спасителями; командиръ тобольскаго полка Баумгартенъ, въ письмѣ къ генералу Бельгарду, прямо отозвался, что еслибъ одессцы пришли къ мѣсту боя получасомъ позже, то не существовало бы тобольскаго полка. Турки, правда, отошли обратно къ Калафату, потерявъ въ бою четыре орудія; но этотъ успѣхъ стоилъ намъ несоразмѣрно дорого, благодаря бездѣйствію генерала гр. Анрепа, который, услышавъ канонаду, не пришелъ на помощь къ своимъ подчиненнымъ, хотя и могъ бы нанести вмѣстѣ съ ними жестокое пораженіе туркамъ. Гулъ канонады, гремѣвшей у Четати, былъ услышанъ въ Быйлешти въ то самое время, когда въ главномъ отрядѣ отправлялось богослуженіе. Было Рождество. Послѣ богослуженія въ отрядѣ произведенъ церковный парадъ. Въ артеляхъ варили кашу; но солдаты, слыша пальбу, которая постепенно усиливалась, опрокинули котлы, не выжидая, пока будетъ готова

ихъ пища, и рвались въ бой на выручку своихъ товарищей. Наконецъ, имъ было приказано выступить. Войска двинулись по дорогѣ къ Модловитѣ и могли бы отрѣзать хотя нѣкоторую часть турецкихъ войскъ при обратномъ ихъ движеніи къ Калафату. Но вскорѣ гр. Анрепъ счелъ излишнимъ дальнѣйшее наступленіе и возвратился въ Быйлешти, полагая, что достаточно и движенія небольшихъ силъ генерала Бельгарда на помощь полковнику Баумгартену. «Императоръ Николай Павловичъ, въ воздаяніе отличнаго подвига, оказаннаго нашими войсками въ этомъ сраженіи, наградилъ главныхъ виновниковъ его: полковника Баумгартена производствомъ въ генералъ-маіоры и орденомъ св. Георгія 3-й степени; генералъ-маіоровъ Бельгарда и Жигмонта— золотыми шпагами, украшенными брилліантами, съ надписью: «за храбрость». Тѣмъ не менѣе государь, «съ сердечнымъ сокрушеніемъ узнавъ объ огромной потерѣ войскъ, ничуть не соразмѣрной съ предметомъ, а еще менѣе понятной», изъявилъ кн. Горчакову свое неудовольствіе въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Реляція писана такъ неясно, такъ противорѣчиво, такъ неполно, что я ничего понять не могу. Я уже обращалъ твое вниманіе на эти донесенія, писанныя столь небрежно и дурно, что выходятъ изъ всякой мѣры. Въ послѣдній разъ требую, чтобъ въ рапортахъ ко мнѣ писана была *одна правда* какъ есть, безъ романовъ и пропусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣніе о происходившемъ. Здѣсь напримѣръ: 1) зачѣмъ войска были растянуты такъ, что въ Четати стоялъ Баумгартенъ, съ 3 б., въ Моцецеѣ Бельгардъ съ 4-мя, а Анрепъ въ Быйлешти, на оконечномъ лѣвомъ флангѣ, съ главнымъ резервомъ; 2) зачѣмъ, по первому свѣдѣнію о движеніяхъ турокъ, Анрепъ не пошелъ имъ прямо въ тылъ, что́ кажется просто было, и отчего бы вѣроятно изъ нихъ никто не воротился въ Калафатъ; 3) отчего Анрепъ, съ 15-ю эскадронами и конной батареей, опоздалъ и не преслѣдовалъ бѣгущихъ турокъ? Все это мнѣ объясни, ибо ничего этого изъ реляціи понять не можно.

«Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ и никакихъ резервовъ недостанетъ на ихъ пополненіе. Тратить надо на рѣшительный ударъ — гдѣ же онъ тутъ??? Потерять 2 т. человѣкъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобъ взять 6-ть орудій и дать туркамъ спокойно воротиться въ свое гнѣздо, тогда какъ надо было радоваться давно желанному случаю, что они, какъ дураки, вышли въ поле, и не дать уже ни одной душѣ воротиться; это просто задача, которой угадать не могу, но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія».

Мы оставались въ дунайскихъ княжествахъ еще болѣе полугода, до конца іюля 1854 г. Почтенный авторъ обозрѣваемаго нами историческаго труда подробно излагаетъ дальнѣйшія событія: переправу русской арміи на правую сторону Дуная; неудовольствіе государя на нерѣшительность кн. Горчакова; прибытіе къ дунайской нашей арміи новаго главнокомандующаго, князя Варшавскаго, «любезнаго отца командира», какъ называлъ его государь въ своихъ письмахъ; медленныя движенія нашихъ войскъ вслѣдствіе опасеній Паскевича относительно намѣреній Австріи; неудачную осаду Силистріи и неудачное дѣло при Каракулѣ; отступленіе изъ-подъ Силистріи и очищеніе дунайскихъ княжествъ, которыя были заняты послѣ насъ австрійскими войсками. Читатель найдетъ не мало новыхъ и интересныхъ свѣдѣній объ этихъ событіяхъ въ сочиненіи г. Богдановича. Но едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго автора, что мы могли бы оставаться въ княжествахъ, потому что не было достаточной причины ожидать открытія военныхъ дѣйствій со стороны Австріи. Повидимому, кн. Варшавскій, дѣйствительно, очень неохотно прибылъ къ арміи, неохотно велъ осаду Силистріи, и вскорѣ опять сдалъ начальство кн. Горчакову. Его пребываніе въ арміи въ качествѣ главнокомандующаго не только не подвинуло впередъ нашихъ военныхъ дѣлъ на Дунаѣ, но даже замедлило ихъ движеніе. Онъ совѣтовалъ государю снять осаду Силистріи и добровольно очистить княжества, чтобы избѣжать опаснаго столкновенія съ Австріей. Очень возможно, какъ полагаетъ г. Богдановичъ, что, дѣйствуя болѣе энергично, мы еще могли бы овладѣть по крайней мѣрѣ Силистріей, прежде чѣмъ увидѣли бы австрійцевъ въ тылу и во флангахъ нашей арміи, но Австрія дѣйствительно принимала въ это время угрожающее положеніе. Потребовавъ, чтобъ русскія войска къ 30-му апрѣля очистили княжества, Англія и Франція предложили берлинскому и вѣнскому дворамъ поддерживать настойчиво это требованіе, на что оба двора изъявили свое согласіе. На приглашеніе западныхъ державъ присоединиться къ ихъ союзу, Австрія и Пруссія отвѣчали, правда, уклончиво, однакоже подписали протоколъ, которымъ было условлено: поддерживать цѣлость турецкихъ владѣній—слѣдовательно, очищеніе княжествъ отъ русскихъ войскъ, и освобожденіе христіанъ, но безъ нарушенія власти султана. Притомъ, между Пруссіей и Австріей состоялся союзный договоръ, особою статьей котораго было положено, что такъ какъ неопредѣленное продленіе занятія русскими войсками дунайскихъ княжествъ опасно и вредно для Германіи, то въ случаѣ, если не

послѣдуетъ вскорѣ выступленіе русскихъ войскъ, Австрія потребуетъ очищенія княжествъ, а Пруссія поддержитъ это требованіе; если же и затѣмъ не будетъ со стороны Россіи удовлетворительнаго отвѣта, то должны быть предприняты обѣими германскими державами наступательныя дѣйствія, какъ и въ случаѣ присоединенія дунайскихъ княжествъ къ Россіи, или перехода русскихъ войскъ черезъ Балканы.

Россія въ то время, конечно, не могла уже помышлять ни о присоединеніи княжествъ, ни о переходѣ черезъ Балканы, но въ приведенной нами статьѣ австро-прусскаго договора упоминалось объ отказѣ Россіи очистить княжества, какъ о поводѣ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Да и помимо этого трактата, весь ходъ переговоровъ между Турціей и западными державами съ одной стороны, и Россіею съ другой—ясно показалъ, въ какую сторону несомнѣнно клонится австрійская политика. Когда флоты Англіи и Франціи вступили вмѣстѣ съ турецкимъ флотомъ въ Черное море, еще безъ объявленія войны Россіи, въ концѣ декабря 1853 года, императоръ Николай Павловичъ обратился къ берлинскому и вѣнскому дворамъ съ предложеніемъ заключить, на случай войны Англіи и Франціи противъ Россіи, договоръ, которымъ обѣ германскія державы обязались бы соблюдать строжайшій нейтралитетъ, поддержанный силою оружія. При этомъ государь повторилъ увѣреніе въ своей готовности прекратить войну, какъ только будутъ обезпечены достоинство и пользы Россіи и, въ случаѣ, если событія измѣнятъ положеніе дѣлъ въ Турціи, не рѣшаться ни на что безъ предварительнаго соглашенія съ своими союзниками. Это предложеніе было сообщено по принадлежности русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Будбергомъ, и отправленнымъ въ Вѣну гр. А. Ѳ. Орловымъ. Но Пруссія отклонила его, опасаясь «подвергнуть себя такимъ случайностямъ, которыхъ послѣдствія нельзя было предвидѣть». Австрійскій императоръ, съ своей стороны, спросилъ гр. Орлова: обяжется ли россійскій монархъ не переходить черезъ Дунай, очистить княжества по окончаніи войны и вообще не нарушать цѣлости владѣній Порты? и когда гр. Орловъ отозвался, что нашъ государь не можетъ принять на себя такихъ обязательствъ, то императоръ Францъ-Іосифъ объявилъ ему, что и онъ не можетъ принять сдѣланное ему предложеніе. «Я долженъ—продолжалъ онъ—держаться основаній, принятыхъ мною вмѣстѣ съ тремя великими державами, руководясь единственно пользами и достоинствомъ моей имперіи». Вслѣдъ затѣмъ австрійское правительство усилило войска, стоявшія въ Трансильваніи, 30-ти-тысячнымъ корпусомъ, о чемъ тогда же

было сообщено лондонскому кабинету. Въ началѣ марта 1854 г., государь уже писалъ кн. Горчакову, что «расположеніе Австріи изъ двусмысленнаго дѣлается болѣе и болѣе явно намъ враждебнымъ, и не только парализуетъ расположеніе сербовъ намъ содѣйствовать, но угрожаетъ намъ самимъ на правомъ нашемъ флангѣ, и даже нашему тылу вторженіемъ въ собственные наши предѣлы». Наконецъ въ іюнѣ состоялся прямой договоръ между Австріею и Турціей, по которому Австрія принимала на себя обязательство исчерпать всѣ дипломатическія и другія средства, чтобы добиться удаленія «иноземной арміи» изъ княжествъ, и, въ случаѣ нужды, употребить необходимое число войска для достиженія этой цѣли. Текстъ этого договора напечатанъ въ приложеніяхъ ко второму тому сочиненія Кинглэка о вторженіи англо-французовъ въ Крымъ, но г. Богдановичъ почему-то не упоминаетъ о немъ въ своемъ почтенномъ трудѣ.

Не одни только преклонныя лѣта фельдмаршала, но и предстоящая борьба Россіи съ западными державами, и угрожающее положеніе Австріи могли побуждать его отказаться отъ смѣлаго плана— возбудить возстаніе христіанскихъ племенъ, подвластныхъ Турціи, и наступательно дѣйствовать изъ Малой Валахіи на Софію. Вызванный въ февралѣ изъ Варшавы въ Петербургъ, онъ предлагалъ государю отвести дунайскую армію за Серѣтъ и даже за Прутъ, и ограничиться оборонительными дѣйствіями; только настойчивыя убѣжденія государя заставили его одобрить переправу черезъ Нижній-Дунай и предпринять осаду Силистріи. По прибытіи къ арміи, едва осмотрѣвъ теченіе Нижняго-Дуная отъ Гирсова до Измаила, фельдмаршалъ уже писалъ государю, что «въ случаѣ войны съ Австріею, намъ невозможно держаться на Дунаѣ и въ княжествахъ, что поэтому нельзя предпринять никакихъ наступательныхъ движеній до полученія положительныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Австріи, и высказывалъ мнѣніе, что можетъ быть лучше-бъ было очистить добровольно княжества, чтобы занять въ нашихъ предѣлахъ болѣе надежную позицію и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами».

Опасность, которою угрожала намъ Австрія, была такъ велика въ глазахъ князя Варшавскаго, что мысль о ней совершенно парализовала его дѣйствія. Въ теченіи почти мѣсяца онъ не озаботился даже обложеніемъ Силистріи со всѣхъ сторонъ, имѣя къ тому всѣ средства, и такимъ образомъ далъ туркамъ возможность подвозить туда продовольствіе, порохъ, снаряды, и даже вводить подкрѣпленія по дорогамъ изъ Рущука и Шумлы. Г. Богдановичъ не безъ основанія полагаетъ, что пред-

принявъ осаду крѣпости противъ собственнаго убѣжденія и опасаясь съ одной стороны высадки англо-французовъ, съ другой — вступленія австрійцевъ въ княжества, фельдмаршалъ просто сомнѣвался въ успѣхѣ ввѣреннаго ему дѣла. «Только такимъ образомъ, — прибавляетъ онъ, — можно объяснить сооруженіе кругомъ нашего лагеря подъ Силистріей безполезныхъ полевыхъ укрѣпленій, вооруженныхъ осадною артиллеріей, которую безпрестанно, съ большимъ трудомъ, перетаскивали туда съ осадныхъ батарей, а потомъ возвращали на прежнія мѣста безъ всякой причины». 25-го мая фельдмаршалъ опять пишетъ государю: «Бывая почти ежедневно въ траншеяхъ, забочусь, сколько силы позволяютъ, объ успѣшномъ ходѣ работъ, медленно подвигающихся впередъ, такъ что трудно теперь предвидѣть конецъ осады, ибо турки безпрестанно подкрѣпляютъ гарнизонъ крѣпости. У нихъ уже до 25 т. въ самой Силистріи и по деревнямъ въ тылу. Ожидая ихъ, я приказалъ укрѣпить лагерь, сдѣлать новые удобные мосты; но Омеръ-паша доселѣ въ полѣ не показывается и, вѣроятно, вслѣдствіе общаго плана концентрируетъ ихъ около Шумлы и начнетъ черезъ 15 дней, т.-е. въ то время, когда Австрія, собравъ уже, какъ извѣстно, большой лагерь около Германштадта, также откроетъ кампанію... Въ семь переходовъ австрійцы могутъ быть въ Плоешти, а намъ отъ Силистріи до Фокшанъ 15 дней... Здоровье мое день ото дня разстроивается, но я постараюсь остаться здѣсь елико возможно долѣе, думая, что могу быть полезенъ»...

Какъ бы ни вредили дѣятельности фельдмаршала на Дунаѣ его преклонные годы, — а они вредили несомнѣнно, — нельзя однако-же не согласиться съ мнѣніемъ Кингляка, что весною и лѣтомъ 1854 года Австрія была готова къ разрыву съ Россіей изъ-за княжествъ и устьевъ Дуная. Ея отношенія къ западнымъ державамъ были особенно тѣсны и близки именно до тѣхъ поръ, пока русскія войска оставались въ княжествахъ, составлявшихъ ближайшій предметъ и ближайшую цѣль ея политики. Достигнувъ этой цѣли и занявъ княжества, Австрія успокоилась и выжидала что будетъ дальше. Она еще не нападала на насъ, — это правда; но въ подобныхъ случаяхъ мѣры предосторожности принимаются заранѣе; было бы поздно спасаться тогда, когда уже состоялось нападеніе, и князь Горчаковъ едва-ли ошибался въ половинѣ іюля, когда писалъ военному министру: «Начинается чортова пляска. Дней черезъ десять я буду имѣть съ фронта около ста тысячъ австрійцевъ, съ праваго фланга отъ

сорока до пятидесяти тысячъ англо-французовъ и въ тылу отъ 50 до 60 тысячъ турокъ».

Мы не думаемъ также, вопреки мнѣнію г. Богдановича, чтобы дальнѣйшее занятіе княжествъ русскими войсками непремѣнно заставило англичанъ и французовъ вести войну не въ Крыму, гдѣ мы не были готовы, а на Дунаѣ, гдѣ у насъ уже были сосредоточены въ то время значительныя силы. Англичане съ самаго начала серьёзно помышляли о Севастополѣ, какъ о главномъ предметѣ союзныхъ военныхъ дѣйствій. Преобладающей морской державѣ естественно представлялось наиболѣе выгоднымъ военнымъ предпріятіемъ — сокрушеніе русскаго черноморскаго флота, воинственный духъ котораго только-что проявился въ знаменитомъ Синопскомъ дѣлѣ; послѣднее было принято и выставлено союзными державами за направленный противъ нихъ вызовъ, за нанесенное имъ оскорбленіе. Но кромѣ этой главной цѣли англійскихъ государственныхъ людей, сильная экспедиція въ Крымъ могла состояться также изъ чисто-стратегическихъ соображеній. Хотя сильная русская армія и находилась уже на Дунаѣ, но для противодѣйствія ей союзникамъ не нужно было непремѣнно дѣйствовать также на Дунаѣ. Имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя морскія силы и перевозочныя средства, свободно располагая Чернымъ моремъ, они могли сдѣлать крупную высадку въ одномъ изъ побережныхъ черноморскихъ пунктовъ, чтобъ отвлечь русскія силы отъ Дуная и отъ прямыхъ столкновеній съ турками. Къ тому же побуждало ихъ и трудное санитарное состояніе ихъ войскъ въ Варнѣ и Добруджѣ. На пространствѣ между Дунаемъ и Адріанополемъ, мѣстныя условія таковы, что цѣлыя арміи могутъ таять тамъ отъ болѣзней и трудныхъ переходовъ. Опираясь, сверхъ того, на угрожающее положеніе Австріи относительно Россіи, союзники могли безъ особенныхъ опасеній оставить въ сторонѣ негостепріимныя мѣстности Европейской Турціи, и предпринять экспедицію на полуостровъ, первоклассная гавань котораго давала надежный пріютъ нашему флоту и, по ихъ мнѣнію, могла при благопріятныхъ условіяхъ угрожать самому Константинополю.

Взять Севастополь съ моря не было возможности. Никакіе корабли не̂ могли бы устоять противъ сильныхъ четырнадцати береговыхъ батарей его, вооруженныхъ 610-ю орудіями. Непріятельскій флотъ, покусившійся вторгнуться на севастопольскій рейдъ, говоритъ г. Богдановичъ, былъ бы встрѣченъ, въ 1200 саженяхъ отъ входа въ бухту, выстрѣлами четырехъ бомбовыхъ пушекъ, на разстояніи 800 саженъ отъ входа подвергался бы дѣй-

ствію восьмидесяти орудій; по мѣрѣ приближенія къ входу на рейдъ, онъ могъ быть поражаемъ, въ разстояніи 400 саж., огнемъ изъ 146 орудій, а въ разстояніи 200 саж. отъ входа—встрѣчными, перекрестными и тыльными выстрѣлами болѣе чѣмъ двухсотъ орудій съ береговыхъ батарей. Не менѣе сильному огню подвергался непріятель и по входѣ на рейдъ, гдѣ было сосредоточено дѣйствіе 247-ми орудій. Далѣе въ глубину рейда, огонь батарей ослабѣвалъ по числу орудій, но былъ дѣйствительнѣе по близости разстоянія; въ 400 саж. отъ входа, непріятель подвергался огню 123 орудій, а при дальнѣйшемъ движеніи, его могли поражать, кромѣ береговыхъ батарей, 230 орудій одного борта эскадры Корнилова и около 300 орудій одного борта эскадры Нахимова. Союзники знали объ этихъ грозныхъ сооруженіяхъ, и естественно должны были придти къ мысли о нападеніи на Севастополь съ сухого пути, гдѣ у насъ не могло быть значительныхъ войскъ и гдѣ мы были отдѣлены отъ остальной Россіи огромными, едва проходимыми разстояніями. По существовавшему до развитія пароходства мнѣнію о трудности высадокъ въ большихъ силахъ, нападеніе на Севастополь считалось невѣроятнымъ; однакоже кн. Меншиковъ опасался, что непріятель, для содѣйствія флоту, высадитъ на берегъ небольшія силы для овладѣнія береговыми батареями. Поэтому было приступлено къ сооруженію укрѣпленій для защиты гавани съ суши. Но въ началѣ сентября 1854 года, ко дню высадки союзниковъ, ни одинъ изъ сооружаемыхъ бастіоновъ еще не былъ оконченъ. Вооруженіе укрѣпленій южной стороны состояло въ то время изъ 145 орудій, разсѣянныхъ на протяженіи болѣе шести съ половиною верстъ, и притомъ такъ, что артиллерія не могла обстрѣливать сосредоточенными выстрѣлами почти ни одного пункта впереди лежащей мѣстности болѣе какъ изъ трехъ или четырехъ орудій. Всѣхъ войскъ можно было собрать тогда въ Крыму не болѣе 25 т. Прося у военнаго министра подкрѣпленій, кн. Меншиковъ писалъ ему въ концѣ іюня: «Въ настоящее время Крымъ—существенный пунктъ, на которомъ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока. Подумайте о томъ, любезный князь, и вспомните старинную поговорку: «самъ Богъ побораетъ большимъ силамъ!» Справедливость требуетъ прибавить, что кн. Меншиковъ, узнавъ объ очищеніи Валахіи нашими войсками и о вступленіи туда австрійцевъ, тогда же, въ письмѣ къ государю, предвидѣлъ, что покушеніе на Севастополь было вѣроятнѣе всѣхъ прочихъ предположеній о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ союзниковъ, и что они могутъ высадить въ Крыму отъ 50 до 60

тысячъ человѣкъ, не считая турецкихъ войскъ. Въ началѣ сентября непріятель дѣйствительно высадился въ числѣ 60 тысячъ, считая и турецкую дивизію, съ 134 полевыми и 73 осадными орудіями. Средства, которыми располагали союзники на морѣ, были громадны. Французскія войска были перевезены со всѣми ихъ запасами и обозами на 172 морскихъ судахъ разной величины, англійскія—на 150 паровыхъ и парусныхъ транспортахъ. Кромѣ полевой артиллеріи и парковъ артиллерійскаго и инженернаго, союзная армія имѣла при себѣ 11 тыс. туровъ, 9600 фашинъ, 180 тыс. земляныхъ мѣшковъ, 30 тыс. кирпичей, 21,600 шт. шанцоваго инструмента и пр. Одно французское интендантство заготовило 1 милл. раціоновъ муки, сухарей и соли, полтора милл. раціоновъ рису, кофе и сахара, 240,000 раціоновъ говядины, 450,000 сала, 800,000 вина, 300,000 водки, большое количество дровъ и угля. Госпитальная часть также была снабжена необходимыми силами и средствами.

Къ тому времени, когда союзники показались въ виду Евпаторіи, наши войска, расположенныя на Альмѣ, были въ числѣ лишь до 35-ти тысячъ, съ 84 орудіями, и состояли изъ молодыхъ солдатъ, ни разу не бывшихъ въ дѣлѣ. Мы, слѣдовательно, были неготовы. Г-нъ Богдановичъ обстоятельно говоритъ объ этой высадкѣ и о распоряженіяхъ кн. Меншикова, который, питая недовѣріе ко штабамъ, исполняя почти все непосредственно самъ, недостаточно оградилъ и укрѣпилъ избранную имъ позицію на Альмѣ. Считая лѣвый флангъ ея неприступнымъ, главнокомандующій не принялъ никакихъ мѣръ для противодѣйствія ея обходу. Въ нѣсколько минутъ зуавы, перейдя черезъ рѣку и цѣпляясь за крутыя скалы, появились на гребнѣ утесовъ лѣваго берега рѣки. Генералъ Боске, изумленный тѣмъ, что по войскамъ его не было сдѣлано ни одного выстрѣла, сказалъ окружавшимъ его офицерамъ: «Эти господа рѣшительно не хотятъ драться!» Лѣвый флангъ былъ обойденъ и принужденъ отступить; на правомъ флангѣ первое нападеніе англичанъ было отбито, но ненадолго. Отступленіе вскорѣ сдѣлалось общимъ. Девять тысячъ человѣкъ были убиты, ранены, контужены или пропали безъ вѣсти въ этомъ дѣлѣ съ обѣихъ сторонъ, въ томъ числѣ 5,709 съ нашей стороны, и 3,353 со стороны союзниковъ. Французская пѣхота постоянно уклонялась отъ удара въ штыки, и дѣйствовала исключительно на такомъ разстояніи отъ нашихъ войскъ, что, поражаемыя пулями Минье, они не могли вредить непріятелю стрѣльбой изъ своихъ гладкоствольныхъ ружей. Владимірскій полкъ, дѣйствовавшій на правомъ флангѣ противъ англи-

чанъ, вышелъ изъ боя всего съ двумя штабъ-офицерами и девятью оберъ-офицерами; убыль нижнихъ чиновъ полка оказалась такъ велика, что онъ былъ разсчитанъ въ одинъ батальонъ четырехротнаго состава. Дѣло въ томъ, что отступленіе обойденнаго французами лѣваго фланга заставило отступить и нашъ центръ; но правое крыло упорно держалось на позиціи, когда французская батарея, занявъ одну изъ высотъ въ центрѣ нашей позиціи, стала громить войска этого фланга, не поддержаннаго своевременно резервами, и заставила его отступить подъ сильнымъ огнемъ англійской артиллеріи. Г-нъ Богдановичъ говоритъ, что отступленіе было исполнено нашими войсками безъ всякой суеты, въ совершенномъ порядкѣ; только одинъ Углицкій полкъ, по недоразумѣнію, пустился бѣглымъ шагомъ, но тотчасъ остановился, когда былъ настигнутъ кн. Меншиковымъ, приказавшимъ остановить полкъ и продолжать отступленіе съ музыкой. Сраженіе продолжалось съ ранняго утра до пятаго часа пополудни.

Въ самый день битвы на Альмѣ, 8-го сентября, во время отступленія нашихъ войскъ къ рѣкѣ Качѣ, князь Меншиковъ, полагая, что наибольшая опасность угрожала Севастополю именно съ моря, приказалъ Корнилову затопить нѣсколько кораблей на рейдѣ. Утромъ 9-го сентября, Корниловъ собралъ на совѣтъ флагмановъ и капитановъ, и объявилъ имъ, что непріятель легко можетъ занять высоты праваго берега Бельбека, распространиться къ Инкерману и Голландіи, дѣйствовать съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова и принудить нашъ флотъ оставить настоящую позицію, съ цѣлью облегчить своимъ судамъ доступъ на рейдъ; что если союзная армія овладѣетъ въ то же время сѣверными укрѣпленіями, то ничто не спасетъ черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна. На основаніи этихъ соображеній, Корниловъ, не заявляя въ совѣтѣ полученнаго приказанія, предложилъ выдти въ море и атаковать непріятельскія суда, столпившіяся у мыса Улюкола. По словамъ адмирала, уничтоживъ непріятельскую армаду, мы лишили бы союзную армію продовольствія и помощи, а при неудачѣ могли бы взорвать на воздухъ сцѣпившіеся съ нами непріятельскіе корабли, отстоять честь русскаго флага и спасти родной свой портъ. Корниловъ разсчитывалъ, что союзный флотъ, даже одержавъ побѣду, былъ бы обезсиленъ гибелью бо́льшей части своихъ кораблей и не осмѣлился бы атаковать приморскія батареи Севастополя, а безъ содѣйствія флота непріятельская армія не овладѣла бы городомъ, гдѣ наши войска могли укрѣпиться и держаться до при-

бытія подкрѣпленій. Надо замѣтить, что нашъ флотъ былъ парусный и могъ быть застигнутъ штилемъ частью еще въ бухтѣ, частью въ открытомъ морѣ: уже одно это соображеніе заставляло сомнѣваться въ успѣхѣ предпріятія, предложеннаго Корниловымъ, который, впрочемъ, и самъ не ожидалъ успѣха, а восторженно предлагалъ лучше погибнуть въ бою, чѣмъ въ бездѣйствіи. Безмолвно приняли его предложеніе флагманы и капитаны; не многіе могли отвѣчать на него своимъ согласіемъ; остальные предпочитали другое средство обороны—затопить входъ на рейдъ, но не могли рѣшиться и на это безъ глубокой скорби о родномъ флотѣ. Нѣсколько минутъ длилось гробовое молчаніе; наконецъ, капитанъ Зоринъ прервалъ его и объяснилъ необходимость пожертвовать для загражденія фарватера старѣйшими по службѣ кораблями и обратить экипажи ихъ и другихъ кораблей на подкрѣпленіе гарнизону. Корниловъ отвергнулъ предложеніе Зорина, и хотя видѣлъ, что большинство не находило иной развязки, однако не далъ высказаться членамъ совѣта и прекратилъ совѣщаніе словами: «Готовьтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ, что̀ кому дѣлать!» Распустивъ совѣтъ, адмиралъ отправился къ князю Меншикову и заявилъ свое намѣреніе выдти въ море. Князь повторилъ данное наканунѣ приказаніе—затопить фарватеръ. Корниловъ отвѣчалъ, что не сдѣлаетъ этого. — «Ну, такъ поѣзжайте въ Николаевъ, къ мѣсту вашей службы!» — сказалъ раздраженный главнокомандующій, и велѣлъ ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы черезъ него сдѣлать дальнѣйшія распоряженія.—«Остановитесь!—вскричалъ Корниловъ:—это самоубійство.... то, къ чему вы меня принуждаете... Но чтобы я оставилъ Севастополь, окруженный непріятелемъ, — это невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ»...

Такова была первая страница того мартиролога, который мы называемъ обороной Севастополя. Отнынѣ все вниманіе, всѣ силы Россіи и двухъ первоклассныхъ западныхъ державъ были направлены къ этому пункту; сотни тысячъ войска, тысячи орудій и огромныя массы пороха и снарядовъ, все, чѣмъ люди могутъ безпощадно истреблять другъ друга, было сосредоточено тутъ въ теченіи долгихъ, безконечныхъ одиннадцати мѣсяцевъ. Люди ежедневно падали сотнями и тысячами, укрѣпленія валились подъ ударами могущественнѣйшей артиллеріи, отъ которой дрожала земля и помрачалось солнце; но и сраженные люди, и разрушенныя укрѣпленія быстро замѣнялись новыми, и не было конца этой смѣнѣ павшихъ жертвъ, привыкшихъ видѣть смерть другихъ и подвергаться ей, новыми жертвами, которыя такъ же скоро

привыкали къ своему безъисходному положенію, и такъ же скоро погибали. Какъ Дантовъ адъ, Севастополь точно былъ отмѣченъ страшной надписью, мрачно предостерегавшей отъ всякой надежды на спасеніе. — «Какъ-съ, вы хотите-съ уйти съ вашего поста-съ», говорилъ Нахимовъ выбившемуся изъ силъ и заболѣвшему моряку, который просился на отдыхъ: «вы должны умирать здѣсь; вы часовой-съ, вамъ смѣны нѣтъ-съ и не будетъ. Мы всѣ здѣсь умремъ-съ; помните-съ, что вы черноморскій морякъ-съ и защищаете родной вашъ городъ-съ; мы непріятелю отдадимъ-съ одни наши трупы и развалины». Дни, недѣли и мѣсяцы, чуть не цѣлый годъ Севастополь и его окрестности представляли собою настоящее царство разрушенія, страданій и смерти. То была эпопея въ дѣйствіи, эпопея героическая, конечно, но и чудовищная по своимъ колоссальнымъ размѣрамъ... Въ продолженіи одиннадцати-мѣсячной осады, по свѣдѣніямъ г. Богдановича, у французовъ и англичанъ выбыло изъ строя, не считая больныхъ, до 70,000 человѣкъ; у насъ, въ самомъ Севастополѣ выбыло 102,000, и въ сраженіяхъ при Альмѣ, Балаклавѣ и пр. до 26 тысячъ, если не считать выздоровѣвшихъ, которые были и у союзниковъ. Непріятельская артиллерія выпустила во время осады 1.356,000 выстрѣловъ и издержала 271,650 пудовъ пороху въ видѣ ядеръ, бомбъ, гранатъ, боевыхъ ракетъ и проч.; съ нашей стороны выпущено 1.027,000 снарядовъ, или 150,000 пудовъ пороху...

Сначала полагали, что союзники атакуютъ сѣверныя укрѣпленія Севастополя. 11 сентября, когда уже были затоплены корабли на рейдѣ, князь Меншиковъ сообщилъ Корнилову свое намѣреніе — оставить для непосредственной обороны Севастополя моряковъ, саперъ и резервные батальоны 13-й пѣхотной дивизіи, и идти съ остальными войсками въ поле къ Бахчисараю, чтобъ сохранить сообщенія съ Перекопомъ, занять фланговую позицію и оттуда угрожать непріятелю. Корниловъ не раздѣлялъ этого мнѣнія; онъ представлялъ главнокомандующему опасное положеніе города въ случаѣ нападенія союзниковъ на сѣверное укрѣпленіе, по взятіи котораго многочисленною арміей невозможно было долго держаться въ Севастополѣ. «Непріятель не можетъ повести рѣшительную атаку на сѣверныя укрѣпленія, имѣя у себя на флангѣ и въ тылу нашу армію», отвѣчалъ князь Меншиковъ, и приказалъ тогда же сформировать изъ корабельныхъ командъ батальоны для защиты города. Событія оправдали мнѣніе главнокомандующаго. Выходя на дорогу, ведущую къ Перекопу, онъ могъ получать подкрѣпленія изъ южной Россіи; но

союзники могли тѣмъ не менѣе атаковать сѣверное укрѣпленіе и взять его. Для отпора ихъ арміи, у насъ было всего 17 батальоновъ, сформированныхъ изъ моряковъ, и 9 батальоновъ сухопутнаго войска, всего около 18,000 человѣкъ, да нѣсколько морскихъ командъ на укрѣпленіяхъ южной стороны и на приморскихъ батареяхъ. Ожидая нападенія съ этой стороны, подполковникъ Тотлебенъ и контръ-адмиралъ Истоминъ съ самаго дня непріятельской высадки предприняли оборонительныя работы, чтобы усилить позицію на линіи сѣвернаго укрѣпленія. Это былъ первый шагъ, сдѣланный молодымъ инженеромъ, предпринявшимъ и славно исполнившимъ дѣло защиты Севастополя, говоритъ г. Богдановичъ. Благодаря его находчивости и самоотверженію, почти открытый городъ, облекшись въ броню, сопротивлялся чуть не цѣлый годъ всѣмъ усиліямъ новѣйшаго осаднаго искусства и заставилъ непріятеля купить успѣхъ дорогою цѣной.

Но союзники не были согласны между собою на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Лордъ Рагланъ непремѣнно хотѣлъ атаковать Севастополь съ сѣвера; успѣхъ этой атаки, еслибъ она была предпринята безотлагательно, казался несомнѣннымъ и кн. Меншикову, и Корнилову, и Тотлебену, какъ и лорду Раглану; но сильно больной главнокомандующій французовъ, маршалъ Сентъ-Арно, не соглашался съ своимъ англійскимъ товарищемъ. Занятые уборкой убитыхъ и раненыхъ, союзники двинулись со взятой ими нашей позиціи на Альмѣ не раньше 11-го сентября, и ночью 12-го рѣшено было обогнуть бухту и подойти къ Севастополю съ юга. Тогда Корнилову и Тотлебену, вскорѣ принявшему de facto начальство надъ всѣми войсками въ Севастополѣ, пришлось на-скоро усиливать укрѣпленія южной стороны, чтобъ принудить непріятеля къ правильной осадѣ. 14-го сентября, вооруженіе южной стороны бо̀льшею частью еще состояло изъ артиллеріи незначительнаго калибра. Только правая часть оборонительной линіи до нѣкоторой степени могла считаться обезпеченною; остальная часть, на протяженіи болѣе пяти верстъ, была совершенно доступна, потому что входившія въ составъ ея укрѣпленія имѣли слабую полевую профиль, были не окончены и бо̀льшею частью безъ рвовъ, а обширные промежутки между ними оставались открыты. Утромъ 15 сентября, на южной сторонѣ Севастополя было расположено до 16,000 штыковъ, съ 32 полевыми орудіями; нѣсколько тысячъ человѣкъ были оставлены на сѣверной сторонѣ, и нѣсколько тысячъ на судахъ въ бухтѣ. Начиная съ 13 числа, отъ кн. Меншикова не было никакихъ извѣстій: сообщеніе съ нимъ было прервано.

Удалившись изъ Севастополя на бахчисарайскую дорогу, чтобы оградить свои сообщенія съ Перекопомъ, главнокомандующій совсѣмъ упустилъ изъ виду движенія союзной арміи и даже не зналъ, что его арріергардъ встрѣтился съ нею въ то время, когда она совершала по узкимъ дорогамъ и лѣсамъ свой опасный переходъ съ сѣвера на югъ севастопольской бухты. Разсказывая объ этомъ переходѣ на основаніи записокъ Раглана и показаній другихъ участниковъ дѣла, Кинглэкъ удивляется, что русскій главнокомандующій не воспользовался такимъ отличнымъ случаемъ напасть на растянувшагося непріятеля врасплохъ, когда онъ съ большимъ трудомъ пробирался по тропинкамъ и лѣсамъ съ Бельбека къ Черной, руководствуясь въ своемъ рискованномъ движеніи однимъ только компасомъ, и совершенно отрѣзанный отъ флота. Была даже минута, когда нашъ арріергардъ могъ захватить въ плѣнъ лорда Раглана съ его штабомъ; но господствовавшая тогда военная формалистика не допускала подобныхъ вольностей. Г-нъ Богдановичъ не упоминаетъ объ этомъ любопытномъ обстоятельствѣ.

Предоставленный собственнымъ силамъ, гарнизонъ Севастополя принялся горячо за работу. Въ распоряженіе Тотлебена отданы были Корниловымъ всѣ морскіе запасы доковъ и порта; съ кораблей повезли на батареи пушки, снаряды, цистерны. Съ разсвѣта до ночи на батареяхъ работали отъ пяти до шести тысячъ человѣкъ; другіе смѣняли ихъ на всю ночь. Въ нѣсколько дней южная линія усилилась новыми оборонительными постройками. «Обширность позиціи кругомъ южной стороны Севастополя и ежечасное ожиданіе штурма не позволяли и думать о прикрытіи города укрѣпленіями долговременной профили», говоритъ г. Богдановичъ. «Все вниманіе главнаго распорядителя инженерныхъ работъ, подполковника Тотлебена, обратилось на извлеченіе въ скорѣйшее время всей пользы, которую могли доставить средства флота, утратившаго свое прямое назначеніе». Дружно принялись всѣ за спѣшную работу. «Народъ твердый и рѣшительный занялъ постъ, оставленный главнокомандующимъ и его арміей, — говоритъ даровитый англійскій историкъ крымской экспедиціи.— «Блистательный фасадъ обрушился, но за нимъ высились гранитныя стѣны».

Обходя Севастополь съ южной стороны, союзники еще не знали сами, атакуютъ ли они городъ немедленно, безъ всякой осады. Рѣшеніе вопроса зависѣло отъ результата рекогносцировки, предпринятой ими 15 сентября. Послѣ этой рекогносцировки, мнѣнія союзниковъ относительно дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій рѣзко раздвоились. Какъ

на сѣверной сторонѣ Севастополя, такъ и на южной, контръ-адмиралъ Лайонсъ совѣтовалъ тотчасъ штурмовать городъ, и Рагланъ былъ того же мнѣнія, которое, насколько извѣстно теперь, вполнѣ отвѣчало требованіямъ и всѣмъ условіямъ минуты. Союзники могли бы овладѣть городомъ, если бы штурмовали Севастополь въ первые дни послѣ своего перехода на южную сторону. Армія князя Меншикова, стоявшая далеко въ сторонѣ, не могла бы помѣшать ихъ нападенію; на нее нисколько не разсчитывали и сами защитники Севастополя, тщетно скорбѣвшіе о бездѣятельности русскаго главнокомандующаго, который ссылался на необходимость отстаивать уже не Севастополь только, но и весь Крымскій полуостровъ. Но инженерный генералъ Бургоэнъ и французскіе генералы рѣшительно возстали противъ такого смѣлаго шага. Они были увѣрены, что севастопольскія укрѣпленія не устоятъ противъ привезенныхъ союзниками осадныхъ орудій, и что было бы преступно рисковать арміей безъ предварительной бомбардировки, когда армія князя Меншикова могла, во время рискованнаго штурма, появиться у нея во флангѣ. Таково было, послѣ второй рекогносцировки 17-го сентября, рѣшительное мнѣніе генерала Канробера, принявшаго начальство надъ французской арміей изъ рукъ умирающаго Сентъ-Арно. Рѣшено было ослабить предварительно огонь русскихъ укрѣпленій. Съ этой цѣлью союзники раздѣлили свою армію на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была дѣйствовать противъ крѣпости, а другая составляла обсерваціонный корпусъ, расположенный надъ обрывами Сапунъ-горы, фронтомъ къ Балаклавѣ и Ѳедюхинымъ высотамъ. А между тѣмъ оборонительныя работы производились въ Севастополѣ съ прежнею горячею дѣятельностью. Въ двадцать дней, съ 14 сентября по 5 октября, было построено вновь болѣе двадцати батарей; на укрѣпленія поставлено вновь 206 орудій, почти всѣ большихъ калибровъ. Союзники, съ своей стороны, дѣятельно возводили крѣпость противъ крѣпости, и уже 5 октября могли открыть бомбардировку изъ 126 осадныхъ орудій, къ которымъ потомъ присоединились 1243 орудія союзнаго флота. Въ одинъ этотъ день съ обѣихъ сторонъ выпущено 95 тысячъ снарядовъ; у насъ выбыло изъ строя 1,250, у союзниковъ 868 человѣкъ. И при всемъ томъ, въ общемъ итогѣ, бомбардированіе было неудачно. Французскія батареи должны были замолчать; бомбардировка флота сильно повредила лишь Константиновскій фортъ; только англійскія осадныя батареи съ успѣхомъ громили 3-й бастіонъ. Къ тремъ часамъ дня тамъ уже была сбита треть всего воору-

женія, передъ остальными орудіями амбразуры совершенно разрушены, почти всѣ офицеры убиты или ранены, и прислуга многихъ орудій замѣнена два раза. Артиллеристы бастіона продолжали однакоже обороняться до послѣдней крайности. Къ довершенію ихъ опаснаго положенія, непріятельской бомбой былъ взорванъ пороховой погребъ въ исходящемъ углѣ бастіона. «Когда разсѣялся дымъ, уцѣлѣвшіе люди увидѣли страшную картину: вся передняя часть бастіона была сброшена въ ровъ и весь бастіонъ обратился въ кучу земли; вездѣ валялись опаленные, обезображенные трупы. При взрывѣ погибло болѣе ста человѣкъ, изъ которыхъ отъ многихъ, въ томъ числѣ отъ капитанъ-лейтенанта Лесли—не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ. Несмотря на громъ выстрѣловъ, слышны были громкіе крики «ура» въ траншеяхъ англичанъ. Съ нашей стороны ожидали, что непріятель, пользуясь столь рѣшительнымъ успѣхомъ, пойдетъ на штурмъ. Казалось, дальнѣйшая защита бастіона стала невозможною; но ничто не могло поколебать стойкости его защитниковъ. Прислуга артиллеріи и офицеры были немедленно замѣнены другими людьми, которые тотчасъ стали приводить въ порядокъ нѣсколько уцѣлѣвшихъ орудій, а между тѣмъ, для отвлеченія непріятельскихъ выстрѣловъ отъ взорваннаго бастіона, батарея Будищева, съ громкими криками «ура», участила огонь по англійскимъ батареямъ. Однимъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ взорванъ зарядный ящикъ на англійской батареѣ. Съ корабля «Ягудіилъ» свезена на 3-й бастіонъ команда въ 75 человѣкъ, изъ которыхъ на другой день вечеромъ возвратились на корабль только 25 человѣкъ, прочіе были убиты или ранены. Для подноски зарядовъ отъ Госпитальной пристани къ бастіону посланы охотники, которые, проходя подъ сильнѣйшимъ непріятельскимъ огнемъ, большею частью погибли»...

Но все это было только слабое, сравнительно, начало тѣхъ ужасовъ разрушенія и смерти, которые разразились впослѣдствіи надъ Севастополемъ. Несмотря на успѣхъ англійской артиллеріи, главная цѣль бомбардированія—совершенное ослабленіе русскихъ батарей — не была достигнута, и союзники принуждены были приступить къ формальной, медленной осадѣ. Число ихъ батарей, орудій, снарядовъ и войска должно было возрасти до размѣровъ, передъ которыми блѣднѣютъ сейчасъ приведенныя нами цифры. Защитники Севастополя, проводя дни въ жестокой борьбѣ съ непріятелемъ, по ночамъ исправляли поврежденныя укрѣпленія и возводили новыя. Русская армія также усиливалась подходившими подкрѣпленіями. Въ половинѣ октября она уже

была числомъ сильнѣе непріятельской, принужденной къ тому же растянуться на большомъ пространствѣ для прикрытія своихъ осадныхъ работъ. Зная раздробленіе растянутой непріятельской арміи, русскіе главнокомандующіе, сначала кн. Меншиковъ, потомъ кн. Горчаковъ, естественно приходили къ мысли напасть на непріятеля не со стороны Севастополя, гдѣ онъ былъ защищенъ грозными батареями и достаточными силами, а со стороны его обсерваціонной линіи. Севастопольская борьба разросталась, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе въ своихъ размѣрахъ. То была борьба двухъ грозныхъ крѣпостей и двухъ армій, прикрывавшихъ эти крѣпости. Но въ то время, какъ обѣ крѣпости гордо и искусно выдерживали ежедневную борьбу, борьба двухъ армій постоянно оканчивалась не въ нашу пользу. Уже 13 октября намъ неудалось предпринятое княземъ Меншиковымъ нападеніе на Балаклаву, главную базу англійскихъ войскъ. Недождавшись прибытія двухъ дивизій, которыя были уже въ пути, главнокомандующій атаковалъ англичанъ значительными силами у Балаклавы. Англичане совсѣмъ не ожидали нападенія и не успѣли еще усилить свою позицію впереди этого города. Взятіе Балакавлы поставило бы ихъ въ трудное, почти безвыходное положеніе. Но овладѣть этимъ пунктомъ намъ не удалось, и дѣло 13 октября, показавъ союзникамъ слабѣйшій пунктъ ихъ расположенія, только заставило ихъ принять мѣры противъ грозившаго имъ удара. Та же неудача повторилась и 24 октября, при Инкерманѣ, гдѣ у насъ выбыло изъ строя до десяти тысячъ человѣкъ, и гдѣ, несмотря на двухстороннее нападеніе нашей арміи и севастопольскаго гарнизона на союзниковъ, мы потерпѣли неудачу, благодаря бездѣйствію, на которое была обречена треть крымской арміи, недостатку предварительныхъ распоряженій и отсутствію общей связи между отдѣльными частями дѣйствующихъ войскъ. Такую же неудачу потерпѣли мы въ дѣлѣ 4 августа 1855 года на Черной. Но уже инкерманское дѣло породило въ князѣ Меншиковѣ сомнѣніе въ успѣхѣ обороны Севастополя. Донося о послѣдствіяхъ этой битвы, онъ высказывалъ свое сомнѣніе государю. Встревоженный мрачными мыслями главнокомандующаго, императоръ Николай писалъ тогда кн. М. Д. Горчакову:

...«Крайне жаль, что намѣреніе князя Меншикова не имѣло удачи, стоивъ столько драгоцѣнной крови; потеря храбраго Соймонова весьма чувствительна, но еще болѣе сожалѣть должно, что эта неудача, нисколько не уронившая духа войскъ, отразилась на князѣ Меншиковѣ такимъ упадкомъ духа, что наводитъ на меня опасенія самыхъ худшихъ послѣдствій. Онъ не скры-

вает, что не видитъ болѣе надежды съ успѣхомъ атаковать союзниковъ, и предвидитъ даже скорое паденіе Севастополя. Признаюсь, такое направленіе мыслей меня ужасаетъ за послѣдствія. Неужели должны мы лишиться Севастополя послѣ такой крѣпкой защиты, послѣ столькихъ горькихъ потерь храбрѣйшихъ героевъ, и съ паденіемъ Севастополя дожить до всѣхъ тѣхъ потерь, которыя легко предвидѣть можно отъ подобнаго событія? Страшно и подумать. Но держась постоянно правила — предвидѣть худшее, чтобъ имъ не быть неожиданно застигнутымъ, не скрываю отъ тебя, что надежды на лучшій исходъ, развѣ по особой милости Божіей, не предвижу. Готовясь къ тому, прошу тебя мнѣ сообщить мысли твои, чтó, въ такомъ случаѣ, считаешь за лучшее предпринять, чтобъ по крайней мѣрѣ остановить дальнѣйшія, еще худшія послѣдствія. Съ потерей Севастополя наврядъ ли Меншиковъ отстоитъ и Крымъ, въ особенности ежели новый десантъ, какъ говорятъ, будетъ высаженъ у Евпаторіи, дабы угрожать Перекопу, и тѣмъ совершенно отрѣзать наше сообщеніе. Ужасно и подумать!»...

Но и князь Горчаковъ, назначенный впослѣдствіи, въ половинѣ марта, главнокомандующимъ въ Крыму, вскорѣ пришелъ къ тому же мнѣнію, чтó и князь Меншиковъ. Правда, въ суровую зиму 1854—55 г. положеніе союзныхъ армій въ Крыму, особенно англичанъ, было ужасно; но и наше положеніе было тяжело до крайности. Князь Меншиковъ требовалъ подкрѣпленій, и по болѣзни сначала просилъ прислать ему помощника, а потомъ заявлялъ желаніе быть уволеннымъ отъ должности главнокомандующаго. Если мы не такъ сильно терпѣли отъ холода, какъ союзники, то продовольствованіе нашей арміи въ Крыму было связано съ величайшими затрудненіями. При открытіи военныхъ дѣйствій, въ Крыму существовало только одно шоссе, устроенное вдоль южнаго берега, отъ Севастополя до подошвы Чатырдага. Всѣ другіе главные пути сообщенія на полуостровѣ состояли изъ почтовыхъ дорогъ отъ Симферополя къ другимъ городамъ таврической губерніи. Эти дороги оставались въ первобытномъ видѣ. Въ сѣверной, степной части Крыма онѣ были хороши лѣтомъ, въ сухую погоду, пролегая бóльшею частью по глинистому грунту, но во время дождей и зимою дѣлались непроходимыми. Въ южной, горной части Крыма, сообщенія затруднены крутыми спусками, подъёмами и топкими долинами рѣчекъ. Зимою 1854—55 г. дороги были такъ испорчены на всемъ протяженіи отъ Перекопа до Севастополя, что курьеры нерѣдко ѣхали шагомъ съ остановками на пути. Н. И. Пироговъ, ѣхав-

ній на курьерскихъ, употребилъ около двухъ сутокъ на проѣздъ 72-верстнаго разстоянія отъ Симферополя до Севастополя. Обозъ съ провіантомъ, высланный изъ Перекопа 17-го декабря, прибылъ въ Симферополь 21-го января, т.-е. прошелъ 134 версты въ 34 дня, круглымъ числомъ по четыре версты въ сутки. Такимъ образомъ приходилось доставлять къ Севастополю провіантъ, фуражъ, дрова и проч. Для этого, по разсчету г. Богдановича, необходимо было, чтобы въ теченіи восьми мѣсяцевъ, когда, по свойству дорогъ, подвозы возможны, находилось въ постоянномъ движеніи не менѣе 132,600 подводъ, а въ подвижномъ магазинѣ было ихъ только 7,000; остальныя 125,600 подводъ приходилось брать съ жителей тѣхъ губерній, которыя прилегали къ театру войны. Санитарная часть была также въ ужасающемъ состояніи. Получивъ въ октябрѣ свѣдѣніе объ истощеніи перевязочныхъ припасовъ въ Крыму, главнокомандующій южною арміей тогда же предписалъ кременчугской коммиссаріатской коммиссіи отправить въ Перекопъ и Херсонъ 180 тыс. аршинъ бинтовъ, 52 тыс. аршинъ компрессовъ и 250 пуд. ветоши; но эти припасы, высланные въ глубокую осень, пришли въ Крымъ уже послѣ прибытія подкрѣпленій изъ южной арміи и сраженій при Балаклавѣ и Инкерманѣ, когда потребность въ госпитальныхъ средствахъ впятеро увеличилась. Въ началѣ ноября, изъ показываемыхъ по спискамъ 126,323 строевыхъ нижнихъ чиновъ, кромѣ оставленныхъ въ госпиталяхъ южной арміи около 6,000 чел., состояло въ госпиталяхъ и лазаретахъ крымской арміи 27,244 чел., и въ томъ числѣ 10,553 чел. раненыхъ, не считая легко раненыхъ, которые оставались на службѣ при войскахъ. Въ день инкерманскаго сраженія, ни въ севастопольскихъ, ни въ симферопольскихъ госпиталяхъ уже не было ни одного свободнаго мѣста. Нѣсколько дней послѣ этого дѣла, Севастополь былъ буквально наполненъ ранеными, которые оставались не только безъ перевязки, но даже безъ крова и пищи, несмотря на всѣ усилія начальствующихъ лицъ. «Чтобъ удалить эту массу раненыхъ и больныхъ изъ осажденнаго города, рѣшено было отправить ихъ въ Симферополь, единственный большой городъ по всей линіи сообщеній крымской арміи съ остальною Россіей. Еще въ половинѣ сентября, послѣ сраженія при Альмѣ, было предписано военному губернатору города Симферополя, графу Адлербергу, приготовить помѣщеніе не менѣе какъ для 6,000 раненыхъ. Само собою разумѣется, что неотлагательное исполненіе такого приказанія въ городѣ, населенномъ всего 18-ю тысячами жителей, оказалось невозможнымъ. Когда же, послѣ сраженія при Инкерманѣ, многіе

изъ симферопольскихъ жителей успѣли оставить городъ и были очищены многія изъ публичныхъ зданій, тогда цѣлая половина Симферополя обратилась въ громадный госпиталь, переполненный ранеными и больными. Число первыхъ впослѣдствіи доходило до 18 тысячъ, а больныхъ къ марту 1855 года набралось до 9 тысячъ. Но и тамъ, по недостатку медицинскихъ средствъ, больные находились въ бѣдственномъ положеніи. Нерѣдко приходилось имъ, по прибытіи въ Симферополь, проводить на повозкѣ полдня и болѣе; затѣмъ, не снимая съ нихъ окровавленнаго платья, ихъ укладывали, за неимѣніемъ постелей, на полу, на рогожи, или на солому. Изъ тысячи служителей, постоянныхъ было не болѣе ста; остальные назначались временно изъ выздоровѣвшихъ, либо изъ музыкантовъ, и смѣнялись, еще не успѣвъ привыкнуть къ госпитальной службѣ».

Недостатокъ въ помѣщеніи для больныхъ и раненыхъ заставилъ перевозить ихъ изъ Симферополя въ Херсонъ и другія мѣста. Ихъ отправляли на повозкахъ подвижного магазина, возвращавшихся изъ Севастополя. Въ ненастную погоду телѣги вязли въ грязи, и больные по цѣлымъ часамъ оставались подъ проливнымъ дождемъ. Въ четыре мѣсяца, съ 1-го ноября по 1-е марта, вывезено такимъ образомъ изъ севастопольскихъ и симферопольскихъ госпиталей около 15,000 человѣкъ. Дурныя дороги и неудобныя подводы, говоритъ г. Гюббенетъ, недостатокъ врачей и фельдшеровъ, перевязочныхъ матеріаловъ, лекарствъ и хирургическихъ инструментовъ, теплой одежды и котловъ для варенія пищи, имѣли сильное вліяніе на здоровье больныхъ. Бывали даже случаи, что десятая часть перевозимыхъ умирала въ пути, дѣлаясь жертвой страшныхъ лишеній и безпорядковъ. Понятно, прибавляетъ г. Богдановичъ, что союзники, отправляя своихъ больныхъ и раненыхъ моремъ въ Константинополь, теряли меньше людей, чѣмъ мы. За недостаткомъ врачей, пришлось сдѣлать вызовъ и русскимъ, и иностранцамъ. Въ 1854 и 1855 гг. въ крымскую армію поступило всего около 300 своихъ и 114 итальянскихъ и американскихъ врачей, но иностранцы не могли принести большой пользы, потому что не знали русскаго языка. Изъ медико-хирургической академіи и университетовъ было выпущено до семи-сотъ человѣкъ раньше окончанія курса, но и это не помогло дѣлу. Молодые люди, непривычные къ новому своему положенію, почти всѣ переболѣли тифомъ. А между тѣмъ, въ началѣ марта 1855 г., изъ числившихся по спискамъ въ крымской арміи 148,789 человѣкъ, въ госпиталяхъ и лазаретахъ находилось около 32 тысячъ, въ томъ числѣ до 9 тысячъ раненыхъ.

Тѣмъ временемъ двѣ грозныя крѣпости—англо-французская и русская—продолжали борьбу, неся ежедневно жестокія потери, разрушая и исправляя свои укрѣпленія, дѣлая смѣлыя, отчаянныя вылазки и отражая ихъ съ ожесточеніемъ. Въ такомъ положеніи, ухудшенномъ неудачною попыткой штурмовать все еще занятую союзниками Евпаторію, съ цѣлью помѣшать непріятелю двинуться оттуда къ Перекопу, засталъ дѣла кн. Горчаковъ, прибывшій въ Крымъ на смѣну кн. Меншикова. Получивъ уже на одрѣ болѣзни извѣстіе объ этой новой неудачѣ, покойный государь поручилъ наслѣднику престола отвѣчать кн. Меншикову слѣдующимъ многозначительнымъ письмомъ:

«Государь, чувствуя себя несовершенно здоровымъ, приказалъ мнѣ, любезный князь, отвѣчать вамъ его именемъ на послѣдняго вашего курьера, отъ 7-го февраля.

«Его величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, генераломъ Хрулевымъ, на Евпаторію, и значительною потерею, вновь понесенною нашими храбрыми войсками *безъ всякаго результата*.

«Его величество не можетъ не удивляться, что, пропустивъ *три мѣсяца* для атаки сего пункта, когда въ немъ находился *самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться*, вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда, по всѣмъ свѣдѣніямъ, *достовѣрно было извѣстно*, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашей. Его величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

«Изъ журнала осадныхъ работъ подъ Севастополемъ, его величество убѣждается, что союзники, подвигаясь все ближе, устроивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ-горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что̀ также подтверждается всѣми газетными статьями.

«Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что, при теперешнемъ числѣ войскъ, вы рѣшительно считаете *всякое наступательное движеніе невозможнымъ*, его величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ отбиться, то немедля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны Чоргуна на Кадикіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь-возможно бо̀льшее число свободныхъ войскъ съ нужною артиллеріею и кавалеріею, дабы

угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

«Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то его величество не сомнѣвается, что принятыми вами мѣрами, на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и столь сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

«Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія *3-хъ линейныхъ кораблей*, для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія севастопольскаго рейда [1]), его величество, не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ однако не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

«За симъ государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому усердному и вѣрному сотруднику, и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что, отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе, довѣріемъ его величества на васъ возлагаемое, государь, съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до высочайшаго его свѣдѣнія, и желая доставить вамъ средства поправить и укрѣпить разстроенное службою ваше здоровье, высочайше увольняетъ васъ отъ командованія крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому предписано немедленно отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда, его величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать исполнять должность, вами доселѣ занимаемую.

«Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, вслѣдствіе сильной контузіи, его величество разрѣшаетъ ему воротиться сюда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

«За симъ государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ».

Но еще до разрѣшенія сдать начальство надъ войсками въ Крыму князю Горчакову, князь Меншиковъ по болѣзни передалъ временно

---

[1]) Послѣ бурь, размывшихъ прежнюю преграду изъ затопленныхъ судовъ, князь Меншиковъ испрашивалъ высочайшее разрѣшеніе затопить вновь три корабля у входа на рейдъ.

начальство надъ арміей барону Остенъ-Сакену, и вмѣстѣ съ тѣмъ пригласилъ князя Горчакова прибыть въ Севастополь.

Его высочество государь наслѣдникъ, извѣщая князя Горчакова о назначеніи его главнокомандующимъ крымской арміей и генералъ-адъютанта Лидерса временно командующимъ войсками на южной нашей границѣ, писалъ:

«Его величество разрѣшаетъ вамъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ *немедля туда направить*. Его величество имѣетъ при томъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ *первѣйшей важности*, и потому рѣшается, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, *жертвовать временно Бессарабіею, и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова*.

«Кончивъ съ Божіею помощію благополучно дѣло въ Крыму, всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и заставить ихъ дорого заплатить за временный успѣхъ»...

Приведенныя нами февральскія письма государя наслѣдника къ князю Меншикову и князю Горчакову ярко изображали трудности нашего тогдашняго положенія. Завязавшіеся вновь переговоры въ Вѣнѣ, въ которыхъ Россія изъявила согласіе на весьма значительныя уступки, не имѣли успѣха; между Англіей, Франціей и Австріей состоялся договоръ, по которому, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій между Австріей и Россіей, договаривающіяся стороны обязывались заключить между собою оборонительный и наступательный союзъ, и взаимно поддерживать одна другую сухопутными и морскими силами. Подъ Севастополемъ союзники, не давая покоя гарнизону, накопляли громадныя силы и средства. Въ началѣ февраля, число союзныхъ войскъ подъ Севастополемъ было равно числу нашихъ войскъ: и у нихъ, и у насъ въ Крыму было по 120 тысячъ человѣкъ, но это численное отношеніе вскорѣ измѣнилось въ ихъ пользу: число союзныхъ войскъ въ Крыму вскорѣ увеличилось до 170 тысячъ, когда число нашихъ не превышало 110-ти. Осадныя работы ихъ подвигались впередъ; по указанію Ніеля, французы открыли параллели и построили новые батареи противъ Малахова-Кургана. Защитники Севастополя продолжали геройски отстаивать крѣпость, даже возводить новыя укрѣпленія, нерѣдко удивлявшія непріятеля, вести неустанно контръ-минныя работы. Но въ виду колоссальныхъ осадныхъ средствъ, подготовленныхъ союзниками, ежедневное, ежеминутное мученичество, которое переживали наши моряки и армія уже пол-

года, по самому простому естественному закону, не могло не оказать на нихъ своего неотразимаго вліянія. Каково было положеніе Севастополя къ веснѣ, и какъ сильно, какъ глубоко было закравшееся въ душу всѣхъ фаталистическое убѣжденіе въ неизбѣжности смерти, показываетъ слѣдующій эпизодъ, заимствованный г. Богдановичемъ у Алабина:

«7-го марта не стало доблестнаго защитника Малахова-Кургана — Истомина. Онъ погибъ въ то время, когда возвращался на бастіонъ Корнилова съ Камчатскаго люнета, по гребню траншеи; по сторонамъ его шли командиръ люнета Сенявинъ и инженерный офицеръ Черкавскій.—«Ваше п—ство, сойдите въ траншею: тутъ очень опасно»,—сказалъ ему Сенявинъ.—«Э, батюшка, все равно, отъ ядра не спрячешься»,—отвѣчалъ Истоминъ. Въ это мгновеніе ядро оторвало ему голову, контузивъ Сенявина и ударивъ Черкавскаго въ голову костями черепа адмирала. Истоминъ былъ достойнымъ членомъ семьи черноморскихъ моряковъ, возросшей и преисполнившейся духомъ безстрашія подъ руководствомъ Лазарева. Поступивъ на Малаховъ-Курганъ, Истоминъ заботился о немъ и берёгъ его, какъ прежде берёгъ свой корабль «Парижъ». Съ самаго начала осады онъ не раздѣвался, спалъ весьма мало, и въ послѣдніе дни свои, постоянно находясь въ нервическомъ раздраженіи, принималъ мускусъ, чтобы поддержать свои физическія силы. Благодаря его дѣятельности, Малаховъ-Курганъ сталъ отдѣльною сильною крѣпостью. Чувство долга поселило въ Истоминѣ совершенное равнодушіе къ смерти. Когда многіе храбрые, испытанные сослуживцы адмирала заявляли удивленіе его необыкновенной отвагѣ, онъ повторялъ: «А я удивляюсь вашему удивленію. Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ: мнѣ слѣдовало быть убитымъ въ первую бомбардировку. Почему же не играть мнѣ тѣмъ, чѣмъ я пользуюсь долѣе срока». Наканунѣ вечеромъ, когда у него въ башнѣ сидѣлъ генералъ Хрулевъ и собралось нѣсколько офицеровъ, пришелъ какой-то ластовой офицеръ съ жалобой, что его не произвели въ поручики, между тѣмъ какъ младшій въ чинѣ былъ удостоенъ этой награды за дѣло, въ которомъ меньше его принималъ участіе. Истоминъ, обратясь къ своимъ гостямъ, сказалъ: «Странно: какое время теперь, а онъ хочетъ поручичьяго чина! Ну, не все ли равно умереть—поручикомъ или подпоручикомъ? Я, напримѣръ, убѣжденъ, что не выйду живъ отсюда, и мнѣ рѣшительно все равно—генераломъ ли меня убили бы, или поручикомъ!»

8-го марта прибылъ на сѣверную сторону новый главнокомандующій, окруженный блестящимъ штабомъ. Войска съ ледя-

нымъ равнодушіемъ приняли какъ его такъ и его увѣренія въ скоромъ изгнаніи союзниковъ. Армія не ожидала отъ него ничего рѣшительнаго, а морякамъ онъ былъ неизвѣстенъ. Чтобы дать понятіе о томъ, въ какой адъ сливались тогда осада и оборона Севастополя, достаточно сказать, что вооруженіе сухопутныхъ укрѣпленій южной стороны уже было доведено до тысячи орудій, изъ которыхъ 466 могли дѣйствовать прямо противъ непріятельскихъ осадныхъ батарей, а остальныя были назначены для обстрѣливанія ближайшей мѣстности, или для фланговой, тыльной и внутренней обороны укрѣпленій. Гарнизонъ считалъ 34 тысячи штыковъ и до 9 тысячъ человѣкъ артиллерійской прислуги. На осадныхъ батареяхъ непріятеля стояло 541 орудіе. По числу орудій наша артиллерія не уступала, слѣдовательно, непріятельской; но относительно калибровъ перевѣсъ былъ на сторонѣ союзниковъ, и къ тому же у насъ не было средствъ поддерживать продолжительное время учащенную пальбу по незначительности запаса снарядовъ и пороха въ Севастополѣ. Приходилось беречь заряды, чтобы не остаться потомъ безоружными. На сторонѣ атакующаго были также и выгоды мѣстности. Занимая охватывающую позицію, онъ могъ удобно сосредоточивать огонь и поражать нѣкоторыя укрѣпленія продольными и тыльными выстрѣлами. Непріятельскіе снаряды, перелетавшіе черезъ оборонительную линію, поражали вторую линію нашихъ укрѣпленій и попадали въ городъ. Въ ожиданіи штурма, обороняющійся былъ принужденъ держать резервы вблизи, подъ непріятельскимъ огнемъ, тогда какъ у атакующаго находились подъ выстрѣлами только прислуга орудій и траншейные караулы, а остальныя войска были расположены внѣ выстрѣловъ. Оттого мы терпѣли несравненно бо́льшій уронъ, чѣмъ непріятель. Во время общей бомбардировки въ концѣ марта, у союзниковъ выбыло изъ строя 1,850 человѣкъ, у насъ 6,130 человѣкъ—болѣе чѣмъ втрое, и это только одна изъ многихъ подобныхъ цифръ, приводимыхъ г. Богдановичемъ. Потери непріятеля тогда только были равны нашимъ, когда онъ не только бомбардировалъ, но и штурмовалъ наши укрѣпленія, напримѣръ, во время кровопролитнаго штурма передовыхъ укрѣпленій на лѣвомъ флангѣ нашей оборонительной линіи, 26 мая (7 іюня): тогда и мы, и непріятель потеряли по пяти съ половиною тысячъ человѣкъ.

Этотъ удачный для союзниковъ штурмъ произвелъ сильное впечатлѣніе на главнокомандующаго. Князь Горчаковъ пришелъ къ той мысли, какую уже высказывалъ князь Меншиковъ императору Николаю. Донося Государю Императору объ отчаянномъ,

геройскомъ сопротивленіи гарнизона многочисленному непріятелю, князь Горчаковъ писалъ:

....«Но какая отъ этого польза? Редуты съ 50-ю орудіями, хотя бо̀льшею частью и заклепанными, остались въ рукахъ непріятеля и, что̀ всего хуже, онъ устроитъ на нихъ, или около, батареи, которыя пресѣкутъ всякое дневное, а можетъ быть и ночное сообщеніе по бухтѣ; наконецъ, у меня, съ имѣющимся и ожидаемымъ порохомъ, не болѣе 135,000 выстрѣловъ по 6 іюня, а тамъ порохъ будетъ подходить весьма малыми количествами: этого менѣе чѣмъ на 10 дней, если отвѣчать огню непріятеля хотя въ умѣренной соразмѣрности.

«Теперь я думаю объ одномъ только, какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть болѣе 20 тысячъ, урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нельзя, чтобы ихъ спасти. Ужасно подумать!

«Всемилостивѣйшій государь! Прибывъ сюда, тому восемь недѣль назадъ, я засталъ непріятеля превосходнаго числомъ, въ неприступной, съ тыла укрѣпленной позиціи, охватывающаго городъ своими апрошами и редутами, по всему объему его, и находящагося уже въ 60-ти саженяхъ отъ 4-го бастіона. Теперь, послѣ восьми недѣль утомительнѣйшей осады, послѣ выдержанія неслыханнаго бомбардированія, причинившаго намъ огромную потерю въ людяхъ, и особенно въ штабъ- и оберъ-офицерахъ, я вижу непріятеля снова усилившагося, продолжающаго получать новыя подкрѣпленія. Онъ угрожаетъ прервать сообщеніе по бухтѣ; пороху у меня на десять дней. Я въ невозможности болѣе защищать этотъ несчастный городъ.

«Государь, будьте милостивы и справедливы! Отъѣзжая сюда, я зналъ, что обреченъ на гибель, и не скрылъ это передъ лицомъ вашимъ. Въ надеждѣ на какой-либо неожиданный оборотъ, я долженъ былъ упорствовать до крайности; теперь она настала; мнѣ нечего мыслить о другомъ, какъ о томъ: какъ вывести остатки храбрыхъ севастопольскихъ защитниковъ, не подвергнувъ болѣе половины ихъ гибели. Но и въ этомъ мало надежды. Одно, въ чемъ не теряю я надежды, это то, что, быть можетъ, отстою полуостровъ. Богъ и ваше величество свидѣтели, что во всемъ этомъ не моя вина».

Можетъ быть, взглядъ кн. Горчакова на наше положеніе въ Крыму, въ концѣ мая 1855 года, былъ слишкомъ мраченъ. Послѣ этого письма его къ Государю, Севастополь еще выдержалъ пятисуточное усиленное бомбардированіе, осыпавшее его 72 тыс. снарядовъ, и отбилъ генеральный штурмъ 6 (18) іюня, отъ ко-

торыхъ у насъ выбыло изъ строя около 5000 человѣкъ, не считая легко раненыхъ, оставшихся во фронтѣ, и столько же потерялъ непріятель. Но въ сущности главнокомандующій былъ правъ, и блистательное отраженіе іюньскаго штурма не разсѣяло его опасеній. Онъ попрежнему писалъ объ очищеніи Севастополя, которое, «по всей вѣроятности», «будетъ намъ стоить отъ 10 до 15,000 человѣкъ», попрежнему жаловался на недостатокъ въ порохѣ. Такъ думалъ не одинъ главнокомандующій. Нѣкоторые защитники Севастополя тоже полагали, что слѣдовало оставить его тотчасъ послѣ отраженія штурма 6 (18) іюня. Очистивъ тогда Севастополь и расположившись на сѣверномъ берегу рейда, мы сохранили бы до 42-хъ тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ фронта съ 7 іюня по конецъ августа. Честь русскаго оружія была блистательно удовлетворена девятимѣсячною необычайной обороной крѣпости, вдоль и поперегъ израненной непріятелемъ, и не разъ возрождавшейся вновь изъ пепла, благодаря героизму своихъ защитниковъ. Ежеминутное истребленіе людей, не сулившее впереди вѣрнаго успѣха, не могло же длиться до безконечности. Моряки и солдаты болѣе или менѣе примирились, правда, съ ужасающею обстановкой своей оборонительной жизни. Нѣсколько трогательныхъ сценъ, разсказываемыхъ очевидцами, свидѣтельствуютъ лучше всякихъ реляцій о необычайномъ простодушіи и полной беззаботности, съ которыми эти закаленные въ опасностяхъ люди несли свою тяжелую службу Россіи. «Въ свободное послѣ-обѣденное время, матросы собирали въ сосѣдствѣ укрѣпленій пули, за которыя имъ щедро платили, и сами иногда приплачивались за нихъ жизнію или кровью» — разсказываетъ г. Богдановичъ со словъ очевидца: «нѣкоторые изъ нихъ представили въ штабъ до 20 пудовъ собранныхъ ими пуль. Но когда подвезли въ Севастополь значительное количество свинцу, то былъ запрещенъ этотъ опасный промыслъ. Пища матросовъ варилась на батареѣ, причемъ ихъ кухня, общая со всѣми офицерами, состояла изъ неглубокой ямы, вырытой у одного изъ траверсовъ, съ кое-какъ сложенною печью и маленькою плитой. Солдатамъ же приносили утромъ и вечеромъ готовую кашицу изъ ротныхъ артелей, помѣщавшихся въ городѣ и Корабельной слободкѣ. На батареяхъ постоянно имѣлись нѣкоторые запасы, и въ томъ числѣ нѣсколько куръ. Въ особенности нравилось солдатамъ держать пѣтуховъ, которые среди боевой суеты напоминали своимъ крикомъ спокойствіе и безмятежность деревенской жизни. На редутѣ Шварца, у одного изъ моряковъ-офицеровъ былъ пѣтухъ, совершенно ручной, любимецъ всего населенія батареи, котораго матросы про-

звали Пелисеевымъ (Пелисье). На 6-мъ бастіонѣ, сравнительно болѣе безопасномъ, въ казематѣ, стоялъ рояль и иногда устраивались музыкальные вечера, съ помощію скрипача и флейтиста, приходившихъ съ другихъ бастіоновъ». А между тѣмъ, въ это же время, уже послѣ отбитаго штурма, когда союзники сами нуждались въ отдыхѣ и дали намъ вздохнуть, въ севастопольскомъ гарнизонѣ все-таки выбыли изъ строя, съ 7 по 28 іюня, болѣе 3200 человѣкъ. 8 іюня, на батареѣ Жервé былъ раненъ въ ногу на вылетъ генералъ Тотлебенъ, и долженъ былъ передать завѣдываніе всѣми работами въ другія руки. 28 іюня, смертельно раненъ адмиралъ Нахимовъ. Корниловъ сошелъ въ могилу гораздо прежде и Нахимова, и Истомина. Нахимовъ не надѣялся на счастливый исходъ осады, и не скрывалъ своего убѣжденія. Но онъ говорилъ также, что не выйдетъ ни живымъ, ни мертвымъ изъ Севастополя,—и сдержалъ свое слово.

Такова была эта доблестная, безгранично преданная своему дѣлу дружина черноморскихъ моряковъ. Осада Севастополя губила ее; съ каждымъ днемъ эти герои съ дѣтскимъ сердцемъ отходили въ вѣчность; отстоять родной ихъ городъ, такъ славно представлявшій въ то время Россію, не было никакой возможности. Надо было спасти армію, таявшую тамъ безслѣдно. Съ 28 іюня по 4 августа, гарнизонъ потерялъ отъ бомбардированія и при вылазкахъ еще 9097 человѣкъ, а непріятель только 5044. Рядомъ съ проявленіями полнаго равнодушія къ опасностямъ и беззавѣтной покорности долгу и судьбѣ, естественно проявлялось и крайнее утомленіе продолжительною и все еще безъисходною борьбой. Людямъ, измученнымъ физически и нравственно, хотѣлось отдохнуть душою. «Постоянный бой, не прекращающійся ни днемъ, ни ночью, вѣчныя бомбы и ядра начинаютъ дѣйствовать на нервы», писалъ уже послѣ дѣла на Черной генералъ-маіоръ Крыжановскій генералъ-адъютанту Безаку. «Душа невольно жаждетъ покоя, отдыха, а тутъ впереди (т.-е. до зимы) еще три мѣсяца такого существованія. Не трудно, что готовъ атаковать не только Өедюхины горы, но самый адъ, чтобы окончить это неестественное положеніе»...

Эти строки, приводимыя г. Богдановичемъ, чрезвычайно характеристичны, если сопоставить ихъ смыслъ съ военными событіями, непосредственно имъ предшествовавшими, и тѣми, которыя за ними слѣдовали. Такъ-называемое дѣло на Черной, или атака неприступныхъ Өедюхиныхъ высотъ, стоившая намъ огромныхъ и притомъ безплодныхъ потерь, можетъ быть объяснена лишь тогдашнимъ общимъ настроеніемъ духа въ крымской арміи и

излишней податливостью главнокомандующаго. Уступая разнымъ вліяніямъ изъ Петербурга, главнокомандующій предпринялъ это дѣло безъ вѣры въ его успѣхъ, безъ умѣнья исполнить его надлежащимъ образомъ. Многіе желали, такъ или иначе, выдти изъ несноснаго положенія и жаждали боя, который могъ бы измѣнить его. Это желаніе поддерживалъ прибывшій изъ Петербурга, по дѣламъ службы, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій. По мнѣнію барона, слѣдовало предпринять что-нибудь рѣшительное тотчасъ по прибытіи подкрѣпленій, которыя подошли въ концѣ іюля и между которыми было уже ополченіе... Увѣренный въ невозможности успѣха наступательныхъ дѣйствій, кн. Горчаковъ не имѣлъ достаточно характера, чтобъ провести свое мнѣніе. Его волновало всегдашнее опасеніе петербургскихъ толковъ о бездѣйствіи крымской арміи, и онъ уступилъ вліянію барона Вревскаго. По высочайшему повелѣнію, главнокомандующій собралъ 28 іюля военный совѣтъ, членамъ котораго было предложено высказать на другой день письменно свои мнѣнія по вопросамъ, относящимся къ данному положенію дѣлъ. Нѣкоторые члены совѣта предлагали прежде всего очистить южную сторону, но главнокомандующій, убѣжденный самъ въ необходимости этой мѣры, отвергнулъ ее, потому что она пала бы на его отвѣтственность; большинство высказалось въ пользу нападенія на союзниковъ со стороны Черной, и онъ счелъ за лучшее исполнить планъ большинства, въ успѣхъ котораго не вѣрилъ самъ. Наканунѣ сраженія онъ писалъ военному министру, что гибель Севастополя неминуема, что позиціи непріятеля на Гасфортовой горѣ и на Ѳедюхиныхъ высотахъ почти неприступны, что непріятель многочисленнѣе насъ, и что самъ онъ мало надѣется на успѣхъ... Раненый Тотлебенъ, спрошенный главнокомандующимъ, не одобрилъ наступленія къ Черной. По его мнѣнію, даже въ случаѣ успѣха мы не могли бы удержаться на Ѳедюхиныхъ высотахъ, не могли бы помѣшать непріятелю продолжать осаду Севастополя. Главнокомандующій, повидимому, согласился съ мнѣніемъ генерала Тотлебена, но потомъ уступилъ опять вліянію барона Вревскаго.

Результатъ этого несчастнаго дѣла, такъ же странно задуманнаго, какъ и странно веденнаго, у всѣхъ въ памяти. Мы потеряли болѣе 8000 человѣкъ, въ томъ числѣ 1742 безъ вѣсти пропавшими, потому что многіе изъ нашихъ раненыхъ остались въ рукахъ непріятеля, противъ 1811 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя у союзниковъ. Севастополь остался въ прежнемъ положеніи. Чаша страданій его еще не переполнилась. «Продолженіе

до крайности защиты Севастополя»—писалъ главнокомандующій Государю Императору—«конечно будетъ для насъ славнѣе, чѣмъ очищеніе его безъ очевидной необходимости. Дѣйствуя такъ, армія понесетъ, можетъ быть, большой уронъ; но она для того только и существуетъ, чтобы умирать за вашу славу». Севастополь держался еще три недѣли, выдержалъ два новыхъ усиленныхъ бомбардированія, ужасныхъ по ихъ размѣрамъ, и отбилъ новый штурмъ на всѣхъ пунктахъ, кромѣ Малахова-Кургана; потерявъ съ 9 августа до 16,000 человѣкъ отъ бомбардированія, онъ потерялъ еще 12,488 человѣкъ въ одинъ день послѣдняго штурма! Желаніе главнокомандующаго исполнилось: онъ опасался, какъ видно изъ его писемъ къ военному министру, что непріятель, зная о постройкѣ моста черезъ бухту и ожидая, что мы сами очистимъ Севастополь, не произведетъ штурма, не дастъ намъ повода уйти... Онъ не хотѣлъ брать этого шага на свою отвѣтственность... Къ счастью, мостъ черезъ бухту былъ уже готовъ, и защитники могли оставить разрушенный, но все еще дорогой имъ городъ...

Кровь стынетъ въ жилахъ, когда читаешь объ этой бойнѣ, когда возьмешь въ толкъ эти страшныя событія и цифры. Чѣмъ сказочнѣе, чѣмъ невѣроятнѣе онѣ сами по себѣ, тѣмъ поразительнѣе онѣ для васъ, когда вы, такъ сказать, осязаете ихъ руками, видите глазами, постигаете, какъ реальные, несомнѣнные факты. Война въ извѣстныхъ случаяхъ, разумѣется, неизбѣжна, какъ одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи; она, разумѣется, всегда связана съ большими личными и общественными несчастіями; но эти несчастія утроиваются всякій разъ, когда она предпринята безъ серьёзнаго соображенія относительныхъ силъ той и другой стороны, безъ разнообразныхъ матеріальныхъ и умственныхъ средствъ, необходимыхъ для ея успѣха, изъ-за крупныхъ политическихъ ошибокъ вмѣсто великой руководящей идеи. Такая война непремѣнно сопровождается особенно тяжелыми событіями и послѣдствіями. Однимъ изъ такихъ событій была гибель Севастополя и черноморскаго флота, о которыхъ Россія такъ мало знала до знаменитой осады. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что однимъ изъ лучшихъ всходовъ русской государственной силы былъ у насъ черноморскій флотъ, созданный адмираломъ Лазаревымъ вдали отъ центра административныхъ интригъ и удушливой военной формалистики, пригрѣтый исключительно-благопріятными мѣстными условіями. Многими своими свѣтлыми сторонами это прекрасное военное учрежденіе представляло лучшія стороны русскаго народнаго характера, и оттого оно явилось

крупною нравственною силой въ критическую пору. Но оно еще не окрѣпло съ матеріальной стороны; его средства были слишкомъ слабы, чтобы быть поставленными на карту въ неравной борьбѣ съ флотами первоклассныхъ морскихъ державъ,—и оно сломилось, увлекая за собою, въ своемъ трагическомъ паденіи, русское владычество на Черномъ морѣ. Судьба не дала ему окончательно взойти и расцвѣсть, развиться и жить па пользу Россіи; она и его обрекла участи многихъ хорошихъ начинаній и явленій русской жизни. Парижскій миръ, заключеніе котораго было слѣдствіемъ очевидной для всѣхъ необходимости, подтвердилъ опасенія, высказанныя княземъ Меншиковымъ еще до высадки союзниковъ на Крымскій полуостровъ. Въ Крыму, дѣйствительно, былъ рѣшенъ на много лѣтъ вопросъ о нашемъ вліяніи на дѣла Востока. Князь Меншиковъ совсѣмъ не былъ полководцемъ; многія ошибки въ исполненныхъ имъ военныхъ дѣйствіяхъ теперь уже не подлежатъ сомнѣнію; но онъ былъ умный человѣкъ, повидимому, понимавшій положеніе политическихъ дѣлъ. По всей вѣроятности, именно этимъ обстоятельствомъ объясняются его сдержанность, неувѣренность въ успѣхѣ и желаніе удалиться съ театра войны. Онъ не хотѣлъ играть ту роль, которую принялъ на себя впослѣдствіи его нерѣшительный, но болѣе суетливый преемникъ.

Какъ бы то ни было, гибель черноморскаго флота была для насъ жестокою, не скоро вознаградимою утратой. Флотъ имѣетъ громадное значеніе въ войнѣ со всякой державой, имѣющей пространныя приморскія владѣнія и сильныхъ союзниковъ на морѣ. Желѣзныя дороги отчасти, но только отчасти, замѣняютъ выгоды и удобства сильнаго флота въ военное время. Крымская война показала, что флотъ столько же безсиленъ противъ серьёзныхъ береговыхъ укрѣпленій, если ихъ орудія стрѣляютъ такъ же далеко, какъ и корабельныя пушки, сколько полезенъ для другихъ цѣлей: блокады, перевозки войскъ, провіанта, снарядовъ и всѣхъ принадлежностей арміи. На соединенныхъ флотахъ Франціи и Англіи были перевезены въ Крымъ такія массы людей и тяжестей, которыя сдѣлали ихъ положеніе въ Крыму несокрушимымъ. Черное и Азовское моря были въ ихъ рукахъ. Корабли ихъ могли не только подвозить въ Крымъ все необходимое для осады Севастополя, но и опустошать приморскіе пункты, высаживать войска въ любомъ мѣстѣ черноморскаго побережья. Евпаторія, Керчь и Кинбурнъ были заняты ихъ войсками. Осенью 1855 года Омеръ-паша могъ высадиться съ цѣлою арміей сначала въ Батумѣ, потомъ въ Сухумъ-Кале. Этого важнаго обстоятельства нельзя

упускать изъ виду при обсужденіи шансовъ всякой войны съ Турціей, если у Турціи будутъ сильные флотомъ союзники. Желѣзная дорога къ Севастополю значительно измѣняетъ къ лучшему наше положеніе въ Крыму противъ пятидесятыхъ годовъ, но она вполнѣ не замѣнитъ флота, не говоря уже о томъ, что она можетъ быть перерѣзана въ томъ или другомъ пунктѣ. Въ недавнюю пору горячаго воодушевленія русскаго общества дѣломъ подавленныхъ турецкихъ славянъ, когда лучшіе люди и силы рвались положить конецъ возмущающему душу турецкому порядку вещей на Балканскомъ полуостровѣ, о флотѣ не было и помину; а между тѣмъ, онъ является однимъ изъ могущественныхъ и, можетъ быть, необходимыхъ условій успѣха въ желанной борьбѣ съ страною, географически представляющей изъ себя полуостровъ и пользующеюся покровительствомъ первоклассной морской державы. Высоко цѣня великодушное общественное увлеченіе, нельзя въ то же время совсѣмъ оставить въ сторонѣ всякій разсчетъ, обязательный уже въ интересахъ того дорогого дѣла, которому такъ желательно принести существенную пользу. Невольно вспоминался въ эту оживленную пору нашъ погибшій черноморскій флотъ, который успѣлъ бы значительно окрѣпнуть и разростись въ послѣднія двадцать лѣтъ, еслибъ свирѣпая буря той восточной войны преждевременно и безжалостно не покончила его существованія....

Восточная война пятидесятыхъ годовъ вмѣняетъ намъ также въ обязанность обращать побольше вниманія на австрійскую политику въ восточномъ вопросѣ. Въ существѣ дѣла, она едвали много измѣнилась противъ прежняго. Въ пятидесятыхъ годахъ это была политика австро-германская. Австрія считалась тогда представительницей германскихъ интересовъ по отношенію къ турецкому Востоку. Теперь изъ австро-германской она сдѣлалась австро-венгерскою, и нѣтъ причинъ ожидать, что эта перемѣна девиза можетъ сопровождаться благопріятными для насъ послѣдствіями. А положеніе Австріи при всякомъ столкновеніи Россіи съ Турціей представляетъ для насъ капитальную важность въ военномъ отношеніи....

Мы далеко не исчерпали нашимъ очеркомъ тѣхъ интересныхъ и новыхъ фактовъ и цифръ, которые приведены въ военно-историческомъ трудѣ г. Богдановича. Мы познакомили читателей, и то лишь въ главныхъ чертахъ, съ военными дѣйствіями на Дунаѣ и въ Крыму, и совсѣмъ не коснулись другихъ теа-

тровъ восточной войны, описываемой тѣмъ же авторомъ. Существующія монографіи и записки отдѣльныхъ лицъ о восточной войнѣ касаются исключительно того или другого изъ ея крупныхъ событій; прекрасное сочиненіе Кинглэка — переведенное на многіе языки, — только, къ сожалѣнію, не на русскій, — посвящено исключительно крымской экспедиціи; сочиненіе г. Богдановича, напротивъ, обнимаетъ всѣ театры военныхъ дѣйствій того времени. Почтенному труду нашего автора нельзя отказать ни въ фактической обстоятельности, ни въ осторожности выводовъ, ни въ новости многихъ свѣдѣній, которыя до сихъ поръ оставались необнародованными. Авторъ снабдилъ свое сочиненіе прекрасными географическими и стратегическими картами и обстоятельными приложеніями, въ которыхъ, какъ и въ текстѣ, не мало интереснаго матеріала. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ богатый вкладъ въ нашу историческую литературу, близко соприкасающійся съ важными современными вопросами, найдетъ многочисленныхъ читателей.

В. К.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е января, 1877.

Уличные безпорядки.—Отзывъ петербургскаго биржевого купечества о причинахъ кризиса на торговомъ рынкѣ.—Оптовые и мелкіе дѣятели.—Помощь банкамъ.—Банкирскія конторы и ихъ характеръ.—Недостатки нашихъ желѣзныхъ дорогъ и ихъ валовой сборъ. — Судоходство по каналамъ. — Мобилизація и желѣзныя дороги.—Окончательный результатъ подписки на заемъ.

Когда-то и мы были молоды и дѣлали не мало хлопотъ и заботъ старѣйшему насъ поколѣнію; теперь наша очередь быть старѣйшимъ поколѣніемъ и хлопотать съ своею молодежью, предсказывая ей въ свое время такія же хлопоты, когда она заступитъ наше мѣсто,—а на ея мѣстѣ наростетъ новая молодежь. Такъ тянется безконечно это вѣковое столкновеніе, на рубежахъ двухъ поколѣній—ума, сильнаго опытомъ и знающаго ему цѣну, съ умомъ молодымъ, окрыленнымъ фантазіею, не знающимъ преградъ, не потому, чтобы этихъ преградъ не было,—но есть много увѣренности въ себѣ, въ своихъ силахъ, и опытъ еще не успѣлъ разсѣять золотыхъ сновъ молодости. Все это въ порядкѣ вещей, и тому, кто любитъ человѣчество, нѣтъ ничего восхитительнѣе зрѣлища молодежи веселой, отважной, ищущей на землѣ осуществленія абсолютной правды, желающей повсюду видѣть только одно доброе, прекрасное и справедливое. О такой, конечно, молодости давно уже сказано: „молодость есть порокъ, отъ котораго мы съ сожалѣніемъ излечиваемся".

Но намъ пришлось заключить прошедшій годъ такимъ, правда, единичнымъ фактомъ, какого, конечно, не испытали отъ насъ наши старѣйшіе, и нельзя пожелать современной молодежи, чтобы она, ставъ на наше мѣсто, нашла что-нибудь подобное въ послѣдующемъ за нею поколѣніи. Мы говоримъ о попыткахъ къ уличнымъ безпорядкамъ 6-го декабря на площади Казанскаго собора. Это уже не молодость, а скорѣе какая-то преждевременная старость, съ ея слѣпотою, глухотою и озлобле-

ніемъ; это уже не сила, а какая-то немощь, безсиліе; и нѣтъ тутъ ни юности, ни логики, ни просто здраваго смысла, а видно одно утомленіе, безнадежность и отсутствіе всякой мысли. Если это назвать фанатизмомъ, то такой фанатизмъ можетъ напомнить намъ развѣ крестовый походъ подъ предводительствомъ козы и гуся.

Изъ „Правительственнаго Вѣстника“ мы узнаёмъ, что виновники тѣхъ уличныхъ безпорядковъ „принадлежатъ къ числу *учащейся* молодежи“. При этомъ глубоко-печальномъ извѣстіи, въ обществѣ къ его первому чувству негодованія не могло не присоединиться и весьма естественное чувство жалости къ безплодно-губящимъ себя молодымъ силамъ, и притомъ въ странѣ, гдѣ и безъ того постоянно чувствуется недостатокъ въ силахъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“, стоящія относительно ближе другихъ къ лучшимъ источникамъ объ училищномъ дѣлѣ, ослабили пріятнымъ образомъ тяжелое впечатлѣніе, произведенное оффиціальнымъ органомъ, извѣщая, что „въ огромнѣйшемъ числѣ нашей учащейся молодежи“ тѣ уличные безпорядки встрѣчены были съ презрѣніемъ къ ихъ виновникамъ, и объяснили это отрадное явленіе, усматривая въ немъ результатъ „болѣе серьёзной плодотворной системы нынѣшняго образованія“. Въ этомъ объясненіи является прискорбнымъ одно: такое объясненіе есть, очевидно, косвенное обвиненіе тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя стоятъ внѣ „системы нынѣшняго образованія“. Но при этомъ редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ вѣроятно забыла упомянуть, что наши университеты, вызвавшіе справедливую ихъ похвалу, обязаны своимъ внутреннимъ порядкомъ и академическою дисциплиною старому уставу, вышедшему изъ другой „системы“ образованія и выдержавшему теперь лучшій изъ всѣхъ опытовъ, — опытъ времени (о такой заслугѣ университетскаго Устава 1863 года слѣдовало бы „Вѣдомостямъ“ упомянуть кстати въ эту минуту, когда есть люди, сомнѣвающіеся въ достоинствѣ этого Устава). Мало этого: почти *половина* университетскихъ слушателей являются въ аудиторіи вовсе не изъ „серьёзной и плодотворной системы нынѣшняго образованія“, а просто изъ семинарій, въ недостаткахъ которыхъ редакція не сомнѣвается. Это обстоятельство придаетъ новую силу тому значенію, какое представляетъ Уставъ 1863 года, поставившій университетскую молодежь лицомъ къ лицу съ профессорами, безъ вмѣшательства какой-нибудь канцеляріи или департамента, такъ-что даже самое преобладаніе въ университетѣ семинаріи нисколько не повліяло на его академическую дисциплину. Та же редакція забыла еще болѣе существенное обстоятельство, которое дастъ теперь ея противникамъ оружіе противъ нея. Обвиняя косвенно другія высшія учебныя заведенія, стоящія „внѣ“, она забыла, что уже давно и почти всѣ эти заведенія обязаны прини-

мать къ себѣ слушателей только съ „аттестатами зрѣлости“, а слѣдовательно, признанныхъ уже зрѣлыми въ „системѣ нынѣшняго образованія“, — не внѣ ея. Итакъ, почти всѣ высшія заведенія почерпаютъ своихъ слушателей въ одномъ общемъ источникѣ, въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдающихъ аттестатъ зрѣлости. Мы признаемъ это въ высшей степени справедливымъ въ принципѣ, такъ какъ всякому высшему, научному образованію должно предшествовать общеобразовательное обученіе; но въ такомъ случаѣ простая справедливость требуетъ снять съ тѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, гдѣ принимаются молодые люди съ аттестатомъ зрѣлости, всякую отвѣтственность за незрѣлость своихъ слушателей. Дѣйствительно, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всѣ усилія профессора могутъ быть устремлены къ одному научному преподаванію; воспитательная сторона дѣла покончена въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, и тамъ уже выданъ аттестатъ зрѣлости, безъ котораго нельзя поступить ни въ университетъ, ни въ другое какое-либо высшее учебное заведеніе, какъ, напримѣръ, медицинская академія.

Ставя такимъ образомъ вопросъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду какихъ-нибудь „заднихъ мыслей“ и не дѣлаемъ никакого косвеннаго обвиненія среднимъ учебнымъ заведеніямъ, выдающимъ аттестаты зрѣлости. По нашему личному убѣжденію, они, быть можетъ, стоятъ выше всякаго подобнаго обвиненія; но нельзя не сознаться, и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ упускаютъ это изъ виду, — что и до сихъ поръ ими не разрѣшена чрезвычайно важная задача: теперь, какъ и прежде, изъ нихъ выходитъ самый ничтожный процентъ для поступленія въ высшія учебныя заведенія, а огромная масса останавливается въ своемъ образованіи или на винительномъ, или на родительномъ падежѣ одного изъ латинскихъ склоненій. Конечно, вслѣдствіе того среднія учебныя заведенія очищаются отъ плохихъ элементовъ, но такъ какъ эти заведенія стоятъ не внѣ общества и государства, то эти плохіе элементы и остаются среди насъ. Реальныя училища опять не служатъ желательнымъ подспорьемъ классическимъ, такъ какъ въ нихъ все-таки преобладаетъ практическое направленіе, а не общеобразовательное, и потому они служатъ болѣе къ развитію всякаго рода практическихъ способностей, и не имѣютъ въ виду на первомъ мѣстѣ формированіе человѣка и его нравственнаго характера. Итакъ, если бы мы хотѣли правильно поставить наши воспитательныя задачи въ будущемъ, мы должны были бы озаботиться рѣшеніемъ того, какимъ образомъ уменьшить ежегодно увеличивающееся число недоучившейся молодежи, и что предпринять, чтобы аттестаты зрѣлости были серьёзнымъ ручательствомъ для нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, что они имѣютъ дѣло съ людьми, дѣй-

ствительно зрѣлыми? Многолѣтній опытъ послѣдняго времени даетъ намъ на это одни отрицательные отвѣты,—говоритъ только то, чего не нужно дѣлать. Въ нашемъ обществѣ все еще мало интересуются вопросами воспитанія, что́, однако, нисколько не уменьшаетъ важности этихъ вопросовъ и вліянія ихъ на судьбу самаго общества. Весьма немногіе и рѣдкіе голоса раздаются съ цѣлью уяснить намъ спокойно и безпристрастно ненормальныя и прискорбныя явленія среди нашей учащейся молодежи. Тѣмъ болѣе потому мы должны дорожить подобными указаніями, особенно если они, какъ иногда оказывается, бываютъ высказаны людьми столь же компетентными, сколько и опытными. На-дняхъ, одинъ изъ извѣстныхъ пастырей нашей церкви, въ своемъ недавно изданномъ сочиненіи, посвятилъ нѣсколько страницъ картинѣ вообще нашего современнаго духовнаго состоянія въ связи его со школою [1]):

„Картина этого состоянія духа—такъ говоритъ от. Базаровъ—очень поучительна. Нигилизмъ произошелъ у насъ не изъ каприза молодости, вдругъ поставленной на свои ноги. Основаніе его гораздо глубже коренится въ самомъ нашемъ недавнемъ прошедшемъ. Мы видимъ на опытѣ, что самыми главными поборниками нигилизма бываютъ юноши—питомцы науки. Если бы нигилизмъ былъ только отрицаніемъ всего, что̀ не нравится, то его скорѣе можно было бы ожидать въ массѣ невѣжественнаго класса, разнузданнаго отъ стѣснявшихъ его обстоятельствъ. Но оказалось наоборотъ. Классъ необразованный остался непричастнымъ нигилизму, а только недоученая молодежь да люди недѣловые вдались въ это направленіе. Что̀ было этому причиною? Очевидно, раздраженный, но не удовлетворенный аппетитъ знанія. Два метода нашего воспитанія вели прямо къ этому гибельному исходу. Одинъ—верхоглядство въ наукѣ и въ дѣлѣ; другой—суровое сдерживаніе порывовъ къ свѣтлому знанію. И то и другое раздразнило одно только любопытство, не удовлетворивъ потребностямъ духа, ищущаго вездѣ основанія и цѣли. Развивая высшіе взгляды на жизнь, у насъ забывали азбуку жизни. Подавляя строгостію порывы къ знанію, забывали, что безъ правды нѣтъ ни жизни духа, ни доблести гражданственной. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни нуженъ авторитетъ, какъ послѣдняя инстанція, къ которой прибѣгаютъ утомленные долгимъ и напраснымъ исканіемъ истины. Но если этотъ авторитетъ думаетъ дѣйствовать насиліемъ, тогда онъ пропалъ. Богъ, одарившій насъ непреодолимыми стремленіями къ истинѣ, добру и вѣчной красотѣ, не надѣлъ

---

[1]) „Христіанскія убѣжденія вѣрующаго". Пр. *Базарова*. Штуттгартъ. Придворная типографія Гуттенбергъ. 1877. Стр. 7 и 8.

узды на нашу свободу, но сказалъ во услышаніе всѣхъ: познайте истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными".

Эти слова вполнѣ достойны того почтеннаго сана, которымъ облеченъ авторъ, и при серьёзномъ обсужденіи вопроса, интересующаго теперь всѣхъ, нельзя оставить этихъ словъ безъ должнаго вниманія.

Но—перейдемъ къ обычнымъ дѣламъ, и начнемъ съ нашей биржи, такъ какъ она сдѣлала недавно попытку къ начертанію общей картины нашего матеріальнаго благосостоянія и взяла на себя трудъ разъяснить намъ причины кризиса на нашемъ торговомъ рынкѣ.

Въ одной комедіи Мольера, отецъ, не зная чѣмъ бы утѣшить дочь, спрашиваетъ совѣта у разныхъ лицъ, и они совѣтуютъ пріобрѣсть для нея каждый то, что самъ можетъ продать. Такъ, ювелиръ Жоссъ совѣтуетъ купить ей дорогія украшенія; но получаетъ такое возраженіе: „Vous êtes orfèvre, monsieur Josse!" Отвѣтъ этотъ пришелъ намъ на мысль, когда мы читали извлеченіе изъ протокола общаго собранія гласныхъ петербургской биржи, происходившаго 1 ноября,—извлеченіе, помѣщенное въ трехъ нумерахъ „Прав. Вѣстника". Оптовое биржевое купечество въ этомъ собраніи обсуждало общее положеніе дѣлъ на биржѣ и размѣры кризиса, причины его и мѣры къ устраненію его послѣдствій. Представимъ себѣ такое положеніе дѣлъ, что оптовые дѣятели биржи, имѣя подъ рукою мелкихъ агентовъ, могли бы держать ихъ подъ строгой дисциплиной, то-есть пользоваться ими какъ агентами для сбыта бумагъ въ розницу, но совершенно не зависѣть отъ нихъ и по возможности мало дѣлиться съ ними барышами; затѣмъ, что печать русская и иностранная была бы осуждена на совершенное безмолвіе о положеніи нашего кредита и дѣятельности нашихъ оптовыхъ торговцевъ бумагами, то-есть частныхъ банковъ и главныхъ банкирскихъ конторъ; что оффиціальный курсъ, показываемый биржевыми маклерами, не подвергался бы провѣркѣ биржевыхъ хроникъ въ газетахъ; что отпускная наша торговля, отъ которой богатѣютъ русскіе крупные торговцы, превышала бы торговлю привозную, отъ которой наживаются болѣе иностранные коммиссіонеры и большіе иностранные магазины въ Россіи; что политическія обстоятельства представляли бы глубокое затишье, и наконецъ — что государственный банкъ, продолжая „подкрѣплять свою кассу" новыми выпусками кредитныхъ билетовъ, понижалъ бы свой дисконтъ до размѣровъ, дающихъ частнымъ банковымъ учрежденіямъ и оптовымъ торговцамъ бумагами возможность расширять учетъ коммерческихъ векселей и операцію по ссудамъ подъ процентныя бумаги и варранты до колоссальныхъ предѣловъ. Представимъ себѣ все это a priori и независимо отъ взглядовъ биржевого купечества, и спро-

симъ себя, не представила ли бы такая совокупность обстоятельствъ въ нѣкоторомъ родѣ Эльдорадо, золотой земли, для оптоваго биржевого кружка́?

На этотъ вопросъ пришлось бы отвѣтить „да" a priori; на него отвѣчаютъ „да"—и мнѣнія, взгляды, заключенія оптоваго биржевого купечества, изложенные въ названномъ протоколѣ. По прочтеніи ихъ и приходится именно сказать: vous êtes orfèvre, monsieur Josse! Тутъ есть сѣтованія и на вторженіе на биржу и вліяніе на нее „мелкихъ" дѣятелей, „необладающихъ достаточными познаніями", и на увлеченія публики, и на иностранцевъ, „эксплуатирующихъ" нашъ рынокъ, и на иностранцевъ, пребывавшихъ или пребывающихъ въ Россіи и отвозящихъ свои сбереженія заграницу, и на русскихъ „туристовъ", пребывающихъ заграницею, никакихъ сбереженій въ Россію повидимому не присылающихъ; жалобы на печать русскую и иностранную, на высоту дисконта въ государственномъ банкѣ (въ октябрѣ), и комплиментъ министерству финансовъ. Сказать правду, мы ожидали значительно бо́льшаго отъ такого внушительнаго и даже торжественнаго заявленія, какъ протоколъ биржевого купечества по поводу кризиса на денежномъ рынкѣ.

Биржевое купечество относитъ главную вину въ неудовлетворительномъ состояніи коммерческаго рынка въ Петербургѣ—къ отсутствію дѣловыхъ свѣдѣній и увлеченію части общества, къ эксплуатаціонному направленію дѣятельности нашихъ иностранныхъ домовъ, къ пессимизму печати, а въ особенности къ ажіотажу представителей розничной торговли и мелкой спекуляціи на фондовомъ рынкѣ, торгующихъ по праву 2-й гильдіи, а иногда и безъ права, которыхъ оно называетъ „подпольемъ фондоваго рынка", и которые по его отзыву также „не обладаютъ твердыми дѣловыми воззрѣніями". Мы могли бы быть въ правѣ, конечно, ожидать отъ крупныхъ, оптовыхъ, русскихъ биржевыхъ дѣятелей 1-й гильдіи—и болѣе дѣловыхъ познаній, и менѣе „эксплуатаціоннаго направленія", чѣмъ отъ только-что перечисленныхъ категорій спекулянтовъ. Но, къ сожалѣнію, самая сущность взглядовъ, высказанныхъ биржевымъ купечествомъ, не даетъ намъ этого права—приписывать ему болѣе экономическихъ свѣдѣній, чѣмъ такъ называемымъ „зайцамъ"; ни дѣйствія нашего купечества первой гильдіи не даютъ намъ основанія приписывать ему менѣе „эксплуатаціонное" направленіе. То, въ чемъ гласные биржи усматриваютъ особенности, присущія только нашему фондовому рынку, въ дѣйствительности не представляетъ его особенностей, а существуетъ вездѣ. На тѣ же особенности, которыя въ самомъ дѣлѣ присущи нашему фондовому рынку и нашему кредитному дѣлу, а также и общему характеру нашей торговли, гласные вовсе не указываютъ.

Возьмемъ хотя бы вопросъ о „дѣловыхъ познаніяхъ". Возможно ли, чтобы сословіе парижскихъ agents de change или члены комитета лондонскаго Stock-Exchange стали высказывать такія мнѣнія, какъ, напр., что „замѣтное уменьшеніе въ сбытѣ предметовъ роскоши едва ли не представляется необходимымъ для упроченія нашей экономической степенности (чтó это значитъ?)", или придавать значеніе для торговаго баланса сбереженіямъ иностранцевъ, вывозимымъ изъ страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расходамъ туристовъ заграницею; хотя расходы англійскихъ и американскихъ туристовъ на континентѣ Европы безконечно превышаютъ издержки русскихъ путешественниковъ? Наконецъ, можно ли ожидать, чтобы биржевое купечество Лондона или Парижа жаловалось на газеты и на ихъ вредное вліяніе на дѣла? Развѣ московскій ссудный банкъ погубленъ газетами, а не крупными, оптовыми дѣятелями 1-й гильдіи; развѣ газеты были причиной затрудненій волжско-камскаго и другихъ банковъ; развѣ онѣ погубили г. Баймакова? Такіе взгляды на роскошь, на иностранцевъ, торгующихъ въ Россіи, на русскихъ туристовъ за границей и на русскую печать проводилъ Булгаринъ въ фельетонѣ „Сѣверной Пчелы"; они составляютъ хламъ, не обнаруживающій ровно никакихъ познаній, и поэтому странно и обидно ихъ встрѣтить въ протоколѣ почтеннаго петербургскаго биржевого купечества.

Что касается эксплуатаціоннаго направленія дѣятельности, то чѣмъ намъ докажетъ петербургское купечество первой гильдіи, что его дѣятельность не имѣетъ такого характера? Не монополіею ли—то на лѣсъ, то на хлѣбъ, то на керосинъ? Весь характеръ оптовой нашей торговли именно таковъ, что она постоянно стремится къ захвату монополій и искусственному возвышенію цѣнъ. Развѣ это не эксплуатація? Если же насъ спросятъ, отчего же такова именно особенность русской оптовой торговли,—то мы должны будемъ отвѣтить, что первая тому причина—никакъ не обиліе „дѣловыхъ воззрѣній и свѣдѣній", а именно—умственный застой, нежеланіе и неумѣнье искать барыша открытіемъ новыхъ путей, творческимъ почином, завоеваніемъ себѣ новыхъ мѣстъ сбыта, установленіемъ себѣ прочныхъ долговременныхъ связей. Оптовая морская перевозка находится въ рукахъ иностранцевъ: отчего нѣтъ (за ничтожными исключеніями) у нашихъ купцовъ собственныхъ судовъ, отчего коммиссіонерство по отпускной торговлѣ остается въ рукахъ иностранцевъ, отчего почти нѣтъ русскихъ торговыхъ конторъ за-границею? Оттого, что для созданія всего этого надо имѣть, прежде всего, истинно „дѣловыя познанія", умственную подвижность и европейскій взглядъ на сущность торговыхъ операцій, на отношеніе размѣра барыша къ обороту. Тогда можно идти путемъ собственнаго почина, развитія, творчества, по-

тому что средство къ пріобрѣтенію представляется при этомъ направленіи—въ увеличеніи круга дѣятельности и въ учащеніи оборотовъ капитала, безъ возвышенія размѣра барыша.

При отсутствіи же приведенныхъ качествъ, представляется путь совсѣмъ иной, намъ хорошо знакомый, а именно—возвышеніе прежде всего размѣра барыша, хотя бы даже съ сокращеніемъ или отрывчатостью операцій, лишь бы нажить на каждой отдѣльной сдѣлкѣ побольше, а затѣмъ стремленіе къ захвату, къ монополіи, какъ къ главному средству, опять-таки, повышенія размѣра барыша. Одна изъ особенностей нашей оптовой торговли состоитъ въ томъ, что купецъ 1-й гильдіи хочетъ нажить непремѣнно рубль на рубль; онъ хочетъ брать такой процентъ барыша, который свойственъ только разносчику. И это естественно. Никогда не слѣдуетъ винить цѣлую категорію людей, не провѣривъ, не сказывается ли въ ихъ дѣйствіяхъ законъ необходимости. При умственномъ застоѣ представляется совершенно излишнимъ отыскивать новые пути, когда можно идти проторенной, стародавней дорогой и, благодаря недостатку въ странѣ капиталовъ и почина вообще, на этой самой дорогѣ брать рубль на рубль, посредствомъ разныхъ пріемовъ, тоже давно извѣстныхъ и, въ видѣ крайней степени предпріимчивости, доходить до какого-нибудь милліоннаго подряда въ казну, откупа или концессіи. По правдѣ, намъ не ясно, какую существенную грань могло бы указать биржевое купечество между характеромъ оптовой и мелкой, розничной дѣятельности въ русской торговлѣ, не исключая и торговли цѣнными бумагами?

Въ своемъ отзывѣ о „подпольѣ фондоваго рынка“, представители оптовой торговли бумагами упрекаютъ мелкихъ торговцевъ въ „несоразмѣрности оборотовъ съ капиталомъ“, въ „погонѣ за легкою наживою“, въ „ажіотажѣ, столь мало нравственномъ по побужденію, столь безполезномъ въ экономическомъ отношеніи“, въ приданіи рынку „лихорадочнаго и фиктивнаго положенія, далеко отличнаго отъ того, которое имѣло бы мѣсто, если бы дѣла происходили исключительно въ *оптовой* биржевой сферѣ“. Все это весьма не убѣдительно. Начать съ того, что торговыя дѣла, а въ томъ числѣ и торговля бумагами, не могутъ „происходить *исключительно* въ оптовой биржевой сферѣ“; никакая оптовая торговля невозможна безъ существованія розничныхъ торговцевъ, какъ розничная торговля невозможна безъ потребителей. Это сознаютъ и сами авторы протокола, и упоминаютъ мимоходомъ о дѣятеляхъ „подполья“, что они „относительно полезны“ въ обыкновенное время, и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда они дѣйствуютъ въ „качествѣ проводниковъ мелочного помѣщенія бумагъ потребителямъ“. Да, вотъ въ томъ-то и дѣло, что они полезны оптовымъ торговцамъ, которые и не претендовали бы на нихъ, если бы эти

„дѣятели“ служили имъ въ родѣ приказчиковъ, а не брали самостоятельный барышъ и не пріобрѣтали бы, въ силу многочисленности своихъ сдѣлокъ, въ ихъ совокупности, вліяніе на самыя цѣны. Оптовая торговля у насъ всегда стремится закабалить себѣ розничную. Но въ товарномъ дѣлѣ это легче, чѣмъ въ торговлѣ бумагами, гдѣ мелкій дѣлецъ можетъ прямо вступать въ сношенія съ заграничными оптовыми торговцами, въ случаѣ нужды, минуя отечественныхъ. Если „дѣятели“ эти полезны въ обыкновенное время, то самостоятельность ихъ барыша и ихъ вліяніе вполнѣ законны, каково бы ни было время.

Относительно „несоразмѣрности оборотовъ съ капиталомъ“, въ которой обвиняются мелкіе торговцы бумагами, спросимъ представителей оптоваго фондоваго рынка, гдѣ же искать соразмѣрности оборотовъ съ капиталомъ: не въ волжско-камскомъ ли банкѣ, напримѣръ, который на 7 милл. складочнаго капитала производитъ обороты на $3^1/_2$ милльярда рублей? Предъявляемое противъ мелкихъ спекулянтовъ обвиненіе въ „ажіотажѣ, мало нравственномъ по побужденію и безполезномъ въ экономическомъ отношеніи“, и въ приданіи рынку „лихорадочнаго и фиктивнаго положенія“—справедливо; но мы затруднились бы разъяснить, въ чемъ же побужденія дѣятелей оптовыхъ нравственнѣе—и даже допустить, что они сами не вызвали первые безплодный ажіотажъ и лихорадочное настроеніе рынка. Укажемъ на примѣръ общества взаимнаго кредита въ 1868 и 1869 годахъ, то-есть именно въ то время, когда здѣшнему фондовому рынку привиты были ажіотажъ и „лихорадочное“ положеніе. Приводимъ цифры за эти два года изъ послѣдняго „Ежегодника министерства финансовъ“ (выпускъ V): при оборотномъ капиталѣ въ 2 милл. и потомъ до 4 милл. р., сумма оборотовъ составляла въ первомъ году 784 милл. р., во второмъ $1^1/_4$ милльярдъ р. При этомъ, торговыхъ векселей было учтено всего на сумму на $8^1/_2$ милл. и $11^1/_2$ милл. р., а ссуда подъ процентныя бумаги достигала цифры 41 милл. и 71 милл. р., текущій же счетъ—самый опасный элементъ банковаго дѣла—доходилъ до баснословныхъ по средствамъ банка цифръ: $229^1/_4$ милл. р. и $396^2/_3$ милл. рублей. Одного взгляда на эти цифры достаточно, чтобы показать, какіе дѣятели фондоваго рынка, крупные или мелкіе, дали первоначальный, громадный толчокъ къ развитію на здѣшней биржѣ ажіотажа и усвоенію ему лихорадочнаго положенія. Мелкіе дѣльцы въ то время еще только-что появились, и чѣмъ было вызвано ихъ появленіе: не тѣми ли громадными средствами для спекуляціи, которыя были имъ предоставлены крупными дѣятелями?

Какую цѣль могутъ имѣть предъявляемыя противъ мелкихъ дѣльцовъ обвиненія? Практически — никакой: исключительное право

биржевыхъ маклеровъ, быть посредниками на биржѣ между покупателями и продавцами, уже ограждено закономъ; за производство сдѣлки постороннимъ лицомъ установленъ штрафъ. Неоффиціальнаго же существованія „кулиссы" или, какъ менѣе изящно выражаются первогильдейскіе наши купцы, „подполья", устранить нельзя, и оно вовсе не составляетъ особенности нашего рынка, но существуетъ и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, и въ Берлинѣ, и въ Вѣнѣ. Мы не думаемъ защищать „зайцевъ", этихъ паразитовъ въ экономическомъ строѣ, но мы желали бы, чтобы намъ разъяснено было строгое разграниченіе и въ экономическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ—между ихъ дѣятельностью и дѣятельностью представителей оптоваго фондоваго рынка. А такъ какъ мы не въ состояніи уяснить себѣ здѣсь строгое различіе, то не видимъ, чтобы и цѣль нравственная, цѣль самооправданія достигалась нынѣшнимъ заявленіемъ гласныхъ петербургской биржи.

Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы читали въ газетахъ такое извѣстіе изъ Москвы: „Управляющій государственнымъ банкомъ имѣлъ здѣсь совѣщаніе съ представителями купечества и частныхъ московскихъ банковыхъ учрежденій о причинахъ, вызывающихъ торговыя несостоятельности. Главной причиной тому, на этомъ совѣщаніи, признано сокращеніе кредитовъ по учету векселей частными банковыми учрежденіями, и поэтому, для предупрежденія этой причины, обѣщано, что въ случаѣ надобности частнымъ банковымъ учрежденіямъ будутъ увеличены кредиты отъ государственнаго банка". Итакъ, государственная помощь частнымъ „банковымъ учрежденіямъ" будетъ продолжаться не въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ доселѣ. Но не указываетъ ли это вновь на необходимость подвергнуть нѣкоторому государственному надзору портфели частныхъ „банковыхъ учрежденій", обезпечивающіе то употребленіе, какое они дѣлаютъ изъ оказываемой имъ государствомъ помощи?

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о судьбѣ, постигшей въ прошломъ мѣсяцѣ одну изъ виднѣйшихъ въ Петербургѣ такъ-называемыхъ „банкирскихъ конторъ". Банкротство конторы Баймакова и К° служитъ новымъ доказательствомъ необходимости нѣкотораго законодательнаго ограниченія „свободы" учрежденій, принимающихъ вклады. Объ опасности, возникающей отъ большихъ текущихъ счетовъ, мы говорили въ прошлый разъ по отношенію къ акціонернымъ банкамъ. Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ о свойствѣ тѣхъ учрежденій, которыя носятъ названіе „банкирскихъ конторъ". Свойственныя имъ дѣла должны бы ограничиваться исполненіемъ коммиссій по покупкѣ и продажѣ бумагъ и выдачею траттъ. Вмѣсто того, конторы эти

производятъ всѣ наиболѣе обычныя операціи коммерческихъ банковъ, кромѣ учета векселей и ссудъ подъ товары. Онѣ выдаютъ ссуды подъ процентныя бумаги, принимаютъ вклады, открываютъ текущій счетъ, обезпеченный единственно какими-нибудь двумя десятками стульевъ и десяткомъ „конторокъ", да пожалуй, еще парою лошадей ихъ владѣльцевъ.

При этомъ происходитъ полное смѣшеніе аттрибуцій посредничества, банковаго дѣла, и простой продажи и покупки, то-есть спекуляціи. Основными принципами кредитнаго и коммиссіоннаго дѣла служитъ правило, что учрежденіе, принимающее вклады, банковое учрежденіе—не должно спекулировать, то-есть покупать бумаги для перепродажи ихъ за свой счетъ; а коммиссіонеръ можетъ быть только посредникомъ, но никакъ не являться покупателемъ или продавцомъ по отношенію къ своимъ довѣрителямъ, потому что иначе онъ становился бы прямо стороною въ той сдѣлкѣ, которая ему довѣрена какъ посреднику, а въ качествѣ стороны его интересъ былъ бы прямо-противоположенъ интересу его довѣрителя. Тотъ и другой изъ этихъ принциповъ здравой системы кредита и торговаго коммиссіонерства нарушаются дѣятельностью банкирскихъ конторъ въ томъ видѣ, какъ она проявляется у насъ. Банкирская контора принимаетъ вклады на текущій счетъ и даетъ ссуды, но она же (за немногими исключеніями) занимается покупкою и продажей бумагъ, не по порученіямъ только обращающихся къ ней лицъ, но прямо отъ себя. За вклады она при этомъ не представляетъ рѣшительно никакого обезпеченія. Правда, они обезпечены и въ частныхъ банкахъ только залогами подъ произведенныя ссуды. Но какъ ни темна для публики внутренность банковыхъ портфелей, частный банкъ при заведенномъ у насъ порядкѣ можетъ гораздо болѣе разсчитывать на помощь банка государственнаго въ затруднительный моментъ, чѣмъ банкирская контора, да и право учрежденія банка предоставляется законодательнымъ актомъ. Положимъ, всѣ такія гарантіи еще, въ крайнемъ случаѣ, ничего не обезпечиваютъ. Но вѣдь отсюда никакъ не слѣдуетъ, что полезно безконтрольное существованіе еще такихъ учрежденій, которыя уже и этихъ гарантій не представляютъ, на которыя не требуется ни концессіи, ни внесенія какого-либо капитала по акціямъ, учрежденія, которыя открываются какъ лавочки, и для открытія которыхъ достаточно записаться въ извѣстную гильдію и нанять болѣе или менѣе дорогое помѣщеніе.

Другая сторона дѣятельности нашихъ банкирскихъ конторъ, дѣятельность коммиссіонерская, посредническая, какъ уже сказано выше, нарушаетъ самый принципъ посредничества тѣмъ, что въ нихъ довѣрительство сводится къ торговлѣ, а барышъ коммиссіонер-

скій замѣняется барышомъ торговымъ, что не только не все равно, но создаетъ между публикою и конторой отношенія совершенно иного, даже противоположнаго свойства. Коль скоро контора только въ особенныхъ случаяхъ принимаетъ отъ довѣрителя заказъ на бумаги, которыхъ сама не имѣетъ, а въ большинствѣ случаевъ продаетъ частнымъ лицамъ свои собственныя бумаги, то преобладающею чертою во всей ея дѣятельности является уже перекупка и перепродажа, то-есть спекуляторскій барышъ, а не коммиссіонерство. Интересы коммиссіонера солидарны съ интересами довѣрителя: онъ старается исполнить заказъ по покупкѣ возможно дешевле, а заказъ по продажѣ возможно дороже, причемъ довольствуется скромнымъ коммиссіонерскимъ процентомъ, и выгоду свою полагаетъ въ расширеніи своихъ дѣйствій, вслѣдствіе оправданія оказаннаго довѣрія, вслѣдствіе выгодъ, предоставляемыхъ довѣрителямъ. Таково должно бы быть истинное, полезное призваніе банкирскихъ конторъ. Для вкладовъ существуютъ банки, для покупки и продажи — биржа. Банкирскія конторы должны существовать для коммиссій.

Но у насъ онѣ соединяютъ въ себѣ банкъ, коммиссіонерство и биржу, разнородныя операціи этихъ учрежденій въ нихъ смѣшиваются и, вмѣсто довѣрительства, преобладающею чертой въ нихъ является барышничество. При такомъ положеніи, интересъ банкирской конторы не только не солидаренъ съ интересомъ ея кліентовъ, но, напротивъ, состоитъ въ томъ, чтобы взять съ нихъ спекуляціонный барышъ. Контора покупаетъ на биржѣ бумагу, при сравнительно низкой цѣнѣ, положимъ по 170 (избираемъ бумагу наиболѣе популярную); своему кліенту она продаетъ ее по курсу дня продажи и, при этомъ, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ барышъ спекуляціонный. Но этого мало; контора въ одинъ и тотъ же часъ никогда не дастъ при покупкѣ той цѣны, которую назначаетъ при продажѣ; изъ курсовъ послѣдняго биржевого дня она избираетъ низшій для продавцовъ, высшій для покупателей, и получаетъ на разницѣ этихъ курсовъ такой барышъ, въ сравненіи съ которымъ отмѣчаемый ею на счетѣ процентъ за коммиссію ничтоженъ. Развѣ это коммиссіонерство? Контора въ такомъ случаѣ есть не коммиссіонное учрежденіе, но просто—биржевая лавочка, пользующаяся недоступностью биржи для массы публики и предлагающая ей цѣны менѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, какія та нашла бы на биржѣ. Что при подобной сдѣлкѣ, то-есть при продажѣ или покупкѣ за свой счетъ на 1 или 2% выше или ниже средняго биржевого курса, банкирская контора заставляетъ еще своего кліента платить за „коммиссію", это — просто злоупотребленіе, такъ какъ никакой коммиссіи тутъ нѣтъ, и коммиссіонерскій процентъ составляетъ только прибавку къ барышу на курсѣ, барышу,

во-первыхъ, спекуляціонному (разница въ курсахъ за нѣкоторое время), во-вторыхъ, мѣняльному (разница въ курсѣ покупки и продажи въ тотъ же день и часъ).

Мы готовы согласиться, что такого барышничества со стороны конторъ устранить нельзя. Для кліента можетъ быть удобнѣе заплатить лишнія деньги, чтобы не отправляться на биржу, съ которою онъ незнакомъ, хотя эти лишнія деньги, при покупкѣ цѣлыхъ партій бумагъ, могутъ быть довольно значительны. Затѣмъ, нельзя устранить и той выгоды, которою банкирскія конторы пользуются наравнѣ съ частными банками, а именно разницы въ процентѣ при ссудахъ по бумагамъ, которыя перезакладываются въ государственномъ банкѣ. Контора беретъ съ васъ 9%, и, заложивъ ваши бумаги въ государственномъ банкѣ, платитъ по нимъ 8%, стало быть имѣетъ 1% совершенно даромъ, получая ихъ на деньги государственнаго банка. При этомъ, правда, она иногда даетъ ссуду въ бо̀льшемъ размѣрѣ, чѣмъ банкъ, все-таки вполнѣ обезпечиваетъ себя залогомъ, стало быть, своимъ капиталомъ она при этомъ участвуетъ всего на какую-нибудь четверть ссуды, а разницу въ процентѣ беретъ 1% съ трехъ четвертей выдаваемой ссуды. Устранить эту, въ сущности совершенно неосновательную, выгоду частныхъ банковыхъ учрежденій можно бы единственно преобразованіемъ порядковъ въ государственномъ банкѣ, порядковъ чисто-чиновническихъ, при которыхъ кліентъ долженъ самъ сдѣлать версты двѣ по двѣнадцати заламъ банка и потерять два часа времени для того, что̀ въ банкирской конторѣ дѣлается въ пять минутъ. Банкирскія конторы вовсе не имѣли бы операцій по ссудамъ, если бы порядки въ государственномъ банкѣ были иные, и это было бы очень хорошо, такъ какъ деньги для ссудъ конторы берутъ у банка же. Но пока порядки остаются въ банкѣ нынѣшніе, столь простую, выгодную и громадную по размѣрамъ операцію, какъ ссуда подъ процентныя бумаги, будутъ производить и производятъ не только банкирскія конторы, но и мѣняльныя лавочки. Если мы сочтемъ въ одномъ Петербургѣ всѣ банкирскія конторы, мѣняльныя лавки и кассы ссудъ, производящія эту операцію совершенно безъ риска и главнымъ образомъ именно на деньги государственнаго банка, то получимъ цѣлую армію паразитовъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ на половину не чему иному, какъ именно порядкамъ, удерживающимся въ государственномъ банкѣ. Смыслъ этихъ порядковъ, не говоря уже объ излишнемъ письменномъ заявленіи, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что самъ кліентъ банкомъ обращается въ курьера, который обязанъ ходить по многимъ комнатамъ и тѣсниться у нѣсколькихъ окошекъ для того, чтобы исчисленіе одного чиновника банка было провѣрено

другимъ чиновникомъ банка, затѣмъ было доставлено къ третьему для записки въ книгу, къ четвертому для выдачи суммы въ рубляхъ и къ пятому для выдачи копѣекъ.

Итакъ, если банкирскія конторы не могутъ быть лишены выгодъ отъ торговли бумагами и производства ссудъ, не могутъ быть обращены къ истинному и полезному своему, чисто-коммиссіонерскому назначенію и быть въ самомъ дѣлѣ „банкирскими" конторами, а не малыми кредитными учрежденіями и передними биржи, то слѣдуетъ ли придти къ такому заключенію, что имъ должно предоставить навсегда полную свободу дѣйствій и совершенную безконтрольность? Наше мнѣніе не таково. Въ ихъ дѣятельности есть одна сторона, которая могла бы быть подчинена правительственному контролю, а именно—пріемъ вкладовъ. Эта операція могла бы быть даже воспрещена имъ; но такое воспрещеніе было бы очень стѣснительнымъ для публики до тѣхъ поръ, пока въ государственномъ банкѣ удерживаются нынѣшніе порядки, и притомъ подобное запрещеніе было бы несправедливо до тѣхъ поръ, пока портфель частныхъ банковъ не подчиненъ правительственному надзору. Но если бы было предварительно устроено то и другое, если бы государственный банкъ облегчилъ публикѣ сношенія съ нимъ, а надъ обезпеченіями ссудъ въ частныхъ банкахъ учрежденъ былъ надзоръ, тогда правительство совершенно основательно могло бы относительно банкирскихъ конторъ сдѣлать одно изъ двухъ: или разрѣшать имъ пріемъ вкладовъ, подчинивъ надзору ихъ портфель, наравнѣ съ портфелемъ частныхъ банковъ, но при этомъ еще потребовать отъ конторъ, принимающихъ вклады, значительный денежный залогъ, такъ какъ конторы эти лишены даже той, хоть сколько-нибудь сдерживающей обстановки, которая представляется въ банкѣ акціонерномъ; или же, считая невозможнымъ провѣрять портфели нѣсколькихъ десятковъ конторъ въ каждомъ изъ пяти или болѣе городовъ имперіи,—воспретить имъ, по этой именно причинѣ, пріемъ вкладовъ.

У насъ вошло въ моду—въ особенности въ изданіяхъ, имѣющихъ соприкосновеніе съ міромъ торговымъ—провозглашать въ такихъ дѣлахъ принципъ безусловнаго laissez faire, и главнымъ аргументомъ въ этомъ случаѣ приводится аргументъ, употребленный бывшимъ начальникомъ имперской канцеляріи въ Германіи — Дельбрюкомъ: что никакими мѣрами невозможно удержать людей, желающихъ отдѣлаться (loswerden) отъ своихъ денегъ. Но вѣдь это не болѣе, какъ фраза. Такихъ людей въ дѣйствительности вовсе нѣтъ, или если они есть, то это не тѣ люди, которые теряютъ все свое состояніе при крушеніи банкирской конторы. Люди, играющіе въ карты, уже скорѣе подходятъ къ категоріи „желающихъ отдѣлаться" отъ своихъ денегъ,

чѣмъ несчастные кліенты дутыхъ конторъ. Однако же, если бы картежника предупредить, что онъ играетъ съ шулеромъ, то „желаніе отдѣлаться отъ своихъ денегъ" все-таки навѣрное не повело бы къ продолженію игры. Помѣшать людямъ играть въ азартныя игры нельзя (хотя, замѣтимъ, законъ все-таки имѣетъ на это притязанія), но отсюда никакъ еще не истекаетъ, что полезно разрѣшить игорные дома, а тѣмъ болѣе—оставлять безъ надзора профессіональныхъ игроковъ, между которыми часто попадаются шулера. При безусловномъ примѣненіи приведеннаго выше принципа, и за шулерами наблюдать не слѣдуетъ, по пословицѣ: „на то и щука въ водѣ, чтобъ карась не дремалъ". Вотъ къ чему, въ дѣйствительности, сводятся разсужденія всѣхъ защитниковъ безусловной банковой свободы.

Не лишне будетъ сопоставить здѣсь два новѣйшихъ образчика такого взгляда, по которому само общество должно „доразвиться" до ясновидѣнія того, чтó заперто въ портфеляхъ его кредитныхъ посредниковъ. Беремъ два эти образчика изъ совершенно различныхъ источниковъ. „Финансовое Обозрѣніе", въ полемикѣ по поводу банкротства г. Баймакова, сказало: „Нѣтъ, не въ правительственной опекѣ (отчего же именно опека, а не надзоръ?) представляется надобность, а въ болѣе сознательномъ отношеніи общества къ собственнымъ своимъ интересамъ". „Indépendance Belge", въ полемикѣ по поводу возникшаго въ бельгійской печати вопроса о подчиненіи государственному надзору документовъ, упоминаемыхъ въ отчетахъ акціонерныхъ обществъ вообще, въ прошломъ мѣсяцѣ говорила: „Не призывомъ на помощь государства, превращаемаго въ нѣкоего „бога", публика можетъ избавиться отъ опасности, но памятованіемъ пословицы: „береженаго и Богъ бережетъ (aide-toi, Dieu t'aidera)"... Это все прекрасно. Но изъ этого мы видимъ, что если возлагать надежду въ этомъ отношеніи на распространеніе въ русскомъ обществѣ вѣрныхъ понятій о банковомъ дѣлѣ, осторожности въ кліентахъ и усердія въ акціонерахъ къ дѣятельному надзору за капиталами, помѣщенными ими въ банкъ, то намъ придется ждать очень долго, пока мы сравнимся въ этомъ отношеніи съ обществами германскимъ и бельгійскимъ. А когда мы достигнемъ до этого, то, какъ оказывается изъ приведенныхъ ссылокъ, положеніе будетъ все-таки неудовлетворительно, мы будемъ и тогда сознавать, что не мѣшало бы установленіе правительственнаго надзора, и намъ будутъ снова твердить то же, чтò говорили Дельбрюкъ нѣмцамъ, а „Indépendance Belge" бельгійцамъ. Многіе считаютъ либеральнымъ возставать противъ всякой „регламентаціи" въ торговлѣ бумагами и кредитомъ, но мы не видимъ, почему бы именно эта, весьма опасная по свойству своему, отрасль торговли не могла подлежать нѣкоторымъ охранительнымъ

мѣрамъ, какъ, напримѣръ, торговля порохомъ, крѣпкими напитками и т. д. Берлинскій „крахъ" показалъ, куда привела свобода „учредительства" Германію, а Россіи еще далеко до Германіи и въ смыслѣ распространенности знаній въ обществѣ, и въ смыслѣ уменьшенія регламентаціи по всѣмъ другимъ частямъ. Отчего же такая привилегія безконтрольности, которой не пользуется даже печать, имѣющая одно орудіе, и притомъ, не чужое—слово, должна у насъ принадлежать банкамъ и конторамъ, которые орудуютъ миллъярдами чужихъ денегъ и держатъ въ своихъ рукахъ, безъ всякаго надзора, судьбу множества людей, скрывая въ своихъ портфеляхъ тайну, отъ которой можетъ зависѣть разореніе тысячъ людей, настоящее несчастіе для страны?...

На наши желѣзныя дороги также постоянно слышатся жалобы весьма разнообразнаго и серьёзнаго свойства, какъ и на банки. Къ счастью, при усиленномъ передвиженіи войскъ во время мобилизаціи, слышно было только о трехъ такихъ несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ, которые имѣли послѣдствіемъ искалѣченіе людей. Мы называемъ это „счастливымъ" результатомъ, такъ какъ еще свѣжая въ памяти тилигульская катастрофа, признаемся, страшила насъ впередъ, когда мы помышляли о предстоявшемъ спѣшномъ, и по необходимости—экстренномъ, движеніи при концентрированіи въ Бессарабіи цѣлой арміи, въ Крыму и на южномъ берегу Новороссіи большихъ корпусовъ войскъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что окончательные результаты изслѣдованія о тилигульскомъ дѣлѣ остаются намъ пока неизвѣстными, да и врядъ ли скоро сдѣлаются извѣстными, такъ какъ лицо, подъ главнымъ управленіемъ котораго находилась линія, подлежавшая изслѣдованію, нынѣ носитъ важныя обязанности по защитѣ города Одессы. Но не на одинъ недостатокъ личной безопасности у насъ жалуются, когда говорятъ о желѣзныхъ дорогахъ. Жалуются на тарифы, отвлекшіе вывозную торговлю отъ Одессы къ прусскимъ портамъ, на медленность доставки товарныхъ грузовъ, вслѣдствіе долгаго лежанія ихъ въ пакгаузахъ желѣзныхъ дорогъ, на частую порчу грузовъ, т.-е. на обстоятельства, производящія пертурбацію въ разсчетахъ торговыхъ людей, которымъ весьма трудно опредѣлить время, нужное для исполненія обязательствъ при помощи желѣзныхъ дорогъ; жалуются на недостатокъ подвижного состава, на нерѣдкіе случаи расхищенія пассажирскаго багажа, какъ не такъ давно оказалось—производимое иногда систематически; на дурное устройство вагоновъ, повалившихся на бокъ, на неотдѣланность, временный характеръ нѣкоторыхъ путевыхъ сооруженій, на запаздываніе поѣздовъ, и даже прекращеніе ихъ зимою, подъ предлогами дѣйствующими для одного какого-нибудь

пункта, но служащими для цѣлыхъ путей; на неаккуратную топку вагоновъ, имѣющую послѣдствіемъ то холодъ, то такую жару, которая принуждаетъ отворять двери или окна и подвергаться самымъ серьёзнымъ невыгодамъ для здоровья. Перечислить всѣхъ жалобъ на наши желѣзныя дороги невозможно въ нѣсколькихъ строкахъ. Мы хотѣли только напомнить, что въ числѣ слышимыхъ сѣтованій есть указанія и на весьма существенные, притомъ многообразные недостатки русскихъ желѣзныхъ дорогъ, хотя готовы впередъ согласиться, что въ массѣ жалобъ есть и неосновательныя.

Среди такихъ-то серьёзныхъ жалобъ весьма кстати появился въ оффиціальной газетѣ приказъ по вѣдомству путей сообщенія, въ которомъ изложены результаты осмотра, произведеннаго минувшей осенью, съ спеціальной цѣлью, девяти желѣзно-дорожныхъ линій. Такой документъ можетъ лучше всего руководить насъ при провѣркѣ ходячихъ разсужденій о положеніи и порядкахъ желѣзныхъ дорогъ, и указать намъ дѣйствительно слабыя ихъ стороны.

Осмотрѣнныя девять линій были найдены однако въ весьма удовлетворительномъ состояніи относительно пути, за немногими исключеніями. Вслѣдствіе того, въ приказѣ объявлена благодарность разнымъ лицамъ. Затѣмъ, вниманіе при осмотрѣ обратили на себя различныя обстоятельства, неимѣющія впрочемъ ничего общаго съ вышеупомянутыми жалобами общества. Такъ, замѣчено было, что на большинствѣ дорогъ употребляется балластъ изъ песку мелкаго; между тѣмъ „всѣ дороги пересѣкаютъ не мало рѣкъ и рѣчекъ, протекающихъ въ песчаномъ ложѣ, и какъ взятый со дна рѣки песокъ крупнѣе находящагося на берегу, то и желательно, чтобы управленія желѣзныхъ дорогъ начали пользоваться этимъ пескомъ для улучшенія балласта“. На балластъ желѣзныхъ дорогъ, впрочемъ, не было жалобъ въ обществѣ, да и мы не техники, а потому не можемъ обсуждать значенія и важности новой мѣры.

Далѣе, въ томъ же приказѣ обращается вниманіе на неудовлетворительность устройства пожарной части, на внѣшній порядокъ, чистоту и опрятность станціонныхъ помѣщеній и мастерскихъ, на отсутствіе систематическаго расположенія матеріаловъ въ магазинахъ и неимѣніе на нихъ ярлыковъ, наконецъ, на рѣчныя пристани желѣзныхъ дорогъ и недостаточность на нихъ приспособленій къ удобной нагрузкѣ и выгрузкѣ судовъ. Затѣмъ, собственно объ устройствѣ и содержаніи путей, на 158 строкъ текста приказа въ газетѣ, имѣются только слѣдующія четыре, но весьма важныя, строки: „откосы полотна нѣкоторыхъ дорогъ не вездѣ закончены и отдѣланы, и осадка въ полотнѣ мѣстами не выравнена, особенно возлѣ малыхъ мостовъ“. Не трудно понять, какія послѣдствія можетъ иногда имѣть на практикѣ не-

выравненность осадки полотна дороги, особенно возлѣ мостовъ. Балластъ, приспособленія для выгрузки судовъ, устройство пожарной части на станціяхъ, содержаніе матеріаловъ въ системѣ, а помѣщеній въ чистотѣ и опрятности,—все это, конечно, имѣетъ свое значеніе и для желѣзныхъ дорогъ, но, мы полагаемъ, далеко не такое, какъ, напримѣръ, для судовъ, гдѣ при маломъ помѣщеніи необходимы и вмѣстѣ удобны и безпрестанная чистка, и систематичность расположенія, не говоря уже объ исправности пожарныхъ инструментовъ.

„Въ заключеніе поставляется на видъ управленіямъ желѣзныхъ дорогъ—въ приказѣ—обязательность для нихъ содержанія пассажирскихъ вагоновъ въ бо́льшей чистотѣ". Для этого требуется, чтобы вагоны очищались не только на оконечныхъ станціяхъ дороги, но и на промежуточныхъ, хотя послѣднее едва-ли возможно на практикѣ, безъ большой непріятности для пассажировъ. Потомъ, „для облегченія пассажировъ въ размѣщеніи по вагонамъ", предлагаются къ исполненію слѣдующія мѣры: во-первыхъ, придать вагонамъ каждаго класса тотъ же цвѣтъ, который имѣютъ пассажирскіе билеты того же класса, дѣлая это по мѣрѣ поступленія вагоновъ въ ремонтъ и истощенія настоящихъ запасовъ пассажирскихъ билетовъ каждаго класса. При этомъ, для усвоенія на всѣхъ нашихъ дорогахъ, съ цѣлію доставленія наибольшаго удобства пассажирамъ, одинаковаго цвѣта для каждаго класса пассажирскихъ вагоновъ и билетовъ, слѣдуетъ войти представителямъ желѣзныхъ дорогъ въ соглашеніе между собою на предстоящемъ восьмомъ ихъ съѣздѣ. Во-вторыхъ, обозначить вагоны внутри, на видныхъ мѣстахъ, тѣмъ же нумеромъ, какой имѣется на каждомъ изъ нихъ снаружи. И эти мѣры, когда все существенное уже сдѣлано, могутъ быть полезны, хотя не было ли бы проще и легче перепечатать билеты на бумагѣ цвѣта вагоновъ (если такое соотвѣтствіе необходимо), чѣмъ „придавать вагонамъ цвѣтъ билетовъ". Замѣтимъ еще, что если и допустить полезнымъ, чтобы съ билетомъ краснаго цвѣта садиться непремѣнно въ красный вагонъ, а съ синимъ—въ синій, то все-таки не ясно, почему же цвѣта́, принятые для каждаго класса, необходимо должны быть тѣ же на всѣхъ существующихъ линіяхъ; почему, напримѣръ, второй классъ не могъ бы быть на одной дорогѣ краснымъ, а на другой шоколатнымъ, если только билеты имѣютъ одинъ цвѣтъ съ вагонами? Намъ вообще неясна самая важность этого вопроса, который предлагается на обсужденіе и соглашеніе представителей желѣзныхъ дорогъ на восьмомъ ихъ съѣздѣ, именно, вопроса объ единообразіи цвѣтовъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, хотя мы и не сомнѣваемся, что соглашеніе по такому вопросу не представитъ на съѣздѣ особеннаго затрудненія.

Но главное соображеніе представляется тѣмъ, исчерпываются ли приведенными нами съ точностью замѣчаніями приказа, представляющаго результатъ осмотра девяти желѣзныхъ дорогъ — всѣ главные недостатки и неудобства ихъ устройства, содержанія и эксплуатаціи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и существенные поводы къ многообразнымъ жалобамъ, которыя предъявляются на желѣзныя дороги молвою? Если на этотъ вопросъ отвѣчать утвердительно,—въ такомъ случаѣ остается только порадоваться за эти осмотрѣнныя девять дорогъ, въ числѣ которыхъ находятся и московско-брестская, и рыбинско-бологовская. Но нельзя вмѣстѣ не ожидать, что осмотръ другихъ дорогъ, со временемъ, обнаружитъ, что на нашей желѣзнодорожной сѣти замѣчаются еще и иные недостатки, кромѣ такихъ, которые выше указаны.

Впрочемъ, доказательство тому имѣется отчасти и въ настоящее время, такъ какъ въ истекшемъ мѣсяцѣ въ печати былъ заявленъ слухъ объ учрежденіи особой коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ графа Э. Т. Баранова, изъ членовъ *разныхъ* вѣдомствъ, для изслѣдованія современнаго положенія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, и между прочимъ, недостатковъ состоянія дорогъ и ихъ эксплуатаціи. Сверхъ того, коммиссіи этой поручается и болѣе обширная задача: изучить и всю постановку, всѣ условія желѣзнодорожнаго дѣла у насъ, экономическія, административныя и техническія, для какой цѣли будутъ посылаемы для осмотра и опроса на мѣстахъ особыя подкоммиссіи, въ которыхъ будутъ участвовать и лица торговаго сословія. Уже одинъ тотъ фактъ, что общая средняя доходность на версту на нашихъ дорогахъ уменьшается, стóитъ всесторонняго обслѣдованія, независимо отъ общаго соображенія, что это явленіе естественно при распространеніи сѣти за извѣстные предѣлы, въ данный моментъ. По послѣднимъ оффиціальнымъ даннымъ, которыя у насъ теперь подъ рукою, а именно по свѣдѣніямъ къ 1 сентября, средній доходъ на версту за первые 8 мѣсяцевъ 1876 года уменьшился на 5,91%. Это уменьшеніе въ почти 6%, которое за весь годъ вѣроятно выразится еще бóльшей цифрою, весьма значительно. Пусть оно зависитъ главнымъ образомъ отъ приращенія сѣти на около 650 верстъ противъ 1875 г. (вся длина эксплуатируемыхъ дорогъ къ 1 сентября 1875 г. была 17,006 верстъ, а къ 1 сентября 1876 г.—17,658 верстъ), но вѣдь и общая сумма валового сбора уменьшилась на $2^3/_4$%, то-есть за 8 мѣсяцевъ въ 1875 году получено 93.562,732 рубля, а за тѣ же мѣсяцы 1876 года на 2.151,322 рублей менѣе. Это уменьшеніе зависѣло уже не отъ распространенія сѣти. Рядомъ съ замѣтнымъ увеличеніемъ дохода на нѣкоторыхъ дорогахъ, а особенно на моршанско-сызранской (на 35% слишкомъ) и рыбинско-бологовской (почти 29%), мы замѣчаемъ значительное паденіе

сбора на многихъ другихъ, какъ, напр., на харьково-николаевской (на 36½%), ландварово-роменской и бресто-граевской (по 23½%), орловско-витебской (почти на 24%), динабургско-витебской (слишкомъ на 24%), риго-динабургской (до 23%), волго-донской (20%). Паденіе цифры всего валового сбора на цѣлую четверть или хоть пятую часть его—явленіе крайне значительное, и самыя названія дорогъ, на которыхъ это явленіе замѣчается, указываетъ на связь его съ положеніемъ и направленіемъ отпускной торговли. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ указать и на новое паденіе сбора на одесской дорогѣ (на 13½%). Явленіе это зависитъ, конечно, отъ нѣкоторыхъ причинъ, неустранимыхъ измѣненіемъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и порядковъ, но никакъ нельзя утверждать, что оно вовсе не зависитъ и отъ послѣднихъ. Самое паденіе отпускной торговли въ одесскомъ портѣ, напр., не можетъ не имѣть связи съ высотою тарифа, содѣйствующею направленію хлѣбнаго отпуска на прусскіе порты, особенно при сравнительной дешевизнѣ фрахтовъ иностранныхъ съ фрахтами русскаго общества пароходства, владѣющаго одесскою дорогой, общества, которому субсидія, какъ извѣстно, продолжена.

Вопросъ о желѣзнодорожныхъ тарифахъ важенъ не для одной отпуской торговли. Фактъ повсемѣстнаго лѣсоистребленія, необходимость принять мѣры къ охраненію и новому взрощенію лѣсовъ—уже вошли въ разрядъ положительно сознанныхъ обществомъ потребностей. А между тѣмъ, на ряду съ такимъ фактомъ и такой потребностью, мы видимъ возмутительное явленіе, что наши южные города продолжаютъ топить свои печи дубовымъ лѣсомъ, платя за него по 60 рублей и болѣе за кубическую сажень. Спрашивается: чего можно ожидать отъ мѣръ по охраненію и разведенію вновь лѣса, когда даже югъ употребляетъ его на топливо и, за неимѣніемъ иного дерева, жжетъ дубъ, наравнѣ съ камышемъ и навозомъ? Не обусловливается ли это явленіе дороговизною русскаго каменнаго угля, а его дороговизна не зависитъ ли отъ тарифа на желѣзныхъ дорогахъ, изъ которыхъ иныя и сами-то единственно по принужденію топятъ свои машины углемъ, но предпочли бы по прежнему превращать въ паръ одно изъ главныхъ богатствъ прежней Россіи—лѣсъ?

Въ желѣзнодорожныхъ порядкахъ вообще много такихъ вопросовъ, которые касаются не одной желѣзнодорожной администраціи, и мы не можемъ не признать полезнымъ допущеніе въ сотрудники предполагаемой коммиссіи — лицъ торговаго сословія. Что касается образованія такой коммиссіи внѣ вѣдомства путей сообщенія, то мы готовы были бы замолвить слово противъ этого, обычнаго за послѣдніе годы вмѣшательства другихъ вѣдомствъ въ дѣло, которое имѣетъ характеръ прежде всего техническій, и въ которомъ безъ

спеціальнаго знакомства съ технической частью можно, конечно, имѣть право заявленія, но не право рѣшающаго голоса. Но въ настоящемъ случаѣ насъ удерживаютъ отъ такого возраженія два обстоятельства. Во-первыхъ, намъ не извѣстно, не отклонило ли отъ себя столь многосложнаго изслѣдованія министерство путей сообщенія, ссылаясь на свое обремененіе текущими дѣлами. Во-вторыхъ, во главѣ различныхъ управленій и частей этого техническаго вѣдомства уже нѣсколько лѣтъ стоятъ не инженеры; можно даже сказать, что за исключеніемъ самого начальника управленія желѣзными дорогами, инженеры въ этомъ вѣдомствѣ играютъ роль второстепенную; а стало быть коммиссія, составленная изъ членовъ отъ разныхъ вѣдомствъ, будетъ вѣроятно столь же компетентна для изслѣдованія положенія желѣзныхъ дорогъ, какъ если бы она была составлена исключительно изъ начальниковъ частей министерства путей сообщенія, тѣмъ болѣе, что лицо, назначаемое, по слухамъ, предсѣдателемъ желѣзнодорожной коммиссіи, имѣетъ практическую опытность, пріобрѣтенную въ званіи предсѣдателя главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Мы привели выше приказъ по министерству, служащій выраженіемъ результата осмотра желѣзныхъ дорогъ. Справедливость требуетъ, чтобы мы обратили вниманіе и на заботы его о судоходствѣ, такъ какъ отъ нынѣшняго управленія естественно было ожидать усиленной дѣятельности скорѣе всего именно по этой части. И дѣйствительно, обращаясь къ оффиціальной статьѣ о судоходствѣ, обнародованной незадолго передъ закрытіемъ навигаціи, мы убѣждаемся, что здѣсь достигнуты были результаты вполнѣ благопріятные. Такъ, напримѣръ, по Сясьскому каналу въ навигацію истекшаго года, до 1 сентября, прошло 15,907 судовъ и гонокъ, а въ соотвѣтствующее время въ 1875 году прошло только 11,902 судна и гонки. Это увеличеніе на около 30% само по себѣ заслуживаетъ вниманія, если даже и не принимать въ разсчетъ мнѣнія министерства, что такъ какъ по мелководію, бывшему нынѣ, суда, идущія къ Петербургу и отъ Петербурга, въ каналахъ не могли расходиться, а требовали особаго времени для ихъ пропуска, то движеніе 1876 года, выражаемое цифрою 15,907 судовъ, слѣдуетъ сравнивать не съ 11,902 судовъ 1875 года, а только съ числомъ 7,551 судовъ, шедшихъ въ 1875 году, въ одну сторону, къ Петербургу. Такого метода сравненія, при которомъ нынѣ движеніе оказалось бы *вдвое* дѣятельнѣе, мы не можемъ признать убѣдительнымъ.

За то, безъ всякаго сомнѣнія относимся къ общимъ мѣрамъ министерства, по облегченію провода судовъ и соблюденію при томъ

порядка, причемъ должны замѣтить, что министерству путей сообщенія нынѣ была оказываема помощь отъ министерства морского, какъ-то: предоставленъ пароходъ и 55 матросовъ, служившихъ вмѣстѣ съ жандармами, конной и пѣшей стражей для надзора за движеніемъ судовъ и за рабочими. Замѣтимъ еще, что при содѣйствіи петербургскаго земства, въ двухъ мѣстахъ водяного пути, гдѣ происходитъ скопленіе судовъ, были открыты камеры мировыхъ судовъ. Вообще, изъ статьи видно, что были приняты всевозможныя мѣры къ облегченію и ускоренію прохода судовъ по Ладожскому озеру, каналу императора Александра, каналамъ Сясьскому и Свирскому, чему содѣйствовалъ и личный осмотръ министромъ путей сообщенія положенія судоходства, какъ части ему спеціально-знакомой.

Изъ двоякой мобилизаціи, о которой мы говорили въ предшедствующемъ обозрѣніи, а именно: военной и финансовой, наиболѣе несомнѣнный успѣхъ, какъ теперь оказывается, имѣла первая. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что по объявленіи 1-го ноября, телеграммами, губернаторамъ 52 губерній и областей повелѣнія о мобилизаціи части войскъ, причемъ первымъ днемъ исполненія назначено было 2-е ноября, въ одной изъ этихъ губерній (нижегородской) сборъ людей окончился на второй день призыва, въ 5-ти губерніяхъ на третій день, въ 12-ти на четвертый, въ 7-ми на пятый, въ 17-ти между шестымъ и десятымъ днемъ, въ 2-хъ—на одиннадцатый, въ 3-хъ—на тринадцатый и въ 2-хъ—на семнадцатый день призыва. Вездѣ запасные люди собирались быстро и охотно, и уклоняющихся не было; незначительный недоборъ въ однихъ мѣстахъ, обусловленный отлучкою, смертью и т. п. случаями, болѣе чѣмъ пополнился излишнимъ сборомъ людей въ другихъ мѣстахъ. Поставка лошадей произведена была столь же исправно, а именно окончилась въ теченіи 15-ти дней, причемъ свидѣтельствуется, что и поставка лошадей производилась населеніемъ охотно. Время года было неблагопріятно для мобилизаціи, такъ какъ въ началѣ ноября въ однѣхъ мѣстностяхъ была распутица, въ другихъ ледоходъ. Несмотря на эти препятствія, дѣло исполнено въ тотъ самый двухъ-недѣльный срокъ, который такъ удивилъ всѣхъ въ 1870 году, когда приведена была въ военный составъ германская армія. Оффиціальная статья съ полнымъ правомъ дѣлаетъ изъ этого слѣдующій выводъ: „Изъ вышеизложеннаго оказалось, что настоящая мобилизація, составляя первый опытъ, усложненный экстренно-спѣшнымъ введеніемъ совершенно новаго положенія, и исполненный притомъ въ самое неблагопріятное время года, свидѣтельствуетъ объ усердіи какъ мѣстныхъ властей и исполнителей, такъ и самого населенія“.

Перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ произведена была весьма спѣшно, при помощи пріостановленія товарнаго движенія по всѣмъ линіямъ, назначеннымъ для движенія войскъ, и на все время ихъ движенія. Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ отношеніи и высказались мѣстами неудобства, на которыя необходимо обратить вниманіе, чтобы воспользоваться такими указаніями для будущаго времени. Пріостановка товарнаго движенія на линіяхъ къ югу отъ Москвы и на западъ имѣла послѣдствіемъ временное ухудшеніе экономическаго положенія нашего юга, и безъ того весьма незавидное. Не только остановилась торговля, но во многихъ мѣстахъ былъ ощущаемъ даже перерывъ въ подвозѣ припасовъ, необходимыхъ для мѣстнаго потребленія, и цѣны на нихъ сильно возросли. Въ Москвѣ перерывъ товарнаго отправленія на югъ вызвалъ торговый застой, чтó отразилось и на Петербургѣ, такъ какъ московскіе купцы, отрѣзанные на время отъ тѣхъ губерній, для которыхъ Москва служитъ главнымъ складомъ, пріостановили свои заказы и покупки въ Петербургѣ.

Все это—явленія, быть можетъ и неизбѣжныя, и во всякомъ случаѣ такія, которыхъ ни въ какое сравненіе съ вопросомъ о государственной безопасности ставить нельзя. Россія готова и не на такія жертвы для исполненія призыва къ оборонѣ своей чести и своей территоріи. Но вопросъ въ томъ именно и состоитъ, вездѣ ли, во всѣхъ ли мѣстахъ, необходимость перевозки уже собранныхъ и ждущихъ отправки войскъ требовала столь долговременнаго перерыва товарнаго движенія? Не было ли тутъ, на первый разъ, по самой неопытности, простоевъ совершенно безполезныхъ, обусловленныхъ не необходимостью, а просто общностью принятой мѣры? Мы слышали такой примѣръ, что на одной дорогѣ, которой сборъ въ обыкновенное время составляетъ 7,000 рублей въ день, товарное движеніе въ обѣ стороны было прекращено сперва на 7 дней (со 2 по 9 ноября), и въ это время не перевезено ни одного взвода солдатъ, по той простой причинѣ, что они еще не были собраны. Затѣмъ, товарное движеніе, вслѣдствіе ходатайства дороги, поддержаннаго министерствомъ путей сообщенія, было возобновлено на короткое время и потомъ снова прекращено на 5 дней, вслѣдствіе приспособленія всѣхъ наличныхъ вагоновъ для перевозки войскъ. Въ теченіи этихъ пяти дней было перевезено безъ малѣйшаго стѣсненія около 15 т. чел. запаса и свыше 1,000 лошадей, и, какъ говорятъ, могло бы быть перевезено даже и безъ прекращенія товарнаго движенія. Между тѣмъ, это прекращеніе на 12 дней сбора въ 7,000 рублей, составило 84,000 р. убытка, безъ всякой для кого-либо пользы.

То же самое можно сказать о тѣхъ случаяхъ, когда распоряженіе

о приспособленіи бо́льшаго числа вагоновъ для перевозки войскъ было дѣлаемо слишкомъ рано или въ размѣрахъ бо́льшихъ противъ дѣйствительной потребности. Вагоны эти, до воспослѣдованія перевозки солдатъ или до воспослѣдованія дозволенія о снятіи тѣхъ приспособленій, не могли быть употребляемы для товарнаго движенія, и простой ихъ, если въ нихъ была нужда для отправки грузовъ, выражался убыткомъ. Мы не выдаемъ приведенныхъ данныхъ за совершенно точныя; но если похожіе случаи, какъ гласятъ слухи, были, то хотя ихъ и можно объяснить новизною дѣла, все же необходимо извлечь изъ нихъ полезныя указанія для будущихъ распоряженій.

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, будутъ ли или нѣтъ возмѣщены управленіямъ желѣзныхъ дорогъ ихъ убытки по прекращенію товарнаго движенія за тѣ дни, когда войска не перевозились. Если и не будутъ, то общества желѣзныхъ дорогъ вѣроятно найдутъ средство устранить отъ себя подобные убытки хоть на настоящее время. Извѣстно, что общества эти ежегодно не доплачиваютъ казнѣ по оказаннымъ имъ ссудамъ, и что долгъ ихъ возрастаетъ ежегодно (по отчету контроля за 1875 годъ, онъ возросъ въ томъ году на слишкомъ 14 милл. руб.). За истекшій годъ долгъ ихъ увеличится, вѣроятно, въ бо́льшемъ размѣрѣ, напримѣръ, на 20 милл. руб. вмѣсто 14-ти; вотъ и все. Но убытки, понесенные торговлею, если были такіе, которыхъ можно было избѣгнуть, безъ вреда для скорости перевозки войскъ, пали на торговцевъ и производителей безъ всякаго возмѣщенія или отсрочки. Повторяемъ, что при первомъ опытѣ все это, быть можетъ, было неизбѣжно, но что слѣдуетъ извлечь отсюда пользу на будущее время.

Положеніе министерства путей сообщенія, среди распоряженій по перевозкѣ войскъ и прекращенію товарнаго движенія, не могло не быть весьма затруднительнымъ. Оно находилось въ этомъ дѣлѣ, съ одной стороны—въ полной зависимости отъ военнаго вѣдомства, котораго требованія оно должно было безусловно исполнять, съ другой стороны—въ неловкомъ отношеніи къ управленіямъ тѣхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя усиленно ходатайствовали о возобновленіи отправки грузовъ, когда вагоны стояли даромъ и войскъ не перевозилось. Быть можетъ, скорость передвиженія войскъ не потерпѣла бы, а обыкновенная эксплуатація понесла бы меньшія потери, если бы военное вѣдомство ограничилось сообщеніемъ министерству путей сообщенія, въ какихъ именно пунктахъ и въ какіе дни будетъ собрано приблизительно извѣстное число солдатъ, лошадей, орудій, обоза и припасовъ, и въ какое время эти части должны быть доставлены въ опредѣленныя мѣста. Тогда уже отъ министерства путей сообщенія за-

висѣло бы сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, и оно могло бы сдѣлать ихъ не въ видѣ огульной мѣры, но въ видѣ отдѣльныхъ точныхъ предписаній, съ заботливостью какъ о скорой доставкѣ войскъ, такъ и объ устраненіи неудобствъ для желѣзныхъ дорогъ и цѣлаго края перерывовъ въ обыкновенномъ движеніи въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они не были необходимы.

Въ настоящемъ случаѣ всякія сѣтованія на это министерство были неосновательны. Но о желѣзныхъ дорогахъ и министерствѣ, ими завѣдующемъ, мы уже говорили выше, безъ отношенія къ потребности временной, то-есть къ мобилизаціи.

Мобилизація финансовая, то-есть подписка на заемъ, сдѣланный въ виду политическихъ обстоятельствъ, оказалась менѣе удачной, чѣмъ мобилизація военная. Едва ли мы ошибемся, объяснивъ это тѣмъ существеннымъ различіемъ, что для успѣха военной мобилизаціи достаточно охоты населенія, а для успѣха займа одной охоты мало: надобны деньги, а въ нихъ-то, повидимому, недостатокъ въ самой странѣ. О неуспѣхѣ займа говорить было бы несправедливо, такъ какъ подписка достигла 123.590,000 руб., на предложенные 100 милл. Но можно было бы ожидать бóльшаго успѣха, если бы въ странѣ были сколько-нибудь значительныя свободныя сбереженія. Бумага, предложенная за 92 рубля въ то время, когда совершенно тождественныя съ ней бумаги стояли по 97 (первые три выпуска упали до 93 уже вслѣдствіе объявленія новаго займа), должна была вызвать бóльшій спросъ; помѣщать въ нее было выгодно, если бы было что̀ помѣщать въ нее. Между тѣмъ, если сравнимъ нынѣшнюю цѣну облигацій новаго займа съ цѣною первыхъ выпусковъ, то убѣдимся, что облигаціи новаго займа стоятъ ниже, процента на 3, на 4. А такъ какъ разницы въ цѣнѣ между облигаціями первыхъ трехъ выпусковъ нѣтъ (въ пользу одного перваго она бываетъ, но не въ 4, а въ $^1/_2$%), стало быть, сравнительную дешевизну облигацій нынѣшняго займа мы должны объяснить себѣ собственно тѣмъ, что на нихъ есть значительное предложеніе, а отсюда слѣдуетъ, что всѣхъ 100 мил., предложенныхъ нынѣ къ подпискѣ, нельзя считать окончательно помѣщенными въ частныя руки. Торговые люди знаютъ, что ихъ во всякое время можно получить сколько угодно по курсу выпуска, т.-е. по 92, а потому и цѣнятъ ихъ ниже 92, примѣрно въ $90^1/_2$.

Вотъ обстоятельство, которое необходимо принимать въ соображеніе для правильной оцѣнки того наружнаго факта, что подписано $123^1/_2$ милл. Этотъ результатъ и самъ по себѣ не особенно блестящъ, но значеніе его еще уменьшается, если его провѣрить

вышеизложеннымъ соображеніемъ. А между тѣмъ, повторяемъ, помѣщеніе сбереженій по курсу 92 изъ 5% очень выгодно, и условія займа давали право ожидать гораздо бо́льшей подписки. Если такое ожиданіе не оправдалось, то это указываетъ прямо на недостатокъ свободныхъ сбереженій въ странѣ, или—какъ говорится —на отсутствіе денегъ. Эта догадка подтверждается и тѣми свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о ходѣ подписки въ провинціи. Газетные корреспонденты, сообщая каждый о суммѣ, какой достигла подписка на заемъ въ его городѣ, по бо́льшей части прямо объясняли ее отсутствіемъ на мѣстѣ денегъ. Въ Смоленскѣ подписка дошла до 240 т. рублей, и изъ этой суммы на долю мелкихъ подписчиковъ приходилась ровно половина. При населеніи Смоленской губерніи въ 1 м. 140 т. душъ, цифра 120 тысячъ представляетъ менѣе 11 коп. съ души, или въ 55 коп. съ семейства, предполагая семейство въ пять человѣкъ. Если бы вездѣ участіе мелкихъ сбереженій въ займѣ выразилось такъ, то совокупность ихъ участія слѣдовало принять для всей Россіи милліоновъ въ девять рублей всего; все же остальное было бы подписано торговцами. Въ дѣйствительности было не совсѣмъ такъ, но все-таки едва ли мы много ошибемся, принявъ, что участіе мелкой подписки (до 4000 рублей) въ новомъ займѣ по всей Россіи составило гораздо менѣе половины всей предложенной суммы, то-есть менѣе 50 милл. р. Такой результатъ, при очевидной выгодности помѣщенія, доказываетъ именно, что сбереженій въ странѣ мало.

Какъ же объяснить недостатокъ денегъ, когда мы знаемъ, что въ странѣ обращается бумажныхъ денегъ много, слишкомъ много для ея потребностей, какъ мы то видимъ изъ постояннаго вздорожанія припасовъ? Вотъ здѣсь-то и сказывается различіе между дѣйствительнымъ богатствомъ страны, то-есть именно обиліемъ въ ней сбереженій, и массою кредитныхъ знаковъ, наполняющею рынокъ. Если экономическое положеніе неудовлетворительно, если земледѣліе непроизводительно, если заработки плохи, то сбереженій въ массѣ народа возникать не можетъ; мало того—не можетъ даже улучшаться его вседневный бытъ, а стало быть, не можетъ увеличиваться и запросъ на мануфактурныя произведенія, что́ въ свою очередь обусловливаетъ застой и этого дѣла. Между тѣмъ, кредитныхъ знаковъ въ обращеніи дѣйствительно много, но они наполняютъ не копилки или шкатулки мелкихъ хозяевъ; они идутъ въ сторону отъ дѣла производительнаго, попадаютъ въ руки спекуляціи, и ее-то одну и усиливаютъ. Дѣйствительно, все банковое дѣло опирается на переучетъ и перезалогъ въ банкѣ государственномъ, а государ-

ственный банкъ удовлетворяетъ эти потребности посредствомъ „подкрѣпленія своей кассы" новыми выпусками кредитныхъ билетовъ. Вотъ разница между дѣйствительнымъ богатствомъ страны и наружнымъ обиліемъ кредитныхъ мѣновыхъ знаковъ. Денегъ какъ будто много, но ихъ ни у кого нѣтъ. Ихъ нѣтъ даже и у самихъ спекулянтовъ, ибо свойство спекуляціи таково, что ея обязательства всегда во много разъ превышаютъ ея наличныя средства; для спекуляціи наличныя деньги—только ось, на которой пущенъ въ дѣйствіе оборотъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е января, 1877.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ.

Намъ извѣстны въ настоящую минуту результаты перваго засѣданія оффиціальной конференціи, и мы находимся наканунѣ второго. Довольно неожиданная уступчивость всѣхъ сторонъ привела къ успѣху, даже къ полному соглашенію на конференціи предварительной, затѣмъ вдругъ представилось неожиданное для большинства публики обстоятельство—заявленіе Порты, что она не приметъ началъ этого соглашенія основаніемъ для оффиціальныхъ переговоровъ. Опасность войны вдругъ снова предстала предъ вниманіемъ русскаго общества, но произвела на него совсѣмъ иное впечатлѣніе, чѣмъ можно было бы ожидать на основаніи настроенія общества въ прошломъ сентябрѣ. Настроеніе съ тѣхъ поръ много измѣнилось, и то, чего три мѣсяца назадъ ожидали почти съ нетерпѣніемъ, теперь большинству представляется бѣдою, которую желательно бы устранить, почти во что бы то ни стало. Произошло такое охлажденіе къ дѣлу, что многіе, недавно еще соглашавшіеся признавать славянскій вопросъ стоящимъ во главѣ *внутреннихъ* вопросовъ Россіи, теперь не только согласны перенесть его туда, куда слѣдуетъ, въ категорію вопросовъ внѣшнихъ, но еще и вычеркнуть его изъ списка неотлагательныхъ.

Такой полный поворотъ особенно замѣчается въ настроеніи Москвы. Она шла впереди Петербурга въ воинственномъ увлеченіи: въ особенности говорилось въ Москвѣ въ этомъ смыслѣ очень много. Петербургъ слылъ въ Москвѣ холоднымъ, петербургскіе мѣсячные журналы обвинялись тамъ въ „расхолаживаніи“ (новое слово, созданное спеціально для этого случая). Но что́ же оказалось далѣе минутнаго увлеченія и громкихъ словъ нетерпимости къ другому мнѣнію? Оказалось, во-первыхъ, изъ отчета коммиссіи при славянскомъ комитетѣ, по сбору пожертвованій, что Москва пожертвовала менѣе Петербурга; а именно на цифру приблизительно 3 милл. рублей, поступившихъ въ комитетъ въ теченіи четырнадцати мѣсяцевъ, собрано было въ Москвѣ 760 т. рублей, а въ Петербургѣ — 972 тысячи. Замѣтимъ, что и въ подпискѣ на новый заемъ Петербургъ принялъ болѣе участія, чѣмъ Москва. Во-вторыхъ, оказалось, что въ то время, какъ Петербургъ, который прежде отставалъ отъ

Москвы въ оптимизмѣ, теперь отстаетъ отъ нея въ пессимизмѣ. Денежныя затрудненія послѣдняго времени способствовали тому, что общее „охлажденіе" выразилось въ Москвѣ рельефнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и что Москва теперь готова предпочесть „худой миръ доброй брани".

Не будемъ слишкомъ настаивать на причинахъ, вызвавшихъ въ большинствѣ общества, и не въ одной Москвѣ, конечно, такой поворотъ. Разочарованіе, послѣдовавшее за алексинацскимъ пораженіемъ; неудовлетворительность экономическаго положенія; стѣсненіе товарнаго движенія по случаю мобилизаціи, наконецъ, вѣсти, отчасти преувеличенныя, о нехорошихъ отношеніяхъ между русскими охотниками въ Сербіи и тамошнимъ министерствомъ и населеніемъ; отъѣздъ большинства нашихъ „добровольцевъ" въ Россію и претерпѣнныя ими лишенія; разсказы о нѣкоторыхъ прискорбныхъ поступкахъ иныхъ русскихъ волонтеровъ въ Сербіи; газетная полемика, удостовѣрившая по меньшей мѣрѣ тотъ фактъ, что между русскими главными начальниками въ Сербіи, ни даже между штабомъ и строевыми русскими офицерами въ одной и той же тимокско-моравской арміи не было согласія,—довольно перечислить всѣ эти обстоятельства, чтобы разъяснить происшедшую перемѣну въ настроеніи.

Намъ лично и въ настоящее время едва ли не приходится оставаться на сторонѣ меньшинства, хотя составъ меньшинства, въ которомъ мы нынѣ находимся, значительно измѣнился. Мы были съ самаго начала и остаемся противниками увлеченій какъ въ ту, такъ и другую сторону. Намъ казалось весьма ясною, довольно опредѣленною возможная и почти необходимая программа русской политики въ нынѣшнемъ фазисѣ „восточнаго вопроса". На невозможность генералу Черняеву окончить съ Турціею какимъ-либо coup de main, на затруднительность внутреннихъ экономическихъ условій, на серьёзность жертвъ, которыя ожидаютъ народъ въ случаѣ войны, на неизбѣжную при ней остановку дѣлъ и притомъ дѣлъ не только торговыхъ, но и самаго развитія, мы указывали въ то время, когда насъ иные винили въ „расхолаживаніи". Стало быть, для насъ нѣтъ причины впасть теперь въ какое-либо разочарованіе; ничего нами неожиданнаго не произошло.

Самый отказъ, съ которымъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, выступаетъ теперь Порта, отъ принятія такихъ основъ соглашенія, въ числѣ которыхъ находится вопросъ о допущеніи на принадлежащую ей территорію посторонней вооруженной силы, насъ нисколько не поражаетъ неожиданностью. Довольно трудно допустить, чтобы какое бы то ни было правительство могло легко согласиться на такое условіе. Конституція въ Стамбулѣ—новость, но революція

вовсе не была бы новостью. Сомнительно, чтобы Порта, хотя бы оставленная своими покровителями, могла согласиться на вступленіе иностранной вооруженной силы, не прибѣгнувъ сперва сама къ оружію,—допустимъ наконецъ,—хотя бы для одного „вида" сохраненія своего достоинства и своего авторитета въ странѣ. Считая весьма труднымъ и почти невѣроятнымъ, чтобы Порта приняла это условіе, мы между тѣмъ признавали его и продолжаемъ признавать совершенно необходимымъ, именно потому, что рѣчь идетъ объ „административной", а не политической автономіи. При такомъ сопоставленіи почти полной невозможности съ одной стороны и совершенной необходимости съ другой, намъ приходилось и приходится въ настоящее время считать непріязненныя дѣйствія между Турціею и Россіею, въ конечномъ результатѣ, весьма вѣроятными.

На засѣданіяхъ предварительной конференціи, представитель Россіи, сколько извѣстно, не настаивалъ на занятіи Болгаріи непремѣнно русскими войсками. Съ другой стороны, представитель Англіи, маркизъ Салсбёри, далеко не ставилъ этого занятія поводомъ къ войнѣ со стороны Великобританіи. Сколько можно извлечь положительнаго изъ неоффиціальныхъ свѣдѣній о предварительныхъ переговорахъ, смыслъ положенія таковъ, что Англія смотритъ на вступленіе русскихъ войскъ какъ на крайность и, рѣшась придти къ какому-либо соглашенію съ Россіею, остановилась, вмѣстѣ со всѣми державами, не исключая и Россіи, на иной комбинаціи, а именно на предоставленіе въ распоряженіе европейской коммиссіи, имѣющей наблюдать за примѣненіемъ реформъ, вооруженной силы—заимствованной у Бельгіи или Голландіи (послѣ отказа Франціи и Италіи) или, въ случаѣ затрудненій—„набранной" въ одной изъ двухъ первыхъ странъ, стало-быть не представляющей оффиціально своего правительства. Затѣмъ, по взгляду лорда Салсбёри, въ случаѣ рѣшительнаго отказа Турціи согласиться на эту гарантію, оставалась бы уже только крайность, т.-е., вступленіе въ Болгарію войскъ русскихъ, а одновременно австрійскихъ войскъ въ Боснію и Герцеговину, и, наконецъ,—въ тотъ моментъ, когда это будетъ признано Англіею удобнымъ—занятіе англійскими войсками Константинополя. Каждое изъ этихъ „занятій", въ ихъ постепенности, представляется, по крайней мѣрѣ въ англійскихъ газетахъ, естественнымъ послѣдствіемъ одного изъ нихъ. Кто бы ни началъ, другіе послѣдуютъ за нимъ, но только въ тотъ моментъ, когда сочтутъ то удобнымъ.

Вопросъ о томъ, согласится ли Бельгія или найдется ли иное постороннее дѣлу государство, которое согласилось бы дать свое войско для цѣлей „экзекуціи", или хотя бы предоставить наборъ у себя „жандармеріи"—рѣшится, вѣроятно, до того дня, когда эти строки

выйдутъ въ печати, а стало-быть безполезно его разсматривать. Намъ остается разсмотрѣть именно только „крайность“, то-есть, вступленіе на турецкую территорію войскъ русскихъ.

Здѣсь представляются два вопроса: во-первыхъ, можно ли допустить вѣроятность, что Турція, даже оставленная своими покровителями, согласится мирно впустить русскія войска, сознавая малый шансъ на успѣхъ въ единоборствѣ своемъ съ Россіею; во-вторыхъ, долженъ ли переходъ русскихъ войскъ чрезъ турецкую границу быть необходимымъ послѣдствіемъ неудачи настоящей конференціи, вслѣдствіе ли отказа Турціи вообще отъ чьей-либо оккупаціи, или вслѣдствіе невозможности найти гдѣ-либо въ постороннемъ дѣлу государствѣ оккупаціонныя войска.

На первый вопросъ, кажется, слѣдуетъ отвѣчать—нѣтъ; на второй—да.

Въ настоящій моментъ, то-есть, когда мы дѣлаемъ обзоръ положенія, цѣль большинства англійскихъ газетъ, въ ихъ руководящихъ статьяхъ, подѣйствовать на Порту устрашеніемъ, склонить ее не отвѣчать серьёзнымъ (не для виду только) отказомъ отъ принятія состоявшагося безъ ея участія соглашенія между державами за основу для работъ конференціи оффиціальной, въ которой она участвуетъ. Съ этой цѣлью, англійскія статьи нынѣ пишутся вообще на тэму, что если Порта отвергнетъ соглашеніе, безусловно откажется отъ допущенія на свою территорію вооруженной силы бельгійской или другой, совершенно нейтральной, въ такомъ случаѣ сэръ Г. Элліотъ выѣдетъ изъ Константинополя, британскій флотъ оставитъ Безикскую бухту, и тогда выйдетъ для Турціи худшее: наступитъ „крайность“, и Турція должна будетъ претерпѣть вступленіе въ ея предѣлы войскъ русскихъ, такъ какъ никакой надежды въ войнѣ съ Россіею, безъ помощи Запада, Турція имѣть не можетъ. Но въ газетѣ „Pall-Mall“, которая вообще отличается оригинальностью заявленій и нерѣдко замѣчательной трезвостью взглядовъ (хотя Россіи она рѣшительно враждебна), мы находимъ иной отзывъ. „Турціи многократно твердятъ“, говорила „Pall-Mall“ 21 (9) декабря, „что въ случаѣ отказа съ ея стороны отъ требованій конференціи, ее оставятъ наединѣ съ Россіею“; и изъ этого сама выводитъ отчасти заключеніе, что такъ какъ Турція — держава слабая, а Россія есть или предполагается державой сильной, то первая уступитъ безъ борьбы. Но это еще зависитъ отъ свойства тѣхъ требованій, которыя къ ней предъявляются. Требуютъ, чтобы она подчинилась занятію ея территоріи иностранными войсками. Чего же болѣе можно было требовать отъ нея и въ такомъ случаѣ, если бы она была выбита съ этой территоріи силою оружія? Даже если оставить въ сторонѣ воин-

скій духъ и магометанскій фанатизмъ, Порта просто по хладнокровному разсчету могла бы предпочесть—предоставить Россіи драться за то, что̀ она желаетъ, чѣмъ уступить ей это безъ борьбы. „Приди и возьми то, чего требуешь“ — вотъ что̀ турокъ можетъ отвѣтить русскому. „Быть можетъ, тебѣ это удастся, хотя мы еще не увѣрены въ томъ. Если тебѣ неудастся, тогда конецъ твоимъ притязаніямъ въ настоящее время; если удастся тебѣ — то мы по крайней мѣрѣ сохранили за собой довѣріе нашихъ подданныхъ и будемъ государями въ томъ, что̀ намъ останется. Мы предпочтемъ лишиться одной, двухъ областей вслѣдствіе войны, чѣмъ спокойно отречься отъ всякаго знака и притязанія на власть (authority) въ нашихъ владѣніяхъ“. Въ этихъ словахъ есть невѣрность, если понимать ихъ какъ „Pall-Mall“, въ смыслѣ искренняго мнѣнія Порты о сравнительныхъ послѣдствіяхъ войны или уступчивости. Но въ нихъ не мало вѣроятія въ такомъ смыслѣ, что султанъ оффиціально, передъ своимъ народомъ, въ видахъ собственнаго авторитета и даже безопасности,— не можетъ заявлять иного мнѣнія.

Оговоримъ еще и то обстоятельство, что хотя, въ исполненіи угрозы, имѣющей цѣлью устранить рѣшительный отказъ Порты отъ соглашенія, состоявшагося на предварительной конференціи, сэръ Г. Эллiотъ и можетъ уѣхать изъ Константинополя, англійскій флотъ— оставить Безикскую бухту, но ни англійскій посолъ, вѣроятно, не уѣдетъ надолго, ни въ особенности англійскій флотъ не уйдетъ далеко. Флотъ этотъ, въ случаѣ разрыва Россіи съ Турціею, можетъ окончательно оставить свою нынѣшнюю стоянку лишь для того, чтобы явиться—передъ Константинополемъ; тамъ онъ долженъ будетъ осуществить одно изъ послѣдствій „крайности“.

Итакъ, представляется весьма вѣроятнымъ, что даже оставленная своими покровителями, Турція не согласится мирно допустить русскія войска на свою территорію. Теперь спрашивается: въ случаѣ неудачи конференціи, по отказу ли Турціи, или невозможности отыскать гдѣ-либо постороннія оккупаціонныя войска, долженъ ли представиться необходимымъ переходъ чрезъ турецкую границу войскъ русскихъ и стало быть война съ Турціею?

Этого вопроса мы касались уже въ спеціальной статьѣ и въ предшествующемъ обозрѣніи, и только вкратцѣ повторили мнѣніе, котораго продолжаемъ держаться. Мы ставили два положенія. Первое— что только автономія политическая, то-есть образованіе двухъ новыхъ вассальствъ, могла бы устранить необходимость военной оккупаціи, потому что эта автономія совершенно ясна и приступомъ къ ней было бы удаленіе турецкихъ войскъ изъ Болгаріи, Босніи и Герцеговины, съ образованіемъ затѣмъ мѣстной стражи. Коль скоро идетъ

рѣчь только объ автономіи административной, необходимъ залогъ, матеріальное обезпеченіе, которое можетъ заключаться единственно въ оккупаціи. Второе—что русскимъ правительствомъ, со времени ультиматума о перемиріи, была выказана крайняя уступчивость, и что чѣмъ болѣе уступчивости имъ выказано, тѣмъ непреложнѣе должно быть съ его стороны настояніе на упомянутой, дѣйствительной гарантіи исполненія того, относительно немногаго, что̀ будетъ исходатайствовано въ пользу славянъ.

Изъ двухъ предположенныхъ поводовъ къ неудачѣ: рѣшительнаго отказа Порты и неуспѣха въ прінсканіи какихъ-либо оккупаціонныхъ войскъ на Западѣ, второй кажется намъ вѣроятнѣе перваго. Отказъ Порты или частныя возраженія, ею представленныя, могутъ быть невполнѣ искренни и не совершенно серьёзны. Порта, быть можетъ, не отказывается рѣшительно, а только торгуется, и при этомъ разсчитываетъ на несогласіе между двумя представителями Великобританіи: сэромъ Г. Эллiотомъ и маркизомъ Салсбёри. По несомнѣнному внушенію перваго составлена Портою конституція, подъ его вліяніемъ возведенъ въ великіе визири Мидхатъ-паша. Обнародованіе конституціи въ самый день перваго оффиціальнаго засѣданія конференціи довольно характеристично. Самое это совпаденіе дѣлаетъ невозможнымъ сомнѣваться въ томъ, что Порта все еще не утратила надежды устранить мѣстныя реформы, требуемыя конференціею, такой общею и значительною реформою, какъ введеніе конституціоннаго образа правленія, съ предоставленіемъ представительству всѣхъ населеній государственныхъ парламентскихъ правъ. Но было бы слишкомъ странно, если бы вопросъ могъ быть улаженъ такимъ образомъ. Не говоримъ уже о несогласіи Россіи. Становясь даже на британскую точку зрѣнія, какая же логика была бы въ томъ, что требованіе мѣстныхъ реформъ, вслѣдствіе мѣстнаго кризиса, вслѣдствіе мѣстной войны и подъ страхомъ ея возобновленія по истеченіи кратковременнаго перемирія, было бы устранено однимъ провозглашеніемъ общихъ мѣръ, которыя, вдобавокъ, будутъ приведены въ дѣйствіе еще только чрезъ 9—10 мѣсяцевъ? Спрашивалось бы, для чего же ѣздилъ въ Константинополь членъ британскаго правительства, держа „въ складкахъ своей тоги“ вопросъ о мирѣ или войнѣ, если все дѣло могло бы рѣшиться провозглашеніемъ конституціи, которой проектъ былъ составленъ гораздо ранѣе, чѣмъ возникла мысль о полномочіяхъ маркиза Салсбёри, и которой обнародованіе не могло подлежать сомнѣнію?

Невозможность удовлетворить этимъ „отводомъ“ Россію слишкомъ очевидна, чтобы о ней говорить, а между тѣмъ практическій вопросъ сводится прежде всего на удовлетвореніе Россіи, въ согласіи съ дру-

тими державами. Мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія русскихъ газетъ, что турецкая конституція—„пуфъ", что провозглашеніе конституціоннаго образа правленія, хотя бы въ Турціи, ровно ничего не значитъ. Совсѣмъ напротивъ, мы думаемъ, что оно значитъ очень много для Турціи, да и для Европы вообще, скажемъ даже—имѣетъ значеніе для исторіи современныхъ обществъ въ ихъ совокупности. Но мы все-таки отрицаемъ возможность устранить такимъ актомъ тѣ затрудненія, тотъ кризисъ, которые поставлены въ славянскихъ областяхъ Турціи, въ Сербіи и Черногоріи бывшей войною. Эти событія дали тѣмъ областямъ такъ сказать ипотеку на извѣстныя, исключительныя уступки, которыхъ невозможно устранить общей сдѣлкой со всѣми кредиторами, на основаніи 50 копѣекъ въ рублѣ. Конституціонный образъ правленія не устранитъ возможности новой рѣзни въ Болгаріи, такъ какъ конституція еще долго не будетъ дѣйствовать, а когда и вступитъ въ силу, то достаточно будетъ любого предлога, чтобы, провозгласивъ въ Болгаріи осадное положеніе, совершать тамъ чтó угодно, ссылаясь на пріостановленіе конституціонныхъ правъ. Конституція, даже республиканская, не помѣшала въ Парижѣ Кавеньяку разстрѣливать людей десятками по такому военному суду, который имѣлъ форму простого разговора между офицерами, рѣшавшими на мѣстѣ судьбу плѣнныхъ и юридически, и фактически. А вѣдь здѣсь, въ Турціи, вопросъ не въ политическихъ разномысліяхъ, но въ расовой ненависти. Сверхъ того, допуская даже, что конституція можетъ со временемъ привиться и въ Турціи, она все-таки не представляетъ никакой временной, но матеріальной гарантіи въ дѣлѣ, нынѣ подлежащемъ рѣшенію, такъ какъ въ данную минуту она все-таки не что иное, какъ одни „словá", слова, произнесенныя Портою. Только нѣсколько десятковъ лѣтъ успѣшной практики могутъ сдѣлать конституцію реальностью, правдою, сознанною народами и обезпечивающею ихъ судьбу.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, намъ представляется довольно вѣроятнымъ, что само англійское правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы сломить отказъ или затрудненія, предъявляемые нынѣ Портою, хотя, конечно, она все-таки вольна безусловно отказаться отъ допущенія иностранныхъ войскъ.

За то другой поводъ къ неуспѣху конференціи—затруднительность найти гдѣ-либо на Западѣ оккупаціонныя войска, представляется менѣе устранимымъ. Весьма сомнительно, чтобы они нашлись. Бельгійское правительство, конечно, могло бы дать ихъ, пользуясь собственно перерывомъ парламентской дѣятельности. Но министерство Малу будетъ все-таки имѣть въ виду возможность своего ниспроверженія за это, по возобновленіи сессіи.

Если же по той или другой причинѣ, конференція не будетъ имѣть успѣха, то, повторяемъ, русскія войска могутъ перейти чрезъ турецкую границу. Наше общество напрасно теперь уже слишкомъ не расположено къ войнѣ, какъ оно было прежде слишкомъ расположено къ ней. Послѣ всей нашей уступчивости, послѣ торжественныхъ заявленій, всей тревоги въ обществѣ и даже въ массѣ народа, послѣ мобилизаціи арміи съ огромными пожертвованіями, Россія имѣетъ основаніе не удовольствоваться чѣмъ-то въ родѣ реформъ Андраши, безъ всякой матеріальной гарантіи ихъ исполненія. Мы можемъ отказываться и отказывались отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но нельзя требовать отъ насъ отказа, такъ сказать, отъ самихъ себя, отъ своего авторитета на юго-востокѣ; а только при помощи этого авторитета восточный вопросъ можетъ быть окончательно разрѣшенъ впослѣдствіи, безъ ущерба нашимъ интересамъ и съ соблюденіемъ выгодъ юго-славянскаго міра. Пусть западные кабинеты не требуютъ отъ насъ того, чтó было бы несправедливо требовать отъ нихъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 декабря, 1876.

Типы французскаго духовенства.

На этотъ разъ я затрону весьма важный вопросъ, а именно: вопросъ о значеніи духовенства во Франціи. Въ ежедневной полемикѣ наши газеты толкуютъ о его вліяніи на нашу страну, о той соціальной и политической роли, какую играютъ у насъ патеры. На эту тэму написаны уже толстѣйшіе трактаты, какъ противъ—такъ и за—это вліяніе. Но я, въ качествѣ простого наблюдателя, разскажу то, что̀ видалъ на своемъ вѣку, не пускаясь въ философскія разсужденія. Я не желаю ни нападать, ни защищать, тѣмъ менѣе препираться по этому вопросу. Мнѣ сдается, что нѣсколько сценъ, выхваченныхъ изъ жизни, будутъ не менѣе поучительны для читателя, какъ и всѣ разсужденія. Вотъ вамъ голая правда; выводите изъ нея какое угодно заключеніе.

I.

Аббатъ Пенту вотъ уже сорокъ лѣтъ какъ священствуетъ въ Сенъ-Маршальскомъ приходѣ. Въ настоящее время ему семьдесятъ лѣтъ. Онъ маленькій, сухенькій старичокъ, съ загрубѣлымъ, краснымъ, какъ кирпичъ, лицомъ, и смахиваетъ на крестьянина въ своей старенькой, поношенной сутанѣ, которую носитъ вмѣсто блузы.

Исторія его проста. Онъ сынъ бѣднаго дровосѣка, жившаго въ сосѣднемъ селеніи Merендекъ. Слабосильный отъ природы, онъ долженъ былъ переносить колотушки своихъ братьевъ, пока ему не посчастливилось заинтересовать одну барыню, помѣстившую его въ Герандскую семинарію. Черная работа приводила его въ ужасъ: онъ содрогался при мысли о томъ, чтобы таскать тяжелыя вязанки на спинѣ и рубить деревья, и охотнѣе согласился бы просить милостыню по большимъ дорогамъ, чѣмъ сдѣлаться дровосѣкомъ, какъ отецъ. Въ сущности, онъ захотѣлъ быть патеромъ, чтобы не быть ни чернорабочимъ, ни солдатомъ. При этомъ въ немъ жила̀ наивная вѣра ребенка. Онъ прожилъ семинарскіе годы въ безусловномъ повиновеніи, слѣпо вѣруя во все, во что̀ ему приказывали вѣрить патеры. Крайне ограниченный и бездарный, онъ не утруждалъ

своей головы мышленіемъ, убѣжденный, что Богъ мыслитъ за него. Когда онъ былъ посвященъ, то вышелъ изъ семинаріи вполнѣ вымуштрованный и желалъ одного только: спокойно отправлять свое ремесло. Нантскій епископъ переводилъ его сначала изъ одного небольшого прихода въ другой, потомъ, убѣдясь въ его ограниченной невинности и понявъ, какимъ послушнымъ орудіемъ будетъ онъ въ его рукахъ, отправилъ въ Сенъ-Маршаль, гдѣ и забылъ его.

Сенъ-Маршаль—деревушка Нижней-Бретани, затерявшаяся въ поляхъ. Желѣзная дорога изъ Нанта въ Брестъ обходитъ ее за десять льё; селеніе притаилось въ глуши, на равнинѣ, обвѣваемой вѣтрами океана, зеленая линія котораго виднѣется вдали, на горизонтѣ. Деревушка насчитываетъ около четырехсотъ душъ населенія; въ ней царитъ большая бѣдность, потому что почва каменистая и ощущается недостатокъ въ водѣ. Ея страдальческое населеніе какъ будто живетъ за тысячу льё отъ современной Франціи. И вотъ гдѣ прожилъ свой вѣкъ аббатъ Пенту, среди крестьянъ, и окончательно отупѣлъ въ забытомъ углу, гдѣ протекала его жизнь.

Постепенно аббатъ Пенту сжился съ своимъ безхитростнымъ существованіемъ, какъ манежная лошадь. По-утру месса; послѣ полудня урокъ катехизиса; вечеромъ игра въ карты съ какимъ-нибудь сосѣдомъ. Трехсотъ франковъ дохода, приносимаго его приходомъ, недостаточно для его существованія, и ему пришлось, несмотря на все отвращеніе къ полевому труду, взяться за заступъ и вскопать огородъ, гдѣ у него растетъ капуста и картофель. Тамъ можно видѣть, какъ онъ, снявъ сутану, съ непокрытой головой, борется съ землею, слишкомъ твердой для его худыхъ рукъ. Затѣмъ онъ надѣваетъ сутану и идетъ исповѣдывать крестьянскихъ дѣвушекъ, весь запыхавшись отъ работы, припоминая привычныя латинскія формулы, которыя отчитываетъ залпомъ и совершенно машинально. У него есть готовыя фразы, привычные жесты; онъ ихъ повторяетъ въ теченіи полувѣка, и не отступаетъ отъ нихъ. Религія стала для него ремесломъ, которое онъ изучилъ до такой степени, что отправляетъ свое служеніе безъ всякаго вниманія. Онъ служитъ механически, какъ заведенная машина. Въ сущности, онъ очень набоженъ, но набожность его перешла въ эмпиризмъ, удовлетворяющійся ежечаснымъ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же подробностей культа. Вернувшись къ землѣ, обратившись въ одного изъ тѣхъ мирныхъ воловъ, которые медленно проходятъ по высокой травѣ, онъ бы поклонился солнцу съ такою же вѣрою, съ какою поклоняется Христу.

Тѣмъ временемъ, въ теченіи полувѣка онъ повѣнчалъ почти всю деревушку и окрестилъ цѣлое поколѣніе. Онъ—патріархъ Сенъ-Мар-

шаля. Въ праздники ему приносятъ яицъ и масла. Съ нимъ совѣтуются во всѣхъ важныхъ дѣлахъ; онъ разбираетъ тяжбы, улаживаетъ семейныя распри, дѣлитъ наслѣдства. И нѣтъ ничего естественнѣе верховной власти этого кюрэ: вѣдь онъ одинъ читаетъ въ книгахъ, онъ одинъ находится въ общеніи съ наукой и съ Богомъ. Всѣ его слушаются и слѣдуютъ его указаніямъ. Онъ представитель власти болѣе могущественной, чѣмъ самъ мэръ: тотъ говоритъ только отъ имени правительства, а онъ отъ имени небá, а небо продолжаетъ быть для крестьянина страшной силой, передъ которой онъ склоняетъ голову. Во всемъ околоткѣ нѣтъ ни одного невѣрующаго. По воскресеньямъ церковь набита биткомъ; женщины стоятъ по одну сторону, мужчины по другую. Когда кюрэ выходитъ съ дарами, онъ окидываетъ взглядомъ церковь, и удостовѣряется, вся ли его паства на лицо. Если какая-нибудь „овца" отсутствуетъ, она должна оправдать свое отсутствіе важной причиной,—болѣзнью, мѣшающей двигаться, а иначе онъ разгромитъ заблудшую овцу. Съ каѳедры раздаются страшныя угрозы противъ нечестивыхъ, описываются муки ада, пламя, котлы, полные кипящимъ масломъ, грѣшники, поджариваемые на раскаленныхъ желѣзныхъ полосахъ. Мужчины и женщины содрогаются, дѣтямъ, по выходѣ изъ церкви, цѣлую недѣлю снятся страшные сны. Религія царитъ надъ этими скудными умами путемъ страха. Безъ сомнѣнія, кюрэ—добрѣйшій человѣкъ и мухи не обидитъ, но онъ читаетъ такія проповѣди, какія самъ слышалъ, и самъ живетъ въ страхѣ и трепетѣ передъ грознымъ Богомъ; вѣритъ въ чудесныя исторіи католичества и въ легенды, и вотъ почему набожность Сенъ-Маршаля пропитана робостью и смиреніемъ; вотъ почему его приниженность напоминаетъ приниженность дикарей, которые живутъ подъ опасеніемъ града и молніи, вѣчно готовыхъ разразиться надъ ними.

Однажды въ воскресенье, за мессой аббатъ Пенту замѣчаетъ, что Маріанны Руссель нѣтъ на ея обычномъ мѣстѣ—напротивъ кропильницы. И вотъ, послѣ завтрака онъ идетъ къ Русселямъ, чтобы узнать, не больна ли Маріанна. Тихими шагами проходитъ онъ по деревушкѣ, еле-передвигая ноги, одеревенѣвшія отъ старости; на неподвижномъ, загрубѣломъ лицѣ его кажутся живыми только маленькіе сѣрые глазки, ясные и невинные, какъ глаза младенца.

Крестьяне останавливаютъ его на пути, разспрашиваютъ: какова будетъ завтра погода; а онъ поглядываетъ на небо, качаетъ головой и наконецъ сулитъ хорошую погоду. Нѣсколько шаговъ далѣе вниманіе его привлекается женщиной, стирающей бѣлье; затѣмъ онъ входитъ въ одинъ дворъ—поглядѣть на выводку цыплятъ. Вездѣ онъ какъ дома. Только поношенная сутана отличаетъ его отъ остальныхъ

крестьянъ: а то у него и идеи, и рѣчь—крестьянина, и крестьянское же неподвижное лицо. Наконецъ, онъ входитъ къ Русселямъ. Маріанна дома, здорова и разговариваетъ съ сосѣдкой, долговязой Нанеттъ.

— Что это значитъ, Маріанна? вы пропускаете обѣдню!

И, не давъ ей времени объясниться, говоритъ, что это не хорошо, что дьяволъ сторожитъ ее, и что она навѣрное пойдетъ въ адъ, если у ней нѣтъ религіи. Маріанна, наконецъ, находитъ возможность оправдаться.

— Послушайте, г. кюрэ, я въ церкви не была изъ-за дѣвочки... Она очень больна. Сегодня утромъ я думала, что она умретъ. Ну, вотъ и не посмѣла уйти изъ дому...

— Ваша дочка Катринъ больна?

— Да, г. кюрэ, она лежитъ на нашей кровати... Подойдите взглянуть на нее.

На большой кровати, въ глубинѣ темной горницы, трясется вся въ ознобѣ дѣвочка лѣтъ десяти, съ разгорѣвшимся отъ жару лицомъ, съ закрытыми глазами. Маленькое бѣдное тѣльце ея колотится подъ одѣяломъ. Кюрэ, подойдя къ кровати, молча глядитъ на нее съ минуту; затѣмъ медленно произноситъ:

— Это Богъ наказываетъ васъ, Маріанна... Да! вы часто подавали собою худой примѣръ, вы оскорбляли Его, и десница Его караетъ васъ.

Онъ при каждомъ словѣ киваетъ подбородкомъ, точно одобряетъ небо за то, что оно мститъ. Сама Катринъ также совсѣмъ нехорошо ведетъ себя. Въ прошлый четвергъ ему пришлось за урокомъ катехизиса выгнать ее изъ церкви, потому что она смѣялась и смущала другихъ дѣтей. Какъ разъ въ этотъ день шелъ проливной дождь; дѣвочка не посмѣла вернуться домой, изъ боязни, что ее будутъ бранить, и промокла до костей на дождѣ.

— Она навѣрное простудилась въ четвергъ,—отвѣчаетъ мать.—Она вернулась въ отчаянномъ видѣ.

— Богъ наказываетъ ее, какъ и васъ, Маріанна,—повторяетъ кюрэ.—Развѣ вы думаете, что Богъ можетъ быть доволенъ, когда видитъ, что какая-нибудь дрянная дѣвчонка поднимаетъ его на смѣхъ въ его собственномъ домѣ! Будьте увѣрены, что никакой проступокъ не остается безъ наказанія.

Долговязая Нанеттъ крестится; дядя Руссель, собирающійся ѣсть супъ за столомъ, одобрительно качаетъ головой. Да! всякій проступокъ наказуется. Если въ прошломъ апрѣлѣ шелъ градъ, то потому, что сенъ-маршальскіе обыватели прогнѣвали Мадонну, поднеся ей въ день Вознесенія не такіе прекрасные букеты, какъ въ прошломъ

году. Если кобыла стараго Лазаря околѣла, то потому, что старикъ позабылъ перекреститься, проходя мимо кальварія. Но такъ какъ Русели никакъ не могутъ припомнить, когда и чѣмъ они прогнѣвили Господа Бога, то и высказываютъ надежду, что Богъ помилуетъ ихъ при заступничествѣ святыхъ ангеловъ. Впрочемъ, если дня черезъ три дѣвочкѣ не полегчаетъ, то они пошлютъ за докторомъ въ Норіакъ, за шесть льё отъ селенія. Долговязая Нанеттъ пожимаетъ плечами; по ея мнѣнію, доктора—совсѣмъ лишній народъ: если небо осудило человѣка, то не доктору его спасти. Тѣмъ болѣе, что Норіакскій докторъ безбожникъ, и всѣ знаютъ, что дьяволъ появляется у кровати покойника, который прошелъ черезъ его руки и принималъ его лекарства.

— Трите каждый часъ ея виски святой водой и троекратно произносите *Pater* и *Ave*,—говоритъ кюрэ.

Затѣмъ становится на колѣни и торопливо бормочетъ молитву. Русселн и долговязая Нанеттъ произносятъ вмѣстѣ съ нимъ: amen! и широко крестятся.

— Пройдетъ,—объявляетъ патеръ, уходя.—Необходимо, чтобы тѣло ребенка очистилось отъ нечистотъ... Я навѣдаюсь завтра.

Но аббатъ Пенту, входя на слѣдующій день къ Русселямъ, весь дрожитъ и замирающимъ голосомъ передаетъ ужасную вещь, сообщенную ему звонаремъ. Да! маленькая Катринъ совершила святотатство. Въ четвергъ, когда ее выгнали изъ класса, она пошла играть въ ризницу, и тамъ звонарь видѣлъ, какъ она взяла вѣнокъ съ головы гипсовой Мадонны, надѣла его на себя и принялась присѣдать, вѣроятно затѣмъ, чтобы насмѣяться надъ Мадонной. Аббатъ не понималъ, какъ небо не убило ее громомъ на мѣстѣ. Но теперь она погибла, сомнѣнія нѣтъ. Болѣзнь ниспослана на нее свыше. Пускай зовутъ доктора, она умретъ скорѣе, вотъ и все.

— Она вернулась промокшая до костей,—повторяетъ Маріанна.— Можетъ быть, если бы дать ей хорошенько вспотѣть...

— О! ей худо, очень худо,—бормочетъ дядя Руссель, сидя въ углу, сложивъ руки на колѣняхъ.

Бѣдной дѣвочкѣ въ самомъ дѣлѣ приходится плохо: бѣлокурые волосики ея разметались; изъ ротика несется горячее дыханіе, а черезъ полу-открытыя вѣки виднѣются безсмысленные и воспаленные глазки. Она лепечетъ въ бреду и все повторяетъ: „Охъ! болитъ!.. Охъ, болитъ!“ Сердце разрывается, видя страданія бѣднаго ребенка, безпомощно отбивающагося отъ смерти.

Между тѣмъ вѣсть о святотатствѣ облетѣла все селеніе; сосѣди сбѣгаются, потому что толкуютъ, будто г. кюрэ будетъ изгонять дьявола изъ ребенка Русселей. Вскорѣ въ комнатѣ набирается чело-

вѣкъ двѣнадцать. Всѣ разговариваютъ шопотомъ. Припоминаютъ разныя другія исторіи, всѣмъ извѣстныя. Три года тому назадъ, другая дѣвчонка стащила кусочекъ св. даровъ и приколола булавкой къ дереву; и тотчасъ дерево начало стонать, и кровь полилась изъ его ствола, и со всѣхъ вѣтокъ закапали капли крови. Долговязая Нанеттъ божится и клянется, что сама видѣла это, потомъ прибавляетъ, что во всякомъ случаѣ сестра ея это видѣла. Но другая исторія производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе на присутствующихъ: мальчишки изъ Сенъ-Назера во вторникъ на масляницѣ прогуливались въ картонныхъ маскахъ, въ это время мимо нихъ прошелъ патеръ съ дарами, и одинъ мальчишка не захотѣлъ снять маски; тогда маска пристала къ его лицу такъ крѣпко, что пришлось отдирать ее вмѣстѣ съ кожей. Послѣ такихъ примѣровъ неудивительно, если Катринъ умретъ за то, что осмѣлилась надѣть на голову вѣнокъ Мадонны. Тревога, полная страха, царствуетъ въ комнатѣ. Хотя солнце ярко свѣтитъ, но мужчины неспокойны, а женщины оглядываются, ожидая увидѣть пару козлиныхъ ногъ и рога.

— Она была такая кроткая, такая смирная дѣвочка,—говоритъ дядя Руссель.—У ней просто въ умѣ, должно быть, помутилось.

Тогда кюрэ начинаетъ свои молитвы. Онъ обходитъ кровать и кропитъ ее святой водой, описывая въ воздухѣ знаменіе креста. Катринъ не перестаетъ жаловаться. Она мечется въ бреду, ломаетъ руки, на губахъ у нея показывается пѣна; она бормочетъ безсвязныя слова, хохочетъ и рыдаетъ—поочередно. Вдругъ она приподнимается на кровати съ раскрытыми и горящими глазами, зовя людей, которые ей мерещатся; затѣмъ снова падаетъ, напѣвая ужасающимъ голоскомъ дѣтскую пѣсенку. „Nous n'irons plus au bois, les lauriers sont coupés"... Всѣ присутствующіе, мужчины и женщины, пятятся назадъ, ожидая въ ужасѣ появленія чудовища изъ бѣднаго маленькаго ротика, воспаленнаго горячкой. Нельзя больше сомнѣваться, что въ ней чортъ сидитъ; не даромъ же она такъ подпрыгиваетъ всякій разъ, какъ до нея коснется капля святой воды. Навѣрное дьяволъ задушитъ ее.

У подножія кровати плачетъ Маріанна. У ней только одинъ ребенокъ, и вотъ она должна вдругъ лишиться его, не зная даже, въ чемъ заключается ея болѣзнь. Она еще разъ заговариваетъ о докторѣ, умоляя мужа сбѣгать за нимъ въ Норіакъ. Но дядя Руссель сидитъ въ углу по прежнему, неподвижный и убитый, и только отрицательно качаетъ головой въ отвѣтъ. Онъ принимаетъ смерть своей дѣвочки съ покорностью старыхъ крестьянъ, смиряющихся передъ высшей и невѣдомой силой. Къ чему звать доктора, когда

г. кюрэ говоритъ, что Господь Богъ хочетъ взять у нихъ ребенка? Г. кюрэ, конечно, знаетъ это лучше всѣхъ. Надо покориться, каждому наступитъ его чередъ, и всего лучше хорошо вести себя.

Когда аббатъ Пенту убѣждается, что святая вода только мучитъ больную безъ всякаго толку, онъ слегка хлопаетъ въ ладоши, какъ въ церкви, когда даетъ знать паствѣ стать на колѣни. Всѣ немедленно преклоняютъ колѣни. Онъ на минуту остается на ногахъ, говоря:

— Молитесь со мною; просите чуда у Господа Бога.

Загрубѣлое лицо просвѣтляется; онъ вѣритъ и становится величественнымъ, не взирая на согбенную, мужицкую спину. Въ сущности, у него добрая душа, и вотъ съ былымъ семинарскимъ рвеніемъ падаетъ онъ на колѣни, умоляя Бога помиловать ребенка. Со всѣхъ сторонъ поднимается молящій шопотъ; испуганные голоса просятъ небо о помилованіи; въ комнатѣ проносится ледяное дыханіе суевѣрія, приниженность невѣжества передъ драмой жизни. У малютки наступаетъ послѣдній кризисъ; затѣмъ она падаетъ пластомъ, какъ бы облегченная. Но вдругъ дыханіе прерывается; она больше не шевелится. Она умерла.

— *Requiescat in pace*,—произноситъ кюрэ, возвышая голосъ.

— *Amen!*—отвѣчаютъ присутствующіе.

И всѣ встаютъ, всѣ уходятъ, потрясенные этой сценой,—въ то время какъ Маріанна рыдаетъ, закрывъ голову платкомъ, а дядя Руссель, одурѣлый, не сознавая самъ, что́ дѣлаетъ, раскрываетъ ножъ, затѣмъ, чтобы отрѣзать себѣ кусокъ хлѣба.

На улицѣ аббатъ Пенту повторяетъ:

— Мы всѣ въ рукѣ Божіей, и Онъ поступаетъ съ нами по дѣламъ нашимъ; вы видите изъ этого примѣра....

И все село преклоняется передъ нимъ, какъ передъ представителемъ страшнаго господина, могущаго ежечасно покарать смертію. Дѣти обѣщаютъ хорошо вести себя за урокомъ катехизиса; мужчины подходятъ и стараются заявить о своей покорности. Какъ разъ на слѣдующее воскресенье предстоятъ выборы въ муниципальный совѣтъ; крестьяне окружаютъ священника и спрашиваютъ у него, за кого имъ подавать голоса. Тогда онъ повторяетъ имъ инструкціи, полученныя наканунѣ изъ епархіи. Если бы сегодня, по смерти маленькой Катринъ, онъ приказалъ своимъ прихожанамъ взять оружіе и идти разрушать Парижъ, то прихожане исполнили бы это неукоснительно. Но у него не такое богатое воображеніе, и самъ по себѣ онъ не сдѣлаетъ шагу безъ приказанія начальства. На слѣдующее воскресенье ни одинъ обыватель не пропускаетъ обѣдни, и кандидаты епархіи проходятъ единодушной подачей голосовъ. Аббатъ Пенту ка-

ритъ въ Сенъ-Маршалѣ, какъ Саваоѳъ, или, вѣрнѣе, какъ старый деревянный идолъ, сколоченный топоромъ и держащій въ рукѣ громъ и молнію и всякія лихія болѣсти.

II.

Въ улицѣ Шароннь, въ самомъ центрѣ Сентъ-Антуанскаго предмѣстья, въ Парижѣ, проживаетъ незаконная чета на чердакѣ шестиэтажнаго, большого, грязнаго и безобразнаго дома, сверху до низу набитаго рабочимъ людомъ. Мужчина, по ремеслу каменьщикъ, а по имени Ранберъ, изъ шести дней въ недѣлю три дня пьянствуетъ. Женщина, несчастное созданіе, по имени Лиза, по ремеслу переплетчица, сошлась съ каменьщикомъ однажды вечеромъ, когда не знала, куда приклонить голову, и съ тѣхъ поръ съ нимъ не разставалась. Эта жизнь сообща длится три года. Впрочемъ, уже въ концѣ перваго мѣсяца случайные супруги принялись отчаянно драться, кусаться и царапаться. Когда Ранберъ возвращается пьяный, Лиза беретъ метлу и дубаситъ по немъ изо всей мочи. Въ другой разъ Ранберъ накидывается на Лизу и избиваетъ ее до полу-смерти. Но эти баталіи не мѣшаютъ имъ по-своему любить другъ друга. Они угощаютъ другъ друга безпрестанными потасовками зимою затѣмъ, чтобы согрѣться, а лѣтомъ—чтобы скоротать время. Сосѣди даже перестали разнимать ихъ.

Совсѣмъ тѣмъ послѣдняя зима тяжко сказалась на нихъ. Лиза пролежала шесть недѣль въ постели вслѣдствіе ушиба, нанесеннаго ей Ранберомъ. Наступили прогульные дни, и Ранберъ оставался безъ работы въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Не стало ни топлива, ни хлѣба; чета голодаетъ и мерзнетъ. Однимъ январьскимъ вечеромъ въ особенности пришлось имъ такъ плохо, что Ранберъ, по природѣ своей не изъ чувствительныхъ людей, разрыдался какъ дѣвчонка, сидя на полу и опустивъ голову на руки. Чета уже два дня какъ ничего не ѣла. Лиза, только-что начинающая поправляться отъ болѣзни, одѣлась, ни слова не говоря, и потащилась на улицу. Она рѣшилась просить милостыню, чтобы купить хлѣба въ пекарнѣ. И вотъ, настороживъ глаза и уши, избѣгая городскихъ сержантовъ, она пробирается вдоль домовъ и останавливаетъ прохожихъ, которые покажутся ей съ виду добрыми. На дворѣ собачій холодъ, прохожимъ неохота вынимать руки изъ кармановъ, и они прибавляютъ шагу, ни слова не говоря. Проходитъ часъ, и мужество покидаетъ ее; она плачетъ отъ холода и стыда и собирается вернуться домой, какъ вдругъ замѣчаетъ молодого аббата, торопливо бѣгущаго по улицѣ въ такой поношенной

сутанѣ, что лицо и руки у него совсѣмъ посинѣли. Ужъ, конечно, не этотъ аббатъ подастъ ей копѣйку; ему самому не лишнее было бы попросить милостыни. Она не долюбливаетъ патеровъ и обыкновенно осыпаетъ ихъ жестокими насмѣшками, свойственными парижскому населенію. Однако протягиваетъ руку, чтобы поглядѣть, какую мину скорчитъ онъ.

— Подайте копѣечку, умоляю, мы умираемъ съ голоду....

Онъ останавливается, шаритъ въ карманѣ—и краснѣетъ. Потомъ говоритъ ей торопливо:

— Ведите меня къ вамъ, но только скорѣе, я очень тороплюсь.

Ранберъ, свидѣтель ея возвращенія съ этой „вороной", вскакиваетъ съ мѣста, разъяренный, воображая, что надъ нимъ собираются подшутить. Онъ тоже не любитъ патеровъ. Встрѣчаясь съ ними на улицѣ, онъ непремѣнно всякій разъ плюнетъ на тротуаръ. Онъ постоянно твердитъ, что слѣдовало бы ихъ всѣхъ гильотинировать. Но аббатъ, замѣчающій его гнѣвное движеніе, нисколько этимъ не смущается. Онъ окидываетъ взглядомъ чердакъ, убѣждается въ отчаянной нищетѣ четы, и, вынимая изъ кармана старинные серебряные часы на черной шелковой ленточкѣ, отдаетъ ихъ Лизѣ, говоря ей тѣмъ же торопливымъ голосомъ:

— Вотъ, снесите это сейчасъ же въ ломбардъ... Да живо, я васъ подожду.

Лиза, сраженная такимъ приключеніемъ, кубаремъ скатывается съ шести этажей. Все время ея отсутствія патеръ стоитъ молча, блѣдный и серьёзный, а Ранберъ, снова прикурнувшій въ углу и подперевъ кулаками лицо, не спускаетъ съ него воспаленнаго взгляда. Они не обмѣниваются ни единымъ словомъ. Каменьщикъ злится, что къ нему забрался патеръ, и если бы не исторія съ часами, онъ безъ церемоніи спустилъ бы его съ лѣстницы. Лиза возвращается и приноситъ двѣнадцать франковъ. Аббатъ беретъ квитанцію бормоча:

— Оставьте деньги у себя... Если я вамъ понадоблюсь, то спросите аббата де-Вильнёвъ, въ приходѣ св. Маргариты.

И поспѣшно уходитъ, не выслушавъ даже благодарности. Ранберъ сначала собирается выбросить деньги въ окошко, крича, что такія деньги — отрава для добрыхъ людей. Но Лиза крѣпко зажимаетъ деньги въ ладони, и когда приноситъ четыре фунта хлѣба и двѣ порціи говядины съ бобами изъ сосѣдняго трактира, каменьщикъ перестаетъ ворчать и жадно набрасывается на ѣду. И даже вечеромъ чета устраиваетъ пирушку на деньги патера. Лиза покупаетъ пяти-франковаго гуся, вина, саладу, и приглашаетъ двухъ сосѣдей. Пока гусь жарится, все общество прыгаетъ по комнатѣ, крича: „Жарься, Вильнёвъ! жарься, Вильнёвъ!" Это они гуся вели-

чаютъ Вильнёвомъ. И за трапезой шутки не умолкаютъ. Пьютъ и курятъ за здоровье „воронъ". Вечеромъ слѣдующаго дня отъ двѣнадцати франковъ не остается ни гроша. Къ счастію, Лиза находитъ себѣ занятіе и зарабатываетъ достаточно на хлѣбъ себѣ и Ранберу.

Въ вечеръ пирушки аббатъ де-Вильнёвъ вернулся къ себѣ, стуча зубами отъ холода, и по своему обыкновенію пообѣдалъ двумя ломтями хлѣба съ масломъ; затѣмъ засѣлъ за работу въ нетопленной комнатѣ, прикрывъ ноги одѣяломъ. Аббатъ—высокаго роста, худой и блѣдный, съ продолговатымъ лицомъ, пересѣченнымъ уже двумя глубокими морщинами, несмотря на то, что ему всего только двадцать-восемь лѣтъ. Онъ родился на югѣ Франціи въ семьѣ мелкопомѣстныхъ дворянъ, совсѣмъ разорившихся. Осиротѣвъ на десятилѣтнемъ году своей жизни, онъ проникся глубокой набожностью и вступилъ въ семинарію съ порывистой вѣрой, повергавшей его въ настоящій экстазъ. Учителямъ приходилось его сдерживать; ихъ тревожило его усердіе; они угадывали въ немъ одну изъ тѣхъ восторженныхъ душъ, которыя не умѣютъ сохранять равновѣсіе. Затѣмъ, онъ пережилъ эпоху страшной борьбы. Будучи чрезвычайно живого ума, онъ пристрастился къ ученью, и его начали одолѣвать сомнѣнія; онъ спорилъ съ профессорами, тщетно искалъ примирить требованія вѣры съ новыми истинами, которыя, ему казалось, онъ предугадывалъ. Чтобы избавиться отъ этого кризиса, ему приходилось налагать на себя самыя тяжкія эпитимiи. И не взирая на всѣ его усилія, внутренняя борьба раздираетъ его и по-нынѣ, хотя блѣдно-спокойное лицо и не выдаетъ этой борьбы съ самимъ собой. Въ епархіи находятъ, что за нимъ надо слѣдить и въ случаѣ нужды подвергать искусу, во избѣжаніе скандала.

Вотъ почему аббатъ де-Вильнёвъ, при всемъ его высокомъ умѣ, служилъ викаріемъ въ церкви св. Маргариты, маленькомъ приходѣ одного изъ парижскихъ предмѣстьевъ. Начальство держитъ его тамъ, чтобы наказать за гордость и вымуштровать, какъ слѣдуетъ; онъ же принялъ мѣсто викарія съ полной безмятежностью души. Начальство ошибается, онъ не честолюбивъ. Онъ просто поглощенъ задачей—примирить вѣру и разумъ, религію съ духомъ времени. Ему не хочется отвергать ни науки, ни прогресса, ни новѣйшаго общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ хочется удержать полную вѣру въ католическіе догматы. И вотъ эти-то неустанныя попытки, полныя тревожныхъ мукъ, нагоняютъ морщины на его чело. Онъ радъ, что живетъ въ парижскомъ предмѣстьѣ, въ самомъ центрѣ рабочаго населенія, потому что хорошо понимаетъ, что религіи слѣдуетъ прежде всего вновь завоевать населеніе городовъ. По цѣлымъ днямъ бродитъ онъ въ толпѣ рабочихъ, изучаетъ ихъ нужды, старается съ рвеніемъ

апостола обратить ихъ къ церкви, помогаетъ имъ, утѣшаетъ ихъ. Но всѣ усилія его разбиваются о непреодолимое отвращеніе. Предмѣстье не только не вѣритъ и равнодушно къ религіи, оно ненавидитъ патеровъ, ненавидитъ религію, на которую смотритъ сквозь патеровъ. До сихъ поръ аббатъ де-Вильнёвъ наталкивался только на враждебныя отношенія, и сердце его обливается кровью отъ такого положенія вещей, которое представляется ему громаднымъ недоразумѣніемъ.

Встрѣча съ Лизой, вымаливавшей кусокъ хлѣба, и видъ Ранбера голоднаго, непримиримаго въ своей ненависти къ черноризникамъ, сильно поразили и взволновали его. Недѣлю спустя онъ опять навѣдался въ улицу Шароннъ, гдѣ засталъ переплетчицу одну, въ то время, какъ она ставила на огонь котелъ съ картофелемъ. Она приняла его не худо, потому что женщины гораздо мягче мужчинъ, и потому что она сердечно благодарна ему за двѣнадцать франковъ. Онъ усѣлся и разговорился съ ней. Лиза спокойно сообщила ему всѣ подробности своего житья-бытья. Нѣтъ, она не замужемъ за Ранберомъ; они сошлись въ одинъ прекрасный вечеръ и будутъ жить другъ съ другомъ, пока поживется.

— Но это очень дурно,—замѣтилъ священникъ:—вамъ слѣдуетъ обвѣнчаться. Зачѣмъ жить внѣ брака, если вы уживались другъ съ другомъ въ теченіи трехъ лѣтъ и подходите одинъ къ другому?

Тутъ Лиза разсмѣялась и пожала плечами.

— О! намъ такъ лучше, г. кюрэ. По крайней мѣрѣ, если въ одинъ прекрасный день не поладимъ другъ съ другомъ, — разойдемся безъ хлопотъ... Люди сошлись, потомъ разошлись,—вотъ и весь сказъ... Развѣ, вы думаете, вѣнецъ обогатитъ насъ хотя бы на пять франковъ? Нѣтъ, вѣдь?—ну, такъ и толковать не о чемъ!.. Все равно, и такъ проживемъ; оно не чище и не грязнѣе!..

Однако онъ настаиваетъ, толкуетъ про общество, нравственность, худой примѣръ. Но Лиза по прежнему качаетъ головой.

— Послушайте, сударь: напротивъ насъ живутъ женатые люди. Ну, и что-жъ? Они ежедневно дерутся между собой, и у нихъ есть пятнадцатилѣтняя дочка, которую они готовятся пустить по худой дорожкѣ... Вы видите, что не вѣнецъ дѣлаетъ людей честными... Полноте, Ранберъ по прежнему будетъ приходить пьяный въ дни получки жалованья, и мы будемъ по прежнему таскать другъ друга за волосы, когда вздумается...

И такъ какъ аббатъ, уходя, оставилъ потихоньку десять франковъ на столѣ, переплетчица позвала его назадъ и попросила взять деньги обратно. Она ему очень благодарна, но теперь она больше не нуждается; у ней есть работа, и у ея сожителя тоже; милостыню можно принять только тогда, когда умираешь съ голода и не знаешь, какъ

быть. И говоритъ ему, что въ домѣ напротивъ проживаетъ одна несчастная старуха; она больна и у ней нѣтъ ни копѣйки денегъ на лекарство. Пусть онъ отнесетъ ей десять франковъ, старуха съ благодарностью ихъ приметъ. Она же съ Ранберомъ могутъ, слава тебѣ, Господи, работать.

Съ этого дня викарій повадился навѣщать Лизу и бесѣдовать съ ней. Онъ угадалъ доброе сердце у этой падшей женщины, и хочетъ непремѣнно повѣнчать ее съ Ранберомъ. Затѣмъ онъ постарается обратить на путь истинный и самого каменьщика. Для него это становится вопросомъ самой страстной пропаганды, въ концѣ которой ему мерещится торжество религіи, вѣра, внѣдряющаяся въ сердца народа и обновляющая отечество. Для націи нужна вѣра, а аббатъ, который не можетъ возвыситься до новыхъ соціальныхъ вѣрованій, и весь еще проникнутъ своимъ долгимъ католическимъ воспитаніемъ, продолжаетъ мечтать о нео-католицизмѣ, который бы слился съ демократическимъ движеніемъ нашего вѣка. Но опытъ постоянно готовитъ ему жестокіе уроки.

Вскорѣ его всѣ знаютъ въ домѣ улицы Шароннъ, этомъ громаднымъ домищѣ, разбитомъ на узкія клѣтки, гдѣ живутъ болѣе ста рабочихъ семействъ, скученныхъ другъ возлѣ друга. Когда онъ проходитъ по двору и всходитъ на шестой этажъ, всѣ глаза съ насмѣшкой устремляются на него. Изъ двухсотъ или трехсотъ жильцовъ дома ни одинъ не ходитъ въ церковь, ни одинъ не исполняетъ обрядовъ религіи. Это маленькое населеніе переступаетъ за порогъ церкви только въ дни свадьбы, крестинъ или похоронъ; да и эти церемоніи служатъ предметомъ несконачаемыхъ насмѣшекъ, въ особенности свадьбы. Понятно поэтому, какой переполохъ долженъ производить видъ сутаны въ такомъ домѣ, гдѣ никогда не видать патеровъ, такъ какъ всѣ жильцы умираютъ безъ напутствія священника. Поэтому аббатъ слышитъ разныя нелестныя замѣчанія на своемъ пути. Женщины толкуютъ: „Зачѣмъ таскается сюда эта ворона?...“—„Ну, вотъ сегодня будетъ мнѣ во всемъ незадача, эта зловѣщая птица принесетъ мнѣ несчастіе“...—„Гляди-ка! патеръ! онъ, быть можетъ, идетъ въ гости къ той франтихѣ, что живетъ въ первомъ этажѣ. Но, право же, въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ переодѣваться въ партикулярное платье“.

Что касается мужчинъ, то они еще рѣзче. Они толкуютъ: не жалость ли видѣть, что такой молодецъ, добрый карабинеръ, проводитъ жизнь въ праздности и обжорствѣ! Другіе, высовываясь изъ окна, подражаютъ воронъему карканью. Рабочій, спускающійся съ лѣстницы и весь осыпанный известкой, нарочно толкаетъ патера, чтобы замарать ему рясу. Вокругъ аббата растетъ глухой заговоръ, тай-

ное недоброжелательство, выражающееся въ концѣ-концовъ въ угрозахъ и свисткахъ.

Но на этомъ дѣло не останавливается. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ навѣщаетъ такъ часто Лизу вовсе не съ религіозными цѣлями. У Лизы сохранились еще прекрасные зубы и волосы; она очень могла плѣнить кюрэ. И не только плохіе рабочіе, пьяницы и лѣнтяи, распространяютъ эту гадкую сплетню: хорошіе ребята, приличные жильцы дома, степенные работники, не пьющіе и не прогуливающіе ни одного дня, подсмѣиваются такъ же громко, какъ и остальные. Патеръ является козломъ отпущенія, надъ которымъ всѣ издѣваются. Самые снисходительные толкуютъ, что патеры такіе же люди, какъ и всѣ прочіе; что между ними есть хорошіе, какъ и дурные, но что слѣдовало бы ихъ женить насильно, чтобы они не вносили раздоръ въ семьи. И насмѣшки сыплются градомъ, особливо на счетъ исповѣди. Матери семействъ объявляютъ, что не станутъ посылать дочерей къ исповѣди, потому что помнятъ, какіе вопросы задавали имъ кюрэ, когда имъ было пятнадцать лѣтъ. Да, да, аббатъ, должно быть, ходитъ исповѣдывать Лизу. Хорошо онъ ее исповѣдуетъ, нечего сказать!

Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, послѣ драки, происходившей на дворѣ, одинъ слесарь, которому Ранберъ подбилъ глаза кулакомъ, восклицаетъ:

— Ступай проѣдать поповскія деньги!.. Твоя Лиза обкрадываетъ кружку бѣдныхъ съ своимъ черноризникомъ. Легко сказать, хорошими дѣлами занимаетесь вы втроемъ!

Тутъ разсвирѣпѣвшій каменьщикъ взбѣгаетъ на верхъ и набрасывается на Лизу, клянясь и божась, что если когда-нибудь поймаетъ аббата, то задастъ ему жаркую баню. Какъ разъ аббатъ приходитъ на другой день въ тотъ моментъ, какъ Ранберъ кончаетъ обѣдать.

— Угомонись, пожалуйста!—кричитъ Лиза.—Г. кюрэ приходитъ съ хорошей цѣлью... Онъ хочетъ повѣнчать насъ и говоритъ, что такъ будетъ честнѣе.

Но каменьщикъ ничего не слушаетъ и, выругавъ кюрэ самымъ площаднымъ образомъ, рѣзко приказываетъ ему убираться.

— Проваливайте и никогда не суйте больше сюда своего носа, или я сверну вамъ шею и спущу внизъ по лѣстницѣ!.. Виданное ли дѣло, чтобы всякая каналья мѣшала жить людямъ по-своему.

Патеръ, сохраняя полное спокойствіе, дожидается, чтобы ему дали высказаться. И тогда говоритъ очень кратко, и пытается тронуть бѣшенаго безумца, спрашивая у него: какую участь готовитъ онъ дѣтямъ, если они у него будутъ.

— Послушайтесь меня, подумайте о будущемъ, женитесь...

Но Рамберъ перебиваетъ его.

— Эхъ! женитесь сперва сами!... Ищите себѣ жену, только не мою, слышите ли... Ну, убирайтесь и больше не приходите!

Аббатъ-де-Вильнёвъ поникаетъ головой и уходитъ. Мужество измѣняетъ ему. Спускаясь съ лѣстницы, онъ слышитъ кругомъ себя злорадный смѣхъ; сосѣди подслушали сцену и забавляются тѣмъ, что его прогнали безъ церемоніи. Всѣ спѣшатъ поглядѣть, какое у него лицо. Онъ кажется всѣмъ крайне забавнымъ въ смущеніи и съ опущенной головой. Вотъ хорошій урокъ для черноризниковъ. Потомъ, проходя по кварталу, аббату кажется, что всѣ прохожіе смѣются на него глядя, точно имъ извѣстно его пораженіе. Да, весь кварталъ враждебно настроенъ противъ него, все предмѣстье указываетъ на него пальцами. И вотъ когда онъ сознаетъ, что городское населеніе совершенно эманципировалось и что церковь не имѣетъ больше на него никакого вліянія! Мечта его—пробудить вѣру въ толпѣ и пересоздать современное общество—поколеблена. Боже мой! неужто наступили новыя времена? Неужто надо искать истину гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, а не въ католическомъ догматѣ, гдѣ онъ признавалъ ее до сегодня? Сомнѣніе растетъ, борьба становится еще ожесточеннѣе. Онъ стоитъ на стезѣ страстныхъ и умныхъ патеровъ, въ которыхъ пробуждается свобода мышленія и которые отрываются отъ церкви, не умѣя сдѣлаться полезными воинами прогресса. Они такъ и остаются искалѣченными навѣки и гибнутъ безцѣльно.

III.

У Робинó, турской буржуазной семьи, маленькій интимный обѣдъ. Накрыто всего четыре прибора: для m-r Робинó, m-me Робинó, m-lle Клементины, ихъ дочери, и аббата Жерара, приходскаго священника.

— M-r le curé, пожалуйста, возьмите еще кусочекъ рыбы,—говоритъ m-r Робино съ настояніемъ.—Вѣдь вы любите рыбу, не отказывайтесь.

— M-r le curé,—шепчетъ по другую сторону m-me Робинó,—возьмите еще парочку грибковъ, умоляю васъ!... Возьмите вотъ эти, изъ дружбы ко мнѣ.

И сама служанка, Франсуаза, раскупоривающая бутылку, шепчетъ на ухо кюрэ:

— Прикажете шамбертену, г-нъ кюрэ!

Аббатъ Жераръ, весь сіяющій, отвѣчаетъ на-право, отвѣчаетъ на-лѣво съ любезной вѣжливостью, и даже благодаритъ Франсуазу,

дружески подмигивая ей глазомъ. Его, право, балуютъ. Но рыба такая превосходная, и онъ охотно съѣстъ еще нѣсколько грибковъ. Затѣмъ, опрокинувшись на спинку креселъ, осушаетъ стаканъ съ шамбертеномъ, полузакрывъ глаза. Въ столовой тепло; обѣдъ превосходный. Нельзя придумать болѣе тонкаго и приличнаго удовольствія, какъ проводить такимъ образомъ вечерокъ въ почтенномъ семействѣ, которое васъ обожаетъ.

Аббату Жераръ пятьдесятъ лѣтъ. Онъ толстъ, но самъ такъ мило подсмѣивается надъ своимъ большимъ животомъ, что никому не приходитъ въ голову упрекать его за то. У него широкое, краснощекое, нѣжное лицо, заявляющее о мудромъ равновѣсіи, о счастливомъ спокойствіи его существованія. Сынъ достаточныхъ буржуа, онъ поступилъ въ священники не вслѣдствіе религіознаго порыва или увлеченія, а по своимъ соображеніямъ. Въ семинаріи онъ былъ хорошимъ ученикомъ, послушнымъ и ласковымъ, всѣми любимымъ. Онъ никогда не тревожилъ своихъ профессоровъ ни живостью, ни независимостью своего ума, и даже старался скрывать свой умъ, изъ скромности или изъ разсчета. Про него говорили, что онъ добрый малый, и онъ старательно скрывалъ огонь маленькихъ черныхъ глазокъ, сверкавшихъ лукавствомъ. Какъ только онъ былъ посвященъ въ священники, такъ удачи посыпались на него одна за другой. Самые хорошіе приходы доставались ему на долю, и онъ былъ наконецъ сдѣланъ кюрэ одного изъ главныхъ приходовъ Тура, гдѣ теперь и катается какъ сыръ въ маслѣ. Друзья говорятъ, что не сегодня—завтра онъ будетъ епископомъ. Начальство толкало и продолжаетъ толкать его впередъ, видя въ немъ одинъ изъ тѣхъ счастливыхъ, ласковыхъ, снисходительныхъ характеровъ, которые больше дѣлаютъ для религіи въ наше время, чѣмъ рѣзкость и страстность апостольская. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, найти болѣе добродушнаго человѣка, дѣлающаго міру всевозможныя уступки, какія только ему дозволяетъ его званіе, и при всемъ томъ необыкновенно вкрадчиваго и настойчиваго, какъ скоро дѣло коснется религіи.

Успѣхъ его въ Турѣ былъ громаденъ. Туръ, какъ и многіе провинціальные города, дорожитъ прежде всего своимъ мѣщанскимъ спокойствіемъ, своей жирной и лѣнивой жизнью. Женщины бо́льшею частію ханжи, мужчины же почти никогда не ходятъ въ церковь.

Патеру въ такой средѣ приходится быть ловкимъ дипломатомъ, чтобы удержать за собою женщинъ и не разсердить мужчинъ. Патеръ, который внесетъ раздоръ въ семьи, скоро очутится въ невозможномъ положеніи. Аббатъ Жераръ оказался неподражаемо ловкимъ человѣкомъ, и это безъ всякаго усилія, потому что въ его характерѣ—ладить со всѣми. Онъ принятъ во всѣхъ семействахъ; онъ испо вѣ-

дуетъ женъ и дочерей, играетъ въ пикетъ съ мужьями, выслушиваетъ признанія молодежи. Онъ владычествуетъ надъ умами, но по прежнему старается не выдавать лукаваго блеска своихъ глазъ. Ханжи его обожаютъ; невѣрующіе объявляютъ, что онъ милый человѣкъ.

— Ну-съ! m-r le curé, какъ вы находите эту живность? спросилъ Робинб.

— Превосходная... Я бы попросилъ еще саладу.

Послѣ дессерта подаютъ кофе и ликёры; m-me Робинб и Клементина удаляются изъ столовой. Аббатъ Жераръ молодцомъ выпиваетъ маленькую рюмочку шартрёзъ. И такъ какъ онъ наединѣ съ Робинб, то заговариваетъ о скандальномъ происшествіи, смущающемъ весь городъ. Одна дама убѣжала съ молодымъ человѣкомъ изъ Парижа.

— Очень хорошенькая особа,—замѣчаетъ аббатъ,—высокая, стройная, съ чудными зубами...

— Она, кажется, была вашей духовной дочерью?—спрашиваетъ Робинб.

Но священникъ дѣлаетъ видъ, что не разслышалъ. Затѣмъ ударяется въ отеческія чувства: бѣдная женщина будетъ навѣрное очень несчастна; если бы семья его попросила объ этомъ, то онъ согласился бы навѣстить ее въ Парижѣ и попытаться возвратить ее на стезю добродѣтели; онъ увѣренъ, что это ему удалось бы. Между тѣмъ Робинб издѣвается и старается смутить аббата, который наконецъ весело кричитъ:

— Ну, будетъ объ этомъ. Вы безбожникъ, вы рады были бы заставить меня провраться... Но вѣдь, кажется, пора бы вамъ знать, что это вамъ со мной не удастся.

Дѣйствительно, Робинб, волтерьянецъ, почитывающій демагогическія газеты, постоянно дразнитъ аббата. Онъ охотно наводитъ его на скабрёзные разговоры, старается поймать на чемъ-нибудь грѣховномъ, постоянно изобрѣтаетъ новыя шутки, чтобы его посердить. Но онъ имѣетъ дѣло съ сильнымъ противникомъ. Аббатъ никогда не сердится, на шутки возражаетъ шутками, толкуетъ о женщинахъ и о всемъ прочемъ, какъ человѣкъ, котораго плоть не тревожитъ, и которому его великая чистота позволяетъ говорить обо всемъ безбоязненно. Обыкновенно эти легкія схватки оканчиваются пораженіемъ Робинб.

Въ гостиной ихъ дожидаются m-me Робинб и Клементина. Какъ только кюрэ входитъ, онъ садится между ними, а Робинб идетъ курить сигару на террасу. И совсѣмъ другимъ голосомъ, кроткимъ и убѣдительнымъ, кюрэ толкуетъ съ дамами о большой процессіи, имѣющей быть на слѣдующей недѣлѣ. Онъ духовникъ матери и дочери. Раскинувшись покойно въ креслахъ, вертя въ рукахъ табакер-

ку, аббатъ Жераръ говоритъ, что церемонія будетъ очень трогательная.

— Да, право, всѣ братства на ней будутъ присутствовать. Я слышалъ хоръ, который разучиваютъ въ настоящую минуту сестры св. Причастія; не думаю, чтобы можно было услышать что-нибудь болѣе прекрасное... Вы знаете, что поутру мы прослушаемъ проповѣдь отца Эвеба о грѣховности кокетства.

— Мы рано придемъ въ церковь, чтобы насъ не затолкали,—говоритъ m-me Робинò.

И обратившись къ Клементинѣ, продолжаетъ:

— Покажи г. кюрэ, насколько подвинулась твоя работа.

Тогда Клементина приноситъ эпитрахиль, которую она вышиваетъ для аббата. На золотомъ фонѣ, она вышиваетъ мистическіе цвѣты, красные и зеленые. Работа великолѣпная. Аббатъ разсыпается въ похвалахъ молодой дѣвушкѣ, которая краснѣетъ и очень довольна. Потомъ снова возобновляетъ свою бесѣду съ обѣими женщинами, перекидываясь словечками то съ одной, то съ другой—тихимъ и ласковымъ голосомъ, точно исповѣдуя ихъ. Онѣ упиваются его словами и всецѣло принадлежатъ ему. Но Робинó докурилъ сигару и входитъ, крича:

— А нашъ аббатъ занимается только тѣмъ, что кружитъ головы дамамъ.

Но кюрэ въ своемъ кружкѣ, и не хочетъ оставить за нимъ послѣднее слово.

— Мы говорили о васъ, г. Робинó,—говоритъ онъ съ тонкой улыбкой.—Мы говорили, что вы будете участвовать въ процессіи, имѣющей быть въ четвергъ.

— Ну, ужъ нѣтъ, слуга покорный!

Кюрэ, не прибавляя больше ни слова, дружески грозитъ ему пальцемъ. Появляется нѣсколько хорошихъ знакомыхъ, салонъ наполняется, провинціальный салонъ, куда дамы являются запросто. Тутъ мы видимъ консерватора ипотекъ, стараго оригинала, не терпящаго іезуитовъ; толстаго хлѣботорговца, республиканца по убѣжденіямъ; секретаря префектуры, хорошенькаго молодого человѣка, щеголяющаго скептицизмомъ парижской молодежи. Всѣ однако жмутъ руку аббату, очень радушно. Что касается дамъ, то онѣ съ минуту простаиваютъ передъ нимъ въ экстазѣ. Здоровъ ли онъ? не очень ли мучитъ его подагра? и какъ онъ чувствуетъ себя послѣ припадка, схватившаго его у m-me Летелльe, по выходѣ изъ-за стола. Дамы очень безпокоятся, потому что находятъ его немного блѣднымъ. Но онъ успокоиваетъ ихъ. Здоровье его, слава Богу, превосходно! И онъ садится играть въ пикетъ съ консерваторомъ ипотекъ.

Послѣ того бесѣда становится общей; аббатъ Жераръ вставляетъ словечко межъ двухъ ходовъ, но старательно избѣгаетъ говорить о религіи. Онъ больше не аббатъ, и старается быть только самымъ любезнымъ гостемъ, удерживая отъ своего званія одну особенную кротость рѣчи. Когда кто-нибудь изъ этихъ господъ оказывается настолько неблаговоспитаннымъ, что намекаетъ на его рясу, онъ улыбается, не отвѣчая, какъ-бы не желая принимать вызова. Весь городъ еще толкуетъ про скандалъ, который произвелъ другой аббатъ, сварливаго нрава, поссорившись въ одномъ домѣ съ консерваторомъ ипотекъ, обвинявшимъ іезуитовъ въ томъ, что они пропагандируютъ употребленіе табаку съ цѣлью отупленія народа. Конечно, подобная исторія не могла бы заставить аббата Жерара забыть всѣ законы вѣжливости; напротивъ того, онъ бы самъ посмѣялся надъ ней, потому что измышленія консерватора ипотекъ имѣютъ даръ смѣшить его до слезъ. Когда посѣщаешь общество, то необходимо привыкать къ его требованіямъ и снисходить къ пустякамъ, въ особенности когда считаешься пастыремъ душъ. Аббатъ поставилъ себѣ за правило—терпѣть мужей и искать утѣшенія въ привязанности женщинъ.

Совсѣмъ тѣмъ онъ не можетъ вѣчно избѣгать споровъ. Когда партія въ пикетъ окончена, Робинό и толстый хлѣботорговецъ отводятъ его въ амбразуру окна и наводятъ разговоръ на роль, которую играетъ религія въ современномъ обществѣ.

— Серьёзно говоря, г. кюрэ,—объясняетъ Робинό,—я вовсе не такой безусловный врагъ религіи, какъ вы, можетъ быть, думаете... Лично, я не слѣдую обрядамъ церкви, потому что мой разумъ возмущается нѣкоторыми вѣрованіями, а ихъ приходится или безусловно признать, или безусловно отвергнуть. Если бы я исполнялъ обряды при настроеніи моего ума, то долженъ былъ бы лицемѣрить, а, по моему сужденію, ужъ лучше быть безбожникомъ, нежели лицемѣромъ... Развѣ я не правъ, г. кюрэ?

Аббатъ ничего не отвѣтилъ, и удовольствовался наклоненіемъ головы.

— Но,—продолжалъ Робинό,—я охотно признаю, что религія—превосходная нравственная полиція. Поэтому она всегда была и всегда будетъ весьма полезной розгой для нашихъ женъ и дочерей. Голова женщинъ должна быть чѣмъ-нибудь занята, и я предпочитаю, чтобы у моей жены въ головѣ сидѣлъ Господь Богъ, чѣмъ какой-нибудь кавалерійскій офицеръ...

Секретарь префектуры, подошедшій тѣмъ временемъ къ группѣ, много смѣялся и нашелъ замѣчаніе прелестнымъ.

— Кромѣ того, вы учите ихъ прекраснымъ вещамъ: исполненію

супружескихъ обязанностей, кротости, послушанію, и угрожаете имъ муками ада, если онѣ не будутъ хорошо себя вести. Все это очень полезно для мужей. Я хорошо знаю, что васъ упрекаютъ въ томъ, что вы забираете слишкомъ большую власть надъ нашими женами и иногда отбиваете ихъ отъ насъ. Но это не мѣшаетъ тому, чтобы чаще всего религія поддерживала добрые нравы...

— Словомъ, мы жандармы вашей чести,—перебилъ аббатъ Жераръ съ улыбкой.

Секретарь префектуры снова пришелъ въ восторгъ.

— О! прелестно! прелестно!—пробормоталъ онъ.

— Ну, вотъ, что касается меня, то я охотно бы обошелся безъ этихъ жандармовъ, — воскликнулъ хлѣботорговецъ... — Простите, г. кюрэ. Я немножно рѣзокъ, но не имѣю намѣренія васъ оскорбить. Да, я полагаю, что честные люди не нуждаются въ религіи, чтобы быть честными. Если бы моя жена порѣже ходила въ церковь, она почаще сидѣла бы дома. Да и не особенно красиво — исполнять свой долгъ изъ боязни ада.

— Право, вы заходите слишкомъ далеко,—сказалъ Робинó:—лишь бы хозяйство ваше не хромало, вамъ нѣтъ горя до остального.

— Какъ! мнѣ нѣтъ горя до остального!.. Развѣ вы полагаете, что для женщины здорово по цѣлымъ часамъ простаивать на колѣняхъ, слушать пѣніе всевозможныхъ псалмовъ, и нюхать запахъ ладана? Это дѣйствуетъ на ея нервы, и когда она приходитъ изъ церкви, то у ней самыя дикія мысли въ головѣ.

— Да, за то она приходитъ изъ церкви, а не изъ другого какого мѣста, вотъ главное.

— А я вамъ говорю, что это очень худо!

— И, нѣтъ, милый другъ, вы наконецъ слишкомъ деспотичны!

Аббатъ осторожно отходитъ, предоставивъ Робинó и хлѣботорговцу сражаться вдвоемъ, причемъ они наконецъ говорятъ другъ другу страшныя рѣзкости. Затѣмъ, когда они успокоиваются, кюрэ снова къ нимъ подходитъ и говоритъ съ добродушнымъ видомъ:

— Знаете, вамъ бы слѣдовало участвовать въ процессіи... О! только ради примѣра, ради нравственной полиціи,—какъ объяснялъ сейчасъ г. Робинó.

Но оба буржуа весело отказываются. Слишкомъ уже забавно было бы видѣть ихъ на улицѣ, съ восковой свѣчей въ рукахъ, когда всѣмъ извѣстенъ ихъ либеральный образъ мыслей!

— О! я не требую, чтобы вы шли со свѣчами въ рукахъ,—подхватываетъ аббатъ Жераръ такъ же весело.—Вы придете гуляючи, и пройдетесь сзади балдахина, и въ хорошемъ обществѣ, увѣряю

васъ, потому что всѣ власти будутъ на лицо, и все высшее городское общество.

Оба буржуа продолжаютъ смѣяться. Они благодарятъ кюрэ за его приглашеніе, но, право, процессіи противны ихъ принципамъ; они не могутъ въ нихъ участвовать. Аббатъ Жераръ, какъ человѣкъ вѣжливый, больше не настаиваетъ и, такъ какъ бьетъ десять часовъ, удаляется. Всѣ дамы провожаютъ его до дверей, шепчутся и слѣдятъ за нимъ растроганнымъ взоромъ. Покойной ночи, г. аббатъ, спите хорошенько! Затѣмъ, m-me Робинѐ, забывшая сообщить ему что-то, бѣжитъ за нимъ на лѣстницу, и тамъ шопотомъ разговариваетъ съ нимъ минутъ десять...

Въ слѣдующій четвергъ, позади балдахина, Робинѐ и хлѣботорговецъ выступаютъ въ первомъ ряду. Безъ сомнѣнія, аббатъ Жераръ поручилъ m-me Робинѐ убѣдить своего мужа. Этотъ послѣдній, конечно, уступилъ только вслѣдствіе буржуазнаго тщеславія: ему очень пріятно втереться въ высшее городское общество. Впрочемъ, онъ намѣренъ сохранить свою независимость, и на ближайшихъ муниципальныхъ выборахъ, имѣющихъ быть въ будущее воскресенье, подастъ голосъ противъ кандидатовъ епископа. Если онъ участвуетъ въ процессіи, то лишь затѣмъ, чтобы не прослыть человѣкомъ дурно воспитаннымъ. Но аббатъ Жераръ, увидя его, улыбается ему, и въ маленькихъ глазкахъ его зажигается пламя торжества, потому что онъ можетъ считать себя настоящимъ властелиномъ города Тура. Онъ царствуетъ не только надъ женщинами, проходящими со сложенными руками и опущенными глазами; онъ распространяетъ свою власть и на мужей-волтерьянцевъ, для которыхъ въ кругу близкихъ людей религія является предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ. Конечно, онъ слишкомъ уменъ, чтобы надѣяться ихъ обратить на путь истинный, но ему достаточно, чтобы они заявили наружно о своемъ почтеніи къ религіи. Когда церкви пустѣютъ, то патеру желательно хоть какъ-нибудь наполнить ихъ.

IV.

Каждую пятницу аббатъ Мишленъ исповѣдуетъ барынь въ капеллѣ доминиканъ, очень кокетливой церкви, помѣщающейся въ маленькой улицѣ Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. По виду, церковь эта похожа на большой салонъ, укромный и раздушенный, гдѣ свѣтъ смягчается, проходя черезъ раскрашенныя стекла. Барыни считаютъ признакомъ хорошаго тона пріѣзжать исповѣдываться сюда, а не въ свою приходскую церковь, вдали отъ толпы кающихся. Онѣ какъ-бы вы-

дѣляются изъ толпы, и имъ кажется, что для нихъ Господь Богъ готовитъ болѣе утонченное прощеніе. Имъ кажется, что у нихъ какъ будто есть своя собственная, домашняя исповѣдальня.

Аббатъ Мишленъ высокій, красивый человѣкъ, лѣтъ тридцати, черноволосый, съ бѣлой кожей, и въ настоящую минуту производитъ фуроръ въ аристократическомъ обществѣ. Онъ, главнымъ образомъ, обязанъ своимъ успѣхомъ тому такту, съ какимъ держитъ себя. Сынъ крупнаго фабриканта фарфора и хрусталя въ улицѣ дю-Бакъ, родившійся въ этомъ самомъ кварталѣ, въ настоящее время онъ насчитываетъ въ числѣ своихъ духовныхъ дочерей графинь и маркизъ, матерямъ которыхъ отецъ его поставлялъ фарфоръ. Но онъ не потерялъ головы: онъ нашелъ оттѣнокъ между почтеніемъ низшаго лица и всемогущимъ авторитетомъ патера, придающій удивительную пикантность его обращенію. Самыя изящныя дамы въ восторгѣ отъ него. Онъ имъ очень за это благодаренъ, и съ улыбающимся лицомъ ловкаго человѣка выпутывается изъ самыхъ щекотливыхъ положеній.

Про его ученье ничего неизвѣстно. Онъ, повидимому, былъ на хорошемъ счету въ семинаріи; но такъ какъ у него дядя епископъ, то онъ ограничивался только хорошимъ поведеніемъ. Въ сущности, онъ добрый малый, рѣшившій наслаждаться жизнью и подделываться къ людямъ, чтобы не попадать въ просакъ. Еще ребенкомъ онъ мечталъ попасть въ раззолоченные салоны, которые видалъ лишь сквозь полуотворенныя двери, и не придумалъ лучшаго средства, какъ надѣть сутану. Его честолюбіе, пока довольно умѣренное, заключается въ томъ, чтобы стать выше своего положенія, вращаться въ избранномъ обществѣ, гдѣ удовлетворяются его любовь къ изящнымъ вещамъ, тонкимъ обѣдамъ, прекраснымъ, хорошо одѣтымъ женщинамъ, всему, что́ красиво. Что касается религіи, то она, повидимому, для него цвѣтокъ высшей цивилизаціи, красивое покрывало, долженствующее прикрывать людское безобразіе. По его мнѣнію, безъ религіи не можетъ быть вѣжливаго общества.

Въ эту пятницу аббатъ Мишленъ ожидаетъ въ исповѣдальнѣ молодую графиню де-Маризи, очаровательную блондинку, всего двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду, которую газеты прославляютъ за красоту. Она задаетъ тонъ модѣ, она участвуетъ во всѣхъ празднествахъ, лошади ея знамениты въ „Лѣсу". Она уже два года какъ замужемъ, и аббатъ Мишленъ сталъ другомъ ея дома, послѣ того, какъ прогостилъ въ за́мкѣ Плесси-Ружъ, которымъ графъ владѣетъ въ Нормандіи. Право, аббатъ такой красавецъ, такъ изящно носитъ сутану, что можетъ служить украшеніемъ любого салона.

Графиня, на колѣняхъ, дожидается своей очереди. Она оперлась хорошенькимъ подбородкомъ на сложенныя ручки и размышляетъ,

неопредѣленно глядя на розовый лучъ, проходящій сквозь цвѣтное стекло. Она быстро перебрала въ умѣ всѣ свои грѣхи; она знаетъ за собой только одинъ крупный грѣхъ, и соображаетъ, въ какихъ выраженіяхъ она сообщитъ о немъ аббату. Мысль умолчать о немъ на минуту приходитъ ей въ голову, потому что довольно трудно въ этомъ признаться, но самая трудность соблазняетъ ее; ей смерть какъ хочется разсказать высокому красавцу кюрэ, какъ она,— увы! — измѣнила своимъ супружескимъ обязанностямъ для маркиза де-Валькрёзъ, который ей приходится какимъ-то дальнимъ кузеномъ и котораго она любила до своего брака.

Наконецъ, приходитъ ея очередь. Она встаетъ и идетъ къ исповѣдальнѣ съ едва замѣтной усмѣшкой, придающей очаровательный оттѣнокъ выраженію глубокаго благоговѣнія, какое она сочла нужнымъ придать своему личику. Она, безъ сомнѣнія, придумала, въ какихъ выраженіяхъ легче ей будетъ сдѣлать свое признаніе. Она медленно опускается на колѣни и проводитъ съ полчаса въ исповѣдальнѣ. Слышенъ только однообразный шопотъ, ни одного громкаго слова; цѣлая драма страсти развертывается въ полумракѣ между этой шепчущей двадцати-двухъ-лѣтней женщиной и тридцатилѣтнимъ аббатомъ, слушающимъ ее. Послѣ этого, она, опустивъ голову, выходитъ изъ исповѣдальни, и на ея розовомъ личикѣ ничего нельзя прочитать, только около губъ все еще играетъ слабая, неопредѣленная улыбка, отъ которой образовались на щекахъ двѣ ямочки.

По понедѣльникамъ аббатъ Мишленъ исповѣдуетъ мужчинъ въ капеллѣ доминиканъ. Въ слѣдующій же понедѣльникъ маркизъ де-Валькрёзъ дожидается своей очереди на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ пятницу стояла графиня. Маркизъ — небольшой, жиденькій юноша, болѣзненнаго вида, но хорошенькій. Онъ успѣлъ уже прославиться бурной молодостью; онъ участвуетъ въ скачкахъ; у него была дуэль, о которой говорили три дня. Однако, среди своей безпутной жизни онъ никогда не переставалъ исполнять всѣхъ обрядовъ церкви, считая, что религіозность въ числѣ его фамильныхъ обязанностей. Измѣнить церкви представляется ему чѣмъ-то мѣщанскимъ, и онъ такъ же мало думаетъ о томъ, чтобы отказаться отъ обязанностей хорошаго католика, какъ о томъ, чтобы отказаться отъ титула маркиза. Онъ исповѣдуется два раза въ мѣсяцъ, причащается по большимъ праздникамъ, словомъ — дѣлаетъ все необходимое, чтобы не измѣнить традиціямъ своей расы. Но все это, впрочемъ, ровно ничего не значитъ.

Онъ стоитъ на колѣняхъ и, подобно графинѣ, размышляетъ, слѣдя за розовымъ лучомъ, падающимъ сквозь цвѣтное стекло. Онъ спра-

шиваетъ самого себя: благоразумно ли будетъ признаваться аббату въ связи съ m-me де-Маризи́. Конечно, тайна исповѣди безусловна, но аббатъ можетъ невольнымъ взглядомъ выдать ихъ мужу; къ тому же, всегда тяжко выдавать другому мужчинѣ любовницу. Тутъ маркизъ рѣшается на компромиссъ; онъ сознается въ грѣхѣ, но не назоветъ имени, и успокоенный этимъ рѣшеніемъ, торопливо падаетъ на колѣни въ исповѣдальнѣ.

Исповѣдь мужчинъ всегда бываетъ гораздо короче исповѣди женщинъ. Имъ менѣе пріятно разсказывать о своихъ грѣхахъ и обнажать свое сердце. Въ какихъ-нибудь пять минутъ маркизъ свалилъ все бремя своихъ грѣховъ, но по выходѣ изъ исповѣдальни, онъ кажется раздосадованнымъ. Священникъ не далъ ему договорить, и сказалъ, что очень дурно съ его стороны злоупотреблять довѣріемъ честнаго человѣка, въ домѣ котораго онъ принятъ какъ давнишній пріятель. Послѣ этого онъ назвалъ графа и показалъ, что ему извѣстна вся исторія. Чортъ бы побралъ женщинъ! Онѣ не могутъ исповѣдываться, не пересказавъ всего до конца и даже не украсивъ по бо̀льшей части. Очевидно, графиня все разболтала. И маркизъ съ минуту еще стоитъ на колѣняхъ въ церкви, встревоженный, спрашивая самого себя, не поведетъ ли это къ его разрыву съ графиней, которую онъ обожаетъ. Однако, въ концѣ-концовъ, успокоивается на томъ соображеніи, что аббатъ Мишленъ слишкомъ ловкій человѣкъ, чтобы вмѣшиваться не въ свое дѣло.

По вторникамъ аббатъ обѣдаетъ у г. де-Маризи́; обѣды эти самые интимные, и на нихъ приглашается только нѣсколько друзей. На другой день, слѣдовательно послѣ исповѣди молодого маркиза, аббатъ сидитъ въ маленькой гостиной отеля де-Маризи́ въ обществѣ графини и двухъ старыхъ дамъ. Маркизъ какъ нарочно тоже въ числѣ приглашенныхъ сегодня. Онъ входитъ, улыбаясь, раскланивается съ графиней, и протягиваетъ руку священнику съ развязностью человѣка, котораго не смутитъ никакое щекотливое положеніе. Семь часовъ бьетъ, а графа все еще нѣтъ. Графиня, чтобы извинить его, толкуетъ объ его важныхъ и многочисленныхъ занятіяхъ. Всѣ поддакиваютъ, хотя отлично знаютъ, что у графа нѣтъ никакихъ занятій, кромѣ тѣхъ, какія онъ самъ навязываетъ себѣ въ обществѣ самыхъ шикарныхъ актрисъ бульварныхъ театровъ. Человѣкъ рѣдкой бездарности, графъ даже друзьями своими признанъ неспособнымъ къ политической дѣятельности. Онъ проматываетъ свое большое состояніе самымъ безпутнымъ образомъ, увлекаясь кокотками въ бриліантахъ, находя особенно пикантными хорошенькихъ женщинъ, разодѣтыхъ какъ герцогини, и грубыхъ, какъ торговки. Разсказываютъ, что онъ прокидывалъ невозможныя безумства для одной дѣвчонки,

подобранной съ улицы, которая била его и выгоняла ночью за дверь, чтобы принять къ себѣ его лакея. Ему пятьдесятъ лѣтъ отъ роду, лицо у него бѣлое и истасканное, видъ угрюмый, лысый лобъ, придающій ему видъ государственнаго человѣка, до-времени посѣдѣлаго подъ бременемъ общественныхъ дѣлъ.

— Графа, должно быть, задержалъ министерскій кризисъ, который мы переживаемъ въ настоящую минуту,—говоритъ аббатъ Мишленъ.—Вѣроятно, съ нимъ пожелали посовѣтоваться.

— Да, вѣроятно это самое, пробормоталъ маркизъ съ тонкой улыбкой, глядя на графиню.

А графиня играетъ флакономъ и нисколько не смущается повидимому. Аббатъ желалъ только показать, что онъ человѣкъ благовоспитанный, потому что и онъ отлично знаетъ, гдѣ замѣшкался графъ. Онъ знаетъ даже по имени маленькую Біанку изъ Bouffes, которой де-Маризи только-что подарилъ домъ. Эта „Біанка" родомъ изъ Бордо, и только приняла итальянское имя. Она разоритъ графа въ какихъ-нибудь три мѣсяца, если не прогонитъ раньше. Аббатъ видѣлъ ее однажды въ „Лѣсу". Красивое созданіе, нечего сказать! И аббатъ, думая о ней, вслухъ повторяетъ:

— Несомнѣнно, что графъ въ министерствѣ.

Наконецъ, де-Маризи появляется. Онъ извинился, жалуется на дѣла, и всѣ немедленно переходятъ въ столовую. По правую руку графини сидитъ маркизъ, по лѣвую аббатъ Мишленъ. Графъ помѣщается напротивъ съ двумя старухами по бокамъ. Кромѣ нихъ еще четыре приглашенныхъ, въ цѣломъ—десять человѣкъ. Обѣдъ прекрасный, сервируется съ быстротой и безмолвіемъ самаго хорошаго тона. Гости за столомъ разговариваютъ вполголоса. Но вотъ одинъ пожилой господинъ, за второй перемѣной, громко спрашиваетъ графа:

— Ну, что? какое у насъ будетъ министерство?

Графъ блѣднѣе обыкновеннаго, онъ чѣмъ-то встревоженъ какъ будто, разсѣянъ и не слышитъ вопроса, который приходится повторить его собесѣднику. Наконецъ, графъ бормочетъ:

— Ахъ! еще неизвѣстно! Положеніе дѣлъ критическое, очень, очень критическое... Никогда еще не переживали мы такого критическаго момента.

Обѣ старухи, повидимому, приходятъ въ ужасъ, и нѣсколько голосовъ произносятъ:

— О! въ самомъ дѣлѣ!

И такъ какъ всѣ ждутъ, что̀ еще скажетъ графъ, то ему приходится произнесть снова нѣсколько фразъ, что́ онъ и исполняетъ съ превеликимъ трудомъ:

— Да, можно всего опасаться... Вышла размадица... Ну, словомъ, можетъ быть какъ-нибудь уладится!

Тѣмъ временемъ аббатъ Мишленъ, глядя на него, думаетъ, что, должно быть, маленькая Біанка прогнала его. Вѣроятно про эту размадицу онъ и говоритъ. И въ эту самую минуту аббатъ слышитъ, какъ близъ него графиня и маркизъ шопотомъ перекидываются слѣдующими торопливыми словами:

— Почему вы вчера не пріѣхали?

— Мнѣ невозможно было отлучиться изъ дому!

— Я васъ ждалъ цѣлый день... Ахъ! вы меня больше не любите, Лора!

— Тише!.. я завтра тамъ буду въ два часа.

Графиня замѣтила, что аббатъ слушаетъ ихъ. Но это нисколько ее не тревожитъ. Она съ улыбкой поворачивается къ нему и даже чуть-чуть ему подмигиваетъ. Вѣдь онъ повѣренный ихъ тайны и долженъ сострадать людскимъ слабостямъ! Потомъ очень любезно замѣчаетъ:

— Г. аббатъ, вы любите дичь... Жанъ, подайте еще дичи г. аббату.

Аббатъ ведетъ себя съ большимъ тактомъ. Онъ намѣревается, правда, намылить голову графинѣ въ исповѣдальнѣ, какъ она того заслуживаетъ. Но здѣсь, въ столовой, въ ея домѣ, онъ только ея гость, и слишкомъ благовоспитанный человѣкъ, чтобы корчить строгое лицо. Обѣдъ идетъ своимъ чередомъ: аббатъ слышитъ рядомъ съ собой шопотъ преступной жены, а напротивъ себя созерцаетъ плачевную физіономію графа, подъ глазами котораго только-что замѣтилъ двѣ царапинки, сдѣланныхъ точно кошачьими ногтями. Вина превосходны, въ столовой носится свѣжій ароматъ фруктовъ, и обѣдъ оканчивается съ самой грандіозной торжественностью.

— Вы въ среду, неправда ли, читаете проповѣдь въ церкви св. Клотильды,—спрашиваетъ одна изъ старухъ у аббата за дессертомъ.

— Да, сударыня... Я читаю проповѣдь въ пользу благотворительнаго учрежденія св. Маріи.

И всѣ толкуютъ объ этомъ учрежденіи, цѣль котораго призрѣвать сиротъ, чтобы спасти ихъ отъ гибели. Графиня—одна изъ дамъ-патроннесъ; имя графа значится въ числѣ учредителей. Всѣ гости превозносятъ услуги учрежденія.

— Мы дѣлаемъ, что можемъ, говоритъ m-me де-Маризи. Сколько есть бѣдныхъ дѣвушекъ, которыя гибнутъ только потому, что имъ недостаетъ религіознаго воспитанія... Какъ скоро женщина знаетъ Бога и умѣетъ молиться, она безопасна отъ всякихъ соблазновъ, она не можетъ нарушать свой долгъ... О! для насъ большое утѣшеніе, что мы можемъ спасти отъ порока такія интересныя жертвы!

Маркизъ съ живостью одобряетъ слова графини. Безъ религіи нравственность невозможна. Онъ посѣтилъ нѣсколько дней тому назадъ пансіонерокъ пріюта св. Маріи. Онѣ очень милы. Онъ замѣтилъ одну маленькую блондинку, настоящаго ангела, съ большими голубыми глазами, небесной кротости. Графъ прислушивается къ этому описанію, и въ его тусклыхъ глазахъ зажигается пламя, а отвислая губа невольно улыбается. Потомъ внезапно онъ разразился слѣдующей громкой тирадой:

— Я говорилъ намедни двумъ сенаторамъ изъ моихъ друзей: подниміте религію, принудьте народъ преклонить колѣно въ церквахъ, если хотите возвысить нравственный уровень массъ... И они согласились со мною. Они собираются внести законъ о соблюденіи воскреснаго дня... Въ печальныя времена, переживаемыя нами, необходимо, чтобы всѣ католики строго соблюдали церковные обряды, для примѣра. Путемъ вѣры мы спасемъ общество отъ безобразій, въ какихъ оно утопаетъ... Будемъ подавать примѣръ, господа, будемъ подавать примѣръ...

И истощенный усиліемъ, котораго потребовала отъ него эта маленькая рѣчь, графъ беретъ шляпу и потихоньку улепетываетъ въ тотъ моментъ, какъ встаютъ изъ-за стола. Дѣла—такой вѣдь тиранъ! Аббатъ Мишленъ, замѣчающій его бѣгство, переходитъ въ гостиную, думая про себя, что, вѣроятно, графъ побѣжалъ мириться съ маленькой Біанкой.

Вечеръ проходитъ. Обѣ старухи уѣзжаютъ первыя. Другіе гости слѣдуютъ за ними. Наконецъ, аббатъ и маркизъ остаются одни съ графиней. Графиня сидитъ по лѣвую сторону камина, маркизъ по правую, аббатъ посреди нихъ, напротивъ камина. Всѣ трое разсуждаютъ о большомъ праздникѣ съ благотворительной цѣлью, который долженъ быть на слѣдующей недѣлѣ. Затѣмъ разговоръ падаетъ, и присутствующіе обмѣниваются только односложными словами. Аббатъ хорошо понимаетъ, что стѣсняетъ любовниковъ; но на этотъ разъ онъ настолько неблаговоспитанъ, что навязываетъ имъ свое общество, чтобы напомнить имъ объ ихъ обязанностяхъ. Онъ не позволяетъ себѣ ни одного намека, но обѣщаетъ себѣ уйти непремѣнно послѣ маркиза. Проходитъ полчаса. Положеніе аббата становится все болѣе и болѣе фальшивымъ. Графиня даетъ ему ясно понять, что пора ему уходить. Наконецъ, свѣтскій человѣкъ беретъ верхъ надъ аббатомъ: аббатъ встаетъ и прощается. Тогда m-me де-Маризи и маркизъ выказываютъ необыкновенную любезность и кричатъ ему, когда онъ уже у дверей:

— До свиданія, m-r Мишленъ, мы придемъ въ среду васъ послушать.

Въ слѣдующую среду церковь св. Клотильды, эта кокетливая церковь, похожая на будуаръ знатной дамы, наполнена цвѣтами и вся обтянута краснымъ бархатомъ. Аббатъ Мишленъ на каѳедрѣ, и говоритъ проповѣдь такъ очаровательно, что ропотъ одобренія проносится въ толпѣ молящихся. Онъ взялъ сюжетомъ для своей проповѣди красоту цѣломудрія—щекотливый предметъ, о которомъ распространяется въ самыхъ отборныхъ и изящныхъ выраженіяхъ. Въ первомъ ряду публики находятся графъ и графиня де-Маризи, а также и молодой маркизъ де-Валькрёзъ. Они поклонились другъ другу съ улыбкой, и по временамъ маркизъ любовно заглядывается на графиню. За обѣдней, слѣдующей за проповѣдью, они преклоняютъ колѣни и выказываютъ необыкновенную набожность; послѣдними уходятъ изъ церкви. Вокругъ нихъ церковь сверкаетъ и разливаетъ сладостные ароматы.

Богъ принимаетъ здѣсь самыя громкія фамиліи Франціи и отпираетъ для нихъ свой домъ, какъ-бы нѣкій царственный салонъ, въ день параднаго пріема. Аббатъ Мишленъ на каѳедрѣ можетъ поздравить себя съ тѣмъ, что промѣнялъ магазинъ фарфора своего отца на занимаемое имъ мѣсто въ алтарѣ, надъ головами всѣхъ этихъ важныхъ господъ и знатныхъ дамъ, лежащихъ во прахѣ. Но одна мысль умѣряетъ его гордость: онъ слишкомъ хорошо знаетъ, какъ мало вліянія, въ сущности, имѣетъ онъ на этихъ госпожъ; онъ знаетъ, что религія для нихъ одна простая формальность, и говоритъ себѣ, что если ихъ сложенныя руки и набожныя позы свидѣтельствуютъ объ ихъ почтеніи къ нему, за то души, въ сущности, не принадлежатъ ему и обманываютъ Бога, также какъ и мужей.

V.

Монсиньоръ въ своемъ кабинетѣ въ епархіальномъ дворцѣ. Онъ запретилъ принимать посѣтителей, потому что у него сегодня много работы. Аббатъ Раймонъ, молодой двадцатидвухлѣтній священникъ, его секретарь, работаетъ вмѣстѣ съ нимъ за большимъ письменнымъ столомъ изъ палисандроваго дерева, за которымъ епископъ пишетъ статью крупнымъ, характернымъ почеркомъ.

— Слушайте, Раймонъ,—говоритъ онъ, не поднимая головы,—возьмите эту пачку корректуръ и выправьте ихъ... Это статья для журнала „Religion", и ее тотчасъ же надобно отослать въ Парижъ, потому что она должна появиться въ печати завтра.

И продолжаетъ писать. Онъ сочиняетъ брошюру въ отвѣтъ на матеріалистическія теоріи одного философа, съ которымъ слишкомъ

уже десять лѣтъ какъ ведетъ регулярную войну. Каждый годъ онъ испытываетъ желаніе опровергать сочиненія своего противника. У него прекрасный слогъ, отличающійся библейской образностью, но онъ немножко злоупотребляетъ анаѳемой, и писалъ бы гораздо лучше, если бы не уснащалъ своей рѣчи семинарской латынью. Когда онъ забываетъ про св. писаніе и про самого Бога, что̀ съ нимъ часто случается, то становится чуть не замѣчательнымъ писателемъ.

— Раймонъ,—произноситъ онъ послѣ долгаго молчанія,—найдите-ка въ медицинскомъ словарѣ слово „névrose"... Хорошо, передайте мнѣ словарь.

И кладетъ перо, чтобы погрузиться въ толстую книгу. Онъ прочитываетъ статью о „névrose", занимающую нѣсколько страницъ. Потомъ переходитъ къ другимъ словамъ, и посвящаетъ добрыхъ полчаса на это техническое изученіе. Въ своей брошюрѣ онъ трактуетъ, между прочимъ, о подлинности нѣкоторыхъ чудесъ, и, какъ смѣлый памфлетистъ, хочетъ доказать, что нервныя болѣзни, даже по теоріямъ самихъ ученыхъ, не могутъ производить явленій, засвидѣтельствованныхъ очевидцами. Когда ему кажется, что онъ нашелъ искомые аргументы, онъ захлопываетъ книгу и снова принимается за брошюру. Гусиное перо уподобляется настоящему оружію въ его нервныхъ рукахъ и бѣгаетъ по бумагѣ съ правильнымъ и сухимъ скрипомъ. Только этотъ шумъ и слышенъ; городъ спитъ праведнымъ сномъ провинціи.

Монсиньоръ—высокій шестидесятилѣтній старикъ, очень худой, съ изборожденнымъ морщинами челомъ, которому большой, тонкій носъ сообщаетъ характеръ непреклонной воли. У него сѣрые глаза и тонкія, блѣдныя губы. Рука у него красивая, длинная, изобличающая аристократическое происхожденіе. И дѣйствительно, по матери онъ принадлежитъ къ старинной фамиліи въ Оверни; но отецъ его, сынъ крестьянина, обогатившагося торговлей, завѣщалъ ему плебейское имя, которое онъ, впрочемъ, носитъ съ нѣкоторою гордостью, потому что придалъ этому имени громкую славу. Вся сила его какъ будто происходитъ именно отъ обновленія старинной расы его матери новою кровью его отца. Отъ матери заимствовалъ онъ чрезмѣрную гордость, вѣру въ старинныя традиціи Франціи; отъ отца взялъ онъ энергію свѣжаго поколѣнія. У него крестьянскіе кулаки облагороженной формы, и употребляются имъ на служеніе привилегированному классу.

Монсиньоръ поступилъ въ духовное званіе уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ былъ первоначально драгунскимъ капитаномъ. Тридцатишести лѣтъ отъ роду онъ наскучилъ военной службой, которая не удовлетворяла его. Войнъ большихъ въ то время не случалось, и онъ влачилъ гарнизонную жизнь, праздность которой убивала его. Въ

наше время, кто хочетъ сражаться, долженъ скорѣе взять въ руки крестъ, нежели шпагу. А церковь представляетъ особенно удобную арену для честолюбія. Итакъ, монсиньоръ занялся богословскими науками, по выходѣ изъ полка, съ рвеніемъ безпримѣрнымъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся докторовъ богословія, и съ той поры началъ борьбу съ духомъ нашего вѣка, которую съ каждымъ годомъ ведетъ все ожесточеннѣе, причемъ старость нисколько не охлаждаетъ его энергіи. Онъ быстро достигъ высшихъ чиновъ въ церкви. Въ немъ тотчасъ же признали мощнаго атлета, котораго слѣдуетъ поставить впереди всѣхъ. Онъ епископомъ уже лѣтъ десять, и надѣется стать кардиналомъ при первой вакансіи. По правдѣ сказать, онъ ждетъ красной шапки съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; онъ не чуждъ слабости придавать огромное значеніе красной шапкѣ, о которой сталъ мечтать какъ только поступилъ въ священники.

Впрочемъ, монсиньоръ не обманулъ ожиданій лицъ, такъ быстро возвысившихъ его до церковныхъ почестей. Давно уже не видывали прелата, болѣе страшнаго для противниковъ церкви. Бывшій драгунскій капитанъ, повидимому, все еще считаетъ себя на полѣ битвы, гдѣ оглушаетъ противниковъ епископскимъ жезломъ. Онъ воюетъ въ журналахъ, воюетъ съ помощью брошюръ, употребляетъ всевозможныя орудія, даже самыя мірскія. И надо видѣть его въ епархіи, гдѣ все дрожитъ передъ нимъ. Онъ завоевалъ департаментъ. Онъ даетъ регулярныя сраженія гражданскимъ властямъ, ведетъ трехмѣсячныя кампаніи, чтобы только добиться смѣщенія чиновника, который ему не по-нутру. Такимъ образомъ, религія для него арена, на которой онъ сокрушаетъ всѣхъ, кто не преклоняется передъ его властію. Богъ для него просто-на-просто жандармъ. Онъ грозитъ прибѣгнуть къ его посредству при первомъ неповиновеніи людей. Во имя неба онъ требуетъ, чтобы священникъ царствовалъ на землѣ, а небо въ его устахъ—простая угроза, отвѣчающая на все и долженствующая держать націи на колѣняхъ, дрожащими, смиренными, порабощенными.

У монсиньора въ кабинетѣ есть большое распятіе слоновой кости на крестѣ изъ чернаго дерева, и это распятіе играетъ здѣсь роль бюста государя, стоявшаго въ мэріяхъ и являвшагося представителемъ власти. Рѣдко монсиньоръ преклоняетъ передъ нимъ колѣни; онъ только торопливо крестится, проходя мимо. Но если кто-нибудь бунтуется, онъ протягиваетъ руку ко Христу, словно призывая къ себѣ вооруженную силу. Богъ играетъ у него роль неотразимаго аргумента.

Между тѣмъ аббатъ Раймонъ выпрâвилъ корректуры статьи, на-

значенной для журнала „la Religion". Монсиньоръ, отложившій, наконецъ, перо въ сторону, пробѣгаетъ статью. Должно быть, она кажется ему слишкомъ вялой, потому что онъ хмуритъ брови; потомъ запечатываетъ ее въ конвертъ, звонитъ и приказываетъ отправить немедленно на почту.

— Скажите-ка, Раймонъ, — спрашиваетъ онъ послѣ краткаго размышленія,—какое заглавіе вы предпочитаете: *Пристыженный Іуда*, или *Одураченная наука*?

Но не даетъ секретарю время отвѣтить, самъ рѣшаетъ вопросъ и озаглавливаетъ рукопись, лежащую передъ нимъ, крупными буквами: *Пристыженный Іуда*. Потомъ снова звонитъ и посылаетъ рукопись въ типографію, крича, чтобы торопились.

— Извините, ваше преосвященство,—говоритъ приставъ,—тутъ есть нѣсколько особъ, которыя непремѣнно желаютъ васъ видѣть.

— Пускай подождутъ. Если можно будетъ, я приму ихъ до завтрака.... Ахъ! въ случаѣ, если бы пріѣхалъ маркизъ де-Курнёвъ, то принять его немедленно.

Монсиньоръ всталъ и прошелся по кабинету. Затѣмъ снова усѣлся, говоря:

— Раймонъ, передайте мнѣ письма. Помогите мнѣ разобраться въ нихъ.

Тутъ секретарь беретъ громадную пачку писемъ. Онъ перебираетъ письма одно за другимъ, вскрываетъ ихъ перочиннымъ ножичкомъ и передаетъ монсиньору, который быстрымъ взглядомъ пробѣгаетъ текстъ. Монсиньоръ хочетъ все прочитать самъ. Онъ распредѣляетъ письма по мѣрѣ того, какъ ихъ прочитываетъ, мнетъ и бросаетъ на коверъ тѣ, которыя ему кажутся неважными, прибираетъ къ мѣсту остальныя. Въ этой обширной корреспонденціи есть всего понемножку: просьбы о помощи, письма по дѣламъ епархіи, письма, пришедшія съ четырехъ концовъ Франціи и изъ-за-границы въ интересахъ пропаганды. Порою, монсиньоръ углубляется въ сложныя соображенія государственнаго человѣка, замышляющаго какой-нибудь обширный завоевательный планъ. Нити клерикальныхъ интригъ всего міра сходятся въ кабинетѣ у монсиньора. Тамъ рѣшаются важные вопросы, вопросы войны или мира между націями, вопросы внутренней политики, въ которыхъ постоянно ставится девизомъ спасеніе Франціи. Монсиньоръ, распечатывающій свою корреспонденцію, похожъ на министра, въ рукахъ котораго сосредоточивалось бы вся власть, и вліяніе котораго распространялось бы на всю вселенную.

Но въ это утро главный вопросъ, къ счастію, не касается европейскаго переворота. Все дѣло заключается въ томъ, кто одолѣетъ: монсиньоръ или префектъ—въ одномъ вопросѣ объ образованіи. Пре-

фектъ, который, не будучи республиканцемъ, считается либераломъ, учредилъ полгода тому назадъ свѣтскую школу въ городѣ Вернёйлъ, главномъ мѣстечкѣ департаментскаго округа. Между тѣмъ, монсиньоръ поклялся самому себѣ, что замѣнитъ эту школу другою, которую будутъ содержать братья „Христіанскаго Ученія". Борьба длится уже полгода. Префектъ заупрямился, монсиньоръ также. Въ корреспонденціи есть больше двадцати писемъ по этому дѣлу.

— Маркизъ де-Курнёвъ! — докладываетъ приставъ. Монсиньоръ встаетъ и бросается на встрѣчу входящему.

— Ну, что?—спрашиваетъ онъ съ тревожнымъ видомъ.

— Ну, я прямо изъ Парижа,—отвѣчаетъ маркизъ.—Я видѣлъ министра, но не хотѣлъ говорить прямо о нашемъ дѣлѣ... Вы понимаете, что если мы возьмемъ верхъ, то префекту придется подавать въ отставку, и это очень усложняетъ дѣло.

— Но на чемъ же мы остановились?

— Я не могъ добиться окончательнаго отвѣта и поручилъ своей невѣсткѣ дѣйствовать. Она обѣщала написать вамъ, когда все будетъ улажено.

У монсиньора вырывается жестъ нетерпѣнія. Ему слѣдовало самому съѣздить въ Парижъ и поднять всѣхъ на ноги, чтобы добиться закрытія свѣтской школы въ Вернёйлѣ. Вѣдь, наконецъ, въ этой школѣ Богъ-знаетъ что̀ дѣлается.

— Слушайте,—говоритъ онъ маркизу,—прочитайте эти письма... Дѣтямъ даютъ читать книги, въ которыхъ религія осмѣивается... Меня извѣщаютъ, что у преподавателя есть сестра, которая жила съ однимъ мужчиной, прежде чѣмъ выдти за него замужъ... Меня увѣряютъ, что на послѣднихъ муниципальныхъ выборахъ этотъ преподаватель былъ членомъ демагогическаго комитета... Развѣ этого всего недостаточно?

Затѣмъ накидывается на префекта. Исторія со школой прекрасный предлогъ, чтобы избавить департаментъ отъ чиновника, лишеннаго всякой религіи. Война между префектурой и епископствомъ не можетъ кончиться иначе, а монсиньоръ ни на одну минуту не можетъ допустить, чтобы побѣдила префектура. Онъ только-что получилъ письмо отъ многихъ значительныхъ лицъ въ городѣ, глубоко набожныхъ прихожанъ, которые дѣйствуютъ за-одно съ нимъ. Онъ читалъ эти письма маркизу. M-me де Сентъ-Люсъ, братъ у которой депутатомъ, намекаетъ въ письмѣ, что братъ сообщаетъ ей отличныя новости. Бодуэнъ, нотаріусъ, человѣкъ очень вліятельный въ обществѣ, утверждаетъ, что все высшее общество на сторонѣ монсиньора. M-me де-Морталь приводитъ слѣдующія слова префекта: „клерикализмъ— язва, подтачивающая департаментъ"—неосторожныя слова, которыя

можно воспользоваться въ высшихъ сферахъ. Наконецъ, префектъ, кажется, наканунѣ паденія, и стòитъ только дать ему послѣдній толчокъ,—а монсиньоръ поднялъ уже на ноги весь свой персоналъ. Слава Богу! монсиньоръ всемогущъ. Вотъ уже третьяго префекта сваливаетъ онъ въ теченіи двухъ лѣтъ.

Въ эту минуту приставъ приходитъ сказать епископу, что аббатъ изъ Вильвертъ, древній старикъ, пѣшкомъ пришелъ изъ своего мѣста, чтобы подать ему просьбу.

— Я не могу принять его, пусть подождетъ!—кричитъ прелатъ.

Но дверь осталась открытой, и аббатъ вошелъ. То убогій деревенскій кюрэ, въ поношенной сутанѣ, въ толстыхъ, запыленныхъ башмакахъ. Онъ смиренно подходитъ къ епископу и говоритъ дрожащимъ голосомъ:

— Ваше преосвященство, я бы не посмѣлъ васъ безпокоить, если бы дѣло касалось только меня. Но тутъ дѣло божіе, ваше преосвященство... Наша церковь въ Вильвертѣ такъ стара, что послѣднія бури пробили ея крышу. Стекла въ окнахъ всѣ перебиты, двери не запираются, такъ что дождь проходитъ теперь въ домъ божій, прихожане промокаютъ до костей, и намедни пришлось раскрыть дождевой зонтикъ надъ престоломъ въ то время, какъ я служилъ обѣдню, чтобы св. дары не подмокли... Жалость глядѣть на это, ваше преосвященство...

— Ну, что-жъ такое? устраивайтесь, какъ знаете,—отвѣчаетъ прелатъ, которому надоѣдаетъ длинное объясненіе старика.—Чтò мнѣ тутъ дѣлать?

— Скажите одно слово, ваше преосвященство, и нашу церковь поправятъ. Вы всемогущи.

— Вовсе нѣтъ, вы ошибаетесь; тутъ однѣхъ формальностей не оберешься.... Подайте прошеніе: коммиссія осмотритъ поврежденія, и дѣло пойдетъ своимъ порядкомъ.

Онъ всталъ и направился къ двери, чтобы выпроводить старика аббата. Но у того глаза наполнились слезами. Онъ продолжаетъ настаивать.

— Ваше преосвященство, умоляю васъ, не ради себя, но ради Господа Бога.... Не допускайте такого безобразія въ домѣ божіемъ. Это поистинѣ святотатство.... Вы все можете; найдите мнѣ пятьсотъ франковъ, необходимыхъ для починки.... Мои прихожане будутъ благословлять ваше имя.

Но тутъ епископъ теряетъ терпѣніе.

— Я не могу ничего для васъ сдѣлать, говорю вамъ! Оставьте меня въ покоѣ! Вѣдь вы видите, что я занятъ. Напишите мнѣ, я велю разсмотрѣть ваше прошеніе.

Старинный драгунскій капитанъ откликается въ немъ, и онъ бормочетъ сквозь зубы:

— Авось, Господь Богъ не растаетъ!

Старикъ аббатъ, сраженный, выходитъ изъ комнаты, пятясь задомъ и кланяясь до земли. Онъ проситъ прощенія, голова его старчески трясется. Гнѣвъ монсиньора совсѣмъ озадачилъ его, и онъ пѣшкомъ теперь вернется въ свою деревушку съ убійственной мыслью, что въ его церковь всю зиму будетъ лить дождь.

Тѣмъ временемъ монсиньоръ разбранилъ пристава за то, что онъ впускаетъ къ нему всякаго встрѣчнаго-поперечнаго. Онъ очень не въ духѣ,—какъ вдругъ ему подаютъ письмо.

— Почеркъ моей невѣстки!—восклицаетъ m-r де-Курнёвъ, взглядывая на конвертъ.

Какое торжество! Монсиньоръ, восхищенный, подходитъ къ окну и перечитываетъ письмо, съ лицомъ, раскраснѣвшимся отъ радости. Вышеупомянутая дама извѣщаетъ его, что она видѣлась съ министромъ и что свѣтская школа въ Вернёйлѣ будетъ закрыта. Она пишетъ ему между прочимъ, что префектъ подалъ въ отставку. Епископъ восторжествовалъ, религія можетъ гордиться одной лишней побѣдой.

— Раймонъ,—говоритъ епископъ своему секретарю,—я позавтракаю съ маркизомъ.... Зайдите въ типографію сказать, что я хочу получить корректуру моей статьи не позже завтрашняго утра. Мы вдвоемъ засядемъ за корректуры.

И въ то время, какъ онъ идетъ къ двери, глаза его случайно останавливаются на большомъ Распятіи изъ слоновой кости. Онъ чуть не забылъ присоединить его къ своей побѣдѣ,—но тотчасъ же отдалъ ему воинственно честь, и замѣтилъ маркизу съ веселымъ видомъ солдата, вѣрующаго въ свое знамя:

— Маркизъ, мы всегда будемъ побѣждать съ помощью этого знамени!

Em. Z.

НѢМЕЦКІЙ ЖУРНАЛЪ ПО СЛАВЯНСКОЙ НАУКѢ.

Archiv für slavische Philologie, unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausgegeben von V. Jagić. Berlin, 1876. 3 Hefte.

Когда отъ чтенія газетъ, говорящихъ теперь такъ много о славянскомъ братствѣ и единствѣ, приходится взглянуть на книгу въ родѣ той, заглавіе которой мы выписали,—невольно чувствуется, что есть какое-то противорѣчіе, какой-то крупный недочетъ въ нашихъ проповѣдяхъ о славянскомъ братствѣ и единствѣ. Когда представители славянскихъ племенъ собрались на конгрессъ въ Прагѣ въ 1848 году, надъ ними смѣялись, что „всеславянскимъ" языкомъ оказался—нѣмецкій; настоящее изданіе еще разъ напоминаетъ намъ, что книга даже и по славянскимъ предметамъ, которая имѣетъ больше шансовъ получить извѣстность во всеславянской публикѣ, есть книга, изданная по-нѣмецки, а не по-русски, по-чешски или по-польски. Чешскіе ученые, какъ Палацкій, Шафарикъ, печатали свои труды по-чешски и по-нѣмецки, или даже только по-нѣмецки, и ихъ нѣмецкія изданія у другихъ славянъ навѣрно были извѣстны больше, нежели чешскія. Другіе славянскіе ученые, какъ, напримѣръ, Миклошичъ, никогда и не писали иначе какъ по-нѣмецки.

Неудивительно поэтому, что и г. Ягичъ выбралъ для своего журнала нѣмецкій языкъ, хотя журналъ посвященъ спеціально славянскимъ предметамъ. Самъ издатель объясняетъ, что, выбирая этотъ языкъ, онъ желалъ сдѣлать область славянской филологіи болѣе доступной для иностранныхъ ученыхъ; но онъ нимало не опасался, что нѣмецкій языкъ затруднитъ славянскихъ читателей. Можно, дѣйствительно, думать, что нѣмецкая форма и мѣсто изданія доставитъ журналу больше славянскихъ читателей, чѣмъ еслибъ онъ издавался по-русски, по-чешски и т. д. Славяне еще слишкомъ мало знаютъ взаимно свои языки. Кромѣ того, журналъ г. Ягича не разсчитываетъ на большую публику по самой своей спеціальности; у насъ подобное спеціальное изданіе, пожалуй, не могло бы существовать иначе, какъ ставши дѣломъ какого-нибудь учрежденія, университета, академіи и т. п. На нѣмецкомъ языкѣ это изданіе пріобрѣтаетъ болѣе обширную ученую публику и находитъ своего издателя (т.-е. издателя съ денежной стороны); наконецъ, если находятся достаточныя литературныя силы, въ Берлинѣ осуществленіе изданія не представляетъ

никакой трудности, между тѣмъ какъ у насъ подобныя вещи сопряжены съ большими затрудненіями, способными утомить всякую энергію. По крайней мѣрѣ, мы слышали о нѣсколькихъ планахъ ученокритическихъ изданій, и не видимъ исполненія ни одного изъ нихъ... Нашимъ друзьямъ славянства, которые загадываютъ не только о политическомъ, но и общественно-образовательномъ значеніи нашемъ для славянства и рѣшаютъ національные вопросы, не мѣшало бы вникнуть въ простые факты положенія литературы и книжной торговли. Вопросъ объ относительномъ положеніи славянскихъ литературъ заслуживаетъ въ славянскомъ вопросѣ гораздо больше вниманія, чѣмъ то дается ему до сихъ поръ.

Имя г. Ягича извѣстно у насъ только немногимъ спеціалистамъ, но это—имя очень заслуженное въ славянской наукѣ. Его ученая дѣятельность (на хорватскомъ языкѣ) главнымъ образомъ посвящена была старой сербо-хорватской литературѣ, ея исторіи, изданію ея памятниковъ и т. д. Въ немногіе годы своихъ трудовъ онъ пріобрѣлъ извѣстность основательнаго ученаго, и теперь стоитъ въ ряду лучшихъ современныхъ славистовъ. Нѣсколько времени онъ былъ профессоромъ славянскихъ нарѣчій въ одесскомъ университетѣ, и затѣмъ приглашенъ былъ въ Берлинъ, гдѣ теперь и находится. Его журналъ—изданіе совершенно спеціальное, мало доступное для обыкновеннаго читателя; но для читателей подготовленныхъ, владѣющихъ или овладѣвающихъ спеціальными предметами славянской филологіи, археологіи, древней литературы,—онъ представитъ много интереснаго и полезнаго. Издавая журналъ въ Берлинѣ, вдали отъ ближайшихъ личныхъ отношеній съ славянскими учеными, въ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ спеціальнаго изданія, г. Ягичъ могъ дать своему журналу только тѣсные размѣры; онъ не имѣлъ много сотрудниковъ (изъ русскихъ ученыхъ, небольшая статья была доставлена только г. А. Веселовскимъ),—но изданіе тѣмъ не менѣе представляетъ очень важный вкладъ въ славянскую науку, и ему нельзя не пожелать успѣха.

Планъ своего изданія г. Ягичъ опредѣляетъ такъ:

„Кому сколько-нибудь извѣстны славянскія литературныя отношенія, тотъ знаетъ, что въ новѣйшее время всѣ славяне, не исключая даже численно незначительныхъ племенъ, сдѣлали себѣ особенной задачей—ревностно заниматься обработкой своихъ языковъ и собираніемъ литературныхъ памятниковъ. Начиная отъ скромныхъ „матицъ“ до „ученыхъ обществъ“ и „академій наукъ“ существуетъ большое, едва обозримое число литературныхъ кружковъ, главная дѣятельность которыхъ движется въ историко-филологическомъ направленіи. Ихъ труды, конечно, весьма неравны въ научномъ отно-

шеніи, соотвѣтственно умственнымъ и матеріальнымъ средствамъ, находящимся въ ихъ распоряженіи, и кого не утомитъ исканіе, тотъ найдетъ въ этомъ, все обильнѣе притекающемъ матеріалѣ много цѣннаго или могущаго стать цѣннымъ. Но трудность собиранія далеко разсѣяннаго матеріала, также какъ и немаловажныя различія въ языкѣ и письмѣ—число славянскихъ нарѣчій, которыя считается нужнымъ обработывать какъ литературные языки, очень значительно, и въ новѣйшее время скорѣе увеличивалось, чѣмъ уменьшалось—затрудняютъ даже для самихъ славянъ, между собою, а тѣмъ болѣе для ученыхъ иностранцевъ, пользованіе славянскими литературами для научныхъ цѣлей. Единственное средство, которое могло бы помочь этому неудобному положенію вещей, именно центральные органы для отдѣльныхъ изученій, обнимающіе цѣлое славянство,—до сихъ поръ было употребляемо очень рѣдко. Поэтому, очень трудно получить полную картину литературной дѣятельности всѣхъ славянъ. Даже русскія изданія, которыя въ этомъ отношеніи всѣхъ богаче, оставляютъ многаго желать.

„Въ спеціальной области славянской филологіи, я очень часто и очень живо чувствовалъ потребность въ научномъ центральномъ органѣ; въ устныхъ и письменныхъ сношеніяхъ со многими выдающимися представителями этой науки я постоянно встрѣчался съ тѣмъ же желаніемъ. Это согласіе со стороны многихъ другихъ, и обстоятельства моего нынѣшняго положенія (т.-е. профессуры въ Берлинѣ), наконецъ, укрѣпили во мнѣ рѣшеніе попытаться основать такой органъ для славянской филологіи. Не столько моя прежняя литературная дѣятельность—хотя и въ этомъ отношеніи я несовсѣмъ лишенъ опытности, такъ какъ съ удовольствіемъ оглядываюсь на любезный пріемъ, который за десять лѣтъ оказанъ былъ издававшемуся мной научному журналу (хорватскій „Književnik“) — сколько многія, испытанныя въ послѣдніе годы, дружескія отношенія съ представителями этой науки въ Россіи, у поляковъ, чеховъ и южныхъ славянъ, даютъ мнѣ право надѣяться, что это предпріятіе не будетъ лишено духовной поддержки, необходимой для его успѣха.

„Архивъ для славянской филологіи“ долженъ стремиться къ двоякой цѣли: съ одной стороны, рядомъ самостоятельныхъ работъ способствовать спеціальному изслѣдованію всѣхъ вопросовъ, относящихся къ славянской филологіи;—съ другой, посредствомъ переводовъ, извлеченій, критическихъ и библіографическихъ указаній представить связную картину всѣхъ тѣхъ работъ и результатовъ, относящихся къ области славянской филологіи, которые въ отдѣльныхъ славянскихъ литературахъ могутъ имѣть притязаніе на научное значеніе. Соединеніемъ этихъ двухъ цѣлей „Архивъ“ долженъ оправдать то

международное положеніе, какое онъ съ самаго начала поставилъ себѣ задачей. Славяне не дадутъ значенія внѣшней формѣ и будутъ привлечены близко ихъ касающимся содержаніемъ „Архива". Но черезъ посредство нѣмецкаго языка (или французскаго, мы оставляемъ нашимъ сотрудникамъ свободный выборъ) иностраннымъ ученымъ будетъ дана извѣстная возможность познакомиться съ научными стремленіями славянъ въ области славянской филологіи; имъ представится весьма цѣнный научный матеріалъ, на употребленіе и обработку котораго съ ихъ стороны мы съ увѣренностью разсчитываемъ.

„Я разумѣю понятіе филологіи въ обширномъ смыслѣ А. Бёка и Як. Гримма, такъ что въ „Архивѣ" будетъ идти рѣчь не только о языкахъ, хотя и они съ полнымъ правомъ стоятъ на первомъ планѣ, но также о памятникахъ языка и литературы, произведеніяхъ народнаго духа и всей литературной древности славянъ".

Главный ученый матеріалъ доставленъ былъ журналу трудами самого издателя. Другіе ученые, принявшіе участіе въ журналѣ, были въ особенности Лескіенъ, Нерингъ и Крекъ. Первый, профессоръ славянской филологіи въ Лейпцигѣ, кромѣ небольшихъ филологическихъ замѣтокъ, напечаталъ здѣсь, съ обширнымъ филологическимъ введеніемъ, значительную долю текста Новаго Завѣта 1548 въ серболужицкомъ переводѣ: это—древнѣйшій извѣстный памятникъ серболужицкаго нарѣчія. Г. Нерингъ, профессоръ бреславскаго университета, доставилъ нѣсколько любопытныхъ статей, напр. небольшой трактатъ „о вліяніи литературы старо-чешской на старо-польскую",— обзоръ филологическихъ работъ у поляковъ въ новѣйшее время,— о старыхъ памятникахъ польскаго языка. Г. Крекъ, профессоръ университета въ Грацѣ, извѣстный своимъ „Введеніемъ въ исторію славянскихъ литературъ", представляющимъ замѣчательный сводъ новыхъ изслѣдованій о славянской древности, помѣстилъ здѣсь небольшую статью по русской миѳологіи. Но всего больше явилось въ журналѣ работъ самого издателя.

Во-первыхъ, это—изслѣдованія чисто филологическія: напр., подробное изученіе языка Зографскаго евангелія, одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней славянской письменности;—подробный разборъ послѣднихъ трудовъ Миклошича,—разборъ славянской доли въ индо-германскихъ филологическихъ изслѣдованіяхъ Іоганна Шмидта, и проч.

Во-вторыхъ, это—изслѣдованія о славянской народной поэзіи и о древнихъ памятникахъ популярной литературы, между прочимъ очень любопытныя по отношенію къ русской старинѣ. Такова въ особенности обширная статья г. Ягича: „Христіанско-миѳологическій слой въ русскомъ народномъ эпосѣ". Мы не можемъ войти здѣсь

въ подробности этого изслѣдованія, и укажемъ только общую его тэму. Извѣстно, сколько споровъ возникло въ послѣднее время по поводу русскаго эпоса, и именно былины. Было выставлено нѣсколько различныхъ точекъ зрѣнія. Одни, не мудрствуя лукаво, приняли былину просто за историческій эпосъ, и для объясненія его старались отыскать въ исторіи или самихъ героевъ, и объяснить, какъ относится, напр., былинный князь Владиміръ или Добрыня къ историческимъ лицамъ, или отыскать другія историческія пріуроченія—такъ что древняя былина вообще относима была къ извѣстной исторической эпохѣ князя Владиміра, и ея неисторическія черты объяснялись забвеніемъ, поэтическимъ произволомъ и случайнымъ наслоеніемъ преданій. Другіе взглянули на дѣло гораздо болѣе сложнымъ образомъ. По ихъ мнѣнію, самая былина, напротивъ, привязана къ эпохѣ Владиміра почти случайно, но что собственно ея начало и содержаніе относятся къ отдаленнѣйшимъ временамъ до-исторической жизни; что ея основное содержаніе—не историческое, а миѳологическое; что ея герои—только перерожденіе древнѣйшихъ божествъ, и та форма былины, въ какой мы знаемъ ее теперь, есть только позднѣйшая ступень ея развитіи. Такимъ образомъ, основной личности, являющейся въ былинѣ въ видѣ князя Владиміра, слѣдуетъ искать вовсе не въ исторіи, а въ до-исторической миѳологіи; въ его эпитетѣ „краснаго солнышка“ надо видѣть не поэтическое украшеніе, а уцѣлѣвшій намекъ на солнечное божество, о которомъ говорилъ древнѣйшій эпосъ; Илья-Муромецъ и другіе богатыри точно также первоначально не историческія, а миѳологическія личности их борьба съ мрачными, губительными чудовищами объясняется борьбой стихійныхъ божествъ, свѣта съ тьмой, весны съ зимою и т. п. Изслѣдователи, принявшіе эту точку зрѣнія, сдѣлали скоро много открытій, которыя были бы очень любопытны, еслибъ были доказаны; именно, они и старались снять съ народнаго эпоса его позднѣйшій наростъ и открыть первобытный миѳъ, лежавшій въ его основѣ. Такимъ образомъ, князь Владиміръ былъ удаленъ съ непринадлежащаго ему мѣста, которое въ однихъ случаяхъ заняло солнечное божество, въ другихъ—миѳическій исполинъ и мудрецъ Волотъ; Соловей-разбойникъ оказался стихійнымъ божествомъ и т. п. Третій взглядъ, сближавшійся иногда съ первымъ и вторымъ, поставилъ себѣ особенной задачей доказать символическій, прообразовательный смыслъ народнаго эпоса: былина, съ ея многоразличными героями и ихъ похожденіями, съ величайшею точностью изображала княжескія дружинныя и земскія отношенія древней Руси,—такъ что ея смыслъ былъ не столько историческій или миѳическій, сколько общественный. Затѣмъ, выступилъ четвертый взглядъ, надѣлавшій не мало ученаго

переполоха. Остроумный изобрѣтатель его, не давая ни малѣйшаго значенія прежнимъ взглядамъ на былинный эпосъ и въ особенности отвергая миѳологическія и символическія толкованія, утверждалъ, что этотъ эпосъ даже и не русскій, но что всѣ главныя его личности и тэмы взяты съ востока; онъ доказывалъ это подробнымъ сличеніемъ разсказовъ, причемъ находилъ, что въ восточныхъ оригиналахъ (санскритскихъ, монгольскихъ и т. п.) эти разсказы гораздо болѣе обстоятельны и связны, а напротивъ въ былинѣ (какъ и естественно—въ подражаніи и заимствованіи) они отрывочны и безсвязны, частности не объясняютъ другъ друга и т. п.

Наконецъ, стала высказываться и еще одна точка зрѣнія. По мѣрѣ того, какъ расширялось знаніе старой рукописной литературы, не только оказывалось, что въ ней былъ цѣлый обширный отдѣлъ народныхъ сказаній, но очевидна становилась близкая связь ея съ тѣмъ, что̀ считалось чисто народнымъ, не-книжнымъ преданьемъ и вѣрованіемъ. Историки старой литературы все больше и больше находили между рукописными сказаніями и народнымъ преданіемъ параллельность, которая указывала наконецъ, что послѣднее во многихъ случаяхъ имѣло чисто книжный источникъ. Въ послѣдніе годы число подобныхъ сличеній постоянно увеличивалось, и теперь не подлежитъ сомнѣнію, что многія произведенія народной поэзіи, цѣликомъ или частями и отдѣльными подробностями, многія повѣрья, которыя прежде считались всего чаще собственнымъ созданіемъ народа, отголоскомъ его исконной миѳологіи,—имѣли свой источникъ въ книгѣ, слѣд., имѣютъ начало вовсе не до-историческое, а, напротивъ, болѣе или менѣе позднее, доступное хронологическому опредѣленію.

Названное изслѣдованіе г. Ягича ведено именно съ этой точки зрѣнія; оно замѣчательно какъ первая, послѣдовательно проведенная попытка примѣнить этотъ путь изысканія къ русскому народному эпосу, между прочимъ къ той былинѣ, которая вызвала (какъ сейчасъ указано) столько различныхъ системъ толкованія. — Въ свое время мы подробно остановимся на изслѣдованіи г. Ягича, и здѣсь только обращаемъ вниманіе на эту замѣчательную статью, о которой до сихъ поръ не было рѣчи въ нашей литературѣ, — хотя статья появилась уже годъ тому назадъ.—Авторъ, по обыкновенію, ведетъ свое изслѣдованіе точно и осмотрительно, съ обширнымъ запасомъ начитанности въ нашихъ памятникахъ, и предлагаетъ очень остроумныя, и часто неожиданныя объясненія такихъ подробностей былины, гдѣ до сихъ поръ такъ любили указывать до-историческую древность и стихійныя божества, и гдѣ онъ видитъ лишь позднее книжное заимствованіе.

Поставивъ себѣ цѣлью изслѣдовать христіанско-миѳологическій, т.-е. библейско-легендарный слой въ нашемъ народномъ эпосѣ, г. Ягичъ распредѣляетъ вліянія этого элемента на три ступени. Къ первой онъ относитъ пѣсни чисто библейско-легендарнаго содержанія, гдѣ не только сюжетъ, очевидно, заимствованъ, но и изложеніе остается почти не тронуто и не нарушено національными прибавками (таковы — духовные стихи, не удаляющіеся отъ библейскаго разсказа или легенды). Ко второй ступени авторъ причисляетъ пѣсни, въ которыхъ основной сюжетъ тоже заимствованъ, но передѣланъ болѣе или менѣе самостоятельно въ духѣ народныхъ эпическихъ пѣсенъ, такъ что по своимъ поэтическимъ пріемамъ и оборотамъ эти пѣсни совсѣмъ похожи на былины, но по содержанію относятся къ кругу смѣшанныхъ церковно-народныхъ произведеній. Наконецъ, послѣднюю ступень составляютъ собственно народныя произведенія, которыя по своему содержанію считаются обыкновенно вполнѣ національными, но въ отдѣльныхъ подробностяхъ, фразахъ, именахъ и т. д. также не свободны отъ христіанско-легендарныхъ, книжныхъ вліяній.

Эти ступени не отдѣлены рѣзко другъ отъ друга и часто переходятъ одна въ другую, — что̀ авторъ приписываетъ отчасти и нынѣшнему состоянію нашихъ знаній объ этомъ предметѣ, не довольно ясныхъ и точныхъ. Начавши съ примѣровъ, не допускающихъ никакого сомнѣнія, г. Ягичъ переходитъ потомъ къ другимъ случаямъ, болѣе труднымъ, и рядомъ интересныхъ и смѣлыхъ соображеній приходитъ къ выводамъ, которые сильно подрываютъ миѳологическую теорію. Въ личностяхъ народной поэзіи, которыя представлялись остаткомъ отдаленнѣйшей до-христіанской древности, авторъ находитъ лишь искаженныя повторенія средневѣковой легенды, — такъ что для прежнихъ миѳологическихъ толкованій не остается никакого мѣста. Такъ, авторъ разъясняетъ разныя подробности „Голубиной книги", мнимо-миѳическаго „Волота", удивительный камень „алатырь", безъ котораго не обходится ни одинъ волшебный заговоръ, и — вѣроятно, къ ужасу толкователей нашей былины — самъ Соловей-разбойникъ оказывается не болѣе какъ позднѣйшимъ народнымъ изобрѣтеніемъ на книжно-легендарную тэму.

Мы не скажемъ, чтобы разъясненія г. Ягича можно было уже теперь счесть доказанными; напротивъ, и самъ авторъ находитъ, что нужны еще новыя подтвержденія, — но во многихъ случаяхъ, онъ несомнѣнно правъ и стоитъ на вѣрной дорогѣ; недостаточность нѣкоторыхъ доказательствъ происходитъ только отъ общаго состоянія нашихъ знаній о средневѣковой легендѣ, которымъ еще недостаетъ матеріала источниковъ. Вообще, изслѣдованіе г. Ягича прочно

ставитъ новую точку зрѣнія, которой до сихъ поръ слишкомъ мало оказывали вниманія наши изслѣдователи былинной поэзіи.

Другое изслѣдованіе, касающееся частнаго предмета народной поэзіи, также очень любопытно: это—изслѣдованіе о Дунаѣ въ славянской поэзіи. Извѣстно, что Дунай пользуется величайшей популярностью въ поэзіи почти всѣхъ безъ исключенія славянскихъ племенъ. Авторъ собираетъ различные случаи и поэтическія положенія, въ которыхъ имя Дуная встрѣчается въ пѣсняхъ, и выясняетъ старое бытовое значеніе этой рѣки, которымъ и опредѣляется поэтическое употребленіе ея имени въ народной поэзіи. Рядомъ съ этой статьей помѣщены любопытныя сравнительно-филологическія замѣчанія объ имени Дуная, принадлежащія извѣстному нѣмецкому ученому Мюлленгофу.

Наконецъ, весьма важный вкладъ самого издателя составляетъ „Библіографическій обзоръ трудовъ въ области славянской филологіи и археологіи съ 1870 года“. Подобные обзоры дѣлались вообще очень рѣдко въ славянской ученой литературѣ: нѣкогда библіографія подобнаго рода, впрочемъ довольно случайная и не полная (кромѣ чистой филологіи) появлялась въ „Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ“, гдѣ она была дѣломъ И. И. Срезневскаго; библіографическія работы г. Котляревскаго касались только русской литературы, — такъ что теперь „Обзоръ“ г. Ягича является трудомъ—единственнымъ въ своемъ родѣ. Здѣсь очень обстоятельно собраны и сгруппированы по всѣмъ славянскимъ литературамъ главнѣйшіе труды по языку, литературѣ, древности и бытовой исторіи. Одинъ этотъ обзоръ дѣлаетъ „Архивъ“ необходимой книгой для всѣхъ, кто занимается историческимъ и археологическимъ изученіемъ славянства.

А. П.

КРИТИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

по поводу новыхъ матеріаловъ для русской исторіи начала XIX вѣка.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Перваго отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Печатано по Высочайшему соизволенію. Спб. 1876. Выпускъ первый.

Одну изъ особенностей нашей исторической литературы за послѣднее время составляетъ не столько количество изслѣдованій, сколько обильная масса матеріала. Мы не богаты новыми точками зрѣнія, разъясненіемъ историческихъ принциповъ; за то матеріалы появляются массой, — между прочимъ изъ оффиціальныхъ архивовъ. Различныя вѣдомства или открываютъ свои архивы для постороннихъ изыскателей, или сами предпринимаютъ ихъ описаніе и изданіе замѣчательныхъ документовъ. Таковы изданія архива государственнаго совѣта, св. синода и проч. Къ числу ихъ присоединяется теперь изданіе, заглавіе котораго мы выписали.

Собственная канцелярія Его Величества основана была первоначально въ 1812 г. во время отечественной войны, и должна была служить средоточіемъ дѣлъ, подлежавшихъ высочайшему усмотрѣнію. Впослѣдствіи, въ 1826 г., она была расширена въ нѣсколько извѣстныхъ „отдѣленій". Настоящее изданіе будетъ заключать лишь документы первоначальной канцеляріи временъ императора Александра. По характеру этого учрежденія понятно, что сюда должны были стекаться дѣла самыя разнообразныя, и по настоящему выпуску „Сборника" можно ожидать, что его содержаніе можетъ представить большой историческій интересъ. При составленіи „Сборника" не было принято ни хронологическаго, ни предметнаго порядка документовъ по слѣдующей причинѣ: при обширности дѣлопроизводства канцеляріи во времена императора Александра I и при неустановившемся порядкѣ веденія дѣлъ, они оставались разсѣянными въ разныхъ отдѣлахъ архива, и надо было бы потратить много времени на возстановленіе систематическаго порядка; редакція справедливо нашла, что лучше было не откладывать изданія по этой причинѣ. Но въ составѣ „Сборника" редакція поставила вмѣстѣ документы однороднаго характера; требованіямъ хронологическимъ удовлетворила особымъ спискомъ документовъ по порядку времени, а въ концѣ книги помѣстила подробный указатель. Словомъ, сдѣлано все для облегченія пользованія

изданіемъ, — какъ это вообще принято теперь въ подобныхъ изданіяхъ.

Такимъ образомъ, въ „Сборникѣ“ образовалось нѣсколько отдѣловъ: высочайшіе указы, рескрипты и повелѣнія, состоявшіеся по канцеляріи съ конца іюня до конца августа 1812 г.; два рескрипта императрицы Екатерины II; матеріалы для исторіи 1812 года; далѣе, разныя донесенія, отчеты, мнѣнія и т. п.; бумаги, относящіяся до служебной дѣятельности Сперанскаго; наконецъ, оффиціальная и частная переписка Аракчеева. Многое весьма интересно,—напр. секретныя оффиціальныя свѣдѣнія о положеніи русскихъ финансовъ въ 1813 году и объ изысканіи средствъ къ продолженію военныхъ дѣйствій въ чужихъ краяхъ; изъ бумагъ, относящихся къ Сперанскому, письмо его къ императору Александру съ запиской, въ которой изложены мысли по поводу манифеста 25-го декабря 1815 года; записка, надписанная Аракчеевымъ: „меморіалъ барона Штейна о управленіи герцогства Варшавскаго“; письмо Н. Н. Новосильцова къ Аракчееву, 1813 г., съ замѣчаніями объ управленіи герцогствомъ Варшавскимъ; письмо А. П. Ермолова къ Аракчееву изъ Тифлиса, 1817 г., относительно устройства Кавказскаго края; всеподданнѣйшее письмо Магницкаго, 1823 г., съ приложеніемъ записки о народномъ образованіи; переписка В. Н. Каразина съ Аракчеевымъ по филотехническому обществу и т. д.

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ ограничиться только немногими указаніями. Въ отчетѣ Каразина филотехническому обществу за 1813 годъ, мы находимъ не лишенныя интереса подробности о состояніи Москвы въ первый годъ послѣ нашествія. Онъ пишетъ обычнымъ ему патетическимъ и реторическимъ языкомъ:

„Осуши слезы твои, дворянство почтенное!.. Слава твоя, средоточіе твоихъ богатствъ и наслажденій, убѣжище старости твоей, обручательница юношей и дѣвъ твоихъ, златоглавая Москва твоя, живетъ еще!.. Она воздвигается изъ пепла и развалинъ. Поразительнѣйшая картина неистоваго опустошенія, каковую едва-ли когда представлялъ міръ, начинаетъ изглаждаться. Число жителей сей столицы, уменьшенное общими врагами Европы до девяти тысячъ съ сотнями, возросло уже до ста шестидесяти двухъ тысячъ! Еще въ январѣ мѣсяцѣ 1813 г. оно не составляло полныхъ семидесяти! Число возобновленныхъ домовъ простирается уже до девяти сотъ девятнадцати, а выстроенныхъ вновь на пожарищахъ, по состояніямъ и силамъ хозяевъ, до тысячи - двухсотъ - шестидесяти одного. Двѣсти-шестьдесятъ семь мануфактуръ и въ нихъ болѣе семнадцати тысячъ рабочихъ разнаго рода, пола и званія трудятся въ пользу ея промышленности, снабдѣвая уже одеждою и насыщая прихотливый вкусъ

великой части Россіи. Необыкновенная дѣятельность въ воскрешеніи зданій не удерживается годовымъ временемъ (т.-е. зимой). Она смѣется надъ ненастьемъ, бурями и мятелью... Что говорю я? Морозъ въ двадцать-девять градусовъ Реомюровыхъ (и это видалъ я собственными очами!) не препятствуетъ бодрому каменьщику въ работахъ на открытомъ воздухѣ, и отъ столь великой стужи руки плотника не окостенѣваютъ съ топоромъ вмѣстѣ. Первый нашелъ средство разводить известь на кипяткѣ, а послѣдній, воспомоществуясь разложенными огнями, въ дыму отесываетъ распаренное имъ дерево... Гулъ пѣсенъ, коней ржаніе и скрипъ нагруженныхъ саней раздаются по трескучему морозу. Непобѣдимость россіянина, его благородное упрямство показываются во всей ихъ славѣ въ сраженіяхъ съ могуществомъ природы... Движеніе на площадяхъ и улицахъ ежедневно прибываетъ. Среди обгорѣлыхъ стѣнъ, даже въ обожженныхъ садахъ, преобразившихся въ новыя площади, среди мѣстъ, на которыхъ едва остались признаки жилищъ человѣческихъ, сіе кипѣніе народное, сія тѣснота, пріятная для сердца чувствительнаго гражданина, умножается болѣе и болѣе.

„Движенію народа, стекающагося отъ устьевъ Двинъ Западной и Сѣверной, равно какъ и отъ истоковъ и устьевъ Ангары, и Волги, и Дона, и Днѣстра, въ сію утробу Россіи, соотвѣтствуетъ и движеніе капиталовъ. Отъ 1-го января 1813 года до сего дня (т.-е. до конца этого года) прошло чрезъ одно почтовое вѣдомство Москвы близко двухсотъ-шестнадцати милліоновъ рублей, стремившихся въ ассигнаціяхъ, золотѣ и серебрѣ къ оживленію торговли и промышленности въ разныхъ частяхъ государства. Въ самой столицѣ выдано дѣятельнымъ почтамтомъ тридцать девять милліеновъ съ сотнями тысячъ, а принято для отправленія въ другія мѣста 40.662.000 рублей... О! да будетъ сіе вѣчнымъ доказательствомъ неисчерпаемости средствъ нашихъ и отчаяніемъ враговъ нашихъ, ежели они найдутся еще когда либо для единодушной, благочестивой, миролюбивый Россіи! Прежнее изобиліе народа и столицы, издревле славящихся дешевизною всѣхъ потребностей къ жизни, начинаетъ паки быть ощутительнымъ“ и пр.

Онъ замѣчаетъ, что, наконецъ, начали показываться „самыя излишества, безпорочно принадлежащія главамъ трудолюбиваго народа и долженствующія принадлежать имъ какъ жизненная утѣха, свойственная слабости человѣка“ — другими словами, что происходилъ большой балъ, гдѣ онъ видѣлъ „перлы и алмазы“.

Записка Сперанскаго по поводу манифеста, возвѣщавшаго о заключеніи священнаго союза, очень любопытна, какъ черта времени и какъ черта характера Сперанскаго. Записка послана имъ къ императору Александру въ январѣ 1816, изъ села Великополья, новгородской

губерніи, которое было послѣдней станціей его ссылки. Священный союзъ, по мнѣнію Сперанскаго, есть „величайшій актъ, какой только отъ самаго перваго введенія христіанской вѣры былъ постановленъ" (!). Въ такомъ тонѣ онъ превозноситъ его, говоря при этомъ, что похвала его—не лесть, потому что этотъ актъ не былъ личнымъ дѣломъ государей, его заключившихъ, а „чистымъ изліяніемъ преизбыточествующей Христовой благодати, коей удостоилися они быть органами". Онъ разъясняетъ потомъ, что̀ нужно для того, чтобы благодать возъимѣла свое полное дѣйствіе.

Это восхваленіе священнаго союза можно было бы, несмотря на всѣ отрицанія Сперанскаго, принять именно за тонкую лесть со стороны человѣка, знавшаго личный характеръ императора Александра, который въ то время самъ считалъ священный союзъ не только политическимъ трактатомъ, но и дѣломъ преизбыточествующей благодати. Извѣстная доля лести несомнѣнно была и здѣсь—эта черта вынуждалась тогдашнимъ положеніемъ Сперанскаго, была необходима для того даже, чтобъ записка была прочтена; эта черта была, наконецъ, и въ характерѣ Сперанскаго, честолюбивомъ, тонкомъ и уклончивомъ. Но это была все-таки не одна лесть. Сперанскій могъ говорить о священномъ союзѣ въ піэтистическомъ тонѣ очень искренно, потому что извѣстная доля піэтизма была, вѣроятно, очень давнимъ его свойствомъ, а въ эти годы піэтизмъ развился у Сперанскаго въ цѣлую религіозно-нравственную систему: въ послѣдніе годы издана была обширная частная переписка его, въ которой очень большая доля посвящена именно этому настроенію, переходившему даже въ полнѣйшій и явный мистицизмъ.

Но рядомъ съ этимъ, идутъ подробности иного рода. Предположивъ, что благодать, должнымъ образомъ поддерживаемая, можетъ пріобрѣсти „силы неожидаемыя" и „явить дѣйствія неимовѣрныя", Сперанскій указываетъ нѣсколько предметовъ, которые требовали бы вниманія власти и преобразованія, если только благодать положена въ основаніе правленія. Быть можетъ, была у него задняя мысль—испытать, какъ будутъ приняты административныя предложенія, которыя онъ дѣлалъ въ этомъ письмѣ въ первый разъ со времени своего паденія. Но указанія во всякомъ случаѣ любопытны и высказаны съ достоинствомъ.

„Не дерзая,—говоритъ онъ,—предварять внушеній собственной ихъ (государей) благодати, не излишнимъ признается означить здѣсь нѣкоторые предметы, на кои въ нашемъ отечествѣ прежде другихъ можно бы было обратить вниманіе".

Во-первыхъ, онъ указываетъ на „недостаточный составъ народнаго просвѣщенія", о которомъ говоритъ, впрочемъ, только съ упо-

мянутой піэтистической точки зрѣнія. Во-вторыхъ, онъ говоритъ о безобразномъ состояніи тюремъ: русскіе уголовные законы казались Сперанскому (не совсѣмъ, впрочемъ, справедливо) довольно умѣренными, — „но полиція сихъ законовъ не устроена и часто бываетъ жестока. Подъ симъ разумѣется образъ содержанія колодниковъ, устройство темничное, смѣшеніе людей подозрѣваемыхъ, обвиняемыхъ и обвиненныхъ, сліяніе разныхъ степеней того же преступленія, поведеніе низшихъ правительствъ (т.-е. начальствъ) съ преступниками уже наказанными и долгъ свой правосудію уже заплатившими, наипаче же совершенное пренебреженіе и отчужденіе христіанскихъ утѣшеній"... Въ-третьихъ. „*Уравнительное распредѣленіе* государственныхъ *податей* и тяжестей требуетъ также скораго разсмотрѣнія. Здѣсь *корень* бóльшей части злоупотребленій. Тщетно будутъ его искать въ одномъ свойствѣ управляющихъ лицъ, хотя и они не безъ грѣха; но онъ бóльшею частію кроется въ самомъ существѣ учрежденій. Здѣсь не мѣсто и не время о семъ распространяться, но нельзя умолчать, что есть подати, коихъ и простая языческая нравственность едва бы потерпѣла. Таковы суть винные откупа. Изъ всѣхъ софизмъ самая нелѣпая есть та, что будто бы замѣнить ихъ нѣчѣмъ и что они составляютъ зло необходимое".

„Предметы, здѣсь означенные,—прибавляетъ Сперанскій,—не суть, конечно, самые высшіе, но они суть первые, представляющіеся первому воззрѣнію наблюдателя".

Какъ серьёзны были эти предметы, можно заключать изъ того, что народное просвѣщеніе до сихъ поръ все еще въ недостаточномъ количествѣ достается народу, что „полиція уголовныхъ законовъ" все еще оставляетъ многаго желать, и „уравнительное распредѣленіе податей" до сихъ поръ есть вопросъ, ищущій рѣшенія...

Въ другомъ отношеніи замѣчательна записка или „Краткій опытъ о народномъ воспитаніи" Магницкаго, представленный имъ императору Александру въ ноябрѣ 1823. Извѣстно, что это было время высшаго развитія реакціи въ Европѣ, а также и у насъ: императоръ Александръ, утомленный событіями своего царствованія, давалъ увѣрить себя, что его лучшія начинанія, въ началѣ царствованія, были заблужденіемъ, и, несмотря на отвлеченныя стремленія быть проводникомъ человѣколюбиваго правленія и христіанской политики, поддавался самымъ печальнымъ образомъ вліянію людей, у которыхъ всего меньше было человѣколюбія, какъ Аракчеевъ, и мнѣній, которыя приводили къ самому мрачному обскурантизму и преслѣдованію. Таковы были мнѣнія, изложенныя и въ запискѣ Магницкаго. Объ этомъ дѣятелѣ александровскихъ временъ было уже не мало писано въ послѣднее время; инымъ казалось, что писано даже больше, чѣмъ онъ заслужи-

валъ; тѣмъ не менѣе, новые документы, свидѣтельствующіе объ его дѣятельности,—какъ и настоящая записка,—продолжаютъ быть очень интересными, и говорено было о немъ все еще недостаточно. Дѣло въ томъ, что Магницкій интересенъ вовсе не самъ по себѣ; его собственная личность не стóитъ вниманія — она не способна внушить столько любопытства, чтобы стóило изслѣдовать, какъ въ немъ самомъ могъ развиться его образъ мыслей и дѣйствій: это—никакъ не крупная личность, не характеръ, любопытный хотя бы въ отрицательномъ отношеніи. Напротивъ, это, по всему существу, человѣкъ мелкій, но во всякомъ случаѣ съ извѣстнымъ талантомъ, и его писанія и дѣйствія любопытны всего больше по отношенію къ обстоятельствамъ времени, какъ наглая эксплуатація того реакціоннаго направленія, которое отличало вторую половину царствованія императора Александра. Не слѣдуетъ думать, чтобы при этомъ требовалось обнаруженіе особеннаго ума; у Магницкаго былъ только умъ интригана, дѣйствовавшаго средствами, вовсе не особенно тонкими: опредѣливши по своему характеръ минуты и свойства правительственнаго направленія, онъ, чтобы выставиться впередъ, чтобъ удовлетворить заѣдавшему его честолюбію, употреблялъ очень нехитрыя средства—мнимое безграничное благочестіе, грубую лесть предержащимъ властямъ и каверзный доносъ. Дѣятельность Магницкаго пріобрѣтаетъ историческое значеніе именно тѣмъ, что могла имѣть такой успѣхъ въ свое время. Она чрезвычайно характеризуетъ время какъ патологическое явленіе; въ такомъ же смыслѣ характеристиченъ и Аракчеевъ.

„Идеи" Магницкаго выражались съ такимъ грубымъ безстыдствомъ, что повидимому трудно понять, какимъ образомъ онѣ имѣли ходъ, оказывали вліяніе; кáкъ человѣкъ, ихъ выражавшій, мóгъ нѣсколько лѣтъ держать въ рукахъ управленіе народнымъ просвѣщеніемъ въ цѣломъ обширномъ краѣ. Но оказывается, что его фальшивому благочестію вѣрили, что его грубая лесть достигала своей цѣли, что его доносамъ давали силу,—и его ученикъ чуть-было не продѣлалъ надъ петербургскимъ университетомъ тѣхъ же безобразныхъ вещей, какія учитель производилъ въ Казани. Оказывается, что въ томъ кругѣ, къ которому Магницкій обращался, не было настолько серьёзнаго содержанія или серьёзнаго характера, чтобы оцѣнить его благочестіе, лесть и доносы по достоинству; напротивъ, думали, что въ писаніяхъ Магницкаго есть дѣйствительно и христіанская ревность, и политическое дальновидное благоразуміе.

На дѣлѣ, это было лицемѣріе совершенно іезуитскаго склада. Магницкій любопытенъ именно тѣмъ, что вѣроятно лучше, чѣмъ кто-нибудь въ то время, съумѣлъ воспользоваться реакціоннымъ настрое-

ніемъ времени, и личнымъ мистицизмомъ и подозрительностью императора Александра, и выработалъ систему доноса, на которой долго фигурировалъ какъ усердный „охранитель“ религіи и престола. Магницкій писалъ всегда цвѣтистымъ и рельефнымъ стилемъ, широкими чертами; громкія слова сыпались у него постоянно,—и достигалъ своей цѣли: его слушатели очень часто поддавались на его проповѣди и застращиванія.

Настоящая записка не нова по своему содержанію; подобныя мысли излагаются и въ другихъ, напечатанныхъ прежде, запискахъ и доносахъ Магницкаго: нова здѣсь систематическая форма, въ которой онъ излагаетъ свои мысли о состояніи европейскаго просвѣщенія и о томъ, что̀ должно быть сдѣлано у насъ въ отношеніи народнаго воспитанія. Взглядъ его на западное просвѣщеніе не замысловатъ, и онъ — совершенно іезуитскій. Въ западномъ просвѣщеніи и въ западномъ „общемъ мнѣніи“ (т.-е. общественномъ мнѣніи) возымѣлъ великую силу „князь тьмы вѣка сего“ т.-е. по просту—дьяволъ; начала нечестія и буйства, открытыя (людьми, послужившими образцомъ для Магницкаго) въ университетахъ и училищахъ разныхъ странъ Европы, открываютъ очевидный „планъ врага божія“; Магницкій увѣренъ, что распространеніе этихъ началъ нечестія не случайно и обнаруживаетъ „обширный и давно втайнѣ укоренившійся планъ и заговоръ“.

Магницкій выставлялъ себя спеціальнымъ врагомъ дьявола или „князя тьмы“, и, изображая тогдашнюю науку какъ явное противорѣчіе христіанству, самъ беретъ на себя роль защитника христіанскихъ началъ, православія и самодержавія; — онъ рекомендуетъ для правильнаго устройства народнаго воспитанія лишь распространить на всѣ училища ту систему, какую онъ устроилъ въ Казанскомъ университетѣ и округѣ — систему, которая была посмѣшищемъ въ научномъ отношеніи и настоящей нравственной пыткой для всѣхъ, кому пришлось испытывать ее на себѣ (надъ ней, уже въ новое царствованіе, было учреждено слѣдствіе, и съ удаленіемъ Магницкаго, въ 1826 г., она была уничтожена). Планъ Магницкаго былъ тотъ, что, еслибъ его система была распространена и на другіе университеты,—это должно было увеличить его собственное значеніе.

„Въ Казани,—говоритъ Магницкій,—установленъ сильный нравственный надзоръ, основанный на изученіи и практическомъ исполненіи *вѣры православной*; тамъ всѣ науки очищены отъ того, что̀ составляло изъ нихъ *заговоръ на Бога и царей* (!). Тамъ въ богословіи, въ обличительной философіи, въ правахъ и въ исторіи все преподается согласно съ православіемъ, все противное ему отвергается. Такъ, напр., въ прочихъ учебныхъ мѣстахъ открыто пропо-

вѣдуется въ естественномъ правѣ, что цари царствуютъ *по согласію народовъ*, по договору (contrat social); въ Казани возмутительная ложь сія отвергнута. Проповѣдуютъ въ географіи, что наука сія разсматриваетъ землю въ томъ видѣ, какъ вышла она изъ рукъ Творца; сіе богохульное *отверженіе грѣхопаденія* въ Казани мѣста не имѣетъ. Проповѣдуютъ въ исторіи, что міръ существуетъ нѣсколько сотъ тысячъ лѣтъ; въ Казани слѣдуютъ хронологіи книгъ священныхъ. Въ исторіи отечественной, слѣдуя исторіи государства Россійскаго, нѣкоторые помазанники Божіи поносятся именами *тирановъ и злодѣевъ;* въ Казани цари добрые и злые почитаются наградою или наказаніемъ народовъ, преподаются исторически дѣла ихъ, но лица, одному Богу подсудимыя, уважаются. Пусть чрезъ лицо довѣренное осмотрятъ сіе“ и проч.

Это противоположеніе казанскаго просвѣщенія съ европейскимъ, конечно, забавно; самъ Магницкій, какъ извѣстно, черезчуръ зарапортовавшійся въ своемъ направленіи, въ началѣ слѣдующаго царствованія былъ высланъ изъ Петербурга и подвергнутъ слѣдствію,—но тѣмъ не менѣе идеи Магницкаго не умерли и долго, въ разныхъ формахъ, давали себя чувствовать въ литературѣ нашего просвѣщенія: наука ставилась подъ опеку въ „казанскомъ“ смыслѣ, и университеты на много десятилѣтій сохранили репутацію разсадниковъ вольнодумства, какую старательно составлялъ имъ Магницкій. Да и до сихъ поръ приходится нерѣдко читать статьи, достойныя казанскаго охранителя.

Будемъ ждать съ интересомъ дальнѣйшихъ выпусковъ „Сборника“, обращающаго на себя вниманіе и богатствомъ содержанія, и изяществомъ самаго изданія.

А. Н.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданія комитета 20-го сентября, 4-го и 18-го октября и 1-го ноября 1876 г.

1) Назначено продолжительное пособіе вдовѣ извѣстнаго писателя, поступившей на акушерскіе курсы, по 20 руб. въ мѣсяцъ, на полтора года.

2) На воспитаніе дѣтей извѣстнаго писателя назначено по 15 р. въ мѣсяцъ, на одинъ годъ; за обученіе дѣтей одного писателя опредѣлено уплатить 90 р.; за обученіе дочери другого писателя 30 р.

3) Выданы единовременныя пособія: вдовѣ извѣстнаго писателя, о временно затруднительномъ положеніи которой было сообщено комитету, 300 руб.; дочери извѣстнаго, въ свое время, профессора и историка; писательницѣ болѣзненной и живущей исключительно литературнымъ трудомъ, и священнику, издавшему нѣсколько полезныхъ сочиненій, по 100 р.; престарѣлому писателю, разбитому параличемъ, 75 р., и на покупку одежды для больной дочери умершаго автора нѣсколькихъ учебниковъ 60 р.

4) Назначено 75 р. на проѣздъ вдовы одного писателя изъ провинціальнаго города въ Петербургъ, на случай, если она получитъ здѣсь обѣщанное ей мѣсто.

5) Выданы ссуды одному писателю въ 100 р. и другому въ 75 р. за поручительствами.

6) Отклонены девять просьбъ о пособіи, одна о ссудѣ, одна о назначеніи стипендіи, одна объ изданіи на счетъ общества таблицы умноженія, и одна о содѣйствіи къ распространенію изданныхъ въ провинціи стихотвореній.

7) Изъ процентовъ на капиталъ В. Ѳ. Корша, достигшаго 2,008 р., опредѣлено нынѣ же начать производство одной стипендіи въ 125 р. студенту петербургскаго университета, и стипендія эта назначена на 1876—1877 учебный годъ студенту 1-го курса, имѣющему и по литературнымъ трудамъ своимъ право на помощь общества.

8) Утверждена новая форма ежемѣсячныхъ бухгалтерскихъ вѣдомостей и за участіе въ составленіи ея опредѣлено выразить Н. В. Кидошенкову искреннюю благодарность комитета.

9) Въ виду полученнаго комитетомъ извѣстія, что послѣ А. П. Щапова остались близкіе родственники, приняты мѣры къ собранію свѣдѣній, которыя могутъ оказаться необходимыми, въ случаѣ осуществленія заявляемой многими лицами мысли о пріемѣ въ комитетѣ пожертвованій на изданіе сочиненій Щапова.

10) Выслушанъ отчетъ казначея за сентябрь, изъ котораго видно, что къ 1-му сентября въ кассѣ общества было на лицо 77,705 р.

33 к., въ теченіи сентября поступило 1,015 р. 50 к. (въ томъ числѣ членскій взносъ за 1876 г. отъ А. С. Нѣжинскаго); израсходовано 2,163 р. 65 к. (въ томъ числѣ пенсіи шести лицамъ 405 р., единовременно 12-ти лицамъ 1,335 р., на воспитаніе четырехъ лицъ 170 р., продолжительное пособіе одному лицу 40 р., ссуда одному лицу 75 р., стипендія изъ процентовъ на капиталъ Е. П. Ковалевскаго 75 р., на капиталъ В. Ѳ. Корша 62 р. 50 к.); къ 1-му октября въ кассѣ общества осталось 76,557 р. 12 к.

11) Выслушанъ отчетъ казначея за октябрь, изъ котораго видно, что къ 1-му октября въ кассѣ находилось 76,557 р. 12 к.; въ теченіи октября поступило 608 р. (въ томъ числѣ членскихъ взносовъ 590 р. и пожертвованій 18 р.; въ томъ же мѣсяцѣ израсходовано 1,145 р. 60 к., въ томъ числѣ на единовременныя пособія 300 р., пособія на воспитаніе 365 р., продолжительное пособіе 20 р., пенсіи 445 р., почтовые расходы 8 р. 20 к. и по сбору членскихъ взносовъ 7 р. 40 к.); къ 1-му ноября осталось 76,019 р. 52 к. (въ томъ числѣ: процентными бумагами 72,025 р., на текущемъ счету 3,962 р. 18 к. и наличными 32 р. 34 к.). Въ этой суммѣ состоитъ: расходнаго капитала общества 44,146 р. 15 к., неприкосновеннаго 19,450 р., капитала Е. П. Ковалевскаго 10,278 р. 45 к. и капитала В. Ѳ. Корша 2,144 р. 92 к.

Отъ редакціи.—Въ первой, нынѣ вышедшей части романа „НОВЬ" просятъ сдѣлать слѣдующія поправки: на 6 страницѣ, 5 строч. св., вмѣсто: *въ темной широкой блузѣ*—слѣдуетъ: *въ черномъ шерстяномъ платьѣ*. А также:

Стран.	Строк.	Напечатано:	Вмѣсто:
46	8 сн.	отъ 9 до 5	отъ 2 до 5
52	15 св.	засѣялъ	засѣлъ
122	22 сн.	молчаливый	молчавшій

М. Стасюлевичъ.

Дамоклевъ мечъ. Романъ Эдмунда Ятса. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Дуэлисты. Очерки прошлаго. Городъ Смуровъ. Уѣздныя сцены. А. Чужбинскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Двѣ королевы: Екатерина Арагонская и Анна Болейнъ. Сочин. В. Г. Диксона. 4 тома. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Жатва. Романъ Проспера Віалона. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Запутанное дѣло. Романъ Октава Фере.—**Замерзшая глубина.** Драматическій разсказъ въ пяти сценахъ, Уильки Коллинза. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Заозерье. Очерки и разсказы изъ жизни лѣсного края. Н. Боева. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки причетника. Сочиненіе Марка Вовчка. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Збірникъ творівъ. Іереміи Галки. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

☛ **Землевладѣніе и земледѣліе** въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. 2 т. Спб. 1876. Ц. 3 р. 50 к.

☛ **Идеалы нашего времени.** Романъ въ 4 частяхъ. Захеръ-Мазохъ. М. 1876 г. Ц. 2 р.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1875. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Игорь, князь сѣверскій. (Слово о полку Игоря). Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Перевелъ съ древне-русскаго Николай Гербель. Изданіе пятое. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 3 р., вѣс. 3 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Кобзарь Т. Г. Шевченко з додаткомъ споминокъ про Шевченка писателів Тургенева и Полонского. У Празі 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Крестьянскій вопросъ въ Россіи. Полное собраніе матеріаловъ для исторіи крестьянскаго вопроса на языкахъ русскомъ и иностранномъ, напечатанныхъ въ Россіи и за границею, 1764—1864 гг. В. И. Межовъ. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Крестьяне-присяжные. Бытовые очерки. Картинки. Разсказы Н. Златовратскаго. Ц. 1 р., вѣс. за 1 ф.

Лекціи по исторіи римской литературы. В. И. Модестова, ординарнаго профессора по исторіи римской словесности. Курсъ первый. Отъ начала римской литературы до эпохи Августа. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Олькотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Медицина и медики. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. Цебриковой. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

☛ **Монастырь.** Романъ Вальтеръ-Скотта. Съ двумя картинами, гравированными на стали, и 45 политипажами въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. ? р. 50 к.

Мѣткая пуля. Романъ Густава Эмара. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ. Бертольда Ауэрбаха. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Новые разсказы Жюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесять дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Грандвиля. Текстъ: П. Сталь, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Беньямена, Франклина, Густава Дроза, Жюля Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес за 3 ф.

Озими. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Часть I и II. Спб. 1876 г. Ц. 3 руб., пересылочныхъ за 3 фунта.

☛ **Около денегъ.** Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Отголоски на литературныя и общественныя явленія. Критическіе очерки А. Милюкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Очерки, разсказы и сцены. И. И. Богданова. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Патриція Кэмбаль. Романъ въ 3-хъ частяхъ Э. Линнъ Линтонъ. Переводъ М. Цебриковой. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Петербургскіе игроки. Романъ А. Чужбинскаго. 4 ч. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повісті Івана Левіцького. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Повісті Осипа Федьковича. З передніи словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

☛ **Подъ Самаркандомъ.** Изъ войны на далекомъ востокѣ. Разсказъ новичка Д. Иванова. Спб. 1877 г. Ц. 40 к.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Путешествіе къ центру земли. Жюля Верна, съ 60 рисунками художника Ріу. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Пѣхота, артиллерія и кавалерія въ бою и внѣ боя въ германо-французской войнѣ въ 1870—1871 гг. Три бесѣды флигель-адъютанта барона Зеддлера въ академіи генеральнаго штаба. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Пѣсни Беранже. Переводы Василія Курочкина. Изданіе шестое, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніями, біографіей и портретомъ Беранже. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р., перес. за 2 ф.

Романы Вальтеръ Скотта, съ картинами, гравированными на стали, и политипажами въ текстѣ. 9 томовъ. Ц. 31 р. 50 к. съ пересылкою, отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ газеты „Сибирь“, томъ 1-й. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Сербські народні думи и пісні. Пер. М. Старицький. Чиста выручка на користь братів-славьян. Київ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

☞ **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. Спб. 1876. Выпускъ 1-й. Ц. 15 к. Выпускъ 2-й, съ портретомъ М. Г. Черняева. Ц. 20 к.

Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 1876. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

☞ **Славянскій сборникъ.** Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильтебрандта. Спб. 1876. Ц. 3 р.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Соль земли. Романъ въ 4-хъ частяхъ. С. Смирновой. 2 т. Ц. 3 р. съ перес.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р.

Сочиненія Аполлона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

☞ **Сочиненія лорда Байрона** въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. 4-й. Спб. 1877. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 60 к.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія Е. П. Гребенки. Въ пяти томахъ, съ портретомъ автора. Ц. 6 р. съ пересылкою.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекерторна, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Тайны царствованія Наполеона III. Интимная исторія. Соч. Де-Бомонъ-Васси. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Теплое гнѣздышко и Живая Душа. Сочиненія Марка Вовчка. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Турки и ихъ женщины. Султанъ и его гаремъ. Соч. маіора Османъ-Бея. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Фаня. Очерки прошлаго. Сочиненіе А. Чужбинскаго. Ц. 1 р. 25 к, съ перес. 1 р. 50 к.

Францъ фонъ-Зикингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Крилъ. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Чревовѣщатель. Романъ Ксавье де-Монтепена. Спб. 1876. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1873—74 гг. Т. I. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. II, ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782—1793 гг. По подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова, 1738—1795 гг. 3 т. Ц. за каждый томъ 3 р. съ пересылкою.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Іезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Записки Л. Н. Энгельгардта. 1766—188 гг. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ. Біографическій очеркъ. Ц. 2 р. съ перес.

Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Сочиненіе Ѳ. Терновскаго. Выпускъ II. Кіевъ. 1876. Ц. 1 р. 50 к, вѣс. за 1 ф.

Исторія Бохары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Вамбери. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Сочиненіе Андрея Ткачева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона 1 до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Испанія девятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Трачевскаго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 3 ф.

Историческія сравнительно-конспективныя таблицы. По новой и новѣйшей исторіи (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира 1856 г.). Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Историческая христоматія. По новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Томъ I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля.

Исторія Греціи и Рима. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Руководство это удостоено малой Петровской преміи ученымъ комитет. минис. народ. просвѣщенія. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Очерки и разсказы изъ стариннаго быта Польши. Сочиненіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 2 р. 75 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, изданныя I. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Римскій католицизмъ въ Россіи. Историческое изслѣдованіе графа Дмитрія А. Толстаго. Въ 2-хъ т. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.

Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленормана. Переводъ подъ редакціей М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 р. 10 к., перес. за 4 ф.

Русская Исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XVII. Спб. 1876. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. 16 томовъ. Ц. 46 руб.; вѣс. 50 ф. Отдѣльно каждый томъ 3 руб.; вѣс. 3 ф., за исключеніемъ т. 1 и 2-го, которые стоятъ по 2 рубля.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шаня. Н. Сѣверцовъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Вып. 13-й. 1876. Зоогеографическія изслѣдованія. Пчелы. Тетрадь вторая, съ 3 таблицами. Ц. простому экземпляру 1 р. 70 к., веленевому 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Капитализмъ и соціализмъ преимущественно въ примѣненіи къ различнымъ видамъ имущества и коммерческихъ сдѣлокъ. Д-ра Шефле. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Э. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованія, объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ (фондахъ, акціяхъ и облигаціяхъ) Россіи. Руководство для помѣщенія капиталовъ. И. К. Гейлеръ. Ц. 5 р. съ перес.

Способы добычи и статистика золота и серебра. Соч. Артура Филлипса, съ приложеніемъ атласа картъ, рисунковъ и чертежей. Ц. 7 р. съ пересылкою.

☞ **Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ.** Пособіе для курса, читаемаго въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія профессоромъ Ю. Э. Янсономъ. Спб. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Строй экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и долевая рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Счетоводство розничной и мелочной торговли и ремесленныхъ заведеній. Сост. Рейнботъ. Ц. 90 к., съ перес. 1 р.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Учебныя записки по статистикѣ. Курсъ старшаго класса военныхъ училищъ. Составилъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

☞ **Зимніе вечера.** Разсказы для дѣтей Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р.

Знаніе. Сборникъ для юношества. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

Наши мохнатые и пернатые друзья. Сочин. Миссъ Гуинфринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Народное образованіе. Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. Лавлея. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Народы - старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра, составленная Д. Ростиславовымъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

О вліяніи умственныхъ упражненій на здоровье дѣтей. Книга для родителей, воспитателей и наставниковъ. Соч. Амаріа Бриггэмъ, переводъ съ англійскаго Е. Сысоевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Объ университетскомъ воспитаніи. Рѣчь профессора Гёксли при открытіи университета Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ въ пользу черногорцевъ. Спб. 1876. Ц. 25 к., съ перес. 40 к.

Первые разсказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школъ. Германа Вагнера. Переводъ Вал. Висковатова. 3 книги. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

☞ **Послѣднія сказки Андерсена** съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора съ гравюрами. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

☛ **Почему и потому.** Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школѣ и дома методически составлены Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политипажами. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разсказы о погибшихъ дѣтяхъ. Н. Р. Выпускъ I. Маменьки. Ц. 60 к., перес. за 1 ф. Выпускъ II. Самодуры. Ц. 50 к., перес. за 1 ф.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

☛ **Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій.** Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876. Ц. 75 к.

☛ **Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ", т. II,** для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ", для старшаго возраста. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Учебникъ прямолинейной тригонометріи. И. И. Макаревича. Казань. 1876 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Международные словари для среднихъ учебныхъ заведеній, составленные по програмѣ министерства народнаго просвѣщенія Н. Макаровымъ. Часть французско-русская и русско-французская. Ц. 4 р., вѣс. 4 ф.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. И. Бодуэна-де Куртенэ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртенэ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго **Домостроя.** Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА— ХИМІЯ.

Дополнительный курсъ элементарной геометріи съ XIII таблицами чертежей, составилъ М. Федорченко. Ц. 1 р. 50 к., пер. 1 ф.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Гришинъ. Спб. 1875. Ц. 30 к.

☛ **Физическая химія** Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р.. съ перес. 2 р. 25 к.. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Вонсовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Дива природы въ нѣдрахъ земли. Составлено М. Ханомъ, съ 39 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Жизнь многокопытныхъ и морскихъ млекопитающихъ животныхъ. Соч. А. Брема, съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ 1 выпускъ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Клиническія лекціи Труссо. 2 ч. Ц. 12 р., вѣс. 10 ф.

Книга природы или общепонятное изложеніе химіи, физики, астрономіи, минералогіи, геологіи, ботаники, физіологіи и зоологіи, для всѣхъ любителей естественныхъ наукъ. Сочиненіе Фридриха Шёдлера. 4 части. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Курсъ Акушерства профессора Моури и Сальмона, съ 115-ю рисунками

въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Compendium **дѣтскихъ болѣзней**, для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціею д-ра Линскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи о скотоводствѣ и познаніи породъ. Германа Натузіуса. Ц. 1 р., пересылочныхъ за 2 фунта.

Матеріалы для разъясненія значенія глютина, какъ пищевого вещества. Химико-физіологическое изслѣдованіе лекаря П. Татаринова. М. 1876 г. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Машины и станки для обработки металловъ и дерева. Составилъ И. Мурашко. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Ѳ. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ. Ген. Валь Бэтса. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Общепонятная или популярная медицина, составленная докторомъ М. Ханомъ. 2 части. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р.

О методѣ естественныхъ наукъ и значеніи ихъ въ общемъ образованіи. Н. Страховъ. Ц. 1 р., перес. 1 ф.

Новая химія. Джосія Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Бутлерова. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребёнка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологіи обмѣна веществъ. Ф. В. Бенеке. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь Татариновъ. Съ 1 хромолитографированною таблицею. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Паразиты женскихъ половыхъ органовъ. Клиническія наблюденія проф. И. Лазаревича, съ 4-мя таблицами рисунковъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. I. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ клиническимъ методамъ. Изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ляринґоскопіи, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экснера, съ 3-мя политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство частной фармакологіи. Профес. А. Соколовскаго Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

☞ **Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физіологію и патологическую анатомію.** Ф. Нимейера (обработанное Е. Зейтцомъ). Выпускъ 3-й. Болѣзни моче-половыхъ органовъ и головного мозга. К. 1876. Ц. 2 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное проф. Ziemssen'омъ. 9-ть выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

Сельско-хозяйственное дѣло Европы и Америки на Вѣнской всемірной выставкѣ 1873 г. и въ эпоху ея. А. Ермолова. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сохраненіе энергіи. Бальфуръ Стьюарта. Съ 14 политипажами, переводъ съ англійскаго, подъ редакціей П. А. Хлѣбникова. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о здоровьи, популярное изложеніе гигіеническихъ и медицинскихъ наставленій. Д-ра О. Штаубе, съ прибавленіемъ статьи „Главныя основы гигіены". Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Физіологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные

и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій Изданіе второе. Вятка. 1875. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Изученіе соціологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Исторія римскаго права Г. Ф. Пухты, съ пятаго нѣмецкаго изданія, д-ра Рудорффа. Перев. В. Лицкой. Ц. 3 руб., перес. за 3 ф.

☛ **Исторія государственной науки** въ связи съ нравственной философіей. Поля-Жанэ. Книга I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія соціологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ и общественныхъ. Е. П. Карновича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Книримъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

☛ **Вицъ-мундиръ.** Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. И. Каратыгина. Спб. 1877. 3-е изданіе. Ц. 75 к.

☛ **Исторія искусствъ.** Архитектура, скульптура, живопись. Вилльяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы. Пѣвцы. Пѣвицы. М. К. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Украинскій орнаментъ. Хромолитографированный, этнографическій сборникъ узоровъ, различныхъ вышивокъ и тканыхъ вещей, съ прибавленіемъ рисунковъ писанокъ. Составила О. Косачева. Кіевъ. 1876. Ц. 8 р., съ перес. 9 руб.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлыстовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Ницца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. В. Тунѣева. Guide Russe à Nice. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ, перес. за 1 ф.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Состав. В. С. Глуховъ, П. И. Собко и Ѳ. И. Сулима. Изд. 2-е. Ц. 4 р., пер. за 2 ф.

Семейный иллюстрированный календарь на 1877 г. Третій годъ. Изданіе А. Баумана. Ц. 80 к., съ перес. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Стѣнной календарь съ отрывными листами на 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

О подпискѣ на 1877 годъ

на ежедневную политическую и литературную газету

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ".

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

а) Въ Россіи:

	Безъ доставки.		Съ доставкою.		Съ пересылкою.	
	Безъ приб. р. к.	Съ приб. р. к.	Безъ приб. р. к.	Съ приб. р. к.	Безъ приб. р. к.	Съ приб. р. к.
На 12 мѣсяцевъ........	14 50	16 50	16 —	18 50	17 —	19 50
» 11 »	13 75	— —	15 —	— —	16 —	— —
» 10 »	13 —	— —	14 —	— —	15 —	— —
» 9 »	12 —	— —	13 —	— —	14 —	— —
» 8 »	10 50	— —	11 50	— —	13 —	— —
» 7 »	9 50	— —	10 50	— —	12 —	— —
» 6 »	8 50	10 —	9 50	11 —	10 —	12 —
» 5 »	7 —	— —	8 —	— —	9 —	— —
» 4 »	5 50	— —	6 50	— —	7 —	— —
» 3 »	4 50	6 —	4 80	6 50	5 50	7 —
» 2 »	2 80	— —	3 30	— —	4 —	— —
» 1 »	1 50	2 50	1 80	2 75	2 30	3 —

б) За границу (съ пересылкою).

Въ Европу, Америку и Египетъ: на годъ 24 руб., на 6 мѣсяцевъ 13 р., на 3 мѣсяца 7 р., на 1 мѣсяцъ 3 р. Въ Китай, Индію и Японію: на годъ 47 р., на 6 мѣсяцевъ 25 р., на 3 мѣсяца 14 р., на 1 мѣсяцъ 6 р.

Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

При перемѣнѣ адресса подписчики должны сообщать *непремѣнно прежній адрессъ и № билета или бандероли*, подъ которою высылается газета.

Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ: для служащихъ—по третямъ черезъ ихъ казначеевъ; неслужащіе же могутъ обращаться съ своими заявленіями въ главную контору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" (Невскій просп., противъ Аничкова дворца, д. № 64). Подписчики, которымъ допускается разсрочка въ платежѣ за годовой экземпляръ съ пересылкою (безъ прибавленій), доставляютъ деньги въ слѣдующіе сроки: при самой подпискѣ 7 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ августа 5 р., а съ доставкою въ Петербургѣ—при подпискѣ 6 р., въ концѣ марта 5 р. и въ концѣ іюня 5 р.; безъ доставки—уплачиваютъ конторѣ при подпискѣ 5 р., въ концѣ марта 5 р. и въ началѣ іюня 4 р. 50 к.

Контора проситъ адрессовать газету на тѣ ближайшія станціи, гдѣ есть почтовыя учрежденія; въ противномъ случаѣ с.-петербургскій почтамтъ за правильную доставку не отвѣчаетъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи, въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ, противъ Аничкова дворца, д. № 64.

Въ Москвѣ, у *Н. А. Мейеръ*, на Моросейкѣ, домъ Леонова; въ Парижѣ, у Havas, Laffite et Cie, place de la Bourse, 8.

Редакторъ **П. Усовъ.**

Издатель **Ѳ. П. Баймаковъ.**

22. **Швейцарскія Альпы.** Берленша. Съ рис. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.
23. **Океанія и Австралія.** Кристмана и Оберлендера. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
24. **Пруссаки въ Германіи.** Тиссо. Ц. 2 р.; вѣс. 3 ф.
25. **Вокругъ Свѣта.** Максимова. Плаваніе русскаго корвета „Аскольдъ". Ц. 2 р.; вѣс. 3 ф.
26. **Изъ-за моря.** Путешествіе Бовуара въ Австралію и на островъ Яву. Ц. 1 р. 50 к., вѣсов. за 3 ф.
27. **Въ Америкѣ и въ Европѣ.** Воганъ и Шамбрье. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
28. **Китай и страна баядерокъ.** Съ рисунк. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.
29. **Очерки и картины восточныхъ нравовъ.** Вамбери. Ц. 90 к.; вѣс. 2 ф.
30. **Среди дикарей.** Кетлинъ и Перронъ Даркъ. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.
31. **Борьба рассъ въ Америкѣ.** Диксона. Съ рис. Ц. 2 р.; вѣс. 4 ф.
32. **Пруссаки въ Германіи.** Тиссо. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 3 ф.

Путеводители по Европѣ.

1. **Германія и Австрія.** Ц. 5 р. въ перепл. 5 р. 50 к.; вѣс. за 5 ф.
2. **Швейцарія.** Съ хромолит. картою, 5 планами городовъ и 24 рисунками. Ц. 3 р. 50 к.; съ пер. 4 р.; вѣсов. за 2 ф.
3. **Сѣверная Италія и Флоренція.** Съ картою и планами городовъ: Турина, Генуи, Милана, Венеціи и Флоренціи. Ц. 3 р.; въ перепл. 3 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.
4. **Римъ и южная Италія.** Съ картою и планами: Рима, Форума, Ватикана, Неаполя, его окрестностей и Помпеи. Ц. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.; вѣс. за 2 ф.
5. **Парижъ.** Съ планомъ и 156 рисунками. Ц. 3 р. 50 к.; въ перепл. 4 р.; вѣс. за 2 ф.

Дѣтскія книги.

1. **Евангельскіе разсказы.** Съ 32 рис. и картою Палестины. Ц. 1 р., вѣс. за 3 ф.
2. **Наши враги и друзья въ мірѣ насѣкомыхъ.** Ц. 1 р., вѣс. 3 ф.
3. **Путешествіе Беккера и его жены въ Африку.** Ц. 1 р.; вѣс. 2 ф.
4. **Страна рабства.** Стэнли. Ц. 75 к., вѣс. за 1 ф.

Выйдутъ въ теченіи 1877 года:

1) **Русскій среди американцевъ.** Владиміровъ. Съ картою и рис. Ц. 2 р.; вѣсов. за 2 ф. 2) **Мертвые города по Зюдерзее.** Гаваръ. 3) **Живописная Голландія.** Его же. 4) **Кашмиръ и Кашгаръ.** Белью. 5) **Крыша міра.** (Кашгаръ и Памиръ). Гордонъ. 6) **Индія раджей.** Русселе. 7) **Холодный Кавказъ.** Грове. 8) **Чрезъ Соединенные Штаты.** Симонена. 9) **Американскій міръ.** Его же. 10) **По Флоридѣ.** Таушенда. 11) **Перлы Тихаго океана.** Болданъ Уэтамъ. 12) **Сербія.** Каница. 13) **Исторія колонизаціи.** Леруа Болье.

«ВСЕМІРНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ» на 1877 годъ.

Ежемѣсячный журналъ съ рисунками лучшихъ художниковъ русскихъ и иностранныхъ.
Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками.

Подписная цѣна 13 р. 50 к. съ доставкою.

Подписка исключительно въ Картографическомъ заведеніи г. Ильина.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Землевладѣніе и Земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. *Князя А. Васильчикова.* Два тома. Спб. 1876. Стр. L и 1008. Ц. 3 р. 50 к.

Давно ожидаемый трудъ князя А. И. Васильчикова заключилъ собою истекшій годъ въ нашей публицистической литературѣ весьма виднымъ фактомъ; впрочемъ, этому капитальному труду долгое время будетъ принадлежать важное мѣсто среди изслѣдованій, касающихся отечествовѣдѣнія, и долгое время около него будутъ вестись самыя оживленныя пренія и въ обществѣ, и въ печати, такъ какъ самый предметъ изслѣдованія относится къ числу насущныхъ интересовъ страны. Изученіе различныхъ формъ земельнаго владѣнія у насъ и въ Англіи, Франціи и Германіи, и воздѣйствіе ихъ на успѣхъ самаго земельнаго дѣла — вотъ главная его задача. „Благосостояніе народа будетъ лучше обезпечено въ тѣхъ странахъ, гдѣ наибольшая масса жителей занята работою на себя, на собственной своей землѣ“—таковъ одинъ изъ главныхъ выводовъ этого замѣчательнаго труда. Въ обширномъ предисловіи авторъ обстоятельно развиваетъ програму своихъ изслѣдованій и уясняетъ читателю свою точку зрѣнія на предметъ.

Вѣстникъ общества древне-русскаго искусства при московскомъ публичномъ музеѣ, издаваемый п. р. Г. Филимонова. Выпуски 1—12; въ 4°. Москва, 1874 — 1876. Ц. 12 руб.

Новое изданіе московскаго музея до сихъ поръ слишкомъ мало замѣчено было въ нашей литературѣ, но заслуживаетъ полнаго вниманія тѣхъ, кому вообще любопытна русская старина и особенно старое русское искусство. Теперь является законченною первая серія журнала, и мы въ одной изъ ближайшихъ книжекъ возвратимся къ нему, чтобы ближе познакомить читателя съ трудами почтенныхъ московскихъ археологовъ.

Изслѣдованія по вопросамъ, относящимся къ производству торговли и передвиженію скота и скотскихъ продуктовъ въ Россіи и заграницею, произвед. по поруч. г. министра вн. дѣлъ членомъ ветер. комит. *И. С. Блiохъ.* Съ графическими изображеніями. Спб. 1876.

Въ одной Россіи до сихъ поръ не было сдѣлано одновременнаго и повсемѣстнаго исчисленія домашняго скота, а потому составителю настоящаго изданія, снабженнаго превосходными картографическими изображеніями, пришлось преодолѣвать чрезвычайныя затрудненія. Результатомъ его работъ и явилось настоящее изслѣдованіе, которое касается весьма подробно и обстоятельно всѣхъ численныхъ, экономическихъ и санитарныхъ вопросовъ по скотоводству, какъ предмету торговли и промышленности, притомъ, сравнительно съ другими государствами. Это — первый у насъ опытъ поставить дѣло о скотоводствѣ на строго-научную почву въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и предложить въ системѣ всѣ необходимыя данныя при обсужденіи мѣръ къ поднятію этого дѣла; а оно, какъ оказывается изъ таблицъ, находится у насъ въ состояніи упадка, и стомилліонное населеніе (1870 г.) всѣхъ родовъ домашнихъ животныхъ въ Россіи болѣе склонно къ пониженію, тѣмъ къ повышенію.

Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи. *В. Лесевича.* Спб. 1877. Стр. 295. Ц. 2 р.

Изложивъ кратко въ своемъ введеніи весьма не богатую фактами судьбу позитивизма въ русской литературѣ, гдѣ философію Конта посиѣшили упрекнуть въ ея недостаткахъ, прежде нежели съумѣли дать ясное и полное понятіе объ ея достоинствахъ,—авторъ сообразно съ тѣмъ посвящаетъ начало своего труда общему очерку основъ позитивной философіи Конта, и затѣмъ уже, разсмотрѣвъ главныя послѣдующія работы позитивистовъ, дѣлаетъ критическую оцѣнку всей системы этой философіи новаго времени. По полнотѣ своего изслѣдованія, трудъ г. Лесевича занялъ бы видное мѣсто въ философской литературѣ и болѣе богатой, чѣмъ наша.

Современная Россія. 1876. Томъ I. Ред.-состав. *В. Андреевъ.* Кіевъ. 1876. Стр. 496. Ц. 3 р.

Составитель этого новаго сборника, обѣщающаго являться два раза въ годъ, задался мыслью „ходить среди пенишущей массы и собирать плоды ея опыта“, читать всѣ журналы и газеты и извлекать изъ нихъ то, что ему покажется пригоднымъ, и все это, расположивъ по произвольнымъ рубрикамъ, издавать подъ заглавіемъ „Современная Россія“; если же встрѣтятся такіе предметы, какъ „собачье молоко“ — то для всего подобнаго предусмотрительно устроенъ особый складъ, подъ заглавіемъ „Арабески“— хотя собственно такъ лучше было бы озаглавить и весь сборникъ. Неудивительно, если первый опытъ этого сборника понесъ на себѣ всѣ печальныя послѣдствія неясности и неопредѣленности мысли, которою руководился составитель. Вотъ одинъ изъ тысячи образчиковъ, какъ составитель выполнялъ свою удивительную задачу. Въ обзорѣ „Періодической литературы“ за первое полугодіе 1876 г., его цѣль—указать статьи въ журналахъ и газетахъ, „содѣйствующія разъясненію текущихъ вопросовъ нашей государственной и экономической жизни“ — и что же? Въ нашемъ журналѣ, напримѣръ, на первомъ планѣ поставленъ романъ Эм. Зола: „Эженъ Ругонъ“, рядомъ съ статьею г. Воронцова „Вопросъ о крестьянскихъ переселеніяхъ“; и въ этомъ родѣ сдѣланъ обзоръ всѣхъ журналовъ и газетъ. Такъ, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, по мнѣнію собирателя, вѣроятно болѣе всего содѣйствуютъ къ разъясненію нашей государственной и общественной жизни „Воспоминанія Одиссея Полихронидеса, загорскаго грека“. Мы предпочли бы совсѣмъ не упоминать объ этомъ странномъ предпріятіи, къ выполненію котораго авторъ приступилъ очевидно прежде, нежели успѣла въ немъ окончательно созрѣть мысль о планѣ изданія и средствахъ къ его выполненію,—но на насъ лежитъ обязанность иногда предупреждать читателя, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ многообѣщающее заглавіе книги можетъ ввести его въ непріятное заблужденіе, стоющее три рубля, безъ пересылки.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 2-я. — ФЕВРАЛЬ, 1877.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы" въ 1877 г. см. ниже, на оберткѣ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1877-мъ году.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1877-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, каждый около 1,000 стр. большого формата.

Подписная цѣна—на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе:	15 р. 50 коп. безъ доставки. 16 „ — „ съ доставкою на домъ.
Иногородные:	17 „ — „ съ пересылкою.
Иностранные:	19 р.—вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты. 24 р.—Азія; 25 р.—остальная Америка.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовыми марками.

1879, Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

НОВЬ

РОМАНЪ

Окончаніе.

XXIII *).

Заря уже занималась на небѣ, когда въ ночь послѣ Голушкинскаго обѣда Соломинъ, бодро прошагавъ около пяти верстъ, постучался въ калитку высокаго забора, окружавшаго фабрику. Сторожъ тотчасъ впустилъ его—и въ сопровожденіи трёхъ цѣпныхъ овчарокъ, широко размахивавшихъ мохнатыми хвостами, съ почтительной заботливостью довелъ его до его флигеля.—Онъ видимо радовался благополучному возвращенію начальника.

— Какъ же это вы ночью, Василій Ѳедотычъ? Мы васъ ждали только завтра.

— Ничего, Гаврила, еще лучше ночью-то прогуляться.

Хорошія, хотя и не совсѣмъ обыкновенныя, отношенія существовали между Соломинымъ и фабричными: они уважали его какъ старшаго — и обходились съ нимъ какъ съ ровнымъ, какъ со своимъ: только ужъ очень онъ былъ знающъ въ ихъ глазахъ!— «Чтó Василій Ѳедотовъ сказалъ» — толковали они — «ужъ это свято! потому онъ всяку мудрость произошелъ — и нѣтъ такого àгличана, котораго онъ бы за поясъ не заткнулъ»!—Дѣйствительно: какой-то важный англійскій мануфактуристъ посѣтилъ однажды фабрику; и отъ того ли, что Соломинъ съ нимъ по-англійски говорилъ—или онъ точно былъ пораженъ его свѣдѣніями—только

*) См. выше: янв. 5 стр.

онъ все его по плечу хлопалъ, и смѣялся, и звалъ его съ собою въ Ливерпуль; — а фабричнымъ твердилъ на своемъ ломаномъ языкѣ: «Карашá оу васъ эта! Оу! карашá!» — чему фабричные въ свою очередь много смѣялись, не безъ гордости: «Вотъ молъ нашъ-то каковъ!—Нашъ-то!»

И онъ точно былъ ихъ—и ихній.

На другое утро рано вошелъ къ Соломину въ комнату его любимецъ, Павелъ; разбудилъ его, подалъ ему умыться, кое-что разсказалъ, кое-о чемъ разспросилъ. Потомъ они вмѣстѣ нáскоро напились чаю—и Соломинъ, натащивъ на себя свой замасленный сѣрый рабочій пиджакъ, отправился на фабрику—и завертѣлась опять его жизнь, какъ большое маховое колесо.

Но ей была суждена новая остановка.

Дней пять спустя послѣ возвращенія Соломина во-свояси, на дворъ фабрики вкатился красивый фаэтончикъ, запряженный четверней отличныхъ лошадей—и ливрейный, бѣло-гороховый лакей, введенный Павломъ во флигель, торжественно вручилъ Соломину письмо съ гербовою печатью — отъ «Его превосходительства Бориса Андреевича Сипягина». — Въ этомъ письмѣ, пропитанномъ не духами — фи! — а какой-то необычайно-приличной англійской вонью, и писанномъ—хотъ и въ третьемъ лицѣ, — но не секретарской, а собственной генеральской рукою, просвѣщенный владѣлецъ села Аржанаго, извинившись сперва, что обращается къ человѣку, лично ему незнакомому — но о которомъ онъ, Сипягинъ, наслышанъ съ самой лестной стороны,—бралъ на себя «смѣлость» пригласить къ себѣ въ деревню г-на Соломина, совѣты котораго могли быть чрезвычайно полезны для него, Сипягина, въ нѣкоторомъ значительномъ промышленномъ предпріятіи; и въ надеждѣ на любезное согласіе г-на Соломина—онъ, Сипягинъ, посылаетъ ему экипажъ. — Въ случаѣ же невозможности со стороны г-на Соломина отлучиться въ тотъ день, онъ, Сипягинъ, покорнѣйше проситъ г-на Соломина назначить ему другой, какой будетъ ему угодно—и тотъ же экипажъ будетъ съ радостью предоставленъ имъ, Сипягинымъ, въ распоряженіе г-на Соломина. За симъ слѣдовали обычныя заявленія — а за ними щегольской, истинно-министерскій росчеркъ имени и фамиліи, который, конечно, ни одинъ непосвященный не могъ бы никогда разобрать.—Въ концѣ письма стояло post-scriptum, уже въ первомъ лицѣ: «Надѣюсь, что вы не откажетесь откушать у меня *запросто*, въ сюртукѣ». —(Слово «запросто» было подчеркнуто). — Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ бѣло-гороховый лакей съ нѣкоторымъ какъ-бы смущеніемъ подалъ Соломину простую, даже не запечатанную,

а заклеенную записку отъ Нежданова, въ которой стояло только нѣсколько словъ: «Пріѣзжайте пожалуйста, вы здѣсь очень нужны— и можете быть очень полезны,—только, конечно, не г-ну Сипягину».

Прочтя письмо Сипягина, Соломинъ подумалъ: «А какъ же мнѣ иначе ѣхать какъ не запросто; фрака-то у меня въ заводѣ нѣту... Да и на кой чортъ мнѣ туда таскаться... только время терять!» — но, пробѣжавъ записку Нежданова, онъ почесалъ у себя въ затылкѣ и подошелъ, въ нерѣшительности, къ окну.

— Какой же изволите отвѣтъ дать?—степенно вопросилъ бѣлогороховый лакей.

Соломинъ постоялъ еще немного у окна—и наконецъ, встряхнувъ волосами и проведя рукою по лбу — промолвилъ:

— Ѣду.—Дайте мнѣ время одѣться.

Лакей благоприлично вышелъ, а Соломинъ велѣлъ позвать Павла, потолковалъ съ нимъ, сбѣгалъ еще разъ на фабрику—и, надѣвъ чёрный сюртукъ съ очень длинной таліей, сшитый ему губернскимъ портнымъ, и нѣсколько порыжѣлый цилиндръ, немедленно придавшій его лицу деревянное выраженіе, сѣлъ въ фаэтончикъ—но вдругъ вспомнилъ, что не взялъ съ собой перчатокъ; кликнулъ «вездѣсущаго» Павла — и тотъ принёсъ ему пару только-что вымытыхъ замшевыхъ бѣлыхъ перчатокъ, каждый палецъ которыхъ, расширенный къ концу, походилъ на бисквитъ. Соломинъ сунулъ перчатки въ карманъ и сказалъ, что можно ѣхать. Тогда лакей съ какой-то внезапной, совершенно ненужной отвагой, вскочилъ на кóзла—благовоспитанный кучеръ пискнулъ фальцетомъ—и лошади побѣжали.

Пока онѣ постепенно приближали Соломина къ имѣнію Сипягина—этотъ государственный мужъ, сидя у себя въ гостиной, съ полуразрѣзанной политической брошюрой на колѣняхъ, бесѣдовалъ о немъ съ своей женой. Онъ повѣрялъ ей, что выписалъ его собственно за тѣмъ, чтобы попытаться, нельзя ли сманить его съ купеческой фабрики на свою собственную, такъ какъ она идетъ изъ рукъ вонъ плохо и нужны коренныя преобразованія!—На мысли, что Соломинъ откажется пріѣхать или даже назначитъ другой день, Сипягинъ и останавливаться не хотѣлъ; хоть самъ же въ своемъ письмѣ къ Соломину предлагалъ ему выборъ дня.

— Да вѣдь фабрика у насъ писчебумажная, не прядильная,— замѣтила Валентина Михайловна.

— Все равно, душа моя: и тамъ машины—и здѣсь машины... а онъ—механикъ!

— Да вѣдь онъ, быть можетъ, спеціалистъ!

— Душа моя, во-первыхъ—на Руси нѣтъ спеціалистовъ; а во-вторыхъ—я повторяю тебѣ:—онъ механикъ!

Валентина Михайловна улыбнулась.

— Смотри, мой другъ: тебѣ уже разъ не посчастливилось съ молодыми людьми; какъ бы тебѣ во второй разъ не ошибиться!

— Это ты на счетъ Нежданова? — Но, мнѣ кажется, цѣли своей я все-таки достигъ: репетиторъ для Коли онъ хорошій. А потомъ,—ты знаешь: non. bis in idem! Извини, пожалуйста, мой педантизмъ... Это значитъ, что двѣ вещи сряду не повторяются.

— Ты полагаешь?—А *я* такъ думаю, что все на свѣтѣ повторяется... особенно то, чтó въ натурѣ вещей... и особенно между молодыми людьми.

— Que voulez vous dire?—спросилъ Сипягинъ, округленнымъ жестомъ бросая брошюру на столъ.

— Ouvrez les yeux — et vous verrez!—отвѣтила ему Сипягина; по-французски они, конечно, говорили другъ другу: вы.

— Гмъ!—произнесъ Сипягинъ.—Это ты про студентика?

— Про г-на студента.

— Гмъ!—развѣ у него тутъ... (онъ повертѣлъ рукою около лба)... что-нибудь завелось? А?

— Открой глаза!

— Маріанна? А?—(Второе: А?—было произнесено болѣе въ носъ, чѣмъ первое).

— Открой глаза, говорятъ тебѣ!

Сипягинъ нахмурилъ брови.

— Ну, это мы все разберемъ впослѣдствіи. — А теперь я хотѣлъ только одно сказать... Этотъ Соломинъ, вѣроятно, будетъ нѣсколько конфузиться... ну, понятное дѣло, не привыкъ.—Такъ надо будетъ этакъ съ нимъ поласковѣе... чтобы не запугать. Я это не для тебя говорю; ты у меня—золото; и кого захочешь—мигомъ очаровать можешь.—J'en sais quelque chose, madame!—Я это говорю для другихъ;—вотъ хоть бы для этого...

Онъ указалъ на модную сѣрую шляпу, стоявшую на этажеркѣ: эта шляпа принадлежала г. Калломѣйцеву, который съ утра находился въ Аржаномъ.

— Il est très cassant, ты знаешь; очень ужъ онъ презираетъ народъ, чтò я весьма... весьма осуждаю! Къ тому же, я съ нѣкоторыхъ поръ замѣчаю въ немъ какую-то раздражительность, придирчивость... Или его дѣла — *тамъ* — (Сипягинъ качнулъ куда-то—неопредѣленно—головою... но жена поняла его)—не подвигаются? А?

— Открой глаза... опять скажу я тебѣ.

Сипягинъ приподнялся.

— А? — (Это: «А?» было уже совсѣмъ другого свойства и въ другомъ тонѣ... гораздо ниже). — Вотъ какъ?! — Какъ бы я ужъ ихъ тогда слишкомъ не открылъ!

— Это твое дѣло; — а на счетъ твоего новаго молодого — если онъ только пріѣдетъ сегодня — ты не безпокойся; будутъ приняты всѣ мѣры предосторожности.

И что же? Оказалось, что никакихъ мѣръ предосторожности вовсе не требовалось. — Соломинъ нисколько не сконфузился и не испугался. — Когда слуга доложилъ о немъ, Сипягинъ тотчасъ всталъ, промолвилъ громко, такъ чтобъ въ передней было слышно: «Проси! разумѣется, проси!» — направился къ двери гостиной и остановился вплоть передъ нею. Лишь только Соломинъ переступилъ порогъ, Сипягинъ, на котораго онъ едва не наткнулся, протянулъ ему обѣ руки и любезно осклабясь и помахивая головою, радушно приговаривая — «вотъ какъ мило... съ вашей стороны... какъ я вамъ благодаренъ» — подвелъ его къ Валентинѣ Михайловнѣ.

— Вотъ это жёнка моя, — проговорилъ онъ, мягко нажимая своей ладонью спину Соломина — и какъ-бы надвигая его на Валентину Михайловну, — а вотъ, моя милая, нашъ первый здѣшній механикъ и фабрикантъ, Василій... Ѳедосѣевичъ Соломинъ. — Сипягина приподнялась и красиво взмахнувъ снизу вверхъ своими чудесными рѣсницами, сперва улыбнулась ему — добродушно — какъ знакомому; потомъ протянула ему свою ручку ладонью вверхъ, прижимая локотокъ къ стану и наклонивъ головку въ сторону ручки... словно просительница. Соломинъ далъ и мужу и женѣ продѣлать надъ нимъ всѣ ихнія штучки, пожалъ руку и ему и ей — и сѣлъ по первому приглашенію. Сипягинъ сталъ безпокоиться — не нужно ли ему чего? Но Соломинъ отвѣчалъ, что ничего ему не нужно, что онъ нисколько не усталъ съ дороги — и находится въ полномъ его распоряженіи.

— Та́къ, что можно васъ попросить пожаловать на фабрику? — воскликнулъ Сипягинъ, какъ-бы совѣстясь и не смѣя вѣрить такой большой снисходительности со стороны гостя.

— Хоть сейчасъ, — отвѣчалъ Соломинъ.

— Ахъ, какой же вы обязательный! Прикажете дрожки заложить? — или, можетъ быть, вы желаете пѣшкомъ...

— Да вѣдь она, чай, недалеко отсюда, ваша фабрика?

— Съ полъ-версты, не больше!

— Такъ на что же экипажъ закладывать?

— Ну, такъ прекрасно. Человѣкъ,—шляпу мнѣ, палку, поскорѣе! — А ты, хозяюшка, хлопочи, обѣдъ намъ припасай!— Шляпу!

Сипягинъ волновался гораздо болѣе, чѣмъ его гость. Повторивъ еще разъ: «да что-жъ это мнѣ шляпу!» онъ—сановникъ!— высвочилъ вонъ—совсѣмъ какъ рѣзвый школьникъ. Пока онъ разговаривалъ съ Соломинымъ, Валентина Михайловна посматривала украдкой, но внимательно, на этого «новаго молодого».— Онъ спокойно сидѣлъ на креслѣ, положивъ обѣ обнаженныя руки себѣ на колѣни (онъ такъ-таки и не надѣлъ перчатокъ)—и спокойно, хотя съ любопытствомъ, оглядывалъ мебель, картины.— Это что такое? думала она. — Плебей... явный плебей... а какъ просто себя держитъ! — Соломинъ дѣйствительно держалъ себя очень просто; не такъ, какъ иной, который простъ-то простъ— но съ форсомъ: «Смотри-молъ на меня и понимай, каковъ я есть!»—а какъ человѣкъ, у котораго и чувства, и мысли несложныя, хоть и крѣпкія. Сипягина хотѣла-было заговорить съ нимъ— и, къ изумленію своему, не тотчасъ нашлась.

«Господи!» подумала она: «неужели же этотъ фабричный мнѣ импонируетъ?»

— Борисъ Андреичъ долженъ быть вамъ очень благодаренъ,— промолвила она наконецъ — что вы согласились пожертвовать для него частью вашего драгоцѣннаго времени...

— Не такъ ужъ оно драгоцѣнно, сударыня,—отвѣчалъ Соломинъ; — да вѣдь я и не надолго къ вамъ.

«Voilà où l'ours a montré sa patte», подумала она по-французски; но въ эту минуту ея мужъ появился на порогѣ раскрытой двери, съ шляпой на головѣ и «стикомъ» въ рукѣ. Стоя въ полуоборотъ, онъ развязно воскликнулъ:

— Василій Ѳедосѣичъ! Угодно пожаловать?

Соломинъ всталъ, поклонился Валентинѣ Михайловнѣ — и пошелъ вслѣдъ за Сипягинымъ.

— За мной, сюда, сюда, Василій Ѳедосѣичъ!—твердилъ Сипягинъ, точно онъ пробирался по какимъ-то дебрямъ — и Соломину нуженъ былъ проводникъ. — Сюда! здѣсь ступеньки, Василій Ѳедосѣичъ!

— Коли ужъ вамъ угодно меня величать по отчеству,—промолвилъ, не спѣша, Соломинъ...—я не Ѳедосѣичъ,—а Ѳедотычъ.

Сипягинъ оглянулся на него назадъ, черезъ плечо, почти съ испугомъ.

— Ахъ, извините, пожалуйста, Василій Ѳедотычъ!

— Ничего-съ; не стóитъ.

Они вышли на дворъ. — Имъ на встрѣчу попался Калломѣйцевъ.

— Куда это вы? — спросилъ онъ, покосившись на Соломина. — На фабрику? C'est là l'individu en question?

Сипягинъ вытаращилъ глаза и легонько потрясъ головою, въ знакъ предостереженія.

— Да, на фабрику... показывать мои грѣхи да прорѣхи — вотъ г-ну механику. Позвольте васъ познакомить! Г-нъ Калломѣйцевъ, здѣшній помѣщикъ; г-нъ Соломинъ...

Калломѣйцевъ кивнулъ раза два головою — едва замѣтно — совсѣмъ не въ сторону Соломина — и не глядя на него. — А тотъ возрѣлся въ Калломѣйцева — и въ его полу-закрытыхъ глазахъ мелькнуло нѣчто...

— Можно присоединиться къ вамъ? — спросилъ Калломѣйцевъ. — Вы знаете, я люблю поучиться.

— Конечно, можно.

Они вышли со двора на дорогу — и не успѣли пройти и двадцати шаговъ, какъ увидѣли приходскаго священника, въ подоткнутой рясѣ, пробиравшагося во-свояси, въ такъ называемую «поповскую слободку». Калломѣйцевъ немедленно отдѣлился отъ своихъ двухъ товарищей — и твердыми, большими шагами подойдя къ священнику, который никакъ этого не ожидалъ и нѣсколько оробѣлъ — попросилъ его благословенія, звучно поцѣловалъ его потную, красную руку, — и, обернувшись къ Соломину, бросилъ ему вызывающій взглядъ. Онъ очевидно зналъ про него «кое-что» — и хотѣлъ показать себя и «носъ наклеить» ученому проходимцу.

— C'est une manifestation, mon cher? — процѣдилъ сквозь зубы Сипягинъ.

Калломѣйцевъ фыркнулъ.

— Oui, mon cher, une manifestation necéssaire par le temps qui court!

Они пришли на фабрику. Ихъ встрѣтилъ малоруссъ съ громаднѣйшей бородой и фальшивыми зубами, замѣнившій прежняго управляющаго, нѣмца, котораго Сипягинъ окончательно прогналъ. Этотъ малоруссъ былъ временной: онъ явно ничего не смыслилъ и только безпрестанно говорилъ: «отô»... да: «байдуже» — и все вздыхалъ.

Начался осмотръ заведенія. Нѣкоторые фабричные знали Соломина въ лицо и кланялись ему. — Одному онъ даже сказалъ: «А, здравствуй, Григорій! Ты здѣсь?» — Онъ скоро убѣдился, что дѣло велось плохо. Денегъ было потрачено пропасть, да безъ

толку. Машины оказались дурного качества; много было лишняго и ненужнаго, много нужнаго недоставало. Сипягинъ постоянно заглядывалъ въ глаза Соломину, чтобы угадать его мнѣніе, дѣлалъ робкіе запросы, желалъ узнать, доволенъ ли онъ по крайней мѣрѣ порядкомъ?

— Порядокъ-то есть,—отвѣчалъ Соломинъ,—но можетъ ли быть доходъ? — сомнѣваюсь.

Не только Сипягинъ, даже Калломѣйцевъ чувствовалъ, что Соломинъ на фабрикѣ какъ дома, что ему тутъ все извѣстно и знакомо, до послѣдней мелочи; что онъ тутъ хозяинъ. Онъ клалъ руку на машину, какъ ѣздокъ на шею лошади; тыкалъ пальцемъ колесо— и оно останавливалось или начинало вертѣться; бралъ на ладонь изъ чана немного того мѣсива, изъ котораго выдѣлывается бумага—и оно тотчасъ показывало всѣ свои недостатки. Соломинъ говорилъ мало,—а на бородатаго малоросса даже не глядѣлъ вовсе; молча вышелъ онъ также изъ фабрики. Сипягинъ и Калломѣйцевъ отправились вслѣдъ за нимъ.

Сипягинъ не велѣлъ никому провожать себя... даже ногою топнулъ и зубомъ скрипнулъ! Очень онъ былъ разстроенъ.

— Я по вашей физіономіи вижу,—обратился онъ къ Соломину, что вы моей фабрикой недовольны — и я самъ знаю, что она у меня въ неудовлетворительномъ состояніи и недоходна; однако собственно... вы, пожалуйста, не церемоньтесь... какія ея важнѣйшія погрѣшности? И что̀ бы сдѣлать такое, дабы улучшить ее?

— Писчебумажное производство не по моей части,—отвѣчалъ Соломинъ; но одно могу сказать вамъ:—промышленныя заведенія — не дворянское дѣло.

— Вы считаете эти занятія унизительными для дворянства?— вмѣшался Калломѣйцевъ.

Соломинъ улыбнулся своей широкой улыбкой.

— О, нѣтъ! Помилуйте! Что̀ тутъ унизительнаго? Да еслибъ и было что̀ подобное — дворянство вѣдь этимъ не брезгаетъ.

— Какъ-съ? Что такое-съ?

— Я хочу только сказать,—спокойно продолжалъ Соломинъ,— что дворяне не привыкли къ этого рода дѣятельности. — Тутъ нуженъ коммерческій разсчетъ; тутъ все надо поставить на другую ногу; выдержка нужна. Дворяне этого не соображаютъ. Мы и видимъ сплошь да рядомъ, что они затѣваютъ суконныя, бумажныя и другія фабрики,—а въ концѣ-концовъ—кому всѣ эти фабрики попадаютъ въ руки? Купцамъ. Жаль; потому купецъ— та же піявка; а только дѣлать нечего.

— Послушать васъ,—вскричалъ Калломѣйцевъ,—дворянамъ нашимъ недоступны финансовые вопросы!

— О, напротивъ! Дворяне на это мастера. Концессію на желѣзную дорогу получить, банкъ завести, льготу какую себѣ выпросить—или тамъ что-нибудь въ такомъ родѣ—никто на это какъ дворяне! Большіе капиталы составляютъ. Я именно на это намекалъ — вотъ когда вы изволили разсердиться. Но я имѣлъ въ виду правильныя промышленныя предпріятія; говорю: правильныя — потому что заводить собственные кабаки, да промѣнныя мелочныя лавочки, да ссужать мужичковъ хлѣбомъ и деньгами за сто и за полтораста процентовъ — кáкъ это теперь дѣлають многіе изъ дворянъ-владѣльцевъ—я подобныя операціи не могу считать настоящимъ финансовымъ дѣломъ.

Калломѣйцевъ ничего не отвѣтилъ. Онъ принадлежалъ именно къ этой новой породѣ помѣщиковъ-ростовщиковъ, о которой упомянулъ Маркеловъ въ послѣднемъ своемъ разговорѣ съ Неждановымъ,—и онъ былъ тѣмъ безчеловѣчнѣе въ своихъ требованіяхъ, что лично съ крестьянами дѣла никогда не имѣлъ—не допускать же ихъ въ свой раздушённый европейскій кабинетъ!—а вѣдался съ ними чрезъ приказчика. Слушая неторопливую, какъ-бы безучастную рѣчь Соломина, онъ весь внутренно закипалъ... но промолчалъ на этотъ разъ; и только одна игра мускуловъ на щекахъ, произведенная стиснутіемъ челюстей, изобличала то, чтó въ немъ происходило.

— Однако, позвольте, позвольте, Василій Ѳедотычъ,—заговорилъ Сипягинъ:—все, чтò вы намъ излагаете, было совершенно справедливо въ прежнія времена, когда дворяне пользовались... совсѣмъ другими правами и вообще находились въ другомъ положеніи. Но теперь, послѣ всѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, въ нашъ промышленный вѣкъ, почему же дворяне не могутъ обратить свое вниманіе, свои способности наконецъ, на подобныя предпріятія? Почему же они не могутъ понять того, чтó понимаетъ простой, часто даже безграмотный купецъ? Не страдаютъ же они недостаткомъ образованности—и даже можно съ удостовѣрительностью утверждать, что они въ нѣкоторомъ родѣ представители просвѣщенія и прогресса!

Очень хорошо говорилъ Борисъ Андреевичъ; его краснорѣчіе имѣло бы большой успѣхъ гдѣ-нибудь въ Петербургѣ—въ департаментѣ—или даже повыше; но на Соломина оно не произвело никакого впечатлѣнія.

— Не могутъ дворяне этими дѣлами орудовать,—повторилъ онъ.

— Да почему же? почему?—чуть не закричалъ Калломѣйцевъ.

— А потому, что они тѣ же чиновники.

— Чиновники?—Калломѣйцевъ захохоталъ язвительно.—Вы, вѣроятно, г. Соломинъ, не отдаете себѣ отчета въ томъ, чтó вы изволите говорить?

Соломинъ не переставалъ улыбаться.

— Отчего вы такъ полагаете, г. Коломенцовъ? (Калломѣйцевъ даже дрогнулъ, услышавъ подобное «искаженіе» своей фамиліи). — Нѣтъ; я себѣ въ своихъ словахъ отчетъ всегда отдаю.

— Такъ объясните то, чтó вы хотѣли сказать вашей фразой!

— Извольте: по-моему, всякій чиновникъ — чужакъ, и былъ всегда такимъ; а дворянинъ теперь *сталъ* чужакомъ.

Калломѣйцевъ захохоталъ еще пуще.

— Ну, ужъ извините, милостивый государь; этого я совсѣмъ не понимаю!

— Тѣмъ хуже для васъ. Понатужьтесь... можетъ быть, и поймете.

— Милостивый государь!

— Господа, господа,—поспѣшно заговорилъ Сипягинъ, какъ-бы ища кого-то сверху глазами. — Пожалуйста, пожалуйста... Kallomeïtzeff, je vous prie de vous calmer. Да и обѣдъ, должно быть, скоро будетъ готовъ. Прошу, господа, за мною!

— Валентина Михайловна!—вопилъ Калломѣйцевъ, пять минутъ спустя, вбѣгая въ ея кабинетъ. — Это ни на что не похоже, чтó вашъ мужъ дѣлаетъ! Одинъ у васъ нигилистъ завелся; теперь онъ привелъ другого! И этотъ еще хуже!

— Почему такъ?

— Помилуйте, онъ чортъ-знаетъ чтò проповѣдуетъ; и притомъ—замѣтьте одно: цѣлый часъ говорилъ съ вашимъ мужемъ и ни разу, *ни разу* не сказалъ ему: ваше превосходительство!—Le vagabond!

XXIV.

Передъ обѣдомъ Сипягинъ отозвалъ жену свою въ библіотеку. Ему нужно было переговорить съ нею наединѣ. Онъ казался озабоченнымъ. Онъ сообщилъ ей, что фабрика положительно плоха, что этотъ Соломинъ кажется ему человѣкомъ очень толковымъ, хоть и немного... рѣзкимъ, и что надо продолжать быть съ нимъ aux petits soins.—«Ахъ, какъ бы хорошо было его сманить!» повторилъ онъ раза два. Сипягинъ очень досадовалъ на

присутствіе Калломѣйцева... Чортъ его принесъ! Всюду видитъ нигилистовъ—и только о томъ и думаетъ, кàкъ бы ихъ уничтожить! Ну, уничтожай ихъ у себя дома! Не можетъ никакъ языкъ за зубами подержать!

Валентина Михайловна замѣтила, что она рада быть «aux petits soins» съ этимъ новымъ гостемъ; только онъ, кажется, въ этихъ «petits soins» не нуждается и не обращаетъ на нихъ вниманія; не грубъ, а какъ-то ужъ очень равнодушенъ, чтó весьма удивительно въ человѣкѣ—du commun.

— Все равно... постарайся!—взмолился Сипягинъ.

Валентина Михайловна обѣщала постараться—и постаралась. Она начала съ того, что поговорила—en tête à tête—съ Калломѣйцевымъ. Неизвѣстно, чтó она ему сказала, но онъ пришелъ къ столу съ видомъ человѣка, который «взялъ на себя» быть смирнымъ и скромнымъ, чтó бы онъ ни услыхалъ. Эта заблаговременная «резиньяція» придавала всему его существу оттѣнокъ легкой грусти; за то сколько достоинства... о! сколько достоинства было въ каждомъ его движеніи! Валентина Михайловна познакомила Соломина со всѣми своими домочадцами... (пристальнѣе, чѣмъ на другихъ, посмотрѣлъ онъ на Маріанну)—и за столомъ посадила его возлѣ себя о правую руку. Калломѣйцевъ сидѣлъ о лѣвую. Развертывая салфетку, онъ прищурился и улыбнулся такъ, какъ бы желалъ сказать: «Ну-съ, будемте играть комедію!» Сипягинъ сидѣлъ напротивъ и съ нѣкоторой тревогой слѣдилъ за нимъ взоромъ. По новому распоряженію хозяйки, Неждановъ очутился не возлѣ Маріанны, а между Анной Захаровной и Сипягинымъ. Маріанна нашла свой билетикъ (такъ какъ обѣдъ былъ парадный) на салфеткѣ между мѣстами Калломѣйцева и Коли.—Обѣдъ былъ сервированъ отлично; было даже «мэню»; разрисованный листикъ лежалъ передъ каждымъ приборомъ. Тотчасъ послѣ супа, Сипягинъ навелъ опять рѣчь на свою фабрику — вообще на фабричное производство въ Россіи; Соломинъ отвѣчалъ, по своему обыкновенію, очень кратко. Какъ только онъ заговорилъ, Маріанна устремила на него глаза. Сидѣвшій возлѣ нея Калломѣйцевъ началъ-было обращаться къ ней съ разными любезностями (такъ какъ его попросили «не возбуждать полемики»); но она не слушала его; да и онъ произносилъ эти любезности вяло, для очистки совѣсти: онъ сознавалъ, что между молодою дѣвушкой и имъ существовало нѣчто недоступное.

Что же касается до Нежданова — то нѣчто еще худшее установилось внезапно между имъ и хозяиномъ дома... Для Сипягина Неждановъ сталъ просто мебелью—или воздушнымъ про-

странствомъ, котораго онъ совсѣмъ—такъ-таки совсѣмъ—не замѣчалъ! Эти новыя отношенія такъ быстро и такъ несомнѣнно опредѣлились, что, когда Неждановъ въ теченіи обѣда произнесъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ на замѣчаніе своей сосѣдки, Анны Захаровны—Сипягинъ съ удивленіемъ оглянулся, какъ-бы спрашивая себя: «Откуда идетъ сей звукъ?»

Очевидно, Сипягинъ обладалъ нѣкоторыми изъ качествъ, отличающихъ русскихъ крупно-сановныхъ людей.

Послѣ рыбы, Валентина Михайловна, которая съ своей стороны расточала всѣ свои обаянія и приманки направо, т.-е. передъ Соломинымъ, замѣтила по-англійски черезъ столъ своему супругу, что «нашъ гость не пьетъ вина, можетъ быть онъ желаетъ пива»... Сипягинъ громко потребовалъ «элю», а Соломинъ, спокойно обратившись къ Валентинѣ Михайловнѣ, сказалъ ей, что вы-молъ, вѣроятно, сударыня, не знаете, что я слишкомъ два года пробылъ въ Англіи—и понимаю и говорю по-англійски; и что я васъ объ этомъ предупреждаю въ случаѣ, еслибъ вамъ угодно было что-нибудь сказать по секрету въ моемъ присутствіи. Валентина Михайловна засмѣялась и начала увѣрять его, что предостереженіе это безполезно, такъ какъ онъ не услышалъ бы о себѣ ничего кромѣ выгоднаго; сама же она нашла поступокъ Соломина нѣсколько страннымъ, но, по-своему, деликатнымъ.

Калломѣйцевъ тутъ наконецъ не выдержалъ.

— Вотъ вы были въ Англіи,—началъ онъ—и вѣроятно наблюдали тамошніе нравы. Позвольте спросить, признаете ли вы ихъ достойными подражанія?

— Иное да; иное—нѣтъ.

— Коротко—и неясно,—замѣтилъ Калломѣйцевъ, стараясь не обращать вниманія на знаки, которые дѣлалъ ему Сипягинъ.— Но вотъ вы сегодня говорили о дворянахъ... Вы, конечно, имѣли случай изучать на мѣстѣ то, чтó въ Англіи называется landed gentry?

— Нѣтъ, я этого случая не имѣлъ; я вращался совсѣмъ въ другой сферѣ;—но понятіе объ этихъ господахъ себѣ составилъ.

— И что-жъ? Вы полагаете, что такое landed gentry у насъ невозможно? И что, во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ этого желать?

— Во-первыхъ, я, точно, полагаю, что оно невозможно; а во вторыхъ—и желать-то этого не стóитъ.

— Почему же-съ такъ-съ?—проговорилъ Калломѣйцевъ.—Эти два «слово-еръ» должны были служить къ тому, чтобы успо-

жоить Сипягина, который очень волновался и даже ёрзалъ на своемъ стулѣ.

— А потому, что лѣтъ черезъ двадцать-тридцать вашей landed gentry и безъ того не будетъ.

— Но позвольте-съ; почему же-съ такъ-съ?

— Потому что въ то время земля будетъ принадлежать владѣльцамъ—безъ разбора происхожденія.

— Купцамъ-съ?

— Вѣроятно, бо́льшею частью купцамъ.

— Какимъ это манеромъ?

— А такимъ, что купятъ они ее—эту самую землю.

— У дворянъ?

— У господъ дворянъ.

Калломѣйцевъ снисходительно осклабился.—Вы, помнится, говорили прежде то же самое о фабрикахъ и заводахъ. А теперь обо всей землѣ?

— А теперь говорю обо всей землѣ.

— И вы вѣроятно будете этому очень рады?

— Нисколько, какъ я уже вамъ докладывалъ; народу отъ этого легче не будетъ.

Калломѣйцевъ чуть-чуть поднялъ одну руку.—Какая заботливость о народѣ, подумаешь!

— Василій Өедотычъ!—закричалъ во всю голову Сипягинъ.—Вамъ пива принесли!—Voyons, Siméon,—прибавилъ онъ въ полъ-голоса.

Но Калломѣйцевъ не унимался.

— Вы, я вижу, заговорилъ онъ опять, обращаясь къ Соломину—не слишкомъ лестнаго мнѣнія о купцахъ; но вѣдь они принадлежатъ, по происхожденію, народу?

— Такъ что же-съ?

— Я полагалъ, что все народное или относящееся къ народу—вы находите прекраснымъ.

— О, нѣтъ-съ! Напрасно вы это полагали. Народъ нашъ во многомъ можно упрекнуть, хоть онъ и не всегда виноватъ бываетъ. Купецъ у насъ до сихъ поръ хищникъ; онъ и своимъ-то, собственнымъ, добромъ владѣетъ какъ хищникъ... Что будешь дѣлать! Тебя грабятъ... и ты грабишь. А народъ...

— Народъ? переспросилъ фистулой Калломѣйцевъ.

— Народъ—соня.

— И вы желаете его разбудить?

— Это было бы не худо.

— Ага! ага! вотъ какъ-съ...

— Позвольте, позвольте, — промолвилъ повелительно Сипягинъ. Онъ понялъ, что наступила минута положить, такъ сказать, предѣлъ... остановить! И онъ положилъ предѣлъ. Онъ остановилъ! Помавая кистью правой руки, локоть которой оставался опертымъ о столъ, онъ произнесъ длинную, обстоятельную рѣчь. Съ одной стороны, онъ похвалилъ консерваторовъ, — а съ другой, одобрилъ либераловъ, отдавая симъ послѣднимъ нѣкоторый преферансъ и причисляя себя къ ихъ разряду; превознесъ народъ — но указалъ на нѣкоторыя его слабыя стороны; выразилъ полное довѣріе къ правительству—но спросилъ себя: исполняють ли *всѣ* подчиненные его благія предначертанія? Призналъ пользу и важность литературы, но объявилъ, что безъ крайней осторожности она немыслима! Взглянулъ на Западъ: сперва порадовался—потомъ усомнился; взглянулъ на Востокъ: сперва отдохнулъ—потомъ воспрянулъ! И наконецъ предложилъ выпить тостъ за процвѣтаніе тройственнаго союза:

Религіи, земледѣлія и промышленности!

— Подъ эгидой власти!—строго прибавилъ Калломѣйцевъ.

— Подъ эгидой мудрой и снисходительной власти,—поправилъ его Сипягинъ.

Тостъ былъ выпитъ въ молчаніи.—Воздушное пространство, налѣво отъ Сипягина, называемое Неждановымъ, произнесло, правда, нѣкоторый неодобрительный звукъ—но, не возбудивъ ничьего вниманія, затихло снова; — и, не возмущенный уже никакимъ новымъ преніемъ, обѣдъ благополучно достигнулъ конца.

Валентина Михайловна съ самой прелестной улыбкой подала чашку кофе Соломину; онъ ее выпилъ — и уже искалъ глазами своей шляпы.... но мягко подхваченный подъ руку Сипягинымъ, былъ немедленно увлеченъ въ его кабинетъ—и получилъ: сперва отличнѣйшую сигару, а потомъ предложеніе перейти къ нему, Сипягину, на фабрику на выгоднѣйшихъ условіяхъ!—«Полнымъ властелиномъ вы будете, Василій Ѳедотычъ, полнымъ властелиномъ!»—Сигару Соломинъ принялъ; отъ предложенія отказался.— Онъ такъ и остался при своемъ отказѣ, какъ Сипягинъ ни настаивалъ!

— Не говорите прямо: «нѣтъ!»—любезнѣйшій Василій Ѳедотычъ!—Скажите по крайней мѣрѣ, что вы подумаете до завтра!

— Да вѣдь все равно—я принять ваше предложеніе не могу!

— До завтра! Василій Ѳедотычъ!—Чтó вамъ стóитъ?

Соломинъ согласился, что стóить это ему ничего не будетъ.... однако вышелъ изъ кабинета и снова сталъ искать свою шляпу.

Но Неждановъ, которому, до того мгновенія, не удалось помѣняться съ нимъ единымъ словомъ, приблизился къ нему и торопливо шепнулъ:

— Ради Бога, не уѣзжайте, а то намъ невозможно будетъ переговорить!

Соломинъ оставилъ свою шляпу въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что Сипягинъ, замѣтивъ его нерѣшительныя движенія взадъ и впередъ по гостиной, воскликнулъ:

— Вѣдь вы, конечно, ночуете у насъ?

— Какъ прикажете,—отозвался Соломинъ.

Благодарный взглядъ, брошенный ему Маріанной—она стояла у окна гостиной—заставилъ его призадуматься.

XXV.

До пріѣзда Соломина, Маріанна воображала его себѣ совсѣмъ инымъ. На первый взглядъ онъ ей показался какимъ-то неопредѣленнымъ, безличнымъ.... Рѣшительно: она на своемъ вѣку видала много такихъ бѣлокурыхъ, жилистыхъ, сухопарыхъ людей! Но чѣмъ больше она въ него всматривалась, чѣмъ больше вслушивалась въ его рѣчи, тѣмъ сильнѣе становилось въ ней чувство довѣрія къ нему,—именно довѣрія. Этотъ спокойный, не тó чтобы неуклюжій, а тяжеловатый человѣкъ, не только не могъ солгать или прихвастнуть: на него можно было положиться, какъ на каменную стѣну.... Онъ не выдастъ; мало того: онъ пойметъ и поддержитъ.—Маріаннѣ казалось даже, что не въ ней одной, что во всѣхъ присутствовавшихъ лицахъ Соломинъ возбуждалъ подобное чувство. Тому, чтó онъ говорилъ, она особеннаго значенія не придавала; всѣ эти толки о купцахъ, о фабрикахъ, мало интересовали ее; но кàкъ онъ говорилъ, кàкъ онъ при этомъ глядѣлъ и улыбался—это нравилось ей чрезвычайно....

Правдивый человѣкъ... вотъ главное! вотъ что ее трогало.—Извѣстное, хоть не совсѣмъ понятное, дѣло: русскіе люди—самые изолгавшіеся люди въ цѣломъ свѣтѣ; а ничего такъ не уважаютъ, какъ правду—ничему такъ не сочувствуютъ, какъ именно ей.—Къ тому жъ, на Соломинѣ, въ глазахъ Маріанны—лежала особая печать; на немъ почилъ ореолъ человѣка, котораго самъ Василій Николаевичъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ. Въ теченіи обѣда Маріанна нѣсколько разъ переглянулась «на его счетъ» съ Неждановымъ; а подъ конецъ вдругъ сама себя поймала на томъ,

что невольно сравниваетъ ихъ обоихъ — и не въ пользу Нежданова. Черты лица у Нежданова были, правда, гораздо красивѣе и пріятнѣе, чѣмъ у Соломина; — но самое лицо выражало смѣсь различныхъ тревожныхъ ощущеній: досады, смущенія, нетерпѣнія... даже унынія; онъ сидѣлъ какъ на иголкахъ, пытался говорить—и умолкалъ, усмѣхался нервически... Соломинъ, напротивъ, производилъ такое впечатлѣніе, что онъ, пожалуй, скучаетъ немного, — но что, впрочемъ, онъ какъ дома; — и что: «тó, кáкъ онъ», никогда и ни въ чемъ не зависитъ отъ «того, кáкъ другіе».—Рѣшительно—надо попросить совѣта у этого человѣка—думалось Маріаннѣ: онъ непремѣнно скажетъ что-нибудь полезное. — Нежданова послѣ обѣда подослала къ нему *она*.

Вечеръ прошелъ довольно вяло: къ счастью, обѣдъ кончился поздно — и до ночи оставалось недолго. Калломѣйцевъ учтиво дулся и безмолвствовалъ.

— Чтó съ вами? — полунасмѣшливо спросила его Сипягина. — Или вы чтó потеряли?

— Именно-съ,—отвѣчалъ Калломѣйцевъ. — Объ одномъ изъ нашихъ начальниковъ гвардіи разсказываютъ, будто онъ горевалъ о томъ, что его солдаты потеряли «носокъ»... «Отыщите мнѣ носокъ»! А я говорю: отыщите мнѣ «слово-ерикъ-съ»! — «Слово-ерикъ-съ» пропало—и вмѣстѣ съ нимъ всякое уваженіе и чинопочитаніе!

Сипягина объявила Калломѣйцеву, что не станетъ помогать ему въ его поискахъ.

Ободренный успѣхомъ своего обѣденнаго «спича», Сипягинъ произнесъ парочку другихъ, причемъ пустилъ въ ходъ нѣсколько государственныхъ соображеній о необходимыхъ мѣропріятіяхъ; — пустилъ также нѣсколько словъ—des mots—не столько острыхъ, сколько вѣскихъ—приготовленныхъ имъ собственно для Петербурга.—Одно изъ этихъ словъ онъ даже повторилъ, предпославъ фразу: «если позволительно такъ выразиться». — А именно: объ одномъ изъ тогдашнихъ министровъ онъ сказалъ, что у него непостоянный и праздный умъ, направленный къ мечтательнымъ цѣлямъ.— Съ другой стороны, Сипягинъ, не забывая, что онъ имѣетъ дѣло съ русскимъ человѣкомъ—изъ народа—не преминулъ щегольнуть нѣкоторыми изреченіями, долженствовавшими доказать, что и онъ самъ — не только русскій человѣкъ — но «русакъ», — и близко знакóмъ съ самой сутью народной жизни! — Такъ, напр., на замѣчаніе Калломѣйцева, что дождь можетъ помѣшать уборкѣ сѣна, онъ немедленно отвѣчалъ, что: «пусть будетъ сѣно черно — за то греча бѣлá»;—употребилъ также поговорки въ родѣ: «товаръ

безъ хозяина сирота»; «десять разъ примѣрь, одинъ разъ отрѣжь»;—«когда хлѣбъ — тогда и мѣра»;—«коли къ Егорью на березѣ листъ въ полушку — на Казанской кладй хлѣбъ въ кадушку». — Правда, иногда съ нимъ случалось, что онъ вдругъ промахнется и скажетъ, напр.,—«знай куликъ свой шестокъ!» — или: «красна изба углами!»—Но общество, въ средѣ котораго эти бѣды съ нимъ случались, бóльшею частью и не подозрѣвало, что тутъ «notre bon Русакъ» далъ промахъ; да и, благодаря князю Коврижкину, оно уже привыкло къ подобнымъ россійскимъ «паталюсамъ».—И всѣ эти поговорки и изреченія Сипягинъ произносилъ какимъ-то особеннымъ, здоровеннымъ, даже сиповатымъ голосомъ — d'une voix rustique.—Подобныя изреченія, вó время и у мѣста пущенныя имъ въ Петербургѣ, заставляли высокопоставленныхъ, вліятельныхъ дамъ восклицать: «Comme il connait bien les moeurs de notre peuple!»—А высокопоставленные, вліятельные сановники прибавляли: «les moeurs et les besoins!»

Валентина Михайловна очень старалась около Соломина; но видимый неуспѣхъ ея стараній ее обезкураживалъ;—и, проходя мимо Калломѣйцева, она невольно проговорила въ полъ-голоса: Mon Dieu, que je me sens fatiguée!

На чтó тотъ отвѣчалъ съ ироническимъ поклономъ:

— Tu l'as voulu, Georges Dandin!

Наконецъ, послѣ той обычной вспышки любезности и привѣта, которыя являются на всѣхъ лицахъ поскучавшаго общества въ самый моментъ разставанія; послѣ внезапныхъ рукопожатій, улыбокъ и дружескихъ хмыканій въ носъ—усталые гости, усталые хозяева разошлись.

Соломинъ, которому отвели едва ли не лучшую комнату во второмъ этажѣ, съ англійскими туалетными принадлежностями и купальнымъ шкафомъ — отправился къ Нежданову.

Тотъ началъ съ того, что горячо поблагодарилъ его за согласіе остаться.

— Я знаю... это для васъ жертва...

— Э! полноте! — отвѣчалъ неторопливо Соломинъ. — Какая тутъ жертва! — Да притомъ, *вамъ* я не могу отказать.

— Почему же?

— Да потому, что я полюбилъ васъ.

Неждановъ обрадовался и удивился; а Соломинъ пожалъ ему руку. Потомъ онъ сѣлъ верхомъ на стулъ, закурилъ сигару, и, опершись обоими локтями о спинку, промолвилъ:

— Ну, говорите, въ чемъ дѣло?

Неждановъ тоже сѣлъ верхомъ на стулъ противъ Соломина—но сигары не закурилъ.

— Въ чемъ дѣло — спрашиваете вы?.. А въ томъ, что я хочу бѣжать отсюда.

— То-есть — вы хотите оставить этотъ домъ? Ну, чтожъ? съ Богомъ!

— Не оставить... а бѣжать.

— Развѣ васъ удерживаютъ? Вы, можетъ быть... забрали денегъ впередъ? Такъ вамъ стóитъ только слово сказать... Я съ удовольствіемъ...

— Вы меня не понимаете, любезный Соломинъ... Я сказалъ: бѣжать — а не: оставить — потому что я отсюда удаляюсь — не одинъ.

Соломинъ приподнялъ голову.

— Съ кѣмъ же это?

— А съ той дѣвушкой, которую вы видѣли здѣсь сегодня...

— Съ этой! — У ней хорошее лицо. Что-жъ? Вы полюбили другъ друга?.. Или только такъ — рѣшаетесь вмѣстѣ оставить домъ, гдѣ вамъ обоимъ нехорошо?

— Мы любимъ другъ друга.

— А! — Соломинъ помолчалъ.—Она родственница здѣшнимъ господамъ?

— Да. — Но она вполнѣ раздѣляетъ наши убѣжденія — и готова идти на все.

Соломинъ улыбнулся.

— А вы, Неждановъ, готовы?

Неждановъ нахмурился слегка.

— Къ чему этотъ вопросъ? Я вамъ докажу мою готовность на дѣлѣ.

— Я не сомнѣваюсь въ васъ, Неждановъ; я только потому спросилъ васъ, что, кромѣ васъ, я полагаю, никто не готовъ.

— А Маркеловъ?

— Да! вотъ развѣ Маркеловъ. — Да тотъ, чай, родился готовымъ.

Въ это мгновенье кто-то тихо и быстро постучалъ въ дверь — и, не дожидаясь отзыва, отворилъ ее. — То была Маріанна. Она тотчасъ подошла къ Соломину.

— Я увѣрена — начала она, — вы не удивитесь, увидѣвши меня здѣсь, въ эту пору.—Онъ (Маріанна указала на Нежданова)— вамъ, конечно, все сказалъ. — Дайте мнѣ вашу руку — и знайте, что передъ вами честная дѣвушка.

— Да, я это знаю,—серьёзно промолвилъ Соломинъ.—Онъ

поднялся со стула, какъ только Маріанна появилась.—Я уже за столомъ смотрѣлъ на васъ и думалъ: вотъ какіе у этой барышни честные глаза. — Мнѣ Неждановъ точно—сказывалъ о вашемъ намѣреніи. Но собственно—зачѣмъ вы хотите бѣжать?

— Какъ зачѣмъ?—Дѣло, которому я сочувствую... не удивляйтесь: Неждановъ ничего не скрылъ отъ меня... это дѣло должно начаться на-дняхъ.... а я останусь въ этомъ помѣщичьемъ домѣ, гдѣ все ложь и обманъ?—Люди, которыхъ я люблю, будутъ подвергаться опасности, а я...

Соломинъ остановилъ ее движеніемъ руки.

— Не волнуйтесь.—Сядьте, и я сяду. Сядьте и вы, Неждановъ.—Послушайте: если у васъ нѣтъ другой причины—то бѣжать еще вамъ отсюда нé для чего. Дѣло это еще не такъ скоро начнется, какъ вы думаете.—Тутъ нужно еще нѣкоторое благоразуміе. Нечего соваться впередъ, зря. Повѣрьте мнѣ.

Маріанна сѣла и запахнулась большимъ плэдомъ, который она накинула себѣ на плечи.

— Но я не могу остаться здѣсь больше! Меня здѣсь всѣ оскорбляютъ. Сегодня еще, эта глупая, Анна Захаровна, при Колѣ, сказала мнѣ, намекая на моего отца, что яблоко отъ яблони не далеко падаетъ! Коля даже удивился и спросилъ, чтó это значитъ?—Я уже не говорю о Валентинѣ Михайловнѣ!

Соломинъ опять остановилъ ее—и на этотъ разъ улыбнулся.—Маріанна поняла, что онъ немножко посмѣивается надъ нею—но его улыбка никогда никого оскорбить не могла.

— Что-жъ это вы, милая барышня? Я не знаю, кто такая Анна Захаровна—ни о какой яблонѣ вы говорите... но помилуйте: вамъ глупая женщина скажетъ что-нибудь глупое—а вы это снести не можете? Какъ же вы жить-то будете? Весь свѣтъ на глупыхъ людяхъ стоитъ. Нѣтъ; это не резонъ. Развѣ чтó другое?

— Я убѣжденъ,—вмѣшался глухимъ голосомъ Неждановъ,—что не нынче, завтра, г-нъ Сипягинъ мнѣ самъ откажетъ отъ дому. Ему навѣрное донесли; онъ обращается со мною... самымъ презрительнымъ образомъ.

Соломинъ обернулся къ Нежданову.

— Такъ для чего же вамъ бѣжать, коли вамъ безъ того откажутъ?

Неждановъ не тотчасъ нашелся чтó отвѣтить.

— Я уже говорилъ вамъ,—началъ онъ...

— Онъ такъ выразился,—подхватила Маріанна,—потому что я ухожу съ нимъ.

Соломинъ посмотрѣлъ на нее и добродушно покачалъ головою.

— Такъ, такъ, милая барышня;—но опять-таки скажу вамъ: если вы точно хотите оставить этотъ домъ, потому что полагаете, что революція сейчасъ вспыхнетъ...

— Мы именно для этого и выписали васъ,—перебила Маріанна, чтобъ узнать достовѣрно, въ какомъ положеніи находятся дѣла?

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ Соломинъ—повторяю: вы можете еще сидѣть дома—довольно долго.—Если же вы хотите бѣжать, потому что любите другъ друга и иначе вамъ соединиться нельзя—тогда...

— Ну, чтó тогда?

— Тогда мнѣ остается только пожелать вамъ, какъ говаривалось въ старину—любовь да совѣтъ;—да если нужно и можно—оказать вамъ посильную помощь. Потому что и васъ, милая барышня—и его—я съ перваго разу полюбилъ какъ родныхъ.

И Маріанна, и Неждановъ, оба подошли къ нему, справа и слѣва,—и каждый изъ нихъ взялъ одну его руку.

— Скажите намъ только, чтó намъ дѣлать?—промолвила Маріанна.—Положимъ, революція еще далека... но подготовительныя работы, труды, которые въ этомъ домѣ, при этой обстановкѣ, невозможны—и на которые мы такъ охотно пойдёмъ—вдвоемъ—вы намъ укажете ихъ;—вы только скажите намъ, куда намъ идти... Пошлите насъ!—Вѣдь вы пошлете насъ?

— Куда?

— Въ народъ... куда же идти, какъ не въ народъ?

«До лясу», подумалъ Неждановъ... Ему вспомнилось слово Паклина.

Соломинъ поглядѣлъ пристально на Маріанну.

— Вы хотите узнать народъ?

— Да; то-есть—не узнать народъ хотимъ мы только;—но и дѣйствовать... трудиться для него.

— Хорошо; я вамъ обѣщаю, что вы его узнаете. Я доставлю вамъ возможность дѣйствовать—и трудиться для него.—И вы, Неждановъ, готовы идти... за нею... и за него?

— Конечно, готовъ!—произнесъ онъ поспѣшно.—«Джаггернаутъ»—вспомнилось ему другое слово Паклина.—«Вотъ она катится, громадная колесница... и я слышу трескъ и грохотъ ея колесъ».

— Хорошо,—повторилъ задумчиво Соломинъ.—Но когда же вы намѣрены бѣжать?

— Хоть завтра, воскликнула Маріанна.

— Хорошо. Но куда?

— Тссcъ... тише...—шепнулъ Неждановъ.—Кто-то ходитъ по коррридору.

Всѣ помолчали.

— Куда же вы намѣрены бѣжать?—спросилъ опять Соломинъ, понизивъ голосъ.

— Мы не знаемъ,—отвѣчала Маріанна.

Соломинъ перевелъ глаза на Нежданова. Тотъ только потрясъ отрицательно головою.

Соломинъ протянулъ руку и осторожно снялъ со свѣчки.

— Вотъ что́, дѣти мои,—проговорилъ онъ наконецъ.—Ступайте ко мнѣ на фабрику. — Некрасиво тамъ... да неопасно. Я васъ спрячу. У меня тамъ есть комнатка. Никто васъ не отыщетъ. — Попадите только туда... а мы васъ не выдадимъ. Вы скажете: на фабрикѣ людно. Это-то и хорошо. Гдѣ людно—тамъ-то и можно спрятаться.—Идетъ, что-ль?

— Намъ остается только благодарить васъ,—промолвилъ Неждановъ; а Маріанна, которую мысль о фабрикѣ сначала смутила, съ живостью прибавила: — Конечно! конечно! Какой вы добрый! Но, вѣдь, вы насъ недолго тамъ оставите? Вы пошлете насъ?

— Это будетъ отъ васъ зависѣть... А въ случаѣ, если бы вамъ вздумалось сочетаться бракомъ, и на этотъ счетъ у меня на фабрикѣ удобно. Тамъ у меня, близехонько, есть сосѣдъ — двоюроднымъ братомъ мнѣ приходится — попъ, по имени Зосима, преподатливый. Онъ васъ духомъ обвѣнчаетъ.

Маріанна улыбнулась про себя; а Неждановъ еще разъ стиснулъ руку Соломину, да погодя немного, полюбопытствовалъ:

— А что́, скажите, хозяинъ, владѣлецъ вашей фабрики, не будетъ претендовать? Никакихъ непріятностей вамъ не сдѣлаетъ?

Соломинъ покосился на Нежданова.

— Обо мнѣ вы не заботьтесь. — Это вы совсѣмъ напрасно. Лишь бы фабрика шла какъ слѣдуетъ, а въ прочемъ моему хозяину—все едино. И вамъ, и вашей милой барышнѣ отъ него никакихъ непріятностей не будетъ. И рабочихъ вамъ опасаться нечего. Только предувѣдомьте меня: около какого времени васъ ждать?

Неждановъ и Маріанна переглянулись.

— Послѣ завтра, утромъ рано, или день спустя, — проговорилъ, наконецъ, Неждановъ. — Мѣшкать болѣе нельзя. Того и гляди, мнѣ завтра отъ дому откажутъ.

— Ну... — промолвилъ Соломинъ — и поднялся со стула. Я

буду васъ ждать каждое утро. Да и всю недѣлю я изъ дому не отлучусь. Всѣ мѣры будутъ приняты — какъ слѣдуетъ.

Маріанна приблизилась къ нему... (Она подошла-было къ двери).—Прощайте, милый, добрый Василій Ѳедотычъ... Вѣдь васъ такъ зовутъ?

— Такъ.

— Прощайте... или нѣтъ: до свиданія! И спасибо, спасибо вамъ!

— Прощайте... Доброй ночи, моя голубушка!

— Прощайте и вы, Неждановъ! До завтра...—прибавила она.

Маріанна быстро вышла.

Оба молодыхъ человѣка остались нѣкоторое время неподвижны —и оба молчали.

— Неждановъ... — началъ, наконецъ, Соломинъ—и умолкъ. — Неждановъ... — началъ онъ опять: — разскажите мнѣ объ этой дѣвушкѣ... что̀ вы можете разсказать. Какая была ея жизнь до сихъ поръ?.. Кто она?.. почему она находится здѣсь?..

Неждановъ въ короткихъ словахъ сообщилъ Соломину что̀ зналъ.

Соломинъ выслушалъ его внимательно.

— Неждановъ... — заговорилъ онъ, наконецъ...—Вы должны беречь эту дѣвушку. Потому... что если... что-нибудь... Вамъ будетъ очень грѣшно. Прощайте.

Онъ удалился, а Неждановъ постоялъ немного посреди комнаты, и прошептавъ: «ахъ! лучше не думать!» —бросился лицомъ на постель.

А Маріанна, вернувшись къ себѣ въ комнату, нашла на столикѣ небольшую записку слѣдующаго содержанія:

«Мнѣ жаль васъ. Вы губите себя. Опомнитесь. Въ какую «бездну бросаетесь вы съ закрытыми глазами? Для кого и для «чего?

В.»

Въ комнатѣ пахло особенно тонкимъ и свѣжимъ запахомъ: очевидно, Валентина Михайловна только-что вышла оттуда.—Маріанна взяла перо и, приписавъ внизу: «Не жалѣйте меня. Богъ «вѣдаетъ, кто изъ насъ двухъ болѣе достойна сожалѣнія; знаю «только, что не хотѣла бы быть на вашемъ мѣстѣ. М.»,—оставила записку на столѣ. Она не сомнѣвалась въ томъ, что отвѣтъ ея попадетъ въ руки Валентины Михайловны.

А на другое утро Соломинъ, повидавшись съ Неждановымъ и окончательно отказавшись отъ управленія Сипягинской фабри-

кой, уѣхалъ къ себѣ домой.—Онъ размышлялъ во все время дороги, чтó съ нимъ случалось рѣдко: качка экипажа обыкновенно погружала его въ легкую дремоту. Онъ размышлялъ о Маріаннѣ, а также о Неждановѣ; ему казалось, что будь *онъ* влюбленъ, онъ, Соломинъ,—онъ имѣлъ бы другой видъ, говорилъ и глядѣлъ бы иначе.—Но, подумалъ онъ, такъ какъ этого со мной никогда не случалось, то я и не знаю, какой бы я имѣлъ при этомъ видъ.—Онъ вспомнилъ одну ирландку, которую онъ видѣлъ разъ въ одномъ магазинѣ, за прилавкомъ; вспомнилъ, какіе у ней были чудесные, почти черные волосы и синіе глаза и густыя рѣсницы,—и какъ она вопросительно и печально посмотрѣла на него, и какъ онъ долго ходилъ потомъ по улицѣ передъ ея окнами, и какъ волновался и спрашивалъ самого себя: познакомиться ли ему съ нею или нѣтъ?—Онъ былъ тогда проѣздомъ въ Лондонѣ; патронъ прислалъ его туда за покупками и далъ ему денегъ.—Соломинъ чуть-было не остался въ Лондонѣ, чуть-было не послалъ этихъ денегъ назадъ патрону; такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на него прекрасной Полли... (Онъ узналъ ея имя: одна изъ ея товарокъ въ магазинѣ назвала ее).—Однакожъ преодолѣлъ себя—и вернулся къ своему патрону. Полли была красивѣе Маріанны; но у этой былъ такой же вопросительный и печальный взглядъ;.. и она русская...

— Однако, что-жъ это я?—проговорилъ Соломинъ вполголоса:—о чужихъ невѣстахъ забочусь! — и встряхнулъ воротникомъ шинели, какъ-бы желая отбросить отъ себя всѣ ненужныя мысли. Кстати-жъ, онъ подъѣзжалъ къ своей фабрикѣ, и на порогѣ его флигелька мелькнула фигура вѣрнаго Павла.

XXVI.

Отказъ Соломина очень оскорбилъ Сипягина; онъ даже вдругъ нашелъ, что этотъ доморощенный Стифенсонъ ужъ не такой замѣчательный механикъ, и что онъ, пожалуй, не позируетъ, но ломается, какъ истый плэбей. — «Всѣ эти русскіе, когда вообразятъ, что знаютъ чтó-нибудь—изъ рукъ вонъ!—Au fond, Калломѣйцевъ правъ!» Подъ вліяніемъ подобныхъ непріязненныхъ и раздражительныхъ ощущеній, государственный мужъ—en herbe—еще безучастнѣе и отдаленнѣе взглянулъ на Нежданова; сообщилъ Колѣ, что онъ можетъ не заниматься сегодня съ своимъ учителемъ, что ему надо привыкать къ самостоятельности... Однако, самому учителю этому не отказалъ, какъ тотъ ожидалъ. Онъ

продолжалъ его игнорировать! За то Валентина Михайловна не игнорировала Маріанны. — Между ними произошла страшная сцена.

Часа за два до обѣда онѣ какъ-то вдругъ очутились однѣ въ гостиной. Каждая изъ нихъ немедленно почувствовала, что минута неизбѣжнаго столкновенія настала, и потому, послѣ мгновеннаго колебанія, обѣ тихонько подошли другъ ко дружкѣ. Валентина Михайловна слегка улыбалась; Маріанна стиснула губы: обѣ были блѣдны. Переходя черезъ комнату, Валентина Михайловна посматривала направо, налѣво, сорвала листокъ гераніума... Глаза Маріанны были прямо устремлены на приближавшееся къ ней, улыбавшееся лицо.

Сипягина первая остановилась; и похлопывая концами пальцевъ по спинкѣ стула:

— Маріанна Викентьевна, — заговорила она небрежнымъ голосомъ, — мы, кажется, находимся въ корреспонденціи другъ съ другомъ... Живя подъ одной крышей, это довольно странно; а вы знаете, я неохотница до странностей.

— Не я начала эту корреспонденцію, Валентина Михайловна.

— Да... Вы правы. Въ странности на этотъ разъ виновата я. Только я не нашла другого средства, чтобы возбудить въ васъ чувство... какъ бы это сказать? — чувство...

— Говорите прямо, Валентина Михайловна; не стѣсняйтесь, — не бойтесь оскорбить меня.

— Чувство... приличія.

Валентина Михайловна умолкла; одинъ легкій стукъ ея пальцевъ по спинкѣ стула слышался въ комнатѣ.

— Въ чемъ же вы находите, что я не соблюла приличія? — спросила Маріанна.

Валентина Михайловна пожала плечами.

— Ma chère, vous n'êtes plus un enfant — и вы очень хорошо меня понимаете. Неужели вы полагаете, что ваши поступки могли остаться тайной для меня, для Анны Захаровны, для всего дома наконецъ? Впрочемъ, вы и не слишкомъ заботились о томъ, чтобъ они остались тайной. Вы, просто, бравировали. — Одинъ Борисъ Андреичъ, можетъ быть, не обратилъ на нихъ вниманія... Онъ занятъ другими, болѣе интересными и важными дѣлами. Но, кромѣ его, всѣмъ извѣстно ваше поведеніе, всѣмъ!

Маріанна все болѣе и болѣе блѣднѣла.

— Я бы попросила васъ, Валентина Михайловна, выразиться опредѣлительнѣе. — Чѣмъ вы собственно недовольны?

«L'insolente!» — подумала Сипягина — однако еще удержалась.

— Вы желаете знать, чѣмъ я недовольна, Маріанна? — Извольте! — Я недовольна вашими продолжительными свиданіями съ молодымъ человѣкомъ, который и по рожденію, и по воспитанію, и по общественному положенію стоитъ слишкомъ низко для васъ; я недовольна... нѣтъ! это слово не довольно сильно — я возмущена вашими поздними... вашими ночными визитами у этого самаго человѣка. — И гдѣ же? подъ моимъ кровомъ! Или вы находите, что это такъ и слѣдуетъ, и что я должна молчать — и какъ-бы оказывать покровительство вашему легкомыслію? — Какъ честная женщина... Oui, mademoiselle, je l'ai été, je le suis et le serai toujours! — я не могу не чувствовать негодованія!

Валентина Михайловна бросилась въ кресло, какъ будто подавленная тяжестью этого самаго негодованія.

Маріанна усмѣхнулась въ первый разъ.

— Я не сомнѣваюсь въ вашей честности, прошедшей, настоящей и будущей, — начала она; — и говорю это совершенно искренне. — Но вы напрасно негодуете. Я не нанесла никакого позора вашему крову. Молодой человѣкъ, на котораго вы намекаете... да, я дѣйствительно... полюбила его...

— Вы полюбили мсьё Нежданова?

— Я люблю его.

Валентина Михайловна выпрямилась на креслѣ.

— Да помилуйте, Маріанна! вѣдь онъ студентъ, безъ роду, безъ племени; — вѣдь онъ моложе васъ! — (Не безъ злорадства были произнесены эти послѣднія слова). — Что же изъ этого можетъ выдти? — И что́ вы, съ вашимъ умомъ, нашли въ немъ? Онъ, просто, пустой мальчикъ.

— Вы не всегда о немъ такъ думали, Валентина Михайловна.

— О, Боже мой! моя милая, оставьте меня въ сторонѣ... Pas tant d'esprit que ça, je vous prie. Тутъ дѣло идетъ о васъ, о вашей будущности. Подумайте! какая же это партія для васъ?

— Признаюсь вамъ, Валентина Михайловна, я не думала о партіи.

— Какъ? Что? Какъ мнѣ васъ понять? Вы слѣдовали влеченію вашего сердца, положимъ... Но вѣдь все это должно же кончиться бракомъ?

— Не знаю... я объ этомъ не думала.

— Вы объ этомъ не думали?! — Да вы съ ума сошли!

Маріанна немного отвернулась.

— Прекратимъ этотъ разговоръ, Валентина Михайловна. Онъ ни къ чему не можетъ повести. Мы все-таки не поймемъ другъ друга.

Валентина Михайловна порывисто встала.

— Я не могу, я не должна прекратить этотъ разговоръ! Это слишкомъ важно... я отвѣчаю за васъ передъ... Валентина Михайловна хотѣла-было сказать: передъ Богомъ! но запнулась—и сказала: передъ цѣлымъ свѣтомъ!—Я не могу молчать, когда я слышу подобныя безумія! И почему это я не могу понять васъ? Чтó за несносная гордость у всѣхъ этихъ молодыхъ людей! Нѣтъ... я васъ очень хорошо понимаю; я понимаю, что вы пропитались этими новыми идеями, которыя васъ непремѣнно поведутъ къ погибели! Но тогда уже будетъ поздно.

— Можетъ быть: но повѣрьте мнѣ: мы, и погибая, не протянемъ вамъ—пальца, чтобы вы спасли насъ!

Валентина Михайловна всплеснула руками.

— Опять эта гордость, эта ужасная гордость! Ну, послушайте, Маріанна, послушайте меня,—прибавила она, внезапно перемѣнивъ тонъ... Она хотѣла-было притянуть Маріанну къ себѣ—но та отшатнулась назадъ.—Ecoutez moi, je vous en conjure!—Вѣдь я наконецъ не такъ же ужъ стара—и не такъ глупа, чтобы нельзя было сойтись со мною! — Je ne suis pas une encroutée. Меня въ молодости даже считали республиканкой... не хуже васъ.—Послушайте: я не стану притворяться; материнской нѣжности я къ вамъ никогда не питала; — да и не въ вашемъ характерѣ объ этомъ сожалѣть... Но я знала, и знаю, что у меня есть обязанности въ отношеніи къ вамъ—и я всегда старалась ихъ исполнить. Быть можетъ, та партія, о которой я мечтала для васъ—и для которой и Борисъ Андреичъ и я—мы бы не отступили ни передъ какими жертвами... эта партія не вполнѣ отвѣчала вашимъ идеямъ... но въ глубинѣ моего сердца...

Маріанна глядѣла на Валентину Михайловну, на эти чудные глаза, на эти розовыя, чуть-чуть подкрашенныя губы, на эти бѣлыя руки, на слегка растопыренные пальцы, украшенные перстнями, которые прекрасная дама такъ выразительно прижимала къ корсажу своего шелковаго платья... и вдругъ перебила ее:

— Партія, говорите вы, Валентина Михайловна? Вы называете «партіей»—этого вашего бездушнаго, пошлаго друга, г-на Калломѣйцева?

Валентина Михайловна отняла пальцы отъ корсажа.

— Да, Маріанна Викентьевна! я говорю о г-нѣ Калломѣйцевѣ—объ этомъ образованномъ, отличномъ молодомъ человѣкѣ, который навѣрное составитъ счастье своей жены — и отъ котораго можетъ отказаться одна только сумасшедшая! Одна сумасшедшая!

— Чтó дѣлать, ma tante! Видно, я такая!

— Да въ чемъ можешь ты—серьёзно—упрекнуть его?

— О, ни въ чемъ!—Я презираю его... вотъ и всё.

Валентина Михайловна нетерпѣливо покачала головою съ боку на бокъ—и снова опустилась на кресло.

— Оставимъ его. Retournons à nos moutons. — Итакъ, ты любишь г-на Нежданова?

— Да.

— И намѣрена продолжать... свои свиданья съ нимъ?

— Да; намѣрена.

— Ну... а если я тебѣ это запрещу?

— Я васъ не послушаюсь.

Валентина Михайловна подпрыгнула на креслѣ.

— А! Вы не послушаетесь! Вотъ какъ!.. И это мнѣ говоритъ облагодѣтельствованная мною дѣвушка, которую я призрѣла у себя въ домѣ, это мнѣ говоритъ... говоритъ мнѣ...

— Дочь обезчещеннаго отца,—сумрачно подхватила Маріанна—продолжайте, не церемоньтесь!

— Ce n'est pas moi qui vous le fait dire, mademoiselle!— Но во всякомъ случаѣ *этимъ* гордиться нечего! Дѣвушка, которая ѣстъ мой хлѣбъ...

— Не попрекайте меня вашимъ хлѣбомъ, Валентина Михайловна!—Вамъ бы дороже стóило нанять француженку Колѣ... Вѣдь *я* ему даю уроки французскаго языка!

Валентина Михайловна приподняла руку, въ которой она держала раздушенный илангъ-илангомъ батистовый платокъ съ огромнымъ бѣлымъ вензелемъ въ одномъ изъ угловъ—и хотѣла что-то вымолвить;—но Маріанна стремительно продолжала:

— Вы были бы правы, тысячу разъ правы, если вмѣсто всего того, чтó вы теперь насчитали, вмѣсто всѣхъ этихъ мнимыхъ благодѣяній и жертвъ, вы бы въ состояніи были сказать: «та дѣвушка, которую я любила»... Но вы настолько честны, что *такъ* солгать не можете!—Маріанна дрожала какъ въ лихорадкѣ.—Вы всегда меня ненавидѣли.—Вы даже теперь, въ самой глубинѣ вашего сердца, о которой въ сію минуту упомянули, рады—да, рады тому, что вотъ я оправдываю ваши всегдашнія предсказанія, покрываю себя скандаломъ, позоромъ—и

вамъ непріятно только тó, что часть этого позора должна пасть на вашъ аристократическій, *честный* домъ...

— Вы меня оскорбляете, — шепнула Валентина Михайловна: — извольте выдти вонъ!

Но уже Маріанна не могла совладать съ собою.

— Вашъ домъ, сказали вы, весь вашъ домъ, и Анна Захаровна, и всѣ знаютъ о моемъ поведеніи! — И всѣ приходятъ въ ужасъ и негодованіе... Но развѣ я что-нибудь прошу у васъ, у нихъ, у всѣхъ этихъ людей? Развѣ я могу дорожить ихъ мнѣніемъ? Развѣ этотъ вашъ хлѣбъ не горекъ? Какую бѣдность не предпочту я этому богатству? Развѣ между вашимъ домомъ и мною не цѣлая бездна, бездна, которую ничто, ничто закрыть не можетъ? Неужели вы — вы тоже умная женщина — вы этого не сознаете? И если *вы* питаете ко мнѣ чувство ненависти, то неужели вы не понимаете того чувства, которое *я* питаю къ вамъ и котораго я не называю по имени только потому, что оно слишкомъ явно?

— Sortez, sortez, vous dis-je... — повторила Валентина Михайловна и топнула при этомъ своей хорошенькой, узенькой ножкой.

Маріанна шагнула въ направленіи двери.

— Я сейчасъ избавлю васъ отъ моего присутствія; но знаете-ли что, Валентина Михайловна? Говорятъ, даже Рашели въ «Баязетѣ» Расина не удавалось это: Sortez! — а ужъ вамъ подавно! Да еще вотъ чтò: какъ, бишь, это вы сказали... Je suis une honnête femme, je l'ai été et le serai toujours? Представьте: я увѣрена въ томъ, что я гораздо честнѣе васъ! Прощайте!

Маріанна поспѣшно вышла, а Валентина Михайловна вскочила съ кресла, хотѣла-было закричать, хотѣла заплакать... Но чтó закричать — она не знала; и слезы не повиновались ей.

Она ограничилась тѣмъ, что помахала на себя платкомъ, но распространяемое имъ благовоніе еще сильнѣе подѣйствовало на ея нервы... Она почувствовала себя несчастной, обиженной... Она сознавала нѣкоторую долю правды въ томъ, чтò она сейчасъ слышала. Но какъ же можно было такъ жестоко, такъ несправедливо судить о ней? «Неужели же я такая злая», подумала она — и поглядѣла на себя въ зеркало, находившееся прямо противъ нея между двумя окнами. Зеркало это отразило прелестное, нѣсколько искаженное, съ выступившими красными пятнами, но все-таки очаровательное лицо, чудесные, мягкіе, бархатные глаза... «Я? Я злая? — подумала она опять... «Съ такими глазами?»

Но въ это мгновеніе вошелъ ея супругъ—и она снова закрыла платкомъ лицо.

— Чтó съ тобою?—заботливо спросилъ онъ.—Чтó съ тобою, Валя? (Онъ придумалъ для нея это уменьшительное имя, которое однако позволялъ себѣ употреблять лишь въ совершенномъ tête à tête, преимущественно въ деревнѣ).

Она сперва отнѣкивалась, увѣряла, что съ ней ничего... но кончила тѣмъ, что какъ-то очень красиво и трогательно повернулась на креслѣ, бросила ему руки на плечи—(онъ стоялъ, наклонившись къ ней)—спрятала свое лицо въ разрѣзѣ его жилета—и разсказала все; безо всякой хитрости и безъ задней мысли постаралась—если не извинить, то до нѣкоторой степени оправдать Маріанну; сваливала всю вину на ея молодость, страстный темпераментъ, на недостатки перваго воспитанія; также—до нѣкоторой степени—и также безъ задней мысли упрекала самое себя. «Съ моей дочерью этого бы не случилось!—Я бы не такъ за ней присматривала!» Сипягинъ выслушалъ ее до конца снисходительно, сочувственно—и строго; держалъ свой станъ согбеннымъ, пока она не сняла своихъ рукъ съ его плечъ и не отодвинула своей головки;—назвалъ ее ангеломъ, поцѣловалъ ее въ лобъ, объявилъ, что знаетъ теперь, какой образъ дѣйствія предписываетъ ему его роль—роль хозяина дома—и удалился такъ, какъ удаляется человѣкъ гуманный, но энергическій, который собирается исполнить непріятный, но необходимый долгъ...

Часу въ восьмомъ послѣ обѣда, Неждановъ, сидя въ своей комнатѣ, писалъ своему другу, Силину.

— «Другъ Владимиръ, я пишу тебѣ въ минуту рѣшительнаго переворота въ моемъ существованіи.—Мнѣ отказали отъ здѣшняго дома, я ухожу отсюда. Но это бы ничего... Я отхожу отсюда не одинъ. Меня сопровождаетъ та дѣвушка, о которой я тебѣ писалъ. Насъ все соединяетъ: сходство жизненныхъ судебъ, одинаковость убѣжденій, стремленій—взаимность чувства, наконецъ.—Мы любимъ другъ друга; по крайней мѣрѣ я убѣжденъ, что не въ состояніи испытать чувство любви подъ другою формой, чѣмъ та, подъ которой она мнѣ представляется теперь.—Но я бы солгалъ передъ тобою, еслибъ сказалъ, что не ощущаю ни тайнаго страха, ни даже какого-то страннаго сердечнаго замиранія... Все темно впереди — и мы вдвоемъ устремляемся въ эту темноту. Мнѣ не нужно тебѣ объяснять, на чтó мы идемъ и какую дѣятельность избрали. Мы съ Маріанной не ищемъ счастья; не наслаждаться мы хотимъ,—а бороться вдвоемъ, рядомъ, под-

держивая другъ друга. Наша цѣль намъ ясна; но какіе пути ведутъ къ ней—мы не знаемъ.—Найдемъ ли мы, если не сочувствіе, не помощь, то хоть возможность дѣйствовать?—Маріанна—прекрасная, честная дѣвушка; если намъ суждено погибнуть, я не буду упрекать себя въ томъ, что я ее увлекъ, потому что для нея другой жизни уже не было.—Но, Владиміръ, Владиміръ! мнѣ тяжело... Сомнѣніе меня мучитъ, не въ моемъ чувствѣ къ ней, конечно, а... я не знаю!—Только теперь вернуться уже поздно. Протяни намъ обоимъ издалека руки—и пожелай намъ терпѣнья, силы самопожертвованья и любви... больше любви. А ты, невѣдомый намъ, но любимый нами всѣмъ нашимъ существомъ, всею кровью нашего сердца, русскій народъ, прими насъ—не слишкомъ безучастно—и научи насъ, чего мы должны ждать отъ тебя?

«Прощай, Владиміръ, прощай!»

Написавши эти немногія строки, Неждановъ отправился на деревню.—Въ слѣдующую ночь, заря чуть-чуть брезжила—а онъ уже стоялъ на опушкѣ березовой рощи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Сипягинскаго сада. Немного позади его, изъ-за спутанной зелени широкаго орѣховаго куста, едва виднѣлась крестьянская телѣжка, запряженная парой разнузданныхъ лошадокъ; въ телѣгѣ, подъ веревочнымъ переплетомъ, спалъ, лежа на клочкѣ сѣна и натянувъ на голову заплатанную свитку, старенькій, сѣдой мужичокъ. Неждановъ неотступно глядѣлъ на дорогу, на купы ракитъ вдоль сада: сѣрая, тихая ночь еще лежала кругомъ, звѣздочки слабо, въ перебивку мигали, затерянныя въ небесной пустой глубинѣ. По круглымъ нижнимъ краямъ протянутыхъ тучекъ шла съ востока блѣдная алость, и оттуда же тянуло первымъ холодкомъ утренней рани. Вдругъ Неждановъ вздрогнулъ и насторожился: гдѣ-то близко сперва взвизгнула, потомъ стукнула калитка; маленькое женское существо, окутанное платкомъ, съ узелкомъ на голой рукѣ, выступило, не спѣша, изъ неподвижной тѣни ракитъ на мягкую пыль дороги—и, перейдя ее вкось, словно на цыпочкахъ, направилось къ рощѣ. Неждановъ бросился къ нему.

— Маріанна?—шепнулъ онъ.

— Я!—послышался тихій отзывъ изъ-подъ нависшаго платка.

— Сюда, за мной,—отвѣчалъ Неждановъ, неловко хватая ее за голую руку съ узелкомъ.

Она пожималась, какъ-бы чувствуя ознобъ.—Онъ подвелъ ее къ телѣгѣ, разбудилъ мужичка.—Тотъ проворно вскочилъ, тотчасъ перебрался на облучокъ, вдѣлъ свитку въ рукава, подхватилъ

веревочныя возжи... Лошади зашевелились; онъ ихъ осторожно отпрукнулъ охрипшимъ отъ крѣпкаго сна голосомъ. Неждановъ посадилъ Маріанну на телѣжный переплетъ, подославъ сперва свой плащъ; окуталъ ей ноги одѣяломъ—сѣно на днѣ было вonline влажно—умѣстился возлѣ нея—и, нагнувшись къ мужику, тихо сказалъ: «Пошелъ, куда знаешь».—Мужичокъ задергалъ возжами, лошади выбрались изъ опушки, фыркая и ёжась; — и, подпрыгивая и постукивая узкими старыми колесами, покатилась телѣга по дорогѣ. Неждановъ придерживалъ одной рукой станъ Маріанны: она приподняла платокъ своими холодными пальцами—и, обернувшись къ нему лицомъ и улыбаясь, промолвила:

— Какъ славно свѣжо, Алёша!

— Да—отвѣчалъ мужичокъ,—роса будетъ сильная!

Такъ была уже сильна роса, что втулки телѣжныхъ колесъ, цѣпляясь за верхушки высокихъ придорожныхъ былинокъ, сбивали съ нихъ цѣлыя гроздья тончайшихъ водяныхъ брызгъ—и зелень травы казалась сизо-сѣрой.

Маріанна опять пожалась отъ холода.

— Свѣжó, свѣжó,—повторила она веселымъ голосомъ.—И воля, Алёша, воля!

XXVII.

Соломинъ выскочилъ къ воротамъ фабрики, какъ только прибѣжали ему сказать, что какой-то господинъ съ госпожей пріѣхали въ телѣжкѣ и спрашиваютъ его. — Не поздоровавшись съ своими гостями, а только кивнувъ имъ нѣсколько разъ головою, онъ тотчасъ приказалъ мужичку-кучеру въѣзжать на дворъ — и, направивъ его прямо къ своему флигельку, ссадилъ съ телѣги Маріанну. Неждановъ спрыгнулъ вслѣдъ за нею. Соломинъ повелъ обоихъ черезъ длинный и темный корридорчикъ — да по узенькой кривой лѣсенкѣ—въ заднюю часть флигелька—во второй этажъ. Тамъ онъ отворилъ низенькую дверь — и всѣ трое вошли въ небольшую, довольно опрятную комнатку съ двумя окнами.

— Добро пожаловать!—проговорилъ Соломинъ съ своей завсегдашней улыбкой, которая на этотъ разъ казалась и шире и свѣтлѣе обыкновеннаго.

— Вотъ вамъ квартира. — *Эта* комната — да вотъ рядомъ еще другая. — Неказисто, да ничего: жить можно. И глазѣть здѣсь на васъ будетъ некому. Тутъ подъ окнами у васъ—по

увѣренію хозяина — цвѣтникъ — а по моему огородъ; упирается онъ въ стѣну — а направо да налѣво заборы. — Тихое мѣстечко!—Ну, здравствуйте вторично, милая барышня,—и вы, Неждановъ, здравствуйте!

Онъ пожалъ имъ обоимъ руки. — Они стояли неподвижно, не раздѣваясь — и съ молчаливымъ, полу-изумленнымъ, полу-радостнымъ волненіемъ глядѣли оба прямо передъ собою.

— Ну, что-жъ вы?—началъ опять Соломинъ.—Разоблачайтесь!—Какія съ вами есть вещи?

Маріанна показала узелокъ, который она все еще держала въ рукѣ.

— У меня вотъ только это.

— А у меня сакъ-вояжъ и мѣшокъ въ телѣгѣ остались.— Да вотъ я сейчасъ...

— Оставайтесь, оставайтесь. — Соломинъ отворилъ дверь.— Павелъ!—крикнулъ онъ въ темноту лѣсенки—сбѣгай, братъ... Тамъ вещи въ телѣгѣ... принеси.

— Сейчасъ! — послышался голосъ вездѣсущаго.

Соломинъ обратился къ Маріаннѣ, которая сбросила съ себя платокъ и начала разстегивать мантилью.

— И все удалось благополучно? — спросилъ онъ.

— Все... никто насъ не увидѣлъ.—Я оставила письмо г-ну Сипягину. — Я, Василій Ѳедотычъ, отъ того не взяла съ собою ни платьевъ, ни бѣлья, что такъ какъ вы насъ посылать будете... (Маріанна почему-то не рѣшилась прибавить: въ народъ)—вѣдь все равно: тó бы не годилось. А деньги у меня есть, чтобы купить, чтó будетъ нужно.

— Все это мы устроимъ впослѣдствіи... а вотъ, промолвилъ Соломинъ, указывая на входившаго съ Неждановскими вещами Павла—рекомендую вамъ моего лучшаго здѣшняго друга: на него вы можете положиться вполнѣ... какъ на самого меня.— Ты Татьянѣ на счетъ самовара сказалъ? — прибавилъ онъ вполголоса.

— Сейчасъ будетъ, отвѣтилъ Павелъ; и сливки — и всё.

— Татьяна—это его жена,—продолжалъ Соломинъ—и такая же неизмѣнная, какъ онъ. — Пока вы сами... ну, тамъ привыкнете, что ли — она вамъ, моя барышня, прислуживать будетъ.

Маріанна бросила свою мантилью на стоявшій въ уголку кожанный диванчикъ. — Зовите меня Маріанной, Василій Ѳедотычъ—я не хочу быть барышней! И прислужницы мнѣ не надо... Я не для того ушла — оттуда, чтобы имѣть прислужницъ. Не

глядите на мое платье; у меня — тамъ — другого не было. Это все надо будетъ перемѣнить.

Платье это, изъ коричневаго драдедаму, было очень просто; но, сшитое петербургской портнихой, оно красиво прилегало къ стану и къ плечамъ Маріанны — и вообще имѣло видъ модный.

— Ну, не прислужница — такъ помощница, по-американски. — А чаю вы все-таки напейтесь. Теперь еще рано — да и вы оба, должно быть, устали. Я теперь отправляюсь по-фабричнымъ дѣламъ; — позднѣе мы опять увидимся. — Чтó нужно будетъ — скажите Павлу или Татьянѣ.

Маріанна быстро протянула ему обѣ руки.

— Чѣмъ намъ отблагодарить васъ, Василій Ѳедотычъ?—Она съ умиленіемъ глядѣла на него.

Соломинъ тихонько погладилъ ей одну руку.—Я бы сказалъ вамъ: не стóитъ благодарности... да это будетъ неправда. Лучше же я скажу вамъ, что ваша благодарность мнѣ доставляетъ великое удовольствіе. — Вотъ мы и квиты. До свиданья! Павелъ, пойдемъ.

Маріанна и Неждановъ остались одни.

Она бросилась къ нему,—и, глядя на него тѣмъ же взглядомъ, какъ на Соломина — только еще радостнѣе, еще умиленнѣй и свѣтлѣй: — О, мой другъ! проговорила она... Мы начинаемъ новую жизнь... Наконецъ! наконецъ!—Ты не повѣришь, какъ эта бѣдная квартирка, въ которой намъ суждено прожить всего нѣсколько дней, мнѣ кажется любезна и мила въ сравненіи съ тѣми ненавистными палатами! Скажи — ты радъ?

Неждановъ взялъ ея руки и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Я счастливъ, Маріанна, тѣмъ, что я начинаю эту новую жизнь съ тобою вмѣстѣ! — Ты будешь моей путеводной звѣздой, моей поддержкой, моимъ мужествомъ...

— Милый Алёша! Но постой — надо немножко почиститься и туалетъ свой привести въ порядóкъ.—Я пойду въ свою комнату... а ты — останься здѣсь. — Я сію минуту...

Маріанна вышла въ другую комнату, заперлась—и, минуту спустя, отворивъ до половины дверь, высунула голову и проговорила: А какой Соломинъ славный! — Потомъ она опять заперлась — и послышался щолкъ ключа.

Неждановъ подошелъ къ окну, посмотрѣлъ на садикъ... одна старая, престарая яблонь почему-то привлекла его особое вниманіе. — Онъ встряхнулся, потянулся — раскрылъ свой сакъ-вояжъ — и ничего оттуда не вынулъ; онъ задумался...

Черезъ четверть-часа вернулась и Маріанна съ оживленнымъ,

свѣже-вымытымъ лицомъ, вся веселая и подвижная; а нѣсколько мгновеній спустя, появилась Павлова жена, Татьяна, съ самоваромъ, чайнымъ приборомъ, булками, сливками.

Въ противоположность своему цыганообразному мужу — это была настоящая русская женщина, дородная, русая, простоволосая, съ широкой косой, туго завернутой около рогового гребня, съ крупными, но пріятными чертами лица, съ очень добрыми сѣрыми глазами. Одѣта она была въ опрятное, хоть и полинялое ситцевое платье; — руки у ней были чистыя и красивыя, хоть и большія. Она спокойно поклонилась, произнесла твердымъ отчетливымъ выговоромъ, безо всякой пѣвучести: «Здравы будете» — и принялась устанавливать самоваръ, чашки и т. д.

Маріанна подошла къ ней.

— Позвольте, Татьяна, я помогу вамъ. — Дайте мнѣ хоть салфетку.

— Ничего, барышня, мы къ этому пріобыкли. — Мнѣ Василій Ѳедотычъ сказывалъ. Коли чтó потребуется, извольте приказать, мы со всѣмъ нашимъ удовольствіемъ.

— Татьяна, не зовите меня, пожалуйста, барышней... Одѣта я по-барски, — а впрочемъ я... я совсѣмъ...

Пристальный взглядъ Татьяниныхъ зоркихъ глазъ смутилъ Маріанну; — она умолкла.

— А кто же вы такая будете? — спросила Татьяна своимъ ровнымъ голосомъ.

— Коли вы хотите... я, точно... я изъ дворянокъ; только я хочу все это бросить — и сдѣлаться какъ всѣ... какъ всѣ простыя женщины.

— А, вотъ чтó! Ну, теперь знаю. Вы, стало, изъ тѣхъ, чтó опрóститься хотятъ. — Ихъ теперь довольно бываетъ.

— Кáкъ вы сказали, Татьяна? Опрóститься?

— Да... такое у насъ теперь слово пошло. Съ простымъ народомъ, значитъ, за-одно быть. Опрóститься.—Что-жъ? Это дѣло хорошее — народъ поучить уму-разуму. — Только трудное это дѣло! Ой, тру-удное! — Дай Богъ часъ!

— Опрóститься! — повторяла Маріанна.—Слышишь, Алёша, мы съ тобой теперь опростѣлые!

Неждановъ засмѣялся и тоже повторилъ:

— Опрóститься! Опростѣлые!

— А чтó это у васъ, муженёкъ будетъ — али братъ? спросила Татьяна, осторожно перемывая чашки своими большими, ловкими руками и съ ласковой усмѣшкой поглядывая то на Нежданова, то на Маріанну.

— Нѣтъ,—отвѣчала Маріанна, — онъ мнѣ не мужъ — и не братъ.

Татьяна приподняла голову.

— Стало, такъ, по вольной милости живете? — Теперь и это — тоже часто бываетъ. — Допрежь больше у раскольниковъ водилось, — а нонѣ и у прочихъ людей. — Лишь бы Богъ благословилъ — да жилось бы ладно! — А то попъ и не нуженъ. На фабрикѣ у насъ тоже такіе есть. Не изъ худшихъ ребятъ.

— Какія у васъ хорошія слова, Татьяна!.. «По вольной милости»... Очень это мнѣ нравится.—Вотъ что, Татьяна, я о чемъ васъ просить буду. — Мнѣ нужно себѣ платье сшить или купить, такое вотъ, какъ ваше, или еще попроще.—И башмаки, и чулки, и косынка—все, чтобы было какъ у васъ.—Деньги у меня на это есть.

— Что же, барышня, это все можно... Ну, не буду, не извольте гнѣваться. — Не буду васъ барышней называть. Только какъ мнѣ васъ звать-то?

— Маріанной.

— А по отчеству какъ васъ величаютъ?

— Да на чтó вамъ мое отчество? Зовите меня просто Маріанной. Зову же я васъ Татьяной.

— И тó—да не тó. Вы ужъ лучше скажите.

— Ну, хорошо. Моего отца звали Викентьемъ.—А вашего какъ?

— А моего—Осипомъ.

— Ну, такъ я буду васъ звать Татьяной Осиповной.

— А я васъ Маріанной Викентьевной. Вотъ оно какъ славно будетъ!

— Чтò бы намъ съ вами чайку выпить, Татьяна Осиповна?

— На первый случай можно, Маріанна Викентьевна. Чашечкой себя побалую. А тó Егорычъ забрóнитъ.

— Кто это: Егорычъ?

— А Павелъ, мужъ мой.

— Садитесь, Татьяна Осиповна.

— И тò сяду, Маріанна Викентьевна.

Татьяна присѣла на стулъ и начала пить чай въ прикуску, безпрестанно поворачивая въ пальцахъ кусочекъ сахару и щурясь глазомъ съ той стороны, съ какой она прикусывала сахаръ. Маріанна вступила съ нею въ разговоръ.—Татьяна отвѣчала не чинясь и сама разспрашивала и разсказывала. На Соломина она чуть не молилась, а мужа своего ставила тотчасъ послѣ Василія Ѳедотыча. Фабричнымъ житьемъ она однако тяготилась.

— Ни тебѣ городъ здѣсь, ни деревня... безъ Василія Ѳедотыча и часу бы я не осталась!

Маріанна слушала ея разсказы внимательно. Усѣвшійся въ сторонкѣ, Неждановъ наблюдалъ за своей подругой, и не удивлялся ея вниманію: для Маріанны это все было вновѣ—а ему казалось, что онъ подобныхъ Татьянъ видѣлъ цѣлыя сотни—и говорилъ съ ними сотни разъ.

— Вотъ что, Татьяна Осиповна,—сказала наконецъ Маріанна:—вы думаете, что мы хотимъ учить народъ; нѣтъ — мы служить ему хотимъ.

— Какъ такъ служить? — Учите его; вотъ вамъ и служба. Я хоть съ себя примѣръ возьму. Я какъ за Егорыча вышла—ни читать, ни писать не умѣла; а теперь вотъ знаю, спасибо Василію Ѳедотычу. Не самъ онъ училъ меня—а заплатилъ одному старичку. Тотъ и выучилъ.—Вѣдь я еще молодая, даромъ что рослая.

Маріанна помолчала.

— Мнѣ, Татьяна Осиповна,—начала она опять,—хотѣлось бы выучиться какому-нибудь ремеслу... да мы еще поговоримъ объ этомъ съ вами.—Шью я плохо: еслибъ я выучилась стряпать—можно бы въ кухарки пойти.

Татьяна задумалась.

— Какъ же такъ въ кухарки?—Кухарки у богатыхъ бываютъ, у купцовъ: а бѣдные сами стряпаютъ.—А на артель готовить, на рабочихъ... Ну, ужъ это совсѣмъ послѣднее дѣло!

— Да мнѣ бы хоть у богатаго жить, а съ бѣдными знаться. А то какъ я съ ними сойдусь? Не все же такой случай выдеть, какъ съ вами.

Татьяна опрокинула пустую чашку на блюдечко.

— Это дѣло мудреное,—промолвила она наконецъ со вздохомъ;—около пальца не обвертишь. Чтó умѣю—покажу—а многому я сама не ученà. Съ Егорычемъ потолковать надо. Вѣдь онъ какой? Книжки всякія читаетъ!—и все можетъ сейчасъ какъ руками развести.—Тутъ она взглянула на Маріанну, которая свертывала папироску... И вотъ еще чтó, Маріанна Викентьевна: извините меня; но коли вы точно опрóститься желаете—такъ это ужъ вамъ придется бросить.—Она указала на папироску.—Потому въ тѣхъ званіяхъ, хоть бы вотъ въ кухаркахъ—этого не полагается;—и васъ сейчасъ всякій признàетъ, что вы есть барышня.—Да.

Маріанна выбросила папироску за окно.

— Я курить не буду... отъ этого легко отвыкнуть.—Простыя женщины не курятъ: стало быть и мнѣ не слѣдъ курить.

— Это вы вѣрно сказали, Маріанна Викентьевна. Мужской полъ этимъ балуетъ и у насъ;—а женскій—нѣтъ. Та́къ-то!... Э! да вотъ и самъ Василій Ѳедотычъ сюда жалуетъ. Его это шаги. Вы его спросите: онъ вамъ сейчасъ все опредѣлитъ — лучшимъ манеромъ.

И точно: за дверью раздался голосъ Соломина.

— Можно войти?

— Войдите, войдите,—закричала Маріанна.

— Это у меня англійская привычка,—сказалъ, входя, Соломинъ. Ну, каково́ вы себя чувствуете? Не заскучали еще пока?—Я вижу, вы здѣсь чайничаете съ Татьяной.—Вы слушайте ее: она разумница... А ко мнѣ сегодня мой хозяинъ пріѣзжаетъ... вотъ не кстати! И обѣдать остается. — Что дѣлать! На то́ онъ хозяинъ.

— Что́ за человѣкъ?—спросилъ Неждановъ, выходя изъ своего уголка.

— Ничего... Тряпки не сосетъ. Изъ новыхъ. Вѣжливъ очень—и рукавчики носитъ—а глазъ всюду запускаетъ, не хуже стараго. Самъ шкурку деретъ—а самъ приговариваетъ: «Повернитесь-ка на этотъ бочокъ, сдѣлайте одолженіе;—тутъ есть еще живое мѣстечко... Надо его пообчистить!»—Ну, да со мной онъ шелковый; я ему нуженъ! Только я пришелъ вамъ сказать, что ужъ сегодня врядъ ли удастся намъ свидѣться. — Обѣдъ вамъ принесутъ. А на дворъ не показывайтесь. Какъ вы думаете, Маріанна, Сипягины будутъ васъ отыскивать, за вами гнаться?

— Я думаю, что нѣтъ,—отвѣтила Маріанна.

— А я такъ увѣренъ, что да—сказалъ Неждановъ.

— Ну, все равно—продолжалъ Соломинъ:—надо быть осторожнымъ—на первыхъ порахъ. Потомъ обойдется.

— Да; только вотъ что́, — замѣтилъ Неждановъ:—о моемъ мѣстопребываніи долженъ знать Маркеловъ;—надо его извѣстить.

— Зачѣмъ?

— Нельзя иначе; для нашего дѣла.—Онъ долженъ всегда знать, гдѣ я. Слово дано. Да онъ не проболтаетъ!

— Ну, хорошо. Пошлёмъ Павла.

— А платье мнѣ будетъ готово?—спросилъ Неждановъ.

— То-есть, костюмъ?—какъ-же... какъ-же.—Тотъ же маскарадъ. Спасибо—не дорого. Прощайте, отдохните.—Татьяна, пойдемъ.

Маріанна и Неждановъ опять остались одни.

XXVIII.

Сперва они опять крѣпко пожали другъ другу руки;—потомъ Маріанна воскликнула: «Постой! я помогу тебѣ убрать твою комнату»—и начала выкладывать его вещи изъ сакъ-вояжа и мѣшка. Неждановъ хотѣлъ-было помочь ей; но она объявила, что сдѣлаетъ все одна.—«Потому что надо привыкать служить». И дѣйствительно: сама развѣсила платье на гвоздики, которые нашла въ ящикѣ стола и вбила собственноручно въ стѣну оборотной стороною щётки, за неимѣньемъ молотка; уложила бѣлье въ старенькій комодецъ, находившійся между оконъ.

— Что это?—спросила она вдругъ:—револьверъ? Онъ заряженъ? На чтó онъ тебѣ?

— Онъ не заряженъ... а впрочемъ, дай его сюда. Ты спрашиваешь: на чтó? Какъ же безъ револьвера въ нашемъ-то званіи?

Она засмѣялась и продолжала свою работу, встряхивая каждую отдѣльную вещь, и хлопая по ней ладонью; поставила даже двѣ пары сапогъ подъ диванъ;—а нѣсколько книгъ, пачку бумагъ и знаменитую тетрадку со стихами расположила торжественно на трехногомъ, угловомъ столѣ, назвавъ его письменнымъ и рабочимъ въ противность другому, круглому, который назвала обѣденнымъ и чайнымъ. Потомъ, взявъ стихотворную тетрадь въ обѣ руки, приподнявъ ее въ уровень своего лица— и глядя черезъ ея край на Нежданова, она съ улыбкой промолвила:

— Вѣдь мы все это перечтёмъ вмѣстѣ, въ свободное отъ занятій время!—А?

— Дай мнѣ эту тетрадь! я ее сожгу!—воскликнулъ Неждановъ —Она другого не стóитъ!

— Зачѣмъ же ты ее взялъ съ собою, коли такъ?—Нѣтъ, нѣтъ, я тебѣ ея не дамъ на сожженіе. А впрочемъ, говорятъ, сочинители только грозятся—и никогда своихъ вещей не жгутъ. Но я все-таки лучше унесу ее къ себѣ!

Неждановъ хотѣлъ протестовать—но Маріанна выскочила въ сосѣднюю комнату съ тетрадью — и вернулась безъ нея.

Она подсѣла къ Нежданову—и тотчасъ же встала.—Ты у меня еще не былъ... въ моей комнатѣ. Хочешь посмотрѣть?— Она не хуже твоей. Пойдемъ—я тебѣ покажу.

Неждановъ тоже всталъ—и послѣдовалъ за Маріанной.— Комнатка *ея*, какъ она выражалась, была немного меньше *его* комнаты; но мебель въ ней была какъ будто почище и поновѣе;

на окнѣ стояла хрустальная вазочка съ цвѣтами—а въ углу желѣзная кроватка.

— Видишь, какой онъ милый, Соломинъ,—воскликнула Маріанна;—только не надо себя слишкомъ нѣжить: такія квартиры намъ не часто попадаться будутъ. — А вотъ, чтó я думаю; вотъ было бы хорошо: такъ устроиться, чтобы намъ обоимъ, не разставаясь, на какое-нибудь мѣсто поступить!—Трудно это будетъ,—прибавила она, погодя немного;—ну, тамъ подумаемъ. Вѣдь все равно: въ Петербургъ ты не вернешься?

— Что мнѣ въ Петербургѣ дѣлать?—Въ университетъ ходить—да уроки давать? Это ужъ никуда не годится.

— Вотъ чтó Соломинъ скажетъ,—промолвила Маріанна:—онъ лучше рѣшитъ, кáкъ и чтó.

Они вернулись въ первую комнату и опять сѣли другъ подлѣ друга. Похвалили Соломина, Татьяну, Павла; упомянули о Сипягинѣ, о томъ, какъ прежняя жизнь вдругъ такъ далеко отъ нихъ ушла, словно туманомъ покрылась; потомъ опять пожали другъ другу руки—обмѣнялись радостными взглядами; потомъ поговорили о томъ, въ какіе слой должно стараться проникать и какъ имъ надо будетъ держаться, чтобы ихъ не подозрѣвали.

Неждановъ увѣрялъ, что чѣмъ меньше объ этомъ думать, чѣмъ проще себя держать—тѣмъ лучше.

— Конечно!—воскликнула Маріанна.—Вѣдь мы хотимъ опрóститься, какъ говоритъ Татьяна.

— Я не въ этомъ смыслѣ,—началъ-было Неждановъ.—Я хотѣлъ сказать, что не надо принуждать себя...

Маріанна вдругъ засмѣялась.

— Я вспомнила, Алёша, какъ это я насъ обоихъ назвала: опростѣлые!

Неждановъ тоже посмѣялся, повторилъ: «опростѣлые»... а потомъ задумался.

И Маріанна задумалась.

— Алёша!—промолвила она.

— Чтó?

— Мнѣ кажется, намъ обоимъ немного неловко.—Молодые—des nouveaux mariés—пояснила она—въ первый день своего брачнаго путешествія должны чувствовать нѣчто подобное.—Они счастливы... имъ очень хорошо—и немножко неловко.

Неждановъ улыбнулся—принужденной улыбкой.

— Ты очень хорошо знаешь, Маріанна, что мы не молодые—въ твоемъ смыслѣ.

Маріанна поднялась съ своего мѣста и стала прямо передъ Неждановымъ.

— Это отъ тебя зависитъ.

— Какъ?

— Алёша, ты знаешь, что когда ты мнѣ скажешь, какъ честный человѣкъ—а я тебѣ вѣрю, потому что ты точно честный человѣкъ; — когда ты мнѣ скажешь, что ты меня любишь той любовью... ну, той любовью, которая даетъ право на жизнь другого—когда ты мнѣ это скажешь—я твоя.

Неждановъ покраснѣлъ и отвернулся немного.

— Когда я тебѣ это скажу...

— Да, тогда! Но вѣдь ты самъ видишь, ты мнѣ теперь этого не говоришь... О, да, Алёша, ты, точно, честный человѣкъ. Ну, и давай толковать о вещахъ болѣе серьёзныхъ.

— Но вѣдь я люблю тебя, Маріанна!

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь... и буду ждать. Постой, я еще не совсѣмъ привела въ порядокъ твой письменный столъ. Вотъ тутъ что-то завернуто, что-то жесткое...

Неждановъ рванулся со стула...

— Оставь это, Маріанна... Это... пожалуйста, оставь.

Маріанна повернула къ нему голову черезъ плечо—и съ изумленіемъ приподняла брови.

— Это—тайна? Секретъ? У тебя есть секретъ?

— Да... да,—промолвилъ Неждановъ,—и, весь смущенный, прибавилъ—въ видѣ объясненія:—это... портретъ.

Слово это вырвалось у него невольно. Въ бумажкѣ, которую Маріанна держала въ рукахъ, былъ, дѣйствительно, завернутъ ея портретъ, данный Нежданову Маркеловымъ.

— Портретъ?—произнесла она протяжнымъ голосомъ...—Женскій?

Она подала ему пакетецъ; но онъ неловко его взялъ; онъ чуть не выскользнулъ у него изъ рукъ, и раскрылся.

— Да это... мой портретъ!—воскликнула Маріанна съ живостью...—Ну—свой-то портретъ я имѣю право взять.—Она выхватила его у Нежданова.

— Это—ты нарисовалъ?

— Нѣтъ... не я.

— Кто же? Маркеловъ?

— Ты угадала... Онъ.

— Какимъ же образомъ онъ у тебя?

— Онъ мнѣ подарилъ его.

— Когда?

Неждановъ разсказалъ, когда и кàкъ. Пока онъ говорилъ, Маріанна взглядывала то̀ на него, то на портретъ... и у обоихъ, у Нежданова и у ней, мелькнула одна и та же мысль въ головѣ. «Если бы *онъ* былъ въ этой комнатѣ, *онъ* бы имѣлъ право потребовать»... Но ни Маріанна, ни Неждановъ не высказали громко своей мысли... быть можетъ потому, что каждый изъ нихъ почувствовалъ ее въ другомъ.

Маріанна тихонько̀ завернула портретъ въ бумажку—и положила ее на столъ.

— Добрый человѣкъ!—прошептала она... Гдѣ-то онъ теперь?

— Какъ гдѣ?...—Дома; у себя. Я завтра или послѣ-завтра пойду къ нему за книжками, за брошюрами. Онъ хотѣлъ мнѣ дать—да видно забылъ при отъѣздѣ.

— И ты, Алёша, того мнѣнія, что, отдавая тебѣ этотъ портретъ, онъ уже ото всего отказывался... рѣшительно ото всего?

— Мнѣ такъ показалось.

— И ты надѣешься его найти дома?

— Конечно.

— А!—Маріанна опустила глаза—уронила руки.—А вотъ, намъ обѣдъ Татьяна несетъ, — вскрикнула она вдругъ. — Какая она славная женщина!

Татьяна явилась съ приборами, салфетками, судками.—Пока она накрывала на столъ, она разсказывала о томъ, что̀ происходило на фабрикѣ.

— Хозяинъ пріѣхалъ изъ Москвы по чугункѣ—и пошелъ бѣгать по всѣмъ этажамъ, какъ оглашенный; да вѣдь онъ ничего, какъ есть, не смыслитъ; а только такъ для виду дѣйствуетъ, для примѣру.—А Василій Ѳедотычъ съ нимъ какъ съ малымъ младенцемъ;—а хозяинъ хотѣлъ какую-то противность учинить:—такъ его Василій Ѳедотычъ сейчасъ отчеканилъ; брошу, говоритъ, сейчасъ все: тотъ сейчасъ хвостъ и поджалъ.—Теперь вмѣстѣ кушаютъ; а хозяинъ съ собой кумпаньона привезъ... Такъ тотъ только всему удивляется. А денежный, должно быть, человѣкъ, этотъ кумпаньонъ, потому все больше молчитъ да головой потряхиваетъ. А самъ толстый, претолстый!—Тузъ московскій! Недаромъ пословица такая слыветъ, что—Москва у всей Россіи подъ горою: все въ нее катится.

— Какъ вы все примѣчаете!—воскликнула Маріанна.

— Я и то замѣтливая, — возразила Татьяна.—Вотъ, готовъ вамъ обѣдъ. Кушайте на здоровье. А я тутъ малость посижу, на васъ погляжу.

Маріанна и Неждановъ принялись ѣсть; Татьяна приткорнула на подоконникъ и подперла щеку рукою.

— Погляжу я на васъ, — повторила она...—и какіе же вы оба молоденькіе да кволенькіе... Такъ пріятно на васъ глядѣть, что даже печально! Эхъ, голубчики мои! Берете вы на себя тяготу́ не въ моготу́! Такихъ-то, какъ васъ, пристава́ царскіе—охочи́ въ куролеску сажать!

— Ничего, тётушка, не пугайте насъ, — замѣтилъ Неждановъ. — Вы знаете поговорку: «Назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ».

— Знаю... знаю; да кузовья́-то пошли нонѣ тѣсные да невылазные!...

— Есть у васъ дѣти? — спросила Маріанна, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Есть; сынокъ. Въ школу ходить началъ. Была и дочка; да не стало ея, сердешной! Несчастье съ ней приключилось: попала подъ колесо. И хоть бы разомъ ее убило! А то—мучилась долго. Съ тѣхъ поръ я жалостливая стала; а прежде—что́ жимолость—что́ я.—Какъ есть дерево!

— Ну, а какъ же вы Павла Егорыча-то вашего—развѣ не любили?

— Э! То́ особъ-статья; то́—дѣло дѣвичье. Вѣдь вотъ и вы—вашего-то любите? Аль нѣтъ?

— Люблю.

— Очено любите?

— Очень.

— Чтой-то...—Татьяна посмотрѣла на Нежданова, на Маріанну—и ничего не прибавила.

Маріаннѣ опять пришлось перемѣнить разговоръ. Она объявила Татьянѣ, что бросила табакъ курить; та ее похвалила.—Потомъ Маріанна вторично попросила ее на счетъ платья; напомнила ей, что она обѣщалась показать, ка́къ стряпаютъ...

— Да вотъ еще что́! Нельзя ли мнѣ достать толстыхъ суровыхъ нитокъ? Я буду чулки вязать... простые.

Татьяна отвѣчала, что все будетъ исполнено, какъ слѣдуетъ—и, убравъ со стола, вышла изъ комнаты своей твердой, спокойной походкой.

— Ну, а мы что́ будемъ дѣлать?—обратилась Маріанна къ Нежданову;—и не давши ему отвѣтить:—Хочешь? такъ какъ только завтра начнется настоящее дѣло, посвятимъ нынѣшній вечеръ литературѣ.—Перечтемъ твои стихи! Я судья буду строгій.

Неждановъ долго не соглашался... Однако кончилъ тѣмъ, что

уступилъ—и сталъ читать изъ тетрадки. Маріанна сѣла близко возлѣ него—и глядѣла ему въ лицо, пока онъ читалъ. — Она сказала правду: судьей она оказалась строгимъ. Немногія стихотворенія ей понравились: она предпочитала чисто-лирическія, короткія, и, какъ она выражалась—не нравоучительныя. Читалъ Неждановъ не совсѣмъ хорошо: не рѣшался декламировать—и не хотѣлъ впадать въ сухой тонъ; выходило:—ни рыба, ни мясо. Маріанна вдругъ перервала его вопросомъ: знаетъ ли онъ удивительное стихотвореніе Добролюбова, которое начинается такъ: «Пускай умру—печали мало» * и тутъ же прочла его—тоже не совсѣмъ хорошо—какъ-то немножко по-дѣтски.

Неждановъ замѣтилъ, что оно горько и горестно до-нѣльзя— и потомъ прибавилъ, что онъ, Неждановъ, не могъ бы написать это стихотвореніе уже потому, что ему нѣчего бояться слезъ надъ своей могилой... ихъ не будетъ.

— Будетъ, если я тебя переживу—произнесла медлительно Маріанна—и, поднявши глаза къ потолку да помолчавъ немного, вполголоса, какъ-бы говоря съ самой собою, спросила:

— Какъ же это онъ съ меня портретъ нарисовалъ? По памяти?

Неждановъ быстро обернулся къ ней...

— Да; по памяти.

Маріанна удивилась, что онъ отвѣчалъ ей. Ей казалось, что она этотъ вопросъ только подумала.

— Это удивительно...—продолжала она тѣмъ же голосомъ.

---

* Пускай умру—печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной:
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я.

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Соч. Д-ва Т. IV, стр. 615.

Вѣдь у него и таланта къ живописи нѣтъ.—Что я хотѣла сказать... прибавила она громко;—да! на счетъ стиховъ Добролюбова.— Надо такіе стихи писать, какъ Пушкинъ—или вотъ такіе, какъ эти Добролюбовскіе:—это не поэзія... но что-то не хуже ея.

— А такіе, какъ мои,—спросилъ Неждановъ,—вовсе не слѣдуетъ писать?—Не правда ли?

— Такіе стихи, какъ твои—нравятся друзьямъ, не потому, что они очень хороши—но потому, что *ты* хорошій человѣкъ— и они на тебя похожи.

Неждановъ усмѣхнулся.

— Похоронила же ты ихъ—да и меня кстати!

Маріанна ударила его по рукѣ и назвала злымъ... Скоро потомъ она объявила, что она устала—и пойдетъ спать.

— Кстати, ты знаешь,—прибавила она, встряхнувъ своими короткими, но густыми кудрями,—у меня 137 рублей—а у тебя?

— 98.

— О! да мы богаты... для опростѣлыхъ.—Ну—до завтра!

Она ушла; но черезъ нѣсколько мгновеній ея дверь чуть-чуть отворилась — и изъ-за узкой щели послышалось сперва: Прощай?—потомъ, болѣе тихо: Прощай!—И ключъ щёлкнулъ въ замкѣ.

Неждановъ опустился на диванъ и закрылъ глаза рукою... Потомъ онъ быстро всталъ, подошелъ къ двери — и постучался.

— Чего тебѣ?—раздалось оттуда.

— Не *до* завтра—Маріанна... а—завтра!

— Завтра,—отозвался тихій голосъ.

XXIX.

На другой день по-утру рано Неждановъ постучался опять въ дверь къ Маріаннѣ.

— Это я, — отвѣчалъ онъ на ея вопросъ: кто тамъ? — Можешь ты ко мнѣ выдти?

— Погоди... сейчасъ.

Она вышла — и ахнула. Въ первую минуту она его не узнала. На немъ былъ истасканный, желтоватый нанковый кафтанъ съ крошечными пуговками и высокой тальей; волосы онъ причесалъ по-русски—съ прямымъ проборомъ; шею повязалъ синимъ платочкомъ; въ рукѣ держалъ картузъ съ изломаннымъ козырькомъ; на ногахъ у него были нечищенные, выростковые сапоги.

— Господи!—воскликнула Маріанна;—какой ты... некрасивый!

и тутъ же быстро обняла его—и еще быстрѣй поцѣловала.—Да зачѣмъ же ты *такъ* одѣлся? Ты смотришь какимъ-то плохимъ городскимъ мѣщаниномъ... или разносчикомъ... или отставнымъ дворовымъ. Отчего этотъ кафтанъ — а не поддёвка или просто крестьянскій армякъ?

— То-то и есть,—началъ Неждановъ, который въ своемъ костюмѣ дѣйствительно смахивалъ на мелкаго прáсола изъ мѣщанъ — и самъ это чувствовалъ и въ душѣ досадовалъ и смущался; — онъ до того смущался, что все потрогивалъ себя по груди растопыренными пальцами обѣихъ рукъ, словно обчищался...—Въ поддёвкѣ или въ армякѣ меня бы сейчасъ узнали, по увѣренію Павла;—а эта одёжа—по его словамъ... словно я другой отъ роду и не нàшивалъ! Чтó не очень лестно для моего самолюбія, замѣчу въ скобкахъ.

— Развѣ ты хочешь сейчасъ идти... начинать?—съ живостью спросила Маріанна.

— Да; я попытаюсь, хотя... по настоящему...

— Счастливецъ!—перебила Маріанна.

— Этотъ Павелъ какой-то удивительный,—продолжалъ Неждановъ:—все-то онъ знаетъ, такъ тебя глазами насквозь и нижетъ; а тó вдругъ такое скорчитъ лицо, словно онъ ото всего въ сторонѣ—и ни во чтó не мѣшается!—Самъ услуживаетъ—а самъ все подсмѣивается.—Книжки мнѣ принесъ отъ Маркелова; онъ и его знаетъ, и Сергѣемъ Михайловичемъ величаетъ. А за Соломина и въ огонь и въ воду готовъ.

— И Татьяна тоже—промолвила Маріанна.—Отчего-это ему люди такъ преданы?

Неждановъ не отвѣчалъ.

— Какія книжки принесъ тебѣ Павелъ?—спросила Маріанна.

— Да... обыкновенныя. — «Сказка о четырехъ братьяхъ»... Ну, еще тамъ... обыкновенныя, извѣстныя. — Впрочемъ — эти лучше.

Маріанна тоскливо оглянулась.

— Но что-жъ это Татьяна? Обѣщала, что придетъ ранёхонько...

— А вотъ она и я,—проговорила Татьяна, входя въ комнату съ узелкомъ въ рукѣ.—Она стояла за дверью—и слышала восклицаніе Маріанны.

— Успѣете еще... вотъ нéвидаль!

Маріанна такъ и бросилась ей на встрѣчу.

— Принесли?

Татьяна ударила рукой по узелку.

— Все тутъ... въ полномъ суставѣ... Стóитъ только примѣрить... да и ступай щеголять — народъ удивлять!

— Ахъ, пойдемте, пойдемте, Татьяна Осиповна, милая...

Маріанна увлекла ее въ свою комнату.

Оставшись одинъ, Неждановъ прошелся раза два взадъ и впередъ какой-то особенной, шмыгающей походкой... (Онъ почему-то воображалъ, что мѣщане именно такъ ходятъ) — понюхалъ осторожно свой собственный рукавъ, внутренность фуражки — и поморщился; посмотрѣлъ на себя въ маленькое зеркальце, прикрѣпленное на стѣнѣ возлѣ окна и помоталъ головою: очень ужъ онъ былъ неказистъ! — («А впрочемъ, тѣмъ лучше», подумалъ онъ). Потомъ онъ досталъ нѣсколько брошюръ, запихнулъ ихъ себѣ въ задній карманъ — и произнесъ вполголоса: «штошъ... робята... іефто... ничаво... потому-шта»... — «Кажется, похоже», подумалъ онъ опять; «да и что за актерство! за меня мой нарядъ отвѣчаетъ». И вспомнилъ тутъ Неждановъ одного ссыльнаго нѣмца, которому нужно было бѣжать черезо всю Россію — а онъ и по-русски плохо говорилъ; но благодаря купеческой шапкѣ съ кошачьимъ околышемъ, которую онъ купилъ себѣ въ одномъ уѣздномъ городѣ — его всюду принимали за купца — и онъ благополучно пробрался за границу.

Въ это мгновенье вошелъ Соломинъ.

— Ага! — воскликнулъ онъ; — окопировался! — Извини, братъ: въ этомъ нарядѣ нельзя же тебѣ: «вы» говорить.

— Да сдѣлайте... сдѣлай одолженіе... я и тó хотѣлъ тебя просить.

— Только рано ужъ больно; а то развѣ вотъ что: пріобыкнуть желаешь. — Ну, тогда — ничего. Все-таки подождать нужно: хозяинъ еще не уѣхалъ. Спитъ.

— Я попозже выду, — отвѣчалъ Неждановъ, похожу по окрестностямъ — пока получится какое распоряженіе.

— Резóнъ! Только вотъ чтó: братъ Алексѣй... вѣдь тáкъ я говорю: Алексѣй?

— Алексѣй. — Если хочешь: Ликсѣй, — прибавилъ, смѣясь, Неждановъ.

— Нѣтъ; зачѣмъ пересаливать. — Слушай: уговоръ лучше денегъ. — Книжки, я вижу — у тебя есть; раздавай ихъ кому хочешь, — только въ фабрикѣ — ни-ни́!

— Отчего же?

— Оттого, во-первыхъ, что оно для тебя же опасно; — во-вторыхъ, я хозяину поручился, что этого здѣсь не будетъ: вѣдь фабрика все-таки — его; въ-третьихъ: у насъ кое-что началось —

школы тамъ и прочее... Ну — ты испортить можешь. Дѣйствуй на свой страхъ, какъ знаешь—я не препятствую; а фабричныхъ моихъ не трогай.

— Осторожность никогда не мѣшаетъ... ась? — съ язвительной полуусмѣшкой замѣтилъ Неждановъ.

Соломинъ широко улыбнулся, по-своему.

— Именно, братъ Алексѣй; не мѣшаетъ никогда.—Но кого это я вижу? Гдѣ мы?

Эти послѣднія восклицанія относились къ Маріаннѣ, которая въ ситцевомъ, пёстренькомъ, много разъ мытомъ платьецѣ, съ желтымъ платочкомъ на плечахъ, съ краснымъ на головѣ, появилась на порогѣ своей комнаты.—Татьяна выглядывала изъ-за ея спины и добродушно любовалась ею. Маріанна казалась и свѣжѣй и моложе въ своемъ простенькомъ нарядѣ: онъ присталъ ей гораздо больше, чѣмъ долгополый кафтанъ Нежданову.

— Василій Ѳедотычъ, пожалуйста, не смѣйтесь,—взмолилась Маріанна—и покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ.

— Ай-да парочка!—воскликнула межъ тѣмъ Татьяна—и въ ладоши ударила.—Только ты, мой голубчикъ, паренёкъ, не прогнѣвись: хорошъ ты хорошъ; а противъ моей молодухи—фигурой не вышелъ.

«И въ самомъ дѣлѣ она прелесть»,—подумалъ Неждановъ;—«о! какъ я ее люблю!»

— И глянь-ка,—продолжала Татьяна: —колечками со мной помѣнялась.—Мнѣ дала свое золотое,—а сама взяла мое серебряное.

— Дѣвушки простыя золотыхъ колецъ не носятъ,—промолвила Маріанна.

Татьяна вздохнула.

— Я вамъ его сохраню, голубушка; не бойтесь.

— Ну, сядьте, сядьте оба,—началъ Соломинъ, который все время, наклонивъ нѣсколько голову, глядѣлъ на Маріанну;—въ прежнія времена, вы помните, люди всегда саживались, когда въ путь-дорогу отправлялись. — А вамъ обоимъ дорога предстоитъ длинная и трудная.

Маріанна, все еще красная, сѣла; сѣлъ и Неждановъ; сѣлъ Соломинъ... сѣла наконецъ и Татьяна на «тычкѣ», т.-е. на стоявшее стоймя толстое полѣно.—Соломинъ посмотрѣлъ поочереди на всѣхъ:

— Отойдемъ—да поглядимъ,
Какъ мы хорошо сидимъ...

—промолвилъ онъ, слегка прищурясь—и вдругъ захохоталъ, да

такъ славно, что не только никто не обидѣлся, а, напротивъ, всѣмъ очень стало пріятно.

Но Неждановъ внезапно поднялся.

— Я пойду,—сказалъ онъ,—теперь же; а тó это все очень любезно—только слегка на водевиль съ переодѣваньемъ смахиваетъ.— Не безпокойся,—обратился онъ къ Соломину:—я твоихъ фабричныхъ не трону. Поболтаюсь по окрестностямъ, вернусь,—и тебѣ, Маріанна, разскажу мои похожденія, если только будетъ чтó разсказывать. Дай руку на счастье!

— Чайку бы сперва,—замѣтила Татьяна.

— Нѣтъ, чтó за чайничанье!—Если нужно—я въ трактиръ зайду, или просто въ кабакъ.

Татьяна качнула головой.

— У насъ теперь по большимъ-то по дорогамъ трактировъ этихъ развелось, чтó блохъ въ овечьей шубѣ. Сёла все пространныя— вотъ хоть бы Балмасово....

— Прощайте, до свиданья.... счастливо оставаться!—поправилъ себя Неждановъ, входя въ свою мѣщанскую роль.—Но не успѣлъ онъ приблизиться къ двери, какъ изъ корридора, передъ самымъ его носомъ, вынырнулъ Павелъ—и вручая ему высокій, тонкій посохъ съ вырѣзанной въ видѣ винта, во всю его длину, полосой коры,—промолвилъ:

— Извольте получить, Алексѣй Дмитричъ,—подпирайтесь на ходу,—и чѣмъ вы эту самую палочку дальше отъ себя отставлять будете, тѣмъ пріятнѣе будетъ.

Неждановъ взялъ посохъ молча и удалился; за нимъ и Павелъ.—Татьяна хотѣла-было уйти также; Маріанна приподнялась и остановила ее:

— Погодите, Татьяна Осиповна; мнѣ вы нужны.

— А я сейчасъ вернусь, да съ самоваромъ. Вашъ товарищъ ушелъ безъ чаю; вишь—ужъ очень ему приспичило.... А вамъ-то съ чего себя казнить?—Дальше—виднѣе будетъ.

Татьяна вышла, Соломинъ тоже всталъ. Маріанна стояла къ нему спиной;—и когда она наконецъ обернулась къ нему,—такъ какъ онъ очень долго не промолвилъ ни единаго слова,—то увидѣла на его лицѣ, въ его глазахъ, на нее устремленныхъ, выраженіе, какого она прежде у него не замѣчала: выраженіе вопросительное, безпокойное, почти любопытствующее. — Она смутилась и опять покраснѣла.—А Соломину словно стало совѣстно того, чтó она уловила на его лицѣ — и онъ заговорилъ громче обыкновеннаго:

— Такъ, тáкъ-то, Маріанна... Вотъ вы и начали.

— Какое начало, Василій Ѳедотычъ! — Что это за начало? Мнѣ что-то вдругъ очень неловко становится. Алексѣй правду сказалъ: мы точно какую-то комедію играемъ.

Соломинъ сѣлъ опять на стулъ.

— Да, позвольте, Маріанна.... Какъ же вы себѣ это представляете: *начать?* — Не баррикады же строить со знаменемъ на верху — да: ура! за республику! — Это же и не женское дѣло. — А вотъ вы сегодня какую-нибудь Лукерью чему-нибудь доброму научите; — и трудно вамъ это будетъ, потому что не легко понимаетъ Лукерья, и васъ чуждается, — да еще воображаетъ, что ей совсѣмъ не нужно тò, чему вы ее учить собираетесь; — а недѣли черезъ двѣ или три вы съ другой Лукерьей помучитесь; а пока — ребеночка вы помоете, или азбуку ему покажете, — или больному лекарство дадите.... вотъ вамъ и начало.

— Да вѣдь это сестры милосердія дѣлаютъ, Василій Ѳедотычъ! — Для чего-жъ мнѣ тогда.... все это? — Маріанна указала на себя и вокругъ себя неопредѣленнымъ движеніемъ руки. — Я о другомъ мечтала.

— Вамъ хотѣлось собой пожертвовать?

Глаза у Маріанны заблистали.

— Да... да... да!

— А Неждановъ?

Маріанна пожала плечомъ.

— Чтó Неждановъ! Мы пойдемъ вмѣстѣ... или я пойду одна.

Соломинъ пристально посмотрѣлъ на Маріанну.

— Знаете чтó, Маріанна... Вы извините неприличность выраженія... но по-моему: шелудивому мальчику волосы расчесать — жертва; и большая жертва, на которую не многіе способны.

— Да я и отъ этого не отказываюсь, Василій Ѳедотычъ.

— Я знаю, что не отказываетесь! Да, *вы* на это способны. — И вы будете — пока — дѣлать это; а потомъ, пожалуй — и другое.

— Но для этого надо поучиться у Татьяны!

— И прекрасно... учитесь. — Вы будете чумичкой горшки мыть, щипать куръ... А тамъ, кто знаетъ, можетъ быть, спасете отечество!

— Вы смѣетесь надо мною, Василій Ѳедотычъ.

Соломинъ медленно потрясъ головою.

— О, моя милая Маріанна, повѣрьте: не смѣюсь я надъ вами; и въ моихъ словахъ — простая правда. Вы уже теперь, всѣ вы русскія женщины, дѣльнѣе и выше насъ, мужчинъ.

Маріанна подняла опустившіеся глаза.

— Я бы хотѣла оправдать ваши ожиданія, Соломинъ... а тамъ—хоть умереть!

Соломинъ всталъ.

— Нѣтъ, живите... живите! Это главное.—Кстати, не хотите ли вы узнать, чтó происходитъ теперь въ вашемъ домѣ по поводу вашего бѣгства? — Не принимаютъ ли мѣръ какихъ? Стóитъ только слово шепнуть Павлу: — все развѣдаетъ мигомъ.

Маріанна изумилась.

— Какой онъ у васъ необыкновенный человѣкъ!

— Да... довольно удивительный.—Вотъ, когда васъ нужно будетъ бракомъ сочетать съ Алексѣемъ—онъ тоже это устроитъ съ Зосимой... Помните, я вамъ говорилъ, есть такой попъ... Да вѣдь—пока—еще не нужно? Нѣтъ?

— Нѣтъ.

— А нѣтъ — такъ нѣтъ. — Соломинъ подошелъ къ двери, раздѣлявшей обѣ комнатки—Нежданова и Маріанны—и нагнулся къ замку.

— Чтó вы тамъ смотрите?—спросила Маріанна.

— А запираетъ ли ключъ.

— Запираетъ,—шепнула Маріанна.

Соломинъ обернулся къ ней. — Она не поднимала глазъ.

— Такъ не нужно развѣдывать, какія намѣренія Сипягиныхъ? весело промолвилъ онъ:—не нужно?

Соломинъ хотѣлъ удалиться.

— Василій Өедотычъ...

— Чтó прикажете?

— Скажите пожалуйста, отчего вы, всегда такой молчаливый, такъ разговорчивы со мной? Вы не повѣрите, какъ это меня радуетъ.

— Отчего?—Соломинъ взялъ обѣ ея маленькія, мягкія руки въ свои большія, жосткія.—Отчего?—Ну, да, должно быть, оттого, что я васъ очень люблю. Прощайте.

Онъ вышелъ... Маріанна постояла, поглядѣла ему въ слѣдъ, подумала—и отправилась къ Татьянѣ, которая еще не успѣла принести ей самоваръ — и у которой она — правда — напилась чаю — но такъ же мыла чумичкой горшки и куръ щипала — и даже расчесала какому-то мальчику его вихрястую голову.

Къ обѣденному времени она вернулась на свою квартирку... Ей не пришлось долго дожидаться Нежданова.

Онъ возвратился, усталый, запыленный—и такъ и упалъ на диванъ. Она тотчасъ подсѣла къ нему.—Ну, что? Ну, чтó? Разсказывай!

— Ты помнишь эти два стиха, отвѣчалъ онъ ей слабымъ голосомъ:

„Все это было бы смѣшно—
„Когда бы не было такъ грустно“...

— Помнишь?

— Конечно, помню.

— Ну, вотъ эти самые стихи отлично примѣняются къ моему первому выходу.—Но, нѣтъ! Рѣшительно, смѣшного въ немъ было больше. Во-первыхъ, я убѣдился, что ничего нѣтъ легче, какъ разыгрывать роль: никто и не думалъ подозрѣвать меня.—Только вотъ чего я не сообразилъ: надо сочинить напередъ какую-нибудь исторію... а то спрашиваютъ: откуда? почему?—а у тебя ничего не готово. Впрочемъ, и это почти не нужно. Предложи только шкаликъ водки въ кабакѣ—и ври, что̀ угодно.

— И ты... вралъ? спросила Маріанна.

— Вралъ... какъ умѣлъ. — Во-вторыхъ: всѣ, рѣшительно всѣ люди, съ которыми я разговаривалъ — недовольны; и никому не хочется даже знать, какъ пособить этому недовольству!— Но въ пропагандѣ я оказался — швахъ; двѣ брошюрки просто тайкомъ оставилъ въ горницахъ — одну засунулъ въ телѣгу... Что̀ изъ нихъ выдетъ — Ты единъ, Господи, вѣси! — Четыремъ человѣкамъ предлагалъ брошюры. Одинъ спросилъ — божественная ли эта книга? — и не взялъ; другой сказалъ, что не знаетъ грамотѣ — и взялъ для дѣтей — потому на обложкѣ есть рисунокъ; третій сперва все мнѣ поддакивалъ — «тэ-акъ, тэ-акъ»... потомъ вдругъ выругалъ меня самымъ неожиданнымъ образомъ, и тоже не взялъ; четвертый, наконецъ, взялъ — и много благодарилъ меня; — но, кажется, ни бельмеса не понялъ изо всего того, что̀ я ему говорилъ. Кромѣ того, одна собака укусила мнѣ ногу; одна баба съ порогу своей избы погрозилась мнѣ ухватомъ, прибавивъ: «У! постылый!—Шалопуты вы московскіе!— Погибели на васъ нѣтути!»—Да еще одинъ солдатъ безсрочный все мнѣ въ слѣдъ кричалъ: «Погоди, постой! мы тебя, братъ, распатронимъ!» — А на мои же деньги напился!

— А еще что?

— Еще что?—Я натеръ себѣ мозоль: одинъ сапогъ ужасно великъ. А теперь я голоденъ, — и голова трещитъ отъ водки.

— Да развѣ ты много пилъ?

— Нѣтъ, не много — для примѣру; но былъ въ пяти кабакахъ. — Только я совсѣмъ этой мерзости—водки—не переношу. И какъ это нашъ народъ ее пьетъ — непостижимо! Если нужно пить водку, чтобы опро̀ститься — слуга покорный!

— И такъ-таки никто тебя не заподозрилъ?

— Никто. — Одинъ цѣловальникъ, толстый такой, блѣдный человѣкъ съ бѣлыми глазами, былъ единственный человѣкъ, взглянувшій на меня подозрительно. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ своей женѣ: «Ты наблюдай этого рыжаго... косого» (А я и не зналъ до тѣхъ поръ, что я косъ). «Это—жуликъ. Вишь ты, какъ пьетъ вальяжно». — Чтó въ подобномъ случаѣ значить: «вальяжно» — я не понялъ; но едва ли это похвала. — Въ родѣ Гоголевскаго «моветона», — помнишь, въ «Ревизорѣ». Развѣ тó, что я старался потихоньку расплескивать водку подъ столъ. Охъ, трудно, трудно эстетику соприкасаться съ дѣйствительной жизнью!

— Въ другой разъ будетъ удачнѣе, — утѣшала Нежданова Маріанна:—но я рада, что ты взглянулъ на первую свою попытку съ юмористической точки зрѣнія... Вѣдь, въ сущности, ты не скучалъ?

— Нѣтъ, не скучалъ, даже забавлялся. — Но я знаю навѣрное, что буду теперь обо всемъ этомъ думать—и мнѣ будетъ гадко и грустно.

— Нѣтъ! нѣтъ! я не дамъ тебѣ думать — я буду разсказывать тебѣ, чтó я дѣлала. Сейчасъ намъ принесутъ обѣдъ; кстати, знай, что я отлично... вымыла горшокъ, въ которомъ Татьяна намъ сварила щи. — И я буду тебѣ разсказывать... все, все, за каждымъ кускомъ.

Такъ она и сдѣлала. Неждановъ слушалъ ея разсказы — и глядѣлъ, глядѣлъ на нее... такъ, что она нѣсколько разъ останавливалась, чтобы дать ему сказать, зачѣмъ онъ так на нее глядитъ... Но онъ молчалъ.

Послѣ обѣда она предложила ему читать вслухъ изъ Шпильгагена. Но не успѣла она кончить первую страницу, какъ онъ стремительно всталъ — и, подойдя къ ней, упалъ къ ея ногамъ. Она приподнялась, онъ обхватилъ ея колѣни обѣими руками — и началъ говорить страстныя, безсвязныя, отчаянныя слова! «Онъ хотѣлъ умереть, онъ зналъ, что умретъ скоро»... — Она не шевелилась, не сопротивлялась; спокойно покорялась его порывистому объятію, спокойно, даже ласково глядѣла на него сверху внизъ. Она возложила обѣ руки на его голову, бившуюся въ складкахъ ея одежды. — Но самое это спокойствіе сильнѣе подѣйствовало на нее, чѣмъ если бы она его оттолкнула. Онъ всталъ, промолвилъ: «Прости меня, Маріанна, за сегодняшнее и вчерашнее; повтори мнѣ, что ты готова ждать, пока я стану достойнымъ твоей любви — и прости меня».

— Я дала тебѣ слово... и не умѣю мѣняться.

— Ну, спасибо; прощай.

Неждановъ вышелъ; — Маріанна заперлась въ своей комнатѣ.

XXX.

Двѣ недѣли спустя, на той же самой квартирѣ, вотъ чтó писалъ Неждановъ другу Силину, нагнувшись надъ своимъ трехножнымъ столикомъ, на которомъ скупо и тускло горѣла сальная свѣча. — (Было уже далеко за полночь. На диванѣ, на полу валялась въ-торопяхъ сброшенная, загрязненная одежда; въ стекло оконъ постукивалъ мелкій непрерывный дождь — и широкій теплый вѣтеръ пробѣгалъ большими вздохами по крышѣ).

«Милый Владиміръ, пишу тебѣ не выставляя адресса — и даже это письмо будетъ послано съ нарочнымъ до отдаленной почтовой станціи; потому что мое пребываніе здѣсь — тайна; и выдать ее — значитъ, погубить не одного меня. — Съ тебя довольно будетъ знать, что я живу на большой фабрикѣ, вдвоемъ съ Маріанной, вотъ уже двѣ недѣли. Мы бѣжали отъ Сипягиныхъ въ тотъ самый день, когда я писалъ тебѣ. Насъ здѣсь пріютилъ одинъ пріятель: буду звать его Василіемъ. Онъ здѣсь главное лицо — отличнѣйшій человѣкъ. Пребываніе наше въ этой фабрикѣ — временное. Мы находимся здѣсь, пока наступитъ время дѣйствовать; — хотя, если судить по тому, чтò произошло до сихъ поръ — время это едва ли когда наступитъ! Владиміръ, мнѣ очень, очень тяжело. Прежде всего я долженъ тебѣ сказать, что хотя мы съ Маріанной бѣжали вмѣстѣ — но мы до сихъ поръ — какъ братъ съ сестрою. Она меня любитъ... и сказала мнѣ, что будетъ моею, если... если я почувствую себя въ правѣ потребовать этого отъ нея.

«Владиміръ, я этого права за собой не чувствую! Она вѣритъ мнѣ, моей честности — я ея обманывать не стану. Я знаю, что я никого не любилъ и не полюблю — (это-то ужъ навѣрно!) больше чѣмъ ее. Но все-таки! Кáкъ могу я присоединить навсегда ея судьбу къ моей? Живое существо — къ трупу? — Ну, не къ трупу — къ существу полумертвому? — Гдѣ же будетъ совѣсть? — Ты скажешь: была бы сильная страсть — совѣсть замолчала бы. — Въ томъ-то и дѣло, что я трупъ; честный, благонамѣренный трупъ, коли хочешь. — Пожалуйста, не кричи, что я всегда преувеличиваю... Все, чтò я тебѣ говорю — правда! правда! — Маріанна — натура очень сдержанная — и теперь вся поглощена своей дѣятельностью, въ которую вѣритъ... А я!

«Ну—бросимъ любовь и личное счастье—и все такое.—Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я хожу «въ народъ»—и, ей-же-ей, ничего глупѣй и представить себѣ нельзя. Конечно, вина тутъ моя—а не самаго дѣла. Положимъ, я не славянофилъ; я не изъ тѣхъ, которые *лечатся* народомъ, соприкосновеніемъ съ нимъ; — я не прикладываю его къ своей больной утробѣ, какъ фланелевый набрюшникъ.... я хочу самъ дѣйствовать на него; — но ка́къ?? — Ка̀къ это совершить? Оказывается, что когда я съ народомъ, я все только приникаю—да прислушиваюсь—а коли придется самому чтò сказать — изъ рукъ вонъ! Самъ чувствую, что не гожусь. Точно скверный актеръ въ чужой роли. Тутъ и добросовѣстность некстати, и скептицизмъ—и даже какой-то мизерный, на самого себя обращенный юморъ... Гроша мѣднаго все это не стòитъ!—Даже гадко вспоминать;—гадко глядѣть на эту ветошь, которую я таскаю,—на этотъ маскарадъ, какъ выражается Василій! — Увѣряютъ, что нужно сперва выучиться языку народа, узнать его обычаи и нравы... Вздоръ! вздоръ! вздоръ! Нужно *вѣрить* въ то, чтò говоришь—а говори, какъ хочешь! Мнѣ разъ пришлось слышать нѣчто въ родѣ проповѣди одного раскольничьяго пророка. Чортъ знаетъ, чтò онъ мололъ, какая это была смѣсь церковнаго языка, книжнаго, простонароднаго—да еще не русскаго—а бѣлорусскаго какого-то... «Цобѣ» вмѣсто «тебѣ»,— «исть» вмѣсто «ѣстъ»—«ы» вмѣсто «и»—и вѣдь все одно и тоже долбилъ, какъ тетеревъ какой! «Накатылъ духъ.... накатылъ духъ...» — За то глаза горятъ, голосъ глухой и твердый, кулаки сжаты — и весь онъ какъ желѣзный! Слушатели не понимаютъ—а благоговѣютъ! И идутъ за нимъ. —А я начну говорить, точно виноватый, все прощенія прошу.—Хоть въ раскольники бы пошелъ — право; мудрость ихъ не велика.... да гдѣ вѣры-то взять, вѣры!! — Вонъ, Маріанна вѣритъ. Съ утра работаетъ, возится съ Татьяной—тутъ есть одна такая баба, добрая и неглупая; кстати, она про насъ говоритъ, что мы опрòститься желаемъ и зоветъ насъ опростѣлыми; — такъ вотъ, съ этой-то бабой Маріанна возится, минуты не посидитъ—настоящій муравей! — Радуется, что руки покраснѣли да заскорузли; и ждетъ, что, вотъ-вотъ, и она, сейчасъ, коли нужно, на плаху. — А я, какъ стану съ ней говорить о моихъ чувствахъ — такъ, во-первыхъ, мнѣ какъ-то стыдно станетъ, точно я на чужое руку заношу; а во-вторыхъ, этотъ взглядъ.... о, этотъ ужасный, преданный, непротивящійся взглядъ... «Возьми, молъ, меня.... но *помни!*.. Да и къ чему все это? Развѣ нѣтъ лучшаго, высшаго на зем-

нѣ?» — То-есть, другими словами: надѣвай вонючій кафтанъ, иди въ народъ... И вотъ, я иду въ этотъ народъ...

«О, какъ я проклинаю тогда эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наслѣдіе моего аристократическаго отца! Какое право имѣлъ онъ втолкнуть меня въ жизнь, снабдивъ меня органами, которые несвойственны средѣ, въ которой я долженъ вращаться? Создалъ птицу — да и пихнулъ ее въ воду? — Эстетика — да въ грязь! демократа, народолюбца, въ которомъ одинъ запахъ этой поганой водки — «зелена вина» — возбуждаетъ тошноту, чуть не рвоту?..

«Вотъ до чего я договорился: сталъ бранить моего отца! — И демократомъ сдѣлался я самъ: тутъ онъ ни причемъ.

«Да, Владимиръ, худо мнѣ. Стали посѣщать меня какія-то сѣрыя, скверныя мысли! — Такъ неужтоже, спросишь ты меня, я даже въ теченіи этихъ двухъ недѣль не наткнулся на какое-нибудь отрадное явленіе, на какого-нибудь хорошаго, живого, хоть и темнаго человѣка? — Какъ тебѣ сказать! Встрѣчалъ я нѣчто подобное... Одинъ даже очень хорошій попался — славный, бойкій малый. — Да какъ я ни вертѣлся — не нуженъ я ему съ моими брошюрами — и все тутъ! У здѣшняго фабричнаго Павла — (онъ правая рука Василія, преумный и прехитрый, будущая «голова»... Я тебѣ, кажется, о немъ писалъ) — у него есть пріятель изъ мужиковъ. Елизаромъ его зовутъ... тоже свѣтлый умъ — и душа свободная, безо всякихъ путъ; но какъ только онъ со мною — точно стѣна между нами! — такъ и смотритъ «нѣтомъ»! А то еще вотъ на какого я наскочилъ.... впрочемъ, этотъ былъ изъ сердитыхъ. — «Ужъ ты», говоритъ, «баринъ, не размазывай — а прямо скажи: отдашь ли ты всю свою землю, какъ есть — аль нѣтъ?» — «Что ты», отвѣчаю я ему, — «какой я баринъ!» (И еще, помнится, прибавилъ: Христосъ съ тобою!) — «А коли ты изъ простыхъ», говоритъ — «такъ какой въ тебѣ толкъ? И оставь ты меня, сдѣлай милость!»

«И вотъ еще что. — Я замѣтилъ: коли кто ужъ очень охотно тебя слушаетъ и книжки сейчасъ беретъ — знай: этотъ изъ плохенькихъ, вѣтеркомъ подбитъ. — Или на какого краснобая наткнешься — изъ образованныхъ, который только и знаетъ, что одно облюбленное слово твердитъ. — Одинъ, напримѣръ, просто замучилъ меня: все у него «прызводство!» — Что ему ни говори, а онъ: «такое — значитъ — прызводство!» — А! чортъ тебя побери! — Еще одно замѣчаніе... Помнишь, была когда-то — давно тому назадъ — рѣчь о «лишнихъ» людяхъ, о Гамлетахъ? — Представь: такіе «лишніе» люди попадаются теперь между крестьянами! —

Конечно, съ особымъ оттѣнкомъ.... притомъ они, бо́льшей частью, чахоточнаго сложенія.—Интересные субъекты—и идутъ къ намъ охотно; но собственно для дѣла — непригодные; такъ же какъ и прежніе Гамлеты. Ну, что́ тутъ будешь дѣлать?—Типографію завести секретную? Да вѣдь книжекъ и безъ того уже довольно. И такихъ, что́ говорятъ: «перекрестись, да возьми топоръ» — и такихъ, что́ говорятъ: «возьми топоръ просто». Повѣсти изъ народнаго быта, съ начинкой, сочинять? Не напечатаютъ, пожалуй.—Или ужъ точно взять топоръ?.. А на кого идти, съ кѣмъ, зачѣмъ?—Чтобы казенный солдатъ тебя убубухалъ изъ казеннаго ружья? Да вѣдь это какое-то сложное самоубійство! Ужъ лучше же я самъ съ собой покончу. По крайней мѣрѣ буду знать, когда и ка́къ,—и самъ выберу, въ какое мѣсто выпалить.

«Право, мнѣ кажется, что если бы гдѣ-нибудь теперь происходила народная война — я бы отправился туда не для того, чтобы освобождать кого бы то ни было (освобождать другихъ, когда свои не свободны!!)—но чтобы покончить съ собою...

«Нашъ пріятель Василій, тотъ, что́ здѣсь насъ пріютилъ, счастливый человѣкъ: онъ изъ нашего лагеря — да спокойный какой-то.—Ему не къ спѣху. Другого я бы выбранилъ.... а его не могу. И оказывается, что вся суть не въ убѣжденіяхъ—а въ характерѣ. У Василія характеръ такой, что иголки не подпустишь.—Ну, вотъ онъ и правъ.—Онъ много съ нами сидитъ, съ Маріанной.—И вотъ, что̀ удивительно. Я ее люблю и она меня любитъ (я вижу, какъ ты улыбаешься при этой фразѣ—но ей-Богу же это—такъ!);—а говорить мнѣ съ нею почти не́ о чемъ.—А съ нимъ она и споритъ, и толкуетъ, и слушаетъ его.—Не ревную я ее къ нему;—онъ же собирается ее куда-то помѣстить—по крайней мѣрѣ она его объ этомъ проситъ; — только горько мнѣ, глядя на нихъ.—И вѣдь представь: заикнись я словомъ о женитьбѣ — она бы сейчасъ согласилась—и попъ Зосима выступилъ бы на сцену—«Исаія, ликуй!»—и все какъ слѣдуетъ. Только отъ этого мнѣ бы не было легче—и *ничего бы не измѣнилось*... Куда ни кинь — все клинъ! — Окургузила меня жизнь, мой Владиміръ, какъ помнишь, говаривалъ нашъ знакомый, пьянчужка портной, жалуясь на свою жену.

«Впрочемъ я чувствую, что это долго не продлится. Чувствую я, что готовится что-то...

«Не самъ ли я требовалъ и доказывалъ, что надо «приступить?»—Ну, вотъ мы и приступимъ.

«Я не помню, писалъ ли я тебѣ о другомъ моемъ знакомомъ,

черномазомъ—родственникѣ Сипягиныхъ? Тотъ можетъ, пожалуй, заварить такую кашу, что и не расхлебаешь.

«Совсѣмъ уже хотѣлъ кончить это письмо—да чтó!—Вѣдь я все нѣтъ, нѣтъ—да настрочу стихи. Маріаннѣ я ихъ не читаю—она ихъ не очень жалуетъ—а ты... иногда и похваливаешь; а главное: никому не разболтаешь. Пораженъ я былъ однимъ всеобщимъ явленіемъ на Руси.... А впрочемъ, вотъ они, эти стихи:

Сонъ.

«Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной...
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный, безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь и вонь, и бѣдность, и тоска!
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый...
Народъ нашъ вольнымъ сталъ; и вольная рука
Виситъ, по прежнему, какой-то плеткой хилой.
Все, все по прежнему... И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали...
Нѣтъ! никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезные соотчичи не спали!

Все спитъ кругомъ: вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя...
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ,
Подъ снѣжнымъ холодомъ—и на припёкѣ зноя!
И подсудимый спитъ—и дрыхнетъ судія;
Мертвó спятъ мужики: жнутъ, пашутъ—спятъ; молотятъ—
Спятъ тоже; спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся семья...
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ!
Одинъ кабакъ не спитъ и не смыкаетъ глазъ,
И штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!

«Пожалуйста, извини меня; я не хотѣлъ послать тебѣ такое грустное письмо, не насмѣшивъ тебя хоть подъ конецъ (ты навѣрное замѣтишь нѣсколько натянутыхъ риѳмъ: «молотятъ—колотятъ»... да мало ли чего!)—Когда я напишу тебѣ слѣдующее письмо? И напишу ли? Чтó бы со мною ни было, я увѣренъ, ты не забудешь —

Твоего вѣрнаго друга
А. Н.

«P. S.—Да, нашъ народъ спитъ... Но, мнѣ сдается, если чтó его разбудитъ—это будетъ не то, что мы думаемъ...»

Дописавъ послѣднюю строку, Неждановъ бросилъ перо—и, сказавъ самому себѣ: «Ну—теперь постарайся заснуть и забыть всю эту чушь, стихотворъ!»—легъ на постель... но сонъ долго бѣжалъ его глазъ.

На другое утро Маріанна разбудила его, проходя черезъ его комнату къ Татьянѣ; но онъ только-что успѣлъ одѣться, какъ она уже вернулась снова. Ея лицо выражало радость и тревогу: она казалась взволнованной.

— Знаешь что̀, Алёша; говорятъ въ Т....мъ уѣздѣ—близко отсюда—уже началось!

— Какъ? Что̀ началось? Кто это говоритъ?

— Павелъ.—Говорятъ, крестьяне поднимаются—не хотятъ платить податей, собираются толпами.

— Ты сама это слышала?

— Мнѣ Татьяна сказывала.—Да вотъ и самъ Павелъ. Спроси у него.

Павелъ вошелъ и подтвердилъ сказанное Маріанной.

— Въ Т....мъ уѣздѣ безпокойно—это вѣрно!—промолвилъ онъ, потряхивая бородкой и прищуривая свои блестящіе черные глаза. — Сергѣя Михайловича, должно полагать, работа. Вотъ уже пятый день, какъ ихъ нѣту дома.

Неждановъ взялся за шапку.

— Куда ты?—спросила Маріанна.

— Да... туда, — отвѣчалъ онъ, не поднимая глазъ и сдвинувъ брови.—Въ Т...ій уѣздъ.

— Такъ и *я* съ тобой. Вѣдь ты меня возьмешь? Дай мнѣ только большой платокъ надѣть.

— Это не женское дѣло,—сумрачно промолвилъ Неждановъ, по прежнему глядя внизъ, точно озлобленный.

— Нѣтъ... нѣтъ!... Ты хорошо дѣлаешь, что идешь;—а то Маркеловъ счелъ бы тебя за труса... И я иду съ тобой.

— Я не трусъ, — такъ же сумрачно промолвилъ Неждановъ.

— Я хотѣла сказать, что онъ насъ обоихъ за трусовъ бы принялъ. Я иду съ тобой.

Маріанна отправилась за платкомъ въ свою комнату — а Павелъ произнесъ исподтишка и какъ-бы втягивая въ себя воздухъ: «Эге-ге!» и немедленно исчезъ.—Онъ побѣжалъ предупредить Соломина.

Маріанна еще не появилась, какъ уже Соломинъ вошелъ въ комнату Нежданова.—Онъ стоялъ лицомъ къ окну, опершись лбомъ о руку, а рукой о стекло. Соломинъ тронулъ его за

плечо. Онъ быстро обернулся.—Взъерошенный, немытый, Неждановъ имѣлъ видъ дикій и странный. Впрочемъ и Соломинъ измѣнился въ послѣднее время. Онъ пожелтѣлъ, лицо его вытянулось, верхніе зубы обнажились слегка... Онъ тоже казался встревоженнымъ, насколько могла тревожиться его «уравновѣшенная» душа.

— Маркеловъ таки не выдержалъ,—началъ онъ.—Это можетъ кончиться худо; для него—во-первыхъ... ну, и для другихъ.

— Я хочу пойти посмотрѣть, что̀ тамъ такое...—промолвилъ Неждановъ.

— И я,—прибавила Маріанна, показавшись на порогѣ двери.

Соломинъ медленно обратился къ ней.

— Я бы вамъ не совѣтовалъ, Маріанна.—Вы можете выдать себя — и насъ; невольно—и безо всякой нужды. — Пускай Неждановъ идетъ да понюхаетъ немножко воздухъ, коли онъ хочетъ... и то немножко!—а вы-то зачѣмъ?

— Я не хочу отстать отъ него.

— Вы его свяжете.

Маріанна глянула на Нежданова. Онъ стоялъ неподвижно, съ неподвижнымъ, угрюмымъ лицомъ.

— Но если будетъ опасность? спросила она.

Соломинъ улыбнулся.

— Не бойтесь;... когда будетъ опасность—я васъ пущу.

Маріанна молча сняла платокъ съ головы—и сѣла.

Тогда Соломинъ обратился къ Нежданову.

— А ты, братъ, въ самомъ дѣлѣ, посмотри-ка немножко. Можетъ быть, это все преувеличено.—Только, пожалуйста, осторожнѣе. — Впрочемъ, тебя подвезутъ. И вернись поскорѣе. Ты обѣщаешь? Неждановъ? обѣщаешь?

— Да.

— Да—навѣрное?

— Коли тебѣ здѣсь всѣ повинуются, начиная съ Маріанны!

Неждановъ вышелъ въ корридоръ—не простившись. Павелъ вынырнулъ изъ темноты и побѣжалъ впередъ по лѣстницѣ, стуча кованными подковами сапоговъ. — *Онъ* долженъ былъ подвезти Нежданова.

Соломинъ подсѣлъ къ Маріаннѣ.

— Вы слышали послѣднія слова Нежданова?

— Да; онъ досадуетъ, что я слушаюсь васъ больше, чѣмъ его. И вѣдь это правда.—Я люблю *его*, а слушаюсь *васъ*. Онъ мнѣ дороже... а вы ко мнѣ ближе.

Соломинъ осторожно поласкалъ своей рукой ея руку.

— Эта исторія... очень непріятная,—промолвилъ онъ наконецъ.—Если Маркеловъ въ ней замѣшанъ—онъ погибъ.

Маріанна вздрогнула.

— Погибъ?

— Да.—Онъ ничего не дѣлаетъ въ половину—и не прячется за другихъ.

— Погибъ!—шепнула Маріанна снова—и слезы побѣжали по ея лицу.—Ахъ, Василій Ѳедотычъ! мнѣ очень жаль его. Но почему же онъ не можетъ восторжествовать? Почему онъ долженъ непремѣнно погибнуть?

— Потому, Маріанна, что въ подобныхъ предпріятіяхъ первые всегда погибаютъ, даже если онѣ удаются... А въ этомъ дѣлѣ, чтó *онъ* затѣялъ, не только первые и вторые погибнутъ—но и десятые... и двадцатые...

— Такъ мы и не дождемся?

— Того, чтó вы думаете?—Никогда. Глазами мы этого не увидимъ; вотъ этими, живыми глазами.—Ну—духовными... это другое дѣло. Любуйся хоть теперь, сейчасъ. — Тутъ контроля нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же вы, Соломинъ...

— Что?

— Зачѣмъ вы идете по этой дорогѣ?

— Потому, что нѣтъ другой.—То-есть, собственно цѣль у насъ съ Маркеловымъ одна;—а дорога другая.

— Бѣдный Сергѣй Михайловичъ!—уныло промолвила Маріанна. Соломинъ опять осторожно поласкалъ ее.

— Ну—полноте; еще нѣтъ ничего вѣрнаго. Посмотримъ, какія извѣстія привезетъ Павелъ.—Въ нашемъ... званіи надо быть твердымъ. Англичане говорятъ: «Never say die».—Хорошая поговорка. Лучше русской: «Пришла бѣда, растворяй ворота!»—Заранѣе горевать нечего.

Соломинъ поднялся со стула.

— А мѣсто, которое вы хотѣли мнѣ достать?—спросила вдругъ Маріанна.—Слезы блестѣли еще у ней на щекахъ—но въ глазахъ уже не было печали.

Соломинъ сѣлъ опять.

— Развѣ вамъ такъ хочется поскорѣй уѣхать отсюда?

— О, нѣтъ! но я желала бы быть полезной.

— Маріанна, вы очень полезны и здѣсь. Не покидайте насъ, подождите.—Чего вамъ?—спросилъ Соломинъ вошедшую Татьяну.—(Онъ говорилъ: «ты» одному Павлу—и то потому,

что тотъ былъ бы слишкомъ несчастливъ, еслибъ Соломинъ вздумалъ говорить ему: «вы»).

— Да тутъ какой-то женскій полъ спрашиваетъ Алексѣя Дмитрича,—отвѣчала Татьяна, посмѣиваясь и разводя руками;—я-было сказала, что его нѣтъ у насъ, совсѣмъ нѣту. — Мы, молъ, и не знаемъ, что за человѣкъ такой?—Но тутъ онъ...

— Да кто: онъ?

— Да самый этотъ женскій полъ.—Взялъ да написалъ свое имя на этой вотъ бумагѣ—и говоритъ, чтобы я показала—и что его пустятъ; и что если точно Алексѣя Дмитрича дома нѣтъ, такъ онъ и подождать можетъ.

На бумагѣ стояло крупными буквами: Машурина.

— Впустите,—сказалъ Соломинъ.—Васъ, Маріанна, не стѣснитъ, если она сюда войдетъ?—Она тоже—изъ нашихъ.

— Нисколько, помилуйте.

Черезъ нѣсколько мгновеній на порогѣ показалась Машурина—въ томъ же самомъ платьѣ, въ какомъ мы ее видѣли въ началѣ первой главы.

XXXI.

— Нежданова нѣтъ дома? спросила она; потомъ, увидѣвъ Соломина, подошла къ нему и подала ему руку. — Здравствуйте, Соломинъ!—На Маріанну она только кинула косвенный взглядъ.

— Онъ скоро вернется,—отвѣчалъ Соломинъ.—Но позвольте спросить, отъ кого вы узнали...

— Отъ Маркелова.—Впрочемъ, оно и въ городѣ... двумъ-тремъ лицамъ уже извѣстно.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да. Кто-нибудь проболталъ.—Да и Нежданова, говорятъ, самого узнали.

— Вотъ-те и переодѣванія!—проворчалъ Соломинъ.—Позвольте васъ познакомить,—прибавилъ онъ громко. — Г-жа Синецкая, г-жа Машурина!—Присядьте.

Машурина слегка кивнула головою и сѣла.

— У меня къ Нежданову есть письмо; а къ вамъ, Соломинъ, словесный запросъ.

— Какой? И отъ кого?

— Отъ извѣстнаго вамъ лица... Чтó, у васъ... все готово?

— Ничего у меня не готово.

Машурина раскрыла, насколько могла, свои крохотные глазки.

— Ничего?
— Ничего.
— Такъ-таки рѣшительно ничего?
— Рѣшительно ничего.
— Та̀къ и сказать?
— Та̀къ и скажите.
Машурина подумала и вынула папироску изъ кармана.
— Огня—можно?
— Вотъ вамъ спичка.
Машурина закурила свою папироску.
— «Они» другого ждали,—начала она.—Да и кругомъ—не такъ какъ у васъ. Впрочемъ, это ваше дѣло. А я къ вамъ ненадолго. Только вотъ съ Неждановымъ повидаться, да письмо передать.
— Куда же вы ѣдете?
— А далеко отсюда. (Она отправлялась собственно въ Женеву, но не хотѣла сказать это Соломину. Она его находила несовсѣмъ надёжнымъ, да и «чужая» сидѣла тутъ. Машурину, которая едва знала по-нѣмецки, посылали въ Женеву для того, чтобы вручить тамъ неизвѣстному ей лицу половину куска картона съ нарисованной виноградной вѣткой и 279 руб. сер.).
— А Остродумовъ гдѣ? Съ вами?
— Нѣтъ. Онъ тутъ близко... застрялъ. Да этотъ отзовется. Пименъ—не пропадетъ. Безпокоиться нечего.
— Вы какъ сюда пріѣхали?
— На телѣгѣ... А то какъ? Дайте-ка еще спичку...
Соломинъ подалъ ей зажженную спичку...
— Василій Θедотычъ!—прошепталъ вдругъ чей-то голосъ изъ-за двери.—Пожалуйте!
— Кто тамъ? Чего нужно?
— Пожалуйте, — повторилъ голосъ внушительно и настойчиво;—тутъ пришли чужіе работники, что-й-то толкуютъ, а Павла Егорыча нѣту.
Соломинъ извинился, всталъ и вышелъ.
Машурина принялась глядѣть на Маріанну и глядѣла долго, такъ что той неловко стало.
— Простите меня,—промолвила она вдругъ своимъ грубымъ, отрывистымъ голосомъ,—я простая, не умѣю... этакъ.—Не сердитесь; коли хотите—не отвѣчайте. *Вы* та дѣвица, что̀ ушла отъ Сипягиныхъ?
Маріанна нѣсколько изумилась, однако промолвила:
— Я.

— Съ Неждановымъ?

— Ну да.

— Позвольте... дайте мнѣ руку. Простите меня, пожалуйста. Вы, стало быть, хорошая, коли онъ полюбилъ васъ.

Маріанна пожала руку Машуриной.

— А вы коротко знаете Нежданова?

— Я его знаю. Я въ Петербургѣ его видала. Оттого-то я и говорю. Сергѣй Михайлычъ тоже мнѣ сказывалъ...

— Ахъ, Маркеловъ! Вы его недавно видѣли?

— Недавно. Теперь онъ ушелъ.

— Куда?

— Куда приказано.

Маріанна вздохнула.

— Ахъ, г-жа Машурина, я боюсь за него.

— Во-первыхъ, что́ я за госпожа? Эти манеры бросить надо. А во-вторыхъ... вы говорите: «я боюсь». И это тоже не годится. За себя не будешь бояться—и за другихъ перестанешь. Ни думать о себѣ, ни бояться за себя—не надо вовсе. Вотъ что́ развѣ... вотъ что́ мнѣ приходитъ въ голову: мнѣ, Ѳеклѣ Машуриной, легко этакъ говорить. Я дурная собою. А вѣдь вы... вы красавица. Стало-быть, это вамъ все труднѣе. (Машурина потупилась и отвернулась). Мнѣ Сергѣй Михайлычъ говорилъ... Онъ зналъ, что у меня есть письмо къ Нежданову... «Не ходи ты на фабрику,—говорилъ онъ мнѣ, — не носи письма; оно тамъ все взбудоражитъ. Оставь! Они тамъ оба счастливы... Такъ пусть ихъ! Не мѣшай!» Я бы рада не мѣшать... да какъ быть съ письмомъ?

— Надо отдать его непремѣнно, — подхватила Маріанна,—но только какой же онъ добрый, Сергѣй Михайловичъ! Неужели онъ погибнетъ, Машурина... или въ Сибирь пойдетъ?

— Что-жъ? Изъ Сибири-то развѣ не уходятъ? А жизнь потерять?! Кому она сладка, кому горька.—Его-то жизнь—тоже—не рафинатъ.

Машурина снова взглянула на Маріанну пристально и пытливо.

— А точно, красавица вы,—воскликнула она наконецъ,—настоящая птичка! Я ужъ думаю: Алексѣй не идетъ... Не отдать ли вамъ письмо? Чего ждать?

— Я ему передамъ, будьте увѣрены.

Машурина подперла щеку одной рукой и долго-долго молчала.

— Скажите,—начала она...—извините меня... вы очень его любите?

— Да.

Машурина встряхнула своей тяжелой головой.

— Ну, а объ томъ и спрашивать нечего — любитъ ли онъ васъ! Я, однако, уѣду, а то запоздаю, пожалуй. Вы ему скажите, что я была здѣсь... кланялась ему. Скажите: была Машурина. Вы моего имени не забудете? Нѣтъ? Машурина. А письмо... Постой, куда же это я его сунула?..

Машурина встала, отвернулась, дѣлая видъ, что шаритъ у себя въ карманахъ, а между тѣмъ быстро поднесла ко рту маленькую свернутую бумажку и проглотила ее.—Ай, батюшки! Вотъ глупость-то! Неужто-жъ я его обронила? Обронила и есть. Ай, бѣда! Не нашелъ бы кто... Нѣту; нигдѣ нѣту. Вотъ и вышло такъ, какъ желалъ Сергѣй Михайлычъ!

— Поищите еще,—шепнула Маріанна.

Машурина махнула рукой.

— Нѣтъ! Чтó искать! Потеряла!

Маріанна пододвинулась къ ней.

— Ну, такъ поцѣлуйте меня!

Машурина вдругъ обняла Маріанну съ неженской силой, прижала ее къ своей груди.

— Ни для кого бы я этого не сдѣлала, — проговорила она глухо — противъ совѣсти... въ первый разъ! Скажите ему, чтобы онъ былъ осторожнѣе... И вы тоже. Смотрите! Здѣсь скоро всѣмъ худо будетъ, очень худо. Уходите-ка оба, пока...—Прощайте!—прибавила она громко и рѣзко. — Да вотъ еще что... скажите ему... Нѣтъ, ничего не надо. Ничего.

Машурина ушла, стукнувъ дверью, а Маріанна осталась въ раздумьи посреди комнаты.

— Что это такое?—промолвила она наконецъ:—вѣдь эта женщина больше его любитъ, чѣмъ я его люблю! И чтó значатъ ея намёки? И отчего Соломинъ вдругъ ушелъ и не возвращается?

Она начала ходить взадъ и впередъ. — Странное чувство — смѣсь испуга и досады—и изумленія—овладѣвало ею.—Зачѣмъ она не пошла съ Неждановымъ?—Соломинъ ее отговорилъ.... но гдѣ же онъ самъ? И чтó такое происходитъ кругомъ?—Машурина, конечно, изъ участія къ Нежданову, не передала ей того опаснаго письма.... Но какъ могла она рѣшиться на такое непослушаніе?—Хотѣла показать свое великодушіе? Съ какого права? И почему *она*, Маріанна, была такъ тронута этимъ поступкомъ? Да и была ли она тронута? — Некрасивая женщина интересуется молодымъ человѣкомъ.... Въ сущности—чтó же въ этомъ необыкновеннаго? И почему Машурина предполагаетъ, что при-

вязанность Маріанны къ Нежданову сильнѣе чувства долга? Можетъ быть, Маріанна вовсе не требовала этой жертвы? И что могло заключаться въ томъ письмѣ?—Призывъ къ немедленной дѣятельности? Такъ что-жъ!!

А Маркеловъ?—Онъ въ опасности.... а мы-то что дѣлаемъ?—Маркеловъ щадитъ насъ обоихъ, даетъ намъ возможность быть счастливыми, не разлучаетъ насъ... что это? Тоже великодушіе... или презрѣніе?

И развѣ мы для этого бѣжали изъ того ненавистнаго дома, чтобы оставаться вмѣстѣ и ворковать голубками?

Такъ размышляла Маріанна.... И все сильнѣе и сильнѣе разыгрывалась въ ней та взволнованная досада. Къ тому же, ея самолюбіе было задѣто. Почему всѣ ее оставили—*всѣ?*—Эта «толстая» женщина назвала ее птичкой, красоткой... почему не прямо куколкой? И отчего это Неждановъ отправился не одинъ, а съ Павломъ? Точно ему нуженъ опекунъ! Да и какія собственно убѣжденія Соломина? Онъ вовсе не революціонеръ! И неужели же кто-нибудь можетъ думать, что она относится ко всему этому не серьёзно?

Вотъ какія мысли кружились, перегоняя одна другую и путаясь, въ разгоряченной головѣ Маріанны. Стиснувъ губы и скрестивъ по-мужски руки,—сѣла она наконецъ возлѣ окна и осталась опять неподвижной, не прислоняясь къ спинкѣ стула,—вся настороженная, напряженная, готовая тотчасъ вскочить. Къ Татьянѣ идти, работать—она не хотѣла; она хотѣла одного: ждать!—И она ждала, упорно, почти злобно.—Отъ времени до времени ей самой казалось страннымъ и непонятнымъ ея собственное настроеніе.... Но все равно! Разъ ей даже пришло въ голову: ужъ не отъ ревности ли это все въ ней? Но вспомнивъ фигуру бѣдной Машуриной, она только пожала плечомъ и махнула рукою... не въ дѣйствительности—а соотвѣтственнымъ этому жесту внутреннимъ движеніемъ.

Маріаннѣ долго пришлось ждать: наконецъ она услышала стукъ отъ двухъ людей, взбиравшихся по лѣстницѣ. Она устремила глаза на дверь... шаги приближались.—Дверь отворилась—и Неждановъ, поддерживаемый подъ руку Павломъ, появился на порогѣ. Онъ былъ смертельно блѣденъ, безъ картуза; растрепанные волосы падали мокрыми клочьями на́ лобъ; глаза глядѣли прямо, ничего не видя. — Павелъ перевелъ его черезъ комнату (ноги Нежданова двигались невѣрно и слабо) и посадилъ его на диванъ.

Маріанна вскочила съ мѣста.

— Чтó это значитъ? Чтó съ нимъ? Онъ боленъ?

Но усаживавшій Нежданова Павелъ отвѣчалъ ей съ улыбкой, въ полуоборотъ черезъ плечо:

— Не извольте безпокоиться; это сейчасъ пройдетъ.... Это только съ непривычки.

— Да чтó такое?—настойчиво переспросила Маріанна.

— Охмѣлѣли маленько. — Выпили на тощакъ; ну, оно и того!

Маріанна нагнулась къ Нежданову. Онъ полулежалъ поперёкъ дивана; голова его спустилась на грудь, глаза застилались... Отъ него пахло водкой: онъ былъ пьянъ.

— Алексѣй!—сорвалось у нея съ языка.

Онъ съ усиліемъ приподнялъ отяжелѣвшія вѣки и попытался усмѣхнуться.

— А! Маріанна!—пролепеталъ онъ;—ты все говорила: о... опрос... опростѣлые;—вотъ теперь я настоящій опростѣлый.—Потому весь народъ нашъ всегда пьянъ... значитъ...

Онъ умолкъ;—потомъ пробурчалъ еще что-то невнятное, закрылъ глаза — и заснулъ. — Павелъ заботливо уложилъ его на диванъ.

— Вы не безпокойтесь, Маріанна Викентьевна,—повторилъ онъ:—часика два соснетъ—и встанетъ какъ встрепанный.

Маріанна намѣревалась-было спросить, кáкъ это случилось; но ея разспросы удержали бы Павла; а ей хотѣлось быть одной... то-есть, ей не хотѣлось, чтобы Павелъ дольше видѣлъ его въ такомъ безобразіи передъ нею. Она отошла къ окну—а Павелъ, который тотчасъ все постигъ, бережно закрылъ ноги Нежданова полами его кафтана, подложилъ ему подъ голову подушечку, еще разъ промолвилъ: ничего!—и вышелъ на цыпочкахъ.

Маріанна оглянулась. — Голова Нежданова тяжело ушла въ подушку; на блѣдномъ лицѣ замѣчалось недвижное напряженіе, какъ у трудно-больного.

«Кáкъ же это случилось?» —думала она.

XXXII.

А случилось это дѣло вотъ кáкъ:

Садясь на телѣгу къ Павлу, Неждановъ вдругъ пришелъ въ весьма возбужденное состояніе; а какъ только они выѣхали съ фабричнаго двора и покатили по дорогѣ въ направленіи къ Т...у уѣзду,—онъ началъ окликáть, останавливать проходившихъ му-

живовъ, держать имъ краткія, но несообразныя рѣчи. — «Чтб, моль, вы спите? Поднимайтесь! Пора! — Долой налоги! Долой землевладѣльцевъ!» — Иные мужики глядѣли на него съ изумленіемъ; другіе шли дальше, мимо, не обращая вниманія на его возгласы: — они принимали его за пьянаго; одинъ — такъ даже, придя домой, разсказывалъ, что ему навстрѣчу французъ попался, который кричалъ — «непонятно таковб, картаво.» — У Нежданова было довольно ума, чтобы понять, какъ несказанно-глупо и даже безсмысленно было то, чтб онъ дѣлалъ; но онъ постепенно до того «взвинтилъ» себя, что уже пересталъ понимать, чтб умно и чтб глупо. Павелъ старался успокоить его, говорилъ что этакъ, помилуйте, нельзя; что вотъ скоро будетъ большое село, первое на границѣ Т...го уѣзда — «Бабьи-Ключи»; что тамъ можно будетъ поразвѣдать... Но Неждановъ не унимался... и въ то же время лицо у него было какъ-то печальное, почти отчаянное. — Лошадка у нихъ была пребойкая, кругленькая, съ остриженной гривой на зарѣзистой шеѣ; она очень хлопотливо перебирала своими крѣпкими ножками — и все просила поводьевъ, точно на дѣло спѣшила и нужныхъ людей везла. — Не доѣзжая «Бабьихъ Ключей», Неждановъ замѣтилъ — въ сторонѣ отъ дороги передъ раскрытымъ хлѣбнымъ амбаромъ — человѣкъ восемь мужиковъ; онъ тотчасъ соскочилъ съ телѣги, подбѣжалъ къ нимъ и минутъ съ пять говорилъ поспѣшно, съ внезапными криками, на-отмашъ двигая руками. — Слова: «За свободу! Впередъ! Двинемся грудью!» вырывались хрипло и звонко изъ множества другихъ, менѣе понятныхъ словъ. Мужики, которые собрались передъ амбаромъ, чтобы потолковать о томъ, кàкъ бы его опять насыпать — хоть для примѣра — (онъ былъ мірской, слѣдовательно пустой) — уставились на Нежданова — и, казалось, съ большимъ вниманіемъ слушали его рѣчь; — но едва ли что-нибудь въ толкъ взяли — потому что когда онъ, наконецъ, бросился отъ нихъ прочь, крикнувъ въ послѣдній разъ: Свобода! — одинъ изъ нихъ, самый прозорливый, глубокомысленно покачавъ головою, промолвилъ: «Какой строгій!» — а другой замѣтилъ: «Знать начальникъ какой!» — на чтб прозорливецъ возразилъ: «Извѣстное дѣло — даромъ глотку драть не станетъ. — Заплàчуть теперича наши денежки!» — Самъ Неждановъ, взлѣзая на телѣгу и садясь возлѣ Павла, подумалъ про себя: «Господи! какая чепуха! — Но вѣдь никто изъ насъ не знаетъ, кàкъ именно слѣдуетъ бунтовать народъ — можетъ быть оно и такъ? — Разбирать тутъ некогда! Валяй! На душѣ скребётъ? Пускай!»

Въѣхали они на улицу. По самой серединѣ ея, передъ ка-

бакомъ, толпилось довольно много народу. Павелъ хотѣлъ-было удержать Нежданова; но ужъ онъ кувыркомъ слетѣлъ съ телѣги—да съ воплемъ: «братцы!» въ толпу... — Она разступилась немного; и Неждановъ пустился опять проповѣдывать, не глядя ни на кого—и какъ-бы сердясь и плача.—Но результатъ тутъ вышелъ другой, чѣмъ передъ амбаромъ.—Какой-то громадный парень, съ безбородымъ, но свирѣпымъ лицомъ, въ короткомъ, засаленномъ полушубкѣ, высокихъ сапогахъ и бараньей шапкѣ, подошелъ къ Нежданову—и съ размаху треснувъ его по плечу:—«Ладно! Молодца!»—гаркнулъ онъ зычнымъ голосомъ;— «только стой! аль не знаешь, сухая ложка ротъ деретъ? Подь сюда! Тутъ разговаривать много ловчѣй».—Онъ потащилъ Нежданова въ кабакъ;—остальная толпа повалила за ними гурьбой. — «Михеичъ!—крикнулъ парень:—ну-тка—десятикопѣечную! Мою любимую стопку! Пріятеля угощаю! Кто онъ такой, чьего роду и племени—бѣсъ его вѣдаетъ—да бояръ честитъ лихо.—Пей!»—обратился онъ къ Нежданову, наливая ему тяжелый, полный, мокрый снаружи, словно потный, стаканъ; — «пей, коли ты точно о нашемъ братѣ печалуешься!» — «Пей!» —зашумѣли голоса. Неждановъ схватилъ стопку (онъ былъ какъ въ чаду)—закричалъ: «за васъ, ребята!» и выпилъ ее разомъ.—Ухъ!—Онъ выпилъ ее съ той же отчаянной отвагой, съ какой онъ бросился бы на штурмъ батареи или на строй штыковъ... Но чтó съ нимъ сдѣлалось!—Что-то ударило его вдоль спины да по ногамъ, обожгло ему горло, грудь, желудокъ, выдавило слезы на глаза... Судорога отвращенія пробѣжала по всему его тѣлу,—и онъ едва сладилъ съ нею... Онъ закричалъ во всю голову, чтобы только чѣмъ-нибудь утишить ее.—Въ темной комнатѣ кабака стало вдругъ жарко, и липко, и душно; чтó народу набралось!—Неждановъ началъ говорить, говорить долго, кричать, кричать съ ожесточеньемъ, съ яростью, хлопать по какимъ-то широкимъ деревяннымъ ладонямъ, цѣловать какія-то осклизлыя бороды.... Громадный парень въ полушубкѣ тоже цѣловался съ нимъ—чуть ребра ему не продавилъ. Но этотъ оказался какимъ-то извергомъ.—«Перерву глотку!» — рычалъ онъ:— «перерву глотку всякому, кто нашего брата забиждаетъ!—А не тó—мякну его по макушкѣ... Онъ у меня запищитъ! Вѣдь мнѣ что: я мясникомъ былъ; — дѣлá-то эти знаю хорошо!» — И при этомъ онъ показывалъ свой громадный, красный, покрытый веснушками кулакъ... И вотъ—Господи!—опять кто-то заревѣлъ: «Пей»!—и Неждановъ опять выпилъ этотъ гадкій ядъ.—Но этотъ второй разъ былъ ужасенъ! Его точно рвануло по внутренностямъ тупыми крючьями. — Голова поплыла — пошли зелёные

круги.—Гамъ поднялся, звонъ... О, ужасъ!.. Третья стопка... Неужто онъ и ее проглотилъ? Багровые носы полѣзли къ нему, пыльные волосы, загорѣлыя шеи, затылки изсѣченные сѣтками морщинъ.—Жосткія руки хватали его. — «Усердствуй!» орали неистовые голоса.—«Бесѣдуй! Позавчера такой же чужакъ расписывалъ важно. — Валяй, такой-сякой!».. Земля заколыхалась подъ ногами Нежданова. — Собственный голосъ казался ему чужимъ, какъ-бы извнѣ приходящимъ... Смерть это, что ли?

И вдругъ... впечатлѣніе свѣжаго воздуха на лицѣ — и нѣтъ уже ни толкотни, ни красныхъ рожъ, ни смрада отъ вина, отъ овчинъ, отъ дегтя, отъ кожи... И онъ опять уже сидитъ на телѣгѣ съ Павломъ, сперва порывается и кричитъ: «Куда? Стой! Я еще ничего не успѣлъ сказать имъ—надо растолковать»... а потомъ прибавляетъ: «Да ты самъ, чортъ, лукавый человѣкъ, какія твои мнѣнія?»—А Павелъ ему отвѣчаетъ: «Хорошо бы, кабы не было господъ и земли всѣ были бы наши—чего бы лучше?—да приказа такого еще не вышло»;—а самъ тихонько заворачиваетъ лошадь назадъ—да вдругъ бьетъ ее возжами по спинѣ—да прочь во всю прыть отъ того гвалта и гула... да на фабрику...

Дремлетъ Неждановъ—и покачивается онъ—а вѣтеръ ему пріятно дуетъ въ лицо—и не даетъ возникать дурнымъ мыслямъ...

Только досадно ему, что какъ же это ему не дали высказаться... И опять вѣтеръ ласкаетъ его воспаленное лицо.

А тамъ мгновенное явленіе Маріанны—мгновенное, жгучее чувство позора—и сонъ, глубокій, мертвый сонъ...

Все это разсказалъ Павелъ потомъ Соломину. Не скрылъ онъ также и того, что самъ не помѣшалъ Нежданову выпить... а то такъ-таки не вывелъ бы его изъ кружала.—Другіе бы его не пустили.

— «Ну, а какъ заслабѣлъ-то онъ очень, я и попросилъ съ поклонами: «Господа, молъ, честные, отпустите паренька; видите, младъ больно»... Ну, и отпустили; только полтинникъ магарыча, говорятъ, подавай!—Я такъ и далъ».

— И хорошо сдѣлалъ,—похвалилъ его Соломинъ.

Неждановъ спалъ; а Маріанна сидѣла подъ окномъ и глядѣла въ палисадникъ.—И, странное дѣло! — Нехорошія, почти злыя чувства и мысли, волновавшія ее до прибытія Нежданова съ Павломъ — покинули ее разомъ; самъ Неждановъ нисколько

не былъ ни противенъ ей, ни гадовъ: она жалѣла его.—Она знала очень хорошо, что онъ не развратникъ и не пьяница — и уже думала о томъ, чтó сказать ему, когда онъ проснется, что-нибудь дружелюбное, чтобы онъ не слишкомъ совѣстился и огорчался. «Надо такъ сдѣлать; надо—чтобы онъ самъ разсказалъ, какъ эта бѣда стряслась надъ нимъ».

Она не волновалась; но ей было грустно... безотрадно-грустно. На нее какъ-будто повѣяло настоящимъ запахомъ того міра, куда она стремилась... и содрогнулась она отъ этой грубости и темноты. — Какому Молоху собиралась она принести себя въ жертву?

Однако—нѣтъ! Быть не можетъ!—Это—такъ; это случайно, и сейчасъ пройдетъ.—Мгновенное впечатлѣніе, которое потому только ее поразило, что было слишкомъ неожиданно.—Она встала, подошла къ дивану, на которомъ лежалъ Неждановъ, утерла платкомъ его блѣдный, даже во снѣ мучительно стянутый лобъ, откинула назадъ его волосы...

Ей снова стало жалко его; такъ мать жалѣетъ своего больного ребенка.—Но глядѣть на него ей было немного жутко—и она тихонько ушла въ свою комнату, оставивъ дверь незапертою.

Никакой работы не взяла она въ руки;—и сѣла опять—и опять пошли на нее думы.—Она чувствовала, какъ время таяло, какъ минута исчезала за минутой, и ей было даже пріятно это чувствовать—и сердце у ней билось — и она опять принялась ждать чего-то.

Куда это Соломинъ дѣлся?

Дверь тихонько скрипнула—и Татьяна вошла въ комнату.

— Чтó вамъ?—спросила Маріанна почти съ досадой.

— Маріанна Викентьевна,—начала Татьяна вполголоса.— Вотъ чтò. Вы не огорчайтесь! потому, дѣло житейское;—и еще слава Богу...

— Я нисколько не огорчаюсь, Татьяна Осиповна,—перебила ее Маріанна.—Алексѣй Дмитричъ не совсѣмъ здоровъ. Важность не велика!..

— Ну, и чудесно!—А то, я думаю: не идетъ моя Маріанна Викентьевна; думаю: чтó съ ней?—Но я все-таки не пошла бы къ вамъ, потому въ этомъ разѣ первое правило: не трошь, не ворошь!—Только тутъ явился къ намъ на фабрику какой-то — кто его знаетъ? Маленькій такой да хроменькій: вынь да положь ему Алексѣя Дмитрича!—И что за чудеса: сегодня утромъ эта жёнка его спрашивала... а теперь вотъ этотъ хромой.—А коли,

говоритъ, Алексѣя Дмитрича нѣтъ—подавай ему Василья Ѳедотыча!—Не пойду безъ того, говоритъ; потому, говоритъ, дѣло очченно важное. Мы его гнать, какъ ту жёнку.—Василія-то Ѳедотыча, точно, нѣтъ... отлучился;—а тотъ-то хромой:—не пойду, говоритъ, буду ждать хоть до ночи... Такъ по двору и ходитъ.—Вотъ подите сюда, въ корридорчикъ; увидѣть его изъ окошка можете... не узнаете ли, что за кавалеръ такой?

Маріанна послѣдовала за Татьяной—ей пришлось пройти мимо Нежданова—и она опять замѣтила болѣзненно-нахмуренный лобъ, и опять провела по немъ платкомъ.—Сквозь пыльное стекло окошка она увидѣла посѣтителя, о которомъ говорила Татьяна. Онъ былъ ей незнакомъ. — Но въ ту же минуту изъ-за угла дома показался Соломинъ.

Маленькій хромой человѣчекъ быстро подошелъ къ нему, протянулъ ему руку.—Соломинъ взялъ ее. Онъ, очевидно, зналъ этого человѣка. Оба скрылись...

Но вотъ уже слышатся ихъ шаги по лѣстницѣ... Они идутъ сюда...

Маріанна проворно вернулась въ свою комнату—и остановилась посерединѣ, съ трудомъ переводя дыханіе. — Ей было страшно... чего? Она сама не знала.

Голова Соломина показалась въ дверяхъ.

— Маріанна Викентьевна, позвольте войти къ вамъ. Я привелъ человѣка, котораго вамъ непремѣнно нужно видѣть.

Маріанна только головой кивнула въ отвѣтъ, и вслѣдъ за Соломинымъ явился—Паклинъ.

XXXIII.

— Я другъ вашего супруга,—промолвилъ онъ, низко склоняясь передъ Маріанной и какъ-бы стараясь скрыть отъ нея свое перетревоженное, перепуганное лицо;—я также другъ Василія Ѳедотыча. Алексѣй Дмитричъ спитъ—онъ, я слышу, нездоровъ; а я, къ сожалѣнью, привезъ дурныя вѣсти, которыя я уже успѣлъ частью сообщить Василію Ѳедотычу—и вслѣдствіе которыхъ нужно принять нѣкоторыя рѣшительныя мѣры.

Голосъ Паклина безпрестанно обрывался какъ у человѣка, котораго сушитъ и мучитъ жажда.—Вѣсти, которыя онъ привезъ, были дѣйствительно очень дурны. —Маркелова схватили крестьяне и препроводили въ городъ. Дурковатый приказчикъ выдалъ Голушкина: его арестовали.—Онъ, въ свою очередь, все и

всѣхъ выдаетъ, желаетъ перейти въ православіе, жертвуетъ въ гимназію портретъ митрополита Филарета и препроводилъ уже пять тысячъ рублей для раздачи «увѣчнымъ воинамъ».—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ выдалъ Нежданова; полиція можетъ ежеминутно нагрянуть на фабрику. Василію Ѳедотычу тоже грозитъ опасность.—Что касается до меня,—прибавилъ Паклинъ,—то я удивляюсь, какъ я еще расхаживаю на свободѣ; хотя вѣдь собственно политикой я никогда не занимался и ни въ какихъ планахъ не участвовалъ!—Я воспользовался забывчивостью или оплошностью полиціи, чтобы предувѣдомить васъ и сообразить, какія можно употребить средства... къ удаленію всякихъ непріятностей.

Маріанна выслушала Паклина до конца.—Она не испугалась—она даже осталась спокойною... Но вѣдь точно: надобно же было что-нибудь предпринять!—Первымъ ея движеніемъ было обратить глаза на Соломина.

Онъ тоже казался спокойнымъ; только вокругъ губъ чуть-чуть шевелились мускулы—и это была не его обычная улыбка.

Соломинъ понялъ значеніе Маріаннина взгляда: она ждала, что̀ онъ скажетъ, чтобы такъ и поступить.

— Дѣло, дѣйствительно, довольно щекотливое,—началъ онъ:—Нежданову, я полагаю, не худо на время скрыться. — Кстати, какимъ манеромъ узнали вы, что онъ здѣсь, г. Паклинъ?

Паклинъ махнулъ рукою.

— Одинъ индивидуй сказалъ. Видѣлъ его, когда онъ расхаживалъ по окрестностямъ и проповѣдывалъ. — Ну, и выслѣдилъ его, хоть и не съ дурной цѣлью.—Онъ изъ сочувствующихъ.—Извините, — прибавилъ онъ, обратившись къ Маріаннѣ; — но, право же, другъ нашъ Неждановъ былъ очень... очень неостороженъ.

— Упрекать его теперь не къ чему,—заговорилъ опять Соломинъ.—Жаль, что съ нимъ посовѣтоваться нельзя; но до завтра болѣзнь его пройдетъ—а полиція не такъ быстра, какъ вы предполагаете. Вѣдь и вамъ, Маріанна Викентьевна, придется съ нимъ удалиться.

— Непремѣнно,—глухо, но твердо отвѣчала Маріанна.

— Да!—сказалъ Соломинъ. — Надо будетъ подумать; — надо будетъ поискать: гдѣ и ка̀къ?

— Позвольте изложить вамъ одну мысль,—началъ Паклинъ;—мысль эта пришла мнѣ въ голову, когда я сюда ѣхалъ. Спѣшу замѣтить, что извозчика изъ города я отпустилъ за версту отсюда.

— Какая эта мысль?—спросилъ Соломинъ.

— Вотъ что. — Дайте мнѣ сейчасъ лошадей... и я поскачу къ Сипягинымъ.

— Къ Сипягинымъ!—повторила Маріанна...—Зачѣмъ?

— А вотъ увидите.

— Да развѣ вы ихъ знаете?

— Ни малѣйше! Но послушайте.—Обсудите мою мысль хорошенько. Она мнѣ кажется просто геніальной.—Вѣдь Маркеловъ—зять Сипягина, братъ его жены. Не такъ ли? Неужели же этотъ баринъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы спасти его? И къ тому же — самъ Неждановъ! — Положимъ, что г. Сипягинъ сердитъ на него... Но вѣдь все же Неждановъ сталъ его родственникомъ, женившись на васъ. И опасность, которая виситъ надъ головою нашего друга...

— Я не замужемъ,—замѣтила Маріанна.

Паклинъ даже вздрогнулъ.

— Какъ?! Не успѣли въ теченіи всего этого времени!—Ну, ничего,—прибавилъ онъ:—соврать можно. Все равно: вы теперь вступите же въ бракъ.—Право, другого ничего не придумаешь!— Обратите вниманіе на то, что до сихъ поръ Сипягинъ не рѣшился васъ преслѣдовать. Слѣдовательно, въ немъ есть нѣкоторое... великодушіе.—Я вижу, вамъ это выраженіе не нравится—скажемъ: нѣкоторая чванливость. Отчего же намъ ею не воспользоваться и въ данномъ случаѣ? Посудите!

Маріанна подняла голову и провела рукой по волосамъ.

— Вы можете пользоваться чѣмъ вамъ угодно для Маркелова, г. Паклинъ... или для васъ самихъ; но мы съ Алексѣемъ не желаемъ ни заступничества, ни покровительства г-на Сипягина. Мы покинули его домъ не для того, чтобы стучаться въ его дверь просителями. Ни до великодушія, ни до чванливости г-на Сипягина или его жены намъ нѣтъ никакого дѣла!

— Это—чувства весьма похвальныя,—отвѣчалъ Паклинъ— (а самъ подумалъ: «вишь ты! какъ водой меня окатила»)—хотя съ другой стороны, если сообразить... Впрочемъ, я готовъ повиноваться. Буду хлопотать о Маркеловѣ, объ одномъ нашемъ добромъ Маркеловѣ!—Замѣчу только, что онъ ему родственникъ не по крови—а по женѣ—между тѣмъ какъ вы...

— Г-нъ Паклинъ, прошу васъ!

— Слушаю... слушаю!—Только не могу не выразить своего сожалѣнія, потому что Сипягинъ человѣкъ очень сильный!..

— А за себя вы не боитесь?—спросилъ Соломинъ.

Паклинъ выставилъ грудь.

— Въ подобныя минуты о себѣ не слѣдуетъ думать!—про-

молвилъ онъ гордо.—А между тѣмъ онъ именно думалъ о себѣ.—Онъ хотѣлъ (бѣдненькій, слабенькій!) забѣжать, какъ говорится, зайцемъ. Въ силу оказанной услуги, Сипягинъ могъ, если бы предстала въ томъ нужда, замолвить о немъ слово.—Вѣдь и онъ,—какъ тамъ ни толкуй! былъ замѣшанъ,—слышалъ... и даже самъ болталъ!

— Я нахожу, что ваша мысль — недурна, промолвилъ наконецъ Соломинъ,—хоть собственно на успѣхъ надѣюсь мало. Во всякомъ случаѣ, попытаться можно. Испортить — вы ничего не испортите.

— Конечно, ничего.—Ну—положимъ самое худшее: прогонятъ меня въ зашеи... Чтò за бѣда!

— Бѣды въ томъ точно нѣтъ никакой... («Merci!» подумалъ Паклинъ—а Соломинъ продолжалъ):—Который-то часъ?—Пятый. Времени терять нечего. Лошади вамъ сейчасъ будутъ. Павелъ!

Но на мѣсто Павла, на порогѣ комнаты показался Неждановъ. — Онъ пошатывался на ногахъ, придерживаясь одной рукой за притолку—и, безсильно раскрывъ губы, глядѣлъ помутившимся взоромъ. Онъ ничего не понималъ.

Паклинъ первый подошелъ къ нему.

— Алёша! воскликнулъ онъ:—вѣдь ты меня признаешь?

Неждановъ посмотрѣлъ на него, медленно мигая:

— Паклинъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— Да, да: это я. Ты нездоровъ?

— Да... Я нездоровъ. Но... зачѣмъ ты здѣсь?

— Зачѣмъ я...—Но въ эту минуту Маріанна тихонько тронула Паклина за локоть. Онъ оглянулся — и увидѣлъ, что она ему дѣлаетъ знаки...—Ахъ, да!—пробормоталъ онъ.—Да... точно! Вотъ видишь ли, Алёша,—прибавилъ онъ громко,—я пріѣхалъ сюда по одному важному дѣлу—и сейчасъ отправляюсь дальше... Тебѣ Соломинъ все разскажетъ—а также Маріанна... Маріанна Викентьевна. — Они оба вполнѣ одобряютъ мое намѣреніе.—Дѣло идетъ обо всѣхъ насъ: — то-есть нѣтъ, нѣтъ,—подхватилъ онъ въ отвѣтъ на взглядъ и движеніе Маріанны...—Дѣло идетъ о Маркеловѣ; о нашемъ общемъ пріятелѣ Маркеловѣ; — о немъ одномъ. Но теперь прощай! Минута каждая дорогá,—прощай, другъ... Мы еще увидимся. — Василій Ѳедотычъ, угодно вамъ пойти со мною распорядиться на счетъ лошадей?

— Извольте.—Маріанна, я хотѣлъ-было сказать вамъ: будьте тверды! Да это не нужно.—Вы—настоящая!

— О, да! О, да!— поддакнулъ Паклинъ.—Вы римлянка вре-

менъ Катона! Утическаго Катона! Однако пойдемте, Василій Өедотычъ—пойдемте!

— Успѣете,—съ лѣнивой усмѣшкой промолвилъ Соломинъ. Неждановъ посторонился немного, чтобы пропустить ихъ обоихъ... Но въ глазахъ его было все тоже непониманіе. Потомъ онъ шагнулъ раза два—и тихо сѣлъ на стулъ, лицомъ къ Маріаннѣ.

— Алексѣй—сказала она ему:—все открылось; Маркелова схватили крестьяне, которыхъ онъ пытался поднять; онъ сидитъ арестованнымъ въ городѣ, такъ же, какъ и тотъ купецъ, съ которымъ ты обѣдалъ; вѣроятно и за нами скоро пріѣдетъ полиція.—А Паклинъ отправился къ Сипягину.

— Зачѣмъ?—прошепталъ едва слышно Неждановъ. Но глаза его просвѣтлѣли — лицо приняло обычное выраженіе. Хмѣль мгновенно соскочилъ съ него.

— А за тѣмъ, чтобы попытаться, не заступится ли онъ.

Неждановъ выпрямился.—...За насъ?

— Нѣтъ; за Маркелова. Онъ хотѣлъ-было просить и за насъ... да я не позволила.—Хорошо я сдѣлала, Алексѣй?

— Хорошо ли?—промолвилъ Неждановъ, и, не поднимаясь со стула, протянулъ къ ней руки.—Хорошо ли?—повторилъ онъ—и, приблизивъ ее къ себѣ и прижавшись лицомъ къ ея стану, внезапно залился слезами.

— Чтó съ тобой? Чтó съ тобой?—воскликнула Маріанна.—Какъ тотъ разъ, когда онъ палъ передъ ней на колѣни, замирая и задыхаясь отъ внезапно нахлынувшей страсти, она и теперь положила обѣ свои руки на его трепетавшую голову.—Но чтó *она* теперь чувствовала — было уже совсѣмъ не тò, что тогда.—Тогда она отдавалась ему — она покорялась — и только ждала, чтó онъ ей скажетъ.—Теперь она жалѣла его—и только думала о томъ, какъ бы его успокоить.

— Что съ тобой? — повторила она. — Зачѣмъ ты плачешь? Неужели оттого, что ты пришелъ домой въ немного странномъ видѣ? Быть не можетъ! — Или тебѣ жаль Маркелова — и страшно за меня, за себя? Или нашихъ надеждъ тебѣ жаль? Не ожидалъ же ты, что все пойдетъ какъ по маслу!

Неждановъ вдругъ приподнялъ голову.

— Нѣтъ, Маріанна,— проговорилъ онъ, какъ-бы оборвавъ свои рыданья:—не страшно мнѣ ни за тебя, ни за себя... А точно... мнѣ жаль...

— Кого?

— Тебя, Маріанна! Мнѣ жаль, что ты соединила свою судьбу съ человѣкомъ, который этого не стóитъ.

— Почему такъ?

— А хоть бы потому, что этотъ человѣкъ, въ такую минуту, можетъ плакать!

— Это не ты плачешь; плачутъ твои нервы.

— Мои нервы и я—все едино!—Ну, послушай, Маріанна, посмотри мнѣ въ глаза: неужели ты можешь мнѣ теперь сказать, что не раскаяваешься...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что ты ушла со мною?

— Нѣтъ!

— И ты пойдешь со мною дальше? Всюду?

— Да!

— Да? Маріанна... да?

— Да. Я дала тебѣ руку, и пока ты будешь тѣмъ, кого я полюбила—я ея не отниму.

Неждановъ продолжалъ сидѣть на стулѣ; Маріанна стояла передъ нимъ. Его руки лежали вокругъ ея стана; ея руки опирались объ его плечи.—«Да»; «нѣтъ»—думалъ Неждановъ... «а между тѣмъ бывало прежде—когда мнѣ случалось держать ее въ своихъ объятіяхъ—вотъ такъ, какъ теперь—ея тѣло оставалось по крайней мѣрѣ неподвижнымъ; а теперь, я чувствую: оно тихо, и—быть можетъ противъ ея воли—бѣжитъ отъ меня прочь!»

Онъ разжалъ свои руки... И точно: Маріанна чуть замѣтно отодвинулась назадъ.

— Вотъ что!—промолвилъ онъ громко.—Вѣдь если мы должны бѣжать... прежде чѣмъ полиція насъ накрыла... я думаю, не худо бы намъ сперва обвѣнчаться. Въ другомъ мѣстѣ, пожалуй, такого податливаго попа Зосиму не найдешь!

— Я готова,—промолвила Маріанна.

Неждановъ внимательно посмотрѣлъ на нее.

— Римлянка!—проговорилъ онъ съ нехорошей полуулыбкой.—Чувство долга!

Маріанна пожала плечомъ.

— Надо будетъ сказать Соломину.

— Да... Соломину...—протянулъ Неждановъ. — Но вѣдь и ему, чай, угрожаетъ опасность. Полиція и его возьметъ.—Мнѣ, кажется, онъ участвовалъ и зналъ еще больше моего.

— Это мнѣ неизвѣстно,—отвѣчала Маріанна.—Онъ никогда не говоритъ о самомъ себѣ.

— «Не тó, что я!» подумалъ Неждановъ.—«Вотъ чтó она хотѣла сказать».—Соломинъ... Соломинъ!—прибавилъ онъ, послѣ

долгаго молчанія.—Вотъ, Маріанна, я бы не жалѣлъ тебя, еслибъ человѣкъ, съ которымъ ты связала навсегда свою жизнь, — былъ такой же, какъ Соломинъ... или былъ самъ Соломинъ.

Маріанна въ свою очередь внимательно посмотрѣла на Нежданова.

— Ты не имѣлъ права это сказать,—промолвила она наконецъ.

— Не имѣлъ права! — Въ какомъ смыслѣ мнѣ понять эти слова? Въ томъ ли, что ты *меня* любишь—или въ томъ, что я не долженъ былъ вообще касаться этого вопроса?

— Ты не имѣлъ права,—повторила Маріанна.

Неждановъ понурилъ голову.

— Маріанна!—произнесъ онъ нѣсколько измѣнившимся голосомъ.

— Чтó?

— Еслибъ я теперь... еслибъ я сдѣлалъ тебѣ тотъ вопросъ, ты знаешь!.. Нѣтъ, я ничего у тебя не спрошу... прощай.

Онъ всталъ и вышелъ; Маріанна его не удерживала. Неждановъ сѣлъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Онъ пугался своихъ собственныхъ мыслей и старался не размышлять.—Онъ чувствовалъ одно: какая-то темная подземная рука ухватилась за самый корень его существованія—и уже не выпуститъ его. Онъ зналъ, что тò хорошее, дорогое существо, которое осталось въ сосѣдней комнатѣ, къ нему не выйдетъ;— а войти къ нему онъ не посмѣетъ. Да и къ чему? Чтò сказать?

Быстрые, твердые шаги заставили его раскрыть глаза.—Соломинъ переходилъ черезъ его комнату и, постучавшись въ дверь Маріанны, вошелъ къ ней.

— Честь и мѣсто! шепнулъ горькимъ шопотомъ Неждановъ.

XXXIV.

Было уже десять часовъ вечера и въ гостиной села Аржанаго—Сипягинъ, его жена и Калломѣйцевъ играли въ карты, когда вошедшій лакей доложилъ о пріѣздѣ какого-то незнакомца, г. Паклина, который желалъ видѣть Бориса Андреича по самонужнѣйшему и важнѣйшему дѣлу.

— Такъ поздно!—удивилась Валентина Михайловна.

— Кàкъ?—спросилъ Борисъ Андреичъ—и наморщилъ свой красивый носъ.—Какъ ты сказалъ фамилію этого господина?

— Они сказали: Паклинъ-съ.

— Паклинъ!—воскликнулъ Калломѣйцевъ. Прямо деревенское имя.—Паклинъ... Соломинъ... De vrais noms ruraux, hein?

— И ты говоришь,—продолжалъ Борисъ Андреичъ, обращаясь къ лакею все съ тѣмъ же наморщеннымъ носомъ, — что дѣло его важное, нужное?

— Они говорятъ-съ.

— Гмъ... Какой-нибудь нищій или интриганъ. — («Или то и другое вмѣстѣ», ввернулъ Калломѣйцевъ). — Очень можетъ быть. Попроси его въ кабинетъ. — Борисъ Андреичъ всталъ. — Pardon, ma bonne. — Сыграйте, пока, въ экартэ. — Или подождите меня... я скоро вернусь.

— Nous causerons... allez! промолвилъ Калломѣйцевъ.

Когда Сипягинъ вошелъ къ себѣ въ кабинетъ и увидалъ мизерную, тщедушную фигурку Паклина, смиренно прижавшуюся въ простѣнокъ между каминомъ и дверью — имъ овладѣло то истинно-министерское чувство высокомѣрной жалости и гадливаго снисхожденія, которое столь свойственно петербургскому сановному люду. — «Господи! Какая несчастная пиголица!» подумалъ онъ; «да еще, кажется, хромаетъ!»

— Садитесь,—промолвилъ онъ громко, пуская въ ходъ свои благосклоннѣйшія баритонныя ноты, пріятно подергивая назадъ закинутой головкой — и садясь прежде гостя. — Вы, я полагаю, устали съ дороги; садитесь и объяснитесь: какое такое важное дѣло привело васъ ко мнѣ столь поздно?

— Я, ваше превосходительство,—началъ Паклинъ, осторожно опускаясь на кресло, — позволилъ себѣ явиться къ вамъ...

— Погодите, погодите,—перебилъ его Сипягинъ.—Я васъ вижу не въ первый разъ. Я никогда не забываю ни одного лица, съ которымъ мнѣ случилось встрѣтиться; я помню все. — А... а... а... Собственно... гдѣ я васъ встрѣтилъ?

— Вы, ваше превосходительство, не ошибаетесь. —Я имѣлъ честь встрѣтиться съ вами въ Петербургѣ, у одного человѣка, который... который съ тѣхъ поръ... къ сожалѣнію... возбудилъ ваше негодованіе...

Сипягинъ быстро поднялся съ кресла.

— У г-на Нежданова! Я вспоминаю теперь. — Ужъ не отъ него ли вы пріѣхали?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; напротивъ... я...

Сипягинъ снова сѣлъ.

— И хорошо сдѣлали. Потому что я, въ такомъ случаѣ, попросилъ бы васъ немедленно удалиться. — Никакого посредника между мною и г-мъ Неждановымъ я допустить не могу.

Г-нъ Неждановъ нанесъ мнѣ одно изъ тѣхъ оскорбленій, которыя не забываются... Я выше мести; — но ни о немъ я не хочу ничего знать, ни о той дѣвицѣ, — впрочемъ болѣе развращенной умомъ, нежели сердцемъ (эту фразу Сипягинъ повторялъ чуть не въ тридцатый разъ послѣ бѣгства Маріанны) — которая рѣшилась покинуть кровъ дома, ее пріютившаго, чтобы сдѣлаться любовницей безроднаго проходимца! — Довольно съ нихъ того, что я ихъ забываю!

При этомъ послѣднемъ словѣ Сипягинъ двинулъ кистью руки прочь отъ себя, снизу вверхъ.

— Я забываю ихъ, милостивый государь!

— Ваше превосходительство, я уже доложилъ вамъ, что я явился сюда не отъ ихъ имени; — хотя все-таки могу, между прочимъ, сообщить вашему превосходительству, что они уже сочетались узами законнаго брака... («А! все равно!» подумалъ Паклинъ: «я сказалъ, что совру... вотъ и совралъ. Куда ни шло!»).

Сипягинъ поёрзалъ затылкомъ по спинкѣ кресла, вправо и влѣво.

— Это меня нисколько не интересуетъ, милостивый государь.— Однимъ глупымъ бракомъ на свѣтѣ больше — вотъ и все. — Но какое же тó самонужнѣйшее дѣло, которому я обязанъ удовольствіемъ вашего посѣщенія?

«А! проклятый директоръ департамента!» снова подумалъ Паклинъ. — «Будетъ тебѣ ломаться, англійская морда!»

— Братъ вашей супруги, — промолвилъ онъ громко — г-нъ Маркеловъ—схваченъ мужиками, которыхъ вздумалъ возмущать— и сидитъ въ заперти въ губернаторскомъ домѣ.

Сипягинъ вскочилъ во второй разъ.

— Чтó... чтó вы сказали? — залепеталъ онъ ужъ вовсе не министерскимъ баритономъ, — а такъ, какою-то гортанной дрянью.

— Я сказалъ, что вашъ зять схваченъ и сидитъ на цѣпи. — Я, какъ только узналъ объ этомъ, взялъ лошадей и пріѣхалъ васъ предувѣдомить. Я полагалъ, что могу оказать этимъ нѣкоторую услугу и вамъ и тому несчастному, котораго вы можете спасти!

— Очень вамъ благодаренъ, — проговорилъ все тѣмъ же слабымъ голосомъ Сипягинъ — и съ размаху ударивъ ладонью по колокольчику въ видѣ гриба, наполнилъ весь домъ металлическимъ звономъ стального тэмбра. — Очень вамъ благодаренъ, — повторилъ онъ уже болѣе рѣзко; — но знайте: человѣкъ, рѣшившійся попрать всѣ законы божескіе и человѣческіе, будь онъ сто разъ мнѣ родственникъ—въ моихъ глазахъ не есть несчастный; онъ— преступникъ!

Лакей вскочилъ въ кабинетъ.

— Изволите приказать?

— Карету! Сію минуту карету четверней! — Я ѣду въ городъ. — Филиппъ и Степанъ со мною! Лакей выскочилъ. — Да, сударь, мой зять — есть преступникъ; и въ городъ ѣду я не за тѣмъ, чтобы его спасать! — О, нѣтъ!

— Но, ваше превосходительство...

— Таковы мои правила, милостивый государь; — и прошу меня возраженіями не утруждать!

Сипягинъ принялся ходить взадъ и впередъ по кабинету, — а Паклинъ даже глаза вытаращилъ. — «Фу ты, чортъ!» думалъ онъ: — «да вѣдь про тебя говорили, что ты либералъ?! — А ты левъ рыкающій!»

Дверь распахнулась — и проворными шагами вошли: сперва Валентина Михайловна, — а за нею Калломѣйцевъ.

— Чтó это значитъ, Борисъ? ты велѣлъ карету заложить? ты ѣдешь въ городъ? Чтó случилось?

Сипягинъ приблизился къ женѣ — и взялъ ее за правую руку, между локтемъ и кистью. — Il faut vous armer de courage, ma chère. — Вашего брата арестовали.

— Моего брата? Серёжу? за что?

— Онъ проповѣдывалъ мужикамъ соціалистическія теоріи! — (Калломѣйцевъ слабо взвизгнулъ). — Да! Онъ проповѣдывалъ имъ революцію, онъ пропагандировалъ! Они его схватили — и выдали. — Теперь онъ сидитъ... въ городѣ.

— Безумецъ! Но кто это сказалъ?..

— Вотъ господинъ... господинъ... какъ бишь его?.. Господинъ Конопатинъ привезъ эту вѣсть.

Валентина Михайловна взглянула на Паклина. Тотъ уныло поклонился. — («А! баба какая знатная!» — подумалось ему. — Даже въ подобныя трудныя минуты... ахъ, какъ былъ доступенъ Паклинъ вліянью женской красоты!)

— И ты хочешь ѣхать въ городъ — такъ поздно?

— Я еще застану губернатора на ногахъ.

— Я всегда предсказывалъ, что это такъ должно было кончиться, — вмѣшался Калломѣйцевъ. — Это не могло быть иначе! — Но какіе славные русскіе наши мужички! — Чудо! — Pardon, madame, c'est votre frère! Mais la vérité avant tout!

— Неужели ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать, Боря? — спросила Валентина Михайловна.

— Я убѣжденъ также, — продолжалъ Калломѣйцевъ, — что и тотъ, тотъ *учитель*, г-нъ Неждановъ, тутъ же замѣшанъ. — J'en

mettrais ma main au feu.—Это все одна шайка! Его не схватили? Вы не знаете?

Сипягинъ опять двинулъ кистью руки.

— Не знаю—и не желаю знать! Кстати,—прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ—il parait qu'ils sont mariés.

— Кто это сказалъ? Тотъ же господинъ?—Валентина Михайловна опять посмотрѣла на Паклина, но прищурилась на этотъ разъ.

— Да; тотъ же.

— Въ такомъ случаѣ,—подхватилъ Калломѣйцевъ,—онъ непремѣнно знаетъ, гдѣ они.—Вы знаете, гдѣ они? Знаете, гдѣ они? А? А? А? Знаете?—Калломѣйцевъ началъ шмыгать передъ Паклинымъ, какъ-бы желая преградить ему дорогу, хотя тотъ и не изъявлялъ никакого поползновенія бѣжать.—Да говорите же? Отвѣчайте! А? А? Знаете? Знаете?

— Хотя бы зналъ-съ,—промолвилъ съ досадой Паклинъ,—въ немъ жолчь наконецъ шевельнулась и глазки его заблистали:—хоть бы зналъ-съ, вамъ бы не сказалъ-съ.

— О...о...о... — пробормоталъ Калломѣйцевъ... Слышите... Слышите!—Да этотъ тоже—этотъ тоже, должно быть, изъ ихъ банды!

— Карета готова!—гаркнулъ вошедшій лакей.

Сипягинъ схватилъ свою шляпу красивымъ, бойкимъ жестомъ;—но Валентина Михайловна такъ настойчиво стала его упрашивать остаться до завтрашняго утра; она представила ему такіе убѣдительные доводы: и ночь-то на дворѣ, и въ городѣ всѣ будутъ спать, и онъ только разстроитъ свои нервы и простудиться можетъ—что Сипягинъ, наконецъ, согласился съ нею; воскликнулъ:

— Повинуюсь!—и такимъ же красивымъ, но уже не бойкимъ жестомъ поставилъ шляпу на столъ.

— Карету отложить!—скомандовалъ онъ лакею;—но завтра ровно въ шесть часовъ утра чтобы она была готова! Слышишь?—Ступай!—Стой!—Экипажъ господина... господина гостя отослать! Извозчику заплатить!—А? Вы, кажется, что-то говорите, г-нъ Конопатинъ?—Я возьму васъ завтра съ собою, г-нъ Конопатинъ!—Чтó вы говорите? Я не слышу... Вы вѣдь пьете водку?—Подай водки г-ну Конопатину!—Нѣтъ? Не пьете?—Въ такомъ случаѣ... Ѳедоръ! Отведи ихъ въ зеленую комнату!—Спокойной ночи, г-нъ Коно...

Паклинъ вышелъ наконецъ изъ терпѣнія.

— Паклинъ!—завопилъ онъ.—Моя фамилія: Паклинъ!

— Да... да; ну, да это все равно.—Похоже—знаете. Какой у васъ однако громкій голосъ, при вашей сухощавой комплекціи!—До завтра, г-нъ Паклинъ... *Тâкъ* я теперь сказалъ?—Siméon, vous viendrez avec nous?

— Je crois bien!

И Паклина отвели въ зеленую комнату. И даже заперли его. Ложась спать, онъ слышалъ, какъ щолкнулъ ключъ въ звонкомъ англійскомъ замкѣ.—Сильно онъ себя выбранилъ за свою «геніальную» мысль—и спалъ очень дурно.

На другое утро рано, въ половинѣ шестого, его пришли разбудить. Подали ему кофе; пока онъ пилъ—лакей, съ пестрымъ аксельбантомъ на плечѣ, ждалъ, держа подносъ на рукахъ и переминаясь ногами: «Поспѣшай-молъ — господа дожидаются». Потомъ его повели внизъ. Карета уже стояла передъ домомъ.— Тутъ же стояла и коляска Калломѣйцева. Сипягинъ появился на крыльцѣ, въ камлотовой шинели съ круглымъ воротникомъ. Такихъ шинелей никто уже давно не носилъ, за исключеніемъ одного очень сановнаго лица, которому Сипягинъ старался прислуживать и подражать. Въ важныхъ оффиціальныхъ случаяхъ онъ потому и надѣвалъ подобную шинель.

Сипягинъ довольно привѣтливо раскланялся съ Паклинымъ— и энергическимъ движеніемъ руки указавъ ему на карету, попросилъ его сѣсть въ нее.—Г-нъ Паклинъ, вы ѣдете со мною, г-нъ Паклинъ! Положите на козла сакъ-вояжъ г-на Паклина! Я везу г-на Паклина—говорилъ онъ, напирая на слово: Паклинъ! и на букву: *а*! «Ты, молъ, имѣешь такое прозвище да еще обижаешься, когда тебѣ его иначать?—Такъ вотъ же тебѣ! Кушай! Подавись!»—Г-нъ Паклинъ! Паклинъ!! Звучно раздавалось злосчастное имя въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ. Онъ былъ такъ свѣжъ, что заставилъ вышедшаго за Сипягинымъ Калломѣйцева нѣсколько разъ произнести по-французски: Brrr! brrr! brrr!—и плотнѣе завернуться въ шинель, садясь въ свою щегольскую коляску съ откинутымъ вéрхомъ.—(Бѣдный его другъ, князь Михаилъ Сербскій Обреновичъ, увидѣвъ ее, купилъ себѣ точно такую же у Бендера... «Vous savez, Binder, le grand carrossier des Champs Elysées?») Изъ-за полураскрытыхъ ставень окна въ спальнѣ выглядывала «въ чепцѣ, въ ночномъ платочкѣ», Валентина Михайловна.

Сипягинъ сѣлъ, сдѣлалъ ей ручкой.

— Вамъ ловко, г-нъ Паклинъ?—Трогай!

— Je vous recommande mon frère! épargnez-le!—послышался голосъ Валентины Михайловны.

— Soyez tranquille! — воскликнулъ Калломѣйцевъ, бойко взглянувъ на нее изъ-подъ околыша какой-то, имъ самимъ сочиненной, дорожной фуражки съ кокардой... C'est surtout l'autre, qu'il faut pincer!

— Трогай!—повторилъ Сипягинъ. — Г-нъ Паклинъ, вамъ не холодно?—Трогай!

Экипажи покатились.

Первыя десять минутъ и Сипягинъ, и Паклинъ безмолвствовали.—Злополучный Силушка, въ своемъ неказистомъ пальтишкѣ и помятой фуражкѣ, казался еще мизернѣе на темно-синемъ фонѣ богатой шелковой матеріи, которою была обита внутренность кареты. Онъ молча оглядывалъ и тонкія голубыя шторы, быстро взвивавшіяся отъ одного прикосновенія пальца къ пружинѣ, и полость изъ нѣжнѣйшей бѣлой бараньей шерсти въ ногахъ — и вдѣланный спереди ящикъ краснаго дерева съ выдвижной дощечкой для письма и даже пблочку для книгъ — (Борисъ Андреичъ, не тó что любилъ, — а желалъ, чтобы другіе думали, что онъ любитъ—работать въ каретѣ, подобно Тьéру, во время путешествія). Паклинъ чувствовалъ робость. Сипягинъ раза два взглянулъ на него черезъ выбритую до лоску щеку—и съ медлительной важностью вынувъ изъ бокового кармана серебряную сигарочницу съ кудрявымъ вензелемъ славянской вязью — предложилъ... дѣйствительно предложилъ ему сигару, едва держа ее между вторымъ и третьимъ пальцемъ руки, облеченной въ желтую англійскую перчатку изъ собачьей кожи!

— Я не курю — пробормоталъ Паклинъ.

— А! — отвѣчалъ Сипягинъ, и самъ закурилъ сигару, которая оказалась превосходнѣйшей регаліей.

— Я долженъ вамъ сказать... любезный господинъ Паклинъ,—началъ онъ, вѣжливо попыхивая и испуская тонкія, круглыя струйки благовоннаго дыма...—что я... въ сущности... очень вамъ... благодаренъ... Я могъ показаться... вамъ вчера... нѣсколько рѣзкимъ... чтó не въ моемъ... характерѣ.—(Сипягинъ съ намѣреніемъ неправильно разсѣкалъ свою рѣчь). Смѣю васъ въ этомъ увѣрить.—Но, г-нъ Паклинъ! войдите же и вы въ мое... положеніе — (Сипягинъ перекатилъ сигару изъ одного угла рта въ другой). Мѣсто, которое я занимаю, ставитъ меня... такъ сказать... на виду; и вдругъ... братъ моей жены... компрометтируетъ и себя... и меня такимъ невѣроятнымъ образомъ! А? Г-нъ Паклинъ! — Вы, можетъ быть, думаете: это — ничего?

— Я этого не думаю, ваше превосходительство.

— Вы не знаете, за что собственно... и гдѣ именно его арестовали?

— Слышалъ я, что въ Т.....мъ уѣздѣ.

— Отъ кого вы это слышали?

— Отъ... отъ одного человѣка.

— Конечно, не отъ птицы. — Но отъ какого человѣка?

— Отъ... отъ одного помощника правителя дѣлъ канцеляріи губернатора.

— Какъ его зовутъ?

— Правителя?

— Нѣтъ! Помощника?

— Его... его зовутъ Ульяшевичемъ. Онъ очень хорошій чиновникъ, ваше превосходительство. — Узнавъ объ этомъ происшествіи, я тотчасъ поспѣшилъ къ вамъ.

— Ну, да, ну, да! — И я повторяю, что весьма вамъ благодаренъ. — Но какое безуміе! Вѣдь это безуміе? а? Г-нъ Паклинъ? а?

— Совершенное безуміе! — воскликнулъ Паклинъ — а у самого по спинѣ теплой змѣйкой заструился потъ. — Это значитъ, — продолжалъ онъ: — не понимать вовсе русскаго мужика. — У г-на Маркелова, сколько я его знаю, сердце очень доброе и благородное; — но русскаго мужика онъ никогда не понималъ. (Паклинъ глянулъ на Сипягина, который, слегка повернувшись къ нему, обдавалъ его холоднымъ, но не враждебнымъ взоромъ). — Русскаго мужика даже въ бунтъ можно вовлечь не иначе, какъ пользуясь его преданностью высшей власти, царскому роду. Должно выдумать какую-нибудь легенду — вспомните лже-Димитрія; — показать какіе-нибудь царскіе знаки на груди, выжженные раскаленными пятаками.

— Да, да, какъ Пугачовъ, — перебилъ Сипягинъ такимъ тономъ, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Мы исторію еще не забыли... не расписывай!» — И прибавивъ: — Это безуміе! это безуміе! — погрузился въ созерцаніе быстрой струйки дыма, поднимавшейся съ конца сигары.

— Ваше превосходительство! — замѣтилъ осмѣлившійся Паклинъ: — я сейчасъ сказалъ вамъ, что я не курю.... но это неправда — я курю; и сигара ваша такъ восхитительно пахнетъ....

— А? что? что такое? — проговорилъ Сипягинъ, какъ-бы просыпаясь; — и не давши Паклину повторить сказанное, чѣмъ самымъ несомнѣнно доказалъ, что очень хорошо слышалъ его слова, но сдѣлалъ учащенные вопросы единственно для важности, — подалъ ему раскрытую сигарочницу.

Паклинъ осторожно и благодарно закурилъ.

«Вотъ, кажется, удобная минута», подумалъ онъ; но Сипягинъ его предупредилъ.

— Вы, помнится, говорили мнѣ также,—произнесъ онъ небрежнымъ голосомъ, перерывая самого себя, разсматривая свою сигару, передвигая шляпу съ затылка на лобъ:—вы говорили.... а? вы говорили о томъ... о томъ вашемъ пріятелѣ, который женился на моей... родственницѣ.—Вы ихъ видаете?—Они не далеко поселились отсюда?

(«Эге!»—подумалъ Паклинъ:—«Сила, берегись!»).

— Я ихъ видѣлъ всего разъ, ваше превосходительство! Они живутъ дѣйствительно.... не въ слишкомъ далекомъ разстояніи отсюда.

— Вы, конечно, понимаете,—продолжалъ тѣмъ же манеромъ Сипягинъ,—что я не могу болѣе серьёзно интересоваться, какъ я уже объяснилъ вамъ — ни той легкомысленной дѣвицей, ни вашимъ пріятелемъ.—Боже мой! предразсудковъ у меня нѣтъ, но вѣдь согласитесь: это уже изъ рукъ вонъ.—Глупо, знаете. Впрочемъ, я полагаю, ихъ соединила болѣе политика... (политика!!—повторилъ онъ, и пожалъ плечами)—чѣмъ какое-либо иное чувство.

— И я такъ полагаю, ваше превосходительство!

— Да, г-нъ Неждановъ былъ совсѣмъ красный.—Отдаю ему справедливость: онъ своихъ мнѣній не скрывалъ.

— Неждановъ,—рискнулъ Паклинъ,—быть можетъ, увлекался; но сердце въ немъ....

— Доброе,—подхватилъ Сипягинъ; конечно... конечно, какъ у Маркелова.—У всѣхъ у нихъ сердца добрыя.—Вѣроятно и онъ участвовалъ; — и будетъ тоже завлеченъ.... Придется еще заступаться за него!

Паклинъ сложилъ руки передъ грудью.— Ахъ, да, да, ваше превосходительство!—Окажите ему ваше покровительство! Право... онъ стóитъ... стóитъ вашего участія.

Сипягинъ хмыкнулъ.

— *Вы* полагаете?

— Наконецъ, если не для него... то для вашей племянницы; для его супруги! — (Боже мой! Боже мой!—думалъ Паклинъ, — чтó это я вру!).

Сипягинъ прищурился.

— Вы, я вижу, очень преданный другъ. Это хорошо; это похвально, молодой человѣкъ. — Итакъ, вы говорите, они живутъ здѣсь близко?

— Да, ваше превосходительство; въ одномъ большомъ заведеніи...—Тутъ Паклинъ прикусилъ себѣ языкъ.

Сипягинъ зачмокалъ губами.

— Те, те, те, те.... у Соломина! Вотъ гдѣ! — Впрочемъ, я это зналъ; мнѣ это сказывали; мнѣ говорили.... Да.—(Г-нъ Сипягинъ нисколько этого не зналъ и никто объ этомъ ему не говорилъ; но, вспомнивъ посѣщеніе Соломина, ночныя ихъ свиданія, онъ запустилъ эту удочку.... И Паклинъ разомъ пошелъ на нее).

— Коли вы это знаете,—началъ онъ и вторично прикусилъ языкъ....—Но уже было поздно.... По одному взгляду, брошенному на него Сипягинымъ, онъ понялъ, что тотъ все время игралъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью.

— Впрочемъ, ваше превосходительство, — залепеталъ-было несчастный:—я долженъ сказать, что собственно ничего не знаю...

— Да я васъ не разспрашиваю, помилуйте! Чтó вы?! — За кого вы меня и себя принимаете?—надменно промолвилъ Сипягинъ—и немедленно ушелъ въ свою министерскую высь.

А Паклинъ снова почувствовалъ себя мизернымъ, маленькимъ, пойманнымъ.... До того мгновенія онъ, куря, клалъ свою сигару въ уголъ рта, не обращенный къ Сипягину, и пускалъ дымъ тихонько, въ сторону; тутъ онъ совсѣмъ ее вынулъ изо рта и совсѣмъ перестаіъ курить.

«Боже мой! — внутренно простоналъ онъ — а горячій потъ обильнѣе прежняго заструился по его членамъ.—Чтó это я сдѣлалъ! — Я выдалъ все и всѣхъ.... Меня одурачили, меня подкупили хорошей сигарой!!.. Я доносчикъ... и кáкъ теперь помочь бѣдѣ! Господи!»

Помочь бѣдѣ было невозможно.—Сипягинъ началъ засыпать достойно, важно, тоже какъ министръ, завернувшись въ свою «степенную» шинель.... Къ тому же и четверти часа не прошло, какъ оба экипажа остановились передъ губернаторскимъ домомъ.

XXXV.

Губернаторъ города С.... принадлежалъ къ числу добродушныхъ, беззаботныхъ, свѣтскихъ генераловъ, генераловъ, одаренныхъ удивительно вымытымъ бѣлымъ тѣломъ и почти такой же чистой душой, генераловъ породистыхъ, хорошо воспитанныхъ, и такъ сказать крупитчатыхъ, которые, никогда не готовившись быть «пастырями народовъ», выказываютъ однако весьма изрядныя администраторскія способности—и, мало работая, постоянно вздыхая о Петербургѣ и волочась за хорошенькими провинціальными дамами, приносятъ несомнѣнную пользу губерніи и оставляютъ о

себѣ хорошую память.—Онъ только-что поднялся съ постели—и, сидя въ шелковомъ шлафрокѣ и ночной рубахѣ на распашку передъ туалетнымъ зеркаломъ, вытиралъ себѣ одеколономъ съ водою лицо и шею, съ которой предварительно снялъ цѣлую коллекцію образковъ и ладанокъ,—когда ему доложили о пріѣздѣ Сипягина и Калломѣйцева, по важному и спѣшному дѣлу.—Съ Сипягинымъ онъ былъ очень коротокъ, на «ты»—зналъ его съ молодыхъ лѣтъ, безпрестанно встрѣчался съ нимъ въ Петербургскихъ гостинныхъ—и въ послѣднее время началъ мысленно прибавлять къ его имени—всякій разъ, когда оно приходило ему въ голову—почтительное: А!—какъ къ имени будущаго сановника. Калломѣйцева онъ зналъ нѣсколько меньше, а уважалъ гораздо меньше, такъ какъ на него стали съ нѣкоторыхъ поръ поступать «нехорошія» жалобы; однако считалъ его за человѣка—qui fera son chemin—такъ или иначе.

Онъ велѣлъ попросить посѣтителей пожаловать къ нему въ кабинетъ—и немедленно вышелъ къ нимъ въ томъ же шелковомъ шлафрокѣ, не извиняясь даже, что принимаетъ ихъ въ такомъ неоффиціальнымъ убранствѣ—и дружелюбно потрясая имъ руки.—Впрочемъ, въ кабинетъ губернатора вошли только Сипягинъ и Калломѣйцевъ; Паклинъ остался въ гостиной. Вылѣзая изъ кареты, онъ хотѣлъ-было ускользнуть, пробормотавъ, что у него дома дѣла; но Сипягинъ съ вѣжливой твердостью удержалъ его — (Калломѣйцевъ подскочилъ и шепнулъ Сипягину на ухо: Ne le lachez pas! Tonnerre de tonnerres!)—и повелъ его съ собою. Въ кабинетъ однако онъ его не ввелъ—и попросилъ—все съ тою же вѣжливою твердостью—подождать въ гостиной, пока его позовутъ.—Паклинъ и тутъ надѣялся улизнуть... но въ дверяхъ появился дюжій жандармъ, предупрежденный Калломѣйцевымъ... Паклинъ остался.

— Ты навѣрное догадываешься, чтó меня привело къ тебѣ, Voldemar?—началъ Сипягинъ.

— Нѣтъ, душа, не догадываюсь,—отвѣчалъ милый эпикуреецъ,—между тѣмъ какъ привѣтливая улыбка округляла его розовыя щеки и выставляла его блестящіе зубы, полузакрытые шелковистыми усами.

— Какъ?.. Но вѣдь Маркеловъ?..

— Чтó такое: Маркеловъ?—повторилъ съ тѣмъ же видомъ губернаторъ.—Онъ, во-первыхъ, не совсѣмъ ясно помнилъ, что вчерашняго арестованнаго звали Маркеловымъ;—а во-вторыхъ, онъ совершенно позабылъ, что у жены Сипягина былъ братъ,

носившій эту фамилію.—Да чтó ты стоишь, Борисъ—сядь; не хочешь ли чаю?

Но Сипягину было не до чаю.

Когда онъ растолковалъ наконецъ въ чемъ было дѣло и по какой причинѣ они явились оба съ Калломѣйцевымъ, губернаторъ издалъ огорченное восклицаніе, ударилъ себя по лбу и лицо его приняло выраженіе печальное.

— Да... да... да!—повторялъ онъ:—какое несчастье! И онъ у меня тутъ сидитъ—сегодня—пока; ты знаешь, мы *такихъ* никогда больше одной ночи у себя не держимъ; да жандармскаго начальника нѣтъ въ городѣ: твой зять и застрялъ... Но завтра его препроводятъ. Боже мой, какъ это непріятно! — Какъ твоя жена должна быть огорчена!! Чего же ты хочешь?

— Я бы хотѣлъ свидѣться съ нимъ у тебя здѣсь,—если это не противно закону.

— Помилуй, душа моя!—Для такихъ людей, какъ ты, законъ не писанъ.—Я *тáкъ* тебѣ сочувствую... C'est affreux, tu sais!

Онъ позвонилъ особеннымъ манеромъ. Явился адъютантъ.

— Любезный баронъ, пожалуйста—тамъ—распорядитесь.— Онъ сказалъ ему, кáкъ и чтó сдѣлать. Баронъ исчезъ.—Представь, mon cher ami: вѣдь его чуть не убили мужики. Руки назадъ, въ телѣгу—и маршъ!—И онъ—представь!—нисколько на нихъ не сердится—и не негодуетъ, ей-ей! И вообще такой спокойный... Я удивился! да вотъ ты увидишь самъ. — C'est un fanatique tranquille.

— Ce sont les pires, — сентенціозно произнесъ Калломѣйцевъ.

Губернаторъ посмотрѣлъ на него изподлобья.

— Кстати, мнѣ нужно переговорить съ вами, Семенъ Петровичъ.

— А чтó?

— Да такъ; нехорошо.

— А именно?

— Да знаете, вашъ должникъ-то, мужикъ этотъ, что ко мнѣ жаловаться приходилъ...

— Ну?

— Вѣдь онъ повѣсился.

— Когда?

— Это все равно: когда;—а только нехорошо.

Калломѣйцевъ пожалъ плечами и отошелъ, щегольски покачиваясь, къ окну. Въ это мгновенье адъютантъ ввелъ Маркелова.

Губернаторъ сказалъ о немъ правду: онъ былъ—неестественно спокоенъ.—Даже обычная угрюмость сошла съ его лица—и замѣнилась выраженіемъ какой-то равнодушной усталости. Оно осталось тѣмъ же, когда онъ увидѣлъ своего зятя; и только во взглядѣ, брошенномъ имъ на приведшаго его нѣмца-адъютанта—мелькнулъ мгновенный остатокъ его старинной ненависти къ этому сорту людей.—Пальто на немъ было разорвано въ двухъ мѣстахъ и наскоро зашито толстыми нитками; на лбу, надъ бровью и на переносицѣ виднѣлись небольшія ссадины съ засохшей кровью.—Онъ не умылся; но волосы причесалъ. Глубоко засунувъ обѣ кисти рукъ въ рукава, онъ остановился недалеко отъ двери.—Дышалъ онъ ровно.

— Сергѣй Михайловичъ! —началъ взволнованнымъ голосомъ Сипягинъ, подойдя къ нему шага на два—и протянувъ настолько правую руку, чтобы она могла тронуть—или остановить его, еслибъ онъ сдѣлалъ движеніе впередъ:—Сергѣй Михайловичъ! я прибылъ сюда не для того только, чтобы выразить тебѣ наше изумленіе, наше глубокое огорченіе;—въ немъ ты не можешь сомнѣваться!—Ты самъ *хотѣлъ* погубить себя! И погубилъ!!—Но я желалъ тебя видѣть, чтобы сказать тебѣ... э... э... чтобы дать... чтобы поставить тебя въ возможность услышать голосъ благоразумія, чести, и дружбы! Ты можешь еще облегчить свою участь; и, повѣрь, я съ своей стороны сдѣлаю все, что будетъ отъ меня зависѣть!—Вотъ и почтенный начальникъ здѣшней губерніи тебѣ это подтвердитъ.—Тутъ Сипягинъ возвысилъ голосъ:—Чистосердечное раскаяніе въ твоихъ заблужденіяхъ, полное признаніе, безо всякой утайки, которое будетъ заявлено гдѣ слѣдуетъ...

— Ваше превосходительство—заговорилъ вдругъ Маркеловъ, обращаясь къ губернатору—и самый звукъ его голоса былъ спокоенъ—хоть и немного хриплъ: я полагалъ, что вамъ угодно было меня видѣть—и снова допросить меня, что ли... Но если вы призвали меня только по желанію г-на Сипягина, то велите, пожалуйста, меня отвести: мы другъ друга понять не можемъ.—Все, что онъ говоритъ—для меня таже латынь.

— Позвольте... Латынь!—вмѣшался Калломѣйцевъ заносчиво и писклило:—а это—латынь—бунтовать крестьянъ?—Это—латынь? А? Латынь это?

— Что это у васъ, ваше превосходительство, чиновникъ по тайной полиціи, что ли? Такой усердный?—спросилъ Маркеловъ—и слабая улыбка удовольствія тронула его блѣдныя губы.

Калломѣйцевъ зашипѣлъ, затопалъ ногами... Но губернаторъ остановилъ его.

— Вы сами виноваты, Семенъ Петровичъ. Зачѣмъ мѣшаетесь не въ ваше дѣло?

— Не въ мое дѣло... не въ мое дѣло... Кажется, это дѣло общее... всѣхъ насъ, дворянъ...

Маркеловъ окинулъ Калломѣйцева холоднымъ, медленнымъ,— какъ-бы послѣднимъ взоромъ — и повернулся немного къ Сипягину. — А коли *вы*, зятекъ, хотите, чтобы я вамъ объяснилъ *мои* мысли — такъ вотъ вамъ: я признаю, что крестьяне имѣли право меня арестовать и выдать, коли имъ не нравилось то, чтó я имъ говорилъ.—На то была ихъ воля.—*Я* къ нимъ пришелъ; не они ко мнѣ.—И правительство, — если оно меня сошлетъ въ Сибирь — я роптать не буду — хоть и виноватымъ себя не почту. Оно свое дѣло дѣлаетъ—потому—защищается.— Довольно съ васъ этого?

Сипягинъ воздѣлъ руки горѣ.

— Довольно!! Что за слово! — Не въ томъ вопросъ—и не намъ судить, кáкъ поступитъ правительство; — а я желаю знать, чувствуете ли вы—чувствуешь ли *ты*—Сергѣй—(Сипягинъ рѣшился затронуть сердечныя струны)—безразсудство, безуміе своего предпріятія, готовъ ли ты доказать свое *раскаяніе* на дѣлѣ— и могу ли я поручиться—до нѣкоторой степени поручиться — за тебя, Сергѣй!

Маркеловъ сдвинулъ свои густыя брови.

— Я сказалъ... и повторять сказáнное не хочу.

— Но раскаяніе? раскаяніе гдѣ?

Маркелова вдругъ передернуло.

— Ахъ, отстаньте съ вашимъ «раскаяніемъ!» Вы хотите мнѣ въ душу залѣзть? Предоставьте это—хоть мнѣ самому.

Сипягинъ пожалъ плечами.

— Вотъ ты всегда такъ; не хочешь внять голосу разсудка! Тебѣ предстоитъ возможность раздѣлаться тихо, благородно...

— Тихо, благородно... — повторилъ угрюмо Маркеловъ.— Знаемъ мы эти слова! Ихъ всегда говорятъ тому, кому предлагаютъ сдѣлать подлость. Вотъ чтó онѣ значатъ, эти слова!

— Мы о васъ сожалѣемъ, — продолжалъ усовѣщивать Маркелова Сипягинъ,—а вы насъ ненавидите.

— Хорошо сожалѣніе! Въ Сибирь насъ, въ каторгу — вотъ какъ вы сожалѣете о насъ! Ахъ, оставьте... оставьте вы меня, ради Бога!

И Маркеловъ понурилъ голову.

На душѣ у него было очень смутно, какъ ни тихъ былъ его наружный видъ. Больше всего его грызло и мутило тó, что выдалъ его—кто же? Голоплёцкій Еремѣй! Тотъ Еремѣй, въ котораго онъ такъ слѣпо вѣрилъ!—Что Менделѣй Дутикъ не пошелъ за нимъ, это его въ сущности не удивляло... Менделѣй былъ пьянъ и потому струсилъ. Но Еремѣй!! Для Маркелова Еремѣй былъ какъ-бы олицетвореніемъ русскаго народа... И онъ ему измѣнилъ!—Стало-быть—все, о чемъ хлопоталъ Маркеловъ, все было не тó, не такъ?—И Кисляковъ вралъ,—и Василій Николаевичъ приказывалъ пустяки,—и всѣ эти статьи, книги, сочиненія соціалистовъ, мыслителей, каждая буква которыхъ являлась ему чѣмъ-то несомнѣннымъ и несокрушимымъ, все это—пуфъ? Неужели??—И это прекрасное сравненіе назрѣвшаго вереда, ожидавшаго удара ланцета—тоже фраза? Нѣтъ! нѣтъ!—шепталъ онъ про себя, и на его бронзовыя щеки набѣгала слабая краска кирпичнаго цвѣта:—нѣтъ; то все правда; все... а это *я* виноватъ, *я* не съумѣлъ; не тó *я* сказалъ, не такъ принялся!—Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать сталъ или упираться—пулю ему въ лобъ! тутъ разбирать нечего. Кто не съ нами, тотъ права жить не имѣетъ... убиваютъ же шпіоновъ какъ собакъ, хуже чѣмъ собакъ!

И представлялись Маркелову подробности кàкъ его схватили... Сперва молчаніе, перемигиванія, крики въ заднихъ рядахъ... Вотъ одинъ приближается бокомъ, какъ-бы кланяется. Потомъ эта внезапная возня! И кàкъ его ó земь... «Ребята... ребята... чтó вы?» А они: «Кушакъ давай! Вяжи!..» Кости трещатъ... и безсильная ярость... и вонючая пыль во рту, въ ноздряхъ... «Вали, вали его... на телѣгу». Кто-то густо хохочетъ... фай!

— Не такъ... не такъ я взялся...

Вотъ чтó собственно его грызло и мучило; а что онъ самъ попалъ подъ колесо, это была его личная бѣда: она не касалась общаго дѣла,—ее бы можно было перенести... но Еремѣй! Еремѣй!

Между тѣмъ какъ Маркеловъ стоялъ съ головой, опущенной на грудь, Сипягинъ отвелъ губернатора въ сторону, и началъ говорить ему вполголоса, разводя немного руками, выдѣлывая двумя пальцами небольшую трель на своемъ лбу, какъ-бы желая показать, что тутъ-десказь у этого несчастнаго неладно, и вообще стараясь возбудить, если не сочувствіе, то снисхожденіе къ безумцу.—А губернаторъ пожималъ плечами, то поднималъ, то закрывалъ глаза, сожалѣлъ о собственномъ безсиліи,—и однако что-то обѣщалъ... «Tous les égards... certainement, tous les

égards....» — слышались пріятно-картавыя слова, мягко проходившія сквозь раздушенные усы... «Но ты знаешь: законъ!» —Конечно: законъ!—подхватывалъ Сипягинъ съ какой-то строгой покорностью.

Пока они такъ разговаривали въ уголку, Калломѣйцевъ просто не могъ утерпѣть на мѣстѣ: двигался взадъ и впередъ, слегка чмокалъ, кряхтѣлъ, являлъ всѣ признаки нетерпѣнія. Наконецъ онъ подошелъ къ Сипягину и поспѣшно промолвилъ:

— Vous oubliez l'autre!

— А, да! — промолвилъ Сипягинъ громко. — Merci de me l'avoir rappelé.—Я долженъ довести слѣдующій фактъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, — обратился онъ къ губернатору... (Онъ величалъ такъ друга своего Voldemar'а, собственно для того, чтобы не скомпрометтировать престижа власти передъ бунтовщикомъ). Я имѣю основательныя причины предполагать, что сумасбродное предпріятіе моего beau-frère'а имѣетъ нѣкоторыя рамификаціи; и что одна изъ этихъ вѣтвей, т.-е. одно изъ заподозрѣнныхъ мною лицъ—находится въ недальнемъ разстояніи отъ сего города.—Вели ввести, — прибавилъ онъ вполголоса;—тамъ у тебя въ гостиной есть одинъ... Я его привезъ.

Губернаторъ взглянулъ на Сипягина, подумалъ съ уваженіемъ: «каковъ!» —и отдалъ приказъ.—Минуту спустя, рабъ Божій, Сила Паклинъ—предсталъ передъ его очи.

Сила Паклинъ началъ съ того, что низко поклонился губернатору; но, увидѣвъ Маркелова, не докончилъ поклона, и такъ и остался, на половину согнутый, переминая шапку въ рукахъ. Маркеловъ бросилъ на него разсѣянный взглядъ, но едва ли узналъ его; ибо снова погрузился въ думу.

— Это—вѣтвь?—спросилъ губернаторъ, указывая на Паклина большимъ бѣлымъ пальцемъ, украшеннымъ бирюзою.

— О, нѣтъ!—съ полусмѣхомъ отвѣчалъ Сипягинъ.—А впрочемъ!—прибавилъ онъ, подумавъ немного.—Вотъ, ваше превосходительство,—заговорилъ онъ снова громко,—передъ вами нѣкто г-нъ Паклинъ. Онъ, сколько мнѣ извѣстно, петербургскій житель и близкій пріятель нѣкотораго лица, которое состояло у меня въ качествѣ учителя, и покинуло мой домъ, увлекши за собою,—прибавлю, краснѣя,—одну молодую дѣвицу, мою родственницу.

— Ah! oui, oui, — пробормоталъ губернаторъ, и покачалъ сверху внизъ головою:—я что-то слышалъ... Графиня сказывала...

Сипягинъ возвысилъ голосъ.

— Это лицо есть нѣкто г-нъ Неждановъ, сильно мною заподозрѣнный въ превратныхъ понятіяхъ и теоріяхъ...

— Un rouge à tous crins,—вмѣшался Калломѣйцевъ...

— ... Въ превратныхъ понятіяхъ и теоріяхъ, — повторилъ еще отчетливѣе Сипягинъ,—и ужъ, конечно, не чуждый всей этой пропагандѣ; онъ находится... скрывается, какъ мнѣ сказывалъ г-нъ Паклинъ, на фабрикѣ купца Фалѣева...

При словахъ: «какъ мнѣ сказывалъ», Маркеловъ вторично бросилъ взглядъ на Паклина, и только усмѣхнулся, медленно и равнодушно.

— Позвольте, позвольте, ваше превосходительство, — закричалъ Паклинъ,—и вы, г-нъ Сипягинъ, я никогда... никогда...

— Ты говоришь: купца Фалѣева — обратился губернаторъ къ Сипягину, поигравъ только пальцами въ направленіи Паклина:— «потише дескать, братецъ, потише».—Чтó съ ними дѣлается, съ нашими почтенными бородачами? Вчера тоже одного схватили по тому же дѣлу. Ты, можетъ, слышалъ его имя: Голушкинъ, богачъ. Ну, этотъ революціи не сдѣлаетъ. Такъ на колѣнкахъ и ползаетъ.

— Купецъ Фалѣевъ тутъ не при чемъ,—отчеканилъ Сипягинъ,—я его мнѣній не знаю; я говорю только объ его фабрикѣ, на которой, по словамъ г-на Паклина, находится въ настоящую минуту г-нъ Неждановъ.

— Этого я не говорилъ!—возопилъ опять Паклинъ.—Это *вы* говорили!

— Позвольте, г-нъ Паклинъ, — все съ тою же неумолимой отчетливостью произнесъ Сипягинъ.—Я уважаю то чувство дружбы, которое внушаетъ вамъ вашу «денегацію». (Экій... Гизо! подумалъ тутъ про себя губернаторъ). Но возьму смѣлость поставить вамъ себя въ примѣръ. Полагаете ли вы, что во мнѣ чувство родственное не столь же сильно, какъ ваше дружеское?—Но есть другое чувство, милостивый государь, которое еще сильнѣе, и которое должно руководить всѣми нашими дѣйствіями и поступками: чувство долга!

— Le sentiment du devoir,—пояснилъ Калломѣйцевъ.

Маркеловъ окинулъ взоромъ обоихъ говорившихъ.

— Г-нъ губернаторъ, — промолвилъ онъ, — повторяю мою просьбу: велите, пожалуйста, увести меня прочь отъ этихъ болтуновъ.

Но тутъ губернаторъ потерялъ немножко терпѣніе.

— Г-нъ Маркеловъ!—воскликнулъ онъ: — я совѣтовалъ бы вамъ, въ вашемъ положеніи, болѣе сдержанности въ языкѣ и болѣе уваженія къ старшимъ... особенно когда они выражаютъ патріотическія чувства, подобныя тѣмъ, которыя вы сейчасъ слы-

шали въ устахъ вашего beau-frère'а!—Я счастливымъ себя почту, любезный Борисъ,—прибавилъ губернаторъ, обратясь къ Сипягину,—довести твои благородные поступки до свѣдѣнія министра.—Но у кого же собственно находится этотъ г-нъ Неждановъ— на этой фабрикѣ?

Сипягинъ нахмурился.

— У нѣкоего г-на Соломина, тамошняго главнаго механика, какъ мнѣ сказывалъ тотъ же г-нъ Паклинъ.

Казалось, Сипягину доставляло особенное удовольствіе терзать бѣднаго Силушку: онъ вымещалъ на немъ теперь и данную ему въ каретѣ сигару, и фамиліарную вѣжливость своего обращенія съ нимъ, и нѣкоторое даже заигрываніе.

— И этотъ Соломинъ,—подхватилъ Калломѣйцевъ,—есть несомнѣнный радикалъ и республиканецъ—и вашему превосходительству не худо было бы обратить ваше вниманіе такъ же и на него.

— Вы знаете этихъ... господъ... Соломина... и, кáкъ бишь! и... Нежданова?—немного по-начальнически, въ носъ, спросилъ губернаторъ Маркелова.

Маркеловъ злорадно раздулъ ноздри.

— А вы, ваше превосходительство, знаете Конфуція и Тита-Ливія?

Губернаторъ отвернулся.

— Il n'y a pas moyen de causer avec cet homme,—промолвилъ онъ, пожимая плечами.—Г-нъ баронъ, пожалуйте сюда.

Адъютантъ подскочилъ къ нему;—а Паклинъ, улучивъ время, приблизился, ковыляя и спотыкаясь, къ Сипягину.

— Чтò же это вы дѣлаете,—прошепталъ онъ:—зачѣмъ же вы губите вашу племянницу? Вѣдь она съ нимъ, съ Неждановымъ!...

— Я никого не гублю, милостивый государь,—отвѣчалъ Сипягинъ громко:—я дѣлаю тó, чтó мнѣ повелѣваетъ совѣсть и...

— И ваша супруга, моя сестра, у которой вы подъ башмакомъ,—ввернулъ столь же громко Маркеловъ.

Сипягинъ, какъ говорится, даже не чукнулъ... Такъ это было ниже его!

— Послушайте,—продолжалъ шептать Паклинъ—все его тѣло трепетало отъ волненія и, быть можетъ, отъ робости,—а глаза сверкали злобой и въ горлѣ клокотали слезы—слезы сожалѣнія о *тѣхъ* и досады на себя;—послушайте: я сказалъ вамъ, что она замужемъ—это неправда—я вамъ солгалъ!—но бракъ этотъ долженъ совершиться—и если вы этому помѣшаете, если

туда явится полиція—на вашей совѣсти будетъ лежать пятно, которое вы ничѣмъ никогда не смоете—и вы...

— Извѣстіе, сообщенное вами,—перебилъ еще громче Сипягинъ—если оно только справедливо, въ чемъ я имѣю право сомнѣваться—это извѣстіе можетъ только ускорить тѣ мѣры, которыя я почелъ бы нужнымъ предпринять; а о чистотѣ моей совѣсти я ужъ буду просить васъ, милостивый государь, не заботиться!

— Вылощена она, братъ, — ввернулъ опять Маркеловъ:— петербургскій лакъ на нее наведенъ; никакая жидкость ея не беретъ! А ты, г-нъ Паклинъ, шепчи, шепчи, сколько хочешь: не отшепчешься, шалишь!

Губернаторъ почелъ за нужное прекратить всѣ эти пререканія.

— Я полагаю,—началъ онъ,—что вы, господа, уже достаточно высказались—а потому, любезный баронъ, уведите г-на Маркелова. N'est ce pas, Boris, ты не нуждаешься болѣе...

Сипягинъ развелъ руками.

— Я сказалъ все, что́ могъ!..

— И прекрасно!..—Любезный баронъ!..

Адъютантъ приблизился къ Маркелову, щёлкнулъ шпорами, сдѣлалъ горизонтальное движеніе ручкою... «Пожалуйте-молъ!» Маркеловъ повернулся и пошелъ вонъ.—Паклинъ, правда, мысленно, но съ горькимъ сочувствіемъ и жалостью пожалъ ему руку.

— А на фабрику мы пошлемъ нашихъ молодцовъ,—продолжалъ губернаторъ.—Только вотъ что́, Борисъ: мнѣ сдается—этотъ баринъ—(онъ указалъ подбородкомъ на Паклина)—тебѣ что-то сообщалъ, насчетъ твоей родственницы... Будто она тамъ, на той фабрикѣ... Такъ какъ же...

— Ее арестовать во всякомъ случаѣ нельзя,—замѣтилъ глубокомысленно Сипягинъ:—можетъ быть она одумается и вернется. Если позволишь, я напишу ей записочку.

— Сдѣлай одолженіе. И вообще ты можешь быть увѣренъ... Nous coffrerons le quidam... mais nous sommes galants avec les dames... et avec celle-là donc!

— Но вы не принимаете никакихъ распоряженій на-счетъ этого Соломина,—жалобно воскликнулъ Калломѣйцевъ, который все время приникалъ ухомъ и старался вслушаться въ маленькое а parte губернатора съ Сипягинымъ.—Увѣряю васъ: это главный зачинщикъ! У меня на это нюхъ... такой нюхъ!

— Pas trop de zèle, любезнѣйшій Семенъ Петровичъ,—за-

мѣтилъ, осклабясь губернаторъ.—Вспомните Таллейрана! Коли что́, тотъ отъ насъ тоже не уйдетъ. Вы лучше подумайте о вашемъ... ккк...къ!—И губернаторъ сдѣлалъ знакъ удушенія на своей шеѣ... Да кстати,—обратился онъ снова къ Сипягину:— et ce gaillard lá—(онъ опять указалъ подбородкомъ на Паклина)— Qu'en ferons nous? На видъ онъ не страшенъ.

— Отпусти его,—сказалъ тихо Сипягинъ—и прибавилъ по-нѣмецки:—Lass' den Lumpen laufen!

Онъ почему-то подумалъ, что дѣлаетъ цитату изъ Гёте, изъ «Гёца фонъ-Берлихингена».

— Вы можете идти, милостивый государь!—промолвилъ громко губернаторъ.—Мы болѣе въ васъ не нуждаемся.—До зобаченья!

Паклинъ отдалъ общій поклонъ и вышелъ на улицу, весь уничтоженный и разбитый. Боже! Боже! это презрѣніе его доконало!

«Что же это такое»?—думалъ онъ съ невыразимымъ отчаяніемъ:—... «и трусъ, и доносчикъ?! Да нѣтъ... нѣтъ; я честный человѣкъ, господа,—и я не совсѣмъ уже лишенъ всякаго мужества!»

Но что́ за знакомая фигура торчитъ на крыльцѣ губернаторскаго дома и смотритъ на него унылымъ, исполненнымъ упрека взоромъ? Да, это—старый слуга Маркелова. Онъ, видно, пришелъ за своимъ бариномъ въ городъ и не отходитъ прочь отъ его тюрьмы... Только зачѣмъ же онъ смотритъ такъ на Паклина? Вѣдь не онъ же Маркелова выдалъ!

«И зачѣмъ я совался туда, куда мнѣ—ни къ кожѣ, ни къ рожѣ»?—думалъ онъ опять свою отчаянную думу.—«Не могъ сидѣть смирно на своей лавочкѣ!—А теперь они говорятъ и, пожалуй, напишутъ: нѣкто г-нъ Паклинъ все разсказалъ, выдалъ ихъ... своихъ друзей выдалъ врагамъ!»—Вспомнился ему тутъ взглядъ, брошенный на него Маркеловымъ, вспомнились эти послѣднія слова: «не отшепчешься, шалишь!»—а тутъ эти старческіе, унылые, убитые глаза!—И какъ сказано въ писаніи—онъ «плакася горько»—и побрелъ себѣ въ оазисъ, къ Ѳомушкѣ и Ѳимушкѣ, къ Снандуліи...

XXXVI.

Когда Маріанна въ то самое утро вышла изъ своей комнаты — она увидѣла Нежданова одѣтымъ и сидящимъ на диванѣ. Одной рукой онъ поддерживалъ голову, другая безсильно и недвижно лежала на колѣняхъ.—Она подошла къ нему.

— Здравствуй, Алексѣй... Ты не раздѣвался? не спалъ? Какой ты блѣдный!

Отяжелѣвшія вѣки его глазъ приподнялись медленно.

— Я не раздѣвался, я не спалъ.

— Ты нездоровъ? или это еще слѣдъ вчерашняго?

Неждановъ покачалъ головою.

— Я не спалъ съ тѣхъ поръ, какъ Соломинъ вошелъ въ твою комнату.

— Когда?

— Вчера вечеромъ.

— Алексѣй, ты ревнуешь? Вотъ новость! И нашелъ время, когда ревновать! Онъ остался у меня всего четверть часа... И мы говорили объ его двоюродномъ братѣ, священникѣ—и о томъ, какъ устроить нашъ бракъ.

— Я знаю, что онъ остался всего четверть часа:—я видѣлъ, когда онъ вышелъ. И я не ревную, о, нѣтъ! Но все-таки я не могъ заснуть съ тѣхъ поръ.

— Отчего же?

Неждановъ помолчалъ.

— Я все думалъ... думалъ... думалъ!

— О чемъ?

— О тебѣ... о немъ... и о самомъ себѣ.

— И до чего же ты додумался?

— Сказать тебѣ, Маріанна?

— Скажи.

— Я думалъ, что я мѣшаю — тебѣ... ему... и самому себѣ.

— Мнѣ! ему! Я воображаю, что́ ты этимъ хочешь сказать, хотя ты и увѣряешь, что не ревнуешь.—Но: самому себѣ?

— Маріанна, во мнѣ сидятъ два человѣка — и одинъ не даетъ жить другому. — Такъ я ужъ полагаю, что лучше перестать обоимъ жить.

— Ну, полно, Алексѣй, пожалуйста. — Что за охота себя мучить—и меня?—Намъ слѣдуетъ теперь сообразить, какія надо принять мѣры... Вѣдь насъ въ покоѣ не оставятъ.

Неждановъ ласково взялъ ее за руку.

— Сядь возлѣ меня, Маріанна, и поболтаемъ немного, по-дружески.—Пока есть время.—Дай мнѣ руку. — Мнѣ кажется, что намъ не худо объясниться,—хотя, говорятъ, всякія объясненія ведутъ обыкновенно только къ бóльшей путаницѣ. Но ты умна и добра; ты все поймешь—и чего я не доскажу—ты додумаешь. Сядь.

Голосъ Нежданова былъ очень тихъ—и какая-то особенная, дружеская нѣжность и просьба высказывались въ его глазахъ, пристально устремленныхъ на Маріанну.

Она тотчасъ, охотно, сѣла возлѣ него и взяла его руку.

— Ну, спасибо, моя милая — и слушай. — Я тебя долго не задержу.—Я уже ночью въ головѣ все приготовилъ—чтó я долженъ тебѣ сказать.—Ну—слушай.—Не думай, чтобы вчерашнее происшествіе меня слишкомъ смутило: я былъ вѣроятно очень смѣшонъ и немножко даже гадокъ; но ты, конечно, не подумала обо мнѣ ничего дурного или низкаго... ты меня знаешь. — Я сказалъ, что это происшествіе меня не смутило; это — неправда, это вздоръ... оно смутило меня; но не потому, что меня привезли домой пьянаго; — а потому, что оно окончательно доказало мнѣ мою несостоятельность! — И не только въ томъ, что я не могу пить, какъ пьютъ русскіе люди — а вообще! вообще!—Маріанна, я обязанъ сказать тебѣ, что я — не вѣрю больше въ то дѣло, которое насъ соединило, въ силу котораго мы вмѣстѣ ушли изъ того дома, и къ которому я, говоря правду, уже охладѣвалъ— когда твой огонь согрѣлъ и зажёгъ меня: — не вѣрю! не вѣрю!

Онъ положилъ свою свободную руку себѣ на глаза и умолкъ на мгновенье.—Маріанна тоже ни слова не промолвила и потупилась... Она почувствовала, что онъ ей не сказалъ ничего новаго.

— Я думалъ прежде,—продолжалъ Неждановъ, отнявъ руку отъ глазъ, но уже не глядя больше на Маріанну, — что я въ самое-то дѣло вѣрю — а только сомнѣваюсь въ самомъ себѣ, въ своей силѣ, въ своемъ умѣньѣ; мои способности, думалъ я, не соотвѣтствуютъ моимъ убѣжденьямъ... Но видно этихъ двухъ вещей отдѣлить нельзя—да и къ чему обманываться! Нѣтъ—я въ *самое дѣло* не вѣрю.—А ты вѣришь, Маріанна?

Маріанна выпрямилась и подняла голову.

— Да, Алексѣй, вѣрю. Вѣрю всѣми силами души — и посвящу этому дѣлу всю свою жизнь! До послѣдняго дыханія!

Неждановъ повернулся къ ней и измѣрилъ ее всю умиленнымъ и завидующимъ взглядомъ.

— Такъ; такъ; я ждалъ такого отвѣта. — Вотъ ты и видишь, что намъ вмѣстѣ дѣлать нечего: ты сама однимъ ударомъ перерубила нашу связь.

Маріанна молчала.

— Вотъ и Соломинъ, — началъ снова Неждановъ, — хоть и онъ не вѣритъ...

— Какъ?

— Нѣтъ! Онъ не вѣритъ... да это ему и не нужно; онъ подвигается спокойно впередъ. Человѣкъ, который идетъ по дорогѣ въ городъ, не спрашиваетъ себя: да существуетъ ли полно этотъ городъ? Онъ идетъ себѣ да идетъ. Такъ и Соломинъ. И больше ничего не нужно. А я... впередъ не могу; назадъ не хочу; оставаться на мѣстѣ — томно. Кому же дерзну я предложить быть моимъ товарищемъ? Знаешь поговорку: одинъ подъ одинъ конецъ, другой подъ другой — и пошло дѣло на ладъ? А коли одинъ не сможетъ нести — какъ быть другому?

— Алексѣй, — промолвила нерѣшительно Маріанна, — ты, мнѣ кажется, преувеличиваешь. — Мы вѣдь любимъ другъ друга.

Неждановъ глубоко вздохнулъ.

— Маріанна... Я преклоняюсь передъ тобою... а ты жалѣешь меня — и каждый изъ насъ увѣренъ въ честности другого: вотъ настоящая правда! А любви между нами нѣтъ.

— Но, постой, Алексѣй, чтò ты говоришь? Вѣдь сегодня же, сейчасъ, за нами явится погоня... Вѣдь намъ надобно уходить вмѣстѣ, а не разставаться.

— Да; и ѣхать къ попу Зосимѣ, чтобы онъ насъ обвѣнчалъ, по предложенію Соломина. Я хорошо знаю, что въ твоихъ глазахъ этотъ бракъ не что иное, какъ паспортъ, какъ средство избѣгнуть полицейскихъ затрудненій... но все-таки онъ нѣкоторымъ образомъ обязываетъ... къ житію вмѣстѣ, рядомъ... или если не *обязываетъ*, то по крайней мѣрѣ предполагаетъ желаніе жить вмѣстѣ.

— Что-жъ это, Алексѣй? Ты здѣсь останешься?

У Нежданова чуть-было не сорвалось съ языка: Да! — но онъ одумался и промолвилъ:

— Н... н... нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ ты удалишься отсюда не туда, куда я?

Неждановъ крѣпко пожалъ ея руку, которая все еще лежала въ его рукѣ.

— Оставить тебя безъ покровителя, безъ защитника было бы преступно—и я этого не сдѣлаю, какъ я ни плохъ. У тебя будетъ защитникъ... Не сомнѣвайся въ томъ!

Маріанна нагнулась къ Нежданову—и, заботливо приблизивъ свое лицо къ его лицу, старалась заглянуть ему въ глаза, въ душу—въ самую душу.

— Чтó съ тобой, Алексѣй? Чтó у тебя нà-сердцѣ? Скажи!.. Ты меня безпокоишь. Твои слова такъ загадочны, такъ странны... И лицо твое? Я никогда не видала у тебя такого лица!

Неждановъ тихонько отклонилъ ее и тихонько поцѣловалъ у ней руку. На этотъ разъ она не противилась—и не засмѣялась—и все продолжала заботливо и тревожно глядѣть на него.

— Не безпокойся, пожалуйста! Тутъ ничего страннаго нѣтъ.— Вся бѣда моя вотъ въ чемъ. Маркелова, говорятъ, мужики побили; онъ отвѣдалъ ихъ кулаковъ, они помяли ему бока...—Меня мужики не били, они даже пили со мною, пили мое здоровье... но душу они мою помяли, хуже чѣмъ бока у Маркелова. Я былъ рожденъ вывихнутымъ... хотѣлъ себя вправить, да еще хуже себя вывихнулъ. Вотъ именно то, чтò ты замѣчаешь на моемъ лицѣ.

— Алексѣй, — медленно промолвила Маріанна:—тебѣ было бы грѣшно не быть откровеннымъ со мною.

Онъ стиснулъ свои руки.

— Маріанна, все мое существо передъ тобою, какъ на ладони; и чтó бы я ни сдѣлалъ, говорю тебѣ напередъ: въ сущности, ничему, ничему ты не удивишься!

Маріанна хотѣла попросить объясненія этихъ словъ, однако не попросила... притомъ въ это мгновенье въ комнату вошелъ Соломинъ.

Движенья его были быстрѣй и рѣзче обыкновеннаго. Глаза прищурились, широкія губы сжались, все лицо какъ будто заострилось и приняло выраженіе сухое, твердое и нѣсколько грубое.

— Друзья мои,—началъ онъ;—я пришелъ вамъ сказать, что мѣшкать нéчего. Собирайтесь... ѣхать вамъ пора. Черезъ часъ надо вамъ быть готовыми. Надо вамъ ѣхать вѣнчаться. Отъ Паклина нѣтъ никакого извѣстія; лошадей его сперва задержали въ Аржаномъ, а потомъ прислали назадъ... Онъ остался тамъ. Вѣроятно его увезли въ городъ. Онъ, конечно, не донесетъ, но, Богъ его знаетъ, разболтаетъ, пожалуй. Да и по лошадямъ могли узнать. Мой двоюродный предупрежденъ. Павелъ съ вами поѣдетъ. Онъ и свидѣтелемъ будетъ.

— А вы... а ты?—спросилъ Неждановъ.—Развѣ ты не поѣдешь? Я вижу, ты одѣтъ по-дорожному,—прибавилъ онъ, указавъ глазами на высокіе болотные сапоги, въ которыхъ пришелъ Соломинъ.

— Это я... такъ... на дворѣ грязно.

— Но отвѣчать ты за насъ вѣдь не будешь?

— Не полагаю... во всякомъ случаѣ — это ужъ мое дѣло. Итакъ, черезъ часъ.—Маріанна, Татьяна желаетъ васъ видѣть. Она что-то тамъ приготовила.

— А! Да! Я и сама хотѣла къ ней идти...

Маріанна направилась къ двери...

На лицѣ Нежданова изобразилось нѣчто странное, нѣчто въ родѣ испуга, тоски...

— Маріанна, ты уходишь?—промолвилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ.

Она остановилась.

— Я черезъ полчаса вернусь. Мнѣ уложиться недолго.

— Да; но подойди ко мнѣ...

— Изволь;—зачѣмъ?

— Мнѣ еще разъ хочется взглянуть на тебя.—Онъ посмотрѣлъ на нее долгимъ взоромъ.—Прощай, прощай, Маріанна!—Она изумилась.—Тó бишь... Чтò это я?—Это я такъ... сболтнулъ.—Ты вѣдь черезъ полчаса вернешься? Да?

— Конечно.

— Ну, да... да... Извини. У меня въ головѣ путаница отъ безсонницы.—Я тоже сейчасъ... уложусь.

Маріанна вышла изъ комнаты. Соломинъ хотѣлъ-было пойти за ней.

Неждановъ остановилъ его.

— Соломинъ!

— Что?

— Дай мнѣ руку. Надо-жъ мнѣ поблагодарить тебя за твое гостепріимство.

Соломинъ усмѣхнулся.

— Вотъ что вздумалъ!—Однако подалъ ему руку.

— И вотъ еще что,—продолжалъ Неждановъ,—если со мной чтò случится, могу я надѣяться на тебя, что ты не оставишь Маріанну?

— Твою будущую жену?

— Ну, да,—Маріанну?

— Во-первыхъ, я увѣренъ, что съ тобой ничего не слу-

чится; а во-вторыхъ, ты можешь быть спокоенъ—Маріанна мнѣ такъ же дорога, какъ и тебѣ.

— О! Я это знаю... знаю... знаю! Ну, и прекрасно. И спасибо. — Такъ черезъ часъ?

— Черезъ часъ.

— Я буду готовъ. Прощай!

Соломинъ вышелъ и догналъ Маріанну на лѣстницѣ. Онъ намѣревался ей сказать что-то на счетъ Нежданова—да промолчалъ. И Маріанна, съ своей стороны, поняла, что Соломинъ намѣревался ей что-то сказать—и именно на счетъ Нежданова—и что онъ промолчалъ.—И она промолчала тоже.

XXXVII.

Какъ только Соломинъ вышелъ, Неждановъ мгновенно вскочилъ съ дивана, прошелся раза два изъ одного угла въ другой, потомъ постоялъ съ минуту въ какомъ-то каменномъ раздумьи посреди комнаты; внезапно встрепенулся, торопливо сбросилъ съ себя свой «маскарадный» костюмъ, отпихнулъ его ногою въ уголъ, досталъ и надѣлъ свое прежнее платье.—Потомъ онъ подошелъ къ трехногому столику, вынулъ изъ ящика двѣ запечатанныя бумажки и еще какой-то небольшой предметъ, сунулъ его въ карманъ, а бумажки оставилъ на столѣ. Потомъ онъ присѣлъ на корточки передъ печкой, отворилъ заслонку... Въ печкѣ оказалась цѣлая груда пепла. Это было все, что оставалось отъ бумагъ Нежданова, отъ завѣтной тетрадки... Онъ сжегъ все это въ теченіе ночи. Но тутъ же въ печкѣ, сбоку, прислоненный къ одной изъ стѣнокъ, находился портретъ Маріанны, подаренный ему Маркеловымъ. Видно у него не хватило духа сжечь и этотъ портретъ! Неждановъ бережно вынулъ его и положилъ на столъ рядомъ съ запечатанными бумажками.

Потомъ онъ рѣшительнымъ движеніемъ руки сгребъ свою фуражку и направился-было къ двери... но остановился, вернулся назадъ и вошелъ въ комнату Маріанны. Тамъ онъ постоялъ съ минуту, оглянулся кругомъ и, приблизившись къ ея узенькой кроваткѣ, нагнулся—и съ одиночнымъ нѣмымъ рыданьемъ, приникъ губами не къ изголовью, а къ ногамъ постели... Потомъ онъ разомъ выпрямился—и, надвинувъ фуражку на лобъ, бросился вонъ.

Ни съ кѣмъ не встрѣтившись ни въ корридорѣ, ни на лѣстницѣ, ни внизу, Неждановъ проскользнулъ въ палисадникъ. День былъ сѣрый, небо висѣло низко, сырой вѣтерокъ шевелилъ верхушки травъ и качалъ листья деревьевъ; фабрика стучала и шумѣла меньше, чѣмъ о ту же пору въ другіе дни; съ двора ея несло запахомъ угля, дегтя, сала.—Зорко и подозрительно оглянулся Неждановъ и пошелъ прямо къ той старой яблони, которая привлекла его вниманіе въ самый день его пріѣзда, когда онъ въ первый разъ выглянулъ изъ окна своей квартирки. Стволъ этой яблони оброс сухимъ мохомъ; шероховатые, обнаженные сучья, съ кое-гдѣ висѣвшими красновато-зелеными листьями, искривленно поднимались кверху, на подобіе старческихъ, умоляющихъ, въ локтяхъ согбенныхъ рукъ. Неждановъ сталъ твердой ногою на темную землю, окружавшую корень яблони и вынулъ изъ кармана тотъ небольшой предметъ, который находился въ ящикѣ стола.—Потомъ онъ внимательно посмотрѣлъ на окна флигелька... «Если кто-нибудь меня увидитъ въ эту минуту», подумалъ онъ, «тогда, быть можетъ, я отложу»... Но нигдѣ не показалось ни одного человѣческаго лица... точно все вымерло, все отвернулось отъ него, удалилось навсегда, оставило его на произволъ судьбы.—Одна фабрика глупо гудѣла и воняла, да сверху стали сѣяться мелкія, иглистыя капли холоднаго дождя.

Тогда Неждановъ взглянулъ сквозь кривыя сучья дерева, подъ которымъ онъ стоялъ, на низкое, сѣрое, безучастно-слѣпое и мокрое небо, зѣвнулъ, пожался, подумалъ: «вѣдь, ничего другого не осталось, не назадъ же въ Петербургъ, въ тюрьму», сбросилъ фуражку долой и заранѣе ощутивъ во всемъ тѣлѣ какую-то слащавую, сильную, томительную потяготу, приложилъ къ груди револьверъ, дернулъ пружину курка...

Что-то разомъ толкнуло его, даже не слишкомъ сильно... но онъ уже лежалъ на спинѣ и старался понять, чтó съ нимъ и кáкъ онъ это сейчасъ видѣлъ Татьяну?.. Онъ даже хотѣлъ позвать ее, сказать: «Ахъ, не надо!»—но вотъ уже онъ весь онѣмѣлъ и надъ лицомъ его, въ глазахъ, на лбу, въ мозгу завертѣлся мутно-зеленый вихрь—и что-то страшно-тяжелое и плоское придавило его навсегда къ землѣ.

Татьяна не даромъ померещилась Нежданову; въ ту самую минуту, какъ онъ спустилъ курокъ револьвера, она подошла къ одному изъ оконъ флигелька и увидѣла его подъ яблонью. Не успѣла она подумать: «что это онъ въ такую погоду торчитъ подъ яблонью, простоволосый»,—какъ онъ повалился навзничь,

точно снопъ. Выстрѣла она не слыхала—звукъ его былъ очень слабъ, но тотчасъ почуяла что-то недоброе и опрометью бросилась внизъ, въ палисадникъ... Она добѣжала до Нежданова... «Алексѣй Дмитричъ, что̀ съ вами?» Но уже имъ овладѣла темнота. Татьяна нагнулась къ нему, увидала кровь...

— Павелъ!—закричала она не своимъ голосомъ.—Павелъ!

Нѣсколько мгновеній спустя,—Маріанна, Соломинъ, Павелъ и еще двое фабричныхъ уже были въ палисадникѣ. Нежданова тотчасъ подняли, понесли во флигель и положили на тотъ самый диванъ, на которомъ онъ провелъ свою послѣднюю ночь.

Онъ лежалъ на спинѣ съ полузакрытыми недвижными глазами, съ посинѣлымъ лицомъ, — и хрипѣлъ протяжно и туго, изрѣдка всхлипывая и какъ-бы давясь. Жизнь еще не покинула его.—Маріанна и Соломинъ стояли по обѣимъ сторонамъ дивана, оба почти такіе же блѣдные, какъ и самъ Неждановъ. Поражены, потрясены, уничтожены были оба—особенно Маріанна—но не изумлены. «Какъ мы этого не предвидѣли?» думалось имъ; и въ то же время имъ казалось, что они... да, они это предвидѣли.—Когда онъ сказалъ Маріаннѣ: «что̀ бы я ни сдѣлалъ, говорю тебѣ напередъ: ничему ты не удивишься»—и еще, когда онъ говорилъ о тѣхъ двухъ человѣкахъ, которые въ немъ ужиться не могутъ — развѣ не шевельнулось въ ней нѣчто въ родѣ смутнаго предчувствія?—Почему же она не остановилась тотчасъ и не вдумалась и въ эти слова, и въ это предчувствіе?—Отчего она теперь не смѣетъ взглянуть на Соломина, какъ будто онъ ея сообщникъ... какъ будто и онъ ощущаетъ угрызеніе совѣсти? Отчего ей не только безконечно, до отчаянія жаль Нежданова, но какъ-то страшно, и жутко—и совѣстно?—Можетъ быть, отъ нея зависѣло его спасти? Отчего они оба не смѣютъ произнести слова? Почти не смѣютъ дышать—и ждутъ... Чего? Боже мой!

Соломинъ послалъ за докторомъ, хотя, конечно, надежды не было никакой. На маленькую, уже почернѣвшую, безкровную рану Нежданова Татьяна положила большую губку съ холодною водой, намочила его волосы тоже холодной водою съ уксусомъ. Вдругъ Неждановъ перестать хрипѣть и пошевельнулся.

— Приходитъ въ память,—прошепталъ Соломинъ.

Маріанна стала на колѣни возлѣ дивана... Неждановъ взглянулъ на нее... до того времени его глаза были недвижны какъ у всѣхъ умирающихъ.

— А я еще... живъ, — проговорилъ онъ чуть слышно.—И тутъ не съумѣлъ... задерживаю васъ.

— Алёша,—простонала Маріанна.

— Да вотъ... сейчасъ... Помнишь, Маріанна, въ моемъ... стихотвореніи... «Окружи меня цвѣтами»... Гдѣ же цвѣты?.. Но за то ты тутъ... Тамъ, въ моемъ письмѣ...

Онъ вдругъ затрепеталъ весь.

— Охъ, вотъ она... Дайте оба... другъ другу... руки—при мнѣ... Поскорѣе... дайте...

Соломинъ схватилъ руку Маріанны. Голова ея лежала на диванѣ, лицомъ внизъ, возлѣ самой раны.

Самъ Соломинъ стоялъ прямо и строго, сумрачный какъ ночь.

— Такъ... хорошо... такъ...

Неждановъ опять началъ всхлипывать, но какъ-то ужъ очень необычно... Грудь выставилась, бока втянулись...

Онъ явно пытался положить свою руку на ихъ соединенныя руки, но *его* руки уже были мертвы.

— Отходитъ,—шепнула Татьяна, стоявшая у двери, и стала креститься.

Всхлипыванья стали рѣже, короче... Онъ еще искалъ взоромъ Маріанну... но какая-то грозная бѣлесоватость уже заволакивала изнутри его глаза...

«Хорошо»... было его послѣднимъ словомъ.

Его не стало... а соединенныя руки Соломина и Маріанны все еще лежали на его груди.

Вотъ что стояло въ двухъ оставленныхъ имъ короткихъ запискахъ. Одна была адрессована Силину, и содержала всего нѣсколько строкъ:

«Прощай, братъ, другъ, прощай! Когда ты получишь этотъ клочокъ — меня уже не будетъ. Не спрашивай, кàкъ, почему,— и не сожалѣй; знай, что мнѣ теперь лучше. Возьми ты нашего безсмертнаго Пушкина и прочти въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» описаніе смерти Ленскаго. Помнишь: «Окна мѣломъ забѣлены; хозяйки нѣтъ» и т. д. Вотъ и все. Сказать мнѣ тебѣ нечего... оттого что слишкомъ много пришлось бы говорить, а времени нѣту. Но я не хотѣлъ уйти, не увѣдомивъ тебя; а то ты бы думалъ обо мнѣ, какъ о живомъ, и я согрѣшилъ бы передъ нашей дружбой. Прощай; живи.

Твой другъ А. Н.».

Другое письмо было нѣсколько длиннѣе. Оно было адрессовано на имя Соломина и Маріанны.—Вотъ чтó стояло въ немъ:

«Дѣти мои!

(Тотчасъ послѣ этихъ словъ былъ перерывъ; что-то было зачеркнуто или скорѣе замарано; какъ-будто слезы брызнули тутъ).

«Вамъ, быть можетъ, странно, что я васъ такъ величаю; я самъ почти ребенокъ—и ты, Соломинъ, конечно, старше меня. Но я умираю — и стоя на концѣ жизни, гляжу на себя какъ на старика. Я очень виноватъ передъ вами обоими, особенно передъ тобой, Маріанна — въ томъ, что причиняю вамъ такое горе—(я знаю, Маріанна, ты будешь горевать)—и доставилъ вамъ столько безпокойства. Но чтó было дѣлать? Я другого выхода не нашелъ. Я не умѣлъ *опрóститься*; оставалось вычеркнуть себя совсѣмъ.—Маріанна, я былъ бы бременемъ и для себя, и для тебя. Ты великодушная—ты бы обрадовалась этому бремени, какъ новой жертвѣ... но я не имѣлъ права налагать на тебя эту жертву: у тебя есть лучшее и бóльшее дѣло. — Дѣти мои, позвольте мнѣ соединить васъ какъ-бы загробной рукою.—Вамъ будетъ хорошо вдвоемъ. Маріанна, ты окончательно полюбишь Соломина—а онъ... онъ тебя полюбилъ, какъ только увидѣлъ тебя у Сипягиныхъ. Это не осталось для меня тайной, хотя мы нѣсколько дней спустя бѣжали съ тобою.—Ахъ, то утро! Какое оно было славное, свѣжее, молодое! Оно представляется мнѣ теперь какъ знаменіе, какъ символъ вашей двойной жизни,—твоей и его;—и я только случайно находился тогда на его мѣстѣ.—Но пора кончить; я не желаю тебя разжалобить... я желаю только оправдаться.—Завтра будутъ нѣсколько очень тяжелыхъ минутъ... Но что же дѣлать? Другого выхода вѣдь нѣтъ?—Прощай, Маріанна, моя хорошая, честная дѣвушка!—Прощай, Соломинъ!—Поручаю тебѣ ее.—Живите счастливо—живите съ пользой для другихъ; а ты, Маріанна, вспоминай обо мнѣ только когда будешь счастлива.—Вспоминай обо мнѣ, какъ о человѣкѣ тоже честномъ и хорошемъ, но которому было какъ-то приличнѣе умереть, нежели жить.—Любилъ ли я тебя любовью—не знаю, милый другъ; но знаю, что сильнѣе чувства я никогда не испыталъ, и что мнѣ было бы еще страшнѣе умереть, еслибъ я не уносилъ такого чувства съ собой въ могилу.

«Маріанна! Если ты встрѣтишь когда-нибудь дѣвушку, Машурину по имени, — Соломинъ ее знаетъ, впрочемъ и ты, кажется, ее видѣла—скажи ей, что я съ благодарностью вспомнилъ о ней незадолго передъ кончиной... Она ужъ пойметъ.

«Надо-жъ однако оторваться. — Я сейчасъ выглянулъ изъ окна:—среди быстро мчавшихся тучъ стояла одна прекрасная звѣзда.—Какъ быстро онѣ ни мчались—онѣ не могли ея закрыть. Эта звѣзда напомнила мнѣ тебя, Маріанна! — Въ это игновенье ты спишь въ сосѣдней комнатѣ—и ничего не подозрѣваешь... Я подошелъ къ твоей двери, приложилъ ухо и, казалось, уловилъ твое чистое, спокойное дыханіе... Прощай! Прощай! Прощайте, мои дѣти, мои друзья!

Вашъ А.

«Ба, ба, ба! Какъ же это я въ *предсмертномъ* письмѣ ничего не сказалъ о нашемъ великомъ дѣлѣ?—Знать потому, что передъ смертью лгать уже не приходится... Маріанна, прости мнѣ эту приписку... Ложь была во мнѣ—а не въ томъ, чему ты вѣришь!

«Да! вотъ еще что: ты, быть можетъ, подумаешь, Маріанна: онъ испугался тюрьмы, въ которую его непремѣнно засадили бы—и нашелъ *это* средство ея избѣгнуть?—Нѣтъ; тюрьма еще не важность; но сидѣть въ тюрьмѣ за дѣло, въ которое не вѣришь—это уже никуда негодится. И я кончаю съ собою — не изъ страха тюрьмы.

«Прощай, Маріанна! прощай, моя чистая, нетронутая!»

Маріанна и Соломинъ поочередно прочли это письмо. — Потомъ она положила и портретъ свой и обѣ бумажки къ себѣ въ карманъ—и осталась неподвижной.

Тогда Соломинъ сказалъ ей:

— Все готово, Маріанна; поѣдемъ. — Надо исполнить его волю.

Маріанна приблизилась къ Нежданову, прикоснулась устами къ его уже похолодѣвшему лбу—и, обернувшись къ Соломину, сказала:—Поѣдемъ.

Онъ взялъ ее за руку—и оба вышли изъ комнаты.

Когда, нѣсколько часовъ спустя, полиція нагрянула на фабрику, она, конечно, нашла Нежданова—но уже трупомъ.—Татьяна опрятно убрала его, положила ему подъ голову бѣлую подушку, скрестила его руки, поставила даже букетъ цвѣтовъ возлѣ него на столикъ.—Павелъ, получившій всѣ нужныя инструкціи, принялъ полицейскихъ чиновниковъ съ величайшимъ

подобострастіемъ и таковымъ же глумленіемъ—такъ что тѣ не знали, благодарить ли его или тоже арестовать? Онъ разсказалъ обстоятельно, какъ происходило дѣло самоубійства, накормилъ ихъ швейцарскимъ сыромъ, напоилъ мадерой;—но на счетъ настоящаго мѣстопребыванія Василія Ѳедотыча и пріѣзжей барышни отозвался совершеннымъ невѣдѣньемъ — и только ограничился увѣреньемъ, что Василій, молъ, Ѳедотычъ никогда долго въ отсутствіи не пребываетъ—потому дѣла;—что онъ не нынче—завтра вернется — и тогда тотчасъ, минуточки не теряя, дастъ о томъ знать въ городъ.—Человѣкъ онъ на это—аккуратный!

Такъ господа чиновники и отъѣхали ни съ чѣмъ, приставивъ сторожей къ тѣлу и обѣщавшись прислать судебнаго слѣдователя.

XXXVIII.

Черезъ два дня послѣ всѣхъ этихъ происшествій—на дворъ къ «склàдному» попу Зосимѣ въѣхала телѣжка, на которой сидѣли мужчина и женщина, уже извѣстныя намъ—и на другой же день послѣ ихъ пріѣзда они сочетались бракомъ. Вскорѣ потомъ они исчезли—и добрый Зосима нисколько не горевалъ о томъ, что̀ онъ сдѣлалъ. На фабрикѣ, оставленной Соломинымъ, оказалось письмо, адрессованное на имя хозяина и доставленное ему Павломъ; въ немъ отдавался полный и точный отчетъ о положеніи дѣлъ—(оно было блестящее) и выпрашивался трехмѣсячный отпускъ. Письмо это было написано за два дня до смерти Нежданова, изъ чего можно было заключить, что Соломинъ уже тогда считалъ нужнымъ уѣхать съ нимъ и съ Маріанной и скрыться на время. Слѣдствіе, произведенное по поводу самоубійства, ничего не открыло.—Трупъ похоронили; Сипягинъ прекратилъ всякое дальнѣйшее исканіе своей племянницы.

А мѣсяцевъ девять спустя судили Маркелова. Онъ и на судѣ держалъ себя такъ же, какъ передъ губернаторомъ: спокойно, не безъ достоинства и нѣсколько уныло.—Его обычная рѣзкость смягчилась — но не отъ малодушія: тутъ участвовало другое, болѣе благородное чувство.—Онъ ни въ чемъ не оправдывался, ни въ чемъ не раскаявался, никого не обвинялъ и никого не назвалъ; его исхудалое лицо съ потухшими глазами сохраняло одно выраженіе: покорности судьбѣ и твердости;—а его короткіе, но прямые и правдивые отвѣты возбуждали въ самихъ его судьяхъ чувство, похожее на состраданіе. Даже кре-

стьяне, которые его схватили и свидѣтельствовали противъ него— даже они раздѣляли это чувство—и говорили о немъ какъ о баринѣ «простомъ» и добромъ. Но вина его была слишкомъ явна; избѣгнуть наказанія онъ не могъ—и, казалось, самъ принялъ это наказаніе какъ должное.—Изъ остальныхъ его, впрочемъ немногочисленныхъ, соучастниковъ,—Машурина скрылась; Остродумовъ былъ убитъ однимъ мѣщаниномъ, котораго онъ подговаривалъ къ возстанію и который «неловко» толкнулъ его; Голушкина, за его «чистосердечное раскаяніе»—(онъ чуть съ ума не сошелъ отъ ужаса и тоски),—подвергли легкому наказанію; Кислякова подержали съ мѣсяцъ подъ арестомъ, а потомъ выпустили и даже не препятствовали ему снова «скакать» по губерніямъ; Нежданова избавила смерть; Соломина, за недостаткомъ уликъ — оставили въ нѣкоторомъ подозрѣніи — и въ покоѣ. (Онъ, впрочемъ, не уклонился отъ суда и явился въ срокъ). О Маріаннѣ не было и рѣчи... Паклинъ окончательно вывернулся; да на него и не обратили особеннаго вниманія.

Прошло года полтора, настала зима 1870 года. Въ Петербургѣ, въ томъ самомъ Петербургѣ, гдѣ тайный совѣтникъ и каммергеръ Сипягинъ готовился играть значительную роль, гдѣ его жена покровительствовала всѣмъ искусствамъ, давала музыкальные вечера и устраивала дешевыя кухни — а г. Калломѣйцевъ считался однимъ изъ надежнѣйшихъ чиновниковъ своего министерства—по одной изъ линій Васильевскаго Острова, шелъ, ковыляя и слегка переваливаясь, маленькій человѣкъ въ скромномъ пальто съ кошачьимъ воротникомъ. Тò былъ Паклинъ. Онъ порядкомъ измѣнился въ послѣднее время: въ концахъ висковъ, выдававшихся изъ-подъ краевъ мѣховой шапки, виднѣлось нѣсколько серебряныхъ нитей. — На встрѣчу ему двигалась по троттуару дама довольно полная, высокаго роста, плотно закутанная въ темный суконный плащъ. — Паклинъ бросилъ на нее разсѣянный взглядъ, прошелъ мимо.... потомъ вдругъ остановился, задумался, разставилъ руки—и, съ живостью обернувшись и нагнавъ ее, заглянулъ ей подъ шляпу въ лицо.

— Машурина?—промолвилъ онъ вполголоса.

Дама величественно измѣрила его взоромъ — и, не сказавъ слова, пошла дальше.

— Милая Машурина, я васъ узналъ,—продолжалъ Паклинъ, ковыляя съ нею рядомъ — только вы пожалуйста не бойтесь.

Вѣдь я васъ не выдамъ—я *слишкомъ* радъ, что встрѣтилъ васъ!—Я, Паклинъ, Сила Паклинъ, знаете, пріятель Нежданова... Зайдите ко мнѣ;—я живу въ двухъ шагахъ отсюда... Пожалуйста.

— Іо соно контесса Рокка ди Санто и.... и.... е ancora!—отвѣчала дама низкимъ голосомъ, но съ удивительно-чистымъ русскимъ акцентомъ.

— Ну, чтó контесса.... какая тамъ контесса... Зайдите, поболтаемте...

— Да гдѣ вы живете?—спросила вдругъ по-русски итальянская графиня.—Мнѣ некогда.

— Я живу здѣсь въ этой линіи, вотъ мой домъ, тотъ сѣрый, трехъ-этажный. — Какая вы добрая, что не хотите больше секретничать со мною! Дайте мнѣ руку, пойдемте. — Давно ли вы здѣсь? И почему вы графиня? Вышли замужъ за какого-нибудь итальянскаго контэ?

Машурина ни за какого контэ не выходила; ее снабдили паспортомъ, выданнымъ на имя нѣкоей графини Рокко ди Санто Фіуме, недавно передъ тѣмъ умершей—и она съ нимъ преспокойно отправилась въ Россію, хотя ни слова не понимала по-итальянски—и имѣла лицо самое русское.

Паклинъ привелъ ее въ свою скромную квартирку. Горбатая сестра, съ которой онъ жилъ, вышла на встрѣчу гостьѣ изъ-за перегородки, отдѣлявшей крохотную кухню отъ такой же передней.

— Вотъ, Снапочка, — промолвилъ онъ — рекомендую, большая моя пріятельница; дай-ка намъ поскорѣе чаю.

Машурина, которая не пошла бы къ Паклину, еслибъ онъ не упомянулъ имени Нежданова, сняла шляпу съ головы,—и, поправивши своей мужественной рукой свои по прежнему коротко остриженные волосы, поклонилась и сѣла молча. Она такъ вовсе не измѣнилась; даже платье на ней было то же самое, какъ и два года тому назадъ, — но въ глазахъ ея установилась какая-то недвижная печаль, которая придавала нѣчто трогательное обычно-суровому выраженію ея лица.

Снандулія побѣжала за самоваромъ—а Паклинъ помѣстился противъ Машуриной, слегка похлопалъ ее по колѣну и понурилъ голову; а когда хотѣлъ заговорить, принужденъ былъ откашляться: голосъ его перервался и слезинки сверкнули на глазахъ.—Машурина сидѣла неподвижно и прямо, не прислоняясь къ спинкѣ стула—и угрюмо смотрѣла въ сторону.

— Да, да,—началъ Паклинъ—были дѣла! Гляжу на васъ

и вспоминаю.... многое и многихъ. — Мертвыхъ и живыхъ. — Вотъ и мои периклитки умерли.... да вы ихъ, кажется, не знали;—и обѣ, какъ я предсказывалъ, въ одинъ день.—Неждановъ.... бѣдный Неждановъ!.. Вы вѣдь, вѣроятно, знаете...

— Да, знаю, — промолвила Машурина, все такъ же глядя въ сторону.

— И объ Остродумовѣ тоже знаете?

Машурина только качнула головою. Ей хотѣлось, чтобы онъ продолжалъ говорить о Неждановѣ — но она не рѣшалась просить его объ этомъ.—Онъ ее понялъ и такъ.

— Я слышалъ, что онъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ упомянулъ о васъ.—Правда это?

Машурина не тотчасъ отвѣчала.

— Правда,—произнесла она наконецъ.

— Чудесный былъ человѣкъ! Только не въ свою колею попалъ! — Онъ такой же былъ революціонеръ, какъ и я! Знаете, кто онъ собственно былъ? — Романтикъ реализма! Понимаете ли вы меня?

Машурина бросила быстрый взглядъ на Паклина. Она его не поняла — да и не хотѣла дать себѣ трудъ его понять. — Ей показалось неумѣстнымъ и страннымъ, что онъ осмѣливается приравнивать себя къ Нежданову; — но она подумала: «Пускай хвастается теперь». (Хоть онъ вовсе не хвастался—а скорѣй, по его понятіямъ, принижалъ себя).

— Меня тутъ отыскалъ нѣкто Силинъ, — продолжалъ Паклинъ;—Неждановъ тоже писалъ къ нему передъ смертью. Такъ вотъ онъ, этотъ самый Силинъ, просилъ: нельзя ли найти какія-нибудь бумаги покойнаго?—Но Алёшины вещи были опечатаны.... да и бумагъ тамъ не было; онъ все сжегъ — и стихи свои сжегъ.—Вы, можетъ быть, не знали, что онъ стихи писалъ? Мнѣ ихъ жаль; я увѣренъ—иные должны были быть очень недурны.—Все это исчезло вмѣстѣ съ нимъ—все попало въ общій круговоротъ—и замерло на вѣки! Только что у друзей осталось воспоминаніе,—пока они сами не исчезнутъ въ свою очередь!

Паклинъ помолчалъ.

— За то Сипягины,—подхватилъ онъ снова — помните, эти снисходительные, важные, отвратительные тузы — они теперь на верху могущества и славы! — Машурина вовсе не «помнила» Сипягиныхъ; но Паклинъ такъ ихъ ненавидѣлъ обоихъ—особенно его — что не могъ отказать себѣ въ удовольствіи ихъ «продернуть».—Говорятъ, у нихъ въ домѣ такой высокій тонъ!—Все о

добродѣтели толкуютъ!! Только я замѣтилъ: если гдѣ слишкомъ много толкуютъ о добродѣтели — это все равно, какъ если въ комнатѣ у больного слишкомъ накурено благовоніями: навѣрно передъ этимъ совершилась какая-нибудь тайная пакость! — Подозрительно это! — Бѣднаго Алексѣя *они* погубили, эти Синягины!

— Что Соломинъ? — спросила Машурина. — Ей вдругъ перестало хотѣться слышать что-нибудь отъ *этого* о *немъ!*

— Соломинъ! — воскликнулъ Паклинъ. — Этотъ молодцомъ. Вывернулся отлично. Прежнюю-то фабрику бросилъ и лучшихъ людей съ собою увелъ. — Тамъ былъ одинъ.... голова, говорятъ, бѣдовая! Павломъ его звали.... такъ и того увелъ. Теперь, говорятъ, свой заводъ имѣетъ — небольшой — гдѣ-то тамъ, въ Перми, на какихъ-то артельныхъ началахъ. Этотъ дѣла своего не оставитъ! Онъ продолбитъ! — Клювъ у него тонкій — да и крѣпкій за то. Онъ — молодецъ! А главное: онъ не внезапный исцѣлитель общественныхъ ранъ. — Потому, вѣдь мы, русскіе, какой народъ? мы все ждемъ: вотъ-молъ придетъ что-нибудь, или кто-нибудь и разомъ насъ излечитъ, всѣ наши раны заживитъ, выдернетъ всѣ наши недуги, какъ больной зубъ. Кто будетъ этотъ чародѣй? — Дарвинизмъ? Деревня? Архипъ Перепентьевъ? Заграничная война? — Чтó угодно! только, батюшка, рви зубъ!! — Это все — лѣность, вялость, недомысліе! — А Соломинъ не такой; нѣтъ, — онъ зубовъ не дергаетъ — онъ молодецъ!

Машурина сдѣлала знакъ рукою, какъ-бы желая сказать, что: «этого, стало-быть, похерить надо».

— Ну, а та дѣвушка — спросила она — я забыла ея имя — которая тогда съ нимъ — съ Неждановымъ — ушла?

— Маріанна? Да она теперь этого самаго Соломина жена. Ужъ больше года, какъ она за нимъ замужемъ. Сперва только числилась — а теперь, говорятъ, настоящей женою стала. Да-а.

Машурина опять сдѣлала тотъ же знакъ рукою.

Бывало, она ревновала Нежданова къ Маріаннѣ; а теперь она негодовала на нее за то, что какъ могла она измѣнить его памяти?!.. — Чай, ребенокъ уже есть, — прибавила она съ пренебреженіемъ.

— Можетъ быть, не знаю. — Но куда же вы, куда? — прибавилъ Паклинъ, видя, что она берется за шляпу. — Подождите; Снапочка намъ сейчасъ чаю подастъ. Ему не столько хотѣлось удержать собственно Машурину, сколько не упустить случая высказать все, чтó накопилось и накипѣло у него на душѣ. — Съ тѣхъ поръ, какъ Паклинъ вернулся въ Петербургъ, онъ видѣлъ

очень мало людей, особенно молодыхъ. — Исторія съ Неждановымъ его напугала, онъ сталъ очень остороженъ и чуждался общества, — и молодые люди, съ своей стороны, поглядывали на него подозрительно. Одинъ такъ даже прямо въ глаза обругалъ его доносчикомъ. Съ стариками онъ самъ неохотно сближался; вотъ ему и приходилось иногда молчать по недѣлямъ. Передъ сестрой онъ не высказывался; не потому — чтобы воображалъ ее неспособной его понять — о, нѣтъ! Онъ высоко цѣнилъ ея умъ... Но съ ней надо было говорить серьёзно и вполнѣ правдиво; а какъ только онъ пускался «козырять» или «запускать брандеръ» — она тотчасъ принималась глядѣть на него какимъ-то особеннымъ, внимательнымъ и соболѣзнующимъ взглядомъ; — и ему становилось совѣстно. Но скажите, возможно ли обойтись безъ легкой «козырки?» Хоть съ двойки — да козыряй! Оттого-то и жизнь въ Петербургѣ начала становиться тошна Паклину, и онъ уже думалъ какъ-бы перебраться въ Москву, что-ли? — Разныя соображенія, измышленія, выдумки, смѣшныя или злыя слова, набирались въ немъ, какъ вода на запертой мельницѣ... Заставокъ нельзя было поднимать: вода дѣлалась стоячей и портилась. — Машурина подвернулась... Вотъ онъ и поднялъ заставки и заговорилъ, заговорилъ...

Досталось же Петербургу, петербургской жизни, всей Россіи! — Никому и ничему не было ни малѣйшей пощады! — Машурину все это занимало весьма умѣренно; но она не возражала и не перебивала его... а ему больше ничего не требовалось.

— Да-съ, — говорилъ онъ; — веселое наступило времячко, доложу вамъ! Въ обществѣ застой совершенный; всѣ скучаютъ адски! Въ литературѣ пустота — хоть шаромъ покати! Въ критикѣ.... если молодому передовому рецензенту нужно сказать, что «курицѣ свойственно нести яйца» — подавай ему цѣлыхъ двадцать страницъ для изложенія этой великой истины — да и то онъ едва съ нею сладитъ! Пухлы эти господа, доложу вамъ, какъ пуховики, размазисты, какъ тюря — и съ пѣной у рта говорятъ — общія мѣста! Въ наукѣ... ха-ха-ха! *ученый Кантъ* есть и у насъ; — только на воротникахъ инженеровъ! Въ искусствѣ то же самое! Не угодно ли вамъ сегодня пойти въ концертъ? Услышите народнаго пѣвца Агремантскаго... Большимъ успѣхомъ пользуется... А если бы лещъ съ кашей — *лещъ съ кашей*, говорю вамъ, былъ одаренъ голосомъ, то онъ именно такъ бы и пѣлъ, какъ этотъ господинъ! — И тотъ же Скоропихинъ, знаете, нашъ исконный Аристархъ — его хвалитъ! Это, молъ, не то, что западное искусство! Онъ же и нашихъ паскудныхъ живописцевъ хвалитъ! —

Я, молъ, прежде самъ приходилъ въ восторгъ отъ Европы, отъ итальянцевъ; — а услышалъ Россини и подумалъ: — Э! э! — увидѣлъ Рафаеля... Э! э! И этого: э! э! — нашимъ молодымъ людямъ совершенно достаточно; и они за Скоропихинымъ повторяютъ: э! э! — и довольны, представьте! А въ то же время народъ бѣдствуетъ страшно, подати его разорили въ конецъ, и только та и совершилась реформа, что всѣ мужики картузы надѣли, а бабы бросили кички... А голодъ! А пьянство! А кулаки!

Но тутъ Машурина зѣвнула—и Паклинъ понялъ, что надо перемѣнить разговоръ.

— Вы мнѣ еще не сказали, — обратился онъ къ ней, гдѣ вы эти два года были и давно-ли пріѣхали—и чтó дѣлали—и какимъ образомъ превратились въ итальянку и почему...

— Вамъ все это не слѣдуетъ знать, — перебила Машурина: — къ чему? Вѣдь ужъ это теперь не по вашей части.

Паклина какъ будто что-то кольнуло, — и онъ, чтобъ скрыть свое смущеніе, посмѣялся коротенькимъ, натянутымъ смѣхомъ.

— Ну, какъ угодно, — промолвилъ онъ: — я знаю, я въ глазахъ нынѣшняго поколѣнія человѣкъ отсталый; да и точно, я уже не могу считаться... въ тѣхъ рядахъ... Онъ не закончилъ своей фразы. — Вотъ намъ Снапочка чай несетъ. Вы выкушайте чашечку, да послушайте меня... Можетъ быть, въ моихъ словахъ будетъ что-нибудь интересное для васъ.

Машурина взяла чашку, кусочекъ сахару и принялась пить въ прикуску.

Паклинъ разсмѣялся уже нà-чисто.

— Хорошо, что полиціи здѣсь нѣтъ, а тó итальянская графиня... какъ бишь?

— Рокко-ди-Санто-Фіуме, — съ невозмутимой важностью проговорила Машурина, втягивая въ себя горячую струю.

— Рокко-ди-Санто-Фіуме! — повторилъ Паклинъ — и пьетъ въ прикуску чай! Ужъ, очень неправдоподобно! Полиція сейчасъ возымѣла бы подозрѣнія.

— Ко мнѣ и тó на границѣ, — замѣтила Машурина, — приставалъ какой-то въ мундирѣ; все разспрашивалъ; я ужъ и не вытерпѣла: «Отвяжись ты отъ меня, говорю, ради Бога!»

— Вы это по-итальянски ему сказали?

— Нѣтъ, по-русски.

— И что же онъ?

— Чтó? Извѣстно: отошелъ.

— Браво! — воскликнулъ Паклинъ. — Ай да контесса! Еще чашечку! Ну, такъ вотъ чтó я хотѣлъ вамъ сказать: вы вотъ о

Соломинѣ отозвались сухо. — А знаете ли, что̀ я вамъ доложу? Такіе, какъ онъ—они-то вотъ и суть настоящіе. Ихъ сразу не раскусишь—а они — настоящіе, повѣрьте; и будущее имъ принадлежитъ. Это—не герои; это даже не тѣ «герои труда», о которыхъ какой-то чудакъ — американецъ или англичанинъ — написалъ книгу для назиданія насъ, убогихъ; это—крѣпкіе, сѣрые, одноцвѣтные, народные люди. Теперь только такихъ и нужно! Вы посмотрите на Соломина: уменъ—какъ день,—и здоровъ—какъ рыба... Какъ же не чудо! Вѣдь у насъ до сихъ поръ на Руси ка́къ было: коли ты живой человѣкъ, съ чувствомъ, съ сознаніемъ—такъ непремѣнно ты больной! А у Соломина сердце-то, пожалуй, тѣмъ же болѣетъ, чѣмъ и наше—и ненавидитъ онъ то́ же, что̀ мы ненавидимъ—да нервы у него молчатъ—и все тѣло повинуется, какъ слѣдуетъ... значитъ: молодецъ! Помилуйте: человѣкъ съ идеаломъ—и безъ фразы, образованный—и изъ народа, простой—и себѣ-на-умѣ... Какого вамъ еще надо?

— И вы не глядите на то,—продолжалъ Паклинъ! приходя все болѣе и болѣе въ азартъ, и не замѣчая, что Машурина его уже давно не слушала—и опять уставилась куда-то въ сторону; не глядите на то́, что у насъ теперь на Руси всякій видится народъ: и славянофилы, и чиновники, и простые, и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки—(знавалъ же я одну барыню, Хавронью Прыщову по имени, которая вдругъ съ бухта-барахта сдѣлалась легитимисткой и увѣряла всѣхъ, что когда она умретъ—то сто̀итъ только вскрыть ея тѣло—и на сердцѣ ея найдутъ начертаннымъ имя Генриха V-го... Это у Хавроньи Прыщовой-то!)—Не глядите на все это, моя почтеннѣйшая, а знайте, что настоящая, исконная наша дорога—тамъ, гдѣ Соломины, сѣрые, простые, хитрые Соломины! Вспомните, *когда* я это говорю вамъ—зимой 1870 года, когда Германія собирается уничтожить Францію—когда...

— Силушка,—послышался за спиной Паклина тихій голосокъ Снандуліи:—мнѣ кажется, въ твоихъ разсужденіяхъ о будущемъ, ты забываешь нашу религію и ея вліяніе... И къ тому же,—поспѣшно прибавила она:—г-жа Машурина тебя не слушаетъ... Ты бы лучше предложилъ ей еще чашку чаю.

Паклинъ спохватился.

— Ахъ, да, моя почтенная—не хотите ли вы въ самомъ дѣлѣ?..

Но Машурина медленно перевела на него свои темные глаза, и задумчиво промолвила:

— Я хотѣла спросить у васъ, Паклинъ, нѣтъ ли у васъ какой-нибудь записки Нежданова—или его фотографіи?

— Есть фотографія... есть; и, кажется, довольно хорошая.— Въ столѣ.—Я сейчасъ отыщу вамъ ее.

Онъ сталъ рыться у себя въ ящикѣ—а Снандулія подошла къ Машуриной—и съ участіемъ, долго и пристально посмотрѣвъ на нее, пожала ей руку—какъ собрату.

— Вотъ она! Нашелъ!—воскликнулъ Паклинъ и подалъ фотографію. Машурина быстро,—почти не взглянувъ на нее и не сказавъ спасибо, но покраснѣвши вся,—сунула ее въ карманъ, надѣла шляпу и направилась къ двери.

— Вы уходите?—промолвилъ Паклинъ.—Гдѣ вы живете, по крайней мѣрѣ?

— А гдѣ придется.

— Понимаю; вы не хотите, чтобъ я объ этомъ зналъ. Ну, скажите, пожалуйста, хоть одно: вы все по приказанію Василія Николаевича дѣйствуете?

— На чтó вамъ знать?

— Или, можетъ, кого другого, Сидора Сидорыча?

Машурина не отвѣчала.

— Или вами распоряжается безымянный какой?

Машурина уже перешагнула порогъ.

— А, можетъ быть, и безымянный!

Она захлопнула дверь.

Паклинъ долго стоялъ неподвижно передъ этой закрытой дверью.

— «Безымянная Русь!»—сказалъ онъ наконецъ.

Иванъ Тургеневъ.

с. Спасское-Лутовиново, 1876.

—<>—

НОВАЯ ТЕОРІЯ

о

ПРОИСХОЖДЕНІИ ФРАНЦІИ

Fustel de-Coulanges: Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Première partie: L'empire romain.—Les Germains.—La royauté merovingienne. Par. 1875.

Въ исторіи каждаго народа вопросъ объ его происхожденіи служитъ ареною для ожесточенной борьбы ученыхъ его изслѣдователей. Эта борьба получаетъ новыя осложненія, когда начинаютъ примѣшиваться къ ней національныя, религіозныя или сословныя страсти. А это случается почти всегда—потому что историкъ не можетъ относиться къ своимъ предкамъ, какъ естествоиспытатель относится къ азоту, кислороду или электричеству. Мы всѣ чувствуемъ солидарность съ своимъ даже далекимъ прошлымъ, мы ищемъ въ немъ зародыша настоящей жизни, ратуемъ *за* или *противъ*, смотря по тому, какъ мы относимся къ завѣщанному намъ нашими предками.

Притомъ въ вопросѣ о происхожденіи народовъ исторія даетъ намъ мало ясныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ, и даже иногда не представляетъ достаточно фактическихъ данныхъ. Чѣмъ меньше такихъ данныхъ, тѣмъ жарче полемика между историками, тѣмъ больше гипотезъ. Одна и та же фраза Нестора или Геродота приводится тысячу разъ въ разныхъ комбинаціяхъ, комментируется на тысячу ладовъ. Не мы, напримѣръ, одни болѣемъ варяж-

скими вопросами: у французовъ есть свой нескончаемый споръ о происхожденіи французскаго государства и французскихъ учрежденій. Французы—народъ смѣшанный. На первый—кельтическій, слой легъ второй слой—римскій, на римскій—германскій. Что внесла каждая изъ трехъ расъ? Которая изъ нихъ оказала наибольшее вліяніе на судьбы «великой націи»? Существенно ли измѣнилась Галлія отъ германскаго завоеванія? Какія учрежденія германскія, какія римскія? Эти вопросы разрѣшаются различно въ теченіи столѣтій, и все еще не сказано послѣдняго слова. Одни историки идеализировали «дѣвственныхъ, первобытныхъ, доблестныхъ германцевъ», видя въ нихъ готовыхъ рыцарей Тоггенбурговъ, другіе возвеличивали римскую культуру, римскія государственныя идеи. Съ XVI вѣка вопросъ этотъ становится вопросомъ сословнымъ. Отношенія классовъ при старомъ порядкѣ начинаютъ объяснять германскимъ завоеваніемъ: побѣжденные галлы—это крѣпостные и горожане, tiers état; франки—аристократы. «Мы—великій народъ, мы завоеватели» — говорятъ высшія сословія. «Вы—грубая сила, вы дикари»—упрекаютъ ихъ приниженныя сословія. Этого стараго, но тѣмъ не менѣе вѣчно юнаго вопроса, касались многіе извѣстные историки, нѣмцы, французы, англичане. Были между ними и кельтофилы, и романофилы, и германофилы, поклонники республики и демократіи, феодализма и монархіи. Они различно объясняли происхожденіе французскихъ учрежденій, производили отъ разныхъ корней тѣ или другіе государственные и общественные термины. Одно *всѣмъ* имъ представлялось несомнѣннымъ—*германское завоеваніе и его ближайшія, такъ сказать, естественныя послѣдствія: отнятіе земель у покоренныхъ и раздѣленіе ея между побѣдителями, да политическое и общественное неравенство между покоренными галлами и завоевателями германцами.* Эти посылки вошли въ учебники и сдѣлались историческою азбукою. Противъ этой-то азбуки и возстаетъ Фюстель де-Куланжъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ, пойдя новыми путями къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи Франціи и всей французской цивилизаціи. Это новое изслѣдованіе обратило на себя всеобщее вниманіе, и наравнѣ съ извѣстнымъ трудомъ того же автора: «La cité antique», можетъ служить образцомъ для всѣхъ изслѣдованій подобнаго рода.

I.

Отрицая германское завоеваніе, Фюстель де-Куланжъ не видитъ и той рѣзкой черты, которая, по мнѣнію другихъ историковъ, отдѣляетъ римскую исторію отъ средневѣковой. «Наши старинныя учрежденія,—говоритъ онъ въ предисловіи,—кажутся намъ съ перваго взгляда странными, неестественными, насильственными. Они противорѣчатъ нашему строю мысли, нашимъ нравамъ, и невольно наводятъ современнаго человѣка на мысль, что возникли наперекоръ праву и разуму, какъ какое-то уклоненіе отъ правильнаго и естественнаго хода народнаго развитія. Отсюда весьма легко вытекаетъ заключеніе, что ихъ могла создать лишь грубая сила, что они вызваны на свѣтъ страшнымъ переворотомъ. Но внимательное изученіе современныхъ источниковъ привело насъ къ иному взгляду. Намъ теперь кажется, что эти учрежденія создались медленно, постепенно, правильно, и вовсе не представляли собою плодъ случайнаго происшествія или дикаго насилія. Они вовсе не противорѣчили человѣческой природѣ, потому что вполнѣ согласовались съ нравами и законами, съ матеріальными интересами и складомъ мысли тѣхъ людей, которыми управляли. Они родились изъ общаго строя тогдашней жизни, и насиліе играло весьма незначительную роль въ ихъ созданіи».

Корни стараго порядка, по его мнѣнію, гораздо глубже германскаго завоеванія. Они—въ римской имперіи, идеями и формами которой будущая Франція прожила пять столѣтій.

Оттого авторъ начинаетъ исторію своей страны съ момента присоединенія ея къ всемогущей римской республикѣ, т.-е. со временъ Цезаря. Цезарь нашелъ въ Галліи до восьмидесяти племенъ, жившихъ особнякомъ, политически разъединенныхъ, враждовавшихъ между собою, несмотря на общій языкъ и общія религіозныя вѣрованія. При неодинаковыхъ политическихъ формахъ, общественный строй этихъ галльскихъ государствъ представлялъ одну общую, характерную черту: преобладаніе аристократіи и жречества (друидовъ), и вытекающее изъ этого преобладанія развитіе рабства и кліентства. Аристократія была поземельная и военная. Бѣдный, маленькій собственникъ не могъ держаться противъ крупнаго. Онъ спѣшилъ отдаваться подъ его покровительство, пока долговые законы не отдали его въ рабство. Если не случалось ни того, ни другого, онъ легко становился пролетаріемъ, субъектомъ безпокойнымъ, подвижнымъ, склоннымъ къ

перемѣнамъ и волненіямъ. На этой почвѣ не замедлила появиться своего рода тираннія. Смѣлые, предпріимчивые люди, опираясь на массы, пріобрѣтали власть, и соціальная рознь разъѣдала каждое изъ галльскихъ государствъ внутри, въ то время какъ извнѣ они заѣдали другъ друга. Подробности этой борьбы, къ сожалѣнію, неизвѣстны. Но основанія ея ярко выступаютъ въ каждой главѣ Цезаревыхъ «Комментарій». При такихъ данныхъ смѣлому, тонкому римлянину оставалось только «царствовать». Раздѣленіе совершилось само собою. «Изъ всѣхъ народовъ, съ которыми воевали римляне, ни одинъ не подчинился такъ быстро, какъ галлы», говоритъ Тацитъ. Покореніе Галліи стоило Цезарю четырехъ кампаній: онъ превосходно воспользовался данными условіями и всегда имѣлъ союзниковъ въ средѣ самихъ галловъ.

Римлянъ вообще и Цезаря въ особенности всего менѣе можно упрекнуть въ отсутствіи политической системы. Во всѣхъ завоеванныхъ или обреченныхъ на завоеваніе странахъ римское правительство упорно поддерживало аристократію, давило массы. То же проводилъ въ Галліи демократъ Цезарь. «Лучшіе люди» вездѣ за него, чернь—противъ. Галлія не могла ни разу дружно соединиться противъ Рима, и стала одною изъ его провинцій. Римъ — геніальный уравнитель. Онъ подчинилъ себѣ весь извѣстный тогда міръ и подчинилъ не только внѣшнимъ, механическимъ образомъ. Онъ претворилъ въ себя массу подвластныхъ ему народовъ, притянулъ ихъ къ себѣ умственно, нравственно, экономически. Римская имперія—не громадное царство, сшитое изъ лоскутковъ, это — стройное цѣлое, проникнутое единствомъ языка, быта, науки, искусства, права. Эта сторона римскаго характера во всемъ своемъ величіи развернулась въ эпоху императоровъ, наступившую вслѣдъ за покореніемъ Галліи.

Проходитъ столѣтіе послѣ завоеванія — Галлія совершенно романизирована. Галлы облеклись въ тоги и вполнѣ отдались обаянію высшей культуры, мира и тишины, водворившейся, наконецъ, послѣ вѣковой, изнурительной, междоусобной войны. «Pax romana» (римскій миръ), говорилось тогда вмѣсто «Imperium Romanum» (римское государство). Страна покрылась постройками и сооруженіями, перенятыми у римлянъ, заговорила по-латыни и по-гречески. Друидизмъ съ невѣроятною быстротой потерялъ силу и вліяніе. Нѣтъ и слѣдовъ старой Галліи. Римъ—идеалъ, къ которому все тянется, все стремится. Завѣтная мечта тогдашняго провинціала — стать римскимъ гражданиномъ. Во времена имперіи, римское гражданство не давало никакихъ политическихъ правъ, никакой свободы въ отношеніи къ верховной власти.

Тѣмъ не менѣе оно было драгоцѣнно: оно доставляло покровительство римскихъ законовъ. Собственность римскаго гражданина была ограждена. Онъ имѣлъ право наслѣдовать и отказывать въ наслѣдство, заключать обязательства, торговыя сдѣлки. Это званіе возвышало юридическую цѣнность человѣка. Поэтому его искали, о немъ мечтали. Значительная часть галловъ достигла желанной цѣли при императорѣ Клавдіѣ, при этомъ, такъ-называемомъ «чудовищѣ», отравившемъ жену. «Чудовище» ввело галловъ въ сенатъ—къ великому негодованію гордыхъ «отцовъ», возмущенныхъ тѣмъ, что рядомъ съ ними, коренными римлянами, сажаютъ подданныхъ, провинціаловъ. Извергъ Каракалла явился благодѣтелемъ провинціаловъ, распространивъ права римскаго гражданства на всѣхъ свободныхъ жителей имперіи. Галлы перешли такимъ образомъ, безъ особенныхъ усилій, отъ положенія подданныхъ Рима къ положенію полноправныхъ сыновъ имперіи. Органически сливаясь съ нимъ, они пріобрѣтали всѣ права, всю гордость, все тщеславіе гражданъ. Они числились въ тридцатипяти римскихъ трибахъ, красовались, смотря по степени своего богатства или цезарской милости, въ рядахъ всадниковъ или сенаторовъ. Имъ были открыты высшіе слои римскаго общества, всѣ почести, всѣ государственныя должности. Они охотно становились императорскими чиновниками, прокураторами, занимали высшія должности въ войскѣ, управляли провинціями. Они перестаютъ называться галлами, зовутся—римлянами. Слово «галлъ» употреблялось только, какъ терминъ географическій—для того, чтобъ отличить эту націю отъ другихъ, вошедшихъ въ составъ имперіи, какъ теперь употребляютъ названіе норманновъ, бургундовъ или провансаловъ; общимъ національнымъ именемъ для всѣхъ подданныхъ имперіи, было—римляне.

Нѣсколько разъ въ теченіи четырехъ столѣтій, въ Галліи бывали волненія, возстанія, которыя на первый взглядъ могутъ показаться попытками отложиться отъ Рима. При ближайшемъ же разсмотрѣніи, говоритъ Куланжъ, оказывается, что эти волненія были вызваны то тягостью податей въ данную минуту, то стремленіями тѣхъ или другихъ вождей легіоновъ сѣсть на императорскій престолъ. То не были движенія *національныя*. Если бы Галлія хотѣла освободиться отъ римскаго владычества, она бы могла это сдѣлать, потому что стоявшее въ ней войско не превосходило 1200 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было множество галловъ, и расположено оно было главнымъ образомъ по Рейнской границѣ. «Галлія была вѣрна Риму, потому что *хотѣла* быть ему вѣрною». Полное сліяніе ея съ нимъ нельзя объяснить усиленными

стараніями правительства «ввести римскій элементъ». — Это — идея новаго времени, чуждая древнему міру. Ни сенатъ, ни императоры не ставили себѣ политической программой романизировать провинціи, не давали въ этомъ смыслѣ инструкцій должностнымъ лицамъ. Причину быстрой романизаціи Галліи нельзя также, по мнѣнію автора, искать въ помѣси расъ: римлянъ въ Галліи было весьма не много, римскія колоніи находились только на югѣ, въ Галліи Нарбоннской. Прирейнскія населены были легіонами, т.-е. сбродомъ всѣхъ возможныхъ народностей. Итакъ, полная и притомъ необычайно быстрая романизація будущей Франціи объясняется неизмѣннымъ и безспорнымъ историческимъ закономъ: высшая культура побѣждаетъ и вытѣсняетъ низшую. Римъ не ассимилировалъ себѣ Греціи: онъ преклонился передъ нею, пропитался, благодаря ей, тою силою, которая впослѣдствіи сдѣлала его способнымъ ассимилировать весь остальной міръ. Великій политическій тактъ уберегъ его отъ фанатизма, который насильно гнётъ побѣжденную народность ради «привитія въ ней своего элемента». «Элементъ» болѣе сильный и безъ гнёта вытѣсняетъ болѣе слабый.

Когда Галлія вошла въ составъ греко-римскаго міра, республиканскіе порядки доживали въ немъ послѣдніе дни въ мучительныхъ предсмертныхъ судорогахъ. Они лишь слегка скользнули по ней, и вскорѣ Галлія зажила понятіями и формами Рима императорскаго. Имперія наложила на Францію неизгладимую печать, воспитала ее политически. Чтó же такое была эта имперія?

Взглядъ Фюстеля де-Куланжа на эпоху Цезарей—взглядъ новой исторической школы. Эта новая школа, однимъ изъ главныхъ основателей которой былъ Чарльзъ Мериваль, уже теперь не молода и существенно расходится съ старой. Представители старой школы видѣли въ имперіи время непрестаннаго упадка, продолжающагося слишкомъ четыре столѣтія. Республика—свобода, имперія—рабство. Республика—гражданская и военная доблесть, чистота нравовъ, благородная гордость. Въ имперіи—лакейство, обжорство, трусость, политическая апатія. Катонъ и Вителлій, Фабій и Каракалла—какія ужасныя параллели! Это все такъ, говоритъ новая школа. Но не въ томъ сила. Сравните положеніе провинцій при республикѣ и при имперіи. Республика не признавала за ними ни политическихъ, ни гражданскихъ правъ; олигархія, царившая въ Римѣ, по принципу высасывала изъ нихъ соки. Въ семихолмномъ, великомъ городѣ «рука руку мыла», и обиженному провинціалу негдѣ было искать управы на мучителя-намѣстника. При императорахъ права римскаго гражданства рас-

пространяются на весь міръ, выработываются общія, всемірныя начала гражданскаго права, пережившія тысячелѣтія. Императоры не держали руку клики, не имѣли причинъ рѣзко отдѣлять однихъ подданныхъ отъ другихъ. Деспотизмъ ихъ тяготѣлъ преимущественно надъ ближайшими къ престолу лицами. Въ отдаленныя страны онъ вносилъ уравнивающій элементъ, который былъ для нихъ благомъ. Все это нисколько не значитъ, что Неронъ и Каракалла—добродѣтельные люди, дѣйствовавшіе подъ вліяніемъ безкорыстныхъ, чистыхъ побужденій. Это значитъ только, что время, въ которое они жили, предъявляло извѣстныя требованія, которымъ не могла удовлетворить олигархія, узкая, жадная, односторонняя.

Выборъ былъ между этою олигархіею и монархіею. Болѣе сложныхъ, смѣшанныхъ формъ тогдашніе люди не знали. «Монтескье смотритъ на міръ съ высотъ Капитолія», говоритъ Ам. Тьерри. «Взглянемъ на него изъ провинціальнаго захолустья» [1]). Именно такъ глядитъ на нее Фюстель де-Куланжъ. Онъ старается вычитать въ твореніяхъ поэтовъ, историковъ, юристовъ, въ частныхъ письмахъ, рѣчахъ и панегирикахъ, на медаляхъ, на стѣнахъ зданій, на надгробныхъ памятникахъ, ка́къ галлы того времени смотрѣли на имперію. «Историку не́чего говорить, что́ онъ самъ думаетъ о томъ или другомъ порядкѣ», говоритъ онъ. «Онъ долженъ только ясно показать, ка́къ о немъ думали современники». Изученіе современныхъ отзывовъ приводитъ его къ заключенію, *что ни одна строка*, уцѣлѣвшая отъ тѣхъ временъ, не даетъ намъ права предполагать, чтобы провинція тяготилась имперіей, какъ извѣстнымъ порядкомъ. Тацитъ, котораго считаютъ поборникомъ республики, въ сущности нападаетъ лишь на тѣ или другія личности, занимавшія престолъ Цезарей, и преклоняется передъ Нервою и Траяномъ. Точно также—Тразея и Корбулонъ, погибшіе при Неронѣ. Видѣть въ Тацитѣ и Ювеналѣ противниковъ имперіи, говоритъ Куланжъ, все равно, что представлять себѣ Сенъ-Симона врагомъ легитимной монархіи [2]). Лучшіе

[1]) Съ различными воззрѣніями на имперію читатели могутъ познакомиться въ извѣстной диссертаціи г. Драгоманова: «Значеніе римской имперіи и Тацитъ».

[2]) Сравненіе Тацита съ Сенъ-Симономъ не разъ повторяется у Фюстель де-Куланжа. „Языкъ у Тацита,—говоритъ онъ—аристократическій, надменный, и слова „честные люди“ (honnêtes gens) имѣютъ у него такой же смыслъ, какъ у Сенъ-Симона“. Но отзывъ автора о Тацитовской Германіи какъ будто противорѣчитъ этой характеристикѣ. „Тацитъ,—говоритъ онъ,—восхищался у германцевъ той свободой, которую Римъ утратилъ“. Слѣдовательно, онъ былъ все-таки приверженцемъ этой старой свободы. Этого отрицать невозможно; насколько онъ былъ правъ — другой вопросъ.

люди того времени служили императорскому началу, порицая лишь отдѣльныя безобразныя его проявленія. Возстаній въ римской имперіи было не мало, но ни одно изъ нихъ не задавалось цѣлью возстановить республику. Гражданскія войны, театромъ которыхъ являлась Галлія, были вызваны желаніемъ возвести одного императора вмѣсто другого. Нѣсколько разъ судьба Галліи была въ ея собственныхъ рукахъ, и ей ни разу не пришла мысль установить республику. Въ 260 году она оказалась отрѣзанною отъ Италіи, при полной возможности избрать себѣ ту или другую форму правленія. Она выбрала себѣ императора (Постумія).

Есть множество доказательствъ поклоненія и благоговѣнія, которое питали народы къ императорской власти. Это не только пассивная покорность, это горячая любовь. Прочтите надписи. Они называютъ императоровъ охранителями мира, отцами народа, добрыми геніями. Чувство благоговѣнія было такъ сильно, что перешло въ культъ, въ боготвореніе императоровъ, непонятное и предосудительное для насъ. Сотни храмовъ воздвигались въ честь Августа, Тиверія, Калигулы, безразлично въ честь добрыхъ и злыхъ Цезарей, потому что поклоненіе относилось не къ лицамъ, а къ началу. Особыя коллегіи жрецовъ возсылали представителямъ этого начала молитвы, приносили жертвы. Жрецы эти назначались не правительствомъ, а избирались провинціалами изъ самыхъ почтенныхъ и самыхъ богатыхъ мѣстныхъ жителей. Императору поклонялись не только всенародно, оффиціально, ему молились въ частныхъ домахъ, гдѣ изображеніе его вмѣстѣ съ ларами и пенатами украшало atrium, принося хозяевамъ миръ, любовь и счастіе. Именами Цезарей клялись; имъ посвящали дѣтей. Чтó это? Лицемѣріе, вынужденное желѣзнымъ деспотизмомъ? Нѣтъ, отвѣчаетъ Куланжъ, это чувство вполнѣ искреннее, вполнѣ свободное: никто не заставлялъ римлянина чтить Цезаря въ своемъ домѣ. Не видно даже, чтобъ его заставляли строить храмы. Но главнымъ образомъ авторъ вѣритъ въ искренность императорскаго культа, потому что не вѣритъ въ возможность трехсотлѣтней всемірной лжи. «Тысячи тысячъ людей не лгутъ и не раболѣпствуютъ въ теченіи вѣковъ», говоритъ онъ, «никакая сила не въ состояніи извлекать изъ нихъ въ продолженіи тысячелѣтій выраженіе чувствъ, которыхъ они не имѣютъ». Будь въ обществѣ протестъ противъ императорскаго начала и культа, онъ бы сказался въ чемъ-нибудь, прежде всего въ томъ, что протестующее населеніе не послало бы жреца-депутата—воздавать моленія постылому богу. Это сопротивленіе, хотя бы и пас-

сивное, но повторенное нѣсколько разъ, возбудило бы вниманіе современниковъ, и мы прочли бы о немъ что-нибудь. По справедливому замѣчанію автора, *историкъ не долженъ предполагать ничего такого, о чемъ не говорится въ современныхъ источникахъ.*

По аналогіи, по чисто-психологическимъ соображеніямъ мы не можемъ однако не видѣть въ императорскомъ культѣ извѣстную долю лжи, принужденія, лицемѣрія, рутины. Источники, на которые всего болѣе ссылается Куланжъ—по преимуществу оффиціальные, и, слѣдовательно, весьма неудобные для выраженія задушевныхъ мыслей человѣка. Надписи—вещь конечно драгоцѣнная для провѣрки фактовъ, но самая ненадежная для провѣрки убѣжденій. Они всегда казенны, холодны, лаконичны, рутинны. Протоколовъ жреческихъ собраній, происходившихъ ежегодно въ храмовые праздники, мы не имѣемъ; частныхъ писемъ того времени, сравнительно, весьма немного, и потому, къ сожалѣнію, намъ нельзя заглянуть поближе въ интимную жизнь тогдашнихъ умовъ. Къ тому же, всѣ дошедшіе до насъ памятники, какъ вещественные, такъ и письменные, суть произведенія высшихъ или, по крайней мѣрѣ, среднихъ слоевъ общества. Чтò думали и чувствовали низшіе, — мы почти вовсе не знаемъ. Вотъ почему не всегда и не вполнѣ должны вѣрить тому, чтó современники говорятъ, и въ усиленной степени поклоненія императорамъ, въ экстазѣ, на которомъ особенно настаиваетъ авторъ, усматриваемъ большую долю рутины и напыщенной фразеологіи того времени. Она непремѣнно пересаливала. При всемъ томъ, остается несомнѣннымъ, что противъ императорскаго культа не раздавалось до временъ преобладанія христіанства *громкаго*, открытаго протеста; несомнѣнно, что большинство людей не питало ненависти къ императорскому началу: «политическія убѣжденія бываютъ весьма различны. Есть времена, когда народы стремятся управлять сами собою; — есть такія, когда они жаждутъ, чтобъ ими управляли. Того и другого они могутъ желать съ одинаковою горячностью; но, вообще говоря, они любятъ новый порядокъ дѣлъ настолько, насколько ненавидѣли старый». Римскія провинціи ненавидѣли республику. Они упрекали ее въ томъ, что она создала олигархическій деспотизмъ, и подъ личиной политической свободы убила свободу индивидуальную;—въ томъ, что она всюду посѣяла раздоры и усобицы, наполняла жизнь горечью ссоръ и дурными страстями. Явился новый порядокъ — бросились на него съ жадностью, отдались ему всею душою. Люди искали въ немъ не осуществленія политическихъ идеаловъ, которыхъ у нихъ не было. Не они тогда были на очереди. Провин-

ціалы радовались, что выбились изъ-подъ юридическаго и экономическаго гнета, въ которомъ ихъ держала республика, и отдались матеріальному благосостоянію, которое, дѣйствительно, въ ту пору сильно развилось.

Лучшія сердца ушли тогда въ христіанство, лучшіе умы въ философію и литературу, посредственности отдались наслажденію благами міра. Вообще, индивидуальная жизнь развилась на счетъ общественной — мистицизмъ и нравственные идеалы на счетъ политической жизни. Когда въ лицѣ христіанъ явился протестъ противъ императорскаго культа, это опять-таки не былъ протестъ во имя политическихъ идеаловъ. Христіанство, напротивъ, истребило эти идеалы до конца, привело людей къ полной политической апатіи. Говоря объ эпохѣ императоровъ, должно, поэтому, забыть политическую жизнь, политическіе принципы и идеалы, и исключительно заниматься тѣми началами, которыя внесла эта эпоха въ область администраціи, суда, гражданскихъ и экономическихъ отношеній. Первымъ, главнымъ началомъ, появившимся на свѣтъ съ имперіей, была административная и судебная централизація. Республика ея не знала и не задавалась мыслью установить административную связь между побѣжденными странами и городомъ-завоевателемъ. Проконсулъ былъ полнымъ господиномъ въ своей провинціи: онъ судилъ, издавалъ законы, налагалъ подати. Провинціалъ стоялъ внѣ римскаго права и былъ юридически беззащитенъ. Этотъ проконсульскій деспотизмъ былъ уничтоженъ деспотизмомъ императорскимъ. Съ той минуты, какъ сенатъ передалъ Августу верховный надзоръ за всѣми проконсулами, они стали лишь намѣстниками, чиновниками императора. Весь міръ сталъ управляться изъ цезарскаго дворца (Palatium). Оттуда шелъ строжайшій контроль за дѣятельностью провинціальныхъ начальниковъ. Впервые при императорахъ стали они получать опредѣленное жалованье. Имъ запрещено участвовать въ коммерческихъ предпріятіяхъ, покупать земли въ управляемыхъ ими провинціяхъ, получать подарки отъ подчиненныхъ. Между императорами встрѣчаемъ личности въ родѣ Адріана, который обошелъ пѣшкомъ всѣ провинціи, жестоко наказывая злоупотребленія своихъ чиновниковъ. Провинціалъ такимъ образомъ зналъ, что тотъ, кому онъ повинуется, самъ подчиненъ высшей власти. Онъ зналъ, что на намѣстника можно найти управу, что на его судебный приговоръ есть аппеляція къ высшему судьѣ. Изъ современныхъ свидѣтельствъ видно, что императоры получали множество аппеляцій изъ провинцій. Это было явленіе, весьма аналогичное съ тѣмъ, что̀ совершалось во Фран-

ціи въ XIV вѣкѣ, когда всѣ хотѣли быть судимы королемъ. Народъ тѣмъ болѣе довѣряется судьѣ, чѣмъ онъ отдаленнѣе, чѣмъ онъ выше. Исторія доказываетъ, что массы вообще не питаютъ ненависти къ царскому суду. Главное неудобство этого суда обыкновенно состоитъ въ томъ, что государство является, въ одно и то же время, и судьею и истцомъ, какъ, напримѣръ, въ государственныхъ преступленіяхъ, въ вопросахъ о частной и казенной собственности. Но эти оборотныя стороны выкупались въ глазахъ современниковъ тѣмъ, что тѣ не былъ судъ касты, жреческой или аристократической, не былъ судъ господина надъ вассаломъ. Это былъ судъ *государственный*, равный для всѣхъ. Если онъ не обезпечивалъ личности отъ насилій власти, онъ, по крайней мѣрѣ, защищалъ ее отъ всякой иной власти, кромѣ цезаря. Когда исчезъ судъ императорскій, явился судъ феодальный, мучительный для массъ.

Императоры сами дорожили непосредственнымъ, живымъ общеніемъ съ своими подданными, чего не было ни при республикѣ, ни при феодальныхъ порядкахъ. Это общеніе шло помимо чиновниковъ. Органами его являлись провинціальныя собранія. Одна сторона этихъ собраній — религіозная. Жрецы-депутаты ежегодно совершали торжественныя жертвоприношенія богамъ-императорамъ. По окончаніи моленій и игръ, они не расходились, а начинали разсуждать о мірскихъ дѣлахъ, о положеніи своихъ провинцій. Они сообща рѣшали, воздать ли почести и хвалу намѣстнику, или, напротивъ, жаловаться на него императору. Для принесенія ему жалобъ и сѣтованій избиралась тутъ же депутація, которая принималась въ Римѣ лично цезаремъ. Цезари признавали въ этихъ собраніяхъ и депутаціяхъ выразителей народныхъ чувствъ и нуждъ, и всячески ихъ поддерживали. При Неронѣ, сенаторы стараго закала жаловались на то, что теперь не подданные боятся намѣстниковъ, а намѣстники подданныхъ. Никогда, повидимому, императорамъ не приходило въ голову видѣть въ провинціальныхъ собраніяхъ подрывъ своей неограниченной власти. Никогда этимъ собраніямъ не приходило на мысль идти дальше печалованья и представленія о своихъ нуждахъ. Императоры поощряли ихъ дѣятельность, запрещали намѣстникамъ насильственно влiять на нихъ; въ IV вѣкѣ, вслѣдствіе усобицъ между безчисленными кандидатами на престолъ, порядокъ этихъ собраній нарушился, и Гонорій въ 418 году издаетъ эдиктъ, чтобы вызвать ихъ на свѣтъ. «Мы находимъ полезнымъ и нужнымъ, — говорится въ эдиктѣ, — чтобы снова вошли въ обыкновеніе провинціальныя собранія, и чтобы семь

провинцій (Галліи) въ назначенное время собирались въ городѣ Арлѣ. Этого требуетъ общее благо. Мы желаемъ, чтобы эти собранія, состоящія изъ самыхъ лучшихъ людей, выражали свои мнѣнія объ общественныхъ дѣлахъ. Мы возстановляемъ старый обычай. Собранія должны происходить ежегодно въ августѣ и сентябрѣ, и будутъ составлены изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, изъ крупныхъ собственниковъ, изъ окружныхъ судей. За неявку въ собраніе назначается пеня въ 3 ф. золота». Въ этомъ эдиктѣ многіе историки видѣли начатки народнаго представительства въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Но это натяжка. Эдиктъ самъ гла́ситъ, что возстановляетъ старый, но забытый обычай. Да и эти провинціальныя собранія не имѣли ничего общаго съ нашими представительными собраніями: они не вотировали податей, не обсуждали вопроса о войнѣ и мирѣ, они только печаловались и помогали императору слѣдить за чиновниками. Они были важны тѣмъ, что поддерживали связь народа съ верховною властью.

Обращаясь къ императорскому законодательству, авторъ опять-таки становится на точку зрѣнія сравнительную, и находитъ, что оно было выше—какъ того, которое ему предшествовало, такъ и того, которое его смѣнило. Галлы не могли не сравнивать этого новаго законодательства съ своими старыми законами, источникомъ которыхъ были преданія клановъ или воля друидовъ. Они видѣли, что по римскимъ законамъ дѣти были равны между собою и не были безправны даже по отношенію къ отцу, что мужъ не имѣлъ права жизни и смерти надъ женою; эти законы установляли полную свободу договора, отмѣняли рабство за долги, облегчали положеніе рабовъ вообще. Императорское законодательство въ особенности въ двухъ отношеніяхъ было несравненно разумнѣе и человѣчнѣе, какъ друидическаго и республиканскаго, такъ и послѣдующаго — феодальнаго. Оно, во-первыхъ, не касалось вопросовъ нравственно-религіозныхъ, не пыталось регулировать домашній бытъ, совѣсть и личныя привычки, занимаясь исключительно явленіями общими, государственными; а во-вторыхъ, поставило на прочныхъ основаніяхъ право личной собственности. Во времена республики провинціалъ юридически не былъ собственникомъ своей земли, потому что вся провинціальная земля составляла ager publicus (землю общественную, государственную), которымъ владѣлецъ только *пользовался*. На практикѣ это пользованіе весьма часто равнялось полному праву собственности, и даже бо́льшею частью это было такъ. Но теоретически провинціалъ, до Антониновъ

включительно, считался лицомъ, неимѣющимъ права ни продать, ни заложить, ни раздѣлить, ни отказать, ни промѣнять своего участка земли. Всѣ эти права соединены были только съ собственностью римскаго гражданина. Различіе это мало-по-малу стерлось при имперіи. Несмотря на деспотическій и иногда алчный характеръ императоровъ, императорскій принципъ никогда не воскрешалъ фикціи о принадлежности всѣхъ земель государству. Онъ никогда не относился враждебно къ праву частной собственности, онъ выработалъ, укрѣпилъ его. *Sors* (жребій)—въ римской имперіи есть участокъ земли, *всецѣло* принадлежащій владѣльцу, переходящій по наслѣдству къ его потомкамъ. Этотъ участокъ, конечно, не обезпеченъ отъ правительственной конфискаціи; владѣлецъ его не огражденъ отъ произвольнаго наложенія податей и повинностей. Онъ безправенъ и безгласенъ, когда стоитъ лицомъ къ лицу съ верховною властью. Но не видно, чтобы эта власть при конфискаціяхъ дѣйствовала систематически, съ опредѣленными политическими цѣлями. Не видно, чтобъ она систематически увеличивала домены и систематически избѣгала раздавать ихъ въ частную собственность.

Что касается податей, то, при полной безучастности населенія въ установленіи ихъ размѣровъ, онѣ взимались и распредѣлялись на основаніи строго выработанныхъ и весьма разумныхъ началъ. Онѣ распредѣлялись «подоходно». Чѣмъ больше было у человѣка земли, тѣмъ больше онъ платилъ податей. Чѣмъ больше были торговые обороты купца, тѣмъ больше была его торговая пошлина. Податная система, созданная римской имперіей, пережила ее на много лѣтъ. Всѣ виды податей и повинностей, существовавшіе въ имперіи, перешли въ средніе вѣка и держались еще долго послѣ того, какъ принципъ «подоходности»—уступилъ мѣсто позднѣйшимъ привилегіямъ отдѣльныхъ сословій. За этотъ принципъ имперія держалась крѣпко, доводя его до педантизма. Изслѣдованія о доходахъ того или другого лица принимали нерѣдко инквизиціонный характеръ. Лактанцій жалуется, что чиновники считаютъ при совершеніи ценза (оцѣнки) каждый клочокъ земли, каждаго раба, каждый кустикъ. «И онъ жалуется, собственно, на то, чтò было достойно похвалы», замѣчаетъ Куланжъ. Сложная и важная операція оцѣнки начиналась съ того, что каждый долженъ былъ всенародно объявлять цифру своего дохода, и эта формальность, повидимому, весьма либеральная, подавала поводъ къ препирательствамъ между чиновникомъ и обывателемъ. Она невольно какъ-бы приглашала жителей къ утайкѣ, а чиновниковъ къ насилію. Сколько податей платила Галлія при им-

ператорахъ—этого авторъ не берется опредѣлить по недостатку данныхъ. Въ современныхъ источникахъ встрѣчаются жалобы на тягость ихъ. Но въ этихъ жалобахъ нельзя видѣть доказательства, что они были очень велики. Народъ тяготится всякою податью, всякою повинностью, особенно натуральною. Ясно одно, что императорскія подати не истощали, не разоряли края: Галлія при нихъ постоянно богатѣла, хорошѣла. Развитіе ремеслъ и торговли возрастало, и остановилось лишь въ третьемъ вѣкѣ, когда начались частыя нападенія германцевъ, усобицы между императорами и усиленіе христіанства, которое,—на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ,—не способствовало экономическому прогрессу. Трудную, щекотливую и кропотливую процедуру взиманія податей императорское правительство возлагало на органы мѣстнаго самоуправленія, въ лицѣ которыхъ съумѣло создать себѣ весьма дѣйствительную помощь. Административная централизація и мѣстное самоуправленіе, по теперешнимъ понятіямъ, двѣ вещи трудно совмѣстимыя. Онѣ тѣмъ не менѣе превосходно уживались въ римской имперіи, уживались потому, что самоуправленіе носило служилый характеръ.

Картина муниципальнаго быта, нарисованная Куланжемъ, невольно приводитъ на память тѣ времена нашей исторіи, когда всѣ бѣжали отъ службъ, были излавливаемы и снова водворяемы на мѣстахъ жительства. Но все же римскую централизацію не слѣдуетъ отождествлять съ наполеоновской: римскіе администраторы не задавались цѣлью «savoir tout, voir tout, fourrer son nez partout». «Число императорскихъ чиновниковъ — говоритъ Куланжъ — въ первые годы имперіи было весьма не велико, и даже въ теченіи послѣднихъ столѣтій далеко уступало числу агентовъ, существованіе которыхъ новѣйшія правительства считаютъ необходимымъ для поддержанія своей власти. Императорское правительство не находило нужнымъ имѣть представителя въ каждой деревнѣ. Оно не содержало сонма судей, сборщиковъ, не располагало огромнымъ количествомъ чиновничьихъ мѣстъ. Императоры не завѣдывали всюду и вездѣ полиціей, не руководили народнымъ образованіемъ, назначеніемъ духовныхъ лицъ. Новѣйшіе пріемы государственной опеки были имъ неизвѣстны; они въ нихъ не нуждались».

Каждая муниципія (городъ съ округомъ) представляла самостоятельную единицу, имѣвшую своего бога-патрона, свои мѣстные праздники, своихъ должностныхъ лицъ, назначаемыхъ помимо правительства. Каждая муниципія—Римъ въ миніатюрѣ. Сословіе декуріоновъ, соотвѣтствовавшее римскимъ сенаторамъ и избранныя ими должностныя лица (дуумвиры, эдилы) завѣды-

вали городскимъ имуществомъ, городскою полиціею, городскими школами и постройками. Въ политическомъ смыслѣ всѣ эти люди были безправны и, столько же какъ всѣ другіе, зависѣли отъ каприза любого Геліогабала или Каракаллы. Но Геліогабалы, Нероны, Домиціаны, дѣлали все возможное, чтобы поддержать и развить мѣстное самоуправленіе. Императоры заставляютъ людей управлять собою, а тѣ не хотятъ, потому что это самоуправленіе налагаетъ на нихъ невыносимыя тягости; это—тягло, чуть ли не самое ужасное тягло.

И какъ всякое тягло въ имперіи—оно падало на жителей сообразно ихъ состоянію. «Въ муниципальномъ строѣ,—говоритъ Куланжъ, — не было ничего демократическаго. Въ галльскихъ муниципіяхъ не было народныхъ собраній. Должностныя лица ежегодно избирались, но не народомъ, а куріей (сенатомъ)». Сама эта курія составлялась не правительствомъ, но и не народомъ. Въ нее вступали должностныя лица, отслужившія свое время, и всѣ люди, имѣвшіе извѣстный цензъ. Кто имѣлъ такой цензъ, тотъ обязательно становился куріаломъ. Бѣдные люди не попадали въ число ихъ. Участіе въ городскомъ управленіи приносило тому лицу, на долю котораго выпадало, много пріятныхъ, заманчивыхъ вещей: почести, мѣстное вліяніе, надежду на высшія должности въ имперіи, но за то требовало отъ него большихъ жертвъ временемъ, деньгами, физическими и умственными силами. Куріалъ или дуумвиръ не только служилъ безъ вознагражденія: онъ долженъ былъ на свой счетъ устраивать игры, угощать народъ, доставлять съѣстные припасы по дешевымъ цѣнамъ, отвѣчать за всѣ свои промахи по финансовому управленію. Но самою тяжкою, самою невыносимою обязанностью куріала было собираніе казенныхъ податей, надзоръ за отправленіемъ натуральныхъ повинностей. Государство опредѣляло только количество податей, которыя долженъ былъ доставить тотъ или другой городъ. Раскладка между отдѣльными лицами и собираніе предоставлялись куріаламъ, которые и отвѣчали своимъ карманомъ за полноту взноса. На нихъ обрушивалась вся ненависть, которую народъ чувствуетъ къ сборщикамъ. Токвиль описалъ бѣдственное положеніе сборщиковъ XVIII-го столѣтія. Не менѣе бѣдственно было положеніе римскаго куріала. Понятно, что цензъ куріала былъ довольно высокъ. Какъ только куріалъ разстроивался въ своихъ денежныхъ дѣлахъ, онъ выходилъ изъ куріи. Нерѣдко случалось, что люди, исполнявшіе обязанности куріала съ усердіемъ и нѣкоторымъ исканіемъ популярности, разорялись въ конецъ. Законъ назначалъ въ этихъ случаяхъ пенсію. Еще чаще куріалы бѣ-

гали, скрывались отъ службы. «То, что̀ дѣлалось въ муниципіяхъ,— говоритъ Куланжъ,—совсѣмъ не согласуется съ нашими понятіями. Мы склонны предполагать, что императоры давили мѣстное самоуправленіе изъ властолюбія, что муниципіи боролись за самостоятельность. На дѣлѣ это было какъ разъ наоборотъ. Императоры изо всѣхъ силъ ее поддерживали, но, несмотря на всѣ ихъ старанія, муниципальная жизнь къ концу III-го вѣка приходитъ въ совершенный упадокъ. Этотъ упадокъ выразился въ томъ, что сословіе декуріоновъ исчезло и некому было тянуть тягла.

Такое явленіе Куланжъ объясняетъ многими причинами. Прежде всего религіозною борьбою между христіанствомъ и язычествомъ: христіанинъ удалялся изъ языческой куріи, отказывался отъ участія въ общественныхъ играхъ и жертвоприношеніяхъ. Другою причиною упадка муниципальной жизни является экономическій переворотъ, уничтожившій среднее сословіе, сословіе декуріоновъ. Съ этимъ переворотомъ мы познакомимся ниже. Третью причину Куланжъ видитъ въ томъ, что аристократія не находила выгодъ въ мѣстной службѣ. «Управленіе обществомъ или городомъ представляетъ множество тяжелыхъ обязанностей; чтобы аристократія взяла ихъ на себя, ее надо либо привлечь большими выгодами, либо понуждать силою. Римская имперія весьма слабо вознаграждала муниципальную аристократію, и даже нашлась вынужденною прибѣгнуть ко всей строгости законовъ, чтобъ заставить ее управлять страною». Авторъ нигдѣ не говоритъ, какого рода вознагражденіе онъ разумѣетъ. Мы полагаемъ, что онъ разумѣетъ политическое вліяніе: вездѣ, гдѣ аристократія пользовалась этимъ вліяніемъ, она не жалѣла ни средствъ, ни силъ на общественную службу. Но нашему толкованію будто противорѣчитъ слѣдующая фраза: «Въ глазахъ теперешнихъ людей всякая привилегія есть преимущество, *между тѣмъ какъ во всѣ почти времена она была тягостью*. Мы думаемъ, что привилегированныя сословія добились своего положенія хитростью или силою, а они, напротивъ, только переносили его по необходимости». «Люди почти во всѣ времена любили, чтобъ ими управляли, между тѣмъ какъ мы полагаемъ свое счастье въ томъ, чтобъ управлять собою». Эти заключенія довольно голословны. Люди въ извѣстныя эпохи дѣйствительно любили, чтобъ ими управляли. Но то̀ были эпохи политической апатіи, къ числу которыхъ несомнѣнно принадлежала эпоха императоровъ, и едва ли эти эпохи преобладали въ исторіи. Требовала ли аристократія того вознагражденія, о которомъ говоритъ авторъ? Повидимому, нѣтъ. Безучастная и апатичная къ политическимъ во-

просамъ, она была и безучастна къ вопросамъ мѣстнымъ, потому что эти вопросы тѣсно связаны. Оттого самоуправленіе было для нея только тягломъ, отъ котораго она спасалась пассивно—бѣгствомъ. Политическая апатія представляется намъ главною причиной мертвенности муниципальнаго быта. Кончилась и религіозная борьба, заѣдавшая муниципію,—она было немного поднялась, но все-таки осталась вялою, пассивною, и въ этомъ разслабленномъ видѣ пережила имперію, послужила даже матеріаломъ для послѣдующихъ городскихъ учрежденій, развившихся при другихъ политическихъ идеяхъ.

III.

Отъ государственнаго и административнаго строя римской имперіи Фюстель де-Куланжъ переходитъ къ общественному порядку тогдашней Галліи, къ отношеніямъ сословнымъ. «Соціальный строй, господствовавшій во Франціи до 1789 года, гораздо *старше феодализма*», говоритъ онъ. «Посмотримъ, каковъ онъ былъ въ римской имперіи и прослѣдимъ, насколько онъ измѣнился въ послѣдующія времена». Подъ вліяніемъ этой основной мысли, Куланжъ съ необыкновенною точностью открываетъ намъ въ римской имперіи зародыши тѣхъ общественныхъ типовъ, которые до сихъ поръ считались продуктами германскаго завоеванія. Аристократія съ ея породистостью и мѣстнымъ вліяніемъ, помѣщичій бытъ, крѣпостныя отношенія—все это встрѣчается на почвѣ Галліи гораздо раньше, чѣмъ на ней поселились германцы. Народонаселеніе римской имперіи распадалось на двѣ главныя группы: свободныхъ и несвободныхъ людей. Только свободные—граждане, cives. Терминъ этотъ въ эпоху императоровъ обозначаетъ человѣка, подчиненнаго только государственной власти, но не другому человѣку. Люди несвободные находились въ зависимости отъ другого лица, хотя степень зависимости могла быть весьма различна. Свободныхъ людей было въ римской имперіи меньше, чѣмъ несвободныхъ. Тацитъ замѣчаетъ, что plebs ingenua (незнатный, но свободный классъ) съ каждымъ днемъ сокращается. Вообще въ имперіи было больше рабовъ, чѣмъ отпущенниковъ, и больше отпущенниковъ, чѣмъ гражданъ.

Начнемъ сверху, съ аристократіи. Она, какъ мы видѣли, играла большую роль въ Галліи до римскаго завоеванія, и, утративъ послѣ этого завоеванія свое политическое значеніе, сохранила

значеніе соціальное, потому что сами завоеватели были аристократы до мозга костей. Но и у нихъ аристократія сыграла свою политическую роль; только нравы, обычаи, понятія продолжали оставаться аристократическими. При имперіи знать утратила власть и вліяніе, и сохранила одинъ внѣшній почетъ, внѣшнее величіе, внѣшній блескъ. Римъ никогда не былъ демократическимъ государствомъ, и во все долгое время его существованія нельзя отыскать минуты, когда бы тамъ не было аристократіи. Даже въ эпоху владычества черни, во времена Марія и Цицерона, римское общество представляется намъ раздѣленнымъ весьма систематически на классы, равные между собою юридически, но совершенно неравные по общественному положенію. Основнымъ и необходимымъ условіемъ аристократизма было богатство, и притомъ богатство поземельное. Римляне не допускали, чтобы бѣднякъ былъ аристократомъ, или чтобъ богачъ не былъ имъ. Но и въ знатности были оттѣнки. Чтобы стать на самую высокую ступень общественной лѣстницы, надо было, чтобы богатство это было унаслѣдовано отъ предковъ, занимавшихъ высшія государственныя должности, надо было быть сыномъ, внукомъ, правнукомъ и праправнукомъ сенатора. Знатными предками особенно гордились римляне: изображенія ихъ (восковыя или серебряныя) выставлялись напоказъ при похоронахъ и тріумфахъ. Они считались тѣмъ, у кого больше знатныхъ предковъ, чьи предки были только преторами, чьи консулами. По закону, всякій гражданинъ могъ пройти лѣстницу государственныхъ должностей и сѣсть въ сенатъ. На дѣлѣ «новому человѣку», «человѣку безъ предковъ» было трудно выдти въ люди: аристократы его оттирали, да и народъ при выборахъ отдавалъ предпочтеніе знати. Рѣдко случалось, чтобы сынъ сенатора не былъ сенаторомъ. Имперія сгладила разницу между сословіями въ политическомъ отношеніи; она подвела всѣ сословія подъ свою неограниченную власть; но въ нравахъ аристократизмъ вполнѣ сохранился. Въ театрѣ или въ циркѣ сенаторъ никогда не сидѣлъ рядомъ съ лавочникомъ или даже съ всадникомъ. Его можно было сразу узнать по красному борту на тогѣ, а всадника—по золотому перстню. Сенаторъ и его супруга титуловались въ разговорѣ и корреспонденціи: «clarissimi», свѣтлѣйшіе; всадники: «illustres», знатные. Эти титулы — не византійская выдумка. Римская республика завѣщала ихъ имперіи. Взглянемъ на римлянъ, собравшихся смотрѣть процессію или проводить покойника. Это не разнокалиберная, нестройная толпа: во главѣ ея идутъ сенаторы, потомъ всадники, потомъ

простой народъ, опять-таки размѣщенный по классамъ»[1]). Въ императорскомъ законодательствѣ незамѣтно стремленія стереть, сгладить общественное неравенство. Оно, напротивъ, поддерживаетъ и освящаетъ *сословность*. «Нѣтъ ничего общаго,—говоритъ законъ,—между куріалами и сенаторами, между плебеями и куріалами». Они всѣ при имперіи платили подати, но не одинакіе. Простые плебеи, записанные въ корпораціи, платили особыя государственныя подати, но не несли муниципальной службы. Куріалы, напротивъ, въ одно и то же время несли тягости государственныя и городскія. Сенаторская подать была выше остальныхъ, но сенаторы не несли повинностей городскихъ и личной службы въ муниципіи. Каждое изъ этихъ сословій платило свои подати особымъ сборщикамъ, каждое имѣло своихъ сословныхъ начальниковъ. Во главѣ корпорацій стояли синдики, во главѣ куріаловъ—дуумвиры или защитники (defensores). Сенаторы въ каждой провинціи имѣли представителей (defensores senatus). Каждое изъ сословій судилось особыми судьями: въ римской имперіи было правиломъ, что никто не судится лицами, стоящими ниже его по общественному положенію, и это правило держалось въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ. При выборѣ чиновниковъ, императоры бóльшею частью соображались съ аристократическими понятіями своего времени. Всѣ видныя, почетныя мѣста заняты были людьми высшаго сословія. Царскіе отпущенники фигурировали по преимуществу въ канцеляріяхъ; въ сенатъ цезари ихъ не вводили. Многіе изъ нихъ ненавидѣли сенатъ и всячески старались его сломить, но ненависть эта наткнулась на непреодолимую преграду, на аристократическіе нравы. Сенатъ сохранилъ внѣшній почетъ до конца имперіи.

Сословія римской имперіи при всей своей разграниченности—однако не касты: изъ нихъ можно было выдти, въ нихъ можно было войти. Но переходъ этотъ—дѣло трудное; законы охраняли исключительность и наслѣдственность чиновъ и званій. Простой человѣкъ, пріобрѣтя 25 десятинъ земли, становится куріаломъ; разбогатѣвшій куріалъ могъ стать римскимъ сенаторомъ. Но за-

[1]) Такіе же нравы были въ провинціяхъ; римляне вездѣ поддерживали знать. Но провинціальная аристократія жаждала войти въ среду аристократіи римской; галлы, испанцы, африканцы начинають получать титулы римскихъ всадниковъ, сенаторовъ, чтó вовсе не предполагало дѣйствительнаго присутствія въ сенатѣ. Сенаторы—въ эпоху императорскую — *сословіе, чинъ*, чинъ высшій, самый заманчивый. Куріалъ, аристократъ мѣстный, въ сравненіи съ сенаторомъ человѣкъ незначительный; чтобы стать сенаторомъ, требовалось очень крупное поземельное богатство и происхожденіе отъ высокихъ предковъ.

конъ требовалъ, чтобъ онъ прошелъ всѣ низшіе чины прежде, чѣмъ достигнетъ высшаго, и это служило задержкой для «новыхъ людей». Мало-по-малу всѣ дѣятельные, честолюбивые галлы становятся римскими сенаторами. Правительство извлекло изъ этого стремленія кверху фискальную пользу. Сенаторы освобождены были отъ муниципальной службы, но обложены весьма большими податями. Правительство радовалось размноженію ихъ, какъ значительныхъ податныхъ единицъ. По мѣрѣ того, какъ сотни декуріоновъ переходили въ высшее, сенаторское сословіе и, слѣдовательно, выбывали изъ числа мѣстныхъ дѣятелей,—куріи пополнялись снизу маленькими собственниками, пріобрѣвшими 25 десятинъ земли. Это постепенное восхожденіе по общественной лѣстницѣ продолжается неослабно вплоть до IV-го вѣка. Мы увидимъ ниже, какія обстоятельства нарушили этотъ порядокъ, а теперь представимъ себѣ жизнь и бытъ римскаго сенатора въ Галліи. Онъ прежде всего крупный землевладѣлецъ; жилъ зимою въ городѣ, лѣтомъ въ своемъ имѣніи (villa). Усадьба его была устроена по всѣмъ правиламъ тогдашняго комфорта—матеріальнаго и интеллектуальнаго. Въ ней красовалось серебро, серебряные бюсты предковъ, родословная таблица, пурпуръ, картины, статуи, книги. Эти роскошные господскіе дома уже въ IV-мъ вѣкѣ начинаютъ строить на высокихъ мѣстахъ, огораживаютъ и укрѣпляютъ въ виду варварскихъ вторженій. Они уже въ IV-мъ вѣкѣ называются castella—зáмки. Надворныя постройки, окружавшія домъ сенатора, заключали въ себѣ жилища для служащихъ. Эти служащіе — все несвободные или полусвободные люди, рабы, отпущенники. Всѣ они называются «людьми» своего господина (homines), всѣ они составляютъ «instrumentum fundi» (инвентарь имѣнія), и при составленіи ценза считаются нераздѣльно съ имѣніемъ, опредѣляя его цѣнность. Между ними есть рабы, привязанные къ домовой службѣ (ткачи, булочники, истопники, садовники, лекаря, актёры, педагоги), есть чисто полевые рабочіе (servi rustici). Въ отношеніяхъ крупнаго собственника къ этимъ «людямъ» въ томъ видѣ, какъ они сложились въ эпоху императоровъ, Фюстель де-Куланжъ находимъ всѣ элементы будущаго крѣпостного права.

Рабъ, по понятіямъ древней Греціи и до-императорскаго Рима—есть человѣческое существо, одаренное душой, но лишенное всякой связи съ государствомъ и принадлежащее другому человѣческому существу на правахъ вещи. Въ глазахъ древняго закона, рабъ не свидѣтель, не подсудимый, не отецъ, не мужъ, не воинъ. Онъ отвѣчаетъ за свои проступки не передъ государствомъ, а передъ господиномъ, который судитъ и наказываетъ его, не от-

давая въ томъ никому никакого отчета. Жена, дѣти, имущество раба—принадлежатъ тому же господину. Императорское законодательство постепенно смягчаетъ участь раба. Клавдій останавливаетъ невѣроятное размноженіе рабовъ запрещеніемъ продаваться въ рабство. Позднѣе постановляется, что въ уголовныхъ дѣлахъ рабъ подсуденъ не господину, а государству. Жестокому хозяину повелѣвается продать раба. Кто броситъ больного раба безъ призрѣнія и помощи, теряетъ на него право. За убіеніе своего раба господинъ наказывается такъ же, какъ за убіеніе чужого. Константинъ, наконецъ, постановляетъ, что за убійство раба должно наказывать такъ же, какъ за убійство свободнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ запрещаетъ рознить семейства рабовъ при продажѣ. Этотъ ходъ законодательства напоминаетъ ходъ нашего законодательства о крѣпостныхъ. Благодаря ему, въ IV-мъ вѣкѣ уже нѣтъ полнаго рабства въ томъ видѣ, какимъ оно являлось въ древности. Этотъ переходъ отъ древняго рабства къ болѣе мягкимъ формамъ зависимости замѣчается еще яснѣе въ положеніи «сельскихъ рабовъ», т.-е. рабовъ-земледѣльцевъ. Первоначально положеніе ихъ ничѣмъ не отличалось отъ положенія рабовъ домашнихъ, кромѣ рода занятій. Они работали въ полѣ, но считались принадлежностью землевладѣльца, а не земли. Землевладѣлецъ могъ, по желанію, взять ихъ отъ этой земли, переселить, продать. Но мало-по-малу на «сельскихъ рабовъ» стали смотрѣть, какъ на людей, тѣсно связанныхъ съ обработываемой ими почвою. Въ IV-мъ вѣкѣ издается законъ, запрещающій продавать ихъ отдѣльно отъ земли. «Такимъ образомъ,—говоритъ Куланжъ — мало-по-малу сельскій рабъ сталъ тѣснѣе связанъ съ землею, чѣмъ съ господиномъ. Его можно было назвать прикрѣпленнымъ къ землѣ. Трудно сказать, улучшилось ли отъ этого его положеніе, или ухудшилось. Несомнѣнно только то, что участь его зависѣла менѣе, чѣмъ прежде, отъ каприза одного лица. Прикрѣпленный къ землѣ, онъ имѣлъ свой участокъ, который могъ любить какъ собственность. У него была семья, онъ зналъ отца, воспитывалъ при себѣ сына, который наслѣдовалъ его землю. Вся матеріальная и нравственная обстановка его измѣнилась».

Отпущеніе рабовъ на волю—явленіе весьма частое и распространенное въ древнемъ мірѣ. Оно сдѣлалось особенно частымъ во времена имперіи и всегда сопровождалось особаго рода обрядами и формулами. Отпущеніе совершалось тремя путями: или чисто-гражданскимъ, въ присутствіи должностного лица, или въ храмѣ, въ присутствіи жрецовъ, или, наконецъ, по завѣщанію. Всѣ эти три способа освобожденія перешли въ средніе вѣка. От-

пущеніе на волю еще не дѣлало раба вполнѣ свободнымъ человѣкомъ (ingenuus). Онъ всю жизнь оставался libertus (отпущенникъ), всю жизнь занималъ положеніе среднее, переходное между рабомъ и полнымъ гражданиномъ. Законъ воспрещалъ браки между свободными и отпущенниками. Связь отпущенника съ прежнимъ господиномъ не разрывалась освобожденіемъ. Господинъ этотъ съ минуты освобожденія становился его патрономъ. Этого патрона libertus обязанъ былъ чтить какъ отца, и это не только моральная, но весьма опредѣленная юридическая обязанность. Она выражалась, между прочимъ, въ томъ, что отпущенникъ не могъ явиться ни въ качествѣ истца, ни въ качествѣ свидѣтеля противъ патрона. Доказанная «неблагодарность» отпущенника могла снова привести его къ полному рабству. Отпущенникъ обязанъ былъ работать за патрона, иногда по уговору, иногда столько, сколько угодно патрону. Такъ и въ средніе вѣка были крестьяне, которыхъ можно было обременить работами сколько вздумается, и такіе, которыхъ работы были опредѣлены. Если отпущенникъ работалъ на сторонѣ, большая часть его заработка была достояніемъ патрона, который могъ отдать его трудъ въ наймы третьему лицу. Отпущенники представляли такимъ образомъ весьма цѣнное движимое имущество, приносившее большой доходъ владѣльцу: между ними были и лекаря, и ученые, и актеры, и музыканты, трудъ которыхъ оплачивался недурно. Бездѣтному отпущеннику наслѣдовалъ патронъ (первоначально даже наслѣдовалъ во всякомъ случаѣ, мимо дѣтей). Вслѣдствіе этого является законъ, что отпущенникъ долженъ испрашивать у патрона разрѣшенія на женитьбу: жена и дѣти лишали патрона наслѣдства. Liberta, дѣвушка-отпущенница, не должна была выходить замужъ за чужого отпущенника, потому что трудъ ея перешелъ бы такимъ образомъ въ чужой домъ. По тѣмъ же соображеніямъ въ феодальную эпоху воспрещался такъ-называемый *formariage*, бракъ крѣпостной дѣвушки съ парнемъ изъ чужой деревни; даже терминъ *formariage* встрѣчается въ императорскую эпоху, хотя въ нѣсколько иной формѣ [1]). Иногда при освобожденіи отпущеннику давалось право распорядиться своимъ имуществомъ по завѣщанію. Отпущенникъ, получившій это право, назывался «римскимъ гражданиномъ». Не получивъ этого права, онъ становился латинцемъ. Въ общежитіи сложилось вслѣдствіе этого выраженіе, отъ котораго Куланжъ производитъ средневѣко-

---

1) Nonne domini disciplinae tenacissimi servos suos *foras nubere* interdicunt. Foras = extra = внѣ.

вое «main morte». Говорилось «умереть отпущенникомъ», «умереть рабомъ», чтобъ сказать, что имущество умершаго по праву переходило къ патрону, помимо его воли.

Въ древности требовалось нѣсколько поколѣній для перехода семьи изъ рабства въ полную свободу. Сынъ, внукъ, даже правнукъ отпущенника оставались отпущенниками. При императорахъ этотъ переходъ по закону сталъ быстрѣе. Но, на дѣлѣ, по всѣмъ видимостямъ, званіе это оставалось весьма часто наслѣдственнымъ. Иначе нельзя бы было объяснить себѣ громаднаго числа отпущенниковъ въ имперіи, ни того, какимъ образомъ классъ свободныхъ людей постоянно уменьшался. Вотъ положеніе отпущенника: то онъ продолжаетъ жить въ домѣ хозяина на покоѣ и въ почетѣ; сыну выгодно занять это мѣсто, потому что въ обществѣ, гдѣ почти нѣтъ свободнаго труда, лучше быть отпущенникомъ, чѣмъ пролетаріемъ; то онъ управляетъ имѣніемъ патрона. Сынъ будетъ радъ его замѣнить. Законъ дѣлаетъ этого сына свободнымъ, но его собственная выгода, его честолюбіе, его привычки заставляютъ его остаться отпущенникомъ.

Рабы и отпущенники — это слуги и домочадцы крупнаго собственника. Они живутъ въ его домѣ, молятся у его алтаря, устраиваютъ ему весь его комфортъ, обработываютъ его поля. Но уже весьма рано входитъ въ обыкновеніе отдавать участки земли въ пользованіе, такъ сказать въ аренду, на извѣстныхъ условіяхъ. Являлся, напримѣръ, человѣкъ свободный, но безземельный, и просилъ у сенатора куска земли, чтобъ за извѣстную плату деньгами или натурой обработывать ее въ свою пользу; иногда такимъ съёмщикомъ былъ отпущенникъ самого хозяина, иногда сосѣдъ, маленькій собственникъ, рѣшившійся продать свою землю этому сильному сосѣду и взять ее потомъ отъ него на аренду, съ тѣмъ, чтобы эта аренда была пожизненная или даже наслѣдственная. Иногда послѣ побѣды надъ варварами, императоры поселяли такимъ образомъ на земляхъ крупныхъ собственниковъ плѣнныхъ германцевъ. Всѣ эти поселенцы на чужой землѣ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, званіе и состояніе, извѣстны въ римской имперіи подъ именемъ колоновъ. Колоны эти лично свободны, платятъ подати государству, могутъ даже вчинать искъ на собственника своего участка. Но земля, на которой они живутъ, не составляетъ ихъ собственности. Мало-по-малу, однако, императорское законодательство неразрывно соединяетъ ихъ съ этой землею, какъ соединило «сельскихъ рабовъ». Владѣльцу запрещается сгонять колона или его потомковъ съ обработываемаго имъ участка, за-

прещается измѣнять условія его пребыванія, увеличивать арендную плату и т. п. Поселенецъ понемногу прирастаетъ къ землѣ, которая, однако, все-таки не есть его собственность, потому что онъ ее не можетъ ни продать, ни заложить, ни отказать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ прирастаетъ и къ господину своей земли, становится его «человѣкомъ». Юридически онъ еще долго остается свободнымъ, но на фактѣ до извѣстной степени подчиняется господину. Этому господину законъ еще не даетъ права судить колона; но чего еще не было въ законѣ, то уже было въ обычаѣ. При ослабленіи центральной власти положеніе колона весьма легко слилось съ положеніемъ отпущенника и сельскаго раба. Изъ этихъ трехъ типовъ составилось нѣчто среднее, разнообразное лишь въ подробностяхъ, основною чертою котораго является зависимость отъ господина, защищающаго «своего человѣка» отъ другого сильнаго господина, но вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжающагося до извѣстной степени его личностью.

Римскій сенаторъ—готовый «seigneur», будущій феодальный владѣлецъ, имѣющій у подошвы своего зáмка сонмъ людей, отъ него зависящихъ, сидящихъ на его землѣ, питающихся его хлѣбомъ. Всѣ эти люди неразрывно связаны съ этой землей, крѣпки ей. Характеръ аристократіи, слѣдовательно, чисто поземельный, такой, какимъ онъ останется во всѣ средніе вѣка. Одно только существенно отличало аристократа временъ имперіи какъ отъ феодальнаго барона, такъ и отъ Фабіевъ и Сципіоновъ: въ немъ не было ни тѣни военнаго духа. Духъ этотъ совершенно утратился въ высшихъ классахъ римскаго общества. Только голь охотно шла на войну ради денегъ и добычи. Кто же занялся книгами, торговлей и ремеслами, совершенно терялъ вкусъ къ военнымъ подвигамъ и зачастую рѣзалъ себѣ пальцы и отдавался въ рабство, чтобъ отъ нихъ уклониться. Первый императоръ, Августъ, удовлетворилъ двоякой потребности своего времени. Средніе и высшіе классы не хотѣли нести личной военной службы; онъ освободилъ ихъ отъ нея. Низшіе—искали военной профессіи ради выгоды; онъ открылъ ее имъ. Крупный собственникъ самъ не отправлялся на войну, а ставилъ, пропорціонально величинѣ своихъ владѣній, извѣстное число рекрутъ изъ своихъ «людей» (колоновъ или отпущенниковъ), а иногда вносилъ за рекрута указанное число денегъ. Сенаторамъ въ III-мъ вѣкѣ запрещается даже вступать въ войско. Это правило, вполнѣ отвѣчавшее общественному настроенію, помѣшало ари-

стократіи сосредоточить всю силу въ своихъ рукахъ. Она владѣла землею, но не владѣла оружіемъ.

Сенаторы—съ одной, полу-свободные и несвободные люди съ другой стороны—это двѣ крайнія ступени общественной лѣстницы. Среднія заняты людьми свободными, но незнатными, въ средѣ которыхъ опять-таки замѣчается безчисленное множество оттѣнковъ. Ниже всѣхъ стоитъ голь,—безземельные, но вольные пролетаріи, «дрожжи» (sentina) общества. Они не платятъ податей, не несутъ никакихъ личныхъ службъ, кромѣ военной, которая представляется для нихъ источникомъ добычи и приключеній; питаются хлѣбомъ и играми на счетъ муниципальныхъ властей. «По всѣмъ видимостямъ,—кратко характеризуетъ ихъ Куланжъ,—эта часть населенія не пользовалась уваженіемъ и сама себя не уважала». Нѣсколько выше ея стоялъ классъ рабочій и торговый, весьма немногочисленный. Ручная работа, торговые обороты, хотя и значительные, либеральныя профессіи врача, юриста и профессора—не давали въ тѣ времена человѣку ни почета, ни вліянія, которымъ исключительно пользовались землевладѣльцы. Ротшильдъ безъ поземельной собственности стоялъ бы тогда ниже маленькаго freeholder'а. Да Ротшильдовъ и не было. Предметомъ спекуляціи была преимущественно земля; послѣ трехъ вѣковъ мира и промышленной работы, въ римской имперіи было не больше капиталовъ, чѣмъ въ первыя времена ея существованія. Рабочій и ремесленникъ были часто лишены работы, потому что она была главнымъ образомъ въ рукахъ рабовъ и отпущенниковъ. При такомъ печальномъ положеніи полная свобода обрекала человѣка на безпомощность; ремесленники начали соединяться для взаимной поддержки, образуя корпораціи. Каждая корпорація имѣла свое знамя, свои праздники, свой уставъ, свою кассу, даже свои земли. Купечество съ тою же цѣлью основывало компаніи, изъ которыхъ многія пережили имперію (Nautes Parisiens). И купецъ, и ремесленникъ, и пролетарій—все это еще *плебсъ*. Надъ нею стоялъ классъ собственниковъ (possessores), гораздо болѣе почтенный. Владѣніе менѣе 25 десятинъ не давало права на общественную должность. Переваливъ за эту цифру, человѣкъ вступалъ въ разрядъ декуріоновъ, принимая на себя всѣ радости и невзгоды этого положенія. Если эти невзгоды не доводили его до полнаго отчаянія и разоренія, его ждало въ будущемъ римское сенаторство, верхъ почести и блеска.

Такимъ образомъ галло-римское общество представляло безчисленное множество соціальныхъ оттѣнковъ. Эти оттѣнки обу-

словливались прежде всего цензомъ, потомъ происхожденіемъ. Грани, отдѣлявшія сословія другъ отъ друга, не были непреходимы: мы уже видѣли то постоянное передвиженіе изъ одного класса въ другой, которое питало сословіе декуріоновъ притокомъ свѣжихъ силъ снизу, изъ народа. Состояніе промышленности и торговли при Юліяхъ и Флавіяхъ давало возможность купцу стать землевладѣльцемъ, и мелкая собственность держалась противъ крупной, не давала ей поглотить себя. Въ IV-мъ вѣкѣ это поглощеніе принимаетъ громадные размѣры, и мелкая собственность исчезаетъ совершенно. Куріалы выходятъ въ сенаторы, но мѣста ихъ не заполняются новыми людьми. Муниципія слабѣетъ, пустѣетъ и еле-еле влачитъ свое печальное существованіе. Мелкій собственникъ обращается въ колона, потому что законъ запрещаетъ ему обратиться въ раба. Этотъ экономическій переворотъ Куланжъ объясняетъ тѣмъ, что въ IV-мъ вѣкѣ, вслѣдствіе усобицъ и нападеній германцевъ, «работа повсюду остановилась, промышленныя и торговыя корпораціи упали. Отсутствіе движимыхъ капиталовъ отдало мелкую собственность въ руки крупной... Въ наше время бѣднякъ можетъ удерживать за собою свой клочокъ земли, потому что у него есть заработокъ помимо этой земли. Развитіе кредита даетъ ему средства удобрить землю, оправиться отъ неурожая. Ничего подобнаго не было въ римской имперіи въ IV-мъ вѣкѣ. Если крестьянину нужны были деньги, онъ не могъ ихъ достать у разорившагося капиталиста; приходилось занимать у богатаго сосѣда-землевладѣльца. Тотъ бралъ его клочокъ земли подъ залогъ; а извѣстно, что залогъ въ рукахъ отдаленнаго капиталиста или сосѣда-помѣщика — двѣ вещи разныя. Черезъ нѣсколько времени участокъ бѣдняка становился собственностью богача».

Отводя много мѣста явленіямъ соціальнымъ и экономическимъ, Фюстель де-Куланжъ лишь слегка касается нравственной физіономіи галло-римлянъ временъ имперіи. Были ли они въ упадкѣ, въ нравственномъ растлѣніи, дѣлавшемъ ихъ неспособными къ дальнѣйшему развитію безъ притока дѣвственныхъ, германскихъ силъ? На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ уклончиво и даже не пытается его разъяснить. Вообще, выраженіе «народъ въ упадкѣ» — кажется ему весьма условнымъ. Отсутствіе военной храбрости, политическихъ идеаловъ, творчества въ литературѣ и наукѣ — въ его глазахъ не суть несомнѣнные симптомы упадка. За таковые онъ признаетъ только вымираніе (физическое) народа и *распаденіе учрежденій*. Этого онъ въ Галліи римской не видитъ. Всѣ учрежденія перешли въ средніе вѣка, а на вымираніе нѣтъ ука-

заній. Его поражаетъ, какъ много работали галлы на поприщѣ философіи, поэзіи, архитектуры, земледѣлія. Если судить о семейныхъ отношеніяхъ того времени по частнымъ письмамъ, по отзывамъ Аполлинарія Сидонія—мы найдемъ, что они были прелестны. Откроемъ другихъ авторовъ,—найдемъ іеремiаду объ обжорствѣ, пьянствѣ, распаденіи семьи. Гдѣ истина?—трудно сказать. «Всего вѣроятнѣе, замѣчаетъ Куланжъ, что римское общество, какъ всякое другое, представляло смѣсь пороковъ и добродѣтелей. Если оно и не соотвѣтствуетъ нашему нравственному идеалу, то мы все-таки, чтобъ быть справедливыми, должны сравнить его съ другими современными обществами. Внѣ имперіи были только персы и германцы. Послѣдніе были грубѣе римлянъ, но это еще не значитъ, что они были нравственнѣе. Тацитъ говоритъ, что у нихъ было въ ходу и пьянство, и игра, и корыстолюбіе, и прелюбодѣяніе, и въ особенности лѣнь.—Въ концѣ-концовъ все-таки приходишь къ заключенію, что римское общество, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, было самою стройною, самою интеллигентною, самою благородною частью человѣчества. Въ немъ всего больше работали, всего больше умѣли цѣнить умственную дѣятельность. Изъ него вышло, наконецъ, христіанство, которое, посреди всеобщаго погрома, вынесло на своихъ плечахъ все благородное, высокое и разумное».

IV.

«Утверждать, будто римская имперія погибла вслѣдствіе упадка нравовъ, значитъ сказать одну изъ тѣхъ ничего неговорящихъ фразъ, которыя такъ мѣшаютъ успѣху исторической науки и знанію человѣческой природы», говоритъ Куланжъ. «Еще болѣе произвольно заключеніе, будто германцы возродили, пересоздали Галлію, внесли въ нее нѣчто новое, свое, специфически германское». Во-первыхъ, римская имперія не погибла. Исчезла, правда, императорская власть, но весь строй римскаго общества и римскаго государства уцѣлѣлъ, и развился только дальше въ томъ направленіи, какое принялъ за послѣднія два столѣтія имперіи. Да и было ли въ той Германіи, которая высылала въ ея предѣлы своихъ буйныхъ сыновъ, нѣчто особенное, присущее исключительно германской расѣ? На это Куланжъ отвѣчаетъ отрицательно, не признавая той совокупности добродѣтелей, которую связываетъ нѣмецъ съ завѣтнымъ словомъ «Das Germanenthum». Германцы—для него тотъ же индо-европейскій типъ, что́ и греки,

и римляне, и кельты, только отставшій въ своемъ развитіи. Учрежденія и обычаи германцевъ временъ Юліевъ и Флавіевъ — тѣ же, что̀ были у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ въ раннюю пору ихъ жизни. Да и эти учрежденія германцы утратили гораздо раньше, чѣмъ утвердились на римской землѣ.

«Этихъ германцевъ то незаслуженно превозносили, то смѣшивали съ грязью; къ нимъ относились то съ поклоненіемъ, то съ ненавистью, какъ къ отцамъ теперешнихъ нѣмцевъ». Куланжъ и въ этомъ вопросѣ прежде всего держится отрицательнаго правила историческаго изслѣдованія: не предполагать того, о чемъ не говорится въ современныхъ источникахъ, и стараться только вѣрно *понять* эти источники.

Главныя свѣдѣнія наши о германцахъ первыхъ временъ имперіи почерпнуты изъ Тацитовской «Германіи». Тацитъ, описывая ихъ, принималъ всѣ тѣ явленія ихъ жизни, которыхъ не встрѣчалъ въ римской имперіи, за оригинальныя, чисто германскія. «Но если бы онъ былъ болѣе знакомъ съ древнѣйшимъ строемъ саббельскихъ и эллинскихъ племенъ, онъ нашелъ бы въ нихъ всѣ тѣ черты, которыя такъ поразили его въ Германіи. Дѣло въ томъ, что, сравнивая два народа въ одну и ту же эпоху, мы поражены ихъ различіемъ: съ-разу кажется, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый духъ, особенныя, ему одному присущія учрежденія. Но это невѣрная точка зрѣнія: надо сравнивать ихъ на одинакой ступени ихъ развитія; надо сравнивать ребенка не со старикомъ, а съ другимъ ребенкомъ, тогда общія черты выступятъ яснѣе. Тацитъ говоритъ, что германцы имѣютъ обыкновеніе никогда не снимать оружія. Это было и у древнихъ грековъ. Нерасположеніе ихъ къ городской жизни и склонность къ хуторной — черта, которую Ѳукидидъ подмѣтилъ у аѳинянъ до персидскихъ войнъ. Древнѣйшее римское право признаетъ солидарность членовъ семейства при удовлетвореніи за совершённое однимъ изъ нихъ преступленіе. Слѣды этого встрѣчаются и въ правѣ греческомъ. То, что̀ гласятъ германскіе законы о человѣкѣ, желающемъ отказаться отъ своей семьи, напоминаетъ старинный обрядъ, употреблявшійся греками и римлянами. Гражданское право германцевъ было весьма похоже на то, которое господствовало во всѣхъ древнихъ государствахъ: въ Греціи, Италіи и даже Индіи. Мужъ покупалъ жену у ея родителей, и тѣмъ самымъ заявлялъ, что отецъ уступилъ ему власть надъ нею. Женщина была всю жизнь подъ опекою, какъ въ Индіи и Греціи. Землю наслѣдовалъ сынъ, а не дочь. Родовое имущество переходило по мужской линіи. Родственники жены не имѣли на него права.

Это начало, внесенное въ салическій законъ, въ кодексы рипуаровъ, баварцевъ и бургундовъ, прежде имѣло силу въ Индіи, въ Греціи; и въ римскомъ правѣ еще остались слѣды его. Ордаліи, суды Божіи, употреблялись вездѣ. Щитъ, воздвигнутый предъ всякимъ германскимъ судилищемъ, имѣетъ много общаго съ пикою, воткнутой въ землю передъ судилищемъ квиритовъ. Обычай германскихъ присяжныхъ встрѣчается въ древнемъ Римѣ. И тамъ обвиненная семья вся являлась въ судъ въ сопровожденіи друзей и всѣхъ, кто готовъ былъ за нее поручиться, отвѣчать. Даже всѣмъ хорошо знакомыя собранія воиновъ, выражающихъ одобреніе оратору бряцаніемъ оружія, черта въ черту встрѣчаются у древнихъ галловъ. Германскіе пороки и добродѣтели, германскій бытъ, германскія привычки и вѣрованія встрѣчаются у всѣхъ народовъ въ мірѣ».

Какъ и всѣ древнія общества, общество германское дѣлилось на людей свободныхъ и рабовъ, а между ними еще стояли всевозможные оттѣнки полусвободныхъ людей. Подъ пресловутой германской свободой надо, слѣдовательно, разумѣть не соціальную, а политическую свободу, т.-е. отношеніе народа къ верховному правительству. Это верховное правительство было у бо́льшей части германскихъ племенъ монархическое, но ограниченное жречествомъ и аристократіей. Такъ и въ древней Греціи, и въ Римѣ царей окружаютъ родовые старѣйшины. Существовало у германцевъ и народное собраніе. Но какую роль играло оно, какъ подавались голоса? Все это намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что оно выражало одобреніе или неодобреніе тому или другому предложенію. Почина оно, повидимому, не имѣло. Каковы были отношенія правительственныхъ о́ргановъ и народа въ судѣ? Этого мы, опять-таки, не знаемъ. Тацитъ говоритъ, что судьи избираются народнымъ собраніемъ, объѣзжаютъ край и судятъ, окруженные мѣстными жителями. Любопытно было бы знать, какова была роль этихъ мѣстныхъ жителей. Было ли то нѣчто въ родѣ англійскаго jury, или безмолвное собраніе?

Характернѣйшимъ явленіемъ въ жизни германцевъ была дружина. Каждый свободный германецъ имѣлъ право, не спрашиваясь верховной власти, собрать вокругъ себя молодцовъ, храбрецовъ, и идти съ ними куда глаза глядятъ—искать славы и добычи. Какъ это явленіе, такъ и крѣпкая родовая связь и преобладаніе аристократіи доказываютъ слабое развитіе государственнаго начала. Это-то и принималъ Тацитъ за свободу. Если слаба была связь государственная, то еще слабѣе была связь національная. 45-ть германскихъ племенъ не составляли между собою

федераціи, не заключали союзовъ, не имѣли сознанія племенного единства. Напротивъ, ссоры и войны между ними не прекращались.

Проходитъ 300 лѣтъ послѣ того, какъ Тацитъ нарисовалъ картину Германіи, и въ эти 300 лѣтъ германцы не развились ни политически, ни экономически. Земля ихъ не была ни лучше обработана, ни чаще заселена. У нихъ не появилось новыхъ городовъ, не создалось новыхъ учрежденій. Государственная и національная связь не окрѣпла, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и старой Германіи: королевская власть исчезла, родовая аристократія и жречество—тоже. Въ V-мъ вѣкѣ во всей Германіи насчитывалось лишь семь фамилій, производившихъ себя отъ боговъ: 4 у баварцевъ, 2 у готовъ, 1 у франковъ. На мѣсто этой старой аристократіи не образовалось ни новой аристократіи, ни сильной демократіи. Вмѣсто монархіи не создалось республики; но осѣдлость земледѣльческаго народа уступила мѣсто бродячей жизни. Дружина поглотила лучшія силы. Цѣлыя германскія племена, упоминавшіяся во времена Тацита, исчезли изъ исторіи. Нѣтъ больше ни кимвровъ, ни тевтоновъ, ни хаттовъ, ни херусковъ, ни могучихъ маркоманновъ. Выступаютъ франки, саксы, алеманны. Всѣ эти имена не національныя. «Франкъ» и «саксъ» значатъ—воинъ. «Алеманны» значитъ: «сборище всякихъ людей». «Новѣйшіе историки видѣли въ нихъ союзы народовъ; но это были только обломки народовъ. Франки, напримѣръ, были не что иное, какъ остатки хаттовъ, херусковъ, хамавовъ, бруктеровъ, сикамбровъ, тенктеровъ и ангриваріевъ.

Эти коренныя измѣненія, происшедшія въ германской жизни, не могли не быть слѣдствіемъ сильныхъ потрясеній, о которыхъ мы ничего въ точности не знаемъ. Изъ «Лѣтописи» Тацита видно только, что уже въ его время сильныя бури волновали нѣкоторыя германскія племена: послѣ кровавой усобицы часть хаттовъ, изгнанная изъ родной земли, бросилась искать убѣжища въ римской имперіи. У херусковъ въ такой междоусобной войнѣ погибла вся аристократія. По этимъ указаніямъ можно заключить, что Германія въ III, IV и V вѣкахъ была терзаема усобицами, въ которыхъ погибли ея древнія учрежденія. Этой погибели содѣйствовали отчасти и добрые сосѣди—римляне, на тлетворное золото которыхъ германцы были весьма падки.

Революціи, волновавшія Германію, были, по мнѣнію Куланжа, главною причиною усиленнаго стремленія германскихъ дружинъ въ римскую имперію: все недовольное, все побѣжденное во внутренней борьбѣ группировалось вокругъ смѣльчака и шло

искать лучшихъ мѣстъ. Объяснять нашествія варваровъ національною ненавистью къ Риму—невозможно. Мы постоянно встрѣчаемъ германцевъ на службѣ римскаго императора. Они постоянно съ ожесточеніемъ дерутся другъ противъ друга. Никогда имъ не приходитъ въ голову, что они должны дружно идти противъ Рима изъ ненависти къ перезрѣлой цивилизаціи: ихъ влекла, соблазняла эта цивилизація. Видѣть причину варварскихъ вторженій въ избыткѣ населенія также совершенно произвольно: «варварство никогда не бываетъ плодовито». Ихъ приписывали необычайной алчности германцевъ. Но почему же предполагаютъ, что эта черта была болѣе развита въ нихъ, чѣмъ въ другихъ народахъ?

Нѣтъ сомнѣнія, что безпокойный духъ, толкавшій германцевъ за Рейнъ, былъ результатомъ тяжелыхъ условій ихъ домашняго существованія. Старыя общественныя основы ихъ рушились, лучшія силы, отрываясь отъ осѣдлой жизни, стали рваться вонъ; цѣлые народы вымерли, а на мѣсто ихъ стали надвигаться съ дальняго сѣвера и востока тучи дикарей: вандаловъ, готовъ, алановъ. Германская земля пришла въ смятеніе; надъ нею держался одинъ только живой опредѣленный типъ — типъ бродячей шайки, удалой дружины, неимѣвшей ни отечества, ни политическаго строя, подчинявшейся только вождю. Эти дружины всѣ бросились на сосѣднюю римскую имперію, но, войдя въ ея предѣлы, онѣ поселились на ея земляхъ при различныхъ условіяхъ. Напримѣръ, часть ихъ ворвалась въ Галлію въ качествѣ страшныхъ, свирѣпыхъ враговъ.

Нельзя сказать, чтобъ военные успѣхи германцевъ, до III вѣка включительно, были особенно блестящи. До временъ Коммода имъ такъ и не удалось перешагнуть римскую границу: ихъ все отбрасывали. Въ III вѣкѣ, во время анархіи, они прорвались въ Галлію, и начались разрушенія, грабежъ, всѣ ужасы дикой войны. Какъ только въ имперіи возстановленъ былъ порядокъ, ихъ снова начали бить, и это продолжалось до царствованія Валентиніана, включительно. Надобно замѣтить, что побѣды надъ варварами обходились императорамъ дешево; ихъ побѣждали весьма небольшія римскія арміи, и они спѣшили просить пощады. Тѣмъ не менѣе нападенія ихъ постоянно возобновлялись, потому что дома имъ жилось ужъ слишкомъ плохо. Гунны дали новый и сильный толчокъ движенію германцевъ на западъ и произвели такъ называемое «великое переселеніе народовъ». Для Галліи результаты его сводятся къ тому, что по ней вдоль и поперегъ прошлись толпы бургундовъ, вандаловъ, свевовъ, гепидовъ, отъ ко-

торыхъ ее обороняли ихъ же наемные соплеменники. На каталаунской равнинѣ варвары дерутся противъ варваровъ. Одни, какъ римскіе воины, защищаютъ Римъ, другіе—гунна. Это было ужасное время. Тутъ погибло много культуры, много произведеній языческаго ума, языческой фантазіи. Это былъ вихрь, ураганъ, но не завоеваніе. Всѣ страшныя полчища, отъ которыхъ волосъ становился дыбомъ у галла, погибли, не оставивъ по себѣ слѣда, не вливъ въ населеніе Галліи ни капли германской крови. То были даже не нашествія, а только попытки нашествій, страшныя передвиженія народовъ, изъ которыхъ не вышло ничего прочнаго; много шуму изъ ничего, много разрушенія, но ни одной побѣды. Германская кровь и германскіе порядки могли проникнуть въ Галлію только черезъ тѣхъ германцевъ, которые пріобрѣли въ ней осѣдлость и *поселились* въ ней въ качествѣ земледѣльцевъ или воиновъ имперіи. Это поселеніе германцевъ на почвѣ Галліи начинается весьма рано и идетъ параллельно съ завоевательными ихъ вторженіями. Въ то время, какъ одни племена воюютъ съ Римомъ, другіе, въ качествѣ римскихъ солдатъ, обороняютъ границу. Нерѣдко германцы, пораженные въ битвѣ, сдавались и на тѣхъ или другихъ условіяхъ селились на римской землѣ. Иногда ихъ поселяли туда насильно, превращая плѣнниковъ въ колоновъ, чтобы пополнить недостатокъ рабочихъ рукъ, на который въ III и IV вѣкѣ жаловались землевладѣльцы. Всѣ германцы, поселившіеся въ предѣлахъ римской имперіи, на какихъ бы условіяхъ ни поселились они, были вѣрноподданными императора и, повидимому, весьма охотно подчинялись его власти. Въ нихъ вовсе не замѣтно той дикой и благородной гордости, которую имъ приписали впослѣдствіи. Обращаясь къ государю, они, какъ и всѣ другіе подданные, величали его «господиномъ» и «богомъ». Число германцевъ-землевладѣльцевъ было довольно велико въ Галліи. «Нѣтъ семейства, — говоритъ писатель V вѣка,— въ которомъ бы между слугами не было гота. Въ нашихъ городахъ каменьщики, водовозы, носильщики—изъ готовъ». «Варвары пашутъ и сѣютъ на насъ», говоритъ писатель III вѣка. Въ поселеніи германцевъ на римской территоріи современники не только не видѣли германскаго завоеванія, но, напротивъ, по ихъ понятіямъ, римляне завоевали себѣ рабочія силы. Особенный притокъ этихъ силъ замѣчался послѣ побѣды, одержанной римскимъ оружіемъ надъ варварами. «Не они овладѣвали землею, а земля овладѣвала ими».

Не менѣе многочисленны были германцы-воины. — Служба

ихъ въ римскихъ легіонахъ начинается еще при Цезарѣ. Чѣмъ больше падалъ въ имперіи военный духъ, тѣмъ охотнѣе составляли императоры свои войска изъ дюжихъ, храбрыхъ варваровъ. Варвары эти бо́льшею частью составляли отдѣльные полки и назывались союзниками или летами (людьми) императора. Во главѣ полка стоялъ избранный самими солдатами вождь-варваръ. По отношенію къ своимъ, онъ носилъ титулъ «короля»; по отношенію къ императору этотъ король былъ слуга, чиновникъ, и то не изъ высшихъ, потому что надъ нимъ стоялъ главнокомандующій—римлянинъ. Германскимъ полкамъ отводились земли, которые они воздѣлывали съ своими женами, дѣтьми, и иногда даже рабами, но по первому призыву они должны быть на готовѣ, во всеоружіи. Земли эти не были ихъ собственностью, они пользовались ими, пока служили. Въ позднѣйшее время принимается другая система содержанія войскъ. Галлія раздѣляется на округи; въ каждомъ округѣ помѣщается полкъ солдатъ, римлянъ или варваровъ, и жители обязуются доставлять ему фуражъ, пищу, одежду, квартиру, причемъ тягость эта, какъ всѣ тягости, располагается между отдѣльными лицами пропорціонально ихъ состоянію. Войско, слѣдовательно, живетъ на счетъ мѣстнаго населенія, пользуется его «гостепріимствомъ» (hospitalitas). Легко можно себѣ представить, что это обязательное гостепріимство было не особенно пріятно для хозяевъ: солдатскій постой всегда и вездѣ считался и считается Божьимъ наказаніемъ; а солдаты-варвары были, вѣроятно, еще менѣе церемонны, чѣмъ римляне. Между ними и ихъ содержателями нерѣдко происходили столкновенія. Воинство требовало прибавки порцій, платья, квартиры, и иногда добивалось этихъ прибавокъ не совсѣмъ деликатными способами. Вестготы, бургунды и франки, разгнѣванные и недовольные, вдругъ поднимали бунтъ, осаждали тотъ или другой городъ и, взявъ его, творили тамъ всякія безчинства. Жители приходили въ отчаяніе. Что же это? Завоеваніе? Нѣтъ, никоимъ образомъ. Это чуть ли не хуже завоеванія, потому что безпрестанно повторяется, но это не завоеваніе. Ни галлы, ни варвары не придавали подобнымъ явленіямъ этого значенія. Тѣ же бургунды, вслѣдъ за своими безобразіями, дрались съ другими германцами, защищая только-что въ конецъ ими разоренную страну и не переставая считать себя подданными римскаго императора. Варвары-воины нисколько не занимали почетнаго или привилегированнаго положенія посреди туземнаго населенія. Римскіе граждане не могли по закону отдавать за нихъ дочерей: это считалось униженіемъ. Легіоны, составленные изъ римскихъ

солдатъ, пользовались бóльшимъ почетомъ. А между тѣмъ варвары эти на дѣлѣ держали мирныхъ обывателей въ постоянномъ страхѣ.

«Новѣйшихъ историковъ поражало, какимъ образомъ галлы не отразили вторженія этихъ германцевъ», замѣчаетъ Куланжъ. «Одни приписывали это ихъ трусости, другіе ихъ ненависти къ Риму. Ни то, ни другое объясненіе не основывается на современныхъ свидѣтельствахъ... Галлы не сопротивлялись варварамъ по очень простой причинѣ: эти варвары явились посреди ихъ, какъ императорскіе солдаты; императорское правительство размѣщало ихъ въ странѣ, и гражданамъ оставалось только повиноваться высочайшему повелѣнію. Они могли оказывать сопротивленіе «союзникамъ» только въ томъ случаѣ, если они преступали положенныя имъ преграды, и многіе галльскіе города оказывали такое сопротивленіе, нѣсколько разъ упорно отказывались исполнять требованія варваровъ. Арль, Нарбоннъ, Клермонъ выдерживали осады и отражали нападенія. Но эти событія вовсе не носили и не могли носить характера большой народной борьбы; это были просто стычки между военною и гражданскою частью населенія. Правительство, какъ высшій судья, разбирало эти ссоры, не разъ признавало города виновными и заставляло ихъ подчиниться требованіямъ варваровъ». Эти варвары были одновременно и защитники, и разорители.

Такою же двойственностью, такими же, повидимому, противорѣчіями, проникнуты были отношенія между римскими императорами и «королями» варваровъ. Короли эти не считали себя самостоятельными господами въ странѣ, занимаемой ихъ полками. Они—короли варваровъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ рабы императора. Сигизмундъ, король бургундовъ, пишетъ императору: «Народъ мой принадлежитъ тебѣ; повелѣвая ему, я повинуюсь тебѣ; я король посреди ихъ, но передъ тобою я только вѣрный воинъ». Всѣ эти «вѣрные воины» мечтали объ императорскомъ дворѣ, о римскихъ чинахъ и отличіяхъ. Завѣтное желаніе ихъ—стать консулами, патриціями, сенаторами, а въ особенности главнокомандующими римскихъ войскъ (magister militum). Когда императоры имъ въ томъ отказываютъ, они со своими дружинами поднимаютъ бунтъ, жгутъ, рѣжутъ и наводятъ ужасъ на цезарей. Исторія похожденій знаменитаго гота Алариха лучше всего выясняетъ эти отношенія. Короли-варвары сплошь да рядомъ вмѣшивались въ придворныя дѣла, возводя на престолъ тѣхъ людей, отъ которыхъ надѣялись получить больше. Но возводили они все римлянъ, а не германцевъ. Слабость императорской власти, весьма

дурно представленной послѣ Θеодосія, религіозная борьба, поглощавшая много силъ, давала людямъ въ родѣ Алариха возможность продѣлывать страшныя исторіи, но при всемъ томъ они оставались «рабами» императора. Они были непокорные подданные, но все-таки подданные. Рядомъ съ ними въ странѣ были гражданскія власти, и даже въ военномъ отношеніи, какъ мы видѣли, они подчинены были римскимъ военачальникамъ. Они еще въ первой половинѣ V-го вѣка не задавались цѣлью стать самостоятельными государями въ своихъ военныхъ округахъ. Атаульфъ, король вестготовъ, признавался, что онъ одно время думалъ-было сокрушить имперію и воздвигнуть на ея развалинахъ готское царство; но, прибавилъ онъ, «я убѣдился, что готы еще слишкомъ невѣжественны, чтобъ повиноваться законамъ, а безъ законовъ невозможно основать государства; поэтому я рѣшился употребить силы готовъ на возстановленіе блеска и могущества римской имперіи».

Но это могущество имперіи быстро падало. Паденіе сказалось тѣмъ, что императоры выпустили изъ рукъ военную власть. Со временъ Гонорія войска состояли почти исключительно изъ германцевъ. Императоры не имѣли надъ ними прямого надзора и только заботились о томъ, чтобъ должность главнокомандующаго занимали римскіе граждане, а не варвары, но въ концѣ-концовъ варвары добились своей цѣли, получили въ свои руки военныя силы имперіи. «Съ тѣхъ поръ, — говоритъ, Куланжъ, — императоръ не имѣлъ болѣе власти надъ войскомъ. Онъ остался лишь начальникомъ гражданскимъ. Начальство военное всецѣло перешло въ руки королей-варваровъ. По естественному ходу вещей, военная власть, какъ болѣе сильная, подавила гражданскую. Визиготъ управлялъ черезъ подставного императора Авита, свевъ — черезъ Севера и Антемія. Короли-варвары возводили и низводили императоровъ; такъ позднѣе султаны заперли калифовъ во дворцѣ и управляли отъ ихъ имени». Германскіе короли вскорѣ начали судить, собирать подати, назначать гражданскихъ чиновниковъ въ своихъ военныхъ округахъ. Они на дѣлѣ стали владыками края, но *формально* оставались все еще *намѣстниками императора;* все еще въ ихъ глазахъ императоръ — особа священная, все еще чины — приманка, все еще римскій дворъ — идеалъ. Они долго-долго жили фикціею, что власть ихъ исходитъ отъ императорской, тѣнь имперіи носилась надъ ними въ теченіи вѣковъ. Когда въ Римѣ не стало императора, когда престолъ его занялъ германецъ, этотъ самый германецъ поспѣшилъ признать надъ собою главенство императора восточ-

наго, византійскаго. Ни одинъ изъ королей не могъ помириться съ мыслью, что его королевство не есть часть великой римской имперіи. Теодорики, Кловисы — продолжаютъ именоваться римскими патриціями, консулами, начальниками римскихъ войскъ и проч. Они всѣ бьютъ челомъ византійскому императору, чтобъ онъ утвердилъ ихъ власть надъ бывшими подданными имперіи.

Вотъ въ общихъ чертахъ исторія такъ-называемаго «основанія германскихъ государствъ на развалинахъ римской имперіи». Фюстель-де-Куланжъ останавливается всего больше на исторіи этого переворота въ Галліи, гдѣ императорская власть мало-по-малу перешла въ руки вождей франковъ. Эти франки, по его мнѣнію, сбродъ изъ остатковъ всевозможныхъ германскихъ племенъ, истощившихся, распавшихся вслѣдствіе долгихъ революцій. Въ разныя времена франки, подъ разными видами, вошли въ Галлію: и какъ колоны, и какъ рабы, и какъ воины. Въ началѣ V-го вѣка мы уже не встрѣчаемъ ихъ на правомъ (германскомъ) берегу Рейна. Всѣ они, поселившись въ имперіи, стали ея подданными и, повидимому, сначала жили подъ довольно строгимъ управленіемъ. Въ салическомъ законѣ вспоминается еще «тяжкое римское иго». Начальники франкскихъ дружинъ, какъ и другихъ германскихъ дружинъ — короли; различные претенденты на этотъ титулъ сплошь да рядомъ прибѣгаютъ къ посредничеству римскихъ императоровъ и даже римскихъ чиновниковъ. Историки говорятъ: «Кловисъ вступилъ на престолъ». Но письмо архіепископа Ремигія къ этому королю доказываетъ, что это вступленіе было совсѣмъ не то, что разумѣлось подъ нимъ впослѣдствіи. «Мы узнали, — говоритъ пастырь, — что ты, по примѣру предковъ, принялъ въ свои руки военное начальство». Какъ извѣстно, во времена Кловиса, съ военнымъ начальствомъ соединялось и гражданское. Но Ремигій называетъ его власть «beneficium»: это слово на тогдашнемъ латинскомъ языкѣ обозначало делегацію, владѣніе временное и отъемлемое; оно могло прилагаться лишь къ власти заимствованной у другого лица. Страну, подчиненную Кловису, епископъ не называетъ королевствомъ, а провинціею; такъ не могло бы называться самостоятельное, независимое владѣніе, — Кловисъ все еще представляется какъ-бы намѣстникомъ императора.

Рядомъ съ франкской арміей, въ Галліи стояли еще три арміи: вестготская, бургундская и римская (подъ начальствомъ Сіагрія). Эта римская армія точно также относилась къ императорской власти, какъ три германскія, и Сіагрій вовсе не изо-

бражалъ своею личностью «послѣднихъ остатковъ римскаго владычества». Онъ былъ «король» римлянъ, какъ Кловисъ былъ король франковъ. Нѣтъ доказательствъ, чтобъ галлы предпочитали его другимъ королямъ, какъ представителя римскаго элемента. Они его вовсе не особенно поддерживали. Кловисъ побѣдилъ трехъ королей Галліи и соединилъ ее подъ своею военною и гражданскою властью. Но, воюя съ ними, онъ боролся не съ римлянами или галлами какъ таковыми, а съ римскими, бургундскими, вестготскими дружинами. Покорены были вожди этихъ дружинъ, а не Галлія. Ни одинъ современникъ не говоритъ о завоеваніи Галліи франками. Самъ Кловисъ и послѣ объединенія ея называлъ себя королемъ лишь по отношенію къ франкамъ. Галлами онъ управляетъ не въ силу этой королевской власти, а въ силу совершенно фиктивной идеи о верховной власти римской имперіи, которая тогда олицетворялась въ лицѣ императора византійскаго. Кловисъ проситъ у него титула военачальника, консула и патриція. День, въ который онъ получилъ эти знаки отличія, былъ весьма важенъ въ глазахъ галльскаго населенія. Съ этого дня съ нимъ говорили какъ съ консуломъ или императоромъ. Онъ сталъ представителемъ имперіи. Въ оффиціальныхъ актахъ Кловисъ титулуетъ себя rex Francorum (король франковъ) и vir illuster (знатный мужъ). Этотъ послѣдній титулъ не есть хвалебное названіе; это оффиціальный терминъ, бывшій въ употребленіи въ имперіи за послѣднія два столѣтія. Имъ обозначались высшія должностныя лица, какъ, напр., префекты преторіи. Слова «rex Francorum» обозначали власть Кловиса надъ франками-воинами; «vir illuster» указывали его мѣсто въ императорской іерархіи и его верховное главенство надъ галло-римскимъ населеніемъ. Прологъ салическаго закона называетъ Кловиса королемъ и проконсуломъ. Авторъ «Житія святыхъ» называетъ его королемъ франковъ и начальникомъ римскаго народа: для выраженія двойственной власти требовался двойной титулъ. Исторія Теодориха Великаго, съ небольшими варіяціями,—повтореніе исторіи Кловиса. И послѣ Кловиса франкскіе короли обращались къ византійскому императору съ титуломъ «dominus» (господинъ). Этотъ dominus даже посылалъ инструкціи королямъ франковъ. Ираклій, напримѣръ, послалъ приказаніе Дагоберту окрестить или умертвить евреевъ въ своемъ государствѣ. Монеты во Франціи долго чеканились съ изображеніемъ византійскихъ императоровъ. Галльскіе лѣтописцы тщательно отмѣчали годъ воцаренія того или другого византійскаго императора, считали годы по константинопольскимъ консуламъ. Современники точно

опредѣлили моментъ, когда исчезла фикція о верховномъ главенствѣ Византіи. Подъ 524 годомъ лѣтописецъ говоритъ: «то было время, когда Галлія находилась подъ властью императора Юстина». А въ 539 году онъ пишетъ: «тогда короли, оставивъ въ сторонѣ права римской имперіи и не признавая болѣе главенства римской республики, управляли отъ своего собственнаго имени, въ силу своей собственной власти».

Итакъ, въ теченіи многихъ лѣтъ франки жили въ римскомъ государствѣ какъ его подданные, воины и слуги. Въ отношеніяхъ ихъ къ туземному населенію не видно ни малѣйшей тѣни національной антипатіи; столкновенія ихъ носили характеръ столкновеній войска съ мирными обывателями. Начальники этого войска мало-по-малу получили преобладаніе надъ гражданскими и, воспользовавшись ослабленіемъ центральной власти, мало-по-малу присвоили себѣ въ своихъ округахъ всѣ ея аттрибуты. Но это дѣлалось постепенно. Не видно, чтобы франки круто разрушали римское, чтобъ они отрывали галловъ отъ римской почвы, подчиняли ихъ новому началу. Напротивъ: они овладѣваютъ своимъ наслѣдіемъ по кусочкамъ, и долго-долго, вмѣстѣ съ туземнымъ населеніемъ, сохраняютъ связь съ имперіей, не торопясь выдти изъ положенія ея подданныхъ. Тутъ нѣтъ ничего похожаго на завоеваніе, на здоровый, сильный натискъ молодого, свѣжаго народа, силы котораго развернулись. Этого не видѣли и современники. Ни однимъ словомъ ни одинъ изъ нихъ не поминаетъ завоеванія. «Тогдашніе римляне, безъ сомнѣнія, много страдали, много плакали; они часто были жертвами алчности, насилія и всеобщей неурядицы; но они никогда не смотрѣли на себя, какъ на народъ побѣжденный, томящійся подъ игомъ господствующаго племени побѣдителей». Германское завоеваніе—своего рода миѳъ, придуманный для того, чтобы объяснить происхожденіе французскаго государства. Миѳъ этотъ, какъ поясняетъ Куланжъ, и не очень древній. Ни лѣтописцы V, VI, VII-го вѣка, ни средневѣковые писатели не упоминаютъ о завоеваніи. Бомануаръ (въ XIII вѣкѣ), Коминъ (въ XVI в.) пытались объяснить происхожденіе общественнаго неравенства, но имъ не приходитъ въ голову, что феодализмъ и крѣпостное право родились изъ завоеванія. Средніе вѣка не имѣютъ понятія объ этнографическомъ различіи между франками и галлами. Въ теченіи тысячелѣтія мы ни разу не встрѣчаемся съ національною антипатіею. Въ галло-римскомъ населеніи франки и бургунды не оставили по себѣ худой памяти; ни одна личность, вышедшая изъ этихъ народовъ, не представляется въ легендахъ ненавистною, враждеб-

ною. Ни писанія, ни преданія не проникнуты тою грустью, которую порабощеніе непремѣнно должно было поселить въ душѣ побѣжденныхъ.

«Мнѣніе, будто новая исторія открылась громаднымъ нашествіемъ варваровъ, разбившимъ населеніе Франціи на двѣ неравныя расы, появилось только въ XVI вѣкѣ и особенно пошло въ ходъ въ XVIII-мъ. Оно было порожденіемъ сословной вражды, и развивалось вмѣстѣ съ этой враждой. Оно еще тяготѣетъ надъ теперешнимъ обществомъ и приноситъ огромный вредъ тѣмъ, что поселяетъ въ умахъ совершенно фальшивыя понятія о построеніи человѣческихъ обществъ, а въ сердцахъ горькія чувства мщенія и озлобленія. Ненависть породила эту теорію, которая, въ свою очередь, питаетъ ненависть. Всѣ великія событія нашей исторіи оцѣнивались и освѣщались на основаніи теоріи о насильственномъ ея началѣ: феодализмъ представлялся царствомъ завоевателей, освобожденіе городскихъ общинъ—пробужденіемъ покоренныхъ, а великая революція — ихъ отплатой». Дѣйствительно, трезвый взглядъ на факты приводитъ къ заключенію, что это рядъ миѳовъ. Съ миѳомъ о германскомъ завоеваніи рушатся прежде всего предположенія о ближайшихъ его послѣдствіяхъ: отнятіи земель у римлянъ и порабощеніи ихъ.

Говорятъ, германцы (вестготы, бургунды, франки) отобрали двѣ-трети земель у покоренныхъ галло-римлянъ и подѣлили между собою по жребію. Прежніе собственники обращены были въ крѣпостныхъ и обработывали землю побѣдителей. Итакъ —полное и систематическое обезземеленіе. Но возможно ли, чтобъ ни одинъ изъ современныхъ писателей не упомянулъ о такомъ событіи ни единымъ словомъ? А между тѣмъ это такъ. Ни Іорнандъ, ни Орозій, ни Прокопъ, ни Сидоній Аполлинарій, ни Фортунатъ, ни Григорій Турскій, ни житія святыхъ не говорятъ нигдѣ объ отобраніи земель. Мы сплошь да рядомъ встрѣчаемся въ ихъ сочиненіяхъ съ богатѣйшими землевладѣльцами галло-римлянами, сплошь да рядомъ встрѣчаемъ безземельныхъ и даже рабовъ изъ германцевъ. Сальвіанъ обвиняетъ римлянъ въ развратѣ, въ непомѣрной роскоши, что̀ трудно согласить съ лишеніемъ имущества. «Варвары, вѣроятно, брали что̀ и сколько хотѣли», говоритъ Монтескье. Но документы доказываютъ противное. Весьма часто германскіе короли повелѣваютъ своимъ людямъ возвратить захваченное. Несомнѣнно, что германцы сдѣлались собственниками въ Галліи. Но вопросъ въ томъ, какія земли достались имъ: частныя или казенныя, земли галльскихъ сенаторовъ или домэны императоровъ? Фюстель де-Куланжъ

склоняется положительно къ послѣднему мнѣнію. Несомнѣнно, что при столкновеніяхъ «гостей» съ «хозяевами» бывали насилія, захваты. Но это отдѣльные случаи, а не общее правительственное распоряженіе, которое непремѣнно бы отразилось въ современныхъ источникахъ. Точно также молчатъ эти источники о порабощенномъ и приниженномъ положеніи галло-римлянъ, надъ которыми господствовали будто бы пришельцы-завоеватели.

Мы уже говорили, что въ сочиненіяхъ современниковъ не слышится племенной ненависти и вражды, а эти сочиненія принадлежатъ почти исключительно перу галло-римлянъ, которые не преминули бы излить передъ нами свое грустное настроеніе. Мы видѣли также, что какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ сословіяхъ встрѣчаются рядомъ и германцы, и римляне, слѣдовательно, аристократія вовсе не составилась преимущественно изъ германцевъ, а въ аристократіи церковной даже преобладали римляне, какъ элементъ болѣе цивилизованный. Для созданія могучей аристократіи вовсе не требуется завоеванія; аристократія была въ римской имперіи, была у древнихъ германцевъ, была, напримѣръ, у алеманновъ, которые ничего не завоевали. Долго послѣ паденія западной римской имперіи галлы продолжаютъ называться римлянами. Франки не навязываютъ имъ своихъ законовъ, и галлы долго судятся законами римскими. Судьи, примѣняющіе эти законы, то германцы, то римляне. Засѣдатели на судѣ—тоже смѣшаны. Въ высшихъ должностяхъ, военныхъ и гражданскихъ— видимъ опять-таки и тѣхъ и другихъ. Франки и галлы вступаютъ въ браки между собою. Мнимые побѣдители принимаютъ языкъ, костюмъ побѣжденныхъ. Римляне носятъ нѣмецкія имена, германцы—римскія. Встрѣчаются Аброгасты, Водегезины, Гундульфы и проч., о которыхъ весьма категорически говорится, что они римскаго происхожденія. Имена горъ, рѣкъ, городовъ, даже частныхъ имѣній остаются тѣ же, что̀ были при императорахъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, чтобы галлы были болѣе обложены податями, чѣмъ франки: и тѣ и другіе подчасъ жалуются на ихъ тяжесть, отказываются платить. Презрѣніе къ туземному населенію не проглядываетъ ни въ одномъ изъ германскихъ памятниковъ. Законы вестготовъ и бургундовъ въ самыхъ опредѣленныхъ выраженіяхъ провозглашаютъ ихъ полное равенство. Салическій законъ нигдѣ не говоритъ, что галлы—побѣжденные, подвластные. Онъ начинается предисловіемъ, имѣющимъ характеръ народнаго гимна; народъ франкскій восхваляетъ свои доблести, но не говоритъ ни словомъ о своихъ побѣдахъ; онъ при-

поминаетъ, что былъ подчиненъ имперіи и освободился отъ нея, но не говоритъ, что въ свою очередь сталъ побѣдителемъ и господиномъ. Въ доказательство приниженнаго положенія галло-римскаго населенія обыкновенно приводится то обстоятельство, что въ законахъ противополагаются франки и салики съ одной, римляне—съ другой стороны, и притомъ такъ, что первые занимаютъ передъ вторыми первенствующее положеніе. Этотъ аргументъ совершенно рушится подъ перомъ Фюстель де-Куланжа. Онъ доказываетъ, что слова: франкъ, саликъ, римлянинъ утратили, въ эпоху изданія варварскихъ законовъ, этнографическое значеніе и пріобрѣли значеніе частью политическое, частью юридическое. Франкъ не значитъ—человѣкъ изъ племени франковъ: оно значитъ 1) воинъ, 2) подданный короля франковъ, 3) какъ прилагательное *свободный* (franc homme, franc bourgeois, franche terre), и это не только во Франціи, но и въ Италіи, Испаніи и Англіи. Саликами называлась небольшая вѣтвь франковъ. Императоръ Юліанъ разбилъ ихъ на-голову. Они исчезли изъ исторіи и саликъ, какъ имя собственное, не встрѣчается. Прилагательное *салическій* (salicus) не имѣетъ, по мнѣнію автора, ничего общаго съ названіемъ племени. Прилагаясь къ лицу, оно придаетъ ему значеніе человѣка свободнаго, и притомъ поземельнаго собственника. Прилагаясь къ землѣ, оно придаетъ ей характеръ свободы, полной собственности владѣльца.

Франкъ противополагается римлянину въ §§ салическаго закона, трактующихъ о вирѣ. За убійство франка роду убитаго приходилось платить 200 су, за убійство римскаго человѣка 100 су, т.-е. вдвое меньше. Стало быть, заключали до сихъ поръ, жизнь римлянина цѣнилась вдвое дешевле, чѣмъ жизнь германца, стало быть франкъ былъ гораздо выше его какъ завоеватель. Но и въ названіи «romanus homo» (римскій человѣкъ) Фюстель де-Куланжъ видитъ названіе не племенное, а сословное. Romanus homo значитъ не римлянинъ, а вольноотпущенникъ, освобожденный однимъ изъ способовъ, употреблявшихся въ имперіи, и ставшій римскимъ гражданиномъ, т.-е. получившій право завѣщать свое имущество. Итакъ — галло-римляне и пришлые германцы при созданіи франкской монархіи относились другъ къ другу какъ равные, быстро слились въ новую французскую націю, въ которой однако было гораздо менѣе германской крови, чѣмъ романской. Не надо воображать себѣ, чтобы германцы вошли въ римскую имперію въ огромномъ числѣ. По нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что бургундовъ и вестготовъ было всего 280,000, когда они впервые появились на границахъ имперіи.

Съ тѣхъ поръ ихъ постигли многія кровавыя треволненія, едвали способствовавшія размноженію ихъ. Что же касается до франковъ, то они представляются весьма немногочисленными: у Кловиса въ моментъ крещенія было 6000 войска. Итакъ, въ французскомъ темпераментѣ преобладаетъ элементъ кельтическій и римскій, а отнюдь не германскій. То же можно сказать и о французскихъ учрежденіяхъ, политическихъ и общественныхъ.

V.

Въ четвертой и послѣдней части своего труда Фюстель де-Куланжъ знакомитъ насъ съ государственнымъ и общественнымъ строемъ галло-франкскаго королевства при первой германской династіи, при долговолосыхъ Меровингахъ, потомкахъ Кловиса. Въ эту эпоху, какъ представляетъ ее Куланжъ, все еще живьемъ стоятъ римскіе порядки, римскія идеи. Галлія до конца VII-го вѣка все еще точно кусокъ имперіи. Короли Меровинги копируютъ цезарей, говорятъ и пишутъ по-латыни, одѣваются на римскій манеръ, возсѣдаютъ на преторскомъ сѣдалищѣ, по образцу императоровъ, и отдаютъ приказанія. Ихъ, какъ римскихъ императоровъ, величаютъ «господинъ», обращаются къ нимъ съ словами «ваше превосходительство», «ваше великолѣпіе» и «ваша слава». «Величество» они на нѣкоторое время предоставили византійскому императору, но вскорѣ присвоили себѣ и этотъ титулъ. Законъ объ оскорбленіи «величества» остался въ полной силѣ. По существу, монархическая власть Меровинговъ всесильна, не менѣе высока, не менѣе неограниченна, чѣмъ императорская. Она не только наслѣдственна, но дѣлится между сыновьями короля, какъ всякое родовое имущество. Нѣкоторые историки видѣли въ толпѣ народа, привѣтствующей новаго короля, избирательное собраніе. Но это толкованіе совершенно произвольно. Въ памятникахъ не видно никакихъ слѣдовъ народныхъ собраній, ни совѣщательныхъ, ни законодательныхъ. Собранія на Марсовомъ полѣ—не что иное, какъ военные смотры. Говорится, что тамъ собирался populus (народъ), и это заставляло историковъ видѣть въ нихъ нѣчто въ родѣ комицій. Но въ языкѣ XVI вѣка слово populus и exercitus (войско) синонимы. Законы издаются и отмѣняются королемъ безъ участія народа, и носятъ тѣ же заглавія, что и въ римской имперіи (decretum, constitutio). Законы франковъ, бургундовъ и вестготовъ возводятъ въ принципъ всемогущество короля, не даютъ

народу никакихъ правъ въ отношеніи къ высшей власти. Жизнь, имущество подданныхъ въ ея рукахъ, и галло-римское населеніе, перейдя въ руки германскихъ королей, не выиграло ни іоты политической свободы, которой, впрочемъ и не искало.

На мѣстѣ римской имперіи воцаряется полнѣйшій деспотизмъ германскаго королевства. Вмѣстѣ съ основнымъ характеромъ римскихъ владыкъ, Меровинги усвоили себѣ весь административный механизмъ имперіи. Центромъ этого механизма становится для Галліи королевскій дворецъ (Palatium). Дворцы эти почти всѣ еще римской постройки, съ римскимъ убранствомъ. Тутъ короля окружаетъ сонмъ дворцовыхъ чиновниковъ (виночерпій, спальничій, сокольничій и проч.); тутъ же и начальники отдѣльныхъ частей управленія, такъ сказать, министры—magistri, или comites (по-нѣмецки Grafen)—товарищи. Во главѣ этой іерархіи magister palatii—палатный мэръ, въ рукахъ котораго сходятся всѣ нити управленія. Письменныя дѣла ведутся рядомъ канцелярій. Страна раздѣлена на провинціи, раздѣленныя на округи, какъ то было при имперіи. Начальники провинцій—дуки (герцоги), начальники округовъ—comites (графы). Все это должности и титулы имперіи. Но лица, носящія ихъ, отличаются отъ прежнихъ тѣмъ, что соединяютъ въ своихъ рукахъ какъ гражданскую, такъ и военную власть. И герцоги, и графы, и палатные мэры назначаются королемъ, нигдѣ нѣтъ указанія на то, чтобъ они избирались мѣстнымъ населеніемъ или аристократіею.

Всѣ они получали подробные наказы на управленіе ввѣренными имъ областями, и рядомъ съ ними продолжали играть свою жалкую служебную роль опустѣлыя куріи. Сохраняется и право провинціаловъ собираться и посылать въ Palatium свои жалобы и просьбы. Податная система, какъ по предметамъ обложенія, такъ и по способу взиманія, остается та же, что̀ была въ римской имперіи. Подати взимаются даже по римскимъ окладнымъ листамъ и переписямъ. Исчезла лишь одна римская подать—«хрисаргиръ»,—подать торговая, потому, что исчезла торговля. Всѣ землевладѣльцы, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, были по прежнему обложены пропорціонально величинѣ своихъ владѣній. Но уже при Меровингахъ начинаются иммунитеты, т.-е. освобожденіе отдѣльныхъ личностей—или корпорацій—отъ платежа податей. Къ концу VII-го вѣка поземельная подать исчезаетъ вовсе. Воинская повинность стала при Меровингахъ тяжелѣе, чѣмъ при императорахъ. Постояннаго войска не было, но за то, по призыву короля, всѣ свободные люди обязаны были взяться за оружіе.

Наименѣе выясненною стороною общественнаго быта въ эпоху Меровинговъ представляется судъ. Когда читаешь нѣкоторые параграфы законовъ и нѣкоторые оффиціальные акты, кажется, будто отправленіе правосудія лежало на народныхъ собраніяхъ, напоминающихъ наши жюри. Заглянешь въ историческія сочиненія, въ хроники, въ житія святыхъ, въ частныя бумаги и грамоты, словомъ, во всѣ тѣ источники, въ которыхъ отразилась человѣческая жизнь во всей своей реальности—и дѣло представится совсѣмъ въ другомъ видѣ. Судьею является вездѣ графъ, королевскій намѣстникъ. Но его окружаютъ при отправленіи правосудія лучшіе люди данной мѣстности, называемые по-нѣмецки Rachimburgi, по-латыни boni viri. Какую они играли роль—неизвѣстно.

«По закону,—говоритъ Куланжъ,—они какъ будто имѣли значеніе, но на дѣлѣ, кажется, никакого». Григорій Турскій описываетъ сцену, въ которой графъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на этихъ засѣдателей,—судитъ по своему разумѣнію. Оффиціальное названіе этихъ засѣдателей «auditores» (слушатели) какъ будто указываетъ на ихъ пассивную роль, напоминаетъ ассессоровъ временъ имперіи. Названіе судилища «mallum» заставляло нѣкоторыхъ искать въ немъ суда народнаго, вѣчевого. «Это невѣрно,—говоритъ Куланжъ:—слово mallum однозначуще съ латинскимъ forum, которое въ старину означало народное собраніе, но въ имперіи значило *судъ*, *трибуналъ*, на которомъ всегда, кромѣ судьи, были посторонніе люди: какъ въ имперіи, такъ и при Меровингахъ, судья никогда не судилъ одинъ, хотя публика, его окружавшая, и не имѣла вліянія на его приговоръ».

Высшую судебную инстанцію представлялъ король, какъ нѣкогда императоръ. Расправа его была иногда совершенно дикая, краткая и произвольная. Король узнаетъ, что нѣкій Магновальдъ убилъ свою жену. Онъ зоветъ его къ себѣ во дворецъ и, пользуясь минутой, когда тотъ заглядѣлся въ окно, сноситъ ему буйную голову. Этого рода факты повторялись ежедневно. Иногда короли разбирали дѣла въ Palatium'ѣ, или поручали это палатнымъ мэрамъ. И во дворцѣ судью окружали «слушатели», ближайшіе ко двору люди, но и тутъ они были не больше какъ свидѣтели. Не встрѣчаемъ случаевъ, гдѣ бы они являлись защитниками гражданской свободы противъ королевскаго произвола, не видимъ, чтобы измѣнились основныя начала императорскаго суда, чтобъ личность была болѣе обезпечена отъ каприза владыки.

Труднѣе понять то, что Куланжъ говоритъ о системѣ наказаній при первыхъ Меровингахъ. Онъ упоминаетъ объ этомъ вопросѣ немного и довольно сбивчиво и неясно. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ: «Замѣчательно, что наказанія, присуждаемыя королевскими и графскими судами, были почти такія же, какъ въ римской имперіи. Когда читаешь германскіе кодексы, съ перваго взгляда кажется, что они не признаютъ наказаній, потому что всѣ преступленія искупаются золотомъ. Но историки, описывающіе событія въ подробностяхъ, представляютъ намъ дѣло въ иномъ видѣ. Изъ разсказовъ ихъ видно, что самыми обыкновенными наказаніями были штрафы, конфискація имуществъ, аресты, сажаніе въ желѣзо, повѣшеніе, засѣканіе, отрубаніе головы». Отрицая вліяніе германцевъ на юридическія понятія Галліи, онъ между прочимъ указываетъ и на то, что «во французскомъ законодательствѣ не укоренился выкупъ преступленій деньгами». Но слова его о Wehrgeld'ѣ (вирѣ) идутъ въ разрѣзъ съ вышеприведеннымъ. «Тацитъ говоритъ, что германцы искупали убійство, вознаграждая родъ убитаго извѣстнымъ количествомъ головъ рогатаго скота. Такой обычай встрѣчается и въ Галліи, послѣ поселенія въ ней германцевъ, оттого ли, что они навязали его странѣ (qu'ils l'aient imposé au pays), или оттого, что всеобщій безпорядокъ сдѣлалъ верховную власть безсильною карать преступленія»... «Выкупъ преступленія получалъ все больше и больше преобладаніе (надъ другими видами наказанія)». Здѣсь не ясно выраженіе: «пришельцы навязали его странѣ». Какъ? Своимъ? Или туземцамъ? Мы знаемъ, что вира встрѣчается лишь въ германскихъ законахъ, а галло-римляне долго судились римскими. Стало быть, между ними она не была въ ходу? Съ другой стороны, если на ряду съ вирою на практикѣ употреблялись римскія наказанія, которыя перешли въ послѣдующія законодательства, то какъ объяснить себѣ фразу: «вира получала все бóльшее и бóльшее преобладаніе»?

Римское право собственности не измѣнилось въ теченіи V-го, VI-го и отчасти VII-го вѣка: свободные люди въ эпоху Меровинговъ владѣютъ землею на правахъ полной собственности, продаютъ, закладываютъ, дарятъ, отказываютъ ее по собственному желанію. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ германцы вводили въ Галліи общинное владѣніе, которое было въ ходу у нѣкоторыхъ изъ нихъ во времена Цезаря. Временное, условное владѣніе землею (бенефиція), если и начинаетъ встрѣчаться въ концѣ этого періода на практикѣ, то еще отсутствуетъ въ законѣ. Единственнымъ видомъ владѣнія является въ немъ полное,

наслѣдственное. Оно называется то латинскими терминами proprietas, potestas, dominium, hereditas, terra aviatica, sors, то германскими sal-land (terra salica) или *alode*. Этотъ послѣдній терминъ малу-по-малу перешелъ въ alleu, сталъ наиболѣе употребительнымъ, и въ теченіи всей французской исторіи, вплоть до 1789 г., обозначалъ полную поземельную собственность.

Другого значенія оно никогда не имѣло. Но историки приписывали ему особенный, спеціальный смыслъ, потому что оно встрѣчается въ Галліи лишь послѣ поселенія германцевъ (съ VI-го вѣка). Историкамъ представлялось, что это новое слово должно выражать и новое понятіе, несуществовавшее въ римской имперіи, внесенное германцами. Слово alode производили отъ всевозможныхъ корней, всего чаще отъ германскаго Loos— жребій, и заключали, что оно обозначало ту землю, которую германцы отняли у покоренныхъ туземцевъ и подѣлили между собою по жребію. Каково бы ни было происхожденіе слова «alode», говоритъ Куланжъ, оно не выражало никакого новаго понятія, незнакомаго имперіи. Этимъ именемъ безразлично называлась земля германца и земля римлянина, крупное и мелкое владѣніе. Нигдѣ не видно, чтобъ современники видѣли въ немъ нѣчто новое; нигдѣ оно не имѣетъ значенія собственности, пріобрѣтенной оружіемъ, собственности воина. Въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ, объ одной и той же собственности говорится аллодъ и proprietas, даже прямо поясняется, что аллодъ—наслѣдственная, свободная собственность, то же, что hereditas. «Эта земля моя отчина (hereditas), т.-е. мой аллодъ». Если бы это слово дѣйствительно происходило отъ германскаго Loos (жребій), то и это бы нисколько не доказывало, что аллоды получались отъ раздѣленія галльской земли по жребію между германцами. Латинское sors — также значитъ жребій, но имъ обозначался не только участокъ, сейчасъ доставшійся по жребію, но всякая собственность, если только она была полная и наслѣдственная.

«Къ тому же, не слѣдуетъ соединять съ тогдашнимъ аллодомъ тѣхъ представленій, которыя связались съ нимъ впослѣдствіи. Посреди феодальнаго строя, аллодъ явится чѣмъ-то исключительнымъ, рѣдкимъ и особеннымъ; онъ будетъ представляться людямъ землею, вполнѣ независимой, неподчиненной никакой власти, свободной отъ податей, объ аллодѣ станутъ говорить, что онъ данъ владѣльцу отъ самого Бога. Эти черты вовсе не присущи аллоду первой четверти среднихъ вѣковъ. Тутъ аллодъ не составляетъ исключенія. Всякій клочокъ земли можетъ быть аллодомъ». «Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, бене-

фиція была еще только въ зародышѣ; она составляла исключеніе, а аллодъ правило. Два столѣтія спустя бенефиція получитъ преобладаніе, а аллодъ станетъ исключеніемъ. Тогда человѣческое общество совершенно преобразится».

Итакъ, до 650 года, того года, которымъ оканчивается первый томъ Фюстеля де-Куланжа, весь политическій и юридическій строй Галліи, какъ оказывается, еще римскій. Римскія начала держатся и въ характерѣ верховной власти, и въ правѣ собственности, и въ судѣ, и въ податной системѣ. Точно также держатся они и въ соціальномъ, общественномъ строѣ галло-франкскаго королевства. Сословность, составлявшая отличительную черту римскаго общества, не исчезла, не стерлась при короляхъ германской крови. Въ германской расѣ не было, какъ и въ римской, ничего демократическаго. Мы видѣли, что во времена Тацита соціальное неравенство было у самихъ германцевъ очень велико, что было у нихъ и рабство, и аристократія. Третій національный слой, легшій на Галлію, былъ такой же аристократическій, какъ первый и второй. Въ германскихъ кодексахъ, въ такъ-называемыхъ варварскихъ законахъ, сословность весьма ясно выразилась въ постановленіяхъ о вирѣ (Wehrgeld). Слово Wehrgeld переводится по латыни pretium hominis — цѣна человѣка. Это была та такса, по которой тотъ или другой человѣкъ получалъ денежное вознагражденіе за содѣянныя противъ него преступленія, или платилъ за совершённыя имъ преступленія. Похититель молодой дѣвушки, говорится въ законѣ фризовъ, долженъ заплатить ей его Wehrgeld, смотря по тому, благородная она или простая. Тотъ, кто вопрошаетъ колдуновъ, долженъ заплатить штрафъ, равный половинѣ его Wehrgeld'а и т. д. Цѣнность лица опредѣлялась тѣмъ положеніемъ, которое оно занимало въ обществѣ, сословіемъ, къ которому оно принадлежало. Свободный человѣкъ стоилъ, напр., у вестготовъ 300 золотыхъ, отпущенникъ половину этой цѣны, рабъ еще меньше и т. д. Цѣна эта удвоивается, если свободный человѣкъ, отпущенникъ или рабъ стоятъ близко къ королю, находятся на его службѣ. Но отношеніе между ними остается то же: свободный вдвое дороже отпущенника, отпущенникъ вдвое дороже раба.

Такого рода начала могутъ существовать лишь въ сословномъ, не-демократическомъ обществѣ, какимъ одинаково было и римское, и германское общество. Какъ мы видѣли, типы раба, отпущенника, колона — цѣликомъ перешли въ средніе вѣка, съ нѣ-

сколько видоизмѣнившейся римской терминологіей. Мы не будемъ возвращаться къ этимъ низшимъ слоямъ общества. Средній слой, какъ мы видѣли, исчезъ. Исчезъ классъ торговый, классъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ. V-й вѣкъ открылся при совершенномъ преобладаніи крупной собственности, т.-е. при совершенно аристократическихъ нравахъ. Отличительныя черты римской аристократіи остаются въ полной силѣ при Меровингахъ: она—поземельная и наслѣдственная; бо́льшая или меньшая близость къ личности и двору короля не служитъ мѣриломъ знатности. Вѣрные спутники, тѣлохранители короля (Leudes, Antrustiones) не составляютъ аристократіи; съ самымъ словомъ Leud (тоже что́ латинское homo—человѣкъ) связывалось понятіе о чемъ-то служебномъ, зависимомъ, хотя бы эта зависимость была добровольная. По таксѣ, всѣ лица, стоящія близко къ королю, оцѣнены вдвое дороже тѣхъ, которые далеки отъ него, но въ нравахъ и понятіяхъ общества все-таки не они составляютъ аристократію, знать; общественному положенію ихъ, точно также какъ общественному положенію королевскихъ чиновниковъ, даже высшихъ, не достаетъ перваго, необходимаго условія аристократизма, а именно—наслѣдственности, которая въ глазахъ тогдашнихъ людей имѣла не меньшее обаяніе, чѣмъ въ глазахъ римлянъ. Отъ всего, что́ писано въ это время, вѣетъ аристократическими нравами и понятіями. Въ житіяхъ святыхъ всегда почти тщательно отмѣчается, былъ ли святой знатнаго происхожденія или простой человѣкъ, восхваляются предки великаго мужа; часто говорится, что, прежде чѣмъ стать благороднымъ по своимъ добродѣтелямъ, онъ уже былъ благороденъ по рожденію.

Григорій Турскій, вводя новаго героя, непремѣнно поясняетъ, знатенъ ли онъ, или просто свободенъ, или отпущенникъ, или рабъ, и въ этомъ отношеніи напоминаетъ Тацита. Объ одной галло-римлянкѣ, Тетрадіи, онъ говоритъ, что она была знатна по матери, но по отцу низкаго происхожденія. Римскіе титулы, римскій этикетъ—въ полной силѣ. Аристократовъ называютъ: proceres (великіе), nobiles (благородные), senatores (сенаторы), seniores (seigneurs); къ нимъ по прежнему обращаются съ словами: vir illuster, clarissimus, spectabilis. Эти «свѣтлѣйшіе», «высочайшіе», «сильнѣйшіе» живутъ по прежнему въ за́мкахъ, окруженные домочадцами, родословными таблицами и бюстами предковъ. Новая королевская династія притягиваетъ ихъ къ личной военной службѣ, чего не дѣлали императоры. Но они еще не вошли во вкусъ, не сдѣлались страстными воявами и только тѣшатъ себя соколиною охотою. Они не

пріобрѣли никакой политической власти, потому что королевская все еще идетъ по слѣдамъ императорской. Но впереди эту знать ожидаетъ громадная сила, на которую еще нѣтъ и намёка въ первой половинѣ VII вѣка. VII-й вѣкъ непосредственно слѣдуетъ за паденіемъ западной римской имперіи и основаніемъ германскихъ королевствъ. А между тѣмъ какъ въ немъ много римскаго, какъ мало германскаго! Если бы германцы насадили въ римской имперіи какія-либо учрежденія, принесенныя ими изъ зарейнскихъ лѣсовъ, эти учрежденія выдвинулись бы всего ярче тогда, когда еще не произошло сліянія расъ на галльской почвѣ, они поразили бы современниковъ какъ нѣчто новое, несогласное съ ихъ прежними порядками. Ничего подобнаго мы не видимъ, ничего подобнаго не могло быть: германцы, вошедшіе въ предѣлы римской имперіи уже сами въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній утратили свои учрежденія. То были не народы, а дружины; нѣкоторыя изъ нихъ представляли собою остатки распавшихся народовъ, другія — сбродъ изъ удальцовъ всевозможныхъ племенъ, покинувшихъ отечество, чтобы вступить на службу въ имперію или ограбить ее. Ни одно германское племя не вступило въ римскіе предѣлы съ тѣми порядками, съ тою организаціею, которую описалъ намъ Тацитъ.

Германцы удержали кое-какіе обычаи, кое-какія юридическія начала, не столько національныя, сколько первобытныя. Изъ этихъ началъ составились германскіе кодексы, жившіе и дѣйствовавшіе въ странѣ на ряду съ римскимъ правомъ, въ теченіи столѣтій. Но въ концѣ-концовъ ни одно изъ германскихъ юридическихъ началъ, ни одинъ изъ германскихъ пріемовъ, не укоренились въ странѣ, не перешли въ средніе вѣка, въ право французское. Германцы не ввели ни выкупа преступленія деньгами, ни отвѣтственность родичей за преступника, ни раздѣленія виры между родичами убитаго, ни присяжныхъ, ни отстраненія дочери отъ наслѣдства, ни покупки жены, ни исключенія внука отъ дѣдовскаго наслѣдія. Всѣ эти германскіе обычаи мало-по-малу исчезли. Французское право сложилось на началахъ римскаго и измѣнило ихъ лишь настолько, насколько того требовали новыя общественныя условія. Таковы послѣдніе результаты изслѣдованія Куланжа.

Остается выяснить себѣ, насколько повліяло вторженіе германцевъ на общественныя условія, породившія, выработавшія въ теченіи вѣковъ то, что мы называемъ феодальными порядками. Зародыши этихъ порядковъ замѣчаются въ римской имперіи и особенно начинаютъ развиваться въ эпоху Радагай-

зовъ, Аларяховъ и Кловисовъ. Эти полудикіе люди способствовали упадку торговли, городского быта, мелкой собственности, развитію колоната. Но почему они всему этому способствовали?

«Германскія вторженія,—отвѣчаетъ Куланжъ,—внесли въ общество безпорядокъ, и главнымъ образомъ этимъ повліяли на послѣдующіе вѣка. Сокрушивъ силу Рима, они уничтожили тѣ уже ослабѣвшія начала, которыми долго жило галло-римское общество. Неурядица, которую они поселили повсюду, создала въ людяхъ новыя потребности, новыя привычки, которыя въ свою очередь породили новый общественный строй. Послѣдствія германскихъ вторженій дали себя знать не съ-разу, не вдругъ. Когда посмотришь на тѣ полтораста лѣтъ, которыя непосредственно слѣдовали за смертью Кловиса, когда вглядишься, какъ тогда люди управлялись, какъ жили, какъ думали, приходишь къ заключенію, что они мало отличались отъ того, чѣмъ были въ послѣдніе вѣка имперіи. Перенесемся, напротивъ, въ VIII, IX-е столѣтія, и увидимъ, что при формахъ еще болѣе римскихъ общество стало совсѣмъ другимъ, чѣмъ было подъ владычествомъ Рима. Великіе результаты германскихъ вторженій, невидные въ VI вѣкѣ, окажутся въ VIII».

Итакъ, по мнѣнію автора, феодализмъ—не римское и не германское явленіе: это явленіе соціальное, экономическое, корни котораго, правда, въ Римѣ, но оно не развилось бы до такихъ размѣровъ, если бы германскій элементъ не далъ толчка въ томъ же направленіи, которое приняли соціальные порядки въ римской имперіи. Вліяніе германцевъ на созданіе средневѣковой Франціи, слѣдовательно, только косвенное, но тѣмъ не менѣе сильное. Они ничего не принесли, ничего не создали, но они помогли старому развалиться, дѣлая это, впрочемъ, безсознательно. Выработалось ли бы нѣчто въ родѣ феодализма, если бы не явились германцы? И все ли равно было бы, если бы, вмѣсто германцевъ, внесли безпорядокъ персы, гунны или славяне? Этихъ вопросовъ себѣ не ставитъ Фюстель де-Куланжъ, не задается разрѣшеніемъ того, «что́ было бы, если бы»... Онъ неуклонно преслѣдуетъ одну главную мысль, что французскія учрежденія, совокупность которыхъ называется «старымъ режимомъ», не продуктъ случайнаго, внезапнаго насилія, а цѣлаго ряда внутреннихъ, органическихъ процессовъ, совершавшихся *при содѣйствіи*, но не вслѣдствіе внѣшнихъ толчковъ. На бѣду, онъ—французъ, и пишетъ послѣ франко-прусской войны. Отрицая вліяніе Германіи на Францію, не признавая дѣвственныхъ добродѣтелей германцевъ, онъ съ перваго взгляда возбуждаетъ подозрѣніе, что платитъ дань національ-

ной антипатіи, и его основныя идеи для тѣхъ, кто читаетъ ихъ не въ его собственномъ изложеніи, могутъ показаться продиктованными этимъ чувствомъ. Надо прочесть его самого, вчитаться въ этотъ трезвый, здоровый, простой и ясный стиль, проникнуться его необыкновенно точными, добросовѣстными критическими пріемами, чтобы далеко отбросить отъ себя подобныя соображенія. Куланжъ возбуждаетъ въ читателѣ не одно удовольствіе, ощущаемое отъ художественно-написанныхъ историческихъ картинъ, — чувство симпатіи или антипатіи, а цѣлый рой мыслей, спокойныхъ, послѣдовательныхъ, плодотворныхъ. Это одинъ изъ тѣхъ историческихъ трудовъ, который даетъ намъ не рядъ фактовъ, облеченныхъ въ изящную и блестящую форму, а громадный и цѣнный матеріалъ для соціологіи, указываетъ путь къ точному строго-научному изслѣдованію общественныхъ явленій, къ открытію законовъ, управляющихъ развитіемъ человѣчества.

Авторъ обѣщаетъ скорое появленіе второго тома своей работы, въ которомъ онъ познакомитъ насъ съ феодальнымъ строемъ. Тэма широкая, благодарная, особенно для талантливаго, безпристрастнаго историка; нѣтъ сомнѣнія, что онъ и въ изученіе среднихъ вѣковъ внесетъ нѣчто новое, свое, до сихъ поръ не сказанное. Куланжъ не охотникъ до торныхъ, избитыхъ дорогъ: онъ любитъ заглядывать глубоко въ чащу, отыскивать незнакомыя другимъ прогалины, неизвѣданныя тропинки.

С. Б—ва.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА

Въ дни ребячества я помню
Чудный отроческій бредъ:
Полюбилъ я царь-дѣвицу
Что на свѣтѣ краше нѣтъ.

На челѣ сіяло солнце,
Мѣсяцъ прятался въ косѣ,
По косицамъ рдѣли звѣзды —
Богъ сіялъ въ ея красѣ...

И жила та царь-дѣвица
Недоступна никому,
И ключами золотыми
Замыкалась въ терему.

Только ночью выходила
Шелестить въ тѣни березъ;
То ключи свои роняла,
То роняла капли слёзъ...

Только въ праздники, когда я
Полусонный брелъ домой,
Изъ-за рощи, яркій, влажный
Глазъ ея слѣдилъ за мной...

И ужъ какъ случилось это —
На яву или во снѣ?!
Разъ, она весной, въ часъ утра,
Зарумянилась въ окнѣ —

Всколыхнулась занавѣска,
Вспыхнулъ розъ махровыхъ кустъ,
И, закрывъ глаза, я встрѣтилъ
Поцѣлуй душистыхъ устъ.

Но едва-едва успѣлъ я
Блескъ лица ея поймать,
Ускользая, гостья кб лбу
Мнѣ прижгла свою печать.

Съ той поры ея печати
Мнѣ ничѣмъ уже не смыть,
Вѣчно-юной царь-дѣвицѣ
Я не въ силахъ измѣнить...

Жду—вторичнымъ поцѣлуемъ
Заградивъ мои уста—
Красота въ свой тайный те́ремъ
Мнѣ отворитъ ворота...

Яковъ Полонскій.

1876.

ГОРНОЗАВОДСКІЕ КРЕСТЬЯНЕ

НА

УРАЛѢ ВЪ 1760—1764 ГГ.

Окончаніе.

III *).

Положеніе приписныхъ къ заводамъ крестьянъ.

Къ началу 1764 года, какъ мы видѣли, крестьяне были усмирены; ихъ силою заставили работать на заводахъ и сурово наказали всѣхъ, руководившихъ волненіями. Правительство, впрочемъ, понимало, что этимъ нельзя было ограничиться: нужно было разсмотрѣть жалобы крестьянъ, улучшить ихъ положеніе,—иначе спокойствіе сохранится не на долго; понадобятся новыя коммиссіи, новыя суровыя наказанія. Поэтому, еще въ царствованіе Петра III, Кокошкинъ, Шамшевъ и Лопатинъ были отправлены произвести слѣдствіе по жалобамъ крестьянъ. Шамшевъ и Лопатинъ приступили къ слѣдствію о крестьянахъ, приписанныхъ къ заводамъ Никиты и Евдокима Демидовыхъ, но рѣшеніе по этимъ дѣламъ пришлось произнести уже не имъ, а князю Вяземскому.

Мы познакомились уже съ тѣмъ, чтò въ своей инструкціи Екатерина II предписала князю Вяземскому, относительно усмиренія крестьянъ; посмотримъ, какъ онъ долженъ былъ присту-

*) См. выше: янв. 210 стр.

нить къ разбору крестьянскихъ жалобъ. Онъ имѣлъ право начать слѣдствіе на какомъ-нибудь заводѣ, только усмиривъ приписанныхъ къ нему крестьянъ. Чтобы заявить свои жалобы на слѣдствіи, крестьяне должны были выбрать изъ своей среды нѣсколько человѣкъ, въ противномъ случаѣ это могъ сдѣлать самъ Вяземскій. «Ибо,—сказано въ инструкціи,—какъ крестьянская продерзость въ своемъ мѣстѣ вредительна, такъ и человѣколюбіе наше терпѣть не можетъ, чтобъ *свыше мѣръ человѣческихъ порабощеніе крестьянамъ, а паче съ мучительствомъ чинимо было*». Если жалобы крестьянъ окажутся справедливыми, а особенно если не доплачиваютъ имъ денегъ, или «сверхъ мѣръ и возможности работать ихъ заставляютъ, а притомъ еще и тиранствуютъ», въ такомъ случаѣ съ виновными должно было поступать, «не лаская и не маня никому»: наказывать ихъ и отрѣшать отъ должности; тѣхъ же, «кто лучшее званіе имѣетъ», держать подъ карауломъ, доносить о нихъ государынѣ и ожидать ея рѣшенія. Въ то же время императрица боялась, чтобы крестьяне «не возмечтали», что они могутъ не выполнять и законныхъ работъ, и поэтому она предписывала наказывать публично только тѣхъ приказчиковъ, которые окажутся виновными въ *крайнемъ безчеловѣчіи*, а если кто виновенъ только въ томъ, что требовалъ отъ крестьянъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, работы, то за такую «неумѣренность» его должно было «секретно» истязать, «не подавая поводу простому народу изъ надлежащаго выдти подобострастія». Такимъ образомъ, отъ крестьянъ хотѣли даже скрыть, что ихъ главные притѣснители также не избѣгли наказанія, лишить ихъ и этого ничтожнаго утѣшенія. Но едва ли можно было утаить отъ крестьянъ наказанія, которыя обыкновенно производились на томъ же заводѣ. За то въ точности было выполнено приказаніе государыни не наказывать по своему усмотрѣнію тѣхъ, кто «лучшее званіе имѣетъ», и, дѣйствительно, мы видимъ, что нѣкоторые изъ самыхъ ненавистныхъ для крестьянъ управителей удержались на своихъ мѣстахъ. Усмиривъ возстаніе, Вяземскій долженъ былъ собрать свѣдѣнія о числѣ приписныхъ крестьянъ, о томъ, какъ далеко они живутъ отъ заводовъ, какъ ихъ назначаютъ на работу, какую плату они получаютъ. Еще болѣе важное значеніе имѣло предписаніе, данное Вяземскому, собрать свѣдѣнія о томъ, *не лучше ли горныя работы производить вольнонаемными работниками*.

Прежде всего Вяземскій пріѣхалъ на воткинскій и ижевской заводы Шувалова. Онъ очень скоро убѣдился, что положеніе приписныхъ крестьянъ было дѣйствительно ужасно. Приписка къ

заводамъ, изъ угожденія знатнымъ властямъ, была сдѣлана въ высшей степени несправедливо. По закону должно было приписывать къ заводамъ цѣлыми селами и деревнями, считая при этомъ не однихъ взрослыхъ, годныхъ къ работѣ, а также стариковъ и дѣтей. Между тѣмъ въ списокъ приписныхъ крестьянъ заносили на выборъ семействами, и то только взрослыхъ рабочихъ, утаивая, что тутъ не идутъ въ счетъ остальныя ревизскія души; такъ-что на самомъ дѣлѣ крестьянъ приписывалось гораздо больше, чѣмъ это было показано. Кромѣ того, время для работъ на заводахъ было распредѣлено такъ дурно, что крестьяне не успѣвали исполнять своихъ земледѣльческихъ работъ. Къ тому же, на работѣ давали такіе большіе уроки, что ни пѣшій, ни конный не могли выработать во весь день того, чтó было назначено, а между тѣмъ плата зачиталась въ подушный окладъ лишь за столько дней, во сколько положено окончить данную работу; поэтому на ижевскомъ и воткинскомъ заводахъ Шувалова оказались «великое неуравненіе и крестьянамъ неудобоносимая тягость». Наконецъ, крестьяне, приписанные къ этимъ заводамъ, жили на разстояніи 400 верстъ и потому теряли много времени на проходъ [1]). Приписывая селенія, не заботились о томъ, чтобы назначать ихъ къ ближайшимъ заводамъ, поэтому случалось, что крестьяне, живущіе весьма недалеко отъ какого-нибудь завода, должны были ходить на совершенно другой, лежащій гораздо дальше отъ этихъ деревень.

Мы уже знаемъ, что крестьяне должны были заработывать на заводахъ подати за всѣ ревизскія души. Плата, опредѣленная при Петрѣ Великомъ, оставалась еще все та же: лѣтомъ (съ 1 апрѣля по 1 октября) пѣшему платили въ день по 5 коп., а конному по 10 коп.; зимою (съ октября по апрѣль) пѣшему по 4 коп., конному по 6 коп. Взявъ число приписныхъ къ камскимъ заводамъ и количество взрослыхъ рабочихъ, мы можемъ разсчитать, сколько податей имъ приходилось заработывать и сколько времени крестьянамъ нужно было употребить на это. При этомъ нужно принять во вниманіе не только время, которое тратилось на путешествіе на заводъ и которое нерѣдко было весьма значительно, но также и то обстоятельство, что крестьяне не могли принести съ собою на заводъ столько хлѣба, чтобы прокормиться во все время работы, и потому должны были его тамъ покупать: деньги на это имъ приходилось зара-

[1]) Все это факты, засвидѣтельствованные именнымъ указомъ 9-го апрѣля 1763 г., который былъ изданъ на основаніи донесеній князя Вяземскаго.

ботывать тутъ же или пріобрѣтать ихъ какимъ-либо другимъ промысломъ.

Къ камскимъ заводамъ было приписано 13,001 душа; изъ нихъ годныхъ къ работѣ было 4560. Такъ какъ за каждую ревизскую душу должно было отработывать по 1 руб. 70 коп., то каждый взрослый рабочій долженъ былъ заработывать 4 руб. 84 коп. Работая безъ лошади, крестьянинъ успѣвалъ сдѣлать это въ 122 дня, считая въ томъ числѣ и праздники, когда не было работы. Приходить на заводъ назначено было 3 раза въ году. При разстояніи въ 400 верстъ, полагая, что пѣшій крестьянинъ могъ пройти въ день 25 в., онъ на проходъ *въ одинъ конецъ* тратилъ 16 дней, т.-е. въ три раза—96 дней, что составитъ, съ прежними 122-мя днями, всего 218 дней. Если предположить, что крестьянинъ будетъ заработывать себѣ пропитаніе (на все время работы и путешествіе) тутъ же на заводѣ, то если даже онъ будетъ проѣдать въ день только 1 к., нужно будетъ проработать еще 78 дней, т.-е. всего 296 дней. Такимъ образомъ, на свои домашнія работы крестьянину оставалось всего на всего только 69 дней.

Можно себѣ представить, въ какомъ ужасномъ положеніи находились крестьяне, которымъ подушный окладъ приходилось отработывать безъ лошади. Между тѣмъ для очень многихъ заводскихъ работъ, какъ, напримѣръ, рубка дровъ, складываніе ихъ въ кучи, жженіе и разломка угля, добываніе руды,—вовсе не нужно было лошадей. Къ тому же, у нѣкоторыхъ крестьянъ лошади были такъ худы, что, какъ мы увидимъ ниже, они готовы были вмѣсто одного коннаго рабочаго поставить двухъ пѣшихъ. Однако большинство крестьянъ исполняли нѣкоторыя работы и на лошадяхъ; этимъ послѣднимъ приходилось работать нѣсколько менѣе, такъ какъ за конную работу платилось дороже и притомъ они тратили менѣе времени на путешествіе. Можно приблизительно принять, что они отработывали свой подушный окладъ въ 200 дней. Такимъ образомъ, для своихъ домашнихъ работъ крестьянину оставалось только 165 дней. Какъ видно, положеніе и этихъ рабочихъ было далеко незавидное. Всего печальнѣе то, что при этихъ порядкахъ крестьяне теряли совершенно непроизводительно много времени на длинные переходы отъ своего дома до завода.

Чтобъ наглядно показать, какъ невыгоденъ былъ и для государства такой способъ уплаты податей, мы переведемъ затрату времени, которую дѣлалъ крестьянинъ для отработыванія подушнаго оклада, на деньги. Изъ всего числа дней, затраченныхъ

на путешествіе и на работу на заводѣ, около половины приходилось на лѣто. Въ такомъ случаѣ, *даже по оцѣнкѣ, установленной еще при Петрѣ В.* и которая не измѣнилась и въ то время, о которомъ мы говоримъ, хотя цѣны на жизненные припасы сильно поднялись [1]), цѣнность времени, ежегодно затрачиваемаго взрослымъ приписнымъ крестьяниномъ, будетъ около 10 рублей. Слѣдовательно, каждый горнозаводскій крестьянинъ затрачивалъ ежегодно на уплату податей не 4 руб. 84 коп., а вдвое болѣе, тогда какъ государство получало только 4 руб. 84 коп.

Мы получаемъ этотъ результатъ по самому умѣренному разсчету. На нѣкоторыхъ заводахъ положеніе крестьянъ было гораздо хуже, такъ какъ имъ нужно было проходить еще болѣе, чѣмъ 400 верстъ.

При разстояніи въ 400 верстъ крестьянинъ *долженъ былъ бы* тратить 200 дней. Между тѣмъ, онъ иногда терялъ еще болѣе времени. При нашемъ разсчетѣ мы предполагали, что заводскія работы идутъ съ правильностію машины, что приказчики и управители не нарушаютъ правилъ, установленныхъ закономъ, что они не вымогаютъ у крестьянъ денегъ, добытыхъ ими кровью и потомъ.

Ничего подобнаго не было въ дѣйствительности. Это до очевидности доказываетъ слѣдствіе, произведенное Вяземскимъ. Мы при этомъ очутимся въ мірѣ взятокъ, безчеловѣчныхъ истязаній, разныхъ притѣсненій на работѣ и т. п. Положеніе приписного крестьянина было настолько безвыходно, что оставалось только одно средство, дѣлавшее жизнь хоть нѣсколько возможною,—постоянное бѣгство съ заводскихъ работъ, хроническія волненія. Правда, намъ уже извѣстенъ неизбѣжный результатъ этого — жестокая расправа; но цѣною этихъ ужасныхъ наказаній покупалась хоть временная свобода!

Вотъ подробности слѣдствія, произведеннаго кн. Вяземскимъ.

Познакомимся сначала подробно съ жизнью крестьянъ на двухъ-трехъ заводахъ, гдѣ ихъ положеніе было особенно дурно, а изъ свѣдѣній о всѣхъ другихъ приписныхъ выберемъ лишь самыя характерныя черты.

Мы видѣли, какъ много времени тратили крестьяне, чтобы дойти до завода не менѣе тяжела была самая работа; но этимъ

---

[1]) Что эта плата была слишкомъ недостаточна, видно уже изъ того, что Евд. Демидовъ, далеко не отличавшійся особеннымъ сердоболіемъ, платилъ значительно болѣе, чѣмъ было назначено правительствомъ.

еще не исчерпывалась чаша ихъ горестей: они должны были безпрестанно давать взятки заводскому начальству, или чтобы отвратить его гнѣвъ и избавиться отъ нестерпимыхъ побоевъ, или чтобы побудить его скорѣе принять сдѣланную работу, хотя послѣднее, по закону, должно было исполняться безъ всякихъ замедленій. Крестьяне вездѣ жалуются на взятки. На камскихъ заводахъ плотничные мастера и подмастерья, подъячіе, куренные мастера и т. д. брали съ нихъ взятки отъ 5 коп. до 2 руб. 40 коп. съ каждаго. Нельзя считать эти суммы совершенно ничтожными. Рабочій день пѣшаго крестьянина, какъ мы уже знаемъ, цѣнился всего въ 5 коп.; слѣдовательно, взять у крестьянина рубль было все равно, что заставить его проработать лишнихъ 20 дней. Кромѣ того, сбирались разные поборы и натурою: то 10 ф. рыбы, другой разъ лошадь, 4 воза сѣна, два пуда солоду, пудъ конопляного сѣмени, пудъ пшеничной муки, «бахилы» (обувь) и даже сани. Одинъ крестьянинъ далъ плотничному мастеру 10 коп. за то, *«чтобъ его при работѣ не билъ»*. На другого мастера крестьяне жаловались, что онъ въ теченіи двухъ лѣтъ не принялъ отъ нихъ около 160 саженъ дровъ и такимъ образомъ время, потраченное на эту работу, не было имъ зачтено. На слѣдствіи, обвиняемые частью совершенно не сознавались, частью говорили, что брали взятки, но меньше, чѣмъ это показывали рабочіе. Однако, Вяземскій призналъ, что улики крестьянъ были достаточно ясны и приговорилъ нѣсколькихъ человѣкъ: подъячаго, мастеровъ, подмастерья, писчика и т. п., къ разнымъ наказаніямъ: плетьми, батогами, палками. Кромѣ того, подьячій долженъ былъ одинъ мѣсяцъ копать землю, одному мастеру запрещено было впредь поручать надзоръ за рабочими.

Но взятки брались тайкомъ, не слишкомъ большими суммами и падали лишь на нѣкоторыхъ крестьянъ. Существовали злоупотребленія, которыя совершались открыто и были гораздо разорительнѣе для крестьянъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне жаловались, что ихъ высылали на заводъ въ такое время, которое было всего нужнѣе для земледѣльческихъ работъ. Управитель Москвинъ сознался, что по «необходимости и требованію заводской нужды» крестьянъ оставляли на заводѣ и въ рабочую пору. Такъ какъ это было противно правиламъ, установленнымъ бергъ-коллегіею, то за то, что Москвинъ удерживалъ крестьянъ на май и августъ мѣсяцъ, кн. Вяземскій приказалъ сверхъ платы, уже зачтенной за это время въ подушный окладъ, взыскать съ заводской конторы еще по 5 к. пѣшему рабочему и по 10 коп.

военному (всего 323 руб.), и также зачесть эти деньги въ уплату податей. Такимъ образомъ, крестьяне, оторванные отъ своихъ земледѣльческихъ работъ и не имѣвшіе возможности засѣять хлѣбъ, или убрать его съ поля, были вознаграждены только тѣмъ, что получили за эти дни двойную плату. А управителю Москвину, прямо нарушившему законъ, былъ только сдѣланъ «за прошедшіе непорядки репримандъ».

Несмотря на то, что заводскіе крестьяне страдали отъ лихоимства приказчиковъ и служителей, что они нерѣдко не получали вполнѣ даже и того ничтожнаго вознагражденія, которое предписывалось закономъ, имъ приходилось еще выносить не только суровыя наказанія, но даже мученія, за которыми нерѣдко слѣдовала смерть. На одного куренного мастера крестьяне жаловались, что онъ ударилъ рабочаго лопатою по головѣ, отчего тотъ на третій день умеръ. Обвиняемый не отрицалъ удара лопатой, но сказалъ только, что онъ былъ нанесенъ не въ голову; хотя свидѣтель подтвердилъ обвиненіе, кн. Вяземскій нашелъ обвиненіе недоказаннымъ, такъ какъ точно не было извѣстно, какъ скоро умеръ крестьянинъ послѣ удара. Особенно много жалобъ было подано на плотиннаго мастера Яковлева. Этотъ Яковлевъ, самымъ варварскимъ образомъ нанося побои палкою, убилъ до смерти трехъ человѣкъ. Хотя на слѣдствіи это подтвердили нѣсколько свидѣтелей, Яковлевъ не признавался. Его подвергли пристрастному допросу (съ плетьми или батогами) [1], но и тутъ онъ стоялъ на своемъ. Тогда Вяземскій нашелъ, что нельзя положиться на показанія свидѣтелей—не только потому, что они казались ему недостаточными, но и потому, что онъ опасался, чтобы крестьяне «*не возмечтали*, что нарядчики ихъ и тогда въ наказаніяхъ ихъ остерегаться должны, когда они лѣнятся или же упрямствовать будутъ, и чрезъ то не подать имъ къ лѣности и ослушанію большаго поводу». На основаніи всѣхъ этихъ соображеній слѣдствіе объ этомъ дѣлѣ было прекращено, Яковлевъ освобожденъ, и онъ только «какъ подозрительный» не долженъ былъ впредь никого наказывать, а о всемъ доносить въ контору.

Итакъ, если какой-нибудь куренной мастеръ возьметъ съ крестьянина взятку въ 20 коп., Вяземскій приказываетъ высѣчь его батогами; если же этотъ мастеръ забьетъ человѣка до смерти, на сцену являются разныя соображенія, и онъ остается безнаказаннымъ. Вяземскій видимо боится затронуть право частныхъ заводчиковъ наказывать государственныхъ крестьянъ, работающихъ у

[1]) Это считалось въ то время не наказаніемъ, а только средствомъ узнать истину.

нихъ на заводахъ. Судя по его рѣшеніямъ, онъ какъ будто опасался, что съ запрещеніемъ заводскому начальству наказывать крестьянъ рухнетъ вся система, которую только и можно было поддерживать страхомъ ужасныхъ истязаній.

На управителя Москвина была жалоба крестьянъ и такого рода. Въ концѣ 1762 г., какъ заявили крестьяне, онъ приказалъ посадить крестьянку Ѳедосью Борисову въ колодничью подъ караулъ, надѣть на нее двѣ большія колодки и заковать въ цѣпь и желѣза. Затѣмъ, по приказанію Москвина, мастеровые Сулицынъ и Прошутинъ, привязавъ къ оковамъ и цѣпи веревку, повѣсили Борисову вверхъ ногами и били смоляными веревками. На слѣдствіи по этому дѣлу Москвинъ показалъ, что Ѳедосью Борисову привели на Воткинскій заводъ крестьяне деревни Черепановки и заявили ему, что ея мужъ и сынъ пришли въ ихъ деревню съ цѣлой толпой крестьянъ, чтобъ принудить ихъ не работать на заводахъ, выгнали изъ домовъ всѣхъ мужчинъ, а женъ ихъ били плетьми и дубинами. Крестьяне, приведшіе Ѳедосью, просили, по словамъ Москвина, посадить ее подъ караулъ, чтобы «смотря на то, мужъ и сынъ ея болѣе не могли на домы ихъ нападать и женамъ ихъ мученія дѣлать». Такимъ образомъ Ѳедосья была схвачена въ качествѣ заложницы партіею порядка. Объ истязаніяхъ Борисовой Москвинъ умолчалъ, а добавилъ только, что арестъ ея подѣйствовалъ на мужа: онъ скоро явился на заводъ и она была отпущена домой. На этотъ разъ Вяземскій призналъ фактъ истязанія доказаннымъ и предписалъ наказать Прошутина и Сулицына плетьми и не опредѣлять ни на какія должности; но нужно замѣтить, что мастеровые дѣйствовали не по своей волѣ, а по приказанію своего начальника Москвина, между тѣмъ онъ самъ не подвергся никакому наказанію.

Прежде всего начались волненія въ 1759—1760 гг. среди крестьянъ, приписанныхъ къ кыштымскому и каслинскому заводамъ Н. Демидова. Это не покажется удивительнымъ, когда мы узнаемъ, въ какомъ ужасномъ положеніи они находились. Предъ нами двѣ челобитныхъ, поданныхъ въ коммиссію Шамшева и Лопатина. Одна отъ жителей Масленскаго острога и Барневской слободы, другая отъ жителей Куяровской, Юрмыцкой и другихъ слободъ. Познакомимся сначала съ этими челобитными, а затѣмъ посмотримъ, какъ отнеслись къ нимъ лица, назначенныя правительствомъ для разсмотрѣнія ихъ жалобъ.

«При заводской работѣ происходило намъ, не точію излишнее противу положенныхъ на насъ подушнаго оклада и оброчнаго провіанта отягощеніе», пишутъ масленскіе и барневскіе крестьяне

въ своей челобитной, «но и самыя мучительныя ругательства. Въ тѣхъ же неуравнительныхъ, тяжкихъ заводскихъ работахъ, его Демидова приказчики и нарядчики, не знаемо за что, немилостиво били батожьемъ и кнутьями, многихъ крестьянъ смертельно изувѣчили, отъ которыхъ побой долговременно, недѣль по шести и по полугоду, не заростали съ червіемъ раны. Отъ тѣхъ же побой изъ молодыхъ въ военную службу за увѣчьемъ въ отдачу уже быть неспособны; а заводскихъ и домашнихъ работъ исправлять не могутъ (а иные померли). А за принесенную въ обидѣ жалобу, дабы и впредь нигдѣ не били челомъ, приказомъ приказчиковъ и нарядчиковъ, навязавъ яко татю на шею колодки и водя по дровосѣкамъ и шалашамъ, а въ заводѣ по улицамъ, по плотинамъ и по фабрикамъ, ременными кнутьями немилосердно злодѣйски мучили, отчего пришли въ увѣчье и въ конечное убожество, что многіе и домовъ своихъ лишились.

«Во время же той бытности нашей въ дровосѣкѣ», читаемъ далѣе въ той же челобитной, «надсмотрщиковъ и приказчиковъ приказомъ нами оставливаны во время срубки дровъ пни, вышиною отъ земли въ четверть аршина, а опослѣ оные объявили, якобы тотъ пень покинутъ высокъ и за то для своей корысти и лакомства тѣхъ крестьянъ, положа на пень, сѣкли-жъ плетьми, приговаривая при томъ: твой-де пень каковъ есть не гладокъ и когда-де его до земли загладишь брюхомъ, то-де и сѣчь перестанемъ». Затѣмъ въ челобитной перечислено 12 человѣкъ крестьянъ, засѣченныхъ приказчиками до смерти.

Кромѣ того, крестьяне собрали подробныя свѣдѣнія о томъ, кто изъ нихъ и какимъ образомъ были наказаны. Такъ составился длинный списокъ крестьянъ Масленскаго острога и Барневской слободы, жестоко наказанныхъ приказчиками Демидова. Тутъ перечислено поименно 170 человѣкъ, съ обозначеніемъ наказаній, которымъ они подверглись. Къ этому списку есть дополненіе, гдѣ названо еще 45 человѣкъ. Крестьяне были приписаны къ заводамъ Демидова только въ 1757 г., а челобитная была подана въ январѣ 1762 г., слѣдовательно эти истязанія были произведены менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ; но это еще не все: здѣсь перечислены только крестьяне масленскіе и барневскіе, а мы имѣемъ и реэстръ куяровскихъ, юрмыцкихъ, чубаровскихъ и угецкихъ крестьянъ, наказанныхъ въ 1757 — 1760 г., гдѣ находимъ еще 113 человѣкъ. Такимъ образомъ общая сумма истязаемыхъ на двухъ заводахъ, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, дойдетъ до ужасной цифры — 328 человѣкъ. Реестры эти представляютъ кровавую лѣтопись, которая рисуетъ намъ жизнь этихъ несчаст-

ныхъ крестьянъ во всей ея ужасающей дѣйствительности, и они лучше всякихъ разсужденій могутъ представить воображенію читателей картину заводской расправы въ началѣ второй половины XVIII вѣка. Ради ихъ важности мы должны сдѣлать изъ этихъ документовъ нѣсколько извлеченій. Возьмемъ хоть списокъ наказанныхъ куяровскихъ, юрмыцкихъ и другихъ крестьянъ. Вотъ, напр., подвиги *приказчика Ивана Селезнева*: «крестьянъ Силу Оншина и Степана Рожина въ 1757 г. въ октябрѣ мѣсяцѣ въ кыштымскомъ заводѣ за то, чтобы они о свободѣ ихъ и всѣхъ находящихся въ Велдинской канальной копкѣ крестьянъ за холодностью отъ работъ не просили, при собраніи народа у каналы немилостиво батожьемъ сѣкъ. Петра Фляжкина въ 1757 г. въ Кыштымскомъ заводѣ въ конторѣ держалъ на цѣпи 7 дней и незнамо за что́ батожьемъ смертельно сѣкъ и волосы на головѣ ругательски обрилъ и отъ тѣхъ побой скорбѣлъ одинъ годъ съ половиною.—Якова Плотникова въ 1758 г. въ Кыштымскомъ заводѣ въ конторѣ, незнаемо за что, немилостивно палкой билъ, голову проломилъ до крови, ногами въ сапогахъ топталъ, и оттого лежалъ 3 недѣли боленъ»... (Пропускаемъ много подобныхъ же фактовъ)... «Симона Нѣмкова въ 1759 г., въ вешнее время, наѣхавъ на дорогѣ у озера Иртяшу, невѣдомо за что, конной плетью немилостивно и безчеловѣчно стегалъ и отъ тѣхъ побой лежалъ боленъ одинъ годъ. — Ѳедора Бурдукова въ 1759 г. въ вешнее время, въ кыштымской конторѣ, разболоча въ одну рубаху, палкою немилостивно билъ. — Матвѣя Жидкова и Ивана Мосѣева въ 1759 г. въ вешнее время въ конторѣ-жъ, незнаемо за что, кнутьями немилостиво сѣкъ. — Алексѣя Колотилова въ 1760 г. мая въ разныя числа, за отпускъ изъ подъ смотрѣнія отца своего Луку съ Азяшскаго заводу и съ работы при Кыштымскомъ заводѣ, заколотя въ смыкъ, предъ конторой батоги немилостиво сѣкъ, и въ то число, заковавъ въ кандалы, въ молотовой кришной работѣ принужденіемъ его Селезнева несходно за малую плату работалъ»... и т. д. Таковы *лишь нѣкоторые* изъ подвиговъ *одного* приказчика Селезнева! Ниже мы увидимъ, какому ничтожному наказанію подвергся онъ за всѣ свои звѣрства. Но Селезневыхъ было много.

Въ іюнѣ 1760 г. масленскіе и барневскіе крестьяне послали трехъ челобитчиковъ въ Оренбургъ съ жалобою на тяжесть работъ и напрасные побои, результатомъ которыхъ было увѣчье или даже смерть. Исетская провинціальная канцелярія не дала имъ паспорта и потому на пути въ бѣлозерской крѣпости капитанъ Аничковъ арестовалъ ихъ, какъ бѣглыхъ. Выдержавъ ихъ

нѣкоторое время подъ карауломъ, онъ, наконецъ, отправилъ ихъ въ Оренбургъ. Тамъ они подали челобитную въ губернскую канцелярію; но въ это самое время въ Оренбургъ пріѣхалъ и приказчикъ Демидова, Яковъ Широковъ, очевидно, съ цѣлью похлопотать, чтобы жалобамъ крестьянъ не было дано дальнѣйшаго хода. Нужно думать, что онъ успѣлъ задобрить кого слѣдуетъ. По словамъ крестьянъ, челобитчиковъ посадили въ тюрьму, продержали тамъ 9 дней, а потомъ, заковавъ въ кандалы, и надѣвъ на шею рогатки, высылали на каторжную работу. Тутъ они проработали три недѣли и только въ концѣ декабря, т.-е. черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Оренбургъ, ихъ освободили изъ-подъ караула, возвратили имъ ихъ челобитную и отпустили домой.

Также безуспѣшны были и жалобы крестьянъ Куяровской, Юрмыцкой и другихъ слободъ. Они сначала пытались смягчить сердце самого Ник. Демидова. Когда онъ въ 1759 г. былъ на заводѣ, крестьяне обратились къ нему съ просьбою, чтобъ контора не налагала на нихъ лишнихъ работъ.

«Просите о томъ въ сибирской губернской канцеляріи», отвѣчалъ имъ Демидовъ, «она за ваши слободы меня обираетъ».

Крестьяне отправили челобитчикомъ Козьму Галишева.

«Чего вы не просили въ главной канцеляріи» (т.-е. въ канцеляріи главнаго правленія заводовъ)? спросили его тамъ.

Галишевъ отвѣчалъ, что они сдѣлали, какъ приказалъ имъ Демидовъ. Тогда его отправили вмѣстѣ съ другими двумя крестьянами въ Екатеринбургъ въ канцелярію главнаго правленія. Въ то время тамъ былъ тотъ же служитель Демидова Широковъ, который подалъ жалобу на крестьянъ. По словамъ приписныхъ, онъ съ угрозами понуждалъ Галишева подписаться, что они согласны отработывать на заводѣ по 1 р. 80 к. съ души, а потомъ даже давалъ ему сто рублей, чтобы онъ не просилъ въ канцеляріи. Однако, по мнѣнію крестьянъ, «на тѣ просьбы и деньги за великими несносными обидами сдаться не надлежитъ, да и правамъ вашего императорскаго величества въ противность». Тогда Широковъ, какъ видно, стакнулся съ приказными чинами. Вмѣстѣ съ повытчикомъ Солонининымъ онъ допрашивалъ Галишева и его товарищей ночью въ какихъ-то «потаенныхъ, а не судебныхъ мѣстахъ», стращая сѣчь линками и кошками, а затѣмъ ихъ посадили на гауптвахту, будто бы за ложное прошеніе. Вслѣдъ затѣмъ арестовали въ Юрмыцкой слободѣ старосту Уланова, сотника Поластрова и др. крестьянъ. «И всему тому нашему прошенію», пишутъ крестьяне въ челобитной, «главная

канцелярія ни въ чемъ не повѣрила и брала съ насъ немалыя взятки, а именно сто рублевъ, да повытчикъ Солонининъ на повытье себѣ изъ-за пристрастія взялъ 50 р., а правосудія оная канцелярія никакого не учинила, а только то учинила правосудіе и защищеніе отъ разоренія», иронически добавляютъ крестьяне, «не разобравъ нашихъ прошеній, наказывали безвинно, секретарь Алексѣй Порѣцкій просителя Галишева вмѣсто кнута плетьми», да кромѣ него плетьми еще 5 человѣкъ. Къ тому же, во время наказанія надъ крестьянами еще издѣвались:

«Не будете ли и далѣе суда просить?» говорили имъ, и прибавляли съ видомъ сожалѣнія: «жаль вашихъ бородъ, а надобно ихъ обрить (вѣроятно просители были раскольники) и послать васъ въ ссылку».

Послѣ наказанія, крестьянъ, заковавъ ихъ въ желѣзныя кандалы, отослали на Кыштымскій заводъ. Здѣсь у нихъ отняли ихъ собственныя деньги (болѣе 10 р.) и, кромѣ того, приказчикъ Селезневъ наказалъ Галишева на базарной площади «допросными палками»; обрили имъ головы и опять посадили подъ караулъ, сковавъ по рукамъ и по ногамъ. Къ одному изъ арестованныхъ пріѣхала его жена съ хлѣбомъ и харчами. Тотъ же приказчикъ Селезневъ заставилъ ее въ оковахъ въ теченіи 10 недѣль работать за небольшую плату на собственной лошади. Наказанныхъ крестьянъ точно также заставилъ работать въ молотовыхъ фабрикахъ. Крестьяне добавляютъ въ своей челобитной, что служитель Демидова Широковъ приказывалъ имъ подписаться, что они не по принужденію, а добровольно работали съ 1757 по 1759 г., и за то, будто бы, сулилъ Галишеву тысячу руб., но, по мнѣнію крестьянъ, этихъ денегъ «безъ подлиннаго разбору и правосудія взять не надлежитъ». Итакъ, вотъ чѣмъ окончились всѣ попытки крестьянъ мирнымъ путемъ добиться облегченія своего положенія. Ясно, что имъ ничего не оставалось послѣ этого, какъ рѣшиться на открытое сопротивленіе.

Произведя слѣдствіе по жалобамъ этихъ приписныхъ крестьянъ, Лопатинъ и Шамшевъ представили свое мнѣніе и извлеченіе изъ дѣла кн. Вяземскому. Посмотримъ прежде всего, какъ онъ отнесся къ жалобамъ крестьянъ на то, что многіе изъ ихъ товарищей умерли отъ жестокихъ наказаній. Масленскіе и барневскіе крестьяне обвиняли приказчика Селезнева въ томъ, что отъ его жестокаго наказанія батогами умеръ крестьянинъ Павинъ. Вяземскій рѣшилъ, что наказаніе не могло быть причиною смерти Павина, такъ какъ онъ работалъ еще нѣсколько дней и умеръ только на третій день по пріѣздѣ домой. Точно

также онъ нашелъ недоказаннымъ, чтобы крестьянинъ Курочкинъ, умершій на десятый день послѣ наказанія батогами по приказу приказчика Широкова, умеръ дѣйствительно вслѣдствіе наказанія. Крестьянинъ Меншиковъ умеръ чрезъ три недѣли послѣ того, какъ выборный Уваровъ высѣкъ его консвою плетью; Вяземскій рѣшилъ, что «умереть ему отъ тѣхъ побой не можно». Крестьяне Сѣдинкинъ и Огарковъ умерли также послѣ наказанія консвою плетью, первый черезъ 4 недѣли, а второй на седьмой день. Вяземскій призналъ недоказаннымъ, что смерть ихъ произошла отъ наказанія, да притомъ же нигдѣ не было заявлено о томъ въ присутственныхъ мѣстахъ. Точно такъ же отнесся онъ къ смерти трехъ другихъ крестьянъ. Если обвиняемые приказчики подъ присягою показывали, что они не наказывали умершихъ крестьянъ, Вяземскій находилъ, что этого достаточно для ихъ оправданія. Между тѣмъ крестьянамъ онъ постоянно ставилъ на видъ, что они не жаловались гдѣ слѣдуетъ. Точно такъ же взглянулъ Вяземскій на подобныя жалобы чубаровскихъ, юрмыцкихъ и другихъ крестьянъ. Впрочемъ, это и не удивительно послѣ того, какъ на камскихъ заводахъ онъ признавалъ недоказаннымъ, что смерть произошла отъ наказанія, если даже крестьянинъ умиралъ въ тотъ же день и это подтверждалось нѣсколькими свидѣтелями.

Однако нельзя же было отрицать, что крестьяне подвергались невыносимымъ истязаніямъ, и дѣйствительно Вяземскій обвинилъ многихъ приказчиковъ, служителей и мастеровъ за то, что они навѣшивали приписнымъ рабочимъ полѣно на шею, обривали у нихъ половину головы и, наконецъ, брали съ нихъ взятки. Одинъ изъ служащихъ былъ наказанъ три раза плетьми, 12-ть человѣкъ наказаны по одному разу плетьми, а одинъ былъ навсегда отрѣшенъ отъ должности и долженъ былъ постоянно работать вмѣстѣ съ крѣпостными. Что касается едва ли не самаго виновнаго, приказчика Селезнева, то, несмотря на признаніе за нимъ многихъ преступленій, онъ отдѣлался весьма легко. За то, что уѣхавшимъ съ завода крестьянамъ, онъ, кромѣ наказанія, остригъ половину головы и двухъ человѣкъ заставлялъ работать въ оковахъ; за то, что, когда крестьяне рыли каналъ, онъ назначалъ такіе большіе уроки, что ихъ доработывали на другой день; за то, что билъ батогами нѣсколькихъ крестьянъ, виновныхъ въ отправленіи челобитчиковъ, — за все это Селезневъ былъ только посаженъ на недѣлю подъ караулъ на хлѣбъ и на воду и затѣмъ обязанъ подпиской, что впредь «такихъ наглыхъ ругательствъ» крестьянамъ чинить не будетъ.

Болѣе были удовлетворены крестьяне въ своихъ жалобахъ на различныя притѣсненія ихъ на работѣ, недоплату денегъ, напрасную потерю времени и т. п. Вотъ что́, напримѣръ, разсказываютъ жители Куяровской, Юрмыцкой и др. слободъ въ своей челобитной. Въ 1759 г. кыштымская контора приказала имъ выслать на заводъ рабочихъ рубить дрова. Запасшись хлѣбомъ и другими харчами, они отправились въ путь, но, не доѣхавъ 70 верстъ до Кыштымскаго завода, они встрѣтили заводскаго служителя, который приказалъ крестьянамъ Чубаровской и Угецкой слободъ отправиться вмѣсто Кыштымскаго на Шайтанскій заводъ. Такимъ образомъ они потеряли нѣсколько лишнихъ дней. Придя туда, они увидѣли, что имъ еще не назначено никакой работы и потеряли тутъ безъ дѣла болѣе недѣли. Отсюда ихъ опять вернули на Кыштымскій заводъ по самому дурному весеннему пути. Такъ какъ везти съ собою весь взятый хлѣбъ и припасы было невозможно, то они не мало побросали ихъ на дорогѣ. Отъ усталости и голода у нихъ пало много лошадей, другія потонули вслѣдствіе половодья. Между тѣмъ жители Куяровской и Юрмыцкой слободъ, по приказанію встрѣтившаго ихъ служителя, прямо проѣхали на Кыштымскій заводъ, но тоже прожили безъ дѣла 8 дней. Потомъ однихъ заставили возить желѣзо, а другихъ отправили на Шайтанскій заводъ. Тамъ опять пришлось ждать работы, словомъ, это было, по выраженію крестьянъ, «напрасная мучительная волокита». Вяземскій нашелъ эту жалобу совершенно правильною и за дни, потерянные безъ работы, или потраченные на переходъ съ одного завода на другой, приказалъ уплатить всѣмъ по 4, по 5 коп. за день, такъ что всего вышло 300 р.

Итакъ, мы видимъ, что, при всей тяжести обязательной заводской работы, заводское управленіе дѣлаетъ ее еще тяжелѣе для крестьянъ всевозможными притѣсненіями и надувательствами. При такимъ условіяхъ ихъ жизнь была дѣйствительно ужасна, и мы не находимъ никакого преувеличенія въ слѣдующихъ словахъ одной изъ челобитныхъ приписныхъ къ заводамъ Никиты Демидова: «И тако по вышеписаннымъ къ заводамъ самотягчайшимъ употребленіямъ отлучкою домовъ своихъ въ заводскія работы употреблялись, а при домѣхъ оставались только однѣ жены съ малолѣтними дѣтьми, со старыми, дряхлыми и работать не могущими людьми, кои не токмо подъ посѣвъ въ вешнее время яроваго и въ осеннее озимаго землю вспахать и хлѣба посѣять, но и посѣянный хлѣбъ съ поль съ превеликою нуждою едва исправляться могли, а у прочихъ за малопашествомъ и по не-

достатку за несмотрѣніемъ и скотомъ весь поѣденъ... А многіе, какъ маломочные, такъ средніе и прочіе крестьяне, и не заработавъ своихъ окладовъ изъ году въ годъ изъ тѣхъ заводовъ за дальностью не выходя, домишковъ своихъ лишились, покинули впустѣ».

Положеніе крестьянъ, приписанныхъ къ Авзяно-петровскому заводу Евд. Демидова, было нисколько не лучше. Читатели помнятъ, какъ упорно, почти непрерывно волновались они съ 1755 по 1763 г.; на это, какъ мы сейчасъ увидимъ, было не мало серьёзныхъ причинъ.

Всего больше жалобъ возбудилъ повѣренный Козьмы Матвѣева, а потомъ и Евд. Демидова—Василій Кулалеевъ, который жилъ не на заводѣ, а въ приписныхъ селеніяхъ, и наблюдалъ за аккуратною высылкою рабочихъ. Крестьяне показали на слѣдствіи, что въ 1758 г., онъ отправилъ крестьянъ Барандукова и Бызина на Авзяно-петровскій заводъ, а потомъ скоро и самъ пріѣхалъ туда съ повѣреннымъ Мануйловымъ. Барандукову, сверхъ оковъ, онъ надѣлъ на шею огромные желѣзные рога, Бызина заковалъ въ желѣза и жестоко наказалъ кошками. Потомъ послалъ Барандукова съ рогами на шеѣ на рудникъ въ самую трудную работу, разбивать камень и желѣзную руду, а Бызина на точильную гору. Барандуковъ былъ боленъ тамъ два мѣсяца и даже въ это время съ него не снимали оковъ и рогатки, въ которой не было никакой возможности спать. Кулалеевъ на слѣдствіи показалъ, что онъ отправилъ Барандукова и Бызина вмѣстѣ съ девятью другими крестьянами за ослушаніе въ казанскую губернскую канцелярію. Тамъ ихъ наказали плетьми, а на заводъ онъ ихъ отослалъ въ кандалахъ по приказанію Козьмы Матвѣева. Пріѣхавъ на заводъ, онъ сѣкъ Барандукова за то, что тотъ возмущалъ поселенныхъ и партичныхъ крестьянъ и подговаривалъ бѣжать съ завода. Бызина наказалъ плетьми за ослушаніе, заковалъ его въ оковы и остригъ половину головы и бороды, чтобы онъ не ушелъ съ завода. Въ томъ, что онъ посылалъ Барандукова работать, не снимая роговъ, онъ заперся. Однако кн. Вяземскій нашелъ его виновнымъ въ томъ, что онъ билъ плетьми этихъ двухъ крестьянъ, а главное въ томъ, что онъ позволилъ себѣ ругаться надъ послѣднимъ, остригши ему половину головы. Если бы даже эти крестьяне дѣйствительно были намѣрены сдѣлать вторичное возмущеніе, разсуждаетъ Вяземскій въ своемъ рѣшеніи, чего однако изъ дѣла не видно, то и тогда Кулалеевъ долженъ былъ не самъ производить слѣдствіе, а отослать виновныхъ въ надлежащее судебное мѣсто. Въ слѣ-

дующемъ году Кулалеевъ билъ «смертными побоями», «распетля за руки и за ноги», веревками крестьянку Арину Иванову за то, что она продала проходящимъ рабочимъ принадлежавшую ей мужскую одежду, на чтб, какъ призналъ и Вяземскій, она имѣла полное право. На повѣреннаго Мануйлова жаловались, что въ 1757 г. онъ гонялъ сквозь строй прутьями одного крестьянина, а въ слѣдующемъ году высѣкъ ямскими кнутьями 24 крестьянъ. Вяземскій приказалъ-было посадить Мануйлова на двѣ недѣли подъ караулъ на хлѣбъ и на воду, но оказалось, что его давно нѣтъ на заводѣ и дѣло о немъ было, какъ видно, предано волѣ Божіей. Въ 1760 г. управитель Лоханинъ, призвавъ въ полночь одного крестьянина въ контору, наказалъ его такъ, что тотъ на другой день умеръ и былъ зарытъ по приказу этого управителя. Лоханина также не было на заводѣ послѣ продажи его Демидову. Въ 1759 г. по приказанію Кулалеева жестоко наказали палкою крестьянина Сычева за то, что онъ вынесъ на огородъ золу съ углями, отчего загорѣлся его домъ, потушенный, впрочемъ, безъ всякаго вреда. Во время этого наказанія самъ Кулалеевъ стоялъ съ обнаженною шпагою и приказывалъ бить сильнѣе. Послѣ того Сычевъ заболѣлъ, не могъ ничего работать, а черезъ два мѣсяца умеръ. Крестьяне, въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, ссылались на того, кто, по приказанію Кулалеева, наказывалъ Сычева, и еще другого свидѣтеля. Кулалеевъ же не слался на нихъ потому, что «всѣ приписные крестьяне на него челобитчики». Но, впрочемъ, онъ и самъ не отрицалъ того, что приказывалъ порядочно бить Сычева палкою. Кн. Вяземскій не только не призналъ, что смерть Сычева произошла отъ неумѣреннаго наказанія, но еще обвинилъ крестьянъ-челобитчиковъ за ложное будто бы обвиненіе Кулалеева въ смерти Сычева и приговорилъ ихъ самихъ къ наказанію, о чемъ скажемъ ниже.

Какъ ни тяжелы были для крестьянъ всѣ эти истязанія, но несомнѣнно еще тяжелѣе было для нихъ то, что владѣльцы Авзяно-петровскаго завода стали переселять ихъ на свои заводы. На слѣдствіи крестьяне показали: «перевелъ изъ разныхъ жительствъ крестьянъ, по приказу Демидова, управитель Кулалеевъ съ женами и съ малолѣтными дѣтьми, *въ томъ числѣ которые къ заводамъ и не приписаны*, на Авзяно-петровскій заводъ, причемъ принуждены они оставить свои домы и скотъ, также и въ землѣ посѣянный хлѣбъ, да и послѣднихъ крестьянъ обѣщалъ всѣхъ на заводъ перевести безъ остатку». Кулалеевъ отвѣчалъ, что крестьяне были переведены на заводъ прежними владѣльцами на

основаніи 12-го пункта бергъ-регламента, который мы привели уже во введеніи къ нашей статьѣ. Самъ же Кулалеевъ, по его словамъ, самовольно крестьянъ не переводилъ, а только подполковникъ Левашевъ выслалъ по прежнему на заводы тѣхъ крестьянъ, которые были переведены прежними владѣльцами на основаніи бергъ-регламента, а также и имъ, Кулалеевымъ, по приказу Матвѣева. Такихъ было 245 семей, и все это были приписные, бѣжавшіе съ заводовъ на прежнія жилища. Кромѣ того, послѣ продажи завода Евд. Демидову, онъ, Кулалеевъ, выслалъ 174 семьи, которыя, переведенныя по приказу Матвѣева, вновь бѣжали.

Весьма важно было, какъ отнесется къ этому дѣлу князь Вяземскій. Тутъ отъ его рѣшенія должно было зависѣть, будутъ ли переселенныя заводчиками семьи возвращены на свои прежнія жилища и останутся государственными приписными крестьянами, которые должны будутъ лишь на время приходить на заводскія работы, или ихъ оставятъ на заводѣ постоянными рабочими и они перейдутъ въ то состояніе, которое въ началѣ XIX вѣка было обозначено новымъ терминомъ: «поссесіонные крестьяне». Коммиссія Шамшева и Лопатина въ своемъ докладѣ не высказала своего мнѣнія по этому вопросу, а только выписала относящіеся сюда указы. Вяземскій нашелъ, что указы эти не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, какъ долженъ быть рѣшенъ этотъ вопросъ. Въ сенатскомъ указѣ 18 ноября 1753 г., которымъ было дозволено строить Авзяно-петровскій заводъ, велѣно было приписать крестьянъ, на основаніи бергъ-регламента и указа 1736 г., и ничего не было сказано о переводѣ приписныхъ крестьянъ на заводы. Упомянувъ объ извѣстномъ уже намъ постановленіи бергъ-регламента, Вяземскій говоритъ: «и по сему указу, означенному ассесору Матвѣеву о переселеніи по собственному произволенію приписныхъ крестьянъ повелѣнія давать не надлежало, ибо то не отдано на собственное заводчиковъ изобрѣтеніе, а должно было просить въ бергъ-коллегіи не только повелѣнія, но и назначиванія, сколько именно перевесть оная коллегія за благо разсмотритъ, какъ въ томъ указѣ именно повелѣвается давать по разсмотрѣнію». Итакъ, по мнѣнію самого Вяземскаго, Козьма Матвѣевъ самовольно перевелъ крестьянъ на заводъ; крестьяне жаловались на это и бѣгали съ завода, желая возвратиться на старое пепелище. Очевидно, имъ слѣдовало это дозволить. Но онъ не рѣшился взять на себя отвѣтственности за такую мѣру, и донесъ объ этомъ императрицѣ, а въ ожиданіи ея резолюцій приказалъ понудить приписныхъ крестьянъ, пере-

селенныхъ на заводъ, по-прежнему ходить на работу. Неизвѣстно, какъ императрица рѣшила этотъ вопросъ.

Кулалеевъ относительно переселенія все ссылался на приказаніе Козьмы Матвѣева; оказывается однако, что онъ дѣйствовалъ нерѣдко и по собственному произволу. Крестьяне показали, что онъ перевелъ на заводъ всѣхъ жителей деревни Яжбухтиной, съ женами и дѣтьми. Кулалеевъ отвѣчалъ, что всѣ крестьяне этой деревни, «какъ приписные, такъ и неприписные», переведены на заводы по приказанію Матвѣева. Справились съ ордеромъ Матвѣева. Оказалось, что въ немъ было предписано перевести деревню Сабанчину, а о Яжбухтиной не упоминалось.

Видя, что самовольное переселеніе цѣлой деревни, даже безъ приказа Матвѣева, сошло съ рукъ, Кулалеевъ задумалъ, наконецъ, позаботиться и о себѣ. Въ 1759 г. онъ взялъ изъ села Булдыря крестьянина Спиридона Иванова, вовсе неприписаннаго къ заводамъ, и въ слѣдующемъ году, безъ всякаго «указнаго дозволенія и безъ мірского отпуска», давъ ему отъ себя паспортъ, отправилъ его въ свою собственную деревню, въ переяславскій уѣздъ. Такимъ образомъ, онъ безъ всякой церемоніи обратилъ государственнаго крестьянина въ крѣпостного, и жители деревни Булдыря даже продолжали платить за него подати. Если это могъ сдѣлать какой-нибудь прапорщикъ Кулалеевъ, то какія злоупотребленія сходили съ рукъ такимъ крупнымъ заводчикамъ, какъ Шуваловъ и Демидовы! На слѣдствіи, въ коммиссіи Лопатина, Кулалеевъ не могъ даже опровергать этого факта, немедленно сознался въ немъ и заявилъ, что уже велѣлъ поскорѣе возвратить этого крестьянина на прежнее жилище. Коммиссія обязала его подпискою, что крестьянинъ будетъ возвращенъ въ указанный срокъ. Однако, когда въ декабрѣ 1762 г. коммиссія Шамшева и Лопатина вновь вспомнила о Спиридонѣ Ивановѣ, то Кулалеевъ заявилъ, что не знаетъ, возвратился ли онъ назадъ. Вяземскій рѣшилъ взыскать съ него тѣ подати, которыя вносили крестьяне за своего отсутствующаго товарища, а самому Иванову Кулалеевъ долженъ былъ заплатить за работу по 5-ти рублей въ годъ (т.-е. по $1^1/_2$ коп. въ день).

Положеніе приписныхъ крестьянъ, переселенныхъ на Авзянопетровскій заводъ, было незавидно и въ томъ отношеніи, что у нихъ совершенно не было земли, годной для пашни. По показанію приказчика Красноглазова, переселеннымъ крестьянамъ не было отведено земли «по-десятинно на дворъ», а дозволено было пахать пашню и городить огороды, гдѣ кто найдетъ мѣсто способнѣе и позволено было разработывать земли, сколько захо-

чешь. Земля подъ заводомъ принадлежала не Демидову, а была взята на аренду въ 1757 г. у башкирцевъ уфимскаго уѣзда, на 30-ть лѣтъ. Заарендованная земля, по словамъ Красноглазова, тянется, примѣрно, въ длину и ширину верстъ по 100. Повидимому, чего же лучше: земли въ волю,—распахивай сколько хочешь! Но крестьяне своими показаніями совершенно разбиваютъ эту иллюзію. Они говорятъ, что хотя дѣйствительно имъ было позволено заводить, гдѣ они захотятъ, пашни и огороды, но близко отъ завода нѣтъ мѣстъ, годныхъ для пашенъ, а все гористыя и усѣянныя камнями. Верстъ за 10-ть отъ завода можно отыскать нѣсколько земли, удобной для пашни, но тамъ другая бѣда: за нее башкирцы требуютъ платы, а иначе пахать не позволяютъ. Подъ огороды переселенные крестьяне пашутъ землю, но только съ большимъ трудомъ, выбирая камень; сѣнныхъ же покосовъ можно найти довольно, хотя иногда и далеко отъ жилищъ. Такъ какъ Красноглазовъ возражалъ, что крѣпостные крестьяне Демидова, переселенные имъ на заводъ, не чувствуютъ недостатка въ землѣ, и что совершенно невѣроятно, чтобы башкирцы требовали платы, то для рѣшенія этого спорнаго вопроса коммиссія послала нарочнаго. Когда онъ осматривалъ эту землю, къ нему выѣхало человѣкъ 15-ть башкирцевъ и сказали, что пахать эту землю заводскимъ крестьянамъ они не дадутъ; а потомъ ихъ старшина, башкирецъ Татлымбетъ Алымбетовъ, самъ явился въ коммиссію и заявилъ, что они отдавали Демидову не пахатныя земли, а только сѣнные покосы и лѣса для рубки дровъ. Башкирцы, вѣроятно, опасались, что если начнутъ распахивать ихъ землю, то русское населеніе со временемъ будетъ все разростаться и совершенно вытѣснитъ ихъ самихъ. Красноглазовъ возражалъ, что въ записи, по которой земля отдана въ кортому, вовсе нѣтъ запрещенія заводить пашню. Какъ бы ни окончился этотъ споръ, во всякомъ случаѣ крестьяне, переселенные на авзяно-петровскій заводъ, были правы, говоря, что до тѣхъ поръ у нихъ не было пашенъ. Вяземскій донесъ императрицѣ какъ объ этомъ спорѣ съ башкирцами, такъ и о томъ, что заводчики не старались прежде дать крестьянамъ мѣста для пашни, а между тѣмъ переводили ихъ на заводъ. А пока онъ велѣлъ «въ случаѣ недостатка въ пропитаніи переселенныхъ крестьянъ и малолѣтнихъ всѣхъ довольствовать заводской конторѣ, яко всему тому причинствующей».

Заводскіе приказчики какъ будто и не знали о томъ, что переселенные крестьяне не имѣютъ пахатной земли; между тѣмъ заводская контора, быть можетъ, даже видѣла въ этомъ свою

выгоду. На эту мысль наводятъ слова человѣка, хорошо знавшаго этотъ край,—Дмитрія Васильевича Волкова, бывшаго оренбургскимъ губернаторомъ. Вотъ что́ писалъ онъ въ 1765 г. въ горную коммиссію: заводчики стараются только о томъ, чтобы выковать больше желѣза «и потому на домашнее исправленіе крестьянъ не оставляютъ ни малаго времени. Я многихъ знаю, кои за правило почитаютъ, дабы ихъ заводскіе крестьяне совсѣмъ домостройства не имѣли, а единственно отъ заводской работы питались, и сего правила тѣмъ прилежнѣе держатся, что въ тожъ время и сугубую отъ того пользу получаютъ». Такъ какъ крестьяне не могутъ привезти съ собою достаточнаго количества съѣстныхъ припасовъ и нѣкоторыхъ предметовъ первой необходимости, то «заводчики, не токмо хлѣбъ, но и обувь и одежду сперва на себя скупаютъ, а потомъ крестьянамъ своимъ съ возвышеніемъ цѣны продаютъ, которой великой прибыли они совсѣмъ не имѣли бы, еслибъ у ихъ крестьянъ собственное хлѣбопашество и домостроительство было». Хотя Волковъ говоритъ это собственно о владѣльцахъ заводовъ, находящихся близъ Екатеринбурга, но его слова вполнѣ примѣняются и къ другимъ мѣстностямъ Урала. Такъ и на авзяно-петровскомъ заводѣ мы встрѣчаемся съ жалобою крестьянъ, что заводская контора продавала имъ хлѣбъ дороже, чѣмъ пріобрѣтала сама.

Самая главная причина, почему работать на авзяно-петровскомъ заводѣ было тяжелѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ, заключается въ томъ, что крестьяне жили чрезвычайно далеко: самыя близкія деревни находились отъ него на разстояніи 490 верстъ, а самыя дальнія 688 верстъ. На проходъ въ одинъ конецъ, по показанію какъ крестьянъ, такъ и самого Кулалеева, приходилось тратить отъ 4-хъ до 5-ти недѣль. Особенно тяжелъ былъ такой путь зимою; крестьяне указывали на то, что на дорогѣ 4 человѣка замерзло, а 5 пропало безъ вѣсти.

Изъ всего числа приписныхъ высылалась на заводъ сначала половина, а въ 1758 г. треть крестьянъ. Изъ переселенныхъ крестьянъ также треть высылалась на такъ-называемыя, «партичныя» работы, т.-е. исполняемыя приписными; остальныя же двѣ трети переселенныхъ крестьянъ занимались другими заводскими работами.

Крестьяне, какъ мы уже знаемъ, приписывались къ заводамъ для отработыванія подушнаго оклада. Обыкновенно рабочая плата не выдавалась крестьянамъ на руки, а зачиталась въ уплату подушной подати, которую и вносили за нихъ заводчики. На авзяно-петровскомъ заводѣ это дѣлалось иначе. Приписные кре-

стьяне, приходящіе на заводы, получали плату на руки и сами платили за себя подати. За переселенныхъ же на заводъ платила подати заводская контора, за исключеніемъ первой половины 1761 г., когда крестьяне уѣхали съ завода и сами заплатили за себя подушныя.

Въ своей челобитной крестьяне говорятъ, что «невольная, порабощенная заводская работа каждому человѣку въ годъ болѣе 20 руб. становится». Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, если приписнымъ къ камскимъ заводамъ, которые жили гораздо ближе, работа на заводахъ обходилась по казенной оцѣнкѣ труда около 10 руб. На авзяно-петровскій заводъ, говорили на слѣдствіи крестьяне, путь далекій и трудный; нужно много издерживать на кормъ лошадямъ. У кого лошадей не было, приходилось ихъ покупать, а если у кого и были, да плохія, то при Козьмѣ Матвѣевѣ съ такими на заводъ не принимали и заставляли мѣнять двухъ своихъ лошадей на одну хорошую. Этого не отрицалъ и самъ Кулалеевъ: онъ сознавался, что не только приказывалъ обмѣнивать дурныхъ лошадей, но еще наказывалъ батогами за то, что не сдѣлали этого раньше. Вяземскій донесъ императрицѣ, какъ объ этомъ принужденіи крестьянъ имѣть хорошихъ лошадей, такъ и о слишкомъ далекомъ разстояніи ихъ жилищъ отъ заводовъ.

Кулалеевъ, имѣвшій такую большую силу на авзяно-петровскомъ заводѣ, не преминулъ ею воспользоваться, чтобы вымогать деньги. Такъ, онъ посадилъ подъ караулъ одного крестьянина, продержалъ его два мѣсяца въ самую рабочую пору и выпустилъ только тогда, когда тотъ заплатилъ ему 15 рублей. Съ другого крестьянина онъ взялъ 20 р. за то, чтобъ возвратить съ заводскаго поселенія на прежнее жилище его сына съ женою и дѣтьми. Когда третій крестьянинъ оказался по болѣзни негоднымъ въ военную службу, онъ вздумалъ перевести его на заводъ и, только взявъ 10 руб., согласился оставить его въ покоѣ. Четвертый крестьянинъ былъ представленъ отъ міра въ рекруты, но онъ показалъ документъ, удостовѣрявшій, что былъ принятъ его двоюродный братъ, вслѣдствіе чего не слѣдовало брать его въ военную службу. Кулалеевъ напугалъ, что документъ неправильный, и вынудилъ взятку въ 15 р. Такъ какъ Кулалеевъ отъ всего этого отпирался, то слѣдственная коммиссія предложила рѣшить споръ, приведя Кулалеева къ присягѣ. Крестьяне согласились на это. Кулалеевъ побоялся присягнуть ложно, но не хотѣлъ и сознаться, и потому заявилъ: «вѣдая правила святыхъ отецъ, какъ объ ономъ въ уложеніи въ 14 главѣ, въ 10 пунктѣ напечатано, не хотя быть лишеннымъ общества христіанскаго, въ такому великому дѣлу не

приступая, хотя онъ въ томъ и не виновенъ», заплатить эти деньги истцамъ, тѣмъ болѣе, что и сумма «не весьма знатная». По поводу этой увертки Кулалеева, Вяземскій замѣтилъ, что это только доказываетъ его «замаравшуюся совѣсть, ибо безпристрастный человѣкъ, зная свою правду, присягу сдѣлать можетъ безъ всякой укоризны и не опасаясь за то ни Божія, ниже гражданскаго суда, потому что сіе есть единственное въ сумнительныхъ дѣлахъ изобличеніе истины».—И не такія еще взятки бралъ Кулалеевъ! Слѣдовало, напр., отдать въ рекруты сына крестьянина Андреева; но отецъ заплатилъ Кулалееву 150 р., и онъ отдалъ въ солдаты другого крестьянина. На слѣдствіи Кулалеевъ пытался доказать, что эти деньги были имъ отданы на платье и обувь рекрутамъ и другіе расходы по рекрутскому набору. Но оказалось, что на все это былъ особый сборъ, по 10 к. съ души. Вяземскій призналъ его виновнымъ въ присвоеніи этихъ денегъ, такъ какъ онъ не имѣлъ на то приказа отъ владѣльца завода. Мы же полагаемъ, что онъ не долженъ былъ вмѣшиваться въ это дѣло совсѣмъ по другой причинѣ: это были приписные государственные крестьяне, которые должны были сами дѣлать разверстку рекрутской повинности.

Нечего и говорить, что крестьянамъ часто выдавались не всѣ деньги за работу: у одного Кулалеева хранились недоданные имъ 700 р. Но любопытно, подъ какимъ предлогомъ трудъ крестьянъ оставался иногда неоплаченнымъ. Вывезли крестьяне 300 бревенъ лѣсу для постройки казармъ, гдѣ должны были жить рабочіе, приходящіе на заводъ, такъ какъ старыя сдѣлались совершенно негодными для житья; за эту работу они не получили ни копѣйки. На слѣдствіи приказчикъ увѣрялъ, что они добровольно вывезли этотъ лѣсъ, такъ какъ они сами будутъ жить въ новомъ зданіи. Но крестьяне возразили, что этотъ домъ имъ вовсе не нуженъ, такъ какъ, приходя на заводъ, они останавливаются у постоянно живущихъ тамъ крестьянъ, и что возили они лѣсъ вовсе не добровольно, а по приказу конторы. — Или вотъ еще весьма интересный случай. Въ 1758 г., т.-е. еще при Матвѣевѣ, Кулалеевъ построилъ дворъ, контору и колодничью избу. Крестьяне заготовляли лѣсъ, вытаскивали бревна и тесъ изъ воды на берегъ, разломали два крестьянскихъ двора, рыли погреба, строили сараи, издалека возили кирпичъ. Работали въ день человѣкъ отъ 50 до 80 весною и осенью, сплошь мѣсяца два, и за все это они не получили ни копѣйки. На слѣдствіи Кулалеевъ отвѣчалъ, что все это они дѣлали добровольно, а за то «довольствованы были они, по ихъ обыкновенію, какъ бываютъ у нихъ *помочи*,

т.-е.... мясомъ и рыбою, и всякимъ харчемъ, а сверхъ того выпивали каждый день бочки по двѣ и по три пива, ведеръ по 40, и довольствованы не токмо тѣ, которые въ работѣ бывали, но и оставшіе домовые мужескъ и женскъ полъ, *а денежной платы имъ не было, за несыскомъ вольныхъ работныхъ людей* (?!)». Крестьяне опять-таки возражали, что работали вовсе не добровольно. Вяземскій предписалъ взыскать съ бывшаго владѣльца завода Матвѣева двойную плату работавшимъ крестьянамъ (по 10 к. въ день), всего около 400 р., и донесть о томъ императрицѣ.

Много, какъ мы видѣли, грѣховъ оказалось у Кулалеева. Какому же наказанію онъ подвергся? Правда, Вяземскій приказалъ, чтобы онъ возвратилъ всѣ присвоенныя имъ деньги; но вѣдь онъ былъ виновенъ не въ одномъ лихоимствѣ, а и въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами, крайнемъ превышеніи своей власти, отсылкѣ государственнаго крестьянина въ свою деревню и т. д. Вяземскій не рѣшился самъ назначить ему наказаніе и представилъ это на усмотрѣніе императрицы. Прошелъ почти годъ, а рѣшенія никакого не было. Тогда Евд. Демидовъ обратился къ Бибикову съ просьбою разрѣшить ему по прежнему назначить Кулалеева своимъ повѣреннымъ въ село Котловку и др. селенія, приписанныя къ авзяно-петровскому заводу. Но Бибиковъ не позволилъ ему завѣдывать приписными крестьянами, а разрѣшилъ только наблюдать за дѣлами Демидова и за домомъ, построеннымъ для склада хлѣба, продаваемаго желѣза и разныхъ матеріаловъ. Онъ не долженъ былъ наряжать приписныхъ крестьянъ на заводскую работу и вообще какимъ-нибудь образомъ касаться ихъ. Но и дѣлами Демидова онъ долженъ былъ заниматься только когда послѣдуетъ рѣшеніе государыни, а до тѣхъ поръ безвыѣздно жить въ Казани. Однако въ слѣдующемъ году мы видимъ его вновь повѣреннымъ своего хозяина.

Кто же оказался, по рѣшенію Вяземскаго, всего болѣе виновнымъ! Сами челобитчики. Онъ нашелъ, что они подали въ сенатъ ложную жалобу, будто «отъ заводчиковъ произошло великое немилосердіе и нещадное кровопролитіе и смертное напрасное обивство». По мнѣнію Вяземскаго, они этого не доказали, кромѣ наказанія плетьми двухъ крестьянъ, Барандукова и Бызина. За это Вяземскій приговорилъ челобитчика Аѳанасія Гулящева и двухъ его товарищей наказать плетьми, подтвердивъ имъ, чтобы они впредь удерживались «отъ ябедническихъ и пустыхъ просьбъ и происковъ». Итакъ, вотъ результатъ одного изъ самыхъ вопіющихъ дѣлъ: правда, крестьянамъ были выданы деньги, недоплаченныя за работу, но не только ни одинъ приказчикъ не былъ

наказанъ за ихъ истязаніе, а даже наказаны трое челобитчиковъ. И за что же они пострадали? За то, чтò, обнаруживъ массу самыхъ возмутительныхъ насилій и злоупотребленій, они не могли доказать весьма немногихъ фактовъ; да и чтó же имъ было дѣлать, если Вяземскій нашелъ недостаточнымъ приведенныя ими свидѣтельства. Смерть черезъ нѣкоторое время послѣ наказанія, хотя бы съ тѣхъ поръ наказанный былъ постоянно боленъ, Вяземскій не считалъ послѣдствіемъ наказанія. При такомъ взглядѣ его, довольно мудрено было крестьянамъ доказать, что нѣкоторые ихъ товарищи умерли отъ истязаній.

Послѣ такихъ рѣшеній у крестьянъ невольно должна была зародиться мысль, что полной правды не сыщешь у начальства, и что только своею расправою можно наказать разныхъ притѣснителей. Мысли эти принесли обильный плодъ въ эпоху пугачевщины, въ которой горнозаводскіе крестьяне приняли такое дѣятельное участіе. Не даромъ уже въ это время начинали ходить слухи, что Петръ III живъ. Это говорилъ въ 1763 г. священникъ села Спáсскаго или Чесноковки и пѣлъ о его здравіи молебенъ вмѣстѣ со своимъ дьячкомъ. Оба они (по фамиліи Федоровы) были посажены подъ караулъ въ Ставропольскомъ духовномъ правленіи оренбургской губерніи. Узнавъ объ этомъ, имп. Екатерина тотчасъ приказала объявить имъ полное прощеніе и освободить изъ-подъ ареста. То, чтó такъ невинно оканчивалось теперь, имѣло совсѣмъ иной исходъ десять лѣтъ спустя.

Бóльшая часть фактовъ, до сихъ поръ нами приведенныхъ, рисуютъ въ дурномъ свѣтѣ управляющихъ и приказчиковъ; но и сами владѣльцы хорошо знали, чтó дѣлается на ихъ заводахъ. Никита Демидовъ наотрѣзъ отказалъ приписнымъ крестьянамъ, когда они просили его облегчить ихъ положеніе; Турчаниновъ истязалъ крестьянскихъ челобитчиковъ, которые ходили на него жаловаться; а Походяшинъ?

Будучи простого происхожденія, Походяшинъ пріобрѣлъ большія богатства. Первоначально онъ занимался въ Верхотурьѣ плотничествомъ и извозомъ, потомъ сдѣлался купцомъ, откупщикомъ и наконецъ обратился къ горному дѣлу. Въ 1758 г. онъ основалъ петропавловскій заводъ, а затѣмъ и турьинскій. Это былъ большой оригиналъ. Въ его деревянномъ домѣ въ Верхотурьѣ было 30 отлично расписанныхъ и меблированныхъ комнатъ, а рядомъ стояли еще три дома съ разными службами. Тутъ онъ великолѣпно принималъ знатныхъ посѣтителей, роскошно угощалъ сибирскаго губернатора Чичерина. Начальство его очень любило, такъ какъ онъ дѣлалъ богатые подарки. Онъ

строилъ и украшалъ церкви, раздавалъ по субботамъ милостыню. Выйдя въ люди одной своей смёткой, онъ однако же понималъ пользу образованія и тратилъ много денегъ, чтобы дать дѣтямъ хорошее воспитаніе. Относительно одного сына его старанія не пропали даромъ, и Григорій Михайловичъ Походяшинъ заслужилъ себѣ навсегда доброе имя въ нашей исторіи громаднымъ пожертвованіемъ въ тяжелое для русскаго народа время,—голодный 1787 г.

Вообще Походяшинъ былъ умный, ловкій человѣкъ, и при всемъ томъ вотъ какъ онъ относился къ крестьянамъ, по словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ исторіи уральскихъ горныхъ заводовъ, г. Чупина: «Походяшинъ умѣлъ обратить часть приписныхъ крестьянъ въ постоянныхъ своихъ работниковъ: выдавалъ имъ хлѣбъ, одежду, обувь, иногда деньги, въ случаѣ какой-либо надобности; всѣ эти выдачи они обязывались заработать тѣми работами, въ какія назначены будутъ, уже какъ-бы по вольному найму. Забирая снова у заводчика хлѣбъ и одежду, назначеніе цѣнъ которымъ зависѣло исключительно отъ заводскаго управленія, многіе крестьяне входили все болѣе и болѣе въ долги Походяшину. Кончалось тѣмъ, что они попадали въ полную безъисходную къ нему кабалу: никакого денежнаго разсчета съ ними уже не производилось, а только давали имъ пропитаніе и одежду». Эти факты подтверждаются отчасти и академиками, путешествовавшими нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разсматриваемаго нами времени. Лепехинъ въ особенно ужасномъ свѣтѣ рисуетъ положеніе крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ Походяшина. Палласъ указываетъ на крайне дурное устройство рудниковъ на его заводахъ. Отъ недостатка провѣтриванія воздухъ въ нихъ былъ такой спертый, что непривычному человѣку немедленно дѣлалось дурно. Отъ этого многіе работники умирали, многіе заболѣвали скорбутомъ. Наконецъ случалось, что водой заливало работниковъ. Однако же Походяшинъ умѣлъ, когда это ему было необходимо, блеснуть передъ правительствомъ заботливостію о своихъ рабочихъ. Онъ написалъ Вяземскому письмо, въ которомъ заявилъ, что уже назначилъ приписаннымъ къ его заводамъ крестьянамъ плату, въ полтора раза превосходящую ту, которая была назначена правительствомъ, «нынѣ же,—говоритъ онъ далѣе,—въ разсужденіи, что заводы въ государствѣ должны быть не для одной заводчиковой пользы, но и для всѣхъ, особливо нижнихъ чиновъ, того ради, уважая оное, чтобъ отъ содержанія моихъ заводовъ впредь не только мнѣ, но болѣе крестьянству, приписнымъ къ онымъ моимъ заводамъ изъ Чердын-

-скаго уѣзду и прочихъ была польза, принялъ я намѣреніе платить за заводскія работы съ довольнымъ противъ положенной платы прибавленіемъ». Въ виду приведенныхъ выше фактовъ объ отношеніи Походяшина къ работавшимъ у него крестьянамъ, никто не придетъ въ восхищеніе отъ тѣхъ льготъ, которыя онъ предлагалъ рабочимъ. Во-первыхъ, и въ самомъ письмѣ онъ выговариваетъ нѣкоторыя выгодныя для себя отступленія отъ правилъ, принятыхъ на другихъ заводахъ: такъ, онъ проситъ раньше высылать крестьянъ на рубку дровъ, требуетъ, чтобы ему было позволено вычитать изъ крестьянскаго заработка половину въ уплату недоимки, числящейся за крестьянами, тогда какъ, напр., на Пыскарскомъ заводѣ во время слѣдствія Вяземскаго предписано было вычитать только четверть заработка. Что касается повышенной заработной платы, то повышеніе это могло оказаться совершенно фиктивнымъ, въ виду системы, принятой на заводахъ Походяшина. Крестьянъ, закабаленныхъ вслѣдствіе своего долга на заводѣ, можно было заставить отработывать его уже по совершенно произвольной платѣ. Наконецъ, продавая изъ своихъ лавокъ разные припасы крестьянамъ, долго работающимъ у него на заводахъ, онъ могъ, повышая цѣну этихъ припасовъ, возвратить тѣ деньги, которыя истратилъ на лишнюю плату. — Но если такъ, то что̀ же заставило Походяшина повысить плату? Это объясняется, по нашему мнѣнію, тѣми условіями, въ которыя онъ былъ поставленъ. Къ его заводамъ были приписаны крестьяне не такъ, какъ ко всѣмъ другимъ заводамъ, т.-е. безъ обозначенія срока, а лишь на извѣстное время, именно на 10 лѣтъ (это былъ вообще послѣдній заводчикъ, получившій приписныхъ крестьянъ). Для Походяшина было очень важно, чтобъ правительство составило о немъ хорошее мнѣніе, и вотъ онъ пишетъ разобранное нами выше письмо, щеголяетъ въ немъ либеральными фразами, что заводы, прежде всего, должны приносить пользу крестьянамъ, предлагаетъ разныя льготы въ ихъ пользу, словомъ—является чуть не благодѣтелемъ народа. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ отнесся кн. Вяземскій къ письму Походяшина и согласился ли онъ на предложенныя имъ условія.—Этимъ же объясняется, по нашему мнѣнію, и то, что крестьяне, приписанные къ его заводамъ, хотя и довольно долго волновались, однако не подали жалобъ кн. Вяземскому: Походяшинъ, какъ человѣкъ очень умный, навѣрное нашелъ для себя невыгоднымъ, чтобы какія-нибудь жалобы на него дошли до свѣдѣнія начальства, и поспѣшилъ удовлетворить крестьянъ. Онъ, очевидно, достигъ своей цѣли предъ правительствомъ, такъ

какъ въ 1765 г. бергъ-коллегія предписала продолжить десятилѣтній срокъ приписки крестьянъ къ его заводамъ, именно считать его съ тѣхъ поръ, какъ они дѣйствительно начали работать, а потомъ этотъ срокъ былъ продолженъ и еще болѣе. Что касается крестьянъ, то положеніе ихъ оставалось весьма неблестящимъ, такъ что въ 1767 г. они поручили своему депутату въ коммиссіи для составленія новаго уложенія,—просить объ освобожденіи ихъ отъ заводскихъ работъ, и вслѣдъ затѣмъ немедленно сами прекратили эти работы. Волненіе это было, конечно, скоро подавлено. Такимъ образомъ и Походяшинъ оказывается въ концѣ-концовъ ничѣмъ не лучше, если еще не хуже другихъ заводчиковъ: онъ только ловче умѣлъ хоронить концы.

Крестьяне часто не рѣшались жаловаться на заводчика, такъ какъ за это онъ истязалъ потомъ челобитчиковъ; но опасность грозила и съ другой стороны: иногда готово было подвергнуть карѣ челобитчиковъ и само горное начальство, которое отстаивало только интересы заводчиковъ, а иногда, быть можетъ, было и не въ силахъ бороться съ произволомъ вельможныхъ заводовладѣльцевъ, имѣвшихъ большія связи при дворѣ. Вотъ наглядное подтвержденіе того, что жаловаться въ разныя правительственныя учрежденія было не только безполезно, но и опасно. Крестьянинъ Петръ Занинъ заявилъ въ пермской земской конторѣ, что надзиратель Яковлевъ такъ жестоко наказалъ его брата батогами, что тотъ, поѣхавъ послѣ того возить руду, на дорогѣ заболѣлъ и на третій день умеръ. Дѣло это было, какъ видно, отложено въ долгій ящикъ, и кн. Вяземскому пришлось обратиться въ пермское горное начальство съ запросомъ, какъ оно рѣшено. Оно отвѣтило, что, окончивъ слѣдствіе, представило его на усмотрѣніе канцеляріи главнаго правленія заводовъ. Рѣшеніе послѣдняго намъ неизвѣстно, но что крестьяне и тутъ ничего не добились, можно видѣть изъ слѣдующихъ разсужденій горнаго начальства: «Самымъ дѣломъ изъ обстоятельства происшедшаго тогда обращенія видно, что оному крестьянину Занину смерть послѣдовала не отъ чего иного, *но по волѣ Божіей, каковые люди часто и безъ малѣйшаго битья во время окончанія жизни умираютъ*». На основаніи этихъ словъ можно подумать, что горное начальство предложитъ предать это дѣло волѣ Божіей, признавъ недоказаннымъ, что смерть случилась именно отъ побоевъ. Не совсѣмъ такъ. Оно находило, что братъ умершаго подалъ доносъ только потому, что хотѣлъ отмстить за наказаніе его самого. По мнѣнію горнаго начальства, не только слѣдовало

бы оставить безъ послѣдствій его доносъ, но еще и наказать его за оклеветаніе надзирателя, и только въ виду милостиваго манифеста Екатерины (22 декабря 1762 г.), предлагало простить его.

Понятно, что, при такихъ взглядахъ горнаго начальства, крестьяне не могли найти въ немъ праведнаго суда по своимъ жалобамъ. Даже кн. Вяземскій нашелъ необходимымъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній объяснить этому учрежденію, что ему должно «въ справедливомъ удовольствіи крестьянъ, яко судебному мѣсту, имѣть прилежнѣйшее смотрѣніе, и въ случаѣ притѣсненія исполнять свою должность безъ всякаго послабленія, ибо, хотя указомъ правительствующаго сената и велѣно приписнымъ крестьянамъ наряды дѣлать и при работахъ судомъ и расправою вѣдать заводскимъ конторамъ, только и затѣмъ каждаго судебнаго мѣста долгъ есть прошенія крестьянскія принимать, разсматривать и невинныхъ защищать, сколько каждаго данная власть дозволяетъ, тѣмъ болѣе, что приписные крестьяне состоятъ государственными и приписаны къ заводамъ единственно для исправленія заводскихъ работъ, коимъ и границы опредѣлены». Если горному начальству приходилось объ этомъ напоминать, то, значитъ, оно совершенно не обращало вниманія на жалобы крестьянъ; послѣ этого имъ оставалось только одно средство: перестать ходить на работу. Это вызоветъ слѣдствіе, многимъ придется поплатиться, но все-таки можно будетъ хоть кое-въ-чемъ добиться облегченія.

И дѣйствительно, какъ мы видѣли, крестьяне усердно прибѣгаютъ къ этому средству. Исторія крестьянскихъ волненій за это время намъ уже извѣстна, но мы еще не познакомили читателей съ закулисною стороною ихъ усмиренія, а безъ этого картина жизни приписныхъ крестьянъ будетъ не полна. Съ каждымъ волненіемъ въ приписныхъ деревняхъ появлялись военные отряды, которые располагались постоемъ. Нужно было не только кормить солдатъ, давать кормъ лошадямъ, если отрядъ былъ конный, но, кромѣ того, ублажать всевозможными подарками офицера, который имъ начальствовалъ. Разсказъ крестьянъ Казанскаго уѣзда, села Архангельскаго, или Большая-Кандала—наглядно представитъ намъ, какъ тяжело было для крестьянъ пребываніе у нихъ такихъ незваныхъ гостей. Въ 1755 г. у нихъ простояли постоемъ цѣлый мѣсяцъ 30 солдатъ на полномъ содержаніи крестьянъ. У поручика, который ими начальствовалъ, было 4 лошади, для которыхъ нужно было доставлять сѣно и овесъ. Поручикъ любилъ выпить; нужно было сварить ему двѣ «печи» пива. Когда команда возвращалась въ Казань, ее нужно было отвезти на 16-ти подводахъ. Но содержаніе этой команды стоило еще очень немного срав-

нительно съ тѣмъ, что имъ пришлось вынести въ слѣдующемъ году. Тогда было прислано 6 ротъ, которыми начальствовалъ маіоръ Остальфъ. На угощеніе войску имъ пришлось отдавать своихъ овецъ, гусей, утокъ, безпрестанно покупать вина. Когда они захотѣли поднести подарокъ, то первая попытка ихъ была совершенно неудачна, такъ какъ они принесли слишкомъ ничтожную взятку. «Пришли мы, сироты, къ господину маіору Осипу Маркычу поклониться», разсказываютъ они, «и сталъ нашъ выборный ему, господину, говорить, что «мірскіе люди кланяются вашему высокородію пудъ меду», и оный маіоръ ударилъ выборнаго въ рожу и говоритъ намъ, мірскимъ людямъ: «я-де не рублевый гость, вы-де дадите и дворецкому моему пять рублевъ; привезите-жъ ко мнѣ на Хмѣлевку [1]) 30 рублевъ денегъ, да приведите пару коней», и поѣхали отъ насъ въ село Хмѣлевку, а намъ, мірскимъ людямъ, приказали быть къ командѣ. И мы, мірскіе люди, за ними поѣхали въ село Хмѣлевку и нашли толмача Мосогутку (который былъ при Остальфѣ), и стали просить у него милости, чтобы онъ господамъ доложилъ объ нашей нуждѣ, и онъ намъ, мірскимъ людямъ, говоритъ: «дайте-де мнѣ одинъ рубль, да маіорскому дворецкому два», и мы имъ такія деньги три рубля дали. И оный дворецкій съ толмачомъ велѣли идти къ маіору и маіоръ взялъ съ насъ денегъ 8 руб., при немъ адъютанту дали 1 руб.» И во время пребыванія команды въ селѣ Хмѣлевкѣ офицеры присылали въ село Архангельское за разными поборами. Вскорѣ послѣ того войско опять возвратилось. Объ этомъ крестьяне такъ разсказываютъ въ своей челобитной: «одинъ офицеръ призвалъ ихъ и сказалъ: «не пойте солдатъ виномъ, вамъ худо будетъ, на васъ приказчикъ вашъ просилъ, чтобы васъ сѣчь кошками». Пообѣдавъ, офицеры вышли на улицу и приказали крестьянамъ собраться на мірской сходъ. Солдаты окружили ихъ; изъ крестьянъ выбрали 20 человѣкъ и наказали ихъ кошками; послѣ чего они еще должны были давать взятки. Точно также безчинствовалъ Остальфъ со своею командою и въ селѣ Хмѣлевкѣ. Самому маіору крестьяне поднесли тамъ 30 овчинъ, голову сахару, сукна, 6 овецъ и т. д. Офицерамъ они отдали 30 пудовъ меду. Солдаты перерѣзали много коровъ, свиней и овецъ, отнимали у бабъ холстъ». — Здѣсь передъ нами вполнѣ раскрывается, въ какомъ ужасномъ положеніи находились крестьяне, въ селеніяхъ которыхъ ставилось постоемъ войско. Не только нужно было всѣхъ угостить, но и надѣлить подарками, начиная

---

[1]) Другое селеніе крестьянъ приписныхъ къ тѣмъ же заводамъ.

отъ какого-нибудь толмача и маіорскаго дворецкаго и кончая самимъ маіоромъ. Даютъ и передъ экзекуціей, даютъ и послѣ нея, даютъ даже солдатамъ «подъемное», т.-е. тѣмъ, кто *поднимаетъ* наказаннаго.

Но всѣ эти притѣсненія ничто въ сравненіи съ тѣми ужасами, которые совершались въ деревнѣ Нижней-Тоймѣ и селахъ Тавели, Севенесы и Костенеевѣ (Казанскаго уѣзда), населенныхъ приписными къ камскимъ заводамъ Шувалова, когда въ 1761—1762 гг. у нихъ стоялъ ревельскій драгунскій полкъ, присланный подъ начальствомъ подполковника Левашева, чтобы усмирить крестьянъ и принудить ихъ работать на заводахъ. Это было чуть ли не поголовное изнасилованіе и растлѣніе женскаго населенія. Эти преступленія совершали и офицеры, и солдаты. Отъ насилія не избавлялись ни замужнія женщины, ни дѣвочки, еще не достигшія зрѣлости. Одна и та же женщина нерѣдко переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія. Крестьянъ всевозможными наказаніями заставляли отдавать своихъ дочерей на жертву страстямъ разнузданной солдатчины. Весьма вѣроятно, что подобныя вещи вообще продѣлывались войскомъ во время постоя въ деревняхъ, но тутъ офицеры и солдаты уже совершенно не церемонились. Они были расположены въ только-что усмиренныхъ селеніяхъ, постой этотъ служилъ наказаніемъ для крестьянъ, — и войско сдѣлало съ своей стороны все возможное, чтобы это наказаніе было чувствительнѣе; оно держало себя тутъ хуже, чѣмъ въ завоеванной странѣ. Посмотримъ, что̀ дѣлалось, напр., въ селѣ Тавеляхъ и притомъ упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ особенно ужасныхъ фактахъ. Въ концѣ 1761 г. туда прибылъ подпоручикъ Стрѣлковъ со своею командою. Жестоко избивъ крестьянина Алексѣя Григорьева и его жену, онъ заставилъ отдать ему ихъ дочь Матрену; онъ продержалъ ее у себя съ мѣсяцъ и, уѣзжая оттуда, передалъ ее прапорщику Сафонову. У Сафонова она пробыла столько же времени, а потомъ тотъ уступилъ ее вновь пріѣхавшему капитану Карлову. Другую дѣвушку привели къ прапорщику Сафонову; онъ немедленно передалъ ее подпоручику Петрову, а затѣмъ еще одному драгуну.—Одинъ солдатъ растлилъ 13-ти-лѣтнюю дѣвочку, послѣ чего она умерла. Если родители сопротивлялись, ихъ били палками или сѣкли плетьми, иногда впрочемъ, съ помощью взятокъ, имъ удавалось спасти честь своихъ дочерей. Если у замужнихъ женщинъ, которыхъ солдаты хотѣли изнасиловать, былъ на рукахъ ребенокъ, его безъ церемоніи бросали куда попало, подъ лавку или на землю. Мѣстомъ также не стѣснялись: иные просили съ этою цѣлью истопить себѣ

баню, но болѣе нахальные удовлетворяли своимъ страстямъ и на улицѣ.—Любопытно, что когда жалобы крестьянъ на эти насилія дошли до кн. Вяземскаго, жители четырехъ вышеупомянутыхъ селеній заявили, что, «поговоря между собою полюбовно, помирились», и болѣе на стоявшую у нихъ команду драгунскаго полка не жалуются. Нужно думать, что заявленіе это было вынуждено страхомъ какихъ-нибудь новыхъ притѣсненій. Однако кн. Вяземскій нашелъ, что преступленіе офицеровъ и солдатъ «по воинскимъ уставамъ безъ штрафа оставить не можно», и приговорилъ нѣсколькихъ офицеровъ и солдатъ къ разнымъ наказаніямъ. Впрочемъ, офицеры были слишкомъ мягко наказаны за всѣ тѣ насилія, въ которыхъ они были всего болѣе виновны. Лучшимъ доказательствомъ того, что заявленіе крестьянъ о полюбовномъ примиреніи ихъ съ виновными солдатами и офицерами было вынужденное, служитъ слѣдующій фактъ. Мы видѣли уже выше, при описаніи волненія масленскихъ и барневскихъ крестьянъ, какъ разорителенъ былъ для нихъ военный постой. Когда, по усмиреніи крестьянъ, изъ ихъ селеній выводили войско, на запросъ начальства они отвѣчали, что не могутъ пожаловаться ни на какія притѣсненія, между тѣмъ, впослѣдствіи, въ своей челобитной на имя императора Петра III жаловались, что донскіе и челябинскіе казаки и солдаты исетской роты, поставленные въ Масленскомъ острогѣ, «насильствомъ для употребленія себѣ въ пищу дворовый рогатый скотъ и мелкій скотъ побивали, обывательскимъ дворамъ ломкою чинили раззореніе, посаженные въ огородахъ овощь и въ поляхъ хлѣбъ и покосъ травы конницею травили»; кромѣ того, по ихъ словамъ, они слишкомъ поздно засѣяли хлѣбъ, и потому урожай былъ очень плохъ.

Вяземскій долженъ былъ коснуться вопроса о томъ, на кого должны пасть издержки по усмиренію крестьянъ, приписныхъ къ каслинскому и кыштымскому заводамъ. Мы уже знаемъ, что всего было взято у масленскихъ крестьянъ 57,151 пудъ сѣна; считая по шадринскимъ цѣнамъ (по 3 к. за пудъ), это составитъ 1714 руб. По указу сената 31 марта 1761 г., велѣно было содержать войско на счетъ Демидова, поэтому губернская канцелярія приказала требовать жалованье и провіантъ войску отъ приказчиковъ Демидова, а если они отвѣтятъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, въ такомъ случаѣ требовать отъ шадринской управительской канцеляріи или отъ исетской провинціальной, и все это ставить на счетъ Демидова. Руководствуясь этими предписаніями, Вяземскій приказалъ взыскать 1714 р. съ заводской конторы и отдать крестьянамъ Масленскаго острога. Но это было еще не

окончательное рѣшеніе, такъ какъ сенатскимъ указомъ предписывалось, въ концѣ-концовъ, всѣ расходы по усмиренію крестьянъ *взыскать съ виноватыхъ*. Кого же считать виновнымъ? Подробно ознакомившись съ дѣломъ и видя, сколько притѣсненій вынесли крестьяне, Вяземскій не рѣшился послѣ всѣхъ понесенныхъ ими наказаній еще оставить ихъ безъ вознагражденія за огромное количество взятаго у нихъ фуража; но однако онъ не посмѣлъ своею властью признать виновнымъ и заводчика и взыскать съ него эти деньги; поэтому онъ предоставилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе бергъ-коллегіи. Какъ она рѣшила его—намъ не извѣстно; мы знаемъ только, что въ царствованіе Елизаветы подобные расходы взыскивали съ крестьянъ. Такъ, напр., въ 1760—1761 гг. съ крестьянъ Сивинской волости, приписныхъ къ воткинскому заводу Шувалова, были взысканы деньги, издержанныя во время ихъ усмиренія на содержаніе войска, на покупку письменныхъ принадлежностей и т. п., всего 987 р., т.-е. виновными были признаны одни крестьяне. Нужно думать, что и масленскіе крестьяне не только не получили никакого вознагражденія за взятый у нихъ фуражъ, но должны были приплатить еще деньги, истраченныя на другіе расходы по содержанію войска.

IV.

Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ.

Намъ извѣстна теперь исторія волненій приписныхъ крестьянъ въ 1760 по 1764 гг.; мы видѣли и причины этихъ волненій: тяжелыя работы, взятки, разныя притѣсненія заводскихъ управителей, наконецъ суровыя истязанія. Намъ извѣстно также, какъ тяжело было для крестьянъ самое усмиреніе: не только многіе изъ нихъ были сосланы и наказаны, но, кромѣ того, войско, расположенное постоемъ въ ихъ жилищахъ, совершало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самыя возмутительныя насилія. Чего же добились крестьяне этими волненіями? Мы видѣли, что имъ были уплачены недоданныя прежде деньги, приказные и служители, и нѣкоторые приказчики были наказаны, хотя наиболѣе виновные и отдѣлались слишкомъ легко. Такъ какъ ничтожныя наказанія, которымъ подверглись главные приказчики, не могли такъ подѣйствовать на нихъ, чтобы они совершенно измѣнили свое прежнее обращеніе съ крестьянами, то является вопросъ: издало-ли правительство какія-либо узаконенія, которыя могли бы произвести существенное

измѣненіе въ положеніи приписныхъ крестьянъ и гарантировали бы ихъ отъ повторенія въ будущемъ тѣхъ же насилій?

Мы видѣли уже изъ именного указа 9 апрѣля 1763 г., къ какимъ печальнымъ выводамъ относительно положенія приписныхъ крестьянъ пришелъ кн. Вяземскій уже вскорѣ послѣ своего пріѣзда. Указавъ на главныя причины недовольства крестьянъ, правительство въ этомъ указѣ признаетъ, что «такія обстоятельства не могли иного произвести въ крестьянахъ, какъ крайнее огорченіе», и совѣтовало содержателямъ заводовъ «самимъ съ крестьянами на нѣкоторый договоръ примирительный пойти», такъ какъ для нихъ и самихъ «не полезно, чтобъ крестьяне, приписанные къ заводамъ, совершенно были разорены».

Въ самомъ этомъ указѣ мы, кромѣ того, находимъ предписаніе, чтобы всѣ приписные крестьяне *платили сами за себя подушныя деньги*, слѣдовательно, заводчики должны были съ этого времени выдавать имъ на руки заработную плату. Если за крестьянами будутъ недоимки, то управители и приказчики должны были понуждать крестьянъ аккуратнѣе вносить деньги въ казну. Къ сожалѣнію, при этомъ не былъ категорически рѣшенъ вопросъ относительно всѣхъ крестьянъ, могутъ ли заводчики принуждать ихъ, по своему усмотрѣнію, работать и сверхъ подушнаго оклада. Къ указу 9 апрѣля было приложено «учрежденіе», сдѣланное Вяземскимъ на ижевскомъ и воткинскомъ заводахъ Шувалова. Въ именномъ указѣ было предписано раздать на всѣхъ заводахъ копію съ этого постановленія, чтобы оно могло служить «*сколь для извѣстія, столь и для полезнаго учрежденія, хотя еще и не на точное совсѣмъ положеніе*». «Однако же», сказано далѣе, «до тѣхъ поръ, пока особливый о томъ указъ нашъ будетъ и бергъ-коллежскій регламентъ новымъ наставленіемъ снабдится, сіе *можетъ имъ служить за такое учрежденіе, которому самая ихъ польза одолжаетъ послѣдовать и наше къ тому соизволеніе*». Итакъ, несмотря на то, что, по признанію самого правительства, положеніе приписныхъ крестьянъ было въ высшей степени тягостно, оно не рѣшилось принудить всѣхъ заводчиковъ исполнять правила, введенныя на ижевскомъ и воткинскомъ заводахъ, а только совѣтовало принять ихъ въ руководство. Правда, въ это время еще не были осмотрѣны всѣ заводы, но и по окончаніи всего слѣдствія не было издано болѣе рѣшительнаго узаконенія. Это единственное важное постановленіе относительно устройства быта приписныхъ крестьянъ, изданное въ это время. Оно получило все-таки болѣе широкое значеніе, чѣмъ можно было бы думать на основаніи приведенныхъ нами словъ манифеста. Въ нѣ-

которыхъ своихъ рѣшеніяхъ по жалобамъ крестьянъ кн. Вяземскій приказывалъ заводскимъ конторамъ исполнять правила, установленныя имъ на камскихъ заводахъ; впослѣдствіи на эти правила ссылались даже разныя правительственныя учрежденія въ спорахъ крестьянъ съ заводчиками.

Въ этихъ правилахъ Вяземскій предписалъ: распредѣлить крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ, по числу молотовъ и «способности», т.-е. смотря по разстоянію ихъ жилищъ отъ того или другого завода, къ которымъ они приписаны, такъ чтобъ однѣ сотни ходили на одинъ заводъ, другія на другой; крестьяне одной сотни не должны ходить на разные заводы. Сотню, разъ опредѣленную къ какому-нибудь заводу, отнюдь не должно было посылать на другой заводъ того же владѣльца. Исключенія дозволялись лишь въ случаѣ крайней нужды, и тогда за время, которое они должны были употребить на проходъ отъ одного завода до другого, имъ должно было заплатить все равно, какъ если бы они были на работѣ, т.-е. за каждый лѣтній день пѣшему по 5 к., конному по 10; за зимній—пѣшему по 4 к., конному по 6 к. (вообще же платы за проходъ на заводы по прежнему не было назначено). Мы видѣли, какъ много времени теряли приписные къ каслинскому и кыштымскому заводамъ Демидова отъ безпорядочной пересылки съ одного завода на другой. Теперь это должно было прекратиться.—Опредѣленныхъ къ ижевскому заводу, который еще строился, велѣно было, какъ просили крестьяне въ своей челобитной, раздѣлить на три части, которыя должны были смѣняться черезъ четыре мѣсяца, но съ тѣмъ, чтобы не всегда одна и та же партія работала лѣтомъ, а поочереди. Послѣ того, когда заводъ будетъ построенъ, крестьяне должны были только заготовлять нужные припасы. Тогда слѣдуетъ сдѣлать разсчетъ, сколько и какихъ именно матеріаловъ понадобится на цѣлый годъ и распредѣлить «по душамъ въ сотняхъ», сколько каждая сотня должна заготовить чугуна и желѣза и перевезти угля, и сколько она должна высылать лѣтомъ и зимою конныхъ и пѣшихъ рабочихъ. Но если, въ случаѣ какого-нибудь непредвидѣннаго обстоятельства, заводская контора потребуетъ больше работниковъ, чѣмъ было опредѣлено въ заранѣе составленномъ росписаніи, то должно выслать ихъ немедленно. *Однако же заводскій управитель не долженъ налагать на крестьянъ болѣе работъ, чѣмъ сколько слѣдуетъ сдѣлать за подушный окладъ* [1]). Далѣе здѣсь же находимъ постановленіе о томъ, какъ должны

1) Это постановленіе было обязательно только для камскихъ заводовъ.

устроить крестьяне свое внутреннее управленіе. Сотни должны были выбирать ежегодно съ общаго согласія сотника, выборнаго, старость (въ большихъ сотняхъ по три, а въ малыхъ по два) и по два писчика. Выборы эти нужно было дѣлать заблаговременно, до начала года, и «заручные выборы», т.-е. письменныя свидѣтельства о выборѣ за подписью крестьянъ, отсылать немедленно въ заводскую контору, чтобы она могла знать, съ кого требовать исполненія ея приказовъ. Всѣ выборные могли по желанію крестьянъ выбираться и на слѣдующій годъ. Выборные эти должны были: разбирать всякія ссоры между крестьянами, назначать работниковъ по требованію конторы, а также выбирать и отсылать на заводъ здоровыхъ и годныхъ людей, если контора будетъ нуждаться въ мастеровыхъ [1]), и особенно смотрѣть, чтобы крестьяне всѣ безъ исключеній слушались заводскихъ управителей и исполняли всѣ положенныя работы. Если въ какой-нибудь сотнѣ явится ослушникъ, который не только самъ не будетъ повиноваться, но и другихъ станетъ подговаривать къ непослушанію или къ какому-либо другому «злу», такихъ, «не давая имъ усиливаться», брать подъ караулъ, и «ежели злость невелика», то при мірскомъ сходѣ *высѣчь* нещадно; если же окажется какое-либо «злое намѣреніе», то, «прописавъ непорядки» этого крестьянина, вмѣстѣ со свидѣтелями отсылать въ заводскую контору, которая должна была немедленно «изслѣдовать письменно» и виновнаго публично наказать; если же «злодѣйство гораздо велико», то отправлять въ ближайшее судебное мѣсто. Если при рѣшеніи какого-нибудь дѣла между выборными произойдетъ разногласіе, то такое дѣло должно рѣшить всѣмъ міромъ; если же и тутъ не согласятся, то представить о немъ управителю, который, взявъ двухъ выборныхъ или сотниковъ изъ другихъ сотенъ, долженъ вмѣстѣ съ ними постановить рѣшеніе. Точно также-если случится спорное дѣло между разными сотнями, или между сотнею и ея выборными властями, его рѣшаетъ управитель вмѣстѣ съ двумя сотниками или выборными другихъ сотенъ. Это постановленіе очень важно, такъ какъ оно давало крестьянамъ возможность рѣшать дѣла своимъ судомъ, не доводя ихъ до заводскаго управленія. Мы знаемъ, что сотники, старосты и выборные были и прежде, но провинившіеся на заводахъ наказывались не ими, или не на сходѣ крестьянъ, а по усмотрѣнію заводскихъ приказчиковъ и управителей. Теперь за-

---

[1]) Мы видѣли, что Шувалову дано было право переселять на заводъ приписныхъ крестьянъ и, слѣдовательно, дѣлать ихъ мастеровыми. На камскихъ заводахъ Вяземскій совершенно не ограничилъ этого права владѣльца.

водская контора дѣлалась болѣе высшею инстанціею, куда поступало дѣло въ случаѣ его особой важности или разногласія не только выборныхъ, но и всего мірского схода.

Староста и писчикъ должны были приводить на заводъ работниковъ своей сотни при именныхъ спискахъ, подавать эти списки въ контору и быть при своихъ людяхъ неотлучно, пока не придетъ новая смѣна. Тогда они должны свести счеты съ конторою, сколько дней и при какой работѣ былъ каждый работникъ и что выработалъ; затѣмъ раздать заработанныя деньги по рукамъ и росписаться въ конторской книгѣ въ ихъ полученіи. Съ своей стороны контора должна дать сотнѣ письменное свидѣтельство, сколько заработалъ каждый и сколько ему выдано. Это предписаніе также очень важно, такъ какъ прежде крестьяне теряли много времени вслѣдствіе безпорядочной записи количества рабочихъ дней. Въ каждой сотнѣ должно было имѣть книгу, куда слѣдовало заносить всякіе поборы съ крестьянъ, съ обозначеніемъ, на что и куда они сбираются. Такія книги существовали и прежде, и въ нихъ-то, между прочимъ, заносились всѣ взятки, собираемыя съ крестьянъ военными командами, пріѣзжавшими ихъ усмирять. Если управитель будетъ мучить крестьянъ, или не выдавать заработанной имъ платы, то крестьяне не должны были прекращать работъ на заводѣ и позволять себѣ какое-нибудь самоуправство; имъ слѣдовало тогда послать челобитчиковъ отъ міра въ судебное учрежденіе и ожидать его рѣшенія. Челобитчиковъ никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ притѣснять. Крестьяне должны были каждый годъ сполна оканчивать положенныя на нихъ работы, и если кто изъ нихъ по болѣзни или другой причинѣ не исполнитъ назначенной ему работы, то ее должна была сдѣлать вся сотня. Такая круговая порука въ работѣ существовала, впрочемъ, и прежде.

Хотя эти правила, изданныя для ижевскаго и воткинскаго заводовъ, далеко не могли удовлетворить крестьянъ, но все-таки они должны были устранить нѣкоторыя вопіющія злоупотребленія; поэтому естественно было желать, чтобы они были распространены и на всѣ другіе заводы. Однако, какъ мы уже сказали, правительство не сдѣлало этихъ правилъ обязательными для всѣхъ заводчиковъ. Такъ какъ Вяземскій объѣзжалъ большую часть заводовъ уже послѣ обнародованія этихъ правилъ, то можно было ожидать, что онъ очень часто будетъ ссылаться на нихъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Однако, мы находимъ весьма немного подобныхъ ссылокъ. Такъ, напр., въ своемъ рѣшеніи по жалобамъ приписныхъ къ кыштымскому и каслинскому заводамъ, онъ приказалъ обязать приказчика Селезнева подпискою, чтобы онъ впредь не

дѣлалъ крестьянамъ никакихъ «наглыхъ ругательствъ», а во всемъ поступалъ бы съ ними по «всемилостивѣйшему отъ Ея Императорскаго Величества апробованному, данному отъ меня на ижевскомъ и воткинскомъ заводахъ учрежденію». То же постановлено и въ рѣшеніи по жалобамъ приписныхъ къ верхъ-исетскому заводу. Но Вяземскій не только на многихъ заводахъ не предписываетъ исполнять эти правила, но даже и самъ противорѣчитъ имъ въ своихъ рѣшеніяхъ, хотя въ своемъ манифестѣ императрица совѣтовала всѣмъ заводчикамъ исполнять ихъ. Въ «учрежденіи» самыми важными постановленіями мы считаемъ: 1) запрещеніе налагать на крестьянъ работы сверхъ подушнаго оклада и 2) ограниченіе юрисдикціи заводской конторы и предоставленіе крестьянамъ рѣшать извѣстныя дѣла судомъ выборныхъ. Однако ни то, ни другое правило не было проведено послѣдовательно на всѣхъ заводахъ. По рѣшеніямъ Вяземскаго, многіе владѣльцы сохранили право требовать отъ крестьянъ работы и сверхъ подушнаго оклада. Что касается наказанія крестьянъ, то во всѣхъ рѣшеніяхъ Вяземскаго это право заводской конторы осталось неограниченнымъ, и о судѣ выборныхъ не упоминается ни однимъ словомъ.

Единственное постановленіе, въ которомъ правила, введенныя Вяземскимъ на камскихъ заводахъ, примѣнены довольно подробно и послѣдовательно, мы видимъ на Бабкинскомъ (Анненскомъ) заводѣ гр. Чернышева. Для распредѣленія тамъ работъ Вяземскій прислалъ туда, въ концѣ 1763 г., оберъ-гиттенъ-фервальтера Княгинкина. Вотъ какія правила онъ далъ тамъ сотнику, выборнымъ окладчикамъ и десятникамъ крестьянъ верхъ-усольскаго стана, соликамскаго уѣзда, приписанныхъ къ этому заводу. Крестьяне должны были немедленно расположить работы по росписанію, составленному на будущій 1764 г., на всѣхъ крестьянъ годныхъ въ работу, «не отягощая одного, и не облегчая другого, но на всѣхъ *смотря по семейству и прожиткамъ, а не болѣе*». Отъ семьи въ два и три человѣка можно на заводъ послать одного, а при четырехъ и пяти человѣкахъ — двухъ, и тамъ имъ работать и быть до тѣхъ поръ, пока окончатъ работу, наложенную на ихъ семью. — Если кто не захочетъ самъ работать, тотъ воленъ нанять за себя кого-либо другого. — Во время работъ на заводахъ крестьяне могутъ получать тамъ ржаную муку и другіе съѣстные припасы, за которые при разсчетѣ за работу съ нихъ вычтутъ по той цѣнѣ, почемъ они обошлись самой заводской конторѣ; кромѣ платы за взятый провіантъ, будутъ вычитать внесенныя уже прежде за крестьянъ подушныя деньги; но при этомъ

должно взыскивать не съ-разу всю числящуюся недоимку, а не болѣе четверти заработанныхъ денегъ. — Такъ какъ именнымъ указомъ 9-го апрѣля 1763 г. крестьянамъ предписывалось самимъ вносить подушныя деньги, то Княгинкинъ разрѣшилъ, чтобы выборный вычиталъ у крестьянъ подати при самомъ разсчетѣ за работу; а если имъ будетъ затруднительно и опасно везти эти деньги до Соликамска, то они могутъ съ согласія крестьянъ вносить ихъ въ заводскую контору, которая отдастъ ихъ крестьянамъ чрезъ своего повѣреннаго въ Соликамскѣ.

Этотъ «приказъ» Княгинкина представляетъ только дальнѣйшее развитіе учрежденія Вяземскаго и ни въ чемъ ему не противорѣчитъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о правилахъ, составленныхъ самимъ Вяземскимъ въ это же время на авзянопетровскихъ заводахъ; они во многомъ сходны съ его «учрежденіемъ», но есть и весьма существенныя несогласія. Вяземскій приказалъ на этомъ заводѣ приказчику Красноглазову и двумъ присланнымъ отъ міру повѣреннымъ сдѣлать «обосторонне полезное» расположеніе работъ. Они составили росписаніе, сколько крестьянамъ слѣдуетъ вырубить дровъ на жженіе угля, сколько скласть, осыпать, выжечь и выломать 20-ти-саженныхъ кучъ, сколько добыть желѣзной руды и вывезть на разстояніе среднимъ числомъ въ 10 верстъ. Оказалось, что такимъ образомъ крестьянамъ не нужно будетъ работать сверхъ подушнаго оклада. Вяземскій постановилъ тутъ слѣдующія правила. Такъ какъ крестьяне и прежде высылались на заводъ въ три партіи и не жаловались на это, а указывали только, что не было точно опредѣлено, сколько имъ слѣдуетъ работать, то онъ приказалъ раздѣлить всѣхъ приписанныхъ къ заводу крестьянъ отъ 15 до 60-ти лѣтъ на три равныя части. Первая партія должна являться на заводъ рубить дрова съ 15-го марта, вторая—складывать, осыпать, жечь и разламывать кучи 12-го сентября, третья—добывать и возить руду въ началѣ ноября. Партіи эти должны были ежегодно мѣняться работами. Домой слѣдовало отпускать крестьянъ только тогда, когда они окончатъ работу. Но такъ какъ присланнымъ для рубки дровъ остается немного времени до начала пахоты, то, если они пожелаютъ, ихъ можно было отпускать 20-го апрѣля, съ тѣмъ, чтобы они дорубили дрова въ сентябрѣ; однако такою льготою могъ воспользоваться только тотъ, кто не опоздалъ на работу и вырубилъ уже болѣе половины назначеннаго количества дровъ. До сихъ поръ здѣсь еще нѣтъ противорѣчій съ «учрежденіемъ», но вотъ чтó мы находимъ далѣе. Если крестьяне будутъ лѣниться, то ихъ *наказывать отъ конторы*, смотря по винѣ,

а если будутъ самовольно уходить домой, то *выборные* и *старосты* должны, ловя ихъ, наказывать плетьми и высылать на заводъ подъ карауломъ. Такимъ образомъ, тутъ разборъ проступковъ и наказаніе виновныхъ предоставлено было не выборнымъ и мірскому сходу, а заводской конторѣ; при наказаніи за побѣгъ выборные также являлись не судьями, а только исполнителями уже заранѣе установленнаго наказанія.—Если крестьяне не будутъ приходить въ назначенные сроки, если будутъ присылать не все годныхъ къ работѣ, если они будутъ укрывать въ своихъ домахъ бѣжавшихъ съ работы приписныхъ или переселенныхъ, если, наконецъ, будутъ лѣниться на работѣ и не исполнять всего, назначеннаго по росписанію, то выборные, старосты, сотники и писчики будутъ жестоко наказаны, безъ сомнѣнія также по усмотрѣнію заводской конторы. Вяземскій грозилъ за всѣ эти проступки еще бо́льшею карою: что въ ихъ селенія вновь назначутъ управителемъ прапорщика Кулалеева,—личность, хорошо знакомую крестьянамъ. Впрочемъ онъ спѣшилъ прибавить, что такъ какъ крестьяне подписались, что будутъ исполнять все предписанное, то въ назначеніи Кулалеева пока нѣтъ нужды. Однако, расширяя права заводской конторы на авзяно-петровскомъ заводѣ относительно наказанія крестьянъ сравнительно съ тѣмъ, что́ онъ установилъ на камскихъ заводахъ, Вяземскій, однакоже, строго предписалъ ей не налагать на крестьянъ работъ болѣе того, сколько назначено въ росписаніи, составленномъ по взаимному соглашенію и, что́ еще важнѣе, запретилъ переселять крестьянъ на заводы.

Относительно дѣятельности Бибикова по улучшенію быта приписныхъ крестьянъ мы встрѣтили въ подлинномъ дѣлѣ лишь весьма ничтожныя распоряженія, на которыхъ мы и не находимъ нужнымъ останавливаться.

Къ сожалѣнію, ни кн. Вяземскій, ни Бибиковъ не обратили вниманія на то, что необходимо было увеличить плату приписнымъ крестьянамъ, которая оставалась неизмѣнною со времени Петра Великаго.

Итакъ, правительство не рѣшилось ни на какую мѣру, которая могла бы существенно измѣнить положеніе приписныхъ крестьянъ. Даже «учрежденіе», введенное Вяземскимъ на камскихъ заводахъ, несмотря на то, что улучшенія, сдѣланныя тамъ, были болѣе чѣмъ умѣренны, не было сдѣлано обязательнымъ для всѣхъ заводовъ. Если при этомъ припомнить, что главные мучители крестьянъ остались совершенно или почти безнаказанными, то будетъ понятно, что народъ не могъ удовлетвориться

мѣрами правительства, и что въ немъ вновь стали замѣтны волненія.

Уже весною 1764 г. крестьяне одного села, приписаннаго къ авзяно-петровскому заводу, собрали деньги по 6 к. съ души на подачу челобитной объ отрѣшеніи ихъ отъ заводовъ; они даже избили своего священника за то, что онъ уговаривалъ ихъ идти на работу и не сбирать денегъ. Объ этомъ немедленно подали доносъ какъ самъ священникъ, такъ и бывшій управитель села Котловки, тотъ же извѣстный Кулалеевъ. Нужно было спѣшить остановить новое волненіе, и потому казанское горное начальство быстро произвело слѣдствіе. Двое выборныхъ были наказаны батогами, и велѣно было раздать деньги тѣмъ, съ кого онѣ были собраны.

Итакъ, заводскіе крестьяне не были удовлетворены полумѣрами правительства, которое не только не рѣшилось освободить ихъ отъ тяжелой обязательной работы на заводахъ, но даже не повысило плату за работу. Неужели же все это пятилѣтнее волненіе, за участіе въ которомъ пришлось пострадать столь многимъ крестьянамъ, не принесло для нихъ никакихъ улучшеній, кромѣ тѣхъ, которыя мы указали выше? Нѣтъ, оно не осталось безплоднымъ, во-первыхъ, уже потому, что наглядно показало правительству, къ чему привела нераціональная раздача казенныхъ заводовъ и приписанныхъ къ нимъ крестьянъ разнымъ вельможамъ. Оно имѣло прежде всего одинъ, хотя и отрицательный, но въ высшей степени важный результатъ. Правительство увидѣло, что вообще не слѣдуетъ приписывать государственныхъ крестьянъ къ заводамъ частныхъ владѣльцевъ. Мы уже сказали, что Походяшину послѣднему удалось въ 1760 г. добиться приписки крестьянъ къ заводамъ, которые онъ устроивалъ. Повторяемъ, этотъ результатъ былъ въ высшей степени важенъ. Но этимъ не ограничиваются добрые плоды, принесенные этимъ волненіемъ. Слѣдствіе, имъ вызванное, заставило само правительство признать, что положеніе крестьянъ, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ, было совершенно безвыходное. Сопоставивъ этотъ фактъ съ тѣмъ, что ни одинъ изъ знатныхъ владѣльцевъ, получившихъ въ концѣ царствованія Елисаветы казенные заводы за весьма небольшую плату, даже и не думалъ объ исполненіи своихъ денежныхъ обязательствъ передъ казною и оставался ея неоплатнымъ должникомъ, правительство, весьма естественно, пришло къ тому выводу, что раздача этихъ заводовъ была страшною ошиб-

кою. Понятно, что оно должно было задуматься надъ тѣмъ, что необходимо вновь возвратить эти заводы въ казну, а неисправность ихъ владѣльцевъ предъ казною въ уплатѣ денегъ представляла для этого прекрасный предлогъ.

Прежде всего правительство обратило вниманіе на заводы Шувалова.

Покойный графъ П. И. Шуваловъ, съумѣвшій, благодаря своему привилегированному положенію при Елисаветѣ, забрать въ свои руки не только камскіе и гороблагодатскіе заводы, но и разныя, въ высшей степени выгодныя монополіи, оставилъ послѣ своей смерти громадный долгъ въ казну, болѣе 600 тысячъ рублей. Для разрѣшенія вопроса, какимъ образомъ его покрыть, была учреждена коммиссія изъ трехъ лицъ: Яковлева, Елагина и Еропкина. Въ поданномъ ею докладѣ, коммиссія говоритъ, что заводы были отданы графу Шувалову съ тѣмъ, чтобы въ теченіи 20-ти лѣтъ онъ выплатилъ въ казну 186,629 р., между тѣмъ какъ онъ внесъ только 6,940 р. Возвращеніе гороблагодатскихъ и камскихъ заводовъ въ казну было бы даже недостаточно, чтобъ покрыть весь казенный долгъ Шувалова, но коммиссія поставила на видъ, что Шуваловъ значительно расширилъ четыре гороблагодатскіе завода, а ижевскій и воткинскій выстроилъ на свой счетъ. Императрица Екатерина рѣшила взять всѣ эти заводы въ казну въ уплату всего долга Шувалова. Впослѣдствіи были взяты въ казну заводы Сиверса, Воронцова и Чернышева также въ уплату долга въ казну ихъ владѣльцевъ.

Надо думать, что съ переходомъ заводовъ въ вѣдѣніе казны, положеніе крестьянъ на этихъ заводахъ нѣсколько улучшилось, по крайней мѣрѣ мы почти не встрѣчаемъ волненія крестьянъ на этихъ заводахъ въ царствованіе императрицы Екатерины. Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы приписнымъ къ казеннымъ заводамъ вездѣ жилось особенно хорошо. Но и этихъ двухъ мѣръ, одной отрицательной: прекращенія приписки крестьянъ къ частнымъ заводамъ, а другой—положительной: возвращенія многихъ заводовъ въ казну, — было далеко недостаточно для того, чтобы считать порѣшеннымъ трудный вопросъ объ улучшеніи быта горнозаводскихъ крестьянъ. Правительство само это поняло, и въ іюлѣ 1765 г. императрица велѣла учредить особую коммиссію изъ пяти лицъ «для разсмотрѣнія всей системы горныхъ дѣлъ». Коммиссіи этой было предписано «изыскивать способы къ поправленію заводовъ, сообразуя народное облегченіе и спокойство съ государственною прибылью, и приводя каждый заводъ въ правосудныя границы». Но изъ какихъ-то опасеній правительство

дѣлало все это тайкомъ, и указъ объ учрежденіи самой коммиссіи не былъ обнародованъ, «дабы не возбудить вновь какого-либо въ приписанномъ къ заводамъ многочисленномъ народѣ по его легкомыслію волнованія, въ чаяніи отбыванія ихъ отъ работы, частію непріятной, а частію тягостной». Поэтому императрица приказала учрежденіе этой коммиссіи «сколько возможно утаивать отъ публичнаго свѣдѣнія». Коммиссія, учрежденная съ такою боязливостью, не очень-то спѣшила улучшеніемъ быта приписныхъ крестьянъ. Правда, въ 1769 г. она нѣсколько повысила плату за работы,—но этого было еще весьма недостаточно. Платы за проходъ на работу по прежнему назначено не было. Только позднѣе, кровавый урокъ, данный пугачевщиною, въ которой такое дѣятельное участіе приняли приписные крестьяне, вновь заставилъ правительство обратить вниманіе на ихъ положеніе и если не измѣнить его радикально, то по крайней мѣрѣ произвести нѣкоторыя, довольно существенныя улученія.

Василій Семевскій.

СТИХОТВОРЕНІЯ

КАШЕМИРЪ.

ИНДІЙСКАЯ ЛЕГЕНДА.

По льдистымъ уступамъ вершинъ Гималая
Вздымалась до неба пустыня сѣдая.
Укутаны въ тучи, туманы и льды,
Какъ въ саванъ мертвецъ, ея дикія скалы;
По голымъ ихъ склонамъ гнѣздятся орлы
И съ трескомъ растутъ, низвергаясь, обвалы.
Какъ пасти, зіяютъ ущелья кругомъ:
Боится въ нихъ солнце проникнуть лучомъ.

И были тѣ скалы жилью человѣка,
Какъ адъ, неприступны и страшны отъ вѣка.
Пугая дѣтей, полны ужасовъ всѣхъ,
Сложились разсказы въ преданіяхъ горныхъ,
Что ночью тамъ въ пропастяхъ слышится смѣхъ,
Слетаются вѣдьмы для браковъ позорныхъ,
Кружатся и скачутъ средь снѣжныхъ полей,
Готовя погибель и смерть для людей.
Буддистамъ всѣмъ памятенъ годъ незабвенный,
Всѣмъ памятенъ день тотъ и часъ тотъ священный,
Когда воплотился ихъ Будда святой.
Сошелъ, какъ царевичъ, съ небесной твердыни,
Сошелъ — и ступилъ онъ нетлѣнной пятой
Случайно на скалы той голой пустыни, —

Ступилъ — и исчезли туманы и льды,
Какъ горе разлуки въ свиданья часы...

Тамъ Кашемиръ теперь — рай міра.
Пестрѣютъ розы круглый годъ.
Надъ нимъ, какъ царская порфира,
Блеститъ и дышетъ ясный сводъ.
Кругомъ, какъ грани золотыя,
Вершины блещутъ снѣговыя,
Синѣетъ дальній Гималай.
И нѣтъ восточнаго поэта,
Кѣмъ та долина не воспѣта,
Какъ чудный перлъ, цвѣтущій рай,
Кѣмъ не описанъ свѣтлый край,
Его долины золотыя,
Небесъ прекрасная лазурь,
Джелума воды голубыя,
Священный градъ Сиринагуръ.
И нѣтъ поэта въ цѣломъ мірѣ,
Кто не мечталъ о Кашемирѣ,
Кому не снился онъ во снѣ.
И нѣтъ царицы на землѣ,
Чьихъ плечъ собой не украшали
Узоры кашемирской шали,
Святые лотоса цвѣты.
Но глубже, жарче всѣхъ долину
И чтятъ, и любятъ, какъ святыню,
Всѣ Будды вѣрные сыны.

КОРАБЛЬ.

Видалъ корабль я, какъ впервые
Онъ грудью волны разсѣкалъ.
То было въ бурю. Какъ шакалъ,
Могучій вѣтеръ завывалъ,
Неслись удары громовые.

Но по клокочущимъ волнамъ
Корабль носился горделиво,
И парусъ трепеталъ игриво,
И величаво, и спѣсиво
Вздымались мачты къ небесамъ.

Въ немъ думы гордыя кипѣли,
Онъ былъ съ отвагой молодой
Готовъ все море звать на бой.
Онъ презиралъ утесы, мели
И злобной бури дикій вой.

И встрѣтилъ я корабль тотъ снова,
Дремали волны, какъ дитя
У лона матери родного.
Пылало солнце, золотя
Равнину моря голубого.

И на блистающихъ поляхъ
Спокойныхъ водъ корабль усталый
Тащился медленно и вяло,
Какъ инвалидъ на костыляхъ.

Какъ тряпки, паруса висѣли,
Поникли мачты головой:
Припоминались имъ съ тоской
Утесы мрачные да мели
И злобной бури дикій вой.

* * *

Я забыть ее рѣшился
И рукой своей
Сжегъ все то, чтó мнѣ могло-бы
Вспоминать о ней.

И стихи, дневникъ, рисунки —
Все летѣло въ печь.
Ахъ, когда-бъ и сердце, сердце
Могъ я кстати сжечь!

Романтическій сонъ не даетъ мнѣ покоя.
Мнѣ снилось: при блескѣ луны
Въ полуночный часъ изъ могилъ подземельныхъ
Исходятъ на свѣтъ мертвецы.

Ихъ лица измучены, руки изсохли,
Разорванъ послѣдній покровъ;
Стѣснившись въ кружокъ, они жалобно воютъ,
Какъ стая голодныхъ волковъ.

И воютъ, и плачутъ о томъ, что безмѣрно
Ихъ мучатъ въ подземномъ аду...
Ахъ! грустенъ мой сонъ, и всего въ немъ грустнѣе,
Что снился онъ мнѣ на яву.

От глазъ насмѣшливо-холодныхъ
Я глубоко въ душѣ таилъ
Огонь мечтаній благородныхъ,
Избытокъ лучшихъ, дѣтскихъ силъ.

Мечты святыя я учился
Скрывать отъ глупаго суда
И такъ при этомъ изловчился,
Что схоронилъ ихъ навсегда.

Зачѣмъ порой среди трудовъ научныхъ,
Когда устанетъ мозгъ и сонъ коснется глазъ,
Мнѣ снится міръ стенаній сладкозвучныхъ,
Поэта міръ, непризнанный у насъ?

Зачѣмъ душа, порой свой путь мѣняя,
Въ міръ сновъ и грезъ отъ истины бѣжитъ,
Зачѣмъ она ликуетъ и скорбитъ,
Какъ будто кровью истекая?

Минулъ тяжелый день—и ночь сошла съ небесъ.
Прочь, мелкое ярмо заботы и страданій!
Опять въ моей душѣ волшебный міръ воскресъ,
Я снова царь своихъ мечтаній.

Воскресъ волшебный міръ въ торжественной красѣ,
Міръ вдохновенныхъ грезъ, безъ стоновъ и безъ славы,
И думы вѣчныя проносятся въ душѣ
Толпою гордой, величавой.

И грудь моя полна ликующей весны,
Надеждъ и вѣры въ жизнь, и вѣры въ возрожденье,
И вѣры въ Бога...
Ахъ! какъ сладки эти сны,
И какъ ужасно пробужденье!

Н. Минскій.

СРЕДНІЕ ВѢКА

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ОБРАЗОВАННОСТИ.

II. Мѣстныя сказанія и московское литературное объединеніе *).

Въ произведеніяхъ древняго періода, — въ лѣтописи, поученіяхъ, поэтическихъ остаткахъ, какіе дошли до насъ,—ясно высказывалось сознаніе національнаго единства, хотя древняя Русь не имѣла одного центра. Не только Новгородъ чувствовалъ себя независимымъ отъ Кіева, но и другіе крупные города ревниво берегли мѣстные интересы: это не было только слѣдствіемъ соперничества князей, а стародавняя отдѣльность земель и племенъ, которая еще держалась на первыхъ порахъ государственности. Еще хранилась вѣчевая жизнь, и любовь къ мѣстной родинѣ чувствовалась сильнѣе, когда народъ имѣлъ свое участіе въ рѣшеніи ея дѣлъ и отношеній. Едва ли сомнительно, что при политическомъ устройствѣ, которое менѣе насильственно отнеслось бы къ областной жизни, чѣмъ то было въ наши средніе вѣка, сохраненіе этихъ живыхъ мѣстныхъ интересовъ могло быть очень благопріятно для успѣховъ народнаго развитія.

Новый историческій періодъ нашелъ себѣ новый центръ, который послѣ нѣсколькихъ вѣковъ борьбы со стариной сдѣлался національнымъ центромъ. Москва выдѣлилась отъ старой Руси какъ новый принципъ, новая политическая форма. Когда Кіевъ былъ фактически отрѣзанъ татарами и Литвой, кіевская традиція стала забываться, а потомъ и совсѣмъ замерла. Новгородъ также стоялъ особнякомъ, продолжая старыя преданія вѣчевого порядка.

---

*) См. выше: 1876, ноябрь, стр. 803.

Москва вносила стремленіе къ единовластному господству и отрицаніе народной автономіи. Побѣда Москвы надъ отдѣльными княжествами и наконецъ надъ Новгородомъ, — побѣда, которой была необходимость единства, но которая достигнута была мрачными средствами, стала переворотомъ въ цѣлой національной жизни. Параллельно съ ней установилось господство сѣверовосточной великорусской народности.

Возрастаніе новаго народнаго типа и московской централизаціи происходило съ обычной медленностью историческаго процесса. Новый періодъ былъ чрезвычайно различенъ отъ стараго, но въ началѣ разница сказывалась лишь оттѣнками, которые не бросались особенно въ глаза. Прежніе историки, дѣйствительно, мало замѣчали эту разницу, и въ совершившемся процессѣ видѣли только развитіе государственности изъ патріархально-родового общества. Еще меньше можно было замѣчать разницу съ литературной стороны: подробности старой литературы не были еще раскрыты, а общее развитіе обоихъ періодовъ совершалось на одной христіанско-византійской почвѣ. Лѣтъ тридцать назадъ вопросъ о нашихъ среднихъ вѣкахъ разумѣлся такъ, что одни, какъ Шевыревъ, старую исторію и литературу понимали какъ Gesta Dei, а другіе считали эти вѣка почти какъ потраченное время для общечеловѣческаго развитія. Наконецъ, явилась потребность выяснить историческій процессъ, создавшій московскую Россію, и новый рядъ изученій направился на внутреннюю, народную сторону вопроса, до тѣхъ поръ оставленную почти безъ вниманія. Въ послѣднія два десятилѣтія ученые, съ разныхъ точекъ зрѣнія, обратились къ разъясненію этой стороны народной исторіи — этнографической, мѣстно-народной. Изслѣдованія гг. Костомарова, Буслаева, Щапова, Кавелина, Забѣлина, и многихъ другихъ, поддержанныя изученіемъ современныхъ народно-бытовыхъ и поэтическихъ особенностей, ясно указали этотъ этнографическій элементъ въ нашей старой исторіи и литературѣ. Это была реставрація той частной, федеративно-областной жизни, которая поглощена была московской централизаціей, и въ извѣстной переработкѣ и сліяніи довершала образованіе великорусскаго типа. Историки, разныхъ направленій и въ разныхъ сторонахъ изученія, соглашались въ необходимости розыскать мѣстныя, частныя свойства нашего историческаго развитія; они приходили къ убѣжденію, что безъ этого не могли быть поняты и наши историческія свойства. Одинъ изъ этихъ историковъ справедливо замѣчаетъ, что это изученіе необходимо и для нашего нынѣшняго общественнаго сознанія. «Только подробнымъ осмотромъ и раз-

слѣдованіемъ мѣстныхъ областныхъ памятниковъ отжившаго быта,— говоритъ г. Забѣлинъ, — мы достигнемъ возможности выяснить себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытующемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности? Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ... Трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаешь вполнѣ, въ чемъ его *истина* и гдѣ его *ложь*. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія». Безъ точнаго знакомства съ мѣстными особенностями нашей исторической жизни «и наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ и напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій, можетъ разстроить доброе народное дѣло. Мы должны хорошо и въ подробности знать — откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ... Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны [1])».

Эти слова исполнены серьёзнаго значенія и въ историческомъ, и въ современномъ общественномъ отношеніи.

Первый мнимо-историческій фактъ, указанный въ лѣтописи о далекой старинѣ русской земли — легенда о посѣщеніи ея св. равноапостольнымъ Андреемъ—уже носитъ на себѣ всѣ признаки мѣстнаго, исключительнаго преданія. Легенда разсказываетъ, что Андрей, прибывъ изъ Синопа въ устью Днѣпра и намѣреваясь отправиться въ Римъ, поднялся вверхъ по рѣкѣ, прибылъ на то мѣсто, гдѣ послѣ былъ Кіевъ, и предсказалъ, что будетъ здѣсь славный городъ, процвѣтающій христіанствомъ; затѣмъ Андрей пришелъ въ страну славянъ, гдѣ послѣ былъ Новгородъ, и замѣтилъ странный обычай жителей, которые парятся въ баняхъ и «никѣмъ не мучимые, сами себя мучатъ».

[1]) Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, II, стр. 108—109.

Наши церковные историки всего чаще принимали цѣликомъ благочестивое преданіе, хотя уже митр. Платонъ сомнѣвался въ его фактической достовѣрности. Новѣйшіе историки церкви отвергаютъ совершенно эту достовѣрность, и стараются только объяснить поводы и происхожденіе легенды [1]). Греческія житія, которыя одни могли доставить древнимъ нашимъ книжникамъ свѣдѣнія объ ап. Андреѣ, ничего не говорятъ объ его странствіи къ славянамъ кіевскимъ и новгородскимъ, такъ что этотъ разсказъ, очевидно, русскаго происхожденія, — или народнаго, или лично-книжнаго. Основаніемъ легенды было очевидно тщеславіе нашихъ предковъ, желавшихъ, чтобы и русское христіанство поставлено было въ связь съ первыми апостолами; а поводъ былъ тотъ, что житія св. Андрея упоминаютъ (очень неясно) о посѣщеніи имъ «Скиѳіи». Указанный сейчасъ критикъ легенды справедливо предполагаетъ, что легенда относительно нова, и именно явилась уже послѣ составленія первоначальной лѣтописи, куда прибавлена только позднѣе,—потому что въ другомъ мѣстѣ этой самой лѣтописи упоминается что «сдѣ (т.-е. въ русской землѣ) не суть апостоли учили», и что «тѣломъ апостоли не суть сдѣ были» [2]); притомъ подобная похвальба могла явиться лишь тогда, когда христіанство утвердилось прочно въ древней Руси.

Во всякомъ случаѣ, легенда явилась и не позднѣе конца XII или начала XIII вѣка, въ расцвѣтѣ кіевской литературы, и любопытна тѣмъ, что въ ней отразился мѣстный элементъ. «Замѣчательна редакція повѣсти, помѣщенная въ лѣтописи, — говоритъ г. Голубинскій.—Серьёзное по крайней мѣрѣ на половину перемѣшано въ ней съ шуточнымъ и юмористическимъ, и апостолъ не совсѣмъ скромнымъ образомъ употребленъ въ орудіе насмѣшки. Принадлежа Малороссіи (т.-е. южной Руси) редакція имѣетъ цѣлію на половину прославленіе Кіева, на горахъ котораго апостолъ водрузилъ крестъ, на половину же осмѣяніе великорусскаго (т.-е. сѣверно-русскаго) Новгорода, въ которомъ онъ чудился страннымъ великорусскимъ банямъ». Извѣстно, что между разными областями изстари велись насмѣшки другъ надъ

---

[1]) См. статью г. Голубинскаго, Христіанство въ Россіи до Владиміра святого, „Ж. Мин. Нар. Пр." 1876, сент., стр. 46—61, гдѣ легенда разсмотрѣна со всей подробностью.

[2]) Въ повѣсти объ убіеніи варяговъ-христіанъ при Владимірѣ-язычникѣ. — Голубинскій, стр. 50. Полн. Собраніе Лѣтописей, I, стр. 35. Къ этому можно прибавить еще другія подобныя цитаты, противорѣчащія легендѣ объ Андреѣ, напр. Собр. Лѣт. I, стр. 50, гдѣ опять говорится объ отсутствіи на Руси апостольскаго ученія, или стр. 12, гдѣ учителемъ славянъ называется ап. Павелъ.

другомъ, мирныя шутки, которыя однако при случаѣ принимали и враждебный тонъ; лѣтопись представляетъ примѣры, когда воины передъ битвой переворялись такими прозвищами. Этого рода насмѣшку заключаетъ въ себѣ и легенда о св. Андреѣ; южноруссъ, у котораго нѣтъ сѣверныхъ бань, говоритъ новгородцу: бывши у насъ въ Кіевѣ, апостолъ изрекъ пророчество и, благословивъ наши горы, поставилъ на нихъ крестъ, а у васъ, въ Новгородѣ, подивился только на вашу хитрую выдумку—самимъ себя сѣчь и мучить, о чемъ разсказывалъ даже въ Римѣ» [1]).

Развитіе легенды на этомъ не остановилось. Въ новгородскихъ редакціяхъ (извѣстныхъ въ болѣе позднихъ рукописяхъ) умалчивается о баняхъ, но говорится, что апостолъ проповѣдовалъ въ Новгородской области слово Божіе и на благословеніе оставилъ свой жезлъ. Затѣмъ «водруженіе» жезла пріурочено къ опредѣленной мѣстности: это было село «Друзино»—впослѣдствіи знаменитое аракчеевское Грузино. Новгородская редакція хотѣла сказать, что апостолъ Андрей сдѣлалъ въ Новгородѣ даже больше, — въ Кіевѣ поставилъ только крестъ на пустыхъ горахъ, а здѣсь и проповѣдовалъ, и оставилъ свое благословеніе. Въ одномъ житіи XVI вѣка описывается самый жезлъ апостола Андрея «изъ незнаемаго никѣмъ дерева», не погибавшій отъ пожара и съ подписью, повидимому на славянскомъ языкѣ, — по мнѣнію г. Голубинскаго, вѣроятно занесенный изъ южныхъ странъ какимънибудь паломникомъ.

Время прекратило старые перекоры; кіевская легенда сохранилась въ лѣтописи, и стала считаться общерусскимъ преданіемъ; новгородское дополненіе было въ Москвѣ оффиціально признано. Съ XVI вѣка, если не раньше, уже господствовалъ взглядъ, что русское христіанство начинается съ св. Андрея. Иванъ Грозный, въ спорѣ съ Поссевиномъ, доказывалъ древность русской вѣры, ссылался на «проповѣдь» этого апостола въ русской землѣ, какъ на историческій фактъ. Арсеній Сухановъ, въ XVII вѣкѣ, въ спорахъ съ греками, также утверждалъ, что русскіе «приняли крещеніе отъ апостола Андрея».

Въ произведеніяхъ древняго періода вообще нерѣдки проявленія мѣстнаго взгляда, которыя были не случайнымъ провинціализмомъ, но указывали на извѣстную областную самостоятельность. Федеративная особность земель соединялась съ нѣкоторымъ просторомъ народной жизни въ вѣчевомъ порядкѣ, и слѣды ея остались въ цѣломъ рядѣ мѣстныхъ сказаній, до сихъ поръ

[1]) Голубинскій, стр. 52.

вполнѣ не собранныхъ, но любопытныхъ какъ остатокъ исторической формаціи, затертой и покрытой другими позднѣйшими слоями. Историки говорятъ обыкновенно о политической несостоятельности удѣльно-вѣчевого порядка; мѣстная раздѣльность отразилась въ самомъ дѣлѣ вредными слѣдствіями на общей судьбѣ государства,—но вина едва ли лежала только на самомъ федеративномъ порядкѣ; онъ еще не успѣлъ выработаться изъ первобытнаго состоянія, когда уже падалъ подъ гнетомъ обстоятельствъ, монгольскаго ига и династическаго себялюбія и раздора. Борьба съ этими обстоятельствами и два вѣка спустя была очень трудна для московской Руси, уже объединенной и сильной; и политическая централизація едва ли требовала подавленія внутренней мѣстной самодѣятельности, какъ это, къ сожалѣнію, случилось съ московскаго періода. Но, какъ бы ни рѣшался этотъ вопросъ, любопытно видѣть, какъ развитіе областной жизни сопровождалось обиліемъ мѣстныхъ сказаній, какого не знаетъ позднѣйшее время, и въ нихъ можно наблюдать, между прочимъ, встрѣчу и столкновеніе областныхъ особенностей между собою и съ тѣмъ объединяющимъ потокомъ, который представляла Москва.

Лѣтописанье уже въ первое время началось не только въ Кіевѣ и Новгородѣ, но и въ другихъ старѣйшихъ городахъ. Областные центры заводили каждый свою лѣтопись, что бывало въ тѣ времена не только признакомъ личной любознательности, но, быть можетъ еще больше, признакомъ и отголоскомъ политическихъ интересовъ самого общества. Начальная лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой, была уже сводомъ, въ который вошли извѣстія новгородскія, волынскія, полоцкія, муромскія, переяславскія, и др. [1]). Извѣстно также, что есть лѣтописныя извѣстія, очень древнія, не вошедшія въ этотъ сводъ,—такъ что послѣдній не представляетъ всего, что было въ древнѣйшемъ лѣтописаньѣ. Сама «Повѣсть временныхъ лѣтъ», при всемъ ея общерусскомъ направленіи, есть въ частности произведеніе кіевское. Въ одно время съ кіевской, или нѣсколько позднѣе, началось лѣтописанье въ Новгородѣ, на Волыни, въ Суздалѣ, Твери. Была, но не сохранилась, старая лѣтопись ростовская, и проч. Каждая изъ этихъ лѣтописей записывала событія съ точки зрѣнія своего города и своей земли; своды или сборныя лѣтописи составляли уже болѣе сложный историческій трудъ, куда входили свѣдѣнія изъ другихъ областныхъ разсказовъ и записокъ, такъ что въ сводахъ уже нѣтъ исключительно мѣстнаго характера, и,

[1]) См. Бестужева-Рюмина, О составѣ русскихъ лѣтописей, стр. 58.

напротивъ, встрѣчаются иногда рядомъ извѣстія о лицахъ и событіяхъ съ очень несходной окраской. Новѣйшія изслѣдованія разъяснили мозаическій составъ лѣтописи, и, возстановляя факты по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ, находимъ, что каждый крупный городъ, областной центръ, даже далекая, не долго просуществовавшая Тмутаракань, имѣли или цѣлыя обширныя лѣтописи, или отдѣльныя историческія записи.

Многія извѣстія, находящіяся въ лѣтописныхъ сводахъ, сначала были очевидно отдѣльными сказаніями, которыя цѣликомъ вставлены были въ лѣтопись. Рядъ такихъ сказаній находится въ начальной лѣтописи [1]). Таковы баснословныя сказанія о походѣ Олега подъ Царьградъ и его смерти, о смерти Игоря и мщеніи Ольги; о крещеніи Ольги; легенда объ апостолѣ Андреѣ; разсказъ о крещеніи Владиміра, убійствѣ Бориса и Глѣба, разсказы о печерскомъ монастырѣ и т. д. Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній въ самомъ дѣлѣ извѣстны и отдѣльно отъ лѣтописи въ своемъ цѣломъ составѣ; другія извѣстны только въ цитатахъ лѣтописцевъ. Въ теченіи средняго періода эта литература значительно разростается, опираясь на мѣстную легенду. Въ разныхъ концахъ русской земли мы встрѣчаемъ массу историко-легендарныхъ сказаній, сохраняющихъ память и славу мѣстныхъ героевъ и святыхъ; въ каждомъ областномъ центрѣ былъ свой кругъ преданій, имѣвшихъ чисто мѣстное значеніе,—пока не получили они болѣе широкаго, обще-русскаго распространенія. Какъ народная жизнь распадалась въ удѣльно-вѣчевомъ порядкѣ на отдѣльныя области, такъ въ литературѣ мѣстныя сказанія были выраженіемъ областныхъ автономій; мѣстныя преданія береглись и прославлялись и тогда, когда политическая независимость областей была потеряна; они становились послѣдними отголосками пережитой старины. Окончательная судьба этихъ сказаній была параллельна судьбѣ самой мѣстной жизни: какъ эта послѣдняя была, наконецъ, мало-по-малу поглощена Москвой, такъ и эти сказанія, историческія и легендарныя, слились въ общерусское содержаніе: Москва внесла ихъ въ свою собственную исторію, и признала мѣстныхъ святыхъ.

Г. Буслаевъ, который прежде другихъ оцѣнилъ историческое значеніе мѣстныхъ сказаній, видитъ въ нихъ эпизоды великаго національнаго эпоса. Это дѣйствительно своего рода эпопея, записанная обыкновенно въ книжно-реторической формѣ, но не-

---

[1]) См. любопытныя изслѣдованія г. Костомарова объ этомъ предметѣ, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1873 г., янв., февр., мартъ.

рѣдко очень народная въ основаніи, потому что она создавалась на половину въ монастырской и церковной средѣ, на половину въ народѣ. По мѣрѣ того, какъ христіанство становилось господствующей основой народныхъ вѣрованій, для старой героической эпопеи уже не оставалось мѣста въ дѣйствительности, и ее смѣнила эпопея легендарная. Съ возроставшимъ упадкомъ языческой старины, народное поэтическое и религіозное чувство все больше примыкаетъ къ новому содержанію, и выраженіе этого новаго содержанія мы находимъ не только въ литературѣ историческихъ сказаній и «житій», но и во множествѣ разнообразныхъ народно-поэтическихъ памятниковъ, гдѣ иногда и не ищутъ его. Въ самомъ дѣлѣ, старина была гораздо больше забыта, чѣмъ думаютъ иногда изслѣдователи, стараясь, напр., возстановить древность былинъ,—на мѣсто богатырской поэзіи въ грамотномъ и благочестивомъ классѣ давно стала распространяться другая поэзія въ смыслѣ христіанскаго подвижничества и аскетизма. Богатырей смѣнили благочестивые подвижники, героическій эпосъ смѣнился «житіемъ», которое наконецъ развилось въ обширный своеобразный циклъ. Біографы князей, особенно возбуждавшихъ вниманіе и сочувствіе народа, никогда не довольствовались ихъ политическими и военными дѣяніями, и всегда къ славѣ мірскихъ подвиговъ старались прибавить славу благочестія и святости. Такимъ образомъ и эти историческія повѣсти становились «житіемъ». Сюда присоединилось, наконецъ, множество сказаній о чудесахъ, — эти чудеса или творились святыми и ихъ останками, и тогда описанія ихъ присоединялись къ житіямъ; или исходили отъ различныхъ святынь, знаменитыхъ иконъ, особенно Спасителя, Богоматери, и тогда они являлись въ отдѣльныхъ сказаніяхъ, наполнявшихъ сборники на ряду съ житіями.

Легендарная поэзія распространялась съ успѣхами церковности и монашества: съ первыми монастырями она явилась въ Кіевѣ, размножается потомъ вездѣ, по мѣрѣ того, какъ церковность проникаетъ въ нравы. Въ средневѣковой сѣверной Руси легенда была не менѣе обильна, какъ самое монашество расширилось на сѣверѣ несравненно сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь на югѣ. Притомъ сѣверное монашество съ теченіемъ времени становилось болѣе и болѣе демократическимъ: монастыри строились уже не въ городахъ, а въ дѣйствительныхъ «пустыняхъ»; ихъ основателями и «братіей» бывали люди книжные, но простые—здѣсь въ особенности былъ просторъ для легенды. Она вообще создавалась легко въ вѣка наивной вѣры и въ воображеніи, уже впередъ настроенномъ, и пустынножительство въ дебряхъ и суровой природѣ давало

вдоволь случаевъ примѣнять извѣстные образцы монашескихъ трудовъ и искушеній, борьбы съ плотью и бѣсами. Въ сравненіи со старой кіевской легендой, сѣверная богаче фантазіей въ разработкѣ тэмы бѣсовскихъ приключеній, и связь легенды не съ монашескимъ только и книжнымъ содержаніемъ, но съ чисто-народнымъ повѣрьемъ и разсказомъ очевидна въ такихъ произведеніяхъ, какъ житіе Петра и Февроніи, или сказаніе о бѣсноватой женѣ Соломоніи (въ чудесахъ Прокопія Устюжскаго). Наконецъ легенда получала и мѣстный характеръ, мѣстныя примѣненія.

Въ народной средѣ религіозныя представленія рѣдко сохраняютъ отвлеченную чистоту, и напротивъ популяризуются, воспринимаютъ въ себя отпечатки быта и нравовъ, въ формѣ болѣе или менѣе грубой, или идеальной. Народная религія всегда требуетъ образовъ, наглядныхъ проявленій. Въ этомъ отношеніи между прочимъ сказалось, съ теченіемъ исторіи, рѣзкое различіе между югомъ и сѣверомъ: первый гораздо больше способенъ былъ держаться отвлеченно-нравственнаго характера религіозныхъ представленій, второй гораздо больше стремился къ практической осязательности, антропоморфизму и внѣшности; оттого послѣдній тѣмъ легче выработалъ потомъ крайнюю религіозную исключительность и раскольническій формализмъ. Потребность внѣшняго олицетворенія религіознаго чувства находила опору въ христіанскомъ почитаніи святыхъ, и во всемъ древнемъ христіанскомъ мірѣ создала обычай патрональнаго освященія политической и общественной жизни: извѣстная мѣстность, городъ, монастырь находили своего святого—патрона, который какъ-бы дѣлался ихъ священнымъ представителемъ и спеціальнымъ покровителемъ и защитникомъ. Первая церковь, основанная въ городѣ при введеніи христіанства; чудеса отъ какой-нибудь иконы; областной князь, славный подвигами и возвеличенный въ легендѣ; мѣстный подвижникъ, получившій церковное и народное признаніе,—все это доставляло мѣстныхъ святыхъ и мѣстныя святыни съ бóльшей или меньшей славой и признаніемъ въ другихъ областяхъ или во всей землѣ. Народъ, съ первымъ появленіемъ христіанства, научаемъ былъ обращаться къ этимъ покровителямъ въ различныхъ дѣйствіяхъ и случаяхъ своей жизни, такъ что издавна различные святые получали роль хранителей дома, стадъ, цѣлителей разныхъ болѣзней, помощниковъ на войнѣ, въ судѣ, въ обученіи грамотѣ и т. д. Естественно, что народъ, уже ревностный къ вѣрѣ, возводилъ поклоненіе мѣстнымъ святынямъ до признанія ихъ особенными, исключительными покровителями своей родины, до отождествленія своей области или города съ этими святынями: кіевлянинъ, выходя въ

битву, сражался за свою св. Софію, за печерскихъ чудотворцевъ; новгородецъ — за свою Софію; владимірецъ — за свою мѣстную Пречистую и т. д., и не только сражались они за Спаса и Пречистую противъ какихъ-нибудь язычниковъ-половцевъ, татаръ, но и другъ противъ друга. Наивная вѣра умѣла мирить странное противорѣчіе, что отождествляя свое дѣло съ своими священными символами, они заставляли самыя святыни какъ-бы бороться между собою: она умѣла обходить подобныя трудности или умолчаніемъ, или своимъ истолкованіемъ факта. Естественно, что какъ скоро принято было это представленіе о спеціальномъ покровительствѣ, мѣстная святыня окружалась сказаніями, подтверждавшими это покровительство, и въ концѣ-концовъ политическая борьба олицетворялась или сопровождалась чудесами, знаменіями, пророчествами.... Духовенство, и особенно монастырское, съ самаго начала обнаружило болѣе или менѣе сильное вмѣшательство въ личныя и политическія дѣла князей: это была духовная, нравственная власть, и наиболѣе грамотное сословіе. Упомянутыя религіозныя средства были исключительнымъ его дѣломъ. Въ среднемъ періодѣ оно продолжало свою политическую роль: монастырскіе подвижники, впослѣдствіи оказывавшіеся святыми, имѣли свои политическіе взгляды, принадлежали къ политическимъ партіямъ; не одинъ разъ они вмѣшивались въ борьбу своимъ голосомъ, и на поддержку ихъ авторитета являлись чудесныя знаменія, видѣнія и предсказанія. Извѣстно, какую сильную помощь духовенство доставило Москвѣ въ борьбѣ съ удѣлами, — легенда приводитъ не одинъ примѣръ чудотворнаго покровительства, какое получала Москва, или грознаго предостереженія, какое получали падавшія княжества.

Литература лѣтописи, историческихъ сказаній и житій обильно отражаетъ эти черты старой жизни, въ которыхъ можно иногда наблюдать историческій процессъ борьбы частныхъ оттѣнковъ народности и ихъ объединеніе, — по крайней мѣрѣ съ одной стороны. Эти черты становятся тѣмъ больше цѣнны, что областная народная жизнь тѣхъ временъ, къ сожалѣнію, слишкомъ стерлась въ историческомъ воспоминаніи, и ея памятники сохранились только въ скудныхъ остаткахъ. «Чтобы составить себѣ ясное понятіе о нравственномъ характерѣ русскаго народа, — говоритъ г. Буслаевъ по этому поводу, — надобно войти въ мѣстные интересы всѣхъ частей, изъ которыхъ этотъ характеръ сложился». — Полное изслѣдованіе этого предмета не есть наша цѣль, — оно почти и невозможно при настоящемъ положеніи источниковъ, изданныхъ только незначительной долей; мы ограничимся общими указаніями

на литературную область, изслѣдованіе которой можетъ быть исполнено историческаго интереса.

Въ древнемъ періодѣ было два центра, въ которыхъ главнымъ образомъ собрались областные элементы и гдѣ были пункты тогдашней образованности — Кіевъ и Новгородъ. Превосходство церковнаго просвѣщенія было на сторонѣ Кіева, и здѣсь же развился первый легендарный циклъ «Кіевскаго Патерика» и другихъ сказаній. Вслѣдствіе первостепеннаго положенія Кіева, какъ общерусской столицы княжеской и церковной власти, кіевскія житія издавна получили общее признаніе. Кругъ новгородскихъ сказаній образуется позднѣе; но его легендарные герои принадлежатъ древнему періоду — Антоній Римлянинъ, архіеп. Іоаннъ, Нифонтъ, Варлаамъ Хутынскій.

Въ среднемъ періодѣ, главными пунктами политическаго значенія, церковной жизни и легенды являются Москва и Новгородъ. Дальше скажемъ, какъ Москва, возвышаясь до своего господствующаго положенія, связывала себя легендарной генеалогіей, черезъ Владиміръ и Суздаль, съ Кіевомъ; какъ ея политическое значеніе должна была поддерживать слава ея собственныхъ подвижниковъ и святыхъ іерарховъ (св. Сергій Радонежскій, митр. Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ); какъ борьба ея съ Новгородомъ и побѣда надъ нимъ нашли цѣлый рядъ легендарныхъ отголосковъ въ сказаніяхъ, защищавшихъ ту или другую сторону. Но при всей политической силѣ, Москва не скоро получила равное значеніе по своей церковной книжности и по развитію легенды; она долго уступала въ этомъ старымъ городамъ; кромѣ Новгорода, въ этомъ отношеніи превышали ее и другіе города, во-первыхъ — Ростовъ.

Этотъ древній городъ имѣлъ свою эпоху процвѣтанія и въ его легендѣ отразилось желаніе связать церковную святыню Ростова не только съ Кіевомъ, но съ самимъ Царьградомъ. Ростовъ имѣлъ цѣлый рядъ подвижниковъ, житія которыхъ составляютъ особый ростовскій циклъ: это были въ особенности св. Леонтій, первый епископъ и просвѣтитель Ростова, принявшій тамъ мученическую смерть; его преемникъ Исаія, и затѣмъ Авраамій. Первыя редакціи житія св. Леонтія относятъ еще къ концу XII-го вѣка. Въ 1164 открыты были мощи Леонтія и Исаіи; черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣдовало церковное прославленіе Авраамія, родоначальника ростовскихъ монастырей, и это вѣроятно побудило въ первый разъ къ составленію легендарныхъ записокъ о ихъ жизни. Въ сказаніяхъ не разъ обнаруживается присутствіе мѣстнаго элемента. По легендѣ, Ростовъ просвѣщается

христіанствомъ непосредственно изъ Царьграда: самъ патріархъ «многу печаль имѣетъ» о далекомъ упрямомъ Ростовѣ и долго ищетъ для него «твердаго пастуха» — таковой нашелся въ Леонтіѣ, который ѣдетъ изъ Царьграда прямо въ Ростовъ, не вступая въ сношенія съ Кіевомъ и его митрополитомъ. Подобная черта — указаніе на прямую связь Ростова съ Царьградомъ — замѣтна и въ житіи Авраамія, и историки сопоставляютъ это съ исторически-извѣстной тенденціей Ростова къ независимости отъ кіевской митрополіи. Церковное прославленіе Леонтія въ Ростовѣ совершалось въ то время, когда Андрей Боголюбскій, съ помощью Өеодора, впослѣдствіи ростовскаго епископа, хлопоталъ о томъ, чтобы отдѣлить ростовскую каѳедру отъ Кіева и, перенести ее во Владиміръ, сдѣлать изъ нея вторую русскую митрополію. Самъ Өеодоръ получилъ епископское посвященіе въ Константинополѣ и очень этимъ гордился; онъ не принялъ благословенія отъ кіевскаго митрополита, и, по словамъ лѣтописи, говорилъ: «не митрополитъ меня поставилъ, но патріархъ въ Царѣградѣ; такъ отъ кого еще другаго искать мнѣ поставленія и благословенія?» [1])

Въ житіи Исаіи указываютъ съ другой стороны на связь Ростова съ Кіевомъ: Исаія былъ печерскій инокъ, и легенда говоритъ, что этотъ угодникъ въ облакѣ былъ перенесенъ изъ Ростова въ Кіевъ на освященіе знаменитой печерской церкви Богородицы (строеніе которой съ начала до конца сопровождалось множествомъ чудесъ) и въ облакѣ же воротился назадъ [2]). Въ житіи Авраамія выдающееся обстоятельство представляетъ разсказъ, что когда Авраамій (самъ узнавшій христіанство въ домѣ отца-язычника отъ новгородскихъ путниковъ) поселился близъ Ростова, тамъ еще цѣлый чудской конецъ поклонялся идолу Велесу и что Авраамій сокрушилъ этого идола жезломъ съ помощью Іоанна

---

[1]) Ключевскаго, Древнерусскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ. М. 1871, стр. 18—21. Это — лучшее критическое изслѣдованіе объ историческомъ значеніи житій, времени ихъ написанія, ихъ различныхъ редакціяхъ и т. п.; трудъ замѣчательный тѣмъ болѣе, что авторъ работалъ почти исключительно на основаніи рукописей. Пересказы самаго содержанія житій читатель можетъ найти въ Ист. Церкви, Макарія, и въ книгѣ архіеп. Филарета: „Русскіе святые“, 1861—66. Но вполнѣ критическаго взгляда и исторической оцѣнки читатель долженъ искать у Ключевскаго. Изслѣдованія отдѣльныхъ житій, какъ легендарной поэзіи, сдѣланы г. Буслаевымъ; см. также сочиненіе г. И. Некрасова: Зарожденіе національ. литературы въ сѣв. Руси, 1870. Старые тексты житій и легендарныхъ сказаній издавались въ „Собраніи Лѣтописей“, въ „Правосл. Собесѣдникѣ“, „Памятникахъ стар. рус. литературы“ г. Костомарова, въ разныхъ трудахъ г. Срезневскаго и т. д. Недавно начато полное изданіе Макарьевскихъ „Миней“ Археогр. Коммиссіей.

[2]) „Правосл. Собесѣдникъ“, 1858; Буслаева, Очерки, II, 99—100.

Богослова, явившагося ему въ видѣніи; и другой разсказъ о борьбѣ Авраамія съ діаволомъ, который мстилъ ему за мученіе, испытанное подъ крестомъ въ умывальницѣ Авраамія — такимъ образомъ, какъ въ извѣстной легендѣ объ Іоаннѣ, архіеп. новгородскомъ [1]). Въ нѣкоторыхъ варіантахъ легенда развивается съ бóльшими подробностями, и изслѣдователи думаютъ, что въ преданіи о путешествіи Авраамія въ Новгородъ для иноческихъ подвиговъ и въ перенесеніи на него преданія объ архіепископѣ новгородскомъ сказывается связь Ростова съ Новгородомъ, — а совѣтъ старца Авраамію идти въ Царьградъ и тамъ въ домѣ св. Іоанна Богослова искать оружія противъ ростовскаго идола повторяетъ мѣстное воспоминаніе о Царьградѣ, какъ первомъ источникѣ христіанства въ Ростовѣ [2]).

Одно изъ очень извѣстныхъ произведеній ростовскаго цикла есть легенда объ ордынскомъ царевичѣ Петрѣ, принявшемъ христіанство и поселившемся въ Ростовѣ (въ концѣ XIII вѣка). Легенда написана съ цѣлью доказать неоспоримость правъ потомства царевича и основаннаго имъ монастыря на земли и воды, купленныя царевичемъ у ростовскаго князя Бориса, и написана подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тяжбы, въ которой правнуки Бориса оспаривали эти права. Дѣло въ томъ, что царевичъ купилъ эти земли дорогою цѣной; довѣряя князю, онъ едва взялъ грамоты на покупку, и князь былъ друженъ съ нимъ, вступилъ даже въ побратимство съ царевичемъ; но потомки Бориса относились враждебно къ потомству царевича, какъ къ «татарской кости», и наконецъ стали оттягивать земли. Дѣло дошло до татарскаго суда; изъ орды прибылъ посолъ, и справедливо рѣшилъ дѣло въ пользу потомковъ царевича и его монастыря. «Любопытное сказаніе о татарскомъ адвокатѣ за православіе противъ христіанскихъ князей!» замѣчаетъ г. Буслаевъ въ своемъ изслѣдованіи объ этой легендѣ, и думаетъ вообще, что ростовское сказаніе, возникшее въ городѣ, «проникнутомъ татарщиною», очевидно держится татарскаго направленія противъ своекорыстія и маловѣрія ростовскихъ князей. Проще и вѣроятнѣе объясняетъ дѣло другой критикъ. Выраженія житія о Петровскомъ монастырѣ позволяютъ подозрѣвать въ «смиренномъ и худомъ рабѣ», какъ называетъ себя авторъ, инока этого монастыря, слѣдовательно человѣка, заинтересованнаго въ тяжбѣ, и «смиренный рабъ» могъ писать, не стѣсняясь ростовскими князьями (въ

---

[1]) О немъ дальше.

[2]) Ключевскій, стр. 33.

XIV вѣкѣ), когда Москва начала уже хозяйничать въ сѣверныхъ княжествахъ, и когда, по выраженію житія Сергія Радонежскаго, «наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое досталося князю вел. Ивану Даниловичу», и городу Ростову и его князьямъ пришлось плохо, «яко отъятся отъ нихъ власть и княженіе» [1]).

Старый городъ Смоленскъ, по извѣстіямъ XII вѣка, является съ примѣрами значительнаго просвѣщенія. Князь Романъ Мстиславичъ, внукъ Мономаха (1160—1181) основалъ здѣсь училище, въ которомъ, по преданію, учили не только по-славянски, но по-гречески и по-латыни; его преемникъ построилъ церковь архистр. Михаила, которая по кіевской лѣтописи считалась великолѣпнѣйшимъ храмомъ во всей сѣверной Руси. Можно думать, что успѣху просвѣщенія содѣйствовала также близость и сношенія Смоленска съ Ригой и готскимъ берегомъ. Смоленскъ имѣлъ свою древнюю легенду, два произведенія которой занимають видныя мѣста въ средѣ житій. Одно изъ нихъ—житіе Авраамія смоленскаго, который жилъ въ концѣ XII и началѣ XIII-го вѣка, написанное его ученикомъ. Само житіе, написанное съ извѣстнымъ искусствомъ, подтверждаетъ историческое свидѣтельство, что Смоленскъ могъ равняться съ другими древними центрами по своему книжному просвѣщенію. Оказывается, что Авраамій, учась въ своемъ монастырѣ, имѣлъ подъ руками большую библіотеку церковной литературы, которая пересчитывается въ житіи; самъ авторъ сказанія—человѣкъ очень книжный, онъ хорошо владѣетъ стилемъ житій, и реторическое предисловіе составлено по образцу Ѳеодосіева житія, написаннаго Несторомъ.

Другая смоленская легенда о св. Меркуріѣ, по мнѣнію г. Буслаева, составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ русской литературы временъ татарскихъ, и лучшее изъ всѣхъ сказаній о татарщинѣ. Легенда, извѣстная въ различныхъ редакціяхъ, разсказываетъ вообще о геройской борьбѣ Меркурія съ полчищами Батыя: когда татары грозили Смоленску, сама Богородица призвала Меркурія на подвигъ; предъ нимъ явился чудесный конь, Меркурій отправился въ битву и истребилъ множество враговъ, Батый бѣжалъ и нашелъ смерть въ Económ; но погибъ и самъ Меркурій—одинъ изъ враговъ (по другому разсказу, невѣдомый прекрасный воинъ) срубилъ Меркурію голову, и Меркурій, взявши ее въ руки, самъ возвратился съ ней въ городъ, гдѣ и былъ погребенъ. Г. Буслаевъ находитъ въ легендѣ остатки древняго миѳологическаго преданія, переработан-

[1]) Буслаевъ, Очерки, II, стр. 168, 172; Ключевскій, стр. 41—42.

наго въ христіанскомъ смыслѣ, но относитъ ея составленіе къ татарской эпохѣ, и видитъ въ ней знаменательный памятникъ тогдашняго настроенія: татарскія времена много содѣйствовали развитію сознанія русской народности въ противоположность къ иноземному и невѣрному, и превосходства ея надъ невѣрнымъ и варварскимъ. Сознаніе это могло окрѣпнуть лишь тогда, когда русскіе переставали бояться татаръ, и Меркурій есть олицетвореніе національной побѣды и превосходства. Тотъ же критикъ придаетъ большое значеніе тому обстоятельству, что въ одной изъ редакцій легенды Меркурій названъ римляниномъ, т.-е. иноземцемъ и католикомъ: Смоленскъ, по словамъ, г. Буслаева, не мирился, какъ Ростовъ, съ татарщиной, и напротивъ—«съ надеждой обращалъ взоры на Западъ, и, хотя безсознательно, превознесъ въ своемъ героѣ плоды западнаго просвѣщенія и противопоставилъ его восточному насилію и варварству. Потому весь характеръ смоленскаго героя проникнутъ *рыцарствомъ;* это *крестоносецъ*, совершающій чудеса храбрости, это *божій дворянинъ*, побораюшій за христіанство противъ поганыхъ мусульманъ, это паладинъ изъ полчищъ Карла Великаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ благочестивый рыцарь, посвятившій себя на служеніе Мадоннѣ»[1]).

Заключенія преувеличены, если принять въ разсчетъ, что легенда еще мало изслѣдована; но западный элементъ могъ дѣйствительно имѣть свою долю въ ея составѣ. Любопытно еще найденное г. Буслаевымъ, въ одной старой книгѣ о русскихъ святыхъ, отрывочное извѣстіе о смоленскомъ чудотворцѣ Меркуріѣ, что онъ въ 1239 г. ноября 14-го «во гробѣ приплылъ въ Кіевъ»—оригинальное усвоеніе Кіевомъ смоленскаго святого.

Во Владимірѣ, какъ думаютъ, составлена первоначальная редакція житія Александра Невскаго, занесенная съ варіантами и пропусками въ лѣтопись и принадлежащая современнику князя. Въ авторѣ этого житія нельзя видѣть новгородца, такъ какъ у него нѣтъ обычныхъ новгородскихъ интересовъ и взглядовъ; онъ не былъ и псковичъ, потому что очень сурово относится и къ псковичамъ;—эти обстоятельства и отношенія автора къ ливонскимъ нѣмцамъ и шведамъ даютъ критикамъ поводъ видѣть въ авторѣ жителя низовской земли, именно владимірца, тѣмъ болѣе, что въ житіи съ подробностями разсказывается о погребеніи Александра во Владимірѣ, чего нѣтъ въ новгородской лѣтописи. Житіе имѣетъ свои литературныя особенности: авторъ обнаруживаетъ извѣстную опытность въ книжномъ искусствѣ, но свобо-

[1]) Очерки, II, стр. 197.

денъ отъ позднѣйшей многословной и тяжелой витіеватости; онъ умѣетъ употребить историческое сравненіе и примѣръ, и при случаѣ высказать просто и искренно свое чувство, иногда указать черту современныхъ взглядовъ, и вообще живо рисовать лица и событія,—чего напрасно искать въ позднѣйшихъ житіяхъ, условно-реторическихъ и тяжелыхъ. Критики еще находятъ въ житіи Александра литературное вліяніе кіевскаго или волынскаго юга, ту живость и образность, которая отличала южныхъ лѣтописцевъ въ противоположность сѣвернымъ [1]).

Тверь, которая сравнительно позже пріобрѣла свое политическое значеніе, имѣла свою долю мѣстныхъ сказаній. Это—извѣстная повѣсть объ убіеніи князя Михаила въ ордѣ (очень рѣдкое въ рукописяхъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, какъ было составлено современникомъ, и внесенное въ лѣтописи уже въ передѣлкѣ XV вѣка). Оно писано спутникомъ Михаила въ орду и очевидцемъ его смерти. «Сквозь простой разсказъ повѣсти,—говоритъ г. Ключевскій,—тверской князь выступаетъ у автора величественной фигурой; на его сторонѣ право и великодушіе: онъ готовъ отступиться отъ своего великокняжескаго права въ пользу соперника, лишь бы вражда прекратилась; при всякомъ случаѣ выражаетъ готовность пострадать, лишь бы неповинные христіане избѣгнули бѣды смертью его одного; онъ борется одинъ противъ московско-татарскаго союза, причемъ авторъ умалчиваетъ, что и его герой водилъ изъ орды окаянныхъ татаръ на Русь, на погибель христіанству. Но любопытно, что соперникъ его, Юрій московскій, остается въ тѣни и не на него направлено негодованіе автора. Юрій съ низовскими князьями—орудія татаръ, невольныя жертвы ордынской жадности и особенно треклятаго Кавгадыя, всего зла заводчика. Такое отношеніе тѣмъ болѣе любопытно, что Москва въ началѣ XIV вѣка не была еще окружена въ глазахъ общества блескомъ, прикрывавшимъ многое»... [2]).

Не останавливаясь на другихъ мѣстныхъ сказаніяхъ, черниговскихъ, муромскихъ и т. д., перейдемъ къ Новгороду.

Отъ Новгорода сохранилось мало легендарныхъ памятниковъ за тотъ періодъ, о которомъ мы говоримъ (до конца XIV вѣка); обиліе ихъ является съ XV столѣтія,—но корни этихъ позднѣйшихъ сказаній нерѣдко принадлежатъ древнему періоду, и Новгородъ во всякомъ случаѣ послѣ Кіева занималъ первое мѣсто

[1]) Ключевскій, стр. 66—67, 70.
[2]) Ключевскій, стр. 73.

по своему книжному просвѣщенію. Къ сожалѣнію, погибель рукописей допускаетъ только приблизительныя заключенія о размѣрахъ новгородской книжности. Въ теченіи средняго періода, когда Кіевъ былъ отрѣзанъ политически и кіевское просвѣщеніе сначала падало, а потомъ приняло особое направленіе и на сѣверо-востокѣ явилась новая митрополія,—центрами книжной дѣятельности въ сѣверной, великой Руси, стали Новгородъ и Москва. И до своего окончательнаго паденія, Новгородъ безъ сомнѣнія стоялъ выше Москвы. Но говоря объ ихъ отношеніяхъ и ихъ легендѣ, надо упомянуть, какое измѣненіе произошло съ XV вѣка во внѣшнемъ литературномъ стилѣ легенды.

Съ этого времени характеръ легенды значительно измѣняется. Произведенія ея сильно размножились, но въ изложеніи начинаютъ господствовать искусственные реторическіе пріемы, въ которыхъ мало выигрывалъ біографическій и историческій фактъ,—онъ даже становится на второстепенное мѣсто,—но за то распространяется извѣстный условный тонъ «житія» и элементъ реторическаго поученія. «Житіе» получаетъ формалистическій характеръ; важнѣе становится не исторія, а особая церковно-поучительная декламація, «доброословіе» и «плетеніе словесъ»,—какъ выражались объ этомъ тогдашніе книжники. Старыя житія стали казаться неудовлетворительны въ этомъ отношеніи, и потому съ XV вѣка является рядъ новыхъ редакцій стараго житія, которыя и были теперь украшаемы вновь «плетеніемъ словесъ». Лучшій нынѣшній знатокъ этой отрасли литературы, г. Ключевскій, справедливо указываетъ ближайшую причину новаго характера легенды въ двоякомъ южно-славянскомъ вліяніи, которое особенно начинаетъ дѣйствовать съ этого времени [1]). Съ одной стороны, въ нашей письменности распространяется большое количество церковно-поучительныхъ произведеній, вліяніе которыхъ несомнѣнно отразилось въ легендѣ расширеніемъ ея реторическо-поучительнаго элемента [2]). Съ другой, южно-славянское вліяніе

---

[1]) Ключевскій, стр. 78 и слѣд.

[2]) Относительно того, до чего доходили крайности „доброословія" въ южно-славянской письменности, именно у сербовъ,— мы повторимъ ссылку на Гильфердинга (Боснія, и проч., стр. 277—279). Въ послѣднемъ, третьемъ томѣ „Славянскаго сборника", г. Качановскій хочетъ опровергнуть отзывъ Гильфердинга; но если слова Гильфердинга и не могутъ быть приняты за общее правило, то несомнѣнно, что въ тогдашней письменности очень много примѣровъ, подтверждающихъ его отзывъ. Въ примѣрахъ, приведенныхъ самимъ Гильфердингомъ, „доброословіе" доходитъ до безсмыслицы. До подобныхъ же крайностей доходилъ къ концу средняго періода и стиль русскихъ книжниковъ, образовавшійся отчасти подъ такого рода вліяніями. Понятно, что подобный стиль, стремящійся къ „плетенію словесъ", особенно легко распро-

выразилось прямымъ участіемъ южно-славянскихъ дѣятелей въ русской письменности. Такими дѣятелями были два серба—митрополитъ Кипріанъ, и въ особенности Пахомій Логоѳетъ; съ ними рядомъ ставятъ еще русскаго писателя, «премудраго» Епифанія, автора житій Стефана Пермскаго и Сергія Радонежскаго. Кипріанъ, который вообще много работалъ для русской письменности, составилъ новую редакцію житія митрополита Петра, перваго московскаго святого,—одно житіе его было уже составлено раньше, также не москвичемъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Епифаній, біографія котораго неизвѣстна кромѣ того, что онъ былъ младшимъ современникомъ Стефана Пермскаго и Сергія, написалъ житія этихъ святыхъ въ первой половинѣ XV столѣтія. Онъ писалъ уже въ новомъ стилѣ, былъ начитанъ въ литературѣ житій русскихъ и переводныхъ, и церковнаго краснорѣчія, и обильно расточалъ въ своихъ житіяхъ реторическія фигуры и многословіе, и такъ любилъ «плетеніе словесъ», что для описанія нрава Сергія подобралъ восемнадцать прилагательныхъ, а для Стефана двадцать-пять. «Епифаній не былъ москвичъ,—замѣчаетъ г. Ключевскій,—и не смотрѣлъ на событія московскими глазами: какъ въ жизни Стефана онъ упрекнулъ москвичей за недостаточное признаніе подвиговъ пермскаго просвѣтителя, такъ въ правдивомъ разсказѣ о переселеніи Сергіева отца изъ Ростова не задумался выставить главной причиной событія московскія насилія» [1]). Но важнѣйшимъ писателемъ, оставившимъ свое вліяніе на послѣдующей литературѣ житій, былъ сербинъ Пахомій Логоѳетъ, инокъ Святой горы,—которому пришлось сдѣлаться однимъ изъ плодовитѣйшихъ писателей средней Руси.

Объ его приходѣ въ Россію мало извѣстно. Около 1440 г. онъ жилъ уже въ Троицкомъ монастырѣ, и едва ли не первымъ трудомъ его была передѣлка житія Сергія, которое было уже написано Епифаніемъ, но требовало новой редакціи потому, что было слишкомъ обширно для чтенія въ церкви и не имѣло разсказа объ открытіи мощей Сергія и его чудесахъ. Пахомій оказался большимъ знатокомъ житейнаго стиля и мастеромъ въ «добрословіи», въ которомъ уже видѣли церковное приличіе и изящество. Пахомій сталъ оффиціальнымъ составителемъ житій и каноновъ, и пріобрѣлъ обширную извѣстность: великій князь и митрополитъ, новгородскій архіепископъ, игумены монастырей призывали его

страняется въ такія времена, когда литература страдаетъ другимъ недостаткомъ—недостаткомъ содержанія, какъ и было въ русской литературѣ.

1) Ключевскій, стр. 131.

въ Москву, въ Новгородъ, въ обители, когда требовалось написать житіе новаго святого или передѣлать старое въ новомъ стилѣ. Съ нашей точки зрѣнія, житія, обработанныя Пахоміемъ, обыкновенно теряли подъ его перомъ, потому что случавшіяся живыя выраженія чувства и событія онъ сглаживалъ въ условныя приличія, устранялъ рѣзкіе факты, высказанные болѣе искреннимъ авторомъ прежняго разсказа, и сообщалъ всему извѣстный оффиціальный церковный тонъ, съ которымъ все жизненное, характерное и историческое если не совсѣмъ исчезало, то ослаблялось и сглаживалось подъ реторическими общими мѣстами.

Сочиненія Пахомія очень распространены въ рукописяхъ,—признакъ, что они много читались; житія его, по словамъ г. Ключевскаго, послужили едва ли не главнымъ образцомъ, по которому съ конца XV-го вѣка у насъ стали писать житія—въ его ровномъ, реторическомъ, однообразномъ стилѣ. Пахомій кстати явился какъ образецъ, въ то время, когда наша собственная письменность именно въ немъ нуждалась: застывая на одномъ содержаніи, она должна была необходимо впасть въ реторику и декламацію, и сербскій книжникъ, гораздо болѣе искусившійся въ реторикѣ, явился для нашихъ книжниковъ желаннымъ руководителемъ. Они съ великими похвалами отзывались о Пахоміи, называя его отъ юности усовершившимся въ писаніи и во всѣхъ философіяхъ, превзошедшимъ всѣхъ книжниковъ разумомъ и мудростію.

Такъ образовалась литературная форма, въ которой по большей части дошли до насъ легендарныя новгородскія сказанія. Выше мы замѣтили, что основа сказаній о древнихъ святителяхъ должна принадлежать старому преданію,—но это преданіе переходило въ книгу въ особенности въ ту эпоху, когда Новгородъ уже близился къ своему политическому паденію. Сказаніе, поздно записанное, теряло, конечно, свою историческую точность, и, къ сожалѣнію, литературный стиль, господствовавшій въ школѣ XV вѣка, долженъ былъ стереть и многія яркія легендарныя краски.

Новгородъ и Москва стали главнѣйшими представителями русскаго просвѣщенія или книжности средняго періода. Борьба Москвы съ Новгородомъ была послѣднимъ актомъ политической централизаціи, поглощеніемъ послѣдней областной независимости и племенной особности. Какъ выразились ихъ отношенія въ литературныхъ памятникахъ?

До послѣдняго времени наши историки мало обращали вниманія на мѣстную исторію, на внутренній процессъ, который былъ подкладкой московской централизаціи; но они уже давно чувствовали, что здѣсь скрывается важный историческій интересъ.

Особенное значеніе давали именно борьбѣ Москвы съ Новгородомъ; еще со временъ Карамзина спорили о преимуществахъ той или другой изъ боровшихся сторонъ, и либералы двадцатыхъ годовъ винили Москву за уничтоженіе новгородской «свободы»: самъ Карамзинъ нашелъ слова сочувствія падающей «республикѣ». Впечатлѣніе это осталось и потомъ, и Москва часто возбуждала историческія антипатіи, какъ олицетвореніе восточнаго деспотизма стараго московскаго царства. Съ конца тридцатыхъ годовъ новая точка зрѣнія превознесла ее какъ палладіумъ русской національности, и опять вызвала отпоръ въ другомъ взглядѣ, который находилъ въ ней гнѣздо застарѣлой неподвижности и застоя. Противоположность этихъ мнѣній остается и до сихъ поръ непримиренной въ объективный историческій выводъ...

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ сочиненій, г. Забѣлинъ возвратился къ вопросу—откуда идетъ враждебное отношеніе къ московскому періоду нашей исторіи. «Москва,—говоритъ онъ,—по этому взгляду рисуется чуть не «татарскою ордою»; между тѣмъ вся вина Москвы (если есть тутъ въ самомъ дѣлѣ вина) заключается лишь въ томъ, что она, по неизбѣжному закону историческаго развитія русской народности, явилась наиболѣе сосредоточеннымъ и сильнымъ выразителемъ самаго основного начала старой русской жизни, а именно, выразителемъ *идеи самовластія*, господствовавшей прежде и въ нашемъ частномъ и въ общественномъ быту, и носившейся всюду по русской землѣ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ и затѣмъ слившейся въ одно цѣлое, которому имя было—*Москва*. Когда изъ хаоса частныхъ самовластныхъ отношеній, ничѣмъ не опредѣленныхъ, вращавшихся безъ всякаго плана, а стало быть и безъ общей единой цѣли, возникъ вполнѣ законченный, живой, вполнѣ опредѣленный типъ самовластья, тогда только, и именно посредствомъ этого живаго типа, почувствованы были и всѣ *общія* цѣли и задачи народнаго развитія. Народъ такъ и понялъ эту новую фазу своей жизни. Ея не могли понять лишь тѣ частныя сферы жизни, которыя продолжали по прежнему преслѣдовать свои частныя цѣли, вовсе не имѣя никакихъ представленій о цѣляхъ общенародныхъ». Авторъ находитъ, что если идея самовластія господствовала въ нашемъ древнемъ обществѣ, когда отъ междоусобій «погибала жизнь, вѣки человѣкамъ сокращались», то въ иной формѣ и не могла придти народная жизнь. Но преимущество московской формы было въ единствѣ, а съ единствомъ, которое есть сила, только и можно было достигнуть того, чтó мы есть. «Москва вынесла всѣ страшныя боли общаго органическаго разстройства.

Какъ только это разстройство нашло себѣ исходъ, такъ въ той же Москвѣ послѣдовали, одинъ за другимъ, переломы къ здоровью, къ здравствованію всей земли, а не какой-либо ея части. Мы никакъ не можемъ понять, за чтó вообще такъ ребячески сердиться на историческую Москву? Чтобы вѣрно оцѣнить ея историческое значеніе, каково бы оно ни было, необходимо хорошо и основательно ознакомиться съ тѣмъ, чтó было до нея и по сторонамъ ея» [1]). Г. Забѣлинъ говоритъ потомъ о необходимости изученія мѣстной исторіи.

Справедливо, что старая Москва имѣетъ свое историческое право; но страстное отношеніе къ историческому вопросу, которое держится такъ долго, имѣло свое основаніе въ томъ, что самый фактъ еще не былъ достаточно объясненъ, а между тѣмъ давнопрошедшая исторія возводилась въ принципъ, къ которому хотѣли обязать все національное развитіе. Въ этомъ и заключалась вся причина спора. Москва совершила свое дѣло для своего времени,—худо ли, хорошо ли; послѣдующая исторія была во многихъ существенныхъ пунктахъ отрицаніемъ той недостаточности, какая заключалась въ московской формѣ. Новѣйшая исторія стремится дополнить, исправить эту форму, чтобы удовлетворить наростающимъ народнымъ потребностямъ,—между тѣмъ старина, по обычной инерціи, ставитъ препятствія дѣлу преобразованія, и извѣстная школа, не понявши правильно этого дѣла, думала найти идеалъ въ пережитой старинѣ. Въ этомъ смыслѣ историческая Москва вполнѣ была способна возбуждать враждебное чувство. Кромѣ того, являлся вопросъ, хорошо ли Москва исполнила задачу и для своего времени; «историческое право», которое признаютъ за Москвой, можетъ ли быть полнымъ оправданіемъ ея дѣлъ; объединяя старую Россію, не слишкомъ ли много она въ ней разрушила; ставши во главѣ народа, умѣла ли понять его потребности?

Борьба Москвы и Новгорода вызывала весьма противоположные взгляды и у новѣйшихъ историковъ,—таковы, напримѣръ, взгляды г. Костомарова и его славянофильскаго критика (Гильфердинга). Одинъ взглядъ защищаетъ нравственное и политическое право областной автономіи, другой—требованіе національнаго единства. Въ извѣстныхъ историческихъ обстоятельствахъ (а такими можно считать обстоятельства XV-го вѣка) послѣднее требованіе можетъ быть сильнѣе. Нужно еще было обезпечить себя отъ восточной орды, а внутри народъ тяготился мелкими

[1]) Опыты изученія русск древностей, II, стр. 109—110

владѣльцами и искалъ иного порядка. Дѣйствительно, въ областяхъ, присоединявшихся Москвой, почти всегда бывали партіи, склонныя къ московскому единовластію, и это—одно изъ сильнѣйшихъ оправданій Москвы. Но остается еще сторона дѣла, до сихъ поръ недостаточно выясненная въ этомъ дѣлѣ. Необходимость единства не означала, что единство, вводимое тогда Москвой, дѣйствительно удовлетворяло народной потребности. Къ сожалѣнію, нѣтъ. Въ какомъ бы видѣ ни совершилось объединеніе, оно было бы оправдано вполнѣ, еслибъ совершилось дѣйствительно вполнѣ народными силами,—но этого не было: Москва возвысилась съ дѣятельною помощью иноземцевъ, ненавистныхъ народному чувству, съ помощью орды, которая хотя и была потомъ свергнута, но оставила на исторической Москвѣ свой отпечатокъ. «Самовластіе» Москвы, какъ выражается г. Забѣлинъ, не было самовластіе старой Руси; напротивъ, это было нѣчто гораздо болѣе суровое, гнетущее и безпощадное,—разница двухъ самовластій не въ степени, а въ качествѣ. Чтó особенно тяжело въ исторической Москвѣ, это—безплодная, ненужная жестокость, поголовное преслѣдованіе и истребленіе, въ которомъ, вмѣстѣ съ ея дѣйствительными врагами, гибли неповинные люди, гибли зародыши нравственной и умственной жизни будущаго народнаго блага; другая тяжелая сторона ея—слишкомъ грубая утилитарность, соединенная съ крайнимъ невниманіемъ къ умственнымъ потребностямъ народа. Цѣль политическаго единства была достигнута, но внутреннее развитіе общества было забыто,—мало того, ему поставлены были такія препятствія, что реформа Петра была настоящей революціей.

Обратимся, впрочемъ, къ литературнымъ фактамъ. Послѣ г. Забѣлина, мы напомнимъ слова г. Буслаева, энтузіаста русской старины и, чтó гораздо важнѣе, одного изъ лучшихъ ея знатоковъ, который также настаивалъ на изученіи областныхъ элементовъ нашей исторіи и народности.

Останавливаясь однажды на сужденіяхъ прежнихъ историковъ церковной литературы о пришедшемъ изъ Сербіи московскомъ митрополитѣ Кипріанѣ, которому они приписывали «возстановленіе упавшаго просвѣщенія въ Россіи» (онъ вывезъ въ Москву съ юга много славянскихъ переводовъ церковныхъ книгъ), г. Буслаевъ такъ доказываетъ невѣрность или по крайней мѣрѣ односторонность такого мнѣнія.

«Что такое значитъ упадшее просвѣщеніе *въ Россіи?*—замѣчаетъ онъ.—Гдѣ была Россія въ XIV вѣкѣ, когда палъ Кіевъ? Ужъ конечно не въ Москвѣ, которая (подъ татарскимъ игомъ,

при первыхъ князьяхъ) стремилась проводить антинаціональныя начала, и въ свою пользу налагала ихъ тамъ, гдѣ находила уступки своимъ чисто-матеріальнымъ силамъ. Что же касается до Пскова, Новгорода и нѣкоторыхъ другихъ старыхъ городовъ, то *просвѣщеніе* (конечно, принимаемое въ самомъ снисходительномъ смыслѣ) не только не пало въ нихъ въ XIV вѣкѣ, но быстро шло впередъ и даже распространялось въ массахъ, чему свидѣтельствомъ служитъ зарожденіе духа пытливости и критики, правда, обнаружившагося въ ереси стригольниковъ, и, слѣдовательно, какъ бы въ уклоненіи отъ преданія, но все же говорящаго въ пользу развитія идей въ массахъ народа, хотя бы строгій пуристъ и порицалъ это развитіе съ своей слишкомъ исключительной точки зрѣнія. Исторія литературы заявляетъ только объ умственномъ и литературномъ развитіи, обнаружившемся въ стригольникахъ, не касаясь щекотливаго вопроса объ отношеніи ихъ къ исторіи русской церкви. Что же касается до Новгорода, то достаточно упомянуть о св. Василіѣ, архіепископѣ новгородскомъ (1331—1352), который, въ своемъ посланіи къ тверскому епископу Ѳеодору о земномъ раѣ, даетъ намъ самыя положительныя доказательства тому, что въ Новгородѣ, въ половинѣ XIV вѣка, читались книги даже не церковнаго, но апокрифическаго содержанія и усвоивались массою гражданъ, входя въ составъ мѣстныхъ сказаній. Итакъ, услуги Москвѣ митр. Кипріана въ возстановленіи павшаго просвѣщенія не имѣли мѣста *въ Россіи*, т.-е. въ тѣхъ городахъ, гдѣ по преимуществу сохранялись русскія преданія, когда палъ Кіевъ, а Москва еще становилась только на ноги... Въ этомъ городѣ не могло просвѣщеніе *пасть*, потому что его тамъ еще вовсе не было, да и не могло быть: и безъ сомнѣнія презрѣніе старыхъ городовъ къ Москвѣ въ XIV и XV вѣкѣ объясняется не одною только татарщиною въ политикѣ этого города, но и его безграмотностью».

Самую услугу Кипріана Москвѣ г. Буслаевъ цѣнитъ очень относительно. «Желая водворить книжное ученіе въ дикомъ воинскомъ станѣ, называвшемся тогда Москвою, св. Кипріанъ захватилъ съ собою много церковныхъ книгъ, необходимыхъ для практическаго (церковнаго) употребленія... Въ этомъ отношеніи заслуги Кипріана для Москвы не подлежатъ сомнѣнію. Но и здѣсь, по печальной судьбѣ этого города, пугавшаго всѣхъ своими иноземными средствами, оказался тотъ же, противный областнымъ національностямъ принципъ. Въ то время, когда въ новгородской области народный языкъ уже начиналъ брать рѣшительный перевѣсъ надъ книжною рѣчью, занесенною къ намъ изъ Болгаріи, Кипріанъ

привезъ въ Москву кучу переводовъ древне-болгарскихъ, да еще переписанныхъ сербами: и распространеніе этихъ болгаро-сербскихъ рукописей, способствуя въ Москвѣ церковному просвѣщенію, въ отношеніи собственно литературномъ имѣло свои великія невыгоды, наводнивъ русскія писанія варваризмами болгаро-сербскаго характера, и удаливъ на нѣкоторое время нашу письменность отъ чисто-русской рѣчи» [1]).

Таково дѣйствительно было отношеніе книжной образованности въ Москвѣ и Новгородѣ въ эпоху Кипріана, въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка. Одинъ книжникъ, составлявшій лѣтописный сборникъ въ первой половинѣ XVI вѣка (тверская лѣтопись), извинялъ недостатки своего труда тѣмъ, что онъ не кіевлянинъ родомъ, ни новгородецъ, ни владиміресъ, но поселянинъ ростовскихъ областей. По смыслу замѣчанія, видно, что онъ хотѣлъ указать главные центры русской книжности, и любопытно, что Москва не названа въ ихъ числѣ [2]).

Древній Новгородъ позднѣе Кіева укрѣпился въ христіанствѣ. Лѣтопись говоритъ (подъ 1030 г.), что первый новгородскій епископъ Іоакимъ, послѣ 42-лѣтняго управленія, благословлялъ Ефрема «еже учити люди *новопросвѣщенные*, понеже русская земля *вновѣ крестися*» [3]). Въ XII столѣтіи «вопросы Кирика» епископу Нифонту своимъ простодушнымъ взглядомъ на христіанское ученіе показываютъ, что даже между духовенствомъ не было еще ясныхъ понятій о настоящемъ смыслѣ новой вѣры. Но разъ утвердившись, церковное ученіе нашло здѣсь большое усердіе; Спасъ и св. Софія стали высоко чтимыми представителями и защитой города. Господинъ Великій-Новгородъ, при сознаніи своей извѣстной политической самостоятельности, стремился и къ церковной независимости отъ митрополитовъ, тѣмъ болѣе, что «владыка» новгородскій, избираемый священнымъ, иногда чудеснымъ, жребіемъ, игралъ важную роль въ самой политической жизни Новгорода. Еще въ XII — XIII столѣтіи Новгородъ достигалъ церковной независимости, которая потомъ служила предметомъ споровъ съ Москвой [4]). Такъ какъ въ церковныхъ дѣлахъ, по духу времени, соединялись нравственные интересы, то церковная

---

1) Лѣтописи русск. литер. и древности, Тихонравова, III, стр. 69—71.

2) „Не бо бѣхъ Кіянинъ родомъ, ни Новаграда, ни Владимера, но отъ веси Ростовскихъ областей... не имамъ бо многиа памяти, ни научихся дохторскому наказанію, еже съчиняти повѣсти и украшати премудрыми словесы, якоже обычай имутъ ритори“... Собр. Лѣт., XV, стр. 142. Ключевскій, стр. 74.

3) Собр. Лѣт. III, стр. 210.

4) Костомарова, Сѣверн. Народопр. II, стр. 261 и слѣд.

автономія отражалась обратно бо́льшимъ возбужденіемъ общества. Въ среднемъ періодѣ, здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и особенно сильнѣе, чѣмъ въ Москвѣ, сохранялась традиція древней Руси, болѣе впечатлительной къ умственному интересу, гдѣ была сѣверо-восточная Русь XIV—XV вѣка. Татарское иго также не являлось здѣсь въ такихъ ужасныхъ насиліяхъ и грабежахъ. Наконецъ, Новгородъ былъ всегда больше открытъ вліяніямъ западнаго сосѣдства, приносившимъ свою долю цивилизаціи,—хотя это сосѣдство и называлось «поганой латыной» и ходили въ народѣ легенды, предостерегавшія отъ общенія съ нею [1]).

Грамотность и «почитаніе книжное» издавна очень распространились въ Новгородѣ и Псковѣ; тамъ нерѣдко бывали книжники и «философы», начитанные въ священныхъ и свѣтскихъ книгахъ и пускавшіеся въ толкованіе писаній,—хотя часто «философія» была крайне незамысловата [2]). Псковской лѣтописецъ, выхваляя князя Довмонта, сравниваетъ его и псковичей по непобѣдимости съ Акритомъ (изъ «Девгеніева Дѣянія»); записывая знаменіе, ссылается на «древніи хранографи»; въ описаніи мора замѣчается, что «нѣкоторіи рѣша: той моръ изъ индѣйской земли, отъ Солнца града» и т. п. [3]). Въ 1471 году, митр. Филиппъ въ грамотѣ новгородцамъ замѣчаетъ, что писалъ бы имъ и пространнѣе отъ божественныхъ писаній, но знаетъ, что они и сами разумны въ книжной мудрости [4]),—слова, которыя, будучи сказаны митрополитомъ, показываютъ прочную репутацію новгородцевъ въ книжномъ дѣлѣ.

Литературная дѣятельность началась въ Новгородѣ еще съ XI вѣка. Давно начата была здѣсь лѣтопись, которая хотя велась не съ такой живостью, какъ лѣтописи южанъ, но получила большое развитіе; поученіе епископа Луки—древнѣйшее и простѣйшее русское сочиненіе этого рода; Новгороду XI вѣка принадлежитъ великолѣпный письменный памятникъ—Остромирово Евангеліе. Въ XII вѣкѣ новгородецъ Добрыня (впослѣдствіи архіеп. новгородскій Антоній) составилъ замѣчательное путешествіе въ Царьградъ; по новгородской лѣтописи извѣстно любопытное сказаніе о взятіи Константинополя крестоносцами. Въ скудной литературѣ

---

[1]) Собр. Лѣтоп., V, 197, подъ 1271 г.; легенда о варяжской божницѣ, у Костомарова, Памятн. стар. русск. литературы.

[2]) Новгородскій лѣтописецъ замѣчаетъ подъ 1476 годомъ: „той же зимы нѣкоторыи *философове* начаша пѣти (въ церквахъ): О Господи помилуй, а друзѣи: Осподи помилуй". Собр. Лѣт., IV, стр. 130.

[3]) Собр. Лѣтоп., IV, стр. 183, 191.

[4]) „Но вѣмъ, яко... книжнѣй мудрости и сами разумни есте". Акты истор., I, 518.

XIV-го вѣка Новгороду принадлежитъ другое хожденіе въ Царьградъ—Стефана новгородца, который между прочимъ сообщаетъ любопытное историческое извѣстіе, что въ знаменитомъ студійскомъ монастырѣ онъ нашелъ тогда двухъ «своихъ новгородцевъ», Ивана и Добрилу: это были люди, искусные въ книжномъ списаніи, они работали здѣсь и посылали на Русь «много книгъ». Образчикомъ новгородской книжности можетъ служить и упомянутое выше посланіе архіепископа Василія о земномъ раѣ: оно очень любопытно смѣшеніемъ обычныхъ церковныхъ представленій съ апокрифической легендой. Между прочимъ, въ своемъ трактатѣ о земномъ раѣ архіепископъ приводитъ и новгородское сказаніе, какъ новгородецъ Моиславъ съ товарищами видѣли на морѣ высокую гору, на которой находился входъ въ земной рай: дѣти и внуки этого Моислава были еще живы, когда архіепископъ, въ половинѣ XIV вѣка, записывалъ это сказаніе,—такъ что фактъ, разсказанный имъ очень обстоятельно, могъ случиться во второй половинѣ XIII вѣка. По новѣйшимъ справкамъ оказывается однако, что сказаніе совершенно такого рода извѣстно въ западной, между прочимъ нѣмецкой, легендѣ, и въ пересказахъ болѣе раннихъ, чѣмъ посланіе новгородскаго архіепископа—такъ что новгородскую легенду можно объяснять какъ слѣдъ западныхъ вліяній. Извѣстно наконецъ, какимъ образомъ съ новгородской книжностью связано появленіе раціоналистическихъ ересей и развитіе поморской книжности. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ собраній старой русской письменности была библіотека соловецкая: своимъ началомъ она обязана священно-иноку Досиѳею, который жилъ между прочимъ въ Новгородѣ и оттуда высылалъ книги [1]): соловецкая библіотека особенно богата между прочимъ апокрифическими книгами,—которыя составляли важную часть стариннаго популярнаго чтенія, — и соловецкій списокъ «ложныхъ книгъ» едва ли не самый обширный изъ всѣхъ, какіе до сихъ поръ извѣстны.

Но легенда новгородская, въ подлинныхъ памятникахъ, до конца XIV вѣка очень небогата. Произведенія ея мы имѣемъ почти исключительно въ редакціяхъ и рукописяхъ болѣе позднихъ,—отчасти вѣроятно потому, что до насъ не дошли старыя рукописи, судьба которыхъ вообще была случайна, такъ что открытіе новыхъ рукописей до сихъ поръ поражаетъ иногда историческими неожиданностями; отчасти, дѣйствительно новгородскія

---

1) „Правосл. Собесѣдникъ“, 1859, январь.

легенды впервые записывались въ XV—XVI вѣкѣ по особымъ побужденіямъ, вытекавшимъ изъ обстоятельствъ того времени.

Съ конца XIV вѣка новгородская свобода начала колебаться; XV вѣкъ проходитъ въ тревожныхъ событіяхъ, все сильнѣе грозившихъ новгородской свободѣ, и въ это время естественно пробуждались воспоминанія, говорившія о великой славѣ Новгорода, объ его старыхъ святыхъ покровителяхъ, и наконецъ, когда совершилось самое паденіе свободы, это событіе—даже послѣ факта—обставлялось чудесными предвѣщаніями, которыя должны были показывать, что грозная судьба, постигшая Новгородъ, была высшимъ непреложнымъ рѣшеніемъ.

Легендарные писатели старались возстановить память первыхъ святыхъ новгородской области — съ весьма различной степенью историческаго основанія—пользуясь свѣдѣніями древнихъ «памятей», народными разсказами или догадками, и закругляя все это въ стилѣ «житія», иногда вѣроятно не безъ собственныхъ украшеній.

Такъ, въ позднихъ рукописяхъ появляется упомянутая легенда о проповѣди св. Андрея въ новгородской области; такъ (въ XVI столѣтіи) возстановлена была спеціально новгородская легенда объ Антоніѣ Римлянинѣ, о которомъ разсказывалось, что онъ прибылъ въ Новгородъ въ началѣ XII-го вѣка, изъ Рима: еще на родинѣ онъ отказался отъ латинской вѣры и чудеснымъ образомъ приплылъ по морямъ и рѣкамъ къ Новгороду на камнѣ; за нимъ вслѣдъ плыла бочка, наполненная драгоцѣнною церковною утварью. Г. Буслаевъ ставитъ эту легенду въ связь съ западными вліяніями, дѣйствовавшими на древнее русское искусство, и памятникомъ которыхъ остались въ Новгородѣ извѣстныя «корсунскія врата», съ латинскими надписями, дѣланныя нѣмецкими мастерами XII вѣка [1]).

Архіепископъ Іоаннъ, который занималъ видное мѣсто между правителями новгородской церкви (1163—1186) и первый изъ нихъ получилъ санъ архіепископа, оставшійся и за его преемниками, знаменитъ и въ легендѣ своими чудесами и борьбой съ бѣсомъ. Извѣстно, какъ Іоаннъ заперъ бѣса въ умывальномъ сосудѣ и въ наказаніе за его досажденія съѣздилъ на немъ въ одну ночь въ Іерусалимъ, гдѣ успѣлъ помолиться святымъ мѣстамъ, и къ утру вернуться въ Новгородъ. Извѣстно также, какъ бѣсъ мстилъ ему, принимая видъ блудницы, выходившей изъ его

---

[1]) Разборы этого житія у Буслаева, Очерки, II, 110—115; Ключевск., стр. 306—311. Легенда напечатана между прочимъ у Костомарова, Памятн., вып. I, 263—270.

кельи, и оставляя въ его комнатѣ женскія одежды: народъ узналъ о соблазнѣ, изгналъ архіепископа, но новое чудо Іоанна убѣдило народъ въ дьявольскомъ наважденіи и возвратило Іоанну его мѣсто и народное благоговѣніе.

Съ именемъ Іоанна связано знаменитое сказаніе о «Знаменіи» отъ иконы Богородицы въ Новгородѣ во время войны новгородцевъ съ Андреемъ Боголюбскимъ: сказаніе извѣстно во множествѣ списковъ и занесено также въ лѣтопись. Война произошла изъ-за Двинской земли, которую Андрей хотѣлъ отнять у новгородцевъ; суздальцы были однажды разбиты, но Андрей вновь послалъ большую рать съ семидесятью двумя князьями противъ Новгорода—самого его, «по божьему попущенію», внезапно постигла болѣзнь. Суздальцы обступили Новгородъ, и жители были въ великой скорби и недоумѣніи; святитель Іоаннъ молился объ избавленіи отъ нашествія и услышалъ голосъ, повелѣвавшій взять образъ Богородицы и вознести на городскія забрала, и тогда должно было послѣдовать спасеніе города. Іоаннъ собралъ духовный соборъ и послалъ протодьякона взять икону, но она не тронулась съ мѣста, тогда онъ самъ отправился къ ней, совершилъ молебное пѣніе, и она сама подвинулась. Когда взнесли ее на забрала, осаждающіе не убоялись и въ ярости стрѣляли сильнѣе прежняго, и въ самый образъ Богородицы пускали стрѣлы. Тогда Богородица отвратилась отъ нихъ и испустила слезы, которыя Іоаннъ принялъ на свой фелонь. Суздальцы были поражены ужасомъ, обратились въ бѣгство и въ ослѣпленіи поражали другъ друга. Множество ихъ погибло по дорогѣ домой.

Это сказаніе пріобрѣло большую славу, перешло даже къ врагамъ новгородцевъ, но въ разныхъ варіантахъ обстоятельства переданы въ различной окраскѣ: это особенно яркій примѣръ мѣстнаго видоизмѣненія сказаній. Новгородская редакція изображаетъ событіе какъ величайшее торжество Новгорода и его святыни—Богородица помогаетъ «своему городу»; суздальцы представлены завистливыми и несправедливыми, новгородцы—благочестивыми и добродѣтельными; Андрей Боголюбскій—умъ ненаказанный, лютый Фараонъ. Сказаніе укоряетъ нападавшихъ, что они забыли объ единокровномъ племени и духовномъ родствѣ по крещенію: чуть не вся русская земля соединилась противъ одного города—изъ зависти къ нему. «Вси завистію взимающеся, понеже тогда бѣша новгородцы словуще богатствомъ паче всѣхъ градовъ россійскихъ, зане самовластіемъ управляющеся и ни единому изъ прежде бывшихъ князей обладати собою попущающе, но уставленая и умѣреная дающе имъ».

Мѣстныя сказанія суздальскія и владимірскія, напротивъ, считаютъ «лютаго Фараона»—боголюбивымъ, снабженнымъ всѣми добродѣтелями, наконецъ святымъ; его жизнеописаніе стало мѣстнымъ «житіемъ». Суздальскій лѣтописецъ не можетъ скрыть понесеннаго пораженія и чуда въ пользу Новгорода, но все-таки бросаетъ тѣнь на новгородцевъ и восхваляетъ своего князя. «Людей новгородскихъ наказалъ Богъ и крѣпко смирилъ за преступленіе крестное (нарушеніе клятвы) и за гордость, но милостію своею избавилъ ихъ городъ. *Мы не скажемъ: правы новгородцы,* что издавна освобождены прадѣдами князей нашихъ. Но если бы и такъ было, то развѣ велѣли имъ прежніе князья крестъ преступать, или внуковъ и правнуковъ срамить...? Доколѣ Богу терпѣть надъ ними? *За грѣхи* навелъ и наказалъ по достоянью рукою благовѣрнаго князя Андрея».

Псковская передача сказанія опять беретъ сторону новгородцевъ. Псковичъ имъ вполнѣ сочувствовалъ противъ суздальцевъ: «новгородцы владѣли своей областью, какъ имъ *Богъ поручилъ*, а князя держали по своей волѣ»; суздальцы возгордились надъ ними и уже «улицы подѣлили на свои города»—т.-е. собираясь ихъ грабить и впередъ ожидая побѣды; но они были посрамлены: на нихъ напалъ ужасъ какъ на Фараона, и они бѣжали—«ничего не взявши и не полонивши, только *взяли земли копытомъ*; и съ тѣхъ поръ кончилась слава и честь суздальская» [1]).

Цѣлое житіе Іоанна новгородскаго историческая критика относитъ къ концу XV-го вѣка, въ эпоху паденія Новгорода,—какъ и другія легенды этого рода. «Въ нашей исторіи,—замѣчаетъ г. Ключевскій,—немного эпохъ, которыя были бы овружены такимъ роемъ поэтическихъ сказаній, какъ паденіе новгородской вольности. Казалось, «господинъ Великій Новгородъ», чувствуя, что слабѣетъ его жизненный пульсъ, перенесъ свои думы съ Ярославова двора, гдѣ замолкалъ его голосъ, на св. Софію и другія мѣстныя святыни, вызывая изъ нихъ преданія старины». Почти все содержаніе житія Іоанна состоитъ изъ указанныхъ легендъ, и, кромѣ повѣсти о «знаменіи», онѣ, кажется, и не были записаны раньше этого житія. Въ 1439 г., Іоаннъ самъ явился архіепископу Евѳимію, что послужило поводомъ къ открытію его мощей, и вѣроятно обновило старыя о немъ преданія [2]).

---

[1]) Сказаніе напечатано у Костомарова, Памятн., I, стр. 241—242; пересказано у Буслаева, Лѣтоп. лит. и древн., IV, стр. 18—23; Ключевскій, 127. Собр. Лѣтоп., I, стр. 154; V, стр. 9—10, и пр.

[2]) Ключевскій, стр. 161—164.

Еще болѣе знаменитъ былъ другой изъ новгородскихъ святыхъ, Варлаамъ Хутынскій (ум. 1192), сказанія о которомъ обновились также въ эпоху новгородскаго паденія. Краткое житіе его было составлено уже въ XIII вѣкѣ, и впослѣдствіи выросло въ цѣлый кругъ патріотическихъ легендъ, окружившихъ его популярное имя. Варлаамъ, знатный новгородецъ, основатель знаменитаго монастыря, былъ чудотворцемъ еще при жизни; его посмертныя чудеса, между прочимъ исцѣленіе кн. Константина, великокняжескаго намѣстника въ началѣ XV вѣка, вызвали вѣроятно новую редакцію его житія, за которой послѣдовала третья, составленная Пахоміемъ Логоѳетомъ и дополненная новыми чудесами (около 1460) по приказанію архіепископовъ новгородскихъ Евѳимія, а потомъ Іоны [1]). Однимъ изъ новыхъ чудесъ Варлаама было возвращеніе къ жизни великокняжескаго постельника Тумгеня, случившееся во время пребыванія великаго князя Василія въ Новгородѣ и свидѣтелями котораго были новгородцы и москвичи; это чудо оффиціально описано было митрополичьимъ дьякомъ Родіономъ Кожухомъ, сказаніе котораго занесено было въ лѣтопись, и благодаря этому чуду, въ Москвѣ съ 1461 г. стали праздновать св. Варлааму [2]).

Одна изъ очень поэтическихъ легендъ о Варлаамѣ разсказываетъ о чудномъ видѣніи одного новгородскаго пономаря, гдѣ Варлаамъ является въ роли спеціальнаго покровителя своего города. Однажды въ полночь пономарь, случайно бывшій въ церкви, увидѣлъ, какъ внезапно церковь освѣтилась горящими свѣчами, преподобный Варлаамъ всталъ изъ своего гроба и началъ усердно молиться Спасу и Пречистой. Три часа продолжалась молитва, наконецъ Варлаамъ сказалъ пономарю, что Богъ хочетъ погубить Новгородъ; онъ послалъ пономаря на церковный верхъ взглянуть, чтó должно совершиться. Пономарь увидѣлъ съ верха страшное зрѣлище: Ильмень воздымался и грозилъ потопить городъ. Онъ въ ужасѣ сказалъ объ этомъ Варлааму, который снова молился три часа. Опять взошелъ пономарь на верхъ и увидѣлъ, что ангелы стрѣляютъ огненными стрѣлами въ новгородскихъ людей, а другіе ангелы, смотря въ книги, помазывали нѣкоторыхъ людей изъ сосудовъ, гдѣ было вѣроятно небесное мѵро. Варлаамъ истолковалъ, что Богъ помиловалъ городъ отъ потопленія, но хотѣлъ наказать его моромъ на три года; и онъ снова сталъ молиться. Въ третій разъ пономарь увидѣлъ

1) Критическій разборъ этихъ редакцій у Ключ., 58—64, 140—146.
2) Собр. Лѣт., IV, стр. 127; VI, стр. 184, 320.

надъ городомъ огненную тучу, и Варлаамъ предсказалъ пожаръ. Новгородскій лѣтописецъ подъ 1508 г. описываетъ страшный моръ и пожаръ, опустошившіе Новгородъ, и замѣчаетъ, что этотъ моръ и пожаръ были «вмѣсто потопа», по пророчеству Варлаама [1]).

Какъ ревниво относились новгородцы къ авторитету и славѣ своего святого противъ московскихъ притязаній, можно видѣть изъ разсказа, занесеннаго въ лѣтопись подъ 1462 годомъ. Великій князь Иванъ Васильевичъ прибылъ въ Новгородъ и вошелъ въ церковь Преображенія, гдѣ покоились мощи Варлаама. Великій князь хотѣлъ открыть ихъ и видѣть: тогда внезапно изъ гробницы хлынулъ пламень и едва не пожегъ великаго князя, который въ ужасѣ выбѣжалъ изъ церкви. Мѣстное преданіе разсказываетъ, что отъ этого событія до сихъ поръ остаются цѣлыми обожженная деревянная дверь и трость великаго князя [2]).

Случай такого же посрамленія москвичей, неуважавшихъ новгородской святыни, разсказывается въ преданіяхъ о новгородскомъ архіепископѣ Моисеѣ (жившемъ въ половинѣ XIV вѣка). При Иванѣ III въ Новгородъ назначенъ былъ архіепископомъ Сергій, москвичъ, который первый перервалъ рядъ выборныхъ новгородскихъ владыкъ. Прибывши въ Новгородъ (въ 1483—84 г.) онъ захотѣлъ взглянуть въ обители св. Михаила гробъ Моисея; но іерей, которому онъ велѣлъ открыть гробъ, отвѣчалъ, что не смѣетъ и что это—дѣло его архіерейства. Сергій, услышавъ это, «вознесеся умомъ высоты ради сана своего и яко *отъ Москвы пріиде*, и рече дерзновенно: кого сего смердія сына и смотрити» (хотя, по житію, Моисей происходилъ отъ богатыхъ родителей, такъ что слова были тѣмъ оскорбительнѣе). Съ этими словами онъ вышелъ изъ церкви и изъ монастыря, но съ того часа онъ сталъ «изумнѣваться», т.-е. лишаться ума, и наконецъ совсѣмъ впалъ въ «изступленіе», такъ что былъ возвращенъ во-свояси. Такъ случилось съ нимъ за то, что онъ не почтилъ и даже укорилъ равнаго ему саномъ: «такова суть воздаянія горделивымъ здѣ видимо, въ будущемъ же вѣцѣ безконечно».

Легенда имѣла свои мѣстные варіанты: по замѣчанію г. Ключевскаго, наиболѣе прозаическій изъ нихъ—московскій, по которому новгородцы волшебствомъ отняли умъ у Сергія за то, что онъ не ходилъ по ихъ волѣ; варіантъ, какъ видимъ, и враж-

---

1) Варіанты разсказа въ Собр. лѣтоп., III, стр. 244—247; Костомарова, Памятн. I, 283; Буслаева, Очерки, II, 271 и слѣд.

2) Собр. лѣтоп., III, 241. Ср. Бусл., Лѣтоп. рус. литер. и древн., III, стр. 73.

дебный Новгороду. Въ варіантѣ псковскомъ, новгородскіе святители, почившіеся въ Софійскомъ соборѣ, являясь Сергію во снѣ и на яву, поразили его недугомъ за то, что онъ вопреки церковнымъ правиламъ при живомъ владыкѣ (Ѳеофилѣ, свезенномъ на Москву) вступилъ на его престолъ. По народному преданію новгородскому, Сергія наказалъ чудотворецъ Іоаннъ, «что на бѣсѣ ѣздилъ», и т. д. [1]).

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ новгородской тенденціозной легенды, составленной для возвеличенія новгородской каѳедры и прославленія самого Новгорода, есть извѣстная «Повѣсть ȏ бѣломъ клобукѣ», очень распространенная въ рукописяхъ и, слѣд., много читанная. Новгородъ издавна стремился къ церковной автономіи, и эти стремленія имѣли въ разное время различный успѣхъ. Выборъ новгородскаго владыки принадлежалъ наконецъ вѣчу, и митрополитъ только посвящалъ выбраннаго; въ XIII-мъ столѣтіи митрополитъ даже самъ пріѣхалъ въ Новгородъ для этого посвященія. При замѣшательствахъ въ русской митрополіи, при переходѣ ея изъ Кіева во Владиміръ и Москву, Новгородъ могъ успѣшнѣе удовлетворять своему церковному честолюбію. Въ XIV вѣкѣ, по одной новгородской лѣтописи, владыка Василій получилъ будто бы отъ патріарха особыя крестчатыя ризы,—хотя другая говоритъ, что онѣ даны просто московскимъ митрополитомъ Ѳеогностомъ [2]). Позднѣйшее сказаніе, занесенное въ новгородскую лѣтопись заднимъ числомъ, утверждаетъ, что Василій получилъ изъ Царьграда бѣлый клобукъ, данный нѣкогда царемъ Константиномъ папѣ Сильвестру [3]). Это извѣстіе именно заимствовано изъ упомянутой повѣсти, мысль которой состоитъ въ томъ, что Великому-Новгороду, по божественному повелѣнію, передана была древняя христіанская святыня, нѣкогда принадлежавшая Риму, еще православному.

Внѣшняя исторія повѣсти передается такъ. Она названа посланіемъ Дмитрія Толмача (извѣстнаго посольствомъ въ Римъ при вел. князѣ Василіѣ Ивановичѣ, и сообщавшаго свѣдѣнія о Россіи Павлу Іовію) къ архіепископу новгородскому Геннадію. Дмитрій будто бы съ великимъ трудомъ добылъ повѣсть отъ

---

[1]) Цитаты у Костомарова, Сѣв. народоправства, т. I, стр. 236—237; Буслаевъ, тамъ же, стр. 71—73; Ключевскій, стр. 149, 151. Такой же мотивъ въ сказаніи о мощахъ князей Ѳеодора Рост. смоленскаго и ярославскаго, Константина и Давыда, подъ 1467 г. въ Собр. лѣтоп., VI, стр. 186—187.

[2]) Собр. лѣтоп., IV, 62; III, 83.

[3]) Тамъ же, III, 225.

книгохранителя римской церкви: первоначальное сказаніе римляне будто бы истребили, потому что оно позорно для латинской вѣры; но когда турки завладѣли царствующимъ градомъ, т.-е. Константинополемъ, то благочестивые греки, для спасенія вѣры, вывезли греческія писанія въ Римъ, и между ними повѣсть нашлась опять. Римляне перевели греческія книги на латинскій языкъ, а греческія книги всѣ сожгли. Римскій книгохранитель послѣ великихъ прошеній и подъ великой тайной сообщилъ Толмачу латинскій переводъ исторіи, которую онъ и пересказываетъ.

Царь Константинъ, обратившись къ христіанству и получивши въ то же время отъ папы Сильвестра исцѣленіе отъ болѣзни, желалъ вознаградить и возвысить папу, и хотѣлъ дать ему царскій вѣнецъ; но ангелъ, въ видѣніи, велѣлъ ему дать Сильвестру бѣлое одѣяніе, которое и показалъ. Поэтому Константинъ далъ папѣ бѣлый клобукъ, какъ главѣ христіанскаго благочестія. Православные папы имѣли этотъ клобукъ въ большомъ почтеніи, пока царь Карулъ и папа Формозъ не превратили стараго своего православія въ латинство. Тогда и бѣлый клобукъ на золотомъ блюдѣ впалъ въ пренебреженіе и скрытъ былъ отъ людей въ тайномъ мѣстѣ. Но когда чудесныя видѣнія и голоса напоминали о немъ, одинъ папа рѣшился отослать его въ дальнія страны и погубить его; божественная сила потопила корабль, везшій его, но клобукъ невредимо возвращенъ былъ въ Римъ однимъ изъ пловцовъ, державшимъ въ тайнѣ благочестіе. Ангелъ въ новомъ видѣніи велѣлъ папѣ, подъ угрозой страшной казни, отослать клобукъ къ патріарху въ Византію, и въ то самое время, какъ посланные папы съ клобукомъ приближались къ Царьграду, ангелъ, въ видѣніи, повелѣлъ патріарху Филоѳею, получивъ клобукъ, отослать его въ великій Новгородъ, чтобы новгородскій владыка носилъ его «на почесть святой и апостольской соборной церкви Софіи, премудрости божіей, и на похвалу православнымъ, — потому что *тамъ* нынѣ *воистину славится Христова вѣра*». Прибыли посланцы изъ Рима и патріархъ принялъ клобукъ съ великой честью; папа же раскаялся, что отдалъ его, и требовалъ назадъ; но патріархъ написалъ ему суровое посланіе и проклялъ его. Узнавъ, что клобукъ будетъ посланъ въ Великій-Новгородъ, папа пришелъ въ великую ярость и даже впалъ въ лютую болѣзнь: «такъ онъ, поганый, не любилъ русской земли, ради Христовой вѣры, даже и слышать не могъ»,—и умеръ гнусною смертію. Патріархъ и самъ возымѣлъ мысль удержать себѣ чудный клобукъ, но ему

явились папа Сильвестръ и царь Константинъ, и повторили повелѣніе, что клобукъ долженъ быть посланъ въ Новгородъ. Они предрекли патріарху, что какъ Римъ отпалъ отъ истинной вѣры, такъ и Царьградомъ, по нѣкоторомъ времени, за умноженіе грѣховъ будутъ обладать агаряне, которые истребятъ и осквернять его святыню. «Ибо ветхій Римъ лишился славы и отпалъ отъ вѣры Христовой по гордости и своей волѣ, въ новомъ же Римѣ, т.-е. въ Константиноградѣ, христіанская вѣра также погибнетъ насиліемъ агарянъ; на *третьемъ же Римѣ*, то-есть на русской землѣ, возсіяла благодать святого Духа, — и знай, Филоѳей, что всѣ христіанскія земли придутъ въ конецъ и сойдутся въ одно русское царство». Въ Новгородѣ ангелъ также предупредилъ въ видѣніи архіепископа Василія о прибытіи посланцевъ патріарха съ бѣлымъ клобукомъ. Василій встрѣтилъ ихъ съ великою честью, и съ тѣхъ поръ бѣлый клобукъ, данный нѣкогда Сильвестру царемъ Константиномъ, перешелъ къ архіепископамъ Великаго-Новограда.

Историческая недостовѣрность разсказа относительно Новгорода очевидна уже изъ того, что новгородскіе архіепископы и гораздо раньше Василія носили бѣлый клобукъ. Матеріаломъ для повѣсти послужила исторія о «вѣнѣ Константина» и упомянутое выше путешествіе архіепископа новгородскаго Антонія (Добрыни Ядрейковича). Тенденціозность повѣсти въ новгородскомъ смыслѣ, оспариваемая нѣкоторыми критиками, доказывается тѣмъ, что когда рѣчь идетъ о религіозномъ господствѣ Руси надъ православнымъ міромъ, Москва остается не названа, между тѣмъ святыня, судьба которой такъ постоянно устроюется ангелами и видѣніями, направлена именно въ Новгородъ [1]). Говоря о третьемъ Римѣ (какимъ послѣ паденія Византіи стала считать себя Москва), авторъ повѣсти какъ будто хотѣлъ навести читателя на мысль, что этимъ Римомъ долженъ бы быть Новгородъ.

Подобное странствованіе святыни изъ Царьграда въ новгородскую область разсказываетъ легенда о Тихвинской иконѣ Богородицы, получившая общую извѣстность въ началѣ XVI столѣтія. Икона, получившая потомъ названіе Тихвинской, находилась въ прежнія времена въ Царьградѣ, и за семьдесятъ лѣтъ до плѣненія этого города агарянами, ради умноженія грѣховъ, покинула свое мѣсто въ Софійскомъ соборѣ и чудеснымъ образомъ при-

[1]) Повѣсть издана у Костомарова, Памятн. I, 287—303, и отдѣльно. Спб. 1861; пересказъ у Буслаева, Очерки, II, 274 и слѣд.; Терновскаго, Изуч. визант. исторіи. Кіевъ, 1875—76, I, стр. 89—90; II, стр. 171—174.

была по воздуху въ новгородскую область, являлась тутъ въ различныхъ мѣстахъ и наконецъ остановилась въ Тихвинѣ, творя чудеса и исцѣленія. Такимъ образомъ легенда опять находится въ связи съ паденіемъ Царьграда и указываетъ на переходъ истиннаго благочестія въ область новгородскую. Въ другомъ пересказѣ икона еще знаменитѣе: преданіе объ ней восходитъ ко временамъ иконоборства и опять связано съ Римомъ. Ее велѣлъ списать патріархъ константинопольскій Германъ; во время иконоборства онъ отпустилъ ее въ Римъ, откуда она черезъ 130 лѣтъ вернулась въ Царьградъ и наконецъ явилась въ новгородскихъ предѣлахъ [1]).

Послѣдніе свободно избранные владыки новгородскіе, въ XV вѣкѣ, были ревностными почитателями новгородской церковной старины и много заботились объ ея сохраненіи и прославленіи. Таковъ былъ, по преданію, и раньше того архіепископъ Моисей. Теперь, на послѣднихъ порахъ независимости, съ особенной силой пробудилась забота сберечь преданія старины. Таковы были труды архіепископовъ Евѳимія (1430—58) и Іоны (1458—1471), которые потомъ сами нашли легендарныхъ жизнеописателей. Житіе Евѳимія извѣстно по разнымъ редакціямъ, и одна изъ нихъ была составлена, по порученію Іоны, сербиномъ Пахоміемъ, который писалъ по новгородскимъ указаніямъ и превознесъ труды архіепископа-патріота. Родившись отъ престарѣлыхъ родителей, которымъ былъ данъ по долгимъ молитвамъ, Евѳимій былъ отданъ ими въ даръ пресвятой Богородицѣ, пятнадцати лѣтъ удалился въ монастырь, и изъ игуменовъ, по обычному способу новгородскаго избранія, когда жребій его остался на престолѣ св. Софіи, сталъ новгородскимъ владыкой. По смутнымъ обстоятельствамъ церкви, онъ принялъ посвященіе отъ кіевскаго митрополита. Всѣ труды его были направлены на возвышеніе новгородской старины; онъ построилъ множество церквей и украсилъ св. Софію: «если хочешь видѣть малое изъ великаго, — говоритъ его біографъ,—пойди къ великому храму Премудрости Божіей, и возведи очи вокругъ себя и тогда увидишь пресвѣтлые храмы, какъ звѣзды или горы стоящія, имъ созданныя и восхваляющія его своимъ веществомъ и своей красотой». Онъ построилъ на высокомъ мѣстѣ и каменный очень высокій столпъ, съ предивными часами, оглашавшими весь городъ. Онъ училъ новгородцевъ, обличалъ неправедныхъ сильныхъ, былъ привѣтливъ къ иноземцамъ и «рука его простиралась съ подаяніемъ повсюду, не только до

---

[1]) Сказаніе изложено у Буслаева, Очерки, II, 276—279; ср. Терновскаго, I, 89.

Константинова города или Святой горы, но до самаго Іерусалима и далѣе». Свой новгородскій патріотизмъ онъ выразилъ прославленіемъ древнихъ святыхъ: ему явился и указалъ свои мощи Іоаннъ, «что на бѣсѣ ѣздилъ», и Варлаамъ Хутынскій [1]); наконецъ онъ устроилъ «память велію», т.-е. установилъ обрядъ поминовенія по старымъ новгородскимъ князьямъ и святителямъ [2]).

Этому возстановленію церковнымъ авторитетомъ священной старины и преданій г. Буслаевъ придаетъ большое значеніе. «Послѣ кіевскаго Патерика, имѣвшаго, впрочемъ, интересъ болѣе келейный, аскетическій, новгородскія памяти давали обширный матеріалъ для цѣлаго житейника новгородскаго, къ которому уже сами собою прилагались новыя данныя въ теченіе XVI вѣка. Патріотическій подвигъ Евѳимія... выступаетъ въ особенномъ свѣтѣ, если взять въ соображеніе ту эпоху, когда Новгороду въ борьбѣ съ Москвою не оставалось иныхъ средствъ, кромѣ авторитета литературнаго, имѣвшаго въ ту пору только смыслъ религіозный. Это духовное ополченіе, окруженное ореоломъ святости... было вызвано изъ старыхъ преданій, и какъ бы пущено на встрѣчу притязаньямъ Москвы, еще столь бѣдной въ то время своими мѣстными святынями: и что̀ особенно заслуживаетъ вниманія— Москва, ревниво смотрѣвшая на древнюю славу Новгорода и волею-неволею внесшая потомъ въ свои всероссійскія священныя преданія имена нѣкоторыхъ новгородскихъ епископовъ и монаховъ, все же не хотѣла признать общаго всероссійскаго авторитета за святостію новгородскихъ князей, доселѣ пользующихся только мѣстнымъ чествованіемъ. Даже самое имя св. Софіи, гдѣ покоются останки новгородскихъ князей, осталось для Москвы какъ бы чуждымъ»... [3]).

Жизнь Іоны также разсказана въ біографіи, писанной съ новгородской точки зрѣнія. Святительская дѣятельность была предсказана Іонѣ съ дѣтства — юродивымъ, Михаиломъ Клопскимъ, имѣвшимъ свою особую роль въ событіяхъ того времени. Когда отношенія съ Москвой во второй половинѣ XV вѣка становились крайне натянутыми, Іона всѣми силами старался смягчить ихъ; и сказаніе говоритъ объ уваженіи къ нему московскаго князя, который приходилъ въ Новгородъ *мирно* и исполнялъ всѣ его прошенія. Самъ Іона отправлялся въ Москву, чтобы умирить князя, разгнѣваннаго противъ новгородцевъ,—и этому вѣроятно

---

1) Собр. Лѣтоп., III, стр. 183.

2) Житіе у Костомарова, Памятн., вып. IV, стр. 16 и слѣд.

3) Буслаевъ, Лѣтоп. литер. и древн., III, стр. 75—79; Ключ., стр. 155 и слѣд.

не мало помогли принесенныя имъ «тяжести даровъ». Убѣждая великаго князя не «раздѣлять неправедно» послушныхъ новгородцевъ, Іона сказалъ наконецъ, что если князь не тронетъ свободы его города, онъ «освободитъ его сына отъ власти ордынскихъ царей». Эти предвѣщательныя слова обрадовали великаго князя: онъ обѣщалъ миръ и милость къ новгородскимъ людямъ, и просилъ Іону и митрополита московскаго о молитвахъ «еже пріяти свободу отъ мучительства ордынскихъ царей и татаръ, и укрѣпитися въ руку его русскимъ хоругвямъ». Потомъ Іона сталъ горько плакать, и когда его съ удивленіемъ спросили о причинѣ его печали, сказалъ: «Кто обидитъ такое множество моихъ людей, и кто смиритъ такое величество моего города, если усобицы не смятутъ и не пизложатъ ихъ, а лукавство зависти не развѣетъ ихъ? По крайней мѣрѣ во дни мои да дастъ Господь миръ и тишину моимъ людямъ». Іона, или его жизнеописатель, высказалъ вѣроятно чувство лучшихъ людей того времени, у которыхъ мысль о возможномъ величіи ихъ родины смущалась сознаніемъ ея слабости отъ внутренняго раздора. Вернувшись въ Новгородъ, Іона выразилъ мирное сближеніе съ Москвой построеніемъ первой церкви во имя Сергія Радонежскаго (1463) черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Сергій признанъ былъ святымъ на Москвѣ.

Исполнителемъ литературныхъ плановъ Іоны былъ Пахомій; писавши подъ новгородскими указаніями и впечатлѣніями, онъ, несмотря на наклонность его сглаживать все характерное въ общія мѣста, остался здѣсь выразителемъ новгородскихъ тенденцій. Іона поручилъ ему описать житіе и чудеса Варлаама Хутынскаго, княгини Ольги, Саввы Вишерскаго (ум. 1461), архіепископа Евфимія. За эти труды, Іона, какъ говоритъ его жизнеописаніе, наградилъ серба золотомъ и серебромъ, кунами и соболями, и всякими почестями. Послѣ московской поѣздки, Іона велѣлъ ему написать новое житіе Сергія (послѣ Епифаніева), житіе умершаго тогда московскаго митроп. Іоны, съ которымъ былъ въ дружбѣ. Наконецъ Пахомій написалъ два канона иконѣ Знаменія, прославленной въ преданіи о побѣдѣ надъ суздальцами.

Періодъ самобытнаго новгородскаго развитія завершался при Іонѣ примирительными отношеніями къ Москвѣ. Его любили не только московскіе князья, — говоритъ сказаніе, — но и тверскіе, и литовскіе, и смоленскіе, и полоцкіе, и нѣмецкіе, и всѣ вокругъ сидящія страны имѣли къ нему твердую любовь и великій миръ къ Новгороду — вся та страна приняла глубокую тишину и во всѣ его дни не слышно было рати — такое обиль-

ное благоволеніе далъ Богъ его молитвами нашему городу» [1]). Іона умеръ наканунѣ перваго разгрома новгородской свободы; за нимъ для Новгорода наступили тяжелыя времена.

При всей славѣ Великаго-Новгорода, которой гордились его патріоты, народное государство не могло выдержать спора съ Москвой, распоряжавшейся теперь огромными силами; св. Софія не спасла «своего города» отъ внутренняго разлада и упадка. Болѣе проницательнымъ людямъ не могла не представляться перспектива окончательнаго паденія. Легенда говоритъ о пророчествахъ и предвѣщаніяхъ, которыя, правда, были записаны, да и составлены часто послѣ событія, — но иное вѣроятно ходило и раньше, какъ предчувствіе. Въ новгородскихъ сказаніяхъ эти пророчества обставлены тѣми же высокими авторитетами.

Патрональныя святыни въ средніе вѣка не только у насъ, но и во всей Европѣ, обыкновенно играли немаловажную роль въ исторіи своей области или города. Судьба Новгорода была связана съ образомъ Спаса, стоявшимъ въ святой Софіи. Сказаніе объ этомъ образѣ внесено заднимъ числомъ въ лѣтопись подъ 1045 г. Великій князь Владиміръ Ярославичъ заложилъ въ Новгородѣ каменную церковь во имя св. Софіи, при второмъ новгородскомъ епископѣ Лукѣ; ее строили семь лѣтъ, и сдѣлали прекрасную и великую, привели потомъ изъ Царьграда иконныхъ писцовъ и велѣли написать Спаса съ благословляющей рукой. На другой день епископъ увидѣлъ, что образъ Спаса написанъ не съ благословляющей рукой, и велѣлъ живописцамъ поправить; по три утра живописцы передѣлывали письмо, но изображеніе оставалось по прежнему; наконецъ на четвертое утро отъ иконы былъ голосъ къ живописцамъ: «не пишите меня съ благословляющей рукой, напишите со сжатою рукою — ибо въ моей рукѣ я держу этотъ Великій-Новгородъ; а когда рука моя распрострется, тогда будетъ и городу этому скончаніе» [2]).

Паденіе свободы произвело на умы сильное впечатлѣніе: «вольнымъ мужамъ» господина Великаго-Новгорода приходилось оканчивать давнюю историческую жизнь и славную старину. Переворотъ долженъ былъ страшить и смущать тѣмъ больше, что по московскимъ нравамъ онъ грозилъ кровавыми послѣдствіями. Новгородскій лѣтописецъ заноситъ въ свою хронику, что «передъ взятіемъ Великаго Новаграда отъ великаго князя

[1]) Костомаровъ, Памятники стар. лит., вып. IV, стр. 27 и сл.; Буслаевъ, Лѣтоп. лит. и древн. III, стр. 82 и слѣд.; Ключевскій, стр. 188.

[2]) Собр. Лѣтоп., III, 211.

Ивана Васильевича всея Россіи, когда въ первый разъ хотѣлъ плѣнить его, начали быть знаменія въ Великомъ-Новѣградѣ говорили, что пришла великая буря и сломила крестъ съ великой церкви *св. Софіи*; на двухъ гробахъ кровь явилась—у архіепископовъ новгородскихъ Симеона и Мартирія, у *Софіи*, на мартиріевской паперти; потомъ у св. Спаса на *Хутыни* въ монастырѣ корсунскіе колокола сами собой заззвонили. Было и другое чудо въ Великомъ-Новѣградѣ, и знаменіе страшное и удивленія достойное: въ женскомъ монастырѣ св. великомученицы Евѳиміи, отъ иконы Пресв. Богородицы много разъ слезы какъ струя исходили изъ очей» [1]).

Легенда изображала паденіе Новгорода какъ фактъ, давно предвозвѣщенный святыми людьми и навлеченный раздорами и несправедливостями боярства. Архіепископъ Іона, въ житіи, уже предвидитъ страшную развязку и молитъ лишь о томъ, чтобы она совершилась не въ его дни. Но по легендѣ предсказанія были и раньше. Объ нихъ разсказывается въ житіи юродиваго Михаила Клопскаго (ум. около 1456). Онъ проявился, въ началѣ XV вѣка, въ клопскомъ монастырѣ подъ Новгородомъ, неизвѣстно откуда, и тотчасъ обратилъ на себя вниманіе юродствомъ и предвѣщательствомъ, въ которомъ проглядывала нелюбовь къ новгородскому боярству и ожиданіе московскаго господства. Онъ предсказалъ Евѳимію посвященіе въ новгородскіе архіепископы не въ Москвѣ, а въ Смоленскѣ, — что́ и совершилось; предсказалъ архіепископство Іонѣ; предсказалъ неудачу Шемяки въ борьбѣ съ московскимъ княземъ. По одной редакціи легенда говоритъ, что онъ предсказалъ самое рожденіе князя Ивана, будущаго разорителя Новгорода. Однажды онъ встрѣтилъ архіепископа Евѳимія и сказалъ, что нынѣ въ Москвѣ радость, и на вопросъ его объяснилъ, что родился великому князю сынъ, — «сей царствію его наслѣдникъ будетъ и всѣмъ странамъ страшенъ явится, Великій же Новъградъ пріиметъ, и вся наша обычаи измѣнитъ, и злата многа отъ васъ пріиметъ, и васъ въ свою землю приведетъ».

Наконецъ, главное пророчество Михаила относится къ сношеніямъ Новгорода съ Литвой: когда одинъ изъ бояръ сказалъ, что у нихъ — князь литовскій, юродивый отвѣчалъ: «то у васъ не князь, а грязь»—новгородцамъ надо послать пословъ къ московскому князю и бить ему челомъ, а если они его «не уймутъ», то будетъ онъ съ силами къ Новугороду, и не будетъ имъ бо-

[1]) Собр. Лѣт., III, 241.

жія пособія, распустить князь свою силу на Шелонѣ и поплѣнить многихъ новгородцевъ, а иныхъ сведетъ на Москву, а иныхъ присѣчетъ, а иныхъ на выкупъ дастъ, а князь литовскій имъ не поможетъ—«что̀ и сбылось» [1]).

Извѣстенъ поразительный разсказъ о другомъ пророчествѣ—въ соловецкомъ Патерикѣ, или въ житіи Зосимы и Савватія, составленномъ при содѣйствіи архіепископа новгородскаго Геннадія. Преподобному Зосимѣ (ум. 1478) случилось быть въ Новгородѣ у архіепископа Ѳеофила, съ жалобой на притѣсненія двинскихъ жителей; по этому дѣлу ему надо было обратиться къ представительницѣ новгородскаго боярства, знаменитой посадницѣ Марѳѣ Борецкой. Но она не допустила къ себѣ Зосиму и велѣла отогнать его отъ своего дома. Зосима отошелъ и, качая головой, сказалъ окружающимъ: «вотъ придутъ дни, когда жители этого дома не будутъ ходить своими стопами по этому двору, и затворятся двери этого дома и уже не откроются, и будетъ дворъ ихъ пустъ». Но потомъ посадница раскаялась и захотѣла получить благословеніе отъ Зосимы; она пригласила его на пиръ; за столомъ Зосима взглянулъ на сидѣвшихъ съ нимъ бояръ и увидѣлъ страшное видѣніе: сидятъ передъ нимъ шесть бояръ, а головъ у нихъ нѣтъ. До трехъ разъ онъ взглядывалъ на нихъ и видѣлъ то же самое. Онъ поникъ головой и во все время обѣда не могъ принять никакой пищи. Видѣніе скоро оправдалось. Великій князь Иванъ Васильевичъ пришелъ на Новгородъ — по словамъ соловецкаго Патерика, «со всею братіею своею, князьями русскими, и со служащими ему царями и князьями татарскими, со всѣми силами воинскими»... Произошла битва. Воеводы великаго князя многихъ убили, многихъ взяли въ плѣнъ, и инымъ великій князь велѣлъ отсѣчь головы. «Взяли же и тѣхъ шесть бояръ, которыхъ видѣлъ преподобный Зосима сидящихъ на пиру, а головъ не имѣющихъ на своихъ плечахъ... и тѣмъ отрубили головы» [2]).

«Новгородъ,—пишетъ Герберштейнъ по разсказамъ объ его свободныхъ временахъ,—имѣлъ народъ самыхъ добрыхъ нравовъ и честный (gentem humanissimam et honestam), но теперь, безъ сомнѣнія отъ московской язвы, которую завезли съ собой пришедшіе туда москвичи, это народъ самый испорченный».

---

[1]) Костомарова, Памятн. т. IV, стр. 37—51; Ив. Некрасова, Зарожденіе нац. литер. въ сѣверной Руси, Одесса, 1870,—легенда о Михаилѣ въ приложеніи; Ключ., стр. 209—217, 232—235.

[2]) Пересказано по рукописному Патерику у Бусл., Очерки, II, стр. 270—271.

Патрональныя преданія Москвы г. Буслаевъ возводитъ къ Кіеву. Однимъ изъ древнѣйшихъ преданій Кіева было сказаніе о построеніи церкви Успенія Богородицы въ печерскомъ монастырѣ. Виновникомъ построенія былъ варяжскій князь Шимонъ, изгнанный дядею изъ своего отечества и служившій на Руси сначала Ярославу, потомъ сыну его Всеволоду. Построеніе церкви совершилось послѣ нѣсколькихъ чудесныхъ указаній свыше: будущая церковь являлась передъ Шимономъ на воздухѣ, ему указаны были ея размѣры по золотому поясу, который былъ на распятіи, принадлежавшемъ отцу его, Шимона; этотъ золотой поясъ, вмѣстѣ съ золотымъ вѣнцомъ съ того же распятія, былъ отданъ имъ церкви, когда она была построена. Строеніе происходило при чудесномъ содѣйствіи—строить церковь пришли мастеры изъ Царьграда, сказавшіе, что ихъ послала Влахернская Богородица, которая дала имъ золота на три года, мощи, свою икону, и обѣщала сама посѣтить новый храмъ. Иконописцы пришли тоже изъ Царьграда, гдѣ ихъ наняли печерскіе святые, Антоній и Ѳеодосій (которые однако умерли больше десяти лѣтъ передъ тѣмъ); они договорились съ живописцами и дали имъ золото. На пути иконописцы видѣли церковь на воздухѣ; лодка сама несла ихъ вверхъ по Днѣпру къ обители. Церковь, еще не освященная, уже совершала чудеса. Освящать ее собрались изъ разныхъ мѣстъ епископы, никѣмъ незванные, сами: когда они запѣли предъ вступленіемъ въ церковь, изъ храма имъ отвѣчали ангелы... Владиміръ Мономахъ, который еще въ молодости былъ свидѣтелемъ одного чуда при построеніи церкви и исцѣленъ былъ отъ болѣзни золотымъ поясомъ, построилъ точно такую же церковь въ своемъ княженіи въ Ростовѣ; сынъ его Юрій соорудилъ такую же церковь въ своемъ княженіи въ Суздалѣ [1]).

Отправляясь на сѣверовостокъ, князья везутъ съ собой кіевскія святыни; и чудеса, ихъ сопровождавшія, усиливали авторитетъ самого княжескаго рода, который приносилъ ихъ. Сыну Шимона Георгію, который слѣдовалъ отцу въ великомъ почитаніи кіевской святыни, Владиміръ Мономахъ поручилъ сына своего Георгія (Юрія Долгорукаго). Устроивая сѣверо-восточный край, основывая «польскіе» (въ полѣ) и «залѣсскіе» города,—Москву, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Залѣсскій, Коснятинъ, Кострому и т. д., Юрій Долгорукій любилъ ставить въ нихъ первыя церкви

1) Сказаніе—въ Кіевскомъ Патерикѣ. На современномъ языкѣ читатель можетъ найти его въ книгѣ: „Кіевопечерскій Патерикъ по древнимъ рукописямъ", въ переложеніи М. Викторовой. Кіевъ, 1870, стр. 59—76, 78—80.

во имя св. Георгія, котораго признавалъ своимъ покровителемъ и сподвижникомъ. Св. Георгій сталъ не только фамильнымъ патрономъ княжескаго дома, но и однимъ изъ популярнѣйшихъ святыхъ и героевъ церковно-народнаго эпоса. Изслѣдователи нашей старины не безъ основанія ставили дѣятельность Юрія Долгорукаго на сѣверо-востокѣ, устройство земли, введеніе порядка, въ связь съ поэтическими изображеніями св. Георгія въ извѣстныхъ эпическихъ пѣсняхъ, гдѣ святой Георгій является первоначальнымъ чудотворнымъ устроителемъ русской земли, ея горъ, лѣсовъ, звѣрей, и готовитъ ее для людского заселенія [1]).

Сынъ Юрія, Андрей Боголюбскій, оставляя (въ 1155) Кіевъ безъ воли отца, взялъ съ собой въ суздальскую землю икону Богородицы, писанную по преданью евангелистомъ Лукой и привезенную его отцу изъ Царьграда: икона сама двинулась съ мѣста, и по всей дорогѣ къ Владиміру отъ нея были чудеса. Въ своихъ походахъ онъ бралъ съ собой мечъ св. Бориса, нѣкогда княжившаго въ ростовской области; во Владимірѣ онъ строитъ Богородицѣ великолѣпный храмъ; построеніе города Боголюбова, на подобіе кіевскаго Вышеграда, указано было особымъ знаменіемъ Богородицы. Въ 1164, при содѣйствіи привезенной иконы Андрей Боголюбскій побѣдилъ болгаръ—въ тотъ же день, когда императоръ Мануилъ одержалъ побѣду надъ сарацинами, и съ тѣхъ поръ установилось празднованіе иконы «Владимірской». Впослѣдствіи, при московскомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, эта икона, принесенная изъ Владиміра, отвратила отъ Москвы нашествіе Темиръ-Аксака [2]).

Такъ кіевскія святыни переходили на сѣверо-востокъ, или собственно въ Суздаль и Владиміръ. Москва связана съ ними уже болѣе отдаленнымъ образомъ. Напротивъ, ея начало окружено преданіями болѣе мрачнаго свойства. Съ основаніемъ Москвы соединяются сказанія, различно передаваемыя, о какомъ-то кровавомъ событіи въ семьѣ бояръ Кучковичей и Андрея Боголюбскаго. Карамзинъ приводитъ слова одного стараго сказанія, уже изъ временъ московскаго могущества: «Москва есть третій Римъ, а четвертаго не будетъ; Капитолій заложенъ на мѣстѣ, гдѣ найдена окровавленная голова человѣческая; Москва также на крови основана и къ изумленію враговъ нашихъ сдѣлалась царствомъ знаменитымъ». Не будемъ передавать много разъ указанныхъ преданій о бояринѣ Кучкѣ (по одному сказанію—уби-

[1]) Очерки народнаго міросозерцанія, Щапова, въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1863.
[2]) Собр. Лѣт., VI, 124—128.

томъ по повелѣнію Юрія Долгорукова за свою гордость), о дочери его, отданной имъ за Андрея, о сыновьяхъ его, Кучковичахъ, которые были убійцами Андрея Боголюбскаго [1]). «Можетъ быть,—говоритъ г. Буслаевъ объ убійствѣ Андрея, разсказанномъ въ лѣтописи,—въ этомъ убійствѣ и послѣдовавшемъ затѣмъ грабежѣ слѣдуетъ видѣть не одну семейную распрю; можетъ быть, это было возстаніе прежнихъ вотчинниковъ и дикаго населенія противъ водворявшейся въ центрѣ ихъ новой силы». Но семейная распря оставила все-таки мрачный слѣдъ въ народномъ преданіи. Связи съ югомъ шли, какъ мы видѣли, на Суздаль и Владиміръ; отношенія къ нему Москвы были уже болѣе далекія, и значеніе Москвы возвышается какъ-бы въ сторонѣ отъ этихъ преданій, въ силу историческихъ обстоятельствъ и московской политики.

Возрастаніе Москвы начинается именно съ тѣхъ вѣковъ, когда надъ Русью укрѣпилось татарское иго,—она представляла новую почву, на которой могла установиться національная жизнь въ условіяхъ татарскаго господства, и эти условія не могли не наложить на нее особаго отпечатка. Изъ одного преданія XVII-го вѣка, г. Буслаевъ приводитъ разсказъ объ основаніи Москвы какимъ-то княземъ Даниломъ Ивановичемъ; одинъ мудрый гречинъ предсказалъ ему созданіе великаго града и царствія, въ которомъ умножатся «разныхъ ордъ люди» [2]),—грубое, непоэтическое представленіе, гдѣ отразился однако фактъ, что и въ этнографическомъ отношеніи съ Москвою начинается новый складъ русской народности и самаго быта. Дѣйствительно, въ Москвѣ, городѣ, сравнительно новомъ, не было народной давности, не было преданія, которое поддерживало бы прежній порядокъ вещей; здѣсь, напротивъ, всего скорѣе могло бросить корень новое общественное и политическое начало, и оно, послѣ долгой борьбы, возобладало наконецъ надъ идеями и порядками, которые въ старыхъ областяхъ унаслѣдованы были отъ древней Руси. Понятно изъ этого, почему Москва не пользовалась сочувствіемъ старыхъ областей: онѣ чувствовали въ ней нѣчто, не совсѣмъ съ ними однородное, не сочувствовали ея способу дѣйствій, потомъ должны были увидѣть, что она грозитъ ихъ существованію, наконецъ боялись ея.

Такъ представляетъ это положеніе вещей и тотъ историкъ

[1]) См. эти преданія у Карамзина, т. II, прим. 301; „Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.", кн. 11; Буслаевъ, Лѣт. русск. литер. и древн., т. IV; Забѣлинъ, Опыты изученія русск. древн. II, стр. 124 и слѣд.

[2]) Лѣтоп. Тих., IV, 14.

старой литературы, который въ особенности обратилъ вниманіе на мѣстные элементы народныхъ сказаній. «Въ XIV и XV столѣтіяхъ, — говоритъ г. Буслаевъ, — когда изсякли мѣстныя преданія кіевской Руси, на сѣверѣ и сѣверовостокѣ зачиналась новая дѣятельность, подъ темнымъ вліяніемъ татарщины. Возрастаніе новыхъ центровъ русской жизни во Владимірѣ и Москвѣ совершалось въ тѣни этого анти-національнаго преобладанія, которому новые города не могли противопоставить своихъ нравственныхъ силъ, еще не успѣвшихъ созрѣть. Поощряемая сомнительною связью князей и духовенства съ татарами въ Ростовѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ, Москва, чтобы подняться надъ старыми городами, безъ зазрѣнія совѣсти пользовалась снисходительною дружбой и покровительствомъ татарскихъ хановъ. Самыя раннія преданія этого города проникнуты элементомъ татарскимъ. Приходилось сносить самыя тяжкія оскорбленія азіатскихъ тирановъ, и употреблять ихъ въ свою пользу. Двуличный характеръ этихъ сношеній до позднѣйшихъ временъ отзывается въ сказаньяхъ о зачинавшемся на сѣверо-востокѣ нашего отечества преобладаніи Москвы, придавая какой-то мрачный и темный колоритъ даже, казалось бы, и самымъ лучшимъ страницамъ исторіи Москвы». Авторъ приводитъ сказанія о путешествіи московскаго митрополита Алексія въ орду, гдѣ онъ долженъ былъ исцѣлять «демонствуемую» ханшу, и претерпѣвая «злостужность» отъ татаръ, утолять гнѣвъ Бердибека, собиравшагося идти воевать русское христіанство,—о томъ, какъ Алексій получилъ отъ хана ярлыкъ или свободительную грамоту для церквей, монастырей и ихъ земель—«да свободно отъ всѣхъ попеченій клирицы и монахи живутъ, и безмолвно и немятежно Бога молятъ». Могло ли духовенство,—замѣчаетъ авторъ,—спокойно и немятежно молиться Богу, когда другіе классы народа бѣдствовали подъ игомъ басурманъ?

«Татарщина захватила своимъ темнымъ колоритомъ мѣстныя сказанія и нѣкоторыхъ другихъ городовъ сѣверо-восточной Руси, но не такъ полно и всецѣло обняла всѣ элементы жизни какъ въ Москвѣ... Ничего утѣшительнаго въ нравственномъ отношеніи не представляютъ намъ живѣйшія преданія Москвы изъ ранней эпохи татарскаго господства. Если темная память соединяется въ нашихъ сказаніяхъ съ Москвою временъ великаго князя Ивана Ивановича и митрополита Алексія, то еще мрачнѣе отзываются въ сказаніяхъ предшествующія тому событія. Мученическая смерть князя Михаила Тверскаго возбудила въ Москвѣ непримиримую ненависть въ тѣхъ городахъ, гдѣ старыя національ-

ныя преданія могли противопоставить татарскому насилію какіе-либо нравственные принципы. Не только Тверь, но и Псковъ былъ возмущенъ татарскими нравами Москвы». Авторъ разсказываетъ о сынѣ князя Михаила Тверского, замученнаго въ ордѣ, Александрѣ, который не хотѣлъ идти въ орду на поклонъ по требованію хана и по настояніямъ Ивана Калиты. Псковичи, у которыхъ жилъ тогда Александръ, рѣшились не выдавать его, и тогда Калита заставилъ митрополита Өеогноста наложить на нихъ проклятіе. Псковичи все-таки защищали Александра, но наконецъ самъ онъ рѣшился идти въ орду и, какъ надо было ожидать, погибъ тамъ мучительной смертью. Карамзинъ, въ своемъ сладкорѣчивомъ стилѣ, говоритъ объ этомъ: «Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ ханскаго гнѣва, но добрые россіяне не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ, гналъ своего родственника и заставилъ Өеогноста возложить церковное проклятіе на усердныхъ христіанъ, коихъ вина состояла въ великодушіи». На эти слова г. Буслаевъ замѣчаетъ: «Въ этихъ умѣренныхъ возраженіяхъ Карамзина, отзывающихся нѣкоторою сантиментальностію, мы не должны видѣть обвиненія въ жестокихъ нравахъ, столь обычныхъ для того времени; но не можемъ не замѣтить различнаго отношенія къ татарщинѣ раболѣпной Москвы и самостоятельнаго Пскова, и конечно не вообще *добрые россіяне*,—по нѣжному выраженію Карамзина,—порицали московскаго князя и митрополита, а порицали ихъ только псковичи. Москва, какъ новый станъ великокняжеской и царской силы, не была еще столько развита, чтобы практическими выгодами умѣла жертвовать въ пользу нравственныхъ убѣжденій, которыя въ то время имѣли единственную основу въ религіозныхъ идеяхъ и въ мѣстной привязанности къ родинѣ»...

Авторъ заключаетъ, что самыя нравственныя понятія, состоявшія тогда главнымъ образомъ въ противоположеніи русскаго и христіанскаго татарскому и поганому, стояли различно въ Ростовѣ, Твери, Новгородѣ, Псковѣ и въ Москвѣ. А такъ какъ нравственныя начала историческаго народа развиваются на основѣ историческихъ преданій, то указанное различіе обозначаетъ различную степень ихъ просвѣщенія и литературы.

«Москва, не только въ XIV, но даже въ XV вѣкѣ, въ отношеніи литературномъ, несравненно ниже стояла Кіева или Новагорода XII столѣтія. Это значитъ не то, чтобы книжное просвѣщеніе на Руси коснѣло, или что въ XIV вѣкѣ оно пошло назадъ; но то, что близорукій взглядъ историковъ Россіи, историковъ ея церкви и литературы, не умѣлъ отдѣлить мѣстнаго, т.-е. го-

родского и областного развитія русской жизни и литературы отъ общей хронологической таблицы по вѣкамъ, въ которую безсмысленно помѣщались факты разныхъ мѣстностей и только производили путаницу въ вопросахъ объ историческомъ развитіи древней Руси» [1]).

Мы напоминаемъ слова ученаго изыскателя нашей старины потому, что, высказанныя пятнадцать лѣтъ тому назадъ, они до сихъ поръ еще не нашли должнаго примѣненія въ изображеніи нашей старой литературы, между тѣмъ какъ заключаютъ въ себѣ много вѣрныхъ и вѣскихъ указаній [2]). Эта область, мѣстныя черты и направленія старой литературы и самой народности, остается до сихъ поръ мало разработанной, хотя компетентные археологи и историки въ послѣднія десятилѣтія не одинъ разъ указывали всю важность подобныхъ изученій. Мы слишкомъ привыкли смотрѣть на исторію и жизнь русскаго народа съ точки зрѣнія политическаго цѣлаго: при этомъ очевидно должны были ускользать изъ разсчета тѣ частности, которыя существенно необходимы для пониманія состава и характера «народности».

Борьба Москвы съ удѣлами и съ Новгородомъ была не только борьба политическаго начала единовластія съ многовластіемъ. Москва не первая открываетъ это стремленіе къ политическому объединенію; то сознаніе русскаго единства, какое можно видѣть еще въ древнемъ періодѣ, у лучшихъ князей, у лучшихъ представителей тогдашняго книжнаго просвѣщенія,—указываетъ, что *этотъ* принципъ не былъ новъ, и когда потомъ народъ въ удѣльныхъ областяхъ обнаруживалъ охоту къ соединенію съ Москвою, это явленіе въ значительной степени происходило отъ стараго сознанія народной цѣлости (другую причину его составляла надежда избавиться отъ гнета мѣстнаго княжества и боярства). Такимъ образомъ, это одно не составляло всѣхъ основаній борьбы. Вражда извѣстныхъ слоевъ областного населенія объясняется и тѣми качествами московской политики, которыя указаны въ приведенныхъ сейчасъ словахъ г. Буслаева и которыя сдѣлались потомъ свойствомъ московскаго единовластія. Въ особенности въ первое время преобладанія Москвы, это отношеніе областей къ ней должно было быть особенно замѣтно. Москва являлась какъ

[1]) Лѣтоп. русск. литер. и древн., III, стр. 63—68.

[2]) Въ частностяхъ мы далеко не всегда согласны съ толкованіями, какія даетъ г. Буслаевъ мотивамъ мѣстныхъ легендъ: онъ слишкомъ идеализируетъ и обобщаетъ ихъ, слишкомъ легко видитъ въ нихъ отголоски до-исторической миѳологіи и т. п., какъ, напр., въ толкованіяхъ легендъ о Меркуріѣ Смоленскомъ, Антоніѣ Римлянинѣ и друг. Дальше укажемъ и другое наше разногласіе съ авторомъ.

новый оттѣнокъ народности, несочувственный тѣмъ, чтó было въ немъ противорѣчіемъ и нарушеніемъ стараго преданія. Москва выработывала свой идеалъ «смиренія», не мѣшавшаго прибѣгать къ явному насилію и пользоваться поддержкой орды противъ другихъ областей, не смиренно и не братски. Выше приведены новгородскія легенды о томъ, какъ мстили новгородскія святыни за неуваженіе къ нимъ со стороны москвичей, — какъ обезумѣлъ Сергій, когда наругался надъ мощами Моисея, какъ пламень изъ гробницы Варлаама хотѣлъ попалить московскаго князя; въ параллель, или въ антитезъ этому можно указать, напр., лѣтописное сказаніе о походѣ на Новгородъ Ивана III: написанное съ московской точки зрѣнія, оно начинаетъ длиннымъ вступленіемъ изъ моральныхъ разсужденій, текстовъ писанія въ защиту московскаго способа дѣйствій, и не находитъ словъ для выраженій безумства, «грубости», «каменосердечія» новгородцевъ. Другое сказаніе называетъ ихъ «вѣчници и крамольницы и суровіи человѣци», обвиняетъ ихъ въ «окаянномъ» отступничествѣ къ латинѣ (разумѣется политическій союзъ съ Казиміромъ литовскимъ), и принявъ небывалое отступничество за фактъ, приводитъ обычное изреченіе: «кое бо пріобщеніе свѣту ко тмѣ, или кое соединеніе Веліяру, рекше діаволу, съ Христомъ? тако же и поганому латыньству съ нашимъ православнымъ хрестьянствомъ?» Новгородцы, по словамъ лѣтописца, «подвизашася яко пьяни» и т. п. [1]). За столѣтіе передъ тѣмъ, московскій лѣтописецъ подобнымъ образомъ относится къ рязанцамъ, когда въ 1371 г. произошло «побоище москвичамъ съ рязанцами». Этихъ послѣднихъ онъ изображаетъ — «суровыи человѣци и свѣрѣпы людіе, высокоумни суще [2]), възнесшеся мыслью и възгордѣшася» и проч. Съ другой стороны, рязанцы, по словамъ лѣтописи, говорили другъ другу: «не емлите съ собою ни щита, ни копья, ни иного никоего же оружья, но токмо съ собою емлите едины ужища (т.-е. веревки), коегождо изымавше москвичь да есть вы чѣмъ вязати, понеже суть слаби, страшливы и некрѣпцы». Такъ они возгордились противъ москвичей. «Наши же, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — съ *смиреніемъ* и съ *воздыханіемъ* уповаша на Бога... якоже рече Соломонъ: Господь гордымъ супротивится, смиреннымъ же даетъ благодать; и въ еуангеліи речется... и пророкъ Давыдъ рече...» и проч. [3]).

---

[1]) Собр. Лѣтоп., VI, стр. 1—15, 191.

[2]) Воскрес. лѣтопись прибавляетъ: „палаумные людища“.

[3]) Собр. Лѣтоп., IV, 67; V, 231; VIII, 18.

Можно было бы найти много подобныхъ—и не случайныхъ только—выраженій мѣстныхъ взглядовъ и тенденцій въ литературныхъ памятникахъ, начиная съ лѣтописи и до отдѣльныхъ сказаній, наконецъ до цѣлыхъ цикловъ мѣстной легенды. Такъ какъ при господствѣ религіозной точки зрѣнія, народная фантазія уходила естественно на легенду, то легенда, въ формѣ житія, сказанія о чудесахъ и т. п., стала произведеніемъ не только книжно-церковнымъ, но и народнымъ, отражая въ своемъ содержаніи, сквозь легендарную оболочку, и дѣйствительныя бытовыя черты. Областная легенда складывалась въ цѣлые мѣстные патерики или житейники. Таковъ былъ первый патерикъ—кіевскій, затѣмъ являются житейники новгородскій, владимірскій, муромскій, соловецкій и т. д. [1]).

Мы видѣли выше, что Москва въ XIV, даже XV вѣкѣ не считалась въ ряду центровъ книжнаго просвѣщенія: въ понятіяхъ книжниковъ еще долго литературной репутаціей могъ похвалиться не москвичъ, а кіевлянинъ, новгородецъ, владимірецъ. «Даже пророкъ и одинъ изъ основателей ея политическаго величія, — замѣчаетъ г. Ключевскій,—не нашелъ себѣ въ Москвѣ русскаго жизнеописателя» [2]). Первый московскій святой, съ котораго начинается рядъ ея церковныхъ авторитетовъ, митрополитъ Петръ (умершій въ началѣ XIV вѣка), нашелъ біографа сначала въ ростовскомъ епископѣ Прохорѣ, потомъ въ пришельцѣ, митрополитѣ Кипріанѣ, сербинѣ. Любопытно, что «градъ славный, зовомый Москва», по выраженію Кипріана, у Прохора называется только «градъ честенъ кротостію». По поводу житій другого московскаго святителя, митрополита Алексія (умершаго въ концѣ XIV вѣка), г. Ключевскій замѣчаетъ опять: «фактъ, характеризующій московскую письменность того времени: 70—80 лѣтъ спустя по смерти знаменитаго святителя (т.-е. уже во второй половинѣ XV вѣка) въ Москвѣ не умѣли написать порядочной и вѣрной его біографіи, даже по порученію великаго князя и митрополита съ соборомъ» [3]).

Но съ XV вѣка начинаетъ складываться и московская литература, которая воспринимаетъ характеръ московскаго, государственнаго и церковнаго единовластія; этотъ характеръ уже выяснялся къ концу XV вѣка, и московская литература стала его отраженіемъ. Извѣстно, какъ паденіе Царьграда подѣйствовало

---

[1]) См., напр., въ рукописяхъ Царскаго (нынѣ гр. Уварова), № 129, 133 и друг.

[2]) Стран. 74.

[3]) Стран. 140.

на возвышеніе Москвы: съ разрушеніемъ греческаго царства, греки перестали быть представителями православнаго міра; православію нужна была новая столица, и она нашлась въ Москвѣ; къ этому присоединилась и внѣшняя связь съ павшей Византіей черезъ бракъ Ивана съ греческой царевной, какъ будто послужившій для преемства царственнаго православнаго авторитета. Съ паденія Константинополя и съ флорентинскаго собора русскіе начинають все больше и больше свысока относиться къ грекамъ, и видѣть столицу православія въ третьемъ Римѣ — Москвѣ. Рядомъ съ этимъ начиналось и церковно-литературное объединеніе русскихъ сказаній въ одно національное цѣлое.

Это объединеніе подготовлялось уже трудами Пахомія. Мѣстная литература житій въ прежнее время за немногими исключеніями расходилась обыкновенно въ своей области, которою ограничивалось и церковное почитаніе святыхъ; но мало-по-малу увеличивалось число житій, получавшихъ общій интересъ; большая извѣстность, пріобрѣтенная Пахоміемъ, сдѣлала въ особенности его житія общимъ чтеніемъ; его условно-реторическій стиль сталъ служить образцомъ для послѣдующихъ писателей и сталъ господствующимъ. Но существенный поворотъ въ литературѣ житій произведенъ былъ дѣятельностью знаменитаго Макарія, сначала архіепископа новгородскаго, потомъ митрополита московскаго (1542—1564).

Это былъ уже человѣкъ новой эпохи, когда сформировалось то по преимуществу московское направленіе умовъ, по которому вся сущность національной жизни и религіозности полагалась въ неизмѣнномъ сохраненіи старины; въ церковномъ управленіи онъ былъ питомецъ той школы (Пафнутія Боровскаго), которая отличалась стремленіемъ къ дисциплинѣ, внѣшнему порядку и благолѣпію, и полнымъ консерватизмомъ. Такъ, въ Новгородѣ онъ вводитъ порядокъ въ монастыряхъ, строитъ и подновляетъ храмы и памятники старины и т. п. Тѣмъ же стремленіемъ къ собиранію, поддержанію стараго, объединенію отличается его церковно-литературная дѣятельность; оно выразилось въ особенности двумя фактами: канонизаціей русскихъ святыхъ и составленіемъ Четьихъ-Миней.

Канонизація святыхъ произведена была на двухъ соборахъ, 1547 и 1549 года,—происходившихъ подъ руководствомъ Макарія. Епархіальныя власти должны были доставить собору свѣдѣнія о святыхъ, пользующихся почитаніемъ въ ихъ области; соборъ «свидѣтельствовалъ» представленныя записки и житія, и утверждалъ или мѣстное, или, въ бо́льшей части случаевъ, все-

церковное чествованіе этихъ святыхъ. Послѣ перваго собора произведены были новые поиски, и такъ какъ для установленія святости и церковнаго празднованія требовались житія, то соборы оказали большое вліяніе и на самое умноженіе житій. Самого Макарія въ особенности занимало «изрядное дѣло поискати святыхъ житія», и, по замѣчанію г. Ключевскаго, при немъ, въ четверть вѣка, написано было о русскихъ святыхъ не меньше, чѣмъ во сто лѣтъ, слѣдовавшихъ за его смертью.

Макарій началъ свои церковно-литературные труды еще въ Новгородѣ, который и въ половинѣ XVI вѣка сохранялъ свою литературную репутацію, и новгородскіе святые, повидимому, пользовались его особеннымъ уваженіемъ; изъ 12 святыхъ, канонизованныхъ на первомъ соборѣ, почти половина—новгородскіе; изъ 14, которые были признаны на второмъ соборѣ, шесть принадлежатъ опять Новгороду. Новая канонизація святыхъ существенно отличалась отъ прежнихъ; въ прежнее время она бывала дѣломъ мѣстнаго епископа и собора и ограничивалась мѣстнымъ празднованіемъ; всецерковная канонизація была дѣломъ рѣдкимъ и исключительнымъ; теперь же она была произведена цѣлымъ всецерковнымъ соборомъ, и для всей русской земли. По справедливому замѣчанію того же писателя, это сосредоточеніе канонизующей власти и стремленіе обобщить на всю землю мѣстныя церковныя святыни было однимъ изъ наиболѣе замѣтныхъ проявленій централизаціи, которая развивалась въ церкви на ряду съ государствомъ. О томъ, какое впечатлѣніе произвело тогда это расширеніе и объединеніе канонизаціи, можно судить по словамъ одного изъ писателей этого рода, который замѣчаетъ, что съ того времени церкви божіи «не вдовствуютъ памятями святыхъ» и русская земля сіяетъ православіемъ, «яко же вторый великій Римъ и царствующій градъ: тамо бо вѣра православная испроказися махметовою прелестію отъ безбожныхъ турокъ, здѣ же въ Рустей земли паче просія святыхъ отецъ нашихъ ученіемъ» [1]).

Другимъ собирательнымъ и объединительнымъ трудомъ Макарія были знаменитыя «Четьи-Минеи», громадный сборникъ, въ которомъ Макарій хотѣлъ совмѣстить все извѣстное ему содержаніе тогдашней церковной литературы. Тотъ же внѣшне-собирательный характеръ имѣетъ «Степенная книга», сборникъ историческій. Труды Макарія могутъ служить характеристическимъ образцомъ московской литературной дѣятельности. Громадные по объему, они ограничиваются собирательствомъ, внѣш-

[1]) Ключевскій, стр. 221—228, 243.

нимъ накопленіемъ. Для «Четьихъ-Миней» Макарій не нашелъ другой системы, кромѣ календарнаго порядка—подъ извѣстный день мѣсяца онъ соединяетъ и житія святыхъ этого дня, и сочиненія церковныхъ писателей, память которыхъ празднуется въ этотъ день или какъ-нибудь можетъ быть къ нему пріурочена. Въ собираніи житій, при канонизаціи, нѣтъ мысли о критической повѣркѣ біографій. Когда церковные непорядки, происходившіе именно отъ недостатка настоящаго просвѣщенія, вызвали при томъ же Макаріѣ Стоглавый соборъ, онъ не придумалъ никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ улучшенію просвѣщенія, не имѣлъ мысли объ основаніи правильныхъ школъ, и довольствовался только неопредѣленными увѣщаніями. Господствующее настроеніе—слѣпая вѣра, близкая, иногда тождественная съ популярнымъ суевѣріемъ, и безусловное сохраненіе старины и преданія; цѣль—не дѣйствительное расширеніе просвѣщенія, о которомъ не имѣли ясной мысли или къ которому относились враждебно, подозрѣвая въ немъ ересь и «латыну»,—а умноженіе внѣшняго декорума, подобающаго «третьему Риму»: въ этомъ и полагалось его «просіяніе».

Въ такомъ духѣ совершалось литературное объединеніе въ Москвѣ: Москва, выросшая политически въ столицу сильнаго царства, притянула къ себѣ области, которыя съ тѣхъ поръ не понимаютъ себя внѣ связи съ «царствомъ»; областныя святыни и преданія уже не заслоняютъ Москвы, которая дѣлается средоточіемъ церковности; московскія тенденціи становятся господствующими. Но объединеніе не расширило самаго содержанія старой церковности и просвѣщенія; Москва обезличивала мѣстные элементы народности, и драконовскія средства, которыми она дѣйствовала, не могли не понизить народнаго характера. Объединеніе было иногда только разрушеніемъ—какъ въ Новгородѣ, и господство насилія, составлявшее одинъ изъ главнѣйшихъ способовъ московской политики, съ своей стороны не могло поощрять просвѣщенія, которому и безъ того не было много пищи. Въ этомъ смыслѣ судьба Максима Грека, бѣгство Курбскаго, бѣдствія Крижанича—факты характеристическіе и знаменательные. Москва уже съ XV вѣка выразила особый складъ народнаго развитія, складъ собственно великорусскій, который, слагаясь въ центрѣ, распространялся на области и дѣлался общимъ качествомъ русскаго народа въ его тогдашнихъ предѣлахъ. Даже государственная цѣль, ради которой Москва совершала объединеніе, достигалась съ величайшими потерями: массы народа бѣжали отъ государственной тяготы, въ козачество, въ разбой, переселялись въ дальнія окраины; неумѣнье сладить съ церковными

вопросами, или даже невозможность сладить съ ними при тогдашнемъ ходѣ вещей, произвели расколъ, который въ теченіи двухъсотъ лѣтъ держалъ милліоны народа внѣ гражданскихъ правъ, внѣ общественнаго движенія, и дѣлалъ для нихъ религіозную ревность источникомъ бѣдствія и преслѣдованія. Въ простыхъ вопросахъ управленія, мѣстныя автономическія преданія падали передъ центральной властью, и «московская волокита», со всѣми ея принадлежностями, вошла въ пословицу.

Въ этомъ порядкѣ вещей исчезли всѣ тѣ элементы мѣстнаго развитія, о которыхъ мы можемъ судить по литературнымъ остаткамъ.

Слѣдуетъ, наконецъ, упомянуть объ одномъ взглядѣ г. Буслаева. Объясняя историческую важность изученія мѣстныхъ элементовъ, онъ находитъ это изученіе тѣмъ болѣе необходимымъ,— что, «вошедши въ основу народной жизни, мѣстные элементы на время потеряли силу къ дальнѣйшему развитію въ литературѣ, потому что литература новая, т.-е. съ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка до нашихъ временъ, стремится уже стать выше всякаго мѣстнаго стѣсненія. Это уже не кіевская литература, не новгородская, муромская или владимірская, даже не московская или петербургская, но вообще литература *русская* или, точнѣе сказать, *великорусская*. Даже въ самомъ внѣшнемъ выраженіи, новая литература ревниво преслѣдуетъ свое отвлеченное отъ жизни стремленіе; она гнушается провинціализма, она не терпитъ при себѣ развитія литературныхъ идей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Конечно, можно бы вполнѣ простить новой литературѣ, что она заглушила своею дѣятельностію все провинціальное, если бы она была дѣйствительно русскою, и если бы она сложилась изъ мѣстныхъ элементовъ, какъ русское государство изъ удѣловъ и областей. Напротивъ того: отрѣшившись отъ мѣстной родной почвы, наша новая литература цѣлое столѣтіе робко влачилась по слѣдамъ литературъ западныхъ и все болѣе и болѣе уклонялась отъ интересовъ національныхъ. Она избрала себѣ отвлеченный языкъ для того, чтобъ передавать отвлеченныя отъ русской жизни идеи, чуждыя ей понятія и убѣжденія. Итакъ, надобно обратиться къ историческому развитію древней литературы, чтобъ усвоить себѣ національныя основы русской жизни» [1]).

Здѣсь совершенно справедлива та мысль, что мѣстное и провинціальное имѣютъ право на развитіе, и что литература можетъ быть вполнѣ національной лишь тогда, когда она покроетъ эти мѣстныя развитія своимъ содержаніемъ, и надо добавить—

[1]) Лѣтоп. русск. лит., и древн., IV, стр. 4.

поведетъ ихъ дальше. Но историческая постановка невѣрна. Мѣстные элементы старой литературы были заглушаемы не съ XVIII вѣка, какъ думаетъ г. Буслаевъ, а гораздо ранѣе, и именно съ XVI вѣка, когда дѣятельность митр. Макарія имѣла уже централистическій характеръ и московскій тонъ дѣлался преобладающимъ. Въ самомъ дѣлѣ, мѣстныя произведенія XVII в. или писаны въ чисто московскомъ духѣ, или уже остаются провинціализмомъ, непринимаемымъ въ разсчетъ. Восемнадцатый вѣкъ воспринялъ уже объединенную литературу; его нельзя обвинить въ томъ, что «онъ гнушался» провинціализма, потому что имъ раньше гнушалась Москва. Восемнадцатый вѣкъ, напротивъ, сдѣлалъ великое пріобрѣтеніе для литературы—и со стороны ея внѣшняго орудія, языка, и со стороны содержанія. Въ первомъ отношеніи, онъ съ самаго начала стремился замѣнить книжный, искусственный языкъ старины дѣйствительнымъ языкомъ общества [1]), и если не вдругъ этого достигъ, то потому, что слишкомъ сильна была старая привычка къ церковному стилю. Во второмъ отношеніи восемнадцатый вѣкъ имѣлъ задачу, которая была уже почувствована и старою Русью, но лишь неясно и неполно; онъ старался расширить самое содержаніе литературы, давно уже слишкомъ бѣдное для ея національнаго значенія, восполнить тотъ крайній недостатокъ знаній, которымъ такъ страдало старое русское «просвѣщеніе». По необходимости создавался новый языкъ, безъ котораго не могли быть выражены новыя понятія,—эти понятія были дѣйствительно «чужды» старой русской жизни, но она необходимо должна была ихъ усвоить, потому что это были понятія науки, теоретическаго и практическаго знанія. Только дополнивши этотъ недостатокъ, пройдя этотъ новый путь, литература могла вновь обратиться къ мѣстному и народному,—и дѣйствительно обратилась. Старое мѣстное было забыто, и это было естественно: старое мѣстное содержаніе было прожито исторически; оно осталось воспоминаніемъ, и интересъ къ мѣстному въ современной литературѣ есть уже болѣе широкій интересъ, интересъ не къ одной археологіи или церковной старинѣ, но и къ живой общественной дѣятельности, къ насущнымъ народнымъ потребностямъ, практическимъ и нравственнымъ.

А. Пыпинъ.

---

[1]) Ср. Ключ., стр. 377, и вообще его замѣчанія о книжномъ, риторическомъ стилѣ старыхъ житій,—въ послѣдней главѣ книги.

НАУКА И ЛИТЕРАТУРА

въ

СОВРЕМЕННОЙ АНГЛІИ

ПИСЬМО ПЯТОЕ *).

I.

H. Bancroft: *The native races of the Pacific States*. London: Longmans and C-ie. 1876, 5 vol. in 8°.—*Hepworth Dixon:* White Conquest. London: Chatto and Windus. 2 vol. in 8°, 1876.

М-ръ Губертъ Гоу Банкрофтъ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени и національности, съ знаменитымъ историкомъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ книгопродавецъ-издатель въ Санъ-Франциско и принадлежитъ къ категоріи тѣхъ издателей, которые въ настоящее время снова начали появляться на континентѣ и воскрешаютъ традиціи своихъ великихъ предшественниковъ XVI столѣтія, которые были сами писателями, какъ Этьеннъ, или же редактировали нѣкоторые изъ важнѣйшихъ трудовъ, выходившихъ изъ ихъ типографій. Я привелъ имя весьма знаменитое въ лѣтописяхъ книгопечатанія, и хотя вовсе не имѣю въ виду сравнивать м-ра Банкрофта съ авторомъ «Thesaurus Graecae linguae», но книга его является однимъ изъ значительнѣйшихъ памятниковъ науки, воздвигнутыхъ за послѣднее время въ какой-либо отрасли человѣческихъ знаній.

---

*) См. 1876 г., іюль, 200 стр.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, авторъ задался мыслію написать исторію первобытныхъ народовъ, населявшихъ западную половину сѣверной Америки, но при этомъ нашелъ, что матеріаловъ по этому предмету имѣется весьма мало и что во всякомъ случаѣ они разсѣяны по всѣмъ концамъ земли. Располагая тѣмъ, что французы называютъ «нервомъ войны», онъ объѣздилъ Европу, осмотрѣлъ различныя библіотеки и составилъ коллекцію сочиненій изъ шестнадцати тысячъ томовъ, причемъ пріобрѣлъ множество важныхъ сочиненій, входившихъ въ составъ мексиканской императорской библіотеки и распроданной по смерти императора Максимиліана. Но затѣмъ оставалось сдѣлать выборки изъ всѣхъ этихъ сочиненій: м-ру Банкрофту пришло въ голову составить нѣсколько указателей и организовать цѣлый легіонъ интеллигентныхъ чиновниковъ, для выполненія этого плана. «Когда мы посѣтили его въ Санъ-Франциско, въ 1873 г., говоритъ одинъ критикъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія», мы были поражены изумленіемъ при видѣ громаднаго каталога фактовъ, собранныхъ этимъ способомъ. Каталогъ состоялъ изъ груды *карточекъ*, и на каждой изъ нихъ значилось заглавіе какого-нибудь сочиненія съ подробнымъ изложеніемъ его содержанія и необходимыми ссылками. Ему удалось такимъ образомъ собрать такую массу матеріала, что, какъ онъ намъ сказалъ, потребовалось бы шестьдесятъ лѣтъ одиночныхъ усилій человѣческой жизни для достиженія такого же результата».

Таковы данныя, съ помощью которыхъ м-ръ Банкрофтъ написалъ пять толстыхъ томовъ, лежащихъ у меня теперь передъ глазами. Трудъ его, говоритъ онъ съ преувеличенной скромностью, скорѣе трудъ ремесленника, нежели художника, собраніе матеріаловъ для болѣе искусныхъ рукъ, запасъ сырыхъ продуктовъ, предлагаемый для обработки людямъ болѣе компетентнымъ. Фактъ тотъ, что онъ доставилъ приверженцамъ соціальной науки — то-есть вѣнцу всѣхъ наукъ — самый полный сборникъ матеріаловъ, какой когда-либо былъ составленъ о какой-нибудь расѣ. Если прибавить къ этому, что раса эта близка къ исчезновенію съ лица земли, то значеніе оказанной имъ услуги еще возвысится въ нашихъ глазахъ.

Авторъ даетъ названіе «Pacific States» громадной территоріи, прилегающей къ океану того же имени (включая сюда Мексику и центральную Америку), начиная съ Аляски, бывшихъ русскихъ владѣній въ Америкѣ—до Панамскаго перешейка. Въ первомъ томѣ своего сочиненія онъ изслѣдуетъ *дикіе народы*, во второмъ народы, величаемые имъ *цивилизованными*, т.-е. древнихъ мек-

сиканцевъ и ихъ предковъ. Третій томъ посвященъ *исторіи религій и языка;* четвертый—*американскимъ древностямъ;* пятый и послѣдній трактуетъ о *первобытной исторіи.* Изъ этого видно, какое значительное мѣсто отведено мексиканской цивилизаціи—около двухъ-третей всего сочиненія. По крайней мѣрѣ въ немъ сказано послѣднее слово о диковинной имперіи, открытой и разрушенной слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ Кортесомъ и его сподвижниками. При этомъ, очевидно, нельзя было избѣжать нѣкоторыхъ повтореній; такъ, напр., иныя подробности, касательно миѳовъ и религіи повторяются въ 1-мъ, 3-мъ и 5-мъ томахъ. Но это незначительныя погрѣшности, обусловливаемыя самымъ способомъ труда, и было бы педантизмомъ напирать на нихъ въ виду великолѣпныхъ результатовъ, полученныхъ этимъ способомъ. Какая богатая жатва! Всѣ могутъ пользоваться ею: философъ, физіологъ, политическій дѣятель, политико-экономъ могутъ черпать обѣими руками. Мнѣ приходится ограничиться нѣсколькими избранными мѣстами.

Первый вопросъ, который приходится при этомъ поставить, это вопросъ о происхожденіи американцевъ. Въ первой главѣ пятого тома своего сочиненія, м-ръ Банкрофтъ перебираетъ всѣ теоріи и, вѣрный своей общей методѣ, не дѣлаетъ изъ нихъ никакого вывода. «Никто не можетъ сказать въ настоящее время,—восклицаетъ онъ,—какое происхожденіе у американцевъ; вопросъ остается нерѣшеннымъ, пока не будетъ собрано новыхъ данныхъ». Совсѣмъ тѣмъ, обсудивъ и отбросивъ всѣ остальныя теоріи, онъ повидимому склоняется къ тому мнѣнію, въ силу котораго индійцы считаются аборигенами Америки, и это мнѣніе раздѣляется большинствомъ его соотечественниковъ; они всѣ почти полигенисты, какъ Агассисъ, Ноттъ, Мейгсъ и Мортонъ [1]). Я попытаюсь воспользоваться матеріалами, добытыми авторомъ, для болѣе радикальнаго заключенія, которое онъ отвергаетъ повидимому единственно лишь по предвзятой идеѣ.

Оставляя въ сторонѣ басни о финикійскихъ, карѳагенскихъ, еврейскихъ и разныхъ другихъ переселеніяхъ, мы получимъ только двѣ теоріи, заслуживающія критики: теорію, видящую въ американцахъ аборигеновъ Америки, и другую, признающую въ нихъ отрасль монгольской семьи, проникнувшую изъ Азіи въ Америку черезъ арктическія страны. Первое мнѣніе ссылалось въ былое

[1]) См. интересную книгу, озаглавленную „Types of Mankind“ соч., Нотта и Глиддона, и заключающую трудъ Мортона о происхожденіи различныхъ расъ людей и пр. London, Trubner and C-ie, 1854—in 4°.

время, какъ на могущественный аргументъ, на изслѣдованія Мортона американскихъ череповъ (Crania Americana, изданное въ 1839 г.), въ которыхъ этотъ ученый думалъ открыть средній типъ, одинаково удаленный отъ короткихъ, приплюснутыхъ череповъ монголовъ (Brachycephali), и продолговатыхъ, сдавленныхъ на вискахъ череповъ негровъ и австралійцевъ (Dolichocephali). Къ несчастію, новѣйшія изслѣдованія не оправдали надеждъ, возлагаемыхъ первоначально на измѣренія череповъ. Большинство антропологовъ, начиная съ самыхъ ортодоксальныхъ, какъ д-ръ Вильсонъ [1]), и кончая самыми эманципированными, какъ Геккель [2]), признають въ настоящее время, что среди одной какой-нибудь рáсы, кавказской, напр., форма черепа можетъ разнообразиться до крайнихъ предѣловъ. Типъ «mesocephale» округленный, приписываемый Мортономъ американскимъ черепамъ, не можетъ считаться характеристичнымъ, вслѣдствіе многочисленныхъ исключеній. Къ тому же, черепа бываютъ зачастую «mesocephale» въ монгольской рáсѣ, напр. у татаръ и у китайцевъ. Аргументъ невѣренъ въ самомъ основаніи, и такъ какъ до сихъ поръ не нашлось другихъ болѣе серьёзныхъ доказательствъ его истинности, то теорія объ американскихъ аборигенахъ рушится вмѣстѣ съ нимъ.

Намъ ничего не остается, какъ признать пока другую теорію, ту, въ силу которой Америка населилась вслѣдствіе монгольскихъ переселеній, совершавшихся главнымъ образомъ черезъ сѣверо-востокъ Азіи. «Весьма вѣроятно, — говоритъ Геккель (loc. cit, лекція 23),—что на сѣверо-западѣ одна монгольская вѣтвь перешла въ сѣверную Америку, которую безъ сомнѣнія соединялъ съ Азіей довольно широкій перешеекъ. Слѣдуетъ признать небольшой отраслью этой вѣтви арктическихъ или полярныхъ жителей (камчадаловъ, эскимосовъ и пр.). Подъ вліяніемъ суроваго климата, эти группы выродились, примѣняясь къ полярному климату. Но главная масса монгольскихъ эмигрантовъ направилась къ югу и мало-по-малу разсѣялась по сѣверной, а затѣмъ и по южной Америкѣ».

Эта догадка, высказанная такъ остроумно ученымъ іенскимъ профессоромъ, становится почти достовѣрной, если внимательно разсмотрѣть черты, собранныя Банкрофтомъ въ различныхъ мѣстахъ его книги. Если признать, что качество волосъ является однимъ изъ первичныхъ признаковъ классификаціи человѣческихъ расъ, то мы тотчасъ увидимъ, что американцы, вмѣстѣ съ малайцами

---

[1]) См. *Prehistoric Man. London.* Macmillan. 1863, 8°.

[2]) *Natürliche Schöpfungsgeschichte.* 4 изд., 23-я лекція.

и монголами, относятся къ классу людей съ гладкими и прямыми волосами. Прочитайте теперь описаніе различныхъ народовъ, перечисляемыхъ въ первомъ томѣ: *калифорнійцевъ* съ ихъ «широкимъ и плоскимъ лицомъ, выдающимися скулами, маленькими, блестящими глазками» (стр. 328),—*ново-мексиканцевъ* съ «скулами, одинаково выдающимися, черными, быстрыми глазками (стр. 573)— развѣ они не представляютъ вамъ нѣкоторыхъ характеристическихъ чертъ великой монгольской или туранской расы? И, замѣчательное дѣло, чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверъ, ближе къ эскимосамъ и Берингову проливу, тѣмъ болѣе аналогія увеличивается. У *нуткасовъ*, отрасли «*колумбійцевъ*, лицо широкое и круглое, съ выдающимися скулами, приплюснутымъ носомъ, раздувающимися ноздрями, маленькими черными глазками, толстыми губами» (стр. 177),—а это и есть монгольскій типъ, почти во всей его чистотѣ. Этотъ фактъ, на которой повидимому не обращали достаточнаго вниманія, представляетъ капитальное значеніе съ точки зрѣнія нашей теоріи.

Не взирая на неосновательныя возраженія, раздававшіяся въ послѣднее время, языки остаются однимъ изъ основныхъ элементовъ классификаціи расъ: самые знаменитые натуралисты признаютъ новѣйшія открытія филологіи. Къ несчастію, относительно Америки, трудно выяснить вопросъ о языкѣ. Здѣсь насчитываются сотни различныхъ діалектовъ, и всѣ слишкомъ отдалены другъ отъ друга, чтобы можно было соединить ихъ въ рѣзко-очерченныя и немногочисленныя группы, какъ это сдѣлано относительно нарѣчій Стараго Свѣта. М-ръ Банкрофтъ перечисляетъ около 400 нарѣчій только у народовъ Тихаго Океана! «Несмотря на эти затрудненія,—говоритъ профессоръ Уитней въ своемъ важномъ сочиненіи,—самые знаменитые филологи полагаютъ, что коренное единство лежитъ въ основаніи этихъ безчисленныхъ формъ языка и что всѣ они вѣроятно происходятъ отъ одного корня; потому что, не взирая на разнообразіе матеріаловъ, существуетъ одинъ общій типъ, одинъ планъ, по которому построены всѣ эти различныя формы, начиная съ Арктическаго Океана и кончая мысомъ Горномъ. Это типъ *скученный* или *полисинтетическій*. Онъ состоитъ въ чрезмѣрномъ накопленіи особыхъ элементовъ, корней въ одномъ словѣ» [1]).

Такимъ образомъ помощью выраженій, означающихъ *отецъ*, *священникъ*, *почтенный*, *мой*, мексиканцы, не обинуясь, составляютъ слово «notlazomahuiz teopiscatzin», что значитъ: «мой много-

[1]) *Language and the study of language.—New-York.* 1867, 8°, p. 346.

уважаемый отецъ и достопочтенный священникъ!» Кто не видитъ, что эта манера *нанизывать* слова—сродни скучиванію словъ, характеристичному для туранскихъ языковъ. Такимъ образомъ исчезаетъ одна изъ трудностей этнологической задачи. Неисчислимые языки краснокожихъ дикарей Новаго Свѣта, всѣ эти столь разнообразные повидимому людскіе типы, могутъ быть отнесены къ одному общему корню, связывающему американцевъ съ тѣмъ плодоноснымъ континентомъ Азіи, изъ котораго они вышли, и съ великой туранской или монгольской семьей, которой они являются выродившейся отраслью. Если бы даже доказали—чего еще не сдѣлали—что первобытный человѣкъ, человѣкъ каменнаго вѣка, и существовалъ въ извѣстную эпоху, какъ аборигенъ Америки, то это ничего не измѣнитъ въ нашемъ тезисѣ. Полу-цивилизація древней Америки ничѣмъ не обязана этой первобытной расѣ, равно какъ и болѣе совершенная культура Европы и Азіи. Великія семьи арійцевъ, туранцевъ и семитовъ остаются въ обоихъ полушаріяхъ единственными факторами человѣческаго развитія и прогресса.

Съ этой стороны невозможно раздѣлить сожалѣній автора по поводу разрушенія мексиканской имперіи и полагать, что ацтеки—болѣе, чѣмъ какое-либо другое населеніе Америки — могли бы, будучи предоставленными самимъ себѣ, когда-либо дойти до болѣе совершенной культуры, чѣмъ та, какой они достигли во времена Монтезумы и Кортеса. Конечно, нельзя не чувствовать отвращенія къ средствамъ истребленія, пущеннымъ въ ходъ испанскимъ фанатизмомъ и алчностью, и Банкрофтъ справедливо восклицаетъ: «поглядите на нихъ теперь, на потомковъ побѣдителей и побѣжденныхъ, одинаково выродившихся. Анаѳема, которую побѣдители изрекли противъ цвѣтущей имперіи, обрушилась на ихъ собственную голову и раздавила ихъ своей карательной тяжестью» (т. II, стр. 82). Но это не мѣшаетъ тому, чтобы мексиканская цивилизація, кажущаяся на первый взглядъ такой поразительной, не представляла, при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нею, чертъ неисправимаго застоя.

Во-первыхъ, удивленіе значительно уменьшается, если допустить вѣроятность вышеизложенной теоріи о монгольскомъ происхожденіи. Но всякая надежда на поступательный прогрессъ у мексиканцевъ исчезаетъ, когда познакомишься съ ужаснымъ суевѣріемъ, царившимъ между ними. Я не только имѣю при этомъ въ виду милліонъ человѣческихъ жертвъ, приносимыхъ ежегодно богу Тецхатлипока и его собратьямъ, но также и тотъ способъ, какимъ совершались эти жертвоприношенія. Несчастныя жертвы

опрокидывались на жертвенникъ и черезъ болѣе или менѣе искусный надрѣзъ въ груди, жрецъ опускалъ руку и вырывалъ сердце, и подносилъ его къ самому носу блаженнаго идола. Что сказать про жертвоприношенія дѣтей, совершаемыя въ честь Ллалока, бога водъ и оплодотворяющаго дождя?

«Этихъ младенцевъ, покупаемыхъ у матерей, зарѣзывали въ первые дни года на извѣстныхъ горахъ, другихъ топили въ водахъ Мексиканскаго залива. Однимъ изъ мѣстъ, гдѣ ихъ убивали, была высокая гора, въ окрестностяхъ Ллателулько, и всѣ они бывали разукрашены полосками изъ красной бумаги. Вторымъ мѣстомъ ихъ убіенія была высокая гора близъ Гваделупы. Жертвы убирались бумагой черной, съ желтыми полосками... Седьмая гора называлась Йохкемъ, и дѣти на ней убирались бумажками бураго цвѣта. Всѣ эти несчастныя малютки покрывались драгоцѣнными каменьями и яркими перьями; имъ придѣлывались бумажныя крылья и на каждой щечкѣ дѣлали бѣлую отмѣтку. Такъ какъ они еще не могли ходить, то ихъ носили на носилкахъ, богато убранныхъ, и вездѣ, гдѣ носилки проходили, весь народъ плакалъ (т. III, стр. 333).

Послѣдняя черта дорисовываетъ картину: «весь народъ плакалъ». Я думаю: было отъ чего, и тѣмъ не менѣе изъ году въ годъ ужасный обычай практиковался! Было бы, право, не такъ отвратительно, если бы мы имѣли дѣло съ людьми, вполнѣ отупѣвшими, сухими глазами глазѣющими на это зрѣлище. Впрочемъ, эти порывы чувствительности быстро охладѣвали. «Утромъ жертвоприношенія, если младенцы много плакали и кричали, то зрители радовались, считая это за признакъ дождя» (т. III, стр. 332).

Всѣ эти ужасы отрицались; ихъ выдумали, говорили, испанцы, заинтересованные въ томъ, чтобы представить въ отвратительномъ свѣтѣ несчастные народы, которые они сначала ограбили, а потомъ истребили. Къ несчастію, всякія дальнѣйшія сомнѣнія невозможны. Кромѣ испанскихъ, свѣтскихъ и духовныхъ писателей, писавшихъ на основаніи свѣдѣній, доставленныхъ мексиканцами, немедленно послѣ завоеванія, надо принять во вниманіе множество документовъ, составленныхъ на кастильскомъ нарѣчіи обращенными въ христіанство туземцами, на которые часто ссылается Банкрофтъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ трудъ Икстиль-Ксохитль [1]), внука послѣдняго короля ацтековъ въ Тецкуко. Впрочемъ, на страницѣ 522 тома IV находимъ неопровержимое

[1]) „Historia Chichimeca“ въ Kingsborough Mexican Antiquities, vol. IX.

матеріальное доказательство тому. Извѣстно, что при нѣкоторыхъ церемоніяхъ жрецъ облекался въ человѣческую кожу, болѣе или менѣе хорошо выдѣланную. Политипажъ на означенной страницѣ изображаетъ эту гнусную вещь: руки жертвы, выдѣланныя вмѣстѣ съ кожей, свѣшиваются въ видѣ украшенія съ плечъ жреца. Этотъ политипажъ воспроизводитъ статую изъ базальта, величиною въ половину человѣческаго роста, найденную въ развалинахъ Тецкуко.

Какъ это зачастую бываетъ, ужасное перемѣшивается съ нелѣпымъ. Нельзя представить себѣ ничего идіотичнѣе преданій, вращавшихся среди народа ацтековъ касательно начала и конца вещей. Въ большинствѣ провинцій мексиканской имперіи допускали, что на небѣ существовали съ начала міра богъ и богиня, имена которыхъ я пропускаю. Богиня зачала и произвела на свѣтъ кремневый ножъ; но у ней было нѣсколько сыновей, обитавшихъ на небѣ, и они испугались при видѣ такого необыкновеннаго чада и низвергли его на землю. Злосчастный ножъ упалъ въ мѣсто, именуемое Шикомоцтокъ, что̀ означаетъ семь гротовъ, и немедленно изъ него вышло 1600 боговъ! Эти боги, соскучась въ одиночествѣ на землѣ, попросили мать надѣлить ихъ даромъ создавать людей. Мать отсылаетъ ихъ къ богу подземнаго царства, и тотъ даритъ имъ кости мертвецовъ. Они нагромождаютъ ихъ въ бассейнѣ и наполняютъ его кровью, выпущенной изъ ихъ собственнаго тѣла, и по прошествіи четырехъ дней что-то начинаетъ копошиться въ этой отвратительной кашѣ: въ ней образуется сначала мальчикъ, потомъ дѣвочка, первый мужчина и первая женщина. Но недостаточно имѣть товарищей и слугъ, необходимо, чтобы было свѣтло. Высшія силы рѣшаютъ, что свѣтъ появится, когда одинъ изъ земныхъ боговъ согласится пожертвовать собой и бросится въ огонь. Одинъ изъ боговъ приноситъ себя въ жертву, и на горизонтѣ немедленно появляется солнце: но оно неподвижно. 1599 братьвъ, оставшихся въ живыхъ, приказываютъ ему тронуться съ мѣста и совершать свое теченіе. Но посланный ихъ приноситъ имъ слѣдующій громовый отвѣтъ, а именно: солнце не тронется съ мѣста, прежде чѣмъ не истребитъ ихъ всѣхъ. Это немедленно выполняется: боги гибнутъ одинъ за однимъ, завѣщая свои одежды людямъ, своимъ слугамъ (т. III, стр. 59—60).

Я привелъ эту исторію цѣликомъ, какъ любопытный примѣръ дикихъ вымысловъ, на какіе способенъ человѣческій мозгъ, не вполнѣ развитый.

Что̀ думать послѣ этого про испанскихъ писателей въ родѣ Карбахаля Эспиновы, считавшихъ религію ацтековъ болѣе прав-

ственной, нежели религія грековъ? Справедливо будетъ замѣтить, что тутъ произошли странныя ошибки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ аббатъ Брассёръ де-Бурбуръ, превосходно знающій мексиканскія нарѣчія, напечаталъ переводъ такъ-называемаго священнаго писанія туземцевъ центральной Америки [1]. Эта книга написана на *кикé*, нарѣчіи Гватемалы. Это та самая знаменитая «Popol Ouh» — чтó означаетъ *Народная книга*, — которой Максъ Мюллеръ счелъ нужнымъ посвятить статью въ моментъ ея появленія. Между тѣмъ индійскій писатель самъ объявляетъ, что онъ взялъ на себя трудъ зà-ново написать эту книгу, потому что оригиналъ затерялся или уничтоженъ. При этомъ все сочиненіе носитъ такой библейскій характеръ, что его невозможно не признать. Конечно, въ немъ приведены также и нѣкоторыя оригинальныя преданія; но превратныя толкованія, результатъ восторженности прозелита, встрѣчаются въ немъ на каждомъ шагу. Такимъ образомъ, боги-зиждители (ихъ четверо) говорятъ, создавъ міръ и животныхъ: «создадимъ теперь разумное существо, которое будетъ поклоняться намъ и призывать насъ», и создаютъ человѣка. Затѣмъ находятъ, что онъ золъ, и истребляютъ его. Позднѣе они создаютъ четырехъ совершенныхъ людей и во время ихъ сна создаютъ для нихъ четырехъ женъ. Но этимъ опять-таки не удовлетворяются; люди эти слишкомъ совершенны, все знаютъ и хотятъ соперничать съ богами, а тѣ обезоруживаютъ ихъ смѣшеніемъ языковъ и проч. Это просто-на-просто мистификація, и люди, которые бы вздумали признать въ этомъ документѣ нѣчто серьёзное, должны согласить его съ нелѣпыми вышеприведенными теоріями. Конечно, переводчикъ вѣритъ въ него; читатели поймутъ это, когда я прибавлю, что ученый аббатъ въ такомъ восторгѣ отъ майевъ и ацтековъ, что, не колеблясь, находитъ въ ихъ языкѣ самое удивительное сходство съ греческимъ и санскритскимъ!

Резюмирую: цивилизація, основанная на такомъ нелѣпомъ фундаментѣ, не говоря уже объ ея отвратительныхъ сторонахъ, заранѣе была обречена на неподвижность. Что за дѣло послѣ того, что сады въ мексиканскомъ дворцѣ блистали порфировыми бассейнами и мраморными павильонами; что за обѣдомъ Монтезумы ежедневно подавалось три тысячи блюдъ; что у него было тысяча женъ и 130 дѣтей; что въ его имперіи насчитывали три дворянскихъ ордена, не считая рыцарскаго и военнаго ордена

[1]) См. Собраніе документовъ на туземныхъ языкахъ по исторіи древней Америки. Парижъ. 1868, 8°, tom. I—IV.

Текуэтли: при всемъ этомъ ацтеки въ подмётки не годятся китайцамъ, съ которыми у нихъ однако много общаго. Предположите, что небесная имперія была бы уничтожена двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; вѣдь можно было бы съ большимъ основаніемъ оплакивать гибель народа, развитая культура котораго подавала такія блестящія надежды! Между тѣмъ мы знаемъ ея результаты, и по нимъ можемъ судить объ участи, ожидавшей цивилизацію мексиканскую.

Я не хочу этимъ сказать, что исторія древнихъ, полуцивилизованныхъ народовъ Америки, не представляетъ никакого интереса; напротивъ того, она поучительна во многихъ отношеніяхъ и ее стоитъ изучить въ т. II и V. Обобщая новѣйшія изслѣдованія по этому предмету, м-ръ Банкрофтъ дѣлитъ эти народности на двѣ большихъ семьи. Во-первыхъ, самую старинную изъ двухъ, *майевъ*, въ центральной Америкѣ (Юкатанъ, Гондурасъ и пр.); во-вторыхъ *нахуасовъ*, господствовавшихъ главнымъ образомъ на равнинѣ Мексики и къ которымъ принадлежатъ тольтеки, шишимеки и ацтеки. Имперія тольтековъ длилась отъ VI по XI вѣкъ, имперія шишимековъ отъ XI по XV, и наконецъ, когда испанцы высадились въ Мексикѣ, ацтеки уже около столѣтія господствовали въ странѣ.

Существовало три различныхъ королевства, и столицами ихъ были Мехико, Тецкуко и Тлакопанъ. Королевство Тецкуко раздѣлялось на 26 большихъ леновъ, и главы ихъ признавали за королемъ только право предсѣдательствовать въ ихъ большихъ собраніяхъ, принимать ихъ поздравленія при восшествіи на престолъ, взимать извѣстную дань и требовать опредѣленнаго контингента войскъ въ случаѣ войны. Историки феодальныхъ временъ не обратили достаточнаго вниманія на эти аналогіи. Но всего поразительнѣе то, что одинъ изъ королей вздумалъ, какъ это было и во Франціи, раздѣлить королевство на 26 провинцій, куда онъ назначалъ губернаторовъ, и это предало въ его руки 26 ленниковъ (т. II, гл. V).

Земля была раздѣлена между короной, дворянами, жрецами и народомъ. Земли народа назывались «calpulli». Владѣльцы одного «calpulli» были всѣ членами одного класса и ихъ округъ носилъ названіе клана. Право аренды было непрерывное и неотчуждаемое; оно принадлежало общинѣ, а не отдѣльнымъ лицамъ. Членъ общины, не имѣющій земли, имѣлъ право получить участокъ, соотвѣтственный его положенію и его нуждамъ, и передавалъ его своимъ наслѣдникамъ, но не имѣлъ права его продать. Управленіе происходило при посредствѣ совѣта, изъ старѣйшинъ «calpulli»

т. II, стр. 223—226). Эти сельскія общины почти тождественны, какъ мы видимъ, съ общинами на Западѣ и въ Индіи, которыя въ послѣднее время были такъ хорошо описаны Нассомъ, сэромъ Мэномъ, Э. Лавелэ и другими.

Нашъ ученый авторъ даетъ намъ не менѣе полное изображеніе дикихъ народовъ, теперешнихъ туземцевъ береговъ Тихаго Океана. И прежде всего нельзя не одобрить его классификаціи, несмотря на ея искусственность; на основаніи всего вышесказаннаго другой и быть не могло. Такимъ образомъ м-ръ Банкрофтъ поочередно разсматриваетъ по географическимъ поясамъ: 1) народы, называемые имъ *гиперборейцами*, на сѣверъ отъ 55° сѣв. широты; 2) *колумбійцевъ*, обитавшихъ между 55° и 43°; 3) *калифорнійцевъ*, между 43° и 32°; 4) *ново-мексиканцевъ*, между 32° и 26°, включая сюда *апашей* и *команчей*, *пуэблосъ* и пр.; 5) дикія племена Мексики; и, наконецъ 6) племена центральной Америки вплоть до Панамскаго перешейка.

Гиперборейцы занимаютъ главнымъ образомъ территорію Аляски, бывшей русской Америки. Они раздѣляются на пять отраслей, которыя суть, направляясь отъ сѣвера къ югу: *эскимосы, коняги, алеуты, тлинхеты и тинэи*. Великіе русскіе путешественники: Неводчиковъ (?), Лангсдорфъ (?), Лисянскій и пр. доставили въ этомъ отношеніи самыя интересныя подробности; я приведу нѣкоторыя изъ нихъ.

Коняги представляются въ глазахъ европейцевъ самымъ безнравственнымъ народомъ въ мірѣ. Полигамія, кровосмѣшеніе, содомія самое обычное дѣло между ними. Впрочемъ, и у нихъ существуютъ кое-какія брачныя церемоніи, но они не важны: самая диковинная заключается въ томъ, что зять и будущій тесть, когда дѣло между ними слажено, освящаютъ его общимъ купаньемъ! (Т. I, стр. 83). Вмѣстѣ съ этимъ коняги услужливы, трудолюбивы. «Они не суевѣрнѣе цивилизованныхъ народовъ,— говоритъ м-ръ Банкрофтъ,—и ихъ безнравственность, хотя и ужасающая въ глазахъ иноземца, нисколько не кажется имъ самимъ чѣмъ-нибудь преступнымъ, боящимся гласности и заслуживающимъ кары. Въ ихъ глазахъ, ихъ отвратительныя привычки такъ же невинны, какъ и привычки любой изъ націй. Справедливо сказано: «для дикаря *добро* заключается въ похищеніи чужихъ женъ, а *зло* въ томъ, если у него похитятъ жену». Критерій нравственности мѣняется съ временами и мѣстностями. Если бы Вольтеръ могъ прочесть сочиненіе м-ра Банкрофта, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ, наконецъ, ясно бы постигъ вопросъ, оставшійся для него нерѣшеннымъ, благодаря недостатку необходимыхъ дан-

ныхъ. «Индійскій красильщикъ, пастухъ, татаринъ и англійскій матросъ имѣютъ понятіе о добрѣ и злѣ!» —восклицаетъ онъ [1]). Можетъ быть, но коняги и команчи не имѣютъ о немъ понятія.

Упомяну еще два-три важныхъ факта, могущихъ освѣтить задачу о происхожденіи и образованіи семьи. Извѣстно, что у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ самыми близкими родственными узами считаются тѣ, чтó связываютъ племянниковъ съ дядей и теткой, а также сына съ матерью: родство съ отцомъ считается третьестепеннымъ. Банкрофтъ приводитъ нѣсколько фактовъ, служащихъ подтвержденіемъ тому, чтó говоритъ сэръ Джонъ Лёббокъ въ своемъ сочиненіи «Начало цивилизаціи». У *навахов*ъ, обитателей Новой-Мексики, отецъ и мать владѣютъ имуществомъ раздѣльно, и послѣ ихъ смерти наслѣдство переходитъ къ племянникамъ и племянницамъ. Со всѣмъ тѣмъ, они зачастую нарушаютъ это правило и передаютъ свое имущество дѣтямъ (Т. I, стр. 505). Это подтверждаетъ мнѣніе Лёббока, утверждающаго, что родительскія чувства развились очень поздно и лишь въ связи съ понятіями о собственности [2]).

На этомъ я долженъ, къ великому своему сожалѣнію, остановиться. Книга Банкрофта одна изъ тѣхъ, съ которыми не легко разстаешься и охотно перечитываешь. Если я прибавлю, что этотъ сборникъ фактовъ такъ же полонъ, какъ и систематиченъ, и сопровождается весьма важными соображеніями касательно великихъ вопросовъ о расахъ, цивилизаціи, антропологіи и пр., то понятно станетъ, какимъ образомъ автору удалось заслужить почти единодушныя похвалы печати обоихъ полушарій.

М-ръ Гепвортъ Диксонъ носитъ слишкомъ популярное имя, чтобы можно было пройти молчаніемъ какое-нибудь изъ его сочиненій. Несчастіе для умныхъ людей, разъ они признаны таковыми, заключается въ томъ, что отъ нихъ требуютъ непрерывнаго ряда интересныхъ произведеній. Между тѣмъ самые замѣчательные могутъ переживать моменты утомленія и упадка силъ. «White Conquest» представляется однимъ изъ такихъ моментовъ. Подъ этимъ неопредѣленнымъ заглавіемъ, которое уже само-по-себѣ указываетъ на капитальный недостатокъ сочиненія, м-ръ Диксонъ задумалъ набросать картину Соединенныхъ-Штатовъ въ 1875 г. *Бѣлое завоеваніе*—есть завоеваніе европейскими расами краснокожихъ и негровъ. Конечно, весьма пріятно узнать, что въ Калифорніи приходится на пять бѣлыхъ мужчинъ одна бѣлая жен-

[1]) „Dictionnaire philosophique“, art. „Morale“.

[2]) См. „Origins of Civilisalion“, стр. 452.

щина; въ Орегонѣ четверо мужчинъ на трехъ женщинъ, въ Вашингтонѣ двое на одну; что въ Санъ-Францисво и въ Нью-Іоркѣ выстрѣлы изъ револьверовъ такое же обычное явленіе, какъ и пожатіе руки; что мормоны заимствовали полигамію отъ индійцевъ и проч. и проч. Но все это старыя исторіи, надъ чтеніемъ которыхъ вы зѣваете, несмотря на претензіи автора на юморъ и остроуміе. Трудно представить себѣ что-нибудь похороннѣе этихъ неудачныхъ претензій; поэтому, несмотря на статью, посвященную ему «Revue des Deux-Mondes»—которое судитъ о вещахъ издалека—англійская публика упрямо не читаетъ книги Диксона. Это кажется случается съ нимъ въ первый и, желаю для него, чтобы и въ послѣдній разъ.

II.

Carlyle: The early Kings of Norway. London, Chapman. 1875, in 8°, 307 pages.—
Max Müller: Chips from a German workshop. London, Longmans, vol. IV. 1875, in 8°, 581 pages.

«Онъ свѣтъ міра, священникъ вселенной, столпъ священнаго огня, руководящій человѣчествомъ, ощупью блуждающимъ по необъятнымъ пространствамъ временъ». Въ такихъ словахъ характеризуетъ Карлейль роль геніальнаго писателя, героя-литератора, какъ онъ его называетъ, и можетъ съ полнымъ правомъ признать за собою свойства этого священнаго характера. Трогательное зрѣлище представляетъ этотъ восьмидесятилѣтній старецъ, мирно проживающій въ своемъ уединеніи, куда долетаетъ до него смутный и одобрительный гулъ потомства, уже наступившій для него! Я не знаю ничего трогательнѣе этого зрѣлища, и мнѣ кажется, что слѣдуетъ съ истиннымъ почтеніемъ принять новый опытъ, вышедшій изъ-подъ неутомимаго пера, котораго не сломилъ шестидесятилѣтній трудъ. Съ своей стороны я никогда не находилъ, что слѣдуетъ дожидаться смерти великихъ людей, чтобы отдать имъ должное, и въ этомъ отношеніи англійская пресса, за немногими исключеніями, оказалась ниже своего призванія.

Замѣтьте, что въ новомъ сочиненіи Карлейля не видно ни малѣйшаго слѣда старческаго безсилія. Знаменитый критикъ «Эдинбургскаго Обозрѣнія» упрекнулъ автора въ краткости и въ томъ, что онъ не ознакомился съ новѣйшими трудами по этому вопросу, и затѣмъ посвящаетъ цѣлую статью на пополненіе пробѣловъ. Странное заблужденіе! Какъ будто человѣкъ можетъ измѣнить свою манеру въ 80 лѣтъ и превратиться изъ мыслителя въ эрудиста!

Но Карлейль больше сообщаетъ намъ о французской революціи въ трехъ томахъ, чѣмъ гг. Тьеръ, и Луи-Бланъ въ своихъ двадцати-двухъ томахъ, и, посвятивъ 200 страницъ первымъ королямъ Норвегіи, онъ не вышелъ изъ обычныхъ рамокъ.

Но зачѣмъ ему понадобились норвежскіе короли?—спросятъ быть можетъ читатели? Чтó за странная фантазія рыться въ исландскихъ сагахъ, чтобы оживить приключенія Гаральда съ прекрасными кудрями и Эрика съ окровавленной сѣкирой? Самъ авторъ объяснитъ намъ это. На эту мысль навело его чтеніе Снорро: «Эта исторія,—говоритъ онъ,—навела меня на размышленія; я раздумался о деспотизмѣ, о демократіи, о самодержавномъ правленіи одного лица и о самоуправленіи всѣхъ (чтó означаетъ отсутствіе всякаго управленія, анархію), о диктатурѣ, представляющей много неудобствъ, и о всеобщей подачѣ голосовъ, представляющей очень мало хорошихъ сторонъ.

«На этой маленькой сѣверной аренѣ съ интересомъ слѣдишь за первымъ таинственнымъ превращеніемъ человѣческаго хаоса въ нѣкотораго рода организованный хаосъ; присутствуешь при тяжеломъ и болѣзненномъ зачатіи человѣческаго общества и говоришь себѣ, что никакой соціальный космосъ никогда не развивался и никогда не будетъ развиваться безъ подобныхъ явленій. Въ насиліяхъ, войнахъ, преступленіяхъ самаго ужаснаго характера, увы! тамъ нѣтъ недостатка. Но за то всегда также у этихъ древнихъ народовъ вы находите и спасительный элементъ: тотъ элементъ, который нынѣ отсутствуетъ и отсутствіе котораго тѣмъ печальнѣе, что никто не думаетъ его оплакивать» [1]).

Этотъ спасительный элементъ Карлейль видитъ въ великомъ человѣкѣ, въ героѣ, въ «the best man». Потому именно, что Карлейлю показалось, что онъ нашелъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ старыхъ сѣверныхъ королей типы, могущіе служить подтвержденіемъ его знаменитой теоріи о «Hero-worship»,—въ силу ихъ величія онъ пожелалъ передать намъ ихъ исторію. Какъ много дикихъ, пошлыхъ и нелѣпыхъ вещей высказано критикой по поводу его теоріи о великихъ людяхъ! Иные придаютъ ей совершенно ложный и глупый характеръ, переводя — какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Наполеонъ III въ своемъ знаменитомъ предисловіи къ «Vie de Cesar»—Гегелевское выраженіе Welthistorische и выраженіе Карлейля «hero»—выраженіемъ «homme providentiel» (избранникъ Провидѣнія). Другіе придаютъ ей отвратительный характеръ, благодаря смѣшенію понятій, возникаю-

[1]) Стр. 200.

щему только вслѣдствіе плачевнаго незнакомства съ истинными мнѣніями автора.

Такимъ образомъ многіе изъ авторитетныхъ критиковъ, раскрывъ его книгу «On heroes» на послѣдней страницѣ и видя помѣщенными подъ одной рубрикой въ заглавіи 6-й главы — той, гдѣ трактуется о короляхъ-герояхъ — имена Кромвеля и Наполеона, немедленно закрываютъ книгу и пишутъ диссертацію о безнравственности Карлейля. Они не знаютъ, потому-что не читали его, что знаменитый писатель различаетъ истинныхъ великихъ людей отъ ложныхъ, и что Наполеонъ приводится именно какъ образецъ послѣднихъ, съ узкими и эгоистическими цѣлями и съ примѣсью *шарлатанства* въ характерѣ, лишающемъ его всякаго истиннаго величія. Они не знаютъ, что онъ характеризуетъ перваго Бонапарта какъ «великаго историческаго бандита, у котораго было въ обычаѣ хватать за шиворотъ королей и императоровъ и угрожать, что пришибетъ ихъ до смерти, если они шевельнутъ пальцемъ и откажутъ ему въ добычѣ, и обратившаго этотъ пріемъ въ очень выгодное ремесло, пока, наконецъ, другой человѣкъ, герцогъ Артуръ Веллингтонъ, перенявъ у него этотъ пріемъ, не схватилъ его самого за шиворотъ и этимъ положилъ конецъ его подвигамъ».

По этому примѣру судите объ остальномъ. Но теперь не время опровергать всѣ дикія мнѣнія, высказанныя объ этомъ великомъ мыслителѣ: я долженъ вернуться къ его послѣднему произведенію, занимательное чтеніе котораго рекомендую всякому. Дѣло идетъ вовсе не о систематическомъ и полномъ изложеніи первоначальной исторіи норвежскихъ королей: тѣ, кому она нужна, найдутъ ее въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ Карлейль вовсе не имѣлъ въ виду передѣлывать книгу Конрада Маурера [1]). Но у него найдутъ очерченными нѣсколькими штрихами и рельефно представленными во всемъ ихъ дикомъ величіи тѣ старинныя сѣверныя фигуры, которыя совершенно на своемъ мѣстѣ среди заливовъ и крутыхъ утесовъ норвежскаго берега.

Въ немъ нѣтъ также недостатка въ юморѣ, какъ это доказываетъ портретъ Эрла Гакона, великаго языческаго короля, этого приверженца старой религіи Одина, царствовавшаго въ Норвегіи въ концѣ X-го вѣка. Онъ охотно искоренилъ бы всякіе слѣды христіанства, начинавшаго проникать въ среду его подданныхъ, «но благоразумно призналъ, что это дѣло невозможное и что

[1]) Die Bekehrung des norwegischen Stammes zum Christenthum.—München. 1855. 2 vol. in 8°.

въ интересахъ мира лучше было и не пытаться на это, а напротивъ того, смотрѣть сквозь пальцы и предоставить каждому спасаться на свой ладъ. Самъ онъ, какъ это извѣстно, исправилъ многія языческія капища (усердный строитель храмовъ въ своемъ родѣ!) и велѣлъ изготовить не одинъ великолѣпный идолъ...» Онъ былъ ритуалистомъ этотъ Гаконъ, какъ видите; быть можетъ, въ немъ жило нѣчто въ родѣ скандинавскаго «Puseyism», на ряду съ другими отчаянными, языческими вѣрованіями.

«Во всемъ остальномъ и съ практической точки зрѣнія это былъ проницательный и дальноворкій человѣкъ, съ сильной волей, дѣятельный и рѣшительный, отлично управлявшій своими земными дѣлами».

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе великой морской битвы, происходившей между норвежскимъ королемъ и знаменитыми пиратами, викингами изъ Іомсбурга. Пираты! Выраженіе это, быть можетъ, нѣсколько сильно, если не принимать его въ томъ смыслѣ, въ какомъ его примѣняли къ нѣкоторымъ, нѣсколько безцеремоннымъ завоевателямъ. Эти викинги образуютъ нѣкоторый переходъ. Это они въ длинныхъ баркахъ доплывали до Парижа, основали Нормандію, завоевали королевство обѣихъ Сицилій, открыли сѣверъ Америки пятью вѣками раньше Колумба; ихъ потомки до сихъ поръ еще царятъ надъ вольной Англіей и образуютъ сливки британской аристократіи. Эта битва положила конецъ ихъ подвигамъ и окончательно обезкуражила всѣхъ ихъ собратовъ, почти на всемъ протяженіи Скандинавіи. Послѣ богатырскаго боя, въ разгаръ страшной бури, когда удары молотка Тора раздавались похороннымъ стукомъ, раздирая облака и брыжжа молніей, викингамъ пришлось отступить. Вождь ихъ, Буй, получилъ рану въ самое лицо: ему отсѣкли носъ и губы: «Ахъ!—вскричалъ онъ, неяснымъ голосомъ, дѣвушки Фюнена не захотятъ больше цѣловать меня. Въ море!»—и, схвативъ свои два сундука, набитые золотомъ, собраннымъ въ долгихъ войнахъ, онъ бросился въ море, и смерть его положила конецъ битвѣ.

Весьма любопытны также перипетіи борьбы между старыми вѣрованіями этихъ мужественныхъ рубакъ и новой религіей. Свободные люди по большей части держатся за религію отцовъ. Здѣсь, какъ и почти вездѣ—противно легендѣ—христіанство вводится *сверху*. Прежде всего обращаются великіе міра, горожане, король, поселяне; обитатели лѣсовъ остаются язычниками. Гаконъ Добрый, котораго окрестили въ Англіи, былъ вынужденъ однажды на какомъ-то торжествѣ выпить священнаго пива. Онъ рѣшился на это, сдавшись на убѣжденія мудраго совѣта Сигуна,

либеральнаго язычника; но прежде, чѣмъ выпить, онъ перекрестилъ чашу.—Отлично; но что это сдѣлалъ король правой рукой?—восклицають присутствующіе.—Развѣ вы не видите,—отвѣчалъ Сигунъ, что онъ сдѣлалъ знакъ молотка Тора, прежде чѣмъ выпить? (стр. 19).

Въ другой разъ язычникамъ пришлось быть посрамленными. Мы переносимся въ эпоху, близкую къ 1000 г. Король Олафъ Трогвезонъ забралъ въ голову окрестить свое королевство, и это ему удалось. Однажды онъ прикинулся, что уступилъ ропоту своихъ воиновъ и отправился на большое языческое торжество; затѣмъ внезапно, по знаку, данному имъ, вооруженные люди схватили двѣнадцать изъ знатнѣйшихъ вельможъ: «Я порѣшилъ, сказалъ имъ король, принести жертву богамъ, но слѣдуетъ сдѣлать дѣло какъ слѣдуетъ, начать съ человѣческой жертвы, и мнѣ показалось, что, вмѣсто плѣнниковъ или презрѣнныхъ рабовъ, будетъ достойнѣе принести богамъ въ жертву цвѣтъ свободныхъ людей». Вы видите отсюда, какую кислую физіономію скорчили несчастные, поспѣшившіе отречься отъ своего культа и принять крещеніе. Какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, эти государи, ревнители новой вѣры, обильно проливали кровь.

Вотъ какова исторія норвежскихъ королей: въ ней нѣтъ, какъ видите, недостатка въ интересѣ и жизни; что же касается слога, то Карлейль, этотъ старый герой, нисколько не утратилъ одушевленія и энергіи своей рѣчи. Сочиненіе дѣлаетъ честь его восьмидесяти годамъ: да помогутъ боги-покровители генія и старости написать ему еще нѣсколько другихъ, и да сохранятъ они еще на долгое время Англіи и міру одного изъ самыхъ великихъ и плодотворныхъ мыслителей нашего вѣка.

Имя Макса Мюллера заслуживаетъ того, чтобы его привести на ряду съ именемъ Карлейля, и вотъ почему я и привожу его, несмотря на то, что между сочиненіями обоихъ нѣтъ никакой аналогіи. Извѣстно, что подъ страннымъ заглавіемъ «Chips from a german workshop» ученый профессоръ соединилъ различныя статьи, напечатанныя сначала отдѣльно. Первые два тома появились въ 1867 г., обнимая собой извѣстные труды его по части религій и миѳологіи. Третій томъ, изданный въ 1870 г., менѣе богатъ сравнительно и посвященъ главнымъ образомъ литературѣ и біографическимъ этюдамъ, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ указать прежде всего на страницы, посвященныя Бунзену.

Томъ, появившійся въ 1875 г., пополняетъ сочиненіе и снабженъ указателемъ. Онъ заключаетъ главнымъ образомъ вступи-

тельныя лекціи, читанныя въ Оксфордѣ, Кембриджѣ, Страсбургѣ по наукѣ о языкѣ, а также и знаменитую лекцію о «миссіяхъ», прочитанную въ вестминстерскомъ аббатствѣ въ 1873 г. съ каѳедры декана Стэнли. Я называю ее знаменитой—не столько вслѣдствіе ея внутренняго достоинства, сколько потому, что такое вторженіе міранина въ старый соборъ вызвало громкіе протесты со стороны приверженцевъ High-Church и другихъ.

Послѣдній томъ испорченъ нескончаемыми и—надо сказать—плохо перевѣренными страницами, направленными противъ теоріи постепеннаго развитія. Извѣстно, что Максъ Мюллеръ, сдѣлавшій такъ много для науки о языкѣ, стремится ограничить ея поприще и считаетъ образованіе языка почти чудеснымъ явленіемъ, не могущимъ быть подведеннымъ подъ законы естественнаго развитія. Аргументы его по этому вопросу изложены всего лучше въ его «Lectures on M. Darwin's philosophy of language». Тамъ и слѣдуетъ ихъ искать, чтобы убѣдиться въ безсиліи знаменитаго профессора доказать свой тезисъ. Тутъ мы наталкиваемся на однѣ только личности и на настоящія *стружки* (chip). Тѣмъ не менѣе нельзя было пройти молчаніемъ этотъ томъ, пополняющій сочиненіе, знакомство съ которымъ необходимо для всякаго, кто интересуется успѣхами науки о языкѣ, миѳахъ и религіяхъ.

III.

A. W. Ward: A history of English dramatic literature to the death of Queen Anne. London. Macmillan. 1875. 2 vol. in 8°, 651—643 pages.—*Algernon Charles Swinburne:* 1) Essays and Studies, London; Chatto and Windus, 1875. in 8°, 380 pages. 2) *G. Chapman*, A critical Essay, 1875, 187 pages. 3) *Erechteus*, a tragedy. 1875. 4) *Songs of two nations*. 1875.

Если бы я имѣлъ въ виду въ своихъ статьяхъ указывать русской публикѣ только на превосходныя и художественныя произведенія, то одни только «Erechteus» и «Essays» Суинбёрна нашли бы здѣсь мѣсто. Но я полагаю, что слѣдуетъ также упомянуть и о дидактическихъ сочиненіяхъ, могущихъ расширить кругъ познаній о литературномъ и политическомъ развитіи Англіи. Вотъ почему—и только поэтому—я указываю здѣсь на тяжеловѣсную, но довольно полную компиляцію м-ра Уорда. Сорокъ страницъ, отведенныхъ Суинбёрномъ Джону Форду въ его «Essays and Studies», даютъ читателю болѣе полное и ясное понятіе объ англійской драмѣ. Но вѣдь надо же, наконецъ, знать также точно, какого именно числа родился и умеръ Джонъ Фордъ,

число и названіе его пьесъ, годъ ихъ представленія, тѣ сочиненія и хроники, изъ которыхъ они могли быть извлечены, а обо всемъ этомъ ученый профессоръ Оуэнской коллегіи [1]) даетъ достаточныя указанія.

Итакъ, его книга, собственно говоря, просто-на-просто учебникъ—весьма объемистый и тѣмъ болѣе необходимый, что другого не имѣется. Онъ, естественно, носитъ слѣды недостатковъ, присущихъ этого рода сочиненіямъ, а именно: рутины, узкости взглядовъ и нравственнаго педантизма. Такимъ образомъ, авторъ провозглашаетъ за-одно со всѣми почти профессорами литературы, что англійская драма, такъ же, какъ и театръ всѣхъ націй, получила свое начало изъ религіозныхъ церемоній и обрядовъ. Это справедливо относительно античной трагедіи, греческой или индусской, для *мистерій*, замѣнявшихъ драму для христіанскихъ народовъ въ средніе вѣка: и въ этомъ отношеніи не существуетъ серьёзной разницы между Франціей и Англіей, напримѣръ. Но, напротивъ того, драма Шекспира и трагедія Корнеля такъ же мало имѣютъ соотношенія другъ съ другомъ, какъ и съ грубыми представленіями, дававшимися у церковныхъ дверей. Новѣйшая драма есть также продуктъ эпохи возрожденія. Французская трагедія ведетъ свое начало отъ Сенеки, а не отъ мистеріи «Ирода Великаго»; англійская драма, драма Шекспира—имѣетъ своими родоначальниками Эсхила и Еврипида, а не автора: «Валаамъ и его оселъ».

М-ръ Уордъ силою вещей вынужденъ былъ указать на то, что̀ онъ называетъ «переходнымъ состояніемъ» и упомянуть о вліяніи латинскаго театра, о вторженіи мастерскихъ произведеній древней цивилизаціи. Но дѣло въ томъ, что тутъ нѣтъ никакого перехода, а просто-на-просто скачокъ, полное преобразованіе. Я хорошо знаю, что «natura non facit saltus». Да! природа скачковъ не совершаетъ, но человѣкъ совершаетъ, и человѣчество сдѣлало изумительный скачокъ въ концѣ XV-го столѣтія. Первыми рванулись итальянцы, за ними французы, наконецъ, испанцы и англичане; послѣдніе нѣсколько позднѣе, потому что находились дальше отъ центра движенія. Впрочемъ, этотъ громадный скачокъ былъ таковымъ только съ виду. Въ сущности вернулись только къ тому пункту, на которомъ остановились пятнадцать столѣтій тому назадъ и снова пошли впередъ.

---

[1]) Знаменитое училище для высшаго и средняго образованія, основанное въ 1848 г. въ Манчестерѣ однимъ богатымъ негоціантомъ, Джономъ Оуэнсомъ. Преподаваніе въ немъ носитъ исключительно свѣтскій характеръ.

Первая англійская комедія «Ralph Roister Doister», напечатанная около 1551 г., прямо происходитъ отъ «Miles gloriosus» Плавта. Это произведеніе нѣкоего Никласа Юдэлля, профессора итонской школы, который сочинилъ ее вѣроятно съ тѣмъ, чтобы дать разыграть своимъ ученикамъ. Первая трагедія, написанная Томасомъ Саквилемъ, лордомъ Бокгорстомъ въ 1561 г., называется «Gorboduc», — идеальный король воображаемой Бретани. Затѣмъ идутъ Джонъ Лайли, Томасъ Кидъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Марло (1564—1593) открывается съ несравненнымъ блескомъ эра такъ-называемой англичанами «Elisabethan Drama».

«Въ эту эпоху,—говоритъ Уордъ,—послѣ казни Маріи Стюартъ (1587) и разбитія несокрушимой Армады (1588)—въ эту эпоху литература создала свои великіе труды, свидѣтельствуя о величіи вѣка, ее породившаго. Еще не освободясь отъ вліянія классическаго возрожденія и занимаясь съ усиленнымъ жаромъ изученіемъ иностранныхъ образцовъ, въ особенности итальянскихъ, наша литература становится откровенно національной и вмѣстѣ съ тѣмъ истинно великой» (т. I, стр. 147), національной, англійской, саксонской даже—это вѣрно. Но, вѣдь у всякаго ребенка необходимо долженъ быть отецъ, какъ говоритъ Бридуазонъ, и то самое языческое возрожденіе, чье вліяніе авторъ, повидимому, оплакиваетъ, и было плодовитымъ и неизбѣжнымъ отцомъ всей этой литературной славы, которою онъ справедливо гордится. Во время этого великаго проясненія мрачнаго средневѣковаго неба, народы вновь сблизились другъ съ другомъ, арійскій геній опять встрепенулся.

Но только пусть читатели замѣтятъ слѣдующее различіе, которое я, кажется, первый формулирую настолько опредѣленно, чтобы вполнѣ уяснить этотъ столь запутанный вопросъ: у классической древности есть двѣ стороны; одна греческая, другая римская, и при этомъ между Виргиліемъ и Гомеромъ менѣе общаго, нежели между Расиномъ и Викторомъ Гюго, напримѣръ; французы съ ихъ трагедіями, гдѣ фигурируютъ греческія дѣйствующія лица, воображали, что идутъ по слѣдамъ Эсхила и Софокла, а между тѣмъ въ сущности слѣдовали за Сенекой. Ясность французской рѣчи, ея хрустальная прозрачность, восхищавшая такъ сильно Фридриха II и Екатерину Великую, ведетъ свое начало прямо отъ римлянъ. Въ этомъ заключается то, что французы понимаютъ подъ словомъ «классическій духъ».

Но въ болѣе обширномъ и всеобщемъ смыслѣ классическая древность обнимаетъ, кромѣ того и прежде всего, мастерскія произведенія Греціи. А между тѣмъ тутъ стремленія къ красотѣ и

граціи не исключають не только силы, но даже и самаго отчаяннаго взрыва страстей. На этотъ счетъ можно было бы многое сказать, и я не хочу разбирать вопросъ во всей подробности, но пусть только читатели припомнятъ сраженіе боговъ въ XXI пѣснѣ Иліады, включая сюда прямые эпитеты, пускаемые въ ходъ Марсомъ и Юноной, и они признають, что тутъ отнюдь нѣтъ характера приторной вялости, приписываемой Винкельманомъ всѣмъ античнымъ «chefs-d'oeuvres».

Итакъ, я хочу сказать, что саксонскій геній по сущности своей сродни греческому—и вотъ въ какомъ смыслѣ онъ классиченъ. Какъ это уже было замѣчено и какъ это не лишнее повторять время отъ времени, въ *Троилѣ* и *Крессидѣ* гораздо больше греческаго и языческаго духа, нежели въ *Ифигеніи* и *Андромахѣ* Расина. Я уже указывалъ на эти аналогіи, что касается Шекспира [1]). Но та же самая характеристическая черта замѣчается и у самыхъ знаменитыхъ изъ его собратовъ, которыми на континентѣ слишкомъ пренебрегають и чтеніе которыхъ можетъ доставить неожиданное наслажденіе тѣмъ, кто ихъ до сихъ поръ не читалъ.

Не знаю, насколько у лицъ, знакомыхъ съ знаменитой «Исторіей англійской литературы» Тэна, возбуждалось желаніе познакомиться съ драматургами, современниками Шекспира. Безъ сомнѣнія, ученый критикъ признаетъ ихъ геній, но и онъ, подобно Уорду, пугается иныхъ скабрёзныхъ положеній, и это проявляется особенно рельефно по поводу великолѣпной драмы Форда «T'is pity she is a whore»—чтó Мольеръ перевелъ бы безъ ложнаго стыда такъ: «c'est dommage que ce soit une catin!» «Тэнъ отдаетъ полную справедливость энергіи и смѣлости реализма Форда», говоритъ Суинбёрнъ; «можно даже подумать, что онъ дорожитъ имъ болѣе, чѣмъ глубиной и страстью другихъ поэтовъ и, кажется, что ставитъ его выше изящныхъ и нѣжныхъ сторонъ произведеній самого Форда» (Essays and Studies, p. 282). Но дѣло въ томъ, что Тэнъ повидимому и не подозрѣваетъ объ этомъ изяществѣ и объ этой нѣжности. А это происходитъ потому, что у него составлена цѣлая теорія на этотъ счетъ. Для него вельможи двора Елисаветы и Іакова I представляются полудикими существами, вернувшимися, благодаря крайностямъ возрожденія, къ жизни первобытной. «Посмотрите,—говоритъ онъ,—какъ у людей необразованныхъ, у простолюдиновъ кровь сразу разгорячается и бросается въ голову: кулаки сжимаются, зубы стиски-

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, іюль, 1875 г., стр. 202.

ваются, и эти богатыри безъ удержу бросаются въ свалку. Придворные того вѣка похожи на нашихъ простолюдиновъ... Развлеченіемъ имъ служать, также какъ и для нашихъ карасировъ и каменьщиковъ, грубыя и неприличныя шутки». Вовсе нѣтъ! Для развлеченія они читаютъ «Царицу Фей» Спенсера, изящество которой выхваляется самимъ Тэномъ; для развлеченія у нихъ были представленія безсмертныхъ произведеній, которыми по сіе время гордится умъ человѣческій. Что нѣкоторые изъ этихъ драматурговъ доводили ужасное и трагическое до крайней степени — это не подлежитъ сомнѣнію. Но въ ихъ произведеніяхъ есть и другія стороны, и это вовсе не мелодрамы, подражающія Тирео де-Малино или Кальдерону. Что за удивительная при этомъ идея, взять для доказательства своего тезиса (развиваемаго главнымъ образомъ по поводу людей конца XVI столѣтія) двухъ сочинителей, далеко отстоящихъ отъ этой эпохи и почти современныхъ кавалерамъ Карла I! Теорія о «саксонской расѣ, мужественной, но грубой, наѣдающейся мясомъ», привела ученаго французскаго критика къ самому ложному и неполному взгляду на эту великую, литературную эпоху.

Люди того времени были, не слѣдуетъ этого забывать, такими же вѣжливыми и утонченными, какъ и въ любую другую эпоху. Всѣ эти вельможи, которымъ тогдашніе сочинители посвящали свои произведенія, были способны ихъ оцѣнить по достоинству. Возможно, что Марло зарѣзали въ какой-то кабацкой свалкѣ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ превосходнымъ «ученымъ», воспитанникомъ и баккалавромъ кембриджскаго университета.

Въ наше время мы видѣли, какъ трое изъ знаменитыхъ писателей: Альфредъ де-Мюссэ, Эдгаръ По и Жераръ де-Нерваль, окончили жизнь почти такимъ же плачевнымъ образомъ и вслѣдствіе такихъ же пагубныхъ страстей, отзывавшихся кабакомъ. Это вовсе не доказательство безнравственности или грубости ихъ современниковъ, и слава ихъ померкла оттого развѣ только въ глазахъ глупцовъ. Другой изъ сподвижниковъ Шекспира, Чепмэнъ, котораго Тэнъ какъ будто совсѣмъ игнорируетъ, перевелъ всего Гомера такъ прекрасно, что внушилъ Китсу знаменитое стихотвореніе.

«До тѣхъ поръ, пока будетъ существовать англійская поэзія,— говоритъ Суинбёрнъ, — сонетъ Китса останется послѣднимъ словомъ, окончательнымъ вердиктомъ о Гомерѣ Чепмэна» [1]).

---

[1]) Swinburne: «Essay on Chapman». Эта статья, напечатанная отдѣльно, стоитъ тоже въ видѣ предисловія во главѣ полнаго собранія сочиненій Чепмэна, изданныхъ недавно весьма тщательно книгопродавцами Чатто и Виндусъ. The Works of Chapman; London. 1875. 3 vol. in 8°.

Итакъ, пусть читатель успокоится: эти знаменитые люди вовсе не каннибалы, не гуляки и не чудовища безнравственности, какъ бы желалъ это представить Уордъ. Пусть онъ возьметъ у Форда, кромѣ вышеприведенной пьесы «The Broken heart», у Вебстера «The Duchess of Malfi», у Бомонта и Флетчера «The Maid's Tragedy» и «The Faithful Shepherdess», у Мэссинджера «The Maid of honour», и онъ признаетъ, что Шекспиръ не захватилъ себѣ одному всю прелесть поэзіи, весь жаръ страсти, всю силу и рельефность характеровъ.

Драматическое искусство находилось еще въ полномъ блескѣ своего расцвѣта, какъ вдругъ пало, подрѣзанное въ самомъ корнѣ. Я не знаю ничего подобнаго въ исторіи литературы, за исключеніемъ искорененія языка и поэзіи трубадуровъ, вслѣдствіе крестоваго похода противъ альбигойцевъ. Пуритане были тѣми крестоносцами, которые искоренили драматическую ересь. Съ 1585 г. пуританскія власти Сити употребляли всѣ усилія, чтобы добиться закрытія театровъ, считая ихъ очагомъ безнравственности и безпорядковъ. Нельзя подумать безъ ужаса, что если бы дать имъ волю, то милордъ мэръ и остальные альдермэны и рыбные торговцы Сити положили бы конецъ драмѣ и убили бы Шекспира.

Съ драмой такъ и случилось. 2 сентября 1642 г., указомъ «лордовъ и общинъ» объявлялось, что «театры будутъ закрыты во все время, пока будутъ продолжаться эти печальныя столкновенія и этотъ періодъ униженія». Это рѣшеніе было подтверждено указомъ отъ 9 февраля 1648 г.; въ немъ актёры обозначены какъ *бродяги*, и лордъ-мэръ и шерифы уполномочиваются сломать всѣ театры и приговаривать зрителей, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, къ пени въ пять шиллинговъ. Только великія дѣла, совершённыя Кромвелемъ, могутъ заставить простить это насиліе.

Театры открылись вновь только въ 1660 г., въ годъ реставраціи Карла II. Но ударъ былъ нанесенъ. Такой длинный перерывъ, полное забвеніе старинной драмы, вліяніе французскаго вкуса, потребность реагировать противъ пуританскихъ строгостей, вызвали полное и печальное превращеніе англійскаго театра. Въ книгѣ Уорда находимъ всѣ желанныя подробности о комедіи при реставраціи—единственной отрасли искусства того времени, о которой стóитъ упоминать, за исключеніемъ «Venice preserved» Отвея. Уичерли и Конгривъ, какъ справедливо замѣчаетъ Чарльзъ Ламбъ [1]), прямые предки Шеридана и «Школы

[1]) The complete works. New edition, p. 122. London, Chatto and Windus, 1875.

Злословія». Для вольностей этого театра слѣдовало бы автору приберечь свои громы. Названные мною авторы имѣютъ по крайней мѣрѣ на своей сторонѣ талантъ. Но что сказать о нѣкоторыхъ комедіяхъ герцога Бокингема, о «Reheorsal», напримѣръ, наполненныхъ грязными выходками и безъ малѣйшаго признака остроумія? Поставивъ на одну доску подобныя плоскости и мастерскія произведенія Форда, Уордъ далъ мѣру своихъ талантовъ, какъ критика и цѣнителя изящнаго. Въ сущности и ему хотѣлось бы поѣсть винограду: не его вина, если онъ не могъ его достать, но не вѣрьте ему, когда онъ увѣряетъ, что виноградъ зеленъ.

Въ 1864 г. угасъ во Флоренціи, на восемьдесятъ-девятомъ году своей жизни, душа-человѣкъ и поэтъ. Малоизвѣстный англичанамъ—своимъ соотечественникамъ и совершенно неизвѣстный иностранцамъ—Вальтеръ Севеджъ Лэндоръ тѣмъ не менѣе основалъ школу, пользующуюся въ настоящее время столь же заслуженной, сколько и неожиданной славой. Современникъ французской революціи (его первыя стихотворенія появились въ 1795 г.), онъ принялъ и всю жизнь пропагандировалъ ея самые крайніе принципы. И—странное дѣло, могущее служить подтвержденіемъ моихъ предыдущихъ замѣчаній,—этотъ революціонеръ проникся ревностной любовью къ классической литературѣ, греческой и латинской; его лучшее произведеніе, нѣчто въ родѣ романа въ письмахъ или, лучше сказать, поэмы въ прозѣ «Pericles and Aspasia» есть непрерывный и чисто въ греческомъ духѣ, хвалебный гимнъ прекраснѣйшимъ временамъ аѳинской демократіи, этого, скажемъ, золотого вѣка человѣчества. Незадолго до его смерти, престарѣлаго пѣвца посѣтилъ юный сподвижникъ, нарочно пріѣхавшій изъ Англіи въ Италію, чтобы почтить поэта—

The youngest to the oldest singer
That England bore...

Этотъ «юнѣйшій» пѣвецъ былъ Суинбёрнъ, въ настоящее время болѣе извѣстный, чѣмъ учитель, къ которому онъ ѣздилъ поклониться. Я не хочу этимъ сказать, чтобы авторъ «Erectheus» былъ обязанъ этому путешествію и его вліянію особеннымъ характеромъ своихъ произведеній. Альджернонъ Чарльзъ Суинбёрнъ родился въ 1837 г. въ аристократическомъ семействѣ нортумберлэндскихъ баронетовъ, но тѣмъ не менѣе уже въ семьѣ своей пропитался революціонными идеями; въ особенности повліялъ на него въ этомъ смыслѣ его дѣдъ, сэръ Джонъ Суинбёрнъ, бывшій во время óно личнымъ другомъ Мирабó и дожившій до 98-лѣт-

няго возраста, оставаясь вѣрнымъ принципамъ своей молодости. Съ другой стороны, Шелли и Китсъ, эти двѣ молніи, прорѣзали литературное небо; они доказали—первый своимъ «Прометеемъ», второй «Эндиміономъ»—насколько саксонскій геній сродни греческому. Безъ сомнѣнія, когда Суинбёрнъ посѣтилъ Лэндора, онъ уже избралъ свой путь: но этимъ проявленіемъ великодушной души онъ признавъ въ флорентинскомъ патріархѣ учителя Китса, Шелли и своего собственнаго.

Первыя два произведенія его—двѣ драмы: «The Queen Mothes» (Катерина Медичи) и «Rosamund», напечатанныя въ 1860 г., прошли незамѣченными, несмотря на несомнѣнныя красоты. Но по напечатаніи «Atalanta in Calydon» раздался общій крикъ восторга. И вполнѣ понятно! Одинъ авторитетный критикъ (м-ръ Уилльямъ Россетти) сказалъ весьма основательно, что это произведеніе самое совершенное послѣ «Раскованнаго Прометея» Шелли. Сюжетъ заимствованъ изъ извѣстной греческой легенды: наперекоръ заглавію, настоящей героиней является Алтея, нѣжная мать, но мстительная сестра, губящая Мелеагра тѣмъ, что бросаетъ въ огонь роковую щепку, съ которой Парки связали судьбу этого злополучнаго сына. Нельзя представить себѣ ничего великолѣпнѣе стиховъ, въ которыхъ поэтъ описываетъ ярость и волненіе Алтеи, ничего трогательнѣе чередующихся между собою строфъ хора, Аталанты и умирающаго Мелеагра.

«Atalanta in Calydon» появилась въ 1863 г. и съ-разу поставила Суинбёрна на одномъ ряду съ величайшими изъ современныхъ поэтовъ Англіи. Критика, захваченная врасплохъ, не могла не отдать ему чести: она довольно охотно сдѣлала это, несмотря на слишкомъ языческій характеръ произведенія. Но на слѣдующій годъ появились «Poems and ballads», и тутъ поднялся гвалтъ и посыпалась брань, напомнившая поведеніе англійской прессы въ эпоху появленія «Корсара» и «Донъ-Жуана». Дѣло дошло до того, что издатель, Моксонъ, перестaлъ продавать книгу; до такой степени справедливо, что общественное мнѣніе въ здѣшней странѣ приводитъ къ такимъ насиліямъ, которыхъ устыдился бы деспотизмъ. Къ счастію, нашелся издатель, положившій конецъ этому неприличному остракизму: Кэмденъ Готтенъ напечаталъ новое изданіе стихотвореній и приложилъ къ нему защиту, написанную Уильямомъ Россетти [1]).

Цѣломудренная критика укоряла автора за двусмысленный

---

[1]) *Swinburne's poems and ballads*, by W. T. Rossetti. London. John Camden Hotten. 1876.

цинизмъ, особенно выразившійся въ двухъ одахъ, озаглавленныхъ «Anactoria» и «Hymn to Proserpine». Но спросите у любого умнаго и искренняго англичанина, сердце и умъ котораго не искажены англиканизмомъ, методизмомъ и конгрегаціонализмомъ, что̀ онъ думаетъ о первой изъ этихъ одъ, и онъ вамъ скажетъ, что это «chef-d'oeuvre». Эта ода, отнынѣ знаменитая, есть не что иное, какъ перифраза несравненной оды, сохраненной для насъ,—увы! только въ отрывкѣ,—Лонгиномъ въ его трактатѣ о высокомъ. По лесбійской модѣ, она посвящена Сафо, одной молодой дѣвушкѣ, и извѣстна въ школахъ подъ заглавіемъ «Ода къ Анакторіи». Суинбёрнъ, у котораго грудь крѣпче, чѣмъ у Китса, не умеръ, какъ этотъ послѣдній, отъ журнальной статьи [1]).

Суинбернъ отнесся къ дѣлу хладнокровнѣе и въ нѣсколькихъ нервныхъ и сжатыхъ страницахъ заткнулъ ротъ своимъ цензорамъ. Что касается вышеупомянутой оды, то она весьма въ ходу въ школахъ; ученики учатъ ее наизусть, и даже симметричный Буало перевелъ ее послѣ Катулла. Слѣдовательно, поэтъ имѣлъ полное право ее перефразировать: вся бѣда въ томъ, что тамъ, гдѣ Катуллъ блѣденъ, а Буало нелѣпъ, Суинбёрнъ достигъ, насколько это возможно, высоты своего образца.

«Anactoria» является чѣмъ-то живымъ и реальнымъ воплощеніемъ страсти: «inde irae!» Но когда такъ, то осмѣльтесь признать Сафо преступной и сожгите ея произведенія рукой палача.

«Байронъ и Шелли,—прибавляетъ молодой поэтъ,—на томъ дивномъ языкѣ, который всѣмъ извѣстенъ, открыто и оскорбительно поднимали на смѣхъ то, что̀ англичане, современники ихъ, считали священнымъ. Я ничего подобнаго не дѣлалъ. Не говорю, что я этого не сдѣлалъ бы, еслибъ только пожелалъ, но утверждаю, что пока еще этого не пожелалъ» [2]). И онъ говорилъ правду; но эффектъ произведенъ имъ безсознательно. Такимъ образомъ, кромѣ упрека въ томъ, что онъ оскорбляетъ общественную нравственность такими произведеніями, какъ «Anactoria» и «Hermaphrodite», его обвиняютъ въ оскорбленіи религіи стихотвореніями въ родѣ «Hymn to Proserpine». Это мо-

[1]) Джонъ Китсъ, убитый критикомъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда обѣщалъ выдти великимъ человѣкомъ (*Байронъ* въ „Донъ-Жуанѣ"). На это возражали, что у Китса была слаба грудь; но тѣмъ скорѣе значитъ могли нравственныя страданія сократить его дни.

[2]) *Notes on Poems and Reviews.* 1866, p. 7.

литва, съ которой обращается къ Прозерпинѣ римлянинъ, послѣ того какъ христіанская вѣра восторжествовала. Эпиграфомъ стоитъ восклицаніе Юліана: «vincisti Galilaee! и начинается слѣдующимъ стихомъ:

I have lived long enough, having seen one thing, that love hath an end [1]).

И оканчивается слѣдующимъ:

For there is no God found stronger than death, and death is sleep [2]).

Впрочемъ, Суинбёрнъ въ сборникѣ, изданномъ нѣсколько лѣтъ спустя, рѣзко заявилъ свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ, воскликнувъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ «Hymn of man»:

„God, if a God there be, is the spirit of men, which is man"...

—что заставило критика «Quarterly Review» объявить, что онъ совсѣмъ не англичанинъ.

Прибавимъ, что политическія мнѣнія поэта не менѣе радикальны, какъ въ этомъ можно убѣдиться, пробѣжавъ «Songs of two nations», недавно изданныхъ въ одномъ томѣ. Сборникъ состоитъ изъ трехъ частей: оды, обращенной къ Италіи, другой оды, обращенной къ Франціи, по поводу провозглашенія третьей республики и—подъ заглавіемъ «Dirae», нѣсколько вещицъ въ родѣ «Châtiments», Виктора Гюго. Суинбёрнъ могъ бы подписать обѣими руками «la profession de foi», которую Шелли начерталъ въ регистрахъ картезіанскаго монастыря въ Монтоверѣ, когда посѣтилъ его въ 1816.

Я прошелъ молчаніемъ драму «Chastelord», напечатанную въ 1866 г. и образующую первую часть трилогіи о Маріи Стюартъ, второю частью которой является «Bothwell». Эту послѣднюю я разбиралъ въ одной изъ предыдущихъ статей [3]), и теперь перехожу къ третьему капитальному произведенію поэта.

Сюжетъ «Erechteus» взятъ изъ затерявшейся драмы Эврипида, планъ которой сохранилъ для насъ ораторъ Ликургъ вмѣстѣ съ однимъ капитальнымъ отрывкомъ. Эрехтей, аѳинскій король, воюетъ съ Эвмолпомъ, сыномъ Нептуна, и посылаетъ узнать рѣшеніе дельфійскаго оракула, который обѣщаетъ ему побѣду, если онъ согласится принести въ жертву богамъ дочь свою Этонію. Онъ высказываетъ свою покорность въ торжественномъ и спо-

[1]) „Я жилъ достаточно; мнѣ довелось быть свидѣтелемъ, что любви приходитъ конецъ".

[2]) „Нѣтъ бога сильнѣе смерти, а смерть есть сонъ".

[3]) См. „Вѣстникъ Европы", январь, 1875 г., стр. 362.

койномъ монологѣ, которымъ Суинбёрнъ начинаетъ свою трагедію. Послѣ этого хоръ поетъ, на античный манеръ, хвалы городу Аѳинамъ, за владѣніе которымъ спорили между собой Нептунъ и Паллада.

Затѣмъ Эрехтей сообщаетъ женѣ своей Праксйтеѣ, дочери Сефиза, о страшномъ оракулѣ. Не знаю, быть можетъ я заблуждаюсь, но мнѣ кажется, по фактурѣ и смыслу первыхъ стиховъ, что они насквозь проникнуты греческимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ шекспировскимъ духомъ:

O daughter of Cephisus, from all time
Wise have I found thee, wife and queen, of heart
Perfect: nor in the days that knew not wines
Nor days when storm blew death upon our peace
Wos thine heart swoln with seed of pride, or bowed
With blasts of bitter fear, that breat men's souls...
. . . . but of wood
Equal, in good time reverent of time bad,
And glad in ill days of the good that were [1]).

Всякому понравится сцена, въ которой Праксйтея объясняетъ дочери, какой жертвы отъ нея ожидаютъ: какъ и у Эврипида, обѣ съ патріотической радостію, съ примѣсью трогательной грусти, примиряются съ своимъ жребіемъ.

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего преувеличеннаго: полное отсутствіе современной модной декламаціи, обличающей только извращеніе чувствъ. Замѣтьте, что нѣкоторые критики нашли нужнымъ сопоставить Этонію съ Ифигеніей Эврипида, которая тоже весьма естественно блѣднѣетъ и убивается, когда узнаетъ роковую вѣсть. Но времена не тѣ, и, къ тому же, причина, изъ-за которой приходится умирать, совсѣмъ не одинакова. Дѣло идетъ обо всей Греціи, а не объ одномъ только Аргосѣ. Затѣмъ, когда прошелъ первый моментъ, эта самая Ифигенія собирается съ духомъ и также съ радостію принимаетъ свой жребій. Наконецъ, и это рѣшаетъ споръ,—Этонія, также какъ и Ифигенія, принадлежитъ Эврипиду.

Послѣ бурнаго свиданія Эрехтея съ вѣстникомъ Эвмолпа наступаетъ капитальная сцена: прощаніе Этоніи, уже убранной

[1]) „О дочь, Сефиза, во всѣ времена я находилъ тебя мудрой, какъ жену и какъ царицу, по сердцу совершенной. Ни въ дни безмятежные, ни въ тѣ дни, когда вихрь навѣвалъ смерть на нашъ покой,—никогда сердце твое не питало гордости и не гнулось подъ порывами горькаго страха, гнетущаго людскія души... Но я всегда находилъ тебя спокойной въ дни счастія, незабывающей про черные дни, а въ черные дни утѣшающейся воспоминаніемъ о дняхъ счастливыхъ..."

для жертвоприношенія. Здѣсь все превосходно, начиная съ воззванія молодой дѣвушки:

But I may give this poor girl's blood of mine
Scarce yet sun-warmed with summer, this thin life
Still green with flowerless growth of seedling days
To build again my city [1]...

—продолжая отвѣтомъ матери, затѣмъ разговоромъ между Этоніей и хоромъ, образцовымъ въ своемъ родѣ, и кончая послѣднимъ прощаніемъ Этоніи, до того восхитительнымъ по своей красотѣ и гармоніи, что на англійскомъ языкѣ нельзя найти ничего выше.

Мнѣ кажется, что всѣ могутъ почувствовать музыку его стиховъ, даже лица, не вполнѣ освоившіяся съ языкомъ Шекспира. Затѣмъ является вѣстникъ и сообщаетъ о смерти Этоніи; послѣ этого узнаютъ про битву между Эвмолпомъ и Эрехтеемъ, который убиваетъ своего соперника и затѣмъ падаетъ, сраженный молніей, потому что Нептунъ мститъ такимъ образомъ за смерть сына. Бѣдная Праксителя молитъ, чтобы ей дали умереть въ свою очередь. Появляется Аѳина, и въ чудныхъ стихахъ обѣщаетъ дорогому городу неувядаемую славу.

Про «Erechteus» говорили, что его можно легко принять за переводъ изъ Эврипида. Это было бы вполнѣ вѣрно, если бы слово *переводъ* не обусловливало собой отсутствіе иниціативы, и свободнаго и оригинальнаго пошиба, характеризующаго драму. Произведеніе Суинбёрна блистательно подкрѣпляетъ вышеизложенную теорію о сходствѣ литературнаго и поэтическаго генія у греческой и германской расъ. Если отъ меня потребуютъ характеристики его таланта, то я скажу просто-на-просто, что это поэтъ, т.-е. человѣкъ изъ семьи Эсхиловъ, Эврипидовъ, Сафо, Гюгб и Пушкина. Главное его качество—гармонія, а она для поэта то же, чтб голосъ для пѣвца; всѣ критики въ одно слово повторяютъ, что никогда еще фактура англійскаго стиха не была доведена до такого совершенства. Разумѣется, его упрекаютъ при этомъ въ томъ, что онъ злоупотребляетъ порою этимъ качествомъ, которое развито въ немъ въ высшей степени. Суинбёрнъ—отличный «scholar», бывшій воспитанникъ Итона и Оксфорда, пишетъ такіе же превосходные стихи по-гречески и по-французски, какъ и на родномъ языкѣ.

---

[1] „Итакъ, я могу отдать мою кровь, кровь бѣдной дѣвушки, еще не согрѣтую лѣтнимъ солнцемъ, мою хрупкую жизнь—зеленый ростокъ, лишенный пока цвѣтовъ—чтобы возсоздать мой родимый городъ".

Но не слѣдуетъ думать,—какъ это говорили,—что для него форма—все. Во-первыхъ, вдохновеніе блещетъ въ его поэмахъ. Кромѣ того, его оды доказываютъ еще жаръ его демократическихъ и гуманныхъ убѣжденій. Но только этотъ поэтъ, въ то же самое время замѣчательный прозаикъ и весьма тонкій критикъ, умѣетъ отдѣлять чистое искусство отъ политическихъ страстей. «Идеальный драматургъ,—говоритъ онъ по поводу Виктора Гюго, котораго критикуетъ съ этой стороны, несмотря на все свое почтеніе къ автору «Contemplations»—идеальный драматургъ, нѣкогда воплотившійся и ставшій конкретнымъ въ лицѣ величайшаго изъ всѣхъ поэтовъ, не выказываетъ явныхъ предпочтеній; какъ художникъ, онъ неспособенъ къ личному негодованію или личнымъ симпатіямъ, и, по остроумному и глубокомысленному замѣчанію Китса, съ такимъ же удовольствіемъ создаетъ Яго, какъ и Дездемону. Ваше дѣло симпатизировать Яго или Дездемонѣ, Корделіи или Гонерильѣ... Духъ партіи, обусловливающій несовершенство драмы, обусловливаетъ, напротивъ того, совершенство военнаго гимна или національной оды, наполнены они сѣтованіями или воззваніемъ, или торжествомъ» [1]).

Мнѣ кажется, что это безусловная истина, и слава Суинбёрна въ томъ и состоитъ, что онъ перевелъ въ практику эту теорію, и мы знаемъ съ какимъ блескомъ и успѣхомъ! Рѣшительно, звѣзда идиллической школы меркнетъ, и въ то время, какъ Теннисонъ приближается къ могилѣ, что-то болѣе великое зарождается въ «счастливой» Англіи. Что касается философіи поэта, то съ ней надо помириться: онъ не утратилъ вѣры, ибо въ немъ живетъ та, что водила рѣзцомъ Фидія и стилемъ Эврипида. Онъ самъ настолько великъ, какъ и доказалъ это намъ, что имѣетъ право воскликнуть вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ новѣйшихъ учителей: «Ich für mich kann bei den mannigfaltigen Richtungen meines Wesens, nicht an einer Denkweise genug haben. Als Dichter und Künstler bin ich Polytheist... Die Himmelischen und irdischen Dinge sind ein so weiter Reich, dass die Organe aller Wesen zusammen es nur erfassen mögen» [2]).

---

[1]) „Essays and studies" p. 54—57.
[2]) Гёте. Письмо къ Якоби (1843).

IV.

George Eliot: Daniel Deronda. London. Blackwood. 1876. 4 vol. in 8°.

Лондонское общество пришло въ неописанную радость, когда въ началѣ прошлаго года объявили о появленіи новаго романа Джорджа Эліота, долженствовавшаго выходить помѣсячно. Библіотеки для чтенія были немедленно осаждены толпой читателей. Въ библіотекѣ *Mudie,* снабженной полутора тысячами экземпляровъ, приходилось заранѣе записываться, чтобы послѣ долгаго ожиданія получить, наконецъ, одинъ изъ драгоцѣнныхъ томовъ. Тутъ, конечно, и въ поминѣ не было успѣха скандала. Самые безукоризненные джентльмены стремились прочесть новую книгу, и матери рекомендовали ея чтеніе дочерямъ.

Но оправдались ли всеобщія ожиданія,—это мы сейчасъ увидимъ. Во всякомъ случаѣ, произведенія этого автора обязываютъ критика къ серьёзному анализу.

Джорджъ Эліотъ—псевдонимъ миссъ Маріанны Ивансъ (Evans) родившейся въ 1820 г., въ Варвикширѣ, и сдѣлавшейся впослѣдствіи женой Джорджа Льюиса, весьма извѣстнаго писателя, замѣчательнаго философа, отчасти приверженца позитивной школы [1]). Первыя повѣсти ея появились въ «Blackwood Magazine», подъ заглавіемъ «Scenes of the clerical life», и прошли почти незамѣченными. Но появленіе «Адама Бида» въ 1859 г. съ-разу и по справедливости составило имя автору, блескъ котораго не ослабѣлъ и съ появленіемъ въ 1860 г. «Мельницы на Флоссѣ». Затѣмъ вышли въ 1861 г. «Сейлесъ Марнеръ», имѣвшій меньше успѣха, затѣмъ флорентинскій романъ «Ромола» (въ 1863). Послѣ «Феликсъ Гольтъ, радикалъ» (1866 г.), романъ «Миддльмарчъ» снова оживилъ популярность и славу миссисъ Льюисъ (1872). Въ 1868 г. она напечатала посредственную поэму «the Spanish gipsy»; въ 1874 г. появилась «Legend of Jubal» и нѣсколько другихъ стихотвореній.

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ я уже представилъ анализъ «Ромолы и Легенды Юбала» [2]). Теперь скажу нѣсколько словъ о «Мельницѣ на Флоссѣ» и «Адамѣ Бидѣ» въ видѣ предисловія къ «Даніелю Деронда». Такимъ образомъ я пополню мнѣніе, вы-

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“, январь, 1876 г.

[2]) См. „Вѣстникъ Европы“, іюль, 1875, стр. 209.

сказанное уже мною о талантливомъ авторѣ, мнѣніе, вполнѣ подтверждаемое новымъ его произведеніемъ.

Томъ и Мэгги Тулливеръ—герой и героиня романа «Мельница на Флоссѣ». Мельникъ, старикъ Тулливеръ, разоренный процессомъ, разбитъ параличомъ, но поправляется отчасти,—ровно настолько, чтобы стать арендаторомъ мельницы, нѣкогда составлявшей его собственность, а затѣмъ перешедшей во владѣніе его врага Уокема. Старикъ Тулливеръ—саксонецъ стараго закала и самаго крѣпкаго; онъ клянется отмстить, и въ прекрасной сценѣ приказываетъ сыну Тому записать его клятву въ семейной библіи. Ему въ самомъ дѣлѣ удается отмстить; онъ задаетъ знатную трёпку вышеупомянутому Уокему и умираетъ отъ удара.

Мэгги Тулливеръ—прелестная дѣвушка, немножко капризная, и ходитъ на свиданія съ сыномъ Уокема, нѣкіимъ Филиппомъ, мальчикомъ съ артистической натурой и добрымъ сердцемъ, но горбатымъ. Братъ ея, суровый Томъ Тулливеръ, запрещаетъ ей отнынѣ видѣться съ сыномъ человѣка, причинившаго смерть и разореніе ихъ отцу. Мэгги повинуется тѣмъ охотнѣе, что чувствовала къ своему поклоннику только жалость. Къ несчастію, она серьёзно влюбляется въ нѣкоего Стефена, «красавца» той мѣстности и жениха ея кузины Люси. Стефенъ въ свою очередь увлекается не менѣе сильно. Страсть молодыхъ людей описана съ истиннымъ жаромъ и трогательнымъ реализмомъ, которыхъ затѣмъ не находишь и слѣда въ произведеніяхъ этого писателя. Бѣдная Мэгги допускаетъ въ одинъ прекрасный день своего возлюбленнаго увлечь ее на корабль, подъ предлогомъ прогулки въ лодкѣ, и проводитъ съ нимъ ночь на морѣ. Опомнившись, она оставляетъ Стефена, убѣждающаго ее обвѣнчаться съ нимъ въ Гретна-Гринъ, и возвращается назадъ въ свое село, гдѣ всѣ—и первый ея братъ,—поворачиваются къ ней спиной. Послѣ этого авторъ, не видя исхода и не зная, что́ ему дѣлать съ Мэгги и ея братомъ, рѣшается утопить обоихъ во время наводненія, которое кладетъ конецъ ихъ приключеніямъ, а слѣдовательно и роману.

«Адамъ Бидъ» считается многими лучшимъ романомъ Джорджа Эліота. Романъ озаглавленъ именемъ героя, плотника по ремеслу и суроваго методиста по убѣжденіямъ. Онъ влюбленъ въ Гэтти, прелестную и достаточно порядочную дѣвушку, но, также какъ и Мэгги, быть можетъ, немного себялюбивую и при этомъ отчаянную кокетку. Она отдаетъ предпочтеніе молодому сквайру, который ее соблазняетъ и уѣзжаетъ въ полкъ. Бѣдная дѣвушка постигаетъ въ одинъ прекрасный день весь ужасъ своего положенія, о которомъ она сначала не подозрѣвала, и отправляется вслѣдъ

за своимъ соблазнителемъ, но не находитъ его; во время своихъ странствій, производитъ на свѣтъ ребенка въ лѣсу и убиваетъ его, какъ Гётевская Маргарита. Приговоренная къ повѣшенію, она получаетъ помилованіе, благодаря молодому сквайру, желающему загладить, въ предѣлахъ возможнаго, свой проступокъ. Что касается Адама Бида, который чуть-было съ ума не сошелъ отъ любви, стыда и огорченія, онъ въ концѣ-концовъ влюбляется въ нѣкую Дину, методистку и проповѣдницу, и дѣло кончается бракомъ.

Въ «Даніелѣ Деронда» мы разстаемся съ сельскимъ міромъ и переносимся въ міръ *джентри* и респектабельности. Настоящимъ героемъ романа, вопреки заглавію, является вовсе не Деронда, личность отвлеченная, смутно рисующаяся передъ читателемъ, но Гвендолина Гарлетъ, избалованнѣйшая дѣвушка въ мірѣ, еще болѣе себялюбивая, чѣмъ двѣ предыдущія героини. Восхитительная красавица, съ густой темно-русой косой, длинной шеей, наводящей на мысль о змѣѣ, и вздёрнутымъ носикомъ,— она считаетъ себя какимъ-то высшимъ существомъ. Къ несчастію, ея мать лишается своего небольшого состоянія, и Гвендолина рѣшается выдти замужъ за м-ра Гранкорта—которому сначала отказала-было—будущаго наслѣдника титуловъ и богатствъ своего дяди, баронета сэра Гуго Маллингера. Ея первоначальный отказъ былъ вызванъ серьёзной причиной: нѣкая миссисъ Гласкеръ, любовница Гранкорта, бросившая ради него мужа, пришла къ ней со всѣми своими дѣтьми умолять, чтобъ она не выходила замужъ за Гранкорта, котораго считаетъ своимъ по праву. Вотъ что касается первой серіи личностей, поступки и рѣчи которыхъ наполняютъ часть романа.

Вторая серія является намъ въ семьѣ сэра Гуго, включая и Деронду; происхожденіе послѣдняго неизвѣстно, и его считаютъ побочнымъ сыномъ баронета. Наконецъ третья группа—и самая необыкновенная—состоитъ изъ кружка евреевъ, среди которыхъ на первомъ планѣ выступаетъ личность нѣкоего Мардохея, чахоточнаго мистика, мечтающаго о реставраціи своего народа и самаго совершеннаго представителя, по его собственному мнѣнію и по мнѣнію автора, «Altruism'а» и «Righteousness». На ряду съ нимъ рисуется неопредѣленная фигура Миры, дочери другого еврея, негодяя, готоваго продать жену и дѣтей первому встрѣчному. Ка́къ Деронда спасаетъ эту дѣвушку отъ самоубійства, на берегахъ Темзы, ка̀къ онъ на ней женится въ концѣ-концовъ, убѣдившись: во-первыхъ, что онъ сынъ знаменитой пѣвицы, тоже

еврейки, которая сдала его на руки одному изъ своихъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ, сэру Гуго Маллингеру, обѣщавшему сдѣлать изъ него джентльмена и христіанина; во-вторыхъ, что аскетъ Мардохей его братъ—вотъ что̀ мы узнаемъ, прочитавъ два толстыхъ тома, въ которыхъ правильность языка не выкупаетъ длинноты и монотонности деталей.

Между тѣмъ какъ добродѣтельный и безцвѣтный Деронда получаетъ награду за добродѣтель, «порочная» Гвендолина наказуется по всѣмъ правиламъ прописной морали. М-ръ Гранкортъ, за котораго она вышла изъ разсчета, типъ—превосходно нарисованный—холоднаго и рѣзкаго, какъ остріе бритвы, англичанина. Она влюбляется, довольно слабо, въ загадочнаго Деронду, который принимаетъ ея любовь весьма холодно—все холодно въ этомъ романѣ.— Гранкортъ, замѣтивъ продѣлки жены, увозитъ ее на своей яхтѣ въ Средиземное море и тамъ подвергаетъ всяческимъ униженіямъ. Она мысленно посылаетъ его ко всѣмъ чертямъ, когда въ одинъ прекрасный день, въ Генуэзскомъ портѣ, они отправляются вдвоемъ кататься на парусной лодкѣ, и порывъ вѣтра вмѣстѣ съ неловкимъ манёвромъ съ парусомъ опрокидываютъ несноснаго Гранкорта въ море, гдѣ онъ и остается навѣки. Гвендолина чуть съ ума не сходитъ отъ огорченія и угрызеній совѣсти: она упрекаетъ себя въ томъ, что убила мужа, потому что въ душѣ желала отъ него избавиться—желаніе, вполнѣ, впрочемъ, естественное въ ея положеніи. Затѣмъ мало-по-малу утѣшается и для искупленія грѣховъ посвящаетъ себя добрымъ дѣламъ.

Джорджа Эліота непремѣнно хотятъ возвести въ классическаго романиста, принимая этотъ эпитетъ въ смыслѣ правильности и чистоты языка. Но первымъ качествомъ литературнаго произведенія, очевидно, должно быть единство дѣйствія: между тѣмъ въ любомъ романѣ Александра Дюма̀ съ 75-ю дѣйствующими лицами это единство лучше сохранено, чѣмъ здѣсь. Въ этомъ произведеніи есть два отдѣльныхъ романа: романъ евреевъ и романъ Гвендолины, которые можно было бы безъ всякаго неудобства и даже къ вящшей выгодѣ произведенія издать отдѣльно. Вся критика единодушна на этотъ счетъ.

Автора считаютъ также мастеромъ по части изображенія характеровъ. И дѣйствительно, въ настоящемъ романѣ два характера описаны мастерски: Гвендолина и Гранкортъ. Но герой, по имени котораго названъ романъ и котораго миссисъ Льюисъ безуспѣшно старалась сдѣлать центромъ всего дѣйствія, совсѣмъ не удался. Это безцвѣтное существо, безжизненное и безстрастное, просто какая-то

непріятная кукла: это *категорическое повелительное* Канта, которое авторъ задумалъ олицетворить, и результатомъ вышелъ именно такой, какого слѣдовало ожидать. На этотъ счетъ критика тоже единодушна. Что касается языка, то онъ безъ сомнѣнія правиленъ, но такъ же холоденъ, какъ и дѣйствующія лица.

Въ романѣ есть и еще другой капитальный недостатокъ. Мы видѣли выше, ка́къ слѣдуетъ создавать истинное художественное произведеніе, помимо всякихъ соображеній нравственныхъ, религіозныхъ и тому подобныхъ. Безъ сомнѣнія, можно сдѣлать исключеніе для романа, такъ какъ онъ, на ряду съ народной пѣсней, можетъ служить средствомъ пропаганды и содѣйствовать распространенію различныхъ истинъ. Всякій вспомнитъ при этомъ «chef-d'oeuvre» Вольтера, «Кандида». Многіе изъ прекраснѣйшихъ романовъ Жоржъ-Занда также имѣютъ въ виду пропаганду извѣстныхъ соціальныхъ теорій. Но это обусловливается самымъ содержаніемъ произведенія и ходомъ дѣйствія. Вы можете съ интересомъ прочесть «Кандида» и «Индіану», даже если и не интересуетесь Лейбницемъ или теоріей брака. Но у Джорджа Эліота совсѣмъ не то: половина книги посвящена отвлеченнымъ тирадамъ и анализу чувствъ и идей дѣйствующихъ лицъ, которыя должны были бы сами собой рисоваться въ умѣ читателей. Ея произведеніе перестаетъ быть романомъ, но дѣлается трактатомъ о нравственности: мы имѣемъ дѣло не съ людьми, но съ разсѣченными трупами, у которыхъ обнажены всѣ нервы и мускулы.

Теперь, что́ же это за мораль? Пусть читатели позволятъ мнѣ пополнить черты, сообщенныя во второмъ письмѣ. Когда появились первыя произведенія Джорджа Эліота, критика оказалась очень непроницательной, когда ей захотѣлось открыть личность автора: произведенія его, надо сказать, выходили изъ ряду тѣхъ романовъ, что̀ каждую недѣлю появляются въ такомъ множествѣ. Одинъ «обозрѣватель» объявилъ, что «Сцены клерикальной жизни» должны принадлежать перу джентльмена съ симпатіями къ «High-Church». Никто не подозрѣвалъ, что ихъ написала Маріанна Ивансъ, переводчица жизни Эрнста Штрауса (1846) и «Das Wesen des Christenthums» Фейербаха (1854). Когда же узнали объ этомъ, то были сбиты съ толку: всѣхъ смущало то обстоятельство, что у приверженцевъ позитивизма есть весьма опредѣленныя религіозныя и сантиментальныя тенденціи; что любовь къ ближнему, называемая «Altruism'омъ», доводится у нихъ до тѣхъ крайнихъ предѣловъ, гдѣ уже превращается въ самоотверженіе и непрерывное принесеніе себя въ жертву; наконецъ,

что все это приводитъ къ нелѣпой теоріи Канта о долгѣ ради долга и добродѣтели ради добродѣтели — теоріи, предназначенной создавать ангеловъ, но которая идетъ въ разрѣзъ съ человѣческой природой, а потому создаетъ только лицемѣровъ.

Миссисъ Льюисъ въ «Мельницѣ на Флоссѣ» довольствовалась «Подражаніемъ Христу», изъ котораго заставила Мэгги Тулливеръ выучивать слѣдующія фразы: «забудь о самомъ себѣ; смирись, и ты будешь наслаждаться внутреннимъ покоемъ»; «знай, что себялюбіе пагубнѣе для тебя, чѣмъ что бы то ни было въ мірѣ», и проч. (t. II, p. 182). Теперь она заявляетъ себя независимой отъ всякой христіанской секты и открыла Талмудъ. Конечно, прочитавъ Гиллеля и освоившись съ трактатомъ Абота, она создала своего духовидца Мардохея—«человѣка, проживающаго въ неизвѣстности и бѣдности, ослабленнаго болѣзнью, уже чувствующаго приближеніе смерти, но живущаго интенсивной жизнью въ невидимомъ прошломъ и будущемъ, не заботясь о собственной судьбѣ и личности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она можетъ стать помѣхой для какого-нибудь добраго дѣла, плодами котораго, къ тому же, онъ никогда не воспользуется иначе, какъ въ формѣ внутренняго и мимолетнаго видѣнія».

Этотъ самый Мардохей объявляетъ нѣсколькими страницами далѣе: «вы знаете, чему насъ учили: награда за выполненіе долга заключается въ возможности выполнить другой долгъ».

Вся мораль и вся философія Джорджа Эліота заключаются въ этихъ строкахъ. Не знаю, можетъ быть, это и очень возвышенно, какъ увѣряютъ, но утверждаю, что отрицать законное стремленіе къ счастію, одушевляющее всякое живое существо, значитъ идти въ разрѣзъ съ человѣческой природой, а слѣдовательно и съ нравственностью, которая можетъ быть основана только на правдѣ. Такія поученія еще тѣмъ вредоносны, что представляютъ въ антипатичномъ свѣтѣ, благодаря своему аскетизму, мнѣнія приверженцевъ науки и свободы мышленія. Въ концѣ-концовъ, не взирая на всѣ эти якобы великодушныя доктрины, гораздо меньше растрогаешься надъ людскими страданіями, прочитавъ три тома сочиненія Джоржа Эліота, нежели прочитавъ одну страницу Диккенса.

Приговоръ англійской прессы объ этомъ романѣ былъ далеко не такой лестный, какъ о «Миддльмарчѣ». Можно было бы еще многое сказать по этому поводу, но пора кончать; прежде

однако слѣдуетъ отдать справедливость нѣкоторымъ качествамъ автора: чистотѣ и энергіи ея слога, силѣ, съ какой она умѣетъ изображать иные характеры, наконецъ ея добросовѣстности. Но только слѣдуетъ избѣгать сравненій вполнѣ неумѣстныхъ, а потому и досадныхъ. У Джорджа Эліота нѣтъ ни реализма Бальзака, Флобера или Зола́, ни силы воображенія Тургенева, ни жара и страсти Диккенса или Ричардсона: она не умѣетъ завязать и развязать интригу, а что́ касается Жоржъ-Занда,—съ которой ея слишкомъ часто сравнивали, то у ней общаго съ ней только первая половина имени.

А. Реньяръ.

ЖЕЛѢЗНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

ВЪ

ЗАМОСКОВСКОМЪ КРАѢ.

Кто не знаетъ, какое значеніе имѣетъ желѣзо въ жизни народной? Кому неизвѣстно вліяніе его на благосостояніе человѣчества? Кто не ощущаетъ на каждомъ шагу необходимость этого металла? Стòитъ только посмотрѣть вокругъ себя, чтобы всюду увидать безчисленныя примѣненія желѣза; оно является необходимымъ условіемъ не только для нашего удобства, но даже для самыхъ первѣйшихъ потребностей. Желѣзо непосредственно покрываетъ насъ, оно и поддерживаетъ насъ; желѣзо принимаетъ участіе въ нашей одеждѣ, желѣзо же служитъ и для питанія нашего организма посредственно и непосредственно; оно обусловливаетъ развитіе промышленности, оно сокращаетъ время, уничтожаетъ пространство; однимъ словомъ, отъ него зависитъ благосостояніе какъ цѣлаго государства, такъ и каждаго отдѣльнаго члена его. Поэтому выраженіе, что степень цивилизаціи государства прямо пропорціональна количеству потребляемаго въ немъ желѣза, уже не требуетъ комментаріевъ и сдѣлалось общимъ мѣстомъ въ нашъ по-истинѣ *желѣзный* вѣкъ. Дѣйствительно, желѣзо и его употребленіе стало извѣстно людямъ еще въ до-историческую эпоху, хотя и въ болѣе поздній періодъ ея; послѣ этого времени европейскіе народы скоро уже вышли изъ дикаго состоянія; но затѣмъ, до начала нынѣшняго столѣтія, увеличеніе въ количествѣ потребляемаго желѣза шло очень медленно, такъ что въ 1808 году получено чугуна на всемъ земномъ шарѣ еще только 44 милл. пудовъ; съ этихъ же поръ до нашихъ дней количество это увеличилось почти въ 20 разъ, а именно въ 1872 году чугуна выплавлено

на всемъ земномъ шарѣ уже 843 милл. пудовъ. Эти цифры вполнѣ, мнѣ кажется, оправдываютъ приданный нашему вѣку эпитетъ—*желѣзный*. Но, къ сожалѣнію, не во всѣхъ государствахъ въ одинаковой степени развилась эта промышленность, не всѣ они принимали одинаковое участіе какъ въ добываніи, такъ и потребленіи этого драгоцѣннаго по своему значенію металла; у немногихъ желѣзная производительность достигла громадной цифры 515 фунтовъ въ годъ на каждаго жителя, какъ это было въ 1871 году въ Англіи, гдѣ потреблялось тогда среднимъ числомъ по 275 фун. на человѣка. Всѣ другія государства занимаютъ по количеству производимаго и потребляемаго желѣза мѣста, среднія между указанными крайними пунктами. Для бóльшей наглядности я приведу здѣсь цифровыя данныя годовой (въ 1871 году) производительности и потребленія, выражаемыя количествомъ фунтовъ чугуна на 1 жителя въ каждомъ государствѣ; такъ:

	Выплавлено чугуна.		Потребленіе на человѣка простиралось.	
Въ Англіи	515	фун.	275	фун.
„ Бельгіи.	272	„	240	„
„ Швеціи-Норвегіи . . .	178	„	60	„
„ Сѣв.-Амер. Соед. Штат.	145	„	120	„
„ Герман. Там. Союзъ. .	98	„	около 70	„
„ Франціи	80	„	85	„
„ Австро-Венгріи . . .	30	„	42	„
„ Россіи	10	„	около 20	„
„ Испаніи	10	„	12	„
„ Италіи.	7	„	—	
„ Швейцаріи	7	„	35	„
„ Австраліи	5½	„	—	
„ Остальной Америкѣ. .	2½	„	—	
„ Японіи	0,75	„	—	
„ Остальной Азіи . . .	0,125	„	—	
„ Африкѣ	0,3	„	—	

Эти цифры вполнѣ наглядно доказываютъ справедливость выраженія относительно пропорціональности культуры и желѣзной производительности народа; онѣ показываютъ также цивилизующее значеніе европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣта: съ преобладаніемъ европейскаго элемента надъ туземнымъ увеличивается и производительность желѣза; рѣзкій примѣръ въ этомъ отношеніи представляютъ намъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, на которые приходится 16,5% всего добытаго на всемъ земномъ шарѣ желѣза, или слишкомъ 90% всего желѣза, производимаго внѣ Европы. Но, кромѣ того, эти же цифры приводятъ насъ къ тому далеко неутѣшительному заключенію, что Россія, по желѣзной производитель-

ности, занимаетъ вовсе невидное мѣсто среди образованныхъ государствъ: количество добываемаго въ ней желѣза ниже даже средней величины. Если количество желѣза, добываемаго на всемъ земномъ шарѣ, равно 843 милл. пудовъ, а все населеніе земного шара выражается 1.400 милл., то на каждаго жителя приходится по 24 фун.; Россія же, какъ мы видимъ, доставляетъ всего съ небольшимъ 10 фун. на человѣка. Такимъ образомъ, Россія должна пополнять недостатокъ этотъ привозомъ изъ другихъ государствъ, такъ что въ послѣдніе годы къ намъ ввозятся различные виды желѣза (чугуна, стали, собственно желѣза и проч.) въ количествѣ, почти равномъ нашей собственной производительности; но и вмѣстѣ съ этимъ привознымъ на каждаго жителя достается около 20 фун., слѣдовательно все-таки менѣе средней величины. Переводя же всѣ эти количества на ихъ стоимость и принимая самыя умѣренныя цѣны (пудъ чугуна въ отливкѣ—1 руб. 10 к. с., стали—3 руб., желѣза—1 р. 50 к.), мы получимъ, что Россія производитъ желѣза во всѣхъ видахъ на сумму 35 или 40 милл. рублей, тогда какъ производительность всей Европы выражается 1.000 милл. рублей. Какою же ничтожною въ сравненіи съ этою послѣднею цифрою является наша желѣзная промышленность! Какую въ то же время чувствительную сумму мы выплачиваемъ ежегодно нашимъ, болѣе промышленнымъ сосѣдямъ! Такимъ образомъ, оказывается, что мы платимъ имъ ежегодно слишкомъ по 50 к. с. съ души за одно желѣзо, т.-е. за то, чѣмъ въ сущности мы много богаче ихъ. По обилію желѣзныхъ рудъ отличныхъ качествъ, мы уступаемъ развѣ одной Сѣверной Америкѣ, и превосходимъ всѣ другія европейскія государства, такъ что мы могли бы производить желѣза въ нѣсколько разъ болѣе и не только удовлетворять наши внутреннія потребности, но и снабжать различными видами желѣза нашихъ болѣе счастливыхъ въ настоящее время сосѣдей.

Отчего же, спрашивается, зависитъ такое невыгодное для насъ положеніе дѣла? Отчего же мы такъ незамѣтно оказались въ такомъ состояніи и сдѣлались какъ-бы данниками государствъ, которыя мы такъ недавно еще сами снабжали желѣзомъ, составлявшимъ значительную статью нашей внѣшней торговли?

Такое положеніе дѣла станетъ отчасти понятнымъ, если мы замѣтимъ, что наша производительность шла далеко не пропорціонально съ производительностью другихъ государствъ. Такъ, съ 1830 года Англія увеличила свою желѣзную промышленность въ 10 разъ, а въ теченіи нынѣшняго столѣтія слишкомъ въ 40 разъ (въ 1800 году было добыто 9,800,000 пудовъ, а 1871 г. 410 милл. пудовъ); Франція — въ $4^1/_2$ раза, съ начала же нынѣшняго столѣтія въ 15

разъ (съ 4-хъ мил. съ небольшимъ на 72 мил. пудовъ); производительность Бельгіи увеличилась за тотъ же промежутокъ времени почти въ 10 разъ (съ 3,700,000 на 34 милліон. пуд.); Германскій Таможен. Союзъ, включая и Пруссію, увеличилъ ее слишкомъ въ 12 разъ (съ 8 мил. на 101 мил.); Австро-Венгрія (съ 1830 года) въ 5 разъ; Швеція въ $2^1/_2$ раза; даже Италія съ 1861 года увеличила свою производительность слишкомъ въ 2 раза; Сѣверо-Америк. Соединен. Штаты въ 14 разъ, а въ теченіи нынѣшняго столѣтія въ 140 разъ; Россія же за этотъ (слишкомъ сорока-лѣтній) промежутокъ времени увеличила свою производительность всего только въ 2 раза; между тѣмъ какъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія она производила желѣза *вдвое* болѣе, чѣмъ Англія, и въ 18 разъ болѣе, чѣмъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; вывозъ желѣза ея въ Англію равнялся тогда 350 тыс. центнеровъ, т.-е. болѣе 1 мил. пудовъ, что̀ составляло 70% производимаго Англіей желѣза [1]). Слѣдовательно, указанное невыгодное положеніе наше зависитъ съ одной стороны оттого, что наша желѣзная производительность развивалась не пропорціонально съ развитіемъ ея въ другихъ государствахъ, а съ другой — отъ значительнаго, непропорціональнаго внутренняго потребленія желѣза.

Но отчего же зависитъ подобная непропорціональность въ томъ и другомъ? Отчего мы не замѣчаемъ такого же порядка вещей въ другихъ государствахъ, и почему они опередили насъ настолько въ этомъ отношеніи?

Я не считаю возможнымъ вдаваться здѣсь въ подробное изслѣдованіе всей сложности условій, выразившихся, наконецъ, въ приведенныхъ цифровыхъ величинахъ, а ограничусь только нѣкоторыми указаніями.

Современное состояніе нашей желѣзной промышленности не есть явленіе исключительное, безпримѣрное, аномальное; оно есть только извѣстная стадія историческаго развитія, стадія, черезъ которую прошла эта промышленность во всѣхъ государствахъ, хотя она не во всѣхъ одинаково выразилась и имѣла одинаковую продолжительность. Почти всѣ, даже богатыя рудами государства были въ извѣстное время данниками другого, во всѣхъ, слѣдовательно, мѣстная производительность была менѣе какъ производительности болѣе счастливыхъ сосѣдей, такъ и своего внутренняго потребленія.

Такимъ образомъ, русская желѣзная промышленность находится на этой стадіи своего развитія, стадіи, имѣющей у насъ, къ сожа-

[1]) Въ 1793 году заграничный вывозъ нашего желѣза достигъ высшаго предѣла и равнялся 2,300 тыс. пудовъ.

лѣнію, довольно значительную продолжительность, несмотря на видимо благопріятныя для быстраго прогресса условія.

Vere scire est per causas scire, говорилъ Бэконъ; только такое знаніе даетъ возможность если не всегда совершенно устранить, то, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени измѣнить нежелаемое положеніе дѣла, извѣстнымъ образомъ противодѣйствовать злу, вліяя на его главный источникъ; а потому мы постараемся кратко указать на нѣкоторыя изъ причинъ подобнаго состоянія нашей желѣзной промышленности, чтобы затѣмъ остановиться на одной, имѣющей, по нашему мнѣнію, особенно важное значеніе.

Желательное положеніе всякой промышленности заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность не только вполнѣ удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ въ продуктахъ этой промышленности, но и снабдить другихъ этими продуктами въ обмѣнъ за то, чего намъ не можетъ дать наша промышленность. При этомъ понятно, что чѣмъ совершеннѣе будутъ эти продукты, чѣмъ слѣдовательно выше будетъ ихъ цѣнность, тѣмъ выгоднѣе будетъ обмѣнъ, тѣмъ больше количество труда будетъ оплачено. Поэтому продажа сырого матеріала не можетъ считаться особенно выгоднымъ, желательнымъ состояніемъ промышленности, въ особенности если приходится затѣмъ платить и притомъ наибольшую стоимость за трудъ, употребленный на его обработку. Въ такомъ случаѣ чѣмъ больше цѣнность этого труда превосходитъ стоимость самаго матеріала, тѣмъ невыгоднѣе, понятно, положеніе продавца сырого матеріала и тѣмъ выгоднѣе положеніе обработывающаго труда. Желѣзо въ этомъ смыслѣ представляетъ наиболѣе рѣзкій примѣръ: обработка увеличиваетъ его цѣнность въ громадное число разъ. Такъ, центнеръ чугуна въ Германіи стóитъ два талера, а пружина для карманныхъ часовъ, вѣсящая $2^1/_2$ миллигр., продается по 4 зильбергроша; слѣдовательно, стоимость центнера такихъ пружинъ равняется $3^1/_2$ милліонамъ талеровъ, такъ что, благодаря обработкѣ, цѣнность чугуна въ этомъ случаѣ увеличилась болѣе, чѣмъ въ $1^1/_2$ милліона разъ; между тѣмъ какъ обработка золота увеличиваетъ его цѣнность съ небольшимъ въ 3 раза.

Наша же желѣзная промышленность и въ этомъ отношеніи находится въ очень невыгодномъ положеніи: привезено къ намъ изъ-за границы въ 1872 г. желѣза въ разныхъ его видахъ на сумму слишкомъ $38^1/_2$ милл., изъ числа которыхъ на чугунъ не въ дѣлѣ приходится всего менѣе 1 мил. (997 тысячъ); да кромѣ того, локомобилей, вагоновъ, машинъ и ихъ частей на сумму около 20 мил., слѣдовательно всего болѣе, чѣмъ на 58 мил. рублей; тогда какъ вывезено отъ насъ желѣза всего на $1^1/_2$ милл., и почти исключительно не въ дѣлѣ;

такъ, руды слишкомъ на 14 тыс., чугуна (не въ дѣлѣ) на 182 тыс., желѣза (не въ дѣлѣ) на 190 тысячъ.

По отчетамъ за этотъ годъ числится еще вывезенными вообще металлическихъ издѣлій и машинъ на 890 тысячъ; а изъ-за границы между тѣмъ доставлено къ намъ металлическихъ издѣлій, кромѣ желѣзныхъ, на сумму слишкомъ на 2 милл.; такимъ образомъ и вообще по металлическимъ издѣліямъ мы находимся въ значительномъ проигрышѣ. Но еще болѣе странно то, что мы не только по торговлѣ съ Европой оказываемся въ роли почти исключительно покупателей, мы въ такой же роли по отношенію къ желѣзу фигурируемъ и въ торговлѣ по азіатской границѣ: изъ числа приведенныхъ цифръ вывезено изъ Россіи по этой границѣ разныхъ видовъ желѣза и другихъ металлическихъ издѣлій на сумму съ небольшимъ 210 тысячъ, а привезено къ намъ на сумму слишкомъ 400 тысячъ. Эти цифры, не особенно лестно характеризующія состояніе нашей желѣзной промышленности, не случайныя, а, напротивъ того, могутъ считаться постоянными, такъ какъ и въ предыдущіе годы отношеніе привоза и вывоза было еще болѣе печально; въ 1868 году, напр., привезено въ различныхъ видахъ по европейской границѣ почти на 56 мил. руб., а по азіатской слишкомъ на 1 мил., вывезено же въ Европу на 480 тысячъ съ небольшимъ, и въ Азію на сумму около 100 тыс.; всего, слѣдовательно, привезено почти на 57 мил., тогда какъ вывезено менѣе чѣмъ на 600 тысячъ.

Чѣмъ же объясняется такое положеніе нашей промышленности, имѣющей видимо очень выгодныя условія: обиліе прекрасныхъ рудъ, массы лѣсовъ и пр.?

Промышленность опредѣляется двумя необходимыми элементами: потребленіемъ и производствомъ.—Мы уже видѣли, что существенный недостатокъ нашей желѣзной промышленности заключается въ томъ, что потребленіе значительно превосходитъ производство, слѣдовательно, для отвѣта на предложенный вопросъ, мы разсмотримъ, по возможности кратко, причины уже извѣстнаго намъ положенія каждаго изъ обусловливающихъ элементовъ промышленности, т.-е. потребленія и производства.

Что касается потребленія, возрастающаго непропорціонально производству, то причины значительности его объясняются довольно легко.—Мы участвуемъ въ общемъ прогрессивномъ движеніи европейскихъ государствъ, а въ послѣднее время въ особенности сильно двинулись впередъ на пути соціальнаго развитія, сдѣлали значительные успѣхи въ отношеніи цивилизаціи. Это движеніе вызвало необходимо и значительнѣйшее потребленіе желѣза, чтó въ свою очередь способствовало и нашимъ успѣхамъ въ этомъ направленіи. Въ на-

стоящее время желѣзо все болѣе и болѣе становится необходимымъ въ нашей обыденной жизни: во многихъ случаяхъ оно совершенно вытѣснило ранѣе употреблявшіеся для той же цѣли матеріалы, и вытѣснило, понятно, съ прямою выгодою для насъ во всѣхъ отношеніяхъ; оно даже замѣнило людей и вообще животную силу. Такимъ образомъ, само собою разумѣется, потребленіе этого металла значительно увеличилось, но это увеличеніе еще не представило бы такихъ значительныхъ цифръ, если бы желѣзо не нашло себѣ приложенія въ другомъ, чрезвычайно важномъ созданіи нынѣшняго столѣтія, созданіи, которое въ теченіи нынѣшняго царствованія развилось у насъ съ такою силою и быстротою: я говорю о желѣзныхъ дорогахъ: мы имѣемъ теперь болѣе 16,000 верстъ желѣзныхъ путей! На каждую же версту желѣзной дороги въ одинъ только путь требуется рельсовъ 4,500 пудовъ [1]), слѣдовательно, на всѣ дороги употреблено на одно полотно болѣе 75 мил. пудовъ! Но, кромѣ того, на основаніи опыта можно принять, что при умѣренномъ движеніи по дорогамъ рельсы служатъ среднимъ числомъ около 5 лѣтъ, т.-е. по прошествіи нѣкотораго времени пятая часть рельсовъ должна ежегодно замѣняться новыми; такимъ образомъ, для ремонта существующихъ въ Россіи дорогъ потребуется ежегодно не менѣе 15 милліоновъ пудовъ рельсоваго желѣза. Вмѣстѣ же съ этимъ идетъ и дальнѣйшее сооруженіе новыхъ дорогъ по 1000 и болѣе верстъ въ годъ, а стало быть и новое громадное потребленіе желѣза. Дѣлая эти вычисленія, при которыхъ взяты цифры въ сущности меньшія дѣйствительныхъ (вездѣ принятъ одинъ путь, тогда какъ теперь уже много сотенъ верстъ имѣютъ два пути), мы принимали въ соображеніе только рельсы, но, кромѣ ихъ, идетъ масса желѣза на другія, тоже желѣзно-дорожныя сооруженія: на мосты, подвижной составъ, зданія и пр. и пр.

Послѣ этого понятно, почему потребленіе желѣза у насъ такъ сильно увеличилось; несравненно труднѣе, по сложности явленія, вполнѣ выяснить всѣ причины, задерживавшія соотвѣтственное развитіе другого элемента промышленности—производства.

Непропорціональность нашей желѣзной производительности, сравнительно съ возрастаніемъ потребленія у насъ и производительности другихъ цивилизованныхъ государствъ, обусловливается разнообразными нашими соціальными условіями и свойствами нашей почвы, является такимъ образомъ результатомъ цѣлаго комплекса различныхъ факторовъ. Не имѣя возможности войти здѣсь въ подробное

[1]) Прежде рельсы дѣлались болѣе тяжелые, а потому на версту требовалось значительно большее число пудовъ.

разсмотрѣніе всѣхъ этихъ причинъ, я ограничусь только указаніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ считаться въ настоящее время наиболѣе существенными, оставляя при этомъ въ сторонѣ правительственныя распоряженія или узаконенія, клонящіеся къ содѣйствію данной промышленности, и несомнѣнно имѣвшія значительное вліяніе на ея развитіе. Значеніе вліянія правительственныхъ покровительствующихъ мѣропріятій довольно рѣзко можно замѣтить на производительности германскаго союза. До 1844 года производительность этой страны увеличивалась очень слабо; такъ, въ 1834 равнялась 8 милл., а въ 1844—10 мил.; въ этомъ послѣднемъ году была положена пошлина болѣе значительная (по 10 коп. съ пуда) на иностранный чугунъ, и съ этихъ поръ желѣзная промышленность сильно возрастаетъ; въ 10 лѣтъ (до 1854 года) она удвоилась, въ 1860 же году она выражалась 31 мил. пуд., слѣдовательно, къ этому времени болѣе чѣмъ утроилась. Въ настоящее же время, сравнительно съ 1844 годомъ она удесятерилась. Мѣропріятіямъ этимъ обязано отчасти удивительное развитіе этой промышленности и въ Англіи, гдѣ пошлины на привозный чугунъ отмѣнены только послѣ того, когда собственная промышленность достигла такого состоянія, что ей нечего уже было опасаться конкурренціи другихъ государствъ.

Ограничиваясь въ этомъ отношеніи указанными примѣрами [1]), я перейду къ разсмотрѣнію другихъ причинъ. Почти всюду такими причинами считаются главнымъ образомъ: 1) примѣненіе въ желѣзномъ дѣлѣ каменнаго угля; 2) устройство желѣзныхъ дорогъ и вообще улучшеніе путей сообщенія; 3) улучшеніе въ способѣ обработки рудъ, и вообще усовершенствованія заводской части.

Въ отсутствіи у насъ этихъ условій, содѣйствовавшихъ успѣху другихъ государствъ, видятъ, по аналогіи, причины застоя нашей желѣзной промышленности, а потому и мы остановимся на разсмотрѣніи этихъ условій по отношенію къ Россіи.

1) Что примѣненіе каменнаго угля къ желѣзному дѣлу имѣло большое вліяніе на увеличеніе желѣзной производительности—это несомнѣнно, и въ подтвержденіе этого достаточно указать на сравнительную производительность другихъ государствъ до и послѣ введенія минеральнаго топлива. Такъ, въ Англіи въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія дѣйствовало 59 доменныхъ печей, и годич-

---

[1]) По поводу этихъ примѣровъ необходимо замѣтить, что въ вышеупомянутыхъ случаяхъ очень часто можно принять post hoc за propter hoc. Протекціонизмъ вообще, а особенно въ странѣ, гдѣ весьма слаба внутренняя конкурренція, на дѣлѣ покровительствуетъ не предпріятію, а предпринимателю, и избавляетъ послѣдняго отъ заботъ объ улучшеніи производства, а если и покровительствуетъ предпріятію, то только предпріятію самого предпринимателя—какъ можно скорѣе нажиться.—*Ред.*

ная производительность ихъ не превышала 1 милл. пудовъ. Съ половины прошлаго столѣтія производились различныя попытки для примѣненія каменнаго угля къ желѣзному дѣлу, попытки, увѣнчавшіяся, наконецъ, полнымъ успѣхомъ въ 1780 году, съ котораго такимъ образомъ начинается новая эра желѣзной промышленности въ Англіи. Въ 1788 году существовали въ Англіи только 24 доменныхъ печи, дѣйствовавшія древеснымъ углемъ, и производительность ихъ равнялась съ небольшимъ 800 тыс. пудовъ, 53 доменныхъ печи, которыя употребляли каменный уголь и доставляли ежегодно слишкомъ 3 мил. пудовъ чугуна; въ 1869 году древесный уголь былъ уже совершенно замѣненъ каменнымъ при плавкѣ чугуна, причемъ домнъ было тогда уже 121 съ производительностію почти 8 мил. пудовъ въ годъ. Правда, этому быстрому возрастанію содѣйствовали и другія обстоятельства: правительственныя протекціонныя мѣропріятія и нѣкоторыя техническія усовершенствованія (введеніе, напр., пудлинговаго производства), но тѣмъ не менѣе каменный уголь во всякомъ случаѣ оказалъ громадное первенствующее вліяніе.

Во Франціи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія желѣзная производительность равнялась почти 7 мил. пудамъ, а въ 1830 году (т.-е. черезъ 13 лѣтъ и уже послѣ примѣненія каменнаго угля) она составляла слишкомъ $16^1/_2$ милл.; но главная масса чугуна въ это время все-таки еще получалась помощью древеснаго угля; затѣмъ, въ 1860 году общая производительность Франціи выразилась уже почти въ $54^1/_2$ милл. пудахъ, изъ числа которыхъ помощію каменнаго угля проплавлено около 36 милл. пудовъ чугуна. То же можно сказать и относительно другихъ государствъ, въ томъ числѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ древеснымъ углемъ проплавляется теперь всего только одна четверть общей суммы чугуна. Въ виду всего этого будетъ совершенно понятно выраженіе англичанина Вишерса, что „каменный уголь имѣетъ для промышленности такое же значеніе, какъ кислородъ для дыханія, вода—для растеній, пища — для животнаго". Но вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ и такія государства, которыя, обладая богатыми рудами, не имѣютъ при этомъ каменнаго угля, по крайней мѣрѣ по близости рудныхъ мѣсторожденій, а тѣмъ не менѣе въ послѣднія 10 лѣтъ значительно увеличили выплавку чугуна. Такъ, Швеція увеличила ее на 60%, Штирія на 70%, Каринтія—на 50%; даже во Франціи до сихъ поръ еще значительныя количества чугуна переплавляются на древесномъ углѣ. Мы же, при нашемъ богатствѣ лѣсами, занимающими до сихъ поръ почти сплошь наши сѣверныя и восточныя губерніи, увеличили наше производство за тотъ же промежутокъ времени всего на 10%! Въ виду сейчасъ приведенныхъ примѣровъ уже нельзя объяснять нашу неподвижность

въ желѣзномъ производствѣ только отсутствіемъ у насъ примѣненія каменнаго угля въ заводской промышленности;—поэтому нашъ ученый изслѣдователь А. Іосса 2-й указываетъ на существованіе мелкихъ или единичныхъ предпріятій, какъ на условіе, тормазящее у насъ развитіе желѣзной промышленности, подобно тому, какъ это было въ Штиріи и Каринтіи. „Многія мѣстности Урала,—говоритъ онъ,—еще изобилуютъ лѣсомъ, но они такъ удалены отъ существующихъ заводовъ, что ими невозможно пользоваться въ настоящее время. Лѣса эти пропадаютъ безъ всякой пользы; между тѣмъ вблизи ихъ есть и руды, но не достаетъ заводовъ, устройство которыхъ требуетъ, конечно, большихъ затратъ капитала, большого труда и энергіи, что̀, можетъ быть, не по силамъ и не по средствамъ отдѣльнымъ лицамъ, и потому образованіе съ этою цѣлью товариществъ или компаній весьма желательно; со стороны же правительства можно ожидать такимъ предпріятіямъ полнаго содѣйствія". Такимъ образомъ, даже безъ каменнаго угля, котораго въ Россіи тоже не мало и громадныя массы котораго у насъ, по всей вѣроятности, еще и не открыты, мы все-таки могли бы значительно расширить нашу желѣзную промышленность; слѣдовательно, существуютъ и другія условія, задерживающія развитіе этой промышленности.

2) Улучшеніе путей сообщенія, и какъ вѣнецъ улучшенія—сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, имѣетъ безъ всякаго сомнѣнія громадное вліяніе на благосостояніе государства вообще и на развитіе промышленности въ особенности. Само собою понятно, что проложеніе желѣзныхъ путей отразилось съ наибольшею си́лою на желѣзной промышленности; понятно также, что и у насъ оживленіе за послѣднее время желѣзной производительности немало обязано проложенію этихъ путей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тоже само собою разумѣется, что не всѣ дороги одинаково сильно вліяютъ на всѣ производства; такимъ образомъ и желѣзному дѣлу могутъ въ особенно сильной степени содѣйствовать только нѣкоторыя, между которыми первое мѣсто должна будетъ занять, безспорно, уральская дорога. Уже въ настоящее время Уралъ доставляетъ намъ $^2/_3$ всего выплавленнаго у насъ чугуна; но какія массы прекрасныхъ рудъ залегаютъ тамъ безъ всякаго употребленія и ожидаютъ болѣе обширной заводской дѣятельности! Для характеристики значенія этой дороги я приведу слова того же изслѣдователя, А. Іосса 2-го: „Устройство уральской желѣзной дороги,—говоритъ онъ,—принесетъ, безъ сомнѣнія, большую пользу желѣзному производству, прорѣзавъ нѣкоторыя лѣсныя мѣстности, изъ которыхъ будетъ тогда для заводовъ возможность пользоваться горючимъ матеріаломъ. Но главная польза отъ этой дороги предвидится въ томъ, что она пройдетъ вблизи открытыхъ уже, на запад-

номъ склонѣ Урала, залежей каменнаго угля, который можетъ служить для передѣла чугуна въ желѣзо и дастъ возможность многимъ заводамъ употреблять лѣсъ на выплавку чугуна и такимъ образомъ увеличить ее вдвое противъ нынѣшней, особливо если будутъ введены тѣ улучшенія въ производствѣ, которыя такъ много содѣйствовали успѣху оныхъ въ Европѣ. Безъ сомнѣнія, и уголь, открытый на восточномъ склонѣ Урала и остававшійся по сіе время безъ употребленія, какъ негодный, найдетъ примѣненіе въ нѣкоторыхъ операціяхъ". Къ этимъ словамъ я прибавлю только, что уральская дорога уничтожитъ разстояніе между торговыми и горнозаводскими центрами Россіи, а такое сближеніе этихъ центровъ будетъ имѣть несомнѣнно громадное вліяніе на оживленіе самой производительности. Но въ то же время я не могу не указать на наши замосковные заводы, которые уже пользуются желѣзнодорожнымъ и воднымъ сообщеніемъ, находятся близъ торговыхъ центровъ и каменноугольныхъ копей, а тѣмъ не менѣе приходятъ все въ бóльшій упадокъ, какъ это увидимъ ниже.

3) Очень важное вліяніе на желѣзную производительность другихъ государствъ имѣли различныя усовершенствованія въ самомъ производствѣ. Что всякія усовершенствованія въ производствѣ влекутъ за собою увеличеніе производительности, это не требуетъ объясненій; отсюда легко также понять, почему всѣми государствами, гдѣ желѣзная промышленность занимаетъ видное мѣсто, были употреблены и употребляются большія усилія и затрачиваются значительные капиталы на усовершенствованія способовъ желѣзнаго производства. Эти затраты приносятъ въ концѣ-концовъ такія выгоды, которыя трудно даже оцѣнить: достаточно указать на нѣкоторыя, болѣе выдающіяся усовершенствованія и ихъ вліяніе. Къ числу такихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, открытіе директора газоваго завода въ Глазговѣ, Джемса Нейльсона: примѣненіе нагрѣтаго дутья при доменномъ производствѣ. Усовершенствованіе это заключается въ томъ, чтобы нагнетать въ домну для поддержанія горѣнія не холодный воздухъ, поглощающій непроизводительно большое количество теплоты, а горячій, и такимъ образомъ, не уничтожая теплоты, поддерживать постоянно высокую температуру. Открытіе это обусловило громадное сбереженіе въ горючемъ матеріалѣ и дало возможность употреблять каменный уголь безъ предварительнаго превращенія его въ коксъ [1]).

[1]) Сравненіе недѣльной производительности, произведенное на заводѣ Клейдъ, дало слѣдующія показанія относительно выплавки чугуна и расхода горючаго матеріала: при холодномъ дутьѣ 3 доменныхъ печи дали 6840 пуд. чугуна, средній расходъ кокса на 1 пудъ чугуна 8 пуд.; при горячемъ дутьѣ — тѣ же 3 печи дали

Это усовершенствованіе 1828 года отразилось на производительности Англіи тѣмъ, что въ теченіи 10 лѣтъ со времени введенія его на заводахъ, съ 1830 по 1840 годъ, увеличило ее слишкомъ вдвое: съ 42 милл. почти на 87 милліоновъ пудовъ; во Франціи примѣнено горячее дутье въ 1832 году, когда производительность ея равнялась почти 14 мил., и увеличило эту производительность въ теченіи тѣхъ же 10 лѣтъ тоже почти вдвое: въ 1842 году чугуна получено около 25 милл. пудовъ. — Понятно послѣ этого, что въ настоящее время въ западной Европѣ почти не существуетъ доменныхъ печей, дѣйствующихъ на холодномъ дутьѣ. Не менѣе сильный толчокъ желѣзному дѣлу дало другое изобрѣтеніе: способъ Бессемера превращать очень быстро чугунъ въ желѣзо требуемыхъ качествъ или прямо въ сталь, не требуя для этого никакого горючаго матеріала. Способъ этотъ основывается на томъ, что для передѣлки чугуна въ желѣзо употребляется не новое количество топлива, а утилизируется углеродъ, содержащійся въ чугунѣ въ значительномъ количествѣ и почти совершенно отсутствующій въ желѣзѣ; для этой цѣли въ расплавленный чугунъ, поступающій такимъ прямо изъ домны въ особый снарядъ, проводится воздухъ, который, сожигая и удаляя такимъ образомъ углеродъ, еще болѣе повышаетъ температуру металла и ускоряетъ самый процессъ обезуглероживанія. Сталь же занимаетъ, по содержанію углерода, среднее мѣсто между чугуномъ и желѣзомъ, поэтому она получается при этомъ способѣ ранѣе желѣза, между тѣмъ какъ прежде уже желѣзо обогащали углеродомъ и этимъ превращали въ сталь, для чего требовались новыя затраты горючаго матеріала и труда. Понятно, что такое усовершенствованіе имѣло громадное вліяніе на производительность: прошло не болѣе 15 лѣтъ съ первоначальнаго введенія этого способа въ Англіи, какъ ея производительность возросла съ 240 милл. на 400 милл. пудовъ слишкомъ! Понятно также, что этотъ способъ быстро распространился по всей Европѣ и Сѣверной Америкѣ, и что только одна необходимость заставляетъ нѣкоторые немногіе заводы отказываться отъ его введенія.

У насъ же въ Россіи даже эти первоначальныя усовершенствованія почти совсѣмъ не введены на заводахъ; мы до сихъ поръ остались въ этомъ отношеніи вѣрны преданіямъ старины и довольствуемся преимущественно холоднымъ дутьемъ, уже давно забытымъ въ западной Европѣ, и прежнимъ способомъ передѣлки чугуна въ

10,044 п. чугуна, и средній расходъ кокса = 5,3 пуд.; при употребленіи каменнаго угля 4 доменныхъ печи дали въ недѣлю 15,179 пуд. чугуна, и средній расходъ каменнаго угля на 1 пудъ чугуна составлялъ 2,3 пуда.

желѣзо, и уже этого послѣдняго въ сталь; а вмѣстѣ съ тѣмъ мы сдѣлались данниками нашихъ болѣе подвижныхъ сосѣдей, и оказались въ этой промышленности, какъ, къ сожалѣнію, и во многомъ другомъ, въ сильной зависимости отъ нихъ. Эта зависимость будетъ еще понятнѣе, если мы замѣтимъ, что многіе изъ нашихъ заводовъ не только не совершенствовались, но, напротивъ, приходили въ упадокъ. Такъ, напримѣръ, заводы гг. Шепелевыхъ, находящіеся въ тамбовской, владимірской и нижегородской губерніяхъ, и группирующіеся главнымъ образомъ около с. Выксы (ардатовскаго уѣзда, нижегородской губерніи), всего числомъ 11, „доведены въ настоящее время (1863 г.), по словамъ князя Максутова,—до самаго бѣдственнаго состоянія", „сперва безпрерывными несогласіями самихъ владѣльцевъ, а впослѣдствіи неправильными дѣйствіями ихъ опекуновъ и управляющихъ, людей по преимуществу совершенно незнакомыхъ съ техникою„. А между тѣмъ, по словамъ того же г. Максутова, „находясь въ центрѣ Россіи, обладая всѣми удобствами воданого и сухопутнаго сообщенія съ главнѣйшими рынками и центрами потребленія желѣзныхъ издѣлій, и столь щедро одаренные какъ обширными скопами воды, такъ и громадными запасами лѣсовъ и рудъ, прекраснѣйшихъ качествъ, заводы эти могли бы играть одну изъ первыхъ ролей въ ряду русской заводской промышленности".

Но желѣзное дѣло состоитъ собственно изъ двухъ различныхъ операцій: обработки рудъ и ихъ добыванія изъ земли. Мы уже видѣли, какое громадное значеніе имѣютъ усовершенствованія въ заводскихъ операціяхъ; не меньшее значеніе должны имѣть и усовершенствованія въ способахъ добыванія: какого бы совершенства ни достигла выплавка и передѣлка рудъ, собственно заводское дѣло, желѣзная промышленность все-таки не можетъ принять сколько-нибудь значительные размѣры, если недостаточно добывается руды, не говоря уже о томъ случаѣ, когда ея совсѣмъ нѣтъ; — а потому понятно, что усовершенствованія, обусловливающія полученіе бо́льшаго количества рудъ при меньшей затратѣ средствъ и труда, имѣютъ также чрезвычайное значеніе. Поэтому въ западной Европѣ и эта часть горно-заводской дѣятельности не была забыта, и собственно ру́дное дѣло тоже достигло извѣстной степени совершенства: паровыя силы, воздухонагнетательныя машины и наиболѣе удобная вентиляція, подземныя рельсовыя сообщенія, хорошее, безопасное освѣщеніе, наиболѣе выгодная распланировка разработокъ,—все это въ полномъ ходу за границей, все это даетъ возможность основанію цѣлыхъ подземныхъ поселеній съ своимъ своеобразнымъ хозяйствомъ, и нисколько не вредитъ обыкновенной дѣятельности наземныхъ жителей, почва ко-

торыхъ остается въ своемъ первоначальномъ видѣ, и пользованіе ею не дѣлается затруднительнѣе.

Посмотримъ теперь ближе, въ какомъ состояніи находится у насъ эта часть горнозаводской промышленности въ одномъ изъ ея значительныхъ районовъ, а именно, въ замосковскомъ краѣ.

Имѣя не такъ давно порученіе произвести геологическое изслѣдованіе юговосточной части владимірской губерніи и смежныхъ съ нею уѣздовъ другихъ губерній, я посѣтилъ почти всѣ открытыя рудныя мѣсторожденія во владимірской губерніи и прилежащихъ частяхъ нижегородской и тамбовской губерній [1]), и лично познакомился съ состояніемъ рудныхъ разработокъ въ этихъ мѣстностяхъ.

Горнозаводская дѣятельность замосковскаго края (въ особенности осмотрѣннаго района) вполнѣ заслуживаетъ внимательнаго отношенія по нѣсколькимъ очень важнымъ причинамъ: 1) По географическому положенію этого края вообще, а разсматриваемой нами мѣстности въ особенности: вблизи торговыхъ центровъ и удобныхъ путей сообщеній и почти въ срединѣ каменноугольнаго бассейна. Послѣднее обстоятельство въ данномъ случаѣ особенно важно, такъ какъ здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь слѣдуетъ позаботиться о водвореніи плавки чугуна на коксѣ: „здѣсь мануфактурная промышленность, по выраженію г. Скальковскаго, пустила корни и значительный сбытъ здѣсь металловъ и издѣлій изъ нихъ вполнѣ обезпеченъ и безъ сомнѣнія будетъ еще быстро возрастать. Между тѣмъ дрова тамъ дорожаютъ и чугуно-плавильные заводы замѣтно каждый годъ сокращаютъ свое дѣйствіе“. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что сокращеніе дѣятельности заводовъ обусловливается также, а можетъ быть и главнымъ образомъ, еще другими причинами; но тѣмъ не менѣе истребленіе нѣкогда громадныхъ здѣшнихъ лѣсовъ становится рѣзко замѣтнымъ и тоже угрожаетъ немаловажною опасностію для края. 2) По экономическому значенію горнозаводскаго промысла для срав-

---

[1]) Мною осмотрѣны были: 1) во владимірской губ. разработки, находящіяся: въ с. Панфиловѣ (близъ Мурома) и его окрестностяхъ, гдѣ добывались руды еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, а оттуда руды теперь идутъ, преимущественно, на кулебаковской заводъ; нѣсколько времени тому назадъ производились небольшія разработки еще около Дмитріевской и Акимовской слободы (къ сѣверу отъ г. Мурома); затѣмъ въ окрестностяхъ дер. Кошкиной; далѣе—дер. Бѣлково и дер. Яслевой, и наконецъ отъ с. Архангельскаго (близъ верхне-унжинскаго завода) до г. Меленки; отсюда руда поступаетъ на выксунскій заводъ; давно оставленныя разработки находятся между прочимъ у с. Войтина, дер. Урюсово и др.; 2) въ нижегородской губ.—на всемъ пространствѣ отъ с. Досчатаго (заводъ) до с. Выксы; 3) въ тамбовской губ.—у дер. Знаменки и д. Ананьево, изъ оставленныхъ—въ окрестностяхъ г. Елатьмы и у д. Есипенки.—Очеркъ исторіи заводской дѣятельности въ этомъ краѣ можно найти въ „Нижегород. губ. вѣдомостяхъ“ 1845 г., № 4.

нительно густого населенія этихъ мѣстностей. Значеніе это легко можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ данныхъ: въ ардатовскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи, напримѣръ, горнозаводскимъ дѣломъ было занято, судя по сообщеніямъ „Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ", въ 1858 году 10 тысячъ человѣкъ, да въ меленковскомъ уѣздѣ владимірской губерніи только въ рудникахъ работаетъ до 1 тысячи человѣкъ [1]). Кромѣ того, горнозаводская производительность обусловливаетъ другія мѣстныя промышленности: кузнечное и стально-слесарное производство, которымъ по всей нижегородской губерніи, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, занимается не менѣе 70 тысячъ человѣкъ; въ одномъ же горбатовскомъ уѣздѣ надъ стальными и слесарными издѣліями трудится около 10 тысячъ человѣкъ, сосредоточенныхъ преимущественно около получившихъ общую извѣстность селъ Ворсмы и Павлова. Это производство распространилось и въ прилежащей части муромскаго уѣзда (владимірской губерніи), гдѣ кузнечно-слесарное мастерство составляетъ главный промыселъ мѣстнаго населенія, въ особенности нѣкоторыхъ пунктовъ, напримѣръ, Зябликовскаго погоста, села Варежъ и др.; такъ, уже въ 1852 году изъ 4 тысячъ ревизскихъ душъ багратіоновской волости этимъ производствомъ было постоянно занято 720 человѣкъ. Сверхъ того, мѣстные заводы даютъ матеріалъ для производства косъ и серповъ, занимающаго тоже не малое количество рукъ, какъ это видно изъ того, что только постоянныхъ, коренныхъ серповщиковъ насчитывалось въ 50-тыхъ годахъ 1,200 человѣкъ, а сколько было при этомъ временныхъ помощниковъ и объѣзчиковъ! Не меньше народа занимается производствомъ косъ и другихъ кузнечныхъ издѣлій, напримѣръ, сошниковъ и проч. Но вмѣстѣ съ развитіемъ разныхъ видовъ желѣзной промышленности, въ этихъ мѣстностяхъ пренебрегается другая чрезвычайно важная статья для народнаго благосостоянія: сельское хозяйство, которое ведется кое-какъ или даже совсѣмъ забрасывается. 3) Наконецъ, по количеству даже теперь доставляемаго ими чугуна, которое въ 1872 году, при общей производительности Россіи съ небольшимъ 24 милліоновъ пудовъ, составляло для всѣхъ замосковныхъ заводовъ болѣе $3\frac{1}{2}$ милліоновъ пудовъ, т.-е. въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ было доставлено въ томъ же году всѣми казенными уральскими заводами.

Заводы осмотрѣннаго мною края переплавляютъ мѣстныя руды,

[1]) Въ 1847 г. крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ московскаго горнаго правленія, числилось 30,628 душъ мужского пола (по 8 рев. 27,633); изъ нихъ къ гусевскому заводу (владимірской губерніи) принадлежало 3,773 (по 8 рев.—3,212), къ выксунскому—8,178 (по 8 рев.—7,523), илевскому—1,983 (1802), къ ереминскому—2,686 2,246), а всего 16,620 (по 8 рев.—14,783).

которыя являются здѣсь или поверхностными, сравнительно бѣдными и глинистыми, или же коренными, залегающими на бо́льшей глубинѣ и отличающимися особенно-хорошими качествами, а потому и наиболѣе цѣнными для заводовъ. Эти послѣднія руды въ бо́льшемъ количествѣ и съ давнихъ поръ добываются въ муромскомъ и меленковскомъ уѣздахъ владимірской губерніи, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нижегородской губерніи; онѣ бываютъ двухъ видовъ: бѣлыя, шпатистыя руды или сферосидериты и, такъ-называемыя, желтыя или красныя руды,—бурые желѣзняки, которые въ сущности составляютъ продукты позднѣйшихъ измѣненій первыхъ рудъ. Содержаніе желѣза въ нихъ среднимъ числомъ можетъ быть принято отъ 48 до 50 процентовъ, хотя въ отдѣльныхъ кускахъ оно значительно измѣняется, а именно отъ 27 до 54 процентовъ. Кромѣ того, руды эти легко-плавки и почти не содержатъ вредныхъ примѣсей, какъ это можно видѣть изъ средняго состава ихъ, по обжигѣ:

угольной кислоты	30,70 %
желѣзной окиси	51,80 —
марганцовой окиси	1,20 —
извести	4,20 —
магнезіи	2,50 —
глины	9,60 —
	100 —

Къ коренным же рудамъ принадлежатъ также и залегающія въ юрской формаціи, но эти послѣднія являются небольшими гнѣздами или пропластками, небогаты содержаніемъ желѣза и къ тому же фосфористы,—обстоятельство, которое дѣлаетъ желѣзо *холодно-ломкимъ;* поэтому, въ виду всѣхъ этихъ невыгодныхъ условій, разработка юрскихъ рудъ въ настоящее время оставлена.

Такимъ образомъ, всѣ заводы описываемой мѣстности, заводы въ суммѣ очень значительные (выксунскій, сновѣдскій, кулебакскій, верхне- и нижне-унженскій, гусевскій, карачаровскій, мердушинскій), выплавлявшіе въ 1872 году слишкомъ 1 милліонъ пудовъ чугуна, пользуются главнымъ образомъ указанными коренными рудами, которыя расходуются этими заводами въ количествѣ около 3 милліоновъ пудовъ.

Но тѣмъ не менѣе условія залеганія этихъ рудъ остаются до сихъ поръ неизвѣстными, и никто не заботится объ изученіи ихъ и вообще объ изслѣдованіи этого вопроса, съ цѣлію поставить самое дѣло болѣе раціональнымъ образомъ. Слѣдствіемъ же такого небреженія является практикованіе до настоящаго времени первобытнаго способа рудныхъ разработокъ и вообще этой отрасли промышленности.

До сихъ поръ заводы существуютъ сами по себѣ, рудныя разработки— сами по себѣ, и потому эти двѣ неразрывно-связанныя части одного цѣлаго относятся другъ другу какъ торговецъ къ покупателю, какъ эксплуататоръ къ эксплуатируемому; а изъ такихъ непріязненныхъ отношеній вытекаетъ сама собою невыгодность обѣихъ сторонъ.

Чтобы представить болѣе точную картину, я опишу положеніе этого дѣла въ томъ видѣ, какъ я засталъ его лѣтомъ 1875 года.

Первымъ обстоятельствомъ, поразившимъ меня, было то, что нигдѣ въ описываемой мѣстности, несмотря на значительное число чугуно-плавильныхъ заводовъ, не считая уже желѣзодѣлательныхъ, не оказалось спеціально-образованнаго человѣка, изучившаго геологическія условія мѣстности и залегающихъ здѣсь рудъ; правда, на нѣкоторыхъ заводахъ находятся техники, преимущественно иностранцы, занимающіеся собственно заводскимъ производствомъ, но и эти являются здѣсь какъ-бы роскошью, такъ какъ иные заводы довольствуются и въ этомъ отношеніи десятскими изъ крестьянъ. — Относительно же руднаго дѣла, здѣшніе заводы ограничиваются тѣмъ, что нанимаютъ какого-нибудь крестьянина, практически знакомаго съ мѣстною рудою и ея разработкою, и поручаютъ ему пріемку руды. Затѣмъ, когда въ какой-либо мѣстности пріищется руда, разумѣется, случайно, то заводъ черезъ этого пріемщика или отдѣльнаго агента арендуетъ право на разработку этой руды. Условія аренды бываютъ, понятно, до нѣкоторой степени различны, но обыкновенно, если руда пріискалась на крестьянскихъ угодьяхъ, то заводъ выплачиваетъ за право разработки всѣ крестьянскія повинности. Это дѣлается впрочемъ тамъ, гдѣ руда лучшихъ достоинствъ и если заводъ особенно сильно хлопочетъ обезпечить себя рудою; въ другихъ же случаяхъ заводъ не принимаетъ на себя и этихъ хлопотъ, а просто ограничивается покупкою добытой крестьянами руды.

Когда мѣсто такимъ образомъ арендовано, тогда заводъ отдаетъ желающимъ крестьянамъ право на разработку съ тѣмъ условіемъ, что вся добытая руда поступаетъ за извѣстную плату (сравнительно небольшую, отъ 15 до 30 р. за 1000 пуд.) исключительно на этотъ заводъ.—Приступая къ разработкѣ, крестьяне соединяются по нѣскольку человѣкъ (3 или 4, иногда больше) и закладываютъ дудку на свой страхъ, по ихъ выраженію, т.-е. найдутъ руду—будутъ съ барышами, не найдутъ—проѣдятся и послѣднюю корову со двора сведутъ.—„Страхъ" этотъ, понятно, бываетъ еще рискованнѣе, когда закладываютъ дудки не на арендованныхъ мѣстахъ, а тамъ, гдѣ только оказалась руда, и такимъ образомъ приходится еще убѣдиться въ благонадежности пріисканнаго руднаго мѣсторожденія, прежде чѣмъ какой-либо заводъ арендуетъ его. Самая разработка производится здѣсь помощію *дудокъ*,

которыя употреблялись еще въ XVII вѣкѣ и которыя суть не что иное, какъ узкія, круглыя или четырехугольныя шахты съ діаметромъ едва достаточнымъ, чтобы опуститься одному человѣку. Глубина этихъ дудокъ бываетъ различна, смотря по тому, на какой глубинѣ залегаетъ рудный слой, но никогда ее не ведутъ глубже саженъ 15-ти, потому что глубже „воздухъ спертъ—свѣча не горитъ" и рабочіе не рѣшаются углубляться еще болѣе. Такая незначительная ширина дудокъ объясняется съ одной стороны тѣмъ, что крестьяне не хотятъ задаромъ, по ихъ мнѣнію, копать лишнюю землю, когда и въ такую дудку пролѣзть можно, съ другой же тѣмъ, что при большихъ размѣрахъ потребовались бы и лучшія скрѣпленія, и больше матеріала на нихъ, а это часто бываетъ не по средствамъ крестьянъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же размѣры влекутъ за собою и очень большія затрудненія; нужно представить себѣ, какой трудъ прорыть 15 саженъ, находясь постоянно въ изогнутомъ положеніи, упираясь головою въ одну стѣну, а спиною въ противоположную, и работая лопатою съ коротенькой ручкой, такъ какъ лопату съ обыкновенною здѣсь и повернуть нельзя! Но, наконецъ, предварительныя работы окончены, и труды крестьянъ-рудокоповъ увѣнчались не разореніемъ, а успѣхомъ: они „напали" на слой руды. Но и тутъ приходится выносить еще болѣе тяжкій, хоть и окупающійся до нѣкоторой степени трудъ. Руда залегаетъ обыкновенно большими глыбами, составляющими не толстый слой среди глинистыхъ, рѣже известковыхъ породъ. Поэтому крестьяне, избѣгая лишняго труда, ограничиваются выборкою почти исключительно самаго слоя руды и устраиваютъ такимъ образомъ ходы, въ которыхъ выбирается руда, до такой степени низкіе, что работаютъ киркою большею частію на колѣняхъ и даже согнувшись.

Постоянно находиться на такой работѣ—трудъ дѣйствительно почти невыносимый! О правильности же этихъ боковыхъ ходовъ и говорить нечего: они узки, извилисты, направляются куда попало, гдѣ показалось больше руды, и представляютъ болѣе просторное мѣсто только около дудки, куда сносится выломанная руда, гдѣ грузится она въ ушаты и откуда извлекается въ этихъ послѣднихъ на поверхность. Въ случаѣ, если слои, содержащіе руду, оказались обильными водою, тогда устроиваются въ этомъ расширенномъ мѣстѣ предохранительные колодцы, куда и стекаетъ эта вода [1]); съ обыкновенною же, довольно значительною сыростью, присущею глинистымъ слоямъ, сопровождающимъ руду,—рабочіе уже давно помирились и ни-

[1]) Если же воды окажется очень много, и не успѣваютъ отливать ее ушатами, то разработка прекращается, и затраченный трудъ пропадаетъ.

сколько не обращаютъ вниманія на то, что ихъ колѣни уходятъ въ размокшую глину, что имъ приходится вдыхать не столько воздуха, сколько водяныхъ паровъ. Къ довершенію всѣхъ этихъ удобствъ, они работаютъ почти въ темнотѣ, такъ какъ болѣе совершеннаго освѣщенія, какъ одна чуть мерцающая сальная свѣча въ обыкновенномъ фонарѣ съ закоптѣвшими стеклами, они не знаютъ; сосѣди же ихъ, работающіе на гипсовыхъ ломкахъ, даже и этой роскоши себѣ не позволяютъ, а обходятся для этой цѣли съ одною лучиною. Что касается до способовъ извлеченія руды на поверхность, то въ этомъ отношеніи здѣсь довольствуются нашимъ доморощеннымъ ушатомъ небольшихъ размѣровъ и издревле завѣщаннымъ намъ горизонтальнымъ ручнымъ воротомъ, т.-е. небольшимъ валомъ, лежащимъ горизонтально на двухъ подставкахъ и съ двумя на-крестъ сквозь него проходящими палками,—снарядомъ, который можно встрѣтить чуть ли не во всякой деревнѣ надъ любымъ колодцемъ. Къ этому вороту прикрѣпляется веревка, къ концу которой привязана за средину небольшая палка; палка эта продѣвается въ ушки ушата, который такимъ образомъ опускается въ дудку и затѣмъ, по наполненіи его рудою и по свистку, извлекается снова наружу. При воротѣ обыкновенно находятся два человѣка; остальные же, составляющіе артель, работаютъ подъ землею, добываютъ руду; но такъ какъ эти двѣ работы далеко не одинаковы по трудности, то при воротѣ остаются поочереди; чередованія не бываетъ въ томъ случаѣ, когда вытаскиваніемъ руды занимаются женщины или подростки. Кромѣ всѣхъ этихъ неудобствъ, медленно убивающихъ рабочій людъ, присоединяются и болѣе рѣзкія опасности: въ ходахъ, изъ которыхъ добывается руда, скрѣпы устраиваются тоже кое-какъ, возможность обрушиться для покрывающихъ руду породъ и придавить находящихся подъ ними рабочихъ—всегда существуетъ. Сверхъ всего этого, сами рабочіе часто подрываютъ другъ у друга выгодность дѣла; такъ, напр., если какая-нибудь артель напала, наконецъ, на хорошій слой, то другая артель, вмѣсто поисковъ въ выборѣ мѣста и риска заложить пустую (т.-е. не содержащую руды) дудку, закладываетъ ее подлѣ дудки первой артели, вслѣдствіе чего руда, который достало бы для одной дудки на значительное время и на долю этой артели пришелся бы хорошій заработокъ, теперь истребится скорѣй и заработокъ раздѣлится уже между двумя и даже болѣе артелями; послѣ чего приходится снова выбирать мѣсто и закладывать новую дудку, затрачивать новый трудъ, чего не нужно было бы, если бы не явились непрошенные помощники.

Вотъ въ общихъ чертахъ то состояніе рудныхъ разработокъ, въ какомъ я засталъ ихъ прошлымъ лѣтомъ, — и какое сохраняется съ рѣдкимъ постоянствомъ уже болѣе столѣтія, почти съ начала завод-

своей дѣятельности въ этой мѣстности; правда, съ тѣхъ поръ произошли нѣкоторыя измѣненія, но они настолько сравнительно незначительны, что въ общемъ способъ разработокъ остается тотъ же самый.

Такъ, въ 1768 году, во время посѣщенія этой мѣстности знаменитыми путешественниками Лепехинымъ и Палласомъ, членами извѣстной коммиссіи, снаряженной императрицею Екатериною II, разработки руды производились здѣсь (въ окрестностяхъ выксунскаго завода по рѣчкѣ Вешонкѣ) также дудками и также неправильно. „Рабочіе,—по описанію Палласа,—накопаютъ повсюду и на удачу большое количество дыръ, не давая при этомъ себѣ труда ни устроить подпоры, ни защитить срубами колодцы, изъ которыхъ они извлекаютъ руду; такимъ образомъ они не только получаютъ увѣчья, но даже раздавливаются происходящими обвалами“.

Уже 40 лѣтъ тому назадъ графъ Кутайсовъ, вступивши въ управленіе всѣми заводами Шепелевыхъ, которымъ принадлежала бо̀льшая часть заводовъ описываемой мѣстности, „немедленно замѣтилъ всю странность застигнутаго здѣсь разработыванія рудъ, равно и то было замѣчено графомъ, что отнюдь не рудныя положенія виною всей безпорядочности работъ, а прямо самый способъ добыванія рудъ, ни на какомъ хозяйственномъ разсчетѣ не основанный“. Поэтому, смотря на „горное производство, какъ на дѣло, составляющее собою основаніе заводскому“, онъ „обратился къ главноуправляющему корпусомъ горныхъ инженеровъ съ просьбою о прикомандировкѣ къ округу заводовъ гг. Шепелевыхъ горнаго чиновника, для введенія разработокъ правильныхъ и болѣе хозяйственныхъ“. Вслѣдствіе этого былъ командированъ туда извѣстный изслѣдователь г. Оливьери, который, по разсмотрѣніи практиковавшагося способа рудныхъ разработокъ, пришелъ относительно состоянія ихъ къ заключенію, что „вся безпорядочность и не та разсчетливость выксунскаго горнаго производства, какую иногда употребить бы можно, сколько мною замѣчено, именно происходитъ отъ того, что столь обширная часть, какова здѣсь рудная, не имѣетъ здѣсь ни одного знающаго руководителя. И дѣйствительно, все, что̀ до рудныхъ работъ относится, какъ напримѣръ, до способа ихъ расположенія, выемки рудъ, крѣпленія и тому подобнаго,—все дѣлается здѣсь не вслѣдствіе предначертанія, впередъ разсчитаннаго, и не по указанію одного, а непосредственно по произволу самихъ рабочихъ“. Такое веденіе дѣла отражалось на цѣнности руды, которая иногда доходила до 30 коп. за пудъ, такъ что владѣльцы заводовъ, „чтобы по мѣрѣ возможности избѣжать ихъ убыточныхъ послѣдствій, были въ необходимости мѣстами добываніе сферосидеритовъ (т.-е. лучшихъ рудъ) лѣтъ на нѣсколько совсѣмъ

пріостановить; съ умаленіемъ же количественнаго пріобрѣтенія сферосидеритовъ встрѣчалась опять потеря, состоявшая въ томъ, что въ проплавкѣ рудъ однѣхъ красныхъ (глинистыхъ, менѣе богатыхъ), безъ достаточной примѣси сферосидеритовъ, начали примѣтно понижаться проценты на чугунъ [1]), а отъ того и самая выдѣлка чугуна становилась гораздо менѣе".

Въ какомъ видѣ горное производство находилось у насъ 40 лѣтъ тому назадъ, въ такомъ же положеніи оно осталось и до сихъ поръ, несмотря на громадный прогрессъ, сдѣланный съ того времени наукою и техникой, несмотря на сильныя измѣненія нашихъ соціальныхъ условій, на важныя реформы послѣднихъ лѣтъ, отразившіяся на всемъ строѣ нашей жизни.

Такое веденіе дѣлъ, несогласное ни съ чѣмъ, поддерживается повидимому нашею любовью къ старинѣ, нашею закоснѣлостію въ привычкахъ, отъ которыхъ, по общераспространенному мнѣнію, нашъ рабочій людъ, не взирая на всѣ неудобства и невыгоды, очень неохотно отказывается. Но возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, отказаться въ данномъ случаѣ?! Почва недостаточно производительна, а при нашей обыкновенной обработкѣ почти даже не вознаграждаетъ потраченный на нее трудъ, между тѣмъ ее все-таки нужно оплачивать, нужно жить самому и содержать семью, нужно отбывать извѣстныя общественныя повинности, слѣдовательно, необходимо имѣть заработокъ помимо обработки земли. Гдѣ же и въ чемъ искать этотъ заработокъ? еще найдешь ли его? а тутъ есть заработокъ, какой бы онъ ни былъ, все-таки уже испытанный; остается приняться за него. Дойти до болѣе раціональнаго производства этого дѣла крестьянинъ-рабочій никоимъ образомъ не можетъ, перенять же, позаимствоваться ему не отъ кого; никакого примѣра передъ нимъ не существуетъ; стало быть, приходится вести это дѣло такъ, какъ оно ведется искони, и терпѣть всѣ тѣ же неудобства и лишенія, съ которыми онъ также искони свыкся.

Желѣзная промышленность въ замосковскомъ краѣ водворилась въ отдаленныя времена, и уже въ описи имуществъ царя Ивана Васильевича Грознаго за 1582—83 годъ, значится: „*клепокъ муромскій*, черенъ серебрянъ, рѣзанъ съ чернью, мѣсты золоченъ, *отъ желѣза* и сверху околъ дѣланъ сканью". Затѣмъ, при устройствѣ заводовъ въ прошломъ столѣтіи къ нимъ были приписаны крестьяне, которые и занимались исключительно руднымъ производствомъ, за что въ тридца-

[1]) При проплавкѣ однѣхъ красныхъ глинистыхъ рудъ получалось, по показаніямъ Оливьери, не болѣе 36% чугуна; при смѣшеніи же этихъ рудъ съ одною третью сферосидеритовъ (бѣлыхъ рудъ) количество чугуна достигало 40 и 45 процентовъ.

тыхъ годахъ получали съ пуда руды отъ 5 до 7 копѣекъ [1]). Такимъ образомъ, извѣстная масса народа въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній совершенно свыклась съ этимъ руднымъ производствомъ и порядкомъ, перенятымъ отъ прадѣдовъ. Измѣнять же промыселъ и отвыкать отъ вкоренившихся привычекъ, нашъ народъ не только не любитъ, но часто и не можетъ: всѣ, напримѣръ, въ Поволжьѣ сознаютъ, что лямку тянуть въ настоящее время невыгодно, что барышей, кромѣ разбитаго здоровья, никакихъ домой не приносишь, а между тѣмъ все-таки ежегодно массы людей идутъ на эту работу, такъ какъ „и отцы ихъ, и дѣды, и прадѣды ходили, да и сами съ измальства къ этому привыкли". Въ этомъ выраженіи заключается, по моему мнѣнію, болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда: народъ высказываетъ этимъ, что онъ — пока не имѣетъ возможности дѣйствовать иначе, какъ почти исключительно по навыку,—а въ то же время поступать на-обумъ, производить различныя попытки на удачу, рисковать болѣе чѣмъ непроизводительно, затратить свое время и свой трудъ онъ, по своему матеріальному положенію, ни въ какомъ случаѣ не можетъ; слѣдовательно, и остается идти по стопамъ отцовъ. Такъ и поступаютъ рудокопы, т.-е. занимающіеся рудною разработкою. Но мы такъ поступать и такъ разсуждать не имѣемъ права, а потому посмотримъ, какія послѣдствія влечетъ за собою утвердившійся здѣсь порядокъ веденія дѣла [2]). Можно смѣло сказать, что отъ него страдаютъ всѣ, имѣющіе отношеніе къ нему: рабочіе, заводы, мѣстные поселяне, наконецъ, самая производительность, наше рудное богатство.

Что страдаютъ рабочіе, въ этомъ, послѣ описаннаго способа разработокъ, сомнѣваться невозможно, и я невольно вспоминаю при этомъ слова одного мѣстнаго жителя, сказанныя, правда, по поводу гипсовыхъ разработокъ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ примѣнимыя и къ данному случаю; онъ выразился, что „здѣшній народъ живетъ хуже каторжниковъ; въ Сибирь ссылаютъ преступниковъ и все-таки сколько-нибудь заботятся о нихъ; у насъ же самъ народъ идетъ на тѣ же каторжныя работы, и до него никому дѣла нѣтъ, а если и думаютъ, то только о томъ, чтобы возможно больше соблюсти

---

[1]) По словамъ Лепехина, заводы, кромѣ приписныхъ къ нимъ крестьянъ, имѣли еще „много наемщиковъ изъ окрестныхъ деревень". При этомъ „вольные рудокопатели въ дѣловую пору получаютъ на день по 8 копѣекъ, а въ другое время по пяти". И послѣ этого заводы не обходились одними приписными крестьянами, такъ что къ приведенной выше цифрѣ нужно прибавить еще значительное число вольнонаемныхъ работниковъ.

[2]) Этотъ порядокъ не ограничивается, кажется, одною осмотрѣнною мною мѣстностію, но имѣетъ, къ сожалѣнію, несравненно бо́льшее распространеніе.

своихъ собственныхъ выгодъ на счетъ ихъ труда". Понятно, что здоровье, благосостояніе, нравственность рабочихъ—все приносится въ жертву привычкамъ, а это, несомнѣнно, отражается на всемъ государственномъ хозяйствѣ. Иногда, дѣйствительно, рудныя работы доставляютъ видимо хорошій заработокъ, и привлекаютъ такимъ образомъ новыя рабочія силы, но со сколькими незамѣтными на взглядъ жертвами сопрягается онъ: разбивается здоровье, сокращается жизнь, получается отвычка отъ дома, нарушается домовитость, запускается хозяйство, развивается пьянство, какъ потребность на время отдыха послѣ такого тяжкаго, полнаго лишенія труда, и развратъ, какъ слѣдствіе пришлаго мужского населенія, оторваннаго отъ семьи, и пр. и пр., не говоря уже о возможности полнаго разоренія, въ случаѣ неудачи, заложенія нѣсколькихъ пустыхъ дудокъ, или, когда добытая руда окажется сравнительно плохою и не идетъ съ рукъ.

Земское управленіе, какъ представитель мѣстнаго населенія, должно заботиться объ интересахъ его, объ упроченіи его благосостоянія; оно и заботится, оно принимаетъ различныя мѣры къ сохраненію народнаго здравія, къ распространенію народнаго образованія и пр. и пр., но въ то же время оно, повидимому, совершенно игнорируетъ такой важный въ народной жизни факторъ, какъ мѣстный заработокъ, оно не обращаетъ никакого вниманія на его печальное состояніе, ничего не предпринимаетъ къ улучшенію этого состоянія; а между тѣмъ всѣ другія мѣропріятія остаются не болѣе какъ палліативомъ, не приносящимъ существенной, ожидаемой пользы. Обратить же на это серьёзное вниманіе тѣмъ болѣе нужно, что страдаютъ не только рабочіе, но мѣстные жители, не разработывающіе руды, но отдающіе свои земли подъ разработку. Все пространство этихъ разработокъ, иногда въ нѣсколько десятковъ и даже сотенъ десятинъ, обезображивается, перерывается самымъ неправильнымъ образомъ [1]). Не только во время самыхъ разработокъ земля эта пропадаетъ для мѣстныхъ жителей совершенно непроизводительно, но она остается непроизводительною и много лѣтъ спустя послѣ разработокъ. Я видѣлъ мѣстности, гдѣ уже давно прекращены разработки,

---

1) Такъ, по словамъ Н. Дубенскаго, занимавшагося въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ статистическимъ описаніемъ владимірской губерніи, между с. Карачаровымъ и Панфиловымъ занята была, въ 50-хъ годахъ, разработками 1 тысяча десятинъ; разработки продолжаются и до сихъ поръ: какое, слѣдовательно, пространство земли испорчено ими! Сверхъ того, въ Меленковскомъ уѣздѣ, въ верховьяхъ Унжи, подъ разработками находилась, по словамъ того же автора, площадь въ 10 тысячъ десят. А всего въ губерніи — въ меленковскомъ и муромскомъ уѣздахъ ими занято было тогда около 50 тыс. десятинъ; но эта цифра, впрочемъ, какъ кажется, преувеличена и, во всякомъ случаѣ, ничѣмъ не мотивирована.

но онѣ и до сихъ поръ до такой степени покрыты всевозможными ямами, рытвинами, кучами нижележащихъ породъ и мусора, буграми и т. п., что обработка земли даже въ настоящее время почти совершенно невозможна. Соблазнительною для крестьянъ является сравнительно значительная арендная плата во время разработокъ; но если принять въ соображеніе слѣдующую затѣмъ негодность земли, новый довольно большой трудъ для приведенія ея поверхности въ сколько-нибудь удобный для обработки видъ, и уменьшеніе ея производительности, даже при этомъ условіи, на продолжительный промежутокъ времени оттого, что она покрылась слоемъ то болѣе, то менѣе толстымъ вязкой глины, руднаго мусора, камнями, а иногда и колчеданомъ,—если принять все это въ разсчетъ, то едва ли какія-либо выгоды останутся на сторонѣ владѣльцевъ арендованныхъ земель. Такая неразсчетливость объясняется, быть можетъ, отчасти свойствами самой почвы, вызвавшими такое нежелательное небреженіе къ землѣ, развитіе отхожихъ промысловъ, расширеніе фабричной дѣятельности. Но тѣмъ не менѣе совсѣмъ въ иныхъ условіяхъ находились бы эти владѣльцы, если бы разработка производилась правильно, когда поверхность почвы, быть можетъ, и была бы изрыта, но за то сравнительно на очень маломъ районѣ; остальное же пространство было бы производительно и могло быть обработываемо даже во время самыхъ разработокъ руды подъ землею. При этомъ происходило бы, понятно, также и сокращеніе труда для рабочихъ, обязанныхъ засыпать свои безчисленныя дудки, не изымались бы на много лѣтъ изъ оборота продукты поверхностной почвы, и не подвергались бы опасности мѣстные жители и ихъ скотъ попасть на каждомъ шагу, хотя и въ засыпанную, но отъ осѣвшей земли уже снова сильно углубившуюся дудку.

Что касается самихъ заводовъ, то и ихъ положеніе не можетъ считаться выгоднымъ, желательнымъ. Достаточно того, что всѣ они находятся подъ постояннымъ опасеніемъ остаться безъ руды, а вслѣдствіе этого прекратить работу и потерпѣть громадные убытки. Поэтому они вынуждены сколько возможно болѣе запасать руды, и чѣмъ бо́льшее количество руды будетъ запасено, тѣмъ долѣе обезпечена дѣятельность завода. Но большіе запасы руды на долгій періодъ времени не могутъ считаться выгодными въ финансовомъ отношеніи: капиталъ, затраченный на это, долгое время остается безъ обращенія и не приноситъ никакой пользы, не говоря уже о другихъ расходахъ, связанныхъ съ сбереженіемъ этихъ запасовъ. Кромѣ того, приходится получать руду откуда ни попало, гдѣ только она какъ-нибудь пріискалась и гдѣ удалось заводу ее заарендовать, причемъ не рѣдко случается возить ее, гужомъ, по нашимъ проселоч-

нымъ дорогамъ верстъ за 50 и болѣе, а это, несомнѣнно, значительно возвышаетъ ея стоимость. Всѣ эти неудобства, кромѣ того, приводятъ заводы къ косвенной, не дѣлающей имъ чести конкурренціи: каждый заводъ заботится заарендовать поудобнѣе для себя болѣе выгодныя изъ вновь открывающихся рудныхъ мѣсторожденій, а потому хлопочетъ устроить сдѣлку ранѣе, чѣмъ провѣдаютъ объ этомъ другіе заводы; вслѣдствіе этого являются у заводовъ различные агенты, изъ такъ-называемыхъ кулаковъ, которые устраиваютъ свои дѣлишки отчасти на счетъ выгодъ завода, а главнымъ образомъ на счетъ мѣстнаго населенія и рабочаго люда. Послѣ всего этого не удивительно видѣть, что заводъ получаетъ руду за нѣсколько десятковъ верстъ, тогда какъ руда близьлежащаго мѣсторожденія идетъ на другой заводъ, находящійся тоже на значительномъ разстояніи отъ него. Это неэкономическое положеніе дѣла невольно напоминаетъ слова г. Скальковскаго, который главную причину застоя нашего горнаго промысла видѣлъ въ томъ, „что главнѣйшіе заводы находились или въ казнѣ, которая повсюду признана плохимъ хозяиномъ, или въ рукахъ лицъ, старавшихся, не заботясь ни о какихъ улучшеніяхъ, съ возможно малыми затратами извлечь возможно бóльшій доходъ, употреблявшійся непроизводительно". „Основанный на обязательномъ трудѣ, этой экономической аномаліи, нашъ горный промыселъ могъ держаться кое-какъ въ прежнемъ положеніи, при помощи запретительныхъ тарифовъ и всякихъ поддержекъ; но реформа 19 февраля разрушила несолидное основаніе и произвела въ полномъ смыслѣ промышленный кризисъ. Новая эпоха потребовала не только введенія болѣе усовершенствованныхъ техническихъ пріемовъ, но и болѣе разумной, основанной на здравыхъ экономическихъ соображеніяхъ, эксплуатаціи". Но вотъ, прошло съ тѣхъ поръ 12 лѣтъ (слова эти были сказаны въ 1863 году), а положеніе дѣла едва ли значительно улучшилось и оправдало справедливость ожиданія г. Скальковскаго; по крайней мѣрѣ, въ посѣщенной мною заводской мѣстности общее измѣненіе соціальнаго строя отразилось на заводахъ развѣ только тѣмъ, что заводы эти изъ рукъ богатыхъ и именитыхъ русскихъ бояръ перешли во владѣніе къ неименитымъ купцамъ или къ иностраннымъ компаніямъ, для которыхъ интересы мѣстнаго русскаго населенія и вообще нашего государственнаго хозяйства, по меньшей мѣрѣ, не имѣютъ никакого значенія. Едва ли можно считать это положеніе нормальнымъ.

Результатомъ всего этого было то, что иные заводы временно или навсегда прекращаютъ свою дѣятельность. Такъ, еще въ 1768 году прекращалъ свою работу карачаровскій заводъ (близъ г. Мурома), принадлежавшій тогда графу Шереметеву. Причиною этому было

уменьшеніе лѣса и „пересѣкшаяся, по словамъ Лепехина, руда“; по описанію же Палласа, виною этому было „дурное качество руды, къ сожалѣнію изобилующей въ окрестности“. Въ настоящее время на нѣкоторыхъ заводахъ тоже остановлены работы, какъ, напр., на верхнеунженскомъ (наслѣдниковъ Баташова), руда изъ окрестностей котораго идетъ на Выксу, и какъ недавно еще было на кулебакскомъ; другіе едва дѣйствуютъ, сократнвъ свою выплавку, какъ, напр., ераншинскій и мердушинскій, выплавившіе въ 1860 году слишкомъ 261½ тысячъ пудовъ, а въ 1872 году всего 87½ тысячъ, или унженскій, на которомъ въ 1860 г. выплавлено почти 168 тысячъ пудовъ, а въ 1872 году плавки чугуна не производилось и руды заготовлено было всего 46 тыс. пудовъ; третьи, наконецъ, прекратили работы по извѣстной части, или плавку руды, или желѣзное производство. Такъ, на заводахъ бывшихъ Шепелевыхъ и перешедшихъ въ завѣдываніе англійской компаніи, не рѣдко можно встрѣтить обозы съ чугуномъ въ штыкахъ, выплавленныхъ на какомъ-либо плавильномъ заводѣ той же компаніи, и перевозимыхъ гужомъ за нѣсколько десятковъ верстъ на другой заводъ, напр., на выксунскій, съ прилежащими къ нему среднимъ, нижнимъ и пр., гдѣ сохранился большой желѣзодѣлательный заводъ, для передѣлки ихъ, разумѣется, по прежнему способу въ желѣзо.

Послѣ всего этого становится совершенно понятнымъ, что въ то время, какъ общая желѣзная производительность Россіи за послѣднія 12 лѣтъ (съ 1860 года, начала реформъ, по 1872 годъ), значительно увеличилась, а именно возросла съ 17½ милл. пудовъ на 24 милл., т.-е. слишкомъ на 37 проц.; производительность упомянутыхъ заводовъ осталась почти безъ измѣненія. Такъ, въ 1860 году всѣ они выплавили чугуна 1,165 тыс. пудовъ, а въ 1872 году 1,175 тысячъ; выдѣлка же желѣза на здѣшнихъ заводахъ даже значительно уменьшилась: съ 1 милл. пудовъ на 800 тысячъ, не считая при этомъ вильскаго завода, на которомъ въ 1860 г. выдѣлано желѣза 118,564 пуда, и досчато-желѣзницкаго, гдѣ въ 1872 г. получено всего 39,274 пуда. Почти къ тѣмъ же заключеніямъ приводитъ и сравненіе производительности всѣхъ замосковныхъ заводовъ: чугуна на всѣхъ нихъ выплавлено въ 1860 году 3,150,240 пудовъ, а въ 1872 г. — 3,503,945 пуд.; т.-е. количества очень близкія между собою; правда, желѣза получено нѣсколько болѣе, а именно: въ 1860 году его выдѣлано 1,583,543 пуда; въ 1872 же году—1,835,689 пудовъ, но увеличеніе это все-таки очень незначительно и никоимъ образомъ не можетъ указывать на оживленіе въ подмосковномъ округѣ заводской промышленности.

Кромѣ того, что горнозаводская промышленность, несмотря на

многія выгодныя условія, здѣсь не только не развивается, а скорѣе падаетъ, описанная система веденія дѣла влечетъ за собою и другія печальныя послѣдствія. Выше было замѣчено, что крестьяне проводятъ дудки только до извѣстной, доступной для нихъ глубины, слѣдовательно, если руда залегаетъ въ нѣсколько слоевъ, и нѣкоторые изъ нихъ находятся ниже возможнаго для крестьянъ уровня, то слои эти остаются нетронутыми, а по разработкѣ выше лежащей руды, дудки снова засыпаются; такимъ образомъ нижніе слои становятся совершенно изъятыми изъ оборота, совершенно пропавшими, такъ какъ закладывать новыя разработки для нихъ однихъ едва ли когда-либо можетъ оказаться выгоднымъ. Сверхъ того, закладывая дудки почти исключительно наугадъ, на счастіе, и принимая въ соображеніе болѣе или менѣе гнѣздовой характеръ здѣшнихъ рудъ (т.-е. что онѣ не представляютъ непрерывнаго слоя, а являются болѣе или менѣе значительными скопленіями, болѣе или менѣе раздѣленными между собою), легко понять, что не трудно при этомъ пройти и выше лежащія руды, не замѣтивши ихъ, если только дудка не попала какъ-нибудь случайно прямо на рудное скопленіе. Что такіе случаи въ дѣйствительности бываютъ, это доказывается между прочимъ тѣмъ, что иногда рабочіе находятъ руду на значительно меньшей глубинѣ, чѣмъ рабочіе близлежащей дудки, и ведутъ боковой ходъ, по направленію къ этой послѣдней, почти вплоть до ея стѣнъ; этимъ же, быть можетъ, объясняются и тѣ случаи, „что на извѣстномъ мѣстѣ, въ которомъ промышленники углубили сотни дудокъ совершенно безъ успѣха, впослѣдствіи нашлись богатѣйшія залежи желѣзной руды“,—случаи, приводимые однимъ изслѣдователемъ, г. Дитмаромъ, посѣщавшимъ выксунскіе заводы въ 1871 году. Если прибавить ко всему этому, что даже разработываемые слои, при существующей неправильности и безпорядочности разработокъ, далеко не выбираются на-чисто, а на бóльшемъ или меньшемъ протяженіи остаются даже совсѣмъ нетронутыми, то легко будетъ себѣ представить, какія массы руды пропадаютъ постоянно совершенно непроизводительно, какое громадное количество чугуна остается такимъ образомъ навсегда закопаннымъ въ землѣ и никогда не появится въ обращеніи между людьми. Закладывать какія бы то ни было, правильныя или по прежнему безпорядочныя новыя разработки на мѣстахъ, уже обезображенныхъ прежними разработками, никогда не будетъ возможно; поэтому остается только пожелать, чтобы количество такихъ болѣе не увеличивалось, а на прежнія, гдѣ уже погребены безвозвратно большіе капиталы, скрѣпя сердце, махнуть рукой, и воспоминаніемъ о нихъ предостерегать себя отъ практиковавшейся на нихъ системы разработокъ.

Все это имѣетъ вредныя послѣдствія не только для отдѣльныхъ лицъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ мѣстною заводскою промышленностью, но оно не менѣе вреднымъ образомъ отражается, понятно, и на государственномъ благосостояніи, на цѣломъ народномъ хозяйствѣ. А между тѣмъ никому до этого и дѣла нѣтъ, никто, повидимому, даже думать объ этомъ не хочетъ: заводы, которыхъ наиболѣе касается все это, и тѣ ни мало не заботятся объ измѣненіи заведеннаго порядка и продолжаютъ идти по вѣками проторенной дорогѣ; представители земства, увлекаясь общими стремленіями, совершенно забываютъ о такихъ существенныхъ мѣстныхъ нуждахъ. Странно такое равнодушіе къ вопросу настолько важному, странно такое отношеніе къ дѣлу, настолько близкому и серьёзному, странны такой квіетизмъ, такая безпечность, такое небреженіе, такое видимое самообольщеніе, самодовольство; но еще страннѣе то обстоятельство, что даже успѣхъ попытки ввести болѣе раціональную разработку рудъ не привлекъ къ себѣ вниманія, не нашелъ себѣ подражателей, и попытка эта осталась только попыткою, неимѣвшею никакихъ послѣдствій. Въ 1837 году упомянутый ученый, г. Оливьери, познакомившись съ мѣстными условіями, „призналъ весьма приличнымъ установить таковой для добыванія сферосидеритовыхъ глыбъ рудникъ, который бы во всемъ своемъ объемѣ осушивался бы посредствомъ одной капитальной шахты, и подземныя работы котораго, при полученіи вида наклонной къ капитальной шахтѣ плоскости, могли бы располагаться квадратно-линейно. При распоряженіи, совершённомъ вслѣдствіе представленнаго разсчета, было опущено на мѣсторожденіи рудъ по рѣчкѣ Мещеркѣ 18 шахтъ, мѣрою 11 въ длину и 7 четвертей въ ширину. Всѣ эти шахты въ настоящую пору достигли до рудныхъ мѣсторожденій, между собою приличными ходами соединились, посредствомъ соединяемыхъ ходовъ передали всю доселѣ одолѣвавшую рудничныя работы воду въ одну шахту капитальную [1]), и затѣмъ всѣ пройденныя шахты, по мѣрѣ удлиненія своихъ ходовъ, гдѣ помѣщается только по забоямъ до 60 человѣкъ въ смѣну, получили случай производить добываніе самыхъ рудъ, подымая ихъ на поверхность, до 700 пудовъ и болѣе ежесуточно, или то количество, какое при прежнемъ способѣ, тоже въ сутки, добывалось изъ 180 шурфовъ и при томъ 520 человѣками, на нихъ стоявшими.—18 шахтъ заняли теперь площади до 4200 квадр. саженъ, или то пространство, которое по способу прежняго разработыванія должно бы

[1]) „На ней установлена паровая машина, посредствомъ которой со всего мещерскаго рудника отливается въ сутки воды до 6,000 кубическихъ футовъ".

заняться по крайней мѣрѣ 700-ми шурфовъ. А изъ этой перемѣны расположенія горныхъ работъ, кромѣ осушенія рудника, произошла еще та разность, соединенная съ однимъ только прохожденіемъ меньшаго числа шахтъ, что при углубленіи сихъ послѣднихъ, совершённомъ въ пять недѣль, или въ одинаковое время съ тѣмъ срокомъ, въ какой углубляются здѣсь и шурфы, обращалось рабочихъ въ день до 180, употреблено лѣсу на укрѣпленіе шахтъ до 1250 деревъ, между тѣмъ какъ на прохожденіе 700 шурфовъ (дудокъ), придерживаясь прежней методы, понадобилось бы 2100 человѣкъ рабочихъ въ день и потребовалось бы лѣсу на укрѣпленіе означенныхъ шурфовъ до 30,000 деревъ 4 вер. толщины".

Изъ этого описанія во-очію видны громадныя преимущества болѣе раціональнаго способа разработокъ передъ способомъ, практикующимся и основанномъ на возможности дѣйствовать какъ попало; — а между тѣмъ опытъ г. Оливьери, какъ уже сказано, остался безъ послѣдователей и рудное дѣло продолжаетъ пребывать въ своемъ первоначальномъ, наименѣе выгодномъ положеніи. Вмѣстѣ съ этимъ и количество выплавляемаго чугуна остается почти тѣмъ же самымъ; такъ, въ 1838 году, когда общая производительность Россіи равнялась 10 мил. пуд. съ небольшимъ, на указанныхъ выше заводахъ выплавлено было 928,835 пуд. [1]).

Такая странная неподвижность, такое странное пристрастіе къ преданіямъ старины глубокой объясняется въ данномъ случаѣ безъ особенныхъ затрудненій. Дѣло въ томъ, что горнозаводская дѣятельность началась здѣсь, какъ почти всюду у насъ, благодаря случайно открытымъ давнымъ-давно рудамъ, изобилію лѣса и удобному водному сообщенію. Въ тѣ времена разработка рудъ производилась, разумѣется, безъ всякихъ раціональныхъ началъ, о которыхъ не имѣли и понятія, а на-удачу, какъ Богъ на сердце положитъ. Въ такомъ видѣ это дѣло находилось, какъ мы видѣли, уже и во время изслѣдованій г. Оливьери, въ такомъ же почти видѣ сохранилось оно и до сихъ поръ. При этихъ разработкахъ, путемъ одного грубаго опыта пришли къ заключенію, что руда не представляетъ какой-либо правильности въ своемъ залеганіи, а является то бо́льшими, то меньшими скопленіями, то на бо́льшей, то на меньшей глубинѣ, и распредѣляется также безъ всякаго замѣтнаго порядка, тоже какъ-бы гдѣ попало, и не обнаруживаетъ своего мѣсторожде-

---

[1]) Эта цифра, впрочемъ, значительно возросла сравнительно съ предшествующимъ (въ 1837 году чугуна получено было всего 733,235 пуд.), что̀, быть можетъ, имѣетъ прямое отношеніе къ произведеннымъ г. Оливьери работамъ; выдѣлка же желѣза при этомъ почти не измѣнилась (въ 1837—482,237, а въ 1838 году даже уменьшилась—479,417 пудовъ).

нія никакими внѣшними признаками; отсюда же—тотъ выводъ, что и разработывать ее правильно нельзя, а нужно тоже какъ попало. Успокоившись на этомъ выводѣ, оставили рудное дѣло въ его первобытномъ состояніи и отбросили всякую мысль объ его измѣненіи, не подумали даже о томъ, что показаніе одного грубаго опыта безъ всякихъ знаній, безъ надлежащей подготовки, всегда можетъ привести къ самымъ ложнымъ заключеніямъ, не позаботились провѣрить эти заключенія болѣе надежнымъ образомъ, путемъ науки.

Наука же не допускаетъ явленій безъ причины, слѣдовательно, самая большая видимая неправильность, непослѣдовательность въ природѣ необходимо обусловливается извѣстными причинами, опредѣляется извѣстными факторами, а потому вполнѣ законна, стало быть въ сущности совершенно правильна. Если какое-либо явленіе намъ кажется неимѣющимъ никакой законности, представляющимъ рядъ неправильныхъ, случайныхъ, необъяснимыхъ уклоненій, не обусловливающимся какими-либо извѣстными намъ причинами, то это показываетъ только, что явленіе это нами не изучено, что наши знанія въ этомъ отношеніи недостаточны для пониманія его, опредѣленія всегда существующей связи явленій съ его причинами и послѣдствіями, уясненія необходимой его законности. Рудныя мѣсторожденія вообще представляютъ одинъ изъ наглядныхъ примѣровъ въ этомъ смыслѣ: „только въ послѣднія двадцать лѣтъ, по словамъ извѣстнаго германскаго геолога Котта, занимавшагося много лѣтъ изслѣдованіями рудныхъ мѣсторожденій, эта часть ученія (образа нахожденія и географическаго и геологическаго распредѣленія ихъ) разработана съ нѣкоторою тщательностію; но еще далеко не достигла до удовлетворительныхъ выводовъ“, такъ что въ настоящее время еще „каждый особенный случай требуетъ особеннаго объясненія, т.-е. едва ли въ двухъ какихъ-либо мѣстахъ условія, при которыхъ совершилось раствореніе, движеніе и осажденіе (рудъ), были совершенно одинаковы; поэтому едва ли можно встрѣтить два рудныя мѣсторожденія вполнѣ сходныя между собою. Разнообразіе ихъ вообще несравненно значительнѣе, чѣмъ разнообразіе горныхъ породъ, потому что бо̀льшее число причинъ имѣло вліяніе на особенность ихъ происхожденія“. „Если изслѣдованіе рудныхъ мѣсторожденій, въ ихъ совокупности,—говоритъ тотъ же геологъ,—важно для изученія геологическаго строенія страны, то еще важнѣе изслѣдованіе распредѣленія ихъ, какъ имѣющее высокое практическое значеніе“. Изслѣдованіе же рудныхъ мѣсторожденій описываемой нами мѣстности не только не было произведено съ надлежащею тщательностію и подробностію, но даже почти не начиналось, такъ какъ ученые, которые посѣщали эти страны, преслѣдовали при этомъ другія цѣли, а потому почти и не

обращали вниманія на рудныя мѣсторожденія и упоминають о нихъ только какъ-бы между прочимъ. Не имѣя же точнаго понятія о геологическихъ условіяхъ этихъ рудныхъ мѣсторожденій, не уяснивши ихъ происхожденія, не опредѣливши ихъ распредѣленія, не открывши ключа къ ихъ отысканію, невозможно, разумѣется, разумно оріентироваться ни въ выборѣ мѣста и способа разработокъ, ни въ цѣлесообразной распланировкѣ этихъ послѣднихъ; а потому остается только вести дѣло на-удачу. Итакъ, пока наука не разработаетъ вопроса о здѣшнихъ рудныхъ мѣсторожденіяхъ, пока она не дасть ключа къ ихъ распознанію, до тѣхъ поръ новѣйшія усовершенствованія техники непримѣнимы здѣсь, до тѣхъ поръ горнозаводская дѣятельность этого края не только не будетъ развиваться, но будетъ падать, если не погибнетъ совсѣмъ.

Слѣдовательно, корень зла лежитъ и въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, много глубже, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; онъ заключается и здѣсь въ томъ прискорбномъ, но, къ сожалѣнію, общемъ у насъ явленіи, что наука до сихъ поръ идетъ сама по-себѣ, а жизнь, промышленность, народное хозяйство— сами по-себѣ, что единенія между ними не существуетъ, а, напротивъ, замѣчается скорѣе взаимное недовѣріе, даже нѣчто въ родѣ презрительнаго отношенія. Между тѣмъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что только дѣйствительное, точное знаніе, отчетливое и полное пониманіе даютъ человѣку возможность наибольшаго и наиболѣе выгоднаго пользованія природою, ея силами и произведеніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ позволяютъ ему наиболѣе удобно устроивать свою жизнь и наиболѣе цѣлесообразно вести свое хозяйство, и руководятъ имъ въ выборѣ наиболѣе разумныхъ средствъ для этихъ цѣлей.

Послѣ всего этого нѣтъ ничего удивительнаго, что мы оказываемся данниками своихъ болѣе подвижныхъ сосѣдей, что мы находимся отъ нихъ въ полной зависимости даже въ тѣхъ случаяхъ, какъ разсматриваемый нами, когда природою мы поставлены въ несравненно болѣе выгодныя условія, когда мы одарены во много разъ щедрѣе. Пока наша промышленность будетъ находиться почти исключительно въ рукахъ людей, неумѣющихъ разумно пользоваться всѣми этими богатствами природы; пока они будутъ стоять на одной далеко не высокой степени развитія въ этомъ отношеніи; пока промышленники наши будутъ упорно держаться, безъ всякаго труда съ ихъ стороны, унаслѣдованныхъ ими отъ прадѣдовъ воззрѣній и привычекъ; пока по своей умственной близорукости, вполнѣ не экономической разсчетливости, совершенному непониманію своихъ собственныхъ выгодъ, они будутъ предпочитать этотъ отжившій уже взглядъ на дѣло, несмотря на всю его непригодность въ настоящее время,

разумнымъ указаніямъ науки и примѣру нашихъ болѣе счастливыхъ въ этомъ отношеніи сосѣдей, до тѣхъ поръ мы не только останемся данниками этихъ послѣднихъ, но окажемся въ безвыходномъ положеніи, мы сдѣлаемся совершенными рабами ихъ!

Казалось бы—странно, но опытъ показываетъ, что все еще необходимо повторять у насъ до сихъ поръ слова извѣстнаго французскаго ученаго Пайэна, сказанныя имъ почти тридцать лѣтъ тому назадъ: „si l'industrie doit à la science ses plus remarquables progrès, la science reçoit elle-même un nouveau lustre des brillantes découvertes qui surgissent autour d'elle pour s'appliquer aux besoins et aux jouissances de l'homme.“

Неутѣшительна картина состоянія нашей желѣзной промышленности въ общемъ, не лучше она и въ описанныхъ выше частностяхъ, но во всякомъ случаѣ существуетъ исходъ изъ такого положенія, и чѣмъ скорѣе мы выйдемъ изъ него, тѣмъ лучше. Поэтому я нахожу не лишнимъ указать въ заключеніе на тѣ мѣры, которыя, по моему мнѣнію, могли бы (по крайней мѣрѣ въ посѣщенномъ мною районѣ) скорѣе другихъ привести къ ближайшей цѣли: къ усовершенствованію руднаго промысла, вѣками утвердившагося во владимірской и нижегородской губерніяхъ, вызваннаго мѣстными благопріятными для него условіями, но сдѣлавшагося для населенія въ настоящее время, къ сожалѣнію, скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, какимъ ему собственно слѣдовало бы быть. Такими мѣрами я признаю: 1) подробное, спеціальное изслѣдованіе рудныхъ мѣсторожденій этого края [1]), чтобы такимъ образомъ выяснить не только геологическія условія ихъ, но и примѣрные размѣры сохранившагося въ краѣ руднаго богатства [2]); 2) устройство затѣмъ образцовыхъ разработокъ, примѣромъ которыхъ могло бы пользоваться мѣстное населеніе, причемъ спеціалисты, завѣдующіе образцовыми разработками, могли бы руководить до нѣкоторой степени и ходомъ разработокъ мѣстныхъ жителей; эти же послѣдніе, видя несомнѣнныя выгоды, производили бы ихъ по новому образцу, а для этой цѣли со взаимною пользою соединялись бы на извѣстныхъ началахъ въ еще бóльшія артели.

Кáкъ и кѣмъ эти мѣры должны быть приведены въ исполненіе, я не берусь рѣшать, но думаю, что во всякомъ случаѣ починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ необходимо принадлежать земству, непосред-

---

[1]) Общее геологическое изслѣдованіе его можетъ считаться до извѣстной степени оконченнымъ.

[2]) Г. Дубенскій говоритъ, что въ муромскомъ и меленковскомъ уѣздахъ руда занимаетъ площадь въ 600 квадр. верстъ, а во всей губерніи до 3 тысячъ квадр. верстъ. Но довѣрять голословнымъ показаніямъ въ этомъ случаѣ невозможно.

ственно заинтересованному въ благосостояніи мѣстнаго населенія. Поэтому, на болѣе развитыхъ представителяхъ его лежитъ прямая обязанность подумать объ этомъ вопросѣ и позаботиться, такъ или иначе, вывести рудное дѣло изъ его современнаго печальнаго состоянія. Нужно помнить, что всѣ санитарныя мѣропріятія, всѣ затраты, производящіяся съ цѣлію сохраненія народнаго здравія, будутъ почти непроизводительны, пока населеніе по необходимости поставлено внѣ всякихъ санитарныхъ условій, пока бо́льшая часть народа должна проводить свою жизнь въ условіяхъ, противоположныхъ самымъ основнымъ требованіямъ гигіены; что не болѣе производительны будутъ затраты на народное образованіе, если самый образъ жизни дѣйствуетъ въ корнѣ развращающимъ образомъ; что всѣ стремленія, всѣ мѣры къ исправному отбыванію повинностей не могутъ ничего сдѣлать, если отбывающему эти повинности самому приходится сидѣть безъ хлѣба!...

Тому же земству слѣдуетъ позаботиться и о другомъ, не менѣе печально обставленномъ, но въ то же время значительномъ мѣстномъ производствѣ—о гипсовыхъ разработкахъ; но объ этомъ мнѣ удастся, быть можетъ, поговорить болѣе подробно въ другой разъ.

А. Крыловъ.

Москва.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е февраля, 1877.

«Славянское движеніе» и его результаты на дѣлѣ и въ статьѣ г. В. Ламанскаго. — Вопросъ о внутренней самостоятельности университетовъ, и оправданія г. Любимова. — Защита дѣтей. — Дѣти арестантовъ, дѣти у мастеровъ и на фабрикахъ. — Право отдѣльнаго жительства для женщинъ.

Разрѣшеніе восточнаго, или южно-славянскаго, вопроса подвигалось впередъ тихо въ продолженіи истекшаго года. Конечно, въ области дипломатической шагъ впередъ все-таки сдѣланъ, несмотря на неудачу конференціи; но за то внутреннее разочарованіе въ Сербіи, которая представлялась прежде и себѣ и другимъ—„Пьемонтомъ славянской независимости", представляетъ шагъ назадъ. Впрочемъ, болѣе обстоятельная оцѣнка успѣховъ и неуспѣховъ разрѣшенія восточнаго вопроса принадлежитъ къ числу вопросовъ иностранной политики. Здѣсь можетъ насъ интересовать оцѣнка умственнаго движенія въ Россіи по поводу славянскаго дѣла, и притомъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствъ. Въ томъ, что нашъ народъ, какъ славянскій, высказалъ несомнѣнное свое сочувствіе южнымъ славянамъ, не было собственно ничего удивительнаго, ничего новаго. При обзорѣ явленій нашей внутренней жизни можно было бы ограничиться однимъ констатированіемъ факта весьма простого. Нѣкоторую особенность и характерность имѣла бы при этомъ только та, весьма важная, подробность этого факта, которая удостовѣрила его живость, искренность и силу: русскіе люди пошли сражаться за славянъ, умирали за свое убѣжденіе, за свое политическое сочувствіе, за дѣло свободы, на поляхъ далекихъ. Хотя и это явленіе не было совершенно новымъ и безпримѣрнымъ въ нашей исторіи, но повтореніе его представлялось утѣшительнымъ. Оно свидѣтельствовало, что какъ мы ни „изолгались", какъ ни привыкли мы слова принимать за дѣло, возгласы за подвиги, однако не совсѣмъ же мы изолгались и что

если на сценѣ и толпится много ряженыхъ: „первыхъ любовниковъ" либеральности, „комическихъ старухъ" реакціи и „благородныхъ отцовъ" постепеннаго развитія, однако въ публикѣ, хотя и слишкомъ склонной къ оглушительнымъ, но безплоднымъ аплодисментамъ, кровь еще способна къ кипѣнію, и духъ русскаго общества не превратился еще въ театральный букетъ, которымъ оно награждаетъ актёровъ и вмѣстѣ—квитируется съ самымъ представленіемъ.

Вотъ и все, чтó могло бы констатировать обозрѣніе нашей жизни по поводу движенія въ пользу славянъ, касательно самой его сущности. Объяснять, дѣлать различія, предостерегать—тутъ было бы нечего. Вы сочувствуете гонимому человѣку и готовы за него заступиться—это естественно; если этотъ человѣкъ къ тому же вамъ родственникъ, хоть и дальній, хоть и малознакомый, сочувствіе и заступничество ваши представляютъ фактъ еще болѣе естественный и простой, изъ котораго ровно ничего не слѣдуетъ. Но необходимость разъясненій, различеній и предостереженій, неотложная необходимость всего этого представляется въ такомъ случаѣ, если вдругъ оказывается, что вы сами видите или льстецы ваши указываютъ въ этомъ простомъ фактѣ нѣчто совершенно-новое, безпримѣрное, поразительное и почти чудодѣйственное; если они, истинные враги вашего здраваго смысла, силятся увѣрить васъ, что такой простой фактъ сдѣлалъ васъ и умнѣе, и зрѣлѣе, что этотъ фактъ послужитъ поворотнымъ пунктомъ въ вашей жизни и чудеснымъ залогомъ возрожденія, которое совершится затѣмъ уже само собою, безъ особенныхъ усилій и работы съ вашей стороны, въ силу благодати, исходящей изъ великой народной благостыни. Такимъ образомъ, поданная страждущему вашей десницею лепта, о которой по писанію и лѣвой рукѣ вашей не слѣдовало бы знать, провозглашается на кровляхъ домовъ, какъ небывалый подвигъ, которому вы должны посвятить все ваше созерцаніе, а руки ваши вы можете сложить на груди, пребывая въ самоуслажденіи и вѣруя, что остальное уже все само придетъ. Если чтó дотолѣ васъ принижало, если чего вамъ недоставало, радуйтесь, — теперь тягостное само устранится, а недостающее ниспадетъ манной съ неба...

Такія рѣчи слышатся и понынѣ; хотя онѣ и не производятъ прежняго дѣйствія, но тѣмъ не менѣе нельзя оставлять ихъ совсѣмъ безъ вниманія — уже потому, что довольно въ нашей жизни всякой фальши и безъ этого кажденія собственному величію. Намъ думается, что русскому обществу, наконецъ, подобныя рѣчи сдѣлались противны. Дѣлали мы хорошее, доброе дѣло, и если бы оно удалось намъ, если бы помощь наша пошла въ прокъ родичамъ, и тогда было бы не умно и не великодушно хвастаться тѣмъ передъ собой и свѣ-

томъ. Но когда она и въ прокъ не пошла, когда мы въ Сербіи испытали и вынесли оттуда почти столько же разочарованій, сколько испытали сами сербы — хотя и иного свойства — то тѣмъ бы естественнѣе и приличнѣе намъ молчать объ этомъ, а дѣлать свое дѣло. Какіе доселѣ видимъ мы осязательные результаты того добра, которое хотѣли сдѣлать? Словарь нашъ обогатился словами „добровольцы" и „расхолаживаніе" — вотъ все. Правда, мы доказали себѣ, что способны въ нѣкоторыхъ случаяхъ оправдывать свои слова дѣйствіями, но за то же мы имѣли вновь случай полюбоваться на себя и съизнанки. Что дѣло само по себѣ доброе—дѣло самопожертвованія и помощи—еще не можетъ никакимъ образомъ обновить и возродить насъ самихъ, это мы увидали на примѣрѣ нашихъ „добровольцевъ". Мнимая чудодѣйственная сила „національнаго самосознанія" нисколько не подѣйствовала даже на нихъ самихъ. Они пошли въ Сербію совершенно такими, какими были дома, и возвратились оттуда точно такими же. А если повѣрить только небольшой долѣ того, чтб приверженцы генерала Новоселова сообщили о приверженцахъ генерала Черняева, и наоборотъ,—то къ утѣшительному сознанію, что несовсѣмъ мы изолгались, прибавится еще тягостное чувство стыда. Невольно беретъ тяжелое раздумье не только при видѣ того матеріальнаго результата, какой доселѣ имѣло заступничество непосредственно со стороны нашихъ общественныхъ силъ, но и при гаданіи о нравственномъ его результатѣ въ средѣ славянъ. Какое впечатлѣніе возьметъ теперь перевѣсъ въ умахъ сербскаго народа: несогласія ли и безобразія, которыя онъ видѣлъ, или искреннее наше желаніе ему помочь, удостовѣренное кровью? По всей вѣроятности, первое впечатлѣніе въ настоящую минуту сильнѣе, хотя мы склонны думать, что со временемъ забудутся дрязги, забудется самый неуспѣхъ, а въ памяти сербскаго народа русская пролитая кровь не забудется. Станемъ надѣяться, что будетъ такъ, утѣшимъ себя ожиданіемъ, что когда-нибудь мы поможемъ освободить турецкихъ славянъ, удовлетворимъ и свои нравственныя законныя стремленія на юго-востокѣ Европы, и свои интересы на Черномъ морѣ. Но въ настоящую минуту, чѣмъ менѣе мы будемъ кричать о своихъ добродѣтеляхъ, тѣмъ лучше.

Большинству русскаго общества эта истина навѣрно болѣе ясна, чѣмъ многимъ нашимъ публицистамъ. Замѣтнѣе другихъ выступилъ въ послѣднее время, какъ-бы съ молебномъ послѣ пораженія, г. В. Ламанскій, въ статьяхъ „Русское общественное и народное движеніе въ пользу славянъ". Несмотря на все пережитое нами, онъ провозглашаетъ, что наше „народное и общественное движеніе составитъ поворотную точку въ исторической жизни не одной Россіи, но и

всего славянства". Это — послѣ Дюнниша въ смыслѣ матеріальномъ, и послѣ всего, что было вылито въ полемикѣ о гг. Черняевѣ и Новоселовѣ, о штабахъ и бѣлградскихъ подвигахъ, — въ смыслѣ нравственномъ! Такъ ли громадны и плодотворны добытые нами теперь результаты, чтобы мы могли послѣдовать за г. В. Ламанскимъ, и именно наше время, въ силу „своеобразныхъ чертъ и особенностей" нынѣшняго движенія въ пользу славянъ,—„спознать какъ новую наступающую эпоху?" Г. Ламанскій увѣряетъ насъ, на основаніи этихъ особенностей, что „отнынѣ русскій народъ начинаетъ новую жизнь", вступаетъ въ новый періодъ своей исторической дѣятельности!!..." При всей снисходительности къ возможнымъ искреннимъ увлеченіямъ спеціалиста, мы не можемъ однако равнодушно пропустить такую возмутительную фальшь, которую подбавляютъ ко всей фальши, уже существующей.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы отчасти довольны тѣмъ, что г. Ламанскій опросталъ, наконецъ, весь коробъ нашихъ „ультра" славянскаго движенія. Напрасно мы доселѣ процѣживали массу самовосхвалительныхъ изліяній, стараясь уловить въ сито хоть одинъ фактическій доводъ въ смыслѣ великаго значенія этого движенія для „обновленія" русскаго общества. Теперь передъ нами присяжный славянофилъ, профессоръ славянофильства, и онъ весьма подробно указываетъ всѣ великіе результаты великаго движенія. Если въ цѣломъ рядѣ результатовъ, которые приводитъ г. Ламанскій, мы не найдемъ ничего серьёзнаго, то уже никто не скажетъ намъ, будто мы сами не въ состояніи возвыситься до угаданія таинственнаго смысла мистеріи; мистерія нынѣ объяснена весьма обстоятельно; сама Пиѳія даетъ комментарій оракуловъ. Если и затѣмъ они оказываются лишенными всякаго серьёзнаго значенія, то пусть ужъ остальные вѣщатели не драпируются передъ нами въ нимбъ глубокомысленныхъ недомолвокъ.

Мы уже видѣли, что нынѣшнее движеніе въ пользу славянъ, по мнѣнію г. Ламанскаго, должно составить „поворотную точку", „новую наступающую эпоху", „новый періодъ исторической дѣятельности". Но въ такомъ случаѣ мы должны же осязать какіе-нибудь признаки новой жизни, хоть начатки результатовъ обновленія, мы должны убѣдиться, что произошло нѣчто новое и безпримѣрное, а затѣмъ понять, въ чемъ же будетъ заключаться смыслъ нашей новой эпохи и новаго періода нашей исторіи.

Переберемъ же эти признаки новизны и имѣющихъ простечь изъ нея общаго обновленія и новаго историческаго періода. Г-нъ В. Ламанскій признаетъ движеніе, бывшее у насъ въ пользу славянъ, великимъ и сравниваетъ его съ народнымъ возстаніемъ 1612 года, съ народнымъ ополченіемъ 1812 года. Относительно „величія" мы

спорить не будемъ, избѣгая вообще элемента забавности. Но вѣдь тó возстаніе и тó ополченіе имѣли результаты вполнѣ осязательные— изгнаніе враговъ изъ предѣловъ государства. Гдѣ же результатъ движенія 1876 года? Мало того: ни великое возстаніе XVII вѣка, ни ополченіе XIX столѣтія, несмотря на громадность своихъ результатовъ, все-таки не обновили Россію, не дали никакого новаго направленія народному развитію. То, чего не произвели столь великія событія, можетъ ли быть произведено сборомъ пожертвованій и высылкою 2—3 тысячъ охотниковъ въ Сербію?

По увѣренію автора, нынѣшнее движеніе „есть явленіе чисто-русское и вполнѣ современное"; оно было невозможно до уничтоженія крѣпостного права и реформъ. Опять фальшь. Самъ авторъ не могъ не упомянуть мимоходомъ о борьбѣ казачества съ турками и о всегдашней крѣпости и живости въ русскомъ народѣ „христіанскаго братолюбія". Стало быть, пока, новаго все еще нѣтъ ничего. Освобожденіе отъ крѣпостной зависимости тутъ вставлено, очевидно, только для заигрыванія съ воображеніемъ читателя. „Освобожденному русскому народу становится невыносима мысль о рабствѣ другихъ народовъ, тѣмъ болѣе его единовѣрцевъ и соплеменниковъ". Здѣсь русскій народъ представляется какъ-бы освобожденнымъ по преимуществу среди всѣхъ народовъ свѣта,—таковы особенныя свойства его природы. Въ самомъ дѣлѣ, другіе народы, менѣе освобожденные, легче и выносятъ мысль о чужомъ рабствѣ. А русскій народъ чрезъ 15 лѣтъ послѣ того, какъ только-что пересталъ быть крѣпостнымъ, уже не выноситъ ничьего рабства, тѣмъ болѣе рабства единоплеменниковъ. Мало того: самое это освобожденіе отъ крѣпостной зависимости по-видимому далеко не имѣло въ русской исторіи того великаго значенія, какое имѣлъ сборъ пожертвованій въ пользу славянъ. Во всякомъ случаѣ, съ отмѣны крѣпостного права въ Россіи г. В. Ламанскій не считаетъ ни новой эпохи, ни новаго періода исторической дѣятельности. Этотъ великій поворотъ въ нашей исторіи онъ считаетъ только со сбора пожертвованій въ пользу славянъ. Если это такъ, то освобожденіе крестьянъ въ русской исторіи и будетъ имѣть только то нравственное значеніе, что, благодаря ему, могло произойти „современное великое движеніе" въ пользу славянъ. „Только избавившись отъ крѣпостной неволи и вздохнувши, наконецъ, свободнѣе, русскій народъ могъ проникнуться такою жалостью къ нашимъ милягамъ".

На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго, конечно, не было и не будетъ. Крѣпостное право и его отмѣна тутъ не причемъ. При крѣпостномъ правѣ, и даже вслѣдствіе притѣсненій отъ дворянъ, чиновниковъ и арендаторовъ, вышли изъ двухъ сторонъ Россіи тѣ казацкія общины, которыя отличились въ борьбѣ съ турками такими подвигами, что

нынѣшніе добровольцы не могутъ идти съ казаками ни въ какое сравненіе. И при крѣпостномъ правѣ, и по отмѣнѣ его народная благотворительность въ Россіи выражалась милліонами рублей, *ежегодно* сбиравшихся копѣйками въ пользу св. мѣстъ, монашествующей братіи и арестантовъ, которыхъ народъ всегда считалъ „несчастными“, несмотря на всѣ собственныя несчастія. Народъ не былъ эгоистомъ до отмѣны крѣпостного права, и остался чуждъ эгоизму по его отмѣнѣ. Первые люди, которыхъ смерть въ борьбѣ за славянъ сильно подѣйствовала на русское общество, были не освобожденные крѣпостные, а представители сословія, жившаго еще недавно на счетъ крѣпостного труда. Движеніе въ пользу славянъ началось въ образованномъ обществѣ, а не въ народѣ, освобожденномъ отъ крѣпостной зависимости; люди изъ этого общества сообщили это движеніе народу; народъ подавалъ въ пользу страждущихъ единовѣрцевъ въ 1876 году, какъ подавалъ бы въ ихъ пользу и до 1861 года, если бы въ то время обратились къ его сочувствію. Большинство добровольцевъ, ушедшихъ въ Сербію, были казаки, солдаты и разночинцы, которые были бы свободны и безъ отмѣны крѣпостного права. Вотъ факты, окончательно разрушающіе всю теорію г-на В. Ламанскаго.

Но отмѣна крѣпостного права, освобожденіе русскаго крестьянства имѣло такое самостоятельное великое значеніе, такія неисчислимыя плодотворныя послѣдствія, что мы и впредь предпочтемъ весть „новую эпоху“ Россіи и „новый періодъ исторической дѣятельности“ ея съ этого реальнаго факта обновленія, а не со сбора пожертвованій въ пользу единовѣрцевъ, хотя сборъ этотъ и много превзошелъ подобные же сборы, бывшіе въ 1862 и 1866 годахъ.

Великіе результаты, долженствующіе обновить Россію, усматриваются г. Ламанскимъ въ томъ, что народъ облекъ полнымъ довѣріемъ сборщиковъ, посылаемыхъ комитетами, хотя „видѣлъ въ этихъ сборщикахъ и членовъ кружкóвъ и комитетовъ тѣхъ же дворянъ, господъ и чиновниковъ, которыхъ еще такъ недавно онъ считалъ за нѣмцевъ (!?), боясь ихъ и избѣгая общенія съ ними“. Въ свою очередь, „русская интеллигенція сподобилась узрѣть душу народную. Такъ совершилось *событіе громадной важности въ русской жизни и образованности*. Русскій народъ дѣйствительно пріобрѣтаетъ и завоевываетъ себѣ передовые классы, образованное общество“. Дешево же обходилось бы совершеніе великихъ событій и осуществленіе новой эры въ образованности цѣлой націи, если бы для этого достаточно было походить съ кружками для сбора подаяній! Народъ прежде чуждался господъ и чиновниковъ развѣ потому, что считалъ ихъ за нѣмцевъ? Нѣтъ,—потому что считалъ ихъ за эксплуататоровъ. Событіе, на которое указываетъ авторъ, если и совершилось и на-

сколько оно совершилось, относится не къ прошлому году и не къ хожденію съ кружками, а къ началу шестидесятыхъ годовъ. Надо было, чтобы право эксплуатаціи было отнято у однихъ, а у другихъ ограничено; надо было, чтобы сотни дворянъ и чиновниковъ доказали народу, въ роли мировыхъ посредниковъ перваго періода, въ роли тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ не обуяла злоба, которые сразу примирились съ потерею правъ и выгодъ, а иные и искренно увлеклись освобожденіемъ, въ роли образованныхъ людей, которые безкорыстно послужили народу въ земствѣ, въ устройствѣ школъ и больницъ, короче—надо было большое самопожертвованіе и долговременный личный трудъ, чтобы внушить народу нѣкоторое къ себѣ довѣріе, чтобы сложить съ себя упрекъ не въ нѣметчинѣ, но въ эксплуатаціи. Вотъ единственный путь, путь самопожертвованія и труда, какимъ могутъ совершаться „событія громадной важности". И насколько, повторяемъ, сближеніе образованнаго общества съ народомъ, то-есть именно событіе, о которомъ идетъ рѣчь у насъ, совершилось или начало совершаться, оно было вызвано именно службой общества народу, а не сборомъ его приношеній. Но событіе это, въ смыслѣ великаго и полнаго, все-таки еще остается далеко впереди. Развѣ совсѣмъ исчезли до послѣдняго землевладѣльцы, обирающіе крестьянина ростовщичествомъ на его трудѣ? Развѣ исчезло уже безусловно взяточничество въ тѣхъ низшихъ сферахъ чиновничества, съ которыми онъ имѣетъ прямыя сношенія? Развѣ мало имѣній, лежащихъ пустырями, развѣ мало лѣсовъ, этихъ поильцовъ пашни, согрѣвателей и защитниковъ крестьянина отъ непогоды, срублено на доходы, прожитые землевладѣльцами вдали отъ имѣній, въ праздности или въ профессіи, неимѣющей отношенія къ улучшенію народнаго быта? При такихъ явленіяхъ возможно ли, чтобы народъ дѣйствительно облекъ уже полнымъ своимъ довѣріемъ образованное общество, и окончательно пересталъ чуждаться господъ и чиновниковъ, все равно, будь они нѣмцы или чистѣйшіе славянофилы, даже хотя бы они ходили съ кружками въ пользу славянъ? Нѣтъ, не такъ легко и—главное—не такъ дешево обходится осуществленіе „событій громадной важности" въ исторіи и въ образованности націи. Для этого еще недостаточно „духовное общеніе съ народомъ", сподобленіе узрѣть „самую его душу".

Пойдемъ далѣе. Важные результаты нынѣшняго движенія въ пользу славянъ указываются авторомъ еще въ томъ, что русская интеллигенція, погрязшая-было въ „убыль духа, оскудѣніе личности, упадокъ вѣры, отсутствіе идеаловъ и эпикурейство" современнаго западно-европейскаго общества, нынѣ воспрянуло духомъ, сознавъ программу Хомякова, что „Русь призвана къ рѣшительному измѣ-

ненію карты Европы, т.-е. къ освобожденію славянъ и образованію союза славянскаго". Прекрасно. Но вѣдь современная Пруссія уже въ дѣйствительности исполнила, по отношенію къ нѣмцамъ, то, въ чемъ Хомяковъ и г. Ламанскій могли еще только указывать какъ на призваніе Руси. Однако же, замѣчается ли, вслѣдствіе рѣшительнаго измѣненія Пруссіею карты Европы и образованія имперіи германской, замѣчается ли у пруссаковъ прибыль духа, обогащеніе личности, усиленіе вѣры, возвышеніе идеаловъ и ослабленіе эпикурейства? Повидимому, нѣтъ, ибо г. Ламанскій не сдѣлалъ для пруссаковъ исключенія изъ своего общаго приговора надъ западно-европейскимъ обществомъ. Какимъ же образомъ мы, вслѣдствіе одного только сознанія своего славянскаго призванія, могли или можемъ достигнуть того, чего пруссаки не достигли полнѣйшимъ, блистательнѣйшимъ исполненіемъ своего однороднаго „призванія?" Значитъ, для прибыли духа и присутствія идеаловъ требуется еще нѣчто другое, кромѣ образованія племенныхъ союзовъ и подвига чужого освобожденія.

Еще важнымъ результатомъ нынѣшняго движенія въ пользу славянъ указывается авторомъ, что движеніемъ этимъ, „одушевленіемъ къ дѣлу славянскому", русское общество такъ счастливо было выведено изъ „того болѣзненнаго кризиса и страшнаго упадка нравственныхъ силъ", въ которомъ возстаніе въ Герцеговинѣ насъ застало. „Духовное состояніе русскаго общества, съ его матеріалистическимъ суевѣріемъ и скептицизмомъ, съ его матеріальнымъ реализмомъ стремленій къ роскоши и къ наживѣ во что бы то ни стало—было богатымъ питомникомъ спиритическихъ бредней, уже начинавшихъ все болѣе и болѣе заражать цѣлыя общественныя сферы и принимать значеніе серьёзныхъ вопросовъ,—повальныхъ сумасшествій и самоубійствъ, погубившихъ много людей, въ иное, лучшее время могшихъ быть полезными дѣятелями, наконецъ, всевозможныхъ плутней и мерзостей съ единственною цѣлью разбогатѣть и жить по-скотски". Еще въ другомъ мѣстѣ, г. Ламанскій, рисуя это плачевное нравственное состояніе, изъ котораго будто бы вывели насъ разговоры о славянскомъ дѣлѣ и сборъ пожертвованій, опредѣляетъ его такъ: „легкомысленнѣйшій скептицизмъ, грубѣйшее отрицаніе и, наконецъ, намѣренное и искусственное растравливаніе плотскихъ инстинктовъ, обжорства и любострастія... И вотъ, въ безразсудныхъ банковскихъ и желѣзнодорожныхъ спекуляціяхъ, въ разорительныхъ гастрономическихъ обѣдахъ и ужинахъ, въ игорныхъ домахъ и на каскадныхъ представленіяхъ явилась та нейтральная почва" и т. д. Дѣйствительно, если бы нынѣшнее славянское движеніе, „пробужденіе къ славянскому дѣлу" *вывело* насъ изъ такого состоянія, это было бы его заслугой. Къ сожалѣнію, мы рѣшительно не видимъ, чтобы оно

„такъ счастливо вывело русское общество“ изъ подобнаго состоянія. Мы, признаемся, не вѣримъ, чтобы нарисованная сейчасъ картина передавала дѣйствительное настроеніе большинства русскаго общества. Мы согласны съ авторомъ только въ томъ, что у насъ въ послѣднія лѣтъ десять указываемыя имъ явленія: господство спекуляціи и торжество удачныхъ спекулянтовъ, выражавшіяся дерзкой и тупоумной, неосмысленной роскошью, составляли явленія, *наиболѣе замѣтныя*. Жрецы Плутуса господствовали и еще господствуютъ, несмотря на славянское движеніе; но это еще не значитъ, что все образованное общество лишено всякихъ желаній и стремленій, кромѣ стремленій къ наживѣ и желанія роскоши, желанія жить „по-скотски“. Самое сочувствіе къ славянамъ не могло бы проявиться такъ рельефно, если бы все русское общество было таково, какимъ его рисуетъ г. Ламанскій. Людей, заѣденныхъ одною жаждой наживы, не пробудитъ и не исцѣлитъ никакое сочувствіе къ славянамъ. А въ массѣ общества это сочувствіе никогда не терялось, оно было живо, и далеко не одно это сочувствіе, но и другія сочувствія, и другія нравственныя стремленія, осуществленіе коихъ ближе бы насъ касалось. Если же всѣ подобныя стремленія не имѣли исхода, если они не могли даже выражаться, а спекуляторство и концессіонерство встрѣчали условія, благопріятныя для своего полнѣйшаго выраженія и даже господства, то это несправедливо приписывать внутреннему состоянію русскаго образованнаго общества. Бываютъ періоды, когда то, что „живетъ въ пѣснѣ, какъ-бы умираетъ въ дѣйствительности“, по выраженію Шиллера, то-есть уходитъ въ глубь души. Но невидимое надъ почвой, озимое зерно цѣло и живо, несмотря на морозы.

Что касается спеціально „безразсудныхъ банковскихъ и желѣзнодорожныхъ спекуляцій“ и стремленій къ наживѣ въ тѣхъ сферахъ и отдѣльныхъ людяхъ, которые заражены или заражаются этимъ зломъ, то слишкомъ наивно думать, будто достаточно было разговоровъ о славянскомъ дѣлѣ и сборахъ въ пользу славянъ, чтобы исцѣлить эти неудачи. Спекулянтъ отъ спекуляціи, какъ игрокъ отъ картъ, ничѣмъ оторванъ не будетъ, кромѣ разоренія. Господство же спекуляціи надъ обществомъ—означаетъ просто отсутствіе нѣкоторыхъ здоровыхъ условій, среди которыхъ на первомъ планѣ стоялъ бы не этотъ элементъ, а правильная жизнь общества. Одного „пробужденія къ славянскому дѣлу“, одного нынѣшняго движенія въ пользу славянъ слишкомъ недостаточно для вліянія на самыя условія жизни, а стало быть, и для выведенія общества изъ-подъ господства спекуляціи „банковской и желѣзнодорожной“. Сошлемся опять на Германію, въ которой, вслѣдъ за полнымъ осуществленіемъ германскаго единства, не одними разговорами о немъ, настало именно время самой

необузданной спекуляціи, окончившейся крахомъ. И мы напрасно стали бы искать фактическихъ доказательствъ, что славянское движеніе вывело насъ изъ-подъ господства спекуляціи, и исцѣлило отъ стремленія къ наживѣ во что бы то ни стало людей, зараженныхъ этимъ стремленіемъ. Наоборотъ, не трудно показать примѣрами, что подобнаго воздѣйствія вовсе не было. Обвиненія въ стремленіи къ наживѣ, въ роскоши и даже въ „гастрономическихъ обѣдахъ", по выраженію г. Ламанскаго, слышались въ средѣ самихъ русскихъ дѣятелей въ Сербіи. Въ числѣ самыхъ горячихъ „дѣятелей" по пропагандѣ движенія, можно указать на лицо, котораго дѣятельность въ Москвѣ была спекулятивнаго характера и окончилась разстройствомъ его дѣлъ въ то самое время, когда этотъ дѣятель совершалъ поѣздки съ цѣлію дать Россіи окончательный толчокъ къ войнѣ, и произносилъ воодушевленные спичи на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Въ Петербургѣ нынѣшнею же осенью, при приближавшейся несостоятельности другого спекулянта, были совершены такія сдѣлки, которыя никакъ не свидѣтельствовали о благотворномъ нравственномъ вліяніи славянскаго движенія на спекуляцію. Въ Кіевѣ недавно страсть къ наживѣ ознаменовалась похищеніемъ бумагъ изъ банка на 900 тысячъ рублей. Насколько же все это можетъ свидѣтельствовать объ исцѣленіи недуга спекуляціи и стремленія къ наживѣ славянскимъ движеніемъ?

Мы разсмотрѣли одинъ за другимъ всѣ факты, указанные г. Ламанскимъ въ смыслѣ благотворныхъ нравственныхъ результатовъ движенія въ пользу славянъ, и ни въ одномъ изъ нихъ не могли найти ничего серьёзнаго, рѣшительно ничего такого, что̀ давало бы право видѣть въ этомъ движеніи „поворотную точку" въ жизни русскаго народа и эру „новаго періода исторической дѣятельности" Россіи. Показаніе г. Ламанскаго для насъ было интересно именно въ его качествѣ виднаго представителя тѣхъ самообольстительныхъ идей, которыми хотѣли вновь отуманить русское общество, отвлечь его отъ работы внутренняго развитія призраками великихъ дѣяній, будто бы имъ нынѣ совершённыхъ и совершаемыхъ.

При обзорѣ этихъ призраковъ, со словъ г. Ламанскаго, мы нарочно оставили совершенно въ сторонѣ тѣ два пункта его воззрѣній, по которымъ споръ съ нимъ былъ бы совершенно безплоденъ, хотя и весьма незатруднителенъ. Это—во-первыхъ, его упреки намъ, въ числѣ всѣхъ людей трезво относящихся къ крайностямъ; во-вторыхъ, славянофильскія утопіи объ окончаніи „петровскаго или петербургскаго періода" русской исторіи. Вступать здѣсь въ споръ съ общимъ славянофильскимъ міровоззрѣніемъ мы считаемъ излишнимъ.

Довольно сказать, что у г. Ламанскаго, какъ у славянофиловъ вообще, на первомъ планѣ является вѣра, и вѣра спеціально въ смыслѣ православія. „Про Русь можно сказать,—пишетъ онъ,—что съ тѣхъ годовъ, какъ она во Христа облеклась, съ тѣхъ поръ, какъ она почувствовала себя живымъ звеномъ вселенскаго православія, она всегда сочувственно откликалась на общія радости и бѣдствія своихъ единовѣрцевъ...“—„На Западѣ мы видимъ только разбродъ личныхъ мнѣній и массу частныхъ попытокъ наполнить ту душевную пустоту, которая обнаруживалась въ западномъ человѣчествѣ по упадкѣ въ немъ христіанства, *впрочемъ, знакомаго ему лишь въ его одностороннихъ и искаженныхъ видахъ, въ католицизмѣ и протестантизмѣ...*“—„Въ замѣчаніяхъ Хомякова о славянахъ выражена цѣлая программа нашихъ отношеній къ славянамъ, *особенно православнымъ*, цѣлый очеркъ нашихъ обязанностей по отношенію къ нимъ...“ и т. д. Эта исключительно вѣроисповѣдная точка зрѣнія проникаетъ насквозь все славянофильство. Она—главная его точка отправленія. Это—та самая точка зрѣнія, съ которой іезуиты писали всеобщую исторію, а піетисты протестантизма провозглашали обновленіе міра тою или другою сектой. Г-нъ В. Ламанскій при этомъ считаетъ себя, конечно, либераломъ, какъ славянофилы вообще, хотя, быть можетъ, и переводитъ это слово иначе, какою-либо чисто русскою слогосовокупностью. Но что́ сказали бы мы о либеральномъ французскомъ или нѣмецкомъ писателѣ, если бы убѣдились, что всѣ его историческія, національныя, международныя и соціальныя представленія основаны на строжайшемъ католицизмѣ или протестантизмѣ?—Мы бы махнули на него рукой... Правда, католичество и протестантство, по убѣжденію г. Ламанскаго, — только искаженные, односторонніе виды христіанства. Но вѣдь ихъ представители, въ родѣ г. Ламанскаго, думаютъ то же самое, только наоборотъ. Если исторія—наука, если публицистика имѣетъ дѣло съ фактами, то возможно ли основывать ту и другую на такихъ апріорическихъ данныхъ, которыя у каждаго отдѣльнаго лица, не только народа, могутъ быть иныя? Нашему славянофильству мѣсто—въ кортежѣ Шталя и Вёлльо, и національная самобытность его представляется только тѣмъ, что оно не додумалось до окончательныхъ, логическихъ выводовъ изъ своего основного воззрѣнія.

Въ концѣ прошлаго декабря былъ годичный праздникъ, съ чтеніемъ отчета въ пріютѣ арестантскихъ дѣтей, учрежденномъ здѣшнимъ тюремнымъ комитетомъ. Объ этомъ пріютѣ въ видѣ образца для другихъ подобныхъ слѣдуетъ поговорить. На пресѣченіе и предупрежденіе преступленій общество и казна расходуютъ милліоны, на рас-

крытіе преступленій и наказаніе преступниковъ—болѣе десятка миллионовъ. Но на предупрежденіе почти роковой необходимости, которая гонитъ на путь преступленія дѣтей, воспитываемыхъ въ преступленіи, казна и общество доселѣ даютъ ничтожныя средства. Колонія для малолѣтнихъ преступниковъ, существующая въ окрестностяхъ Петербурга, получаетъ казенную субсидію. Но есть категорія дѣтей, которыя заслуживаютъ никакъ не менѣе участія, чѣмъ малолѣтніе преступники. Это — дѣти арестантовъ. Они сами не совершили никакого преступленія, кромѣ того, что явились на свѣтъ Божій. Быть можетъ, и родители нѣкоторыхъ изъ нихъ люди, имѣющіе еще цѣну для общества: одни изъ нихъ могутъ быть оправданы, другіе уличены только въ маловажныхъ преступленіяхъ. Но куда дѣваться ихъ дѣтямъ, во время заключенія родителей? Затѣмъ, труднѣйшій кризисъ переживается, какъ извѣстно, преступникомъ, выпущеннымъ изъ тюрьмы въ первый разъ. Заключеніе значительно уменьшило для него возможность пріисканія работы, а между тѣмъ вопросъ о пищѣ есть для него вопросъ, который долженъ быть рѣшенъ въ теченіи первыхъ же часовъ по выходѣ изъ тюрьмы. Положимъ, вы призрѣли ребенка преступной матери на время ея заключенія, но по освобожденіи ея—обязываете ее взять ребенка. Ей и самой-то, зачастую, ѣсть нéчего; чтó станется съ этимъ ребенкомъ, если онъ остался на улицѣ по ея заключеніи, чтó будетъ съ нимъ, если вы его навяжете ей тотчасъ по освобожденіи? Онъ роковымъ образомъ долженъ погибнуть физически или нравственно. Въ девяти случаяхъ изъ десяти, онъ или не переживетъ заключенія родителей, или воспитается врагомъ общества.

Польза пріютовъ, подобныхъ тому, о которомъ мы повели рѣчь, очевидна ужъ изъ такихъ общихъ соображеній. На дѣлѣ же самая исторія учрежденія этого пріюта показываетъ, что учрежденіе его было неизбѣжно, и что обойтись безъ него нельзя. Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, вскорѣ по основаніи „общества попечительства о тюрьмахъ", возникъ вопросъ, кàкъ содержать дѣтей, которыхъ родители заключены въ тюрьмѣ. Дѣти содержались въ тюрьмѣ же, при родителяхъ, но на нихъ не производилось и кормовыхъ денегъ. Уже въ то время заявлено было, въ оффиціальной перепискѣ по этому поводу, что „содержаніе малолѣтнихъ дѣтей, хотя бы и при родителяхъ своихъ, въ такомъ мѣстѣ, кольми паче дѣтей неиспорченной нравственности, представляется вовсе недостойнымъ". Въ началѣ сороковыхъ годовъ вопросъ о кормовыхъ деньгахъ былъ рѣшенъ въ пользу дѣтей арестантовъ, хотя и положено производить эти деньги на дѣтей только въ половинномъ противъ родителей размѣрѣ, и тогда же необходимость удалить дѣтей изъ тюрьмы заставила содержать ихъ въ особомъ пріютѣ на вольнонаемной квартирѣ, на средства „дамскаго тюремнаго комитета". Нынѣшній пріютъ основанъ въ 1869

году. Практическая необходимость заставила, по справедливому замѣчанію одного изъ отчетовъ директора пріюта, г. Пятковскаго, придти къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что вопросъ о призрѣніи арестантскихъ дѣтей составляетъ неотъемлемое дополненіе или, лучше сказать, одно цѣлое съ вопросомъ о содержаніи ихъ родителей; 2) что для призрѣнія этихъ дѣтей должны быть учреждены особые пріюты, по возможности внѣ тюремныхъ стѣнъ; 3) что съ дѣтьми арестантовъ не слѣдуетъ смѣшивать въ одномъ заведеніи несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, и наконецъ 4), что дѣти, однажды призрѣнныя, должны получить воспитаніе и знаніе ремесла, которыя могли бы предохранить ихъ отъ угрожающей имъ нравственной порчи. Съ теченіемъ времени важность этой воспитательной задачи пріюта уяснялась все больше, и пріютъ былъ поставленъ такъ, чтобы общее образованіе въ немъ равнялось курсу народныхъ училищъ, а затѣмъ большинство дѣтей отдаются къ мастерамъ для обученія ремесламъ, если не были возвращены родителямъ.

Но отдача дѣтей въ ученье къ мастерамъ не исключаетъ надзора комитета за ихъ судьбою у мастеровъ, а возвращеніе дѣтей изъ пріюта родителямъ не всегда исполняется тотчасъ за требованіемъ того со стороны родителей. Въ отчетахъ пріюта упоминается о дѣтяхъ, которыхъ родители, по освобожденіи изъ тюрьмы, скоро впадали вновь въ преступленіе; бывали даже примѣры родителей, впадавшихъ въ преступленіе до четырехъ разъ, пока дѣти ихъ находились въ пріютѣ. Само собою разумѣется, что возвращеніе такимъ людямъ дѣтей было бы равносильно предоставленію дѣтей на явную гибель. Поэтому, въ пріютѣ соблюдается вполнѣ раціональное правило: такимъ родителямъ, относительно которыхъ представляется сомнѣніе въ способности ихъ пріучить ребенка къ честному труду, дѣтей не возвращать, но опредѣлять ихъ прямо въ ученье къ мастерамъ или въ училища. Отъ директора пріюта мы слышали, что онъ слѣдитъ за положеніемъ дѣтей у мастеровъ, чтобы избавлять ихъ отъ жестокаго обращенія и дурного содержанія. Это весьма важно, и мы ниже еще упомянемъ объ этомъ предметѣ.

Въ пріютѣ содержится обыкновенно около 30 мальчиковъ, и такъ какъ издержекъ управленія нѣтъ (г. Пятковскій исполняетъ свою должность безплатно), то годовое содержаніе мальчика обходится, какъ видно изъ отчетовъ, отъ 110 до 130 р. Другой подобный пріютъ, для дѣвочекъ, состоитъ подъ покровительствомъ ея высочества Евгеніи Максиміліановны, принцессы Ольденбургской.

Что касается спеціально пріюта для мальчиковъ, котораго отчеты у насъ подъ рукою, то содержаніе его доселѣ еще недостаточно обезпечено. Въ концѣ 1873 года пріютъ едва не остался почти

совсѣмъ безъ средствъ. Впослѣдствіи, г. Пятковскій испросилъ для своего заведенія двѣ ежегодныя субсидіи, каждая въ 600 рублей, отъ городской думы и отъ попечительства надъ исправительной тюрьмою. Сверхъ того, имѣются частныя пожертвованія. Но главныя средства все-таки представляются концертами въ пользу пріюта. Въ настоящее время г. Пятковскій испрашиваетъ назначенія на упроченіе пріюта по 5000 рублей въ годъ, въ теченіи пяти лѣтъ, изъ казны, подобно тому, какъ обществу земледѣльческихъ колоній и пріютовъ назначено изъ казны по 15000 р. ежегодно, въ теченіи шести лѣтъ. Нельзя не пожелать успѣха этому ходатайству. Очевидная польза этого заведенія говоритъ сама за себя, а казенная субсидія, во-первыхъ, упрочила бы его существованіе, во-вторыхъ, при дешевизнѣ содержанія въ немъ дѣтей, дала бы возможность принимать гораздо бо́льшее число ихъ.

Выше замѣчено, что начальство пріюта арестантскихъ дѣтей считаетъ необходимымъ слѣдить за положеніемъ ихъ у мастеровъ, къ которымъ они отдаются въ ученье. Изъ отчетовъ общества земледѣльческихъ колоній оказывается, что и тамъ руководители признаютъ эту необходимость—не оставлять безъ покровительства бывшихъ питомцевъ, отданныхъ на обученіе въ частныя ремесленныя заведенія. Дѣло въ томъ, что положеніе дѣтей у мастеровъ въ большинствѣ случаевъ весьма незавидное, а въ весьма частыхъ случаяхъ крайне-бѣдственное. Мастера смотрятъ на малолѣтнихъ учениковъ прежде всего какъ на даровую прислугу. Десятилѣтній мальчикъ у мастера замѣняетъ поломойку, прислугу, разсыльнаго, носитъ воду и дрова, прислуживаетъ хозяину, его семейству и подмастерьямъ, и отъ всѣхъ получаетъ колотушки. Содержится онъ грязно, нерѣдко впроголодь. Года два онъ ремеслу собственно не учится, да и потомъ обыкновенная черная работа отнимаетъ много времени отъ ученья. Всѣ малолѣтніе ученики у мастеровъ обременены непосильною работой. Достаточно взглянуть на любого мальчика у нашихъ сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, мѣдниковъ, кузнецовъ, чтобы прочесть на блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ этого несчастнѣйшаго въ мірѣ существа исторію тяжкой кабалы, гнуснѣйшей эксплуатаціи. Иногда жестокость мастера и подмастерьевъ доводитъ учениковъ до самоубійства. И въ дѣйствительности обращеніе съ ними всегда жестоко, потому что у мастеровъ такое преданіе. Подмастерье и мастеръ вымещаютъ на ученикахъ то, что́ претерпѣли сами въ ихъ годы. Прошлымъ лѣтомъ, въ 13-мъ участкѣ здѣшняго мирового округа, разбиралось дѣло по жалобѣ ученика Лукьянова, 12-ти лѣтъ, на мастера Виноградова въ жестокомъ обращеніи.

Мальчикъ въ дырявомъ, изорванномъ тиковомъ халатѣ умолялъ судью освободить его отъ хозяина, который его постоянно бьетъ, а заступиться за него некому. Въ скольких случаяхъ, изъ ста, можно себѣ представить, что 12-ти-лѣтній мальчикъ обратится къ суду для защиты отъ хозяина? Въ числѣ ничтожномъ, навѣрное; быть можетъ, случаевъ самоубійства между малолѣтними учениками бываетъ не менѣе, чѣмъ случаевъ обращенія къ суду. Лукьяновъ разсказывалъ, что хозяинъ, возвратясь домой, безъ всякаго повода „схватилъ его за волосы и сталъ таскать самымъ безжалостнымъ образомъ". Но онъ вѣроятно и въ этотъ разъ не пожаловался бы на столь обычную расправу, если бы хозяинъ не сталъ грозить ему, что убьетъ его. Конечно, хозяинъ его бы не убилъ, но испугавшемуся мальчику оставалось одно изъ двухъ: топиться, или бѣжать къ мировому судьѣ; онъ догадался сдѣлать послѣднее. Обвиняемый, мастеръ Виноградовъ, отрицалъ жестокость, но не отрицалъ побоевъ. Онъ билъ мальчика, такъ какъ „безъ этого нельзя. Насъ и самихъ били, оттого мы и людьми вышли. *Всѣ хозяева бьютъ учениковъ*", продолжалъ мастеръ: „такъ ужъ споконъ вѣка заведено, безъ этого какое бы и ученье было!"

Пусть подумаютъ всѣ, кому дороги дѣти, и всѣ развитые люди, которыхъ не можетъ не смутить эта мысль, что ежечасно хоть здѣсь, въ Петербургѣ, масса дѣтей подвергается такимъ страданіямъ, которымъ не подвергается ни одинъ взрослый. У людей, любящихъ внутренній комфортъ, у эгоистовъ, на это готовъ отвѣтъ, что у насъ въ народѣ и родители бьютъ дѣтей; такъ ужъ и въ самомъ дѣлѣ „споконъ вѣка заведено". Не будемъ слишкомъ расширять вопроса и замѣтимъ только, что своихъ бьютъ не такъ, какъ чужихъ. Необходимо было бы усиленіе бдительнаго присмотра за ремесленными заведеніями въ отношеніи содержанія учениковъ, изданіе правилъ и предоставленіе полиціи вчинать дѣло по этому предмету у мировыхъ судей, независимо отъ личнаго желанія потерпѣвшихъ. Но для самаго надзора нужны спеціальные надзиратели. Содержаніе съ этой цѣлью особыхъ надзирателей, хотя бы это и обошлось городу въ 3000 р. въ годъ, не разорило бы его, но могло бы устранить то безобразіе въ столицѣ, которое гораздо возмутительнѣе, чѣмъ грязь на улицахъ. А во что̀ обходится уборка этой грязи петербургскимъ домовладѣльцамъ? Сверхъ того, если бы дума нашла возможнымъ учредить нѣсколько ремесленныхъ школъ, то пріемъ учениковъ моложе 16-ти лѣтъ могъ бы быть вовсе воспрещенъ хозяевамъ мастерскихъ. Въ этихъ заведеніяхъ дѣти гибнутъ нравственно почти такъ же неизбѣжно, какъ въ тюрьмахъ: въ самомъ дѣлѣ, матеріальное положеніе дѣтей въ мастерскихъ хуже, чѣмъ въ

тюрьмѣ, и нравственный соблазнъ, который въ тюрьмахъ представляется во внушеніяхъ, въ разговорахъ, здѣсь, то-есть въ мастерскихъ, гдѣ малолѣтнія подчиняются пьянымъ подмастерьямъ,—пожалуй, хуже, потому что представляется примѣромъ. Начавъ отъ ежедневныхъ посылокъ за водкой въ кабакъ, мальчикъ нерѣдко ранѣе 15-ти-лѣтняго возраста самъ привыкаетъ пить водку. Ремесленныя школы для дѣвочекъ дали бы возможность воспретить пріемъ и ихъ въ швейныя и другія мастерскія ранѣе 16 лѣтъ; стóитъ справиться въ пріютѣ св. Магдалины и въ дѣлахъ врачебно-полицейскаго комитета, чтобы убѣдиться въ возмутительныхъ фактахъ, представляемыхъ нынѣшнимъ положеніемъ дѣлъ. Ремесленныя школы представляли бы уже то огромное достоинство, что въ нихъ не терялось бы время на простую, чернорабочую кабалу; въ нихъ достаточно было бы двухлѣтняго ученья тому, на чтó у мастеровъ требуется пять, если не больше, лѣтъ. О преимуществахъ нравственныхъ мы уже и не говоримъ, такъ какъ они слишкомъ очевидны.

О фабричныхъ дѣтахъ также слѣдуетъ, наконецъ, подумать серьёзно. Неужели все улучшеніе ихъ положенія въ Россіи ограничится проектомъ г. Янсона, такъ какъ объ осуществленіи чего-либо подобнаго этому проекту доселѣ ничего не слышно. Тутъ нужны мѣры законодательныя, подобныя хоть тѣмъ, которыя введены вездѣ на Западѣ. Или славянофилы наши скажутъ, что и въ этомъ общественномъ вопросѣ должно выработать самостоятельное „національное" сознаніе? Образчикъ „національнаго сознанія", какъ оно выражается въ этомъ отношеніи нынѣ, въ здоровомъ организмѣ Руси, сравнительно съ „разложеніемъ" проявляющимся на Западѣ (по словамъ г. В. Ламанскаго), мы заимствуемъ изъ недавняго описанія жизни рабочихъ на шелкокрутильной фабрики братьевъ Русаковыхъ, въ богородскомъ уѣздѣ (помѣщенномъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ")... „Войдите въ мотальню, вы увидите женщинъ всякаго возраста, начиная отъ 14-ти-лѣтняго... Худыя, блѣдныя, изнеможденныя, съ лицами покрытыми преждевременными морщинами, въ жалкихъ лохмотьяхъ сидятъ онѣ, согнувшись возлѣ своихъ станковъ... У нихъ не было дѣтства, у нихъ нѣтъ и юности... Такъ работаютъ онѣ *18 часовъ* въ сутки (!!), съ 10-ти часовъ вечера до 4-хъ дня, получая за это 35 рублей въ годъ". Примѣрно по гривеннику за 18 часовъ тяжкой работы! Спрашивается, чѣмъ каторга хуже этого? Чтó теряетъ такая дѣвушка, если совершитъ кражу и хотя бы убійство? Свободу? Но какая же свобода въ 6-ти часахъ, остающихся изъ сутокъ для сна? Стѣны .. и тутъ тѣ же стѣны. Только на каторгѣ спать можно больше.

Ужасно подумать, что такой участи обречены на всю жизнь невинныя существа, даже малолѣтнія.

Вообще же говоря, всякія мѣры защиты и покровительства малолѣтнимъ у насъ совершенно необходимы. Что́ бы ни говорили славянофилы о природной нашей, славянской, задушевности и добротѣ, эксплуатація русскаго фабриканта и мастера никакъ не лучше хозяина иностраннаго, а скорѣе хуже; хуже потому, что слишкомъ рѣзкой наглости ея и ея грубаго насилія не сдерживаютъ образованность, общественное мнѣніе, надзоръ и починъ кружковъ, то-есть такіе элементы, которые у насъ или слабѣе, чѣмъ на Западѣ, или и вовсе не существуютъ въ извѣстныхъ сферахъ. Съ особеннымъ сочувствіемъ мы прочли появившееся въ газетахъ, въ концѣ минувшаго года, извѣстіе о предположеніи петербургскаго „фребелевскаго общества" основать особое „общество покровительства дѣтей". Одною изъ цѣлей этого общества и будетъ: „привлеченіе образованной публики къ наблюденію за фактами возмутительнаго обращенія разныхъ хозяевъ мастерскихъ, лавочекъ и т. п. съ дѣтьми, находящимися у нихъ въ ученіи". Но, сверхъ того, членамъ общества было бы поручено вообще оказывать защиту дѣтямъ, находящимся въ бѣдственномъ положеніи, отъ важныхъ и хотя бы до такихъ „мелкихъ" случаевъ, какіе представляются, напримѣръ, дурнымъ обращеніемъ съ ними нянекъ на улицѣ, разноскою нищими малолѣтнихъ дѣтей въ сильнѣйшіе морозы, для увеличенія сбора милостыни и т. п. Достаточно напомнить, что для подобной защиты животныхъ существуетъ общество; а дѣти въ рукахъ дикаго звѣрства или пьяной грубости не менѣе безпомощны, чѣмъ животныя. Общество „покровительства дѣтей", по своей цѣли, заслуживало бы болѣе сочувствія, чѣмъ всякое иное общество, какого бы то ни было наименованія. Возможность осуществленія и практическихъ результатовъ дѣятельности этого общества удостовѣряется фактомъ, что подобныя общества существуютъ заграницею, между прочимъ въ Парижѣ, и приносятъ пользу. Свѣдѣнія о нихъ собраны на мѣстахъ г. Каховскимъ, предсѣдателемъ фребелевскаго общества, которому принадлежитъ и самая мысль объ учрежденіи такого общества въ Петербургѣ.

Правда, намъ уже впередъ слышится возраженіе: гдѣ услѣдить за всѣми случаями насилія: то, что́ можно замѣтить, будетъ каплей въ морѣ и т. д. Но такъ говоритъ не холодный разсудокъ, а просто лѣность и эгоизмъ. Сочтите число констатируемыхъ ежегодно преступленій; прибавьте къ этому число, хоть 10% (слишкомъ мало), преступленій, остающихся неизвѣстными. Отмѣтьте число преступленій, по которымъ слѣдствіе не приводитъ ни къ чему. Затѣмъ, возьмите процентъ дѣлъ, по которымъ заявляется судебное обвине-

ніе. Наконецъ, изъ этого числа возьмите еще тотъ процентъ, какой представляется дѣйствительными обвинительными приговорами. Выйдетъ, что не болѣе, чѣмъ за одно преступленіе изъ десяти виновный дѣйствительно подвергается карѣ. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что безполезны и полиція, и юстиція, такъ какъ наказаніе является исключеніемъ, а правиломъ — безнаказанность? Въ вопросахъ этого рода всегда повторяется тоже недоразумѣніе, какъ о часовомъ, что̀ стоитъ у сундука и въ десять лѣтъ не поймалъ ни одного вора. Попробуйте снять этого часового. Общественная самооборона, къ каковой функціи принадлежала бы и дѣятельность общества покровительства дѣтей, многое предупреждаетъ уже тѣмъ самымъ, что она существуетъ, что о существованіи ея извѣстно, что съ покушеніемъ соединяется рискъ. Сверхъ того, дѣятельность подобнаго общества имѣла бы нравственное вліяніе, проводя въ массу дѣломъ, примѣрами осужденій, сознаніе, что грубое насиліе порицается, что совершая его нарушаешь законъ и идешь наперекоръ правамъ. Между тѣмъ нынѣ „учить жену", „учить дѣтей" посредствомъ грубѣйшаго насилія массѣ представляется едва ли не обязанностью: „такъ споконъ вѣка заведено", говорилъ мастеръ Виноградовъ. Крестьянина вы ничѣмъ не увѣрите, кромѣ какъ судебной практикой, что ему не „дана власть надъ женою" въ смыслѣ насилія. Онъ убѣжденъ, что за тиранство его стоитъ законъ и, къ сожалѣнію, надо признаться, что законъ, столь словоохотливый, когда дѣло касается, напр., мельчайшихъ подробностей порядка вычетовъ изъ жалованья при полученіи мѣстъ, слишкомъ молчаливъ въ томъ дѣлѣ, въ которомъ вопіютъ страданія бо̀льшей половины народа. Бо̀льшую половину народа составляютъ женщины и дѣти...

Говорятъ еще: здѣсь улучшеній можно ожидать только отъ распространенія образованности, отъ поднятія уровня развитія, отъ смягченія нравовъ. Но вѣдь и это — не болѣе какъ общее мѣсто: ничего не дѣлать, полагаясь во всемъ на ту музыку будущности, которая emollit mores. Уголовная статистика показываетъ, что и виды преступленій нѣсколько измѣняются съ поднятіемъ уровня развитія; однакоже мы не возлагаемъ уменьшеніе грабежей или кражъ со взломомъ на одно естественное дѣйствіе успѣховъ развитія. Серьёзное препятствіе ко введенію въ законодательство гуманнаго принципа защиты безпомощныхъ, то-есть дѣтей, и слабыхъ, то-есть женщинъ, представляется вовсе не дѣловыми, раціональными соображеніями по существу самаго дѣла, а тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что законы выработываются и обсуждаются взрослыми мужчинами. *Ихъ* эти вопросы „не занимаютъ". А между тѣмъ, отъ правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ въ значительной степени зависитъ самое воспитаніе

массы нашего народа, самая будущность его, а съ нимъ и того общества, которое образуется изъ него же. Отсутствіе твердыхъ нравственныхъ понятій, слабость чувства личнаго, человѣческаго достоинства, самый недостатокъ умственной жизни и такъ называемыхъ культурныхъ „идеаловъ", многое даже, чтó у насъ приписывается дѣйствію напускного „нигилизма"—зависятъ въ огромной, еще неразгаданной у насъ степени, отъ того природнаго, внутренняго нравственнаго нигилизма, который всасывается съ молокомъ *битой*, плачущей, обремененной, хирѣющей матери ребенкомъ, который, затѣмъ ставъ на ноги, не видитъ ни дóма, ни въ людяхъ, ничего, кромѣ безпощаднаго реализма животной силы.

Легко сказать: рѣшеніе этихъ вопросовъ! возразятъ намъ. Но и это возраженіе ничего въ сущности не значитъ. *Всего*, въ смыслѣ идеальномъ, никогда нельзя сдѣлать. Когда шла рѣчь объ улучшеніи быта крестьянъ, можно было возражать точно также: улучшеніе быта! Легко сказать, но кáкъ доставить массѣ крестьянства благоденствіе? —Все это—однѣ отговорки эгоизма и лѣности. Всего никогда нельзя сдѣлать, но многое сдѣлать вовсе не невозможно, а нѣчто — даже очень легко. Мы уже не разъ высказывали мысль, что полезно было самое провозглашеніе закономъ принципа, что мужъ не имѣетъ права бить жену и что жестокость въ обращеніи съ малолѣтними наказывается двумя степенями строже, чѣмъ равное насиліе надъ взрослымъ. Пусть законъ этотъ не всегда примѣняется, но даже и рѣдкіе случаи его примѣненія введутъ въ неотдаленное время въ сознаніе массы самый принципъ этого закона. Но, сверхъ того, можно указать на много практическихъ мѣръ, которыя могли бы облегчить достиженіе той же цѣли. Въ видѣ примѣра, укажемъ на вопросъ о правѣ жены на отдѣльное жительство отъ мужа въ случаѣ признаннаго мировымъ или волостнымъ судомъ факта жестокаго обращенія. Извѣстно, что гуманная практика, принятая нѣкоторыми мировыми судьями въ этомъ отношеніи, далеко не имѣетъ твердаго основанія въ законѣ. Что касается практики волостныхъ судовъ, то она доселѣ положительно не рѣшается прямо нарушать право мужа, каково бы ни было злоупотребленіе этимъ правомъ. За жестокое обращеніе волостной судъ, и то въ рѣдкихъ случаяхъ, полагаетъ мужу наказаніе. Но женѣ отъ этого бываетъ не только не легче, а хуже; жена можетъ скрыться, но нигдѣ жить безъ билета не можетъ, а билетъ никогда не выдается ей изъ волости безъ согласія мужа. Отсюда является не только всегдашняя возможность для мужа вытребовать жену къ себѣ для новыхъ обидъ, но и возмутительная эксплуатація, состоящая въ томъ, что мужъ заставляетъ жену откупаться отъ себя,

пускаетъ такъ сказать на оброкъ или просто продаетъ свое право. Развѣ хоть тѣ злоупотребленія, которыя такимъ образомъ зависятъ просто отъ молчанія закона, трудно устранить? Развѣ достойно общества притворствовать и возлагать надежды на будущее „общее поднятіе уровня развитія“ и т. д., когда достаточно десяти строкъ закона,—столь многоглаголиваго въ иныхъ случаяхъ, — чтобы точнѣе опредѣлить права́ мужа, которыя, какъ всякія права́, должны имѣть предѣлы? Такъ, напр., для рѣшенія вопроса о правѣ отдѣльнаго жительства жены, совершенно достаточно упомянуть въ законѣ, что въ случаяхъ признаннаго мировымъ или волостнымъ судомъ факта жестокаго обращенія мужа съ женой или главы семейства съ несовершеннолѣтними дѣвушками, билетъ на отдѣльное проживаніе потерпѣвшихъ можетъ быть выдаваемъ безъ согласія представителя семейной власти.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е февраля, 1877.

Увлеченія и факты.

„Галльскій пѣтухъ кричитъ, но не дерется"—такъ англичане дразнили французовъ во времена Людовика-Филиппа. Но, можетъ быть, выраженіе это приличествуетъ и Франціи намъ современной? Извѣстно, вѣдь, что она не дерется: не готова къ войнѣ, а потому не хочетъ войны. Даже десяти жандармовъ Франція не ссудила Портѣ, несмотря на ходатайство послѣдней, боясь, чтобы эти десять жандармовъ, въ силу какой-нибудь крайности, не втянули въ войну всей Франціи. Вотъ въ этомъ-то и различіе Франціи нынѣшней и Франціи тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ то время, правительство не хотѣло войны, но партіи хотѣли ея, въ томъ числѣ крайніе радикалы. Вспомнимъ, какъ строго осудилъ Луи Бланъ въ своей „Исторіи десяти лѣтъ" Людовика-Филиппа, этого Napoléon de la paix. Партіи кричали о войнѣ, голосъ націи слышался въ ихъ крикахъ; а драться Франція все-таки не дралась. Теперь не то. Не правительство одно, но вся французская нація единомысленно сознаетъ, что Франція къ войнѣ не готова, а *потому* вся нація не желаетъ войны. Галльскій пѣтухъ нынче не только не дерется, но и не кричитъ, чтó весьма благоразумно. Въ исторіи Франціи бывали случаи болѣе прискорбные, чѣмъ уменьшеніе національнаго престижа. Было весьма недавно такъ, что, не будучи нисколько готовою къ войнѣ, Франція пошла на войну и потерпѣла пораженіе. Это ужъ всего хуже, конечно. Но не особенно завидно бывало положеніе Франціи и въ то время, когда воинственность общественнаго мнѣнія не оправдывалась политикою правительства.

Чужіе примѣры должно принимать къ свѣдѣнію, иначе исторія не имѣла бы цѣны практической. Съ самаго начала движенія въ Россіи въ пользу славянъ, мы предостерегали общество въ такомъ смыслѣ, что для общества обязательно поддержать всѣми силами правительство, когда оно само рѣшится на войну; но излишне стараться толкнуть нашу политику впередъ. Мы настаивали на томъ, что рѣшеніе вопроса о мирѣ и войнѣ, даже въ государствахъ представительныхъ, всецѣло принадлежитъ правительству. Мы напоминали, что общественному мнѣнію извѣстны только самыя общія данныя положенія дѣлъ, но неизвѣстны такія отдѣльныя условія его,

которыя въ извѣстный моментъ могутъ имѣть самое существенное значеніе. При этомъ мы сослались на возраженіе князя Бисмарка по поводу предъявленнаго ему замѣчанія объ иностранной политикѣ: „вы, быть можетъ, умнѣе меня, но я знаю больше васъ, и въ этомъ моя сила".

Возьмемъ нынѣшнее, видимое положеніе дѣлъ. Константинопольская конференція не удалась; послы уѣхали или уѣзжаютъ. О возобновленіи переговоровъ покамѣстъ нѣтъ рѣчи. Неизвѣстно даже, съ какой точки отправленія они могли бы возобновиться, такъ какъ Порта отвергла все сколько-нибудь существенное даже въ минимумѣ требованій, дважды передѣланныхъ конференціею. Имѣется только надежда, что Порта сама придетъ къ прямому соглашенію съ Сербіею и Черногоріею, и что Порта сама же, собственнымъ почином, изъ „собственнаго великодушія и подъ собственной гарантіей" сдѣлаетъ болгарамъ, герцеговинцамъ и боснякамъ уступки въ родѣ тѣхъ, какія предположено было вытребовать отъ нея, въ формѣ обязательства передъ Европою.

Какъ судить о такомъ положеніи дѣлъ, какъ оцѣнить его? Съ точки зрѣнія крайней, не чуждой шовинизма, возбужденнаго возгласами нѣкоторыхъ газетъ и требовавшаго объявленія войны Россіею Турціи еще лѣтомъ, вслѣдъ за начатіемъ войны Сербіею,—такой исходъ для насъ есть положительное фіаско. Войну, по этому воззрѣнію, слѣдовало начать полгода тому назадъ, но вмѣсто того Россія еще разъ пошла на переговоры, ожидая отъ нихъ полной независимости Сербіи, освобожденія Болгаріи, Герцеговины и Босніи. Вмѣсто немедленнаго изгнанія турокъ изъ Европы, русская политика соглашалась потерпѣть ихъ долѣе, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы славяне стали свободны. Затѣмъ Россія дѣлала уступку за уступкой все для того, чтобы не разойтись съ державами, наконецъ, въ согласіи съ ними, низвела свои требованія ниже всякаго возможнаго уровня,—и что же дало ей пріобрѣтенное такимъ образомъ содѣйствіе Европы? Отказъ Порты даже и отъ этихъ скромнѣйшихъ предложеній. Если Сербія удержитъ status quo, а болгары и герцеговинцы пріобрѣтутъ какія-либо, конечно, номинальныя только права, то и это теперь будетъ сдѣлано помимо Россіи. Россія же имѣетъ передъ собой доселѣ полнѣйшій неуспѣхъ. Съ этой точки зрѣнія представлялось бы весьма страннымъ мнѣніе, высказываемое нынѣ газетою „Nord", будто война Сербіи и Черногоріи съ Портою „была лишь побочнымъ эпизодомъ главнаго вопроса"; а потому нѣтъ ничего невозможнаго въ заключеніи мира между ними помимо державъ, то-есть Россіи. Какъ „побочнымъ эпизодомъ"? да вѣдь у нихъ все движеніе въ обществѣ началось именно съ момента и вслѣд-

ствіе начала войны Сербіи съ Турціею, вслѣдствіе перваго шага, сдѣланнаго генераломъ Черняевымъ на турецкую территорію. Уже затѣмъ, болгарскіе ужасы воспламенили общество еще бóльшимъ нетерпѣніемъ. Сербія, начиная войну, прямо разсчитывала на нашу помощь, русскіе сражались за Сербію въ ожиданіи помощи со стороны нашихъ войскъ. Если все это считается „побочнымъ эпизодомъ" и миръ Порты съ Сербіею будетъ заключенъ помимо Россіи, то это будетъ нелестнымъ исходомъ.

Вотъ, повторяемъ, что можетъ теперь прійти у насъ на мысль многимъ, а пожалуй и большинству, именно, потому что большинство одно время было увлечено въ крайность и, запутавшись въ представленіяхъ, неимѣвшихъ ничего общаго съ реальностью, упустило изъ виду то, каковъ въ дѣйствительности былъ въ этомъ дѣлѣ ходъ русской политики, а не коловращеніе общественнаго возбужденія. Если же мы напомнимъ себѣ главныя черты реальнаго хода русской политики, то придемъ совсѣмъ къ иному заключенію о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, и пожалуй даже признаемъ соображенія „Nord" нелишенными основательности.

Возникъ вопросъ на этотъ разъ не изъ-за Сербіи и Черногоріи, которыя давно уже пользуются полною внутреннею независимостью, но изъ-за положенія христіанъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Въ Герцеговинѣ и Босніи былъ возбужденъ о положеніи христіанъ тотъ именно „общій вопросъ", о которомъ „Nord" говоритъ, что онъ и нынѣ „все-таки останется на лицо". Сами Сербія и Черногорія начали войну не изъза себя, но изъ-за преслѣдованія славянъ въ Герцеговинѣ и Босніи. Война эта имъ не удалась и потому „общаго вопроса" не рѣшила. Значитъ, попытка двухъ княжествъ рѣшить вопросъ вооруженною рукой можетъ, пожалуй, быть разсматриваема, какъ „побочный эпизодъ": если бы Сербія и Черногорія остались спокойными, вопросъ о положеніи христіанъ въ Босніи и Герцеговинѣ чрезъ то не утратилъ бы своего значенія. Русское правительство, представляемое въ иностранной политикѣ канцлеромъ иностранныхъ дѣлъ, а не газетами и не кѣмъ-либо, стоящимъ внѣ правительства, не уполномочивало княжества на ихъ попытку; напротивъ, оно ихъ отъ нея удерживало. Но если, такимъ образомъ, они начали съ Портой войну помимо русскаго правительства, то и миръ можетъ быть заключенъ Портою съ ними, помимо того же правительства. „Общій же вопросъ все-таки останется на лицо" и какъ говоритъ еще „Nord": „отношенія ихъ (воевавшихъ сторонъ) снова окажутся въ такомъ же положеніи, въ какомъ были до войны, а заключеніе мира между ними оставило бы во всей цѣлости ту задачу, которую Европа преслѣдовала до войны".

На это слышится возраженіе: Европа! А Россія? Почему же рѣчь

сводится теперь къ задачамъ Европы, а не къ задачамъ Россіи? На это необходимо замѣтить, что „Nord" исходитъ изъ реальныхъ фактовъ нашей дипломаціи, а съ самаго начала и по настоящее время она имѣла не одну, а двѣ задачи: улучшеніе участи христіанъ и вмѣстѣ согласіе со всею Европою, по мѣрѣ возможности, съ двумя сосѣдними имперіями—до самой крайней степени возможности. Можно ли было ожидать слишкомъ многаго на этомъ пути, въ особенности, можно ли было питать тѣ преувеличенныя надежды, какія подсказывались обществу нѣкоторыми публицистами — это уже другой вопросъ; это вопросъ, надъ которымъ тѣмъ публицистамъ и самому обществу слѣдовало призадуматься прежде, чѣмъ лелѣять несбыточныя мечты. Но если тутъ могло явиться разочарованіе, оно произошло не по волѣ русской политики. Оно съ самаго начала и до нынѣшняго времени основывалось на мысли достигнуть улучшенія участи балканскихъ славянъ въ союзѣ съ двумя сосѣдними имперіями, и, по мѣрѣ возможности, и въ согласіи съ прочими великими державами. Ни прямыя ея заявленія, ни статьи „Nord" и обозрѣнія „Journal de St.-Pétersbourg", то-есть отзывы газетъ, довольно вѣрно слѣдящихъ за направленіемъ русской политики, не давали никакого права предполагать, что Россія рѣшилась, напримѣръ, пожертвовать союзомъ трехъ императоровъ для осуществленія такой программы, которая представляла бы совершенно самостоятельныя ея требованія. А при такомъ несомнѣнномъ фактѣ, нужно было слишкомъ много увлеченія и оптимизма со стороны нашихъ публицистовъ, чтобы ожидать осуществленія тѣхъ результатовъ, которые они имѣли въ виду: изгнанія турокъ изъ Европы, признанія сербскаго королевства, освобожденія Болгаріи, Герцеговины и Босніи, не говоря уже о созданіи славянской федераціи подъ покровительствомъ Россіи и т. д..

Между тѣмъ, именно эти преувеличенныя ожиданія, провозглашавшіяся въ теченіи 6-ти мѣсяцовъ, и служатъ поводомъ къ тому пессимистскому воззрѣнію на нынѣшнее положеніе дѣлъ, какое можетъ быть усвоено многими. Изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ, одно правительство русское съ самаго начала герцеговинскаго возстанія захотѣло понять его значеніе и указало на него другимъ державамъ, какъ на симптомъ положенія дѣлъ, которое должно подлежать измѣненіямъ. Одно русское правительство, искренно и настойчиво, но выдерживая логически *оба* принципа, руководящіе его политикой, вело впослѣдствіи и до сихъ поръ Европу къ разрѣшенію вопроса объ облегченіи судьбы балканскихъ христіанъ. Оно соглашалось на минимумъ требованій, но для того, чтобы этотъ минимумъ былъ дѣйствительно осуществленъ при содѣйствіи другихъ державъ. Таковы были сперва извѣстные пункты Андраши, потомъ дополненіе ихъ въ

берлинскомъ меморандумѣ, затѣмъ программа, условленная между представителями державъ на предварительной конференціи въ Константинополѣ. Одинъ только разъ русская политика какъ-бы отдѣлилась отъ общаго дѣйствія державъ. Это былъ ультиматумъ, который впрочемъ фактически спасъ Сербію. Но этотъ ультиматумъ относился именно къ „сербскому эпизоду", а не къ общему вопросу о положеніи турецкихъ славянъ; общаго вопроса ультиматумъ нисколько не подвигалъ впередъ, онъ его даже не касался. Этотъ общій вопросъ въ той мѣрѣ, какая обусловилась общимъ соглашеніемъ державъ, могъ быть рѣшенъ на конференціи, происходившей въ Константинополѣ. Онъ рѣшенъ на ней не былъ. Но онъ, тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ „Nord", „остается на лицо". Онъ рѣшенъ не былъ не вслѣдствіе разстройства согласія между державами, но по винѣ Порты, отвѣчавшей отказомъ на требованія всей Европы; онъ еще подлежитъ рѣшенію и не только не сдѣлалъ шага назадъ, а наоборотъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, покамѣстъ, правда, только въ дипломатическомъ смыслѣ. Отъ первоначальнаго нерасположенія державъ (кромѣ Россіи) поставить герцеговинскій вопросъ на международную почву есть шагъ до предложеній Андраши, которыя уже представляли международное рѣшеніе вопроса, хотя и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формъ, охранявшихъ верховныя права султана. Отъ этихъ предложеній до берлинскаго меморандума, въ которомъ уже была рѣчь о необходимости гарантіи въ видѣ наблюдательной коммиссіи,—еще шагъ. Отъ этого меморандума, къ которому Англія не присоединилась, до фактическаго осуществленія европейской конференціи—снова шагъ. Удачи въ выработкѣ новой, уже гораздо болѣе широкой программы на предварительной конференціи, расширеніе вопроса изъ герцеговинско-боснійскаго на Болгарію, съ требованіемъ какихъ бы то ни было матеріальныхъ гарантій, заявленіе этой новой программы Портѣ при дѣятельномъ участіи со стороны Англіи, наконецъ—вслѣдствіе отказа Порты—объявленіе ей, прежде всѣхъ именно уполномоченнымъ Великобританіи, что державы возлагаютъ на Порту всю отвѣтственность за послѣдствіе ея отказа, все это, въ смыслѣ дипломатическомъ, замѣтные шаги впередъ, и если отъ настоящаго дипломатическаго положенія дѣлъ мы обернемся назадъ къ тому, какое было при началѣ герцеговинскаго возстанія, когда Россія говорила одна, и всѣ державы отвѣчали ей полной недовѣрія уклончивостью, мы должны будемъ признать, что нынѣшнее положеніе гораздо благопріятнѣе. Чѣмъ же создано оно, какъ не настойчивымъ, хотя осторожнымъ починомъ Россіи и только ея одной, такъ какъ безъ ея настояній не было бы вѣроятно ничего, потому что дѣло вела именно она.

О какомъ же пораженіи или неуспѣхѣ можетъ быть рѣчь, если стать на точку зрѣнія реальныхъ фактовъ хода русской политики? Иначе, конечно, пришлось бы судить нынѣшнее положеніе дѣлъ, если бы стать на крайнюю точку тѣхъ ожиданій, которыя у насъ провозглашались въ печати и раздѣлялись обществомъ. Но если ожиданія эти не имѣли для себя реальной основы въ дѣйствительномъ ходѣ русской политики, то и слѣдуетъ признать, что неуспѣхъ потерпѣли они, а не она. Но вотъ невыгодное послѣдствіе такого увлеченія части русской печати: заграницею не многіе дадутъ себѣ трудъ отличить то, что́ она заявляла, отъ того, ка́къ въ самомъ дѣлѣ дѣйствовало русское правительство. Въ заграничной прессѣ намъ теперь навѣрное скажутъ: вы требовали независимости всѣхъ славянъ, требовали сербскаго королевства, говорили о предводительствѣ въ славянствѣ, даже объ изгнаніи турокъ и о Константинополѣ. Вы много кричали, но вотъ получили полный отказъ, и вы все-таки не деретесь, потому что не можете драться.

Тѣ, которые громко провозглашали несбыточныя, въ настоящее время, надежды, конечно, испытали неуспѣхъ и разочарованіе. Но этого нельзя сказать о Россіи, представляемой реальною русской политикою. О ея неуспѣхѣ могла бы быть рѣчь только въ такомъ случаѣ, если бы она принуждена была отказаться отъ обоихъ принциповъ, которыхъ держалась: если бы она должна была отказаться на этотъ разъ отъ облегченія участи балканскихъ славянъ, или если бы согласіе между тремя имперіями разстроилось. Но ни того, ни другого нѣтъ. Переговоры продолжаются, самая мысль о занятіи Болгаріи русскими войсками, Босніи и Герцеговины—австрійскими, возникла вновь, вслѣдъ за выѣздомъ пословъ изъ Константинополя. Русская политика не „кричала"; наоборотъ, она держалась очень осторожно и скромно. Что́ же касается вопроса, способна ли Россія весть войну, то онъ рѣшился бы гораздо скорѣе, чѣмъ теперь думаютъ нѣмецкія газеты, если бы только что́-либо прямо затронуло честь Россіи, ходатайствующей за славянъ. Значительная часть русской арміи мобилизована. Достаточно было бы, чтобы теперь надъ славянами совершено было какое-либо насиліе. Пусть бы турки попробовали теперь сдѣлать въ Болгаріи десятую часть того, что́ они въ ней дѣлали лѣтомъ. Въ то время они совершали безнаказанно ужасныя злодѣянія; теперь они не смѣютъ предпринять малѣйшей доли ихъ. Развѣ это не есть весьма реальный успѣхъ. Если прусскія и австрійскія газеты издѣваются теперь надъ нами, то Порта повидимому думаетъ нѣсколько иначе о нашей „неготовности" къ войнѣ. Если бы она не вѣрила въ нашу готовность, одно слово Россіи не могло бы остановить турецкія войска на пути побѣдъ, мусульманское правитель-

-ство не провозгласило бы конституцію, начальникъ баши-бузуковъ, свирѣпствовавшихъ въ Болгаріи, не былъ бы приговоренъ къ смертной казни, а беги въ Босніи и Герцеговинѣ не сидѣли бы такъ смирно, какъ сидятъ теперь.

Канцлеръ британскаго казначейства, сэръ Стаффордъ Норткотъ, въ рѣчи, произнесенной въ Ливерпулѣ, опредѣлилъ въ сущности вѣрно нынѣшнее положеніе дѣлъ, сказавъ, что оно лучше, чѣмъ было до созыва конференціи, и что успѣхи представляются какъ въ томъ, что была прервана война, такъ и въ томъ, что недовѣріе, существовавшее между державами, разсѣялось. Прибавимъ къ этому немаловажный успѣхъ, зависящій отъ самой нашей мобилизаціи, а именно, что Порта, хотя и отвѣчала отказомъ на требованія относительно славянъ, которыя были ей предъявлены, но положительно не смѣетъ начать расправы съ ними, какая всегда бывала вслѣдъ за дѣйствительнымъ неуспѣхомъ заступничества за нихъ.

Затѣмъ, что̀ касается самого рѣшенія общаго вопроса о положеніи балканскихъ славянъ, то оно еще впереди. Но прежде, чѣмъ рѣшиться дѣйствовать совершенно самостоятельно, наше правительство, повидимому, желаетъ убѣдиться до конца, что̀ можетъ быть достигнуто въ согласіи съ державами, и нельзя не признать, что въ послѣднее время обнаружились вновь нѣкоторые симптомы, способные воздержать Россію отъ безповоротнаго рѣшенія двинуть войска въ Турцію, не взирая ни на что̀. Крайняя подозрительность и придирчивость прусской оффиціозной печати по отношенію къ Франціи вновь рельефно выступили впередъ. Сначала вмѣнены были въ вину Франціи такіе слухи по поводу образа дѣйствій германскаго посла въ Константинополѣ, которые были сообщены газетами англійскими, и французскою печатью приводились весьма осторожно, между тѣмъ, какъ, напр., „Pall Mall“ прямо извлекала изъ нихъ полное убѣжденіе, что князь Бисмаркъ хочетъ втянуть Россію въ войну съ Турціею. Потомъ, весьма невинное краснорѣчіе французскаго уполномоченнаго графа Шодорди въ Константинополѣ было выдано о̀рганами берлинскаго „Press-Bureau“ за „заигрыванье“ гр. Шодорди съ генераломъ Игнатьевымъ, въ ущербъ кому?—Германіи, конечно. Ввозъ хлѣба во Францію былъ истолкованъ ими же, какъ приготовленія Франціи къ войнѣ. Наконецъ, спеціальная статья о флотахъ, въ „Revue des deux mondes“, была изображена тѣми же писателями, какъ покушеніе французской печати „поселить недовѣріе“ къ Германіи. Однимъ словомъ, Германія въ наше время похожа на Тить-Титыча, который вездѣ видитъ себѣ обиду, но въ дѣйствительности самъ готовъ всякаго обидѣть.

Втянуться безповоротно въ серьёзное, нелегкое дѣло, не значило-

ли бы развязать руки князю Бисмарку по отношенію къ Франціи, доставить ему тотъ случай, котораго мы ему не дали два года тому назадъ? Если бы Россія начала войну на востокѣ безъ согласія державъ, никто не помѣшалъ бы ему начать войну на западѣ, точно также безъ согласія державъ. А походъ съ Рейна можетъ быть кратковременнѣе похода чрезъ Дунай и Балканы. Между тѣмъ, цѣлость Франціи для насъ еще важнѣе, чѣмъ существованіе смѣшанной коммиссіи въ Болгаріи. Россія довольно сильна, для того чтобы славянское дѣло не могло никогда считаться проиграннымъ, хотя бы она и не воевала. Но новый разгромъ Франціи отдалъ бы всю континентальную Европу въ руки Германіи, и тогда относительная сила Россіи представилась бы въ весьма уменьшенномъ видѣ. Дѣло славянъ намъ дорого, интересы Россіи на Черномъ морѣ весьма важны, но впереди всего должна стоять забота о томъ, чтобы самое положеніе Россіи въ Европѣ, столь выгодное въ настоящее время, не измѣнилось въ ущербъ ея могуществу. Союзъ трехъ имперій можетъ стѣснять насъ въ отношеніи восточнаго вопроса; но не слѣдуетъ забывать, что этотъ же союзъ стѣсняетъ Германію въ отношеніи „вопроса“ западнаго, который она продолжаетъ держать открытымъ. Крайняя раздражительность, даже какая-то странная зависть по отношенію къ Франціи явно выразились недавно безпримѣрнымъ доселѣ случаемъ: отказомъ Германіи отъ участія въ всемірной парижской выставкѣ. Неудовлетворительность экономическаго положенія и недавніе выборы въ рейхстагъ, поколебавшіе правительственное большинство и утроившіе число соціалистовъ на этомъ сеймѣ, представляютъ такія явленія, въ виду которыхъ новая война и именно война съ Франціею можетъ казаться еще желательнѣе, чѣмъ два года тому назадъ, для отвлеченія отъ внутреннихъ дѣлъ и новаго „сплоченія“ германскаго единства. Россія должна быть свободна произнесть въ такомъ случаѣ вѣское слово.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 января, 1877.

Старыя партіи въ Германіи и новая соціаль-демократическая.

Съ 1867 года, когда образовалась національ-либеральная партія въ Германіи, борьба партій никогда у насъ не была особенно оживленной. Національ-либеральная партія выступила съ самаго начала партіей умѣренной. Она опиралась на образованные средніе классы, которые естественно не имѣютъ особаго влеченія къ политическимъ волненіямъ. Хотя обыкновенно говорятъ, когда желаютъ объяснить образованіе этой партіи, что она составилась изъ умѣренныхъ элементовъ прогрессивной партіи, но это не совсѣмъ справедливо. Выдающіеся прусскіе вожди этой партіи, изъ которыхъ я приведу только особенно часто упоминаемое въ послѣднее время имя Форкенбека, отстаивали въ эпоху внутренняго столкновенія либеральные принципы прогрессивной партіи такъ ревностно, какъ любой членъ изъ этой партіи. Причина, по которой они отдѣлились отъ своихъ прежнихъ единомышленниковъ была та, что они послѣ всѣхъ военныхъ успѣховъ, одержанныхъ правительствомъ въ 1864 и 1866 годахъ, и въ виду открыто заявленной императоромъ и Бисмаркомъ готовности уладить спорные пункты конституціи, подавшіе поводъ къ внутреннему столкновенію, а наконецъ, въ угоду общественному мнѣнію, требовавшему прекращенія внутренняго столкновенія,—нашли нужнымъ дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, сообща съ правительствомъ, въ дѣлѣ созданія новыхъ порядковъ въ Германіи.

Прежде всего ихъ раздѣлилъ вопросъ о сѣверо-германской союзной конституціи. Я не стану здѣсь повторять исторіи того времени и составленія конституціи. Сѣверо-германская конституція, какъ ни кажутся чудовищны ея постановленія теорикамъ государственнаго права,—съ 1871 года, и безъ всякихъ существенныхъ измѣненій въ ея принципахъ, стала нѣмецкой конституціей. Національ-либеральная партія приняла эту конституцію, а прогрессивная вотировала противъ нея, и съ этого момента постоянно утверждала, что она одна осталась вѣрна старымъ либеральнымъ принципамъ, между тѣмъ какъ національ-либеральная партія постыдно имъ измѣнила. И это зрѣлище возобновлялось съ тѣхъ поръ во всѣхъ критическихъ обстоятельствахъ. Національ-либералы говорятъ въ свое оправданіе, что если бы они не вотировали за конституцію, то она бы совсѣмъ

не прошла, и Богъ-вѣсть какое направленіе приняло бы внутреннее политическое развитіе Германіи. На это прогрессивная партія возражаетъ, что если бы національ-либеральная партія выказала немного больше стойкости въ характерѣ, то правительство вынуждено было бы уступить на всѣхъ пунктахъ. Рѣшить—кто правъ изъ нихъ, конечно, невозможно.

Если выше я назвалъ борьбу партій не особенно оживленной, то, конечно, это не касается ультрамонтанъ, которые съ 1872 года выказали необыкновенную дѣятельность. Но я полагаю, что эти послѣдніе не могутъ считаться политической партіей въ настоящемъ значеніи этого слова. Они въ дѣйствительности не что иное, какъ армія, главнокомандующимъ которой является папа въ Римѣ. Если бы партія ультрамонтанъ въ Германіи существовала дѣйствительно въ томъ смыслѣ, въ какомъ существуютъ другія партіи, то можно было бы отчаяться въ будущности Германіи. Конечно, въ Бельгіи или во Франціи ультрамонтаны могутъ управлять дѣлами нѣкоторое время, и хотя управленіе ихъ можетъ быть непріятно для правительства, но оно не можетъ отдѣлаться отъ нихъ, потому что громадное большинство населенія католики. Напротивъ того, въ Германіи, гдѣ евангелическое населеніе составляетъ значительное большинство, ультрамонтаны всегда будутъ вздыхать по тѣмъ странамъ, гдѣ католики составляютъ большинство, и будутъ сильнѣе, чѣмъ католики тѣхъ странъ, желать усиленія папской власти, потому что эта сила для нихъ необходима. Мнѣ стóитъ только при этомъ указать на примѣръ Франціи, которая вела тяжкую и долгую борьбу, чтобы освободить свою національную католическую церковь отъ всякаго политическаго вліянія папы, и которая въ этомъ отношеніи одержала, какъ извѣстно, значительныя побѣды. Ультрамонтаны въ Германіи подсмѣиваются, когда ихъ называютъ врагами государства, утверждая не безъ основанія, что государству плохо бы пришлось, если бы это была правда. На самомъ дѣлѣ, выраженіе это можетъ быть примѣняемо лишь къ нѣкоторымъ вожакамъ, но никакъ не къ той массѣ, которая въ настоящее время по приказу своихъ капеллановъ тысячами тѣснится вокругъ избирательныхъ урнъ, чтобы вызвать изъ нихъ ту фалангу, которая носитъ названіе центра и составляетъ до сихъ поръ великое препятствіе къ здоровому, политическому развитію. Эти массы—хорошіе граждане, но ихъ убѣдили, что религіи угрожаетъ опасность и что они должны поэтому бороться за гонимую религію. Что распря между государствомъ и церковью должна прекратиться—это признается всѣми, и на-дняхъ еще, при обсужденіи бюджета, министръ финансовъ Кампгаузенъ высказалъ эту увѣренность.

Возвращаюсь къ остальнымъ партіямъ. Вліяніе ультрамонтанъ значительно содѣйствовало тому, что нельзя образовать прочнаго большинства, ни за, ни противъ правительства, какъ въ рейхстагѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ. Это большинство составлялось время отъ времени изъ членовъ различныхъ партій, причемъ оказывалось иногда, что національ-либералы,—сравнительно самая сильная изъ партій,—образовывали большинство въ соединеніи съ прогрессивной партіей, но чаще всего они примыкали къ умѣреннымъ консерваторамъ или вообще ко всѣмъ консерваторамъ.

При помощи такихъ-то коалицій прошли законы, которые положили начало самоуправленію.

Но выдающеюся чертой нашей внутренней политической жизни во все это время является равнодушіе массы народа къ политикѣ. Это объясняется, во-первыхъ, сильнымъ напряженіемъ, вызваннымъ последнею войной. Но, кромѣ этого, существуютъ еще и другія причины. Кто сравнитъ, напримѣръ, повседневную жизнь въ Англіи съ той же жизнью въ Германіи, будетъ изумленъ великой разницей въ интересѣ относительно внутреннихъ событій въ обѣихъ странахъ. Въ Англіи газетные отчеты о парламентскихъ преніяхъ читаются съ жадностью и газеты наперерывъ стараются доставлять ихъ читателямъ какъ можно скорѣе. Въ Германіи читателямъ рѣшительно все равно, прочтутъ ли они эти вещи сегодня или послѣзавтра, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Бисмаркъ скажетъ крайне сенсаціонную рѣчь, ни одна изъ здѣшнихъ газетъ пальцемъ не пошевелитъ, чтобы напечатать ее раньше другихъ, а если и напечатаетъ, то публика отнесется къ этому совершенно равнодушно. Я читалъ недавно автобіографію человѣка, составившаго себѣ въ Америкѣ состояніе. Онъ разсказываетъ, какъ вскорѣ послѣ прибытія въ Нью-Йоркъ пытался нажить копѣйку продажей газетъ. Въ первый день у него остались непроданными нѣсколько газетъ, и онъ попробовалъ-было продать ихъ на другой день. Первый, кому онъ предложилъ вчерашнюю газету, немедленно узналъ, что это не сегодняшняя, и чуть-было не притянулъ продавца къ суду, по обвиненію въ мошенничествѣ. Здѣсь, въ Берлинѣ, можно ежедневно видѣть въ каждомъ ресторанѣ, съ какимъ равнодушіемъ читаютъ люди вчерашнія и третьягодняшнія газеты, нисколько не интересуясь тѣмъ, что̀ стоитъ въ сегодняшнихъ. Такова національная флегма, неимѣющая себѣ равной въ другихъ странахъ и многое объясняющая въ здѣшнихъ порядкахъ.

Чтобы еще болѣе запутать отношенія партій въ Германіи, главнымъ образомъ въ Пруссіи, является еще то обстоятельство, что между либералами и консерваторами до сихъ поръ еще проводится коренное различіе. Въ Англіи мы видимъ обѣ партіи совершенно

равноправными. Либеральное министерство смѣняется консервативнымъ, а за этимъ вновь въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени слѣдуетъ либеральное. Ни тому, ни другому не приходитъ въ голову передѣлывать основанія государства. Въ Германіи не то. Продолжительный реакціонный періодъ, когда насильственно подавлялся всякій прогрессъ, невыполненіе обѣщанія, даннаго еще въ 1817 г. королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, даровать конституцію, тяжелыя эпохи реакціи въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ наложили въ общественномъ мнѣніи неизгладимое клеймо на каждаго консерватора. Его заранѣе подозрѣваютъ въ томъ, что онъ реакціонеръ. При здоровыхъ условіяхъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи, разница между обѣими партіями вовсе не была бы такъ рѣзка, и вслѣдствіе этого національное развитіе шло бы болѣе спокойнымъ путемъ. Отъ этого вреднаго порядка долго еще будетъ страдать Германія, и онъ особенно ярко обнаружился въ томъ кризисѣ, который я хочу описать. Двѣ великихъ корпораціи, въ которыхъ сосредоточивается народное представительство въ Германіи: прусская палата депутатовъ и германскій рейхстагъ, облеченные оба трехлѣтнимъ полномочіемъ, въ недавнее время были обновлены; палата депутатовъ 27 октября прошлаго года, а рейхстагъ 10 января нынѣшняго года. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ передъ выборами въ палату депутатовъ распространился слухъ, главнымъ образомъ подъ давленіемъ экономическихъ отношеній, что въ общественномъ мнѣніи совершился переворотъ, благопріятный для консерваторовъ. Это мнѣніе, какъ вамъ извѣстно, не было подтверждено выборами. Партіи вышли изъ нихъ почти въ прежнемъ своемъ составѣ. Націоналъ-либералы и прогрессисты шли рука объ руку, такъ что, напримѣръ, въ Берлинѣ, считающемся наслѣднымъ владѣніемъ прогрессивной партіи, націоналъ-либералы не выставили ни единаго кандидата, а просто-на-просто вотировали за кандидатовъ прогрессивной партіи.

Непосредственно вслѣдъ за выборами въ ландтагъ, собрался старый рейхстагъ, которому предстояло обсудить судебные законы, съ трудомъ выработанные въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ коммиссіи, которая была главнымъ образомъ занята ихъ выработкой, засѣдали члены всѣхъ партій, юристы, равно какъ и не-юристы,—послѣдніе, впрочемъ, въ маломъ, сравнительно, числѣ, потому что право—такое дѣло, которое процвѣтаетъ не только подъ опекой однихъ юристовъ по профессіи, но и при содѣйствіи цѣлаго народа. Таковъ по крайней мѣрѣ старый нѣмецкій обычай, и исключительное господство римскаго права, передавшее въ руки юристовъ все законодательство, въ теченіи столѣтій очень удручало нѣмецкій народъ. Я вамъ сообщалъ уже раньше о главномъ содержаніи юридическихъ законовъ, и

теперь прямо коснусь того пункта, который вызвалъ разладъ, царствовавшій на послѣднихъ выборахъ и долженствующій отразиться и на дальнѣйшемъ развитіи.

Второе чтеніе юридическихъ законовъ было окончено въ рейхстагѣ 2 декабря. Во время преній правительственные коммиссары держались сдержанно и ссылались на проектъ правительства, когда ихъ прижимали къ стѣнѣ. Всѣмъ было извѣстно и во время преній обнаруживалось неоднократно, что союзныя правительства отвергаютъ значительное число рѣшеній, выработанныхъ коммиссіей. Послѣ второго чтенія перешли къ обсужденію бюджета, занимавшаго рейхстагъ до половины декабря. Всяческіе слухи носились объ отношенія правительствъ, но всѣ они еще не получали опредѣленной формы. 13-го числа въ очередномъ порядкѣ стояло третье чтеніе судебныхъ законовъ, но было отмѣнено вслѣдствіе письма имперскаго канцлера. Въ этомъ письмѣ Бисмаркъ сообщалъ о принятыхъ союзными правительствами при второмъ чтеніи рѣшеніяхъ. Правительства оставили безъ измѣненій законы о гражданскихъ процессахъ и конкурсное уложеніе, но отвергли 18 параграфовъ въ законахъ о судопроизводствѣ и уголовныхъ процессахъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что всѣ законы разсматриваются какъ одно цѣлое, потому что одни вытекаютъ изъ другихъ. Поэтому нельзя было принять первыхъ двухъ законовъ и отвергнуть двухъ послѣднихъ. Слѣдовательно, рейхстагу предстояло рѣшиться принять или отвергнуть все законодательство цѣликомъ.

Первое впечатлѣніе, вынесенное національ-либералами, было подавляющее. Весь вопросъ для нихъ состоялъ теперь въ томъ, дѣйствительно ли составляютъ эти рѣшенія послѣднее слово Бисмарка. Уже въ тотъ самый день стало извѣстнымъ въ компетентныхъ кружкахъ національ-либераловъ, что имперскій канцлеръ считаетъ цѣлый рядъ постановленій, принятыхъ при второмъ чтеніи, безусловно невозможнымъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ правительство охотнѣе допуститъ паденіе всего проекта, нежели согласится на эти постановленія. Въ тотъ же день, если свѣдѣнія мои вѣрны, былъ сдѣланъ первый шагъ къ соглашенію, причемъ Бисмаркъ пригласилъ къ себѣ фонъ-Беннигсена, выдающагося члена національ-либеральной партіи, уже неоднократно выказывавшаго необыкновенное искуство въ качествѣ посредника, и д-ра Луція, молодого члена умѣренно-консервативной фракціи, который сначала участвовалъ, какъ врачъ, въ извѣстной прусской экспедиціи въ Китай въ 1860—1862 гг., а позднѣе дѣлалъ походы 1864—66 и 70 гг., какъ кавалерійскій офицеръ ландвера, и своей храбростью заслужилъ особое довѣріе канцлера. Касательно подробностей этихъ переговоровъ ничего не извѣстно, но надо по-

лагать, что уже въ тотъ день приняты были тѣ основанія, на которыхъ позднѣе состоялся компромиссъ. 13-го (25) былъ четвергъ. Въ субботу національ-либеральная партія устроила засѣданіе, на которомъ высказалась огромнымъ большинствомъ за принятіе компромисса. Все разногласіе, существовавшее между правительствомъ и рейхстагомъ, свелось, какъ уже выше сказано, на 18 пунктовъ, которые въ сравненіи съ громаднымъ объемомъ законовъ получали второстепенное значеніе. Первый былъ направленъ къ устраненію произвольнаго состава судейскихъ коллегій. Коммиссія и рейхстагъ *in plenum* отвергли всякое участіе почетныхъ судей. Правительства считали, что никакъ не могутъ на это согласиться, и теперь была предложена сдѣлка, по которой постановленіе о назначеніи почетнаго суды должно совершаться лишь по предложенію предсѣдателя суда. Второй пунктъ былъ еще важнѣе въ принципѣ. Коммиссія и рейхстагъ рѣшили, что всѣ проступки противъ печати должны судиться судомъ присяжныхъ. Правительства отвергли это. Компромиссъ по этому пункту заключался лишь въ томъ, что мѣстныя законодательныя преимущества удерживаются въ этомъ дѣлѣ. Въ Баваріи, Баденѣ судъ присяжныхъ будетъ судить проступки противъ печати, въ Пруссіи же удерживается существующій нынѣ порядокъ. Третій пунктъ касается введенія законовъ, для которыхъ имперское правительство требуетъ болѣе продолжительнаго срока; четвертый требовалъ отмѣны принудительныхъ показаній. Что касается послѣдняго пункта, то дѣло вотъ въ чемъ. По существующимъ обычаямъ, редакторъ обязанъ назвать имя автора статьи, и судъ можетъ держать редактора, отказывающагося отъ этого показанія, въ пожизненномъ заключеніи. Раза два такія вещи случались въ судебной практикѣ. Но когда редакторы оказывались упрямыми, то ихъ выпускали, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, не добившись никакого толку.

Остальные два-три пункта было бы трудно изложить, такъ какъ у меня нѣтъ достаточно мѣста, да и притомъ они лишены всякаго теоретическаго интереса даже для русскихъ юристовъ. Одинъ, быть можетъ, только составляетъ исключеніе. Онъ касается того, чтобы даваемо было вознагражденіе невинно-пострадавшимъ или оправданнымъ, и даже въ консервативныхъ кружкахъ желали этого добиться. Еще недавно обнаружился такой случай, что одинъ мельникъ, приговоренный по обвиненію въ поджогѣ къ долголѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ и уже отсидѣвшій тамъ 7 лѣтъ, былъ признанъ совсѣмъ невиннымъ, и этотъ случай произвелъ глубокое впечатлѣніе на общество. Представители правительства утверждали, что полное вознаграждаціе въ подобныхъ случаяхъ потребуетъ отъ правительства неисчислимыхъ жертвъ, и здѣсь также при-

думали компромиссъ: правительство предложило (а рейхстагъ позднѣе принялъ), чтобы протори и убытки, причиненные обвиненному, правительство брало на себя.

Послѣ того, какъ національ-либеральная партія порѣшила принять эти предложенія, судьба ихъ все еще зависѣла отъ консерваторовъ. Эти послѣдніе находили многія статьи этихъ законовъ слишкомъ прогрессивными, но они сочли нужнымъ, ради національнаго дѣла, не противиться имъ, и такимъ образомъ всѣ три важные законопроекта были приняты значительнымъ большинствомъ при третьемъ чтеніи, въ промежутокъ отъ 18 по 21 декабря.

Я подробнѣе коснусь этихъ преній не только потому, что они крайне интересны по рѣчамъ вожаковъ партій и по горькой враждѣ, обнаружившейся между прогрессивной и національ-либеральной партіями, но и потому еще, что они выясняютъ нѣкоторые пункты, весьма важные для обсужденія компромисса. Пренія открылись подъ впечатлѣніемъ воззванія, изданнаго за день передъ тѣмъ здѣшнимъ центральнымъ избирательнымъ комитетомъ прогрессивной партіи. Это крайне характеристичное воззваніе гласило въ существенныхъ своихъ частяхъ слѣдующее: „Будьте на-сторожѣ! По достовѣрнымъ извѣстіямъ, случилось невѣроятное: національ-либеральная партія подчиняется требованіямъ правительства касательно имперскихъ судебныхъ законовъ. Такъ-называемый компромиссъ заключенъ. Національ-либеральная фракція сошлась, чтобы принять договоръ, заключенный между ея вожаками и прусскимъ министерствомъ. Содержаніе договора еще не обнародовано, но одно уже несомнѣнно, что по всѣмъ пунктамъ, имѣющимъ политическое значеніе, національ-либеральная партія уступила“. Затѣмъ, перечисляются нѣкоторые пункты, въ которыхъ обнаружилась эта уступчивость и съ насмѣшкой говорится, что на предстоящихъ преніяхъ на „великихъ ораторовъ“ національ-либеральной партіи возложена задача—въ восторженныхъ, красивыхъ рѣчахъ представить это пораженіе какъ побѣду, причемъ должно, наконецъ, обнаружиться, остался ли кто изъ національ-либераловъ вѣрнымъ своимъ прежнимъ рѣшеніямъ; затѣмъ воззваніе заключаетъ такъ: „мы приглашаемъ всѣхъ нашихъ единомышленниковъ не вотировать до тѣхъ поръ за депутатовъ національ-либеральной партіи. Нѣмецкіе избиратели, будьте на-сторожѣ!“

Можно, повидимому, думать, что вожаки прогрессивной партіи послѣ того, какъ компромиссъ сталъ извѣстенъ, льстили себя надеждой, что уступчивость національ-либеральной партіи сдѣлаетъ ее крайне непопулярной и что необходимо воспользоваться ловко благопріятными обстоятельствами, чтобы замѣстить членовъ національ-либеральной партіи членами прогрессивной. Для этого прежде всего нужно было пред-

ставить въ самомъ черномъ цвѣтѣ образъ дѣйствія націонал-либеральной партіи, изобразить націонал-либераловъ людьми безчестными и безхарактерными, врагами свободы и т. д., и въ этомъ отношеніи прогрессивная партія и прогрессивная пресса сдѣлали все, что могли. Послѣдняя воспользовалась третьимъ чтеніемъ судебныхъ законовъ въ рейхстагѣ не только затѣмъ, чтобы фактически бороться съ уступчивостью націонал-либераловъ, но и затѣмъ, чтобы обратиться къ странѣ съ избирательными рѣчами. Пренія начались превосходнымъ фактическимъ изложеніемъ дѣла депутатомъ Мигуэлемъ, который былъ предсѣдателемъ большой юридической коммиссіи и былъ назначенъ референтомъ при третьемъ чтеніи въ рейхстагѣ. „Послѣ того,—такъ говорилъ онъ,—какъ союзный совѣтъ высказался относительно постановленій, принятыхъ при второмъ чтеніи, мы сочли своей обязанностью выяснить: сказано ли имъ этимъ рѣшеніемъ его послѣднее слово или нѣтъ. Результатъ этого изслѣдованія представляется въ проектѣ компромисса. Если этотъ проектъ будетъ принятъ весь и во всѣхъ своихъ частяхъ, то дѣло сдѣлано. Если же нѣтъ, то оно, значитъ, провалилось. По нашему убѣжденію, вопросъ стоитъ такъ: полагаетъ ли рейхстагъ, что при существующихъ условіяхъ окажетъ націи услугу, принявъ проектъ, или же онъ думаетъ, что окажетъ услугу, отвергнувъ его? Рѣшительнымъ пунктомъ должно служить при этомъ то, что законъ ни въ какомъ отношеніи не составляетъ шага назадъ относительно существующаго положенія, а напротивъ того, вся задача сводится къ тому: захотятъ ли въ настоящую минуту воспользоваться нѣсколько меньшей степенью прогресса. Націонал-либераламъ не легко было принести въ жертву нѣкоторыя изъ своихъ требованій, но они убѣждены, *что только этою цѣною великое дѣло осуществится*".

Въ этихъ послѣднихъ словахъ ключъ того внутренняго положенія, изъ котораго произошелъ компромиссъ.

Возвращаюсь къ докладу Мигуэля. Прежде всего онъ коснулся закона о проступкахъ противъ печати и заявилъ, что эта жертва была особенно тяжка для его партіи. Въ постановленіяхъ второго чтенія было рѣшено, что всѣ проступки противъ печати судятся судомъ присяжныхъ. Въ силу же компромисса рѣшено, что въ Германіи удерживается существующій порядокъ, т.-е. что въ Баваріи и въ Баденѣ проступки противъ печати судятся судомъ присяжныхъ, а въ остальной Германіи они судятся не тремя судьями, а пятью, причемъ отношеніе для приговора должно быть=4 : 1. Касательно общаго вопроса, ораторъ затѣмъ сказалъ: „Мы не задавались вопросомъ: что важнѣе: германское ли единство права, или эта реформа въ области печати? Мы задавались вопросомъ: должны ли мы оставить существо-

вать теперешнее положеніе права, на которое такъ жалуются и нападають *съ* судебными законами или *безъ* судебныхъ законовъ?" Затѣмъ ораторъ обсуждалъ еще нѣсколько другихъ пунктовъ, между прочимъ вопросъ о судебномъ преслѣдованіи чиновниковъ. Подсудность чиновниковъ, какъ извѣстно, составляетъ существенную охрану отъ произвола и несправедливости. Въ Англіи чиновникъ можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности каждымъ частнымъ человѣкомъ, и онъ не можетъ для оправданія себя сослаться на приказанія своего высшаго начальства. Въ Германіи и главнымъ образомъ въ Пруссіи такъ укоренилась традиціонная привычка къ строгой дисциплинѣ и вѣра въ необходимость непоколебимаго авторитета для чиновниковъ, что ссылка на приказанія высшаго начальства не только освобождаетъ чиновника отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ, но вообще дѣлаетъ совершенно невозможнымъ для частнаго человѣка получить удовлетвореніе за несправедливость, причиненную ему чиновникомъ при отправленіи службы, потому что въ этихъ случаяхъ высшее начальство сейчасъ поднимаетъ вопросъ о некомпетентности суда, чѣмъ устраняетъ обыкновенный гражданскій процессъ. Для рѣшенія подобныхъ вопросовъ существуетъ особый судъ. Въ этомъ дѣлѣ постановленія, принятыя при второмъ чтеніи, внесли важную реформу, и я знаю, что людямъ сильно консервативныхъ мнѣній было необыкновенно тяжело уступить въ этомъ пунктѣ. Но правительство, и, какъ увѣряютъ, главнымъ образомъ императоръ Вильгельмъ съ его строгими понятіями объ авторитетѣ, оказались непоколебимыми на счетъ этого пункта, и потому пришлось удовольствоваться нѣкоторымъ улучшеніемъ теперешняго порядка дѣлъ, и отнынѣ рѣшать вопросъ о подсудности чиновника будутъ административные суды, которые по своему составу вполнѣ независимы. Послѣднимъ важнымъ затрудненіемъ являлся срокъ, когда судебные законы должны вступить въ свою силу. Правительство не хотѣло постановлять такого срока, рейхстагъ назначилъ 1 января 1879 г. Въ силу компромисса, этотъ срокъ перенесенъ на 1 октября 1879 г. подъ условіемъ, что до тѣхъ поръ будетъ назначено жалованье прокурорамъ. Какъ я уже выше сказалъ, ораторы прогрессивной партіи старались не столько фактически опровергать приверженцевъ компромисса, сколько клеймить вообще политическій образъ дѣйствія. Одинъ изъ вожаковъ прогрессивной партіи, фонъ Заукенъ-Торпутенъ, сказалъ между прочимъ, что онъ съ глубокой болью глядѣлъ на послѣдній ходъ, принятый законодательными трудами. Національ-либеральная партія сдѣлалась теперь изъ независимой партіи партіей правительственной. Пренія послѣ заключенія компромисса не что иное, какъ кукольная комедія. Нѣмецкій народъ былъ бы, конечно, очень доволенъ, если бы получилъ не много

больше вольностей къ святкамъ, и судебные законы могли бы послужить достойнымъ заключеніемъ законодательнаго періода: вмѣсто того, они обратились въ могильную плиту парламентскихъ вольностей. Въ такомъ же духѣ высказался депутатъ Генель; но я могу оставить въ сторонѣ всѣ эти рѣчи, потому что онѣ далеко превзойдены рѣзкостью статей прогрессивной печати. Вотъ какъ озаглавилъ свою передовую статью „Volkszeitung“ 19 декабря: „Молохъ пожралъ свою жертву“, и говорилъ въ ней, напоминая про обряды служенія Молоху: „Въ послѣдніе дни мы снова слышали на улицахъ воззваніе жрецовъ: Молохъ плачетъ! Судебная реформа канула въ воду! Если она не будетъ спасена, національ-либеральная партія пойдетъ ко дну и увлечетъ съ собою германское государство. Горе! горе! посвященные знаютъ, что̀ означаетъ этотъ жалобный вопль. Молохъ требуетъ жертвы. Его жрецы найдутъ ее, и тогда по всей странѣ снова раздастся вопль восторга, ибо Молохъ милостиво приметъ жертву“. Другой органъ прогрессивной партіи, Фоссова газета, примѣнилъ къ національ-либераламъ изреченіе Гуттена: „Ich hab's gewagt“. Эта часть представителей взываетъ теперь къ нѣмецкому народу: „Ich hab's gewagt!—въ этой распрѣ, которая возникла по поводу судебнаго вопроса между тобой, моимъ довѣрителемъ, и правительственной властью, я сталъ на сторону—*власти*“.

Полагаю, что могу на этомъ покончить съ цитатами. Упомяну только еще о томъ, что самый важный изъ судебныхъ законовъ,—въ томъ смыслѣ самый важный, что подавалъ наиболѣе поводовъ къ разногласію, а именно законъ о судебномъ уложеніи,—былъ принятъ 21 декабря большинствомъ 194 противъ 100 голосовъ, то-есть почти двумя-третями всѣхъ голосовъ. Законы же объ уголовномъ судопроизводствѣ, гражданскомъ судопроизводствѣ, и о конкурсномъ уложеніи не перебаллотировывались потому, что отношеніе голосовъ, разумѣется, осталось бы то же самое. Рѣшеніе палаты сдѣлало особенно благопріятное впечатлѣніе на императора Вильгельма, и онъ высказалъ въ теплыхъ словахъ свою благодарность въ тронной рѣчи, которою онъ заключилъ сессію 22 числа. Онъ сказалъ между прочимъ: „Чувство благодарности за готовность, съ какою вы, почтенные господа, пошли на соглашеніе съ союзнымъ правительствомъ, тѣмъ живѣе во мнѣ, что удачное окончаніе этого дѣла отразится крайне благопріятно на нашей національной жизни. Судебные законы даютъ увѣренность, что въ непродолжительномъ времени правосудіе будетъ отправляться во всей Германіи по одной нормѣ, что всѣ нѣмецкіе суды будутъ дѣйствовать по однимъ и тѣмъ же законамъ. Черезъ это мы значительно приблизились къ нашей цѣли: государственному единству. Общее развитіе права подкрѣпитъ въ націи со-

знаніе единства, и такимъ образомъ единство Германіи получитъ такую опору, какъ еще ни въ какой періодъ нашей исторіи".

Кромѣ того, императоръ выразилъ свое удовольствіе еще тѣмъ, что наградилъ высокимъ орденомъ президента рейхстага, обербургомистра города Бреславля, Форкенбека, который много содѣйствовалъ успѣху соглашенія. Юридическій факультетъ здѣшняго университета, первый въ Германіи, назначилъ Мигуэля, въ награду за его заслуги въ качествѣ предсѣдателя большой юридической коммисіи, докторомъ utriusque juris. Этимъ и ограничились заявленія благодарности за совершившееся. За то по всей линіи свирѣпствовала борьба между прогрессивной и націоналъ-либеральной партіями, въ такомъ тонѣ, для котораго очевиднымъ образцомъ служилъ примѣръ американской прессы. Націоналъ-либералы возражали слабо. Они, повидимому, инстинктивно чувствовали съ первой минуты, что ихъ голосованіе не будетъ одобрено ихъ избирателями и что имъ придется уступить нѣсколько депутатскихъ полномочій прогрессивной партіи.

Въ первомъ они были правы, во второмъ—нѣтъ, но должны были сознаться, что сами виноваты въ невыгодности положенія, въ какое себя поставили. При второмъ чтеніи судебныхъ законовъ все-таки ихъ партія самымъ ревностнымъ образомъ защищала тѣ именно пункты, которые союзное правительство объявило невозможными. И такими же точно яркими красками, какъ и прогрессивная партія, расписывали они прежде, что судебные законы не будутъ стоить мѣднаго гроша, если правительство не приметъ ихъ безъ малѣйшаго измѣненія. Поэтому они сами подготовили общественное мнѣніе къ воспринятію инсинуацій, которыя впослѣдствіи распространялись на ихъ счетъ, какъ на виновниковъ и зачинщиковъ компромисса; они сковали для прогрессивной партіи оружіе, которое она потомъ обратила противъ нихъ. Я всегда приписывалъ націоналъ-либеральной партіи политическую проницательность и теперь можетъ показаться, что настоящимъ своимъ сужденіемъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Поэтому я долженъ, хотя бы въ краткихъ словахъ, изложить мотивы—и при этомъ я опираюсь на самыя достовѣрныя свѣдѣнія—обусловливавшіе образъ дѣйствія націоналъ-либеральной партіи. Она, должно быть, говорила себѣ сначала, что если бы даже дѣло и дошло до компромисса, то правительственная партія не можетъ же впередъ обнаружить, что готова уступить по цѣлому ряду важныхъ пунктовъ. Поэтому изъ тактики она должна была твердо настаивать на каждомъ пунктѣ, даже если бы и допускала про себя возможность уступокъ. А что она хотѣла перещеголять рьяностью прогрессивную партію, зависѣло частію, во-первыхъ, оттого, что ей желательно было выказаться передъ страной такою же либеральной,

какъ и прогрессивная партія, а во-вторыхъ, оттого, что юристы національ-либеральной партіи принимали такое громадное участіе въ составленіи судебныхъ законовъ, что могли считать себя ихъ творцами. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство. Національ-либеральная партія всячески старалась во время второго чтенія выпытать отъ князя Бисмарка, насколько союзное правительство готово принять это постановленіе, но Бисмаркъ отказался на это отвѣчать, а правительственные комиссары ничего о томъ не знали. Поведеніе канцлера легко объяснить. Онъ прежде всего дипломатъ и трактуетъ даже самые затруднительные внутренніе вопросы, какъ дипломатъ. Эта метода сократила переговоры и оказалась несомнѣнно практичной, но была и недоброжелательна, и невыгодна для національ-либеральной партіи.

Непосредственно вслѣдъ за закрытіемъ рейхстага, національ-либералы начали сильную агитацію. Они представлялись своимъ избирателямъ и въ нѣсколькихъ брошюрахъ и воззваніяхъ старались пролить должный свѣтъ на то, чтò собственно происходило при обсужденіи судебныхъ законовъ. Но, къ сожалѣнію, эта тэма слишкомъ мало понятна даже для самыхъ образованныхъ, и поэтому немногіе охотно вникаютъ въ то, чтó говорится на этотъ счетъ.

Тѣмъ временемъ наступило 10 января, день выборовъ. Я уже сказалъ выше, что національ-либеральная партія приготовилась уступить нѣсколько депутатскихъ полномочій прогрессивной партіи, но что она въ этомъ ошиблась. Она потеряла нѣсколько полномочій, но они перешли не къ прогрессивной партіи, а къ консерваторамъ, прогрессивная же партія сама утратила нѣсколько полномочій и даже больше, чѣмъ національ-либеральная. Вотъ въ короткихъ словахъ результатъ выборовъ 10 января, самыхъ интересныхъ, какіе мы когда-либо переживали со времени введенія въ Германіи общей подачи голосовъ. Я сейчасъ постараюсь показать ихъ значеніе, насколько оно до сихъ поръ выяснилось.

Начинаю съ ближайшаго,—съ Берлина. Берлинъ раздѣленъ на шесть избирательныхъ округовъ, и каждый долженъ выбрать по одному депутату. Господство здѣсь прогрессивной партіи считалось дѣломъ настолько рѣшеннымъ, что прогрессивная партія не нашла нужнымъ дѣлать какія-нибудь особенныя усилія и довольствовалась тѣмъ, что выставила въ каждомъ округѣ по кандидату, и не напоминала избирателямъ наканунѣ дня выборовъ прилежно отправлять свои обязанности. Кромѣ того, прогрессивная партія вообще держалась правила выставлять въ Берлинѣ кандидатами самыхъ незначительныхъ людей, которые бы не прошли въ иномъ мѣстѣ. Это самое повторилось и на этотъ разъ. Для перваго избирательнаго

округа выставленъ былъ докторъ Максъ Гиршъ, писатель, очень много занимавшійся распространеніемъ идей Шульце-Делича, но очень нелюбимый въ умѣренныхъ кружкáхъ за то, что десять лѣтъ тому назадъ организовалъ стачку между вальденбургскими горными рабочими, которая нанесла большіе убытки владѣльцамъ горныхъ рудниковъ и повергла рабочихъ въ несказанную нищету, такъ какъ требованія ихъ не были выполнены. Во второмъ округѣ выставленъ былъ здѣшній совѣтникъ окружнаго суда Клотцъ, въ третьемъ баварскій совѣтникъ окружнаго суда Герцъ, въ четвертомъ совѣтникъ городского суда Эберти, въ пятомъ извѣстный депутатъ и владѣлецъ „Народной газеты“ Францъ Дункеръ, въ шестомъ гамбургскій адвокатъ д-ръ Банксъ, личность, пользующаяся дурной репутаціей и вообще непопулярная. Если вѣрить жалобамъ, раздававшимся въ средѣ самой берлинской прогрессивной партіи, то можно думать, что многіе находили такія кандидатуры неразумными. Двѣ изъ нихъ — я уже охарактеризовалъ. Эберти давно уже считается инвалидомъ, Герцъ здѣсь неизвѣстенъ, Клотцъ—очень мало даровитый человѣкъ, и только Дункеръ пользуется нѣкоторой популярностью. Но вожаки прогрессивной партіи считали дѣло обезпеченнымъ: берлинскій „избирательный скотъ“, само собой разумѣется, станетъ вотировать, какъ имъ угодно. Консерваторовъ и національ-либераловъ они игнорировали, и хотя всѣмъ извѣстно было, что соціаль-демократы дружно работали, но истинному берлинцу показалось бы чистымъ безуміемъ, если бы утромъ 10-го числа кто-нибудь сталъ утверждать, что хотя бы *одинъ соціаль-демократъ* выйдетъ изъ избирательной урны; а въ 6 часовъ вечера оказалось несомнѣннымъ, что выбраны *два соціаль-демократа* и только одинъ кандидатъ прогрессивной партіи, и что въ остальныхъ трехъ избирательныхъ округахъ прогрессивные кандидаты партіи будутъ подвергнуты вторичной баллотировкѣ: въ двухъ съ кандидатами національ-либераловъ и консерваторовъ, въ третьемъ съ соціаль-демократомъ.

Въ этотъ вечеръ произошло слѣдующее. Мы уже говорили выше, что едва пробило 6 часовъ, какъ было приступлено къ счету голосовъ, при которомъ можетъ присутствовать всякій. Затѣмъ изъ отдѣльныхъ избирательныхъ пунктовъ принесены были списки, чтобы узнать результаты выборовъ каждаго избирательнаго округа. Въ каждомъ изъ этихъ, чуть ли не 400-ахъ избирательныхъ пунктахъ цѣлый день продежурило нѣсколько соціаль-демократовъ. Они присутствовали при открытіи выборовъ и затѣмъ перенесли результаты ихъ въ большое помѣщеніе Тиволи, въ южной части города, у Крейцберга, на которомъ находится памятникъ павшихъ въ битву за свободу. Тамъ состоялось большое собраніе, на которомъ, по слухамъ, присутствовало

около 9000 человѣкъ, однимъ словомъ, такая масса, что имѣющееся помѣщеніе оказалось недостаточнымъ, и еще цѣлая толпа осталась на открытомъ воздухѣ. Делегаты соціаль-демократической партіи дѣйствовали съ такою точностью, что въ тотъ же вечеръ могли предсказать результатъ выборовъ, разнившійся только нѣсколькими голосами отъ результата, оффиціально опубликованнаго четыре дня спустя. Въ довершеніе всего, репортеры различныхъ утреннихъ газетъ должны были довольствоваться сообщеніями презираемыхъ до этого соціаль-демократовъ, такъ какъ никакая другая партія не позаботилась объ этомъ заранѣе. Можно легко себѣ представить, какая непомѣрная радость овладѣла этимъ собраніемъ. Они одержали верхъ въ двухъ округахъ въ столицѣ германской имперіи, въ третьемъ — имъ пришлось бороться противъ незначительной партіи—что́ далеко превосходило самыя смѣлыя надежды ихъ. По обычаю соціаль-демократовъ, общество выразило свою радость многократнымъ пѣніемъ марсельезы рабочихъ. Впрочемъ, въ теченіи цѣлаго дня и даже вечеромъ не произошло ни малѣйшаго нарушенія порядка. И здѣсь восторжествовала дисциплина соціаль-демократовъ.

Если бы я чувствовалъ склонность къ цвѣтамъ краснорѣчія, то могъ бы описать удивленіе берлинскаго филистера, когда онъ на слѣдующее утро взялъ въ руки свою любимую „Tante Voss" (прозвище „Vossischen Zeitung") и въ ней прочелъ о „неожиданномъ", какъ она выражалась, результатѣ выборовъ. Однако, я сильно подозрѣваю, что большинство не тотчасъ обратило вниманіе на поражающую новость и что многіе ухватились гораздо болѣе за юмористическую, чѣмъ за серьёзную сторону вопроса. Какъ хотите, не можетъ не показаться крайне комичнымъ, что представителями цѣлой трети берлинскихъ жителей въ рейхстагѣ являются: сигарочный фабрикантъ Фритцше и кожевенникъ Газенклеверъ; къ тому же, берлинцы особенно склонны во всевозможныхъ случаяхъ утѣшаться остротами. Такимъ образомъ, юмористическія газеты излили потокъ довольно добродушнаго юмора на филистера, который своимъ нерадѣніемъ не мало содѣйствовалъ пораженію прогрессивной партіи. Политическія газеты прогрессивной партіи съ своей стороны сдѣлали все возможное, чтобы утѣшить своихъ друзей: „Вся эта исторія—дѣло случая, и прогрессивной партіи сто́итъ только нѣсколько удержаться на своемъ постѣ, и все опять пойдетъ на-ладъ. Данный урокъ можетъ даже оказать пользу въ извѣстномъ смыслѣ", и т. д., и т. д.. Человѣкъ благоразумный испытываетъ самое горькое чувство при видѣ такого жалкаго самообольщенія, если даже онъ и не расположенъ къ прогрессивной партіи. Число соціаль-демократовъ, присутствовавшихъ на голосованіи 1874 года, доходило до 13,000; на этотъ разъ ихъ было

34,000. Вмѣстѣ съ берлинцами, соціаль-демократы провели окончательно изъ своей партіи 10-хъ, а въ 20-ти избирательныхъ округахъ должны быть вторичные выборы ихъ. Это подавляющій результатъ, въ значеніи котораго обманываться было бы очень дурно. Нелѣпо думать, что, благодаря кроткимъ увѣщаніямъ, съ-разу явится новая жизнь и бо́льшая энергія въ старыхъ партіяхъ. Три года съ-ряду, не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, работали соціаль-демократы съ удивительною выдержкою и неподражаемымъ искусствомъ надъ своей организаціей и пропагандой новыхъ идей. Подобнаго способа дѣйствій можно ожидать только отъ партіи, которая поддерживается могучими современными идеями, и которая съ строжайшей дисциплиной соединяетъ полную готовность къ самопожертвованію. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что тяжелыя нынѣшнія обстоятельства гонятъ въ армію соціаль-демократовъ множество людей, которые еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ вовсе не были настроены на соціалистическій ладъ. Но вѣрнѣйшимъ орудіемъ пропаганды служитъ все та же безумная ярость, съ какою старыя политическія партіи много лѣтъ взаимно уничтожаютъ другъ друга, и въ особенности существующая взаимная травля, а также духъ обличенія, распространившіе убѣжденіе, что порча повсюду распространена въ господствующихъ классахъ, не исключая даже Бисмарка, что́ естественно даетъ соціаль-демократамъ богатѣйшій и желаемый матеріалъ для доказательства, что теперешнее состояніе общества никуда не годится и новое должно занять его мѣсто.

Въ вечернемъ собраніи, бывшемъ въ Тиволи въ день выборовъ и которое уже было описано выше, соціаль-демократы, пропѣвъ свою марсельезу, провозгласили многочисленныя „ура“ въ честь Тессендорфа и его заслугъ въ дѣлѣ распространенія соціаль-демократіи (Тессендорфъ на дѣлѣ пользовался славою особенно энергическаго ревнителя государства и, кромѣ того, извѣстенъ тѣмъ, что взялся положить конецъ здѣшней соціаль-демократіи). Главный о́рганъ соціаль-демократіи, „Berliner Freie Presse“, изобразилъ печатно число случаевъ карательныхъ заключеній, постигшихъ предводителей соціаль-демократической партіи за послѣдніе три года, и рядомъ съ этимъ прибыль голосовъ, получившуюся при настоящихъ выборахъ, сравнительно съ выборами 1874 года. Я не знаю, насколько достовѣрно это число, но оно возможно и на томъ простомъ основаніи, что частыя кары въ этомъ случаѣ говорятъ въ пользу того, что попавшійся очень энергично дѣйствовалъ или въ прессѣ, или путемъ агитаціи, и тѣмъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Однако, въ одномъ пунктѣ это сопоставленіе служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что болѣе уже нѣтъ никакой возможности подавить насиліемъ соціаль-

демократію. Когда читаешь соціаль-демократическія газеты со времени выборовъ, то видишь, что въ нихъ, на-ряду съ торжествомъ по поводу одержанной побѣды, высказывается ожиданіе, что наступитъ реакція съ тяжелыми преслѣдованіями, и она-то послужитъ къ пользѣ и усиленію соціаль-демократіи. Это въ высшей степени замѣчательное явленіе, до сихъ поръ мало обращавшее вниманіе, было вызвано съ разныхъ сторонъ и обращается теперь въ пользу политическихъ цѣлей. Въ прошлое лѣто, когда реакціонеры толковали о консервативномъ духѣ, охватившемъ страну, тогда разумѣли подъ этимъ *реакцію*. Націоналъ-либералы возобновили союзъ съ прогрессистами съ цѣлью, чтобы посредствомъ соединеннаго могущества многочисленной либеральной партіи противодѣйствовать стремленіямъ реакціонеровъ. Наконецъ, нужно замѣтить, что прогрессивная партія вездѣ видитъ реакцію. По ея понятіямъ, Германія погружена по горло въ реакцію, и вѣнецъ реакціи представляетъ собою законодательство.

Но очень немногіе люди до сихъ поръ потрудились уяснить себѣ громадные успѣхи, которые сдѣлала Германія сравнительно съ остальною континентальною Европою въ дѣлѣ свободы. Позвольте мнѣ только напомнить о томъ, что полное возстановленіе экономической свободы, полной свободы передвиженія, свободы ассоціаціи рабочихъ и много другихъ правъ — не говоря уже о высшемъ изъ нихъ—правѣ общей подачи голосовъ—представляютъ собою результаты послѣднихъ десяти лѣтъ. Когда прогрессивная партія въ настоящее время осыпаетъ націоналъ-либераловъ яростными упреками въ томъ, будто они пожертвовали прессой, то при этомъ упускается изъ виду, что до 1 іюля 1874 года прусская пресса находилась подъ давленіемъ закона о печати, отягощавшаго ее предостереженіями и непомѣрно высокимъ штемпельнымъ сборомъ, и что этотъ законъ о печати былъ замѣненъ другимъ, получившимъ силу въ данное время и отмѣнившимъ предостереженія и штемпельный сборъ, и что этотъ послѣдній, кромѣ того, принесъ за собою множество разныхъ льготъ, къ которымъ были прибавлены новыя. Несмотря на опасность быть принятымъ за реакціонера, я считаю такіе успѣхи довольно быстрыми. Скажу еще больше. Когда въ 1874 году шло дѣло о новомъ законѣ о печати, прогрессивная партія хотѣла также провести всѣ свои требованія, но не желала, чтобы что-либо осталось такъ, какъ теперь. Правительство воспротивилось этому и хладнокровно объявило, что все останется въ такомъ случаѣ по старому. Тогда во всей прогрессивной прессѣ поднялся громкій крикъ: говорилось, по поводу отмѣны предостереженій и штемпельнаго сбора, что отъ нихъ необходимо избавиться во всякомъ случаѣ, и прогрессивная партія приняла тогда законъ въ томъ видѣ, какъ она могла получить его отъ правительства, т.-е.

предпочла принципъ пользы принципу политическому или, другими словами, рѣшилась на компромисъ.

Быть можетъ, существуетъ убѣжденіе, что реакція еще не представляетъ опасности. Указаніемъ на это служитъ всего болѣе выраженіе такого рода мыслей, что успѣхи послѣднихъ годовъ быстро слѣдовали одни за другими и что нѣкоторый застой въ этомъ отношеніи былъ бы даже желателенъ. Но этимъ подрѣзывается жизненный нервъ настоящей прогрессивной партіи; точно также предводители ультрамонтановъ будутъ посажены на мель, какъ только заключенъ будетъ миръ между государствомъ и церковью. Такимъ образомъ, прогрессивная партія играетъ роль человѣка, отпиливающаго сукъ, который служитъ ему для сидѣнія. Она хочетъ все новыхъ и болѣе быстрыхъ успѣховъ прогресса, увѣряя при этомъ, что она собственно служитъ преградой соціаль-демократіи—претензія, которой несостоятельность въ высшей степени доказана послѣдними выборами. Правда и то, что соціаль-демократы выказали особенную непріязнь къ прогрессивной партіи. Это происходитъ единственно изъ того, что совершенно случайно Шульце-Деличъ, котораго система ассоціацій долгое время пользовалась большою популярностью среди рабочихъ, остается и теперь, несмотря на быстрое уменьшеніе числа его приверженцевъ, главнымъ противникомъ Лассалевской системы государственной помощи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прогрессистъ. Все это дѣло случая, Шульце-Деличъ могъ бы точно также принадлежать къ національ-либераламъ, какъ и къ консерваторамъ. Прогрессивная партія ненавистна соціаль-демократамъ въ особенности еще тѣмъ, что она хочетъ утвердить свое могущество на массахъ, а соціаль-демократамъ было бы желательно господствовать надъ массами такъ-называемыхъ рабочихъ классовъ исключительно и безраздѣльно. На этомъ основаніи она прямо говоритъ прогрессивной партіи: ступайте прочь, вы точно такіе же буржуа, какъ и всѣ другія партіи. Вы также принадлежите къ классу собственниковъ, высасывающихъ кровь рабочихъ. Вы также испорчены до мозга костей! Съ своей точки зрѣнія, соціаль-демократы несомнѣнно правы; прогрессивная партія однако никакъ не хочетъ признать этого, и, вмѣсто того, чтобы устроить соглашеніе съ болѣе подходящими національ-либеральными партіями и даже съ умѣренными либералами, черезъ что, быть можетъ, возможно было бы остановить успѣхи соціаль-демократіи, она поддерживаетъ и усиливаетъ существующія несогласія и ослабляетъ свои, и безъ того незначительныя силы.

При настоящемъ положеніи дѣлъ, какъ я уже пытался объяснить вамъ, напрасно было бы искать выхода. Министръ внутреннихъ дѣлъ, годъ тому назадъ, встрѣтивъ противодѣйствіе закону репрессивнаго

характера, угрожалъ, что если этотъ законъ не пройдетъ, то наступитъ время, гдѣ заговоритъ ружье и сабля, т.-е. что будетъ прибѣгнуто къ такъ-называемому спасенію общества. Франція уже пользовалась этимъ средствомъ, какъ достаточно показываетъ исторія. Въ такъ именуемымъ либеральныхъ кружкахъ втихомолку поговариваютъ о далекой возможности перемѣны закона о выборахъ. Само собою разумѣется, что при этомъ уже снова забыто все, что въ свое время было сказано относительно права общей подачи голосовъ и чему приложеніе его учитъ каждаго, а именно, что право общей подачи голосовъ *не заключаетъ въ себѣ* политическихъ условій страны, но только уясняетъ ихъ. Забываютъ еще болѣе, что личное право, дарованное однажды наиболѣе многочисленному классу народа, не можетъ быть взято обратно, не вызвавъ безграничнаго раздраженія, и должно насильственно подавить еще болѣе духъ этого класса. Это видно на нынѣшней соціаль-демократіи. Какъ ни груба она, какъ бы непріятны ни были ея проявленія, но она ни въ какомъ случаѣ не представляетъ собою необразованную массу. Она пользуется прессой съ необыкновеннымъ искусствомъ, ея органы—разумѣется, помимо тенденціи—ничѣмъ не отличаются отъ газетъ другихъ политическихъ партій. Ея ораторы и агитаторы, хотя бо̀льшею частію вышедшіе изъ рабочаго класса, заслуживаютъ полнаго уваженія. Послѣ смерти Лассаля, въ высшей степени даровитаго человѣка, она должна была опереться на собственныя силы, т.-е. ограничиться рабочими классами, и, несмотря на это, неудержимо шла къ дальнѣйшему развитію. Въ настоящее время, гдѣ она выказала свое могущество и гдѣ честолюбивымъ личностямъ открывался скорый путь достичь вліянія и почета путемъ парламента, можно думать, что и въ нихъ не будетъ недостатка. Мы укажемъ на одинъ примѣръ изъ послѣднихъ выборовъ: въ лейпцигскомъ округѣ выбранъ между прочимъ архитекторъ Даплеръ. Этотъ человѣкъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и искуснѣйшихъ учениковъ Шинкеля. Онъ пользовался покровительствомъ герцога Мекленбургскаго и, благодаря этому, ему принадлежитъ рядъ лучшихъ зданій въ Шверинѣ. Непреодолимая жажда оппозиціи увлекла его въ Парижъ и Лондонъ; затѣмъ онъ вернулся въ свое отечество и съ успѣхомъ посвятилъ себя коммунистическимъ интересамъ. Теперь онъ попалъ въ число соціаль-демократовъ. Такіе люди найдутъ себѣ много послѣдователей.

На этотъ разъ я совершенно оставлю въ сторонѣ внѣшнюю политику, которой посвящена была моя послѣдняя корреспонденція. Повсюду высказываются и разсказываются самыя противорѣчивыя новости и предположенія, и въ этомъ отношеніи я не желалъ бы мѣшать самостоятельному сужденію вашихъ читателей. Только одно

позволю я себѣ замѣтить, что по самымъ достовѣрнымъ здѣшнимъ свѣдѣніямъ союзъ трехъ императоровъ такъ же проченъ, какъ и прежде, а при этомъ будутъ тщетны всѣ попытки привести къ общему кризису, который бы поставилъ въ опасность всю Европу.

Хроника послѣдняго мѣсяца была бы недостаточною, если бы я не упомянулъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, относящихся къ вышеупомянутому положенію партій. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить процессы противъ „Deutsche Reichsglocke“ и противъ лицъ, связанныхъ съ изданіемъ его. Этотъ органъ имѣетъ только нѣкоторое сходство съ русскимъ „Колоколомъ“, „Набатъ“ и „Впередъ“, и „Lanterne“ г. Рошфора, съ тою только разницею, что у насъ недостало ума Рошфора и что нападки нѣмецкаго „Колокола“ не вызвали такого гоненія, какимъ подвергла послѣдняя французская имперія своихъ враговъ. „Нѣмецкій Колоколъ Имперіи“ носитъ это названіе всего одинъ годъ, прежде же онъ назывался „Нѣмецкой желѣзнодорожной газетой“; но и тогда такъ же мало, какъ и теперь, занимался спеціально желѣзнодорожными интересами, а пробавлялся главнымъ образомъ всякаго рода скандалами. Говорить о возникновеніи этого органа было бы слишкомъ долго; достаточно будетъ упомянуть, что въ теченіи послѣдняго года его нападки все болѣе и болѣе направляются противъ князя Бисмарка. Прямыя сообщенія изъ дипломатическихъ документовъ, а также анекдоты изъ извѣстныхъ кружковъ указываютъ на то, что участниковъ листка слѣдуетъ искать между такими лицами, которыя лично были оскорблены княземъ Бисмаркомъ, или же въ средѣ ультрамонтанской клики, связи которой простираются довольно высоко. Бывшіе процессы почти несомнѣнно доказали, что за геніальнымъ ректоромъ, г. Отто фонъ-Лоэ, братомъ барона Феликса фонъ-Лоэ, который стоитъ во главѣ ультрамонтанской агитаціи въ южной Германіи и не отличается умственными дарованіями, скрывается почти несомнѣнно графъ Гарри фонъ-Арнимъ, бывшій нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ. Равнодушіе нѣмецкой публики сказалось и по отношенію къ „Reichsglocke“. Онъ имѣлъ небольшое число выпусковъ, бо́льшая часть которыхъ разбиралась особыми покровителями въ видѣ вспомоществованія изданію. Кромѣ того, его раскупали любители политическаго „haut goût“. Собственно вліяніе его объясняется только тѣмъ, что ультрамонтанскія и соціаль-демократическія газеты перепечатывали его статьи. Въ извѣстной связи находилось оно съ старо-прусскимъ юнкерствомъ, которое не можетъ простить князю Бисмарку своего „упадка“ и вдобавокъ приписываетъ ему процессъ графа Арнима, имѣющій въ его глазахъ значеніе преступленія laesae majestatis, чему служитъ доказательствомъ случай, бывшій при національныхъ выборахъ. Такъ, юнкерство бранденбургскаго кружка забаллотировало

человѣка, бывшаго въ теченіи 10 лѣтъ его представителемъ въ ланд-и рейхстагѣ, зятя князя Бисмарка, Арнима-Крёхлендорффа, на томъ основаніи, что хотѣли наказать его за политическую приверженность государственному канцеру. Участникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ первоначально Ведемейеръ, померанскій юнкеръ самаго плохого разбора, кончившій жизнь самоубійствомъ, и исполнителемъ своего политическаго завѣщанія назначилъ другого померанскаго юнкера Дистъ-Дабера, который первоначально въ видѣ намековъ, а затѣмъ уже открыто заявилъ, что князь Бисмаркъ—самый обыкновенный смертный и что онъ при основаніи „Центральнаго акціонернаго общества" поддался на подкупъ въ полъ-милліона. Далѣе этого уже не могли идти нападенія газеты. Намекалось впрочемъ еще на то, что князь Бисмаркъ стремится къ тому, чтобы сдѣлаться „майордомомъ" имперія, — но все это дѣлалось такъ ловко, что судебное преслѣдованіе было невозможно. Чувствуя себя въ безопасности, газета подвигалась все далѣе и далѣе; если ей иногда и объявлялись процессы, то они были ведены съ обычною медлительностью до тѣхъ поръ, пока одна неосторожность газеты не измѣнила такого хода дѣлъ. „Reichsglocke" имѣла нѣкоторое основаніе жаловаться на предсѣдателя того отдѣленія суда, которое занимается разборомъ проступковъ печати; но случайнымъ образомъ это же лицо было предсѣдателемъ въ процессѣ графа Арнима, и этого одного обстоятельства было уже достаточно, чтобы газета искала хорошаго случая отмстить ему. Такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный день явилась статья, гдѣ г. Рейхъ, предсѣдатель суда по дѣламъ печати, былъ обвиненъ въ одномъ весьма неблаговидномъ поступкѣ. Это обстоятельство вызвало судъ изъ его летаргіи. Съ необычайною быстротою былъ объявленъ процессъ, но все же не такъ быстро, чтобы редакторъ не могъ спастись бѣгствомъ. Подставныя лица, которымъ пришлось нести отвѣтственность за него, огорчились тѣмъ, что редакторъ такъ подвелъ ихъ, разболтали все и обнаружили секреты редакціи. Хотя имя Арнима прямо не упоминалось, но связи газеты съ упомянутымъ выше кружкомъ и съ ультрамонтанами сдѣлались очевидными. Все же и до сихъ поръ остается однако неразъясненною та роль, какую игралъ по отношенію къ этой газетѣ извѣстный тайный совѣтникъ Вагенеръ, бывшій клевретъ князя Бисмарка. Само собою разумѣется, что всѣ такія дѣла не могутъ выгодно влiять на благопріятный ходъ развитія общественнаго мнѣнія.

Прусскій ландтагъ, собравшійся 12 января, не возбудилъ собою вниманія, благодаря тому, что оно было сосредоточено на выборахъ въ рейхстагъ, и притомъ программа его дѣятельности не представляла въ себѣ ничего сенсаціоннаго. Министръ финансовъ Кампгау-

зенъ представилъ ландтагу бюджетъ,—правда, не такой блистательный, какъ въ предшествующіе годы, когда текло французское золото изъ контрибуціи,—но все же и безъ дефицита, а слѣдовательно и безъ необходимости поднять пренія о новыхъ налогахъ.

При политическихъ треволненіяхъ, которыми обозначились послѣдніе годы, искусства и изящная литература вообще не имѣютъ прежняго хода. Притомъ, старые писатели перемерли, а новые не выросли. Изъ ветерановъ подвизается неослабно одинъ Густавъ Фрейтагъ: въ прошедшемъ году явился новый томъ его „Предковъ" (Ahnen); публика прочла его съ жадностью и съ тѣмъ піэтетомъ, какого заслуживаетъ вполнѣ этотъ величайшій изъ живущихъ нѣмецкихъ писателей. Въ этомъ томѣ онъ рисуетъ эпоху реформаціи, періода могущественнаго пробужденія духа въ Германіи, и притомъ не съ обычной точки зрѣнія тюрингскаго Вартбурга и маленькихъ тюрингскихъ княжествъ, которыми непосредственно ограничивалась дѣятельность Лютера,—но съ точки зрѣнія глубокаго политическаго вліянія реформаціи, какъ освободительной силы. Впрочемъ, творческій талантъ Фрейтага не могъ не понести на себѣ слѣдовъ времени, и я сомнѣваюсь, чтобы его новое произведеніе нашло себѣ читателей за предѣлами Германіи.

Другіе наши романисты съ именемъ, къ сожалѣнію, работаютъ теперь въ газетныхъ фельетонахъ, и коммерческій разсчетъ поддерживаетъ ихъ въ томъ: благодаря децентрализаціи нѣмецкой прессы, романъ-фельетонъ можетъ одновременно появляться въ цѣлой дюжинѣ газетъ. Но насколько авторъ выигрываетъ при этомъ въ денежномъ отношеніи, настолько теряетъ его произведеніе, подчиняясь условіямъ фельетона, требующаго сжатости на счетъ художественности. Любопытно было бы видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ бы теперь какой-нибудь Гётевскій романъ въ фельетонѣ современной газеты!?

Искусство гонится также прежде всего „за хлѣбомъ", и живописцы и скульпторы не отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ беллетристовъ. Для нихъ 1871 годъ былъ золотою эпохой: портретовъ приходилось тогда писать столько, что даже второклассные и третьеклассные художники были завалены работой. Меценаты росли, какъ грибы, прямо изъ земли. Счастливый биржевой или желѣзнодорожный спекулянтъ обзаводился сначала рысаками и колясками, и затѣмъ, чувствуя себя вполнѣ уютно, устраивалъ картинную галерею. Теперь все это идетъ съ молотка, и въ наше худое время никто не дѣлаетъ такихъ блестящихъ дѣлъ, какъ тѣ догадливые люди, которые устраиваютъ великолѣпныя помѣщенія для аукціона картинъ. Мнѣ скажутъ, что времена еще не такъ худы, что все же находятся по-

купатели. Это такъ, но цѣны теперь упали, и то, что за два или за три года считалось украшеніемъ кабинета и продавалось по соотвѣтственной тому цѣнѣ, теперь идетъ за половину, за треть первоначальной цѣны. Даже большія имена, какъ Ахенбахъ, Мокартъ, не составляютъ исключенія, и исправится ли дѣло въ будущемъ—это еще вопросъ. Въ этой исторіи паденія цѣнностей картинъ есть и комическая сторона. Такъ, на-дняхъ продавалось въ Берлинѣ съ молотка все имущество и великолѣпная картинная галерея извѣстнаго спекулянта г-на Консула. Я видалъ его въ эпоху всей его славы и величія. Это было на одномъ изъ блестящихъ оперныхъ баловъ, гдѣ собираются „сливки“ берлинскаго общества, окружая съ развязною веселостью дворъ, присутствіе котораго сообщаетъ особый блескъ этимъ празднествамъ. Дамы дѣлаютъ при этомъ, по мѣрѣ своихъ силъ, выставку бриллиантовъ, а ихъ мужья—орденовъ. Въ отношеніи бриллиантовъ, можетъ быть, другія страны богаче Пруссіи, но по части орденовъ—едва ли! Между такими носителями орденовъ выступалъ особенно одинъ господинъ, почти падавшій подъ бременемъ украшеній, разнообразіе которыхъ могло бы смутить даже спеціалиста-знатока орденовъ. Это и былъ тотъ г-нъ Консулъ, пріобрѣвшій въ самое короткое время колоссальное состояніе: часть этого состоянія онъ посвятилъ на пріобрѣтеніе различныхъ азіатскихъ и африканскихъ орденовъ, которые, по своему виду, напоминали ящикъ отъ сардинокъ, украшающій грудь „швейцарскаго адмирала“ въ извѣстной Оффенбаховской опереткѣ. Пріобрѣтеніе имъ картинной галереи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ той же эпохѣ пріобрѣтенія орденовъ. Все это теперь продается. Ордена, конечно, не будутъ куплены никѣмъ; они останутся висѣть на шеѣ счастливаго ихъ обладателя и тогда, когда всѣ его сокровища разлетятся въ разныя стороны такъ же быстро, какъ быстро они были собраны, а онъ будетъ утѣшаться мыслью, что все-таки ордена не такое преходящее украшеніе, какъ то утверждаютъ многіе,—не украшенные оными.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

¹²/₂₄ января, 1877.

Объ упадкѣ критики во Франціи.

I.

— „Въ настоящее время у насъ во Франціи не существуетъ критики". Вотъ слова, которыя я безпрестанно слышу вокругъ себя со смерти Сентъ-Бёва. Они безусловно вѣрны. Нельзя яснѣе высказать неопровержимую истину.

Между тѣмъ критика играетъ весьма важную роль въ литературѣ. Конечно, я не вѣрю въ ея вліяніе, болѣе или менѣе непосредственное, на литературный уровень. Прошли тѣ времена, когда критика призывала писателей къ порядку и къ уваженію правилъ и обычаевъ, когда она раздавала удары линейкой, какъ какой-нибудь школьный учитель. Она не признаетъ больше за собой педагогической миссіи указывать и исправлять ошибки, точно въ ученической задачѣ, марать произведенія мастеровъ грамматическими и риторическими замѣчаніями. Критика расширилась, она стала анатомическимъ изслѣдованіемъ писателей и ихъ произведеній. Она беретъ человѣка, беретъ книгу, разсѣкаетъ ихъ, старается показать, въ силу какихъ пружинъ этотъ человѣкъ произвелъ эту книгу, и довольствуется тѣмъ, что все объясняетъ и составляетъ подробный протоколъ. Изслѣдуется темпераментъ автора, обстоятельства и среда, при которыхъ онъ работалъ; произведеніе является какъ неизбѣжный результатъ, хорошій или дурной, и все дѣло лишь въ томъ, чтобы объяснить его raison d'être. Такимъ образомъ, вся критическая процедура ограничивается констатированіемъ факта, начиная съ причины, породившей его, и кончая послѣдствіями, которыя онъ можетъ имѣть. Конечно, подобный трудъ поучителенъ и, созерцая себя въ такомъ вѣрномъ зеркалѣ, писатель можетъ задуматься надъ самимъ собой, понять свои недостатки, постараться замаскировать ихъ насколько возможно. Но такое поученіе является само собой, вытекаетъ изъ самой правдивости портрета и совсѣмъ не похоже на натянутыя и педантическія нравоученія учителя. Критика излагаетъ, но не наставляетъ болѣе. Она сама поняла, что вліяніе ея на литературный уровень равняется почти нулю, потому что темпераменты

непокорны, и предпочитаетъ писать исторію современной литературы съ поясненіями и комментаріями.

Настоящее значеніе критики состоитъ въ томъ, что она отмѣчаетъ движенія различныхъ школъ, которыя проявляются. Она должна быть постоянно на-сторожѣ, какъ какой-нибудь судебный приставъ, должна заносить всѣ новые факты, опредѣлять, въ какомъ направленіи развивается каждое поколѣніе писателей. Публика, пугающаяся оригинальности, требуетъ успокоенія и руководства. Великій критикъ, пользующійся авторитетомъ надъ своими читателями, можетъ оказать большія услуги. Отъ него все примутъ, потому что вѣрятъ всему, чтò онъ ни скажетъ. И слѣдовательно, если онъ человѣкъ обширнаго ума, если онъ признаетъ оригинальные темпераменты, то онъ одинъ можетъ примирить съ ними колеблющуюся толпу. Онъ станетъ изучать эти темпераменты, укажетъ на рѣдкія качества, отличающія ихъ, и такимъ образомъ будетъ воспитывать публику и она мало-по-малу привыкнетъ къ новому. Нѣтъ благороднѣе дѣла, какъ пріучать толпу къ ослѣпительному сіянію генія.

Пойду далѣе и скажу, что каждое поколѣніе, каждая группа писателей нуждается въ критикѣ, который бы ихъ понялъ и растолковалъ толпѣ. То же самое явленіе происходитъ и въ театрѣ. Съ каждой драматической формой появляется рядъ актеровъ, способныхъ превосходно передавать эту форму. Трагедія породила толкователей, которые умерли вмѣстѣ съ нею. Романтическая драма также воплотилась въ нѣсколькихъ великихъ актерахъ, сошедшихъ со сцены вмѣстѣ съ этой драмой. Такимъ образомъ, литературныя школы требуютъ передовыхъ бойцовъ, трубачей, которые бы возвѣщали объ ихъ прибытіи и заставляли толпу сторониться и расчищали бы имъ дорогу. Понятно, что такой критикъ рождается вмѣстѣ съ поколѣніемъ писателей, которыхъ онъ долженъ растолковать толпѣ; онъ долженъ раздѣлить вкусы этого поколѣнія, любить то, чтò оно любитъ, и ненавидѣть то, чтò оно ненавидитъ. Если онъ родится немного раньше или немного позже, оно его не пойметъ и станетъ отрицать. Онъ, однимъ словомъ, одинъ изъ дѣятелей группы, но только мозгъ его одаренъ больше пониманіемъ, нежели творческой фантазіей, а потому онъ довольствуется тѣмъ, что несетъ знамя въ то время, какъ остальные дерутся.

Если какое-нибудь поколѣніе писателей не находитъ себѣ критика, то это большое для него несчастіе. Борьба бываетъ гораздо продолжительнѣе и побѣда не такая блестящая. Публика упорствуетъ въ своемъ непониманіи. Нѣтъ человѣка, который бы объяснилъ ей борьбу, доказалъ, что она необходима и славна. У ней нѣтъ руководителя, она не можетъ уцѣпиться за мнѣніе уважаемаго

лица, которому довѣряетъ. Замѣтьте, что публика желаетъ, чтобы ею руководили; надо, чтобы кто-нибудь пережевалъ для нея убѣжденія, чтобы она ихъ переварила. До тѣхъ поръ, пока уважаемый критикъ не заговоритъ, девять лицъ изъ десяти ждутъ его сужденія, прежде чѣмъ произнести свое собственное, и какъ только онъ раскроетъ ротъ, сужденіе его тотчасъ же становится сужденіемъ этихъ девяти лицъ. Поэтому понятна та рѣшительная роль, какую критикъ играетъ между писателемъ и читателями; онъ посредникъ, общій другъ, у котораго люди сходятся, чтобы познакомиться и подружиться. Если критикъ отсутствуетъ, авторъ и публика не сближаются и проводятъ долгіе годы во взаимномъ недовѣріи.

Современное поколѣніе писателей натуральной школы, къ несчастію, не нашло еще для себя критика; поэтому борьба затягивается и не приноситъ рѣшительной побѣды! Писатели не устаютъ; они даютъ одно произведеніе за другимъ, но чаще всего имъ удается только привести въ негодованіе или раздражить публику, которую пугаетъ гвалтъ битвы. Пора было бы явиться вліятельному критику и объяснить движеніе, совершающееся въ нашей литературѣ. Успокоенные читатели поняли бы наконецъ, въ чемъ дѣло. Они увидѣли бы, на чьей сторонѣ талантъ, жизнь, будущность. Они признали бы писателей натуральной школы, подобно тому, какъ должны были признать писателей романтической школы послѣ гомерической борьбы 1830 года.

Я сказалъ, что Сентъ-Бёвъ былъ у насъ послѣднимъ критикомъ. Я понимаю при этомъ слово „критика" только въ смыслѣ литературнаго критика, который судитъ о новыхъ произведеніяхъ по мѣрѣ того, какъ они выходятъ въ свѣтъ. Сентъ-Бёвъ выросъ въ самый разгаръ романтическаго движенія, поэтому онъ не могъ понять ни Стендаля, ни Бальзака. Стендаль въ особенности былъ для него совсѣмъ недоступенъ; даже позднѣе, когда авторъ „Chartreuse de Parme" получилъ первостепенное значеніе въ литературѣ, Сентъ-Бёвъ заявлялъ, что современники этого романиста никогда не обращали на него большого вниманія. И Сентъ-Бёвъ остался при этомъ мнѣніи; онъ всегда смотрѣлъ на Стендаля, какъ на чудака, писавшаго на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Что касается Бальзака, то онъ былъ одной изъ bêtes noires критика. Сентъ-Бёвъ, помимо воли, оставался всю свою жизнь вѣрнымъ романтическому культу; правда въ искусствѣ, точный анализъ были ему противны. При этомъ, такъ какъ натура у него была весьма сложная, то къ романтической нѣжности его примѣшивалась нѣкоторая доза затаеннаго злорадства къ корифеямъ 1830 г. Провалившійся поэтъ вѣчно болѣлъ въ немъ. Онъ жестоко страдалъ отъ того безсилія критика, которое разви-

ваетъ въ критикѣ коварство и горечь послѣ нѣсколькихъ лѣтъ его тяжкаго ремесла. Онъ царапалъ всѣхъ тѣхъ, кого ласкалъ своей бархатной лапкой. Оставаясь вѣрнымъ литературному движенію своего поколѣнія, онъ тѣмъ не менѣе бунтовался въ душѣ и испытывалъ желаніе отмстить. Я думаю даже, что онъ углублялся въ другіе литературные вѣка только затѣмъ, чтобы побивать своихъ современниковъ ихъ предшественниками.

Но пониманіе и анализъ дѣлаютъ личность Сентъ-Бёва одной изъ самыхъ замѣчательныхъ его времени. Онъ могъ все рѣшительно понять. Если онъ не понималъ чего, то я это объясняю тѣмъ, что онъ не хотѣлъ понять. Онъ создалъ ту критику, о которой я говорилъ выше. Онъ отдѣлился отъ школы Лагарпа; онъ изучалъ человѣка прежде, чѣмъ изучать произведеніе; онъ обращалъ вниманіе на среду, обстоятельства, темпераментъ. И что слѣдуетъ особенно подчеркнуть—онъ не ограничивался какимъ-нибудь методомъ, какой-нибудь формулой. Свойство его таланта заставило его открыть орудіе, которымъ онъ пользовался. Никто еще до него не выказывалъ такой гибкости въ анализѣ. Въ немъ было что-то женственное; въ его манерѣ сказывалось что-то ласковое и кошачье; онъ мило гладилъ лапкой и въ концѣ-концовъ, зачастую, очень больно царапалъ. И самые недостатки его происходили отъ этой гибкости и изворотливости; порою онъ становился непонятнымъ, запутывался въ неопредѣленныхъ фразахъ, когда не желалъ откровенно высказаться. Другіе критики могли имѣть его эрудицію, его глубокое познаніе нашей литературы; другіе могли болѣе углубляться въ книги, чѣмъ онъ, но никто, конечно, не проникалъ глубже въ сердце и душу нѣкоторыхъ писателей. Въ этомъ его слава.

Конечно, какъ я уже сказалъ, я не думаю, чтобы Сентъ-Бёвъ, будь онъ живъ, согласился покровительствовать натуралистическому движенію. Онъ ненавидѣлъ дѣйствительность безъ прикрасъ. Но не слѣдуетъ однако забывать, что онъ поддержалъ „Madame Bovary", и этимъ содѣйствовалъ колоссальному успѣху этого романа. Но произведенія гг. Эдмона и Жюля де-Гонкуръ всегда возбуждали въ немъ нѣкоторую тревогу. Онъ, конечно, не пошелъ бы дальше. Наслѣдники Бальзака и Стендаля приводили его въ ужасъ. Онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не предвидѣть, что будущее принадлежитъ этимъ наслѣдникамъ. Поэтому онъ предпочиталъ молчать и не поощрять зарождающуюся школу, предоставляя своему преемнику, тому критику, который наслѣдуетъ его вліяніе, трудъ защищать ее или бороться съ ней.

Говорить ли: всѣ молодые романисты возлагали свои надежды на Тэна. Онъ представлялся имъ критикомъ, долженствовавшимъ наслѣ-

довать скипетръ Сентъ-Бёва и заговорить во имя правды и свободы въ литературѣ. Въ тѣ времена Тэнъ какъ-будто собирался произвести переворотъ въ философіи. Онъ выработалъ методъ, онъ объединилъ въ нѣсколькихъ формулахъ находки, сдѣланныя въ критикѣ Сентъ-Бёвомъ. Его сухость, его анализъ, обращенный въ родъ механической операціи, плѣняли юные умы, перенося въ сферу отвлеченныхъ понятій методы, употребляемые до тѣхъ поръ въ естественныхъ наукахъ. То была натуральная критика, развивавшаяся на ряду съ натуральнымъ романомъ. Можно было подумать, что народился критикъ новаго литературнаго поколѣнія, тѣмъ болѣе, что Тэнъ написалъ великолѣпную статью о Вальзакѣ, котораго сравнивалъ съ Шекспиромъ.

Въ настоящее время молодые романисты должны признать, что ошиблись. Никогда Тэнъ не будетъ критикомъ, какого они ждутъ. На это много причинъ, но я укажу только на двѣ главнѣйшихъ. Тэнъ прежде всего ученый. У него нѣтъ глазъ, въ немъ работаетъ одинъ умъ. Его настоящая среда въ библіотекѣ. Тамъ онъ творитъ чудеса, роется въ грудахъ книгъ, дѣлаетъ ужасающее количество выписокъ, извлекая всѣ свои произведенія изъ печатныхъ произведеній. Онъ компиляторъ съ талантомъ классификаціи. Но на улицѣ, не знаю, видитъ ли онъ извощиковъ; навѣрное, онъ никогда не глядѣлъ въ лицо прохожему; жизнь безусловно ускользаетъ отъ него; дѣйствительность его не трогаетъ. Отсюда безсознательное, быть можетъ, пренебреженіе ко всему живому. Онъ ушелъ отъ современнаго базара житейской суеты и отдался историческимъ и философскимъ изслѣдованіямъ. Онъ съ любовью отрясаетъ пыль со старыхъ документовъ. Чтобы замѣтить въ настоящую минуту современнаго ему писателя, онъ долженъ былъ бы сдѣлать чрезмѣрное усиліе. Я читалъ нѣсколько строкъ его о современныхъ романистахъ, въ которыхъ онъ выказалъ, по-моему, самое глубокое непониманіе совершающагося движенія, самый тупой критическій взглядъ, какой только можно выказать. Словомъ, онъ дышетъ не однимъ съ нами воздухомъ. Но есть еще и другая причина, столь же важная. Даже если бы Тэнъ жилъ нашею жизнью, онъ, я думаю, воздержался бы отъ борьбы, онъ никогда не принялъ бы на себя компромметантной роли—держать какое-нибудь знамя. Не въ его темпераментѣ компрометтировать себя. Онъ кончитъ, полагаю, тѣмъ, что закутается въ самое непроницаемое облако, чтобы не высказываться опредѣленно о комъ или о чемъ-нибудь. Щадить всѣхъ—стало, повидимому, отнынѣ его девизомъ. Онъ, выступившій революціонеромъ, оказался самымъ симметричнымъ умомъ, какой только существуетъ. Профессоръ проснулся въ немъ.

Итакъ, натуральная школа не разсчитываетъ больше на Тэна, а за исключеніемъ Тэна нѣтъ ни одного значительнаго критика. Повторю фразу, съ которой началъ: въ настоящее время, у насъ, во Франціи, не существуетъ критики. И вотъ, этотъ-то пробѣлъ я и собираюсь изучить.

II.

Въ послѣднія двадцать лѣтъ не появилось ни одного критика. Безъ сомнѣнія, существуетъ недостатокъ въ людяхъ. Но надо прибавить, что и обстоятельства никогда еще не были столь неблагопріятны. Укажу въ особенности на превращенія, совершившіяся въ печати, какъ на одну изъ главныхъ причинъ паденія критики.

Газета, двадцать лѣтъ тому назадъ, была серьёзнымъ органомъ, отводившимъ все мѣсто политикѣ и литературѣ. Для „Faits divers" отводилась четвертая страница. Читатели подписывались на ту или другую газету, симпатизируя ея направленію; слѣдили за статьями того или другого журналиста, набожно прочитывали ихъ, хотя бы онѣ занимали пять столбцовъ. Критикѣ въ эту счастливую эпоху былъ предоставленъ полный просторъ. Она не торопилась, пропускала мѣсяцъ, два, прежде чѣмъ заговорить о новой книгѣ, высказывала сужденія, подробно мотивированныя. Сами читатели не испытывали никакого нетерпѣнія. Они требовали прежде всего добросовѣстности, таланта и справедливости.

Мы все это перемѣнили. Новая газета стремится вытолкать за дверь политику и литературу. „Faits divers" подъ различными наименованіями наводняютъ всѣ четыре страницы. Создалась печать объявленій. Теперь уже дѣло идетъ не о томъ, чтобы обсуждать политическія событія, анализировать книги. Очень это нужно читателямъ! Имъ нужно передавать о томъ, что̀ происходило наканунѣ въ салонѣ m-me *** или за кулисами бульварнаго театра; имъ нужно сообщать въ трехъ-стахъ строкахъ о преступленіи, совершённомъ въ предыдущую ночь, съ описаніемъ наружности убійцы и того, что̀ онъ ѣлъ и что̀ онъ пилъ; приходится сводить все къ мелкимъ, точнымъ, грубымъ фактамъ, безъ всякихъ украшеній. Если это движеніе будетъ рости, то черезъ пятьдесятъ лѣтъ газеты превратятся въ простыя листки объявленій.

Понятно, какой жестокій ударъ нанесла печать „мелкихъ извѣстій" критикѣ. Длинныя статьи, разумно составленныя, честно написанныя, вышли изъ моды. Онѣ занимаютъ слишкомъ много мѣста! Аксіомой всѣхъ редакторовъ стало то, что длинныя статьи больше не читаются. И дохо-

дило до шутокъ: писателей, упорствующихъ въ прежнихъ обычаяхъ, обзывали педантами, утверждали, что статьи ихъ—балластъ. Первымъ словомъ редактора стало: „составьте мнѣ это въ пятидесяти строкахъ“. При этомъ не требовалось больше ни добросовѣстности, ни справедливости. Къ чему? Читателямъ этого не нужно! Но требовалось, чтобы статья о книгѣ печаталась на другой день послѣ появленія книги или даже еще лучше—наканунѣ. Никакого изученія для критики не требуется. Критикъ разрѣзаетъ страницы, подхватываетъ тамъ и сямъ какое-нибудь слово и, когда книга разрѣзана, онъ достаточно познакомился съ нею,—немедленно строчитъ требуемыя „пятьдесятъ строкъ“. Часто онъ даже не говоритъ о книгѣ, а говоритъ Богъ вѣсть о чемъ, по поводу книги. Достаточно, чтобы были приведены заглавіе и имя автора. Самое важное, дѣйствительно, это извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги; его слѣдуетъ сообщить раньше другихъ газетъ; чтò касается остального: истиннаго достоинства произведенія, его оригинальности, вліянія, которое оно можетъ оказать, кому какое дѣло до этого! При такихъ условіяхъ желательно было бы, чтобы импровизированные критики довольствовались объявленіемъ о появленіи книги въ двухъ строкахъ. Бѣда въ томъ, что еще не дошли до такой сухости. Критики прибавляютъ зря нѣсколько замѣчаній. Они хвалятъ или порицаютъ по особымъ причинамъ. Ни у одного нѣтъ метода. Они громоздятъ нелѣпости, ошибки, ложь. Ничего нѣтъ плачевнѣе этого зрѣлища въ печати, когда появится новая книга. Нѣтъ глупости, которой бы не говорили, и чтобы получить доказательство въ упадкѣ критики во Франціи, стòитъ только собрать всѣ статьи о какой-нибудь книгѣ, прочитать ихъ и увидѣть царящія въ нихъ тупоуміе и недобросовѣстность.

Страхъ надоѣсть убилъ, повторяю, добросовѣстныя статьи. Публику пріучили читать газету мимоходомъ. Она проглатываетъ faits-divers, но статьи въ три столбца стали неумѣстны. Откуда возьметъ человѣкъ, живущій нашей суетливой жизнью, четверть часа на то, чтобы прочитать серьёзную статью? Къ тому же, ему пришлось бы размышлять, напрягать умъ, а это убійственно. Поэтому ему преподносятъ однѣ пошлости, общія мѣста, съ разу помѣщающіяся въ его головѣ. Энтузіазмъ, литературныя убѣжденія, все это волнуетъ, разстроиваетъ пищевареніе. Не надо даже имѣть убѣжденій, потому что это смѣшно. Самое удобное—болтать зря, говорить сегодня одно, завтра другое, льстить толпѣ, повторяя то, чтò говорятъ глупцы. Отсюда ужасное „charivari“, которое мы слышимъ въ печати. Ручаюсь, напримѣръ, что невозможно прочитать на другой день послѣ перваго представленія какой-нибудь пьесы пяти или шести отчетовъ о ней, не почувствовавъ отвращенія.

Заговорите объ этомъ положеніи вещей съ какимъ-нибудь редакторомъ газеты—онъ отвѣтитъ вамъ, что долженъ угождать публикѣ. Онъ не о душахъ печется, а наблюдаетъ за процвѣтаніемъ коммерческаго предпріятія. Публика желаетъ разныхъ мелкихъ извѣстій; ее пичкаютъ мелкими извѣстіями. Безъ сомнѣнія, литература оттого страдаетъ, но что же дѣлать? По новѣйшей системѣ, нумеръ газеты долженъ быть сфабрикованъ въ нѣсколько часовъ, по мѣрѣ того, какъ приходятъ извѣстія. О качествѣ больше не заботятся, а заботятся только о количествѣ. Многія газеты, напримѣръ, печатающіяся въ полночь, даютъ анализъ новыхъ пьесъ на другой же день послѣ перваго представленія, такъ что театральный рецензентъ обязанъ уйти изъ театра, не дожидаясь послѣдняго акта и нацарапать свой обрывокъ статьи въ типографіи, гдѣ машины его дожидаются. Спрашиваю васъ: какое сужденіе можетъ онъ произнести, не имѣя времени сообразить свои впечатлѣнія, не зная даже зачастую развязки драмы или комедіи, о которой пишетъ! Никакая справедливость немыслима при такихъ условіяхъ. Критика низведена на степень простого объявленія, составленнаго часто на плохомъ французскомъ языкѣ и содержащемъ самыя нелѣпыя мнѣнія въ мірѣ.

Единственныя длинныя статьи, допускаемыя газетами, интересующимися главнымъ образомъ объявленіями, это тѣ, которыя фабрикуются помощію выписокъ изъ новыхъ сочиненій. Нѣкоторые редакторы достаютъ себѣ книгу, прежде чѣмъ она пущена въ продажу, и извлекаютъ изъ нея самыя интересныя мѣста. Они прибавляютъ нѣсколько строкъ, чтобы связать между собою эти мѣста, подзадоривая публику намёками, что первые подносятъ ей эту новинку. Вотъ дешевый способъ писанія статей. Къ тому же, онъ принадлежитъ къ системѣ нескромностей, которая очень въ ходу. Царица-публика въ восхищеніи. Ей не навязываютъ никакого мнѣнія, ее освобождаютъ даже отъ труда прочесть цѣлую книгу, потому что, прочитавъ извлеченія, она настолько познакомится съ ней, чтобы говорить о ней безъ затрудненія. Современная журналистика опирается на томъ, что льститъ лѣни и тщеславію толпы.

И такой порядокъ дѣлъ такъ прочно установился, что ловкіе авторы никогда не просятъ статьи въ дружественныхъ газетахъ. Они предпочитаютъ, чтобы хроникёръ говорилъ объ ихъ произведеніяхъ въ своей хроникѣ между извѣстіемъ объ актрисѣ Z*** изъ Variétés и финансовымъ скандаломъ или знаменитымъ процессомъ. Тамъ по крайней мѣрѣ они увѣрены, что весь Парижъ прочитаетъ рекламу; потому что какъ ни сокращай критическія статьи, а публика все-таки пропускаетъ ихъ, зѣвая. Такимъ образомъ, хроникёры стали самыми вліятельными критиками; они одни могутъ увеличить продажу на нѣ-

сколько сотенъ экземпляровъ. Я могъ бы привести примѣры. Одинъ хроникёръ, котораго я не хочу называть, имѣетъ больше вліянія, чѣмъ самъ Тэнъ. Ему стóитъ даже подшутить надъ какимъ-нибудь сочиненіемъ, чтобы оно тотчасъ же разошлось. Это очень печально: талантъ больше не въ модѣ; скандалъ царитъ самодержавно.

И пусть меня не обвиняютъ, что я вижу вещи въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ. Газеты съ одной хроникой являются агентомъ литературнаго растлѣнія, еще болѣе ужаснымъ, нежели я говорю. Онѣ ежедневно отравляютъ публику. Зло приняло такіе размѣры, что заразило самые серьёзные органы. Ни одна газета не спаслась отъ заразы. Безъ сомнѣнія, во французской печати насчитывается еще нѣсколько органовъ, сохраняющихъ свое прежнее достоинство. Но присмотритесь къ нимъ внимательнѣе и вы увидите, что врагъ уже свилъ себѣ у нихъ гнѣздо. Самыя почтенныя газеты пожелали обновить себя; онѣ расширили отдѣлъ „Faits-divers", завели хронику. Затѣмъ онѣ все рѣже и рѣже рискуютъ печатать длинныя статьи; повидимому, литература для нихъ, какъ и для всѣхъ остальныхъ, стала обузой; онѣ сохраняютъ ее единственно лишь затѣмъ, чтобы не порвать слишкомъ рѣзко съ своими преданіями. Къ тому же, газеты съ одной хроникой пользуются скандальнымъ успѣхомъ; онѣ расходятся въ пятидесяти тысячахъ экземпляровъ, между тѣмъ какъ серьёзныя газеты расходятся всего въ пятнадцати, двадцати тысячахъ экземпляровъ. Я говорю о самыхъ распространенныхъ.

Вотъ каково положеніе дѣлъ. Литература въ загонѣ. Книга въ особенности превратилась въ пугало. Въ „Figaro", напримѣръ, вы никогда не встрѣтите критической статьи; развѣ порою проскользнетъ реклама въ хронику или въ „отголоски" Парижа. Если возьмемъ газету, яко бы серьёзную, напримѣръ „Le Temps", то увидимъ, что въ сущности равнодушіе къ литературѣ въ ней такое же точно. Проходятъ двѣ-три недѣли, безъ появленія литературныхъ статей. Я знаю, что библіографическіе отчеты валялись по цѣлымъ мѣсяцамъ и ихъ не печатали. Политика захватила все, и не одна только политика, но и биржа, трибуналы, метеорологическіе бюллетени и пр. Одна только книга считается лишнимъ грузомъ. Театры гораздо счастливѣе: какой-нибудь водевиль дѣлаетъ больше шума въ печати, нежели романъ. Это происходитъ оттого, что у театра есть стороны, отнюдь не литературныя. У драматическихъ хроникёровъ имѣется въ запасѣ для уснащенія своихъ статей приключенія актрисъ, закулисныя сплетни, вся суматоха сценическаго маленькаго мірка, производящаго столько шуму. Публикѣ никогда не надоѣшь, говоря о театрѣ, и вотъ въ чемъ преимущество. Если книга изгоняется, если

на нее смотрять, какъ на незванаго гостя, то это потому, что она не всегда бываетъ забавна и въ ней мало женщинъ, какъ говорится.

Резюмирую: я обвиняю газеты съ одной хроникой въ томъ, что онѣ произвели упадокъ критики. Невозможно въ этой журнальной сумятицѣ найти время написать и прочитать серьёзную статью; хуже всего то, что читатели привыкають къ такому порядку дѣлъ и все болѣе и болѣе разучиваются читать. Со всѣмъ тѣмъ, если современная журналистика порождаетъ дикую какофонію литературныхъ сужденій, то я не хочу этимъ сказать, чтобы она одна мѣшала появленію истиннаго критика. Я думаю, что людей нѣтъ. Явись человѣкъ, и онъ скоро бы заставилъ себя слушать, не взирая на неблагопріятныя обстоятельства, среди бормотанья всѣхъ этихъ убогихъ умовъ, сующихся изрекать приговоры о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ.

III.

Конечно, и теперь нѣтъ недостатка въ журналистахъ, занимающихся критикой. Напротивъ того: всякій суется съ своимъ мнѣніемъ. Нѣтъ ни одного юноши, прибывшаго изъ провинціи, который бы не мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ „муштровать" писателей. А такъ какъ редакторы газетъ относятся съ величайшимъ презрѣніемъ къ библіографіи, то почти всегда поручаютъ ее новичкамъ, ученикамъ, тѣмъ, кому нужно еще набить себѣ руку. Библіографія изгнана на послѣднюю страницу, въ уголокъ. Съ ней обращаются безцеремонно: укорачиваютъ или удлинняютъ ее, смотря по требованіямъ нумера. Она менѣе важна, чѣмъ приключенія и преступленія, которыя описываются особенно тщательно. Вышла книга,—важное дѣло! никто ею не интересуется. Такимъ образомъ, бумажные мараки журналистики дебютируютъ въ критикѣ; имъ предоставляютъ кромить книги, подобно тому какъ въ кухняхъ даютъ поваренкамъ чистить овощи. Можете себѣ представить, чтó изъ этого выходитъ! У этихъ бѣдныхъ юношей зачастую нѣтъ двухъ опредѣленныхъ мыслей въ головѣ. Опытности никакой. Они пишутъ зря. Отсюда самыя невѣроятныя сужденія, благодаря которымъ наша современная критика напоминаетъ настоящее вавилонское столпотвореніе, гдѣ говорили бы на всѣхъ языкахъ, кромѣ языка правды и справедливости.

Я не назову никого изъ этихъ юношей. Вѣтеръ приноситъ и уноситъ ихъ. Персоналъ этой текущей библіографіи мѣняется каждые три мѣсяца. Авторъ теряетъ имъ счетъ и долженъ всякій разъ наводить справки, если хочетъ послать свою книгу журналистамъ, на которыхъ

возлагается обязанность о ней говорить. Перемѣна слѣдуетъ за перемѣной; одинъ ученикъ наслѣдуетъ другому. Когда редакторъ не знаетъ что ему дѣлать съ несноснымъ сотрудникомъ, онъ поручаетъ ему библіографическіе отчеты. Это дѣло пустяшное!

Но нѣкоторые критики упорствуютъ. Они не имѣютъ никакого вліянія; статьи ихъ не заставятъ разойтись и лишнихъ десяти экземпляровъ какого-нибудь сочиненія. Тѣмъ не менѣе они живутъ ремесломъ критика; критика ихъ спеціальность. Имъ оставляютъ мѣсто въ газетахъ, еще не порвавшихъ всякую связь съ литературой. Въ послѣдніе годы это мѣсто все болѣе и болѣе съуживается; но время отъ времени имъ удается помѣстить статью. Я остановлюсь на самыхъ типическихъ изъ этихъ критиковъ и постараюсь очертить въ нѣсколькихъ строкахъ ихъ физіономію.

Во-первыхъ, существуетъ профессорская критика, и представителемъ ея является Обэ, преподающій латынь въ духовныхъ училищахъ. Онъ кажется долгое время писалъ въ „Français". Теперь онъ пишетъ въ „Journal officiel", но только не подписывается, потому что личность его не особенно пріятна республиканскому большинству нашего національнаго собранія. Я не политикой занимаюсь здѣсь и отнюдь не стану толковать о политическихъ и религіозныхъ идеяхъ Обэ, но идеи эти несомнѣнно имѣютъ значительное вліяніе на его взгляды и сужденія о современной литературѣ. Онъ не можетъ признать наприм. движенія натуральной и позитивной школы, которое совершаетъ въ настоящую минуту переворотъ въ нашей литературѣ, послѣ того какъ совершило переворотъ въ наукѣ. Онъ разсуждаетъ какъ профессоръ и какъ католикъ. Онъ охотно указываетъ на грамматическія ошибки, желалъ бы ограничить романъ узкими рамками сентиментальныхъ фикцій; осуждаетъ произведеніе, мораль котораго, по его мнѣнію, не ортодоксальна и можетъ поколебать догматы. Ни ширины взгляда, ни гибкости анализа у него вы не найдете. Это педагогъ, къ счастію безъ всякаго авторитета, исправляющій новыя произведенія, подобно тому, какъ исправляетъ задачи своихъ учениковъ. Спрашивается: какую пользу можетъ онъ оказать въ нашъ вѣкъ колоссальной дѣятельности, вѣкъ отчаянной смѣлости, не отступающей ни передъ какими опытами? Онъ не сознаетъ духа времени и является съ своими узкими риторическими требованіями на площадь, гдѣ мы сражаемся; и тамъ, худой и озябшій, проповѣдуетъ, наставляетъ, и дымъ сраженія ни на минуту не опьяняетъ его. Не его вина, если онъ слѣпъ, и если современное пониманіе прекраснаго ему недоступно. Онъ видитъ насъ въ самомъ диковинномъ свѣтѣ. Мы пугаемъ его. Въ тотъ день, когда ему нужно похвалить кого-нибудь изъ насъ, онъ останавливается на самомъ слабомъ и приличномъ изъ насъ, да и

то еще пугается нѣкоторыхъ рѣзкостей. Словомъ, онъ не считается, онъ нуль, онъ слишкомъ далекъ отъ настоящаго времени, чтобы имѣть на него малѣйшее вліяніе. Въ серьёзныхъ журналахъ онъ просто-на-просто служитъ затычкой. Онъ отправляетъ въ тѣни должность, въ которой критикъ съ болѣе развитой личностью рисковалъ бы оказаться неприличнымъ.

Исторія г. де-Понмартена, критика „Gazette de France", болѣе интересна. Онъ также защищаетъ троны и алтари, но защищаетъ ихъ съ глупой яростью, сердясь, что не занимаетъ въ нашей литературѣ такого высокаго мѣста, какъ бы ему желалось. Онъ писалъ романы и соединилъ въ нѣсколько томовъ свои критическія статьи. Впрочемъ, онъ не безъ таланта, но всѣ его хорошія качества какъ будто смыты досадой на неудавшуюся жизнь. Долгое время онъ являлся соперникомъ Сентъ-Бёва. У Сентъ-Бёва были понедѣльники, Понмартенъ захотѣлъ имѣть субботы; и это соперничество поддерживалось католической партіей, превозносившей его до небесъ и ставившей выше знаменитаго критика. По правдѣ сказать, это не что иное какъ плоская шутка: Понмартенъ, конечно, не дюжинный человѣкъ, но тѣмъ не менѣе просто-на-просто образованный болтунъ, особенно эффектный, когда позволяетъ себѣ какую-нибудь злую выходку, но безъ всякой глубины взгляда и связи въ идеяхъ. Когда Сентъ-Бёвъ умеръ, онъ вообразилъ, что наслѣдуетъ его роль. Но эти надежды не оправдались, и случилось даже такъ, что когда соперничество прекратилось, то онъ самъ точно умеръ. Съ этого времени онъ ожесточился еще сильнѣе; онъ писалъ совсѣмъ безумные фельетоны, въ которыхъ смѣхъ его переходилъ въ зубоскальство, а насмѣшливость джентльмена заимствуетъ пуассардскій жаргонъ. Великое несчастіе, непоправимое несчастіе г. де-Понмартена заключается въ томъ, что онъ остался провинціаломъ, не взирая на всѣ свои усилія принять парижскую складку. Онъ родился близъ Авиньона, и у него есть тамъ зàмокъ, гдѣ онъ проводитъ часть года. Въ немъ осталась провинціальная узкость, какая-то мѣшковатость, которая, конечно, помѣшала ему пробить себѣ дорогу. Онъ умретъ со временемъ отъ горя, что не попалъ въ академію. Вотъ, должно быть, тайное горе, снѣдающее его. У всѣхъ его друзей есть тамъ кресло, чтобы на немъ дремать. Онъ одинъ продолжаетъ блуждать среди эпохи, которой не можетъ понять и произведенія которой его бѣсятъ.

Поль Перрэ, напечатавшій нѣсколько статей въ „Moniteur", недовольный романистъ, случайный критикъ, страдающій отъ неудачи и вымещающій ее на удачѣ другихъ. Этого сорта люди весьма обыкновенны. И даже большинство критиковъ представляютъ неудавшагося производителя, рѣшающагося, скрѣпя сердце, говорить о чужихъ

произведеніяхъ, когда видитъ, что никто не говоритъ о его собственныхъ. Поль Перрэ напечаталъ нѣсколько романовъ въ „Revue des Deux Mondes". Эти романы, весьма посредственные, должно быть, гніютъ въ складахъ издателей. Я не знаю ничего безцвѣтнѣе, ничтожнѣе, пустѣе. Представьте романы Жоржъ-Занда, разбавленные водой, текущіе съ монотоннымъ шумомъ крана теплой воды. Авторъ, видя, должно быть, что не далеко уйдетъ съ плодами своего творчества, рѣшилъ превратиться въ критика, и самымъ диковиннымъ дѣломъ при этомъ оказалось то, что этотъ романтическій теленокъ вдругъ превратился въ критическаго тигра. Впрочемъ, этотъ фактъ довольно часто повторяется. Чѣмъ блѣднѣе и вялѣе романистъ, тѣмъ онъ становится ожесточеннѣе, когда ему приходится судить своихъ собратьевъ. Итакъ, Поль Перрэ открылъ отчаянную кампанію противъ натуральной школы, которая въ настоящую минуту первенствуетъ въ литературѣ. Онъ мститъ за неудачу. Но только на этомъ вѣдь далеко не уѣдешь. Легко понять, что Поль Перрэ слишкомъ заинтересованъ въ борьбѣ, чтобы судить безпристрастно. Это не критика, а полемика; поэтому, авторитетъ Поля Перрэ равняется нулю. Его литературные портреты еще хуже его романовъ.

Перехожу къ типу добросовѣстнаго критика. Жюль Леваллэ долго печаталъ въ „Opinion nationale" длинныя статьи, стоившія ему безконечнаго труда. Онъ до трехъ разъ перечитывалъ книги, о которыхъ ему приходилось говорить. Онъ дѣлалъ пропасть выписокъ, сравнивалъ, совѣтовался съ женой и друзьями, и въ концѣ-концовъ разражался статьей, вполнѣ честной, но совершенно посредственной. Я никогда не читывалъ болѣе тяжелыхъ, болѣе неудобоваримыхъ статей. Прибавьте къ этому, что они совсѣмъ пусты: невозможно почерпнуть въ нихъ новую идею, вѣрную мысль. Все въ нихъ трактуется свысока; кажется, точно г. Прюдомъ вынимаетъ изъ кармана громадный платокъ, и въ концѣ-концовъ съ важностію сморкается въ уголокъ платка. Самая вульгарная операція совершается съ церемоніаломъ священника, служащаго обѣдню. Жюль Леваллэ, превосходный въ сущности человѣкъ, разумѣется, отличался очень узкими взглядами и по натурѣ возставалъ противъ всякихъ оригинальныхъ попытокъ. Онъ представлялъ буржуазію въ критикѣ. И всего удивительнѣе, что этотъ самый человѣкъ былъ очень веселымъ малымъ. Принимаясь за свои библіографическіе фельетоны, онъ, должно быть, натягивалъ на плечи сюртукъ.

Упоминать ли еще о весьма забавномъ типѣ, о критикѣ, пользующемся громадной репутаціей въ литературныхъ кулисахъ и который ежегодно роняетъ три-четыре страницы, словно какія-то жемчужины. Бабу—представитель этой любезной категоріи. Ему лѣтъ

около пятидесяти, полагаю; онъ гранитъ мостовую уже съ четверть вѣка и весь его багажъ сводится на нѣсколько статеекъ, роскошно изданныхъ имъ. Публика безусловно игнорируетъ его, но это не мѣшаетъ ему быть знаменитостью въ извѣстномъ классѣ. Надо слышать, какъ толкуютъ въ пивныхъ: „Бабу̂ отдѣлаетъ такого-то. Бабу̂ жестоко осмѣялъ того-то". Подумаешь, что ни-вѣсть что̀ случилось. Авторъ, уничтоженный господиномъ Бабу̂, здравствуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало; часто онъ даже не знаетъ и никогда не узнаетъ о томъ, какъ его отдѣлали. Бабу̂ принадлежитъ къ тому классу лѣнтяевъ, которые каждый вечеръ создаютъ великое произведеніе за кружкой пива; но только на другой день имъ спать хочется, и они не находятъ времени написать великое произведеніе. Жизнь проходитъ, старость наступаетъ, а они такъ и остаются дебютантами. Одни только наивные люди говорятъ себѣ: „этотъ Бабу̂ должно быть замѣчательный человѣкъ, вотъ сколько времени я о немъ слышу толки". Такъ какъ они ничего не публикуютъ, то можно даже предполагать, что они доводятъ добросовѣстность въ искусствѣ до того, что посвящаютъ всю жизнь одному произведенію. Но что̀ особенно пикантно въ отношеніи Бабу̂, такъ это то, что онъ воображаетъ себя представителемъ французскаго остроумія. Онъ старается быть необыкновенно тонкимъ и остроумнымъ. Когда онъ удостоиваетъ написать что-нибудь, то исполненъ недомолвокъ, двусмысленностей, замысловатыхъ фразъ. Все думаешь, что вотъ-вотъ онъ скажетъ что-нибудь отмѣнно тонкое и забавное; не тутъ-то было, онъ вдругъ останавливается и круто обрываетъ: пять или шесть страницъ истощили его усиліе. Тогда начинаешь соображать, и видишь со скукой, что Бабу̂ не сказалъ ничего такого, что̀ бы стоило выслушать. Безполезно прибавлять, что Бабу̂ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на публику.

Упомяну еще о критикѣ-хроникёрѣ, о Жюлѣ Кларси, напримѣръ, который не безъ таланта, и пишетъ такъ много, какъ никто другой. Онъ сотрудничаетъ за-разъ въ пяти или шести газетахъ, онъ очень образованъ, знаетъ анекдоты на всѣ случаи. Я позволю себѣ только замѣтить, что онъ болѣе интересенъ, нежели силенъ. Статьи его читаешь съ удовольствіемъ, но напрасно стали бы въ нихъ искать серьёзнаго анализа и метода изслѣдованія. Не хотѣлъ бы я также пройти молчаніемъ критика-поэта, Анатоля Франсъ, который съ нѣкоторыхъ поръ печатаетъ статьи въ „Temps". Эта газета, которой приходится оберегать свое литературное положеніе, старается ровно настолько, чтобы его не утратить. Она пріютила г-на Франсъ, извѣстнаго до тѣхъ поръ лишь какъ поэта, и долженъ прибавить, поэта античнаго, ударившагося въ подражанія Гомеру и такъ мало живу-

щаго нашей жизнью, что, должно быть, носитъ у себя дома пеплумъ вмѣсто халата. Друзья г-на Франсъ увѣряли меня, что его незнакомство съ современной литературой такъ велико, что они должны доставлять ему справки для каждой его статьи. Въ концѣ-концовъ, онъ пишетъ очень чистенько и недавно написалъ о вашемъ романистѣ Иванѣ Тургеневѣ большую статью, очень симпатичную, которую я ему ставлю въ заслугу. Я совсѣмъ полюбилъ бы его, если бы онъ согласился писать стихами. Но на этомъ я думаю покончить эту серію маленькихъ портретовъ. Боюсь повторяться. Достаточно, что я указалъ, какимъ образомъ случилось то, что у насъ нѣтъ критика, когда столько людей, профессоровъ, романистовъ, поэтовъ, пускаются въ критику.

IV.

Я остановлюсь подольше на личности одного критика, соблазняющей меня своимъ чудачествомъ. Всѣ журналисты, о которыхъ я говорилъ, отличаются буржуазнымъ характеромъ и болѣе или менѣе теряются въ толпѣ. Я хочу сказать, что никто изъ нихъ не отличается какимъ-нибудь пестрымъ султаномъ, бьющимъ прямо въ носъ. Барбэ д'Орвильи безъ сомнѣнія судитъ не трезвѣе другихъ; напротивъ того, у него встрѣчаешь невѣроятно фантастическія характеристики. Но онъ присвоилъ себѣ особую манеру стучать каблуками, которая заставляетъ прохожихъ оборачиваться, когда онъ проходитъ по улицѣ.

Всякій разъ, какъ я читаю Барбэ д'Орвильи, я не знаю—смѣяться мнѣ или плакать. Онъ комиченъ, онъ трогателенъ, онъ умиляетъ меня, до такой степени онъ смѣшонъ и милъ. Вотъ его исторія, одна изъ самыхъ любопытныхъ въ нашей современной литературѣ.

Онъ родился, кажется, въ 1811 году, въ маленькой деревушкѣ Ла-Манша; выросъ въ романтическій періодъ. Это слѣдуетъ замѣтить, потому что онъ остался романтикомъ по слогу и манерѣ, съ крикливой нотой. Онъ на всѣ лады переворачиваетъ фразу, коверкаетъ и раздуваетъ ее, уснащаетъ всякими прибаутками; самыя точки и запятыя стоятъ у него не просто, но подбоченившись. И одного трескучаго слога ему мало: онъ обожаетъ сатанинскія измышленія, хитросплетенія, огромныхъ героевъ и героинь фатальныхъ и блѣдныхъ, какъ лиліи. Нѣсколько написанныхъ имъ романовъ—чудовищный плодъ болѣзненной фантазіи. Впрочемъ, нельзя отказать ему въ нѣкоторомъ талантѣ. Несмотря на постоянное надсаживаніе, замѣтное въ его слогѣ, въ немъ сказывается мощный литературный работникъ.

Но, Богъ мой! какое ломанье и какая поддѣльная оригинальность! Ему недостаточно быть мушкетеромъ по слогу; онъ хочетъ имъ быть и по виду. Въ молодости онъ былъ жертвой дендизма, молился на Бруммеля. Убійственная вещь, потому что онъ не съумѣлъ состариться. Въ настоящее время, шестидесяти-шести лѣтъ отъ роду, онъ все еще носитъ панталоны въ обтяжку, сюртукъ со складками, большія манжеты и большой воротникъ, бывшіе въ модѣ, когда ему было тридцать лѣтъ. Дамы провожаютъ его изумленнымъ взглядомъ; онъ же, ставя себя выше смѣшного, даже радуется изумленію, въ какое онъ повергаетъ улицу, и расхаживаетъ тріумфаторомъ, воображая, что онъ такимъ образомъ обуздываетъ и держитъ подъ пятой весь девятнадцатый вѣкъ. Невинная манія, скажутъ. Конечно; но только слѣдуетъ искать писателя и критика въ человѣкѣ.

У себя дома Барбэ д'Орвильи—цѣлая поэма. Мнѣ сообщали эти подробности его друзья. Онъ живетъ въ маленькой квартирѣ, въ глухомъ парижскомъ кварталѣ. Убранство скудное и буржуазное: кровать, шкапъ съ зеркаломъ, столъ. Но герой скрашиваетъ эту обстановку своимъ костюмомъ. Меня увѣряютъ, что онъ носитъ женскія кофты, обшитыя кружевами, кальсоны въ обтяжку, въ родѣ какъ-бы трико, и широкій халатъ, который время отъ времени распахиваетъ, чтобы пощеголять своимъ трико. Къ довершенію всего, онъ изобрѣлъ нѣчто въ родѣ Дантовскаго головного убора, какой-то капишонъ, которымъ протестуетъ противъ черной бархатной ермолки нотаріусовъ. Облекшись въ такой нарядъ, онъ воображаетъ, что обитаетъ дворецъ. Въ самомъ дѣлѣ, самой характеристической чертой этой натуры является постоянное преувеличеніе и искаженіе окружающей его дѣйствительности. Благодаря своему непомѣрному тщеславію и потребности вести высшее существованіе, онъ, конечно, убѣдилъ себя, что кровать его обтянута парчей и увѣнчана балдахиномъ, что его мизерный шкапъ съ зеркаломъ вышелъ изъ какой-нибудь царской кладовой. Однажды, говорятъ, онъ сказалъ одному посѣтителю, указывая на зеркало: „это зеркало кажется мнѣ большимъ озеромъ". Онъ весь въ этой фразѣ. Я убѣжденъ, что онъ искренно расширяетъ рамки своей скромной комнаты и въ стѣнахъ ея ему виднѣются обширные пейзажи.

Мало-по-малу такимъ образомъ удается обмануть самого себя. Наступаетъ часъ, когда уже не можешь отдать себѣ яснаго отчета, гдѣ кончается дѣйствительность и начинается фантазія. Таково съ давнихъ уже поръ состояніе Барбэ д'Орвильи. Въ дополненіе къ его характеристикѣ надо сказать, что онъ принялъ на себя роль дворянина-писателя, защищающаго перомъ дворянство и религію. Онъ

разыгрываетъ набожнаго рыцаря, вѣрнаго слугу церкви, гонителя демократіи. Когда его встрѣчаешь, то невольно поглядываешь, не привѣшана ли у него сбоку шпага. И вотъ тутъ и начинается печальная и прелестная комедія. Этотъ мушкетеръ велъ самую буржуазную жизнь въ мірѣ. Онъ даже не боролся съ вѣтряными мельницами. Когда онъ говоритъ про Сенъ-Жерменское предмѣстье, то подумаешь, что онъ посѣщаетъ самыя благородныя фамиліи. Ничуть не бывало; онъ живетъ весьма уединенно, какъ смирный рантье, согрѣвающій у камелька по вечерамъ свои ревматизмы, и я не побожусь, что онъ самъ не сбиваетъ себѣ гогель-могель, прежде чѣмъ лечь спать. Въ сущности, нѣтъ человѣка безвреднѣе и добрѣе. Вся эта шумиха рѣчей, эти фанфаронады, это ухарство—все это простона-просто литературные пріемы, нечувствительно перешедшіе въ ежедневную жизнь Барбэ д'Орвильи.

Можетъ ли быть въ свѣтѣ что-нибудь смѣшнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнѣе, когда сравнишь дѣйствительное существованіе, какое ведетъ этотъ писатель, съ тѣмъ фиктивнымъ существованіемъ, какое ему кажется, что онъ ведетъ? Онъ отсталъ на два или на три вѣка. Онъ устроиваетъ оргіи воображенія. Это актеръ, удерживающій въ общежитіи театральный голосъ и жесты. Это мученикъ современнаго ничтожества, который добровольно выкололъ себѣ глаза, чтобы мечтать вволю о великолѣпіяхъ прошлаго. Выпивъ стаканъ воды, онъ пьянѣетъ и толкуетъ, что напился испанскимъ виномъ. Если ему случится толкнуть на улицѣ какую-нибудь простолюдинку въ грязной юбкѣ, онъ граціозно кланяется, бормоча: „тысячу извиненій, маркиза!“ Когда онъ карабкается по своей узкой лѣстницѣ, онъ сердится на своихъ лакеевъ, крича: „эй, вы, болваны! зажигайте канделябры!“ Невольно улыбаешься и уступаешь ему дорогу. Пропустимъ съ миромъ этого невиннаго маніака.

Но самая поразительная сторона въ Барбэ д'Орвильи, это его католицизмъ. Если онъ вѣритъ въ Бога, то главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы имѣть право вѣрить въ чорта. Чортъ привлекаетъ его потому, что чортъ эксцентриченъ. Навѣрное, чортъ—дэнди и прячетъ свои козлиныя ноги въ модныхъ ботинкахъ. Барбэ д'Орвильи очень разгорячился бы, если бы ему сказать, что онъ отправится прямо въ рай. Онъ навѣрное желаетъ провести нѣсколько лѣтъ въ чистилищѣ, и я даже не буду утверждать, чтобы адъ не привлекалъ его къ себѣ. Когда онъ громитъ кого-нибудь изъ демократическихъ писателей, какого-нибудь адепта сатаны, въ его гнѣвѣ чувствуется тайная зависть. Вотъ, значитъ, кто будетъ низверженъ съ неба! Быть низвергнутымъ съ неба! Пасть какъ возмутившійся архангелъ, еще окруженнымъ лучами божественной славы, сохраняя непобѣдимую

гордость, несмотря на пораженіе! Вотъ это было бы пріятно! Барбэ д'Орвильи навѣрное мечтаетъ объ этомъ изъ любви къ пластикѣ. Онъ видитъ себя полетѣвшимъ съ неба, растянувшимся на спинѣ, но въ позѣ, достойной рѣзца скульптора, и все еще глядящимъ прямо въ лицо Богу. Какъ бы это съ разу возвеличило человѣка!

Увы! это честолюбіе недосягаемое! Барбэ д'Орвильи не годится въ борцы. Нѣсколько времени тому назадъ, въ одномъ очень серьёзномъ дѣлѣ онъ разыгралъ даже весьма жалкую роль. Онъ напечаталъ сборникъ повѣстей „Les Diaboliques", гдѣ его диковинный католицизмъ немножко черезъ-чуръ отдавалъ чертовщиной. Тамъ фигурировали женщины, какъ онъ ихъ понимаетъ, женщины, одержимыя бѣсомъ и диковинно кривляющіяся. Прокурорскій надзоръ переполошился, книга была арестована, и Барбэ д'Орвильи пришлось явиться къ слѣдователю. Не правда ли, вы ожидаете, что такой человѣкъ, со шпагой въ рукахъ, съ высокомѣрной рѣчью выскажетъ правду въ глаза правосудію? Онъ станетъ бороться за свободу слова, воспользуется случаемъ сломать копье за свои убѣжденія. Не тутъ-то было! Барбэ д'Орвильи испугался, какъ мальчишка. Онъ согнулъ спину передъ упреками и пошелъ на сдѣлку, недостойную писателя, допустивъ изъять изъ продажи негласнымъ образомъ свою книгу, съ условіемъ, что прокурорскій надзоръ откажется отъ преслѣдованія. Это былъ дурной поступокъ, громко говорю это. Барбэ д'Орвильи, допустивъ такое безшумное убійство своего произведенія, призналъ тѣмъ самымъ, что его произведеніе недостойное, грязное, вредное для общества. Когда имѣешь честь держать перо въ рукѣ, то размышляешь, прежде чѣмъ писать, а разъ написавъ страницу,— за нее держишься и не отступаешь отъ нея ни въ какомъ случаѣ. Поступокъ Барбэ д'Орвильи замаралъ всю литературу. Это поступокъ трусливаго ребенка. Какой-нибудь буржуа, одинъ изъ тѣхъ буржуа, которыхъ Барбэ д'Орвильи осмѣиваетъ съ высоты своего аристократическаго величія, съумѣлъ бы поддержать честь своего произведенія.

Впрочемъ, я съ такой же строгостью долженъ осудить критическіе пріемы Барбэ д'Орвильи. Романтикъ по темпераменту, изысканный стилистъ, онъ ожесточенно нападаетъ на романтиковъ и стилистовъ, отказывая имъ даже въ талантѣ. Поражаешься, не можешь взять въ толкъ, какая ярость толкаетъ этого человѣка сожигать то, что онъ роковымъ образомъ долженъ былъ бы обожать. Всякій разъ, какъ ему попадается на дорогѣ Викторъ Гюго или Гюставъ Флоберъ, или Гонкуры, онъ ихъ пожираетъ. Почему это? Онъ одного съ ними литературнаго лагеря, онъ долженъ былъ бы имѣть одни и тѣ же вкусы. Неужели онъ недобросовѣстенъ? Его

друзья увѣряютъ меня, что механизмъ, играющій у него роль мозга, весьма сложенъ и что въ немъ происходитъ необыкновенная работа. Во-первыхъ, Викторъ Гюго, Гюставъ Флоберъ, Гонкуры—невѣрующіе, которыхъ онъ хочетъ сокрушить. Я допускаю это, однако, сокрушивъ невѣрующаго, мнѣ кажется, что справедливость требовала бы отдать честь таланту. Но только слово „справедливость" очень смѣшитъ друзей Барбэ д'Орвильи. Быть справедливымъ, къ чему это? На что это нужно? можетъ ли быть что буржуазнѣе справедливости. Справедливый человѣкъ не пластиченъ, въ немъ нѣтъ никакого ухарства, нѣтъ, наконецъ, дэндизма. Городить чушь, пускать фейерверкъ трескучихъ фразъ, принимать ухарскія позы, восхищающія раекъ, вотъ это дѣло! Вотъ единственный родъ критики, достойной дворянина! Парадоксъ—вѣдь это султанъ, отлично идущій къ шляпѣ съ галуномъ! И вотъ какимъ образомъ Барбэ д'Орвильи изобрѣлъ критику, которая не обсуждаетъ, но сокрушаетъ.

Ничего нѣтъ проще на практикѣ. Онъ беретъ какого-нибудь писателя и разыгрываетъ на его спинѣ фантазіи тамбуръ-мажора. Писатель и его произведенія осуждаются заранѣе, правы они или нѣтъ. При этомъ критикъ старается показаться читателямъ молодцомъ. На сценѣ судья, а не подсудимый. Судья кланяется, возвышаетъ голосъ, дѣлаетъ все, чтобы удивить присутствующихъ, употребляетъ рѣзкія слова, изобрѣтаетъ неожиданные обороты рѣчи, даже пляшетъ канканъ, если думаетъ, что канканъ произведетъ эффектъ. Замѣтьте, что Барбэ д'Орвильи всегда хвалитъ неудачно. Онъ хорошъ только, когда ругается. Онъ не приводитъ доводовъ,—это безполезно; онъ размахиваетъ шпагой, неистовствуетъ въ пустотѣ, потѣетъ, топаетъ ногами, убиваетъ фантомовъ, и окончивъ это упражненіе, уходитъ за кулисы, убѣжденный, что вся Франція содрогалась отъ этой ужасной баталіи. Такое отношеніе къ критикѣ ребяческое. И Барбэ д'Орвильи, задающій эти дѣтскія битвы въ продолженіи тридцати лѣтъ, долженъ былъ бы однако видѣть, что люди, убиваемые имъ, живутъ припѣваючи и что публика предоставляетъ ему сражаться въ одиночку, не удостоивая скрѣпить ни одинъ изъ его приговоровъ. Онъ, быть можетъ, курьёзъ, но никогда не былъ и не будетъ авторитетомъ. Его, конечно, весьма удивишь, сказавъ, что лучшій способъ собрать толпу и произвести эффектъ, это опять-таки быть справедливымъ, искать и говорить правду. Видя, какъ онъ размахиваетъ перомъ, точно эспадрономъ въ пятомъ актѣ мелодрамы, я удивляюсь только одному, что онъ до сихъ поръ еще не проткнулъ самого себя, чтобы съ граціей актера упасть на глазахъ у дамъ.

Одно послѣднее слово. Барбэ д'Орвильи посвятилъ недавно большую статью Дидро, единственно лишь затѣмъ, чтобы заклеймить его

названіемъ буржуа. Да! если хотите, Дидро былъ буржуа, но тѣмъ не менѣе совершилъ трудъ гиганта. Барбэ д'Орвильи, занимающійся ребяческимъ дѣломъ, кромѣ того, имѣетъ еще и ту смѣшную сторону, что онъ буржуа, сбившійся съ пути и полоумный. Я настаиваю на томъ, что онъ буржуа, не что иное, какъ буржуа, потому что никого еще не убилъ и даже не побѣдилъ еще ни одной маркизы. Бѣдный человѣкъ! онъ комиченъ, онъ трогателенъ.

V.

Я люблю контрасты, и самымъ крупнымъ контрастомъ будетъ— если я заговорю о Франсискѣ Сарсэ послѣ Барбэ д'Орвильи. Они стоятъ, по своимъ темпераментамъ и по той роли, какую играютъ, на двухъ концахъ критики. Къ тому же, Сарсэ представляетъ драматическую критику. Я уже объяснялъ, по какимъ причинамъ интересъ къ драмѣ или комедіи гораздо сильнѣе въ обществѣ, чѣмъ къ роману. Драматическіе критики образуютъ какъ-бы особую корпорацію, занимающую если не всю улицу, то всю ширину литературнаго троттуара въ газетахъ. А между этими критиками самый читаемый и самый авторитетный въ настоящую минуту несомнѣнно—Сарсэ.

Я приведу нѣсколько фактовъ, которые доказываютъ, какое важное значеніе имѣетъ онъ. Меня увѣряли, что розничная продажа газеты „Le Temps“ увеличивается на три или на четыре тысячи экземпляровъ каждое воскресенье вечеромъ, когда появляется его еженедѣльный фельетонъ. Если фактъ справедливъ, то онъ неслыханный во Франціи. Мы такъ не любимъ серьёзныхъ статей, мы съ такой неохотой читаемъ все, что̀ выходитъ изъ области сенсаціоннаго романа и faits-divers, что нельзя не удивляться, если три или четыре тысячи лицъ жертвуютъ тремя су, чтобы узнать мнѣніе критика о новыхъ пьесахъ, дававшихся въ теченіи недѣли. Но это еще не все: Сарсэ царитъ на первыхъ представленіяхъ, онъ возбуждаетъ восторгъ всей залы. Какъ скоро онъ входитъ, ропотъ пробѣгаетъ по ложамъ. Всѣ наклоняются, чтобы видѣть его; мужья указываютъ его женамъ, молодыя дѣвушки заглядываются на него. Я знаю провинціаловъ, которые нарочно пріѣзжали въ Парижъ, чтобы имѣть счастіе лицезрѣть его. Шопотъ не скоро унимается: „Сарсэ! Сарсэ!.. Да гдѣ же?.. Глядите, вонъ этотъ толстякъ, вонъ онъ чуть-было не задавилъ даму... Это онъ, вы навѣрное знаете? Да, да... Глядите, вотъ Сарсэ, глядите, вотъ Сарсэ!..“ И публика счастлива. Онъ пользуется настоящей популярностью. Власть Сарсэ осязательна. Ему случалось побѣждать сопротивленіе директоровъ

театровъ и заставлять ихъ принимать пьесы, которыя они сначала было-отвергли; онъ содѣйствовалъ успѣху многихъ артистовъ, которые въ настоящее время обязаны ему своимъ положеніемъ. Актеры, авторы, директоры, сами ламповщики и ouvreuses *de loges* боятся его и преклоняются передъ нимъ. Какъ скоро даютъ новую вещь, первымъ вопросомъ за кулисами бываетъ: „смѣялся ли Сарсэ? плакалъ ли Сарсэ?“ Если онъ аплодируетъ, успѣхъ произведенія обезпеченъ; если онъ зѣваетъ—все пропало. Въ воскресенье публика набрасывается на его фельетонъ, пожираетъ его, и приговоры, изрекаемые имъ, производятъ переполохъ въ театральномъ мірѣ. Давно уже не существовало такой критической силы.

Чтобы хорошенько это понять, надо припомнить самодержавіе Жюля Жанена, котораго признавали царемъ критики. Этотъ послѣдній царилъ въ силу изящества своего ума. Его читали за его прелесть, за тѣ милыя вещи, которыми онъ умѣлъ расшивать банальную канву новыхъ водевилей и мелодрамъ. Теофиль Готье точно также царилъ какъ писатель, выходящій изъ ряду вонъ, писавшій изумительныя страницы по поводу какого-нибудь нелѣпаго вздора. Когда Теофиль Готье умеръ, Поль де-Сенъ-Викторъ, другой весьма ловкій мелодистъ, играющій своимъ слогомъ, подобно тому, какъ играютъ на флейтѣ, подумалъ, что онъ наслѣдуетъ высокому положенію Теофиля Готье. Онъ уже видѣлъ себя королемъ, съ цѣлымъ народомъ читателей у своихъ ногъ. Не тутъ-то было. Читатели предоставили ему въ одиночествѣ пускать изумительный фейерверкъ своего остроумія и предпочли ему Сарсэ. Сарсэ сталъ царемъ. Говорятъ, что Поль де-Сенъ-Викторъ заболѣлъ оттого.

Замѣтьте, что у Сарсэ нѣтъ ни малѣйшаго изящества. Лапа у него ужасно тяжелая. Онъ давитъ, когда вздумаетъ поласкать. Плотнаго тѣлосложенія, съ раскатистымъ хохотомъ, пугающимъ его сосѣдей, онъ похожъ на добродушнаго толстяка, который бы приходилъ вечеромъ въ театръ развлечься, съ сознаніемъ, что добросовѣстно торговалъ весь день. Мать, производя его на свѣтъ, забыла сдѣлать его художникомъ. Онъ пишетъ фельетоны на всѣхъ парахъ, точно патеръ, отмахивающій свою мессу, и говоритъ только то, что̀ ему хочется, не болѣе. Въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, какъ онъ занимается ремесломъ драматическаго критика, онъ носитъ свои фельетоны въ своемъ портъ-плюмѣ и ему сто̀итъ только предоставить имъ выливаться оттуда на бумагу. Никакой отдѣлки въ слогѣ, ни одного украшенія. Порою даже попадаются статьи крайне небрежно написанныя, съ неуклюжими и почти неправильными фразами. Подумаешь, что это добродушная болтовня крупнаго ума, стремящагося прежде всего къ солидному. Съ поэтомъ, которому попа-

даетъ въ руки одинъ изъ такихъ фельетоновъ, непремѣнно дѣлается нервный припадокъ.

И что-жъ! великое могущество Сарсэ объясняется весьма просто. Онъ обязанъ своимъ положеніемъ двумъ вещамъ: онъ всегда говоритъ, чтó думаетъ, и представляетъ собою въ театрѣ средній уровень публики.

Всегда говорить то, чтó думаешь—очень рѣдкое качество. Я могъ бы привести нѣсколькихъ вполнѣ недобросовѣстныхъ критиковъ; они, конечно, честные люди, но правда искажается, проходя черезъ ихъ мозгъ, они видятъ произведенія сквозь тысячу постороннихъ соображеній. На сторонѣ Сарсэ искренность впечатлѣнія. Онъ говоритъ, чтó чувствуетъ. Зачастую чувствуетъ онъ очень странно, но отчетъ его тѣмъ не менѣе звучитъ искренностью, въ которой никто не можетъ усомниться. Говоришь себѣ: „вотъ человѣкъ убѣжденный". И это придаетъ ему громадную силу, потому что мало-по-малу читатели, видя его добросовѣстность, начинаютъ довѣрять ему; они знаютъ, что онъ не солжетъ и въ концѣ-концовъ избираютъ его въ руководители. Я почти всегда расхожусь съ нимъ во мнѣніи, но признаю, что онъ высказывается весь, безъ заднихъ мыслей.

Быть откровеннымъ—этого въ сущности недостаточно. Великое счастіе для Сарсэ то, что онъ приходитъ въ театръ какъ буржуа, ищущій развлеченія. Онъ не заботится о системахъ; не носится ни съ какими литературными теоріями; ему чужды даже какія бы то ни было порыванія къ идеалу, которыя могли бы его стѣснить. Все, чего онъ требуетъ отъ театра — это, пріятно проведеннаго вечера. Онъ исходитъ изъ той практической идеи, что театръ существуетъ для публики и что, слѣдовательно, авторы должны давать публикѣ то, чего она желаетъ. Въ этомъ весь его критерій. Онъ апостолъ успѣха. Имѣйте успѣхъ, и онъ станетъ аплодировать. Онъ самъ олицетворяетъ публику, хочетъ чувствовать какъ публика. Поэтому громадный успѣхъ его фельетоновъ понятенъ. Коммерсантъ, продавецъ суконъ, напримѣръ, идетъ на первое представленіе какой-нибудь новой пьесы. Она производитъ на него сильное впечатлѣніе, но только такъ какъ у него нѣтъ привычки анализировать свои впечатлѣнія, то онъ съ трудомъ можетъ объяснить то, чтó чувствуетъ. Въ воскресенье вечеромъ онъ покупаетъ „Temps", читаетъ статью Сарсэ, и, читая ее, испытываетъ безграничное удовольствіе. Сарсэ вынесъ то же впечатлѣніе, чтó и онъ, Сарсэ объясняетъ ему это впечатлѣніе не въ какихъ-нибудь мудреныхъ словахъ, но въ такихъ выраженіяхъ, какія могъ бы употребить самъ торговецъ сукнами. Такимъ образомъ, духовная связь между критикомъ и его публикой полная. Онъ становится великимъ человѣкомъ для буржуазіи. Она не можетъ

упрекнуть его въ томъ, что онъ худо пишетъ, потому что не имѣетъ понятія о болѣе изящномъ слогѣ, точно такъ какъ не имѣетъ понятія о болѣе глубокихъ взглядахъ. Она ему просто-на-просто благодарна за общность вкусовъ, за добродушіе и добросовѣстность, съ какимъ онъ ихъ высказываетъ.

Наконецъ, есть еще одна причина, по которой Сарсэ долженъ быть идоломъ толпы. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ нормальной школы, и въ теченіи нѣкотораго времени преподавалъ латынь мальчуганамъ въ какомъ-то провинціальномъ лицеѣ. Преподаваніе съ его дрязгами было не въ его вкусѣ; но хотя онъ и забросилъ указку, а тѣмъ не менѣе остался учителемъ. Воздухъ, которымъ дышешь въ Нормальной Школѣ, вселяетъ въ кровь потребность учительствовать всюду и всегда. Итакъ, онъ учительствуетъ; онъ читаетъ нотаціи актрисамъ, раздаетъ удары линейкой актерамъ; онъ точно баллы хорошіе ставитъ, когда хвалитъ. Такимъ образомъ, фельетоны его отдаютъ запахомъ старой бумаги, чернилъ и пыли, царствующей въ классахъ. А публика обожаетъ это, обожаетъ критика, который всѣхъ учитъ, говоритъ строго и внушительно, какъ педагогъ, учитъ писать хорошія пьесы, подобно тому, какъ учитель чистописанія учитъ хорошему почерку. Сарсэ повидимому думаетъ, что талантъ зависитъ только отъ прилежанія.

Ужъ, конечно, я не стану здѣсь обсуждать его идей, потому что это отняло бы слишкомъ много времени. Я стараюсь только набросать портретъ, который былъ бы похожъ. Въ числѣ его самыхъ упорныхъ мнѣній приведу слѣдующія. Онъ считаетъ театръ особымъ міромъ, доступнымъ лишь для людей, особенно одаренныхъ. Всякій можетъ написать романъ, но не всякій можетъ написать драму. Театръ—святилище, куда не проникаютъ безъ пароля. Онъ говоритъ коротко и ясно: „это сценично, это не сценично", и остается только преклониться. Что за дѣло до литературнаго достоинства произведенія; идіотическій водевиль можетъ быть сцениченъ, а великолѣпная драма не сценична. Такимъ образомъ, онъ дѣлаетъ изъ театра особую машину, дѣйствующую на свой особый ладъ, машину типичную, отъ фабрикаціи которой не слѣдуетъ уклоняться, подъ страхомъ создать дребедень. И при этомъ онъ выставляетъ свою машину, какъ единственную превосходную, заключающую истину, абсолютъ во времени и пространствѣ. Для него не существуетъ театровъ, для него существуетъ театръ. Это кладетъ конецъ фантазіямъ поэтовъ и уклоненіямъ генія.

Въ сущности, въ этомъ много здраваго смысла, охотно сознаюсь. Сарсэ не занимается геніемъ. Онъ завязъ по-уши въ современной драматической кухнѣ и говоритъ отъ лица большинства. Захвачен-

ный чаще всего или опереткой, или мелодрамой, онъ по-неволѣ долженъ пресмыкаться но землѣ и рекомендовать посредственность. Я признаю для посредственности драматическій кодексъ, преподаваемый имъ, но сожалѣю, что онъ не прибавляетъ время отъ времени: „я говорю это для писателей, у которыхъ нѣтъ крыльевъ; но писатели, у которыхъ есть крылья, могутъ себѣ все позволить, потому что для нихъ нѣтъ образца". Критика, какъ онъ ее понимаетъ, не что иное, какъ вульгаризація театра, превосходная для должностныхъ людей, но недостаточная, когда она занимается человѣкомъ изъ ряду вонъ. Это сейчасъ чувствуется, какъ скоро онъ вздумаетъ коснуться вопроса общей теоріи; пока онъ ограничивается обсужденіемъ фактовъ, пьесъ, какія онъ видѣлъ, онъ очень вѣрно передаетъ впечатлѣніе всей залы; но какъ скоро коснется принциповъ, какъ скоро захочетъ построить систему, онъ начинаетъ городить жалкую чушь. Случается порою, что ничего новаго не было дано на недѣлѣ, тогда онъ рискнетъ, напримѣръ, разобрать, что такое смѣхъ въ театрѣ или реализмъ въ „mise-en-scène", или какой другой пунктъ. Ничего не можетъ быть обличительнѣе этихъ фельетоновъ, въ которыхъ онъ топчется въ пустотѣ, приводитъ примѣры, которые было бы легко опровергнуть тотчасъ же другими примѣрами. Да! правду сказать, парить въ теоріи не его дѣло. Онъ превосходенъ только въ практикѣ и въ практикѣ житейской, въ изученіи ремесла и непосредственнаго результата, добываемаго отъ публики. Пусть не требуютъ отъ него расширить рамки, восторгаться смѣлостью генія, предвидѣть литературное движеніе и возвѣщать будущее. Онъ прикрѣпленъ къ настоящему, онъ не видитъ дальше десяти или ста представленій какой-нибудь пьесы, онъ по своему темпераменту представитель той публики, которая хочетъ, чтобы ее забавляли и которая объясняетъ, почему она забавляется или почему она не забавляется.

Я иначе смотрю на вещи, чѣмъ Сарсэ, и былъ бы въ отчаяніи, если бы игралъ его роль. Но объявляю, что эта роль, какъ она ни скромна, по-моему все же прекрасна. Я усматриваю, кромѣ того, въ успѣхѣ Сарсэ превосходный признакъ, возвратъ любви къ истинѣ. Я назвалъ Поля де-Сенъ-Викторъ. Конечно, этотъ послѣдній артистъ изъ ряда вонъ, онъ отчеканиваетъ свои фразы, какъ ювелирныя произведенія. Но только когда онъ говоритъ о какой-нибудь пьесѣ, то забываетъ о ней судить, а если примется судить, то высказываетъ совсѣмъ фантастическія вещи. Съ нимъ невозможно составить себѣ разумное мнѣніе. Я отлично понимаю, что публику утомилъ блескъ его слога. Когда читаешь драматическій фельетонъ, то желаешь, чтобы фельетонистъ говорилъ съ вами о театрѣ; а если у него полны руки драгоцѣнностей, то напрасно онъ безъ толку соритъ ими и не

сохраняетъ для личныхъ произведеній, гдѣ бы читатель съ восторгомъ нашелъ ихъ. Да, публику утомляетъ эта романтическая роскошь, эти фразы, драпированныя въ шелкъ и бархатъ, подъ которыми не чувствуешь теплоты и жизни живого тѣла, жаждешь реальной жизни, бросаешься съ головой въ великій потокъ натурализма. И вотъ почему Сарсэ вѣнчали королемъ критики среди всѣхъ карликовъ, неимѣющихъ ни совѣсти, ни методы, а именно такіе его и окружаютъ. Конечно, онъ пишетъ дурно; конечно, у него талантъ грубый и тривіальный, но онъ видитъ то, что̀ есть, и говоритъ то, что̀ видитъ. Этого достаточно.

VI.

Пока я писалъ эту статью о современной критикѣ, одна весьма любопытная и весьма рельефная личность сошла со сцены. Я говорю о Франсуа Бюлозѣ, основателѣ и редакторѣ „Revue des Deux-Mondes". Итакъ, я останусь вѣрнымъ интересу минуты, если посвящу здѣсь нѣсколько строкъ Бюлозу и знаменитому обозрѣнію, которое онъ редактировалъ. Впрочемъ, я не удаляюсь отъ своего предмета и вернусь въ заключеніе къ своей исходной точкѣ.

Бюлозъ родился въ Вюльбанѣ, близъ Женевы. Смерть застигла его на семьдесятъ-четвертомъ году его жизни. Все его существованіе заключается въ нѣсколькихъ великихъ фазисахъ. Онъ не былъ вполнѣ необразованнымъ человѣкомъ, какъ передавала легенда, сложившаяся на его счетъ; напротивъ того, онъ прошелъ довольно хорошій курсъ ученія. Безъ всякаго состоянія прибылъ онъ въ Парижъ, чтобъ сколотить копѣйку, и началъ карьеру факторомъ типографіи; затѣмъ перевелъ нѣсколько англійскихъ сочиненій, чтобы заработать кусокъ хлѣба. Но постоянной идеей его было основать періодическое изданіе, эксплуатировать литературный трудъ, который сулилъ ему большіе барыши, полученные имъ впослѣдствіи. Наконецъ, въ 1831 г. онъ купилъ „Revue des Deux-Mondes", бывшій тогда простымъ сборникомъ разсказовъ о путешествіяхъ и плохо расходившимся. Извѣстно, какое громадное значеніе пріобрѣлъ этотъ сборникъ въ его энергическихъ рукахъ. Чтобы пополнить его исторію, надо прибавить, что онъ былъ въ теченіи десяти лѣтъ директоромъ „Comèdie-Française". Друзья его добились власти, и на его долю досталось управленіе нашимъ первостепеннымъ театромъ. Онъ наслѣдовалъ барону Тайлору и управлялъ театромъ съ 1838 по 1848 г. съ суровостью, отличавшей его. Только февральская революція смогла его низвергнуть. Но въ улицѣ Ришельё, въ „Comèdie-Française", какъ и въ улицѣ Сенъ-Бенуа, въ конторѣ своего журнала, онъ царилъ

счастливымъ человѣкомъ. Онъ какъ будто былъ въ заговорѣ съ фортуной. Все, что онъ ни предпринималъ, удавалось ему. Надо сказать, что у него были здоровенные кулаки, и что онъ бралъ судьбу за шиворотъ такъ же, какъ и людей. Онъ поддерживалъ съ имперіей вооруженный миръ. Имперія терпѣла г. Бюлоза, и г. Бюлозъ терпѣлъ имперію. Въ душѣ онъ оставался парламентаристомъ и классикомъ до самой смерти, хотя и приносилъ жертвы республиканскимъ и романтическимъ идеямъ, когда того требовали интересы его журнала. Смерть настигла его въ разгарѣ битвы, несмотря на его преклонныя лѣта, и онъ пережилъ глубокую горечь медленнаго угасанія. Онъ давно уже страдалъ сахарной болѣзнью. Въ сентябрѣ его разбилъ параличъ. Наступилъ день, когда зрѣніе измѣнило ему, и онъ уже не могъ самъ читать корректуры. Тогда онъ пережилъ самого себя, удрученный глубокой тоской.

Бюлозъ былъ высокъ и толстъ, широкоплечъ, словно вытесанъ топоромъ въ гранитѣ его родныхъ горъ. Рыжіе волосы низко спускались на его затылокъ. Онъ походилъ частію на медвѣдя, частію на дога, съ своими крѣпкими челюстями, бѣлобрысыми рѣсницами, кривой физіономіей, на которой одинъ оставшійся у него глазъ глядѣлъ необыкновенно проницательно.

Обутый въ толстые башмаки со шнурками, въ пожелтѣломъ бѣльѣ и потертомъ платьѣ, онъ походилъ на борца, котораго не занимаютъ мірскія заботы. Въ немъ надо видѣть прежде всего торжество воли. Онъ захотѣлъ и добился своего. „La Revue des Deux-Mondes“ было создано изъ его крови и плоти. Онъ отдалъ этому журналу все свое существованіе. Въ продолженіи слишкомъ сорока лѣтъ онъ заботился о немъ, какъ о любимомъ дѣтищѣ. Онъ проводилъ ночи безъ сна, работалъ по восемнадцати часовъ кряду, лично наблюдалъ за мельчайшими подробностями. Всѣ корректуры проходили черезъ его руки, ни одна строчка не печаталась безъ его просмотра. Понятно, какой результатъ долженъ былъ онъ получить съ этой методой. Впрочемъ, онъ успѣлъ бы въ любомъ предпріятіи. Онъ былъ прежде всего властительный человѣкъ, завоеватель. Если бы онъ управлялъ заводомъ, то превратилъ бы своихъ работниковъ въ солдатъ. Поэтому въ немъ не слѣдуетъ видѣть литературной силы, такъ какъ онъ былъ силой торговой. Въ бакалейной лавкѣ или въ литературѣ онъ одинаково могъ развить качества, присущія ему. Одинъ только случай, поставившій его редакторомъ „Revue des Deux-Mondes“, сдѣлалъ изъ него выдающуюся личность, игравшую такую изумительную роль въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія.

Счастіе Бюлоза заключалось въ томъ, что ему удалось сгруппировать вокругъ себя всѣхъ великихъ писателей эпохи. Съ 1830 г.

по 1860 г., въ продолженіи тридцати лѣтъ, онъ умѣлъ привлечь и удержать всѣ знаменитости, составившія себѣ громкое имя въ литературѣ или въ наукѣ. И ужъ, разумѣется, онъ успѣвалъ не тѣмъ, что обвораживалъ ихъ. Онъ дѣйствовалъ путемъ насилія, и такъ рѣзко и запальчиво, что могъ бы, казалось, разогнать наименѣе самолюбивыхъ. И въ настоящее время спрашиваешь себя: какимъ образомъ щекотливые поэты, геніальные люди могли выносить дерзости этого человѣка, его скупость, его придирки, адскую жизнь, которую онъ заставлялъ ихъ всѣхъ вести. И я не преувеличиваю; эхо улицы Сенъ-Бенуа еще сохранило отголоски самыхъ мерзкихъ ссоръ. Бюлозъ и Гюставъ Планшъ хватали другъ друга за горло и дрались, какъ извозчики. На лѣстницѣ часто происходили настоящія потасовки; зонтики ломались о спины; раздавалась самая неакадемическая ругань. Не говорю уже о процессахъ, сыпавшихся градомъ. Нѣтъ ни одного талантливаго писателя, который бы не жаловался на Бюлоза суду. И что-жъ! эти ссоры не мѣшали Бюлозу продолжать диктаторствовать. Поссорившись съ однимъ, онъ мирился съ другимъ и оставался по-прежнему укротителемъ и вожакомъ современныхъ талантовъ.

Упоминаю о денежной сторонѣ дѣла только мимоходомъ. Онъ былъ скупъ и набрёлъ на блистательную мысль—не платить за первую статью, доставляемую въ журналъ. Онъ считалъ, что достаточно одной чести быть принятымъ въ журналъ. Затѣмъ платилъ какъ можно меньше за слѣдующія статьи. Во время оно цѣны его еще были довольно сносны; онъ платилъ отъ двухсотъ до четырехсотъ франковъ за листъ, смотря по литературному положенію своего сотрудника. Но позднѣе, когда цѣны стали выше въ печати, онъ постоянно и упорно отказывался увеличить свои. Приведу одинъ примѣръ: онъ составилъ контрактъ съ Жоржъ-Зандъ, обязавшись платить ей шестьсотъ франковъ за печатный листъ, и это самый высшій гонораръ, какой онъ когда-либо платилъ. Между тѣмъ эта плата равняется почти восьми съ половиной копѣйкамъ за строчку въ газетѣ, а Жоржъ-Сандъ съ полнымъ правомъ могла бы потребовать двѣнадцать и пятнадцать копѣекъ за строчку, безъ всякаго преувеличенія. Не стану настаивать на этомъ вопросѣ, потому что есть другой, по-моему болѣе важный. Самой нестерпимой претензіей Бюлоза была поправка рукописей. У него была манія исправлять, измѣнять, сокращать. Какъ скоро онъ получалъ рукопись, онъ тотчасъ же исчеркивалъ ее карандашомъ, перемѣнялъ эпитеты, которые ему казались непригодными, вычеркивалъ иныя мѣста и даже вставлялъ отрывки своего собственнаго издѣлія. И самые знаменитые писатели подвергались такимъ образомъ его корректурѣ. Подобная покорность

со стороны писателей всегда приводила меня въ изумленіе. Что великіе писатели соглашались обходиться безъ гонорара—это дѣлаетъ честь ихъ безкорыстію. Что великіе писатели время отъ времени соглашались вступать въ потасовку съ Бюлозомъ—я и это допускаю, потому что такой оборотъ дѣла могъ соблазнить своей оригинальностью. Но чтобы великіе писатели терпѣли его корректуру — вотъ чего я никакъ не могу понять.

Говорятъ, я это знаю, что Бюлозъ былъ весьма тонкій и весьма практическій критикъ. Весьма практическій съ точки зрѣнія выгодъ своего сборника—этому я охотно вѣрю. Но его литературные взгляды ограничивались заботой удовлетворить своихъ подписчиковъ, а этого было недостаточно, чтобы сдѣлать изъ него хорошаго судью свободнаго и индивидуальнаго таланта. Его корректура, въ сущности, ограничивалась кастрированіемъ всего, что̀ ему приносили. Онъ мечталъ найти для своего журнала мундиръ, сѣрый мундиръ тюремъ и монастырей. Въ первые годы, онъ не смѣлъ дать себѣ волю; но по мѣрѣ того, какъ сознавалъ свою силу, сдѣлался единственнымъ редакторомъ, онъ сталъ навязывать каждому изъ сотрудниковъ свою ливрею. „La Revue des Deux-Mondes" принялъ сѣрый оттѣнокъ, холодный и степенный, который съ тѣхъ поръ и удержалъ; отъ каждой книжки вѣетъ самимъ Бюлозомъ. Его потребность власти все росла, онъ гнулъ на свой образецъ всѣхъ, кто къ нему приближался.

И какія плачевныя исторіи могъ бы я передать о молодыхъ людяхъ, которыхъ онъ превратилъ въ пассивныя машины и которые погибли у него отъ истощенія и отчаянія! Романисты, знаменитые поэты оставляли въ его рукахъ лишь нѣсколько перышковъ изъ своихъ крыльевъ. Но неизвѣстные, тѣ, что̀ играли второстепенную роль, становились его рабами, его домашними животными. Этихъ онъ мялъ, какъ тѣсто; и прежде всего задувалъ пламя юности, которое они съ собой приносили, затѣмъ наливалъ ихъ голову свинцомъ, превращалъ въ холодныхъ критиковъ веселыхъ фантазёровъ, прилетавшихъ обжечь себѣ крылышки на его рабочей лампѣ. Такимъ образомъ нѣсколько нравственныхъ убійствъ тяготѣютъ на его совѣсти. Если бы только отъ него зависѣло, то онъ упразднилъ бы всю французскую литературу, чтобы поставить на ея мѣсто одно только „Revue des Deux-Mondes". Одинъ онъ—развѣ этого недостаточно?

Къ счастію, человѣку, какимъ бы онъ ни былъ деспотомъ, никогда не удастся остановить движеніе цѣлаго народа. Бюлозъ могъ почувствовать задолго до своей смерти, какъ его власть поколебалась во всѣхъ своихъ основаніяхъ. Онъ былъ въ сущности властелиномъ въ литературѣ въ теченіи лишь нѣсколькихъ лѣтъ. Его сборникъ соединялъ въ себѣ всѣ великія имена. Онъ былъ тогда какъ-бы необходимымъ

освященіемъ таланта, велъ къ почестямъ, въ министерство, равно какъ и къ академическому креслу. Но ошибка Бюлоза заключалась въ томъ, что онъ не понималъ, по мѣрѣ того какъ старѣлся, что времена перемѣнились. Послѣ 1860 г. онъ захотѣлъ сохранить пріемы, которыхъ держался послѣ 1830 г.,—и это испортило все дѣло. Малодушіе писателей поощряло дерзость Бюлоза. Если онъ процвѣталъ, то только потому, что они позволяли себя эксплуатировать. Когда выросло новое поколѣніе писателей, то оказалось, что это поколѣніе не такъ терпѣливо и отправило Бюлоза къ чорту. Въ послѣдніе годы пустыня все болѣе и болѣе воцарялась вокругъ него. Я говорю въ особенности про романистовъ и поэтовъ. Они отвергли дикія цѣны Бюлоза и предпочли обратиться къ ежедневнымъ газетамъ, которыя платили имъ по крайней мѣрѣ вдвое. Еще съ большей энергіей отказались онѣ позволить Бюлозу хозяйничать надъ ихъ рукописями. Тогда пустота окончательно воцарилась вокругъ редактора, который упрямо не хотѣлъ отстать отъ прежнихъ привычекъ. Неоднократно пытался онъ заманить къ себѣ молодыхъ романистовъ, но постоянно терпѣлъ неудачу. Я могъ бы назвать писателей, которые безъ церемоніи выгнали за дверь его посланныхъ.

Положеніе „Revue des Deux-Mondes" таково. Въ послѣднія десять лѣтъ оно оставалось внѣ литературнаго движенія. Оно существовало благодаря послѣднимъ произведеніямъ Жоржъ-Занда и Октава Фёйльэ. Теперь, когда Жоржъ-Зандъ умерла, а Октавъ Фёйльэ очень мало пишетъ, у него нѣтъ совсѣмъ романистовъ, кромѣ Шербюлье и Теріэ, двухъ блѣдныхъ копій автора „Мопра", произведенія которыхъ проходятъ безъ шума. Никогда романисты натуральной школы, ни Гюставъ Флоберъ, ни братья Гонкуры, ни Альфонсъ Додэ не соглашались печатать у него своихъ произведеній. Журналъ держался литературной моды, царившей тридцать лѣтъ назадъ, и весь колоссальный переворотъ въ современномъ романѣ совершился помимо его и во вредъ ему.

Мнѣ говорятъ, что вліяніе „Revue des Deux-Mondes" за границею громадно. Это весьма прискорбно. Если за-границей ищутъ въ этомъ сборникѣ знакомства съ нашей литературой, то выходитъ просто-на-просто, что за границей не знаютъ нашей литературы. Сборникъ, повторяю, давно перестало быть точнымъ выраженіемъ нашей литературной жизни. Бюлозъ все дѣлалъ, чтобы раздавить новое поколѣніе писателей, озаренное въ настоящее время такой славой, но самъ роковымъ образомъ долженъ былъ выдти изъ этой борьбы побѣжденнымъ, и легко доказать ничтожное вліяніе, которымъ пользуется „Revue" у насъ. У этого журнала все еще много подписчиковъ, потому что считается признакомъ бонтона имѣть на

столѣ его книжки. Но онъ утратилъ всякое дѣйствительное вліяніе; романы, печатаемые въ немъ, не расходятся въ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ тысячѣ экземплярахъ, тогда какъ произведенія, осуждаемыя имъ, выдерживаютъ нѣсколько изданій. Быть разбраненнымъ имъ является лучшей рекомендаціей. Извѣстно, что по принципу онъ находитъ сквернымъ все то, что̀ печатается не въ немъ. Лучшей частью въ этомъ журналѣ остается историческая и научная, отчеты о путешествіяхъ, статьи по спеціальнымъ вопросамъ. Литературно, повторяю, онъ больше не существуетъ. Онъ удержалъ вліяніе кумовства лишь въ ограниченной сферѣ и можетъ еще провести посредственнаго писателя въ академію. Что касается руководства умовъ, то оно отъ него ускользнуло.

Что станется съ „Revue des Deux-Mondes" теперь, когда Бюлозъ умеръ? Вотъ интересный вопросъ. Легко предвидѣть, что „Revue" будетъ мало-по-малу умирать, если не признаетъ современнаго положенія дѣлъ, будетъ отказываться платить писателямъ и не предоставитъ имъ полной свободы. Лучшее, что̀ можно пожелать этому журналу, это найти умнаго редактора, который бы понялъ нашу эпоху такъ, какъ Бюлозъ нѣкогда понялъ свою.

И возвращаясь къ точкѣ исхода, укажу именно на критическую статью, прочитанную мною въ послѣднемъ нумерѣ „Revue des Deux-Mondes". Эмиль Монтегю разбираетъ въ ней новыхъ романистовъ, какъ человѣкъ оглушенный, совсѣмъ растерявшійся, ослѣпленный солнечнымъ ударомъ. Безъ сомнѣнія, Эмиль Монтегю не тотъ критикъ, котораго ждетъ Франція. Онъ, повидимому, и не подозрѣваетъ о движеніи натуральной школы, которому мы обязаны единственными великими произведеніями послѣднихъ двадцати лѣтъ. Какъ прикажете думать послѣ этого о журналѣ, имѣющемъ претензію быть самымъ высокимъ выразителемъ литературы у насъ и съ наивностью отрицающемъ весь великій литературный трудъ нашего времени? Ожидаемый критикъ появится, надо надѣяться, и освѣтитъ положеніе дѣлъ, отведетъ всему свое мѣсто, отдалитъ прошлое на задній планъ и выдвинетъ впередъ настоящее, озаривъ его яркимъ свѣтомъ правды и справедливости.

Эмиль Зола.

ЗАМѢТКА.

Новая книга профессора Рамбо́ о Россіи.

Français et Russes—Moscou et Sèvastopol. 1812—1854. Par Alfred Rambaud, professeur à la Faculté des lettres de Nancy. Paris. 1877.

Имя профессора Рамбо́ пользуется у насъ почетною извѣстностью, особенно со времени появленія въ свѣтъ его труда „La Russie épique", съ которымъ мы имѣли случай въ свое время познакомить нашихъ читателей. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые въ настоящее время дѣлаютъ усилія къ сближенію двухъ національностей, и настоящая книга главнымъ образомъ посвящена тому, чтобы разсѣять во Франціи почти миѳическія понятія о русскомъ народѣ, начиная съ теоріи Духинскаго, наполеоновскихъ изреченій о томъ, что́ у русскаго подъ кожей, и кончая псевдо-русскими драмами на сценѣ парижскихъ театровъ. „Французы и русскіе,—говоритъ въ своемъ предисловіи авторъ,—принадлежатъ къ двумъ весьма отличнымъ вѣтвямъ индо-европейскаго племени; ихъ языкъ весьма противоположнаго характера; климатическія вліянія, повидимому, увеличиваютъ еще болѣе разницу темпераментовъ славянскаго и галльскаго; историческое развитіе обоихъ народовъ представляетъ также мало сходства. Между тѣмъ, при всѣхъ этихъ контрастахъ, можно найти между ними нѣкоторую близость въ характерѣ, сходство въ качествахъ, способностяхъ, въ недостаткахъ, даже въ увлеченіяхъ. Для нашихъ общихъ сосѣдей, напримѣръ, русскій и французъ одинаково „легковѣсны"—не говорю уже о нашей *испорченности*". Вотъ это-то явленіе, а именно какую-то симпатію русскихъ къ французамъ и обратно, при всемъ различіи ихъ національнаго характера, авторъ взялся не столько объяснить, сколько демонстрировать на такихъ двухъ историческихъ эпохахъ, какъ 12-тый годъ и крымская война, которыя не оставили и тѣни взаимной ненависти между противниками, боровшимися на смерть—вовсе не такъ, какъ то́ было послѣ франко-прусской войны.

Книга, конечно, написана для французовъ, и намъ она не можетъ представить много новаго; но талантъ, съ которымъ авторъ выполнилъ свою задачу, и его серьёзное отношеніе къ дѣлу, построенному на внимательномъ и весьма разнообразномъ изученіи не только фактовъ *русской* литературы, но и всего, что́ было у насъ издано въ „Русскомъ Архивѣ" и „Русской Старинѣ" по поводу 12-го года и осады Севастополя, включая сюда и разсказы графа Льва Толстого (пере-

веденныя, впрочемъ, и на французскій языкъ)—все это должно справедливо обратить вниманіе на новый трудъ профессора Рамбо и въ нашей литературѣ. Даже у насъ никто еще не воспользовался въ этой формѣ массою изданныхъ отрывочныхъ документовъ для составленія изъ нихъ связныхъ историческихъ разсказовъ о такихъ эпохахъ, какъ двѣ вышеупомянутыя; а между тѣмъ, книга Рамбо и есть въ сущности такое историческое повѣствованіе, написанное строго по источникамъ, разсѣяннымъ по нашимъ архивнымъ изданіямъ. Прочтите, напримѣръ, главу: „Севастопольскіе типы"; эта глава читается, какъ романъ, а между тѣмъ это—дѣйствительная исторія, въ которой автору принадлежитъ только невольная симпатія къ героямъ, сражавшимся съ его же соотечественниками.

Подобные труды, направленные къ сближенію людей другъ съ другомъ, и выполненные съ величайшею добросовѣстностью и знаніемъ дѣла, котораго коснулся авторъ, заслуживаютъ безусловной похвалы и вмѣстѣ служатъ хорошимъ знаменіемъ времени для Франціи, которая такъ дорого заплатила за свое равнодушіе къ солидному изученію всего, что̀ лежало за предѣлами Франціи,—и даже почти Парижа.

А.

НЕКРОЛОГЪ

В. И. Григоровичъ.

Въ концѣ прошлаго года мы прочли въ газетахъ краткій некрологъ Виктора Ивановича Григоровича, умершаго 19 декабря, въ Елизаветградѣ. Вѣроятно явятся впослѣдствіи болѣе подробныя свѣдѣнія и воспоминанія о жизни и трудахъ этого почтеннаго ученаго; ограничиваясь теперь короткимъ извѣстіемъ, мы постараемся потомъ сообщить объ его біографіи больше, сколько соберется отъ лицъ, знавшихъ его ближе, нежели знали мы, и сказать подробнѣе объ его ученой дѣятельности.

Имя Григоровича мало извѣстно было у насъ внѣ круга ученыхъ спеціалистовъ, — но въ этомъ кругу давно высоко ставилось его обширное знаніе славянства; его хорошо знали и ученые всѣхъ концовъ славянскаго міра. По крайней мѣрѣ теперь, когда закончились труды этого ученаго, общество должно оцѣнить эти труды, которые займутъ не послѣднее мѣсто въ исторіи русской науки: они посвящены были

исключительно тому славянству, о которомъ теперь такъ много говорятъ. Григоровичъ (род. въ 1815), вмѣстѣ съ О. М. Бодянскимъ, первые начали преподаваніе славянскихъ нарѣчій (съ 1842), когда эта каѳедра была открыта въ нашихъ университетахъ. Съ тѣхъ поръ, Григоровичъ велъ это преподаваніе въ теченіи тридцати-четырехъ лѣтъ; лишь за три, за четыре мѣсяца до своей смерти онъ оставилъ службу. Все это время онъ пробылъ въ провинціальныхъ университетахъ, казанскомъ и одесскомъ, съ небольшимъ промежуткомъ въ Москвѣ. Григоровичу принадлежитъ первый, въ нашей литературѣ, опытъ —представить цѣльное изложеніе славянскихъ литературъ; ему принадлежатъ первыя, въ нашей литературѣ, историческія изысканія о древнѣйшемъ періодѣ славянской письменности и ея родоначальникахъ; ему принадлежитъ открытіе многихъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ этой письменности, отысканныхъ съ величайшимъ трудомъ въ путешествіи по странамъ древней Болгаріи, которое также было первымъ и до сихъ поръ почти единственнымъ въ своемъ родѣ русскимъ путешествіемъ.

По своимъ свѣдѣніямъ Григоровичъ стоялъ въ ряду ученѣйшихъ людей, какихъ можетъ указать исторія нашей науки; но что-то, для насъ не совсѣмъ еще ясное, какъ будто стѣсняло его и мѣшало его дѣятельности обнаружиться во всемъ объемѣ его знаній и со всей свободой его славянскихъ увлеченій... Только въ первое время, въ сороковыхъ годахъ, онъ писалъ довольно много; но вообще онъ рѣдко, случайно являлся съ своими работами: почти всегда это были спеціальные вопросы древнѣйшаго періода славянской письменности, изрѣдка болѣе общія историческія тэмы; но въ его небольшихъ трудахъ, писанныхъ лаконически, бывало столько содержанія, что его достало бы не на статью, а на цѣлую книгу.

Мы имѣли нѣкогда случай видѣть ученую дѣятельность Григоровича — на университетской каѳедрѣ: это было полное, беззавѣтное увлеченіе своимъ предметомъ, свойственное только полнѣйшимъ идеалистамъ, какимъ и былъ Григоровичъ. Его вліяніе не прошло безъ результата въ той, внѣшне ограниченной средѣ, въ какой онъ дѣйствовалъ; оно было бы несравненно обширнѣе, еслибъ самая среда была поставлена иначе, и еслибъ самъ дѣятель чувствовалъ себя свободнѣе... Это былъ настоящій ученый-идеалистъ, какіе такъ рѣдки въ нашемъ обществѣ, гдѣ, напротивъ, такъ много ученыхъ чиновниковъ и ученыхъ аферистовъ. Григоровичъ былъ вполнѣ кабинетный человѣкъ, съ широкими научными взглядами въ своей области и съ невѣдѣніемъ практической жизни, доходившимъ до наивности. Рядомъ съ этимъ, это была натура, чрезвычайно деликатная, исполненная мягкаго, гуманнаго чувства,—которое такъ бы шло представителямъ науки.

Имя Григоровича останется свѣтлымъ воспоминаніемъ для всѣхъ, кто были его учениками и друзьями, и уважаемымъ именемъ въ наукѣ.

А. П.

ИЗВѢСТІЯ

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Проектъ устава состоящей при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ ссудосберегательной кассы.

I. Цѣль и составъ п кассы.

1. Состоящая при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ ссудосберегательная касса учреждается въ Петербургѣ съ цѣлью доставить своимъ членамъ возможность:

а) помѣщать для приращенія изъ процентовъ сберегаемыя ими суммы, и

б) получать денежныя ссуды на необременительныхъ, по возможности, условіяхъ.

2. Въ члены кассы могутъ быть приняты, изъясненнымъ въ ст. 3-й порядкомъ, лица обоего пола, не моложе 21 года, занимающіяся литературными и учеными трудами.

3. Пріемъ въ члены кассы производится совѣтомъ закрытою баллотировкою, причемъ лицо, получившее простое большинство голосовъ, считается избраннымъ въ члены.

4 Членъ при поступленіи въ кассу получаетъ разсчетную книжку, въ которую вносятся всѣ его обороты съ кассою.

5. Членъ кассы имѣетъ право:

а) участвовать въ общемъ собраніи съ правомъ голоса;

б) быть выбраннымъ въ члены правленія и совѣта;

в) быть поручителемъ предъ кассою по обязательствамъ другихъ членовъ;

г) дѣлать денежные вклады;

д) получать денежныя ссуды;

е) участвовать въ прибыляхъ кассы.

6. Членъ кассы обязанъ:

а) составить срочными денежными вносами принадлежащій ему въ кассѣ пай;

б) отвѣтствовать предъ кассою по своимъ изъ оной займамъ и поручительствамъ;

в) отвѣтствовать по обязательствамъ самой кассы (ст. 22—24-й) въ размѣрѣ суммы, непревышающей болѣе какъ въ пять разъ принадлежащій члену пай или паевую долю.

7. Членъ кассы подлежитъ отвѣтственности лишь по тѣмъ обязательствамъ кассы (ст. 22—24-й), которыя возникли въ теченіи времени со дня пріема его въ члены кассы по конецъ года, въ которомъ онъ вышелъ.

8. Членъ кассы считается вышедшимъ изъ оной:

а) въ случаѣ смерти;

б) когда заявитъ желаніе о томъ правленію;

в) когда не уплатитъ въ срокъ паевого вноса, и

г) когда не уплатитъ въ срокъ своего долга по займу или поручительству.

9. Днемъ выхода члена изъ кассы признается въ первомъ случаѣ (ст. 8-я п. а) слѣдующій за днемъ смерти, во второмъ (ст. 8-я, п. б) слѣдующій за днемъ заявленія, въ третьемъ (ст. 8-я, п. в) слѣдующій за днемъ срока и въ четвертомъ (ст. 8-я, п. г) слѣдующій за неуплатою долга по займу или поручительству.

10. Членъ, выходящій по собственному желанію (ст. 8-я, п. б), обязанъ при заявленіи о томъ уплатить свой долгъ кассѣ и освободить себя отъ поручительства по займамъ другихъ членовъ. Со дня выхода прекращается право члена получать ссуды и быть поручителемъ въ кассѣ.

11. Членъ, вышедшій изъ кассы, можетъ быть вновь принятъ въ оную:

а) въ случаѣ выхода по собственному желанію (ст. 8-я, п. б) не ранѣе одного года со дня выхода;

б) въ случаѣ выхода по неуплатѣ въ срокъ паевого вноса (ст. 8-я, п. в) не ранѣе двухъ лѣтъ со дня выхода, и

в) въ случаѣ выхода по неуплатѣ въ срокъ долга кассѣ по займу или поручительству (ст. 8-я, п. г) не ранѣе трехъ лѣтъ со дня выхода.

II. Паи членовъ кассы.

12. Каждый членъ кассы можетъ имѣть въ ономъ только одинъ пай, который составляетъ его собственность.

13. Закладъ и всякаго рода передача другому члену или лицу пая или паевой доли не допускается и необязательны для кассы.

14. Размѣръ полнаго пая, одинаковый для всѣхъ членовъ, опредѣляется въ двѣсти рублей.

15. До составленія полнаго пая члены обязаны вносить не менѣе одного рубля въ мѣсяцъ, причемъ желающіе могутъ уплатить паевые вносы за нѣсколько сроковъ впередъ или одновременно полный пай.

16. Вышедшему изъ кассы члену (ст. 8-я, пп. б, в и г) возвращается принадлежащій ему пай или паевая доля по утвержденіи общимъ собраніемъ отчета за тотъ годъ, въ который онъ вышелъ изъ кассы и не ранѣе 12-ти мѣсяцевъ со дна выхода (ст. 9-я), но не иначе, какъ по уплатѣ имъ всѣхъ его обязательствъ передъ кассою и могущаго пасть на него взысканія по обязательствамъ самой кассы.

17. Въ случаѣ смерти члена кассы, принадлежащій ему пай или паевая доля возвращается, въ порядкѣ, указанномъ ст. 16-й, его наслѣдникамъ, или употребляется по его назначенію, записанному имъ въ книгу завѣщаній.

18. При обращеніи по судебному опредѣленію взысканія на пай или паевую долю, принадлежащіе члену кассы, оные, выдаются, на основаніи статьи 16-й.

III. Оборотный капиталъ кассы.

19. Оборотный капиталъ кассы составляется изъ:

а) паевыхъ вносовъ;

б) денежныхъ вкладовъ и

в) займовъ кассы.

20. Свободная часть оборотнаго капитала, за исключеніемъ суммы въ наличныхъ деньгахъ, потребной для обезпеченія безостановочнаго возврата вкладовъ и займовъ, можетъ быть помѣщена въ государственныхъ бумагахъ или въ кредитныхъ учрежденіяхъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ.

21. Кассѣ предоставляется производить слѣдующіе обороты:

а) пріемъ денежныхъ вкладовъ;

б) заключеніе займовъ;

в) выдачу ссудъ только членамъ кассы.

22. Сумма обязательствъ кассы по вкладамъ и займамъ не должна превышать болѣе, чѣмъ въ пять разъ общей суммы, внесенной по паямъ.

23. Обязательства кассы обезпечиваются:

а) годовыми прибылями;

б) запаснымъ капиталомъ;

в) паями и паевыми долями членовъ, и

г) имуществомъ членовъ.

24. На уплату обязательствъ кассы, въ случаѣ ея несостоятельности, обращаются въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ:

а) годовая прибыль;

б) запасный капиталъ;

в) паи и паевыя доли членовъ соразмѣрно вносамъ, сдѣланнымъ каждымъ изъ нихъ, и

г) имущество членовъ кассы поровну, на основаніи круговой другъ за друга поруки, причемъ, въ случаѣ несостоятельности нѣкоторыхъ членовъ, причитающаяся на нихъ доля взысканія распредѣляется поровну между остальными членами до полной уплаты всѣхъ обязательствъ кассы и съ тѣмъ, чтобъ взыскиваемая доля съ имущества каждаго члена не превышала болѣе, нежели въ пять разъ сумму принадлежащаго ему пая или паевой доли.

IV. Денежные вклады.

25. Денежные вклады принимаются отъ членовъ кассы:

а) на неопредѣленное время до востребованія, съ условіемъ предупредить правленіе объ истребованіи вклада въ указанные совѣтомъ сроки, и

б) на сроки, опредѣленные совѣтомъ.

26. Размѣръ процентовъ по денежнымъ вкладамъ опредѣляется совѣтомъ. Проценты выплачиваются:

а) по истеченіи года со дня вноса вклада;

б) при возвращеніи вклада.

27. Проценты по срочнымъ вкладамъ, которымъ истекъ срокъ, исчисляются только по день срока.

28. На невзятые проценты по вкладамъ проценты не начисляются.

29. Внесенный вкладъ можетъ быть владѣльцемъ онаго передаваемъ другому члену кассы, но не иначе, какъ по заявленію о томъ правленію, причемъ первоначальныя условія вклада остаются безъ измѣненія.

V. Займы.

30. Касса только для усиленія своего оборотнаго капитала можетъ, въ границахъ, опредѣленныхъ настоящимъ уставомъ (ст. 22), занимать, какъ отъ своихъ членовъ, такъ и отъ постороннихъ лицъ и учрежденій, необходимыя ей деньги на опредѣленный срокъ.

31. Условія и размѣръ займовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляются совѣтомъ.

32. Для начала дѣйствій кассы, общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ открываетъ оной на 10 лѣтъ кредитъ въ 5,000 руб. съ тѣмъ, чтобъ касса пользовалась этимъ кредитомъ, по мѣрѣ надобности, съ уплатою на занятыя суммы по 6% годовыхъ, и съ тѣмъ, чтобъ сдѣланный такимъ порядкомъ заемъ, вмѣстѣ съ обязательствами кассы по другимъ займамъ и по вкладамъ, не превышалъ болѣе, чѣмъ въ пять разъ суммы, внесенной по паямъ (ст. 22).

VI. Ссуды.

33. Касса выдаетъ ссуды только своимъ членамъ.

34. Каждый членъ можетъ получить ссуду одновременно или частями въ размѣрѣ, непревышающемъ болѣе, нежели въ пять разъ сумму, внесенную имъ въ пай, подъ слѣдующія обезпеченія:

а) подъ признанный правленіемъ благонадежнымъ свой вексель, съ поручительствомъ одного или нѣсколькихъ членовъ кассы;

б) подъ свой вексель съ поручительствомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ;

в) подъ свой вексель съ ручательствомъ признанныхъ совѣтомъ благонадежными книгопродавцевъ, издателей и редакторовъ повременныхъ изданій;

г) подъ залогъ напечатанныхъ сочиненій члена кассы, принятыхъ по назначенной совѣтомъ оцѣнкѣ и хранящихся въ указанномъ совѣтомъ складѣ, и

д) подъ залогъ процентныхъ бумагъ, принимаемыхъ по установленному въ государственномъ банкѣ курсу.

35. Правленію предоставляется выдавать ссуды и подъ признанные имъ благонадежными соло-векселя членовъ кассы не свыше двойного размѣра принадлежащаго члену пая или паевой доли.

36. Каждый членъ можетъ быть поручителемъ за одного или нѣсколькихъ членовъ въ размѣрѣ принадлежащаго ему полнаго пая или паевой доли.

37. Поручительства, принятыя на себя членомъ по векселямъ другихъ членовъ кассы (ст. 34, п. а), ограничиваютъ его кредитъ лишь по соло-векселямъ (ст. 35) въ размѣрѣ суммы, въ которой онъ поручился.

38. Правленіе выдаетъ ссуды въ порядкѣ ихъ требованія; если же требованія превзойдутъ наличныя средства кассы, то ссуды выдаются по старшинству требованій, записываемыхъ въ имѣющуюся для сего въ правленіи особую книгу.

39. Ссуды выдаются на сроки не свыше девяти мѣсяцевъ.

40. Членъ кассы можетъ полученную ссуду возвратить ранѣе срока, какъ сполна, такъ и частями. При этомъ взятые впередъ

проценты возвращаются только за полные мѣсяцы, остающіеся до срока ссуды.

41. Размѣръ процентовъ опредѣляется совѣтомъ.

42. Проценты взимаются при выдачѣ ссудъ.

43. Неуплаченныя въ срокъ ссуды, выданныя подъ векселя, взыскиваются съ принадлежащаго неисправнымъ членамъ имущества въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ;

а) принадлежащіе члену кассы денежные вклады;

б) имущество установленнымъ въ законѣ порядкомъ;

в) пай или паевыя доли.

44. Недовзысканная съ неисправнаго дольщика сумма возмѣщается кассѣ слѣдующимъ образомъ:

а) по векселямъ съ поручительствомъ членовъ кассы, сими послѣдними, а въ случаѣ ихъ отказа отъ уплаты—порядкомъ, указаннымъ въ ст. 43-й;

б) по векселямъ, обезпеченнымъ комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, означеннымъ обществомъ;

в) по векселямъ съ поручительствомъ книгопродавцевъ, издателей и редакторовъ повременныхъ изданій сими лицами, а въ случаѣ ихъ отказа отъ уплаты, установленнымъ въ законѣ порядкомъ.

45. Если членъ кассы не уплатитъ въ срокъ ссуды, взятой подъ залогъ напечатанныхъ изданій и процентныхъ бумагъ, то изданія эти и бумаги продаются по прошествіи семи дней. Если вырученная при этомъ сумма не покроетъ долга кассѣ съ опредѣленными въ ст. 46-й процентами, пенею и издержками по продажѣ, то недостающая сумма взыскивается съ имущества члена порядкомъ, указаннымъ въ ст. 43-й.

46. Неуплаченная въ срокъ ссуда взыскивается съ процентами по день уплаты, съ пенею со дня просрочки по $^1/_2$ коп. въ мѣсяцъ съ должнаго рубля и издержками по продажѣ. Излишекъ отъ продажи имущества, напечатанныхъ сочиненій и процентныхъ бумагъ, за покрытіемъ долга, процентовъ, пени и расходовъ по взысканію, возвращается владѣльцу.

47. При взысканіи ссуды съ поручителей, имъ дается семидневный срокъ для уплаты оной, по истеченіи котораго взысканіе съ нихъ производится на основаніи ст. 43, 44 и 46-й.

VII. Запасный капиталъ кассы.

48. Запасный капиталъ служитъ для пополненія потерь кассы, непокрытыхъ годовою прибылью, и принадлежитъ всей кассѣ до прекращенія ея дѣйствій; по закрытіи же кассы переходитъ въ распоряженіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

49. Запасный капиталъ составляется изъ:

а) доли чистыхъ прибылей, отчисляемыхъ на сей предметъ въ размѣрѣ не менѣе десяти процентовъ прибылей, и

б) дробей копѣекъ, отсѣкаемыхъ при раздѣлѣ годовыхъ прибылей между членами кассы.

50. Запасный капиталъ долженъ храниться въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ.

VIII. Распредѣленіе прибылей и убытковъ кассы.

51. Чистою прибылью кассы признается сумма, остающаяся за вычетомъ изъ валового дохода:

а) процентовъ по вкладамъ и займамъ;

б) расходовъ по управленію и

в) убытковъ.

52. За отчисленіемъ изъ чистой прибыли не менѣе десяти процентовъ въ запасный капиталъ и суммы на вознагражденіе членовъ правленія и служащихъ по назначенію общаго собранія, независимо отъ постояннаго вознагражденія, остальная сумма распредѣляется между членами кассы соразмѣрно паю или паевой долѣ каждаго къ началу отчетнаго года и выдается не позже трехъ мѣсяцевъ по утвержденіи отчета.

53. Оказавшійся по оборотамъ кассы, вмѣсто чистой прибыли, убытокъ покрывается порядкомъ, указаннымъ въ ст. 24-й.

IX. Управленіе дѣлами кассы.

54. Управленіе кассы составляютъ:

а) правленіе; б) совѣтъ и в) общее собраніе.

55. Касса имѣетъ собственную печать.

А. *Правленіе.*

56. Правленіе представляетъ кассу во всѣхъ ея сношеніяхъ съ посторонними мѣстами и лицами безъ особой на то довѣренности.

57. Правленіе отвѣтствуетъ имуществомъ своихъ членовъ за убытки, причиненные кассѣ дѣйствіями, противными настоящему уставу или законнымъ постановленіямъ общаго собранія и совѣта.

58. Правленіе состоитъ не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ по закрытой баллотировкѣ на три года изъ членовъ кассы.

59. Для замѣщенія членовъ правленія въ случаѣ отсутствія или болѣзни, общее собраніе избираетъ изъ членовъ кассы по закрытой баллотировкѣ на три года трехъ кандидатовъ.

60. Ежегодно, одинъ изъ членовъ правленія и одинъ изъ кандидатовъ выбываютъ сначала по жребію, а затѣмъ по старшинству избранія.

61. Выходящій членъ правленія можетъ быть вновь избранъ.

62. По требованію совѣта или пятой части членовъ кассы, общее собраніе, по закрытой баллотировкѣ, можетъ удалить какъ отдѣльныхъ, такъ и всѣхъ членовъ правленія, и приступить къ избранію взамѣнъ ихъ новыхъ.

63. Члены правленія получаютъ опредѣленное общимъ собраніемъ содержаніе.

64. На правленіе возлагается:

а) веденіе дѣлъ, книгъ и счетовъ кассы, а равно и составленіе отчета;

б) пріемъ, выдача и храненіе денежныхъ суммъ процентныхъ бумагъ и залоговъ;

в) пріемъ и возвратъ паевыхъ вносовъ;

г) пріемъ и возвратъ денежныхъ вкладовъ;

д) выдача денежныхъ ссудъ;

е) признаніе благонадежности представляемыхъ членами кассы соло-векселей и векселей съ поручительствомъ другихъ членовъ;

ж) заключеніе займовъ отъ имени кассы на условіяхъ и въ размѣрахъ, опредѣленныхъ совѣтомъ;

з) уплата процентовъ по вкладамъ и займамъ;

и) принятіе мѣръ ко взысканію ссудъ съ неисправныхъ должниковъ и къ покрытію убытковъ кассы;

і) сообщеніе членамъ необходимыхъ для нихъ свѣдѣній, и

к) наемъ лицъ для занятія по дѣламъ кассы за опредѣленное по смѣтѣ вознагражденіе.

65. Занятія распредѣляются между членами правленія по ихъ усмотрѣнію, но съ утвержденія совѣта. Дѣлá въ правленіи рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

66. Правленіе собирается не менѣе одного раза въ недѣлю. О дняхъ засѣданій, опредѣляемыхъ на четыре мѣсяца впередъ, должно быть вывѣшено объявленіе въ правленіи.

67. Наличныя деньги, процентныя бумаги и документы хранятся въ безопасномъ мѣстѣ, въ особомъ сундукѣ за двумя различными замками, ключи отъ которыхъ находятся у двухъ членовъ правленія.

Примѣчаніе. Съ разрѣшенія совѣта, наличныя деньги могутъ быть помѣщены на текущій счетъ, а процентныя бумаги на храненіе въ одномъ изъ петербургскихъ банковъ.

68. Жалобы на правленіе приносятся въ совѣтъ.

Б. *Совѣтъ.*

69. Совѣтъ состоитъ изъ шести членовъ, изъ которыхъ три избираются общимъ собраніемъ закрытою баллотировкою на три года изъ членовъ кассы, а три назначаются комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, тоже на три года.

Примѣчаніе. Порядокъ этотъ соблюдается, пока касса пользуется указаннымъ въ ст. 32-й кредитомъ въ обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Съ закрытіемъ же сего кредита, всѣ шесть членовъ совѣта избираются общимъ собраніемъ.

70. Ежегодно одинъ изъ избранныхъ общимъ собраніемъ, а другой изъ назначенныхъ комитетомъ членовъ совѣта выбываютъ сначала по жребію, а затѣмъ по старшинству избранія или назначенія.

71. Выходящій изъ совѣта можетъ быть вновь избранъ или назначенъ.

72. На совѣтъ возлагается:

а) наблюденіе за точнымъ исполненіемъ настоящаго устава, законныхъ постановленій общаго собранія и утвержденныхъ правилъ дѣлопроизводства, счетоводства и отчетности;

б) утвержденіе распредѣленія занятій между членами правленія и составленныхъ въ правленіи правилъ дѣлопроизводства, счетоводства и отчетности;

в) повѣрка книгъ, документовъ, счетовъ, отчетовъ, вѣдомостей, наличныхъ денегъ, процентныхъ бумагъ и залоговъ не менѣе трехъ разъ въ годъ;

г) пріемъ въ члены кассы;

д) оцѣнка поручительства, по векселямъ членовъ кассы, книгопродавцовъ, издателей и редакторовъ повременныхъ изданій;

е) оцѣнка представляемыхъ въ залогъ напечатанныхъ сочиненій членовъ кассы и выборъ склада и способа храненія означенныхъ сочиненій;

ж) условія и размѣръ займовъ;

з) опредѣленіе размѣра процентовъ по вкладамъ и по ссудамъ;

и) разсмотрѣніе жалобъ на правленіе и постановленіе по нимъ заключеній;

і) созваніе общихъ собраній;

к) обязательное созваніе общаго собранія, когда понесенные кассою убытки составятъ 1/4 паевого капитала.

73. Члены совѣта изъ среды своей избираютъ на годъ предсѣдателя и заступающаго его мѣсто.

74. Занятія между членами совѣта распредѣляются по ихъ усмотрѣнію.

75. Дѣла въ совѣтѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; въ случаѣ же равнаго раздѣленія голосовъ, голосъ предсѣдателя или заступающаго его мѣсто даетъ перевѣсъ.

76. Постановленія совѣта вносятся въ особую книгу и подписываются предсѣдательствовавшимъ и присутствовавшими членами.

77. Совѣтъ собирается не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; о дняхъ же засѣданій, опредѣляемыхъ на четыре мѣсяца впередъ, должно быть вывѣшено объявленіе въ правленіи.

78. Засѣданія совѣта признаются состоявшимися, если въ нихъ присутствовали предсѣдатель или заступающій его мѣсто и не менѣе трехъ членовъ совѣта.

79. Жалобы на совѣтъ приносятся общему собранію.

В. *Общее собраніе.*

80. Общія собранія членовъ кассы бываютъ:

а) годовое, въ январѣ;

б) чрезвычайное, созываемое совѣтомъ или по требованію одной десятой части членовъ кассы.

81. Каждый членъ кассы имѣетъ въ общемъ собраніи только одинъ голосъ, который никому не можетъ быть передаваемъ.

82. Члены кассы извѣщаются чрезъ публикацію въ газетахъ за двѣ недѣли о днѣ, мѣстѣ и предметѣ общаго собранія.

83. Меньшинство общаго собранія и отсутствующіе члены кассы безотговорочно подчиняются рѣшенію большинства.

84. Общія собранія открываются предсѣдателемъ совѣта. Присутствующіе члены кассы, до приступленія къ очереднымъ занятіямъ, избираютъ изъ своей среды предсѣдателя собранія.

85. Обсужденію и рѣшенію общаго собранія подлежатъ:

а) разсмотрѣніе и утвержденіе провѣренныхъ совѣтомъ отчетовъ правленія кассы; причемъ общему собранію предоставляется избраніе ревизіонной коммиссіи изъ пяти членовъ кассы;

б) разсмотрѣніе и утвержденіе годовой смѣты расходовъ;

в) выборъ членовъ правленія и совѣта;

г) назначеніе содержанія членамъ правленія;

д) назначеніе изъ прибылей вознагражденія членамъ правленія и служащимъ;

е) постановленія по жалобамъ на совѣтъ;

ж) увольненіе членовъ правленія въ случаѣ, указанномъ въ ст. 62-й;

з) разсмотрѣніе предложеній объ измѣненіи и дополненіи настоящаго устава, и

и) прекращеніе дѣйствій кассы.

86. Подлежащіе обсужденію общаго собранія вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ наличныхъ голосовъ.

87. Постановленія общаго собранія вносятся въ особую книгу и подписываются предсѣдательствовавшимъ и присутствовавшими членами.

X. Счетоводство и отчетность кассы.

88. Всѣ обороты кассы должны заноситься въ установленныя совѣтомъ книги (ст. 72 п. б).

89. Счетный годъ кассы считается съ 1-го января по 31-е декабря.

90. Правленіе кассы, ежегодно, 31-го декабря, заключаетъ свои счетныя книги, и составляетъ изъ нихъ отчетъ по оборотамъ кассы.

91. Отчетъ долженъ быть составленъ и подписанъ членами правленія не позже 15-го января и, по крайней мѣрѣ, за недѣлю до годового общаго собранія, которому оный долженъ быть представленъ.

92. Прежде представленія общему собранію, отчетъ, вмѣстѣ съ книгами и документами, повѣряется членами совѣта, которые о найденномъ ими отмѣчаютъ въ концѣ отчета за своею подписью.

93. Утвержденный общимъ собраніемъ отчетъ хранится при дѣлахъ кассы; копія же съ него, а равно съ постановленія общаго собранія, которому онъ былъ представленъ, доставляются въ министерство финансовъ и въ комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

XI. Открытіе и прекращеніе дѣлъ кассы.

94. Касса открываетъ свои дѣйствія по вступленіи въ оную не менѣе тридцати членовъ, допущенныхъ комитетомъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

95. Касса прекращаетъ свои дѣла по постановленію общаго собранія.

96. При прекращеніи дѣлъ кассы, правленіе обязано:

а) остановить немедленно пріемъ паевыхъ вносовъ и денежныхъ вкладовъ, а равно выдачу ссудъ;

б) произвести въ установленные сроки взысканіе по ссудамъ и уплатить по займамъ и вкладамъ.

в) возвратить по принадлежности паи и паевыя доли соразмѣрно суммѣ, оставшейся свободною за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ обязательствъ кассы, и

г) передать по принадлежности запасный капиталъ, если оный будетъ въ остаткѣ, за полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ обязательствъ кассы.

97. По окончаніи всѣхъ разсчетовъ и дѣлъ кассы правленіе оной увѣдомляетъ о семъ министерство финансовъ и комитетъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Комитетъ общества надѣется вызвать настоящею публикаціею печатныя и письменныя заявленія, изъ которыхъ послѣднія могутъ быть доставляемы въ квартиру предсѣдателя общества, В. П. Гаевскаго, въ С.-Петербургѣ, Литейная, д. Пеля.

II. Общество для пособія слушательницамъ женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ.

Комитетъ общества для пособія слушательницамъ женскихъ врачебныхъ и педагогическихъ курсовъ усматриваетъ, что не всѣ члены общества, перемѣняя мѣсто жительства, сообщаютъ комитету свои новые адресы, и что многіе члены не доставляютъ своевременно казначею общества членскихъ вносовъ. Встрѣчая крайнюю необходимость имѣть всегда точные адресы членовъ общества и получать, по возможности, своевременно членскіе вносы, для удовлетворенія просьбъ о пособіи, поступающихъ какъ отъ слушательницъ врачебныхъ курсовъ, которыхъ нынѣ состоитъ до четырехсотъ, такъ и курсовъ педагогическихъ, въ которыхъ обучается двѣсти лицъ, комитетъ общества вынужденъ покорнѣйше просить членовъ общества доставлять точные адресы свои въ квартиру предсѣдателя или секретаря, а денежные вносы казначею общества. При этомъ сообщаются адресы членовъ комитета: предсѣдатель Арцимовичъ, Викторъ Антоновичъ (Мойка, № 9-й, кв. № 13-й, у Круглаго рынка); товарищъ предсѣдателя Тютчевъ, Николай Николаевичъ (Невскій проспектъ, № 96-й, кв. № 18-й); члены: Граве, Ольга Константиновна (Знаменская площадь, № 122-й, кв. № 3-й); Павловская, Марья Филетеровна (Малая Итальянская улица, № 36-й, кв. № 5-й); Тарновская, Варвара Павловна (Надеждинская улица, № 3-й); Тарновская, Прасковья Николаевна (у Поцалуева моста, домъ Фитингофа); секретарь профессоръ Доброславинъ, Алексѣй Петровичъ (въ зданіи медико-хирургической академіи); казначей — профессоръ Бородинъ, Александръ Порфирьевичъ (тамъ же).—Получая членскіе вносы или пожертвованія, казначей выдаетъ установленныя квитанціи. Независимо отъ того, для удобства городскихъ жителей, деньги въ пользу общества принимаются и на Невскомъ Проспектѣ у Аничкина моста, въ домѣ бывшемъ Сѣмянникова, входъ съ Фонтанки, въ конторѣ „*Дружины*", ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 10-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни. Лицъ, желающихъ дѣлать членскіе вносы или пожертвованія въ пользу общества, покорнѣйше просятъ записать собственноручно свою фамилію, адресъ и вносимую сумму въ особо заведенную для того въ конторѣ шнуровую книгу. Квитанціи казначеемъ общества будутъ имъ доставлены вслѣдъ за тѣмъ.

III. Призваніе России на крайнемъ востокѣ.

Въ настоящую эпоху на двухъ оконечностяхъ Азіи мы видимъ два, равно знаменательныя, хотя и противоположныя, явленія: картину быстро приближающейся смерти и картину столь же быстро расцвѣтающей жизни. Въ то время, когда на западномъ краю материка видимо отживаетъ дни свои когда-то многочисленное племя османлисовъ, на восточной окраинѣ той же части свѣта громко заявляетъ о своемъ существованіи другое азіатское племя, до сихъ поръ почти не обращавшее на себя вниманія Европы. Съ закатомъ турецкой луны встаетъ японское солнце. Мы не намѣрены входить въ обсужденіе причинъ, почему именно Турція погибаетъ, а Японія возрождается, отчего одно племя вымираетъ въ такой страшной прогрессіи, что теперь во всѣхъ владѣніяхъ султана едва ли найдется пять милліоновъ природныхъ турокъ, а въ имперіи микадо насчитывается уже до сорока милліоновъ одноплеменной народной массы; почему соприкосновеніе съ европейскими народами дѣйствуетъ на османовъ съ разлагающею силою смертельнаго яда, а въ японскую націю въ то же время вливаетъ освѣжающія жизненныя силы и видимо укрѣпляетъ ея организмъ. Несмотря на то, что уже болѣе четырехъ вѣковъ протекло съ той поры, какъ турки переступили черезъ Босфоръ, живутъ въ средѣ христіанъ, въ постоянномъ соприкосновеніи съ ихъ идеями и нравами—они не приняли въ себя никакихъ крѣпкихъ жизненныхъ началъ; а японцы, отдѣленные отъ образованнаго Запада громадными пространствами материка и не менѣе громаднымъ пространствомъ океана, при первомъ сближеніи съ европейскою жизнью быстро поняли ея смыслъ и силу, и воспринимаютъ самые свѣжіе ея соки.

Всѣ попытки Селимовъ и Махмудовъ гальванизировать дряхлое османское племя только ускорили его разложеніе, и торжественное принятіе Турціи, послѣ крымской войны, въ среду великихъ европейскихъ державъ окончательно пошатнуло ветхое зданіе, насильственно построенное на несродной ему почвѣ. Между тѣмъ, въ Японіи достаточно било явиться одному энергическому монарху, который смѣло рѣшился покончить съ подавлявшею народъ феодальною властью дайміосовъ—и нація по знаку его поднялась во весь ростъ и въ короткое время показала, къ чему она способна и какія великія надежды предстоятъ ей въ будущемъ.

Возрожденіе Японіи въ настоящее время составляетъ явленіе поразительное, почти безпримѣрное въ исторіи: въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ, далекая, забытая страна переродилась, не теряя своей самобытности, приняла плоды европейской цивилизаціи, не отрекаясь отъ своей народности. Европейскія нововведенія, которыя только скользнули на поверхности Турціи и лежатъ на ней клочьями, какъ снѣгъ, готовый растаять въ одинъ день, въ Японіи нашли воспріимчивую почву, пустили въ нее твердые корни и начинаютъ уже приносить плоды. Въ то время, какъ европейскіе капиталисты не могутъ добиться возможности связать рельсовымъ путемъ Константинополь съ центральною Европою; когда въ Золотомъ Рогѣ

стоятъ построенные въ Англіи броненосцы, годные не для битвы, а развѣ для обѣдовъ на ихъ роскошныхъ палубахъ; когда живая наука не находитъ никакой почвы въ мусульманскихъ училищахъ; когда фанатики изъ-за попытки помѣшать насильственному обращенію въ исламъ христіанской дѣвушки избиваютъ представителей дружественныхъ державъ,—въ то самое время Японія своими средствами прокладываетъ сѣть желѣзныхъ дорогъ, строитъ военные пароходы на своихъ верфяхъ, во всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ открываетъ школы, дозволяетъ христіанскимъ миссіонерамъ воспитывать японскую молодежь, посылаетъ молодыхъ людей въ Европу и Америку для дѣйствительнаго образованія, императоръ лично присутствуетъ на спускѣ кораблей, при открытіи желѣзной дороги, а императрица принимаетъ европейскихъ резидентовъ, посѣщаетъ экзамены въ женскомъ институтѣ. И это вовсе не то жалкое обезьянство, какое мы видимъ въ Турціи, а прочные успѣхи націи въ дѣлѣ матеріальнаго и нравственнаго развитія и основательнаго просвѣщенія.

Японію называютъ восточною Англіею, и это названіе, дѣйствительно, можетъ быть дано ей не по одному географическому сходству положенія ея острововъ съ территоріею Великобританіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по способности, предпріимчивости, энергіи ея населенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что странѣ этой предстоитъ блестящая будущность на Востокѣ и цивилизаторская роль въ отношеніи всей восточной азіатской окраины. Такъ можно было предполагать и прежде, по сравненію географическаго значенія Японіи съ другими странами восточной Азіи и даровитости ея населенія передъ сосѣдними племенами; но въ этомъ нельзя уже сомнѣваться теперь, послѣ переворота, который совершёнъ нынѣ царствующимъ микадо, и послѣ того стремленія, какое нація обнаружила къ сближенію съ образованнымъ Западомъ.

Но если японскій народъ несомнѣнно доказалъ свою способность къ воспріятію выработанной Европою науки и цивилизаціи, то едва ли не столько же въ немъ обнаруживается стремленіе къ принятію отъ нея и самаго христіанства. Признаки этого слишкомъ очевидны. Извѣстно, что съ давняго времени въ Японіи существуютъ, одинаково поставленныя, три религіи: синто (поклоненіе духамъ предковъ), сцито (видоизмѣненіе ученія Конфуція) и, наконецъ, буддизмъ, проникшій туда изъ Индіи. Пользуясь одинакими правами, всѣ эти три вѣроисповѣданія не только не обнаруживаютъ антагонизма и стремленія къ поглощенію одного на счетъ другого, но даже допускали водвореніе въ средѣ своей другихъ религій, и еще два вѣка назадъ, когда Японія была вполнѣ изолированною страною, въ нее проникло христіанство. Весьма вѣроятно, что оно успѣло бы распространиться по всей территоріи ея острововъ, еслибъ неблагоразуміе и интриги католическихъ миссіонеровъ не повредили успѣху этого дѣла. Вмѣшательство ихъ въ чуждыя религіи сферы обратило на себя вниманіе подозрительнаго въ то время японскаго правительства и, наконецъ, вызвало со стороны его крайнія репрессивныя мѣры противъ европейцевъ: миссіонеры были изгнаны, за переходъ въ христіанство положена смертная казнь и изданъ декретъ, который гласилъ, что „пока

солнце восходитъ съ востока и закатывается на западѣ, христіанская вѣра не будетъ терпима въ Японіи".

Но обстоятельства измѣнились. Въ послѣднее время, послѣ совершившагося въ странѣ переворота, заключенія торговыхъ договоровъ съ европейцами и американцами и открытія гаваней для иностранныхъ судовъ и консуловъ, при религіозной терпимости, порожденной долговременнымъ существованіемъ трехъ вѣроученій и, наконецъ, при гуманномъ взглядѣ нынѣшняго правительства,—христіанству открылся широкій доступъ въ имперію микадо. Въ нѣсколькихъ пунктахъ Японіи водворились постоянныя миссіи католическія, протестантскія, а также и наша православная миссія. Ни японское правительство, ни народъ не противодѣйствуютъ христіанской проповѣди, даже какъ будто поощряютъ ее, и потому она ведется теперь почти открыто. Укажемъ, для примѣра, на положеніе нашей русской миссіи.

Со времени постройки первой русской церкви въ Хакодатѣ, на островѣ Езо, въ 1859 году, наша проповѣдь и вліяніе на японское населеніе быстро развивались и усиливались. Въ 1869 году открыта была миссія въ Іеддо, при ней устроена церковь и заведена школа, въ которую во множествѣ стекаются молодые люди изъ дворянскихъ фамилій, и, независимо оттого, начальникъ миссіи, архимандритъ Николай, въ разныхъ мѣстахъ города читаетъ лекціи о религіи. Такъ-называемые катихизаторы, изъ крещеныхъ японцевъ, безпрепятственно обходятъ внутреннія провинціи, куда еще не разрѣшенъ доступъ европейцамъ, и распространяютъ въ народѣ понятія о христіанскомъ вѣроученіи. Наконецъ, въ настоящее время, въ самой японской журналистикѣ постоянно высказываются положительныя симпатіи къ христіанству, даже заявленія потребности въ немъ для всего народа. Въ доказательство этого, мы приведемъ выдержку изъ статьи, помѣщенной въ № 694, за январь настоящаго года, издающейся въ Іеддо на народномъ языкѣ газеты „Акебоно Синбунъ".

„Несмотря на мѣры, принятыя бывшимъ губернаторомъ Окубо Ицувоо противъ тайной проституціи въ столицѣ", говоритъ газета, „зло это не прекращается, что́ видно изъ новыхъ правительственныхъ распоряженій относительно этой общественной язвы. Будемъ надѣяться, что оно успѣетъ въ своихъ намѣреніяхъ. Но мы рѣшаемся обратить вниманіе общества на самый источникъ этого зла: намъ кажется, въ основаніи его лежатъ три причины: бѣдность въ нѣкоторыхъ классахъ народа, небрежность чиновниковъ, которымъ поручается надзоръ за домами терпимости, и въ особенности упадокъ религіи въ нашей странѣ. До сихъ поръ у насъ нѣтъ вѣроученія, которое направляло бы мысли человѣка къ почитанію Творца и къ добродѣтельной жизни. Правда, въ религіи Будды много говорится о душѣ, но въ настоящее время религія эта не въ состояніи уже воспитывать народъ въ правилахъ добра и благочестія. Въ этомъ-то, главнымъ образомъ, и скрывается корень того зла, о которомъ мы говоримъ. Чѣмъ же можно его уничтожить? По нашему мнѣнію, существуетъ для этого единственное средство—истинная вѣра, а именно вѣра христіанская, которая одна только въ состояніи очистить народные нравы и дать возможность словомъ Божіимъ укрѣпить осно-

вы общественной жизни. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что отечество наше должно будетъ обратиться къ этому истинному ученію и распространить его *по всей странѣ отъ одного края ея до другого*".

Это напечатано въ одной изъ наиболѣе извѣстныхъ газетъ, которая издается на народномъ языкѣ, въ самой столицѣ имперіи. Нужно ли распространяться о томъ, какъ важно и многозначительно это беспримѣрное явленіе. Не говоримъ уже, что одна эта, приведенная нами, выдержка ясно показываетъ, какимъ широкимъ значеніемъ пользуется въ Японіи печать, когда ей дозволяется высказывать подобныя идеи. Наша цѣль указать на другое. Здѣсь важнѣе всего то, какую благотворную почву для будущности представляетъ эта страна, и какъ важно должно быть со временемъ ея значеніе и роль на Востокѣ. Такъ какъ одно изъ господствующихъ теперь въ Японіи вѣроисповѣданій, извѣстное подъ названіемъ сцито, составляетъ только незначительное видоизмѣненіе китайской религіи Конфуція, да и самый буддизмъ не чуждъ нѣкоторой связи съ нею, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что распространеніе и утвержденіе христіанства въ имперіи микадо, рано или поздно, не повлечетъ за собою водвореніе его и въ поднебесной имперіи богдыхана. Здѣсь сама собою представляется мысль о томъ, какая важная и громадная по своимъ послѣдствіямъ задача, въ отношеніи ко всему Востоку, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ самой Европѣ, предстоитъ христіанской проповѣди въ Японіи, и насколько желательно, даже необходимо, чтобъ наши русскія миссіи въ этой странѣ поставлены были соотвѣтственно ихъ высокому призванію и получили самую широкую поддержку со стороны нашего правительства и общества. Здѣсь вопросъ прямо касается самыхъ капитальныхъ интересовъ не только нашей церкви, но и политическаго положенія нашего отечества на крайнемъ Востокѣ. Съ распространеніемъ нашихъ владѣній въ восточной Азіи, съ водвореніемъ нашимъ на Амурѣ и на берегахъ Великаго океана, мы сдѣлались ближайшими сосѣдями Японіи, успѣли открыть и утвердить постоянныя сношенія съ нею, пріобрѣли дружественное расположеніе къ намъ этой богатой страны, и теперь наша прямая обязанность, налагаемая на насъ какъ религіозными, такъ и политическими интересами, воспользоваться благопріятными обстоятельствами, пока не прошло время и пока насъ не предупредили другіе. Съ нашей стороны было бы непростительно, еслибъ мы не обратили самаго серьёзнаго и настойчиваго вниманія на прямо указанную намъ задачу распространенія православія въ имперіи микадо и дали время водвориться въ ней католичеству или протестантизму, которые стремятся къ этому всѣми силами, не щадя для того никакихъ средствъ. Наше правительство и общество, наша церковь и монастыри, владѣющіе богатствами, не должны бы, какъ намъ кажется, останавливаться ни передъ какими жертвами для достиженія этой цѣли. Сколько мы знаемъ изъ отчетовъ о положеніи и дѣятельности нашей русской миссіи въ Японіи, дѣла ея идутъ довольно успѣшно: школа для образованія крещеныхъ молодыхъ японцевъ находится въ хорошемъ состояніи, число прозелитовъ увеличивается, катихизаторы находятъ вездѣ хорошій пріемъ, даже бонзы интересуются нашимъ вѣроученіемъ и недавно одинъ изъ нихъ сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ нашей церкви и посвященъ въ санъ

православнаго священника. Но это доказываетъ только, какъ благопріятна народная среда въ этой странѣ для дѣятельности и успѣховъ нашихъ русскихъ миссій. Для полнаго же достиженія той цѣли, на которую прямо указываютъ японскія газеты, мы должны обратить болѣе серьёзное вниманіе на дѣло и не забывать, что въ исторіи народовъ бываютъ моменты, которые намѣчаютъ быстрый переломъ въ ихъ судьбахъ, и отъ которыхъ зависитъ не только вся послѣдующая жизнь ихъ, но и судьба всего человѣчества. А въ настоящее время на азіатскомъ Востокѣ, въ Японіи, а можетъ быть и въ Китаѣ, насталъ именно такой историческій моментъ, отъ котораго будетъ зависѣть будущее развитіе цѣлыхъ сотенъ милліоновъ людей, населяющихъ обширныя и прекрасныя страны земного шара. Отъ того, какъ мы воспользуемся этимъ моментомъ, будетъ зависѣть въ будущемъ и наше собственное положеніе на крайнемъ Востокѣ.

ДЕНЕЖНЫЯ ПОЖЕРТВОВАНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ:

1. Въ **Москвѣ**, въ Православномъ миссіонерскомъ Обществѣ и у священника Гавріила Срѣтенскаго, при Вознесенской, на Большой Никитской, церкви.
2. Въ **С.-Петербургѣ**, у сотрудниковъ миссіи: священника Христорождественской, на Пескахъ, церкви Василія Маслова, священника Благовѣщенской церкви Іоанна Демкина, на Васильевскомъ островѣ, и священника Θеодора Быстрова, въ Инженерномъ замкѣ.
3. Во всѣхъ комитетахъ Православнаго миссіонерскаго Общества, гдѣ таковыя существуютъ.

Отъ редакціи.—Во второй части романа «НОВЬ» просятъ сдѣлать слѣдующую поправку: на 532-й стр. настоящей книги журнала, 17 строч. св., вмѣсто: *наливая* — слѣдуетъ: *подавая;* на 579-й стр., 20 строч. св., вмѣсто: *видится* — слѣдуетъ: *водится*.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ, 1877.

Книга первая.—Январь.

Книга вторая.—Февраль.

Жатва. Романъ Проспера Віалона. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Заозерье. Очерки и разсказы изъ жизни лѣсного края. Н. Боева. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Записки причетника. Сочиненіе Марка Вовчка. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Збірникъ творівъ. Іереміи Галки. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. 2 т. Спб. 1876. Ц. 3 р. 50 к.

Идеалы нашего времени. Романъ въ 4 частяхъ. Захеръ-Мазохъ. М. 1876 г. Ц. 2 р.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями. Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф. Т. II-й. Выпускъ I. Кіевъ. 1875. Ц. 80 к., вѣс. 1 ф.

Игорь, князь сѣверскій. (Слово о полку Игоря). Поэма въ 12-ти пѣсняхъ. Перевелъ съ древне-русскаго Николай Гербель. Изданіе пятое. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., въ роскошномъ переплетѣ 3 р., вѣс. 3 ф.

Иностранные поэты въ переводѣ Д. Л. Михаловскаго. Въ пользу литературнаго фонда. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 2 ф.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Соч. гр. А. К. Толстаго. Второе изданіе. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

☛ **Кобзарь Тараса Шевченко.** Въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Изданіе третье, вновь исправленное и дополненное. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.; въ переплетѣ 1 р. 80 к.; съ перес. 2 р.

Лекціи по исторіи римской литературы. В. И. Модестова, ординарнаго профессора по исторіи римской словесности. Курсъ первый. Отъ начала римской литературы до эпохи Августа. Изданіе второе, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Малорусскія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Маленькія женщины или дѣтство четырехъ сестеръ. Луизы Ольпотъ. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1875 г. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Медицина и медики. Э. Литтре. Переводъ съ французскаго подъ редакціею М. Цебриковой. Ц. 2 р., перес. за 2 ф.

Монастырь. Романъ Вальтеръ-Скотта. Съ двумя картинами, гравированными на стали, и 45 политипажами въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.

Новая жизнь. Романъ въ трехъ частяхъ. Бертольда Ауэрбаха. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 20 к., съ перес. 2 р. 50 к.

Новые разсказы Жюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесять дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвиля. Текстъ: П. Сталя, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дроза, Жюля Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р, перес за 3 ф.

Озими. Новый сборникъ стиховъ Я. П. Полонскаго. Часть I и II. Спб. 1876 г. Ц. 3 руб., пересылочныхъ за 3 фунта.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Отголоски на литературныя и общественныя явленія. Критическіе очерки А. Милюкова. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Очерки, разсказы и сцены. И. И. Богданова. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Петербургскіе игроки. Романъ А. Чужбинскаго. 4 ч. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Повісті Івана Левіцькаго. Ц. 1 руб. 50 к., вѣс. 2 ф.

Повісті Осипа Федьковича. З переднім словом про галицько-руське письменство Мих. Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Подъ Самаркандомъ. Изъ войны на далекомъ востокѣ. Разсказъ новичка Д. Иванова. Спб. 1877 г. Ц. 40 к.

Полное собраніе сочиненій Шиллера въ переводахъ русскихъ писателей, пятое изданіе подъ редакціей Н. В. Гербеля. Спб. 1875. Ц. за 2 тома 7 р.; съ 20 гравюрами 9 р.; въ перепл. 10 р. 50 к.; вѣс. 5 ф. Вышелъ томъ I.

Поэзія славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей, изданный подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля. Ц. въ бум. 3 р. 50 к., въ перепл. 4 р. 20 к., вѣс. 4 ф.

Путешествіе къ центру земли. Жюля Верна, съ 60 рисунками художника Ріу. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.

Пѣсни Беранже. Переводы Василія Курочкина. Изданіе шестое, исправленное и значительно дополненное, съ приложеніями, біографіей и портретомъ Беранже. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р., перес. за 2 ф.

Романы Вальтеръ Скотта, съ картинами, гравированными на стали, и политипажами въ текстѣ. 9 томовъ. Ц. 31 р. 50 к. съ пересылкою, отдѣльно каждый томъ 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Сборникъ газеты „Сибирь", томъ 1-й. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Сербські народні думи и пісні. Пер. М. Старицький. **Чиста выручка на користь братів-славьян.** Київ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Славяне. Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. Спб. 1876. Выпускъ 1-й. Ц. 15 к. Выпускъ 2-й, съ портретомъ М. Г. Черняева. Ц. 20 к.

Славянскія земли на Балканскомъ полуостровѣ. Спб. 1876. Ц. 10 к., съ перес. 15 к.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильтебрандта. Спб. 1876. Ц. 3 р.

☛ **Собраніе сочиненій Евгенія Маркова** съ портретомъ автора (публицистика и критика). 2 т. Спб. 1877 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Солдатское житье. Очерки изъ туркестанской жизни. Д. Иванова. Спб. 1875 г. Ц. 2 р.

Сочиненія Аполлона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныя подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. I, II и III. Ц. за каждый томъ въ бум. 2 р., въ переплетѣ 2 р. 60 к., вѣс. 4 ф.

Сочиненія лорда Байрона въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изданныхъ подъ редакціею Н. В. Гербеля. Т. 4-й. Спб. 1877. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 60 к.

Сочиненія Алексѣя Потѣхина. 7 томовъ. Ц. 12 р., вѣс. 12 ф.

Сочиненія Е. П. Гребенки. Въ пяти томахъ, съ портретомъ автора. Ц. 6 р. съ пересылкою.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

☛ **Сочиненія Г. П. Данилевскаго.** 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Тайныя общества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ странъ. Чарльза Уильяма Гекерторна, въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1876 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Турки и ихъ женщины. Султанъ и его гаремъ. Соч. маіора Османъ-Бея. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Фаня. Очерки прошлаго. Сочиненіе А. Чужбинскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Францъ фонъ-Зикингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Криль. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

☛ **Человѣческая трагикомедія.** Очерки и картины. Іоганна Шерра. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ — ЭТНОГРАФІЯ.

Венгрія и ея жители. Соч. А. Петерсона. Ц. 3 р. съ перес.

Годъ Вѣстника Европы. Историко-политическое обозрѣніе за 1873—74 гг. Т. I. Спб. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.—За 1872—73 г., т. II, ц. 2 р. вѣс. 3 ф.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовичъ-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782—1793 гг. По подлинной его рукописи, съ біографическою статьею и объяснительнымъ указателемъ Николая Барсукова. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова, 1738—1795 гг. 3 т. Ц. за каждый томъ 3 р. съ пересылкою.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ѳ. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Іезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Записки Л. Н. Энгельгардта. 1766—183 гг. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ. Біографическій очеркъ. Ц. 2 р. съ перес.

Изученіе византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Сочиненіе Ф. Терновскаго. Выпускъ II. Кіевъ. 1876. Ц. 1 р. 50 к, вѣс. за 1 ф.

Исторія Бохары или Трансоксаніи съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго. Соч. Г. Вамбери. 2 т. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Исторія Греціи и Рима. Сочиненіе Андрея Ткачева. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Испанія девятнадцатаго вѣка. Сочиненіе А. Трачевскаго. Часть I. Ц. 2 руб. 50 к., перес. за 3 ф.

Историческія сравнительно-конспективныя таблицы. По новой и новѣйшей исторіи (отъ Вестфальскаго мира до Парижскаго мира 1856 г.). Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ пересылкою 1 р. 20 к.

Историческая христоматія. По новой и новѣйшей исторіи. Пособіе для учащихся и преподавателей. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Томъ I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкою 3 рубля.

Исторія Греціи и Рима. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ примѣрной программѣ для VIII класса гимназій. Составилъ Я. Г. Гуревичъ. Руководство это удостоено малой Петровской премій ученымъ комитет. минис. народ. просвѣщенія. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Очерки и разсказы изъ старинаго быта Польши. Сочиненіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 2 р. 75 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, изданныя І. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

☞ **Римскій католицизмъ въ Россіи.** Историческое изслѣдованіе графа Дмитрія А. Толстого, въ 2-хъ т. Спб. 1877 г. Цѣна за оба тома 6 р., съ перес. 7 р.

Римскія женщины. Историческіе разсказы по Тациту. П. Кудрявцева. Изданіе третье, съ рисунками. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленормана. Переводъ подъ редакцій М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Русская Исторія. К. Бестужева-Рюмина. Т. I. Съ билетомъ на полученіе т. 2 и 3. Цѣна 5 р., вѣс. 5 ф.

☞ **Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XVIII.** Содержаніе его составляютъ донесенія австрійскаго посла при санктпетербургскомъ дворѣ, графа Мерси д'Аржанто, заимствованныя изъ вѣнскаго государственнаго архива. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. 16 томовъ. Ц. 46 руб.; вѣс. 50 ф. Отдѣльно каждый томъ 3 руб.; вѣс. 3 ф., за исключеніемъ т. 1 и 2-го, которые стоятъ по 2 рубля.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Путешествіе по Туркестанскому краю и изслѣдованіе горной страны Тянь-Шан. Н. Сѣверцовъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Вып. 13-й. 1876. Зоогеографическія изслѣдованія. Пчелы. Тетрадь вторая, съ 8 таблицами. Ц. простому экземпляру 1 р. 70 к., веленевому 2 р. 50 к., перес. за 3 ф.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к, перес. за 2 ф.

Замѣчательныя богатства частныхъ лицъ въ Россіи. Экономическо-историческое изслѣдованіе Е. П. Карновича. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Капитализмъ и соціализмъ преимущественно въ примѣненіи къ различнымъ видамъ имущества и коммерческихъ сдѣлокъ. Д-ра Шефле. Ц. 2 р. 50 к. съ перес.

Начальный учебникъ политической экономіи. Составилъ Ѳ. Вреденъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. 1 ф.

Опытъ изслѣдованія объ имуществахъ и доходахъ нашихъ монастырей. Ростиславова. Спб. 1876. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

Основанія политической экономіи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Сборникъ свѣдѣній о процентныхъ бумагахъ (фондахъ, акціяхъ и облигаціяхъ) Россіи. Руководство для помѣщенія капиталовъ. И. К. Гейлеръ. Ц. 5 р. съ перес.

Способы добычи и статистика золота и серебра. Соч. Артура Филипса, съ приложеніемъ атласа картъ, рисунковъ и чертежей. Ц. 7 р. съ пересылкою.

Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Пособіе для курса, читаемаго въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія профессоромъ Ю. Э. Янсономъ. Спб. 1877. Ц. 2 р. 50 к.

Строй экономическихъ предпріятій. Изслѣдованія морфологіи хозяйственныхъ оборотовъ по поводу проекта новаго положенія объ акціонерныхъ обществахъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Страховыя артели и долевая рабочая плата. Примѣрный уставъ для страховыхъ артелей при желѣзнодорожныхъ предпріятіяхъ. Э. Вредена. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

Счетоводство розничной и мелочной торговли и ремесленныхъ заведеній. Сост. Рейнботъ. Ц. 90 к., съ перес. 1 р.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Учебныя записки по статистикѣ. Курсъ старшаго класса военныхъ училищъ. Составилъ Э. Вреденъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Азбука. Графа Л. Н. Толстого въ 12 книгахъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

☛ **Бабушкины сказки Жоржъ-Санда.** Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

Знаніе. Сборникъ для юношества. Ц. 1 р. съ пересылкою.

☛ **Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности.** Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

☛ **Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни.** Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляръ.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

☛ **На память о Жоржъ-Сандѣ.** Съ портретомъ автора и предисловіемъ А. Михайлова. Иллюстраціи художника Н. А. Богданова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р.; въ переплетѣ 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 50 к.

Наши мохнатые и пернатые друзья. Сочин. Миссъ Гуннфринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Народное образованіе. Народныя школы: ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Соч. Э. Лавлея. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Народы-старцы: Китай, Японія, Индія. Историческія бесѣды. В. Андреева. Ц. 75 к., вѣс. 1 ф.

Начальная алгебра, составленная Д. Ростиславовымъ. Ц. 2 р., перес. за 3 ф.

Объ университетскомъ воспитаніи. Рѣчь профессора Гексли при открытіи университета Джонса Гопкинса въ Балтиморѣ, въ пользу черногорцевъ. Спб. 1876. Ц. 25 к., съ перес. 40 к.

☛ **Очерки и разсказы.** Книга для юношества. Е. Сысоевой, съ гравюрами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Послѣднія сказки Андерсена, съ приложеніемъ сдѣланныхъ имъ самимъ объясненій о происхожденіи ихъ и описанія послѣднихъ дней жизни автора, съ гравюрами. Переводъ Е. Сысоевой. Спб. 1877. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе сказокъ Андерсена съ 117 гравированными политипажами. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школѣ и дома методически составлены Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политипажами. Изд. М. Малышевой и

А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реальнаго училища С. Весинъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Разсказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузе. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 35-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ журнала „Дѣтскій Садъ", т. II, для дѣтей младшаго возраста. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ педагогическаго журнала „Дѣтскій садъ", для старшаго возраста. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

Нѣкоторыя общія замѣчанія о языковѣдѣніи и языкѣ. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртенэ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго **Домостроя.** Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе второе А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА — ХИМІЯ.

Дополнительный курсъ элементарной геометріи съ XIII таблицами чертежей, составилъ М. Федорченко. Ц. 1 р. 50 к., пер. 1 ф.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Очеркъ теоріи соединеній (въ объемѣ программы реальныхъ училищъ). Составилъ Р. Н. Гришинъ. Спб. 1875. Ц. 30 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Анненкова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 3 выпуска А—Р.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Воисовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб. 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

Дива природы въ нѣдрахъ земли. Составлено М. Ханомъ, съ 39 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Жизнь многокопытныхъ и морскихъ млекопитающихъ животныхъ. Соч. А. Брема, съ рисунками. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ 1 выпускъ. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеровъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническія лекціи Труссо. 2 ч. Ц. 12 р. вѣс. 10 ф.

Книга природы или общепонятное изложеніе химіи, физики, астрономіи, минералогіи, геологіи, ботаники, физіологіи и зоологіи, для всѣхъ любителей естественныхъ наукъ. Сочиненіе Фридриха Шёдлера. 4 части. Ц. 6 р., съ перес. 7 р.

Compendium **дѣтскихъ болѣзней,** для студентовъ и врачей, D-r Johann Steiner, Переводъ подъ редакціею д-ра Липскаго. Кіевъ. 1875 г. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Лекціи о скотоводствѣ и познаніи породъ. Германа Патузіуса. Ц. 1 р., пересылочныхъ за 2 фунта.

Матеріалы для разъясненія значенія глютина, какъ пищевого вещества. Химико-физіологическое изслѣдованіе лекаря П. Татаринова. М. 1876 г. Ц. 65 к., съ перес. 80 к.

Машины и станки для обработки металловъ и дерева. Составилъ Н. Мурашко. Спб. 1876 г. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Механика животнаго организма. Передвиженіе по землѣ и по воздуху. Э. Марей. Съ 117 политипажами, перев. съ франц. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Науковъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Общепонятная или популярная медицина, составленная докторомъ М. Ханомъ. 2 части. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. 4 р.

Новая химія. Джосія Кука, профессора химіи и минералогіи въ гарвардскомъ университетѣ. Съ 31 рисункомъ. Переводъ подъ редакціей Бутлерова. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Огородничество. Руководство къ разведенію овощей въ огородѣ и полѣ. Соч. Эд. Люкаса. Ц. 2 р., вѣс. 3 ф.

О сохраненіи здоровья и развитіи умственныхъ силъ ребёнка въ школѣ. Бокка. Ц. 30 к., вѣс. 1 ф.

Основы патологіи обмѣна веществъ. Ф. В. Бенеке. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь Татариновъ. Съ 1 хромолитографированною таблицею. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

☛ **Основанія физіологіи ума съ ихъ примѣненіями** къ воспитанію и образованію ума и изученію его болѣзненныхъ состояній. Уильяма Карпентера. Спб. 1877 г. Ц. за 2 т. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.; вышелъ изъ печати томъ I.

Паразиты женскихъ половыхъ органовъ. Клиническія наблюденія проф. Н. Лазаревича, съ 4-мя таблицами рисунковъ. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Предохраненіе отъ венерическихъ болѣзней съ санитарно-полицейской, педагогической и врачебной точки зрѣнія. Сост. I. К. Прокшъ. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ клиническимъ методамъ. Изслѣдованія грудныхъ и брюшныхъ органовъ, съ приложеніемъ ляринговскопіи, П. Гутмана. Изд. 2-е. М. 1876. Ц. 2 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экснера, съ 3-мя политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство частной фармакологіи. Професс. А. Соколовскаго Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи съ обращеніемъ особеннаго вниманія на физіологію и патологическую анатомію. Ф. Нимейера (обработанное Е. Зейтцомъ). Выпускъ 3-й. Болѣзни моче-половыхъ органовъ и головного мозга. К. 1876. Ц. 2 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное проф. Ziemssen'омъ. 9-ть выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о здоровьи, популярное изложеніе гигіеническихъ и медицинскихъ наставленій. Д-ра О. Штаубе, съ прибавленіемъ статьи „Главныя основы гигіены". Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Физіологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

☛ **Журналъ Гражд. и Торг. Права за 1871 г.** 3 р. 50 к. вмѣсто 5 р. 50 к., а за 1872 г. 6 р. 80 к. вмѣсто 8 р. 20 к.; **Журн. Гражд.**

и Уголовн. Права за 1873, 1874, 1875 гг. по 7 р. вмѣсто 9 р., и за всѣ 5 лѣтъ—25 р. вмѣсто 38 р. 70 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ и обязательствахъ. Общедоступно изложенные и объясненные, съ указаніемъ ошибокъ, допускаемыхъ въ совершеніи толкованія и исполненія договоровъ и приложеніемъ образцовъ всякаго рода договоровъ Сост. мировой судья В. И. Фармаковскій Изданіе третье. Вятка. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р., 50 к.

Изученіе соціологіи. Г. Спенсера. Перев. съ англ. Т. I и II. Спб. 1874—75. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Исторія римскаго права Г. Ф. Пухты, съ пятаго нѣмецкаго изданія, д-ра Рудорффа. Перев. В. Лицкой. Ц. 3 руб., перес. за 3 ф.

Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философіей. Поля-Жанэ. Книга I. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.

☛ **Кассаціонныя рѣшенія правительствующаго сената за** 1866 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.; за 1867 г. Ц. 5 р. 25 к., съ перес. 6 р.; за 1868 г. Ц. 7 р. 50 к., съ перес. 9 р.; за 1869 г. Ц. 9 р., съ перес. 10 р. 50 к.; 1872 г. Ц. 8 р., съ перес. 10 р.; за 1873 г. Ц. 10 р., съ перес. 12 р.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія соціологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Очерки нашихъ порядковъ административныхъ и общественныхъ. Е. П. Карновича. Ц. 3 р., вѣс. 3 ф.

Сборникъ государственныхъ знаній. В. П. Безобразова. Т. I. Ц. 3 р., вѣс. 4 ф. Т. II. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Книримъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Книримъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Вицъ-мундиръ. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. И. Каратыгина. Спб. 1877. 3-е изданіе. Ц. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вилльяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія оперы въ лучшихъ ея представителяхъ. Композиторы. Пѣвцы. Пѣвицы. М. К. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Украинскій орнаментъ. Хромолитографированный, этнографическій сборникъ узоровъ, различныхъ вышивокъ и тканыхъ вещей, съ прибавленіемъ рисунковъ писанокъ. Составила О. Косачева. Кіевъ. 1876. Ц. 8 р., съ перес. 9 руб.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлыстовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Ницца, ея климатъ, мѣстоположеніе, жизнь. В. Тунѣева. Guide Russe à Nice. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 к. въ переплетѣ, перес. за 1 ф.

Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, механикѣ и физикѣ. Состав. В. С. Глуховъ, П. И. Собко и Ѳ. И. Сулима. Изд. 2-е. Ц. 4 р., пер. за 2 ф.

Семейный иллюстрированный календарь на 1877 г. Третій годъ. Изданіе А. Баумана. Ц. 80 к., съ перес. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 20 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Стѣнной календарь съ отрывными листами на 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ

1 р. 25 к., вмѣсто 3-хъ р.

ПОЖАРНАЯ КНИГА

Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня

и

РУКОВОДСТВО

КЪ ТУШЕНІЮ ВСЯКАГО РОДА ПОЖАРОВЪ.

Составилъ А. Н—въ.

Въ текстѣ политипажные рисунки. Спб. 1875. Стр. 405.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня—для руководства полиціи, волостныхъ и сельскихъ начальниковъ, домовладѣльцевъ, городскихъ и сельскихъ обывателей.—II. Руководство къ тушенію пожаровъ: анализъ воздуха и дѣйствіе воды; огнегасительные снаряды; пожарныя принадлежности; формированіе городскихъ и сельскихъ пожарныхъ обществъ; печныя трубы, иллюминаціи, очистка и выжиганіе трубъ; воспламененіе керосина, одежды, газа; спасеніе людей и животныхъ; предосторожности отъ огня; пожары церкви, больницы, театра, фабрики, мельницы, на желѣзной дорогѣ и т. д.; пожаръ лѣсной, въ копяхъ, на судахъ и т. д.—III. Врачебная помощь во время несчастныхъ случаевъ на пожарахъ.—IV. Проектъ устава общества вольной пожарной дружины.—V. Правила о торговлѣ охотничьимъ порохомъ, храненіи его и перевозкѣ.

Складъ изданія: въ С.-Петербургѣ, на Васильев... омъ Острову, 2-я линія, 7, въ Книжномъ магазин типографіи М. Стасюлевича.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XVIII. Спб. 1876. Стр. 518. Ц. 3 р.

„Русское Историческое Общество", какъ извѣстно, задалось весьма счастливою мыслью, которую оно одно могло осуществить, а именно, при помощи нашихъ дипломатическихъ агентовъ, извлечь изъ иностранныхъ архивовъ все, что относится къ царствованію Екатерины II. Настоящій выпускъ посвященъ первымъ донесеніямъ (1761 и 1762 гг.) австрійскаго дипломата Мерси, пріѣхавшаго въ Россію въ послѣдній годъ царствованія Елисаветы и остававшагося при нашемъ дворѣ до 1766 года. Въ слѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся встрѣтить документы самой Екатерининской эпохи; но справедливому замѣчанію редактировавшаго начало донесеній Мерси, „трудно представить себѣ болѣе полную картину русскаго двора и общества 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, чѣмъ та, съ которою мы знакомимся въ донесеніяхъ австрійскаго дипломата"—и серьёзная заслуга Общества предъ отечественною исторіею въ настоящемъ случаѣ внѣ всякаго сомнѣнія.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. *Алексѣя Потѣхина.* Спб. 1877. Стр. 239. Ц. 1 р. 25 к.

Въ прошедшемъ году наши читатели познакомились у насъ съ этимъ новымъ произведеніемъ автора, давно уже извѣстнаго публикѣ по его литературнымъ этюдамъ народной жизни. На этотъ разъ г. Потѣхинъ обратилъ вниманіе на ту среду, которая утратила первобытность чисто-сельской жизни, и у города успѣла пока заимствовать одни его пороки. Какъ художникъ, авторъ не можетъ наблюдать единичные факты съ цѣлью обобщенія ихъ; его задача—изобразить въ цѣлой картинѣ то, что въ дѣйствительной жизни является разсѣяннымъ и раздробленнымъ какъ въ пространствѣ, такъ и во времени. Ни оправданіе, ни обвиненіе не составляютъ задачи для художества: его задача—правда, и намъ кажется, въ новомъ своемъ романѣ авторъ доказалъ возможность нравственнаго разложенія, благодаря той же пляскѣ „около денегъ", даже и на тѣхъ ступеняхъ цивилизаціи, на которыхъ находятся его герои.

Сочиненія лорда Байрона, въ переводахъ русскихъ поэтовъ, изд. п. р. *Н. В. Гербеля.* Т. IV. Спб. 1877. Стр. 334. Ц. 2 р.

Четвертымъ томомъ заканчивается изданіе, можно сказать, полнаго перевода всѣхъ сочиненій Байрона, такъ какъ исключены одни его юношескія произведенія и имѣвшія одинъ временный интересъ. Всѣ переводы настоящаго выпуска, за исключеніемъ двухъ-трехъ, являются въ первый разъ: двѣ поэмы, четыре драмы и одна сатира. Вообще, въ нашихъ предпріятіяхъ насчитывается болѣе началъ, чѣмъ концовъ, и потому нельзя не порадоваться въ настоящемъ случаѣ, что въ дѣлѣ такого интереса и такой важности, какъ полное изданіе Байрона, мы дожили и до его конца.

Русскіе современные дѣятели. Сборникъ портретовъ замѣчательныхъ лицъ настоящаго времени, съ біографическими очерками. Сост. *Д. Н. Лобановымъ.* Т. I. Спб. 1876. Стр. 118. Ц. 5 руб. съ перес

Намъ остается сообщить имена лицъ, вошедшихъ въ первый выпускъ: арх. Макарій, князь А. М. Горчаковъ, ген. К. П. Кауфманъ, ген.-ад. А. А. Поповъ, проф. С. М. Соловьевъ, пр. И. М. Сѣченовъ, Ив. С. Тургеневъ, А. Н. Майковъ, И. К. Айвазовскій, А. Г. Рубинштейнъ, А. Н. Островскій и В. В. Самойловъ. Въ этомъ изданіи на первомъ мѣстѣ портреты, и надобно отдать справедливость издателю—они выполнены превосходно. Какъ ни краток текстъ, но во всякомъ случаѣ онъ не излишенъ, и даже было бы еще лучше, если бы этотъ текстъ ограничился одними строго фактическими данными, а то, напримѣръ, въ біографіи Островскаго, изъ 7, 8 страницъ, цѣлая страница занята юбилейнымъ стихотвореніемъ г. Зотова: вмѣсто этого, было бы лучше хоть привести хронологическій списокъ сочиненій нашего драматурга.

Сравнительная статистика России и западноевропейскихъ государствъ. Пр. *Ю. Э. Янсона.* Спб. 1877. Стр. 254. Ц. 2 р. 50 к.

При всемъ своемъ спеціальномъ назначеніи—служить пособіемъ для преподаванія, этотъ трудъ можно рекомендовать, какъ настольную книгу, для каждаго, желающаго имѣть подъ рукою возможность точной справки. Къ сожалѣнію, книга, повидимому, разсчитана издателемъ на небольшой кругъ слушателей профессора, и только этимъ можно объяснить крайнюю ея дороговизну при небольшомъ относительно объемѣ, а между тѣмъ желательно было бы сдѣлать полезное доступнымъ.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 1847—1877. Четыре тома. Спб. 1877. Стр. 408, 399, 402 и 438. Ц. 6 р.

Въ настоящее собраніе вошли четыре большихъ романа и нѣсколько разсказовъ. Одинъ изъ послѣднихъ по времени романовъ, „Девятый Валъ", былъ напечатанъ не такъ еще давно въ нашемъ журналѣ, а сюжетъ его заимствованъ изъ жизни нашихъ женскихъ монастырей, которая вскорѣ послѣ появленія этого романа заинтересовала общественное вниманіе по поводу одного извѣстнаго процесса, подтвердившаго многое изъ того, что въ романѣ могло показаться преувеличеннымъ. Изъ прежнихъ произведеній автора, романъ „Бѣглые въ Новороссіи" можетъ быть прочтенъ и теперь съ неменьшимъ интересомъ, какой онъ возбудилъ при первомъ своемъ появленіи въ свѣтъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ-Мосту: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова.

На 1877-ой годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе: 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты
24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примѣчаніе.—Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☞ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☜

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.